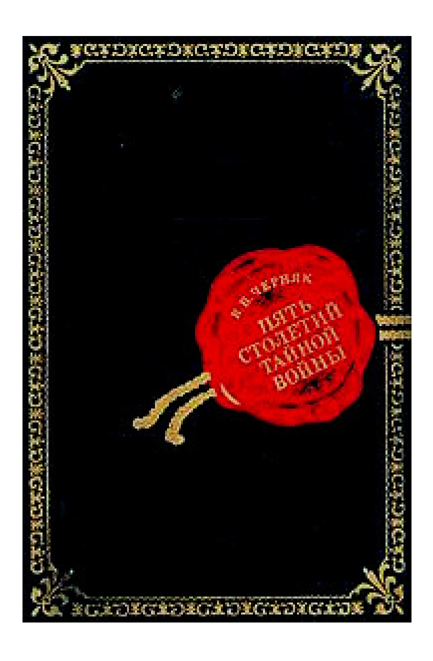
Ефим Черняк
Пять столетий тайной войны



Черняк М. Пять столетий тайной войны. – М.: Международные отношения, 1991

Аннотация

В этой книге на основе широкого круга первоисточников и литературы повествуется о той роли, которую сыграла секретная служба в наиболее крупных политических событиях новой истории. Содержание книги опровергает модные теории, приписывающие разведке способность определять пути исторического развития, и вместе с тем призывает к бдительности, показывает, насколько опасным оружием является тайная война в столкновении между силами реакции и прогресса. Сохраняя научный подход к трактуемым сюжетам, автор стремился придать книге возможно более популярный характер.

Ефим Черняк
ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

Предисловие

История тайной войны лишь недавно стала привлекать внимание серьезных исследователей, она еще полна загадок и белых пятен. Попытки же некоторых западных авторов выискивать различия между «благородной разведкой» и «низменным шпионажем» не вносят ясности в суть дела. Куда большее значение имеет разграничение, хотя и весьма условное, между разведкой — получением секретной политической, военной и другой информации (а также контрразведкой — борьбой с неприятельскими агентами) — и тайной войной, под которой подразумевают различные виды подрывных действий, вплоть до провоцирования мятежей и организации государственных переворотов. Большую роль здесь обычно играла секретная дипломатия, которую следует отличать от официальной дипломатии, хотя и она была в определением смысле секретной: феодально-абсолютистские и буржуазные правительства, как правило, не предавали гласности содержание своих переговоров с иностранными державами. Вместе с тем официальная дипломатия также участвовала в тайной войне наряду с учреждениями (по-разному называвшимися), само существование или реальное назначение которых всегда официально отрицалось создавшими их властями.

Наша книга менее всего претендует на то, чтобы стать систематической «всеобщей»

историей разведки и секретной дипломатии, историей тайной войны. Для создания подобного труда потребуются совместные усилия ученых многих стран (причем не только историков), получение доступа к закрытым архивам. Автор не ставил также задачу изложить историю какого-либо разведывательного учреждения или ведомства — не стоит повторять ошибку, нередко делающуюся в научной литературе и сводящуюся к тому, что отсутствие особой организации, занимающейся — каким бы ни было ее название — исключительно шпионажем и контршпионажем, выдавалось за неимение у данной страны разведки вообще. Между тем нет ничего ошибочнее подобного вывода. Правительства далеко не сразу пришли к мысли о целесообразности наделения разведывательными функциями организации, созданной именно для этой цели. Как правило, вначале этим поручалось заниматься различным ведомствам, причем иногда нескольким сразу. Разведывательные обязанности этих учреждений часто переплетались. Вдобавок то или иное ведомство могло заниматься отнюдь не тем видом шпионажа, который соответствовал бы основным обязанностям этого учреждения. Ведомство иностранных дел наряду с дипломатическим шпионажем могло выполнять роль военной и военно-морской разведки или контрразведки, оно нередко сознательно объединяло функции разведки, контрразведки и секретной политической полиции. Вначале это делалось из-за неразграничения этих функций, потом — чтобы отрицать самый факт существования в одних случаях секретной полиции, а в других — разведывательных организаций. Книга не содержит и специального анализа приемов, которые применялись секретными службами в различные исторические эпохи.

Цель этой книги иная — рассказать о той роли, которую сыграла борьба разведок в крупных политических событиях прошлого, о наиболее драматических эпизодах тайной войны. Нередко это эпизоды с такой сложной и захватывающей фабулой, что они могут быть смело поставлены в ряд с интригой лучших приключенческих романов.

Материал для книги извлечен из многочисленных источников и специальных исследований, столь же разнообразных, как и ее сюжеты.

Мемуары разведчиков часто содержат элемент вымысла, будь то в интересах службы или для возвеличивания собственной роли и заслуг. Легко понять, что такой характер источников открывает двери для совершенно произвольных теорий, бьющих на сенсацию гипотез. Автор стремился учитывать это и при анализе отделять историческую правду от прикрас и преувеличений.

Разумеется, не все факты, о которых будет идти речь, можно отнести к важным историческим событиям. Однако через пестрый калейдоскоп таких фактов часто проглядывают сущность и неповторимое своеобразие эпохи.

Нам почти не приходилось касаться интереснейшего прошлого русской разведки. Это тема другой, к сожалению, никем еще пока по-настоящему не написанной работы, вернее, целой серии исследований.

Наши очерки посвящены истории тайной войны в течение пяти столетий, включая начало XX в.

Настоящее издание отличается от предыдущих. В книгу внесены многочисленные дополнения, в том числе и ряд новых разделов.

От сотворения мира

Кому не известна знаменитая легенда о троянском коне? О том, как Одиссей научил греков, 10 лет безуспешно осаждавших Трою, хитроумной уловке. Греки притворились, будто они сняли осаду, и сели на корабли. В покинутом неприятельском лагере троянцы нашли огромного деревянного коня. Взятый в плен греческий юноша Синоп, выполняя план Одиссея, сообщил троянцам, что конь волшебный. По предсказанию жрецов, пока он будет находиться в Трое, она останется неприступной. Обрадованные троянцы увезли коня в город. А ночью по сигналу, поданному Синопом, греческие корабли вернулись к стенам Трои. Воины, спрятанные в туловище деревянного коня, выбрались наружу и напали на спящих троянцев. Одновременно в город ворвалось вернувшееся на кораблях греческое войско. За ночь была достигнута цель, которую тщетно преследовали осаждавшие в течение долгих 10 лет…

Несомненно, что разведка возникла задолго до Одиссея. Следы ее использования уходят в глубь тысячелетий. Если верить той же Библии, Господь Бог приступил к организации разведки уже вскоре после того, как создал «небо и землю», а также, конечно, «человека по образу своему».

Непосредственное руководство разведкой было поручено пророкам, особенно — как рассказывается в библейской Книге Чисел (глава 13) — пророку Моисею.

«И сказал Господь Моисею, говоря: пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую Я даю сынам Израилевым; по одному человеку от колена отцов их пошлите, главных из них. И послал их Моисей из пустыни Фаран, по повелению Господню, и все они мужи главные у сынов Израилевых…

И послал их Моисей[1] высмотреть землю Ханаанскую и сказал им: пойдите в эту южную страну, и взойдите на гору, и осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен? и какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа? и каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях? и какова земля, тучна ли она или тоща? есть ли на ней дерева или нет?..»

Но не будем продолжать изложение «указаний господних» и распоряжений Моисея, а также описывать «обозрение земли», длившееся 40 дней. Мораль, к которой подводит Библия: доброкачественная разведка принесет богатые плоды. Да, допотопные нравы к этому времени уже ушли в прошлое.

В Книге Иисуса Навина повествуется о том, как он, осаждая Иерихон, заранее заслал в город двух соглядатаев. «И пошли они и пришли в дом блудницы, имя ей Раав, и остались ночевать там». В рассказе не указывается, совмещала ли Раав ранее свое занятие с ролью хозяйки конспиративной квартиры. Однако в любом случае лазутчики Иисуса Навина отдавали себе ясный отчет, насколько эта представительница древнейшей профессии может быть полезна для разведки — ведь гостеприимное обиталище Раав было как раз домом, куда посторонние могли заглянуть, не вызывая подозрения. Тем не менее контрразведка царя Иерихона вскоре доложила о посетивших Раав незнакомцах, которые «пришли сюда ночью, чтобы высмотреть землю». Царь послал своих слуг, потребовавших от Раав выдать чужестранцев. Однако Раав заявила, что они уже ушли через городские ворота, а сама скрыла их в тростниках льна, разложенного на кровле, потом спустила на веревке через окно, потому что дом ее был в городской стене. Уходя, разведчики посоветовали Раав, чтобы она привязала к окну веревку из червленых нитей, по которой спустила их на землю. При захвате города это будет знаком для нападающих не трогать ни дом, ни его обитателей. Согласно Библии, Раав, объясняя разведчикам, почему она решила помочь им, сослалась на безнадежность попыток сопротивления, поскольку Господь «отдал эту землю вам» (о других мотивах наш источник умалчивает). Иисус Навин не остался неблагодарным, когда повелел: «…город будет под заклятием, и все, что в нем — Господу[2]; только Раав блудница пусть останется в живых, она и всякий, кто у нее в доме; потому что она укрыла посланных, которых мы посылали...»[3].

Библия бесстрастно повествует и о конце этой истории: «И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов,[4] истребили мечом… А город и все, что в нем, сожгли огнем; только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали,[5] в сокровищницу дома Господня. Раав же блудницу и дом отца ее и всех, которые у нее

---

[1] Из пустыни Фаран.

[2] сил

[3] Глава 6.

[4] все

[5] чтобы внести Господу

были, Иисус оставил в живых…» (глава 6).

Так был установлен принцип награждения тайного агента. Надо лишь добавить, что некоторые церковные авторы считают Раав в числе предков царя Давида и, главное, конечно, Иисуса Христа. Церковь причислила ее к героям веры.

А кому не известна филистимлянка Далила, история которой рассказана в библейской Книге Судей? Сделавшись любовницей богатыря Самсона, Далила разведала, в чем состоит секрет его необыкновенной силы. Оказалось, что достаточно срезать ему волосы — и Самсон лишится своей богатырской мощи. Далила не только сообщила полученную «шпионскую информацию» филистимлянам, но и помогла совершить «диверсию» — остричь семь кос с головы Самсона. Ослабленный богатырь был легко побежден: ему выкололи глаза, заковали в цепи и заставили выполнять унизительные обязанности раба. Каждый филистимлян-ский старейшина пообещал этому раннему образчику «роковой красавицы» в случае успеха наградить ее 1100 сиклями серебра. Однако Далила слишком рано перестала шпионить за Самсоном. Волосы у него опять отросли, и он сумел жестоко отомстить своим врагам.

О действиях разведки можно узнать наряду с библейскими повествованиями также из древних надписей на камне и папирусов, излагающих историю царствования египетских фараонов.

В 1312 г. до н.э. молодой египетский фараон Рамзес II дал битву хеттам вблизи города Кадеша, в Северной Сирии. Два мнимых дезертира из хеттского войска сообщили фараону ложные сведения о неприятеле. Рамзес атаковал неприятеля и попал в окружение. С большим трудом египтянам удалось пробиться через ряды хеттов и спастись от гибели.[6]

Несколько другое применение волосам нашел правитель Сиракуз. Желая побудить ионийцев к восстанию против персидского царя, он послал к ним своего вестника. Гонцу обрили голову, написали на ней текст обращения к ионийским грекам и дали волосам снова отрасти. Способ доставки «секретной переписки» оказался очень удачным.

Античные авторы поведали и о различных уловках, к которым прибегали для борьбы с вражескими лазутчиками. В IV в. до н.э. один афинский полководец, узнав, что в его войске скрываются неприятельские шпионы, выстроил воинов и каждому приказал подробно опросить своего соседа и доложить командиру о чужаках, пробравшихся в ряды армии.

Шпионы были выловлены.

Разведка наложила свой отпечаток на ход греко-персидских войн

(V в. до н.э.). Предатель Эфиальт провел персидское войско по тайной тропе в обход ущелья Фермопил, которое защищали 300 спартанских воинов во главе с царем Леонидом. Спартанский отряд до единого человека погиб в неравном бою.

Отсутствие или недостатки разведки едва не погубили победоносное войско Александра Македонского. Во время похода в Индию македонцы не знали о применении индусами на поле сражения боевых слонов. В результате только счастливое стечение обстоятельств спасло македонскую армию от поражения в битве при Гидаспе.

Стоит вспомнить, что в то же время Александр Македонский первым использовал почтовую цензуру в качестве средства разведки. В 334 г. до н. э., когда македонская армия совершала свой знаменитый поход против персидского царя Дария, среди воинов стали проявляться признаки недовольства. Александр решил установить причины и выявить главных организаторов назревавшей смуты. С этой целью он отменил введенный в начале похода запрет для воинов переписываться с родными. Через несколько дней курьеры повезли большое количество писем, отправленных воинами своим семьям. Александр приказал задержать курьеров по дороге и внимательно изучить письма. Они раскрыли и причины недовольства, и имена тех, кто наиболее активно выступал против распоряжений македонского царя.

Развитие разведки зависело во многом от уяснения правителями и полководцами, какая именно информация о неприятеле нужна для одержания победы. Возникла мысль о том, что совершенно недостаточно иметь данные о численности, вооружении и расположении неприятельских сил, что требуется точное представление об экономических ресурсах страны, о

---

[6] «Разведчица» Далила остригла волосы — источник силы Самсона.

политической обстановке, системе комплектования, снабжения, об обучении и моральном духе войск, о взаимоотношениях центральных и местных властей, обладать достаточно детальными сведениями о будущем районе военных действий, о состоянии дорог и о множестве Других вещей, важных для выработки стратегии и тактики, успешного и быстрого передвижения армии, избрания места для решающих сражений. Такую систематическую разведывательную подготовку военных кампаний проводили лишь немногие из военачальников древности.

Среди них — Ганнибал.

Этот знаменитый карфагенский генерал, неоднократно громивший римские армии во время второй пунической войны (III в. до н.э.), обязан своими победами не только своему таланту полководца, но и хорошо поставленной разведке. Когда Ганнибал осаждал один город в Сицилии, он заслал в него шпиона, который ночью из своей хижины огнем и дымом подавал сигналы карфагенскому войску. Город был взят. Впереди карфагенской армии, вторгшейся в Италию, двигались десятки и сотни лазутчиков, посланных Ганнибалом для сбора сведений о римском войске и укрепленных городах. Античные историки Полибий и Ливии рассказывают, что карфагенский командующий не раз сам, надев парик и прицепив фальшивую бороду, проникал в римский стан. В то же время он умело маскировал свои действия. Однажды по приказу Ганнибала к рогам волов привязали горящие факелы — римляне приняли движение стада за перемещение карфагенских войск.

В конце второй пунической войны молодой римский полководец Сципион высадился со своей армией в Африке. Союзником Карфагена был князь Нумидии Сифакс. Для увеличения шансов на победу римлянам нужно было сначала уничтожить вспомогательное войско нумидийцев. Но Сципион не знал ни численности их, ни расположения. Он предложил тогда королю нумидийцев повести переговоры о мире, надеясь, что римские послы сумеют выведать силы нумидийцев. Чтобы усыпить подозрения Сифакса, Сципион отправил в качестве послов гражданских лиц. Их под видом рабов сопровождали опытные солдаты. Нумидийский вождь был действительно настолько недоверчив, что потребовал от римской делегации оставаться в отведенном для нее помещении и передвигаться по лагерю только в сопровождении приставленных к ней нумидийских воинов. Начальником над «рабами» был ближайший друг Сципиона Лелий. Он попросил послов как можно дольше тянуть время, чтобы он и «рабы» сумели произвести разведку.

Однако время проходило, а римляне оставались под строгой охраной и не могли узнать ничего существенного. Глава римского посольства сказал Лелию, что невозможно долее затягивать переговоры. Тот попросил повременить еще хотя бы сутки и стал совещаться с другими разведчиками, что же предпринять. В этот момент громко заржала и встала на дыбы одна из лошадей, принадлежавших послам, вероятно, от укуса насекомого. У Лелия мгновенно созрел план действий. Римляне втайне от стражи довели до бешеАства своих лошадей. Испуганные животные ринулись прочь от места, где находилось под охраной римское посольство. «Рабы» бросились ловить лошадей, и вскоре все детали укрепленного лагеря, построенного нумидийцами, стали известны римлянам. Переговоры не дали результатов: Сципион и не думал предоставлять Сифаксу роль посредника между Римом и Карфагеном, к чему, видимо, стремился нумидийский князь. Война закончилась полным разгромом Карфагена. В этом немалую роль сыграло и поражение Сифакса.

Античные полководцы нередко прибегали к приему, заключавшемуся в доведении до сведения противника ложных известий, чтобы побудить его действовать во вред собственным интересам. В III в. до н.э. в карфагенском войске, которым командовал Ганнон, взбунтовались 4 тыс. галльских наемников. Возмущенные задержкой жалованья, они грозили перейти на сторону Рима. Боясь наказать галлов, так как это могло толкнуть их на открытый мятеж и переход на сторону Рима, Ганнон подослал к римлянам лазутчика, который предупредил их о месте, где карфагеняне должны были производить фуражировку. Ганнон временно успокоил галлов различными обещаниями и послал их в место, указанное римлянам. Те уже ждали в засаде появления галлов и перебили своих возможных союзников.

В 30-е годы I в. до н.э. римский полководец Вентидий, узнав, что в его войске находится шпион парфян, распустил слух, будто опасается их наступления через равнинную местность, где легионам, мол, трудно выдержать натиск парфянской конницы. Этот путь был наиболее

длинный, а короткий пролегал по горной дороге. Парфяне двинулись длинным путем. Вентидий же с помощью хитрости выиграл время, чтобы стянуть подкрепления. В итоге он разбил неприятеля.

Одним из самых известных правителей древности, широко использовавшим секретную службу, был царь Понта Митридат VI, живший в I в. до н.э. Он вступил на престол еще ребенком, был свергнут в результате дворцовой интриги и долгое время скитался по разным странам Малой Азии. Говорят, что уже в 14 лет он знал 22 языка. Митридату удалось вернуть себе престол, после чего он казнил своих противников, в том числе свою мать и многих ближайших родственников. Умный и беспощадный деспот в борьбе против более сильного противника — Рима — умел прикидываться другом покоренных римскими легионами народов. Агенты Митридата неутомимо действовали во многих азиатских владениях Рима и в Греции, используя царившее там недовольство. Митридату было также отлично известно внутриполитическое положение Рима, раздираемого гражданской войной между партиями Мария и Суллы. Располагая обширной информацией, понтийский царь был в состоянии предвидеть развитие событий в Риме и использовать это в своих интересах.

В разных исторических ситуациях различные государственные деятели и полководцы отдавали предпочтение то военной, то политической разведке, то контрразведке (и часто с трудом отличимой от нее секретной политической полиции, поскольку борьба против вражеских лазутчиков тесно переплеталась с борьбой против внутренних противников). Член первого триумвирата в Древнем Риме Марк Лициний Красс наладил разведку, собиравшую информацию о действиях своих политических противников. Однако Красс пренебрегал военной разведкой, в результате чего армия под его командованием потерпела в 53 г. до н.э. сокрушительное поражение от парфян в битве при Каррах. Крупнейший полководец античности Юлий Цезарь использовал разведку во время покорения Галлии, не раз подсылая своих лазутчиков с ложными известиями к неприятелю. При нем разведывательная служба приобрела характер постоянной организации. В каждом легионе имелись опытные разведчики. Однако, став единоличным правителем Рима, Цезарь не создал организацию, которая доставляла бы ему сведения о действиях политической оппозиции, и был убит заговорщиками (44 г. до н.э.).

Римские императоры, особенно откровенные тираны вроде Тиберия или Домициана (I в. н.э.), имели целые армии тайных агентов, следивших за всеми подозрительными. В Риме их называли «деляторами» (информаторами).

Уже в древности были хорошо известны многие ставшие позднее обычными приемы разведывательной работы: применение шифра, использование почтовых голубей и других специально обученных птиц (в том числе и ласточек) для пересылки донесений.

Рассказывают средневековые хроники

В V в. западная часть Римской империи пала под ударами внутренних восстаний и натиска варварских племен. Восточная часть Римской империи (Византия) с центром в Константинополе уцелела и на многие столетия осталась одним из самых мощных и культурных государств средневековья.

Именно Византия с ее императорами, пышным придворным штатом и кровавыми дворцовыми переворотами оказалась особенно подходящей страной для дальнейшего совершенствования разведывательной службы.

В 516 г. в богатом Константинополе толпа зрителей восторженно приветствовала выступавшую на сцене молодую красивую актрису. Трудно сказать что-либо о качестве исполнения ею византийских танцев. Наши источники не позволяют судить об этом, они обращают внимание на другое. Актриса нарушила строгое постановление городских властей, запрещавших выступление без одежды. А тонкая золотая цепь вокруг талии вряд ли могла смягчить негодование церковных моралистов. Впрочем, прошло не так уж много времени, и моралисты, как это часто случается, предпочли прикусить языки. Иначе им бы их просто отрубили, всего вероятнее, вместе с головой.

Актриса стала женой одного богатого византийского вельможи, но была скоро брошена

мужем, не желавшим терпеть ее неверность и покрывать расходы, причиняемые ее безудержным мотовством. Феодора (так звали артистку) потом вела нищенскую жизнь в Александрии.

Однажды, рассказывают византийские писатели, Феодора увидела вещий сон, предрекавший, что она станет женой могущественного монарха. Феодора вернулась в Константинополь и стала изображать раскаявшуюся грешницу. Мнимая скромница с утра до ночи пряла в небольшом домике, где она поселилась. Опытной кокетке удалось привлечь внимание знатного патриция Юстиниана, племянника императора. Императрица, тетка Юстиниана, конечно, запретила ему и думать о женитьбе на бывшей актрисе. Но тетка скоро умерла, и Феодора стала женой Юстиниана. А когда в 527 г. Юстиниан вступил на трон, Феодора была коронована императрицей. Она имела огромное влияние на мужа. С первых же лет правления Феодоры выявились ее ум, беспредельная жестокость и полная неразборчивость в средствах, нужных для достижения цели. Ее сын от первого мужа, услышав о возвышении матери, поспешил приехать в Константинополь и явиться во дворец. Феодора сочла, видимо, что он может скомпрометировать ее новое положение как жены императора. Юноша бесследно исчез.

Ближайшая подруга Феодоры — жена знаменитого полководца Велисария, тоже бывшая актриса, держала своего сына Фотия в темнице, велела пытками добиться у него признания, кто вместе с ним дурно отзывался о правительстве.

Бывшая танцовщица и ее муж долгие годы тиранически управляли огромной империей, которая охватывала половину известного тогда мира. Для укрепления своей власти Феодора прибегала к услугам большого числа шпионов, следивших за всеми ее врагами или просто людьми, внушавшими ей подозрение. Императрица не уставала благочестиво повторять, инструктируя своих агентов: «Клянусь Иисусом, живущим вечно, если вы не исполните моих приказаний, с вас живых сдерут кожу». Угроза оказывалась действенной: всем было отлично известно, что супруга Юстиниана не любила бросать слова на ветер.

Шпионы старались. Велисарий — полководец, который в результате победоносных походов возвратил под власть императора Северную Африку и большую часть Италии, — однажды заметил в порыве раздражения, что смерть Юстиниана была бы благодеянием. Императрица узнала об этом немедленно. Велисарий должен был радоваться, когда ему в виде особой милости сохранили жизнь и часть имущества.

Напротив, действия византийских разведчиков Юстиниана в других странах были менее эффективными. Прокопий — византийский историк, современник Феодоры писал: шпионская служба была организована следующим образом. Некоторое количество людей было взято на содержание государства, с тем чтобы они посещали враждебные страны, особенно персидский двор, якобы по торговым делам и внимательно наблюдали, что там происходит. Таким образом, после своего возвращения они имели возможность сообщать императорам тайные планы враждебных государств. Императоры, получив информацию, принимали меры предосторожности и не бывали захвачены врасплох. Прокопий сообщает, что такая система существовала еще у мидийцев, потом у персов и римлян. Юстиниан, не следовавший в этом отношении примеру других императоров, поплатился потерей важных владений.

Византия сохраняла налаженную разведку и в последующие столетия. Напротив, в Европе в целом средние века были временем упадка разведывательной службы. Случались, правда, исключения из правила.

Оригинальную форму разведки изобрел вождь франков Хлодвиг (конец V — начало VI в. н.э.), истребивший всех своих родственников, чтобы не было претендентов на его престол. «Много и других королей убил Хлодвиг, — повествует в своей хронике Григорий Турский, — даже ближайших своих родных, опасаясь, чтобы они не отняли у него королевства, и таким образом распространил свое владычество на всю Галлию. Но однажды, когда его люди собрались к нему, он, как рассказывают, стал говорить им: „Горе мне, я теперь как странник между чужими, и нет у меня родственника, который помог бы мне, случись со мной беда“. Однако, добавляет летописец, Хлодвиг говорил так вовсе не потому, что жалел погибших. Просто он хотел узнать, не уцелел ли случайно кто-либо из родни, чтобы тут же его прикончить.

…Шел май 878 г. Датский король Гутрум привел свою боевую дружину на юго-восток Англии и расположился лагерем у слияния рек Паррета и Тоу на. Завоеватели-скандинавы (на Руси их называли варягами) захватили уже многие территории в Англии. Англосаксонский король Уэссекса Альфред потерял главные свои владения. И теперь дружинники Гутрума, расположившись на земле, которой еще недавно правил король Уэссекса, торжествовали победу. Датчане не скрывали своего презрения к побежденному врагу, которому молва приписывала большое воинское искусство. У него осталось совсем мало воинов и никогда уже не будет достаточно сил, чтобы сопротивляться привыкшему к победам храброму датскому войску. Вот о чем беседовали датские дружинники, собравшиеся у шатра Гутрума.

Их разговор прервали мелодичные музыкальные звуки. Играл арфист. Это был какой-то сакс, плохо понимавший по-датски, уже не первую неделю находившийся в стане Гутрума. К нему успели настолько привыкнуть, что даже удивлялись, когда он пару дней не показывался в лагере. Музыкант, игравший на арфе, конечно, был бедняком. Он носил за плечами мешок, куда складывал куски мяса и лепешек — остатки пищи, которые небрежно бросали ему датские дружинники, захватившие много зерна и скота у побежденных саксов. Вероятно, арфист относил своей семье объедки со стола воинов. Этим объяснялись, по всей видимости, его нередкие, хотя и краткие отлучки из лагеря.

Арфист был хорошим музыкантом. Порой он умел, закрыв глаза и загадочно улыбаясь, как бы в забытьи, извлекать из своего инструмента тихие, нежные звуки, которые не мешали, а скорее оживляли беседы суровых воинов. Так было и сейчас, когда под аккомпанемент арфы Гутрум и его приближенные подробно обсудили план окончательного разгрома дружины короля Уэссекса. Датчане были большими мастерами использования уловок и хитростей на поле боя, и сейчас они заранее договорились, как действовать во время предстоящего нового сражения с саксами.

Вскоре начался поход. Датчане, тем более уверенные в победе, что к ним пришло подкрепление, двинулись на врага. Но их ожидало горькое разочарование. Король Уэссекса Альфред, оказалось, имел во много раз больше воинов, чем предполагали датчане. Их отряды были окружены саксами. Не помогли и военные хитрости — саксы как будто заранее знали, что предпримут воины Гутрума. Датчане должны были просить мира, обещая покориться правителю Уэссекса. Гутрум и его приближенные пришли в лагерь Альфреда для переговоров и там нашли разгадку своих неудач. Король Альфред принял датских воинов с хорошо знакомой им улыбкой, держа арфу в левой руке.

В начале XIII в. большие усилия к организации разведывательной службы прилагали германский император Оттон IV и французский король Филипп II Август.

Во Франции во второй половине XIV в. — в разгар Столетней войны — король Карл V создал обширную шпионскую сеть, которая выполняла как собственно разведывательные, так и полицейские обязанности.

В средние века не было полностью утрачено древнее искусство шифрования корреспонденции. Например, император Лотарь (840—855 гг.) однажды послал различные сообщения своим сторонникам, замаскированные под цитаты из Священного писания. Впрочем, даже нехитрые коды оказывались обычно слишком сложной вещью. В эпоху, когда мало кто мог прочесть и простое письмо, редко было нужно прибегать к их шифровке. Только в конце средневековья тайнопись широко вошла в практику дипломатов различных итальянских государств, особенно Венеции. Новые замысловатые шифры не сразу были освоены в других странах. В испанских архивах сохранились шифрованные донесения послов, на полях которых рукой озадаченных канцеляристов выведено: «нельзя ничего понять», «бессмыслица», «потребовать, чтобы прислали другую депешу»…

В Азии разведка играла немалую роль во время завоевательных походов Чингисхана и его преемников. Правилами монгольской армии предусматривалась проверка донесений шпионов с помощью допроса пленных. Чингисхан предписывал также вылавливать и жестоко расправляться с вражескими разведчиками, которых обнаруживал в монгольском стане.

В средневековье начала практиковаться засылка из Европы разведчиков в восточные страны для добывания информации. Так, в 1421 г. английский король и герцог Бургундский совместно направили на Средний Восток опытного воина и дипломата Джилберта де Ланнуа с

семью спутниками, чтобы они составили подробный отчет о положении в посещенных ими государствах. Примерно через 10 лет с такой же миссией был послан от герцога Бургундского рыцарь Бердрандон де ла Брокьер.

Одетый в восточный костюм, он сумел побывать во многих ближневосточных странах, изучал языки, на которых говорили местные жители. Греческий писатель Ласкарис в конце XV в. ездил туда же в качестве секретного агента правителя Флоренции Лоренцо Медичи. Число тайных лазутчиков, которые засылались преимущественно из Италии на Восток, все время увеличивалось.

В Англии вторая половина XIV в. прошла под знаком войны Алой и Белой розы — борьбы между двумя ветвями королевского дома — Ланкастерами и Йорками за королевский престол (1455—1485 гг.). В этой кровавой междоусобной борьбе были совершены все мыслимые преступления, часть старой феодальной знати была истреблена.

Секретная служба в годы войны получила не виданное прежде развитие. Владевший с 1485 г. короной дальний родственник Ланкастеров Генрих VII Тюдор долгое время чувствовал себя очень непрочно на престоле. Чтобы иметь исчерпывающую информацию о всех своих врагах, он создал крупную разведывательную организацию.

Судя по свидетельствам иностранных послов, люди, состоявшие на секретной службе Генриха VII, делились на четыре группы. Первая группа — секретные агенты, которыми обычно были резиденты (английские дипломаты или купцы), занимавшие сравнительно высокое положение в той стране или области, где они проживали. Ко второй группе принадлежали «информаторы» — обычно люди из низших слоев общества, нанимаемые для добывания каких-либо определенных сведений. Третью группу составляли профессиональные разведчики, которым поручалось систематически следовать за определенными людьми, выявлять их связи, если нужно — организовывать их похищение. К четвертой группе относились профессиональные шпионы, обычно прикрывавшиеся какой-либо респектабельной профессией — священника, лекаря, писаря или другой, дававшей предлог для переезда с места на место и обеспечивавшей им доступ в круги, которые обладали нужными сведениями.

Ренессанс разведки

Эпоха Возрождения — это и ренессанс разведки. То было время формирования сильных национальных государств, создания абсолютных монархий, которые обладали материальными ресурсами, позволявшими им вести крупную политическую игру в масштабах всей Европы. В эту эпоху рождается политика, свободная от религиозных, моральных или каких-либо других сдерживающих начал, принимающая в расчет только реальные интересы. Проводниками ее были прежде всего испанские, французские, английские короли, сыгравшие особо большую роль в создании национальных государств, образование которых настоятельно диктовалось всем ходом социально-экономического развития.

Укрупнение политических органов национальных государств способствовало борьбе господствующего класса феодалов с внутренними и внешними врагами, расширяло географические рамки активности дипломатии этих держав. Римский престол повсюду имел своих агентов. Иностранные государства платили Риму той же монетой. Так, например, секретарь папы Адриана VI (1522—1523 гг.) Чистерер был шпионом посла императора Карла V.

Функции разведки в узком смысле слова менялись от времени и места. В условиях разобщенности стран, частого отсутствия дипломатических и торговых связей разведка должна была собирать не только секретную, но и всю нужную информацию о той или иной стране, вплоть до географических данных, материалов о политическом устройстве и т.д. Задачи разведки были самыми различными. Старались разузнать о численности и вооружении войск, о состоянии казны, о размерах и направлении внешней торговли, о соотношении сил различных придворных клик, о богатстве и влиянии государственной церкви и о многом-многом другом. Сложность добывания информации порой заключалась в отдаленности страны, в бесчисленных опасностях, подстерегавших путешественника на море и на сухопутных дорогах, незнании чужого языка, отсутствии возможности передать полученные сведения на родину. Нередко

разведчик выполнял функции, которые в последующие столетия становились обязанностями посла, консула, купца, журналиста, ученого — географа, этнографа или экономиста.

Часто разведка использовалась для того, чтобы не допустить установления дипломатических отношений между двумя вражескими государствами. Для достижения этой цели пускались в ход самые различные средства — от дипломатических интриг до применения яда и кинжала. В 1525 г., потерпев поражение при итальянском городе Павии, французский король Франциск I попал в руки своего главного соперника — испанского короля и одновременно германского императора Карла V Габсбурга и был отправлен в Мадрид. Мать Франциска, во время его отсутствия выполнявшая обязанности регентши, решилась на ловкий шаг — вступить в соглашение с могущественным турецким султаном Сулейманом, который уже не раз воевал против войск Карла V в Венгрии. Однако установить связь с Константинополем было не так-то просто: люди императора получили указание любой ценой перехватить посланцев французской королевы. Агенты Габсбурга уничтожили нескольких курьеров, но одному из них, графу Франджипани, удалось достигнуть турецкой столицы и вручить Сулейману послание из Парижа. Так были сделаны первые шаги к франко-турецкому союзу, оставившему столь важный след в политической и военной истории Европы.

В XVI в. вошло в систему содержание постоянных послов при иностранных дворах. Посольства стали центрами разведывательной работы и контршпионажа. Нередко дипломаты передавали друг другу добытые секретные новости. Так поступал, например, испанский посол при английском короле Генрихе VII. Самое интересное, что в обмен на новости, которые он получал от испанских дипломатов в других странах, его снабжали секретной информацией об Англии не только придворные, но и сам… Генрих VII. Англия тогда еще жила в мире с Испанией. Уже при Генрихе VIII испанский посол для добывания информации не раз прибегал к испытанному приему — уплате пенсий влиятельным придворным.

Быстрое развитие в XVI в. приобрело и искусство контршпионажа. Еще в 20-е годы кардинал Уолси, министр Генриха VIII, и Гаттинара, министр испанского короля и германского императора Карла V, действовали просто. При подозрении иностранного посла в шпионской деятельности они приказывали перехватывать его депеши. Через 10 лет при другом министре короля Генриха VIII — Томасе Кромвеле пошли еще дальше: письма после их захвата копировали и посылали по назначению. А во второй половине XVI в. научились так вскрывать конверты, что адресат и не догадывался, что они успели побывать в чужих руках.

Входила в обычай и шифровка депеш. Еще в 1466 или 1467 г. выдающийся деятель итальянского Возрождения Леон Баттиста Альбер-ти по просьбе римского папы написал трактат о криптографии. Первое время шифры были несложными: каждая буква заменялась каким-либо определенным знаком.

Разгадать такой код оказывалось делом нетрудным, если знать язык, на котором было написано зашифрованное письмо. Поскольку частота повторения определенных букв в каждом языке — величина постоянная и легко определяемая, не составляло труда выявить наиболее часто встречающиеся знаки, их буквенное значение, а потом определить и все остальные буквы. Нередко шифры не менялись в течение долгого времени, хотя они уже были давно разгаданы противником. Шифры XVI в. были иногда достаточно сложными, и их разгадывание превращалось в головоломку даже для специалистов в последующие столетия. Так, код, использовавшийся Микелем, венецианским послом в Англии в годы правления Марии Тюдор, был расшифрован только через три с лишним века, в 1868 г.

Дипломатическим курьерам приходилось пересекать территорию третьих государств, правительства которых часто не могли избежать искушения познакомиться с секретной почтой, доставляемой иностранному двору. Поэтому посольские донесения приходилось посылать в нескольких экземплярах различными путями в надежде, что хотя бы одно достигнет назначения. Зная о перехватывании донесений, послы часто посылали депеши с заведомо ложными сведениями для дезинформации противника, заранее, разумеется, уведомляя об этой уловке свое правительство.

Возрождению разведки в немалой степени способствовало открытие Америки. Испанцы из своих владений в Новом Свете вывозили огромное количество золота. Купцы и авантюристы других европейских стран горели желанием присвоить хотя бы часть из этой сказочной добычи.

Соблазн был велик, и первыми поддались ему французские купцы и судовладельцы. Вскоре после завоевания испанцами Мексики французы начали организовывать пиратские налеты на корабли, перевозившие золото из Америки в Испанию. Французский корсар Жан Флери сумел перехватить многие сокровища последнего императора ацтеков Монтесумы, попавшие в руки Кортеса и других испанских конквистадоров. Для борьбы с французскими корсарами Мадриду пришлось завести во французских портах Ла-Рошели, Нанте, Дьеппе и др. тайных лазутчиков для получения известий об отплытии пиратских кораблей и о планах корсаров. Дурные примеры заразительны: по пути, проложенному французами, через некоторое время последовали пираты из Англии и других стран. Так что работы для испанских шпионов с годами все прибавлялось… Еще более тесно переплетались тогда пиратство и шпионаж в Средиземном море в ходе многолетних войн между западноевропейскими государствами, особенно Испанией и Османской империей.

Теплая «Компания Иисуса»

На протяжении средневековья только церковь имела свою разветвленную разведывательную сеть почти во всех странах Европы. Правда, секретная служба не выделялась как особая организация. Просто весь аппарат церковной иерархии постоянно собирал информацию о положении на местах. Эти сведения суммировались церковными чинами, управлявшими духовенством определенной области и страны, и пересылались в Рим. Информация шла сразу по нескольким каналам. Во-первых, по цепочке, которая начиналась от приходского священника и кончалась римским папой; во-вторых, через монашеские ордена; наконец, от специальных уполномоченных папы, будь то послы-нунции, направлявшиеся в различные католические страны, или другие представители римского престола.

Возможности сбора информации были почти неограниченными. Если сельский священник мог детально ставить в известность свое духовное начальство о настроениях деревень, входивших в его приход, то духовник того или иного монарха был в состоянии дать не менее подробный отчет о положении дел при дворе и планах этого государя. Эффективным средством получения сведений была исповедь.

Конечно, огромная машина, снабжавшая Рим нужными известиями, работала не без перебоев, особенно связанных с конфликтами, которые нередко возникали у пап с высшим духовенством отдельных стран. Однако в целом римский престол оставался вплоть до эпохи Возрождения самым осведомленным правительством тогдашнего христианского мира относительно положения дел в других государствах и странах.

Чрезвычайно важным орудием для выпытывания сведений, которые желала получить церковь, оказался аппарат инквизиции, особенно в Испании, где она получила наибольшее развитие. Система слежки за «еретиками» (а в склонности к ереси подозревалась значительная часть населения страны, и вообще мало кто был огражден от возможности быть зачисленным в разряд подозрительных), требования доносить на соседей, на знакомых, даже на родных, многочисленные аресты и допросы под пыткой — все это давало инквизиции возможность получать сведения не только об уклонении от «истинной веры», но и обо всем, что хотелось узнать святым отцам.

Однако еще большую роль в развитии церковной разведки сыграл основанный в первой половине XVI в. орден иезуитов — «Компания (Общество) Иисуса», как они себя называли. Орден был создан прежде всего для борьбы против успехов Реформации. Членами ордена становились, как правило, тщательно отобранные люди, обученные беспрекословному, слепому повиновению вышестоящим лицам (по выражению основателя ордена Игнатия Лойолы, каждый иезуит должен был быть подобен трупу в руках духовного начальника). Иезуит к тому же был обучен всем приемам духовного воздействия на верующих мирян и всем уловкам, позволяющим пускать в ход и оправдывать любые средства борьбы — ложь, клевету, яд или кинжал убийцы.

Устав и правила иезуитов были специально направлены на то, чтобы превратить их в ревностных проповедников и агентов католицизма, при этом нередко агентов тайных или действующих с помощью создаваемой ими секретной службы. Очень часто исповедник короля

или глава иезуитской семинарии был по существу — употребляя термины последующей эпохи — резидентом, которому подчинялась обширная сеть осведомителей, или главой шпионской школы. Да, школы, готовившей не столько проповедников, сколько священников, прослушавших курс общих религиозных и специальных разведывательных «наук» и ставших вполне подготовленными шпионами или диверсантами. Часто проповедник и разведчик совмещались в одном лице. Иногда иезуитский шпион обходился и без «проповеднического прикрытия».

Агентами ордена могли быть как его члены, так и светские лица. Как правило, сами иезуиты действовали лишь как тайная направляющая сила, пытаясь совершать наиболее темные дела чужими руками. Порой лазутчики «Общества Иисуса» строили козни прямо на территории противника, в других случаях они действовали исподтишка, через подставных лиц, сами оставаясь в католических странах, вне досягаемости своих врагов.

Так поступали, например, иезуиты, создавшие свои шпионские центры в занятой испанскими войсками части Нидерландов (в последней трети XVI и начале XVII в.). Иезуитские разведчики могли поддерживать то короля против знати, то знать против короля, даже разжигать народные волнения, тайно или явно проповедовать тираноубийство — в зависимости от целей, которые в данный момент и в данной стране преследовал орден.

Иезуиты приветствовали и поддерживали попытки установления в Европе господства одной (конечно, католической) державы, считая, что создание подобной универсальной монархии будет сопровождаться торжеством католицизма над Реформацией. Во второй половине XVI и в начале XVII в. орден поэтому всеми силами поддерживал притязания испанских и австрийских Габсбургов на европейскую гегемонию. «Общество Иисуса» нисколько не считалось с тем, что подобная перспектива серьезно нарушала интересы других католических государей, дружественно относившихся к иезуитам, и что успеха этих планов страшился даже римский папа Сикст V (он боялся превратиться в простого духовного вассала испанского короля). К началу XVII в. выявился крах великодержавных планов Филиппа II и его преемников, а Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.), по сути дела, покончила с притязаниями на гегемонию, которые продолжала выдвигать австрийская ветвь Габсбургов. Тогда иезуиты перенесли свои симпатии на Францию, в свою очередь начавшую претендовать на господствующее положение на Европейском континенте.

Помимо разведывательной службы иезуитский орден имел и свою контрразведку. Она не была особой организацией — обязанность вылавливать вражеских лазутчиков в собственных рядах обычно лежала на всех иезуитах. С течением времени ордену пришлось опасаться не столько агентов противника в собственном лагере, сколько перебежчиков. По мере того как все более разоблачалось истинное лицо ордена, увеличивалось и число иезуитов, на верность которых орден не мог вполне полагаться, и даже тех, кто открыто покидал его ряды. Особенно опасными были, впрочем немногочисленные, иезуиты, которые не только порывали с прошлым, но и выступали с разоблачением тайн ордена. Именно в отношении них и начинала действовать иезуитская «контрразведка».

Так, в протестантской Голландии стали выходить направленные против ордена сочинения бывшего иезуита Петра Ярриге. Не имея возможности покарать отступника, иезуиты вначале ограничились сожжением его изображения, а также полемическими трактатами. На сторону Ярриге немедленно встали протестанты, и полемика значительно больше повредила, чем помогла, иезуитам, привлекая общее внимание к его разоблачениям. Тогда по приказу генерала ордена словопрения вдруг были прекращены, а в Лейден, где проживал Ярриге, отправилась тайная делегация во главе с отцом Понтелье с целью побудить бывшего коллегу вернуться в «Общество Иисуса». Переодетые иезуиты привезли Ярриге бумагу за подписью генерала, содержавшую полное прощение за все его грехи. Ярриге раскаялся, вернулся в орден и написал опровержение на свои прежние еретические сочинения.

Однако противники иезуитов утверждали, что все это было лишь комедией, разыгранной для сокрытия следов преступления. По этой версии, иезуитские посланцы убили или похитили Ярриге, которого никто из посторонних с тех пор не видел. Иезуиты сообщили, что Ярриге мирно скончался в иезуитской коллегии ордена в Тюле (во Франции), уважаемый и любимый своими духовными братьями. Но вполне вероятно, что его убили или сгноили в темнице еще за

два десятка лет до объявления даты «официальной» смерти.

Иезуиты разделили весь мир на области — провинции. Глава иезуитов такой области — провинциал — обычно руководил и секретной службой в этом районе.

Иезуитская разведка была организатором десятков успешных заговоров, восстаний, убийств из-за угла, бесчисленных дворцовых интриг, в ходе которых обделывались важные политические дела, заключались и разрывались союзы между государствами, утверждались у власти или низвергались те или иные придворные клики. Иезуиты прямо или косвенно участвовали в наиболее известных политических убийствах конца XVI — первой половины XVII в.

Разведка и Реформация

В Англии при Генрихе VII поредевшие ряды феодальной аристократии пополнились новой знатью — выходцами из горожан, которые возвысились на королевской службе. Именно новое тюдоровское дворянство, начавшее огораживать поля своих земельных владений, сгоняя крестьян с насиженных мест, стало переходить к новым методам ведения хозяйства. Эта знать поддержала сына Генриха Тюдора — Генриха VIII (1509—1547 гг.), когда он, порвав с римским папой, провозгласил себя главой англиканской церкви, распустил монастыри и конфисковал их огромные земельные владения, а также поместья многих дворян, остававшихся верными католицизму. Основная часть этой богатой добычи попала в руки новой знати. Они имели теперь сильнейшее основание опасаться реставрации католицизма, которая повлекла бы и возвращение земель их прежним собственникам.

Семейные дела первого главы англиканской церкви оказались очень запутанными. Генрих был женат шесть раз. Правда, не все его супруги разделили судьбу жен Синей Бороды. Тем не менее две из них взошли на эшафот, обвиненные в супружеской измене, и браки с ними были признаны недействительными. С остальными король без труда добивался развода. Короче говоря, права на престол после его смерти у наследников были весьма неопределенны, давая возможность соперничавшим фракциям выставлять своих кандидатов. Несколько лет королем был его сын-подросток Эдуард VI (1547—1553 гг.), а потом престол перешел к старшей дочери Марии, которая реставрировала католицизм, но побоялась потребовать у новых владельцев конфискованных земель возвращения их римской церкви. После смерти Марии на трон в 1558 г. вступила Елизавета I Тюдор, повернувшая государственный корабль опять в сторону протестантизма. Она была дочерью Генриха VIII от брака с Анной Болейн, одной из казненных им жен.

Шпионаж взяли на вооружение лидеры враждующих верований. Таинства религии не раз вместе с тайнами разведки входили в арсенал тайной войны. Реформация и контрреформация почти неизменно сопровождались реформами секретной службы. Поколение, при котором произошла Реформация, первоначально выдвинуло малоубежденных ее сторонников среди дворянства, которые не руководствовались бы соображениями непосредственной выгоды, будь то участие в расхищении монастырских земель, придворная карьера или то и другое вместе. Сам же идеолог и руководитель Реформации архиепископ Кранмер больше всего верил в необходимость беспрекословного повиновения воле монарха. Когда он, глава англиканской церкви, в правление королевы Марии Тюдор был приговорен к сожжению на костре, то даже в ночь перед казнью мучился сомнением, умереть ему протестантом или католиком.

Однако как раз преследования протестантов при Марии, вызвавшие волну эмиграции из Англии, продемонстрировали появление людей, для которых преданность новой вере и ненависть к папизму вошли в плоть и кровь, впрочем, нисколько не принижая в их сознании и роли протестантизма в отстаивании материальных интересов людей, отмеченных, как они, «божьей благодатью». Именно к таким людям, по энергии, по уверенности в себе и правоте своего дела нисколько не уступавшим иезуитам, штурмовому отряду католической реакции, и принадлежало большинство руководителей разведки Елизаветы I. В этом одно из объяснений ее успехов. Среди этих людей первое место принадлежало Уильяму Сесилу, получившему титул лорда Берли.

Возвышению Берли предшествовала пора его обучения как государственного деятеля. На

Уильяма Сесила, простого линкольнширского дворянина, обратил благосклонное внимание еще Генрих VIII в последние годы своего царствования. Сесил умело отстаивал идею королевского верховенства в делах церкви. После смерти старого короля Сесил стал фаворитом герцога Сомерсета, регента при малолетнем короле Эдуарде VI. Гибель Сомерсета на плахе не повредила Сесилу, продолжавшему состоять членом Тайного совета во время всевластия герцога Нортумберленда и пользоваться его доверием. Уже в это время обязанностью Сесила считалось поддержание непосредственной связи с английскими послами при иностранных дворах. Дни, последовавшие за кончиной Эдуарда VI, стали испытанием, которое, казалось, невозможно было преодолеть даже такому ловкому и проницательному политику, как Сесил. Не было безопасного пути, любой образ действия таил смертельную угрозу. Отказываться поддерживать новый порядок престолонаследия значило навлечь на себя ярость Нортумберленда. Подчиниться его требованиям было равносильно государственной измене в случае крайне вероятной победы Марии Тюдор. Сесил подписал закон о поправках в порядке престолонаследия, но только как свидетель и успел перебежать на сторону Марии и получить полное прощение за свое вынужденное подчинение мятежнику-герцогу.

Королева Мария охотно включила бы Сесила в число своих ближайших советников, если бы он решительно связал себя с католической партией. Однако здесь снова сказалась его дальновидность. Сесил не верил в прочность католической контрреформации, которая явно противоречила интересам буржуазии и большей части джентри, выходцем из рядов которого он являлся. Поэтому Сесил счел за лучшее держаться в некотором отдалении от нового правительства, не навлекая, впрочем, гнева Марии Тюдор. Он внешне в некоторой мере начал соблюдать обряды католической церкви, чтобы его возможно было принять за вставшего на путь раскаяния грешника. Позднейшие апологеты Сесила из числа историков прошлого века, стараясь подыскать благовидное оправдание оппортунизму своего героя, считали, что он, быть может, склонялся к адиафоризму — направлению в германском протестантизме, которое не придавало значения католическому обряду и было готово сохранить его ради примирения церквей. Как отмечал еще тогда же знаменитый историк Маколей, Сесил если и был адиафористом, то только для самого себя, впоследствии без колебаний отправляя в тюрьмы и на эшафот за верность католической обрядности. Пока же Сесил умело уравновесил этот адиафоризм, который смягчал недовольство католиков, умеренной оппозицией в парламенте, привлекавшей к нему симпатии ревностных протестантов, даже тех, кто предпочел изгнание или костер отречению от своих убеждений. Другие за оппозиционные речи оказывались за решеткой, Сесил сумел и здесь остановиться у опасной грани. Он поддерживал контакты с опальной тогда сестрой королевы принцессой Елизаветой, следовавшей его советам, не лишаясь милостей самой Марии, выполняя со своей обычной оборотистостью различные ее поручения. Свои переходы на сторону победителя Сесил облекал во внешне пристойные, благовидные формы, чтобы не портить репутацию и не возбуждать подозрения, что он замышляет новые измены.

Впрочем, Елизавете с самого вступления ее на престол в 1558 г. Сесил стал служить не за страх, а за совесть. На протяжении 40 лет, вплоть до своей смерти, он был фактически первым министром королевы, все равно — на посту ли государственного секретаря или лорда-канцлера, или, впоследствии, лорда-казначея. Вместе с тем его влияние не всегда было решающим: оно заключалось скорее в единстве взглядов и целей, в умении угадывать желания Елизаветы и отступать, когда дело доходило до ее предубеждений, чем в попытке навязывать свою точку зрения королеве. Сесил предпочитал подводить ее самим ходом дел, иногда специально направляемых им, к принятию мер, которые он полагал целесообразными. Впрочем, часто все его усилия разбивались о почти болезненное стремление Елизаветы откладывать принятие важных решений, особенно если они были связаны с реальными опасностями и значительными расходами. Случалось иногда, что бесконечные промедления оказывались наилучшей политикой — само развитие событий приводило к нужной цели, без всяких усилий и затрат со стороны королевы. Но обычно Сесил в конечном счете не только оказывался прав, но и добивался проведения наиболее выгодного, по его мнению, политического курса.

В поведении Сесила трудно отыскать высокие нравственные начала. Максимум, что можно было сказать о нем: без особой нужды он не предавал друзей и доверившихся ему

людей, не жертвовал государственными интересами в пользу собственных, и к, 300 имениям, находившимся в его владении к концу жизни, он мог бы добавить еще немало других, если бы столь же бесцеремонно залезал в государственную казну, как некоторые из его предшественников и преемников на посту лорда-казначея.

Однако в то же время Уильяма Сесила никак нельзя просто отнести к распространенному типу политических хамелеонов, наделенных только недюжинными способностями к интриге. Это был государственный деятель, всеми своими интересами, мировоззрением и психологией связанный с господствующими классами тюдоровской эпохи. Сесил не принадлежал к людям, способным открывать новые политические горизонты. Он был противником крайностей протестантизма, в которых инстинктивно ощущал опасность для позиций крупнособственнических классов, для той расстановки сил, власти и влияния, которые воплотились в дорогих ему политических порядках елизаветинской Англии. Осторожность Сесила чуть ли не вошла в поговорку. Обычно он был сторонником сдержанности неторопливости в делах. Нередко поступки министра даже его коллегам казались полумерами, хотя в тех случаях, когда самыми безопасными оказывались наиболее решительные шаги, он умел действовать быстро. Это вполне отражает и историю английской секретной службы, которой Сесил заправлял на протяжении четырех десятилетий, когда стоял во главе елизаветинского правительства. Вступив на трон, Елизавета сразу же изъяла разведку из ведения Тайного совета, которому она подчинялась еще с правления Генриха VIII, и передала в подчинение Се-силу. Он руководил секретной службой сначала лично, а потом черездру-гих министров, с которыми, правда, порой ему случалось и расходиться в оценках политической обстановки.

К числу наиболее активных разведчиков первых лет правления Елизаветы, несомненно, относится Николае Трокмортон. Современники полагали, что он недаром был тезкой Николо Макиавелли, фамилия которого считалась в XVI в., да и позднее, синонимом черного коварства. Сэра Николаев не без оснований называют предшественником и в известном смысле учителем ближайшего помощника Сесила — Френсиса Уолсингема, о котором будет много говориться на последующих страницах. Сохранился портрет Трокмортона, написанный в то время, когда он стал видной фигурой в мире дипломатии: рыжие волосы и борода, скошенные в сторону зоркие глаза, в которых затаились напряженность и раздражительность, вот-вот готовые перейти во вспышку неудержимого гнева. Пышный костюм — тогда недаром говорили, что придворные носят целые имения на своих плечах, — украшает длинная цепь, на конце которой укреплен кулон — камея с подвесной жемчужиной.

В жизни и карьере Николаев Трокмортона отразились сложные процессы английской социальной и политической истории бурного XVI столетия. Это была эпоха ломки и созидания, когда сложно переплетались старые и новые лояльности — феодальным вождям и короне, соперничавшим претендентам на престол, когда приверженность религии вступала в конфликт с верностью стране, когда политические столкновения зачастую побуждали к обращению за помощью к врагам государства, когда ломались традиционные союзы и рождались внешнеполитические комбинации, отражающие новые интересы, идеи и устремления. Ветви разросшегося рода Трокмортонов посылали своих сыновей едва ли не во все политические группировки — от крайних пуритан до фанатичных католических заговорщиков. Нередки были и измены старому знамени, переход на сторону победителя, за который жадно выпрашивались милости — земли, деньги, государственные синекуры.

Отец Николаев сэр Джордж тоже одно время склонялся к поддержке католического лагеря, но одумался, испросил прощение и в награду за возвращение на путь лояльности получил немалую толику конфискованных монастырских земель. Они послужили прочной материальной основой приверженности многих Трокмортонов государственной англиканской церкви. Положение семьи еще более укрепилось, когда их родня Екатерина Парр стала последней по счету женой Генриха VIII.

Четвертый сын Джорджа Трокмортона (в семье было 7 сыновей и 11 дочерей) Николае начал еще с юных лет делать придворную карьеру, сразу обогнав в этом и своих многочисленных братьев, и других родственников, стал приближенным Эдуарда VI, сумев удержаться на поверхности в бурных водах придворных интриг. Герцог Нортумберленд

подозрительно относился к Николасу из-за его близости к юному королю. В последний момент Николае Трокмортон успел перебежать в лагерь Марии, получить полное прощение и даже награды от новой королевы. Он, видимо, совсем не был склонен к крайностям в религии и политике, столь характерным для многих его родственников, хотя очень походил на них бурным темпераментом. В 1554 г. Николае Трокмортон попал в Тауэр, где в это время была заключена и младшая сестра Марии — будущая королева Елизавета.

После двухмесячного нахождения в тюрьме 17 апреля 1554 г. Николае Трокмортон предстал перед судом по обвинению в государственной измене, который обычно в эту эпоху был торжественно обставленным юридическим спектаклем, формальной процедурой с заранее определенным исходом, преддверием на пути к эшафоту. Однако в деле Николаев Трокмортона судебная машина не сработала — кажется, единственный раз за все тюдоровское столетие английской истории!

Прокурор обвинял Трокмортона в том, что он был, по сути дела, разведчиком повстанцев Уайета, пересылая им информацию из Лондона. Вероятно, это соответствовало действительности и, главное, подтверждалось помощником Уайета Кетбертом Вогеном, который, спасая свою голову, согласился выступить свидетелем обвинения. Николасу Трокмор-тону пришлось признать свои контакты с восставшими, но он настаивал вновь и вновь, что эти связи не могут быть подведены под государственную измену в том смысле, какой придавался ей статутом Эдуарда III. Одним словом, сэр Николае был очень ловким человеком, и не только тогда, когда дело доходило до петли… Присяжные единогласно признали Трокмортона невиновным, что вызвало радостные возгласы собравшейся толпы. Для вынесения оправдательного вердикта требовалась немалая решимость. Через неделю присяжных вызвали для допроса в зловещую Звездную палату, после чего двоих председателей жюри отправили в Тауэр, а остальных — в тюрьму Флит, притом самого Николаев Трокмортона тоже не выпустили из заключения. Оставался он в Тауэре до января 1555 г., когда его (и еще нескольких лиц, впоследствии занимавших важные места в елизаветинской администрации) помиловали по случаю ожидавшегося рождения королевой ребенка, которое должно было обеспечить католическое престолонаследие. Акт милосердия считался подходящим по случаю такого предстоявшего радостного события. Впрочем, во имя божье одновременно приступили к сожжению еретиков. Не известно, что оказалось неугодным небу, но наследник так и не появился на свет. Как бы то ни было, сэру Николасу явно удалось извлечь максимум возможного из ненавистного «испанского брака» королевы с принцем Филиппом (будущим королем Филиппом II), хотя было очень неясно, надолго ли Трокмортон покинул мрачные, стены Тауэра.

В начале следующего года один из родственников сэра Николаев сделал сумасбродную попытку ограбить казначейство, чтобы добыть деньги для готовившегося тогда нового восстания протестантов. Николае, не связанный, кажется, с этой попыткой, должен был внести огромную сумму в 2 тыс. ф. ст. как залог своей верности правительству. Почва начала гореть под ногами — Николае Трокмортон махнул рукой на залог и в конце июня 1556 г. уехал во Францию. Однако, в отличие от других эмигрантов-протестантов, бежавших от преследований правительства католической королевы, Николае Трокмортон сразу же во Франции явился к британскому послу доктору Уоттону, клятвенно заверил его, что не имеет ничего общего с мятежниками, и попросил переслать его оправдательные письма Марии Тюдор и влиятельным членам Тайного совета. Это было очень важно Трокмортону, надо было спасти от конфискации свои имения (часть из них все же пришлось продать, чтобы покрыть расходы во Франции). Не ясно, действительно ли Трокмортон избегал других эмигрантов, во всяком случае, он часто бывал у посла, снабжая его многими полезными сведениями. Англия как союзница Испании готовилась развернуть военные действия против Франции. Поэтому для английского правительства оказалась крайне важной информация, собранная Трокмор-тоном, о военных планах французов, включая подготовку к высадке десанта в Англии. Сведения, добытые Трокмортоном, свидетельствуют, что он к этому времени уже обладал навыками опытного крупного разведчика. Он получил прощение за свое бегство, а после участия на стороне испанцев в битве при Сен-Кентене в августе 1557 г., закончившейся разгромом французских войск, был полностью амнистирован (этому, по-видимому, помог его младший брат —

ревностный католик, который стал приближенным Марии Тюдор).

Таким образом Трокмортон прожил годы правления Марии Тюдор, а уже на другой день после ее смерти получил важные поручения от новой королевы. Он надеялся занять высокий пост в правительстве — стать вторым человеком после Уильяма Сесила. Но его непрошеные советы и рекомендации не были приняты королевой. От этих дней у Трокмортона осталось острое чувство зависти к Сесилу, которое побуждало его принимать сторону противников главного министра, конечно, противников из среды елизаветинской администрации, а не врагов самой королевы. Впрочем, Сесил, закрыв Трокмортону путь к участию в правительстве, охотно согласился предоставить беспокойному сэру Николасу дипломатический пост. В мае 1559 г. Трокмортон был назначен постоянным послом в Париж (в отличие от чрезвычайных послов, направлявшихся с каким-то особо важным специальным поручением).

Трокмортон был сторонником энергичных мер против всех врагов Елизаветы. Эту линию отстаивал фаворит королевы Роберт Дадли, граф Лейстер, тогда как Сесил считал, что выгоднее придерживаться более осторожной и гибкой политики. Однако при всем том Трокмортон старался все же сохранять верность Сесилу как главе британской секретной службы.

Сэр Николае прибыл в Париж, когда в 1559 г. был заключен Като-Камбрезийский мир, который положил конец военному конфликту между Испанией и Францией, длившемуся всю первую половину века. Вдобавок испанский король Филипп II и французский король Генрих II «частным образом» договорились уничтожить еретиков в своих странах. Возникла возможность коалиции двух наиболее мощных католических держав против Англии — возможность, которая в течение многих десятилетий считалась в Лондоне наибольшей внешнеполитической опасностью. Обе эти страны обладали средствами давления на Англию — Филипп II владел Нидерландами, торговля с которыми имела чрезвычайно большое значение для британских купцов. Нидерландские гавани были самым удобным местом, откуда армия неприятеля могла достичь английских берегов. Франция имела серьезные позиции в Шотландии. Регентшей Шотландии была вдова короля Якова V Мария Гиз — представительница аристократического рода, который имел большое влияние на французскую политику. А дочь Марии Гиз — Мария Стюарт, которая с детских лет жила в Париже и была обвенчана с французским дофином, являлась королевой Шотландии. Более того, как родственница Тюдоров, Мария Стюарт имела права и на английский престол, которые могли превратить ее в соперницу Елизаветы, поддерживаемую английскими католиками. Притязания Марии Стюарт встречали полное одобрение Гизов.

Война против Франции, начатая еще при Марии Тюдор без всякой подготовки, была неудачной. В 1558 г. англичане лишились своего последнего опорного пункта на континенте — французского города Кале, который был ими завоеван в XIV в. Трокмортон получил инструкцию выразить согласие с Като-Камбрезийским договором. Вместе с тем посол должен был действовать, исходя из того, что главными непосредственными задачами английской политики были выдворение французов из Шотландии и возвращение Кале. Трокмортону были даны поручения, явно не укладывавшиеся в его дипломатические функции, — точно разузнать, что собираются предпринимать Гизы в отношении Шотландии (причем чрезмерная любознательность английского посла не должна быть замечена). Трокмортон должен был также устроить побег из Франции шотландского графа Эррана, имевшего права на шотландский престол. Однако Трокмортон свои задачи понимал еще шире. Он один из первых почувствовал, какие выгоды может извлечь для себя протестантская Англия, поддерживая протестантские силы в различных странах Европы, и прежде всего французских гугенотов. Помощь протестантам в надвигавшейся религиозной войне во Франции могла стать наилучшим способом достижения Лондоном внешнеполитических целей.

Едва Трокмортон обосновался в Париже, как Генрих II в начале июля 1559 г. был смертельно ранен, участвуя в рыцарском турнире. Через несколько дней король скончался, на престол вступил его сын Франциск II, муж Марии Стюарт, а Гизы установили полный контроль над правительством и подготовили посылку значительных французских подкреплений в Шотландию. Тревожные депеши Трокмортона Сесил использовал, чтобы сломить сопротивление Елизаветы против плана английской вооруженной интервенции в Шотландию. Осенью 1559 г. Трокмортон был отозван, в марте следующего года начались военные действия.

Превосходство англичан на море заставило Гизов согласиться на эвакуацию французских войск из Шотландии — таковы были условия Эдинбургского договора, добиться ратификации которого Марией Стюарт Елизавета поручила Трокмортону, снова отправившемуся для этой цели в Париж. К этому времени Трокмортон был уже заметной фигурой на европейской дипломатической сцене. Впрочем, его акции в глазах английской королевы были подорваны бестактными советами, которыми продолжал докучать ей сэр Николае. Положение мало менялось даже тогда, когда советы преподносились под видом донесений, в которые включались слухи, ходившие о Елизавете при французском дворе.

Другим активным разведчиком тех лет был Генри Киллигрю, посланный во Францию для связи с гугенотами. Сэр Генри в известном смысле являлся противоположностью Николасу Трокмортону. Снедаемый страстями, Трокмортон не раз шел собственными путями, которые вызывали неудовольствие королевы и ее министров. Киллигрю, напротив, был идеальным, почти безликим слугой тюдоровской монархии, всегда послушным, неколебимым в своем усердии, готовым без малейших угрызений совести на любые действия, включая убийство, если только оно соответствовало государственным интересам в том смысле, какой вкладывали в это понятие Елизавета и ее советники. Мария Стюарт оказала Киллигрю во Франции важные услуги, так же как и Трокмортону, который запомнил это и пытался совместить преданность Елизавете с поисками политики, которая не вредила бы и шотландской королеве. Иное дело — Киллигрю. Он сразу же с холодной ненавистью стал самым непримиримым ее врагом — ненавистью, целиком вызванной трезвым политическим расчетом. Однако во Франции и Трокмортон, и Киллигрю еще действовали в полном согласии для осуществления целей явной и тайной дипломатии елизаветинского правительства. Уже в июле 1559 г. Трокмортон многозначительно известил королеву, что Киллигрю сослужил ей «многими различными способами столь добрую и трудную службу, что заслуживает хорошей награды».

В Лондоне считали, что герцог Гиз, обладавший большим влиянием при французском дворе, постарается силой поддержать притязания своей племянницы Марии Стюарт. Вдобавок в Шотландии все еще находилось некоторое количество французских войск. Задачей английской секретной службы поэтому стало всяческое поощрение политической и религиозной оппозиции и в Шотландии, и во Франции. Трокмортон и Киллигрю вполне подходили для выполнения подчас весьма щекотливых поручений, связанных с такой политикой. В июле 1559 г. Киллигрю удалось устроить бегство из Франции графа Эррана, который был нужен английской разведке в Шотландии. Киллигрю действовал вместе с английскими разведчиками Томасом Рэндолфом и Ричардом Тремэйном.

Через месяц, в августе, Киллигрю установил контакт с Антуаном, королем Наварры, возможным руководителем французских протестантов. Одновременно Киллигрю собрал и направил в Лондон подробную информацию о французской эскадре, которая под командой маркиза д'Эльбефа в январе 1560 г. отплыла в Шотландию. Буря рассеяла эту эскадру, что было большой удачей для Англии.

Трокмортон, Киллигрю и ряд других английских агентов деятельно участвовали в подготовке широкого заговора французских протестантов. Вернувшись в Лондон в конце февраля 1560 г., Киллигрю мог доложить о предстоящих важных событиях во Франции. Речь шла о знаменитом Амбуазском заговоре, в котором глава протестантов принц Конде ставил цель захватить короля Франциска II и лидеров католической партии — Гизов. Главным организатором заговора был Жан Дю Бари де ла Реноди, который выполнял поручения не только Конде, но и английской разведки.

Заговор был очень опасным для Гизов, но его не удалось сохранить в тайне. О нем узнали, в частности, лазутчики герцога Савойского и кардинала Гранвеллы, испанского наместника в Нидерландах, поспешившие известить обо всем Гизов. Информация, хотя и довольно неточная, просочилась к Гизам и по другим каналам. Из попытки захватить двор врасплох в Амбуазе ничего не вышло, и протестантский заговор потерпел полную неудачу.

В декабре 1560 г. умер Франциск II. Мария Стюарт перестала быть царствующей королевой Франции и вскоре уехала в Шотландию. Гизы потеряли контроль над французской политикой. Вступление на престол брата умершего короля, Карла IX, фактически передало бразды правления в руки его матери Екатерины Медичи, которая в это время стремилась

предотвратить открытую войну между католиками и гугенотами. Сэр Николае Трокмортон придерживался прямо противоположного мнения насчет желательного направления развития событий во Франции. К этому времени он успел создать прочную разведывательную организацию и мог посылать Сесилу подробные отчеты о малейших изменениях французской политики. Екатерина Медичи, со своей стороны, установила постоянную слежку за британским дипломатом.

События вскоре пошли как раз по руслу, по которому их стремился маправить Трокмортон, хотя в том не было его особой заслуги. Убийства гугенотов в Васси и в других местах по наущению Гизов послужили в

1562 г. сигналом к началу первой из ряда религиозных войн, растянувшихся на полстолетия. Гугеноты взялись за оружие, их силы во главе с адмиралом Шатийоном и Конде сосредоточились в Орлеане. И там же очутился британский посол с немалым количеством золота. Сэр Николае видел в гражданской войне во Франции не только средство вернуть Кале. Трокмортон думал о большем. Он писал Сесилу, что при умелом ведении дел Елизавета «будет в состоянии стать арбитром и правителем христианского мира» вместо испанского короля.

Правительство Елизаветы предполагало побудить гугенотов уступить Англии Гавр и Дьепп как плату за военную помощь. Эти города могли быть потом обменены на Кале. В Лондоне учитывали стратегическое значение Дьеппа и особенно Гавра, а также занятого гугенотами Руана. Гавр и Руан были ключами к Парижу, так как контролировали устье Сены, по которой осуществлялся подвоз продовольствия во французскую столицу. Поэтому агенты Сесила появились в этих городах, выясняя возможности их обороны против королевской армии и готовность принять английские гарнизоны. В августе 1562 г. туда же прибыл Киллигрю. Он пытался не только определить военные силы гугенотов в этом районе, но и убедить их лидеров принять английскую поддержку. Киллигрю пришлось пережить много опасных приключений, прорываясь силой с отрядом солдат через территорию, занятую неприятелем. В октябре 1562 г. английские войска прибыли в Гавр. Помощь запоздала и оказалась крайне недостаточной. Сам Киллигрю, раненный в ногу, попал в плен. Спасли его от печальной участи других пленных англичан, преданных смерти, лишь заступничество влиятельных друзей и надежда французских католиков получить немалый выкуп. После уплаты солидной суммы он был отпущен на родину.

Что же касается Трокмортона, то Екатерина Медичи, естественно, не строила никаких иллюзий на его счет и наотрез отказалась выдать ему пропуск для выезда из осажденного Орлеана. Трокмортону вдобавок напомнили о его крайней неблагодарности, поскольку, по мнению французского правительства, оно, предоставив сэру Николасу право убежища во время правления Марии Тюдор, спасло ему жизнь. Как бы то ни было, для переговоров с французским двором прибыл еще один английский посол — сэр Томас Смит, а Трокмортон с неопределенным статусом остался в стане гугенотов, в декабре присутствовал при неудачной для них битве при Дре и был взят в плен войсками герцога Гиза. Вскоре последовало убийство Гиза, оно привело к перегруппировке сил в обеих партиях.

Задачей Трокмортона, вырвавшегося теперь из плена, было сохранить Гавр. С этой целью он привез адмиралу Шатийону 20 тыс. ф. ст. для оплаты наемных германских рейтаров. 3 июня 1563 г. в городе вспыхнула эпидемия чумы, от которой погибла большая часть гарнизона и прибывших подкреплений. 22 июля город капитулировал. Интервенция окончилась полной неудачей, а Трокмортон, снова сменивший занятия разведчика на ремесло дипломата, отправился, как ни в чем не бывало, в Руан для переговоров с Екатериной Медичи об улаживании досадных недоразумений между английским и французским дворами. Флорентийка пришла в ярость от этой бестактности — или очень ловко изобразила гнев — и, придравшись к тому, что у Трокмортона по-прежнему не было пропуска, попросту посадила его под арест. Трокмортон провел в заключении 10 месяцев. Терпение не принадлежало к числу его добродетелей, все это время он обвинял Томаса Смита в том, что тот не предпринимает должных усилий для освобождения своего коллеги.

Фламандец Бани и великомученики

После казни Анны Болейн — второй жены Генриха VIII и матери Елизаветы I — ее брак с королем был признан незаконным (а в глазах католиков он был таким с самого начала, так как папа не разрешил Генриху развод с его первой женой). Поэтому права Елизаветы на престол могли быть поставлены под сомнение. Их и начал оспаривать испанский король Филипп II. Предъявлять свои притязания на трон, как отмечалось стала и шотландская королева Мария Стюарт. После смерти своего мужа французского короля Франциска II она вернулась на родину. Здесь, следуя мимолетной прихоти, королева второй раз сочеталась браком с красивым, но ничтожным Генри Дарнлеем. Однако вскоре она вместе со своим любовником герцогом Босвелом избавилась путем убийства от ставшего ей в тягость мужа. Объявив о своем браке с Босвелом, Мария окончательно рассорилась с шотландскими лордами и потерпела поражение в начавшейся открытой войне с ними. Марию заключили в тюрьму, откуда она бежала летом 1568 г. в Англию. Ненавидевшая ее Елизавета быстро превратила свою «дорогую сестру» в пленницу, находившуюся в почетном заключении, которое, впрочем, постепенно становилось все менее почетным.

Романтический образ шотландской королевы, ее трагическая судьба не раз вдохновляли поэтов и писателей от Шиллера до Стефана Цвейга. Их занимала острота коллизии между обольстительной, пылкой, способной на безрассудные поступки Марией и некрасивой, трезвой, расчетливой Елизаветой. Эти столкнувшиеся в смертельной битве женщины связали себя с двумя могучими враждебными началами — с уходящим феодализмом и новым нарождающимся буржуазным строем. Борьба двух королев была столкновением контрреформации и Реформации, конфликтом между стремившейся к мировому господству католической Испанией и быстро набиравшей силы протестантской Англией.

Пока Мария Стюарт жила в Англии, пусть в заточении, шотландская королева оставалась главой всех католических интриг, особенно опасных из-за поддержки могущественной Испании и всей католической Европы. А ведь значительная часть английского населения в это время еще была католической, в том числе немало дворянских семей, особенно на севере страны.

Однажды в 1571 г. в таможне портового города Дувра был подвергнут осмотру багаж молодого фламандца Шарля Байи. Он не впервые приезжал в Англию и отлично владел английским языком. Можно было бы добавить, хотя это вряд ли тогда было известно таможенным служащим, что Байи столь свободно говорил по-французски и по-итальянски, что в Англии его принимали за англичанина, а в Шотландии — за шотландца. Он легко мог выдавать себя, не возбуждая подозрений, и за знатного дворянина, и за купца, и за актера — словом, принимать самые различные обличья. Собственно, таможенники в этот раз не обратили бы особого внимания на приезжего, если бы заранее не получили предписания об обыске от главного министра королевы Елизаветы Уильяма Сесила, лорда Берли, смертельного врага католической партии и Марии Стюарт. Шпионы Берли, возглавлявшего тайную службу Елизаветы, давно присматривались к поездкам слишком уж расторопного и ловкого иностранца. Обыск дал желаемые результаты. В багаже Байи были обнаружены письма и шифрованные бумаги, которые уже много месяцев стремился заполучить Берли…

Подходил к концу третий год пребывания королевы Марии Стюарт в Англии, и ее друзья не дремали. Находившаяся под арестом королева имела в своем арсенале могучее средство привлекать и очаровывать недавних врагов. И этим средством было не столько воспетое поэтами очарование шотландской королевы и не защита ею старой католической веры, сколько соблазнительные надежды браком с пленницей открыть себе дорогу к шотландской, а может быть, — кто знает? — и к английской короне. Перед этим соблазном не устояло не только несколько католических дворян, ему поддался могущественный, хотя и недалекий, герцог Норфолк, протестант и едва ли не самый богатый вельможа в Англии. Когда Сесил сообщил Елизавете, что Норфолк, назначенный членом комиссии, расследовавшей роль Марии Стюарт в убийстве мужа, перешел на ее сторону, гневу английской королевы не было предела. Неловко пытавшийся прикрыть свою измену Норфолк в присутствии Елизаветы дурно отзывался о Марии Стюарт. Намекая на ее участие в убийстве Дарнлея, герцог говорил, что он не привык ночью ожидать удара из-за угла. «Милорд, — сухо заметила Елизавета, — присмотритесь получше к подушке, на которую склоняете свою голову».

Норфолк был арестован и посажен в лондонский Тауэр — тюрьму для государственных

преступников, где его сторонники пытались поддерживать с ним сношения, пересылая записки в винных бутылках.

Поднятое на севере католическое восстание было подавлено. Тысячи участников восстания были повешены без всякого суда. Берли приказал, чтобы тела повешенных висели «до тех пор, пока они не развалятся на куски». Главари восстания графы Уэстморленд и Нортумберленд укрылись в Ирландии. Правда, их ближайший советник сэр Роберт Констебл стоял за возвращение в Англию. Он убеждал Уэстморленда, что его наверняка помилуют. Граф Уэстморленд, конечно, не знал, что Констебл был шпионом Берли, уполномоченным истратить крупную сумму — 1000 ф. ст. для поимки руководителя католиков на севере. Тем не менее Уэстморленд предпочел бежать в Испанию. Нортумберленд через два года вернулся в Англию и сложил голову на плахе, а Норфолк, против которого не имелось прямых улик, был пока выпущен из Тауэра, но оставлен под домашним арестом.

Однако заговорщики продолжали действовать. Папа римский Пий V в специальной булле отлучил Елизавету от церкви, к которой она, впрочем, и не принадлежала, будучи протестанткой, объявил королеву Англии низвергнутой с престола. Главой заговорщиков стал шотландский католический епископ Росский Джон Лесли. Он принадлежал к числу придворных Марии Стюарт, которых ей разрешили сохранить при себе. Официально Лесли считался послом шотландской королевы в Англии. Другим важным участником заговора был итальянский банкир Ридольфи, являвшийся одновременно агентом папы, Филиппа II и его наместника в Нидерландах кровавого герцога Альбы. (Поэтому позднее стали говорить о «заговоре Ридольфи».) Итальянец заручился согласием Норфолка содействовать испанскому вторжению в Англию. Герцог обещал поднять восстание и держаться 40 дней против королевских войск, если ему дадут денежную субсидию и обязуются поддержать его высадкой вспомогательной испанской армии численностью 6 тыс. человек.

Ридольфи побывал во Фландрии у герцога Альбы, в Мадриде и Риме. Альба, правда, был настроен скептически, считая, что тайна, в которую уже посвящено слишком много людей, не может быть сохранена и что это обрекает на неуспех планы заговорщиков. Он рекомендовал Филиппу II подумать об устранении Елизаветы путем убийства. После этого Ридольфи направил Байи с шифрованными письмами к Лесли, Норфолку и еще одному заговорщику — лорду Лэмли. Байи вез и тщательно припрятанный ключ к шифру, а также напечатанное во Фландрии сочинение Лесли «Защита чести Марии, королевы шотландской», в котором недвусмысленно выдвигались ее права на английский престол.

Вот с каким опасным грузом задержали Байи дуврские таможенники. Уже провоз мятежных книг на английском языке представлял собой достаточное основание для ареста. Фламандца вместе со взятыми у него письмами и бумагами под охраной отослали в резиденцию губернатора южных портов лорда Уильяма Кобгема. По дороге Байи удалось послать Лесли весть о своем аресте.

При осмотре писем выяснилось, что в них не указаны фамилии адресатов, а лишь выставлены цифры 30 и 40. Байи утверждал, что его попросили перевезти письма и что ему не известны ни шифр, ни значение этих цифр. Однако вскоре был обнаружен шифр — его отыскали, разрезав подкладку камзола Байи. Таким образом, в руки Кобгема попали нити опаснейшего заговора, который сплела контрреформация против правительства Елизаветы. Губернатор, которому было еще не известно, что скрывалось за цифрами 30 и 40, намеревался немедля доставить захваченные бумаги лорду Берли. Услышав об этом, Байи как-то странно посмотрел на присутствовавшего при допросе родного брата губернатора Томаса, который недавно втайне принял католичество. Тот понял значение этого взгляда и сказал, что если эти бумаги попадут к Берли, то герцог Норфолк — конченый человек. Однако ни Томас, ни Байи не осмелились разъяснить Кобгему, почему адресаты, помеченные таинственными цифрами 30 и 40, затрагивают могущественного герцога. Губернатор решил ехать к Берли.

По дороге, в лодке, Томас снова начал с жаром убеждать брата не передавать бумаги Берли. Эти просьбы тем более имели вес, что сам Уильям Кобгем находился в какой-то связи с Ридольфи и боялся, что главный министр так или иначе докопается до этого обстоятельства. Но как скрыть от Берли и его вездесущих тайных соглядатаев бумаги, официально конфискованные таможенниками и привезенные ими Кобгему? Лодка подплыла к дому

министра. Продолжавший колебаться Кобгем отдал книги, захваченные при аресте Байи, …и с письмами вернулся домой. Надо было на что-то решиться. Вместо того, чтобы передать письма Берли, Кобгем переслал их к Лесли с вежливым письмом, содержащим просьбу к епископу как к послу иностранной государыни явиться завтра к нему и вместе распечатать таинственную корреспонденцию. Ловкому прелату и не требовалось ничего больше. Он без промедления прибыл в испанское посольство, где вместе с послом доном Герау Деспесом занялся спешной фабрикацией поддельных писем, которые должны были заменить настоящие. Фальшивые были написаны тем же шифром, что и подлинные. В них сохранялся враждебный в отношении Елизаветы тон, но были выброшены все указания на существование заговора. Несколько других писем, вроде письма Марии Стюарт дону Герау, было дополнительно вложено в пакет, чтобы окончательно усыпить подозрительность Берли. Настоящие же письма были отправлены Норфолку и лорду Лэмли. После того как сфальсифицированная корреспонденция была переслана Берли, Лесли для пущего правдоподобия даже официально потребовал ее выдачи, ссылаясь на неприкосновенность дипломатической переписки.

Берли на некоторое время был обманут фальшивыми письмами. Однако его поразил наглый тон книги Лесли, за которым должны были скрываться какие-то далеко идущие планы. Кроме того, подозрительность министра питали и донесения посланного им во Фландрию разведчика Джона Ли. Он выдавал себя за католика, бежавшего от правительственных преследований, и втерся в круг католических дворян, эмигрировавших из Англии и активно участвовавших в заговорах против Елизаветы. Но Берли не любил ненужной поспешности. Он придерживался принципа «бросать камень так, чтобы не было видно кинувшей его руки». Из предосторожности он отправил Байи в тюрьму Маршальси, хотя узнавший об этом Лесли тщетно доказывал, что фламандец является его слугой и пользуется дипломатическим иммунитетом.

Берли решил продолжать игру и перехитрить своих врагов. Главным его козырем были арест Байи и опасение Лесли и дона Герау, что их связной сообщит что-либо противоречащее той версии, которую они довели до сведения Берли с помощью фальшивых писем. Берли ожидал, что будут предприняты попытки установить связь с Байи, и не ошибся в своих предположениях. Сначала дон Герау послал верного человека к фламандцу, потом Лесли направил к нему ирландского священника. Оба они не вернулись. А тут неожиданно подвернулось счастливое обстоятельство…

Темной ночью в мрачную сырую камеру, где на вязанке соломы лежал, дрожа от холода, Байи, неожиданно проникла какая-то фигура. Заключенный с радостью узнал своего старого знакомого. Да, это был Томас Герли, которого благочестивые католики считали святым великомучеником. Двоюродный брат леди Нортумберленд, жены предводителя недавнего католического восстания, Герли за участие в этом выступлении был брошен в тюрьму. Заключенные и посетители тюрьмы Маршальси видели, как несчастного страдальца заковали в тяжелые цепи и неделями держали в подземных темницах на хлебе и воде. Католики, включая епископа Росского и дона Герау, считали Герли невинной жертвой протестантов. Многие пытались даже заручиться советами или благословением узника в благочестивой уверенности, что на него нисходит дух божий. Последнее доказать, конечно, трудно. Доподлинно известно другое: Герли находился на постоянном жалованье у лорда Берли; не установлено только, пытался ли он требовать прибавки за свою славу святого. Во всяком случае, он предлагал принять участие в похищении или убийстве любого человека по желанию лорда Берли. К услугам столь любезного человека и обратился министр.

Все это, конечно, было неизвестно Байи, который в ответ на сообщенные Герли «важные тайны» поведал ему много такого, о чем с живейшим интересом утром узнал любознательный Уильям Сесил. Но спрос на услуги великомученика быстро возрастал. К святому обратился Лесли и попросил, учитывая, что Герли разрешили свидания с посетителями, послужить связным между епископом и Байи. Герли с готовностью вызвался уважить желание достойного прелата. С писем, которые он носил от Лесли к Байи и от Байи к Лесли, разумеется, снимались точные копии в канцелярии лорда Берли. Эти письма, однако, были шифрованными, и шифр раскрыть не удавалось. А святой при очередной встрече с Байи не совсем ловко сыграл свою роль и проговорился. Байи понял, что перед ним правительственный шпион. Министр тогда

приказал привезти Байи. к себе и потребовал от него расшифровать свою корреспонденцию с Лесли. Фламандец уверял, что потерял ключ к шифру. Тогда Берли приказал перевезти пленника в Тауэр, чтобы надежно изолировать его от других заговорщиков, и там подвергать пытке до тех пор, пока он не откроет содержания шифрованных писем.

На стене камеры Байи сохранилась вырезанная им надпись, помеченная 10 апреля 1571 г.: «Мудрым людям следует действовать с осмотрительностью, обдумывать то, что они намерены сказать, осматривать то что они собираются брать в руки, не сходиться с людьми без разбору и превыше всего не доверять им опрометчиво. Шарль Байи». Однако, как мы увидим, автор плохо вник в смысл того поучения, которое он вывел из своего знакомства с Томасом Герли…

На протяжении апреля и мая 1571 г. Байи подвергали допросу под пыткой, впрочем, по понятиям закаленных на этот счет современников, не очень суровой. Дон Герау, с понятным вниманием следивший за событиями, деловито сообщал, что «Байи более напугали, чем нанесли ему телесные повреждения». Лесли не мог разделять хладнокровное спокойствие испанца: тому в самом худшем случае угрожала высылка на родину, а для епископа с его сомнительным титулом «посла» арестованной Марии Стюарт вполне реально вырисовывалась перспектива самому познакомиться с прелестями Тауэра. Поэтому не удивительно, что он всячески старался укрепить дух Байи, посылая ему постельные принадлежности, вкусную пищу и, главное, постоянные напоминания о том, как вели себя в языческих темницах христианские святые, прославившие церковь.

По-видимому, «святые» действительно никак не желали оставить в покое злополучного фламандца. Трюк с Герли оказался настолько удачным, что Сесил решил попробовать еще раз. А чтобы преодолеть естественное недоверие Байи, решили обратиться к услугам святого, репутация которого стояла вне всяких подозрений. В Тауэре в это время сидел доктор богословия Джон Стори. Католический фанатик, призывавший к убийству Елизаветы, после ее восшествия на престол бежал во Фландрию и сделался испанским подданным, продолжая там плести сети заговоров против английского правительства. Герцог Альба поручил Стори богоугодное дело — обыскивать корабли в Антверпене и конфисковывать протестантские книги, которые пытались контрабандой провезти во владения испанского короля. Однажды, когда достопочтенный доктор богословия явился на один из кораблей, команда неожиданно подняла якорь и на всех парусах направилась в английский порт Ярмут. Это было судно, специально посланное для того, чтобы изловить Стори и доставить в Англию, Суд приговорил Стори как изменника к смерти. Но Елизавета в эти годы еще играла в милосердие и отказывалась подписывать смертные приговоры за политические преступления. (Тысячи участников восстания на севере были казнены без суда, да к тому же это ведь были простые крестьяне!) Как бы то ни было, Стори продолжал сидеть в Тауэре, ожидая своей участи, а авторитет его среди рьяных католиков возрастал с каждым месяцем заключения.

Правда, доктор Стори, с готовностью выполнявший поручения гер-Цога Альбы, не годился на роль агента лорда Берли. Но министр не привык останавливаться перед такими пустяками. Ведь Байи не знал Стори в лицо; фламандцу было лишь известно, что почтенный доктор сидит в одной из соседних камер. Роль Стори было поручено сыграть одному из ловких разведчиков Сесила, некоему Паркеру (тому самому, который организовал похищение богослова из Антверпена).

Ночью перед дремавшим Байи возникла худая длинная фигура нового святого. Можно ли было сомневаться в докторе Стори? Тем более wo он ведь ни о чем не спрашивал Байи, а лишь жалел и сокрушался о несчастьях, постигших фламандца. И не только сокрушался, но и дал Байи мудрый совет, как избежать предстоящей ему назавтра более суровой, чем прежние, пытки и вместе с тем верно послужить римской церкви и королеве Марии. Байи следует наняться на службу к лорду Берли и начать за ним шпионить, сообщая добытые сведения епископу Росскому. А поступить к Берли на службу будет очень нетрудно: дело в том, что министр уже узнал каким-то образом ключ к шифру. Так что Байи лучше всего будет раскрыть этот шифр, все равно уже известный, и таким путем войти в доверие к Берли… Байи поддался на соблазнительное предложение избегнуть пытки и в то же время помочь заговорщикам. На другой день он открыл ключ к шифру и был крайне поражен, когда понял, что полностью выдал своих доверителей. Предложение поступить на службу к Берли было также, конечно,

отвергнуто к неменьшему удивлению Байи. Злополучному фламандцу теперь оставалось лишь заполнять каменные стены своей темницы нравоучительными сентенциями о вреде нетерпения, которые он составлял на английском, французском и латинском языках. (Его освободили через несколько лет и выслали на родину.)

Однако Байи не знал и не мог поэтому выдать самого главного секрета — кто скрывался за цифрами 30 и 40. Берли попытался это выведать у самого Лесли с помощью нашего старого знакомого Томаса Герли. Епископ Росский, так как ему не передавали никаких сведений от Байи, не подозревал о подлинной роли Герли и продолжал поддерживать с ним связь через верных людей. Однако, сколько ни жаловался, потрясая кандалами, мученик на преследования со стороны нечестивого министра еретической королевы, посланец епископа не мог ему сообщить значение двух таинственных цифр. Да и письма, которые можно было расшифровать, были ведь фальшивые — это теперь стало ясным для Берли. Нужно было овладеть подлинными письмами.

Вскоре епископ получил письмо от Герли. Почтенного человека, как стало известно Лесли, снова допрашивали и угрожали пыткой. Герли в своем письме просил о помощи и доверии со стороны епископа. Тот, несмотря на полное сочувствие мукам страдальца, все же не видел причин для сообщения ему содержания своей секретной корреспонденции.

Делать нечего, по приказу Тайного совета Лесли был арестован и подвергнут допросу относительно писем, которые привез Байи, и поручений, которые давались Ридольфи. Епископ попытался вывернуться с помощью нового обмана, заявив, что «30» означает дона Герау, а «40» — Марию Стюарт и что оба эти письма он сжег. Что же касается писем, которые были посланы с Ридольфи, то они, по уверению Лесли, содержали просьбу о помощи со стороны папы римского и герцога Альбы для борьбы против врагов Марии Стюарт в Шотландии. Иначе говоря, епископ отчаянно пытался замести следы своего участия в заговоре против Елизаветы и скрыть само существование этого заговора.

Берли, конечно, не поверил ни одному слову в показаниях епископа Росского. Но министр все еще не знал, кто действительно скрывался за двумя цифрами. Пока что Лесли, учитывая его сан и становившуюся, правда, призрачной роль «иностранного посла», посадили под арест в резиденции одного англиканского епископа. Строгость заключения, в котором содержалась Мария Стюарт, заметно возросла, ее слугам было запрещено после заката солнца покидать место заключения королевы.

Борьба продолжалась. Испанский государственный совет, получив предложение герцога Альбы, стал обсуждать различные планы убийства Елизаветы. Ридольфи был принят с почетом в Риме и Мадриде. Со своей стороны, Берли продолжал настойчиво стремиться к обнаружению всех нитей заговора. Для этой цели был неожиданно использован Джон Хокинс — один из «королевских пиратов», которые с фактического соизволения Елизаветы вели на море необъявленную войну против Испании, захватывая нагруженные золотом и серебром испанские корабли на пути из колоний на родину. Чтобы освободить своих матросов, попавших в плен к испанцам и томившихся в тюрьмах инквизиции, Джон Хокинс сделал вид, что решил вернуться в лоно католической церкви. Получив аудиенцию у Марии Стюарт, он послал в Мадрид своего агента Джорджа Фитцуильяма, который привез с собой рекомендательное письмо от шотландской королевы. Обманутый Филипп II отдал распоряжение освободить английских моряков и выдать каждому из них по 10 дукатов. Испанский король приказал также передать Хокинсу патент на титул испанского гранда и, что важнее, большую сумму денег — целых 40 тыс. ф. ст. В свою очередь, Хокинс обещал перейти со своим флотом на сторону Испании. В сентябре или октябре 1571 г. английские корабли должны были уйти во фландрские порты и предоставить себя в распоряжение герцога Альбы. 4 сентября Хокинс с удовлетворением писал Берли о своих испанских партнерах по переговорам: «Я надеюсь, Господь Бог разрушит их планы и они сломают себе шею из-за собственных умыслов».

Оставалось лишь не до конца ясно, кто должен был, по мнению Хокинса, ломать шею. Вернее, бравый моряк считал, что это будет зависеть от обстоятельств. Берли знал, что Хокинс завел переговоры с испанцами по собственному почину, и, лишь когда о них стало известно Тайному совету, начал действовать по уполномочию правительства Елизаветы. Но Берли не было ведомо, что Хокинс сообщил далеко не все ему известное о планах испанского вторжения.

Капитан пиратов оставлял себе возможность в случае успеха Альбы выполнить договор с испанцами, который пока что Хокинс заключил с целью обмануть их по поручению Берли. Однако дела пошли так, что патриотизму Хокинса не пришлось выдерживать серьезное испытание.

Но вернемся, однако, к «заговору Ридольфи». Берли был осведомлен об испанских планах и до получения письма Хокинса — министру писали об этом из-за рубежа английские дипломаты и тайные агенты. В сообщениях называлось имя Норфолка. В это время Берли снова пришел на помощь счастливый случай. Мария Стюарт просила французский двор о финансовой помощи для борьбы против своих шотландских врагов. Французский посол передал доставленную ему из Парижа крупную денежную сумму Норфолку, а тот приказал своему секретарю Хидкорду отослать полученные деньги в Шропшир, откуда их должны были переправить в Шотландию. Хидкорд попросил направлявшегося в Шропшир купца доставить туда небольшой мешок с серебряной монетой для передачи управляющему одного из имений герцога. Тот охотно согласился выполнить такую вполне обычную просьбу. Однако по дороге у него возникли подозрения — мешок оказался тяжелым. Купец сломал печать на мешке. В нем лежало много золота и шифрованное письмо. Путник повернул обратно и передал неожиданную добычу Берли. Хидкорд был немедленно арестован, но утверждал, что не знает ключа к шифру. Однако испуганный слуга Норфолка тут же сообщил о существовании тайника в спальне герцога. Посланные Берли полицейские чины обнаружили в тайнике шифрованное письмо Марии Стюарт относительно планов Ридольфи. После этого Хидкорд сдался и выдал ключ к шифру письма, обнаруженного в мешке с золотом.

Той же ночью Норфолк был арестован и отправлен в Тауэр. Вначале он занял позицию полного отрицания, но потом, объятый страхом за свою жизнь, обещал рассказать обо всем. Берли послал Норфолку длинный вопросник. Вскоре вместо ответа комендант Тауэра принес перехваченное письмо герцога, которое он пытался послать со своим слугой. В этом письме герцог давал указание сжечь его шифрованную переписку. После этого Берли уже мог действовать более уверенно. Один из секретарей Норфолка сразу же сознался и указал, где хранятся письма Марии Стюарт, другой пытался запираться, но его вынудили под пыткой к признанию. Арестованных слуг герцога разместили в тюрьме Маршальси, где их заботливым другом (и внимательным слушателем) оказался наш знакомец Томас Герли. Он работал, превратив мученичество в золотую жилу.

Теперь очередь дошла и до Джона Лесли. Он попытался отделаться россказнями, пока ему не дали понять, что речь идет о сохранении его собственной жизни. Это было больное место епископа. Лесли если и устраивал путь на Голгофу, то только в духе Томаса Герли. Почтенный прелат не был особо рьяным врагом чревоугодия (сохранились инструкции, которые он, уже находясь в тюрьме, давал своим слугам относительно приготовления для него обильных трапез). Не был Джон Лесли и аскетом — злые языки даже приписывали ему трех незаконных детей. Словом, Лесли не надо было дважды повторять и так весьма недвусмысленно сделанный намек. «Глупо скрывать правду, увидев, что дело раскрыто», — нравоучительно заметил при этом епископ Росский.

Он сообщил все, что знал: об участии Марии Стюарт и Норфолка в подготовке недавно подавленного католического восстания на севере, о планах нового восстания — на этот раз в Восточной Англии — и намерении захватить Елизавету. Но Лесли не ограничился этим. По своей собственной инициативе он, пытаясь сделать приятное Елизавете, объявил, что, как ему доподлинно известно, Мария Стюарт знала об убийстве своего мужа Дарнлея (в чем ее обвиняли в Англии и что она упорно отрицала). Более того, с элегантностью опытного придворного Лесли в качестве епископа католической церкви тут же настрочил послание Марии Стюарт, отечески увещевая ее и призывая отказаться от заговоров, уповая на милость божью и королевы Елизаветы. «Этот поп — живодер, страшный поп!» — воскликнула в ярости шотландская королева, получив епископские излияния. Лесли написал также льстивую и сервильную проповедь в честь Елизаветы. После этого епископ Росский мог уже не бояться карающей длани английского правосудия. Правда, ему приходилось опасаться другого: как бы Елизавета не выдала его правительству Шотландии в обмен на арестованных там участников английского католического восстания. Но в конце концов главного из этих пленников

шотландцы продали английским властям за 2 тыс. ф. ст.

Теперь уже епископ Росский мог с философским спокойствием наблюдать за дальнейшим развитием событий. 2 июля 1572 г. из своего окна в Тауэре он имел возможность взирать на казнь герцога Норфолка. Это зрелище навело его лишь на элегические размышления о том, что Норфолку вряд ли было бы лучше, если бы ему удалось стать мужем Марии Стюарт. В беседе с доктором теологии Томасом Вильсоном он разъяснил, что шотландская королева отравила первого мужа, убила с помощью любовника второго и пыталась таким же способом отделаться от соучастника ее преступления.

Дон Герау после неудачной попытки убрать с дороги лорда Берли покинул Англию. (Некоторые историки — преимущественно из числа иезуитов — склонны считать, что Ридольфи был агентом-двойником, провокатором, выполнявшим приказы Уильяма Сесила.)

Так окончился знаменитый «заговор Ридольфи». Но, может быть, читатель захочет узнать о дальнейшей судьбе епископа Лесли после его освобождения из Тауэра и отъезда во Францию? О, эта жизнь была потом заполнена трудами на благо многих — и королевы Елизаветы, и Филиппа II, и французского короля Генриха III, и римского папы… Словом, на пользу всякого, кто, как надеялся почтенный епископ, мог бы обеспечить его достойной пенсией и добиться возвращения земель, конфискованных у него в Шотландии. А так как цели всех этих лиц были, как правило, прямо противоположными, то Лесли неоднократно уличали в двуличии, в занятии шпионажем, в воровстве и подделке государственных бумаг и во многом, многом другом. Но, как и следовало ожидать, достойный прелат оказался выше того, чтобы обращать внимание на эти нападки, раз они не грозили более ощутимыми неудобствами.

Ищейки Уолсингема

В 1572 г. Берли, заняв пост лорда-канцлера (главы правительства), передал непосредственное управление разведкой Френсису Уолсингему, сохранив за собой общее руководство. Уолсингем родился около 1532 г. в семье видного юриста. По матери Уолсингем находился в родстве, впрочем очень отдаленном, с Марией Болейн, старшей сестрой Анны Болейн, и, следовательно, с теткой королевы Елизаветы. Френсис Уолсингем много учился — сначала в Кембридже, потом в коллегии адвокатов. Годы правления Марии Тюдор он провел за границей, изучая право в Падуанском университете, где терпимо относились к протестантам. В эти годы Уолсингем нередко встречался с членами тогда еще молодого «Общества Иисуса». Интересуясь искусством государственного управления, Уолсингем изучал знаменитый труд Николо Макиавелли «Государь», пополнял свои знания в беседах с такими знатоками дела, как венецианские и флорентийские политики. Несомненно, что Уолсингем внимательно присматривался к организации разведки в итальянских государствах, считавшейся образцом для всей Европы. Молодой англичанин даже внешне напоминал смуглых, черноволосых сыновей жаркой Италии. Елизавета прозвала его «мавром».

В 1560 г. Уолсингем вернулся в Англию, но несколько лет вел жизнь сельского сквайра. На королевскую службу он поступил только в 1568 г. и сразу же завоевал доверие Сесила. В частности, Уолсингем стал получать донесения из-за рубежа о подготовке покушения на королеву, которую вели Гизы. В одном из таких сообщений британский посол в Париже Норрис рекомендовал в качестве ценного агента некоего капитана Франсуа. Это был псевдоним Томазо Франсиотто, протестанта из города Лукки, который 40 лет работал на французскую разведку, а позднее стал одним из лучших шпионов Уолсингема. Еще летом 1568 г. Уолсингем договорился с лордом-мэром Лондона о еженедельном составлении списка иностранцев, которые снимали помещения в столице, чтобы выявить среди них возможных заговорщиков. В декабре 1568 г. Уолсингем писал Сесилу, что при существующих условиях «менее чреваты угрозой излишние, чем недостаточные, опасения» и что «нет ничего более угрожающего, чем (мнимая) безопасность». С 1570 по 1573 г. Уолсингем занимал пост английского посла в

Париже и был свидетелем Варфоломеевской ночи. Вслед за своим предшественником Николасом Трокмортоном Уолсингем завел шпионов, следивших как за действиями французского правительства, так и за интригами в Париже англичан и ирландцев, принадлежавших к лагерю врагов Елизаветы. В числе агентов посла был ирландский! капитан

Томас, выдававший себя за эмигранта-католика. Ему было поручено следить за попытками архиепископа Кэшела установить связи с французским двором. Впрочем, в течение этих лет Уолсингем в основном руководил людьми, принятыми на службу лордом Берли. Однако в последующие десятилетия он создал свою разветвленную разведывательную сеть.

Ревностный кальвинист, верящий в предопределение, Уолсингем был искренне убежден, что принадлежит к числу избранников божьих. Он не брезговал услугами профессиональных преступников, авантюристов, головорезов, в которых не ощущалось недостатка ни в одном из европейских городов. Это ведь была чернь, на которую не распространялась милость господня. Не очень важно, если они обременят лишним смертным грехом свою душу, и так обреченную на вечное проклятие. Уолсингем даже сформулировал такой принцип: «Если бы не было негодяев, честные люди едва ли бы могли узнать что-либо о злоумышлениях, направленных против них». А обеспечивать верность человеческого отребья нельзя иначе, как страхом и золотом. «За нужные сведения никогда нельзя платить слишком дорого» — таков был девиз Уолсингема. Он был сторонником бескомпромиссной борьбы против Филиппа II, иногда даже вступая в пререкания с более осторожным Берли. Елизавета не раз упрекала Уолсингема в стремлении ускорить войну с Испанией ради интересов его приятелей-пуритан, критиковавших государственную англиканскую церковь за то, что она сохранила многое от католицизма. «Не хочу войны, не хочу войны!» — кричала она во время одного приема, одергивая своего слишком воинственного «мавра». Тем не менее королева полностью доверяла уму и опыту своего шефа секретной службы.

В конце 70-х и в 80-х годах план Филиппа II и его союзников — германского императора, римского папы — и всех сил католической контрреформации оставался, по существу, прежним — уничтожить очаг ереси в голландских и бельгийских владениях испанской короны. Для этого необходимо было лишить Нидерланды возможности получать помощь от Англии, свергнуть с престола Елизавету, возвести на английский трон Марию Стюарт, предлагавшую свою руку испанскому королю, и таким образом установить полную гегемонию Испании и католицизма. Раздираемая религиозными войнами Франция не могла быть серьезным препятствием на пути осуществления этих планов. В случае, если бы не удалось свергнуть Елизавету с помощью тайной войны, в резерве оставался план высадки в Англии испанской армии, считавшейся тогда лучшей в Западной Европе.

Англия стремилась сорвать эти планы прежде всего организацией непрерывной войны против испанского судоходства. Захват и ограбление испанских кораблей английскими корсарами ослабляли Испанию и заметно увеличивали ресурсы Англии, служили прямому обогащению имущих классов — от лондонских купцов до самой Елизаветы — тайного пайщика компании «королевских пиратов». В задачу британской секретной службы входили прежде всего предотвращение заговоров, наблюдение за подготовкой к высадке в Англии испанской армии и сбор информации, которая облегчила бы английским пиратам войну на море. Разведывательная сеть Уолсингема в целом весьма успешно справилась со всеми этими заданиями.

Смиренный монах, учившийся в иезуитском колледже в Дуэ или Сен-Омере, английский дворянин, вернувшийся в лоно католической церкви богатый итальянец, портовый чиновник в Малаге или путешествующий французский купец, парижский дуэлянт или студент одного из знаменитых германских университетов — за каждым из них мог скрываться разведчик Уолсингема. У него были агенты разного профиля: «просто» шпионы, шпионы-провокаторы, специалисты по дешифровке, мастера подделки писем и печатей. Так, например, в 1580 г. на континент отправился некто Джон Следд. Месяцами он странствовал в компании католических священников, бежавших из Англии, побывал в Риме и вернулся в Лондон с подробнейшим отчетом о 285 англичанах, находившихся за границей, — студентах, военных, купцах, священниках. В отчете были подробно указаны семейные связи этих лиц, приметы на случай, если придется заняться их поимкой, и т.д.

Одним из удачливых агентов шефа елизаветинской разведки был Энтони Мэнди — известный актер и драматург, оказавший, возможно, влияние на Шекспира. Мэнди родился в 1560 г. в семье лондонского книготорговца и уже в молодые годы добился успеха на сцене. В 1578 г. по поручению Уолсингема Мэнди отправился в Рим и, утверждая, что является

католиком, под псевдонимом поступил в Английский колледж, который готовил миссионеров для засылки в Англию. Учеба Мэнди давалась легко, он получал всяческие поощрения от своих римских наставников, что не мешало ему выкраивать время и для составления подробных отчетов для своих лондонских начальников. В этих отчетах Мэнди сообщал имена воспитанников Английского колледжа, планы католических заговорщиков. По возвращении в Англию Мэнди принял участие — в 1581 и 1582 гг. — в розыске своих «однокашников», которых хорошо знал в лицо. Услуги Мэнди получили должную оценку, его в числе некоторых особо заслуженных разведчиков вознаградили должностью при дворе. Многие его пьесы ставились в столичных театрах.

В числе агентов Уолсингема были драматург и актер Мэтью Ройстон, рано умерший талантливый драматург Уильям Фаулер и будущий знаменитый драматург Кристофер Марло, когда он еще учился в Кембриджском университете. Но об этом ниже.

Английская разведка, видимо, имеет приоритет в вербовке на службу писателей и актеров. Во всяком случае, в Англии такая традиция прочно удерживалась в течение по крайней мере двух веков после правления Елизаветы и если потом и прерывалась, то была полностью возрождена в XX столетии. С примерами «литературных» связей разведки нам придется еще не раз столкнуться.

У Уолсингема не было средств на содержание многочисленной агентуры, и он обращал внимание на профессиональные качества своих разведчиков, позволявшие им получить доступ к главным источникам политической и военной информации в Ватикане, Мадриде, в испанских гаванях, Нидерландах, где наместники Филиппа II готовили свержение Елизаветы с престола и покорение Англии. Так, в одно время Уолсингем получал информацию из 12 различных мест во Франции, из 9 — в Германии, из 3 — в Нидерландах, из 4 — в Испании, из 4 — в Италии (в том числе из Английского колледжа в Риме).

Сеть Уолсингема состояла из костяка в виде доверенных, постоянно используемых людей, число которых было, надо думать, сравнительно небольшим, и большего числа агентов, используемых от случая к случаю за скромную плату. Англия еще не была той богатой страной, какой стала впоследствии. Расчетливая Елизавета хорошо знала счет деньгам и отпускала их на секретную службу не очень-то щедро, значительно меньше, чем тратили другие крупные державы. Не раз ее послам, да и самому Уолсингему, со вздохом приходилось выкладывать из своего кармана деньги, которые не удавалось никакими усилиями выудить у скуповатой королевы. И тем не менее, когда речь шла о борьбе на главных участках непрекращавшейся тайной войны, денег не жалели. В 1587 г. Уолсингем получил 3300 ф. ст. — самое крупное ассигнование на секретную службу за все время правления Елизаветы. Наиболее отличившимся агентам давали пенсии и мелкие придворные должности.

Уолсингем не имел под рукой чиновничьего аппарата, которому мог бы передоверить руководство своей сложной машиной. Главный секретарь сам поддерживал связь со всей многочисленной агентурой. Ближайшими помощниками Уолсингема были его личные секретари — Френсис Миллс и Томас Фелиппес. Этого Фелиппеса, низкорослого человека с рыжими волосами и изуродованным оспой лицом, мы еще не раз встретим. Фелиппес знал много иностранных языков. Его по праву считали непревзойденным специалистом в чтении зашифрованных текстов, а также в подделке чужих почерков, вскрытии писем без ломки печатей. В прошлом он имел какие-то столкновения с законом и был спасен Уолсингемом от наказания. Известен и третий доверенный эксперт Уолсингема — Артур Грегори. Он был специалистом по незаметному вскрытию писем и по фабрикации поддельных печатей.

Своеобразие века отразилось и в попытках совместить разведку с астрологией и даже с колдовством. Шекспировский Макбет, став королем Шотландии, говорит о неверных ему баронах (танах):

Во всех домах у знати кто-нибудь
Из челяди подкуплен мною. Завтра
С рассветом я отправлюсь к вещим сестрам
Пусть больше скажут…

При широком распространении как раз в XVI и в начале XVII столетия веры в козни сатаны и дьявольской челяди их нередко примешивали ко многим событиям тайной войны. В 1572 г. граф Шрюсбери, который был назначен сторожить Марию Стюарт, поручил своим шпионам разведать, где совершают шабаш «католические ведьмы». Он заподозрил их в намерении освободить шотландскую королеву. Лорд Берли заслал своего разведчика Даути в эскадру адмирала Френсиса Дрейка. Тот не мог открыто расправиться с Даути как со шпионом всесильного министра и казнил его как чернокнижника, навлекшего бурю на английские корабли.

Нечистую силу часто подозревали в занятии шпионажем. Гадание по звездам тоже не раз переплеталось с тайной войной. Лорд Берли подослал к царю Ивану Грозному астролога Бомелия, которому царь, впрочем, поручил другое важное занятие — приготовление ядов. Однако Уолсингему, видимо, принадлежит приоритет в использовании гороскопов для нужд секретной службы. Практичный шеф разведки при этом совсем не стремился, подобно многим своим современникам, извлечь нужные сведения из астрологических прорицаний; он, напротив, хотел лишь использовать гороскопы для дезинформации, причем не только врагов, но и своей повелительницы королевы Елизаветы. Уолсингем это делал с целью отвратить ее от невыгодного, по его мнению, внешнеполитического курса. Известно, что Уолсингем был противником планов брака Елизаветы с герцогом Анжуйским, а позднее с его младшим братом герцогом Алансонским. Гороскопы обоих возможных женихов составлял придворный музыкант и астролог Джон Ди, который не раз выполнял важные разведывательные поручения Уолсингема. Позднее, когда к берегам Англии вот-вот должна была двинуться Непобедимая армада Филиппа II, Ди «предсказывал» бури, которые рассеют вражеский флот. Это делалось с целью помешать вербовке английских и ирландских католиков в испанские войска. Гезы

Даже после раскрытия «заговора Ридольфи» было очевидно, что ни сам Филипп II, ни его наместник в Нидерландах герцог Альба не проявляли склонности к полному разрыву с правительством Елизаветы и к оказанию значительной военной поддержки возможному католическому мятежу в Англии. Несомненно, что скованность войск Альбы в Нидерландах играла важную роль в определении позиции Филиппа, но были и другие веские причины — прежде всего давнишнее соперничество с Францией, в борьбе против которой было важно обеспечить хотя бы нейтралитет, а в лучшем случае — даже поддержку Елизаветы. С другой стороны, большинство членов английского Тайного совета и прежде всего, конечно, сам Берли склонялись к мысли, что вовсе не следует вести дело к открытому противоборству протестантизма и католической контрреформации, которое могло бы объединить Испанию и Францию против Англии. Вместе с тем усиление освободительной борьбы в Нидерландах против Испании поставило английское правительство перед необходимостью принятия важных политических решений. Разрешая добровольцам из Англии вступать в ряды голландских повстанцев — «Морских гезов» и в войска Вильгельма Оранского, в Лондоне опасались, что их успехи будут способствовать вторжению французских войск в южные провинции Нидерландов, во Фландрию. А захват ее французами считался английским правительством еще более нежелательным, чем даже победы герцога Альбы.

В начале июня 1572 г. Берли составил меморандум по фландрскому вопросу, возможно, предназначенный для его коллег по Тайному совету. Этот меморандум показывает, между прочим, насколько прямо разведка ставилась на службу текущим задачам дипломатии. В меморандуме предусматривались такие меры, как засылка агентов во Флессинген и Бриль для выяснения настроений населения и обследования оборонных сооружений, направление доверенных людей к графу Людвигу Нассаусскому и в Кельн для определения намерений немецких князей. Одновременно фиксировалась задача определить, в состоянии ли Альба противиться натиску французов. Если да — то нужно предоставить обеим сторонам право самим решать свои споры, если нет — то для избежания перехода во французские руки фландрских портов надлежит секретно сообщить испанскому наместнику о намерении Англии прийти к нему на помощь. От «кровавого герцога» следует лишь попросить заверения, что он предполагает освободить жителей Фландрии от непереносимого угнетения и не вводить там инквизицию.

Вскоре затем пришло известие о кровавой Варфоломеевской ночи в Париже, вызвавшее

большое возбуждение среди английских протестантов. Разъяснения французского посла Ламота Фенелона, что гугеноты понесли наказание за заговор против законной власти, а не за свою веру, призывавшего к сохранению союзных отношений, встречались очень холодно Елизаветой и лордом Берли. Фенелон протестовал против тайной английской помощи бунтовщикам — протестантам Ла-Рошели. В этих условиях, по-видимому, французский двор задумал какую-то сложную каверзу, не вполне учитывая эффективность тайной службы лорда Берли. В октябре 1574 г. к Берли прибыли секретные агенты герцога Алансонского, который, питая честолюбивые планы, заигрывал с вождями гугенотов. Герцог, по словам его посланца, предлагал Елизавете оказать помощь ларошельцам, обещая за это передачу ей всей Гасконии и других французских территорий, некогда принадлежавших Англии. Английская дипломатия навела справки и выяснила, что, по-видимому, эти агенты были действительно посланы герцогом Алансонским. Они утверждали, что герцог собирается бежать в Англию, и по их просьбе был отправлен специальный корабль к гавани Сен-Валери. Однако посланное судно напрасно ожидало брата короля, курсируя около этого нормандского порта. В конечном счете в Лондоне пришли к выводу, что речь идет об обманном маневре с целью получить доказательства враждебных действий английского правительства против интересов французского короля.

Осенью 1572 г. Берли явно стал считать желательным частичное соглашение с Филиппом II. Еще в 1568 г. английские пираты захватили много испанских кораблей, груженных драгоценными металлами. Испанцы ответили конфискацией британского имущества в Нидерландах, а правительство Елизаветы, в свою очередь, присвоило испанскую собственность в Англии. Баланс этих обоюдных мероприятий был сведен с большим дефицитом для Испании, даже если не причислять к нему «дополнительный» захват британскими пиратами в Ла-Манше и Па-де-Кале еще немало других испанских судов. За счет всей этой добычи Елизавета могла возместить ущерб, понесенный английскими купцами, товары которых были утрачены в Нидерландах, притом отнюдь не забывая о собственном кармане, Альба, вечно нуждавшийся в деньгах для оплаты своих наемных войск, распродал изъятые британские товары. Короче говоря, в результате всех этих операций в убытке остались лишь испанские купцы, а обе высокие грабящие стороны не видели причин для особого неудовольствия. Англичане просто не спешили с соглашением, которое могло бы помешать дальнейшему прибыльному промыслу их пиратских судов, однако в конце концов желание восстановить прерванную традиционную торговлю с Нидерландами взяло верх и привело к подписанию Нимвегенской конвенции об этом в апреле 1573 г. Замена Альбы на посту наместника более осторожным Рекесенсом еще больше ослабила напряженность в англо-испанских отношениях, правда, только временно — слишком непримиримы были цели политики обеих держав.

Все же после заключения Нимвегенской конвенции казалось, что английская политика приобретает явно происпанский крен. В июле 1574 г. в Лондон прибыл в качестве посланца доброй воли испанский дипломат Бернандино де Мендоса. (Нам еще придется не раз столкнуться с ним, когда он позднее займет пост постоянного посла в Англии.)

Мендосу ожидал пышный прием, он вел долгие переговоры с главными советниками королевы — Берли, Лейстером, Хэттоном, его одаривали богатыми подарками — золотыми цепями, лошадьми и охотничьими собаками.

Но тайная война против Испании не прекращалась. Лорд Берли, несмотря на участившиеся припадки подагры, продолжал даже лично руководить английскими разведчиками, посланными за рубеж. Среди них заслуживает особого упоминания некий Джон Ли, отчеты которого сохранились в английском государственном архиве. Если верить свидетельству самого Ли, то он был выходцем из джентри, солидным купцом, эмигрировавшим в Антверпен в конце 60-х годов после какого-то скандального столкновения с родственниками жены. Ли был католиком и именно поэтому был избран для «работы» среди английской католической эмиграции в Нидерландах. Там находились вожди недавнего католического восстания граф Уэстморленд, Френсис Нортон и другие, которые легко могли стать орудием испанской интервенции против Англии. Ли принимал самое деятельное участие в уже известном нам похищении доктора Стори (двойник которого, как мы помним, столь ловко провел злополучного Шарля Байи).

Однако главным заданием, полученным Джоном Ли, было убедить наиболее влиятельных людей среди эмигрантов просить прощения у Елизаветы и вернуться на родину. Разумеется, это все не могло прийтись по вкусу испанским властям, которые, по мнению самого Ли, были поставлены в известность о его усилиях женой того же доктора Стори. В октябре 1572 г. разведчик был схвачен, но успел в последний момент перед арестом уничтожить наиболее компрометирующие бумаги. В апреле 1573 г. Ли предстал перед судом, в качестве доказательства его шпионских занятий фигурировали копии писем к Берли. Английское правительство проявило на этот раз большое рвение, чтобы спасти своего агента, воспользовавшись благоприятным поворотом в отношениях с Испанией. Лейстер написал личное письмо герцогу Альбе, в результате чего Ли был освобожден. Дальнейшая судьба разведчика неизвестна — молчание архивов может означать, что Берли потерял интерес к своему агенту после его разоблачения. Не исключено, что в последующие годы Ли фигурировал в секретных бумагах под вымышленным именем.

Действия своей агентуры Берли дополнял установлением личной переписки с графом Уэстморлендом, лордом Генри Морли, Френсисом Энглфилдом, Томасом Копли, с помощью которой и отдельных услуг хитроумный министр Елизаветы пытался убедить своих корреспондентов, что он их лучший друг среди приближенных королевы.

Этим отнюдь не ограничивалась активность английской разведки. Восстановление внешне нормальных, если не дружественных, отношений с Испанией очень затрудняло связи Англии с голландцами. Были отозваны английские добровольцы, сражавшиеся на стороне гезов. Елизавета даже обещала, что, если Альба вышлет английских эмигрантов, она прикажет голландским «мятежникам» покинуть Англию. Королева неоднократно предлагала свое посредничество с целью добиться прекращения вооруженной борьбы в Нидерландах, соглашаясь на восстановление там власти Филиппа II при условии признания им старинных вольностей этой страны. Аналогичное посредничество германского императора привело к созыву конференции в Бреда (март 1575 г.), которая окончилась неудачей и вряд ли могла завершиться иначе, а от английских услуг испанские власти вообще вежливо отказались. Война продолжалась, и положение повстанцев, казалось, становилось критическим. Поэтому в случае отказа Елизаветы от помощи восставшим возникла почти в равной степени неприятная для Англии перспектива — либо установление абсолютной власти Филиппа II над всеми Нидерландами, либо призыв голландцами на помощь французов.

Между тем поддерживать контакты с гезами через обычные дипломатические каналы было сложно — английский посол при испанском наместнике Томас Вильсон сообщал Берли, что постоянно находится под «бдительным оком» Рекесенса.

Оставались поэтому только методы тайной дипломатии и секретной службы. Еще не были поставлены подписи под Нимвегенским соглашением, как в Голландии появился подвижник католической веры Уильям Герли, сменивший пост тюремного провокатора на должность тайного дипломатического агента. В мае 1575 г. Герли вернулся с письмом Вильгельма Оранского к лорду Берли, содержавшим просьбу о финансовой помощи. Одним из активных агентов Берли в лагере повстанцев в 1574 г. был некий капитан Честер, который ранее командовал группой английских волонтеров.

В конце января 1576 г. в Лондон прибыл посол Рекесенса де Шампаньи, губернатор Антверпена. Его целью было настоять на прекращении помощи голландцам. Шампаньи вел долгие переговоры с Берли, каждый раз меняя мнение о намерениях Англии. Посла приняла сама королева, неожиданно разразившаяся тирадой против голландских кальвинистов, стремившихся упразднить монархию, и добавившая, что Филипп II — старый друг и что она не забыла его заступничество за нее во время правления королевы Марии. После этой аудиенции Шампаньи уже не знал, что думать, — это, видимо, и было целью его царственной собеседницы. В марте он уехал с пустыми руками.

Голландским представителям в Лондоне не устраивали роскошных приемов, лорд Берли вообще не имел с ними никаких дел. Голландцы вели беседы с неким Уильямом Герли, и это уж их дело было — воспринимать или нет советы, подаваемые столь красноречивым джентльменом. С другой стороны, кто мог воспретить Уильяму Герли писать об этих встречах своему старому благодетелю лорду Берли? Справедливости ради стоит заметить, что и

голландцы не сумели добиться твердых обещаний о помощи вследствие нерешительности, которая обычно в таких случаях охватывала Елизавету. (Впрочем, по сведениям испанских дипломатов, в эти месяцы не прекращалось отплытие из английских портов кораблей, груженных вооружением и амуницией для голландских повстанцев.)

Последующие два-три года были временем крупных неудач испанцев в Нидерландах, и у Англии исчезла необходимость скрывать свои отношения с Вильгельмом Оранским. Однако установление дипломатических контактов, разумеется, не прекратило деятельности разведки.

В конце 1573 г. стало очевидным, что дни французского короля Карла IX сочтены и что корона перейдет к его брату герцогу Генриху Анжуйскому, избранному на польский престол. Ранее, как отмечалось, велись переговоры о браке между герцогом Анжуйским и Елизаветой, окончившиеся безрезультатно. Теперь кандидатом в мужья Елизаветы стал младший из трех братьев — герцог Франциск Алансонский; переговоры об этом браке растянулись на доброе десятилетие и служили орудием в сложной дипломатической игре английского и французского правительств. В 1574 г. герцог Алансонский, успевший уже после Вар-фоломеевской ночи внешне примириться с матерью и участвовать в войне против гугенотов, снова вступил в столкновение с Екатериной Медичи. Герцог строил планы овладеть престолом еще до того, как Генрих Анжуйский, услыхав о смерти Карла IX, успеет вернуться в Париж. Однако Екатерина Медичи твердо решила, что престол достанется ее любимому сыну Генриху, и Франциск был снова посажен под арест. Все это вызвало надежду в Лондоне, что герцог Алансонский может стать главой проанглийской группировки при французском дворе. В апреле 1574 г. в Париж были направлены секретные агенты, чтобы выяснить положение герцога Алансонского. В мае в Париж прибыл специальный представитель Елизаветы капитан Лейтон. Екатерина Медичи и Карл IX, доживавший последние недели своей мрачной жизни, заявляли, что герцог Алансонский пользуется полной свободой. Лейтону даже формально разрешили переговорить с герцогом, а тому запретили встречаться с англичанином. Однако ловкий капитан ухитрился тайно повидаться с младшим братом короля, тот просил денег, которые позволили бы ему подкупить стражу и бежать. В конце мая Берли считал нужным удовлетворить эту просьбу, но события опередили английскую разведку. Через несколько дней умер Карл IX, герцога Алансонского держали под замком в Лувре, пока в начале августа из Варшавы не примчался Генрих Анжуйский.

Отношения Англии с новым королем Генрихом III вначале складывались неблагоприятно (в Лондоне его считали сторонником крайне католической группировки Гизов), потом они еще не раз претерпевали изменения. А герцог Алансонский, этот изуродованный оспой мелкотравчатый интриган и ничтожество, долгое время оставался претендентом на руку «королевы-девственницы». В первой половине 80-х годов Лондон даже поддерживал его притязания на трон Нидерландов.

Иезуиты тем временем нанесли ответный удар. Принц Вильгельм Оранский показал себя опытным политиком и, несмотря на испытанные им поражения, умелым полководцем, выставлявшим против испанцев новые и новые войска. Филипп II, стиснув зубы от ярости, изыскивал средства, как избавиться наконец от проклятого еретика.

…Дело началось совсем неожиданно — с неотвратимой опасности банкротства. А угрожало оно испанскому купцу Каспару Анастро, проживавшему в начале 1582 г. в Антверпене. О печальном состоянии своих дел Анастро признался только близкому другу Хуану де Исунке, не подозревая, что говорит с тайным членом иезуитского ордена. Через несколько дней Исунка, успевший куда-то съездить — очевидно, за инструкциями, — под строжайшим секретом сообщил Анастро, что открыл средство, как предотвратить банкротство друга. Правда, для исполнения проекта потребуется некоторое мужество, но и награда будет щедрой — 80 тыс. дукатов! К тому же церковь добавит и свою долю — отпущение всех грехов и твердую гарантию вечного блаженства. А совершить надо всего лишь одно — убить принца Вильгельма Оранского, заклятого врага святой веры. Сгоряча купец согласился: слишком приятным звоном отозвалось в ушах банкрота упоминание о 80 тыс. дукатов — огромной суммы для того времени. Но когда он трезво взвесил все обстоятельства, стало ясно, что баланс сводился с большим пассивом. Шансов уцелеть было немного, а кому нужны золотые дукаты на том свете? Пожертвовать же головой взамен гарантии небесного блаженства явно не было

расчета. Но и упускать выгодное дело было ни к чему.

И Анастро принял решение, достойное купца: вызвал своего кассира Венеро, который долгое время служил у него и пользовался доверием. Венеро, правда, тоже уклонился от сомнительной чести, но зато предложил найти подходящего человека. Им оказался некий Жан Хаурегви. Исунка и Анастро приняли предложение Венеро, и они уже втроем принялись обрабатывать избранного ими молодого фанатика. Тот выразил согласие, а его духовник доминиканский монах Антоний

Тиммерман постарался всемерно укрепить Хаурегви в его похвальном намерении.

Хаурегви наметил совершить покушение 18 мая. В этот день Исунка и Анастро поспешили скрыться из Антверпена и бежали в Турне, где стояли испанские войска. Хаурегви поджидал Вильгельма Оранского в церкви, но не смог протиснуться через свиту придворных. Однако позднее он сумел добиться аудиенции. Едва Вильгельм вошел в комнату, где его дожидался Хаурегви, как тот почти в упор выстрелил в принца из пистолета. Вильгельм был лишь ранен в челюсть, но упал, оглушенный шумом выстрела и ослепленный огнем взрыва, который опалил ему волосы. Придворные изрубили Хаурегви саблями. В карманах камзола убитого нашли документы, благодаря которым можно было установить фамилии Хаурегви и его сообщников. Удалось схватить Венеро и Тиммермана, которые выдали все детали заговора.

Однако для Вильгельма это была лишь отсрочка. Филипп II объявил его еще в 1580 г. вне закона, и иезуиты неустанно подыскивали новый удобный случай для убийства ненавистного главы нидерландских еретиков. Их орудием стал некий Бальтазар Жерар, которого окончательно убедил решиться на покушение один иезуитский проповедник. Жерар приобрел фальшивые бумаги на имя Гийона, сына известного протестанта, казненного за приверженность новой вере. Фамилия Гийона помогла Жерару завоевать доверие в лагере Вильгельма Оранского. Некоторое время он как будто колебался и, находясь проездом в Трире, посоветовался поочередно с четырьмя иезуитами. Орден Иисуса недаром славился четкой централизацией. Все четверо дали один и тот же ответ. 10 июля 1584 г. Жерар явился во дворец Вильгельма с просьбой об аудиенции. Принц Оранский был занят и обещал поговорить с посетителем после обеда. Убийца стал дожидаться во дворе. Когда Вильгельм вышел с несколькими приближенными, Жерар приблизился к нему и выстрелил из пистолета, заряженного тремя пулями. Вильгельм Оранский был смертельно ранен. Иезуитский агент бросился бежать, но был настигнут солдатами. Его казнили через несколько дней.

Иезуиты могли убедиться, что смерть Вильгельма Оранского мало что изменила. Голландцы продолжали бороться с возраставшим успехом против испанских войск. Орден попытался еще раз обезглавить движение, организовав новый заговор — на этот раз против сына Вильгельма принца Мориса Оранского. В 1595 г. иезуитский агент Петр Панне явился в Лейден, где находился Морис. В Лейдене Панне был встречен двумя переодетыми иезуитами, которые руководили его действиями и успели вручить освященный святыми отцами кинжал. Панне оказался неудачным агентом. Его расспросы о Морисе Оранском возбудили подозрение. Панне был арестован и казнен. Но его иезуитских наставников, конечно, уже и след простыл.

Кинжал убийцы

В августе 1572 г., после десятилетия кровопролитных гражданских войн, во Франции наконец забрезжила надежда на мир. Его было решено скрепить женитьбой одного из руководителей протестантского лагеря короля Наваррского Генриха Бурбона на сестре французского короля Карла IX Маргарите Валуа (знаменитой «королеве Марго»), На торжества в Париж прибыли сотни дворян-гугенотов. Эта попытка примирения закончилась кровавой Варфоломеевской ночью. По приказу короля и его матери Екатерины Медичи 3 тыс. гугенотов были убиты на рассвете 24 августа, дня святого Варфоломея. Кровавые побоища перекинулись и на другие французские города. Генрих Наваррский спас себе жизнь тем, что перешел в католичество (как только опасность миновала, он вновь стал протестантом).

Варфоломеевская ночь не оказалась смертельным ударом для гугенотов. Гражданские войны продолжались с прежним ожесточением. Наследовавший Карлу IX его брат Генрих III в целом продолжал политику своего предшественника. Он то воевал с гугенотами, то мирился с

ними, чтобы воспрепятствовать полному господству организации, созданной католиками, — Католической лиги и ее главы герцога Генриха Гиза.

Это было время, когда свои разведки имели король, королева-мать, Католическая лига. В страну были засланы испанские, английские, голландские лазутчики, иезуиты. Шпионажем занимался и Бюсси д'Амбуз, молодой придворный фаворит герцога Алансонского, старшего брата герцога Анжуйского, который вступил на престол под именем Генриха III, сохранив при этом герцогский титул. Его приключения и трагический конец служили не раз сюжетом для поэтов и романистов (в том числе и для А. Дюма в романах «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять»). По поручению своего патрона Бюсси в 1578 г. попытался добиться согласия голландцев на то, чтобы Фландрия, которую еще предстояло отвоевать у испанцев, перешла под власть герцога Анжуйского. Английское правительство одобрительно относилось к интервенции французских войск, но сумело добиться, чтобы голландские Генеральные штаты решительно отвергли честолюбивые планы герцога. Бюсси впал после этого в немилость у д'Анжу, а Генрих III уже давно ненавидел юного красавца за дерзкие отзывы о королевских фаворитах. Бюсси был вынужден удалиться в Анжер, где был наместником герцога Анжуйского. Там у него завязался роман с графиней де Монсоро, муж которой находился в столице, занимая важный пост при дворе. Бюсси проболтался о своем романе в письме к одному приятелю, от того новость узнали герцог и Генрих III, решившие раскрыть глаза обманутому мужу. Взбешенный граф немедля вернулся домой, заставил жену написать Бюсси записку, в которой она назначила ему свидание на следующую ночь. Когда Бюсси явился в замок, на него набросились граф и нанятые им убийцы. По легенде, графиня де Монсоро мстила за смерть возлюбленного; в действительности она мирно прожила свой век, став матерью многочисленного семейства.

Генрих III отлично знал, что Генрих Гиз выжидает лишь удобного случая, чтобы овладеть престолом. В конечном счете конфликт между Генрихом III и Католической лигой принял открытый характер. Король должен был покинуть Париж, где всем заправляла Католическая лига. Генрих в очередной раз примирился с вождем гугенотов Генрихом Наваррским. Началась «война трех Генрихов». Королевское войско осадило непокорную столицу. Генрих III потребовал, чтобы герцог Гиз прибыл к нему для объяснений, а когда тот счел для себя выгодным явиться для переговоров, приказал королевским телохранителям заколоть его кинжалами.

После убийства Гиза война между Генрихом III и Католической лигой продолжалась. Во главе Лиги встали младший брат Гиза герцог Майеннский и его сестра герцогиня Монпансье, которые решили любой ценой разделаться с ненавистным королем, последним представителем династии Валуа. Его смерть открыла бы Гизам дорогу к трону.

Орудием осуществления замысла Гизов был избран доминиканский монах, 22-летний Жак Клеман. Это был резкий, решительный и вместе с тем туповатый малый, целиком находившийся во власти самых нелепых суеверий. Приор монастыря на улице святого Якова убедил Клемана в том, что ему предопределено совершить великий подвиг для блага церкви. Монаху даже внушили, что он обладает чудесной силой делать себя невидимым для чужих глаз.

Когда королевская армия подошла к Парижу, Клеман сам заявил своим духовным начальникам, что стремится совершить великое дело. Осторожно, не спрашивая о существе дела, приор постарался укрепить брата Клемана в его решимости. Ходили слухи, что для «верности» ему дали какое-то наркотическое средство. Клемана также представили герцогине Монпансье. Несмотря на свою нескладную фигуру и короткие ноги, роскошно разодетая аристократка произвела большое впечатление на молодого монаха и постаралась убедить Клемана ни в коем случае не оставлять своего похвального намерения. В ход были пущены все средства обольщения, обещание кардинальской шапки и вечного блаженства на небесах. Кроме того, добавляла герцогиня, она прикажет арестовать в качестве заложников большое число сторонников Генриха III, так что никто не осмелится в королевской ставке и пальцем тронуть Жака. Вскоре монах узнал, что герцогиня сдержала свое слово — были взяты под стражу 300 лиц, обвиненных в равнодушии к делу Католической лиги и в скрытом сочувствии партии короля.

Клеман поспешил к приору и попросил разрешения перебраться в монастырь в Сен-Клу,

где находилась королевская штаб-квартира. Приор, ни о чем не расспрашивая Клемана, достал ему пропуск на выезд из Парижа и передал несколько писем (одно — настоящее, остальные — подложные) от арестованных в Париже сторонников Генриха III.

Заговорщик отправился к королю под видом секретного гонца от противников лиги. Придворные поверили его рассказу и на следующий день устроили ему аудиенцию у Генриха, которому посланец обещал открыть важную государственную тайну. Клеман передал королю письмо, а затем вонзил нож в его живот.

«Проклятый монах, он убил меня!» — в ужасе закричал Генрих. Клеман даже не пытался бежать, твердо надеясь на чудо. Прибежавшая стража в ярости подняла его на пики. На следующий день, 2 августа 1589 г., Генрих III умер…

Еще несколько лет продолжались гражданские войны, опустошавшие страну. В конце концов даже французское дворянство почувствовало необходимость мира, тем более что в стране начало полыхать пламя крестьянских восстаний. Генрих Наваррский в очередной раз переменил религию, бросив при этом. знаменитую фразу: «Париж стоит обедни».

Власть нового короля Генриха IV была довольно скоро признана во всей Франции.

В последний период гражданских войн, в конце 80-х — начале 90-х 46 годов XVI в., важные услуги Генриху IV оказал знаменитый математик Франсуа Виет, имя которого знакомо любому школьнику. Виет нашел ключ к сложному шифру, который использовался Филиппом II, испанским наместником в Нидерландах Александром Фарнезе, принцем Парм-ским и его генералами. Виет нашел способы учитывать и все изменения этого шифра. Филипп II, узнав из перехваченных французских депеш, что его секретную корреспонденцию читают при дворе Генриха IV, в гневе… принес жалобу римскому папе, указывая, что расшифровка явно проводилась с помощью черной магии. В Риме не поверили. Там ведь знали, что еще за 30 лет до этого другой испанский шифр был разгадан находившимся на папской службе Джованни Батистой Ардженти.

В 1598 г. Генрих IV подписал мир с Испанией. Это был серьезный удар по политике Англии. Тщетно английские и голландские агенты пытались узнать условия мирного договора, заключенного в Вервене, которые сохранялись в строжайшем секрете. Большего успеха добился венецианский посол Контарини. Он подкупил хозяина таверны, где остановился на ночлег испанский курьер, который вез текст договора. Испанца опоили каким-то зельем и, пока он спал, сняли копию с трактата. Операция была не из легких. Документ пришлось извлекать из запаянной металлической трубки. При запаивании на металле была оттиснута печать, которую нельзя было не повредить, вынимая содержимое трубки. Вдобавок трубка находилась внутри запечатанной сумки, к которой был приделан конец цепи, обернутой вокруг тела курьера. Словом, пришлось немало поработать, но поддельные печати были сделаны настолько ловко, что в Мадриде ничего не заметили. А Контарини мог, торжествуя, послать в Венецию копию трактата и описание столь ловко проведенной операции, в результате которой драгоценная добыча оказалась в распоряжении Совета десяти.

Победив своих врагов, Генрих IV стал проводить политику, направленную на решение двух задач — восстановления экономики страны, разрушенной во время религиозных войн, и укрепления королевской власти.

При решении второй задачи Генриху сразу же пришлось столкнуться с сопротивлением вельмож, в том числе и тех, которые сражались на его стороне против Католической лиги. К числу недовольных принадлежал герцог Бирон. Это заметили даже при иностранных дворах. Когда маршал Бирон в качестве посла Генриха посетил Елизавету, она указала ему на сотни отрубленных голов, служивших мрачным украшением Лондонского моста, и заметила, что так поступают в Англии со всеми изменниками.

Бирон не принял к сведению этого предостережения. Он вступил в соглашение с врагами Генриха — с герцогом Савойским и, конечно, с Мадридом. Он и его сообщники (герцог Бульонский и др.) договорились разделить Францию на ряд полунезависимых владений под протекторатом Испании. Положение страны было тяжелым, и заговорщики намеревались использовать в своих интересах всех недовольных — и католиков, и протестантов.

Заговор был раскрыт, вероятно, не столько усилиями королевской разведки, сколько благодаря тому, что один из заговорщиков, Лаффен, счел за благо перейти на сторону Генриха

IV. Лаффен учел нерешительный и ненадежный характер Бирона, его детскую веру в астрологию и черную магию; он знал, что этот не раз проявлявший мужество старый солдат часто терялся и совершал нелепые поступки, продиктованные глупостью, тщеславием и корыстолюбием. К тому же Лаффен отлично понимал, какова цена обещаний герцога Савойского и особенно нового испанского короля Филиппа III. Поэтому-то служивший курьером для связи заговорщиков с Савойей Лаффен и решил тайно доносить королю о всех планах Бирона.

Нужны были доказательства, чтобы оправдать арест герцога, и Лаффен добыл их. Однажды вечером Бирон в присутствии Лаффена составил письмо с изложением целей заговора. Лаффен заявил, что это слишком опасный документ, чтобы хранить его в оригинале. Королевский шпион сам предложил скопировать письмо и потом его уничтожить. Бирон согласился. Лаффен быстро снял копию и бросил оригинал в пылающий камин. Конечно, Бирону при этом не удалось заметить, что роковое письмо попало не в огонь, а в щель между задней стенкой печки и каменной стеной. Во время этой же встречи Лаффен попросил Бирона написать ему приказ сжечь все бумаги маршала. Вскоре оба документа были в руках короля. Кроме того, имелись письма Бирона к Лаффену. Этого было достаточно. Лаффен съездил потом к командующему испанскими войсками в Италии графу Фуэнтосу, но подозрительный испанец почуял ловушку и по согласованию еще с одним иностранным участником заговора, герцогом Савойским, решил избавиться от Лаффена. Но если Фуэнтос заподозрил Лаффена, то тот еще ранее заподозрил испанского генерала. Короче говоря, Лаффен успел бежать.

Летом 1602 г. Бирон был вызван ко двору. После некоторого колебания он приехал, так как не подозревал о предательстве Лаффена. Бирона арестовали и казнили по приговору парижского парламента. До последней минуты чванливый герцог считал, что смертный приговор — только комедия и что он попался из-за козней дьявола, с которым был связан Лаффен.

После казни Бирона оставаться в Париже Лаффену стало невозможно. Многие влиятельные сообщники маршала поклялись отомстить предателю. Лаффен скрывался в провинции под охраной королевских солдат. Лишь через несколько лет он решился вернуться в столицу, понадеявшись на короткую память своих врагов. Расчет оказался неверным. На мосту Нотр-Дам к Лаффену бросилась группа вооруженных людей, стащила с лошади и покончила с ним несколькими пистолетными выстрелами в упор.

На протяжении всего царствования Генриху IV приходилось бороться против многочисленных заговоров: то пытались свергнуть его и возвести на престол одного из его незаконнорожденных сыновей, то сдать неприятелю Марсель или Нарбонн. За всеми этими заговорами по-прежнему стояли Испания и орден иезуитов.

Еще 27 декабря 1595 г. король принимал приближенных, поздравлявших его с победой над Лигой. Неожиданно к нему подбежал юноша и попытался ударить кинжалом в грудь. Генрих в этот момент наклонился, чтобы поднять с колен одного из придворных. Это спасло жизнь королю — удар пришелся в рот, и у Генриха оказался вышибленным зуб. Покушавшийся Жан Шатель действовал при подстрекательстве иезуитов — отца Гиньяра и отца Гере. Первый из них был отправлен на виселицу, а иезуиты в том же году были изгнаны из Франции. Но ненадолго. В 1603 г. Генрих IV был вынужден разрешить им вернуться и даже демонстративно взял себе иезуитского духовника.

14 мая 1610 г. король отправился в открытой коляске на прогулку по Парижу. Оставалось всего пять дней до отъезда Генриха IV на войну. Этот ставший легендой человек, в котором сочетались черты развеселого гуляки и мудрого государственного деятеля, теперь решил приступить к осуществлению главного дела своей жизни — ликвидации гегемонии в Европе испанских и австрийских Габсбургов, с трех сторон зажавших в клещи Францию.

…На узкой парижской улице, по которой ехала королевская карета, ей неожиданно преградили путь какие-то телеги. К экипажу подбежал рослый рыжий детина и трижды нанес королю удары кинжалом. Раны оказались смертельными.

По приказу жены Генриха флорентийки Марии Медичи, провозглашенной регентшей при малолетнем сыне Людовике XIII, убийца был вскоре предан суду. Он не отрицал своей вины, утверждал, что никто не подстрекал его к покушению на жизнь короля. Установить личность

преступника не составляло труда. Это был Жан Франсуа Равальяк, стряпчий из Ангулема, ярый католик, неудачно пытавшийся вступить в иезуитский орден и не скрывавший недовольства той терпимостью, которой стали пользоваться по приказу Генриха его бывшие единоверцы — гугеноты. Равальяк несколько раз стремился добиться приема у короля, чтобы предостеречь его против такого опасного курса, и, когда ему это не удалось, взялся за нож. Убийца даже под пыткой продолжал твердить, что у него не было соучастников. Судьи парижского парламента терялись в догадках, их мысль пошла по привычному пути: не подстрекнул ли Равальяка к злодеянию сам дьявол, известный враг рода человеческого? Ведь свидетель обвинения Дюбуа, ночевавший некоторое время в одной комнате с подсудимым, утверждал, что сатана появлялся там в виде «огромного страшного пса». В то же время исповедник погибшего короля иезуит отец Коттон увещевал убийцу: «Сын мой, не обвиняй добрых людей!» На эшафоте Равальяк, даже когда ему угрожали отказом в отпущении грехов, если он не назовет своих сообщников, снова и снова повторял, что действовал в одиночку. Равальяк искренне был убежден, что от этих слов, сказанных им за минуту до начала варварской казни, зависело спасение его души. Но соответствовали ли они действительности?

В 1610 г. судьи явно не имели особого желания докапываться до истины, а правительство Марии Медичи проявляло еще меньше склонности к проведению всестороннего расследования. Но уже тогда задавали вопрос: не приложили ли руку к устранению короля те, кому это было особенно выгодно? Через несколько лет выяснилось, что некая Жаклин д'Эскоман, служившая у маркизы де Верней, фаворитки Генриха (которой неисправимый ловелас даже дал письменное обещание жениться и семейство которой уже устроило однажды заговор, угрожающий жизни короля), пыталась предупредить Генриха о готовившемся на него новом покушении. В его организации помимо маркизы де Верней, по утверждению д'Эскоман, участвовал также могущественный герцог д'Эпернон, мечтавший о первой роли в государстве. Д'Эскоман старалась сообщить обо всем этом королю через его супругу Марию Медичи, но та в последний момент уехала из Парижа в Фонтенбло. Отец Коттон, к которому хотела обратиться д'Эскоман, также отбыл в Фонтенбло, а другой иезуит посоветовал ей не вмешиваться не в свои дела. Вскоре после этого разговора Жаклин обвинили в том, что она, не имея средств на содержание своего сына в приюте, пыталась подбросить малыша. Д'Эскоман была немедленно арестована, по закону ей угрожала смертная казнь. Но судьи оказались мягкосердечными: посадили ее надолго в тюрьму, а потом отправили в монастырь. Не была ли эта снисходительность платой за то, что на суде д'Эскоман ни одним словом не упомянула о заговоре против Генриха IV?

Почему же Мария Медичи уклонилась от встречи с Жаклин д'Эскоман? У этой упрямой и взбалмошной женщины и особенно у ее фаворитов — супругов Кончини были свои причины желать устранения короля. Генрих сильно увлекся молоденькой Шарлоттой Монморанси, ставшей женой принца Конде. Этот бурный роман вызвал серьезные опасения флорентийки. Зная характер Генриха, она допускала, что он может пойти на развод с ней или приблизить принцессу Конде настолько, что она приобретет решающее влияние при дворе. В случае смерти Генриха Мария Медичи становилась правительницей Франции до совершеннолетия ее сына Людовика XIII, которому тогда было всего 9 лет. Фактическая власть досталась бы супругам Кончини, которые имели огромное влияние на Марию Медичи (так оно и произошло впоследствии, хотя герцог д'Эпернон в первые дни после смерти Генриха IV также стремился прибрать к своим рукам бразды правления).

В январе 1611 г. Жаклин д'Эскоман вышла из монастыря и попыталась опять вывести заговорщиков на чистую воду. Ее снова бросили в тюрьму и предали суду. Однако процесс над д'Эскоман принял нежелательное для властей направление. Слуга Шарлотты дю Тилли (которая была близка к маркизе де Верней и находилась в придворном штате королевы) показал, что не раз встречал Равальяка у своей госпожи. Это подтверждало свидетельство д'Эскоман, также служившей некоторое время у дю Тилли, которой ее рекомендовала маркиза де Верней. Судебное следствие прервали, «учитывая достоинство обвиняемых». Президент суда был заменен ставленником двора. Несмотря на давление со стороны правительства, требовавшего вынести смертный приговор д'Эскоман за лжесвидетельство, голоса судей разделились поровну. Подсудимая была приговорена к вечному тюремному заключению. Ее продолжали держать за решеткой и после падения Марии Медичи (1617 г.) — так опасались показаний этой

«лжесвидетельницы».

Жаклин д'Эскоман утверждала, что заговорщики поддерживали связь с мадридским двором. Об этом же сообщает в своих мемуарах Пьер де Жарден, именовавшийся капитаном Лагардом. Они были написаны в Бастилии, куда Лагард был заключен в 1616 г. Он вышел на свободу после окончания правления Марии Медичи. Лагард узнал о связях заговорщиков, находясь на юге Италии, откуда энергичный испанский вице-король граф Фуэнтос руководил тайной войной против Франции. Лагард, приехав в Париж, сумел предупредить Генриха о готовившемся покушении, но король не принял никаких мер предосторожности. В мемуарах Лагарда имеются не очень правдоподобные детали — вроде того, будто он видел Равальяка в Неаполе, куда ангулемец привез якобы письма от герцога д'Эпернона.

Показания д'Эскоман были опубликованы при правлении Марии Медичи, когда она боролась с мятежом крупных вельмож и хотела обратить против них народный гнев. Характерно, что эти показания не компрометировали королеву-мать. Мемуары Лагарда были написаны после падения Марии Медичи и явно имели целью очернить королеву и ее союзника герцога д'Эпернона. Таким образом, оба эти свидетельства могут внушать известные подозрения. Вполне возможно, что Генрих IV пал жертвой «испанского заговора», в котором участвовали какие-то другие люди. В пользу этого предположения говорят настойчивые слухи об убийстве французского короля, распространившиеся за рубежом еще за несколько дней до 14 мая, когда был убит король, а также то, что в государственных архивах Испании чья-то заботливая рука изъяла важные документы, относившиеся к периоду от конца апреля и до 1 июля

1610 г. Что французский король пал жертвой заговора, руководимого испанцами, впоследствии утверждали такие осведомленные лица, как герцог Сюлли, друг и первый министр Генриха IV, а также кардинал Ришелье.

«Английское дело» сынов Лойолы

Еще 25 февраля 1570 г. папа Пий V обнародовал буллу об отлучении Елизаветы от католической церкви, к которой она, впрочем, и не принадлежала, и, главное, освобождавшую англичан от присяги верности королеве. «Мы объявляем, — говорилось в булле, — указанную Елизавету еретичкой и подстрекательницей еретиков, и те, кто является ее приверженцами, также осуждаются и отделяются от христианского мира… Мы лишаем указанную королеву ее мнимых прав на королевство и всех остальных прав… Мы… запрещаем всем и каждому из ее дворян повиновение ее властям, ее приказам или ее законам». Правда, буллу никто не осмелился вручить надменной повелительнице Англии. Оригинал этого изъявления папского гнева так и остался в Ватикане, но его содержание не было пустой угрозой. Булла была издана при получении папой известий о католическом восстании на севере Англии. Правда, к тому времени оно уже было подавлено, но никто не мог предсказать, много ли англичан-католиков сохранит верность королеве, отлученной от церкви.

В 1580 г. Рим объявил, что всякий, убивший Елизавету «с благочестивым намерением свершить божье дело, не повинен в грехе и, напротив, заслуживает одобрения».

Иезуитский орден продолжал подготовку к обращению англичан в свою веру. Один за другим высаживались на английский берег иезуитские лазутчики, тайно проповедовавшие против еретички-королевы и, главное, занимавшиеся сколачиванием всех сил католической партии, подготовкой заговоров в пользу Марии Стюарт и мятежей, которые помогли бы намеченному вторжению испанской армии. По подсчетам ученых, до 1600 г. более 1000 молодых английских священников были посланы Римом в Англию.

Признанным руководителем заговоров был отец Роберт Парсонс, в 1580 г. лично возглавлявший иезуитскую «миссию», которая тайно посетила Англию. Спутник Парсонса Кэмпион был схвачен и повешен, Пар-сонсу удалось бежать. С тех пор в течение многих лет он был, по существу, главным противником Уолсингема в тайной войне, неутомимо плетя из Рима все новые и новые сети заговоров. Иезуитам удалось даже печатать подпольно в Англии памфлеты против королевы. Парсонс занялся составлением плана будущего государственного устройства Англии после победы Филиппа и иезуитов. Католические епископы должны были

получить право назначать членов палаты общин английского парламента, вводилась инквизиция.

Другими видными руководителями католических заговоров были кардинал Аллен (подобно Парсонсу, английский эмигрант) и уэльсский дворянин Хью Оуэн. По слухам — быть может, и неверным, — еще в 1571 г. Оуэн принял участие в «заговоре Ридольфи». Его роль была, правда, скромной: он должен был обеспечить бесперебойную замену лошадей на всем протяжении пути, по которому предполагала бежать Мария Стюарт. Эмигрировав, Оуэн, совместно с Парсонсом и Алленом, разработал детальный план вторжения в Англию испанских войск. В течение нескольких десятилетий скупое испанское правительство аккуратно выплачивало Оуэну значительную пенсию. И не даром. Дом Оуэна в Брюсселе, неподалеку от рынка сыров, стал шпионским центром католических держав, боровшихся с Англией. Отсюда уезжали люди, чтобы в другом платье и под другим именем появиться в лондонской таверне или дворянской усадьбе где-нибудь в Шропшире или Нортумберленде и там приняться за выполнение порученного дела. Они везли с собой письма, спрятанные в отверстии, выдолбленном в изящной трости, или в подошвах ботинок. Письма были написаны на тонкой бумаге — не раз агенту уже после ареста удавалось быстро сжевать и проглотить компрометирующий документ. Впрочем, случалось и так, что человек, покидавший под покровом ночи брюссельский дом около рынка сыров, через пару дней входил в лондонскую резиденцию сэра Френсиса Уол-сингема. И наоборот. Теперь, почти через четыре столетия, уже невозможно разобрать, на кого в действительности работали многие из агентов, числившихся одновременно в списках сотрудников секретной службы и Англии, и противостоявших ей католических держав.

Борьба шла без пощады. Оуэн и Парсонс однажды едва не попали в руки отряда английских войск, сражавшихся во Фландрии. В этом случае их участь была бы быстро решена — выдачи Оуэна правительство Елизаветы требовало еще со времени «заговора Ридольфи». В другой раз Оуэну и его агентам удалось побудить к дезертирству отряд, состоявший из солдат-уэльсцев, который вдобавок без боя сдал испанцам крепость Девентер. Командир отряда Уильям Стенли стал полковником испанской службы. Его полк, действовавший во Фландрии, пополнялся за счет эмигрантов-католиков, и заговорщики в течение многих лет рассчитывали опереться на него в случае государственного переворота и свержения Елизаветы.

В начале 80-х годов иезуиты подготовили очередной заговор (названный ими «английское дело») с целью убийства Елизаветы и возведения на престол Марии Стюарт. А узнал об этом заговоре Уол-сингем на этот раз скорее благодаря счастливой случайности — находке небольшого зеркальца. Его владелец — лазутчик нового испанского посла дона Мендосы — был в 1582 г. задержан английскими властями. При обыске у него и обнаружили зеркальце, за задней крышкой которого были спрятаны важные бумаги.

Вскоре были получены дополнительные сведения из Шотландии. Там был арестован Джордж Дуглас — романтический поклонник Марии Стюарт, на которого она возложила выполнение различных поручений. Под пыткой в Эдинбургском замке он признался в том, что шотландская королева ведет переписку с католическими державами с помощью французского посла Кастельно де Мовиссьера или людей из его свиты. После этого разведчик Уолсингема Генри Фагот сумел поступить на службу в штат французского посольства и, кроме того, подкупить Шере-ля — доверенного секретаря посла.

Через Фагота Уолсингем узнал, что главным организатором нового заговора стал Френсис Трокмортон. При его аресте были обнаружены списки участников заговора, планы вторжения.

Это был человек крепкой закалки. Из окна своей камеры в Тауэре Трокмортону удалось выбросить игральную карту с несколькими наспех написанными фразами. Он извещал своих сообщников, что будет все отрицать, несмотря ни на какие пытки. Однако Трокмортон переоценил свои силы и мужество. Он с негодованием отверг предложение о помиловании, если добровольно сообщит все подробности заговора. Уолсингем приказал подвергнуть его самым жестоким пыткам, мрачно заметив в одном из своих писем: «Я видел, как удавалось сломить людей не менее решительных, чем Трокмортон». Пытка и обман (узнику обещали помилование взамен письменного признания) сделали свое дело: в руках правительства оказались нужные данные. В частности, выяснилось активное содействие заговору со стороны

Гизов — родственников шотландской королевы.

А за спиной заговорщиков снова виднелась тень испанского посла дона Бернардино де Мендосы. Уолсингем попытался окружить его сетью своих людей. Среди них был и секретарь посла Боргезе. Даже агенты самого Мендосы, вроде врача Родриго Лопеса, приставленного подсматривать за фаворитом Елизаветы графом Лейстером, были не очень надежны. Родриго Лопес, опытный интриган, знаток ядов (полезные знания для придворного), был явно шпионом-двойником.

Дона Мендосу попросили встретиться с членами Тайного совета. В их присутствии Уолсингем подробно рассказал пораженному и разъяренному испанцу о его участии в заговоре Трокмортона. Послу Филиппа II было предложено в 15 дней покинуть Англию. В очередной схватке непрекращавшейся тайной войны Елизавета снова одержала победу.

Но и после раскрытия заговора секретарь французского посла Шерель с хорошо оплачивавшимся усердием продолжал снимать копии с переписки, которую все еще вела через французское посольство Мария Стюарт со своим главным агентом в Париже Томасом Морганом.

Заговор Бабингтона

Заговоры Ридольфи и Трокмортона были католическими заговорами против Елизаветы. «Заговор Бабингтона» был правительственной провокацией, внешне носившей форму католического заговора, В этой «эволюции» сказывалось укрепление позиций елизаветинской Англии в борьбе против Испании и ее союзников.

Может возникнуть законный вопрос: зачем при избытке действительных заговоров английскому правительству надо было фабриковать еще и мнимые? Ведь нет никакого сомнения, что в Европе была создана целая организация с центром в Мадриде, пусть неслаженная, нечетко работавшая, как и все начинания Филиппа II, но тем не менее постоянно возобновлявшая попытку избавиться от Елизаветы путем убийства, дворцового переворота или нового католического восстания.

Чего же больше даже для Берли и Уолсингема, которым было выгодно, чтобы народ считал Елизавету подвергающейся смертельной угрозе со стороны испанского короля и его союзников и соглашался поэтому ради обеспечения безопасности страны безропотно нести бремя налогов? Кроме всего прочего, Берли и Уолсингему нужно было запугивать Елизавету постоянными заговорами — это был единственный способ заставить раскошелиться скаредную королеву, не раз урезывавшую ассигнования на секретную службу. К тому же действительные заговоры разыгрывались не так, как этого хотелось бы режиссерам из Уайтхолла. В них непосредственно могли не участвовать как раз те, от кого английское правительство считало особенно необходимым избавиться под предлогом их содействия испанским интригам. Участники реальных заговоров далеко не всегда попадались в сети Уолсингема. Вдобавок это были, как правило, мелкие сошки. Их примерной казнью трудно было поразить воображение народа, привыкшего к постоянным кровавым зрелищам на лондонских площадях и к выставлению на обозрение отрубленных голов, отрезанных ушей и языков на эшафотах и на стенах Тауэра. В этом отношении «свой», продуманный и осуществленный в соответствии со сценарием, составленным в Уайтхолле, заговор имел большие преимущества перед реальными заговорами.

Берли и Уолсингем считали совершенно необходимым разделаться наконец с «гадюкой» — Марией Стюарт. Ведь случись что с Елизаветой, шотландская королева заняла бы английский престол (недаром многие проницательные придворные, в том числе любимцы Елизаветы граф Лей-стер и Хэттон, пытались сохранять в тайне и какие-то связи с опасной узницей). Со смертью Марии Стюарт исчез бы источник постоянных католических интриг. Но подвести под топор палача пленницу, которая как-никак формально оставалась королевой Шотландии и добровольно отдалась в руки своей родственницы Елизаветы, можно было не иначе, как добыв безусловные, неопровержимые доказательства ее участия в заговоре, и притом непременно в заговоре, ставящем целью убийство приютившей Марию Стюарт Елизаветы. А как получишь такие доказательства, если пустить этот заговор на волю волн? Завлечь Марию

Стюарт в заговор собственного производства, решили Берли и Уолсингем, значительно вернее и надежнее. Дело оставалось за техникой, и за нее взялся Уолсингем с присущим ему знанием дела. Конечно, только замысел должен был принадлежать шефу английской секретной службы, исполнителями могли стать лишь доверенные лица Марии Стюарт. Многих из них нельзя подкупить, ну что ж, тем лучше! Не ведая, что творят, они с тем большей естественностью будут играть порученные им роли и потом будут лишены возможности делать какие-либо нежелательные признания на суде.

Очень вероятно, что главная роль среди агентов Уолсингема была отведена молодому католическому джентльмену Джилберту Джифорду. Уж к кому-кому, а к нему сторонники Марии Стюарт могли питать полное доверие. Джифорд был выходцем из католической дворянской семьи, проживавшей в графстве Стаффорд. Его отец даже попал в тюрьму за исповедание католицизма. Юный Джилберт был послан учиться во Францию и образование получил не где-нибудь, а в иезуитской семинарии в Реймсе, готовившей проповедников и разведчиков для осуществления планов контрреформации в Англии. Трудно было разглядеть в нем одного из наиболее ловких агентов Уолсингема. В 1585 г. Джифорд провел несколько месяцев в Париже, совещаясь с главными руководителями партии Марии Стюарт — архиепископом Чарлзом Пейджетом и Томасом Морганом; он убедил их в возможности предпринять новую попытку освобождения королевы. Пейджет и Морган направили Джифорда в Лондон, горячо рекомендуя его французскому послу де Шатнефу. Может быть, Джифорд слегка переиграл, предлагая наладить связь посольства с Марией Стюарт, прерванную после неудачи предшествовавших заговоров. Француз заподозрил что-то неладное и временно отклонил заманчивые предложения слишком уж бойкого молодого человека. Тот, впрочем, нисколько не был обескуражен холодным приемом и часто посещал посольство, куда для него прибывали письма на имя «Николаса Корнелиуса». Одновременно в январе 1586 г. он завязал знакомство со многими католическими домами в английской столице.

Подозрения Шатнефа в отношении Джифорда, постоянно выказывавшего глубокую преданность шотландской королеве, если не рассеялись, то понемногу ослабли. По крайней мере француз решил проверить, на что способен этот столь энергичный воспитанник иезуитов. Посол передал Джифорду письмо к Марии Стюарт, не содержавшее, впрочем, никаких важных сведений. Начало делу было положено.

Получив письмо, Джифорд отправился на родину, в Стаффордшир, и поселился у дяди. Его дом находился всего в нескольких милях от замка Чартли, в который перевезли Марию Стюарт из прежнего места заключения Татбери. Чартли был расположен неподалеку от поместий дворян-католиков, и у узницы снова возникли надежды связаться со своими сторонниками, возобновить столько раз кончавшуюся неудачей смертельно опасную политическую игру. Могла ли Мария Стюарт предполагать, что Чартли окажется той ловко подстроенной западней, в которую ее стремились поймать, чтобы отправить на эшафот?

…Джифорд решил действовать, учитывая местные условия. Расположенный поблизости городок Бартон славился качеством изготовлявшегося там пива. Один из местных пивоваров раз в неделю доставлял бочонок этого приятного напитка в Чартли. Джифорд и сэр Эмиас Паулет, которому было поручено содержать в заточении шотландскую королеву, быстро нашли общий язык с пивоваром — его имя осталось неизвестным, так как в переписке между Уолсингемом и его агентами он именовался просто «честный человек». В бочонок, снабженный двойным дном, вкладывали флягу с письмом. Дворецкий получал бочонок, выливал из него пиво и передавал казавшуюся пустой тару одному из секретарей Марии Стюарт, который извлекал оттуда бумаги и относил их королеве. Таким же путем, в бочонке, на следующий день доставлялись ответные письма Марии Стюарт ее сторонникам. Все эти послания без промедления попадали к Джифорду и спешно переправлялись им в Лондон. Письма были шифрованные, но у Уолсингема были на такой случай проверенные эксперты и среди них мастер своего дела Томас Фелиппес.

«Честный человек» мог, казалось бы, насторожить Марию Стюарт, хорошо знавшую приемы своих врагов, однако заверения Джифорда, которого, в свою очередь, столь горячо рекомендовали Пейджет и Морган, усыпили первоначальное недоверие. Между тем Шатнеф окончательно убедился в верности Джифорда и начал передавать через него всю секретную

корреспонденцию, поступавшую на имя Марии Стюарт из-за границы. Теперь вся переписка шотландской королевы проходила через руки Уолсингема, а если в ней чего-либо и недоставало для доказательства преступных планов узницы, то дело легко можно было поправить благодаря испытанному искусству Фелиппеса.

Джифорд так наладил дело, чтобы оно функционировало даже в его отсутствие. Для этого он договорился со своим другом католиком Томасом Бернсом, не раскрывая, понятно, смысла своей игры, что тот будет получать пакеты от «честного человека» и спешно передавать их еще одному лицу, жившему в Уорикшире около дороги в столицу. Этот последний разными способами доставлял письма во французское посольство (конечно, после того как бумаги побывали в ведомстве Уолсингема). Не столь уж важно, был ли этот человек в Уорикшире посвящен в секреты предприятия или, так же как и Берне, был ничего не подозревавшим орудием Джифорда. Связь работала безупречно в оба конца, и Джифорд мог позволить себе вернуться в Париж. Важно ведь было не только наладить связь, но и обеспечить, чтобы из Парижа к Марии поступали советы, вполне отвечавшие планам Уолсингема. К этому времени о заговоре был подробно информирован Филипп II, рекомендовавший убить Уолсингема и главных советников Елизаветы.

Приехав в Париж, Джифорд до конца использовал те возможности, которые ему создал приобретенный авторитет ловкого человека, сумевшего наладить бесперебойно действовавшую связь с пленной королевой. Джифорд разъяснил, что было бы чрезвычайно опасно повторять попытки похищения Марии Стюарт: Эмиас Паулет получил строгую инструкцию при малейшей угрозе такого рода предать смерти свою пленницу. Единственный выход — убийство Елизаветы, после чего Мария без особой оппозиции в стране будет возведена на трон. Джифорд ухитрился использовать даже смертельную ненависть, которую питал к Елизавете влиятельный испанский посол в Париже, уже знакомый нам дон Бернар-дино де Мендоса. Он горячо поддержал план убийства нечестивой королевы, открывавший путь к подчинению Англии власти Филиппа II.

Теперь Джифорду оставалось возвратиться в Лондон и найти подходящих людей, к чьим услугам могла бы обратиться Мария Стюарт для исполнения замысла, который ей подскажут из Парижа. Для этой цели Джифорд присмотрел одного подходящего человека — совсем молодого и богатого католика из Дербишира Энтони Бабингтона, который выказывал пылкую преданность царственной узнице.

Дело, правда, не сразу пошло так гладко, как хотелось бы. Бабинг-тон с готовностью согласился участвовать в заговоре, чтобы освободить Марию Стюарт, но вначале с ужасом отверг мысль об убийстве Елизаветы, так как сомневался, соответствовало бы оно учению католической церкви.

Волей-неволей Джифорду пришлось съездить еще раз во Францию и привезти с собой католического священника Балларда, который должен был рассеять сомнения Бабингтона. Вскоре появился и еще один волонтер — авантюрист Джон Седедж, вызвавшийся убить Елизавету. Бабингтон, теперь уже активно включившийся в заговор, разъяснил своим новым друзьям, что для верности нужно, чтобы покушение совершило сразу несколько человек. Остановились на шестерых — втянуть в конспирацию еще несколько горячих голов оказалось не столь уж трудным делом. Одновременно нашлись люди, готовые участвовать в похищении Марии Стюарт. Итак, силки были расставлены.

Конечно, и в этих условиях не обошлось без шероховатостей. Так, Томас Морган, опытный конспиратор, сообразил, насколько опасно для Марии Стюарт быть осведомленной о планах заговорщиков и в случае неудачи подставить себя как соучастницу под топор палача. Морган послал ей два письма, в которых излагались эти весьма разумные соображения. Тем удивительнее, что почти в то же время от Моргана пришло послание с советом прямо противоположного характера — установить связь с заговорщиками. Итак, соблазн оказался слишком велик, и Морган пошел на компромисс — он сам составил, выбирая наиболее осторожные выражения, письмо, которое Мария Стюарт должна послать Бабингтону.

Впрочем, историки давно уже поставили вопрос, было ли оно написано действительно Морганом или же к его сочинению приложил руку Фелиппес. От кого бы ни исходило письмо, содержавшее опасный совет, Мария Стюарт ему последовала. Она, вернее, переписала

рекомендованный ей Морганом (если не Уолсингемом) текст, датированный 27 июня 1586 г. Он состоял из нескольких чрезвычайно осмотрительно сформулированных фраз. Впрочем, и здесь нет уверенности, действительно ли они написаны ею или тем же неизменным Фелиппесом. Корреспонденция между Уолсингемом и Фелиппесом, с одной стороны, и Эмиасом Паулетом — с другой, наводит на такие мысли. По крайней мере она свидетельствует об опасениях Паулета, как бы все более наглые подлоги Фелиппеса не вызвали подозрения у заговорщиков и не испортили игру. Еще более сомнительно выглядит ответное письмо Бабингтона, в котором он прямо сообщает Марии Стюарт о намерении убить Елизавету, причем оно позволяет предполагать, что шотландская королева и ранее была в курсе этих планов. Подобной нелепой и ненужной откровенности нет ни в одном из многочисленных заговоров того времени. Таким образом, перед нами — в который уже раз — все тот же вопрос: чье же это письмо: того, чья подпись стоит в конце, — Энтони Бабингтона, или Томаса Фелиппеса, командированного 7 июля 1586 г. в Стаффордшир, поближе к замку Чартли, или еще какого-нибудь сотрудника Уолсингема, тем более что сохранился не оригинал, а лишь копия этого рокового документа? Можно, наконец, предположить, что письмо было действительно написано Бабингтоном, только без вкрапленных в него нескольких фраз о замысле убить английскую королеву, тем более что эти строки выглядят слабо связанными со всем остальным текстом. К последнему предположению подводит и внутренняя противоречивость письма. В нем Бабингтон указывает, что шесть дворян, включая его, убьют Елизавету, в то же время он пишет, что в это время будет далеко от Лондона, около Чартли. Впрочем, в письме излагалось и много других планов, подходивших под понятие государственной измены, — иностранная интервенция, восстание английских католиков.

12 июля «честный человек» доставил письмо Бабингтона Марии Стюарт. Ее секретарь сообщил, что письмо получено и ответ будет послан через три дня. Во время одной из своих верховых прогулок, которые ей специально разрешили, шотландская королева встретила рыжего малого с потупленным взором, внешность которого привлекла ее внимание, о чем она и сообщила в письме Моргану. Это был Фелиппес. 17 июля Мария Стюарт ответила Бабингтону. Если верить тексту письма, представленному на судебном процессе, она одобряла все планы заговорщиков — и способствование иностранной интервенции, и католическое восстание, и убийство Елизаветы. Последнее вызывает сомнение. По крайней мере в письмах, направленных Марией в тот же день Пейджету, Моргану и дону Мендосе, говорилось об интервенции и восстании, но совершенно умалчивалось о предстоящем покушении на английскую королеву. На другой день Фелиппес отослал Уолсингему дешифрованную копию. Мышеловка захлопнулась…

Правда, временами заговорщиков как будто осеняло смутное предчувствие беды, неясное сознание того, что какая-то невидимая рука все больше запутывает незримую сеть, которая должна погубить их. Бабингтон решил съездить в Париж для переговоров с доном Мендосой. Роберт Пули, секретарь Уолсингема, представил заговорщика министру. Бабингтон обещал шпионить за эмигрантами. Уолсингем, выразив свое удовольствие по поводу такого предложения услуг, несколько раз принимал Бабингтона, все оттягивая выдачу паспорта. А Бабингтон имел неосторожность вдобавок показать Пули письмо Марии Стюарт и сообщить, что скоро последует вторжение, убийство Елизаветы и воцарение пленной шотландской королевы.

В августе заговорщики получили известие, что слуга Балларда, знавший все их секреты, был правительственным шпионом…

Бабингтон, пытаясь спастись, отправляет письмо Пули с просьбой известить от его имени Уолсингема, что существует заговор и он готов сообщить все подробности. Проходят часы — письмо остается без ответа. А на другой день утром арестовывают Балларда и еще нескольких заговорщиков. Бабингтон пишет еще одно письмо Уолсингему. Ему сообщают, что ответ последует через день-другой. Вечером, ужиная с одним из сотрудников Уолсингема, Бабингтон заметил, что тому передали записку. Заглянув краем глаза в бумагу, глава заговора увидел, что в ней содержался приказ не выпускать его из поля зрения. Медлить более было нельзя. Он незаметно вышел из комнаты, оставив свой плащ и меч, и помчался к друзьям; переодевшись в платье работников, они попытались скрыться. За ними последовала погоня. Через несколько

дней их арестовали. Одновременно был произведен обыск у Марии Стюарт, захвачены секретные бумаги, взяты под стражу ее секретари. Мария была переведена в другую тюрьму, где находилась в строжайшем заключении.

Разумеется, показания заговорщиков, что их подтолкнул к государственной измене Джилберт Джифорд, были тщательно скрыты английской полицией. Между прочим, он, находясь во Франции, получил от Фелиппеса полудружеское, полуиздевательское предупреждение, что его, Джифорда, самого подозревают в участии в заговоре. Джифорда охватила паника — люди Уолсингема могли донести на него французским властям, после чего ему было бы несдобровать. При возвращении в Англию Джифорд вполне мог попасть в лапы юстиции, которая, как это случалось порой, возможно, закрыла бы глаза на то, чье поручение он выполнял, провоцируя покушение на Елизавету. Опасения разведчика оказались, впрочем, необоснованными…

13 сентября Бабингтон и шесть его помощников предстали перед специально назначенной судебной комиссией. Через два дня за ними последовали остальные заговорщики. Все подсудимые признали себя виновными, поэтому не было нужды представлять доказательства относительно организации заговора.

Елизавета не удовлетворилась присуждением заговорщиков к «квалифицированной» казни, уготованной изменникам, и спросила, нет ли чего-нибудь пострашнее. Лорд Берли должен был разъяснить своей любвеобильной повелительнице, что намеченная кара более чем достаточна для любого преступника.

Многочасовая казнь первых шестерых заговорщиков приобрела настолько чудовищный характер, что сдали нервы даже у много повидавшей в те годы лондонской толпы. Поэтому остальных семерых на другой день повесили и лишь потом четвертовали и проделали все остальные процедуры, уготовленные государственным изменникам. Настала очередь и Марии Стюарт. 8 февраля 1587 г. ее жизнь оборвалась под топором палача…

«Тайны мадридского двора»

Решающая схватка быстро приближалась. Испания все еще владела самой сильной армией и флотом, и Филипп II наконец решил рискнуть ими обоими. Ведь теперь в случае свержения Елизаветы английский престол достанется не Марии Стюарт, тесно связанной с Францией, а самому Филиппу II, которого шотландская королева объявила своим наследником!

Задача разведывательного обеспечения намеченной высадки в Англии была возложена Филиппом II на уже известного нам дона Бернардино де Мендосу. Оказавшийся замешанным в «заговор Трокмортона» и вынужденный покинуть Англию, надменный испанец заявил Елизавете перед отъездом: «Бернардино де Мендоса рожден не возбуждать волнение в странах, а завоевывать их». Переехав в 1584 г. в Париж, Мендоса первоначально с головой окунулся в борьбу между французскими католиками и гугенотами. Однако, укрепив испанскую секретную службу во Франции, Мендоса не терял из виду Англию.

Прежде всего он решил действовать испытанным способом подкупа. Надо сказать, что разница между взяткой и «законным» получением иностранной пенсии в то время была столь неясной и тонкой, что заинтересованные стороны могли с полным основанием не особенно вдаваться в это различие. Словом, нужные люди в Англии стали получать испанские деньги. Мендоса также усердно собирал информацию с помощью английской католической эмиграции. В 1586, 1587 и 1588 гг. Филипп II получил от Мендосы первостепенной важности сведения о силах английского флота и передвижении кораблей, о строительстве новых судов и т.д. Правда, эта информация не всегда была точной, а порой успевала устареть, пока попадала в Мадрид. Мендоса организовал и засылку своих агентов в Лондон, где они всегда находили друзей, облегчавших им добывание сведений. Полученные известия часто пересылались и через французского посла в Лондоне, и другими путями. Заимел Мендоса и постоянных агентов во многих портовых городах.

К этому времени относится измена английского посла в Париже лорда Стаффорда. Дон Мендоса получил от Филиппа II разрешение подкупить Стаффорда, дав ему «2 тыс. крон или брильянты». Стаффорд оставался на своем посту, хотя его связи с испанцами не удалось

сохранить в абсолютной тайне. Какие-то сведения просачивались. В 1587 г. Филипп II узнал, что Лонгле, французский посол в Мадриде, был осведомлен о свиданиях Стаффорда с Мендосой. Из Мадрида полетел приказ Мендосе более строго соблюдать секретность.

Получая деньги от испанцев и снабжая их информацией, Стаффорд ухитрялся выуживать и у них сведения, представляющие интерес для Уолсингема. Стаффорд, по-видимому, первым уведомил Уолсингема о подготовке армады. В июле 1586 г. он доносил в Лондон: «Испанская партия здесь хвастает, что в течение трех месяцев Ее Величество подвергнется нападению в ее собственном королевстве и что для этого подготовлена большая армия».

Не доверяя Стаффорду, Уолсингем установил за послом тщательное наблюдение. Такое поручение получил некий Роджерс, выяснивший, что Стаффорд связан с одним из видных эмигрантов-католиков Чарлзом Пейджетом. Позднее Роджерс известил Уолсингема, что Стаффорд подкуплен Гизами и показывает им депеши, получаемые из Лондона, что он является связующим звеном между французскими крайними католиками и английскими сторонниками Марии Стюарт. Тем не менее осторожный Уолсингем не принимал никаких мер против Стаффорда, знатного вельможи, родственника королевы. Возможно, что хитроумный министр стал снабжать посла ложными сведениями, с помощью которых хотел дурачить Гизов и испанцев. После возвращения Стаффорда в Англию ему не было предъявлено никаких обвинений.

Одновременно с Мендосой пытался насадить свою агентуру в Англии принц Александр Пармский, с 1578 г. испанский наместник в Нидерландах. Он был против высадки испанской армии в Англии до полного завоевания Нидерландов и поэтому пытался с помощью подкупа членов английского Тайного совета сколотить партию сторонников мира с Испанией. Английские лорды с охотой принимали все взятки, которые им давал испанский наместник, однако их переписка с ним велась под строгим контролем Берли и Уолсингема.

Уолсингем, возможно, из-за недоверия к Стаффорду стал создавать сеть своей агентуры, минуя официальных дипломатов или, во всяком случае, не только с их помощью. Позднее, в конце века, английская разведка снова вернулась к системе, при которой послы являлись одновременно руководителями британской разведки в стране, где они были аккредитованы, а нередко и в соседних государствах, в которых не было официальных представителей королевы. Испанцы тоже предпочитали вести шпионаж под покровом дипломатии, иногда даже назначая с этой целью по несколько послов в одну столицу. Так, в Вене было одно время целых четыре официальных представителя испанского короля.

Сесил и Уолсингем пытались использовать опыт английских купцов, торговавших с Испанией. Среди них был Роджер Боуденхем, живший в Севилье по крайней мере с 1579 по 1585 г.

Он представлял отчеты Сесилу, Уолсингему и Лейстеру с подробной оценкой возможностей Испании.

Очень важным агентом Уолсингема был выходец из Северной Германии фландрийский купец Вэйхенхерде. Он вел обширную торговлю хлебом, вином и английскими сукнами. Особенно важным было то, что Вэйхенхерде являлся поставщиком продовольствия для армии Александра Пармского и мог под этим предлогом свободно передвигаться по занятой испанцами части Южных Нидерландов. Впрочем, «свободно» означает лишь без помехи со стороны испанских властей, а не английского гарнизона в Остенде или судов, приписанных к гавани французских гугенотов Ла-Рошели (они, понятно, не имели никакого представления о тайных занятиях армейского поставщика). Не раз купец попадал в опасные переделки, например в стычку между испанским отрядом, под защитой которого путешествовал, и сделавшими вылазку английскими солдатами из Остенде. Один раз Вэйхенхерде был до нитки ограблен ларошельскими каперами. Впрочем, разведчик ухитрялся извлекать выгоду даже из таких ситуаций, посылая, в частности, свои замечания относительно тактики, применявшейся англичанами при вылазках и организациях засад. Большую ценность представляли отчеты Вэйхенхерде о численности и состоянии армии Александра Пармского, которая осаждала в 1587 г. одну из главных цитаделей голландцев — город Слейс, который мог служить важным плацдармом для подготовки испанского десанта в Англии. Отчеты, посылавшиеся Александром Пармским Филиппу II, во всем существенном подтверждают точность донесений, которые

Вэйхенхерде направлял Уолсингему.

Усилия английской секретной службы все более сосредоточивались на сборе известий о подготовке Непобедимой армады (около 800 кораблей, 30 тыс. моряков, 60 тыс. солдат), которая должна была отправиться из испанских гаваней для завоевания Британских островов. В каком бы месте Европы ни находились агенты Уолсингема, они жадно ловили вести, приходившие из Мадрида. И стекавшаяся по всем этим каналам информация в целом создавала достаточно полную и точную картину происходившего. Уолсингему удалось даже, используя связи между английскими купцами, ювелирами с Ломбард-стрит и североитальянскими банкирами, добиться, чтобы те отказали в кредитах Филиппу II. Это очень замедлило его военные приготовления.

Важным источником информации являлись португальцы, многие из которых были недовольны захватом их страны армией испанского короля. Родственники поселившегося в Лондоне доктора Гектора Нунь-еса — Г. Пардо и Б. Луис, совмещая шпионаж с контрабандной торговлей, привозили из Испании кроме колониальных товаров сведения о подготовке армады. Филипп II в конце концов приказал арестовать обоих шпионов-контрабандистов, но Пардо ухитрился даже из тюрьмы посылать письма в Лондон, которые доставлял капитан одного иностранного корабля.

Недавно один из исследователей обнаружил в английском государственном архиве составленный Уолсингемом «Заговор для получения информации из Испании». Он включал следующие главные пункты. Во-первых, получение писем от французского посла в Испании (речь, очевидно, шла о добывании Стаффордом у испанского посла в Париже перехваченной корреспонденции французского дипломата в Мадриде со своим правительством). Во-вторых, получение сведений об Испании из портовых городов Руана, Нанта, Гавра и Дьеппа. В-третьих, получение через Стаффорда информации от венецианского посла в Париже. В-четвертых, создание наблюдательного поста в Кракове для ознакомления с отчетом об испанских делах, которые поступали из Ватикана (главным разведчиком в Польше был королевский астролог Джон Ди, установивший тесные связи с неким Франческо Пуччи, о котором известно, что он пытался перехватить переписку между папой и Филиппом II). В-пятых, засылка людей различных национальностей (французов, фламандцев или итальянцев) под видом купцов или путешественников на испанское побережье для установления того, какие приготовления велись в испанских гаванях. В-шестых, получение информации непосредственно от испанского двора и из Генуи (каким путем — не указывалось). В-седьмых, обеспечение доставки сведений из Брюсселя, Лейдена и из Дании. Наконец, в-восьмых, планировалось использование некоего лорда Денсени в качестве разведчика.

Агент Уолсингема в Италии Энтони Станден — он жил там под именем Помпео Пеллегрини — отправил в Мадрид фламандца, брат которого служил в свите маркиза ди Санта-Круса, главнокомандующего Непобедимой армадой. Фламандец посылал свои донесения через тосканского посла в Мадриде Джузеппе (или Джованни) Фильяцци. Любопытно, что опытный моряк маркиз Санта-Крус скоропостижно скончался как раз накануне отплытия эскадры и был заменен герцогом Мединой Сидониа.

Уолсингем получил копию отчета о состоянии армады накануне отплытия, который был составлен для Филиппа II. Недаром после возвращения Фильяцци из Мадрида на родину Станден обещал ему выхлопотать особое благодарственное письмо королевы. (Использование послов дружеских держав, аккредитованных при вражеских правительствах, а также вообще дипломатов, которых можно было побудить к оказанию услуг Англии, все более входило в практику секретной службы Уолсингема.) Помимо фламандца Станден имел в Испании и других агентов и мог твердо сообщить, что армада не отплывет в 1587 г. Английское правительство знало, что у него есть время для подготовки отпора.

Уолсингем позаботился и о дезинформации испанского командования. В начале 1587 г. англичанин Ричард Гибс, выдавая себя за шотландца — сторонника Марии Стюарт, не только многое разведал о снаряжении армады, но и, сообщил испанцам неправильные сведения о Темзе, доказывая, что она якобы слишком мелка для испанских кораблей. На протяжении всего времени подготовки армады доставлялись подробные сведения о ней в Лондон.

Война между Испанией и Англией была объявлена, и 29 мая 1588 г. армада начала свой

путь к британским берегам. В первые недели после отплытия армады Уолсингем как будто на время потерял ее из виду. Он считал, что она рассеяна ветрами, тогда как в действительности корабли не покинули еще испанских гаваней. Однако вскоре информация снова стала поступать регулярно. Станден организовал сеть шпионов на всем протяжении Атлантического побережья Франции, вдоль которого двигалась армада. Как только агент Стандена замечал на горизонте испанские корабли, он садился на коня и мчался в одну из французских гаваней на Ла-Манше, пересекал пролив и являлся для доклада к Уолсингему. Испанские галеоны передвигались медленно, агенты Стандена — намного быстрее. И Уолсингему было точно известно, где в данный момент находятся корабли Филиппа II. Английские капитаны знали заранее, когда покажется неприятель, как лучше подходить к галеонам, чтобы оказаться вне зоны огня испанских пушек.

Сведения стекались вплоть до того дня в конце июля, когда снабженные ценными разведывательными сведениями английские суда в Ла-Манше стали совершать одно нападение за другим на выстроившиеся в огромную дугу вражеские корабли. Остальное доделали неблагоприятные ветры и неумелое командование. Непобедимая армада Филиппа II потерпела полное поражение, но католическая контрреформация долго отказывалась признать неудачи своего «английского дела».

Впрочем, методы елизаветинской секретной дипломатии и разведки были уже хорошо усвоены ее противниками. Итальянский политический теоретик Джованни Ботеро в трактате об управлении государством, опубликованном в 1589 г. в Венеции, писал: «Известным видом предосторожности является сеяние наибольшего количества раздоров во вражеских или соседних странах. Необходимо поддерживать связи с советниками, вельможами, военачальниками и людьми, имеющими влияние у правителя. Цель этого состоит в том, чтобы убедить их не поднимать оружие против нас или обратить его в другом направлении, сделав их безвредными вследствие медленного осуществления их намерений, или даже побудить помочь нам, сообщая о своих планах. Ведь удар, которого ожидаешь, когда он обрушится, причиняет меньше вреда. И если интриги оказываются настолько смелыми, что придают действиям (в другой стране) характер восстания, измены или мятежа, то тем лучше. Мы можем быть более уверенными в мире у себя, если нарушим мир у наших врагов. Метод, который мы должны использовать против врагов веры, — тот самый, который Елизавета, претендующая на титул королевы Англии, использовала против католического короля Фландрии[7] и христианнейшего короля Франции. Раздувая, насколько это только было в ее силах, вражду и ересь, возникшие в их странах, и оказывая помощь советами и деньгами, она удерживала огонь вдалеке от своего собственного дома. Таким образом, оказывая поддержку в Шотландии лицам, недовольным королевой Марией или плохо расположенным к французской партии или зараженным ересью, она не только обезопасила себя в отношении шотландского королевства, но фактически овладела им».

Уолсингем умер вскоре после разгрома Великой армады. Испанский агент поспешил обрадовать Филиппа II: «Министр Уолсингем только что скончался, что вызвало здесь большую горесть». Король начертал на полях донесения: «Там — конечно, но здесь это является хорошей новостью». Еще через несколько лет скончался лорд Берли. Уолсингема сменил младший сын лорда Берли Роберт Сесил, позднее лорд Солсбери, горбун, унаследовавший от отца быстрый ум и твердое следование раз избранной цели. Более двух десятилетий возглавляя секретную службу английской короны, он не брезговал никакими средствами для укрепления собственного влияния. Сесила отличала огромная работоспособность. Кажется невероятным, но, по свидетельству современников, Сесил за 80 дней в 1610 г. продиктовал и подписал 2884 письма — и это не считая других дел.

Анализ разведывательных донесений, часть из которых издана в известной публикации «Рукописи графа Солсбери» и в собрании государственных документов, показывает, что английская разведка стремилась получить прежде всего информацию военного характера — о подготовке в Кадисе, североиспанских гаванях, Лиссабоне новых армад против Англии (в свою

[7] т.е. Филиппа II. — Е.Ч.

очередь, испанские шпионы старались разузнать все возможное о планируемых экспедициях из Плимута против Португалии, Андалузии и Вест-Индии).

Сохранились подробные инструкции английскому агенту Остину Халфакру, датированные ноябрем 1591 г. Ему предписывалось посетить северное побережье Испании, особенно Корунью и Эль-Ферроль, определить характер их укреплений и количество сосредоточенных там кораблей. Часто инструкции требовали установить, на помощь кого из английских католиков рассчитывают испанцы в случае своей высадки в Англии.

Роберт Сесил повел упорную борьбу против иезуитов. Старый агент Уолсингема Пули за обещание пенсии вернулся на службу и сумел разузнать тайные пути, которыми иезуиты пробирались в Англию. Испанцам, в свою очередь, удалось в 90-х годах получить доступ к секретам английского Тайного совета, отчеты о деятельности которого регулярно поступали в Мадрид.

В 90-х годах заметно активизировалась испанская контрразведка. Во главе всего испанского шпионажа был поставлен Андре Веласкес де Веласко, для которого в 1613 г. даже создали пост «главного шпиона». В Мадриде тщательно составлялись списки подозрительных иностранцев, включая французов и шотландцев, занятых контрабандной торговлей. Была усилена охрана границы Испании с Францией, губернаторам пограничных провинций посылалась информация с описанием внешности английских лазутчиков, которые, по полученным сведениям, направлялись в Испанию. (Этих агентов, предписывалось либо арестовывать, либо организовывать за ними слежку, чтобы выяснить их связи.) Такие сведения, заранее приходившие из Англии, не являлись редкостью. Так, в марте 1602 г. иезуит Джозеф Кресуэлл, находившийся в Мадриде, уведомил испанские власти, что двое молодых англичан, вероятно, прибудут в какой-либо бискайский порт (Ирун или Фуентеррабиу) и что их следует задержать, так как, возможно, они везут материалы от иностранных шпионов. Были немедленно посланы соответствующие распоряжения губернаторам указанных городов, вскоре последовал приказ Филиппа II губернатору гавани Фуентерра-биа задерживать всех без исключения англичан как возможных шпио-иов. К этому присовокуплены были и постоянные усилия инквизиции. Результат, однако, был невелик — британские агенты либо не были англичанами по национальности, либо выдавали себя за уроженцев других стран. Чаще всего провалы их были результатом предательства.

В 1597 г. некто, как указывалось в официальных бумагах, «отъявленный мошенник по имени Монпалмер» предложил испанским властям открыть «все тайны Англии», а также указать «многих шпионов, находившихся в Испании, равно как и их планы». Все эти сведения Эдмон Палмер (таково было действительное имя «отъявленного мошенника») любезно взялся предоставить за 500 эскудо. В таком деле скупиться грех, и испанские власти, хотя и со вздохом, приняли условия. Палмер успел даже оговорить, чтобы ему предоставлялась часть доходов от конфискации имущества английских купцов-шпионов, которых он выдаст испанцам. В частности, Палмер сообщил испанцам об английском агенте Томасе Мерченте, проживавшем в Сан-Себастьяне уже в течение двух лет. Мерчент был связан со своим кузеном Николасом Ле Бланом, торговавшим в Бильбао и Севилье. Кроме этих двух лазутчиков Палмер сообщил еще об одном — Филиппе Скэмпсе, который, по его словам, направлялся в Лиссабон и на север Испании с большой суммой денег.

О предательстве Палмера стало известно двум английским разведчикам — Томасу Прэдшо и Филиппу Хонимену. Но Палмер, прошедший школу Уолсингема, предусмотрел такую возможность — ему можно было оправдаться перед англичанами ссылками на то, что он состоял на британской службе. Действительно, не пренебрегая доходами, которые она приносила, Палмер в течение семи лет (до 1604 г.) посылал свои отчеты в Лондон, получая положенную мзду.

Впрочем, такая игра не всегда была безопасной, как показывает пример купца Ричарда Барли, жившего с 1580 г. в Сан-Себастьяне. Он донес испанским властям о другом купце — Джоне Донне как об английском шпионе. А когда в 1588 г. началась война Испании с Англией, Барли поступил на испанскую службу. Новый испанский чиновник усердно предлагал завербовать во флот короля Филиппа II многих англичан-католиков. Однако в Мадриде побоялись таким путем сыграть на руку английским агентам, зачастую маскировавшимся под

эмигрантов-католиков, и отвергли предложение Барли, так же как и ряд других его проектов. Опасения испанцев еще более усилились, когда через некоторое время поползли слухи, что Барли — английский лазутчик. В 1593 г. молва как будто подтвердилась, но испанское правительство все же продолжало держать его на службе еще два года. В 1595 г. Барли был арестован и всю войну просидел в тюрьме. Только в 1603 г. его освободили, объяснив, что арест был ошибочным, выдали жалованье за все годы, проведенные в заключении, и разрешили служить во флоте. Разгадку злоключений Барли можно найти в мемуарах английского адмирала Уильяма Монсона. Роберт Сесил послал Барли письмо, в котором выражал благодарность за его (вымышленные английской разведкой) заслуги на службе королевы. Испанцы поверили и запрятали, как отмечалось, в тюрьму одного из своих наиболее деятельных сторонников из английских эмигрантов.

В 1598 г. Роберт Сесил направил в Испанию восемь резидентов: троих — в североиспанские порты, троих — в Лиссабон и двоих — в Севилью. О плане засылки новых агентов испанская разведка узнала в 1599 г. от Оуэна, получившего это известие от своих лазутчиков в Англии.

Все более изощренной становилась система доставки донесений. Для связи одному агенту в Лиссабоне были даны адреса в Руане и

Париже, а также в Эдинбурге и других городах Шотландии и Ирландии. По-прежнему Сесил пытался опираться на купцов, которые долгие годы вели торговлю с Испанией, например на упомянутого выше Филиппа Хонимена, через которого выплачивались деньги группе английских агентов. Несмотря на ряд провалов, шпионская сеть Сесила в Испании функционировала до самого конца войны.

В 80-е годы папский нунций во Фландрии предостерегал римский престол: «Английская королева — не знаю уж, каким образом, — проникает в любое дело». Нунций в Мадриде писал в Рим, что Елизавета имеет агентов среди лиц, близких к Святейшему престолу (последнее, вероятно, соответствовало действительности). Успехи английской разведки создали в Европе преувеличенное представление о ее возможностях, и это тоже способствовало целям британской политики. Знаменитый государственный деятель и философ Френсис Бэкон в 90-е юды опубликовал «Трактат относительно разведки и личной безопасности королевы». Бэкон прямо рекомендовал Тайному совету всячески распространять за границей мнение, что «Ее Величество имеет крупную секретную разведку», что «повсюду полно шпионов».

С годами у Елизаветы крепла убежденность в важности услуг, оказывавшихся разведкой и контрразведкой. Она никогда не забывала предписывать наместникам графств и городским властям перехват шпионов, казнь некоторых из них для внушения страха остальным. В 1593 г. она лично приказала одному из удачливых английских разведчиков, Энтони Стандену, который был принят на придворную службу и получил пожизненную пенсию, составить меморандум о его 28-летнем опыте шпиона. Более того, некоторые исследователи считают, что Елизавета наряду с государственной разведкой завела собственную. Сделав членом Тайного совета своего последнего фаворита молодого графа Эссекса, королева устроила ему своеобразный экзамен «по специальности». Как он сам писал в феврале 1593 г., Елизавета заставила его написать проект инструкций вымышленному тайному агенту во Франции. Надеясь продемонстрировать свои государственные таланты, Эссекс создал личную разведывательную службу, во главе которой он поставил Энтони Бэкона — родного брата Френсиса Бэкона. В 1594 г. Эссекс получил из Кале письмо от некоего Эдмунда Йорка, который просил простить ему самовольный отъезд за границу, присягу на вер-Hocib Филиппу II и разрешить вернуться в Англию. К его просьбе присоединялись еще два джентльмена — Ричард Уильяме, который ранее служил под началом Эссекса, и Генри Юнг. Разрешение было дано, но сразу после возвращения все трое были арестованы. На допросе 30 июля 1594 г. Юнг начал утверждать, что Йорк приехал в Англию с целью поднять восстание на Севере, причем их действия взялись финансировать дядя Уильямса Ролф Шелдон и богатый сквайр Рью. Под пыткой арестованные стали дружно оговаривать друг друга и самих себя, признаваясь в различных преступных планах, включая покушение на королеву. Йорк даже сознался в намерении поджечь Лондон. Йорк и Уильяме были отправлены на эшафот как виновные в государственной измене.

«Заговор Йорка и Уильямса» — один из целого ряда аналогичных «конспирации», где в

качестве доказательства преступления принимались слухи, ходившие среди английских эмигрантов во Фландрии, и сделанные под пыткой признания. В 1598 г. был раскрыт так называемый «заговор Сквайра». По официальной версии, Эдвард Сквайр был послан в Англию иезуитом Ричардом Уолполом, профессором колледжа в Вальядолиде, с поручением отравить Елизавету. Для этого Сквайр должен был натереть липким ртутным раствором переднюю луку седла. Предполагалось, что ядовитая смесь незаметно попадет и останется на руке королевы и смертельный яд будет принят вместе с пищей. Иезуиты обвиняли английское правительство в фабрикации этого заговора.

Во второй половине 90-х годов агентам Энтони Бэкона удалось добиться известных успехов в добывании подробной информации об испанских портах, в которых велась подготовка новой армады. Напротив, испанские власти не получали аналогичных сведений, по крайней мере для них оказалось полной неожиданностью появление в июне 1596 г. перед Кадисом, крупнейшей океанской гаванью Испании, английской эскадры во главе с Эссексом. Слабо защищенный Кадис был взят приступом, испанцы должны были сжечь 36 торговых кораблей с ценными товарами, чтобы они не попали в руки неприятеля. От еще больших потерь испанцев спас только счастливый случай. На обратном пути англичане обнаружили, что гавань Лиссабона (тогда, как и вся Португалия, присоединенного к Испании) пуста — там не было и следа груженных драгоценностями судов, которые ожидались из Америки. Пришлось, отказавшись от этой желанной добычи, направиться к берегам Англии. А через неделю в Лиссабон прибыли корабли с золотом, серебром и драгоценностями на громадную сумму — 20 млн. дукатов. Успех ускользнул от англичан потому, что там они действовали вслепую.

Несмотря на достижения своей разведки, Эссекс в соперничестве с Сесилом потерпел поражение. Случилось так, что он рассорился с королевой и был послан в Ирландию подавлять вспыхнувшее восстание. Успеха Эссекс не добился и, вернувшись без разрешения Елизаветы в Лондон, оказался в полной опале. Вокруг него сгруппировались люди различного толка — от недовольных католиков до тех, кто считал Сесила способным предать дело протестантизма, провозгласив испанскую инфанту наследницей английского престола. Среди сторонников Эссекса было немало молодых искателей приключений и честолюбцев, считавших, что они делают верный ход в постоянной борьбе придворных группировок за влияние, власть и богатство. Многие твердо рассчитывали, что старая королева, столь часто прощавшая в прошлом самые наглые выходки своего любимца, в решающий момент предпочтет молодого красавца графа с его репутацией героя и полководца тщедушному, горбатому и достаточно непопулярному министру Роберту Сесилу. Другой вопрос, что эти люди недооценивали его хитрости и вероломства. В феврале 1601 г. Эссекс сделал попытку поднять восстание в Лондоне, не встретившую никакой поддержки среди жителей столицы. Бывший фаворит был арестован, предан суду по обвинению в государственной измене и казнен вместе с несколькими его сообщниками. Роберт Сесил победил.

В том же 1601 г. посланцы шотландского короля Якова, имевшего шансы на наследование английского престола, но не очень верившего в успех, явились в Лондон и узнали радостную весть: всесильный Роберт Сесил, правая рука Елизаветы, встал на сторону их повелителя. На тайном свидании в доме Сесила на Стренде был согласован код для переписки между шотландским королем и елизаветинским министром. Яков обозначался цифрой 30, Елизавета — 24, Сесил — 10, все остальные видные лица также получили свои номера. Лукавый «10» быстро сумел опутать Якова, фактически подсказывая ему программу действий. Сесил ратовал за своего кандидата неспроста — таким путем он стремился обеспечить себе милости будущего короля Англии и устранить с пути других возможных претендентов (особенно испанскую принцессу Изабеллу, которой Филипп II передал свои «права» на английский трон). Однако в глазах старой, цеплявшейся за власть Елизаветы тайные переговоры за ее спиной с Яковом ничем не отличались от государственной измены. Немало людей пошло на плаху за куда меньшие преступления. Роберт Сесил очень хорошо усвоил истину, которую английский поэт Д. Харрингтон сформулировал в остроумном двустишии:

Измена никогда не кончится удачей,
В противном случае ее зовут иначе.

Дабы никто не посмел назвать ее своим именем, и вел Сесил переписку с Яковом в глубокой тайне. Секретная служба Елизаветы здесь действовала против самой королевы.

Однажды, когда государственный секретарь Роберт Сесил сопровождал королеву в поездке, внимание Елизаветы привлек звук почтового рожка. Она приказала остановить гонца и передать Сесилу пакеты, присланные из Эдинбурга. Бледный Сесил взял бумаги, не зная, на что решиться. Не распечатать пакеты — значит, заведомо навлечь подозрение Елизаветы, а открыть — кто знает, что содержит присланная корреспонденция. Министра выручила находчивость. Он взял ножик у одного из придворных, вскрыл конверт, понюхал его и объявил, что письмо следует подержать на свежем воздухе, прежде чем зачитывать в присутствии Ее Величества, так как оно издает скверный запах. Сесил знал отвращение королевы к плохим духам — оно оказалось сильнее подозрительности. Он смог без посторонних глаз просмотреть корреспонденцию, прежде чем ознакомить с ней Елизавету.

Тайная связь главы английской секретной службы с иностранным монархом продолжалась вплоть до весны 1603 г., когда гонец на взмыленном коне прискакал в Эдинбург и сообщил долгожданную весть о смерти старой королевы. Яков VI шотландский становился отныне английским королем Яковом I.

Почерк Роберта Сесила

После заключения мира с Испанией в июле 1604 г. Роберт Сесил столкнулся в числе других с одной очень неприятной проблемой. Культивируя внешне добрососедские отношения с недавним врагом, нельзя было открыто держать сторону своих союзников, продолжавших войну. Невозможно было поэтому по-прежнему разрешать голландцам набирать в Англии добровольцев в свои войска, сражавшиеся против испанцев, и отказывать в этом праве правительству эрцгерцога Альберта, назначенного Мадридом правителем Южных Нидерландов (представителя австрийской ветви Габсбургов, женатого на испанской инфанте). Можно было, конечно, вообще запретить эту вербовку на иностранную службу, но такая мера нанесла бы ущерб военным усилиям Голландии, что было не в интересах английской политики и ухудшило бы отношения Лондона с обеими враждующими сторонами.

Сесил, судя по имеющимся — как обычно, неполным и противоречивым — данным, предпочел действовать иным, более изощренным способом. Он разрешил испанцам вербовку английских католиков, считая, что таким образом можно лучше всего выявить и круг недовольных и отправить наиболее горячие головы среди них за пределы Англии. Вместе с тем это выглядело как серьезная услуга испанцам, за которую можно было потребовать известную компенсацию (в том числе и в виде щедрых пенсий для Сесила и еще нескольких его друзей-министров и придворных). Что же касается голландцев, то их недовольство можно было успокоить доверительными разъяснениями, что навербованные в Англии солдаты никак не будут способствовать успехам испанской армии. И для этого должен быть использован арсенал тайной войны.

…Сэр Томас Эрандел принадлежал к одному из наиболее известных дворянских родов в Англии, далеко превосходившему по знатности выскочек тюдоровского времени. Однако Эранделы остались католиками в период Реформации, некоторым из них это стоило имений или даже головы.

В молодости, в 1580 г., Томас Эрандел отправился с разрешения Елизаветы в заграничное путешествие и отличился, сражаясь добровольцем в войсках императора Рудольфа II против турок в Венгрии. При штурме одной из крепостей он захватил неприятельское знамя, и в декабре 1595 г. Рудольф II возвел его в сан графа «Священной Римской империи германской нации». Однако на пути домой Эрандела стали преследовать неудачи. Во время кораблекрушения около английского побережья он потерял золото и брильянты, с помощью которых рассчитывал умилостивить Елизавету. А уцелевший императорский патент не помешал отправить Эрандела в Тауэр. Правда, вскоре его освободили, но доступ ему как католику к влиятельным постам и почестям был наглухо закрыт.

Фортуна снова улыбнулась опальному воину только через добрый десяток лет. 4 мая 1605

г. Томас Эрандел был возведен в звание барона. Любопытно отметить, что тем же днем датирован королевский патент, по которому Роберт Сесил, тогда носивший титул барона Эссендена, стал графом Солсбери. Вряд ли можно сомневаться, что милость, оказанная Эранделу, была связана с какой-то его предварительной договоренностью с главным министром.

Правительство Якова I ясно дало понять испанскому послу графу Виламедиана, что разрешение на набор в Англии и Шотландии добровольцев обусловливается согласованием с Лондоном назначения командиров комплектуемых отрядов. Испанцы пошли на это, но возникли проблемы. Ведь кандидатуры, как правило, не могли одновременно устраивать и испанцев, и Сесила. Лица, предложенные испанской стороной (сэр Эдвард Стенли — для английского контингента, граф Юм — для шотландцев), никак не подходили для Сесила. С точки зрения Сесила, нужно было подсунуть испанцам внешне приемлемое для них лицо, которое, однако, на деле являлось бы исполнителем повелений главного министра. На эту роль и был ангажирован Томас Эрандел.

Однако, чтобы он мог ее сыграть с успехом, надо было прежде всего рассеять естественные подозрения испанских властей, которые с недоверием относились даже к рядовым добровольцам, если только их лояльность не была удостоверена такими экспертами, как иезуит Болдуин и наш старый знакомец Оуэн. Кандидатура, угодная Сесилу, должна была быть преподнесена испанцам как их собственный выбор. Поэтому Сесил официально уведомил английского посла в Брюсселе сэра Томаса Эдмондса и через него испанцев, что английское правительство, поскольку ни одно знатное лицо не командует английскими волонтерами в Голландии, не может допустить, чтобы добровольцев во Фландрии возглавил столь знатный шотландский вельможа, как граф Юм. Или тем более лорд Эрандел, кандидатура которого также начала обсуждаться, — недавнее присвоение баронского титула могло бы тогда рассматриваться как поощрение к поступлению на испанскую службу.

В самом начале сентября 1605 г. на борт английского военного корабля «Эдвенчур» под командой капитана Мэтью Бредгейта был доставлен какой-то бородатый, одетый в лохмотья человек, которого сразу увели в пушечное помещение, чтобы скрыть от любопытных взглядов. Это был Эрандел, прицепивший фальшивую бороду и переодевшийся бродягой. Вряд ли об этом был поставлен в известность даже непосредственный начальник Бредгейта адмирал Монсон, который на своем флагманском корабле «Вэнгард» отвозил во Фландрию испанского посла графа Виламедиана. Возможно, маскарад предназначался не только для испанцев, но и для голландских капитанов, корабли которых господствовали в проливах и которые (в отличие, быть может, от правительства в Гааге) никак не могли быть в курсе маневров Роберта Сесила. Голландцы были готовы пропустить по просьбе Якова I испанского посла, пользовавшегося дипломатическим иммунитетом, но никак не барона Эрандела.

По прибытии в Гравелин адмирал Монсон и граф Виламедиана были встречены Эранделом, не делавшим более секрета из своей поездки, хотя утверждавшим, что он добрался во Фландрию через Кале. Однако разгневанный Монсон вскоре выяснил, что Эрандел прибыл на корабле капитана Бредгейта, несмотря на категорический приказ адмирала не брать никого постороннего на борт. Бредгейт был явно повинен в тяжком нарушении воинской дисциплины, грозившем тюрьмой. Было, конечно, неясно, что побудило опытного капитана совершить столь опасный проступок. Как бы предупреждая эти неудобные вопросы, Сесил 12 сентября информировал Эдмондса, что Эрандел «подкупил Бредгейта и отправился во Фландрию вопреки явно выраженной воле монарха и даже без уведомления об этом испанского посла, который сам заявил об этом при встрече с бароном в Гравелине». Последовал, конечно, протест со стороны дипломатического представителя голландских Генеральных штатов в Лондоне Ноэля Карона, но это нисколько не портило игру Сесила, скорее наоборот. В конечном счете Сесил дал себя уговорить и в качестве дружеского жеста по отношению к эрцгерцогу объявил, что английское правительство готово временно согласиться на службу Эрандела в должности полковника.

Эрандел был с почетом принят в Брюсселе. Барона сразу же посетил папский нунций, но англичанин явно более интересовался немедленным установлением связей с британским послом Эдмондсом. Это было сразу же замечено нунцием, который попытался использовать

мнимого беглеца как посредника в тайных переговорах с послом Якова I. Вдобавок Эранделу даже не было нужды особо скрывать от испанцев свои контакты с Эдмондсом. Ведь без молчаливого согласия Лондона испанский наместник не мог назначить Эрандела командиром британского полка, не ставя под угрозу вербовку добровольцев в Англии. Эрандел формально заявлял, что неправильно понял предоставленную ему в Англии свободу действий и поэтому не спросил разрешения Якова на поездку во Фландрию. Но самое любопытное: новым волонтерам из Англии еще только предстояло прибыть, а Эрандел должен был вступить в командование частью, состоявшей из эмигрантов-католиков, бежавших во Фландрию еще до заключения мира и явно для борьбы против собственного правительства.

Впрочем, пыл у многих из эмигрантов к этому времени основательно угас. Об этом британскому послу доносили его шпионы, служившие в полку. Так, некий капитан Юз сообщал, что среди солдат царит недовольство, часть из них даже за это уволена. Объектом вражды стали в особенности майор Томас Стаддер — явный ставленник иезуитов, метивший на пост командира, и его сторонники. Они враждебно встретили перспективу назначения Эрандела новым полковым начальником. Полк в это время сократился вдвое и насчитывал всего около 1000 солдат. Командование раздиралось враждой между партиями Стаддера и Эрандела, детально информировавшего об этом Эдмондса или — под видом покаянных писем — самого Сесила. В них вместе с тем Эрандел открыто подчеркнул, что все ныне им делаемое осуществляется с разрешения Якова, а также просил в случае получения приказа о возвращении в Англию переправить его на британском военном корабле, так как голландцы жаждут крови командира английского полка. В Лондоне же официально делали вид, что по-прежнему раздражены действиями Эрандела, хотя и несколько смягчены выказанным им послушанием.

Английский полк принимал участие в осаде испанцами голландского города Вохтендонка, который должен был капитулировать. Этот успех заставил, кажется, Сесила и Эдмондса усомниться в верности Эрандела. Однако весной 1606 г., видимо, не без его усилий полк был доведен до плачевного состояния. В конечном счете в мае испанским властям пришлось расформировать разложившийся полк, передав часть солдат в другие соединения. Эдмондс 28 июня 1606 г. сообщил Сесилу, что Эрандел твердо действовал против злонамеренных лиц. Голландцы, не понявшие или не желавшие понять тонкости «игры», в которой участвовал Эрандел, перехватили на море его письма различным лицам в Англии и после этого сочли барона своим злейшим врагом. Эрандел, возможно, опасаясь убийства из-за угла, подстроенного голландцами, счел поэтому необходимым объясниться. В написанном в марте или начале апреля 1606 г. по-французски и подписанном им письме Эрандел заверял Генеральные штаты: «Мое намерение и главное стремление — служить вашему государству и не давать никакого повода к недовольству. Вместе с вашими соседями и лучшими друзьями я хочу в пределах разумного подчиняться вашим желаниям». Летом 1606 г., выполнив свою задачу, Эрандел отбыл из Фландрии на родину.

Подвалы Винегр-хауза

День 5 ноября и поныне проходит очень беспокойно для английских пожарных. Им приходится то и дело спешить на помощь слишком рьяным любителям фейерверков, чтобы спасти от огня соседние здания. Более трех с половиной веков ежегодно в «день Гая Фокса» повсеместно сжигают его чучело в память о спасении короля и парламента от опасного покушения. А между тем Гай Фокс вовсе не был ни вдохновителем, ни руководителем знаменитого «порохового заговора».

…В начале XVII в. в Энфилд-Чезе, расположенном на границе графств Эссекс и Хертфорд, стоял одинокий дом. Энфилд-Чез был в те времена далекой окраиной Лондона, а вернее — пригородным селением. 14 миль отделяли его от центра столицы — немалое расстояние, хотя город широко раскинулся в стороны за счет садов, парков, рощ и полян, окружавших дома.

Одиноко стоявший дом в Энфилд-Чезе мало чем выделялся среди сотен похожих на него строений. Быть может, только хозяева проявили особую склонность к уюту, который создается уединением от городской суеты. Поэтому, вероятно, и был огражден со всех сторон этот дом

большим садом, а густая листва деревьев вместе с высоким забором прочно заслоняла его от нескромных взоров.

По обычаю, сохранившемуся в Англии вплоть до наших дней, многие дома имеют собственные имена, подобно тому как дают названия улицам или кораблям. Здание в Энфилд-Чезе именовалось Уайт-Уэбс. Оно лишь внешне походило на соседние постройки. В этом приземистом, наполовину каменном, наполовину деревянном здании было много укромных углов, многочисленных входов и выходов, скрытых дверей в стенах, раздвигавшихся полов, потайных комнат, подвалов, от которых вели подземные пути к протекавшей рядом небольшой речке…

Впрочем, немногие соседи и еще более редкие прохожие вряд ли задумывались над странностями планировки Уайт-Уэбса. Немало тайников было в лондонских зданиях, воздвигнутых в бурные годы войны Алой и Белой розы, когда власть много раз переходила из рук в руки, или в не менее опасное время (которое было если не на памяти многих еще здравствовавших тогда людей, то, во всяком случае, при жизни их отцов), когда по несколько раз менялась официальная религия Англии и при каждой перемене виселицы и отрубленные головы еретиков составляли постоянное «украшение» лондонских мостов и Тауэр-хилла. Словом, своя голова никому не бывает лишней, а лишний потайной ход не раз помогал ей оставаться на плечах.

У Уайт-Уэбса была достаточно солидная репутация, чтобы он не привлекал внимания шпионов Роберта Сесила. Как и весь Энфилд-Чез, дом лет за 30 до времени, о котором идет речь в нашем рассказе, принадлежал короне. Елизавета подарила его Роберту Гевику, придворному медику, а тот через некоторое время сдал здание внаем Роланду Уотсону, королевскому клерку. Вскоре появился новый претендент на аренду дома. Незадолго до раскрытия в 1601 г. «заговора Эссекса», когда этот всемогущий вельможа стремился завязать связи с католическими эмигрантами и недовольными католиками-дворянами в Англии, к Роберту Гевику явился посетитель. Это был довольно полный человек средних лет; по костюму его можно было принять за зажиточного деревенского арендатора. Посетитель с готовностью сообщил, что его зовут Миз и что он родом из графства Беркшир. У него есть сестра по фамилии Перкинс, женщина довольно состоятельная. Ей хотелось бы снять дом в спокойном месте, где она имела бы возможность жить вдали от городского шума и где ее могли легко навещать друзья из Лондона. Вероятно, условия, предложенные Мизом, были достаточно выгодными, так как королевский медик без колебаний сдал Уайт-Уэбс новой арендаторше. Она, правда, не спешила перебраться в снятое для нее здание. Вначале, видимо, было нужно переоборудовать дом, учитывая вкусы хозяйки. Этим и занялся ее дворецкий Роберт Скинер. Закончив работы, он отправился в Лондон, оставив в доме только что нанятого им слугу по фамилии Джонсон.

Судя по всему, миссис Перкинс была не просто религиозной женщиной, а исключительно усердной богомолкой. Одна из комнат в ее доме была превращена в часовню, да и в остальных повсюду можно было заметить книги религиозного содержания и все необходимое для отправления католической службы. Миссис Перкинс была католичкой, как, впрочем, и еще значительная часть англичан того времени. Ничего удивительного не было и в том, что все ее довольно многочисленные слуги, включая Скинера и его жену, также оказались католиками. Было естественно стремиться окружить себя единоверцами, тем более что отношение протестантов к людям, сохранявшим приверженность католицизму, было далеким от терпимости.

Миссис Перкинс оказалась молодой женщиной, любившей собирать в своем доме друзей и знакомых. Некоторые из них гостили у нее подолгу, другие часто приезжали и уезжали. Иногда происходил настоящий съезд гостей, которые жили по два-три дня. О том, что общество отнюдь не занималось коллективным постом, свидетельствовало внушительное количество дичи и красного вина, которое каждый раз перед таким приездом завозилось в Уайт-Уэбс. Пожалуй, Перкинс вела себя слишком вольно для незамужней женщины. Впрочем, имелись основания и думать, не была ли она замужем. В числе ее гостей был некий мистер Перкинс, который часто приезжал в Уайт-Уэбс как в собственный дом и оставался там порой на долгое время. К тому же вскоре в доме поселилась еще сестра госпожи Перкинс и, следовательно,

мистера Миза, назвавшаяся женой лондонского купца Томаса Дженгинса. Ее муж — низкий, плотный человек с рыжей бородой — изредка навещал свою жену. Несколько неожиданным для слуг было то, что мистер Миз, вернувшийся после очередного, довольно длительного отсутствия, приказал теперь именовать себя мистером Фармером, а в разговоре один из гостей неосторожно назвал его отцом Валеем. Слуга Джеймс Джонсон — тот самый, которого нанял Скинер, — с изумлением узнал, что брат хозяйки — католический священник, да и сама она, как выяснилось вскоре, никакая не миссис Перкинс, а дочь католика лорда Уильяма Уокса, а «миссис Дженгинс» — его вторая дочь Елена, бывшая замужем за рыжебородым Варфоломеем Бруксби. Этот богатый сквайр уплачивал из своего кармана большую часть арендной платы за Уайт-Уэбс, следуемой королевскому медику.

Однако никто, кроме немногих посвященных в тайну, не мог предполагать, что Уайт-Уэбс стал центром очередного международного заговора контрреформации против ее противников, удар по которым она снова пыталась нанести на английской земле.

Благообразный мистер Миз (он же Фармер) был не кто иной, как сам глава английской провинции ордена иезуитов Гарнет. Иезуитами были и его слуга Джон — опытный заговорщик Ник Оуэн, и слуга «мистера Перкинса» священник Олдкорн. Гостили в доме также иезуиты, приезжавшие туда под различными личинами: Фишер, принимавший фамилии Перси и Ферфакс, Джерард, называвший себя то Стандишем, то Бруком, и, наконец, Гринвей, известный под именами Гринвелла и Тесмонда.

Заезжали в Уайт-Уэбс и другие лица, не носившие сутану. Это были большей частью католики — участники восстания, впавшие в немилость елизаветинского фаворита Эссекса. Они советовались с иезуитами о дальнейших планах действий. Подобные посетители вообще не называли своих имен — просто опытный дворецкий Скинер сразу провожал их к действительному хозяину дома мистеру Мизу.

Почему же это заговорщическое гнездо приобрело впоследствии кличку гарема, или сераля? Конечно, пребывание в уединенном доме отца Гарнета с двумя своими «духовными дочерьми» наводило потом на многие фривольные мысли. Их было особенно трудно избежать, так как Елена Бруксби даже родила сына, а Гарнет должен был сознаться, что сам крестил ребенка. Малыш родился лысым, и верховный судья Кок позднее бесцеремонно спрашивал, не было ли у мальчика тонзуры — выбритой макушки, свойственной католическим патерам.

Именно в Уайт-Уэбсе, вернее — среди частых гостей этого дома, и зародился «пороховой заговор». Его организаторами являлись несколько молодых католических дворян, раздраженных отказом Якова I отменить репрессивные законы против католиков. Душой заговора стал энергичный Роберт Кетсби, участник мятежа Эссекса. Этот бывший кутила и прожигатель жизни неожиданно (что было нередко в ту эпоху) превратился в фанатика, считавшего даже иезуитов недостаточно ревностными слугами господними. Впрочем, с главой английской провинции иезуитского ордена отцом Гарнетом у заговорщиков установились тесные связи. Один из участников заговора, Томас Винтер, вошел в контакт с правительством Испаиии и властями испанских Нидерландов (Фландрии). Видный заговорщик, значительно более старший, чем его друзья, — ему минуло 45 лет, — Томас Перси был двоюродным братом графа Нортумберлендского и вращался в придворной среде. Перси мог узнавать новости, которые имели первостепенное значение для его сообщников. И наконец, в заговоре участвовал Гай Фокс, который был, по существу, лишь простым исполнителем чужих планов. Этот английский католик, много лет проведший на испанской службе, для которого преданность вере заменила верность родине, был характерной фигурой для той эпохи.

Большинство своих тайн заговорщики унесли с собой в могилу. Не известно, кто первым предложил план, который решили осуществить Кетсби и его друзья, — взорвать здание Вестминстера, когда король будет открывать сессию парламента. Возможно, что идея была навеяна памятью о взрыве дома Кирк о'Филда в шотландской столице, во время которого погиб Дарнлей — отец Якова I. Впрочем, этот случай не был единственным — делались попытки взорвать государственные здания в Гааге, в Антверпене. Подобный же проект собирался осуществить Майкл Муди в царствование Елизаветы.

Заговорщики пытались извлечь уроки из прошлого. Они вскоре убедились, что им нельзя рассчитывать на поддержку Испании, которая теперь явно делала ставку на примирение с

Яковом. К тому же над католической партией долгие годы тяготело подозрение, что она готова отдать английский престол Филиппу II или испанской инфанте. Теперь представлялась возможность сыграть на непопулярности короля-шотландца и привезенных им с собой фаворитов. После гибели Якова и наследника престола заговорщики предполагали захватить кого-либо из младших детей короля и, подняв восстание католиков, провозгласить регентство. В апреле 1604 г. пятеро заговорщиков, собравшись в доме Кетсби на Стренде, поклялись хранить тайну, не выдавать товарищей и не отступаться от своего намерения. После этого в соседней комнате они прослушали мессу, которую отслужил иезуит отец Джерард, специально приехавший для этого из Уайт-Уэбса. Патер утверждал впоследствии, что ничего не знал о том, что происходило за несколько минут до начала мессы. Подобную же позицию заняли сам отец Гарнет и все его коллеги. Позднее Гарнет уверял, что не мог ничего поделать, так как был связан тайной исповеди, во время которой ему только и стало известно о планах Кетсби и его друзей. Приступив к исполнению этих планов, Томас Перси снял в аренду Винегр-хауз — дом, примыкавший к той части Вестминстера, где размещалась палата лордов и где должно было состояться открытие парламентской сессии. Заговорщики начали рыть подкоп. Они предполагали, что попадут из Винегр-хауза в необитаемый подвал Вестминстера. Оказалось, что подвал сдали под торговый склад. С немалыми хлопотами Перси удалось договориться, чтобы ему уступили аренду этого помещения. Затем в подвал были перенесены доставленные ранее в Винегр-хауз мешки с порохом. Сверху сделали настил из угля, камней и битого стекла. Все было готово, но правительство неожиданно перенесло дату открытия парламентской сессии с 7 февраля на 3 октября 1605 г. В июле было объявлено, что сессия откроется еще позже — 5 ноября.

Заговорщики использовали это время для подготовки других своих действий — восстания в средних графствах и переброски из Фландрии эмигрантского полка, состоявшего из английских католиков. Кетсби и Перси получали право принимать в число заговорщиков новых людей. Это было необходимо и для пополнения финансовых ресурсов, так как приготовления потребовали много средств. Одним из последних уже 14 октября примкнул к заговору Френсис Трешам, кузен Кетсби и Томаса Винтера.

Через две недели после этого, 26 октября, когда до открытия парламента оставалось 10 дней, лорд Монтигл неожиданно отправился ужинать в свой замок Хокстон (полученный как приданое его женой Элизабет Трешам). Монтигл был участником мятежа Эссекса против Елизаветы в 1601 г., его заставили уплатить за это разорительный штраф в 5 тыс. ф. ст. Но через некоторое время он тайно сообщил правительству о намерении принять англиканство, после чего ему были возвращены имения и он стал членом палаты лордов. Монтигл пользовался доверием Роберта Сесила, о чем, конечно, Кетсби и его единомышленники не имели понятия. Это стало известным лишь через три с половиной века, после опубликования семейного архива Сесилей.

Во время ужина в Хокстоне, на котором присутствовал один из заговорщиков, Томас Уорд, паж принес хозяину замка только что полученное письмо. Тот сломал печать и передал Уорду бумагу с просьбой прочесть ее вслух.

В этом знаменитом письме, составленном очень туманно, Монтиглу советовали, если ему дорога жизнь, не присутствовать на заседании парламента, так как бог и люди решили покарать нечестивого «страшным ударом». Двусмысленное, но полное тревожных намеков письмо было прочитано Уордом в присутствии пажей и слуг. Монтигл немедля встал из-за стола и приказал седлать лошадей. В 10 часов вечера после бешеной скачки он на взмыленном скакуне подлетел к правительственному зданию — Уайтхоллу. Несмотря на поздний час, в нем находились сам Сесил и четыре лорда-католика — Нотингем, Нортгемптон, Вустер и Сеффолк, которые были введены в состав королевского Тайного совета. Лорды пришли на ужин к Сесилу, но, несмотря на довольно поздний час, еще не сели за стол. Поспешно вошедший в зал Монтигл передал Сесилу полученное загадочное послание. Присутствующие прочитали письмо и приняли решение сохранить все дело в глубокой тайне, ничего не предпринимая до возвращения короля, который охотился в Ройстоне и вскоре ожидался в столице. Монтигл не скрыл этого решения от Уорда, который был знаком с письмом. Уорд немедленно сообщил о случившемся Кетсби, но упрямый сквайр не считал еще дело проигранным. Фокс, спешно направленный в подвал,

вернулся в Уайт-Уэбс, где его ждали руководители заговорщиков, и сообщил, что мина остается нетронутой.

1 ноября Кетсби встретился с Трешамом, которого подозревали, что он написал Монтиглу. Кетсби решил заколоть кинжалом предателя, но Трешам с негодованием отверг обвинение. Он уговаривал Кетсби отказаться от попытки осуществить план заговорщиков, тайна которых, вероятно, известна правительству. Кетсби не соглашался бежать и потребовал от Трешама дополнительных средств. Трешам дал сначала 100, потом через день еще 90 ф. ст. — все, что он мог собрать за такой короткий срок.

3 ноября Уорд через Винтера сообщил своим друзьям, что король, вернувшийся в Лондон, прочел письмо к Монтиглу и приказал лордам — членам Тайного совета хранить все в строгой тайне. Был отдан приказ немедля и незаметно обыскать подвалы под зданием палаты лордов. Выполняя этот приказ, лорд-камергер Сеффолк и Монтигл спустились в подвал, где встретили Фокса. Сеффолк спросил Фокса, кто он такой. Тот ответил, что он слуга мистера Перси, арендовавшего этот подвал. Лорд-камергер пошутил по поводу больших запасов угля к предстоящим рождественским праздникам и удалился вместе с сопровождавшими его лицами. Заговорщики, которым Фокс сообщил о посещении Сеффолка, вздохнули с облегчением — видимо, Яков и Сесил ничего не заподозрили.

Приближался решающий час. Фокс отправился в подвал, подготовил фитиль, который вел к мешкам с порохом, и поднялся наружу… Не успел он выйти, как к нему кинулись поджидавшие его в засаде люди во главе с мировым судьей Ниветом, посланным для нового осмотра подвала. Минуты было достаточно, чтобы пленник, которому связали руки, понял, что все пропало. На вопрос Нивета, что он здесь делает, Фокс не счел нужным скрывать. «Если бы вы меня схватили внутри, — ответил он, — я взорвал бы вас, себя и все здание». По приказанию Нивета подвал был подвергнут тщательному обыску. Бочки с порохом были открыты и обезврежены.

Заговорщики начали спешно покидать столицу еще до того, как узнали об аресте Фокса. Это делалось в соответствии с их планом, который предусматривал одновременное начало восстания в ряде графств на северо-востоке Англии. Однако известие о неудаче заговора лишило мужества католических помещиков, возглавляемых Э. Дигби, которые ранее дали обещание участвовать в вооруженном выступлении. Кетсби и его друзья решили бежать в горы Уэлса и поднять там восстание среди довольно многочисленного католического населения.

В доме одного из заговорщиков, Литлтона, в графстве Стаффордшир сделали короткий привал, Кетсби и несколько его спутников попытались просушить порох, который они подмочили, переплывая реку. При этом искра упала на блюдо, на котором лежал порох. Кетсби и другие стоявшие поблизости были отброшены в сторону с обожженными черными лицами. Мешок пороха силой взрыва был выброшен через пробоину в крыше. Большинство оставшихся невредимыми заговорщиков бежали, остальные вскоре были окружены отрядом, собранным шерифом графства. Кетсби и Перси были убиты в перестрелке вместе с другими заговорщиками. Раненный в руку Томас Винтер и еще несколько человек были взяты в плен. В течение последующих недель были схвачены в разных местах другие участники «порохового заговора».

…В средней Англии на высоком холме, с которого просматривались на много миль окрестные места, стоял замок Хиндлип-хауз. Он был создан со специальной целью служить убежищем для отца Гарнета и его христова воинства.

Весь замок представлял сплошную загадку. Каждая комната имела скрытые ниши, стены были полны тайников, потолки маскировали невидимые чердачные помещения. Даже печи были если не с двойным дном, то с двойным выходом: один — для дыма, другой — для иезуитов, когда им почему-либо требовалось исчезнуть, не оставляя следов. Камин в спальне хозяйки был соединен узкой трубой с одной из ниш, куда таким образом можно было, не вызывая подозрений, доставлять пищу и вино, которое обитатели тайников явно предпочитали воде. Иезуитский архитектор работал не по шаблону: каждый тайник имел свой секрет, и раскрытие одного из них мало облегчало поиски других. Тем не менее спрятать концы в воду не удалось. Из Лондона было предписано судье Генри Бромли произвести тщательный обыск в Хиндлип-хаузе. Бромли и его команда неожиданно нагрянули в замок. Находившиеся там

Гарнет и трое его подчиненных едва успели скрыться в двух тайниках. Однако укрытия не были подготовлены к длительной осаде замка. Изголодавшиеся Гарнет и другие иезуиты вышли из убежища и сдались на милость победителя.

21 января 1605 г. собрался парламент. По предложению нижней палаты были приняты дополнительные ограничения для католиков, а 5 ноября — день раскрытия «порохового заговора» — объявлен навечно днем вознесения благодарственной молитвы. Захваченные живыми заговорщики сложили головы на эшафоте. В предсмертной речи Гарнет предостерег католиков против участия «в мятежных и изменнических предприятиях против короля». Таково было окончание «порохового заговора».

Но такой ли была его история, какой ее традиционно представляют, следуя официальной версии английского правительства? Впервые сомнение стали высказывать в прошлом веке католические историки, исходя, разумеется, из своих собственных мотивов. В литературе возник спор, не закончившийся и поныне. Он выявил, насколько всесильный Сесил был заинтересован в «пороховом заговоре», который дал желанный повод усилить репрессии против католиков. Вряд ли можно сомневаться, что Сесил заранее что-то знал о планах Кетсби и что его агенты-провокаторы действовали в рядах заговорщиков. Но это еще не доказывает, что весь «пороховой заговор» был сфабрикован министром (на чем особенно настаивают авторы-иезуиты, защищающие честь ордена). В истории заговора многое остается невыясненным. Куда девали заговорщики огромное количество земли, вырытой во время подкопа? Малоправдоподобно, чтобы они могли незаметно разбросать ее в крохотном садике около дома или (как считал известный английский историк С. Гардинер) выбросить в Темзу. Где заговорщики добыли такую массу пороха, производство которого было государственной монополией? Интересно, что, когда в связи с какими-то финансовыми расчетами решили проверить данные о расходе пороха, хранившегося в Тауэре, это было разрешено сделать лишь за период с 1578 по 1604 г. Расследование было прекращено как раз в год «порохового заговора», а впоследствии сведения за этот год и вовсе затерялись. В правительственной версии изложение обстоятельств ареста Фокса полно противоречий. Исследования архивных материалов показали, что судья Кок производил какие-то сложные подчистки и исправления в протоколах допросов, снятых под пыткой с арестованных заговорщиков.

Большая часть того, что мы знаем о заговоре, известна из исповеди Томаса Винтера. Однако действительно ли сохранившийся ее экземпляр, считаемый подлинником, написан Винтером? Он подписан «Winter», хотя сам Томас Винтер в других случаях неизменно писал свою фамилию по-другому — «Wintour». Имеется немало косвенных данных, заставляющих предполагать, что действительный текст исповеди был переписан — с добавлениями и исправлениями — кем-то другим, ловко подделавшим почерк Винтера. Им мог быть наш старый знакомец Томас Фелиппес, сыгравший роковую роль в гибели Марии Стюарт. После воцарения Якова, который любил сохранять внешние приличия, шпион был уволен со службы и переведен на пенсию. Фелиппес на собственный страх и риск завязал провокационную переписку с английскими эмигрантами на континенте и угодил в Тауэр за самовольное вмешательство в государственные дела. Но через некоторое время он был выпущен из тюрьмы по ходатайству его бывших сослуживцев — Левинса Мунка, правой руки Сесила, и коменданта Тауэра Уильяма Уода. У Роберта Сесила были в подчинении и другие эксперты по подделке документов. Если «пороховой заговор» был действительно спровоцирован Сесилом, ловкий министр мог заронить мысль о взрыве парламента в голову Кетсби, прибегнув к помощи лорда Монтигла. Через него же, вероятно, Кетсби был осведомлен о том, что король будет присутствовать на заседании парламента. Юридически оно являлось не открытием новой сессии, а возобновлением работы старой. В таких случаях король обычно не появлялся в парламенте, исключение было решено сделать потому, что в 1605 г. предстояло обсуждение особо важного вопроса о законодательной унии с Шотландией. О решении короля прибыть в парламент заранее было известно только очень узкому кругу. И все же Кетсби, близкий к придворной среде, мог узнать об этом решении не только от Монтигла.

Сцена в замке Хокстон, очевидно, была заранее разыгранным представлением. Сесил хотел, вероятно, таким путем предоставить возможность тщеславному королю самому разъяснить туманный смысл письма и считать, что он лично разоблачил заговор. Несомненно,

что Сесил имел не одного своего шпиона в среде заговорщиков, в их числе мог быть и Томас Уорд. Очень двусмысленна роль Трешама, с арестом которого Сесил медлил несколько дней и который умер в Тауэре до суда (официально — от удушья) при довольно подозрительных обстоятельствах. Правда, «предосторожности» в отношении Трешама могли быть вызваны тем, что он слишком много знал о роли Монтигла. Некоторые исследователи считают, что правительственным шпионом мог быть один из главных организаторов «порохового заговора» — Томас Перси.

В 1967 г. в издательстве Оксфордского университета вышла книга литературоведа Б. Н. Де Луна, в которой высказывается предположение, что ????аюнтом Сесила был известный драматург Бен Джонсон, встречавшийся с Кегсби. По-видимому, попытки Бена Джонсона оправдать свою роль можно усмотреть в его трагедии на сюжет из древнеримской истории «Заговор Катилины» (эта пьеса была впервые поставлена на сцене в 1611 г.).

Министр, несомненно, многое знал о заговоре, особенно о том, что касалось подготовки католического восстания. Ему об этом сообщали агенты и в Англии, и за рубежом; было получено также предостережение от французского короля Генриха IV. И все же это еще не доказательство, что весь заговор — результат умелой провокации Роберта Сесила…

Английское новое обуржуазившееся дворянство и буржуазия выиграли еще один раунд в длительной борьбе против католической реакции и ее верного орудия — иезуитского ордена. Однако уже в первые годы правления Якова I выявилось, что английский абсолютизм перестал играть прогрессивную роль; он вступал во все большее противоречие с интересами буржуазии и нового дворянства. Абсолютизм начинает искать поддержку у своих недавних врагов — у тех слоев дворянства, которые не были затронуты новым капиталистическим развитием страны и тяготели к старым феодальным порядкам, делает шаги к примирению с католической церковью постепенно претерпевает изменение и внешняя политика Англии, которая заключила мир с Испанией.

В этой связи оживилась деятельность испанской разведки в Британии. Испанский посол Хуан де Таксис стал щедро сыпать золотом в Лондоне. Его преемник опытный и умелый дипломат Гондомар быстро приобрел большой вес при дворе Якова I. Гондомар создал в Англии шпионскую сеть, состоявшую из профессиональных разведчиков. Он не брезговал покупать новости и «поштучно». В его бумагах можно прочесть такие записи: «Г. Ла Форесту и другим лицам во французском посольстве за ценные новости — 4533 реала; слуге министра Лейка за изложение важных депеш — 300 реалов; лицу, которое дало мне копии договоров… из английских архивов, — 1200 реалов».

Гондомар вкрался в доверие к Якову и под видом дружеских расспросов выведывал у короля его планы. Однако собеседник испанского посла оказался натурой на редкость капризной и склонной к надувательству, причем по прихоти, а не ради каких-либо определенных целей. После встречи с Яковом испанцу всякий раз приходилось ломать голову над тем, что из выуженных им у его коронованного приятеля сведений соответствовало действительности, а что было только порождением причудливой королевской фантазии. Так как речь шла о намерениях Якова, только ему до конца известных, а король говорил правду или лгал без всякой задней мысли, просто по наитию, то задача, которую приходилось решать послу мадридского двора, была совсем не из легких.

Значительную часть черновой работы аристократ Гондомар оставлял на долю посла эрцгерцога Альберта, тогдашнего наместника (формально суверенного правителя) испанских Нидерландов Жана Батиста ван Мале. Этот выбившийся из писцов дипломат занимался вербовкой на испанскую службу всякой мелкой сошки. Так, например, в августе 1620 г. он усердно пытался подкупить правительственного шифровальщика, некоего Винсентио, который еще до этого отсидел шесть лет в Тауэре за связи с испанской разведкой. Ван Мале хотел побудить Винсентио отказаться расшифровывать важные письма испанского посла в Вене к эрцгерцогу Альберту, перехваченные английскими разведчиками. Винсентио предлагались деньги — разумеется, с прямо противоположной целью — также и от имени голландского посла. Все договаривающиеся стороны торговались при этом как на рынке. Вдобавок, прежде чем платить, ван Мале хотел убедиться в качестве «товара», которым в данном случае была способность Винсентио раскрыть испанский шифр. От продавца потребовали принести

образчик его изделия. А тем временем английские власти спохватились и предложили Винсентио поторопиться с расшифровкой, если он не желает познакомиться с пыточной камерой. Словом, опытные шифровальщики были в цене. Долгое время историки не знали, что приключилось с Томасом Фелиппесом после событий, связанных с «пороховым заговором». След отыскался в переписке Гондомара. В 1621 г. испанец сообщал о намерении подкупить и отправить во Фландрию этого «бесстыдного старика, которому перевалило за семьдесят».

Напротив, английская разведка приходила в упадок уже в последние годы жизни Роберта Сесила (он умер в 1612 г.). Сесил сам согласился получать крупную пенсию от испанского двора и не был намерен особенно усердно разыскивать своих сообщников. Сменившие Сесила руководители секретной службы больше использовали ее не для борьбы против враждебных держав, а для наблюдения за своими противниками при дворе. Они не могли соперничать с Гондомаром, приобретшим к тому же влияние на самого Якова I.

Тем не менее случались неудачи и у ловкого испанского посла. Особенно странным было то, что происходило с депешами Гондомара, которые он направлял в Мадрид. Там копии с них каким-то неведомым путем добывал английский посол сэр Джон Дигби, расшифровывал места, написанные кодом, и пересылал свою добычу в Лондон Якову I. Это происходило в течение многих лет вопреки бессильному гневу Гондомара. Правда, в Лондоне верные люди немедленно ставили в известность посла, что его очередная депеша в Мадрид доставлена английскому королю. Обычно эту новость сообщал Гондомару подкупленный придворный. Тщетно Гондомар менял шифры и курьеров, просил, чтобы в Мадриде его донесения попадали только в руки абсолютно доверенных лиц. Тщетно «главный шпион» дон Андре Веласкес де Веласко засылал все новых и особенно доверенных лазутчиков в английское посольство. Напрасно испанский министр герцог Лерма расставлял ловушки членам Государственного совета и их клеркам, пытаясь обнаружить предателя.

Источник информации так и не был обнаружен. Гондомар решил, что это все же кто-то из членов Государственного совета. Через много лет, уже вернувшись из Испании, Дигби, уступая настойчивым просьбам Гон-цомара, раскрыл секрет. Депеши перехватывались и копировались, пока курьер отдыхал на последней почтовой станции неподалеку от испанской столицы. Остается неизвестным, сообщил ли Дигби правду или и в этом случае попытался провести за нос своего удачливого коллегу.

Джону Дигби удалось навлечь подозрение испанских властей на отца Кресуэлла, который десятилетиями был при испанском дворе вырази гелем взглядов английских эмигрантов-католиков. Основой для слухов послужили беседы, которые лукавый дипломат вел, соблюдая видимость тайны, с Кресуэллом по вопросу о дозволении молодым англичанам поступать в иезуитские семинарии. В феврале 1613 г. испанский главный министр герцог Лерма даже приказал провести полное расследование деятельности Кресуэлла, окончившееся, впрочем, благополучно для одураченного иезуита. Тем не менее генерал ордена счел за благо удалить Кресуэлла из Мадрида.

Между прочим, Дигби имел возможность на основе донесений Гондомара составить полный список лиц, которым выплачивались пенсии из Мадрида. Среди них было много приближенных Якова. Однако сэр Джон Дигби имел достаточно такта, чтобы не включить в этот список самого короля, также получавшего немалую испанскую субсидию.

Одним из удачливых разведчиков стал английский посол в Венеции сэр Генри У от гон. Это ему принадлежит известное определение обязанностей посла: «Муж добрый, отправленный на чужбину, дабы там лгать на пользу своей страны». Тому же Уоттону приписывают и такой совет молодому дипломату: «Всегда говорите правду, так как вам никогда не будут верить. Таким способом только вы будете знать правду, а ваши противники окажутся в невыгодном положении». Другим видным дипломатам «та идея пришла в голову лишь со столетним запозданием.

Уоттон прошел длительную выучку участника придворных интриг, одно время был секретарем графа Эссекса, но оставил эту службу, прежде чем фаворит впал в немилость. В 1602 г. Уоттон тайно прибыл в Венецию, именуя себя Октавио Бальди. Герцог Тосканский послал его в Шотландию предупредить Якова о подготовлявшемся против него очередном заговоре. Подобное поручение снискало Уоттону расположение шотландского короля, который

после вступления на английский престол отправил сэра Генри послом в Республику Святого Марка. На этом посту и развернулись способности Уоттона как руководителя секретной службы. Обстановка в Венеции мало благоприятствовала проявлению талантов иностранных разведчиков. Чиновников, просто замеченных в беседе с иностранными дипломатами, без долгих слов приговаривали к пожизненному тюремному заключению. Приходилось действовать с крайней осторожностью, к тому же мешал недостаток средств — Уоттону давали всего 400 ф. ст. в год, большую часть из которых надо было тратить на содержание посольства и оплату курьеров. Для пополнения этой суммы Уоттон принял пенсию герцога Савойского, продавая добытую им информацию правительствам, находившимся в дружественных отношениях с Англией. Венецианцы получали от него за соответствующую мзду сведения об иезуитском ордене, с которым республика находилась в то время в крайне враждебных отношениях. Уоттон имел своих лазутчиков не только в самой Венеции, что было, как уже отмечалось, вовсе не простым делом, но также в Риме, Милане, даже в отдаленной Турции. Агенты Уоттона перехватывали в дороге чужую дипломатическую корреспонденцию, уделяя особое внимание почте иезуитов. «Должен признаться, что имею особую склонность к пакетам, которые посылают или которые адресованы этим святым отцам», — иронически сообщал Уоттон. Корреспонденция «Общества Иисуса» после снятия с нее копий отправлялась строго по назначению.

Английские разведчики неоднократно прямо выступали глашатаями и проводниками британской внешней торговой и политической экспансии. В этом убеждает история русско-английских отношений, которые приобрели регулярный характер во второй половине XVI в. В инструкции английскому послу Рэндолфу в 1568 г. лорд Берли («боярин Бурлы», как называли его в русских официальных документах) рекомендовал добиваться привилегий британским купцам, уклоняться от переговоров о союзе, на котором настаивал Иван Грозный. Царь был осведомлен уже в это время о заговорах против Елизаветы и предлагал ей даже заключить договор о предоставлении друг другу права убежища. Убедившись в нежелании английского правительства, московский самодержец в известной своей грамоте от 24 октября 1570 г. писал: «Мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня… ажио у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые, а ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица…»

После смерти Грозного английские «торговые мужики» стали усердно ходатайствовать о британском вмешательстве в русские дела. Во время социально-политического кризиса, переживавшегося русским государством в начале XVII в., агенты британской «Московской компании» Джон Меррик и Уильям Рассел пытались предложить боярам ни больше ни меньше как установление английского протектората над Россией. Английские разведчики и дипломаты даже обсуждали при этом планы занятия и укрепления Архангельска, захвата русского Севера. Одним из авторов подобных проектов был шотландец капитан Чемберлен, который служил в шведских войсках, захвативших Новгород. Эта политика получила одобрение короля Якова, но вскоре потерпела неудачу вследствие разгрома русским народом армий иностранных интервентов. Авантюристам пришлось умерить свои аппетиты.

Если при Елизавете разведчики порой маскировались под астрологов, колдунов, то теперь король, считавший себя великим знатоком наилучших способов укрощения нечистой силы, поручил своей секретной службе… сыск ведьм и оборотней. Разве не пыталась эта челядь сатаны умертвить его еще в Шотландии? Впрочем, и здесь традиции Берли и Уолсингема оказались очень живучими. В 1621 г. в Москву был послан врач Артур Ди, сын уже знакомого нам астролога и разведчика Елизаветы. Артур Ди стал лекарем царя Михаила Федоровича, объявил себя также специалистом по магии и алхимии. Очевидно, у него, как и у его отца, была и другая, неафишируемая специальность. В 1634 г. Ди лишился царского расположения и вернулся в Англию, где получил завидную должность личного врача короля Карла I.

Тайная война и Вильям Шекспир

В 1606 г., когда происходил суд над Гарнетом, или немного позднее появилась новая трагедия Вильяма Шекспира «Макбет», которую его труппа даже сыграла в присутствии короля

Якова. В этой зловещей трагедии есть одна юмористическая сцена, мало, впрочем, меняющая общий мрачный колорит пьесы. Это — монолог привратника, в котором содержится прямой намек на иезуитского провинциала и его трактат об использовании лжи. Намек не слишком благожелательный. И тем не менее нашлись сторонники того, чтобы приплести Шекспира к деятельности иезуитов и связать имя гениального писателя с тайной войной контрреформации против ее врагов, кипевшей с таким ожесточением в конце XVI и начале XVII столетия.

Знакомы ли Вы, читатель, в общих чертах со знаменитым «шекспировским вопросом», иначе говоря — с вопросом о том, действительно ли Вильям Шекспир является автором великих творений, изданных под его именем?

Об этом на Западе за 100 лет написаны целые библиотеки книг, большое количество их издано и в самые последние годы. В нашей стране с полным основанием уже довольно давно не проявляют особого интереса к этой литературе, и она у нас сравнительно мало известна.

Поводом для поднятия вопроса об авторстве послужила крайняя скудость биографических сведений о Шекспире. Главные из них сводятся к тому, что он родился в 1564 г. в Стратфорде, что родители его, возможно, были неграмотны и что не известно, посещал ли он школу. Восемнадцати лет Шекспир женился на Анне Хезевей, которая была старше его на восемь лет, был отцом троих детей. Покинув Стратфорд, Шекспир приехал в Лондон, стал актером и получил пай в знаменитом театре «Глобус». Современники считали его автором некоторых пьес. Возвратившись за несколько лет до смерти, последовавшей в 1616 г., в Стратфорд, он приобрел недвижимую собственность, занимался отдачей денег в рост (хотя в своей пьесе «Венецианский купец» страстно обличал ростовщичество), составил завещание, в котором заботливо упомянул даже о «кровати поплоше», но ни словом не обмолвился о своих гениальных творениях (может быть, актер Шекспир знал, что они чужие и не принадлежат ему?). Не упомянуто в завещании и о книгах — весьма дорогих в начале XVII в., которые должны были быть в его доме, будь он таким разносторонне образованным человеком, каким несомненно был автор сочинений, изданных под именем Шекспира. Не уцелело рукописи ни одной из пьес Шекспира, ни одного его письма. Сомнительны даже сохранившиеся подписи Шекспира под несколькими юридическими документами. Возникает вопрос, не подписывались ли нотариусы за клиента, в таком случае явно обнаруживающего свою неграмотность. В завещании, составленном за несколько дней до смерти Шекспира, его имя транскрибировано раз одним, а в остальных четырех случаях — другим образом (Willim Shackspeare — William Shakespeare). Завещание явно составлено нотариусом Френсисом Коллинсом.

А между тем пьесы Шекспира, по мнению многих исследователей, говорят о выдающемся знании автором античной литературы, римского и английского права, географии, ряда иностранных языков, многих вопросов государственного управления, которое можно встретить лишь у опытного политического деятеля. В некоторых своих пьесах автор откровенно выражает симпатии к аристократии и презрение к черни, довольно странные у сына обывателя мелкого провинциального городка.

Кончина Шекспира в Стратфорде и тем более за его пределами прошла совсем незамеченной. На его смерть не было написано ни одной элегии, как это было в обычае того времени. Ни один современник прямо не говорит об актере Шекспире как авторе выходивших под этим именем произведений. А остальные, более глухие упоминания современников допускают двоякое толкование. Не называет имени Шекспира и актер Аллен, который вел дневник, где отмечал многие театральные события и происшествия. Зять Шекспира доктор Холл также в своем дневнике не обмолвился ни единым словом о том, что его тесть — автор известных произведений.

Все портреты Шекспира апокрифичны. Подозрение вызывает даже памятник, установленный на его могиле. Он изображает человека, мало похожего на портрет, приложенный к первому собранию сочинений Шекспира, вышедшему в 1623 г., то есть через семь лет после смерти актера в Стратфорде.

И дополнительная странность. В 1665 г. было опубликовано антикваром Уильямом Дугдейлом описание достопримечательностей графства Уорик. В этом сочинении находится изображение памятника Шекспиру. Другой подобный же рисунок помещен в первой биографии Шекспира, принадлежащей перу Роу и увидевшей свет еще через полвека, в 1709 г. На этих

двух рисунках надгробие выглядит совсем по-другому, чем впоследствии, когда оно стало предметом поклонения бесчисленных почитателей гения великого драматурга. Памятник на этих первых рисунках изображает грузного бородатого человека, прижимающего к животу обеими руками какой-то мешок (или подушку). Следовательно, жители Стратфорда после 1709 г., когда имя Шекспира стало завоевывать всемирную славу, переделали памятник. Вместо мешка теперь в одной руке находится перо, а в другой — лист бумаги. В восторженном похвальном слове Шекспиру, составленном в связи с появлением первого собрания сочинений в 1623 г., близко знавший его современник — выдающийся драматург Бен Джонсон бросил таинственные слова: «Ты — памятник без могилы» (Thou are a Monument without a tombe). Разве только этого не достаточно, чтобы возбудить серьезное сомнение в том, был ли актер Шекспир автором приписываемых ему пьес, не скрывается ли за этим многовековая тайна, которую должны разгадать настойчивые исследователи?

В авторстве Шекспира высказывали сомнение крупные писатели, даже Байрон, а также Диккенс, писавший, что должна вскрыться «тайна» «шекспировского вопроса».

Отрицание авторства актера Шекспира порождалось различными причинами. Очень нередко это было стремление отрицать возможность того, что гениальные шекспировские творения принадлежат перу выходца из народа, и приписать их одному из представителей правящих верхов. Часто играли немалую роль и погоня за сенсацией, и желание предложить новое эффектное решение вековой загадки. А порой были здесь и искренняя любовь к великим творениям английского гения (недаром работы ряда противников авторства актера Вильяма Шекспира немало способствовали изучению шекспировских сочинений), и протест против того образа довольного собой, благонамеренного и чинного стратфордского обывателя, который на основе немногих биографических черт рисовало западное литературоведение.

«Кандидатов в Шекспиры» было выдвинуто немало. В XIX в. среди них главное место принадлежало выдающемуся современнику Шекспира, философу и государственному деятелю Френсису Бэкону. Потом в число претендентов был зачислен граф Ретленд (эта гипотеза приобрела в 20-е годы некоторое распространение и у нас). Позднее Ретленда сменили графы Дерби и Оксфорд, сохраняющие роль главных претендентов вплоть до наших дней. В Англии и США существуют специальные научные общества, имеющие единственную цель — обосновывать «права» избранного ими кандидата-Бэкона, Оксфорда и др. Количество претендентов все возрастает, в их число попала даже жена Шекспира.

Или расскажем еще об одном кандидате — женского пола…

Ничто из того, что нам известно о Шекспире, не заставляет предполагать, что он был каким-то таинственным, скрытным человеком, любящим держаться на расстоянии от друзей. Совсем напротив, современники отмечали его природную любезность, обходительность и прямой нрав, и, видимо, он прошел свой жизненный путь достойно и открыто, сохраняя привязанность к своим собратьям по актерскому ремеслу, не тревожимый муками неудовлетворенного честолюбия. «Поэтому особенной иронией судьбы было то, — справедливо замечает один из новейших биографов Шекспира Кеннел, — что непроницаемая завеса скрыла столь многие стороны его жизни и труда и что там, где он ближе всего подходит к сознательному самовыражению, результат, которого он достигает, ныне кажется наиболее покрытым тайной». Речь идет о знаменитых сонетах, загадку которых пытались разгадать многие сотни, если уже не тысячи, терпеливых, добросовестных исследователей. Когда написаны были эти «сладкозвучные», как писал один современник, сонеты, кто вдохновил поэта на их создание, о ком говорится в них? Большинство серьезных шекспироведов пришли к выводу, что по крайней мере часть сонетов связана с покровителем Шекспира молодым блестящим аристократом Генри Рисли, графом Саутгемптоном. Но такой, как и любой другой, ответ является только гипотезой. Этим широко пользуются антистратфордианцы — под этим именем объединяют всех противников авторства Шекспира из Стратфорда. Они постоянно превращают поэтические иносказания в намеки на обстоятельства жизни своего кандидата на трон короля драматургов.

Вторая строфа 107-го шекспировского сонета гласит:

Свое затменье смертная луна

Пережила назло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит расцвет оливам.

Еще в XIX в. некоторые шекспироведы увидели в этих строках намек на поражение испанской Непобедимой армады. И вот почему. Современник Шекспира Петручио Убальдино в «Трактате об испанском флоте» (1588 г.) писал: «Боевой строй их[8] флота напоминал полумесяц». Рога «луны» были обращены к английскому берегу — командование армады надеялось поймать в образовавшийся полукруг и истребить вражеские корабли. Авторитетный биограф Шекспира Лесли Хотсон присоединился в 1949 г. к мнению, что сонет 107 упоминает о разгроме армады. Хотсон склонен считать, что есть еще два сонета (123 и 124), содержащие отклик на события конца 80-х годов. Так, в сонете 123 можно прочесть:

Те пирамиды, что возведены Тобою вновь…

Быть может, здесь имеется в виду реставрация по приказу папы Сикса V четырех египетских обелисков в 1586—1589 гг. В переводе С. Маршака, в котором даются все приводимые цитаты, первая строфа сонета 124 передана так:

О будь моя любовь — дитя удачи,
Дочь времени, рожденная без прав, —
Судьба могла бы место ей назначить
В своем венке иль в куче сорных трав.

Однако оригинал допускает и другое толкование. Речь может идти о «пасынке судьбы.., ненавистном для его Времени». Хотсон склонен видеть здесь намек на французского короля Генриха III, ставшего ненавистным для парижан, особенно после того, как в конце 1588 г. он приказал заколоть герцога Гиза, и погибшего менее чем через год от кинжала Жака Клемана. Подтверждение этой догадки Хотсон хотел бы видеть и во второй строфе сонета, где поэт говорит про свою любовь:

…Ей не сулит судьбы слепая власть
Быть жалкою рабой благополучии
И жалкой жертвой возмущенья пасть.

Последняя строка в буквальном переводе — пасть под ударом рабского возмущения (thralled discontent)». Таким можно предположить, что сонеты 107—124 написаны в 1588 и 1589 гг. Обратимся теперь к сонету 104:

Ты не меняешься с теченьем лет.
Такой же ты была, когда впервые
Тебя я встретил. Три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.
Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет…

Последняя строка при дословном переводе звучала бы так: «Три благоухающих апреля сгорели в трех жарких июнях (Three April perfumes in three hot Junes burn'd)». Предполагая, что сонет 104 появился в 1589 г., первый сонет можно считать созданным в апреле 1586 г. или 1587 г. (в зависимости от месяца написания сонета 104).

[8] испанцев. — Е.Ч.

Приведенные выше гипотезы имеют некоторое основание, впрочем, весьма шаткое, особенно отнесение первого сонета к весне 1586 г. или 1587 г. Оно полностью исходит из недоказуемого предположения, что поэт немедленно откликался на злобу дня — на этом построены и все остальные догадки, — а также из уверенности, что все цитированные сонеты относятся к одному и тому же лицу. Это может соответствовать, а может и не соответствовать действительности.

Д. Э. Суит в опубликованной в 1956 г. книге «Шекспир (тайна)» соглашается с этими попытками датировки сонетов, но добавляет к ним и собственный домысел. В «Ромео и Джульетте» упоминается, что «ныне минуло одиннадцать лет, как произошло землетрясение». Памятное землетрясение в Лондоне было в 1580 г., пишет Суит, следовательно, «Ромео и Джульетта» создана в 1591 г. (обычно эту драму относят к 1594 г.). Напрасно было бы надеяться получить у автора ответ на напрашивающийся вопрос: почему при упоминании в пьесе о землетрясении в Италии, где развертывается действие «Ромео и Джульетты», обязательно имеется в виду лондонское землетрясение?

Между тем на такой более чем сомнительной основе Суит строит свое ошеломляющее открытие, что под псевдонимом Шекспира скрывался не кто иной, как сама… королева Елизавета. Доказательства? Во-первых, разъясняет Суит, как следует из вышеизложенного, Шекспиром мог быть лишь человек, который уже в 1586—1589 гг. стал лучшим поэтом в Англии (сонеты), а в 1591 г. — лучшим драматургом. Большинство претендентов явно не удовлетворяют этому условию. Во-первых, только Елизавета могла обладать теми широкими познаниями, той силой ума и талантом проникновения в чувства и помыслы людей, которые присущи Шекспиру. Известно, насколько королева была находчива и быстра на язык, — нет ничего удивительного, что в шекспировском словаре 15 тыс. (по другому подсчету — даже 21 тыс.) слов. Суит, разумеется, обнаруживает сходство между положением, в котором находятся герои шекспировских пьес, и Елизаветой, которую обманывал ее любимый граф Лейстер. К тому же разве не странно, что наряду с волевыми, решительными героинями шекспировских пьес — Порцией, Розалиндой и Виолой — столь часто появляются колеблющийся Гамлет, ревнивый до безумия Отелло, слепо внимающий льстецам Лир, Кориолан (подобно Эссексу), храбрый воин, но подчиняющийся женщине с твердым характером — своей матери.

Вдобавок еще «доказательство» — Шекспир не сочинил элегию на смерть Елизаветы. И интересный факт — Шекспир ничего не написал — даже принимая традиционную датировку его произведений — в 1603 г., когда скончалась королева. После этого года продуктивность драматурга резко падает — не потому ли, что появляются на свет лишь пьесы, написанные ранее Елизаветой? И наконец, последние пьемы («Тимон Афинский», «Перикл», «Цимбелин», «Зимняя сказка», «Буря», «Генрих VII») обнаруживают, по мнению Суита, явное падение творческих сил создателя «Гамлета». Разве это не подтверждение того, что речь идет о пьесах, предшествующих более зрелым произведениям «Шекспира» и лишь опубликованных после кончины подлинного автора — Елизаветы? А то, что у королевы были причины избрать псевдоним, — это ясно и без особых свидетельств. Ей, конечно, нечего было и думать о том, чтобы печатать пьесы под своим именем. А после смерти Елизаветы ее завещание выполнила наперсница королевы Мэри Герберт, графиня Пемброк, героиня сонетов, которые при издании были — тоже возможно — посвящены ее сыну Уильяму Герберту (на титуле значатся таинственные W. H., может быть, William Herbert?). Та же графиня Пемброк и опубликовала первое собрание сочинений Шекспира…

Мы привели здесь доводы Суита, характерные для антистратфордианских теорий и доказывающие, увы, только их бездоказательность.

Кандидатов насчитывалось теперь более полусотни (57). Уже осталось мало представителей елизаветинской аристократии, которых не наделяли хотя бы участием в сочинении шекспировских сонетов, трагедий и комедий. О многих из претендентов неизвестно даже, что они когда-либо набросали хоть несколько стихотворных строк или проявляли интерес к театру.

Помимо отрицательных доказательств, которые должны, как мы видели, свидетельствовать, что не актер Шекспир написал пьесы, изданные под его именем, изобретено много других, призванных подтвердить, что они созданы именно данным претендентом и

никем другим. Так, бэконианцы, например, отыскали в пьесах Шекспира шифр. Если по определенной системе брать буквы из разных страниц первого издания его произведений, то можно будет якобы составить фразу, удостоверяющую, что они написаны Френсисом Бэконом. Сторонники авторства Ретленда установили, что он учился в Италии со студентами-датчанами, носившими фамилии Розенкранц и Гильденстерн. Точно такие же имена носят придворные в «Гамлете». Стараниями антистратфордианцев найдено немало эпизодов в шекспировских пьесах, которые в какой-то мере совпадали с событиями в разных странах, свидетелем которых был (или мог быть) во время своих заграничных путешествий тот или иной аристократ, выдвинутый в претенденты.

Или еще более поразительный факт — бросающееся в глаза совпадение между мыслями, обнаруженными в записных книжках Бэкона и пьесах Шекспира. А между тем этих мыслей философ в произведениях, изданных под его собственным именем, не излагал или же если и высказывал, то только после опубликования шекспировских трагедий и комедий, где встречаются параллельные замечания и утверждения. Трудно предположить, чтобы актер Шекспир имел возможность знакомиться с заметками, которые делал вельможа, государственный деятель Френсис Бэкон исключительно для себя лично, в записных книжках, отнюдь не предназначенных для постороннего взгляда. Не следует ли из этого, что сам Бэкон повторил свои мысли, зафиксированные сначала в записных книжках, в пьесах, которые опубликовал под именем Шекспира?

Немало подобных совпадений найдено и подобных вопросов поставлено в произведениях антистратфордианцев, пытающихся доказать, что Шекспир из Стратфорда был лишь маской, за которой скрывался действительный автор шекспировских произведений. По мнению одного видного антистратфордианца, автор шекспировских пьес должен был быть человеком, связанным с феодальными аристократами, представителем высшей знати, родственником или активным сторонником ланкастерской династии, победившей в войне Алой и Белой розы, поклонником Италии, любителем музыки и спорта, щедрым, имеющим склонность к католицизму и т.д.

Едва ли не самый сильный (если не единственный, чего-то стоящий) аргумент бэконианцев — это выяснение того факта, что два елизаветинца — писатели Холл и Марстон в своих сатирических произведениях, опубликованных соответственно в 1597 и 1598 гг., давали понять, что считали Френсиса Бэкона автором двух ранних поэм Шекспира «Венера и Адонис» и «Похищение Лукреции». Вернее было бы сказать, что, по мнению Холла, эти — или какие-то другие — поэмы были частично написаны неким неназванным юристом, а Марстон, обращаясь к этим утверждениям Холла, понял их таким образом, что скрывшийся под псевдонимом автор — Френсис Бэкон. Однако ведь другие современники не сомневались, что Шекспир — это Шекспир из Стратфорда. Почему же считать, что ошибались они, а не Холл и Марстон? «Можно доказать, — справедливо замечает один из авторитетных исследователей этого вопроса — Г. Гибсон, — что Холл и Марстон первыми выдвинули бэконианскую теорию, но это не доказывает и не может доказать правильность этой теории».

Однако есть и другая сторона медали. Стратфордианцы не остались в долгу, нанося один за другим удары по основам построений своих противников и обвиняя их прежде всего в том, что они изучают Шекспира без знания среды, в которой он вращался, без исследования творчества драматургов его эпохи. А если поставить изучение Шекспира в эти рамки, уверяют они, многие сомнения отпадут сами собой.

О Шекспире не сохранилось почти никаких биографических данных и никаких рукописей. Но Шекспир не является исключением; таковы наши знания почти о всех драматургах — его современниках. Их рукописи также затерялись. Шекспир в глазах современников был одним из известных сочинителей пьес, ставился наравне с другими авторами. Он не являлся для современников тем величайшим, непревзойденным гением, каким он по справедливости стал для потомков. Лишь в XVIII в. и особенно в XIX в. пришла к Шекспиру мировая слава. Понятно, что в течение нескольких поколений, для которых Шекспир «еще не был Шекспиром», его бумаги могли затеряться, как манускрипты большинства других драматургов, живших во время правления Елизаветы I и Якова I. К тому же сочинители пьес занимали в их время крайне низкое место на социальной лестнице. Когда Бен Джонсон издал свои пьесы под

названием «Труды», это вызвало насмешки и издевательства. В ту эпоху еще не привыкли к высокой оценке творчества драматургов.

Здесь, между прочим, можно ответить на вопрос, почему Шекспир ничего не говорит в завещании о своих пьесах. Да просто, потому, что они ему не принадлежали, что их не было в Стратфорде. Рукописи, конечно, составляли собственность театра, где шли эти драмы и комедии, и должны были храниться в его библиотеке. А отсутствие упоминания книг в завещании отнюдь не говорит, что их не было у него в доме. Исследователи изучили завещания ученых и государственных деятелей конца XVI — начала XVII в. В большинстве завещаний не упоминаются книги. Это относится даже и к завещанию самого Френсиса Бэкона! Напротив, порой даже в завещаниях простых иоменов говорится о нескольких книгах. Быть может, еще ранее было решено, что книги Шекспира перейдут к доктору Холлу.

Шекспир был сыном сравнительно зажиточных родителей, занимавших довольно видное положение среди стратфордских горожан. Поэтому нет оснований считать, что он не посещал местную школу. Конечно, находясь в Лондоне, он должен был самостоятельно пополнять свои знания. Но такой путь был проделан многими другими современными ему драматургами. Книги же вовсе не были тогда так дороги, как полагают антистратфордианцы. Дешевые издания («кварто») продавались по нескольку пенсов за томик — по цене, вполне доступной для пайщика театра «Глобус». А в этих дешевых изданиях было опубликовано немало исторических хроник, переводов греческих и римских классиков, географических сочинений и т.п. Изучение пьес Шекспира показывает к тому же, что представление о необычной учености их автора — преувеличение. Все сведения, которые содержатся в них, Шекспир мог почерпнуть из небольшого числа изданных в то время книг, а грубые ошибки, в которые он впадает, в частности в географии, вряд ли могли быть сделаны высокообразованными аристократами или тем более крупнейшим ученым Френсисом Бэконом.

С другой стороны, пьесы Шекспира действительно отражают глубокое знание их автором одной области — законов театра, которые естественны у профессионального актера и маловероятны у аристократических дилетантов, у которых в числе различных увлечений было и занятие драматургией. Ничего нет странного и в знании нравов двора, поведения государственных деятелей, которое обнаруживает Шекспир — актер придворного театра. Знакомство с деталями быта и географии других стран могло быть почерпнуто не только из книг, но и из рассказов товарищей-актеров (английские труппы в эти годы не раз выезжали на континент, где давали спектакли, пользовавшиеся большой популярностью). Наконец, многие пьесы Шекспира являются переделками — хотя и гениальными переделками — более ранних пьес на ту же тему. Такой путь создания новых произведений для театра считался тогда вполне нормальным. Детали, на которые указывают антистратфордианцы, могли быть, несомненно, почерпнуты Шекспиром из пьес, послуживших для него материалом, а они в значительной своей части не дошли до нас. Эти же источники объясняют и загадку совпадений между отдельными местами в записных книжках Бэкона и пьесах Шекспира — и тот и другой, вероятно, использовали одни и те же материалы.

Самые «неопровержимые» доказательства антистратфордианцев рассыпаются, как карточный домик, при внимательном их анализе. Например, загадка памятника. Более подробно исследовали книгу, в которой памятник Шекспиру изображен в виде, отличающемся от современного. И что же выяснилось? Ее автор Уильям Дугдейл, писавший в середине XVII в., еще не питал особого пиетета к имени Шекспира. Памятник великого драматурга срисован им в числе других местных «древностей». Сравнили изображения в книге остальных памятников с их оригиналами и установили, что почтенный антиквар часто путал, очевидно, рисуя по памяти, десятки бегло осмотренных им достопримечательностей. А автор первой биографии Шекспира Роу попросту скопировал рисунок из книги Дугдейла. Таким образом, утверждение о переделке монумента превращается из почти неоспоримого факта в явную легенду. В 1725 г. памятник бесспорно уже имел современный вид. Имеется также свидетельство стратфордского учителя Джозефа Грина. Он принимал участие в сборе средств на ремонт надгробия в 1749 г. В сентябре того же года, после уже произведенного ремонта, Грин отмечал, что было проявлено особое

старание сохранить памятник в прежнем виде[9]. Маловероятно, чтобы учитель из Стратфорда сделал печатно такое заявление, не опасаясь быть тут же уличенным во лжи сотнями свидетелей, если бы памятник подвергся изменениям. Да и не было бы причин специально оправдываться и лгать: тогда еще не существовало «шекспировского вопроса».

Литературоведческий анализ разрушает миф об аристократических симпатиях Шекспира, показывает, что наивно отождествлять драматурга с персонажами его пьес. К тому же нельзя забывать, что Шекспир был человеком своей эпохи, а в конце XVI в. прогрессивная роль монархии в Англии еще не была полностью сыграна. «Код» в пьесах Шекспира, обнаруженный бэконианцами, как показали работы экспертов по шифрованию, также оказался выдумкой. При таких методах «расшифровки» из текста пьес можно извлечь любую фразу, в том числе и утверждение, что они написаны Шекспиром из Стратфорда.

Или взять подписи Шекспира. Детальный графологический анализ показывает, что все они на разных документах имеют характерные общие черты и, следовательно, принадлежат одному и тому же лицу. А различное написание фамилий вовсе не было какой-то редкостью в елизаветинской Англии. Фамилии многих исторических деятелей и писателей той поры дошли до нас в десятках транскрипций. Отпадают также доказательства «неграмотности», которые вообще нелепы в отношении актера придворной труппы, обязанного быстро разучивать порученные ему роли. В 1930 г. было напечатано письмо драматурга Френсиса Бомонта Бену Джонсону 1615 г., в котором подчеркивается, что, мол, Шекспир достиг крупных успехов, не имея образования (schollershippe). Это никак не может относиться к аристократам, окончившим Кембриджский или Оксфордский университеты. Сам Джонсон, называя в своем известном отзыве Шекспира «нежным лебедем Эвона» (т.е. из Стратфор-да-на-Эвоне), пишет, что тот знал «плохо латынь и еще хуже греческий язык». (Антистратфордианцы считают и эти слова Джонсона результатом «заговора», имеющего целью скрыть подлинного автора.)

За последние десятилетия собраны новые доказательства авторства Шекспира из Стратфорда. Так, например, было документально установлено, что пьесы Шекспира принадлежали королевской труппе. В 1619 г., когда два лондонских издателя хотели опубликовать некоторые из этих пьес, королевские актеры вмешались и добились распоряжения лорда-камергера, чтобы никакие пьесы, составлявшие собственность труппы, не печатались без ее согласия. Уже известный нам Хотсон установил связи актера Шекспира с литературными кругами того времени. Выяснилось, что первую поэму Шекспира «Венера и Адонис» напечатал Ричард Филд, уроженец Стратфорда. Студенты в Кембридже ставили любительские спектакли «Путешествие на Парнас» (1598 г.) и «Возвращение с Парнаса» (1602 г.). В одном из них говорится об актере Шекспире, в другом — о поэте и драматурге Шекспире, причем в обоих случаях явно имеется в виду одно и то же лицо.

Шекспиру писали его друзья и родные — одним этим опровергается вымысел о его «неграмотности». «Занятие ростовщичеством», которое так усердно вменялось в вину актеру Шекспиру антистратфордианцами, тоже не подтверждается фактами. В одном случае это обвинение связано с закупкой Шекспиром зерна на случай неурожая. Но такое большее, чем полагалось по закону, количество зерна было обнаружено у всех зажиточных жителей Стратфорда, у многих из них в погребах хранились значительно более крупные запасы, чем у Шекспира. Еще имеется мелкий иск о неуплате денег за солод. Сколько благородного негодования он вызывал у антистратфордианцев! Оказывается, иск был предъявлен в те месяцы 1604 г., когда Шекспир находился в Лондоне, выступая свидетелем в одном судебном процессе. Проверили книгу городского совета Стратфорда, там фамилия Шекспира встречается 166 раз, при этом в 14 различных вариантах (между прочим, по-разному писали современники также фамилию Оксфорда и других «претендентов»). Наконец, еще одна любопытная деталь. В 1602 г. против членов геральдической коллегии выдвигались обвинения в необоснованной выдаче разрешения на право иметь гербовые щиты. В ходе дебатов был составлен документ, сохранившийся в архивах. В нем указывается, что один из участников спора, Ральф Брук,

[9] Однако в 1769 г. Гораций Уолпол отмечал, что городские власти Стратфорда «весьма сильно приукрасили Шекспира», явно намекая на переделку памятника.

привел пример с гербом «Шекспира-драматурга», воспроизведя при этом гербовый щит Шекспира из Стратфорда.

Посвящение своей поэмы «Венера и Адонис» одному из знатных дворян мог написать актер Шекспир, а не такие вельможи, как Оксфорд или Дерби. Надо напомнить также, что в сонетах автор дважды говорит, что его имя Билл (сокращенное от Вильям).

Наконец, малоубедительны доводы, которыми антистратфордианцы обосновывают для Бэкона или других претендентов необходимость сохранять свое инкогнито, скрываясь под маской Шекспира.

Почему, например, Оксфорд не признал пьесы «Шекспира» за свои? Потому что многие из них были лишь «слегка прикрытыми и едкими комментариями к текущим событиям». Между тем власти в правление Елизаветы I и Якова I явно не видели в пьесах Шекспира ничего противозаконного. Цензура их одобряла, лишь иногда требуя изъятия отдельных мест.

Антистратфордианцы дружно доказывают, будто это произошло потому, что правительство не считало Шекспира действительным автором пьес, особенно «Ричарда II». (Эту драму использовали в пропагандистских целях участники «заговора Эссекса».) Но в таком случае либо властям был известен подлинный автор и сохранение в тайне его фамилии становилось бы еще более бессмысленным, либо правительство знало лишь, что Шекспир не является автором, и тогда должно было бы, конечно, заинтересоваться, кто же написал пьесу. Но обычно рьяные расследователи Роберта Сесила так не поступили. Не попытались вытянуть — если надо, пыткой — у актера Шекспира, с которым не было причин церемониться, имя настоящего автора. Почему7 Ответ может быть только один: всезнающая тайная полиция Елизаветы не имела ни малейших оснований сомневаться в авторстве Шекспира из Стратфорда, она провела расследование по свежим следам и заранее отвергла теории антистратфордианцев (между прочим, Френсис Бэкон был одним из обвинителей Эссекса на суде!).

Мы уже говорили о том, что не было видимых оснований для подлинного автора десятилетиями соблюдать тайну, тем более избрать в качестве прикрытия актера той труппы, которая ставила пьесы. Он ведь должен был в этом качестве попадать в нелепые положения, когда ему приходилось бы давать объяснения темных мест в написанных не им пьесах, производить на ходу нужные изменения, знать наизусть сотни и тысячи чужих строк. Стремление антистратфордианцев всячески принизить Шекспира-актера, изобразить его неграмотным пьяницей и вымогателем денег у подлинного автора делает вдобавок еще более нелепым предположение, что он десятилетиями мог играть роль «прикрытия». И вообще, зачем действительному автору нужно было подобное прикрытие, когда значительно проще было взять псевдоним? Некоторые современники Шекспира так и поступали, причем их настоящие имена остались и поныне остаются неразгаданными. У нас есть несколько свидетельств, в том числе самого Бена Джонсона, что современники считали автором шекспировских пьес актера Шекспира из Стратфорда.

Ретленд был моложе Шекспира, поэтому приходится предположить, что он создал ряд замечательных шекспировских пьес уже в 15—16 лет. Другие претенденты умерли значительно раньше актера Шекспира, например граф Оксфорд — в 1604 г. Антистратфордианцы поэтому стараются доказать, что шекспировские пьесы, явно написанные после 1604 г. (и содержащие намеки на события этих лет), все же были созданы раньше, а потом изменялись. Непонятно, зачем было сохранять тайну после смерти и действительного автора, и Шекспира из Стратфорда даже при издании собрания сочинений в 1623 г.

Все антистратфордианцы пытаются найти в сонетах и пьесах Шекспира намеки на действительные и предполагаемые детали биографии защищаемого ими претендента. Но, применяя этот шаткий метод, можно, как показали стратфордианцы, с еще большим основанием «привязать» другие места в тех же сонетах и пьесах к известным или возможным случаям из жизни Шекспира-актера. Антистратфордианские теории, авторы которых защищают каждый своего кандидата, отчаянно противоречат одна другой, любая из них опровергает все остальные, показывая, насколько произвольны их выводы, делаемые на основании одних и тех же данных. Недаром различные школы антистратфордианцев не жалеют крепких эпитетов по адресу конкурентов («лунатики», приверженцы «до дикости невозможных взглядов» и т.п.).

Еще более важно, что сторонники определенного кандидата противоречат и даже должны

постоянно противоречить самим себе. С одной стороны, они обязаны считать, что их претендент ради каких-то чрезвычайно важных для него причин должен был тщательно соблюдать тайну своего авторства и поэтому свидетельства современников, что сонеты и пьесы написаны Шекспиром-актером, вызваны незнанием этого секрета. С другой стороны, чтобы найти хоть тень доказательства, антистратфордианцы вынуждены предполагать, что эта тайна была известна многим лицам, которые даже делали намеки на нее не только в переписке, но и в своих печатных произведениях, что сам автор не раз сообщает свое имя во многих пьесах. Неясно, зачем было сохранять секрет, в который должны были быть посвящены сотни людей через много лет и даже десятилетий после смерти Оксфорда, других претендентов и самого Шекспира Да и как было возможно сохранить в таких условиях тайну, чтобы ее не выдал ни одним словом ни один посвященный7

Антистратфордианцы пытаются использовать даже тот факт, что в завещании Шекспира пункт о деньгах для актеров Хеминджа, Конделла и Бербеджа, чтобы они купили себе кольца на память об их друге, вписан между строками. Это ли не свидетельство «заговора», особенно если учесть, что Хеминдж и Конделл были составителями первого собрания сочинений Шекспира, вышедшего в свет в 1623 г.? (Иногда утверждают, что Джонсон был специально послан в Стратфорд, чтобы исказить завещание.) Хеминджа и Конделла обвиняют в обмане: они говорили, что печатают пьесы с рукописей, а ошибки при издании свидетельствуют, что это неправда. Однако очень вероятно, что пьесы печатались с дефектных рукописей, побывавших в руках многих актеров и истрепавшихся за долгие годы. А небрежности при издании и ошибки вовсе не свидетельствуют о заговоре. Антистратфордианцы считали, что первое издание принесло около 6 тыс. ф. ст. убытка, который мог быть покрыт только графом Пемброком и графом Монтгомери, участниками «заговора». Однако при этих расчетах исходили из того, что было напечатано всего 250 экземпляров.

Но ведь примерно такое число книг первого издания сохранилось до нашего времени, и ныне специалисты считают, что было выпущено 1000—1500 экземпляров. Главное, что всего через девять лет, в 1632 г., понадобилось второе издание — значит, спрос существовал и публикация произведений Шекспира была коммерчески выгодным делом. В первое издание добавлена поэма Леонарда Диггеса в честь Шекспира из Стратфорда. Антистратфордианцы высказали множество догадок в связи с тем, что было неясно, кто такой Диггес. Однако в 1931 г. Лесли Хотсон установил, что отчимом Леонарда Диггеса являлся Томас Россел, близкий Друг Шекспира, живший в Стратфорде с 1600 г. Диггес не мог не знать актера Шекспира. Что же, поэма Диггеса — тоже звено «заговора»?

В поисках новых доказательств антистратфордианцы не осталяли в покое даже могилы. Накануне второй мировой войны была вскрыта могила Эдмунда Спенсера, так как в современных свидетельствах нашли упоминание, что в гроб положили элегии, написанные по поводу кончины этого поэта. Однако через три с половиной века точное место погребения Спенсера определить не удалось, и поиски остались безрезультатными. Не меньшее волнение среди антистратфордианцев вызвало исследование так называемого эшборнского портрета Шекспира (его назвали так потому, что он был обнаружен в Эшборне, графстве Дербишир). Портрет просветили рентгеновскими лучами и обнаружили, что он представляет собой переделку портрета какого-то другого лица, довольно похожего на графа Оксфорда — одного из главных претендентов на роль Шекспира. Однако надо учитывать, что эшборнский портрет всплыл на свет лишь в 1847 г. Всего вероятнее, он представлял собой действительно переделка изображения Оксфорда или кого-то неизвестного, которая была произведена в конце XVIII в., когда усиленно искали портреты Шекспира и коллекционеры были готовы платить за них огромные деньги. Спрос породил предложение.

Да и зачем было современникам Шекспира использовать в качестве основы портрет Оксфорда? Трудно представить себе, чтобы они таким путем решили на время скрыть тайну, оставив возможность ее разгадки будущим поколениям. Неужели они могли предусмотреть возможность просвечивания полотна в XX в. с помощью рентгеновских лучей? Если же они хотели раскрыть тайну, то не проще ли было оставить картину Оксфорда в первоначальном виде, пояснив, что это портрет Шекспира?

То обстоятельство, что усилия сотен тысяч сторонников антистратфордианских теорий,

среди которых было немало талантливых и знающих людей, дали столь ничтожные результаты, лучше всего подтверждает, что эти теории не могут быть доказаны. Недаром ярый оксфордианец Перси Аллен вскоре после второй мировой войны выпустил книгу, в которой попытался решить вопрос об авторстве Шекспира с помощью… спиритизма. Аллену удалось побеседовать с «духами» Бэкона, Оксфорда и Шекспира. Ответ, который дали духи, можно было заранее знать, прочтя предшествовавшие работы Перси Аллена. Шекспировские произведения были, оказывается, написаны Оксфордом при некотором сотрудничестве Бэкона, а также актера Шекспира из Стратфорда. Еще в 1964 г. один из антистратфордианцев в отчаянии предложил передать решение вопроса об авторстве шекспировских пьес на рассмотрение… электронной машины, поскольку человеческий ум оказался не в состоянии справиться с этой задачей.

Поиски доводов «за» и «против» не прекращаются. Так, например, известный историк и литературовед А. Роуз защищает авторство актера из Стратфорда тем, что герои его произведений… не проявляют склонности к гомосексуализму, в которой подозревают некоторых претендентов на шекспировскую корону (включая Оксфорда и Бэкона!).

«Шекспировский вопрос» полвека назад вызвал появление пародий.

Уже упоминалось, что постоянно повторяющийся мотив в работах антистратфордианцев — ссылки на загадочное отсутствие рукописей Шекспира. Но такая же участь постигла и рукописи ряда других современных ему драматургов. А как обстоит, например, дело с архивом Мольера, жившего через несколько десятилетий после Шекспира? Замечательный русский писатель М. Булгаков в книге «Жизнь господина де Мольера» с горечью отметил, что «с течением времени колдовским образом сгинули все до единой его рукописи и письма. Говорили, что рукописи погибли во время пожара, а письма будто бы, тщательно собрав, уничтожил какой-то фанатик. Словом, пропало все, кроме двух клочков бумаги, на которых когда-то бродячий комедиант расписался в получении денег для своей труппы».

Эти строки написаны полвека назад. Может быть, с тех пор неутомимое усердие многочисленных исследователей позволило найти какие-то следы исчезнувшего богатства? Предоставим слово французскому писателю Ж. Бордонову, автору одной из новейших биографий Мольера:

«Невероятная вещь! Чемодан с рукописями, заметками и письмами Мольера исчез из-за пренебрежения со стороны его наследников, по-видимому, уничтожен или, что столь же возможно, все еще покоится, покрытый пылью и паутиной, в каком-нибудь амбаре в Иль-де-Франсе[10]… От Мольера осталась в конечном счете лишь одна расписка, написанная его рукой (другие нотариальные документы имеют только его подпись), не считая, разумеется, его произведений, в которых он выразил самое главное о себе».

В 1919 г. вышла анонимная брошюра «Под маской Мольера». Ее автор известный французский юрист и писатель, академик М. Гарсон полнее, при переиздании, признался, что первоначально думал приписать пьесы Мольера какому-нибудь «подходящему» аристократу, но потом решил, что обстоятельства жизни этого лица будут мало известны публике, а рассказ о них утяжелит шутку. Поэтому Гарсон объявил, по под маской Мольера скрывается сам Людовик XIV, что даже фамилия драматурга — это анаграмма слова «король» (Moliere — Me Le roi) и что сын обойщика актер Жан Батист Поклен, разумеется, не имел к этому никакого отношения. Разве не бросается в глаза отсутствие всякой связи между содержанием пьес Мольера и жизнью Поклена, который был крайне невежествен, до 14 лет не умел читать и писать, а поступив через два года в колледж и проявив себя как дебошир и пьяница, конечно, не мог быстро изучить латинский язык, право, географию и другие науки, которые несомненно были досконально известны автору «Тартюфа»? Пьесы Мольера мог написать только аристократ, живший между 1658 и 1673 гг., хорошо знавший двор и столицу, получивший отличное образование, изучавший политику и богословие, а также заинтересованный в поддержании абсолютной власти короля и сословных граней. Это лицо должно было обладать влиянием и общественным положением, которое помешало ему открыто подписывать свои

---

[10] Центральной Франции. — Е.Ч.

пьесы; кроме того, он должен был знать актера Поклена. Только Людовик XIV удовлетворяет всем этим условиям. Любопытно, что мадам де Севинье утверждала, чти король временами пописывал стихи, о судьбе которых ничего не известно. Ясно, что они изданы под чужим именем. В метрике одного из сыновей актера Поклена записано «сын Жана Батиста Мольера», а в свидетельствах о рождении второго и третьего сыновей уже значится «сын Жана Батиста Поклена Мольера». Имя первого ребенка было Луи (Людовик). Понятно, что его отцом был настоящий Мольер, то есть Людовик XIV (аналогичные ситуации можно найти и в сочинениях Мольера). Только король мог сломить сопротивление придворных постановке ряда пьес Мольера, включая «Тартюфа». Почему Поклена, любимца короля, не избрали в академию? Явно потому, что не он автор произведений Мольера. В перечне вещей, оставшихся после смерти Поклена, нет ни одной из пьес Мольера. Правда, после кончины Поклена король не писал пьес, по-видимому, потому, что не имел удобного псевдонима и, кроме того, под влиянием фаворитки мадам де Ментенон стал религиозным и не хотел предаваться такому греховному занятию… Такова была сплошь построенная на софизмах изящная шутка М. Гарсона, удачно пародировавшая приемы антистратфордианцев. Автор снабдил брошюру обещанием выпустить капитальное исследование на ту же тему, а также работы, доказывающие, что «под маской» Вольтера скрывался прусский король Фридрих II, Наполеона — его мамлюк Рустан, Виктора Гюго — критик Сен-Бев и т.п. Несмотря на все это, появились глубокомысленные люди, принявшие брошюру всерьез. Один из них доказывал, что пьесы Мольера написаны вовсе не Людовиком XIV, а кардиналом Рецем. Конечно, насмешка еще не доказательство, и шутка Гарсона не могла снять «шекспировский вопрос».

Несмотря ни на что, далеко не все написанное антистратфордианцами может быть отвергнуто. Они сделали многое для понимания немалого числа темных мест в шекспировских творениях. Имеются в их работах и доказательства того, что отдельные современники (например, сатирики Холл и Марстон) считали Бэкона и других претендентов автором или соавтором той или иной вещи, которую мы считаем принадлежащей Шекспиру; это, однако, никак не является даже частичным доказательством антистратфордианских теорий. Словом, серьезным исследователям жизни и творчества Шекспира предстоит еще немало работы…

Теперь, однако, пора вернуться из нашего экскурса и, обрисовав состояние «шекспировского вопроса» на его нынешней стадии, посмотреть, как он оказался связанным с тайной войной и политическими конфликтами елизаветинского времени.

Прежде всего любопытно отметить, что в число претендентов на лавры Шекспира включены главные антагонисты — Роберт Сесил с его шпионами и иезуитский орден, точнее — его лазутчики и проповедники в Англии. Оба «открытия» были сделаны в США. Так, в 1916 г. в Индианаполисе появилось исследование Д. М. Максуэлла «Человек под маской.

Роберт Сесил, граф Солсбери, — единственный действительный автор шекспировских пьес». Годы жизни Сесила близки к годам жизни Шекспира. В сонетах Максуэлл обнаружил намеки на физические недостатки автора, а известно, что всесильный министр был горбуном. Кроме того, Максуэлл объявил автобиографической сцену в «Гамлете», где Полоний прощается со своим сыном Лаэртом перед отъездом его в Париж. Максуэлл счел даже возможным приписать Сесилу пьесы не одного Шекспира, но и большинства других драматургов эпохи (в этом отношении американец, впрочем, следовал только примеру бэконианцев, некоторые из них были столь же щедры в отношении своего кандидата).

В том же 1916 г. другой американец, Гарольд Джонсон, издал в Чикаго работу под названием «Написали ли иезуиты „Шекспира“?». Джонсон ответил на этот вопрос утвердительно. Вынужденные уйти в подполье, святые отцы во время нередко представлявшегося им досуга и сотворили шекспировские трагедии, комедии и сонеты как средства антиправительственной пропаганды. (Сторонники авторства Оксфорда, напротив, уверяют, что он и возглавляемая им группа придворных сочинили шекспировские пьесы для пропаганды против Испании и католиков.) Откуда взялся псевдоним «Шекспир»? И на это у Гарольда Джонсона был ответ. Псевдоним навеян именем и фамилией папы Адриана IV (1154—1159 гг.), единственного англичанина, занимавшего кресло главы католической церкви. До избрания папой он носил имя Николаев Брекспира (Break-speare). По-английски это значит «ломатель копья». Отсюда недалеко и до «потрясателя копья» (Шекспира). К тому же, как и

актер Шекспир, папа Адриан был выходцем из простой среды. Понятно, что теория Джонсона не осталась без подражаний, особенно среди католиков. Не раз появлялись книги, сочинители которых тщетно пытались вычитать из шекспировских пьес, что автор их был католиком.

Однако к взглядам, защищаемым Максуэллом и Г. Джонсоном, антистратфордианцы относятся с презрительной иронией, как к не заслуживающим внимания чудачествам. Иное дело — теория, утверждающая авторство Вильяма Стенли, шестого графа Дерби (1561—1642 гг.), который наряду с Оксфордом и Бэконом считается одним из главных претендентов. Его инициалы (W. S.) совпадают с инициалами Шекспира, которыми были подписаны некоторые ранние издания шекспировских пьес.

Отправным пунктом для защитников авторства Дерби служат донесения иезуитского шпиона (его фамилия или псевдоним — Джордж феннер), переписывавшегося с отцом Парсонсом в Риме и другими людьми. Два из этих донесений, датированные 30 июня 1599 г., были перехвачены контрразведкой Тайного совета и сохранились в английском государственом архиве. Шпион сообщал Парсонсу о попытках убедить нескольких английских аристократов, благосклонно настроенных в отношении католицизма, принять участие в заговоре против Елизаветы. Особенно желательным участником заговора был бы граф Дерби, имевший какие-то отдаленные права на трон. Понятна поэтому горечь иезуитского соглядатая, убедившегося, что на привлечение этого вельможи нет надежды, так как «граф Дерби занят ныне только писанием комедий для простых актеров».

Эта фраза с небольшими вариациями повторяется в обоих перехваченных донесениях. Отсюда, конечно, никак нельзя вычитать, что речь идет о пьесах Шекспира. Это очень скудное основание для выдвижения кандидатуры Дерби (которое, правда, пополняется другими столь же малоубедительными доводами). Надо лишь заметить, что даже в такой степени приплетение материалов разведки к вопросу об авторстве вызывает большое сомнение. Следует ли понимать буквально сообщение Джорджа Феннера? Зачем он это довольно безразличное для его иезуитских начальников обстоятельство настойчиво повторяет в двух донесениях, направленных в тот же адрес, и при этом повторяет почти в тех же самых выражениях? Кто знает, не скрывается ли за этой невинной фразой шифрованное сообщение, относящееся к интересам католического заговора и возможному участию в нем графа Дерби?

Часть антистратфордианцев сочла драму «Ричард II» и роль, которую она сыграла в мятеже Эссекса, тем «недостающим звеном», которое позволяет связать пьесы Шекспира с их «подлинным» автором. Главное усердие в данном случае проявляют бэконианцы и сторонники кандидатуры графа Дерби. Бэконианцы цитируют «Апологию», написанную будущим лордом-канцлером. Бэкон — в прошлом один из приближенных Эссекса, назначенный теперь в число его судей, — явно нуждался в том, чтобы объяснить свое поведение. В «Апологии» Бэкон передает разговор с королевой по поводу книги Д. Хейуорда о Генрихе IV, в которой повествовалось о свержении с престола Ричарда II и которая была посвящена Эссексу. На титульном листе книги были поставлены инициалы Д. X., а в латинском посвящении — полностью фамилия автора — — Д. Хейуорд. Однако королева, видимо, заподозрила, что он был лишь подставной фигурой, и предложила подвергнуть его пытке на дыбе. Бэкон убедил свою разгневанную повелительницу отказаться от этого намерения. Между тем был пущен кем-то слух, что действительным автором был сам Бэкон, поэтому, когда ему предложили указать на процессе Эссекса, что тот потворствовал появлению «мятежной» книги Хейуорда, Бэкон выдвинул возражения. Сочинения Хейуорда, разъяснил он, — это старое дело (книга была издана более чем за год до мятежа), и ему, Бэкону, особенно неудобно выступать обвинителем по данному вопросу, не дав новую пищу слухам об авторстве. Из всего этого разъяснен и я в «Апологии» бэконианцы (в частности, Б. Д. Теобалд в книге о Бэконе) делают совершенно поразительный вывод, что в ней речь идет вовсе не о сочинении Хейуорда — там ведь точно был указан автор, — а о шекспировском «Ричарде II». И что, следовательно, Бэкон — автор «Ричарда II» и других драм и комедий, приписываемых Вильяму Шекспиру. Довод, надо прямо сказать, неожиданный. Дело в том, что в «Апологии» сообщается о посвящении сочинений Эссексу — это могло относиться только к книге Хейуорда, а никак не к драме «Ричард II», о которой в рассказе Бэкона вообще не говорится ни слова. К тому же Бэкон-не признает себя автором книги, в которой излагалась история гибели Ричарда II, а, наоборот,

решительно опровергает, что имел какое-либо касательство к этому сочинению. Приводится еще аргумент, будто королева не могла заподозрить кого-либо в авторстве книги Хейуорда, поскольку его имя было напечатано на титульном листе, тогда как, мол, драма «Ричард II» не содержала таких сведений. Этот довод звучит особенно оригинально в устах людей, которые предполагают, что указания фамилии Шекспира на его произведениях, в том числе на прижизненных изданиях, являются лишь мистификацией, скрывающей подлинного автора.

Д. Титерли, один из главных сторонников кандидатуры графа Дерби, пытается подыскать другие аргументы. Он приводит записи начальника государственного архива Вильяма Ламбарда, давно, впрочем, известные, о разговоре с Елизаветой, состоявшемся вскоре после мятежа Эссекса. Королева резко заметила своему собеседнику: «Я — Ричард II, разве вы этого не знаете?» Тогда Ламбард вежливо намекнул, что это, мол, лишь выдумки Эссекса, не назвав его прямо по имени. В ответ Елизавета бросила загадочную фразу: «Кто готов забыть бога, забудет и своих благодетелей; эта комедия 40 раз игралась на площадях и в зданиях». Эти слова уже никак не могли касаться Эссекса. Титерли относит их к Шекспиру — Дерби, другие — к Оксфорду, некоторые бэконианцы — к Бэкону. Между тем никто из них не подходит к фразе, в которой говорится о безбожии и забвении благодетелей. Ни один из них не получал каких-то исключительных милостей от королевы и не мог быть обвинен в нелояльности. Каков же действительный смысл сказанного Елизаветой и переданного в очень несовершенной записи Ламбарда? Вероятнее всего, две фразы толкуют о совсем разных лицах. В первой речь идет явно об Эссексе (в ответ на намек Ламбарда), во второй — о драме Шекспира, которую ставили в день мятежа бывшего королевского фаворита и которую Елизавете было естественно вспомнить в такой связи, тем более что беседа началась с упоминания о Ричарде II и что мысли королевы давно уже были заняты историей свержения и смерти этого монарха.

Постановка «Ричарда II» являлась важным пунктом обвинительного заключения против Эссекса и его сторонников, поскольку могла быть единственным опровержением их заверений, что они вооружились лишь для законной самозащиты (Саутгемптон действительно незадолго до этого подвергся на улице нападению и с трудом отбился от направленных против него мечей).

Причина, почему актеры труппы лорда-камергера и особенно автор мятежной пьесы Вильям Шекспир не были подвергнуты никакому наказанию, наиболее правдоподобно объясняется тем, что их сочли лишь ничего не подозревавшими орудиями заговорщиков. (Напротив, настоявшие на постановке драмы сэр Д. Меррик, Ч. Денвере и Р. Кафф были казнены.) Однако в литературе высказывалось предположение, что актеры все же подпали под подозрение и в последующие год-полтора находились вне Лондона, быть может, даже за границей. Одним из вероятных мест гастролей могла стать шотландская столица Эдинбург — этим объяснялась бы крайняя благосклонность шотландского короля, когда он занял английский престол, к труппе, в которую входил Шекспир. (К сожалению, шотландские архивы этого периода не сохранились — во время революции середины XVII в. по приказу Кромвеля их переправили в Лондон, а когда уже после реставрации на престоле Карла II их было решено вернуть в Шотландию, корабль, перевозивший документы, затонул, не достигнув места назначения.)

Наконец, надо остановиться на попытке части антистратфордианцев еще одним хитроумным путем связать «шекспировский вопрос» с перипетиями тайной войны. Мы имеем в виду теорию, которая выдвигает в качестве действительного автора всего написанного Вильямом Шекспиром его великого современника драматурга Кристофера Марло.

Наиболее известный защитник кандидатуры Марло американский журналист Калвин Гофман издал в 1955 г. нашумевшую книгу, в которой попытался доказать эту теорию. Марло коренным образом отличается от других кандидатов тем, что он был действительно драматургом, и притом гениальным. Если бы не ранняя смерть Кристофера Марло, то у Шекспира, вероятно, был бы среди современников действи-гельно равный ему соперник. Марло погиб 29 лет от роду — в 1593 г., когда подавляющая часть произведений Шекспира явно еще не была написана. Это, казалось бы, непреодолимое препятствие, но и оно не смущает сторонников кандидатуры Марло, у которых находится ответ на любое возражение.

Чтобы понять их аргументацию, надо напомнить несколько фактов из жизни Марло, о

которой, между прочим, мы знаем ничуть не больше, чем о жизни Шекспира. Родившись в тот же год, что и Шекспир, сын сапожника из Кентербери Кристофер Марло сумел окончить Кембриджский университет, получив степень магистра. Еще в университете он поступил на службу к Уолсингему. Это не был какой-то исключительный случай. Агентами секретной службы состояли и другие деятели тогдашнего литературного и театрального мира, например шотландский поэт Энтони Мэнди (действовавший в английском колледже в Риме), драматург и актер Мэтью Ройстон, рано умерший талантливый драматург Уильям Фаулер, может быть, и Бен Джонсон.

В феврале 1587 г. молодой Марло исчез из Кембриджа, не сообщив никому, куда уехал. Он вернулся только в июне того же года. Когда же университетские власти вздумали было строго допросить студента о причинах его продолжительной отлучки, им из столицы намекнули на неуместность подобного любопытства. Марло в качестве тайного агента Уолсингема или одного из его помощников посетил различные страны континентальной Европы. Он выдавал себя за перешедшего в католицизм. Марло заезжал в Реймс, где в то время находился один ш центров подготовки католических священников из англичан-эмигрантов, там будущий драматург беседовал с отцом Парсонсом. Резко отзывавшемуся о королеве Елизавете студенту рассказывали о планах католического подполья в Англии.

Однако позднее отношения Марло с правительством явно испортились. Он примкнул к вольнодумному кружку блестящего мореплавателя и ученого Уолтера Ралея. Иезуиты утверждали, что Ралей и его друзья занимались тем, что читали наоборот слово «бог» и получали слово «пес». В правительственных кругах на занятия кружка Ралея тоже смотрели с недоверием. Шпионы Роберта Сесила ведь не могли знать, что через три века часть усердных антистратфордианцев объявит, будто кружок занимался, так сказать, «коллективным написанием» пьес актера придворной труппы Вильяма Шекспира. Марло обвинили в атеизме и хотели предать суду. 20 мая 1593 г. его вызвали на заседание Тайного совета. Однако он не был арестован, его обязали только каждый день отмечаться в канцелярии Совета до тех пор, пока не будет вынесен приговор по его делу. Не известно, чем было вызвано это относительно милостивое решение Совета — недостаточно обоснованным обвинением, какими-то сохранившимися у Марло связями или даже намерением использовать его вновь в интересах «службы», а быть может, и желанием покончить втихомолку со ставшим неугодным писателем, не связывая себя официальным судебным процессом.

Марло был, таким образом, отпущен впредь до нового решения Совета, но оно так и не состоялось, так как через 10 дней подсудимый был убит. Известно, однако, что Тайный совет за это время получил дополнительные обвинения против Марло, содержавшиеся в доносе одного из его агентов — Ричарда Бейнса. Обвинения были, очевидно, настолько серьезны, что копия доноса Бейнса была направлена королеве. В этой бумаге отмечалось, что донос поступил 2 июня, когда, по другим сведениям, Марло был уже два дня как мертв. В самой копии указывалось, что Марло умер через три дня после получения Советом доноса. Странное обстоятельство, если не счесть это результатом ошибки переписчика. Он собирался, вероятно, написать — за три дня «до», а указал — через три дня «после» получения доноса наступила смерть неблагонадежного сочинителя пьес. Ибо иначе трудно понять, почему ничего не упоминается о действиях, которые должен был бы предпринять Совет, будь Марло еще живым в момент доставки документа. А таким действием мог быть только приказ о немедленном аресте. Необходимо отметить еще один многозначительный факт. В доносе Бейнса наряду с Марло названы сэр Уолтер Ралей и математик Гар-риот и указано, что обвинение должно быть распространено на ряд других связанных с ними высокопоставленных лиц, имена которых будут названы позднее. В копии доноса, посланной Елизавете, имя Ралея было опущено.

…В Дептфорде, селении, расположенном в нескольких милях от Лондона, день 30 мая 1593 г. начался как обычно. Жители городка могли лишь снова поздравить себя с тем, что эпидемия чумы, свирепствовавшая в столице, обошла стороной Дептфорд и даже вызвала сюда наплыв перепуганных лондонцев, плативших хорошие деньги за помещение и стол. Народу понаехало так много, что никто не обратил внимания на четырех человек, также прибывших из столицы, хотя трое из них имели более чем сомнительную репутацию. Это были карточный шулер Инграм Фризер, его достойный помощник вор Николае Скирс и, наконец,

правительственный шпион и провокатор Роберт Пули, уже известный читателям. А четвертым был человек, которого, казалось бы, трудно было встретить в такой компании, — Кристофер Марло.

Все четверо отправились в трактир на улице Дептфордстренд, принадлежавший некоей Элеоноре Булл. Там они начиная с 10 часов утра, как отмечалось позднее в протоколе, составленном следователем, «пообедали и после обеда мирно прогуливались, бродили по саду, примыкавшему к указанному дому, вплоть до б часов вечера. Вслед за тем они вернулись из упомянутого сада и совместно поужинали». После ужина Марло улегся на кровать в своей комнате, тогда как трое его компаньонов уселись на скамейку спиной к своему знакомому. Инграм Фризер сидел посередине. Вскоре возник спор. Фризер и Марло обменялись резкими словами, речь шла о денежных расчетах.

Марло в ярости схватил нож, который болтался у его противника на ремне за спиной, выхватил его из ножен и ударил Фризера рукояткой, нанеся поверхностную рану на голове. Фризер успел удержать Марло за руку. В последовавшей схватке, говоря словами того же про-юкола, Фризер «вышеупомянутым кинжалом стоимостью 12 пенсов нанес названному Кристоферу смертельную рану над правым глазом глубиной два дюйма и шириной один дюйм; от смертельной раны вышеназванный Кристофер Марло тогда же и на том же месте умер».

Поскольку королева Елизавета находилась в пределах 12 миль от Дептфорда, расследование, согласно закону, было поручено королевскому следователю Данби, который и составил цитированный протокол. В течение длительного времени друзья Марло не знали обстоятельств его трагической гибели. Многие считали, что он пал жертвой чумы. По заключению медиков, рана, подобная той, которая описана в протоколе, не должна была вызвать мгновенную смерть. Еще более странной на первый взгляд является судьба убийцы. Его первоначально посадили в тюрьму. Однако уже через месяц он был помилован Елизаветой на том основании, что действовал в порядке самозащиты. Подобная королевская милость редко оказывалась так скоро после свершения преступления. Брат умершего в 1590 г. министра Уолсингема Томас Уолсингем, пывший другом и покровителем Марло, немедленно принял Фризера к себе на службу, на которой тот находился ранее и оставался еще и 20 лет спустя (причем использовался для выполнения особо «деликатных» и уголовно наказуемых дел).

Интересно также еще одно обстоятельство. В мае 1593 г. Роберт Нули уехал из Англии в Гаагу с очередным шпионским заданием. В день, когда был убит Марло, он только возвратился с секретной информацией для сэра Томаса Уолсингема и после встречи с хозяином успешно направился в Дептфорд, в дом Элеоноры Булл, где встретился с Марло, Фризером и Скирсом. Вряд ли это он сделал по собственной инициативе. Однако зачем Марло — в это время уже не безусому юноше — было проводить время со столь подозрительными и опасными людьми, если он не знал твердо, что они получили приказ оказать ему помощь?

Долгое время в распоряжении науки были только сбивчивые показания современников, передававших ходившие тогда слухи о том, как произошло убийство. В 1820 г. один из ученых направил в городок Дептфорд, неподалеку от Лондона, где произошло убийство, письмо к местному священнику с просьбой поискать какие-либо сведения об этом событии в церковноприходских реестрах. (В них записывались рождения, браки и смерти.) В ответ священник прислал выписку, гласившую: «I июня 1593 г. Кристофер Марло убит Френсисом Арчером». В 1925 г. английский ученый Лесли Хотсон отыскал в государственном архиве подлинник заключения, составленного следователем Данби, и приговор присяжных заседателей относительно убийства Марло. Присяжные сочли, что Марло был убит 30 мая 1593 г. Инграмом Фризером, действовавшим для самозащиты. Убийство произошло в присутствии Скирса и Роберта Пули.

Сторонники кандидатуры Марло на роль Шекспира, конечно, не преминули воспользоваться этим разночтением имени убийцы. Калвин Гофман построил такую внешне эффектную гипотезу. Марло опасался нового выюва в Тайный совет, пыток, осуждения. Тогда ему на помощь пришел Гомас Уолсингем, который инсценировал убийство, причем для этого повлек в заговор не только своих слуг и подчиненных — Пули, Фризера, Скирса, но и Данби, который провел следствие с непонятной торопливостью, не допросил даже хозяйку дома Элеонору Булл и, главное, взял с потолка имя убийцы «Арчер», лишь потом заменив его

именем Фризера. Быть может, убили какого-нибудь заезжего моряка, которого никто не знал в Дептфорде и которого было легко выдать за Марло? Тот же переждал опасное время в имении Уолсингема, потом уехал на континент и в течение долгих лет посылал в Англию пьесы, которые ставились под именем. Шекспира.

Остроумная гипотеза, не правда ли? Однако в ней есть один существенный недостаток — она не опирается ни на какие доказательства, кроме того, что произведения Шекспира стали появляться вскоре после 30 мая 1593 г., а также на не относящиеся к делу сходные места в пьесах Марло и Шекспира. Эта теория строится также на домыслах, что в некоторых шекспировских драмах содержится будто бы намек на судьбу Марло и что сонеты, посвященные таинственному «W. H.», в действительности были адресованы Томасу Уолсингему, фамилию которого иногда писали через дефис — Walsing-Ham.

До тех пор, пока Гофман и его сторонники не смогут привести хотя бы одно свидетельство, что Марло видели живым после 30 мая 1593 г., их теория основывается на чистой фантазии. По существу, как ехидно заметил один из стратфордианцев, единственное доказательство в пользу авторства Марло сводится к тому, что его убили, а Шекспир остался жить в годы, когда были написаны шекспировские пьесы.

В 1953 г. в колледже «Корпус Кристи» в Кембридже, в котором обучался Марло, производился ремонт комнаты, почти не переделывавшейся с XVI в. Под слоем штукатурки, относившейся к более позднему времени, была найдена раскрашенная доска. Более тщательное исследование обнаружило, что на ней изображен какой-то молодой человек. Гофман пытается уверить читателя, что это портрет Марло, и вдобавок вполне схожий с портретом Шекспира, приложенным к первому изданию его сочинений.

В шекспировской комедии «Как вам это понравится» шут Оселок заявляет: «Когда твоих стихов не понимают или когда уму твоему не вторит резвое дитя — разумение, это убивает тебя сильнее, чем большой счет, поданный маленькой компании» (буквально — «большая расплата в маленькой комнате») (акт III, сцена 3). Не только одни сторонники кандидатуры Марло видят в этих словах намек на трагическую сцену в маленькой комнате дептфордской гостиницы. Но почему этот намек должен бы быть сделан «спасшимся» Марло, а не Шекспиром?

Гофман попытался пойти и по еще одному проторенному пути антистратфордианцев — вскрытию могил. После долгих хлопот было получено разрешение разрыть могилу Томаса Уолсингема, где надеялись обнаружить рукописи Марло. В 1956 г. могилу раскопали, и разочарованный Гофман должен был заявить: «Мы нашли песок, нет ни гроба, ни бумаг, один песок». В прессе иронически отметили, что пустота могилы отлично подчеркнула пустоту теории.

Нечего говорить, что гипотеза о «заговоре» Томаса Уолсингема носит совершенно искусственный характер: если бы он хотел помочь Марло, то между 20 мая и временем поступления нового доноса в Тайный совет Уолсингем мог без труда организовать его бегство за границу, не прибегая к громоздкой инсценировке убийства. Что же касается различия в фамилии убийцы, то это, как показал еще в 1925 г. Лесли Хотсон, было результатом ошибки священника. Он плохо разбирал скоропись елизаветинского времени, принял в фамилии Фризер, записанной со строчной буквы и через удвоенное «ф» (ffrizer), первые две буквы за одно большое А и просто домыслил остальные буквы. Так получилась фамилия Арчер. Хотсон приводит в своей работе «Смерть Кристофера Марло» фотокопию записи в регистрационной книге прихода, которая неопровержимо доказывает ошибку священника. В записи, несомненно, видна фамилия Фризер, хотя ему неправильно приписано имя Френсис. Интересно, что, не раз цитируя Хотсона, Гофман усердно обходит этот неопровержимый вывод английского ученого.

Малоубедительны и попытки Гофмана доказать неправдоподобие картины убийства, которую рисует заключение следователя Данби. Там сказано, что во время возникшей ссоры Марло выхватил нож, который Ишрам Фризер носил на спине. Эта деталь вызывает град насмешек стороны Гофмана относительно необычного способа хранить кинжал. Однако показания современников неопровержимо свидетельствуют, что в елизаветинскую эпоху это было широко распространенной манерой носить оружие.

Гофман уверяет, что у Марло не могло быть ничего общего с такими подозрительными личностями, как Фризер и Скирс. Однако по своему социальному положению они стояли не

ниже Марло. Фризер владел некоторой собственностью, Скирс был сыном купца и другом одного из друзей Марло. Гофман обращает внимание и на то, что Фризер после скорого оправдания, а также Пули и Скирс сохранили свои места на службе у покровителя поэта — Томаса Уолсингема. Вместе с тем Гофман упускает из виду одно важное обстоятельство: вся тройка верно служила до этого не Томасу, а Френсису Уолсингему, как и Марло в его молодые годы. Пули сыграл определенную роль в раскрытии «заговора Бабингтона». То, что Фризер, Скирс и Пули остались на службе, говорит либо об их полезности, в связи с чем Томас Уолсингем и не счел нужным с ними расстаться, либо о том, что действительно был заговор, ни с целью не спасти, а покончить с Марло, а Томас Уолсинсем и в этом случае выполнял указания властей. Причиной, побудившей избавиться от Марло, мог быть не только его атеизм (как мы помним, самые серьезные обвинения поступили в Тайный совет уже после убийства), но и какие-то столкновения секретной службы с бывшим разведчиком и великим драматургом. А может быть, и боязнь Томаса Уолсингема, что Марло под пыткой выдаст какие-то тайны его и кружка Ралея.

Этим догадкам, видимо, навсегда предстоит остаться догадками. Впрочем, и обвинение в атеизме звучало достаточно серьезно для властей, среди которых было немало истовых протестантов. Кроме того, елизаветинская разведка могла иметь особые основания не допускать гласного суда над драматургом. Ведь Марло сохранял возможность рассказать что-либо «лишнее» о своих поездках на континент в качестве агента секретной службы. Во главе разведки при Елизавете стояли умные и осторожные люди. Так что вряд ли в архивах могли уцелеть свидетельства о причастности королевских министров к случайной потасовке в городке Дептфорде, при которой некий Фризер убил бывшего студента кембриджского университета Кристофера Марло.

Надо добавить, что Шекспира до 30 мая 1593 г., возможно, вообще не было в Лондоне. Ведь первые сохранившиеся документальные свидетельства о нем как о столичном актере относятся к декабрю 1594 г. Шекспиру в это время было уже 29 лет, но он еще не проявил себя как писатель. Относимое обычно к Шекспиру упоминание в 1591 — 1592 гг. драматургом Р. Грином о «потрясателе сцены» относится, скорее всего, не к Шекспиру, как это обычно считается, а к актеру Эдварду Аллену. У. Чэпмэн в книге «Вильям Шекспир и Роберт Грин» (1974 г.) считает, что Грин имел в виду знаменитого комика Уильяма Кемпа.

В отличие от Шекспира, Марло, который был всего на восемь недель его старше, к 1593 г. уже достиг известности. Он был автором привлекших внимание известных пьес «Тамерлан», «Фауст» и др. Стоит отметить также, что Марло и Шекспир находились в разных лагерях. Шекспир — через графа Саутгемптона — был связан со сторонниками графа Эссекса, а Марло был близок к Ралею, непримиримому врагу Эссекса. Есть основание считать, что в шекспировской комедии «Бесплодные усилия любви» содержатся сатирические выпады против Ралея, который, возможно, выведен в пьесе в виде комического персонажа дона Адриано де Армадо, «чудака-испанца».

Неудачные эксперименты Гофмана не помешали появлению других работ, поддерживавших авторство Марло — одного или в сотрудничестве с кем-то. Примером может служить изданная в 1968 г. работа Д. и Б. Уинчкомбов «Действительный автор или авторы Шекспира». В новой книге делается попытка поставить под сомнение факт убийства Марло, утверждается, что драматург был еще более, чем предполагают, вовлечен во многие сражения тайной войны. При этом отдельные интересные наблюдения соседствуют с чистыми домыслами. Уинчкомбы обращают внимание на то, с какой быстротой и категоричностью Тайный совет в своем решении от 9 июня 1587 г. вступился за Марло, когда на него ополчились в Кембридже за необъяснимое отсутствие. В решении, принятом Тайным советом, — в его составе находился и лорд Берли, являвшийся одновременно канцлером Кембриджского университета, — говорилось: «Ее Величеству не угодно, чтобы кто-либо, используемый, как он[11], в делах, затрагивавших благополучие страны, подвергался опорочиванию со стороны тех, кто не знал, чем он был занят». Обычно считают, что Марло ездил в Реймс для сбора сведений

[11] Марло. — Е.Ч.

об иезуитах. Но это лишь воспроизведение ходивших тогда слухов, и не исключено, что их сознательно распускали с целью скрыть действительную миссию Марло.

Все известное нам о жизни Марло с 1587 по 1593 г. говорит о наличии у него вполне достаточных средств. Отношение к нему властей оставалось благосклонным. 18 сентября 1589 г. Марло должен был драться на дуэли с неким Ульямом Бредли. Марло пришел на место назначенного поединка со своим другом поэтом Томасом Уотсоном. Бредли решил сначала скрестить шпаги с Уотсоном, очевидно, считая его более легким противником. Он ошибся — Бредли, правда, удалось ранить Уотсона, но тот нанес в ответ своему противнику смертельный удар. Через несколько дней власти нашли, что Уотсон убил Бредли в порядке самозащиты. Марло и Уотсона отправили в тюрьму — до очередной сессии суда. Однако Марло выпустили уже через неделю под залог, а Уотсон оставался в тюрьме пять месяцев.

Важно отметить, что двоих лиц, которые свидетельствовали против Марло в роковом 1593 г., постигло очень суровое возмездие. При аресте 12 мая 1593 г. драматурга Томаса Кида, жившего вместе с Марло, были найдены бумаги, которые официально обозначены как «порочные и еретические вымыслы, отрицающие божественность Иисуса Христа». Кид утверждал, что бумаги принадлежали Марло, оставлены им два года назад, когда он снимал это помещение, и что они случайно оказались перемешанными с бумагами самого Кида. В своих показаниях Кид уверял, что Марло не раз высказывал при нем богохульные суждения, а также намерение убеждать высокопоставленных лиц принять сторону шотландского короля. Эти показания привели лишь к тому, что

Кида оставили в тюрьме, подвергли пытке за «мятеж и ересь» и выпустили на свободу только в 1594 г., незадолго до смерти. Другой донос был послан, как мы уже знаем, неким Бейнсом. Возможно, что это простое совпадение, но второй обвинитель Марло тоже кончил свои дни в 1594 г. на виселице в Тайберне.

18 мая 1593 г. был издан приказ об аресте Марло, 20 мая того же года в бумагах появилась запись, что Марло предстал перед лордами — членами Тайного совета. Ему было предписано ежедневно являться в помещение Совета до того времени, пока он не получит другого приказания. Сравнительно с наказаниями, постигшими его обвинителей, Марло отделался пока столь легко, что возникает вопрос: не было ли ему просто-напросто предписано ежедневно посещать Тайный совет впредь до получения нового секретного задания? Между прочим, если бы Марло должен был соблюдать это решение, он никак не мог утром 30 мая оказаться в Дептфорде и проводить время в обществе Фризера, Скирса и Пули, которые все трое были явно или неявно агентами секретной службы. В этой связи то обстоятельство, что убийство произошло в месте, где его расследование должен был вести королевский следователь, а присяжными могли быть, вполне возможно, люди из находившегося неподалеку, в одной-двух милях, имения Томаса Уолсингема, должно привлечь особое внимание.

В описании убийства Марло, по мнению Уинчкомбов, имеется немало неясностей и темных мест. Особо настораживает, что все участники драмы как будто демонстративно прогуливались в саду, тогда как убийство было совершено в комнате, роковой удар был нанесен в лицо, что затрудняло опознание. Мог ли это быть заговор с целью убийства поэта? По мнению Уинчкомбов, это маловероятно. У Тайного совета, если бы он хотел отделаться от Марло, были для этого куда более надежные средства, как показывает судьба Кида и Бейнса. К тому же Марло быстро бы разгадал ловушку. Куда вероятнее, что он был участником представления и что взамен Марло следствию был представлен труп какого-то другого убитого человека. Можно предположить, что Марло и в 1587 г., и после 1593 г. выполнял важную тайную миссию при дворе шотландского короля Якова, наследника английского престола. По мнению Уинчкомбов, трактаты, которые сочинял Яков, были написаны не без помощи Марло. Драматург, вероятно, участвовал в восстании Эссекса. Не ограничиваясь этим, авторы высказывают и еще целый ряд подобных же догадок, основанием для которых является весьма вольное истолкование отдельных мест из произведений Марло, Шекспира и других современных им сочинений. В результате к числу авторов шекспировских пьес Уинчкомбами присоединены графиня Пемброк и еще один «соискатель» — церковный деятель, позднее епископ Джон Уильямс.

Каковы же основания для выдвижения его прав на шекспировский трон? Уильяме был

близким другом графа Саутгемптона, которому посвящены поэмы Шекспира, участвовал в сочинении кембриджскими студентами пьесы «Возвращение с Парнаса», в которой упоминался Шекспир. Будущий епископ, как и Марло, был знакомым графини Пемброк, портреты Шекспира, «возможно», срисованы с портретов Джона Уильямса, сей почтенный служитель церкви незадолго до опубликования собрания сочинений Шекспира установил дружеские связи с Беном Джонсоном, написавшим, как известно, предисловие к этому изданию. Герб Уильямса имеет «гротесковое подобие» стратфордскому памятнику. Почерк так называемой «Нортумберлендской рукописи», которую бэконианцы считают доказательством, что Шекспир — Бэкон, оказывается напоминает почерк Уильямса. Наконец, известно, что бумаги Уильямса сгорели при пожаре в Вестминстерском аббатстве в 1695 г. — это ли не свидетельство, что он передал их на хранение для опубликования, видимо, через полвека после своей смерти (Уильямс умер в 1650 г.). Некоторые портреты Шекспира, оказывается, рисовались и с ….графиней Пемброк, надевшей парик с плешью и привязавшей бороду! Авторы приводят и много других аналогичных предположений и «доказательств», но пора остановиться, тем более что уже трудно разобрать, утверждают ли все это Уинчкомбы всерьез или просто потешаются над легковерием своих читателей.

Полемика не прекращается. Кстати, сторонники кандидатуры семейства Пемброков приводят порой и аргументы, звучащие не столь анекдотично, как приведенные выше. Так, один из них, Д. Митчел, ссылается на знаменитую характеристику Джонсоном Шекспира как «нежного лебедя Эвона». В этом видят прямое отождествление Шекспира-драматурга и Шекспира из Стратфорда-на-Эвоне. А может быть, Джонсон, чтобы скрыть истину, прибегнул к двусмысленному иносказанию, ведь не исключено, что речь идет об Эвоне, протекающем в графстве Уилтшир, мимо Уилтона, резиденции Пемброков? Или, как всем известно, Джонсон упрекал Шекспира, что тот «не вымарывал ни строки». Джонсон считал необходимой такую правку. Так всегда было принято понимать это замечание. А быть может, догадываются ныне антистратфордианцы, это намек на то, что, мол, никто не видел актера Шекспира пишущим или что он попросту снимал копии с чужого текста.

Процитируем, однако, более полно отрывок из Джонсона, о котором идет речь. «Помню, актеры часто упоминали как о чем-то делающем честь Шекспиру, что в своих писаниях (что бы он ни сочинял) он никогда не вымарывал ни строчки. На это я ответил, что лучше бы он вымарал тысячу строк; они сочли мои слова недоброжелательными. Я бы не стал сообщать об этом потомству, если бы не невежество тех, кто изобрел для похвал своему другу то, что является его наибольшим недостатком…», и т.д. Где же здесь намек на то, что Шекспир ничего не писал или только переписывал работы других?

Кардинал и «серый кардинал»

Правление Ришелье сыграло не меньшую роль в истории тайной войны, чем в истории Франции и всей Западной Европы.

В течение почти 20 лет — с 1624 г. и до самой смерти в 1642 г. — кардинал Ришелье был главой правительства при ничтожном Людовике XIII. Чтобы не быть низвергнутым с высот могущества, Ришелье пришлось не только научиться играть на слабостях и капризах непостоянного, подверженного посторонним влияниям Людовика XIII, но и быть все время в курсе непрекращавшихся дворцовых интриг. В них принимали активное участие мать, жена и брат короля, а также другие принцы крови, не говоря уж о влиятельных вельможах. Противники кардинала пытались противодействовать усилению королевского абсолютизма, полному подчинению знати верховной власти монарха, чего настойчиво добивался Ришелье, опираясь на поддержку большинства дворянства и буржуазии.

Им была нужна твердая власть для подавления крестьянских и городских восстаний.

В своем сопротивлении Ришелье его противники почти неизменно прибегали к излюбленному средству — к сговору с Габсбургами, против которых, продолжая линию Генриха IV, вел упорную борьбу кардинал. Поэтому разведка Ришелье должна была решать многосторонние, хотя и тесно переплетавшиеся задачи: выслеживать противников кардинала при дворе, обнаруживать их связи с Испанией и Габсбургами и, наконец, прямо обслуживать

внешнюю политику, включавшую, в частности, мобилизацию протестантского короля Швеции Густава Адольфа и протестантских немецких князей против императора. Легко понять, почему в таких условиях Ришелье предпочитал придать разведывательной службе частный характер, оплачивая своих лазутчиков из собственного кармана, который, впрочем, после этого быстро пополнялся за счет казны.

Ришелье не верил даже своим личным секретарям. Когда они переписывали важные бумаги, кардинал сам смотрел за их работой: он хотел убедиться, что при этом не будут сняты дополнительные копии с секретных документов. К числу тех немногих, кто неизменно пользовался неограниченным доверием Ришелье, был глава его секретной службы монах капуцинского ордена Жозеф дю Трембле («серый кардинал», как его иронически именовали враги).

По утрам Ришелье регулярно приносили перехваченную корреспонденцию, докладывали о происшествиях при дворе, о разговорах заключенных, подслушанных тюремщиками. Буквально каждый день Ришелье с отцом Жозефом обсуждали полученную шпионскую информацию, составляли указания своим разведчикам. Отец Жозеф завербовал много монахов своего ордена. Несколько шпионов-капуцинов обосновались в Лондоне, формально находясь в свите жены английского короля Карла I Генриетты-Марии, француженки по рождению. Среди капуцинов отец Жозеф отобрал себе и четырех помощников, составлявших штаб его разведывательной организации. На службе у кардинала состоял Антуан Россиньоль, которого считают основателем современной криптографии. Еще в молодости он обратил на себя внимание тем, что сумел прочесть зашифрованное письмо гугенотов города Бельмона, стойко выдерживавших осаду королевской армии. В этой перехваченной депеше осажденные уведомляли, что у них нет амуниции и, если не прибудет подмога, они должны будут вскоре сдаться. Командующий королевскими войсками вернул горожанам расшифрованное письмо, и те, убедившись, что оно прочитано, неожиданно 30 апреля 1628 г. сложили оружие.

Ришелье, узнав о способностях Россиньоля, приблизил его к себе. При осаде гугенотской твердыни — гавани Ла-Рошель — Россиньолю удалось расшифровать депешу о том, что жители голодают и, если не получат помощи от англичан, не смогут продолжать сопротивление. Поселившегося под Парижем, в местечке Жювиси, шифровальщика удостаивал своим посещением сам Людовик XIII. Россиньоль не только раскрывал шифры, но и составлял ложные депеши, побуждавшие к сдаче неприятельских крепостей. Ходили, впрочем, слухи, что Ришелье сознательно преувеличивал возможности своего специалиста по кодам, чтобы обескуражить заговорщиков. Однако в том, что Россиньоль действительно был виртуозом своего дела, убеждают, помимо прочего, и переписка кардинала, и щедрые королевские дары ему. Он оставался в большой милости и при Людовике XIV. В 1672 г. ему было подарено 150 тыс. ливров, а в последние годы жизни (он умер в 1682 г.) Россиньоль получал ежегодную пенсию в 12 тыс. ливров.

Секретная служба Ришелье обеспечивала его из всех стран Европы информацией, имевшей нередко первостепенное значение. Приходится удивляться, каким образом при тогдашних средствах связи в Париж вовремя доставлялись сведения, которые стремились сохранить в тайне правительства, вообще не поддерживавшие ни дипломатических, ни иных отношений с Францией. Примером может послужить полученное Ришелье заблаговременно известие о принятом в 1628 г. решении московского правительства возобновить войну против Польши. Своевременная осведомленность об этом позволила французским дипломатам значительно ускорить заключение в 1629 г. Альтмаркского перемирия между Швецией и Польшей, что дало возможность шведскому королю Густаву Адольфу начать успешную войну против германского императора (императорский престол занимали представители австрийской ветви династии Габсбургов). Это же, в свою очередь, соответствовало главной внешнеполитической цели Ришелье — созданию мощной коалиции против по-прежнему претендовавших на европейскую гегемонию испанских и австрийских Габсбургов.

Можно лишь догадываться, каким образом Ришелье получил секретную информацию из Московского государства, с которым в течение предшествующих полутора десятилетий у Франции вообще не было никаких связей. Правительство царя Михаила Федоровича, надеясь привлечь Турцию к союзу против Польши, сообщило о своих планах турецкому послу греку Ф.

Кантакузину, который сразу же после этого поспешил в Константинополь. А постоянный французский посол в Константинополе граф Ф. Сези, являвшийся прежде всего агентом отца Жозефа, сумел обзавестись осведомителями, которые передавали ему все, что было известно правительству султана Мурада IV…

Еще в первые годы правления Ришелье против него был составлен заговор во главе с братом короля Гастоном Орлеанским. В заговоре участвовали жена Людовика Анна Австрийская, побочные братья короля принцы Вандом, маршал Орнана и граф Шале. Заговорщики хотели похитить Людовика XIII и Ришелье, а в случае неудачи — поднять вооруженное восстание, которому была обещана полная поддержка в Вене и Мадриде.

В раскрытии заговора большую роль сыграл один из лучших разведчиков отца Жозефа — Рошфор. Он, вероятно, многим известен по знаменитому роману «Три мушкетера» Александра Дюма. Свои знания о Рошфоре Дюма почерпнул из его любопытных «Воспоминаний», но они в действительности были написаны писателем Сандра де Куртилем (который являлся также автором «Мемуаров» д'Артаньяна) и полны выдумок. Рошфор был пажем в доме Ришелье. Его сначала долго испытывали, а потом с целью проверки послали с шифрованным письмом в Англию. Там Рошфора арестовали, но он успел спрятать письмо в седле, и оно не было обнаружено. После этого он стал одним из наиболее доверенных агентов кардинала, ему стали поручать важные дела.

Нарядившись капуцином и получив от отца Жозефа подробные инструкции, как подобает вести себя монаху этою ордена, Рошфор отправился в Брюссель. Чтобы сбить со следа шпионов враждебной партии, Рошфор говорил по-французски с сильным валлонским акцентом и при случае не забывал упоминать о своей ненависти к Франции. В Брюсселе мнимый монах сумел вкрасться в доверие к маркизу Лекю, любовнику одной из заговорщиц, герцогини де Шеврез. Вскоре Лекю уже передал услужливому монаху несколько писем для пересылки в Париж. «Таким путем, — сказал Лекю, — вы окажете большую услугу Испании». Рошфор для верности разыграл комедию, уверяя, что не имеет возможности проникнуть во Францию, обманув шпионов кардинала, и уступил лишь тогда, когда Лекю обещал достать ему разрешение на поездку от духовного начальства. На полдороге Рошфора встретил курьер отца Жозефа, который быстро доставил письма в Париж. Депеши оказались зашифрованными, но код был скоро раскрыт, и Ришелье смог познакомиться с планами заговорщиков.

После прочтения письма были снова переданы Рошфору, который вручил их адресату — некоему адвокату Лапьерру, жившему около улицы Мобер. За Лапьерром была установлена постоянная слежка. Таким путем вскоре было открыто, что подлинным адресатом был королевский придворный граф де Шале, в отношении которого уже давно росли подозрения. Однако особенно важно было то, что в письмах, доставленных Рошфором, обсуждался вопрос о желательности смерти не только Ришелье, но и самого Людовика XIII. Это позволило потом Ришелье разделаться с заговорщиками как с участниками покушения на священную особу монарха Ришелье был склонен сразу арестовать и отправить на эшафот графа Шале, но «серый кардинал» настоял на более изощренном методе действий. Стали непрерывно следить за Шале, чтобы открыть остальных заговорщиков, А Рошфор, получивший ответы на привезенные им письма, снова был послан в Брюссель.

Шале был далек от мысли, что он опутан сетью агентов кардинала, и спокойно отправил курьера к испанскому королю с предложением заключить тайный договор, о котором уже велись переговоры с испанскими властями во Фландрии. Испанский двор выразил полнейшую готовность удовлетворить все просьбы заговорщиков. Однако на обратном пути из Мадрида курьер был арестован, и Ришелье получил в свои руки доказательства того, что заговорщики, помимо всего прочего, виновны в государственной измене. После того как разведке кардинала удалось распутать все нити заговора, брат короля Гастон Орлеанский, прирожденный предатель, с готовностью выдал своих сообщников. Шале кончил жизнь на эшафоте.

Примерно к этому времени относится и знаменитый эпизод с брильянтовыми подвесками королевы Анны Австрийской, составляющий стержень интриги в романе «Три мушкетера» Александра Дюма. Впервые об этом случае рассказал современник событий французский писатель Ларошфуко. В Анну Австрийскую был влюблен герцог Бэкингем — фаворит двух английских королей — Якова I и Карла I — и всесильный первый министр Англии. Если верить

рассказу Ларошфуко, Анна Австрийская подарила на память герцогу Бэкингему брильянтовое ожерелье, которое было незадолго до того преподнесено ей королем. Кардинал, узнав об этом от своих шпионов, решил воспользоваться случаем, чтобы нанести удар опасному врагу — королеве. В романе Дюма Ришелье поручает коварной леди Винтер срезать у Бэкингема на балу два брильянтовых подвеска и спешно переслать их в Париж. После этого кардинал намекнул Людовику XIII, чтобы он попросил королеву надеть ожерелье на ближайшем приеме. У Дюма д'Артаньян и его храбрые друзья мушкетеры доставляют из Лондона, несмотря на тысячи всевозможных препятствий, подстроенных агентами Ришелье, королеве в Париж ее ожерелье с двумя спешно изготовленными новыми подвесками, которые невозможно было отличить от украденных леди Винтер. Кардинал, заранее торжествовавший победу, был посрамлен. В действительности роль леди Винтер сыграла супруга английского посла в Париже графиня Люси Карлейль, любовница Бэкингема, если только весь этот эпизод не является лишь передачей Ларошфуко слуха, который ходил в придворной среде. (Впоследствии, в годы английской революции, графиня Карлейль, которая являлась тогда фрейлиной королевы Генриетты-Марии — жены Карла I, жившей в Париже, посылала шпионские донесения в Лондон противникам короля.)

Активной участницей заговора против Ришелье была герцогиня де Шеврез, тоже фигурирующая в «Трех мушкетерах» как таинственная белошвейка, приятельница Арамиса.

Старшая дочь герцога де Рогана Мария в первом браке была замужем за фаворитом Людовика XIII герцогом де Люинем. Рано овдовев, она сочеталась вторым браком с герцогом де Шеврезом, полнейшим ничтожеством, который целиком попал под власть своей умной волевой красавицы жены. Герцогиня де Шеврез стала наперсницей Анны Австрийской в ее романе с Бэкингемом и в интригах против Ришелье. Быстро возраставший список любовников герцогини составлял значительную часть реестра участников различных заговоров против министра-кардинала. К их числу относился и погибший на эшафоте граф Шале. После неудачи этой конспирации госпожа де Шеврез перебралась в Лотарингию, где ею увлекся правивший там герцог Карл IV, а оттуда распространила сеть своих интриг и на Англию. Контакты с королем Карлом I и герцогом Бэкингемом она поддерживала еще через одного из своих возлюбленных — герцога Монтегю. Неосторожность этого англичанина и послужила для разведки Ришелье той нитью, которая привела к раскрытию замыслов врагов кардинала. Монтегю был арестован на лотарингской территории. Найденные при нем бумаги раскрыли все планы заговорщиков.

Борьба против Ришелье не прекращалась.

Главой следующего заговора была мать Людовика XIII Мария Медичи, ранее не выступавшая против министра, который в молодости был ее фаворитом и даже был обязан ей своим возвышением. Воспользовавшись заболеванием короля, Мария Медичи и ее сторонники стали упрашивать его, чтобы он не уезжал в действующую армию в Савойе, как того требовал кардинал. Болезнь усилилась, и Марии Медичи совместно с Анной Австрийской слезами и мольбами удалось выманить у Людовика согласие расстаться с кардиналом. Королева-мать торжествовала победу и грубо выгнала вон Ришелье, явившегося к ней на прием. Толпы придворных лизоблюдов уже сочли своевременным перекочевать из передней кардинала в прихожую королевы-матери. Но они слишком поторопились. Людовик XIII выздоровел и, забыв о своем обещании, немедля вызвал к себе кардинала, который снова стал всемогущим правителем страны. Недаром этот день — 10 ноября 1630 г. — вошел в историю под названием «дня одураченных». Многие из «одураченных» были удалены от двора, а Мария Медичи после неудачной попытки поднять восстание в крепости Каппель, неподалеку от испанской Фландрии, была выслана за границу.

Однако Гастону Орлеанскому все же удалось возглавить возмущение в Лотарингии и заключить тайный договор с Испанией, обещавшей помощь противникам Ришелье. Чтобы навести страх на мятежников, кардинал приказал казнить их сторонника маршала Марильяка. Королевская армия вступила в Лотарингию и разбила войска восставших. Один из руководителей мятежа, герцог Монморанси, был обезглавлен на эшафоте. Гастон Орлеанский опять «раскаялся», предал своих сообщников, со слезами уверял кардинала в вечной любви… и снова начал плести интриги против Ришелье. А Мария Медичи, уехав в Брюссель, не только

занялась настойчивым противодействием внешней политике кардинала, но и создала своею рода заговорщический центр для организации покушений на первою министра. Людовик XIII советовал Ришелье не прикасаться без проверки к фруктам и дичи, даже если они присланы по приказу короля.

Вернувшаяся позднее ко двору тридцатилетняя де Шеврез на этот раз сделала своим любовником маркиза де Шатнефа, занимавшего важный пост хранителя государственной печати. Стареющий маркиз, еще недавно верная креатура Ришелье, теперь перешел на сторону врагов кардинала. Тот не прощал измены (к тому же и сам был не прочь приобрести расположение красивой герцогини). Разведка Ришелье раскрыла заговор, в котором участвовал принц Гастон и другие враги кардинала. В 1635 г. Шатнеф был арестован, его бумаги, в частности переписка с госпожой де Шеврез, конфискованы, а он сам посажен в ангулемскую тюрьму, из которой вышел только через 10 лет, уже после смерти Ришелье. Отец Жозеф проследил все ответвления заговора, вплоть до Англии. Там противникам кардинала оказывала поддержку королева Генриетта-Мария. Герцогиня де Шеврез была отправлена в ссылку в Турень, где оставалась четыре года (с 1633 по 1637 г.). Однако и оттуда заговорщица вела деятельную тайную переписку не только с Анной Австрийской, но также с мадридским двором и английской королевой Генриеттой-Марией.

Обмен письмами с Анной Австрийской осуществлялся с помощью секретных агентов, которыми руководил слуга королевы Ла Порт. Один из этих агентов выдал секрет людям кардинала. Ла Порт был посажен в Бастилию, где его допрашивали канцлер Сегье и другие лица, присланные Ришелье, а потом и лично министр. Однако придворные Анны Австрийской сумели уговорить тюремщиков, чтобы они доставили письмо к Ла Порту. На следующий день тот был снова вызван на допрос. Ему угрожали жестокой пыткой, если он не сообщит все о переписке королевы с герцогиней де Шеврез и другими заговорщиками. Ла Порт сделал вид, что испугался угрозы, и обещал рассказать все, что от него требовали. В действительности он изложил версию, которой ему рекомендовали придерживаться в тайном письме и которую отстаивала сама королева. Получилось, будто ничего предосудительного с точки зрения государственных интересов в корреспонденции Анны Австрийской не было и в помине. На этот раз Ришелье не получил нужных ему доказательств участия королевы в заговоре.

Тем не менее госпожа де Шеврез сочла благоразумным, переодевшись в мужское платье, бежать в Испанию. Оттуда она перебралась в Лондон и даже завела переписку с кардиналом Ришелье, который обещанием полного прощения пытался побудить ее вернуться во Францию. В этом он не преуспел. Герцогиня участвовала и во всех последовавших заговорах против правительства. (Недаром мысль о неутомимой интриганке преследовала Людовика XIII до гробовой доски. Даже на смертном одре король повторял «Это дьявол! Это дьявол!»)

В 1635 г. необъявленная война между Францией и Испанией была дополнена открытым разрывом и еще более многочисленными тайными покушениями на жизнь Ришелье. Испанские войска вторглись в Пикардию и овладели крепостью Корби. Людовик XIII и Ришелье с армией осадили эту важную крепость. Тогда уверенные в своей безнаказанности Гастон Орлеанский и граф Суасонский договорились с испанцами, что они добьются снятия осады, убив кардинала. На этот раз, видимо, контрразведка министра упустила подготовку покушения. Оно не удалось, так как Гастон по своему обыкновению струсил и не подал условленного знака убийцам. Вскоре Ришелье получил все сведения об этом заговоре, а Гастон и граф Суасонский, узнав, что их планы открыты, поспешно бежали за границу.

Оставалась еще Анна Австрийская, выступавшая против внешней политики кардинала и поддерживавшая тайные контакты с Мадридом и Веной. Разведка Ришелье неустанно следила за каждым движением королевы. После осады Корби шпионы Ришелье сумели раздобыть целый ворох писем, собственноручно написанных Анной Австрийской и адресованных ее подруге, уже знакомой нам герцогине де Шеврез, продолжавшей играть видную роль в заговорах против Ришелье. Королеву подвергли строгому допросу, и она должна была дать клятву не переписываться с врагами Франции.

«Я желаю, — писал Людовик XIII под диктовку Ришелье после краха одного из заговоров, — чтобы мадам Сеннесе мне отдавала отчет о всех письмах, которые королева будет отсылать и которые должны запечатываться в ее присутствии. Я желаю также, чтобы Филандр,

первая фрейлина королевы, отдавала мне отчет о всех случаях, когда королева будет что-либо писать, и устроила так, чтобы это не происходило без ее ведома, поскольку в ее ведении находятся письменные принадлежности». Под этими и другими параграфами Анна Австрийская должна была подписать:

«Я обещаю королю свято соблюдать указанные условия». Впрочем, такие обязательства и клятвы почти никогда не соблюдались.

В 1637 г. вспыхнуло восстание, поднятое графом Суасонским и комендантом крепости Седан герцогом Бульонским. Как и прежде, заговорщикам была обещана помощь испанского короля и германского императора. К войску мятежников присоединился отряд в 7 тыс. имперских солдат. Королевская армия потерпела поражение в битве при Марфе. Заговорщики надеялись, что после этого Людовик XIII пожертвует Ришелье, и нерешительный король уже был склонен согласиться на удаление кардинала. Но в 1641 г. пришло неожиданное известие: глава заговора граф Суасонский пал будто бы от руки неизвестного убийцы. Сторонники кардинала могли лишь разъяснить, что граф, видимо, покончил самоубийством… После смерти графа Суасонского герцог Бульонский предпочел договориться с Ришелье, остальные заговорщики скрылись за границей. Ришелье безосновательно обвиняли даже в убийстве отца Жозефа, якобы стремившегося стать преемником кардинала. На деле Ришелье еще ранее подумывал (и говорил королю) о том, чтобы сделать капуцина своим возможным наследником. Отец Жозеф умер от апоплексического удара в декабре 1638 г.

Последней попыткой свалить Ришелье был заговор Сен-Мара. Ришелье сам обратил внимание Людовика на молодого красавца Анри де Сен-Мара, сына сторонника кардинала маршала Эффиа. Сен-Мар в качестве доверенного лица короля сменил некую мадемуазель Отфор, так как кардинал-министр считал, что она интриговала против него. Но новый фаворит не оказался послушной марионеткой Ришелье, на что рассчитывал кардинал. Сен-Мар собирался жениться на княгине Марии де Гонзаг, опытной честолюбивой придворной кокетке, которая, однако, поставила ему условие, чтобы он получил титул герцога или коннетабля Франции. Сен-Мар обратился за помощью к Ришелье.

— Не забывайте, — ледяным тоном ответил кардинал, — что вы лишь простой дворянин, возвышенный милостью короля, и мне непонятно, как вы имели дерзость рассчитывать на такой брак. Если княгиня Мария действительно думает о таком замужестве, она еще более безумна, чем вы.

Не произнеся ни слова, Сен-Мар покинул Ришелье, дав клятву отомстить всемогущему правителю страны. Первый его шаг закончился еще большим унижением. Уступая настойчивой просьбе своего фаворита, Людовик XIII явился на заседание Государственного совета в сопровождении Сен-Мара. Король заявил, что Сен-Мару следует познакомиться с правительственными делами и с этой целью он назначает его членом этого высокого учреждения. На этот раз пришла очередь Ришелье промолчать. Он все же устроил так, что на заседании обсуждались совсем маловажные дела. Оставшись один на один с королем, Ришелье предупредил Людовика об опасности нахождения в Совете несдержанного и болтливого фаворита, который может с легкостью разгласить доверенные ему государственные секреты. Король согласился с этими доводами, он всегда в конечном счете во всем уступал Ришелье.

Взбешенный Сен-Мар решил любой ценой свергнуть кардинала. Опытные заговорщики — Гастон Орлеанский и герцог Бульонский охотно откликнулись на предложение Сен-Мара. Они вместе составили проект договора с Испанией; точнее, оба герцога любезно диктовали, а Сен-Мар собственноручно писал этот крайне компрометировавший его документ. По договору король Испании должен был выставить 12 тыс. человек пехоты и 15 тыс. кавалерии, а также обеспечить крупными пенсиями руководителей конспирации. Гастон Орлеанский намеревался в случае удачи заговора занять престол, Сен-Мар — место Ришелье, а испанцы — получить выгодный мир, которого давно и тщетно добивались, воюя с Францией.

Одним из наиболее ловких участников заговора был друг Сен-Мара маркиз де Фонтрай, калека, изуродованный двумя горбами. Однажды Фонтрай вместе с несколькими молодыми дворянами осмеял спектакль, поставленный, как выяснилось, по распоряжению Ришелье. Кардинал не забывал таких выходок. Встретив через несколько дней маркиза в зале своего дворца в минуту, когда докладывали о прибытии иностранного посла, Ришелье громко

произнес: «Посторонитесь, господин Фонтрай. Посол прибыл во Францию не для того, чтобы рассматривать уродов». Ставший смертельным врагом кардинала, Фонтрай превратился в деятельного участника заговора. Переодетый монахом-капуцином, Фонтрай ездил в Мадрид для встречи с главой испанского правительства графом (потом герцогом) Оливаресом. «Испанский Ришелье», как его называли современники, долго тянул с подписанием бумаги. Решился он на это только после того, как узнал, что кардинал, несмотря на тяжелую болезнь, вместе с королем двинулся во главе сильной армии на юг, чтобы перенести войну в Каталонию.

По-видимому, заговорщики не сумели сохранить тайну. По крайней мере Мария де Гонзаг писала Сен-Мару, что о «его деле» много болтают в Париже. Сен-Мар был окружен агентами кардинала, в их числе была фрейлина Анны Австрийской мадемуазель Шемеро, известная под именем «прекрасной распутницы»; ее отчеты о королеве и о Сен-Маре приведены в мемуарах Ришелье.

Сен-Мар отговаривал Людовика XIII от поездки в армию, что рекомендовал сделать кардинал. Мнение кардинала, как всегда, возобладало. Тогда Сен-Мар и другие заговорщики решили осуществить покушение на Ришелье. К этому времени кардинал уже получил от своих разведчиков копию договора, заключенного заговорщиками с Испанией, и настоял на аресте виновников.

Фонтрай первым смекнул, что игра проиграна. Получив известие о посещении короля посланцем кардинала, маркиз заявил Сен-Мару, не верившему в опасность:

— Вы будете достаточно хорошо сложены, даже когда вам снимут голову с плеч.

Сам Фонтрай решил не лишаться такого полезного украшения и, переодевшись капуцином, бежал за границу.

В романе А. де Виньи «Сен-Мар» герой решил умереть, узнав, что Мария де Гонзаг обручилась с королем Польши. Он отказался возглавить 20-тысячное войско, собранное заговорщиками, и сам благородно отдал свою шпагу Людовику.

Действительность была много проще. Обручение Марии де Гонзаг произошло уже после ареста Сен-Мара. А тот не только не вручил шпагу королю, а еще до подписания приказа об аресте пытался бежать. Его нашли скрывавшимся в бедной лачуге на одной из столичных окраин: городские ворота были закрыты, и беглец не сумел покинуть Париж.

После ареста первым, как обычно, предал своих сообщников Гастон Орлеанский. Так же поступил вскоре и герцог Бульонский. Взамен они получили помилование (герцогу Бульонскому пришлось, чтобы заслужить прощение, отказаться от крепости Седан). Еще ранее, 30 июня 1642 г., не надеясь на твердость Людовика XIII, Ришелье получил полномочия действовать в исключительных случаях от имени короля даже до того, как тот будет извещен о случившемся. 12 сентября 1642 г. Сен-Мар взошел на эшафот. Ему было тогда 22 года.

Остается тайной, каким образом разведка Ришелье добыла текст договора с Испанией. Исследователи три столетия никак не придут к согласию по этому вопросу. Некоторые считают, что заговорщиков мог выдать сам Оливарес в обмен на определенные компенсации со стороны Ришелье. Если это так, Оливарес, вероятно, переслал договор через французского командующего в Каталонии де Брезе, шурина кардинала. Однако многое говорит против этой гипотезы. Предателем вряд ли мог быть герцог Бульонский — иначе бы он не поплатился потерей Седана. Не был ли им Гастон Орлеанский — трусливый бездельник и профессиональный предатель? Это возможно. Но выдать заговор могла и Анна Австрийская — ведь ее приближенным и любовником был кардинал Джулио Мазарини, ближайший советник и преемник Ришелье на посту первого министра Франции.

По преданию, Сен-Мар был тайно обвенчан со знаменитой придворной куртизанкой Марион Делорм. История ее жизни послужила материалом для романтической драмы В. Гюго «Марион Делорм» и романа А. де Виньи. Делорм, среди поклонников которой было много вельмож — даже король Людовик XIII и, наконец, сам кардинал, — несомненно, была одним из тайных агентов Ришелье. Позднее она примкнула к противникам Мазарини, и только внезапная смерть в 1650 г. спасла Делорм от тюрьмы. Получила широкое распространение легенда, что Марион Делорм сама инсценировала свою смерть с целью избежать ареста и бежать в Англию. Там, утверждает легенда, она вышла замуж за богатого лорда, которого сменила на главаря разбойников. Похоронив трех мужей, Делорм якобы дожила до 1706 г. или даже до 1741 г.,

когда ей должно было быть ни много ни мало 130 лет от роду…

Авантюры коадъютора Гонди

У преемника Ришелье кардинала Мазарини главой секретной службы стал епископ Фрежюский Ондедей. По способностям ему было далеко до «серого кардинала», но некоторые из его агентов не уступали лучшим разведчикам Ришелье. Секретная служба Мазарини имела своих агентов в ряде иностранных государств. Так, шпионом кардинала в Англии, где происходила революция, был полковник Мортимер, один из приближенных Оливера Кромвеля, располагавшего, как мы убедимся, очень эффективной контрразведкой. Мортимер передавал свои сообщения через банкира Витанеля-Лемюра. Другой разведчик кардинала, некий Пэрк, шпионил за находившимися в Англии представителями восставших французских вельмож. Пэрк был агентом-двойником. Британские власти не препятствовали отправке его донесений Мазарини, считая, что содержащаяся в них информация сделает кардинала более уступчивым в отношении Англии.

Главные усилия разведчиков Мазарини были направлены на выявление намерений его противников во Франции. Одному из шпионов кардинала, францисканскому монаху Франсуа Берто, на основании патента, лично подписанного Людовиком XIV, сыном Людовика XIII и Анны Австрийской, ребенком вступившим на престол в 1643 г., разрешалось носить любую одежду, если того требовали интересы короля. А они требовали этого постоянно. Так, вскоре после получения патента Берто был в 1652 г. арестован восставшими жителями Бордо, собиравшимися сурово расправиться со шпионом Мазарини. Берто пустился на хитрость. Он выпросил разрешение написать письмо священнику в город Блей, утверждая, что тот является его дядей. В письме шла речь только о денежных делах, а на полях имелась приписка: «Посылаю вам глазную мазь; натрите ею глаза, и вы будете лучше видеть». Берто поручил доставить это письмо одному крестьянину, шепнув ему, что оно должно быть передано в руки сторонника короля герцога Сен-Симона. Герцог получил письмо и догадался натереть мазью четвертую, чистую страницу: Берто просил помощи в организации побега. Сен-Симон приказал одному лодочнику тайно доставить Верто костюм матроса. Францисканец сумел переодетым обмануть стражу и бежать из Бордо.

А вторым агентом Мазарини в Бордо был Шарль д'Артаньян (прототип знаменитого героя романов о мушкетерах). Он также облачился в одежду монаха-схимника, которого война заставила покинуть свое убежище, и даже отрастил длинную бороду. Д'Артаньян сумел войти в доверие к руководителям восставших, не подозревавших, с кем они имеют дело, он даже стал их исповедником и военным советником. В конце концов один из предводителей повстанцев заподозрил неладное и приказал лжемонаху сбрить бороду. Опасаясь разоблачения, д'Артаньян поспешил исчезнуть из города. Позднее пытался, правда безуспешно, снабжать ложной военной информацией вождей партии противников кардинала. Все это происходило во время пятилетней гражданской войны (1648—1653 гг.) — так называемой Фронды, которая была наиболее серьезным испытанием для разведки, как и вообще для политики Мазарини.

Фронда возникла на волне не прекращавшихся десятилетиями восстаний крестьянства и городского плебса, а также под влиянием буржуазной революции в Англии, где был казнен король и провозглашена республика. Однако французская буржуазия не созрела до роли руководителя борьбы против абсолютизма, народное движение было использовано крупными вельможами, желавшими урвать для себя новые владения, высокие посты и миллионы из государственной казны. Началась бесконечная серия заговоров и контрзаговоров. После «ночи баррикад», которыми покрылась столица с 26 на 27 августа 1648 г., Анна Австрийская вместе с малолетним сыном королем Людовиком XIV и Мазарини бежали из Парижа. Крупный французский полководец принц Конде осадил мятежный город в марте 1649 г. Руководители парижской буржуазии, по существу, капитулировали, и двор возвратился в Париж. Однако Анна Австрийская и Мазарини скоро почувствовали, что находятся в зависимости от надменного Конде. Мазарини приказал арестовать принца, но это привело лишь к сплочению всех врагов кардинала. 6 февраля 1651 г. Мазарини, переодетый в костюм простого дворянина, опять бежал из Парижа, вскоре ему пришлось покинуть французскую территорию и

обосноваться в Германии, в городке Брюле, около Кельна. Позднее на короткое время Конде и несколько поддерживавших его других принцев крови стали господами положения в Париже. Однако в августе 1651 г. Конде снова счел за лучшее покинуть город. В сентябре 1651 г. по настоянию Анны Австрийской король, которому исполнилось 13 лет, был объявлен совершеннолетним, а в конце года Мазарини вернулся во Францию во главе наемной армии немецких ландскнехтов. Правда, в июле 1652 г. сторонники Конде впустили армию принца в Париж, покинутый Анной Австрийской. Казалось, что грабежам, насилиям и убийствам, общему разорению страны не было видно конца. Однако постепенно чаша весов склонилась в пользу короны. Буржуазия жаждала мира. В октябре 1652 г. Конде должен был еще раз покинуть Париж, в который вступили королевские войска. Мазарини по-одиночке договорился с большинством знатных фрондеров. Такова была — в немногих словах — история Фронды, в которой столь большая роль была отведена методам тайной войны.

Едва ли не каждый из главных противников Мазарини пытался создать свою разведывательную службу, с помощью которой мог бы ориентироваться в густой паутине заговоров. Лучше других это удалось парижскому коадъютору (помощнику архиепископа) Гонди. Азартный игрок, готовый все поставить на одну карту, причудливо сочетался в нем с мастером хитроумных интриг, неутомимым заговорщиком, ловким демагогом, умеющим управлять толпой. Жизнь для этого прирожденного авантюриста казалась пресной без острой политической борьбы и многочисленных донжуанских похождений, которым он со страстью предавался и в пожилые годы. «Одним из признаков, по которым узнается посредственность, — провозглашал Гонди, — является неумение отличать необыкновенное от невозможного». Рассказа о том, что вытворял Гонди при помощи своих агентов, хватило бы на добрый десяток приключенческих романов. С таким напористым и изворотливым противником приходилось иметь дело секретной службе Мазарини.

Разведка коадъютора немало способствовала знаменитой «ночи баррикад», а после возвращения Анны Австрийской и Мазарини в столицу в 1649 г. пыталась снова организовать выступление парижан против кардинала. Тогда Мазарини и королева предпочли договориться с Гонди, избрав посредницей герцогиню де Шеврез. Опытная интриганка в это время была ближайшим другом Гонди, а ее дочь Шарлотта стала с благословения матери одной из многочисленных любовниц коадъютора. Гонди за переход на сторону правительства было обещано содействие в получении сана кардинала. Однако, укрепив свое положение, Мазарини предпочел забыть об этом обещании, а Гонди снова переметнулся в лагерь фрондеров. Мазарини, как мы знаем, был принужден на несколько месяцев укрыться во владениях кельнского курфюрста. Но кардинал остался первым министром Франции, а его секретная служба, быть может, никогда не была столь эффективной, как в это время.

Почти каждый день Мазарини обменивался письмами с королевой. Эту тайную корреспонденцию доставляли агенты, действовавшие под началом Ондедея (будущего епископа) и Барте. Кардинал был настолько уверен в своих агентах, что даже не считал нужным шифровать переписку. Лишь фамилии обозначались цифрами или часто весьма прозрачными псевдонимами. Королева именовалась «серафимом» или «15», Мазарини — «небом» или «16», Гонди — то «трусом», то «немым».

В войнах конца XVII и начала XVIII в. шпионажу придавали такое значение, что не раз сами полководцы брали на себя роль разведчиков. Во время осады Арраса французский маршал Фабер проник во вражескую крепость и осмотрел систему обороны. В 1668 г. французский генерал Катина пробрался в занятую неприятелем крепость Люксембург под видом трубочиста. Еще чаще крупные полководцы лично руководили своей разведкой. Так, в 1702 г. принц Евгений Савойский на основе показаний своего шпиона Козоли составил план нападения на Кремону. Козоли сообщил о существовании тайного хода, через который в январскую ночь в город ворвался отряд в 600 солдат армии Евгения Савойского. Участь Кремоны была решена. Французский маршал Люксембург получал ценную информацию от секретаря голландского штатгальтера принца Вильгельма Оранского. Однако шпион был разоблачен и согласился передавать Люксембургу ложные сведения о передвижении войск Вильгельма. В результате только случай помог Люксембургу спастись от захвата в плен в его собственном лагере у Штейнкирхена.

Совершенствование секретной службы в течение нескольких столетий было неразрывно связано с развитием абсолютных монархий. Сначала аппарат секретной службы использовался преимущественно в борьбе монархов за упрочение своей власти против притязаний феодальной знати на большую или меньшую независимость от центрального правительства. Позднее, после укрепления абсолютизма, у него не осталось противников справа, а для выполнения своей главной роли — подавления сопротивления эксплуатируемых масс, особенно крестьянства, — абсолютизм опирался прежде всего на армию и на быстро растущую централизованную полицию. Секретная служба теперь стала преимущественно орудием в борьбе против внешних противников абсолютистского государства (хотя она и раньше, конечно, использовалась для этой цели).

Очень показателен пример Франции: еще в XVI в. и в первой половине XVII в. вплоть до правления Ришелье и Мазарини секретная служба была занята внутренними врагами абсолютизма. Со второй половины XVII в., в царствование Людовика XIV, упор переносится на внешнеполитическую область. Одновременно быстро растет полиция, и секретная служба становится одной из функций полицейских властей. Однако в пестром хаосе административных органов абсолютистской Франции, где функции многих учреждений перекрещивались, шпионажем занимаются и дипломатическое и военное ведомства, и провинциальные интенданты, и, главное, лично доверенные лица монарха (и его фавориток), порой путавшие карты всех остальных учреждений. Лувуа, знаменитый поенный министр Людовика XIV, создал широкую шпионскую сеть в германских государствах. Внутри страны люди Лувуа следили за всеми видными французскими офицерами. В число своих шпионов Лувуа вербовал горничных, слуг, модисток, преподавателей модных танцев, которые по роду своей профессии должны были сталкиваться со многими людьми.

Шпионажем при Людовике XIV ведал также генерал-лейтенант полиции де ла Рейни.

В трактате Георга Ленейса «Искусство придворное, государственное и правительственное», изданном в 1679 г. во Франкфурте-на-Майне, отмечалось: «Многие монархи используют в своих целях шпионов…» Не только начальники, но и все подданные «обязаны разоблачать подобных людей, особенно в трактирах, и при всяком подозрении в измене или в чем-либо подобном надлежит немедленно заключать их под стражу для проведения властями расследования».

Случаи, когда разведчикам удавалось оказать существенное влияние на ход политических событий, не являлись в эту эпоху исключением. Разведчики или подкупленные разведкой политические деятели определенной страны нередко были главными участниками дворцовых переворотов, смены правительств и других событий, приводивших к резкому изменению политического курса, хотя, конечно, и не определявших общих исторических судеб страны. Еще чаще роль разведчиков сводилась не к прямому участию в тех или иных событиях, а к сбору информации, дававшему возможность правительству одной страны с помощью военных, политических и других мер оказывать воздействие на другую. Однако и в том и в другом случае решающими оказывались социально-экономические условия, определявшие политическую обстановку, в которой действовала разведка. Самые ее успехи становились возможными только в определенных исторических условиях. Когда перед разведкой ставились нереальные цели — остановить или направить вспять закономерный процесс исторического развития, она неизменно терпела неудачу.

«Запечатанный узел» и «черная книга» Джона Терло

Упадок секретной службы в Британии при Якове I и особенно при его сыне Карле I, унаследовавшем престол в 1625 г., не был случайностью. Главный противник переместился в саму Англию. Это были пуритане — буржуазная оппозиция Стюартам. И в борьбе с этой оппозицией, отражавшей в то время народное недовольство существовавшими общественными и политическими порядками, правительство прибегало преимущественно к иным приемам, чем методы тайной войны. Для подавления массовых выступлений укреплялась административная машина, усовершенствовался механизм судебной и внесудебной расправы с противниками режима, вводилось репрессивное законодательство и, главное, делались попытки явочным

порядком расширить прерогативы короны ча счет парламента — столь послушного в тюдоровские времена, а теперь ставшего выразителем усилившегося брожения в стране. Борьба за ограничение полномочии парламента приобрела тем более острый характер, что, только присвоив себе его традиционное право устанавливать налоги, Карл I мог рассчитывать приобрести достаточные ресурсы для создания большой постоянной армии. А без такой армии трудно было надеяться на успех политики подавления оппозиции и утверждения полного королевского абсолютизма по континентальному образцу.

Но после того как конфликт принял открытый характер и перерос весной 1642 г. в гражданскую войну между королем и парламентом, снова потребовались услуги секретной службы, причем в равной мере обеим враждующим сторонам: и кавалерам — сторонникам Карла, и их противникам — «круглоголовым». Ход тайной войны отражал в общем соотношение сил, которое складывалось в войне явной, а оно зависело во многом от внутренней борьбы в парламентском лагере между пресвитерианами, стремившимися к компромиссу с королем, и индепендентами, требовавшими ведения военных действий вплоть до полной победы над Карлом I. Когда преобладание перешло к индепендентам, возглавляемым Оливером Кромвелем, когда его армия стала одерживать успех за успехом, заметно улучшилась и разведка «круглоголовых».

Главой военной разведки парламента в 1643 г. был назначен один из членов палаты общин — Самуэль Льюк. По словам современников, Льюк столь усердно наблюдал за врагами, что «они не могли ни есть, ни спать, ни пить, ни шептаться без того, чтобы он не представил отчета об их самых тайных деяниях». Помощники Льюка (майор Френсис Роу, майор Леонард Уотсон, Джеймс Питсон) ведали разведкой в различных графствах, где разворачивались действия парламентских армий. Льюк снабдил Оливера Кромвеля информацией, которая серьезно способствовала его решающей победе в июне 1645 г. над Карлом I в битве при Несби.

Напротив, руководители роялистской военной разведки — сэр Блант и Рьюс тщетно пытались изменить ход событий в пользу кавалеров, а после того как король попал в руки неприятеля, помочь ему вырваться из плена. В ноябре и декабре 1647 г. Карл I содержался под стражей во дворце Хемптон-корт. Режим заключения не был строгим, и кавалерам удалось увезти короля на остров Уайт, но там его снова взяли под арест. Содержание шифрованных писем, которые направлял Карл своим сторонникам, без труда раскрывалось парламентской секретной службой. Поэтому все попытки кавалеров снова организовать бегство Карла окончились провалом.

В 1649 г. король Карл I был казнен. Англия стала республикой. Однако победившие классы — буржуазия и обуржуазившаяся часть дворянства — боялись народных масс, при помощи которых они одержали победу над королем. Они мечтали о твердой власти, способной гарантирован» их завоевания от опасности как слева — со стороны трудящихся масс, так и справа — со стороны побежденных, но мечтавших вернуть утерянное роялистов (кавалеры сплотились вокруг находившегося в эмиграции Карла II, сына казненного короля).

В стране была установлена диктатура генерала Оливера Кромвеля, объявившего себя лордом-протектором Англии. Кромвель должен был бороться с деятельным роялистским подпольем. Кавалеры пытались поднимать одно за другим восстания, вести переговоры со всеми группировками, недовольными режимом протектората, готовили покушения на Кромвеля. В борьбе против кавалеров не меньшее значение, чем армия — знаменитые «железнобокие», имела разведка. Кромвель лично разработал некоторые принципы построения своей разведывательной службы, например ввел правило, что ни один агент не должен знать ничего сверх того, что ему необходимо для его действий, и в особенности не быть посвященным без крайней необходимости в работу других агентов. Лорд-протектор любил порой приглашать к себе за стол друзей и лиц, казавшихся ему подозрительными, чтобы изумлять первых и ужасать вторых степенью своей осведомленности о каждом из них.

Еще в 1649 г. руководство разведкой было возложено на Томаса Скота — одного из «цареубийц», голосовавших за вынесение смертного приговора королю Карлу I. Роялист Клемент Уокер, вспоминая по тогдашнему обычаю, библейский миф о египетском пленении, жаловался, что агентами Скота «вся Англия кишела, как Египет кишел вшами и лягушками». Скот использовал не только шпионов, но и провокаторов, инспирировавших плохо

организованные выступления кавалеров.

Энергичным помощником Скота вскоре стал капитан Джордж Бишоп, занявшийся целиком организацией шпионажа внутри страны. Другим сотрудником начальника кромвелевской разведки был профессор геометрии в Оксфордском университете Джон Уоллис, достойный наследник Фелиппеса, утверждавший, что является основателем новой науки — криптографии. Уоллис расшифровал многие коды роялистов. Утверждали, что не было шифра, который ему не удавалось бы раскрыть. При этом, в отличие от Бишопа, ярого сторонника Кромвеля, Уоллис изображал человека не от мира сего, ученого, готового лишь в интересах науки разгадывать передаваемые ему шифры. Гайд — канцлер жившего в эмиграции Карла II — долгое время не мог поверить, что Уоллис раскрывает роялистские шифры. Гайд считал, что ключи к шифрам были выданы кем-то из кавалеров. Лишь после Реставрации, получив в свои руки образцы работы Уоллиса, Гайд должен был сознаться, что недооценивал талантов оксфордского геометра.

Роялисты скоро почувствовали эффективность системы, созданной Скотом. Приближенный короля маркиз Ньюкастл признал это в разговоре с одним из кавалеров, который, между прочим, тоже был агентом Бишопа. Тот писал своим начальникам: «Они думают, что Вы в сговоре с дьяволом. Стоит им только подумать о чем-нибудь, как Вы уже узнаете об этом».

В 1653 г. общее управление разведкой перешло от Скота и Бишопа к государственному секретарю Джону Терло, хотя оба прежних руководителя продолжали свою деятельность. Кстати, после смерти Кромвеля Скот на некоторое время опять стал во главе разведывательного ведомства.

Терло создал специальный «разведывательный департамент». Как директор почт, он ведал цензурой и перлюстрацией корреспонденции.

Терло был, несомненно, самым способным руководителем секретной службы, которого Англия имела со времен Уолсингема. Среди агентов Терло были роялисты, готовые перебежать в лагерь Кромвеля, и экзальтированные проповедники наступления царства божьего на земле, мужчины и женщины, старики и молодежь. Глава тайной службы спасал от виселицы приговоренных к смерти при условии, что они станут шпионами лорда-протектора.

Секретная служба Терло обеспечила одну из наиболее крупных побед английского флота под командой адмирала Блейка — захват испанской эскадры, которая везла драгоценные металлы из колоний в Новом Свете. Терло получил от своего агента на Ямайке известие о подготовке эскадры задолго до того, как она вышла в море. Блейк в течение полугода терпеливо ждал свою добычу, которая в конце концов попала в его руки.

Английские путешественники, даже симпатизировавшие роялистам, боялись встречаться с находившимся в Париже в 1654 г. Карлом II, так как об этих посещениях немедленно узнавали в Лондоне. Один аристократ, державший в годы войны сторону парламента, попросил у Кромвеля разрешения съездить за границу. Лорд-протектор дал согласие при условии не видеться с Карлом, в это время переехавшим в Кельн. После возвращения этот дворянин был вызван к Кромвелю.

— Точно ли вы соблюдали мой приказ?

— Да.

— Это верно, — заметил, усмехнувшись, протектор, — вы не видели Карла Стюарта, чтобы сдержать обещание, данное мне. Вы встретились с ним в темноте, для этого из комнаты были вынесены свечи.

И Кромвель точно изложил остолбеневшему от изумления и страха собеседнику содержание его переговоров с Карлом II.

Терло имел своих людей в ближайшем окружении Карла II: новый государственный секретарь любил получать секретные новости из первоисточников. Впрочем, немало полезного сообщали Терло и его агенты, не принадлежавшие к числу доверенных лиц короля, но вращавшиеся среди кавалеров, часто не умевших держать язык за зубами. В числе шпионов Терло был Джозеф Бэмфилд, которому роялисты поручали выполнение многих секретных миссий (в апреле 1648 г. Бэмфилд организовал бегство из-под стражи младшего сына Карла I 14-летнего герцога Йоркского, будущего короля Якова II). Агенты шефа кромвелевской

разведки известили его о всех подробностях подготовки роялистского мятежа весной 1655 г. Это было одной из причин, почему действительно начавшееся в марте восстание было без труда подавлено «железнобо-кими».

Широко применял Терло и старую уловку, подсылая к арестованным роялистам своих людей, изображавших из себя кавалеров. Немалое число роялистов, постепенно отчаявшись в возможности успеха, стало предлагать свои услуги Терло. Один из них, сэр Джон Гендерсон, был в 1654 г. послан в Кельн, где находился двор Карла. Гендерсон сумел выудить немалое количество важных сведений у королевского министра Питера Мессонетта. Однако еще большее значение имел другой агент Терло — Генри Меннинг, в прошлом активный роялист.

В начале 1655 г. Меннинг прибыл в Кельн ко двору Карла II. Хорошо воспитанный, элегантный молодой дворянин сумел представить неопровержимые доказательства своей верности — он привез рекомендательное письмо от доктора Эрла, некогда учителя и капеллана Карла. Меннинг рассказывал, что его отец погиб, сражаясь за короля, а он сам был тяжело ранен. Храбрый кавалер выразил желание нести службу совершенно безвозмездно, что было немаловажно для вечно нуждавшегося в деньгах короля в изгнании. Особенно полезными оказались связи, которые имел Меннинг, — его друг из Антверпена еженедельно пересылал ему публиковавшийся в Лондоне дневник парламентских заседаний — нечто вроде газеты. Это издание приходило во многие европейские столицы и другие крупные города, но в Кельне получить его приближенным Карла было трудно. Меннинг скоро оказался незаменимым человеком. Один из приближенных Карла, Уилмот, представил Меннинга королю. Канцлер Гайд (впоследствии лорд Кларе ндон) подозрительно отнесся к Меннингу, но больше потому, что считал его протеже своего соперника Уилмота.

Правда, были и другие основания. При встрече с королем и Гайдом Меннинг неожиданно сообщил, что привез от видного роялиста графа Пемброка вылепленную из воска копию головы античной статуи, находившейся в коллекции этого аристократа. Меннинг сказал, что статуя должна быть известна Карлу и ее восковой слепок свидетельствует о ом, что доставивший его является лицом, заслуживающим доверия. В случае «признания» Карлом и канцлером этого слепка Меннинг был уполномочен предложить королю от имени графа в долг 3 тыс. ф. ст. Предложение было более чем заманчивое. Все-таки Гайда мучила одна мысль: ему казалось, что кто-то сообщил ему, что Пемброк совершенно разорился в годы гражданской войны. Если это было действительно так, то граф явно не мог одолжить королю такую большую сумму денег. Гайд решил навести справки, для чего, конечно, потребовалось немалое время. А Меннинг, обласканный королем, стал своим человеком среди окружения Карла. Его собутыльниками в пьяных оргиях были ведущие лица роялистской партии, вроде графа Рочестера. Вместе с тем Меннинг умел вести себя, проявлял сдержанность и усердие в службе, его вежливость и хорошие манеры резко контрастировали с разгульным поведением других придворных, не раз затевавших драки даже в присутствии короля. «Друг из Антверпена» присылал Меннингу не только дневник парламентских заседаний, но также деньги и инструкции. И взамен переправлял в Лондон приходившие два-три раза в неделю подробные донесения из Кельна. Так продолжалось с января по ноябрь 1655 г. В начале этого года на основании информации, полученной от Меннинга, была арестована целая группа роялистов, некоторые из них были казнены. Так провалилось намеченное на ноябрь роялистское восстание.

О другом упомянутом выше мятеже, который вспыхнул в марте, Меннинг также заранее предупредил своих нанимателей. Чтобы добыть тайные сведения, он вел слежку за королем, покидавшим Кельн для конфиденциальных совещаний с делегатами от роялистского подполья. Широкое выступление кавалеров было сорвано, а восставшие небольшие группки рассеяны солдатами Кромвеля. 20 человек были казнены, сотни других проданы в рабство на остров Барбадос.

В своих первых отчетах Меннинг был очень точен, но и в них сказались его недостатки как агента. Будучи крайне высокого мнения о своих талантах, он считал нужным включать в депеши длинные и банальные рассуждения о смысле жизни, которые ничего не прибавляли к ценности той информации, за которую Терло платил ему хорошие деньги — 1200 ф. ст. в год. Когда недоставало новостей, чтобы набить себе цену, Меннинг стал «драматизировать»

сообщаемые им сведения. Так, в его донесениях содержалось подробное описание заседаний Королевского совета, в которых участвовали Карл и Гайд. Эти описания были выдуманы от начала до конца.

Тем временем Гайд получил запрошенные им сведения о Пемброке — это, оказывается, был человек почти без средств и к тому же совершенно не интересовавшийся делами кавалеров. Стало ясно, что Меннинг лгал, и Карл приказал Гайду установить истину. Тем временем начали поступать и другие сведения. Один испанец, вернувшийся из Англии, сообщил роялисту сэру Эдварду Николасу, что все планы кавалеров становятся известными Кромвелю через кого-то в Кельне, близкого к королю. Подозрение, естественно, пало на Меннинга уже и потому, что он единственный из придворных регулярно получал известия из Антверпена. В Антверпен был направлен еще в конце сентября роялистский разведчик Джеймот. 4 декабря он вернулся в Кельн с несколькими перехваченными донесениями Меннинга к Терло. Карл спешно созвал совещание своих ближайших советников — Гайда, Ормонда, Николаев. Было решено поймать Меннинга на месте преступления, чтобы иметь неопровержимые доказательства его виновности.

…Вечером 5 декабря к королевскому ужину собралось, как это часто бывало, несколько придворных. К общему изумлению, Гайд и Николае, обычно избегавшие этих шумных трапез, на сей раз приняли приглашение к столу. Среди присутствовавших был и Меннинг, который в тот вечер не стал поддерживать свою репутацию человека, ограничивающего себя в потреблении спиртного, и настолько хватил лишнего, что задремал на стуле. У него незаметно вынули из кармана ключи от комнаты, а веселая попойка продолжалась.

Меннинг вскоре проснулся и, пошатываясь, отправился к себе в комнату. Через несколько минут туда ворвались кавалеры, посвященные в тайну, застав его за разборкой писем и шифров. Меннинг попытался порвать письма, но был схвачен, связан и оставлен под надежной охраной. Произведенный обыск дал дополнительные доказательства помимо донесений, привезенных из Антверпена. Местные власти по просьбе Карла согласились посадить Меннинга в тюрьму, где его две недели подряд по семь-восемь часов в день допрашивали Гайд, Николае и сам король. По ночам Меннинг писал длинные истерические письма, признавая свою вину и умоляя о прощении.

Разоблачение Меннинга вызвало большой шум в Европе. Учитывая положение, в котором находились в эмиграции роялисты, они должны были вести суд над шпионом со строгим соблюдением всех законных форм. А Меннинг уверял всех, кто соглашался его слушать, что служба у Терло — роковое грехопадение, что он — роялист, горящий желанием отомстить за смерть отца и конфискацию семейного имущества, кричал о своей невиновности, ссылался на вымышленность сведений в ряде своих отчетов как на свидетельство, что он ненавидит «узурпатора» Кромвеля. Меннинг предлагал сделаться роялистским шпионом, уйти в монастырь, быть приговоренным к пожизненному заключению в тюрьме — только бы его оставили в живых. (Другой агент Терло, по фамилии Адаме, тоже связанный с роялистами, посылал из Роттердама в Лондон детальные отчеты о поведении своего бывшего кельнского коллеги.)

На запрос кавалеров, разрешат ли кельнские власти приговорить подсудимого к смертной казни, давались уклончивые ответы. Наконец, последовало согласие курфюрста с условием, чтобы приговор был приведен в исполнение не на его территории. Пришлось обратиться к курфюрсту Бранденбургскому, владения которого находились по соседству, тот устно дал разрешение. Рано утром 15 декабря отчаянно вопившего Меннинга увезли в лес. Через несколько дней случайный проезжий обнаружил труп англичанина, убитого выстрелом в сердце.

На службе Терло находились и женщины-разведчицы. В мае 1655 г. в роялистских кругах Антверпена появилась молодая красивая Диана Дженнингс. Она ловко изображала вдову недавно убитого на дуэли роялиста — не существовавшего на свете кузена графа Дерби. Диана произвела сильное впечатление на полковника Роберта Фелипса, который с готовностью взял на себя заботы об интересной леди. Немало смеялись приятели Фелипса, когда вскоре выяснилось, что мнимая вдова была явной обманщицей. Однако они зубоскалили бы значительно меньше, узнав, что Диана Дженнингс за время своего флирта с Фелипсом сумела

разузнать у него все детали подготовлявшегося им и несколькими другими кавалерами покушения на Кромвеля. Заговорщики намеревались застрелить лорда-протектора и бежать под прикрытием вооруженного отряда в 50 человек. Диана Дженнингс быстро села в Дюнкерке на корабль, идущий в Англию, и вскоре уже сумела передать Терло список участников заговора, а также адрес «почтового ящика», через который они вели переписку со своими сообщниками.

Некоторые честолюбцы из партии кавалеров, потерпевшие неудачу в интригах, которые плелись при дворе Карла II, решали отомстить, нанимаясь на службу к Терло. Так поступил сэр Джон Марлей — бывший роялистский губернатор Ньюкасла, Ричард Палмер, служивший при дворе Карла II, сам принес в ведомство Терло письма, которые ему было поручено доставить роялистам в Англию из Кельна, и предложил свои услуги и на будущее. Палмер явно руководствовался желанием получить побольше денег. Терло позднее послал его в Голландию в качестве разведчика при английском после в Гааге.

Не менее ценными агентами были для Терло подкупленные им слуги видных кавалеров. Так, например, лакей роялиста Джейма Холсолла Уильям Мастен помог разоблачить подготовку еще одной попытки убийства Кромвеля. Слуга роялиста Арморера Томас Пирс после ареста не только разоблачил планы своего хозяина, но и по поручению Терло поехал в Кельн провоцировать новое покушение на протектора. Однако Пирс, видимо, был агентом-двойником. По возвращении в Англию он был снова отправлен в тюрьму и, несмотря на все уверения в преданности, оставался под стражей вплоть до смерти Кромвеля.

Поток перебежчиков из лагеря кавалеров все увеличивался в последние годы протектората. Немалое число их становились деятельными агентами Терло. Шпионом стал Джон Уолтере, направленный в 1656 г. в Антверпен и снабдивший кромвелевскую секретную службу важной информацией о роялистских эмигрантах. Еще более деятельно подвизался в роли разведчика священник англиканской церкви Френсис Коркер. О ценности добывавшихся им известий о лондонских роялистах можно судить по тому, что Терло, по некоторым сведениям, платил ему 400 ф. ст. в год — немалые деньги в то время.

Были случаи, когда отдельные роялисты, вроде Генри Бишопа, нанимались на службу к Терло исключительно с целью сообщать ложные сведения. А бывало и еще сложнее. Некоторые роялисты, получая жалованье от Терло, уверяли своих единомышленников, что делают это лишь с целью одурачить секретную службу лорда-протектора. Однако в действительности они снабжали Терло вполне доброкачественной информацией. Так, например, сумел устроить свои дела Джилберт Талбот, участник одного из неудавшихся покушений на Кромвеля в 1655 г. И это был далеко не единственный казус.

Однако самым большим успехом секретной службы Терло в борьбе против роялистов явилось проникновение в так называемый «Запечатанный узел». Это был верховный орган партии кавалеров в Англии, состоявший всего из нескольких влиятельных вельмож. Хотя авторитет «Запечатанного узла» временами оспаривали другие роялистские центры, недовольные его выжидательной политикой, он оставался самой важной организацией кавалеров. Тем большее значение имела измена Ричарда Уиллиса, одного из членов «Запечатанного узла». В мае 1660 г., через два месяца после реставрации Стюартов, Уиллис, считавшийся главой роялистского подполья во время протектората Кромвеля, был признан виновным в государственной измене членами Тайного совета короля Карла II, в пользу которого он, по общему мнению, все эти годы действовал с опасностью для жизни.

Сэр Ричард Уиллис, один из придворных Карла I, в годы протектората после нескольких лет пребывания в эмиграции вернулся в Англию, проявлял большую активность и в 1656 г. фактически принял руководство «Запечатанным узлом». Кромвелевские власти неоднократно его арестовывали и сажали в тюрьму, где он провел время с мая по август 1654 г., с июня 1655 г. по февраль 1656 г. и с апреля по июнь 1658 г. (последний арест относится ко времени, очевидно, уже начавшегося сотрудничества Уиллиса с Терло). Помимо тюремного заключения Уиллису досаждали финансовые трудности, и у него должно было быть немало мотивов для вступления в сговор с властями, да он к тому же, видимо, потерял надежду на победу кавалеров.

Разоблачил Уиллиса помощник Терло, перешедший на сторону кавалеров, Самуэль Морленд. Это был очень яркий персонаж. Ученый и изобретатель, подходивший в своих

изысканиях к мысли о создании паровой машины, Морленд одновременно был опытным разведчиком, привыкшим к деятельности шпиона-двойника.

Однажды в здании, где помещалось управление кромвелевской разведки, ее глава Терло собрал секретное совещание. Если верить Морленду, кроме Терло в этой беседе участвовали еще лишь двое: сам лорд-протектор Оливер Кромвель и сэр Ричард Уиллис. Решив перейти на службу к Кромвелю, Уиллис предложил ловкий план — заманить в Англию якобы от имени монархических заговорщиков находившегося в эмиграции Карла II. Карл и его брат герцог Йоркский должны были высадиться в графстве Сассекс, где их арестовала бы полиция. Когда совещание было закончено, подозрительный Кромвель распахнул дверь в соседнюю комнату. Она оказалась не пустой — за письменным столом спал или притворялся спящим какой-то человек. Кромвель выхватил кинжал и хотел убить на месте шпиона, подслушивавшего столь важный разговор. Но Терло успокоил своего шефа. Спящий, разъяснил он, — это его личный секретарь Морленд. Бедняга не спал уже две ночи подряд, подготовляя срочные бумаги, и, естественно, мог задремать за письменным столом. Лорд-протектор поверил начальнику своей разведки. Но инстинкт не обманул Кромвеля. Обманутым оказался вездесущий Терло: его секретарь был или по крайней мере позже стал агентом изгнанных Стюартов.

В июле 1659 г. Морленд писал Карлу II об Уиллисе: «Эта личность долгое время была смертоносной, ядовитой гадюкой, пригретой у Вашего Величества на груди». Вслед за столь красочным сравнением Морленд уточнял, что Уиллис «был тем, кто во всех случаях добирался до самой сути Ваших намерений и раскрывал их, чтобы они были решительно пресечены… В целом я воистину убежден, что, не будь его, Ваше Величество могли уже давно быть на Вашем Престоле. Целая армия в 2 тыс. солдат никогда не могла бы сослужить Вам такую службу, какое зло причинил Вам этот Иуда». Карл II предписал кавалерам прекратить связи с Уиллисом. Однако участники «Запечатанного узла» не скоро и очень неохотно подчинились королевскому приказу. Они считали Морленда такой продувной бестией, что именно поэтому далеко не сразу поверили в измену Уиллиса. Сведения исходили из слишком уж сомнительного источника.

За разоблачение Уиллиса Морленд получил письменное обязательство Карла в случае Реставрации наградить его высшим английским орденом Подвязки.

К этому времени Морленд успел отличиться на службе Терло, особенно в перлюстрации писем. Он критиковал занимавшегося этим делом Айзека Дорислау (сына убитого за границей роялистами кромвелевского дипломата). Как писал Морленд, Дорислау-младший, «увы, не знал лучшего способа, чем вскрывать письма перочинным ножом, снимать с них копии, а потом заливать воском». Техника здесь была в основном усовершенствована лишь во времена Реставрации. Но Морленд еще при Кромвеле сделал важное «изобретение»: при нахождении подозрительных писем адресатам вручались лишь отлично подделанные копии, а сами оригиналы сохранялись на случай, если потребуются как материал для обвинения.

Велико же было изумление лондонцев, когда сразу после Реставрации чиновник кромвелевской разведки Морленд в числе первых был принят вернувшимся Карлом II, получил пенсию 500 ф. ст. и был возведен в дворянство.

Но вернемся к письму, посланному Морлендом Карлу II в июле 1659 г. Чем же доказывал Морленд свое утверждение об измене Уиллиса? К своему письму С. Морленд приложил несколько депеш на имя Терло. Под всеми ними стояла подпись «Томас Баррет», но почерк как будто выдавал подлинного автора — Ричарда Уиллиса. Некоторые из писем «Томаса Баррета» сохранились в бумагах Терло и были опубликованы. Историки в XIX в., в том числе такой выдающийся специалист, как Чарлз Ферс, разделяли мнение королевского Тайного совета о том, что Ричард Уиллис являлся шпионом Терло. Эту точку зрения поставила под вопрос английский историк М. Холдинге в статье, опубликованной еще в 1928 г. в ведущем английском историческом журнале «English Historical Review» («Английское историческое обозрение»). Впоследствии ее поддержал ряд историков. Всего сохранилось восемь писем «Баррета». Автор их просил личной аудиенции, чтобы сообщить Терло дополнительные сведения, но те, которые содержатся в письмах, недостоверны. Так, письма от 15 и 18 ноября 1656 г. извещают о месте и примерной дате ожидавшейся высадки иностранных войск в поддержку роялистского восстания. «Баррет» писал, что вторжение начнется «до конца

декабря». Однако, вероятно, к моменту написания этих писем намеченная дата высадки была перенесена из-за захвата англичанами испанской флотилии. «Баррет» сообщал также об уменьшении численности войск, навербованных Карлом II, а на деле она увеличилась. «Баррет» писал о кавалерии, которой в то время у Карла не было. Поскольку «Баррет» не мог не знать, что у Терло были и другие источники информации, шпион понимал, насколько он рискует, сообщая неверные сведения. Не было ли все же правдой его позднейшее утверждение, что он вступил в контакт с Терло в интересах роялистов? Морленд, обвиняя Уиллиса, играл, казалось, беспроигрышную игру. Если бы роялистское восстание потерпело неудачу, он объявил бы, что Уиллис пытался внести неуверенность и смятение в лагерь сторонников Карла II накануне их выступления. В случае же победы роялистов, Реставрации Морленд мог заявить (это он и сделал через три с половиной года), что разоблачил опаснейшего предателя.

Сохранилось приложенное к бумагам «Баррета» анонимное письмо из Брюсселя от 3 сентября 1656 г. Однако ни автор писем «Баррета» (если это был не Уиллис), ни Уиллис в это время не были в главном городе Южных (испанских) Нидерландов. Кроме того, имеется документ под названием «Записка о беседе с Р. У.». Но здесь речь, возможно, идет о некоем сэре Роберте Уэлше, бывшем в Лондоне, по-видимому, между мартом и ноябрем 1656 г., в отличие от Ричарда Уиллиса (по крайней мере Уиллис писал Карлу II, что с сентября он находился вне столицы). Известно из отчетов о произведенных расходах, что Уэлшу неплохо платили из правительственных средств (100 ф. ст. в 1656 г.), а о выплате денег Уиллису нет никаких сведений. Так что, по-видимому, «Записка о беседе с Р. У.» относится к Уэлшу, а не к Уиллису. В 1659 г. Уиллис уже бесспорно вступил в связь с Терло, но теперь уже на другой основе — для подготовки Реставрации.

Такова в целом аргументация М. Холдинге, считающей, что обвинение, выдвинутое против Уиллиса, по крайней мере не доказано, что письма «Баррета» — фальшивка, сфабрикованная Морлендом. В 1954 г. «дело Уиллиса» подверглось новому рассмотрению в работе известного специалиста по истории роялистов в годы революции А. Е. Андердауна. Несостоятельность Морленда как свидетеля не вызывает сомнений. Морленд, набивший руку на подделке документов, в 1659 г. имел и причины, и возможность, будучи знакомым с образцами корреспонденции Уиллиса, сфабриковать письма «Баррета». Однако «мог подделать» еще не значит, что «подделал».

Пытаясь разгадать загадку, весьма немаловажную для понимания хода политической борьбы в годы протектората, Андердаун решил не ограничиваться текстом писем, опубликованных в «Бумагах Терло», а обратиться к их оригиналам.

Речь прежде всего идет о письме, бесспорно написанном рукой Уиллиса. Оно является копией письма к нему Гайда, главы правительства Карла II, находившегося в эмиграции. Письмо датировано 15 декабря 1657 г. В оригинале есть не воспроизведенная в печатном тексте надпись, которая была сделана Терло: «Письмо Г. к сэру Р. У.». М. Холдинге предполагала, что это дешифрованная копия письма Гайда, которую Уиллис сохранил для самого себя и которая была захвачена у него при аресте в апреле 1658 г. Однако важно прочесть полностью надпись, частично поврежденную из-за сырости: «Письмо Г. к сэру Р. У. 15/5 дек. 1657. Что его дело близко. Что он должен говорить с Ролстоном и т.д.» Последние две фразы явно должны подытожить содержание письма и не кажутся просто «надписью», сделанной через четыре месяца после получения письма, то есть во время, когда тот факт, что роялистское «дело» было близко к осуществлению в прошлом декабре, должен был мало интересовать Терло. Ролстон в самом письме фигурирует без упоминания имени и фамилии, как «старый офицер», с которым король хочет переговорить, чтобы тот был готов действовать, и т.п. Как же Терло узнал, что «старый офицер» — это Ролстон? Ответ на этот вопрос дает другой документ — разведывательное донесение, датированное 25 декабря 1657 г. и побывавшее в руках Терло, а также черновые заметки одного разговора, имеющие надпись, сделанную, однако, не рукой кромвелевского шефа разведки: «Мр. Граймс, его информация о Л. Ф(ерфаксе)». В публикации бумаг Терло эта надпись опущена. В «Заметках» содержатся фразы, которые никак не могли быть написаны кем-либо, кроме Ричарда Уиллиса. В печатном издании ошибочно воспроизведен текст последней строки заметок: «Договорено, что отчет должен быть составлен для Е. С. о том, что сказал Ролстон». Е. С. — сокращение «Его Светлости» (по-английски Н.

Н. — His Highness), то есть для лорда-протектора Оливера Кромвеля. Смысл этой фразы остается туманным, особенно если не учитывать надписи Терло на письме от 15 декабря. Однако внимательное чтение хранящегося в архиве оригинала «Заметок» показывает, что в текст публикации вкралась серьезная ошибка. Эта фраза при точном прочтении гласит: «Договорено, что будет написан ответ Г. (по-английски-Н) о том, что сказал Ролстон». «Н», в отличие от «Н. Н.», означает вовсе не Кромвеля, а явно Гайда (Hyde), главного советника Карла II. Теперь становится ясной связь между рассматриваемыми документами. Информация «Граймса» является записью беседы Терло и Уиллиса после того, как последний уже встретился с Ролстоном и узнал об отношении его к приказу Карла II. В записи отмечено, что Терло разрешил Уиллису сообщить Гайду о результатах своей беседы со «старым офицером».

Ролстон, о котором идет речь, — это полковник Уильям Ролстон из Сеффолка, одно время — в 1645 г. — служивший под командой Уиллиса. Писавший через много лет после Реставрации Роджер Кок из графства

Сеффолк сообщает, что Ролстон по предложению Уиллиса принял участие в подготовке роялистского восстания, съездил в Лондон, где закупил оружие, которое спрятал в своем замке. Уже через два дня туда нагрянули кромвелевские полицейские, произвели обыск, оружия, правда, не нашли, но арестовали отца и брата Кока. Рассказчик относит этот эпизод к 1656 г., но здесь его явно подвела память-обыск датируется концом следующего, 1657 г. Между прочим, когда Уиллис допрашивался в 1660 г. членами Тайного совета, он пытался бросить тень подозрения на Кока — явно, чтобы заранее скомпрометировать его как возможного свидетеля. Есть и ряд других косвенных данных, что информация «Граймса» — это сведения, исходившие от Уиллиса. Все это в целом свидетельствует о связях между Уиллисом и Терло в декабре 1657 г. Однако существовали ли эти контакты ранее — начиная с лета 1656 г., как это считают те, кто поверил обвинениям С. Морленда против Уиллиса? Можно ли считать, вслед за М. Холдингс, «Записку о беседе с Р. У.» относящейся к Р. Уэлшу, а не к Р. Уиллису? Ведь основной массой информации, которая содержится в «Записке», мог располагать только Р. Уиллис как фактический глава «Запечатанного узла», а не Р. Уэлш.

Но главная улика против Уиллиса — это, конечно, письма «Баррета». Правда, нет уверенности, что сохранившиеся письма — это как раз те самые, которые в 1659 г. Морленд переслал Карлу II. Но есть свидетельство Гайда (лорда Кларендона), что было послано много писем «хорошо известного смысла», но не известно, насколько тщательно Карл II и Гайд проверили, действительно ли эти письма были написаны Уиллисом.

М. Холдинге обратила внимание на явные различия в почерке, стиле, манере ставить дату и общем виде писем «Баррета» и тех, которые были безусловно написаны Уиллисом. Но значит ли это, что письма подделаны Морлендом? Неясно, почему он, такой специалист по фальшивкам, не постарался в данном случае сделать подлог более искусным? Если же, напротив, письма написаны самим Уиллисом, то почему он не избрал стиль и почерк, совершенно отличный от своего собственного, вместо того чтобы послать письма, которые при поверхностном просмотре были бы почти неотличимы от его «обычных» писем, подписанных его настоящим именем? Таким образом, против обоих взаимоисключающих предположений можно выдвинуть серьезные доводы, хотя все же версия о подделке писем Морлендом кажется более правдоподобной.

Однако анализ их содержания ставит и эту последнюю оговорку под сомнение. М. Холдинге черпает важнейшие свои доводы из факта несовпадения мест нахождения «Баррета» и Уиллиса осенью 1656 г. Как уже упоминалось, «Баррет» был в Лондоне в последнюю неделю ноября, а Уиллис, напротив, сообщал Гайду, что с начала сентября находится в провинции. Казалось бы, убедительный доврд против отождествления «Баррета» и Уиллиса. Но оказывается, что Уиллис лгал, когда сообщал о месте своего нахождения. Официальный регистрационный список приезжавших в Лондон содержит запись о прибытии Уиллиса в Лондон 13 ноября и о пребывании его там до 12 декабря, после чего он отбыл в свое имение в Кембридже. Конечно, факт пребывания Уиллиса в Лондоне, когда оттуда писал свои письма «Баррет», еще не значит, что глава «Запечатанного узла» непременно был автором этих писем. Это значит лишь, что Уиллис сознательно вводил в заблуждение кавалеров и что, следовательно, у него были причины скрывать свои визит в Лондон. Но здесь опять-таки

возникают недоуменные вопросы. Почему Уиллис рискнул появиться в Лондоне, где его легко могли встретить (тем более что он, видимо, совсем не вел затворническую жизнь) многие хорошо знавшие его кавалеры? Кроме того, «Баррет», как следует из его писем, вел какую-то судебную тяжбу. Если это был Уиллис, у него был идеальный предлог для поездки и никакого резона обманывать Гайда относительно места своего нахождения. И что уже совсем непонятно: «Баррет» просил Терло доставлять ему корреспонденцию по тому самому лондонскому адресу, который члены «Запечатанного узла» Аллен Бродрик и Филипп Хонивуд использовали при переписке с эмигрантами. Если «Баррет» — это Уиллис, как же он предлагал Терло направлять ему письма в дом, где часто бывали агенты «Запечатанного узла», в особенности когда он сам мог находиться вне Лондона? Вдобавок все же есть одно явное несоответствие между местопребыванием «Баррета» и Уиллиса. 13 декабря « Баррет» писал из Бэри-Сент-Эдмундса, что недавно был в Сеффолке. Такое путешествие было невозможно, если он покинул Лондон 12 декабря Впрочем, быть может, «Баррет» писал ошибочно «13 декабря», а речь игла о «13 октября» или Уиллис покинул Лондон не 12 декабря, а сразу после регистрации своего отъезда 10 декабря.

Но надо помнить, что сохранившиеся письма «Баррета» — не те, на основании которых Уиллис был признан виновным в мае 1660 г., после реставрации Стюартов. И все же есть разумные основания полагать, что ее то подделаны сохранившиеся письма, то подложны и все остальные, не дошедшие до нас. Очень подозрительно, что Морленд представил письма, наиболее компрометирующие Уиллиса, после проволочки в целых семь недель. Не известно, стал ли Уиллис агентом Терло в 1656 г. Уиллис признал, что имел «невинное» соглашение с Терло весной, которое он возобновил в 1659 г. в интересах кавалеров и чуть ли не с целью перетянуть того на сторону короля. Был ли Уиллис «регулярным» шпионом или передавал информацию время от времени, получал ли за это деньги или стремился одновременно скомпрометировать другие группировки противников режима протектората — пресвитериан и левеллеров? Уиллис утверждал, что соглашение с Терло помогало ему спасать арестованных кавалеров. Действительно, некоторые из них недолго остававить в тюрьме. Но, может быть, это было следствием попыток усилить разногласия между различными группировками кавалеров.

В литературе высказывалось и предположение, что Морленд узнал об измене Уиллиса из бумаг Терло, но для того, чтобы убедить в этом Карла II, сфабриковал письма «Баррета». Если это так, то, возможно, Морленд действовал в согласии с шефом кромвелевской секретной службы В целом напрашивается вывод, что хотя Уиллис обманывал кавалеров, все же вероятно, что «письма Баррета» — фальшивка.

Интересно отметить, что особых успехов разведка протектората достигла в борьбе против роялистского подполья как раз незадолго до Реставрации, хотя окончательно разгромить «Запечатанный узел» так и не удалось.

Разумеется, Терло активно действовал не только против кавалеров, но и против врагов протектората слева — партии левеллеров. А левеллеры отвечали организацией покушений на Кромвеля. Некоторые из бывших лидеров левеллеров, особенно Уалдмен, даже вступали с этой целью в соглашения с роялистами. Уалдмен участвовал в ряде заговоров, большинство которых было ликвидировано в зародыше властями протектората. Так, в 1654 г. им была составлена петиция полковников Эларда, Окея и Сондерса, протестовавших против монархического характера, который приобрела власть Кромвеля. Среди обсуждавших петицию был шпион Терло некий полковник Френсис Хэкер, впоследствии ставший одним из генерал-майоров, которым лорд-протектор поручил управление различными областями страны. Подписавшие петицию были арестованы, но выявилось, что у них имеются сочувствующие в армии и во флоте. Возникала угроза союза между ними и республиканцами, остававшимися в парламенте. Еще один из заговоров начал подготовляться Уалдменом с другим видным левеллером — подполковником Эдвардом Сексби. Речь шла о покушении на Кромвеля. Заговорщики рассчитывали опереться на некоторых офицеров и солдат трех полков. Об этих планах вскоре донесли Терло. В феврале 1655 г. Уалдмен был арестован, Сексби дали возможность бежать за границу. Смятением, которое вызвало раскрытие «заговора Уалдмена» в правительственных кругах, попытались воспользоваться роялисты, решившие предпринять попытку вооруженного восстания против Кромвеля. Выпущенный под большой залог из тюрьмы Уалдмен связался с

роялистами, с которыми еще ранее установил контакты Сексби. Обсуждались новые планы покушения на Кромвеля, в том числе замыслы повторения «порохового заговора» 1605 г. Уалдмен намеревался взорвать Уайтхолл — резиденцию лорда-протектора. Если бы Кромвелю все же удалось спастись, взрыв в Уайтхолле должен был бы послужить сигналом к восстанию.

Бочка с порохом вечером 8 января 1657 г. была тайно внесена в Уайтхолл с помощью часового Тупа. Однако Туп в последний момент струсил и выдал заговор Кромвелю. Люди, которые должны были поджечь фитиль, на другой день были арестованы. Их глава Синдеркомб, чтобы избежать казни, принял яд, который пронесла в тюрьму его сестра. Уалдмен был связан с той частью кавалеров, которые не соглашались с выжидательной тактикой руководителей «Запечатанного узла», включая Ричарда Уиллиса. Впрочем, не только об Уиллисе, но и о другой группе монархистов, возглавляемой Джоном Хьюитом, Терло получал с середины 1657 г. подробную информацию от священника Френсиса Коркера. В марте 1658 г. Терло произвел аресты. В мае Хьюит и другие заговорщики были отправлены на плаху. Уалдмен имел основания желать неудачи этому чисто роялистскому заговору, и поэтому сторонники Стюартов подозревали, что и он приложил руку к его неудаче, но этому нет свидетельств в бумагах Терло. Кроме того, Уалдмен вряд ли мог прибавить что-либо существенное к тому, что власти узнали от своих шпионов. Между прочим, Джон Уалдмен, который более полувека вел жизнь неутомимого организатора заговоров, во время Реставрации написал сочинение «Краткий трактат о разведывательном деле». Основываясь на опыте Терло, Уалдмен советовал правительству иметь своих агентов во всех партиях, контролировать почтовую переписку, особенно корреспонденцию послов — «великих шпионов», приставлять наблюдателей ко всем подозрительным иностранцам и т.д.

Александр Дюма в своем романе «Десять лет спустя» (одном из продолжений знаменитых «Трех мушкетеров») очень просто объясняет реставрацию Стюартов в Англии, которая произошла в 1660 г. Д'Артаньян незаметно похитил бывшего кромвелевского генерала Монка (как ранее проделал это с кардиналом Мазарини). Потом мушкетер освободил увезенного им генерала, но Монк уже решился перейти на сторону Карла II и восстановить его на престоле. Это приключенческий роман. А вот что сказать, когда представления консервативных историков порой не поднимаются над подобным пониманием событий? Это скольжение по политической поверхности явлений, без серьезного анализа глубинных процессов, нередко приводит к тому, что разведку награждают чудесной способностью оказывать решающее влияние на ход важнейших событий, направлять курс корабля истории.

В действительности подлинная история протектората Кромвеля и последовавшей реставрации Стюартов показывает, насколько решающие события определялись движущей силой исторического развития, борьбой различных социально-политических группировок. Успехи или неуспехи в тайной войне, как бы они ни были порой важны сами по себе, в конечном счете всегда зависели от расстановки сил и борьбы различных классов. Пример истории протектората и Реставрации тем более показателен. Это было время, когда народные массы после их появления как активной политической силы во время гражданской войны и республики были подавлены и обезглавлены, а борьба велась в основном между различными группами господствующих классов. В Англии на протяжении всего времени правления Кромвеля действовала очень энергичная роялистская партия, широко применявшая оружие тайной войны. Однако все ее действия оказались совершенно бесплодными, пока — уже после смерти Оливера Кромвеля — господствующие классы в целом не почувствовали новую угрозу снизу, со стороны народных масс, и не решились защитить себя реставрацией монархии. Монк, долго колебавшийся, только ощутив давление этих настроений, решился перейти на сторону Стюартов. Не менее важно, что его армия, из которой давно выветрился старый революционный дух и в которой тон задавали офицеры, захватившие земли в недавно вновь покоренной Ирландии, согласилась стать послушным орудием Реставрации.

Наряду с борьбой против кавалеров Терло сумел наладить получение важной политической и военной информации из различных иностранных государств. Он имел своих лазутчиков не только в Европе, но и в Леванте, в Индии, во французских, испанских, португальских и голландских колониях в Америке. Как уже отмечалось, сведения, полученные с Ямайки, позволили английскому адмиралу Роберту Блейку подкараулить испанский флот у

Канарских островов и 20 апреля 1657 г. одержать над ним полную победу в сражении у острова Тенерифа.

После возвращения Карла II горевшие жаждой мщения роялисты требовали расправы с Терло. Однако он предупредил, что, если ему нанесут ущерб, он опубликует «черную книгу», которая приведет на виселицу половину кавалеров. Эта угроза подействовала, хотя в ней имелся (ильный элемент блефа. Стоит добавить, что Карл II не раз спрашивал совета у Терло как у признанного специалиста по делам разведки.

Бумаги Терло были спрятаны и найдены совершенно случайно в конце XVII столетия на тщательно замаскированном чердаке в комнате, которую некогда занимал глава кромвелевской секретной службы. Еще через полвека они поступили в Бодлеану — библиотеку Оксфордского университета и были частично опубликованы.

Около 1664 г. Карл II приказал испытать на почтамте изобретенные Морлендом приспособления для вскрытия конвертов без следов того, что они были вскрыты. После успехов этого опыта четыре «разведывательные машины» — как их именовал Морленд — подверглись дальнейшему усовершенствованию. Одна из них позволяла вскрывать конверты, не ломая сургучных или восковых печатей, с помощью другой можно было изготовить копию любой печати, третьей — подражать искусно любому почерку, четвертой — снимать за минуту копии с любого письма, даже если оно написано на обеих сторонах листа бумаги. Эти машины сгорели во время великого пожара. Через четверть века, в 1689 г., Морленд и его партнер доктор Роберт Гордж предложили продать секрет изготовления этих машин правительству Венеции, а много позднее через министра Шрюсбери предложили эти изобретения королю Вильгельму III. Король ответил, что, по его мнению, лучше, если эти секреты Морленда останутся не известными никому, слишком уж они опасны. Тем не менее главный почтмейстер — а это был уже известный нам Джон Уалдмен — купил эти машины и широко их использовал. Когда, однако, Уалдмен ушел со своего поста, он присвоил их и настолько испортил, что они стали непригодны для употребления…

Во время Реставрации разведка пришла в упадок. Недаром министр Моррис жаловался, что ему дают ежегодно на разведку только 700 ф. ст., а Кромвель тратил в 100 раз больше и держал у себя в кармане секреты всех монархов Европы. Однако и после этих жалоб скупая кавалерская палата общин увеличила ассигнования по графе «секретная служба» … на 50 ф. ст. Моррис, впрочем, прибеднялся. Фактически в 1666 и 1668 гг. расходы на секретную службу превысили 24 тыс. ф. ст.

…В 1968 г. на аукционе в Лондоне было продано значительное число неизвестных документов, характеризовавших секретную службу в годы правления Карла II. Выяснилось — это уже подозревали и современники, — что часть денег, ассигновавшихся на разведку, король попросту тратил на своих фавориток.

К тому же во время Реставрации секретная служба перестала быть централизованной, как при Кромвеле, разделилась на различные ветви, нередко соперничавшие друг с другом. Так что в правление Карла трудно вообще говорить об английской разведке как о чем-то едином. Политические партии, придворные клики, отдельные честолюбивые министры и послы обзаводились собственной секретной службой. Из них политическое значение приобрела, в частности, разведка английского посла в Гааге сэра Уильяма Темпла. Это был осмотрительный оппортунист, автор довольно прозорливых политических трактатов, больше всего заботившийся о собственном спокойствии и благополучии и неизменно удалявшийся в свое имение, как только надо было сделать небезопасный шаг. Так Темпл поступал во время острых политических кризисов в последнее десятилетие правления Стюартов. Еще остался в памяти потомков осторожный и ученый сэр Уильям благодаря тому, что при нем служил секретарем молчаливый, мрачноватый юноша по имени Джонатан Свифт. Но это было потом, много позднее, а в 1667 г. Темпл был инициативным дипломатом, энергично делавшим карьеру и благодаря почти идолопоклоннической лести сумевшим добиться благосклонности влиятельного министра Арлингтона и должности посла в Гааге. Понимая, насколько непопулярно прислужничество перед Людовиком XIV, Темпл активно содействовал временной переориентации политики Карла II на союз с Голландией. Секретная служба Темпла при этом работала против его шефа Арлингтона и шпионов этого министра. Темплу удалось

использовать опытных людей, ранее служивших разным партиям. Среди них наиболее важными были Томас Корни и бывший активный участник секретной службы кавалеров в годы революции Николае Аударт, который, впрочем, скоро принял сторону Арлингтона.

А в числе противников секретной службы Темпла оказался глава разведки в годы гражданской войны и протектората Томас Скотт. «Цареубийца» пошел теперь на службу к Арлингтону. Тот принял и ряд других агентов, ранее работавших на Кромвеля, в частности Уильяма Левинга. В борьбе разведок соперничавших клик не приходилось брезговать никакими средствами. Так, Левинг попал в тюрьму стараниями другого шпиона — Фосета. Основательную шпионскую организацию, наблюдавшую за разведкой Арлингтона, создал и другой министр — Эшли, получивший к тому времени титул графа Шефтсбери. Эшли получал от своих агентов подробные сведения о секретных французских субсидиях, доставлявшихся Карлу II. В тайную войну включились, наконец, иезуиты, которым покровительствовал младший брат короля Яков, герцог Йоркский, принявший католичество.

Среди немногих способных разведчиков времен Реставрации был Джордж Даунинг — бывший тайный агент Терло в Голландии. Даунинг был весьма колоритной фигурой в летописях тайной войны XVII в. Выходец из пуританской фамилии, которая эмигрировала за океан из-за репрессий во время правления Карла I, Даунинг в годы революции служил под началом уже известного нам главы военной разведки Льюка. В 1651 г. по поручению Терло он занялся ловлей роялистских шпионов в Англии, а потом отправился на континент наблюдать за действиями эмигрантов. После Реставрации Даунинг стал выполнять аналогичные функции слежки — на этот раз за бежавшими из Англии республиканцами, в числе которых были и его прежние сослуживцы и друзья. Возведенный за свои заслуги в рыцарское достоинство, Даунинг был отправлен послом в Голландию, где создал эффективную разведывательную сеть. В 1668 г. он хвастал, что его агенты регулярно вытаскивали ключи из камзола де Вита, правителя Голландской республики, когда тот спал, снимали копии с извлеченных из-под замка секретных документов и возвращали их вместе с ключами на прежнее место. Впрочем, от активности агентуры Даунинга было мало толку — посылавшиеся им тайные донесения оставались нередко попросту не прочитанными ленивыми придворными Карла II, занимавшими министерские посты. Большего успеха (история умалчивает, каким путем) Даунинг добился в приобретении крупного состояния. Построенный им в английской столице дом дал название улице Даунинг-стрит, на которой впоследствии разместилась и находится поныне резиденция британского премьер-министра.

Сластолюбие против пуританизма

После реставрации Стюартов в 1660 г. политический маятник качнулся далеко за те пределы, которые ему первоначально были установлены победившими во время английской революции классами — буржуазией и в значительной степени обуржуазившимся дворянством. В страхе перед новым выступлением на политическую арену народа собственнические классы фактически на время предоставили восстановленному на престоле королю Карлу II свободу рук, поскольку речь не шла об основных социальных результатах, которых добились эти классы в ходе революции. На их завоевания у Карла хватило ума не покушаться, и это удерживало его на престоле, вопреки той, обычно крайне непопулярной, политике, которую он проводил.

Собственно, политика короля тяготела к одной цели — максимальной независимости от парламента. Но без его согласия нельзя было получить деньги (отец Карла II поплатился головой за попытку собирать налоги в обход парламента). Нельзя, конечно, внутри страны — вовне, оказывался, было можно. Людовик XIV был готов ежегодно давать Карлу II крупные субсидии, чтобы укрепить его положение по отношению к парламенту, а главное — обеспечить поддержку или по крайней мере нейтралитет Англии в тех войнах, которые вел французский король для утверждения своей гегемонии в Европе.

Понятно, что французская дипломатия и французская разведка прилагали крайние усилия, чтобы сохранить под своим контролем внешнюю политику Англии. С этой целью помимо «официальной» тайной субсидии, которая выплачивалась Карлу II, агенты Людовика установили личные контакты и постоянно делали крупные денежные подарки английским

министрам и даже их секретарям. Например, тайный агент английского министра герцога Бэкингема (сына фаворита Карла I) лондонский купец Лейтон, через которого тот вел переговоры с французским двором, получил в 1668 г. подарок в 400 пистолей.

Однако французские агенты подкупали не только министров и их слуг. Нередко французское золото шло и в карманы лидеров парламентской оппозиции, обличавших правительство за раболепие перед Людовиком XIV и отказ от противодействия его завоевательным планам. Иногда субсидии были платой за молчание. Например, такое безмолвие обошлось Людовику XIV в феврале 1677 г. в 2950 ф. ст., а во время более короткой сессии в июне — только в 450 ф. ст. В других случаях деньги выплачивались не за молчание, а за более ожесточенные нападки на политику короля. (Так действовали агенты французского посла Баррийона в 1678 г.)

Это делалось с целью обострить внутриполитическое положение в Англии и связать руки как правительству Карла II, так и его противникам; тем самым предотвращалось активное выступление Лондона на внешнеполитической арене.

Конечно, успеху такой политики служило не столько золото французской секретной службы, сколько существование противоречивых интересов у имущих классов Англии. «Братская» протестантская Голландия, к союзу с которой против Франции призывала парламентская оппозиция, была главным, не сломленным в то время торговым соперником английской буржуазии. Против Голландии воевал еще Кромвель. Поэтому, когда Карл II также втянулся в войну против Голландии под влиянием Людовика XIV, это вызвало очень смешанные и противоречивые настроения среди английских торговых и промышленных кругов. Лишь когда к концу века Голландия как опасный конкурент Англии была побеждена и ее дальнейшее ослабление стало отвечать исключительно интересам завоевательной политики Людовика XIV, поддержка этой политики Стюартами натолкнулась на решительное и непреодолимое сопротивление английской буржуазии.

А пока что французская разведка имела почву для деятельности, и она отнюдь не ограничивалась подкупом английских политиков. Людовик XIV пытался окружить Карла II и его приближенных целой сетью французских агентов. Среди них надо особо отметить давно поселившегося в Англии отставного офицера Сен-Эвремона, который занимался сбором секретной политической информации для французского посольства в Лондоне. Разведка Людовика XIV использовала и многих других агентов, в том числе одного из лидеров французских протестантов — Рю-виньи, имевшего большие связи в Англии. (Это происходило, разумеется, до изгнания из Франции всех гугенотов по приказу короля.) Агентами французской разведки служили также купцы, имевшие связи в Англии, поставщики предметов роскоши и виноторговцы, актеры, даже скромная французская модистка мадам Дебορд, совсем подчинившая своему влиянию королеву Екатерину, жену Карла II. Впрочем, польза от этою, с точки зрения Людовика XIV, была минимальной, так как сама, некрасивая и неумная, португальская принцесса, сделавшаяся английской королевой, не сумела приобрести политический вес при дворе.

А сколько хлопот стоил Людовику XIV этот брак! Приходилось преодолевать упорное сопротивление Испании, мечтавшей снова подчинить отделившуюся в 1640 г. Португалию и поэтому вовсе не желавшей, чтобы та получила английскую поддержку. Мадридский двор даже принял меры, чтобы папа римский не благословил союза верной дочери церкви с английским еретиком. Пришлось французской дипломатии уламывать римского первосвященника и, главное, пополнить приданое принцессы солидным денежным кушем, врученным прямо жениху. Невеста не произвела сильного впечатления в Лондоне.

— Мне прислали жердь вместо женщины, — пробурчал недовольный Карл.

Вскоре отношения между королевской парой стали совершенно невыносимыми. Французская разведка должна была считаться с тем, что королева Екатерина, возведенная ее усилиями на английский престол, не имела никакого влияния на своего мужа.

Зато находились в избытке другие женщины, обладавшие влиянием на сластолюбивого монарха. Карл II не представлял себе жизни без нескольких, так сказать, постоянных метресс, не считая множества временных любовниц. Напрасно пытались докучать королю некоторые министры своими наставлениями. Циничный Карл вполне разделял мнение, высказанное тогда

остроумным французским писателем герцогом Ларошфуко: «Старики любят давать хорошие советы, дабы вознаградить себя за то, что они уже не в состоянии подавать дурных примеров». Сам Карл предпочитал последнее. Он порой и послов выбирал из знакомых кутил в расчете, что они позабавят его известиями о своих непристойных похождениях за границей и особо подробным изложением скандальной хроники иностранных дворов. Таким был, например, Джордж Итеридж, посланный представлять Англию при громоздком германском имперском сейме в Регенсбурге. 50-летний шалопай, путая все дипломатические карты, проводил время в попойках у французского посла, а если и посещал скучные немецкие дома, то только в сопровождении своей любовницы — актрисы местного театра, вызывая крайнее негодование почтенных дворянских матрон. Успехи среди дам легкого поведения на берегах Рейна, впрочем, не приглушили у повесы патриотических чувств, которые выражались преимущественно в воспоминаниях о «милых нимфах Темзы», которыми Итеридж заполнял свою служебную переписку.

Чем дальше, тем больше наряду с открытой политикой английского правительства и тайной дипломатией Карла устанавливались прямые контакты между его фаворитками и иностранными дворами. Если сам Карл включил тайный альянс с Францией, то его главная метресса Барбара Вильерс, леди Кастлмейн (позднее, с 1670 г., герцогиня Кливлендская), находилась в союзе с Испанией. Влияние этой фаворитки пришлось не по вкусу даже ее родственнику королевскому собутыльнику и министру герцогу Бэкингему. Он подстроил сложную каверзу — с помощью иезуита Питера Талбота, исповедника королевы Екатерины, разъяснил ей, что ненавистная соперница — ведьма, околдовавшая короля. Недалекая королева с суеверным ужасом смотрела на фаворитку, которую по требованию Карла она должна была принимать у себя. Наконец Екатерина не выдержала и предостерегла мужа. Обвинение, в ту пору ужасное, было сделано явно не по адресу. Король спросил жену, кто ее просветил насчет леди Кастлмейн.

— Отец Талбот уведомил меня, — ответила дурочка.

Карл предписал немедля изгнать отца Талбота из Англии. Впрочем, «ведьма», учитывая дипломатическую обстановку и симпатии короля, неожиданно объявила, что переходит в католичество. Французский посол стал усердно приглашать фаворитку на церковные службы в посольство, испанский посол удвоил денежные подношения. К ужасу английских министров, она разъяснила, что переходит в католическую веру не из каких-то религиозных соображений, а чтобы сохранить место королевской любовницы и, следовательно, правительницы государства. А король, которого просили для соблюдения благопристойности вернуть фаворитку в лоно англиканства, лишь досадливо отмахнулся.

— Что касается меня, то я вообще не имел дела с душой моих знакомых дам.

Если при всем этом декан собора Святого Павла мог еще утешать своих коллег, что англиканство немногое потеряло, а Рим столь же немногое приобрел от обращения леди Кастлмейн в католичество, то дипломатам и разведчикам явно не подходила эта философия, слишком отрешенная от мирской суеты.

Немалые хлопоты были вызваны появлением на горизонте новой фаворитки. Началось все с приема русских послов. Карлу очень быстро надоели разговоры о скучных торговых делах со степенными посланцами царя Алексея Михайловича. Он быстро перевел разговор на изящество ножек английских женщин, а чтобы убедить недоверчивых московитов, приказал позвать проходившую мимо фрейлину Френсис Стюарт, которая и продемонстрировала стройность своей фигуры, для чего ей пришлось отказаться от значительной части пышного придворного наряда. Послы, если верить английским документам, вежливо согласились, что узрели наивысшее совершенство, и сей эпизод не имел особых последствий для англо-русских отношений. Этого нельзя сказать о положении дел при английском дворе, где сразу поняли, насколько сильным было впечатление, которое произвела мисс Стюарт на короля. Сама девица была полнейшим ничтожеством, даже влюбленный в нее придворный считал немыслимым, «чтобы какая-либо другая женщина обладала меньшим умом и большей красотой». Тем не менее под руководством матери и своры жадных родственников фрейлина так долго водила за нос своего высокого поклонника, что придворным и иностранным дипломатам даже пришлось создать особую «комиссию по доставлению мисс Стюарт королю». Комиссия свою работу

выполнила, но Карл вскоре потерял к Френсис особый интерес, хотя и наградил ее титулом герцогини Ричмондской.

В новом Сент-Джеймском дворце происходили настоящие сатурналии, в которых участвовали разом леди Кастлмейн, Френсис Стюарт, Нелли Гвини, другие королевские наложницы и, конечно, сам Карл, который при этом пел, аккомпанируя себе на гитаре. К огорчению дипломатов, контроль над увлечениями короля стал вовсе невозможным. Карл волочился за каждой юбкой. Его называли не иначе, как «старина Роули», это была кличка одного из лучших жеребцов в королевской конюшне. Сам король скорее был даже польщен прозвищем, по крайней мере когда он ночью с силой ломился в дверь очередной фрейлины, в ответ на негодующий вопрос, кто он такой, неизменно отвечал:

— Мадам, это сам старина Роули.

Мало озабоченный необходимостью поддержания равновесия сил в Европе (о котором много говорилось в парламенте), Карл значительное внимание уделял уравновешиванию отношений между своими главными содержанками. Они нередко действовали еще более предосудительно, чем самые враждебные Англии иностранные державы. От английских политиков и от руководителей европейской дипломатии не могло ускользнуть это обстоятельство, и враждовавшие фаворитки короля стали представительницами различных партий и проводниками иностранных влияний при дворе. «Оценивая любовниц Карла в целом, сомнительно, чтобы какой-либо из государей нового времени, в отличие от античности, когда-либо собрал воедино лучший гарем», — уверяет нас Д. Уэйтли, новейший исследователь этого деликатного сюжета.

Большинство подданных веселого монарха не были склонны ни к античным параллелям, ни к восхищению вкусом, проявленным королем. Недаром богобоязненные буржуа-пуритане, ужасавшиеся безнравственностью двора, превращенного в аристократический дом терпимости, были в то же время весьма озабочены тем, чтобы в этом «чертоге сатаны» особым фавором пользовалась угодная им содержанка, а не ее соперницы.

Однажды возмущенная толпа лондонцев остановила экипаж. В нем, как они думали, ехала француженка Луиза де Керуаль, которую подозревали в намерении побудить Карла перейти в католическую веру. Однако в карете сидела другая королевская любовница — Нелли Гвини. Актриса по профессии, она-то знала, как обратить угрожающие возгласы толпы в восторженный гул одобрения.

— Успокойтесь, люди добрые! — воскликнула Нелли Гвини. — Все в порядке. Я — протестантская шлюха!

Луиза де Керуаль, против которой негодовала толпа, вначале Карлу не понравилась — она переигрывала, изображая из себя недотрогу. Ведь королю было отлично известно, что она — агент версальского двора. Тем не менее Карл охотно полез в ловушку, возможно, считая, что тем самым он окончательно рассеет беспокойство Людовика XIV насчет своих планов и обеспечит бесперебойное поступление французской субсидии. Кто мог лучше успокоить французского короля, чем его платная шпионка, сделавшаяся любовницей Карла? Так что все устроилось наилучшим образом. «Шелковый пояс мадемуазель де Керуаль связал Францию с Англией», — торжествующе писал французский посол Сен-Эвремон.

Луиза де Керуаль получила по милости Карла II титул герцогини Портсмутской. Не менее щедрым оказался Людовик XIV, возведший ее в сан герцогини д'Абиньи. Современники уверяли, что Луизу родители чуть ли не с детских лет предназначали на роль любовницы Людовика XIV. Но случилась осечка: он в то время увлекался мадемуазель де ла Вальер. Однако галантный король нашел Луизе другое место, отправив ее с этой целью в Лондон. От обоих королей, за одним из которых она шпионила для другого, Луиза получила огромную сумму в 1 млн. ф. ст. Быть может, преувеличены восторги некоторых французских историков (вроде А. Форнерона) по адресу «маленькой бретонки, которая дала нам (французам) возможность завоевать нашу Фландрию и наш Франш-Конге». Однако несомненно, что Луиза де Керуаль, сделавшись фавориткой Карла II, сумела сохранить свое влияние на протяжении более чем полутора десятков лет. При этом она постоянно действовала в качестве агента версальского двора, хотя и пререкалась порой с некоторыми из сменявших друг друга послов «короля-солнца» (как именовали льстецы Людовика XIV).

А одной из главных задач послов французского короля была охрана прав Луизы от посягательств других «заинтересованных сторон». На сводничество и интриги, связанные с попытками примирения Луизы де Керуаль с другими фаворитками, прежде всего герцогиней Мазарини и Нелли Гвини, и уходили усилия официальных и тайных представителей Людовика XIV. Они имели для этого тем больше оснований, что французские субсидии, выплачивавшиеся Карлу II, превращались в деньги английской секретной службы, а те, в свою очередь, имели теперь одно главное назначение — оплату королевских любовниц. Так что волей-неволей Людовику приходилось содержать за собственный счет и главных соперниц Луизы де Керуаль. Что и говорить, сложная штука дипломатия!

Разведка «короля-солнца»

В последнюю треть XVII в. претендентом на всеевропейскую гегемонию, на создание «универсальной» монархии выступала абсолютистская Франция. Общеевропейская обстановка как будто на редкость благоприятствовала честолюбивым планам и интригам короля Людовика XIV. Некогда грозная габсбургская Испания переживала полный упадок при жалких преемниках Филиппа II: обнищавшая страна с жадным дворянством и прожорливым духовенством, чахнувшие ростки промышленности, доведенные до полного разложения армия и флот. В Англии реставрированная монархия Стюартов настолько опасалась внутренних врагов, что ей было не до сопротивления планам могущественного французского короля. К тому же буржуазию Англии разделяло острое соперничество с буржуазией Голландии, приводившее к неоднократным англо-голландским войнам. А за восточными границами Франции находились бесчисленные мелкие княжества, на которые была поделена Германия, вдобавок до крайности истощенная только недавно окончившейся Тридцатилетней войной. Германский император (он, так же как и испанский король, был из рода Габсбургов) являлся господином лишь в своих наследственных австрийских и других владениях. Искусная дипломатия всегда могла создать коалицию недовольных им князей.

Первые войны Людовика XIV приносили ему успех за успехом. Его дипломаты и разведчики стали действовать совсем бесцеремонным образом. Подобно тому как в XVI — начале XVII в. католическая партия в Англии ориентировалась на Испанию, так теперь английские католики, являвшиеся сторонниками крайнего абсолютизма, искали поддержки у французского короля.

Широкие завоевательные планы побудили «короля-солнце» обратить внимание на совершенствование своей разведки и контрразведки. Опасаясь неприятельских разведчиков, Людовик XIV до крайности сужал круг посвященных в свои военные планы. Так, о плане осады плохо укрепленного города Монса (испанские Нидерланды) в 1691 г. знали только сам король, дофин и военный министр Лувуа. В тайну не был посвящен даже маршал Люксембург, которому было поручено осуществление одной из военных операций, связанных с этой осадой. Руководителем французской контрразведки был генерал-лейтенант полиции Ла Рейни. Его на этом посту сменил Марк Рене д'Аржансон. Сохранились его отчеты с 1697 по 1718 г., рисующие роль полиции в обнаружении вражеских шпионов.

Представление о деятельности французской разведки в «век Людовика XIV» можно составить на примере одного из ее агентов — маркиза Гаспара д'Эспиншаля. Уже смолоду (он родился в 1619 г.) маркиз приобрел у себя на родине, в Оверни, сомнительную известность своей, как писали, «беспорядочной жизнью», проще говоря — уголовными преступлениями. Он пытался отравить жену, изуродовать собственного сына, за ним числилось несколько убийств, а также ограбление местных духовных лиц — и это еще не считая жестокого притеснения крестьян в своих владениях. Суд приговорил маркиза к обезглавливанию, но этот вердикт был приведен в исполнение лишь над изображением д'Эспиншаля. Сам же он ухитрился скрываться сначала в Париже, а потом бежать за границу. Через несколько лет о нем забыли, и тогда д'Эспиншаль счел, что настало время самому напомнить о себе. Он предложил свои услуги в качестве разведчика министру иностранных дел Помпонну, и они были приняты.

В 1676 г. маркиз организовал наблюдательный пост во Фридбурге, через который возвращались из Вены офицеры имперской армии, и выведывал у них массу полезной

информации о численном составе и вооружении их полков. Не раз д'Эспиншаль объезжал районы дислокации имперских войск и отправлял в Париж выуженные им сведения о планах неприятельского командования. Отчеты д'Эспиншаля настолько ценились королем, что после его возвращения в 1679 г. во Францию ему не только было даровано полное прощение, но даже присвоен высокий чин генерал-майора.

Совсем иначе пришел в разведку «короля-солнца» другой удачливый разведчик — Робер Лефевр д'0рваль. Он принадлежал к уже иному поколению. Лефевр родился в 1671 г., и его успехи на поприще шпионажа относятся к самым тяжелым для Франции годам войны за испанское наследство, когда войска Людовика XIV потерпели крупные поражения и армии вражеской коалиции готовились вторгнуться на французскую территорию. В 1706 г. военный министр Шамийяр, приехавший в Лилль для организации защиты этого города, познакомился там с парламентским советником Лефевром, который предложил ему создать разведывательную сеть в тылу неприятеля. Д'0рваль получал от своих агентов и пересылал в Париж очень точные известия о переговорах Голландии с другими участниками антифранцузской коалиции, массу сведений о состоянии финансов, вражеских крепостей и по множеству других вопросов, в том числе и о моральном духе французской армии. После отставки Шамийяра Лефевр с согласия нового министра Вуазена стал посылать копии своих наиболее важных донесений маршалу Вилару. В 1712 г. точные сведения, сообщенные Лефевром, помогли французам выиграть сражение при Денэне. Щедро награжденный Людовиком XIV, разведчик продолжал свою деятельность еще более двух десятилетий после смерти «короля-солнца», являвшуюся одним из важных источников сведений версальского двора о положении в различных германских государствах.

Столь же активно действовала и дипломатическая разведка. Так, французский посол в Нидерландах граф Жан Антуан д'Аво писал в 1682 г. о помощи, которую тогда голландцы надеялись получить от Испании, также опасавшейся гегемонистских притязаний Франции, в борьбе против Людовика XIV: «Хотя за прошедшие десять лет ни один вопрос, обсуждавшийся в (нидерландских) Генеральных штатах, не требовал такой секретности и стольких предосторожностей, а также таких клятв в соблюдении тайны, я тем не менее каждодневно получал точную информацию о том, что происходило на заседаниях голландской ассамблеи и Совета городов. Это позволяло королю принимать должные меры». Надо, впрочем, добавить, что коллеги графа д'Аво, которые не могли похвастать действительными успехами, приписывали себе мнимые победы на разведывательном поприще.

Накануне войны за испанское наследство (1700—1714 гг.) французская разведка, естественно, проявляла особую активность в самой Испании. В этой стране престол занимал последний представитель династии

Габсбургов слабоумный Карл II. После его смерти трон должен был перейти либо к австрийским Габсбургам, либо к французским Бурбонам, находившимся в наиболее близком родстве с бездетным испанским монархом. Мадрид снова превратился в центр тайной войны.

Одним из наиболее деятельных французских агентов сделалась племянница кардинала Мазарини, некогда первая (хронологически) фаворитка Людовика XIV Олимпия Манчини, ставшая графиней Суассон. В мае 1686 г. она прибыла в Мадрид как приближенная испанской королевы Марии-Луизы, француженки, активно интриговавшей в пользу планов версальского двора. Сторонники австрийской партии повели против королевы тайную войну, не останавливаясь перед фабрикацией фальшивок — любовных писем за ее подписью. 11 февраля 1689 г. королева неожиданно заболела и на следующий день скончалась, по мнению многих, от действия яда. Французский посол граф Ребенак прямо обвинял имперскую дипломатию, другие, впрочем, не исключали виновности… самой графини Суассон. Однако и после смерти королевы французская партия отнюдь не сложила оружие и даже усилила свою активность. Этому немало способствовали разведчики и разведчицы, засланные по приказу Людовика XIV в Мадрид.

Большую роль среди них сыграла некая Анжелика ле Кутелье, которая после второго замужества стала носить фамилию маркизы Гюдан. Это была особа с весьма сомнительным прошлым. Еще в 1669 г. она поспешно покинула Францию, где ей угрожал судебный процесс по обвинению в вымогательстве. Агличанин А. Стенгоп рассказывал, что встречал будущую

маркизу в 1676 г. в Риме. Там она стала любовницей секретаря французского посольства и во время одного свидания выкрала у него дипломатические бумаги, представлявшие чрезвычайный интерес для мадридского двора. Документы оказались настолько важными, что испанское правительство, далекое от щедрости, назначило француженке ежегодную пенсию и разрешило поселиться в Мадриде.

В свете последующих интриг маркизы этот эпизод представляет особый интерес. Остается неясным, был ли он сознательной провокацией французской разведки, решившей таким путем заслать своего человека в Мадрид, или лишь впоследствии маркиза была «перекуплена» правительством «короля-солнца». Сохранились письма, которые Гюдан регулярно с февраля по декабрь 1693 г. пересылала в Париж и которые содержали массу информации о придворных делах, полученной из первых рук — от министров и других важных государственных сановников. Тщательный анализ этих писем показывает, правда, что маркиза кое-что и присочиняла для придания большего веса сообщаемым ею сведениям.

Особняк маркизы Гюдан в Мадриде имел сад, примыкавший к важному правительственному зданию, что облегчало ее шпионские занятия. Однако роль Гюдан отнюдь не сводилась лишь к сбору информации. В сотрудничестве с другими французскими агентами она по указанию посла Аркура держала салон, где встречались министры и дипломаты, придворные и великосветские куртизанки, модные поэты, парижские аббаты и монахи-доминиканцы из различных испанских монастырей. Здесь Гюдан во время непринужденных бесед за столом узнавала нужные новости и плела заговоры в целях усиления французской партии. (Аркур был ярым противником проекта раздела испанских владений, считая, что все они должны перейти по наследству одному из французских принцев.) Активными агентами Парижа были также французские купцы, банкиры, ювелиры, мастера, которые не покидали Мадрида и в годы, когда Испания была втянута в войну против Франции.

Одним из наиболее важных заданий, порученных маркизе Гюдан, было привлечение на сторону Франции гессенской баронессы Берлепш, фаворитки новой королевы Анны-Марии Нейбургской. Вдовствовавшая баронесса — вульгарная особа с манерами престарелой кокотки — приобрела при дворе почти неограниченное влияние. Она единолично принимала решения, кого допустить к королеве, которая, в свою очередь, управляла как марионеткой Карлом II. Гюдан действовала через патера Реджинальда, бывшего исповедником и любовником фаворитки. Баронесса питала слабость к деньгам еще большую, чем к монахам, и за французское золото взялась служить правительству Людовика XIV. Это продолжалось до 1700 г., когда сторонникам императора с большим трудом удалось добиться почетного удаления Берлепш. Гюдан выслали еще раньше, в 1698 г., с запрещением приближаться ближе чем на 30 миль к испанской столице. Но все это не помогло австрийской партии одержать победу.

В годы войны за испанское наследство иезуитский орден и его разведка в целом действовали на стороне Людовика XIV. Это было тем более важно для французского короля, что иезуиты пользовались сильным влиянием в Вене, при дворе императора, одного из главных противников Людовика. В 1708 г. иезуитская разведка пыталась устранить наиболее способного императорского полководца принца Евгения Савойского. Занятый осадой Лилля, командующий австрийскими войсками однажды получил письмо, адресованное «Его Преосвященству принцу Евгению». Титул «преосвященство» употреблялся при обращении к лицам, посвященным в сан кардинала. А принц таковым не был. И эта ошибка сразу же возбудила подозрение Евгения, догадывавшегося, что имеет дело с иезуитскими кознями. Принц разорвал конверт, внутри оказалась серая бумага с сальным пятном, которую Евгений поспешил бросить на пол. Вскоре у него начала кружиться голова. Адъютант и слуга генерала, также страдая от головокружения, засунули бумагу в горло собаки, животное проглотило роковое послание и вскоре околело, хотя ему дали сильное противоядие. Евгений открыто обвинял иезуитов в покушении на свою жизнь, и это обвинение никогда не было опровергнуто.

«Славная революция» в шпионаже

В истории тайной войны важной вехой стал переворот, в результате которого была свергнута династия Стюартов и который его апологеты окрестили «славной революцией». В

последние годы своего царствования Карл II поручил руководство секретной службой новому министру сэру Леолайну Дженкинсу. Тот умер в сентябре 1685 г., через полгода после кончины Карла II, и вместе с ним фактически распалась секретная служба правительства Реставрации. Время правления было для короля Карла II годами праздника, прерываемого приличия ради краткими вылазками в область политики и дипломатии. Но он умел соблюдать осторожность и не создавать ситуаций, угрожавших свержением с престола. Незадолго до смерти Карл заметил:

— Я устал путешествовать[12] и решил более не отправляться за границу. Но когда я скончаюсь, не знаю, что станет делать мой брат. Очень опасаюсь, что, когда настанет его очередь носить корону, ему придется снова странствовать за рубежом.

После Карла II на трон вступил узколобый фанатик Яков II, поставивший целью восстановление абсолютизма и католическую реставрацию. В начале правления Якова, летом 1685 г., вспыхнуло восстание во главе с незаконным сыном Карла II герцогом Монмаутом, которое поддержала часть возникшей тогда партии вигов — сторонников конституционной монархии. Восстание было жестоко подавлено, а Монмаут обезглавлен. Казнь «протестантского герцога» была явной политической ошибкой Якова. Пока живой Монмаут содержался в Тауэре, вигам было сложно переориентироваться на голландского штатгальтера Вильгельма III Оранского (женатого на дочери Якова Марии), куда более опасного потенциального претендента на престол. Тем не менее Яков с характерной для него тупой мстительностью приказал казнить своего племянника как мятежника, покусившегося на власть законного монарха. Существует версия, что на казни настоял лорд Сандерленд; его люди перехватили письмо Монмаута, в котором тот уведомлял Якова о предательстве этого королевского министра. Как бы то ни было, открыто предать Якова довелось лорду Сандерленду только через три года, в 1688 г.

Постепенно политика Якова начала затрагивать коренные интересы главных собственнических классов. В стремлении избавиться от короля-католика не только виги, но и их противники — тори, не желавшие ограничения власти монарха, стали прочить на престол Марию и ее мужа Вильгельма Оранского.

Политический вакуум, постепенно создававшийся вокруг последнего короля из династии Стюартов, наложил отпечаток и на тайную войну между Яковом II и Вильгельмом Оранским. Секретная служба оставалась при Якове II в полном упадке. Было утрачено даже искусство раскрытия неприятельских шифров. Во время восстания Монмаута правительству лишь случайно удалось выяснить смысл захваченных у повстанцев секретных бумаг. Правда, король содержал шпионов в Голландии, в Риме, а английский посол во Франции лорд Престон создал осведомительную сеть в Париже. Но Яков II умел выбирать на редкость неподходящих людей не только на государственные посты, но и на роль своих тайных агентов. Они не сообщили ему о переговорах, которые вели влиятельные политики с Вильгельмом Оранским, о том, как адмирал Герберт в одежде простого матроса отправлялся в Гаагу.

Вильгельм III, дальновидный политик и опытный полководец, посвятивший жизнь борьбе против гегемонистских планов Людовика XIV, отлично понимал, какую роль в создавшейся обстановке была призвана сыграть его секретная служба. Во главе ее он поставил близкого друга и самого доверенного советника Виллема Бентинка, впоследствии графа Портленда. А главным представителем этой секретной службы в Англии стал Генри Сидни, в прошлом британский посланник в Гааге, сам предложивший свои услуги Вильгельму. Осенью 1687 г. Сидни вернулся в Англию. Еще до этого туда направились агенты Бентинка Джон Хаттон, Джеймс Джонсон и др. с заданием держать Вильгельма в курсе всех закулисных событий, вызванных быстро нараставшим политическим кризисом.

Сидни имел обширные связи в правительственных и придворных сферах Лондона. В юности он был очень близок со своим племянником Робертом Спенсером, графом Сандерлендом, предавшим всех своих былых союзников и ставшим главным исполнителем планов Якова II, а затем переметнувшимся в лагерь Вильгельма II. Те разведывательные донесения, которыми снабжали Вильгельма Генри Сидни и его помощники и которые

[12] Намек на годы эмиграции во время революции. — Е.Ч.

сохранились в архивах, содержат настолько подробную и достоверную информацию, что в последнее время стали широко использоваться исследователями для освещения истории «славной революции». В результате этого переворота Яков II был свергнут и на престол вступил Вильгельм Оранский со своей женой Марией.

После 1688 г. международная обстановка разом круто изменилась. У Англии и Голландии появился общий лидер, опытный политик и полководец, поставивший целью сломить могущество Франции. Правда, в годы, непосредственно следовавшие за «славной революцией», на английском троне Вильгельм Оранский чувствовал себя не очень уверенно. Угрюмый, неразговорчивый голландец, окруженный фаворитами, которые вместе с ним приехали в Англию, не сразу стал пользоваться популярностью. Многие из влиятельных деятелей партии тори, которые, опасаясь восстановления католицизма, согласились на удаление Якова, теперь, когда перевес получили их противники — виги, начали подумывать о призвании обратно изгнанного короля. Эту часть тори стали называть якобитами.

Якобитство превращалось в удобное политическое знамя для жестоко Листавшихся ирландских католиков, а также для значительной части населения Шотландии, которая выступала против унии с Англией и поэтому особенно подчеркивала свою лояльность по отношению к «национальной» шотландской династии Стюартов. В Англии якобитскими стали круги крайней дворянской реакции. Однако в отдельные моменты в якобитские гона окрашивались недовольство джентри засильем в правительстве вигской земельной и денежной аристократии, увеличением налогов в связи с длительными войнами, а также некоторые формы социального протеста самых различных слоев населения.

Подавление якобитских восстаний и заговоров якобитского подполья, растянувшееся более чем на полвека, не было, таким образом, борьбой с заранее предопределенным исходом, как это представлялось некоторым историкам, писавшим через 100 лет после событий. Более того, эта борьба во многом, по крайней мере внешне, напоминала противоборство протестантской Англии в годы правления Елизаветы I с силами международной контрреформации. Ведь в заговоры были снова вовлечены держава, претендовавшая на господство в Европе, — на этот раз Франция Людовика XIV, папский престол и иезуиты. Но это отнюдь не было повторением в форме фарса былой трагедии — в ходе борьбы было пролито слишком много крови, чтобы преуменьшать ее размах и ожесточение. Было, конечно, одно отличие — в конце XVII в. и первой половине XVIII в. не существовало международного лагеря контрреформации, а после 1715 г. утратили реальность ч планы утверждения французской гегемонии в Европе. Однако якобитская хорта оказалась немаловажной в ходе англо-французской борьбы за торговое и колониальное преобладание.

На протяжении многих десятилетий после «славной революции» 11)88 г. одним из главных направлений деятельности английской секретной « службы была борьба против якобитства. Ресурсы якобитов, искусство их агентов часто крайне преувеличивались в Лондоне, и различные обстоятельства питали эту иллюзию.

Неправильно смешивать, как это нередко делается в исторической литературе, два вопроса — возможность реставрации абсолютизма и католицизма и вероятность возвращения Стюартов. Первое было попросту невозможно — процесс буржуазного развития Англии носил необратимый характер. Напротив, второе не было полностью исключено, но при одном непременном условии — политической капитуляции Якова II, а затем и его наследника перед силами нового строя. Даже Вильгельм III подумывал о компромиссе после смерти сына принцессы Анны — последнего из «законных» протестантских престолонаследников мужского пола. Вильгельм намекал, что его преемником мог бы стать сын Якова II в случае его обращения в протестантство. Однако Стюарты стремились к невозможному — восстановлению абсолютизма и католицизма — и в конечном счете не использовали единственного оставшегося у них шанса. Но это нельзя было с уверенностью предсказать заранее. К тому же надо учесть, что на протяжении ряда лет (особенно до мая 1692 г.) сохранялась возможность высадки крупной французской армии в Англии, где обычно имелось мало регулярных войск, равно как и во вновь завоеванной Ирландии и в Шотландии.

Демонстративное выражение «королем-солнцем» сочувствия изгнанному Якову II, предоставление в его распоряжение пышного Сен-Жерменского дворца и даже ежегодной

пенсии в 600 тыс. ливров, однако, еще далеко не означали безоговорочную поддержку Людовиком планов якобитов. Во время своего короткого правления Яков II вовсе не проявил себя другом Франции, и его реставрация вряд ли многое сулила версальскому двору. Людовика скорее устроило бы восстановление Якова на престоле в Шотландии или Ирландии, что создало бы противовес Англии. И, во всяком случае, якобиты были полезным орудием для французской дипломатии как угроза для Англии, а в военное время — как средство отвлечения части английских военных сил с континента, где они были важной составной частью войск коалиции, противостоявшей Людовику XIV. В этой борьбе снова активизировалась английская секретная служба.

Один из первых якобитских заговоров был раскрыт по вине курьеров. Имеет ли их история романтический или комический характер, пусть решает читатель. А сводится она вкратце к следующему. Одним из этих курьеров был Уильям Фуллер, влюбленный во фрейлину королевы — жены Якова II. Однако клятвенные заверения агента, состоявшего на службе у Бентинка, оказались сильнее и чар придворной красавицы, и сладких речей католических патеров, поскольку Фуллер, перейдя на сторону правительства Вильгельма, заодно уж отрекся и от католичества.

В 1690 г. Фуллер в сопровождении другого молодого человека — Кроуна на рыболовецкой шхуне, предоставленной им губернатором Кале, тайно переправился в Англию. То, что в Париже сочли необходимым послать сразу двух курьеров, было вызвано не только важностью информации, которую целиком не решились доверить одному лицу, но и способом ее доставки: письма, написанные невидимыми чернилами, были запрятаны в пуговицы камзолов Фуллера и Кроуна. Эти предосторожности не имели особого значения, поскольку, расставшись с Кроуном, Фуллер сразу же поспешил в Кенсингтонский дворец, где находился Вильгельм Оранский.

Вскоре поймали Кроуна в одной из лондонских таверн, где он произносил тосты в честь Якова и обещал скорое вторжение в Англию верных королю войск. Кроун обладал особенно важными сведениями — на основании его показаний можно было бы обезвредить многих видных якобитов. Немудрено, что правительство заранее обещало помилование, если Кроун сделает откровенное признание. Якобиты в ответ пустили в ход вновь оружие женских чар. Некая миссис Клиффорд, знакомая Кроуна, усердно навещала его в тюрьме, убеждая держаться героем.

А пока что якобиты пытались отсрочить суд. После переворота 1688 г. правительство должно было при ведении таких процессов соблюдать законные формы судопроизводства, и этим пытались воспользоваться сторонники Якова II. Во-первых, заболел главный свидетель обвинения Фуллер. Во-вторых, якобитам удалось отвести многих из предложенных кандидатов в присяжные. Когда и этот прием исчерпал себя, якобиты сумели ввести в состав присяжных своего человека. Для принятия решения требовалось единодушие присяжных, а якобит, разумеется, решительно отказывался признать Кроуна виновным.

Спор в наглухо запертой комнате присяжных длился всю ночь и начало следующего дня. Он, вероятно, продолжался бы и дольше, если бы голодное большинство с негодованием не заметило, что вездесущая миссис Клиффорд тайно подбросила через окно сладости для подкрепления пыла ее якобитского единомышленника. Ему пришлось уступить. Несколько дней Кроун провел между требованиями немедля сделать признания, чтобы спастись от виселицы, и любовными заклинаниями миссис Клиффорд. В конце концов он махнул рукой и рассказал все, что знал о подготовлявшемся заговоре…

Картина войны между правительствами Вильгельма III и его преемников, с одной стороны, и якобитским двором в Сен-Жермене, с другой, известна только в общих чертах. Зная, что они окружены агентами лондонского правительства, якобиты, как правило, уничтожали полученные ими разведывательные депеши, хотя часть их переводилась и передавалась французским властям.

Наряду с Бентинком и Генри Сидни руководителем английской секретной службы стал Даниель Финч, граф Ноттингем, занимавший посты министра иностранных дел и позднее лорда-председателя Тайного совета. Анализ его переписки показывает, что он пытался использовать все средства добывания информации — перехват корреспонденции иностранных

дипломатов, допрос подозрительных лиц, а также тех, кто добровольно сообщал становившиеся известными ему сведения о военных приготовлениях французов.

В 1692 г. лорд Ноттингем поручил гугенотскому пастору Пьеру Жюрье наладить шпионаж во французских портах. Бюро, созданное Жюрье в Роттердаме, получало от своих агентов и пересылало в Лондон сведения о якобитах. Наряду с наблюдением за якобитами английская разведка стремилась получить подробные сведения об армии и флоте Людовика XIV. Во французских средиземноморских портах действовала разведывательная организация, возглавляемая французом Венсеном Сер-ром и тремя швейцарцами (Полем Робеном, Абрахамом Боди и Жаком Виленом), которая имела своих людей среди матросов и даже гугенотов, осужденных за отказ принять католичество к каторжному труду на галерах. Швейцарцев выследили и казнили. Серр отделался уплатой большого штрафа, еще двух участников группы послали на каторгу. Между прочим, английской разведке не раз удавалось вербовать агентов среди подвергавшихся гонениям протестантов.

В начале февраля 1696 г. расторопный французский полицейский Дегре арестовал некоего Сен-Мартина, на допросе он дал показания, назвал своего сообщника — адвоката парижского парламента Ла Кутюра, а тот — чиновника Бюдо. В бумагах Сен-Мартина нашли письмо к некоему купцу Корвиниусу в Амстердаме — это был второй, наряду с Жюрье, руководитель шпионского центра Этьен Кайо. После этого были перехвачены курьеры, направлявшиеся в Голландию; установлено негласное наблюдение за несколькими временно оставленными на свободе агентами. В их числе оказалась и женщина, именовавшая себя графиней де Верней, ее позднее заточили в монастырь. В апреле 1696 г. был схвачен лучший разведчик роттердамского центра Буриго. За поимкой шпионов внимательно следил сам король. Буриго, Бюдо и Ла Кутюр кончили на виселице, Сен-Мартин был присужден к пожизненной службе гребцом на галере, остальные разведчики были брошены в Бастилию. Шпионская организация распалась, хотя Кайо еще несколько лет содержал своих агентов в Ла-Рошели. Жюрье умер в 1713 г., Кайо в 1722 г. имел неосторожность вернуться во Францию. Там его еще помнили и сразу же отправили в ссылку в колонии. Правда, не надолго. К этому времени старый разведчик уже не представлял никакой опасности. Автор известных мемуаров епископ Барнет дает низкую оценку шпионской сети Ноттингема. Барнет писал, что Ноттингем получал мало известий о противнике, тогда как в Париже, казалось, все знали об английских планах. Якобитские агенты проникли в роттердамский центр. Лазутчиком якобитов был фаворит Вильгельма III Джон Симпсон (псевдоним Джонс).

Главные задачи, которые в эти годы стояли перед секретной службой Вильгельма, носили контрразведывательный характер. И прежде всего это была борьба против якобитства. Здесь недоверчивый король не вполне полагался даже на преданного Бентинка, по крайней мере считая излишним посвящать его в некоторые государственные тайны. Так, Бентинку разрешалось читать переписку Вильгельма с голландским великим пенсионарием Хейнсиусом, но часть содержащейся в ней информации король желал скрыть от фаворита. Это было нелегко сделать — ведь Бентинк точно знал, что великий пенсионарий неизменно посылал свои донесения дважды в неделю. Тогда Вильгельм в июне 1689 г. приказал Хейнсиусу особо конфиденциальные вещи писать на листе бумаги, который король не показывал Бентинку, разрешая ему читать «обычное» донесение. Никогда Бентинк не имел и доли той самостоятельности, которой обладал лорд Берли во времена Елизаветы. После 1695 г. и особенно 1697 г. влияние Бентинка резко уменьшилось. Отчасти это объяснялось смертью благоволившей к нему королевы Марии, а также тем, что лорд Портленд слишком близко сошелся с вигами и не мог выполнять свою прежнюю роль представителя короля в переговорах с руководителями обеих партий. Вильгельм III считал, что даже самый доверенный советник должен быть в курсе только части государственных секретов, всю совокупность которых подлежало знать лишь самому монарху.

…Якобитская агентура плела сети все новых заговоров. В ответ английская секретная служба в эти годы не раз прибегала к испытанному тактическому приему. Не располагая прямыми уликами против тех или иных подозреваемых в качестве активных участников якобитского подполья, она старалась скомпрометировать их с помощью агентов-провокаторов, а если и это не удавалось добиться осуждения на основании ложных показаний этих агентов.

Поэтому не раз случалось так, что действительных якобитов, активно действовавших против Вильгельма Оранского, судили за участие в заговорах, выдуманных провокаторами, в чьих показаниях обрывки подлинной информации сочетались с причудливыми фантазиями (иногда, впрочем, частично совпадавшими с действительностью). Словом, возникала ситуация, хорошо знакомая по истории «папистского заговора», якобы раскрытого Титусом Отсом. Именно такой характер носил мнимый заговор, сфабрикованный в 90-е годы XVII в. правительственным агентом Джоном Лэнтом, который не раз ездил ко двору Якова II и якобы по его указанию вовлек в свою тайную организацию ряд влиятельных якобитов в графствах Ланкашир и Стаффордшир. Особенно активно Лэнт орудовал в конце 1693 г., а уже весной следующего года будто бы вследствие угрызений совести выдал планы заговорщиков властям. Впрочем, на суде было вскрыто, что рассказы Лэнта о его поездках и встречах совершенно неправдоподобны даже с хронологической точки зрения и что, кроме того, главный свидетель обвинения — лицо с весьма сомнительной репутацией. Присяжные признали подсудимых невиновными. А между тем они действительно участвовали в заговоре, о котором Лэнт имел лишь скудные, обрывочные сведения. Его рассказы о намерении совершить убийство Вильгельма лишь на несколько месяцев предвосхитили подлинные планы якобитов.

Двор Якова II в Сен-Жермене кишел английскими шпионами. Современники считали, что одной из них была леди Стрикленд, которая выкрадывала секретные письма буквально из карманов жены Якова и посылала копии этой корреспонденции в Лондон. Английское правительство благодаря разведывательным донесениям было осведомлено обо всем, что происходило в окружении Якова. Напротив, якобитские агенты снабжали Якова II весьма тенденциозной информацией, утверждая, будто вся страна ждет не дождется возвращения «законного короля».

В такой обстановке созрел в 1696 г. якобитский заговор, ставивший целью убийство Вильгельма III. Сейчас уже трудно определить, кто кого дурачил в сложной игре — якобитская разведка, возглавлявшаяся графом Джоном Мелфортом, который установил связи с министрами и генералами Вильгельма, или служба Бентинка, взиравшая сквозь пальцы на такие связи и даже пытавшаяся, используя эти контакты, передавать фальшивки двору Якова II. Вероятно, истина лежит посередине. Однако попытки якобитов привлечь на свою сторону наиболее влиятельных политиков сопровождались и планами свергнуть новое правительство путем организации покушения на Вильгельма III (тем более что умерла его жена королева Мария, дочь Якова II, и «узурпатора» можно было представлять иностранцем, не имеющим никакого права на английский престол). В феврале 1696 г. в Англию по поручению Якова II тайно прибыл его сын (от Арабеллы Черчилль) — Джеймс Фитцджеймс, герцог Бервик, впоследствии получивший широкую известность как французский маршал. В какой-то мере Бервик по своим личным качествам — рассудочной храбрости и неколебимой верности избранному знамени — совсем непохожий на своего тупоголового, жестокого и трусливого отца, ярко отражал сущность якобитства. Для Бервика не существовало ни своей страны, ни нации — дворянский космополитизм и преданность католической церкви заменяли ему патриотическое чувство, родину, позволяли без всякого внутреннего надлома, без угрызений совести сражаться против своего отечества, служить планам фактического превращения его в вассала французского короля.

Для соблюдения тайны в Париже было объявлено, что Бервик отправился инспектировать ирландские полки французской армии. На деле он переодетым, на шхуне контрабандистов пересек пролив и высадился на английском побережье. Разведка Вильгельма сразу обнаружила прибытие Бервика. Было издано правительственное заявление, обещавшее 1000 ф. ст. за его поимку.

Главной задачей Бервика было убедить лидеров якобитов начать восстание, без чего Людовик XIV не соглашался предпринять попытку высадки французских войск в Англии. Однако, как рассказывает Бервик в своих «Мемуарах», он натолкнулся на отказ. Якобитские лидеры указывали, что, как только правительство обнаружит приготовления к вооруженному выступлению, оно немедленно пошлет флот блокировать французские гавани; это воспрепятствует отправке десанта и обречет восстание на неудачу.

Находясь в Лондоне, Бервик получил известие о подготовке якобитами покушения на

Вильгельма и решил, чтобы не оказаться прямо замешанным в заговоре, немедля покинуть Англию. Добравшись до побережья, он, полумертвый от усталости, задремал в таверне, расположившись у камина. Через два часа раздался громкий стук в дверь. В комнату ворвалась группа вооруженных людей. Казалось, все было кончено, но при мерцающем свете фонаря Бервик узнал капитана шхуны контрабандистов, разыскивавшего своего пассажира. Вскоре корабль доставил Бервика в Кале. По дороге в Париж он видел заполненные солдатами гавани — готовилось вторжение в Англию.

Заговор, о котором узнал Бервик, был подготовлен другим посланцем Якова II — сэром Джорджем Беркли. Он имел при себе собственноручно написанную Яковом II инструкцию, предписывавшую совершить против Вильгельма III любые действия, которые Беркли сочтет правильными и осуществимыми. Одновременно якобитская разведка переправила поодиночке в Англию около 20 телохранителей Якова II, на решимость которых можно было положиться. Среди них был и бригадир Амброзии Роквуд — потомок одного из участников «порохового заговора». Еще 20 человек Беркли и его сообщники постарались завербовать на месте. План сводился к нападению на Вильгельма, когда он, возвращаясь с охоты в местечке Тернхем-грин, будет переплывать на лодке реку. 15 февраля 1696 г. 40 вооруженных до зубов всадников поджидали возле Тернхем-грин короля и его небольшую свиту. Близ Дувра было все подготовлено, чтобы зажечь большой костер — условный сигнал, который был бы виден на французском берегу. Но король не появился. Разведка лорда Портленда узнала о заговоре, если верить официальной версии, благодаря добровольному покаянию одного из злоумышленников. Бентинк был предупрежден одним из заговорщиков, а потом к нему явился молодой католик Пендергарас, который тоже советовал отложить королевскую охоту. Пендергрillegible, однако, отказывался называть имена заговорщиков, несмотря на личное обещание Вильгельма, что эти сведения будут использованы только для предотвращения преступления. Но правительство знало уже достаточно. Заговор выдал и еще один его участник — капитан Фишер. Вечером в субботу, 18 февраля, многие заговорщики были арестованы в таверне «Блюпосте», но Беркли успел скрыться. Один из конспираторов, Портер, сразу же, спасая себя, вызвался стать свидетелем обвинения. А Портер был как раз тем лицом, которого не хотел выдавать Пендерграс. Теперь у того тоже исчезли причины молчать. Руководители покушения были казнены.

Известие о раскрытии заговора вызвало большое возбуждение. Парламент временно приостановил действие акта о неприкосновенности личности. В одном только Лондоне были арестованы 330 человек. Было решено, что в случае кончины монарха парламент не будет считаться распущенным и должен обеспечить установленный после 1688 г. порядок престолонаследия.

Однако заговор вызвал потрясения в правительственном лагере, на которые вряд ли первоначально рассчитывали в Сен-Жермене. Наряду с арестами участников покушения были произведены аресты среди оказывавших содействие заговорщикам. В их числе был и Томас Брюс, граф Эйлсбери. Якобиты пытались подкупить свидетелей — двух ирландцев, являвшихся агентами секретной службы, и уже упоминавшегося Портера. Тот, уже войдя во вкус своей новой профессии, с готовностью принял 300 гиней, но не скрылся, как обещал, а вызвал стражу, арестовавшую агента, через которого он вел переговоры с якобитами, — цирюльника Кленси.

В своих показаниях арестованные заговорщики назвали генерала Джона Фенвика. Тот бежал и надеялся добраться до побережья, где его ждал французский корабль. Однако генерала случайно опознали при аресте двух контрабандистов. Фенвику снова удалось скрыться. Власти организовали настоящую облаву и наконец нашли его, спрятавшегося в какой-то лачуге. В Тауэре Фенвик неосторожно написал записку своей жене (это она пыталась устранить неугодных свидетелей против Эйлсбери) с просьбой подкупить присяжных. Одновременно Фенвик сообщил, что готов открыть все известное ему о заговорщиках. В своем «признании» он обвинил важнейших министров и сановников — Мальборо, Рассела, Годолфина и Шрюсбери. Сознательно или нет, арестованный генерал начал большую и, как выяснилось, смертельно опасную для него игру. Он не выдал никого из подлинных якобитов, а указал лишь на влиятельных политиков, дававших на всякий случай обещания Якову II. Фенвик, по-видимому, рассчитывал вызвать смятение в правительственных кругах, заставить

Вильгельма III расправиться с лицами, влияние которых было крайне важно для упрочения его трона. Однако Вильгельм сразу же понял смысл игры. Не то чтобы король считал ложными показания Фенвика — наоборот, они содержали зерно истины, впрочем, давно уже известной разведке лорда Портленда. Но нельзя было признавать их истинными, чтобы не вызвать серьезных потрясений. И Вильгельм, находившийся в Голландии, отправил обратно присланные ему показания Фенвика, сообщив, что содержащиеся в них обвинения — бессмыслица и они нисколько не могут поколебать его доверие к членам Тайного совета, ставшим жертвами таких обвинений. Все же разоблачения Фенвика вызвали большое возбуждение в парламенте, тем более что они касались не только тори, связи которых с якобитами были известны, но и вигов. Палата общин вызвала Фенвика для дачи показаний. Якобит был также доставлен к королю. В обоих случаях Фенвик отказался представить какие-либо доказательства своих утверждений. Возможно, что он и не располагал ими, лишь повторяя слухи, ходившие среди якобитов. Своими обвинениями Фенвик не достиг цели и вместе с тем возбудил против себя ненависть влиятельных лиц. Однако для вынесения приговора Фенвику как виновному в измене требовались по закону показания не менее двух лиц. Вначале власти располагали двумя такими свидетелями, но якобитскому подполью удалось подкупить (или запугать) одного из них, и тот поспешно покинул страну. Тогда палата общин прибегла к последнему оружию — приняла направленный против Фенвика акт об осуждении. После жарких прений акт был одобрен также палатой лордов и получил подпись Вильгельма III. Джон Фенвик был обезглавлен на Тауэр-хилл.

Стоит отметить, что якобиты, с волнением наблюдавшие за парламентскими дебатами по делу Фенвика, не захотели или не имели возможности представить документы, подтверждавшие его слова. Но это еще далеко не значит, что таких документов не было в природе. Интересно m метить, что Эйлсбери не подтвердил показания Фенвика. После этого Эйлсбери еще некоторое время продержали в Тауэре, пока не утихли страсти, вызванные делом Фенвика, и выпустили на свободу.

Поэзия и проза

Поэзия глупа! В суждении таком
Есть свой резон. Но не забудь при этом,
Что не всегда дурак рождается поэтом, —
Он может быть и просто дураком!

Не известно, распространял ли английский поэт Мэтью Прайор эту нелестную характеристику собратьев по перу также на своих коллег по другой, далекой от литературы профессии.

Мэтью Прайор занял сравнительно молодым свое особое, хотя и скромное место на современном ему литературном Олимпе. Видный представитель английского классицизма, близкий к признанному главе этого направления Александру Поупу, Прайор не менее известен и произведениями, написанными в различных жанрах легкой светской поэзии, — эпиграммами, шутливыми посланиями, веселыми песенками, остроумными пародиями. Несмотря на раннее признание его таланта, для Прайора путь наверх, в ряды правящей знати, был долгим и нелегким. Помогали аристократические связи, приобретенные еще на студенческой скамье в Кембридже, подкрепленные потом умением вовремя, в нужной форме откликнуться и на победы короля Вильгельма, и на успехи своих друзей студенческих лет, унаследовавших отцовские титулы и богатства, а вместе с ними нередко министерские посты, руководящее положение в партиях тори и вигов.

Все же Прайору, выбившемуся в люди сыну столяра, как презрительно заметила королева Анна, «человеку низкого происхождения», не имевшему собственного состояния и зависевшему целиком от нерегулярного жалованья, путь к главным источникам власти и богатства оказался закрытым. Но до второстепенных государственных должностей — помощника влиятельного министра или временного главы посольства — Прайору удалось

добраться, правда, ценой не только унижения, льстивых излияний в прозе и стихах в адрес своих покровителей, но и разрыва с ними в нужный момент, квалифицировавшегося современниками как предательство. Главное, что Прайора делало весьма полезным, было не только его удобное и послушное перо Он зарекомендовал себя как опытный и удачливый мастер секретных дипломатических переговоров, как умелый организатор шпионажа.

В 1690 г. когда Прайору было 25 лет, он начал службу секретарем английской миссии в Гааге. Голландская столица была местом, где на протяжении последующих семи лет проходили встречи монархов и министров — участников антифранцузской коалиции — так называемой Аугсбургской лиги. В обязанности Прайора входила выдача паспортов для желающих посетить Англию. Это было вовсе не простое дело, поскольку паспорта разрешалось выписывать лишь лицам, не имевшим, с точки зрения английских властей, предосудительных намерений. Прайору было поручено также наблюдение за французскими шпионами, пытавшимися через Голландию пробраться в Англию. Прайор должен был ставить в известность о результатах этой слежки портовые власти в Хариджe и Лондоне. Подозрение молодого дипломата вызвал, в частности, некий Клерк, объявивший себя итальянцем. Но, по мнению Прайора, он, вероятно, был французом. Прайор сообщил о своих сомнениях портовому начальству в Бриле и Харидже, а также заместителю министра иностранных дел Ричарду Уорри на случаи, если подозреваемый, обманув таможенных чиновников, все же доберется до Лондона. Выяснилось, что в поле зрения Прайора попал не кто иной, как известный иезуит-шотландец Кларк (или отец Космо), поддерживавший связи между Сен-Жерменом и руководителями якобитов в Англии. Прайор даже предложил новую систему выдачи паспортов, одобренную в Лондоне, которая облегчала бы обнаружение вражеских агентов.

Наряду с охотой на якобитских лазутчиков Прайору надлежало два раза в неделю направлять в Уайтхолл сведения, которые содержались в письмах, прибывавших от нанятых англичанами лиц из различных стратегически важных городов. Информация носила политический и военный характер, сообщалось немало и придворных сплетен, которые имели известное значение для ориентации английской дипломатии.

В январе 1699 г. Прайор был включен в состав английского посольства в Париже, возглавлявшегося лордом Портлендом. Официально посольство воздерживалось от любых контактов с Яковом II и его окружением и домогалось высылки бывшего английского короля из Франции. Британские дипломаты старались не появляться на придворных празднествах и церемониях, на которых можно было ожидать присутствия Якова II. Тот самодовольно разъяснял, что мятежники не осмеливаются встречаться с ним лицом к лицу и что он видел только одного или двух из шайки Бентинка. Прайор был менее осторожным, присматриваясь к изгнанной королевской семье. Сам Яков II на него произвел впечатление «старого хвастуна… тощего, потрепанного и сгорбленного».

Через несколько месяцев Портленд вернулся в Англию, и Прайор был назначен временным поверенным в делах до приезда нового посла — лорда Джерси. Функции Прайора, впрочем, не претерпели особых изменений. Покидая Париж, Прайор составил отчет об использовавшихся им шпионах. Среди них фигурировал какой-то ирландец Браконье, уже проведший четыре года в Бастилии и выдававший себя за купца. В числе агентов значились англичанин Бейли — под этим именем скрывался священник и, как сообщалось в отчете, «совершенный развратник» Джонстон, — и старуха Ланглуа, «хитрейшая шлюха» с двумя дочерями… Осведомленность Прайора не стоит преувеличивать — его не раз одурачивали собственные агенты. Впрочем, он и сам не гнушался сообщать в Лондон вымышленную информацию с целью создать более благоприятное впечатление о своих успехах на разведывательном поприще. После возвращения из Франции в 1699 г. Прайор был назначен на пост заместителя министра иностранных дел. В конце войны за испанское наследство он (в сотрудничестве с Болингброком) вел секретные переговоры о заключении мира с Францией, был замешан в интригах, ставящих целью реставрацию Стюартов после смерти королевы Анны. Но об этом ниже.

После 1688 г. разведка пыталась использовать и уже полузабытый опыт прежних времен. В 1699 г. король Вильгельм III Оранский вызвал знакомого нам шифровальщика времен Кромвеля и Терло — Джона Уоллиса, достигшего в то время весьма почтенных лет, и просил

его обучить молодых людей столь важному искусству, чтобы оно не умерло с ним. Впрочем, доктор Уоллис не забыл и других приемов своего ремесла и пытался с помощью их оказать посильное содействие правительству. Так, в 1702 г. профессор распространял слух, что, как ему доподлинно известно, «молодой претендент», считавшийся сыном Якова II, вовсе не является таковым (и, следовательно, уж ни в каком случае не может претендовать на роль «законного монарха»).

Мальбрук и якобиты

В тайной войне конца XVII — начала XVIII в. большая роль принадлежит герцогу Мальборо.

Джон Черчилль, первый герцог Мальборо (Мальбрук, как его в старину именовали на Руси), родился в 1650 г. Он был сыном мелкопоместного дворянина. Начало карьеры Черчилля было положено, когда его старшая сестра Арабелла стала любовницей герцога Йоркского, будущего Якова II. Принятый ко двору Черчилль вскоре был взят на содержание королевской фавориткой Барбарой Вильерс, герцогиней Кливлендской. Саму Барбару пристроил на это место ее родственник Джордж Вильерс, герцог Бэкингем, но она скоро успела подставить ему ножку. Герцог не остался в долгу и привел Карла II к его любовнице, когда она принимала молодого Черчилля. К счастью для того, королю успела порядком надоесть властная, сварливая и, главное, начавшая стареть герцогиня. Поэтому, обращаясь к Черчиллю, король лишь сказал: «Ты прохвост, но я тебя прощаю, таким путем ты зарабатываешь себе на хлеб».

Карл был недалек от истины. Практичный молодой человек, выудив у герцогини 4500 ф. ст., поспешил вложить их в ценные бумаги. Поднакопив таким путем изрядный капиталец, молодой офицер женился на придворной красавице Саре Дженнингс. Благодаря Арабелле Джон Черчилль стал приближенным герцога Йоркского, а его жена — наперсницей принцессы Анны, дочери герцога. Черчилль быстро продвигался по службе, тем более что вскоре успели отчасти выявиться его несомненные полководческие дарования.

После 1685 г., когда герцог Йоркский стал королем Яковом II, награды и почести посыпались на Черчилля, как из рога изобилия. Именно Черчилля Яков II назначил главнокомандующим своей армией, высланной против войск Вильгельма Оранского, высадившихся в Англии в 1688 г. Именно Черчилль поспешил перейти на сторону Вильгельма, что быстро решило исход борьбы. (Черчилль пытался даже похитить Якова и выдать его Вильгельму Оранскому, но этот план не удался.)

В первые годы правления Вильгельм, как уже упоминалось, чувствовал себя на престоле далеко не прочно. Угроза якобитской реставрации была или, вернее, казалась вполне реальной. Тогда Черчилль решил на всякий случай «помириться» с Яковом II. Впрочем, не все якобиты были склонны принимать всерьез авансы Черчилля. Часть из них начала догадываться, что у него могут быть совсем другие планы, чем восстановление на престоле Якова II. Стали просачиваться сведения, что властная Сара Мальборо совсем подчинила себе свою недалекую подругу принцессу Анну, дочь Якова II и сестру королевы Марии, жены Вильгельма III. У Анны был тогда жив сын (он умер еще ребенком через несколько лет). Если бы супругам Мальборо удалось возвести на престол Анну вместо Вильгельма, было бы обеспечено наследование трона протестантами и сведены на нет шансы возвращения Якова II.

Агенты якобитов явились к Портленду и сообщили о плане, составленном Мальборо в пользу принцессы Анны. У якобитов не было никаких весомых доказательств. Тем не менее Вильгельм был встревожен: он получил некоторые подтверждения информации, сообщенной ему одной из фрейлин принцессы Анны. Вильгельм отлично понимал, что попытка реставрации Якова II была маловероятна и должна была натолкнуться на сильное сопротивление. Напротив, замена непопулярного короля-иностранца английской принцессой, дочерью «законного» короля и протестанткой, могла быть осуществлена с куда большими шансами на успех. Поэтому Мальборо, имевший немалый вес в палате лордов и в армии, стал казаться Вильгельму фигурой более опасной, чем якобитское подполье. В январе 1692 г. Мальборо было предписано подать в отставку со всех занимаемых им постов, хотя это вызвало протесты Шрюсбери, Годолфина, Рассела и других влиятельных членов правительства.

В это время стала реальной угроза французского вторжения. Вильгельм уехал на континент, взяв с собой почти все войска, содержание которых было разрешено парламентом. Людовик XIV решил тогда, что упущенные в 1688 и 1689 гг. возможности французского десанта в Ирландии и Шотландии (только после борьбы подчинившихся Вильгельму) теперь можно будет компенсировать переброской большой армии в Англию. Около Шербура были собраны 20 тыс. солдат, половину которых составляли ирландцы, ненавидевшие английских завоевателей. В середине апреля 1692 г. был перехвачен небольшой французский корабль, он вез бумаги, раскрывавшие тайну французского двора. Начались лихорадочная переброска полков из Ирландии и Фландрии, приведение в боевую готовность флота.

Якобитская агентура пыталась всячески привлечь на свою сторону адмирала Рассела, так как от его позиции зависели шансы на успех вторжения. Однако, не прекращая своего флирта с якобитами, Рассел однажды откровенно заявил их представителю, что он при всей его преданности изгнанному законному монарху, встретив французский флот, уничтожит его, «даже если на борту будет находиться король Яков». Королева Мария (Вильгельм был в отъезде) подозревала Рассела, но не решалась сместить его, что никак не способствовало ослаблению панических настроений. И как раз в эти недели Тайный совет получил сведения об очередном опасном заговоре. Трудно сказать, были ли эти разоблачения сознательно спровоцированы якобитской агентурой, чтобы парализовать правительство, или они явились результатом личной инициативы профессиональных доносчиков — достойных преемников Тита Отса, расплодившихся в те бурные годы.

Некий Роберт Юнг, по его собственному признанию, специалист по подделке документов, находясь в тюрьме, решил сделать карьеру, обвиняя видных политиков в заговоре против Вильгельма III. Юнг написал какое-то письмо Мальборо и ухитрился получить ответ. Имея теперь в распоряжении образец подписи Мальборо, Юнг составил фальшивку, в которой Джон Черчилль и еще несколько видных лиц, включая недалекого епископа Рочестерского, связывали себя обязательством подготовить армию в 30 тыс. человек для помощи Якову и выдать ему «принцессу Оранскую», то есть королеву Марию, жену Вильгельма III. После этого Юнг направил своего подручного Стефана Блейкхеда спрятать фальшивку в цветочный горшок в доме епископа Рочестерского. Теперь Юнгу оставалось только донести об измене, а также сообщить, где можно найти ее доказательства: надо хорошенько поискать в цветочных горшках в епископском доме.

Мальборо и еще несколько важных лиц были арестованы и посажены в Тауэр. Это произошло в начале мая 1692 г., а уже через две недели обстановка претерпела резкое изменение. 29 мая английская и голландская эскадры под командой Рассела разбили главные силы французского флота при мысе Ла-Ог. После этого англичане на протяжении пяти дней преследовали и старались уничтожить укрывшиеся в гаванях французские корабли. В этом преследовании отличилось несколько адмиралов — помощников Рассела, которые в якобитских списках числились как преданные сторонники короля Якова… Паника улеглась. 11 июня вызванный на допрос в Тайный совет Блейкхед признался в подлоге. Юнг пытался отстаивать свои обвинения, но ему уже никто не верил. Обвиняемые были освобождены, Мальборо же — под большой залог и представление поручительства. За него поручились Годолфин и Галифакс, которых королева Мария в наказание исключила из членов Тайного совета. Мальборо оставался в большой немилости у двора. Быть может, поэтому он решил повысить свои акции у Якова II. К этому времени относится и печально известное «письмо о заливе Камаре», которое опальный генерал послал (если послал!) в Сен-Жермен.

В XVIII в. про британские войска говорили: «Это армия львов, предводительствуемая ослами». Усилия английских историков поколебать этот нелестный вывод — в той части, которая относилась к британскому генералитету, — не увенчались особым успехом. Но эта оценка не подходит для времени, когда во главе английской армии находился герцог Мальборо (хотя к нам, в Россию, из Франции и пришла малоблагосклонная к нему песенка о собравшемся в поход Мальбруке).

Трудно найти более удачливого военачальника. Мальборо не испытал ни одного серьезного поражения. Некоторые из данных им сражений принадлежат к числу самых крупных побед в английской истории. Воинские успехи Мальборо были следствием не только

его крупного полководческого дарования, редкого хладнокровия, предприимчивости, осторожности, способности к осуществлению оригинальных и сложных стратегических планов, иногда полностью противоречивших общепринятым тогда принципам военного искусства. Способности выдающегося полководца соединялись в нем с качествами проницательного дипломата, проявлявшего нередко исключительную изворотливость и умение то с помощью обволакивающей любезности, то путем головоломного маневра обойти противника, привлечь на свою сторону нужных союзников и добиться успешного исхода самых трудных переговоров. Он умел льстить бездарным союзным генералам, уламывать несговорчивых и подозрительных комиссаров голландских Генеральных штатов, как многоопытный царедворец обхаживал тщеславных германских князей, терпеливо сносил их капризы, льстил, приписывал 60-летним матронам прелести Венеры, а их не видевшим поля боя мужьям — таланты Александра Македонского. Еще важнее, что Мальборо не раз удавалось, объезжая союзные дворы, улаживать разногласия и раздоры между главными участниками антифранцузской коалиции. А после каждой летней кампании он отправлялся в Англию, где сочетал политические речи в палате лордов с участием в придворных интригах, которые плелись вокруг недалекой королевы Анны и от которых в немалой степени зависела судьба вигского министерства, выступавшего за продолжение войны против Франции.

О Мальборо написано множество книг. Однако несколько поколений англичан привыкло представлять себе Мальборо в том образе, в каком он встает со страниц красочной «Истории Англии от восшествия на престол Якова II» знаменитого либерального историка Т. Б. Маколея, вышедшей в свет в 1858 г. и исказившей историю для восхваления вигов. Маколей, однако, был неблагосклонен к Мальборо, который после своих побед в войне за испанское наследство стал кумиром вигской партии. Отчасти это объясняется тем, что повествование в написанных Маколеем томах обрывается как раз на времени, когда развернулась полководческая деятельность Мальборо, контрастом к которой Маколей решил сделать неблаговидное начало карьеры Джона Черчилля.

Маколей не скрывает сомнительных способов обогащения молодого Мальборо. По мнению этого историка, Джон Черчилль принадлежал к числу государственных деятелей, считавших верность убеждениям признаком тупоумия, честность — вздором, патриотизм — пустым звуком. Целью таких людей являлась лишь защита низких, эгоистических интересов, а наиболее пригодными средствами ее достижения почитались измена, вероломство, продажность, готовность сегодня служить любому делу, чтобы завтра оставить его, если это сулило личную выгоду. Мальборо превосходил в этом отношении всех политиков своего времени. Он был одинаково способен с холодной невозмутимостью совершить и поступок, требующий исключительной отваги, и мелкую гнусность, если она только вела к его пользе.

Считалось, что Черчилль, нанесший своей изменой страшный вред Якову и ненавистный для всех якобитов, будет верно служить Вильгельму из чувства самосохранения. Но те, кто так думал, плохо знали Мальборо. Почувствовав непрочность, как тогда казалось, трона Вильгельма, Черчилль решил устроить так, чтобы при возможном возвращении Якова сохранить свое высокое положение и богатства. Не прошло и двух лет после того, как он покинул лагерь Якова и бежал к Вильгельму, и в Сен-Жермен, где жил изгнанный король, стали приходить письма, выражающие самое глубокое раскаяние. «Мои преступления, — говорилось в одном из этих писем, — являются мне теперь в их настоящем виде, и я содрогаюсь от ужаса при их созерцании. Мысль о них живет со мной днем и ночью. Я сажусь за стол, но кусок не идет в горло; я кидаюсь на кровать, но сон бежит от меня. Я готов пожертвовать всем возможным, пренебречь всем дорогим, обратить в прах мои богатства, лишь бы только избавиться от гнета больной души». При этом, уверяя Якова, что сознание вины мешает ему, Черчиллю, есть днем и отдыхать ночью, он втайне насмехался над своим бывшим повелителем. Потеря полгинеи куда более была Способна испортить его аппетит и расстроить его сон, чем все ужасы встревоженной совести. Целью Мальборо было отобрать у Якова документ, в котором содержалось бы прощение за измену. Однако наученный горьким опытом Яков соглашался помиловать Мальборо, только если он загладит свое предательство какой-то исключительно важной услугой делу Стюарюв. «Прежняя его измена, сопряженная со всем, что могло сделать ее неподражаемой, — пишет Маколей, — поставила его в то неловкое и

затруднительное положение, в котором находится всякий артист, после юго как создаст свой шедевр. Мальборо теперь нужно было превзойти себя самого, затмить прежний блеск новым, еще более ярким. И действительно, второе его мастерское дело в искусстве измены могло возбудить удивление даже у тех, кто вполне оценил достоинства первого. Чтобы почитатели его талантов не могли сказать, что во время революции он изменил своему королю по каким-то другим, а не по эгоистическим мотивам, Мальборо решил теперь изменить своему отечеству. Он послал в Сен-Жермен план тайной экспедиции, подготовленной Вильгельмом против Бреста, и Яков передал этот план Людовику XIV. В результате экспедиция окончилась провалом, и более 1000 английских солдат сложили свои головы на французском берегу для того, чтобы удостоверить Якова в раскаянии лорда Мальборо». Такую оценку давал вигский историк характеру Мальборо, основывая ее прежде всего на тайном послании Черчилля в Сен-Жермен, получившем название по месту неудачной высадки английского десанта «письмо о заливе Камаре». Маколей, как и почти все современные ему историки, не сомневался в подлинности этого письма, занимающего важное место в летописях разведки. С конца XIX в. вопрос о подлинности письма Мальборо стал предметом ожесточенных споров в английской историографии. Споров, от исхода которых зависит наше представление о многих событиях тайной войны после «славной революции» 1688 г.

Основной вопрос — откуда французы получили сведения о подготовке английской экспедиции? Примерно через полвека после рассказанных событий, в 1741 г., в библиотеку Шотландского колледжа в Париже поступили бумаги Дэвида Нэрна, начальника канцелярии якобитских министров Мелфорта и Мидлтона, — около дюжины томов оригиналов и копий переписки претендента (сына Якова II) и его приближенных со своими сторонниками, в том числе и письмо Мальборо.

Уже через несколько месяцев, в начале 1742 г., к бумагам проявил повышенный интерес ученый-историк и одновременно разведчик Джон Кэрт (английский министр Уолпол подослал его с тайными поручениями к претенденту, явно пытаясь одурачить главу якобитов). Путем подкупа или просто кражи Кэрт сумел заполучить бумаги Нэрна. Это все происходило за несколько лет до последней попытки восстания якобитов в 1745 г., и добыть их архивы было важно отнюдь не только в интересах исторической науки. Через много лет, уже после смерти Кэрта, якобитская корреспонденция была передана его вдовой в Бодле-ану — библиотеку Оксфордского университета, но вскоре часть бумаг была опубликована в Лондоне под названием «Подлинные документы, содержащие историю Великобритании от Реставрации до перехода престола к Ганноверской династии». Издателем этих материалов был не кто иной, как Джеймс Макферсон, прославившийся публикацией поддельных древнекельтских сказаний — знаменитого «Оссиана». Доказательства его подложности были приведены много позже, но сомнения в подлинности были высказаны вскоре после появления первого издания мнимого кельтского эпоса, причем таким крупным литературным авторитетом, как известный критик Самуэль Джонсон. В ответ Макферсон представил копии древнекельтских оригиналов, которые являются несомненно мастерской поэтической стилизацией. Таков был издатель бумаг Нэрна.

Репутация Макферсона как виртуозного мистификатора, конечно, была принята в расчет теми историками, которые пытались подорвать доверие к опубликованным им документам. Маколей, как уже говорилось, не сомневался в аутентичности «письма о заливе Камаре». Но ему возражал Д. Пейджет. Всемирно известный историк не удостоил ответом эти возражения, возможно, считая, что годы предадут забвению старания его оппонента. Так вначале и случилось. Однако, как не без ехидства заметил вмешавшийся в следующем веке в эту дискуссию Уинстон Черчилль, время — вещь долгая. Доводы Пейджета были еще в конце XIX столетия подхвачены другими исследователями.

В 1894 г., ровно через два века после отправления «письма о заливе Камаре», им занялся историк Е. Ллойд. Это письмо, дошедшее до нас только в копии, являлось зашифрованным сообщением, посланным генералом Эдвардом Сэквилом якобитскому министру Мелфорту и содержащим план высадки отряда генерала Толмэша. Сэквил же будто бы получил эти сведения от Мальборо. Е. Ллойд доказывал, что французы узнали о подготовке экспедиции из других источников (в частности, от лорда Годолфина) и начали оборонительные работы задолго до получения письма от Сэквила. Иначе говоря, Мальборо сообщал якобитам и французам

лишь то, что было им и так известно.

Через три года, в 1897 г., А. Парнел уже повел атаку на самую подлинность письма, доказывая, что сохранившаяся копия была сочинена или, во всяком случае, сильно изменена по сравнению с оригиналом и что это было проделано Дж. Макферсоном, человеком с якобитскими симпатиями. Парнел пытался отрицать связь с якобитами не только Мальборо, но и других лиц из окружения Вильгельма III. В 1920 г. Д. Дэвис убедительно показал несостоятельность доводов Парнела. И, наконец, в спор ввязался не кто иной, как Уинстон Черчилль — дальний потомок Мальборо.

Уинстон Черчилль приступил к составлению жизнеописания Мальборо в годы вынужденного удаления от государственных дел. Позади остались разрыв с торийской традицией семьи, участие в либеральных правительствах, возвращение в 20-х годах XX в. в ряды консерваторов. Однако часть руководителей тори не простила У. Черчиллю ни его прежнего либерального отступничества, ни умения более проницательно, чем они, оценивать политическую ситуацию. Время руководства страной во второй мировой войне было еще впереди, но и в начале 30-х годов У. Черчилль мог во взлетах и падениях собственной политической карьеры усматривать аналогию с перипетиями жизненного пути своего прославленного предка. Для Уинстона Черчилля Мальборо — полководец, закрепивший своими победами буржуазный политический строй в Англии, заложивший своей борьбой против притязаний Людовика XIV на европейскую гегемонию основы для осуществления Великобританией ее «исторической миссии» — создания Британской империи. Недаром в предисловии к своему многотомному «Мальборо» Черчилль пишет о том, что угроза, которая олицетворялась «королем-солнцем», была такой же или даже большей, чем опасность, исходившая от Наполеона или кайзера Вильгельма II (и Гитлера — добавлялось в трудах, вышедших из-под пера Черчилля в последующие десятилетия).

Реабилитация Мальборо была тем нужнее, что его сурово обличали люди, носившие самые прославленные имена в английской литературе и историографии, — Свифт и Поуп, а через столетие — Теккерей и Маколей. «Я колебался, следует ли предпринимать этот труд, — пишет Черчилль. — Однако двое из наиболее одаренных людей, которых мне довелось знать, настойчиво советовали мне взяться за работу. Лорд Балфур со всей редкой утонченностью его большого ума, холодного, критического и склонного подвергать все исследованию, убеждал меня в этом с покоряющим воодушевлением». Лорд Розбери сказал: «Конечно, вы должны написать о герцоге Джоне (как он всегда называл его). Это был потрясающий человек». Я ответил, что с детства читал все, что мне попадалось на глаза, о нем, но рассказанная Маколеем история предательства экспедиции против Бреста является препятствием, которое я не мог преодолеть. Тогда старый, уже с трудом передвигавшийся государственный деятель поднялся из-за обеденного стола и направился вдоль полок прямо в один из уголков своей обширной рабочей библиотеки, твердо зная место, где стояло исследование Цейджета. «Здесь, — сказал он, беря в руки этот неизвестный теперь, труднодобываемый шедевр, — здесь содержится ответ Маколею».

Два премьер-министра (один — консервативный, другой — либеральный), подталкивающие министра, который был членом либерального и консервативного правительств, а впоследствии стал главой консервативных и коалиционных кабинетов, к восхвалению Мальборо, который ухитрялся не раз занимать место и среди тори, и в рядах вигов! Картина достаточно красочная и сама по себе, и тем более в том свете, что этот социальный заказ на апологию сопровождается прощением предательства, вовсе не опровергнутого Пейджетом.

Разумеется, Уинстон Черчилль пытается отвергнуть как клевету все пятнающее доброе имя Мальборо, утверждая, что наветы позаимствованы Маколеем и другими историками у авторов скандальной хроники тех лет. Это действительно так, но трудно было ожидать, чтобы сомнительные похождения молодого офицера были отражены в протоколах Тайного совета или в других правительственных бумагах. Впрочем, в некоторых случаях такие официальные свидетельства все же имеются, например нотариальные документы о различных имущественных приобретениях Мальборо явно за счет подарков его поклонниц. В таких случаях Уинстон Черчилль строит свою защиту, ссылаясь на нравы эпохи и на то, что ведь даже

в XX в. в Англии часто женятся на деньгах. Впрочем, защита не могла достигнуть цели. «В двадцать лет он делал деньги из своей красоты и силы, в шестьдесят — из своего гения и славы» — эта уничтожающая фраза Маколея о Мальборо так и остается, по существу, неопровергнутой.

Уинстон Черчилль использует для атаки против традиционной истории «письма о заливе Камаре» и другое средство — новую интерпретацию событий тайной войны XVII в. Правда, эта тема имеет для него и самодовлеющее значение. Вернее будет сказать, что сам вопрос о роковом письме рассматривается для апологетического жизнеописания Мальборо и для возвеличивания современных ему английских политиков путем нового объяснения их связей с якобитством. Ведь обычно их портреты, жалуется Черчилль, «скорее напоминают китайских мандаринов, чем европейских государственных деятелей». Это касается Мальборо, Шрюсбери, адмирала Рассела, Годолфина, Сандерленда, Галифакса, позднее Сомерса и других менее крупных фигур. Их обвиняют в том, что они вступили в связь с изгнанным королем и предательски выдавали ему государственные секреты, военные планы, обещали отвратить армию от исполнения ее долга, распахнуть двери страны перед иностранным вторжением и обеспечить реставрацию с помощью французских штыков.

Отметим между прочим, что ни сам Вильгельм Оранский, ни королева Мария отнюдь не были лестного мнения о деятелях 1688 г. Вильгельм в доверительных разговорах с маркизом Галифаксом именовал чуть ли не всех их «умалишенными», «слабоумными», «болванами» и даже своего собеседника окрестил хамелеоном. А считавшаяся мягкосердечной королева Мария называла графа Девоншира слабовольным упрямцем, графа Дорсета — лентяем, Пемброка — сумасшедшим, а Мальборо — «никогда не заслуживавшим ни доверия, ни уважения» и т.д. (подборку этих комплиментов приводит английский историк Д. Уэстерн в своей книге «Монархия и революция», изданной в 1.972 г. в Лондоне).

Как уже говорилось, Уинстону Черчиллю не раз приходилось снимать вину с Мальборо за те или иные поступки ссылками на нравы эпохи. Теперь же для защиты Мальборо подобного рода ссылки подвергаются осмеянию как самодовольное морализирование потомков за счет греховности предшествующих поколений. Черчиллю кажется невероятным, чтобы обладавшие столь громкими именами знаменитые государственные деятели оказались способными на приписываемую им низость. В том числе, конечно, и Мальборо. Следовательно, нужно проверить документальные доказательства выдвинутых обвинений и установить, не являются ли они клеветой. Оказывается, что, если отбросить ходившие тогда слухи, отразившиеся в корреспонденции и мемуарах современников, эти обвинения основываются на том, что писали о министрах и генералах Вильгельма III якобиты из окружения Якова II. Не имеется ни оригиналов, ни даже достоверных копий писем лиц, прослывших изменниками (за исключением «письма о заливе Камаре», о котором еще пойдет речь). Это настораживает-ведь в архиве Вильгельма III сохранились оригиналы многих писем, посланных незадолго до «славной революции» 1688 г., включая письмо Мальборо от 4 августа. Они, пока правил Яков II, являлись несомненным доказательством государственной измены. Таким образом, Мальборо не боялся риска, связанного с посылкой таких писем. Тем более странным является отсутствие подобных оригиналов в якобитском архиве. Ведь они являлись бы известной гарантией верности приславших их лиц. Для Якова II, отлично знавшего, с кем он имеет дело, было бы естественно потребовать в обмен на свое прощение хотя бы письменных заверений в лояльности. И если бы они были получены, для якобитов было чрезвычайно важно тщательно хранить их как необходимое оружие в политической борьбе. Существуй письма такого рода, они наверняка дошли бы до нас, подобно другим, значительно менее важным бумагам. Поскольку же их нет, тем большее значение приобретает единственный источник, свидетельство которого может иметь серьезный вес в интересующем нас деле. Речь идет о мемуарах самого Якова II. После его смерти они хранились в Шотландском иезуитском колледже в Париже (этому имеются бесспорные документальные доказательства). Во время французской революции в 1793 г. некий Шарпантье попытался вывезти рукопись в Англию, но по дороге был арестован. Жена Шарпантье, опасаясь, что королевский герб на переплетах может скомпрометировать ее мужа в глазах революционных властей, сначала зарыла рукопись в саду, а потом для верности выкопала и сожгла.

Однако еще в начале XVIII в. сын Якова Ц, так называемый «старый претендент», приказал на основе мемуаров и других материалов составить биографию отца. Она была написана неким Диконсоном в Сен-Жермене и хранилась в том же Шотландском колледже, где с ней уже в XVIII в, могли ознакомиться английские путешественники. В начале XIX в. манускрипт после долгих странствий попал в Англию и был опубликован в 1816 г. Хотя в биографии, несомненно, широко цитируются и излагаются мемуары Якова II, Диконсон дополняет их другими данными, толкуемыми так, как это считалось нужным, с точки зрения якобитов, в первые годы XVIII в. Неясно, читал ли историк и разведчик Кэрт — тот самый, который купил и привез часть якобитских архивов в Англию, — сами мемуары Якова II или биографию, написанную Диконсоном. Что же касается привезенных Кэртом бумаг Нэрна, изданных Джеймсом Макферсоном, то они, несомненно, представляют собой явно один из источников, которым ранее пользовался Диконсон. Однако, самое главное, мемуары Якова II оканчиваются описанием реставрации Стюартов в 1660 г. Об этом свидетельствует впервые опубликованное У. Черчиллем письмо Томаса Айнеса, брата, а потом и преемника главы Шотландского колледжа, от 10 января 1741 г. Следовательно, все, что говорится в написанной Диконсоном биографии Якова II о событиях после 1660 г., основано не на мемуарах короля, а на других материалах, главным образом на уже упоминавшихся документах и, возможно, еще каких-то неизвестных нам бумагах Нэрна. По существу, бумаги Нэрна и их пересказ Диконсоном — один и тот же источник, и это — единственный источник, на основании которого последующие историки, и в первую очередь Маколей, строили свои обвинения против Мальборо и других приближенных Вильгельма III. Следовательно, весь вопрос в том, сообщают ли правду якобитские бумаги. Чтобы ответить на него, надо выяснить, во-первых, не было ли у якобитских министров и разведчиков (нередко так называли одних и тех же лиц) мотивов исказить истину, и, во-вторых, известна ли была им эта истина, не находились ли они по каким-то причинам в заблуждении относительно подлинного положения вещей.

Яков II, его семья, придворные, немногочисленный отряд его гвардейцев — все они жили за счет Людовика XIV. А милости «короля-солнца» и особенно их масштабы (если не считать отдельных сентиментальных порывов, определяемых сочувствием к изгнанному собрату) целиком определялись интересами французской внешней политики. Единственным способом побудить версальский двор к щедрости было доказать, что якобиты могут рассчитывать на поддержку целого ряда влиятельных людей в Лондоне и что оказываемая помощь может оказаться наилучшим способом нанесения удара Вильгельму III. Якобитам было выгодно изображать Англию готовой к восстанию против Вильгельма, как только на британской земле высадятся французские войска. Это стало главной задачей якобитского министра и главы секретной службы лорда Мелфорта и его помощника Дэвида Нэрна. Однако правительство Людовика XIV имело свои собственные источники информации о политической ситуации в Англии и воспринимало передававшиеся ему якобитами сведения с большой долей скептицизма. О предательстве Мальборо и других политических лидеров говорят отчеты якобитских агентов Балкли, Ллойда (или Флойда) и полковника (потом генерала) Сэквила, посланные в 1691 г., даже только их пересказ Диконсоном. Однако из этих отчетов явствует лишь, что и Мальборо, и адмирал Рассел, и Годолфин, и Галифакс ограничивались неопределенными обещаниями и благими пожеланиями. Не известно к тому же, в какой мере эти весьма туманные обязательства были результатом «редактирования» Мелфортом и Нэрном отчетов своих агентов.

Конечно, нельзя отрицать, что Мальборо и другие приближенные Вильгельма III поддерживали связь с Сен-Жерменом. Мальборо не прекращал этих контактов на протяжении целой четверти века, хотя при жизни Вильгельма избегал вести переписку. Поэтому в самом факте переговоров якобитских агентов с Мальборо вряд ли приходится сомневаться, другое дело, что содержание некоторых их бесед могло быть искажено или даже придумано от начала до конца.

В годы правления Вильгельма целью Мальборо и других министров было застраховать себя на случай совсем не исключавшейся реставрации Стюартов и получить письменное прощение Якова за свою измену в 1688 г. Якобит Томас Брюс, граф Эйлсбери, знавший Мальборо с молодых лет и оставшийся потом с ним в дружеских отношениях, писал в своих

мемуарах, что Вильгельм III разрешил Мальборо, Годолфину и Шрюсбери, а также лорду Сандерленду поддерживать связь с Сен-Жерменом. Они уверили Вильгельма, что таким образом смогут снабжать Мидлтона (министра Якова II и соперника Мелфорта) ложной информацией и выведывать тайные намерения якобитов. По мнению Эйлсбери, так и случилось на деле. Вероятно, утверждения Эйлсбери можно считать преувеличением, но Вильгельм III явно смотрел сквозь пальцы на старания многих его придворных «помириться» с Сен-Жерменом. Что побудило Вильгельма III избрать такую линию поведения? Он понимал, что не может править Англией без помощи этих влиятельных людей, и мудро рассудил, что, как бы ни пытались они перестраховаться на случай реставрации, они никак не будут ей содействовать, а, напротив, приложат усилия к тому, чтобы ее предотвратить. Поэтому он спокойно слушал признания своих министров о предложениях, которые им делались якобитской агентурой, и о том, что они сообщали в ответ для дезинформации сен-жерменского двора. Вильгельм знал или подозревал о связях Шрюсбери с якобитами и неоднократно назначал его на высшие государственные посты. Вильгельму было известно о переговорах Рассела с якобитами, но он оставлял его командующим флотом, причем это доверие было оправдано победой адмирала над французской эскадрой у мыса Ла-Ог. Точно так же для Вильгельма не было секретом, что Мальборо сохранял связи со своими родственниками, последовавшими за Яковом II во Францию, и получил от того прощение (вероятно, по просьбе принцессы Анны, подруги леди Мальборо).

Мальборо не прерывал контактов с якобитами на протяжении правления королевы Анны, то есть всех лет войны за испанское наследство, когда он возглавлял английские и союзные войска, сражавшиеся против французов в Бельгии и германских государствах. Но это уже был просто военный камуфляж. Так, в 1702 г. Мальборо хочет навязать французам решительное сражение — и принимает у себя в лагере якобитского эмиссара, давая ему очередные загадочные обещания. Или в 1708 г., осаждая Лилль, он завязывает активную переписку со своим племянником французским маршалом герцогом Бервиком, возможно, с ведома главы голландского правительства Хейнсиуса, о мирных переговорах. Цепь интриг, обещаний, намеков, хитросплетений, слухов — а затем быстрый, сокрушительный удар. Такова была система Мальборо. Якобиты жаловались, что никогда не могли получить от него ничего определенного. Он не предавал ради них никого и ничего, но питал их надеждами, что когда-нибудь предаст все и вся. Якобиты поэтому имели все основания клеветать на Мальборо и пытаться очернить его память. Враждебно настроенные историки приписывают Мальборо исключительно своекорыстные, узкоэгоистические мотивы поведения, но именно из личных интересов он должен был всячески препятствовать реставрации Стюартов. Они могли скрепя сердце простить «архипредателя», но его политической и военной карьере наверняка пришел бы конец. Какой же смысл было ему при жизни Вильгельма желать новой реставрации, когда наследницей престола являлась принцесса Анна, находившаяся целиком под влиянием Сары Мальборо. Это последнее обстоятельство все же дошло до сознания некоторых якобитов, которые без санкции Сен-Жермена пытались скомпрометировать Мальборо в глазах Вильгельма в 1691 г., обвиняя его в заговоре с целью возведения на престол принцессы Анны.

«Письмо о заливе Камаре» датируется 3 мая 1694 г. К этому времени острота конфликта Мальборо с Вильгельмом прошла, но он по-прежнему был исключен из состава Тайного совета и не занимал никаких официальных постов. В письме, сохранившемся только во французском переводе, выполненном в Сен-Жермене (к нему приложена сопроводительная записка якобитского агента генерала Сэквила), Мальборо сообщает, что целью английской экспедиции является Брест. Уже во второй половине XIX в ряд авторов привели доказательства, что французы еще ранее из других источников получили сведения о намеченном нападении на Брест и начали приготовления к отражению атаки уже в апреле. Таким образом, по мнению У. Черчилля, Мальборо, даже если он и написал свое письмо с целью добиться расположения Якова II, не сообщил Людовику XIV ничего, что уже не было известно французской разведке. Вместе с тем Мальборо не могла быть известна степень осведомленности Парижа. Поэтому, посылая свое письмо, Мальборо умышленно шел на изменническое разглашение военной тайны, даже если она ранее была выдана кем-то другим. Подобный поступок, каковы бы ни были нравы эпохи, в конце XVII в. считался для военного таким же черным предательством,

как и в последующие времена.

Однако могут ли совмещаться в одном человеке величайшая воинская доблесть с подлейшим воинским преступлением — в уравновешенном, нормальном человеке, а не маньяке или чудовище? Мог ли он обречь на смерть сотни своих товарищей и притом в обмен на весьма сомнительную и небольшую выгоду? Уже говорилось, что Мальборо мог только потерять от Реставрации. В 1693—1694 гг. у власти находились его друзья и союзники. Наряду со Шрюсбери и Годолфином он приобрел на крупную сумму — 10 тыс. ф. ст. — акции только что основанного Английского банка — детища нового режима, возникшего после «славной революции». Так что финансовые интересы, единственно дорогие, по мнению Маколея, сердцу Мальборо, тоже заставляли его противиться Реставрации.

Якобит Джон Дэлримпл, автор мемуаров, изданных в 1773 г., уверял, что видел в Шотландском колледже написанные рукой Якова II мемуары, в которых утверждалось, что тот получил письмо от Джона Черчилля о предполагаемой английской атаке против Бреста. Дэлримпл свидетельствует, что во время острой внутриполитической борьбы в конце правления королевы Анны один из лидеров тори, Роберт Харли, граф Оксфорд, добыл у якобитов оригинал письма Мальборо и герцог должен был в 1712 г., опасаясь за свою жизнь, уехать в изгнание в Брюссель. После его смерти герцогиня Мальборо ухитрилась добыть и уничтожить документ, столь губительный для репутации покойного генерала. Уинстон Черчилль иронически замечает, что, согласно этому объяснению, если оригинал существовал, он доказывал виновность герцога Мальборо, если же он отсутствовал, то это доказывает виновность герцогини. По другой версии, Роберт Харли, который после воцарения Ганноверской династии попал в 1715 г. в Тауэр, получил от якобитов роковое письмо и сообщил об этом Мальборо, который добился снятия обвинений в измене, выдвинутых против вождя тори. Разумеется, эти две версии противоречат друг другу. Вероятно, они являются искаженной передачей одного и того же слуха, ходившего в политических кругах Лондона или среди эмигрантов-якобитов. Впрочем, слухов было много: еще, например, утверждали, что Мальборо требовал сурового наказания Харли, а когда вигские лидеры Уолпол и Таунсенд выступили против этого, герцога от ярости хватил удар, от которого он так и не оправился. На деле, хотя Мальборо в 1715 г. был восстановлен в должности главнокомандующего, которой он лишился в годы временного торжества тори, герцог не вернул себе былого влияния и не мог определять судьбу заключенного в Тауэре Харли.

К сохранившемуся французскому переводу «письма о заливе Камаре» (он написан почерком Нэрна), как уже отмечалось, было приложено сопроводительное письмо генерала Сэквила. Его заголовок гласит, что это перевод шифрованного донесения Сэквила. Иначе говоря, даже если Сэквил имел оригинал письма, в Сен-Жермен был доставлен не собственноручно написанный Мальборо текст, а шифровка Сэквила. Маловероятно, чтобы столь опытный конспиратор, как Мальборо, понимая, что речь идет о его голове, согласился передать написанное собственной рукой письмо и тем самым поставить свою судьбу в зависимость от ловкости какого-либо из якобитских лазутчиков, доставлявших секретную корреспонденцию из Англии. Так что, даже если бы оригинал письма существовал, он наверняка был бы уничтожен Мальборо и Сэквилом ночью 3 мая 1694 г. На деле же каждое звено в доказательстве «предательства» Мальборо было подделано его врагами-якобитами.

В переводе письма Сэквила имеется вставка, написанная рукой лорда Мелфорта, о том, что содержание депеши следует держать в тайне «даже от лорда Мидлтона». Мелфорт был представителем крайнего католического крыла якобитов. Протестант Мидлтон считался сторонником компромисса, который допускал согласие Якова в случае реставрации сохранить полномочия парламента и позиции англиканской церкви. В 1694 г. Яков II стал явно поддерживать линию Мидлтона. Мелфорту грозила полная отставка, и он решил доказать свою незаменимость в качестве главы якобитской разведки, сфабриковав для этой цели письмо Мальборо. Действительно, зачем было Мальборо стремиться поддерживать связь только с Мелфортом в обход Мидлтона, который был наиболее подходящим партнером в случае переговоров с якобитами? Доказано, что Мелфорт не раз изменял содержание получаемых писем. Еще одним свидетельством фабрикации является заголовок «письма о заливе Камаре» — «Перевод письма лорда Черчилля от того же числа на имя короля Англии». Мальборо

никогда не использовал бы столь бесцеремонное обращение и не писал бы, обращаясь к королю, «Вы», а не «Ваше Величество»; королевские титулы аккуратно воспроизводились якобитскими агентами даже в их шифрованной переписке. В письме упоминается его «податель» — это явно не Сэквил, который написал особое сопроводительное письмо. Мальборо, находясь в Англии, не мог быть уверен в том, кто будет «подателем» письма в Сен-Жермене. Некоторые фразы писем Мальборо и Сэквила почти буквально совпадают, поэтому трудно представить себе, что они были написаны независимо друг от друга. Вероятно, их написали совместно не Мальборо и Сэквил в Лондоне, а Мелфорт и Нэрн в Сен-Жермене. Мелфорт знал все, что излагалось в «письме о заливе Камаре», — ему уже несколько недель было известно о плане атаки, против Бреста, его агент Флойд известил о беседах с Расселом и Годолфином. Детали, якобы сообщенные Мальборо, могли быть получены от рядового шпиона, посетившего портсмутские доки и наблюдавшего подготовку флота к отплытию. Следовательно, в содержании письма не было ничего, что не могло бы быть написано Мелфортом и Нэрном без участия Мальборо.

Такова аргументация, выдвинутая У. Черчиллем в его биографии Мальборо и в значительной части воспринятая рядом новейших исследователей. Однако даже М. Ашли, участвовавший в сборе архивных материалов для книги Уинстона Черчилля и много лет спустя (в 1968 г.) (публиковавший монографию «Черчилль как историк», считает, что адвокат Мальборо попытался доказать слишком многое.

Не будем останавливаться на доводах о «чести» — она слишком часто оказывалась очень гибким аргументом у английских придворных, генералов и министров, чтобы подобные доводы могли иметь какой-либо вес. Что Мальборо не желал реставрации ни в 1693—1694 гг., ни позднее об этом никто и не спорит. Он хотел лишь обеспечить свои интересы на случай возвращения Якова II, и из его жизненного пути никак не следует, чтобы он считал чужую кровь слишком дорогой ценой за такую перестраховку. Другой вопрос, что Мальборо, возможно, хотел обезопасить себя и отправил в Сен-Жермен зашифрованный Сэквилом текст своего письма, а не собственноручно написанный оригинал (и слухи, что герцога шантажировали угрозой представить автограф, были вымышленными). Поэтому само по себе отсутствие автографа не является серьезным доводом против виновности Мальборо. Те же аргументы, которые выдвигает У. Черчилль против подлинности письма путем критики его текста, отпадают, поскольку известен лишь французский перевод, к тому же сделанный с шифрованной депеши Сэквила. Сокращения и искажения при шифровке и расшифровке письма при его несколько вольном переводе на французский язык и исправлениях этого перевода могут легко объяснить появление вызывающих недоумение слов и выражений. Кроме того, У. Черчилль игнорирует то, что часть из них, включая просьбу держать содержание депеши в тайне от лорда Мидлтона, находится не в письме Мальборо, а в сопроводительной записке генерала Сэквила. А у этого якобитского резидента могли быть свои, неизвестные нам причины не доверять Мидлтону. Возможны даже «приписки» Мелфора и Нэрна, но и они не являются абсолютным свидетельством против подлинности.

Конечно, при отсутствии оригинала нельзя доказать и то, что письмо не является подделкой Мелфорта и Нэрна. В значительной своей части аргументация Уинстона Черчилля повторяет доводы, которые еще в 1896 г. были высказаны (в статье в «Английском историческом обозрении») А. Парнелом. Уинстон Черчилль упоминает в подстрочном примечании об этой статье, но не о своих заимствованиях из нее. Он приводит также в сноске статью на эту же тему Д. Дэвиса («Английское историческое обозрение», 1920 г.), но не сообщает читателю, что в ней подвергнуты уничтожающей критике выводы Парнела. Правда, У. Черчилль молчаливо признает неотразимой часть критики Дэвиса, опуская в своем изложении явно несостоятельные утверждения Парнела. Ведь тот считал возможным, что бумаги Нэрна вообще были подделаны первым издателем Макферсоном. Эта точка зрения опровергается тем фактом, что до Макферсона бумаги Нэрна видело еще несколько человек, использовавших их для своих исторических сочинений (граф Хардуик, Дж. Дэлримпл и др.). Все они были живы в 1775 г., и никто из них не обвинил Макферсона в подлоге. Остается лишь предположить, что бумаги подделаны самими Нэрном и Мелфортом. В бумагах встречаются противоречия, явно неправдоподобные сведения, легко объяснимые лишь в том случае, если в

них пересказаны по-французски отчеты якобитских шпионов. Уверения графа Эйлсбери, что Вильгельм III разрешил Мальборо, Расселу и другим министрам переписку с Сен-Жерменом, не выдерживают критики. Эйлсбери, который писал свои мемуары после 30 лет изгнания, мог знать о том, что было известно в якобитских кругах, но явно не был посвящен в тайны двора Вильгельма III. После обвинений, выдвинутых Фенвиком, Шрюсбери специально оправдывался перед Вильгельмом. Какой смысл это имело бы, если переговоры с якобитами велись с согласия короля? Герцогиня Мальборо, когда она в старости выпустила печатное оправдание своих поступков, также не ссылается на подобное разрешение Вильгельма III. Утверждения Эйлсбери явно находятся в противоречии и с тем фактом, что Мальборо даже угодил в 1691 г. в Тауэр по оказавшимся в данном случае ложным обвинениям в сотрудничестве с агентами Якова II. Есть прямое указание, что Вильгельм был возмущен флиртом Мальборо с якобитами.

К этим доводам Д. Дэвиса, которые сознательно игнорировал У. Черчилль, можно добавить и другие. Утверждение У. Черчилля, что слова Якова II о выдаче Мальборо планов экспедиции не были написаны свергнутым королем, может быть опровергнуто. Скептически относящийся к «неудобным» якобитским источникам, У. Черчилль безоговорочно принимает на веру свидетельство ректора Шотландского иезуитского колледжа, что мемуары Якова II были доведены до событий 1660 г. Бросается в глаза, что ректор заявлял это только о тексте мемуаров, который находился в колледже и вовсе не обязательно был полным текстом. В 1695 г. Яков II сообщил кардиналу Бульонскому, который готовил тогда биографию маршала Тюренна, что он, Яков, год за годом описывает свою жизнь. Об этом свидетельствует А. М. Рамсей в «Истории Тюренна», напечатанной в 1735 г. в Париже (книга Рамсея осталась неизвестной У. Черчиллю). Наконец, нужно учесть мнение такого крупного историка, как К. Фейлинг, считавшего, что биография Якова II, написанная Диконсоном, основана если не на мемуарах низложенного короля, то на каких-то его записях и бумагах. Так что отвергнуть свидетельство Якова II возможно, если и его считать обманутым Мелфортом и Нэрном.

Сто имен автора Робинзона Крузо

…В 1702 г. в Лондоне появилась анонимная брошюра «Кратчайший способ расправы с диссидентами». На первый взгляд это было произведение лютого реакционера-тори, ярого сторонника государственной англиканской церкви, призывавшего искоренять приверженцев различных протестантских сект каторгой и виселицами. Но вскоре стало очевидным, что этот уже почти неправдоподобно «свирепый» памфлет был явной пародией на торийских церковников. И обнаружен его автор — виг, лондонский купец, несколько раз наживавший состояние и терявший приобретенное в новых спекуляциях, еще недавно доверенное лицо короля Вильгельма. Именно этому человеку, сменившему за свою жизнь добрую сотню псевдонимов и написавшему много различных произведений, было суждено обрести бессмертие благодаря одной книге, название которой — «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо».

Но это случилось позже, а пока Даниель Дефо был брошен за дерзкую сатиру в лондонскую тюрьму Ньюгейт без указания срока заключения, смягчить наказание могла королева по своему «благоусмотрению». Рукопись памфлета была сожжена рукой палача; самому Дефо пришлось вдобавок не только уплатить большой денежный штраф, но и трижды выстоять у позорного столба. Дефо не унывал. Он даже написал «Гимн позорному столбу» (1703 г.), в котором выступал с защитой свободы мысли и свободы печати. Но Дефо не был принципиальным и стойким борцом. Тем более что столкновение тори и вигов, в чем он со временем убедился, выродилось в борьбу продажных клик. Несколько месяцев спустя Дефо пошел на примирение с правительством и был выпущен из тюрьмы.

А в 1704 г. достопочтенный Роберт Харли, спикер палаты общин и позднее министр, получил со специальным курьером увесистый пакет. В нем находились 23 страницы, исписанные ровным, разборчивым почерком. Харли ждал этого документа, содержание которого ему было уже сообщено, и, конечно, знал автора Даниеля Дефо, известного романиста. Роберт Харли, получивший титул графа Оксфорда, был выходцем из пресвитерианской семьи, активно выступавшей на стороне парламента во время революции

середины XVII в. Это был не совсем обычный лидер тори, ревностных защитников государственной англиканской церкви и сильной королевской власти. Про сэра Роберта говорили, что он имеет пристрастие лишь к бутылке, не увлекаясь ни дамами полусвета, ни картами, ни конными состязаниями, к которым обычно обнаруживали склонность британские министры. Кроме того, он умел принимать вид наделенного политической мудростью человека, которому, конечно же, должно было быть известно многое, не сообщаемое непосвященным. Харли пытался представить себя сторонником умеренного курса, трезво взвешивающим все «за» и «против» при решении острых вопросов и чуждым крайностей. За всем этим скрывалась леность, которая нередко побуждала Харли коротать дома за бутылкой даже то время, когда парламент обсуждал важнейшие меры. Она покидала его, лишь когда он занимался своим излюбленным занятием — тайными кознями.

На деле Роберт Харли был умным, честолюбивым и абсолютно беспринципным политиком, готовым любыми средствами бороться за сохранение и усиление своей власти. Как заметил один современник (Уильям Каупер), Харли по своему характеру «любил заниматься обманом и интригами не столько по необходимости, сколько ради получения удовольствия от своего хитроумия. Если кому-либо от рождения было предопределено стать мошенником, так это ему». Современники называли его Робином-обманщиком.

Понятно, что Харли с большим вниманием прочел послание Дефо, содержащее проект организации всеобъемлющей шпионской сети для борьбы с врагами правительства как внутри Англии, так и за ее пределами (и, что не менее важно, эта секретная служба должна была вести также слежку за противниками Харли среди министров и сделать его полновластным главой правительства). «Если бы я был министром, — писал Дефо министру, — я постарался бы по возможности знать, что каждый говорит обо мне». Для начала Дефо предлагал создать подобную организацию в Юго-Восточной Англии. Учитывая плохое состояние тогдашних дорог, приводившее в распутицу к изоляции отдельных районов, он рекомендовал ввести регулярную посылку в каждый район секретных агентов, которые должны были доносить о малейших признаках возникновения антиправительственных настроений. Отправляясь в июле 1704 г. в путешествие по стране с поручением сплести шпионскую сеть, Дефо писал министру:

«Я твердо уверен, что эта поездка заложит основание такой разведки, которую еще не знала Англия». Под именем Александра Голдсмита Дефо объехал восточную часть страны, настороженно прислушиваясь к разговорам в гостиницах, тавернах, в дорожных каретах и пытаясь таким образом определить политические настроения людей. При посещении в следующем году западных графств Дефо едва удалось избежать ареста, приказ о котором был отдан местным мировым судьей. Еще большее недоразумение возникло в Уэймаусе, куда прибыло письмо от Харли с инструкциями для Дефо. Письмо было послано на адрес некоего капитана Тернера, но попало по ошибке к его однофамильцу. Тот, естественно, нашел письмо весьма туманным и показал его чуть ли не всему городу в надежде, что найдется кто-либо, умеющий разобраться в этом непонятном послании. В целом, однако, Дефо после своей поездки мог с торжеством сообщить Харли: «Мне кажется, я могу сказать, что составил полное представление об этой части Англии и имею корреспондентов в каждом городе и в каждом уголке».

Хотя предложение Дефо централизовать всю систему правительственного шпионажа не было осуществлено, им была создана эффективная разведывательная организация. В самой Англии одно время у него были 63 агента, часть которых постоянно разъезжала по стране. За границей Дефо имел надежных резидентов, как, например, Джона Дрэмонда в Голландии. Впоследствии Дрэмонд сообщал Харли много дополнительной информации об английских делегатах, участвовавших в мирных переговорах с французами. Информацию доставляли через служанок в гостиницах, через матросов. Специальные агенты наблюдали за французскими гаванями. Была установлена слежка за подозрительными французами, по документам являвшимися священниками или преподавателями иностранных языков. Центрами сбора информации стали Дюнкерк, Брест и Тулон. Дефо старался посылать своих людей в Версаль и Сен-Жермен. Его агентами были, в частности, некий капитан Джон Огилви (ранее якобитский лазутчик, спасенный от петли благодаря вмешательству Харли) и его жена; судя по всему, они успешно выполнили свою миссию, поскольку по возвращении в Англию получили от Харли 40

ф. ст. Им все же повезло, особенно если учесть, что Харли намеренно не торопился платить своим людям, подчас подолгу игнорируя их настойчивые просьбы о присылке денег. Таким путем министр рассчитывал держать агентов в полной зависимости от себя. Шеф Даниеля Дефо любил создавать атмосферу секретности. Письма своим шпионам он подписывал именем купца «Роберта Брайана». И часть его корреспондентов не подозревала, что работает на правительство. Позднее Харли стал даже свои записи делать по-гречески, шифруя их лично изобретенным кодом.

Еще в 1704 г. Харли не без кокетства признался в парламенте, что знает о Шотландии не более, чем о неведомой тогда Японии. А через два года министр стал уже едва ли не самым компетентным экспертом но шотландским делам. Этому способствовала в немалой степени засылка агентов Харли в Шотландию.

Одним из них стал Дефо. В 1706 г. Дефо был послан туда с целью определить отношение населения к намеченному тогда объединению с Англией. Ему предписывалось также ликвидировать в зародыше любые тайные заговоры против Унии.

В разных местах он принимал те или иные обличья. Беседуя с рыбаками, Дефо интересовался рыбным промыслом, купцам говорил, что намерен завести стеклодувное предприятие, льняное или шерстяное производство, с пасторами рассуждал о переводах библейских псалмов, ученым мужам выдавал себя за историка, изучающего отношения между Англией и Шотландией.

А так как время шло и все его предпринимательские помыслы не спешили претворяться в жизнь, то Дефо для объяснения своего длительного пребывания в Шотландии распустил слухи, что он банкрот, скрывающийся здесь от преследования кредиторов (то, что его одолевали кредиторы, было недалеко от истины). «Сэр, — писал при этом Дефо Роберту Харли, — мои шпионы и получающие от меня плату люди находятся повсюду. Признаюсь, здесь самое простое дело нанять человека для того, чтобы он предал своих друзей». Связь Харли с Дефо держалась в глубокой тайне, и другие агенты министра не раз доносили ему, что писатель является опасными человеком.

Поручение, которое выполнял Дефо, оказалось небезопасным. Толпа противников Унии даже разбила стекла дома в Эдинбурге, где остановился англичанин, но ошиблась этажом. Кажется, Дефо удалось в Эдинбурге не только устроить государственные дела, но и отчасти поправить свои собственные. Надевая маску предпринимателя, он, видимо, и в действительности совершил несколько небезвыгодных спекулятивных сделок. Разведка и торговля шли рука об руку. После утверждения акта об Унии Дефо получил (после долгих проволочек) от министра часть следуемого ему вознаграждения. Но когда Дефо вернулся в Лондон, Харли пришлось покинуть свой пост. Тогда Дефо устроился на службу к другому министру

Годолфину и по его поручению снова дважды ездил в Шотландию разведывать планы якобитов.

Дефо был главой секретной службы в течение примерно 10 лет, оставаясь на этой должности при сменявших друг друга правительствах тори и вигов. В конце жизни, когда Дефо было 70 лет, он неожиданно исчез. Ученые два столетия ломали голову над тем, от какого таинственного недруга скрывался знаменитый писатель. Сравнительно недавно удалось добраться до разгадки. Великий романист прятался от самого неумолимого врага — кредиторов, проделав это с использованием всех хорошо знакомых ему приемов секретной службы.

Испанское и английское наследство

В 1700—1714 гг. происходила война за испанское наследство, в которой Англия и ее союзники — Голландия и германский император — выступали против Франции. В начале войны умер Вильгельм III, его преемницей стала младшая дочь Якова II Анна.

Война привела к расширению деятельности английской разведки. Как правило, британские агенты без особого труда даже во время войны находили способы, тайно отправляясь из французских портов, достигать Англии, другие предпочитали более далекий

путь — через Голландию. Многие сведения удавалось добывать в самой Голландии. В 1710 г. министр Роберт Харли писал: «Гаага — центр деловых переговоров и получения разведывательных сведений».

Шпионские функции неизменно составляли часть обязанностей британских послов. Однако иногда разведывательные задания составляли главное в их миссии, а дипломатические поручения представляли собой лишь благовидное прикрытие. Речь могла идти и о сборе информации — такова, например, была основная обязанность полковника Митфорта Кроу, назначенного послом в 1705 г. в Геную. Как прямо было сказано в его инструкциях, формально он направлялся для обсуждения вопросов развития торговли между Англией и Генуей, а в действительности — для сбора информации о ходе восстания в Каталонии против правительства в Мадриде и о передвижениях неприятельского флота. Однако нередко, как и в прошлые времена, основной целью могли быть попытки организации дворцовых переворотов, устранение министров, проводивших неугодную Лондону политику, и т.п.

Часть английских разведчиков подозревали в том, что они являются шпионами-двойниками. Так, адмирал Рук в 1709 г. переслал министру герцогу Шрюсбери сообщения некоего Джона Сорена. Министр ответил, что они, видимо, являются выдумкой, цель которой — добыть взамен информацию о планах английского командования. Поэтому Сорена и его корабль следует продержать длительное время под стражей, пока сведения, которыми он располагает об английском флоте, не потеряют ценности для врага.

Шпионажем от случая к случаю занимались по обычаю или по возникшей необходимости различные ведомства, причем разведывательные организации имели тенденцию превращаться наполовину или целиком в личную разведку лиц, которые являлись главами таких ведомств, как военное, морское, иностранных дел и др. Чаще всего это происходило, когда во главе различных министерств стояли люди, разделенные острым соперничеством в борьбе за власть. Разумеется, в результате получаемая информация не сообщалась другим министрам и могла использоваться в целях, резко отличавшихся от тех, к достижению которых стремилось правительство в целом. Эффективность такой организации в большой мере определялась способностями ее главы. Так, действенность разведки Мальборо целиком была следствием его личного умения и почти безошибочного выбора подходящих помощников. А что в этом отношении мог сделать, допустим, супруг королевы Анны Георг, принц датский, которого королева после восшествия на престол поспешила сделать лордом-адмиралом? Некогда Карл II в сердцах говорил: «Я испытывал его трезвым, я испытывал его пьяным и ничего не нашел в нем». Карл поэтому рекомендовал принцу как средство против тучности «гулять со мной, ездить верхом с моим братом и выполнять свои обязанности в отношении моей племянницы». Георг последовал доброму совету — они имели с Анной 17 детей, которые все умерли в самом раннем возрасте. Если не считать еще охоты, обычное занятие Георга заключалось в том, чтобы стоять у окна и отпускать нелестные замечания о прохожих. Подобная наблюдательность была еще явно недостаточной для шефа секретной службы адмиралтейства.

Действенную секретную службу создал, как уже отмечалось, Мальборо, командовавший английской армией в Голландии. «Нельзя, — говорил он, — успешно вести войну без заблаговременно получаемых точных данных разведки». Мальборо ввел важное нововведение — разделил военную и политическую разведку. Военной ведал майор (позднее генерал) Уильям Кадоген, политической — Адам Кардоннел. Мальборо и наиболее способный генерал императора принц Евгений Савойский, находившийся в Италии, выработали тайно план кампании, которая должна была сорвать наступление маршалов Людовика XIV и тем самым похоронить надежды «короля-солнца» на утверждение французской гегемонии в Европе. Мальборо и Евгений Савойский договорились двинуться навстречу друг другу с севера и юга, соединиться в центре Баварии и там дать сражение французам. Мальборо для успеха необходимо было перехитрить командующего французскими войсками в Бельгии маршала Вильруа и скрыть от него свое намерение двинуться навстречу принцу Евгению. Для этого Мальборо искусными передвижениями совсем сбил с толку бездарного Вильруа. Не принадлежала ли к числу подобных маневров встреча английского главнокомандующего с якобитским агентом Натаниелем Хуком, с которым ему и ранее пришлось дружески беседовать? В своем донесении в Сен-Жермен о новом свидании с Мальборо, датированном 22

апреля 1704 г., Хук сообщал весьма интересные вещи. Мальборо дал множество обещаний, говорил о своем желании исполнить свой долг в отношении законной династии, которую он уже давно признал. «Я не мог сомневаться в его искренности», — добавлял растроганный Хук. Вряд ли это свидание являлось обычной «перестраховкой» со стороны Мальборо. Оно было явно вызвано и стремлением успокоить Людовика XIV относительно намерений английского командующего.

Правда, скрыть движение большой армии было достаточно сложно. Границы почти не охранялись, и разведчику было обычно нетрудно, свободно пересекая их, доставить в свой штаб сведения о направлении вражеской армии. Известия из различных немецких городов о направлении, в котором шли английские и голландские полки Мальборо, регулярно поступали в Париж. Однако по ним еще нельзя было с уверенностью предсказать, куда именно стремится напасть английский полководец. Одно время в Версале считали, что Мальборо собирается атаковать Эльзас, и англичанин, маневрируя, все время пытался создать у противника ложное представление о назначении своего похода.

Не меньшее значение имело получение им подробных сведений о дислокации французских войск. Во время передвижения англо-голландской армии между Кобленцем и Майнцем один из ближайших помощников Мальборо, Адам Кардоннел, получил два интересных письма с приложениями, которые исчезли, но об их содержании можно судить по ответной депеше Кардонелла. В ней выражалась благодарность за пересланный меморандум французского военного министра Шамийяра и за еще один столь же важный документ: они раскрывали военные планы, предписанные Людовиком своим маршалам. Кто же являлся источником этих поистине бесценных тогда для Мальборо сведений? Им был некто Робтон, соединявший функции личного секретаря курфюрста Брауншвейгского и (с разрешения своего господина) обязанности английского шпиона. Робтон получал от Мальборо крупные суммы денег и в течение нескольких лет мог снабжать английское командование подробными разведывательными данными, получаемыми из Парижа. То, что Робтону удалось приобрести и расшифровать французский план кампании на 1704 г. и кружными путями, через Францию и Германию, переслать в штаб Мальборо, имело серьезное значение. Правда, Мальборо к этому времени, то есть к маю, на основе другой информации сам стал догадываться об основном содержании этого плана. Тем не менее теперь он мог действовать с большей решительностью. В июне произошло соединение войск Мальборо и принца Евгения. Письма Мальборо — через посредство Кардоннела — к ряду государственных деятелей союзных держав, датированные 27 июля, показывают, насколько эффективно работала его разведка. Мальборо стало известно о приказе, который отдал Людовик XIV Вильруа, чуть ли не одновременно с этим маршалом. От какого-то весьма осведомленного французского придворного штаб Мальборо получил из Парижа с 1708 по 1710 г. 400 секретных депеш, содержавших массу важных известий. Сведения, которые добывала секретная служба Мальборо, в сочетании с информацией, поступавшей в штаб Евгения Савойского (а тот имел много агентов в Париже, включая даже почтмейстера Версаля), создавали полную картину дислокации вражеской армии, намерений ее командования. Мальборо впадал в ошибку только тогда, когда предполагал, что французские маршалы будут совершать свои маневры с меньшим промедлением, чем это оказалось на деле. 13 августа 1704 г. союзные войска полностью разгромили 60-тысячную французскую армию в сражении при Бленгейме (или Гохштедте). Наступил решительный перелом в войне. Германия была очищена от французских войск. Только отсутствие достаточного единства между союзниками помешало им «перенести войну на французскую территорию. Франции пришлось напрячь все силы, чтобы выставить новую армию. Людовик XIV уже не стремился быть победителем — его целью было теперь лишь избежать капитуляции. В последующие годы Мальборо наносит ряд новых поражений французам в Бельгии: в мае 1706 г. в битве при Рамильи, в июле 1708 г. — при Уденарде, а в следующем году — при Мальпляке.

Считают, что Мальборо затратил на разведку около 340 тыс. ф. ст. Впрочем,, неясно, какая часть из этих денег (как и других средств, отпускавшихся на содержание армии) осела в бездонных карманах самого герцога. Его политические противники требовали, чтобы он дал отчет об использовании ассигнований на секретную службу, но натыкались на негодующий отказ со ссылкой на необходимость соблюдения военной тайны.

В годы войны за испанское наследство у французского двора появились серьезные причины способствовать якобитскому восстанию в Шотландии. Оно должно было заставить английское правительство отозвать с континента значительную часть своих войск. При этом восстание, с французской точки зрения, вовсе не обязательно должно было увенчаться успехом; довольно было бы и того, чтобы оно вспыхнуло и было сочтено в Лондоне достаточно серьезной угрозой. Английское правительство, учитывая постоянную опасность восстаний якобитов, уделяло много внимания контрразведке. Как и в прежние времена, некоторые из английских агентов засылались во Францию с целью выявить якобитских агентов и, используя их, спровоцировать подготовку заговоров, в которые были бы вовлечены (особенно в Шотландии, где якобиты имели много сторонников) влиятельные вожди кланов, чтобы их можно было арестовать за измену. Такова была, например, цель миссии некоего Симона Фрезера, родственника влиятельной семьи Лавет, в 1703 и 1704 гг. Вернувшись в Шотландию с заданием подготовить высадку французского десанта, Фрезер немедленно сообщил об этом английским властям в Эдинбурге. Однако поставленная перед ним задача скомпрометировать герцога Атолльского, убедив его принять участие в заговоре, не удалась, хотя Фрезер, видимо, даже подделал письмо герцога к сыну Якова II, после смерти отца ставшему и глазах якобитов «законным» королем Англии и именовавшемуся лондонским правительством «претендентом».

После всего этого шпион имел неосторожность снова появиться во Франции, но якобиты и французские власти оказались уже осведомленными о его подлинной роли, и Фрезер был посажен в тюрьму Ангулемского замка.

Агенты английской секретной службы использовали и другой прием — входили в доверие к французским разведчикам, засылавшимся в Англию, и дезинформировали их.

Очень важного лазутчика французского морского министра де Торси якобита Натаниеля Хука попросту обвел вокруг пальца уже упоминавшийся Джеймс Огилви, который передавал сведения самому Роберту Харли. Поэтому ничего, кроме вреда, поездки Хука в августе 1705 г. и в апреле 1707 г., преследовавшие цель подготовить условия для высадки войск Людовика XIV в Великобритании в 1708 г., не имели. Сведения от Огилви были дополнены разведывательной информацией, которую переслал в Лондон английский посол в Голландии Дейрол.

Элемент неожиданности полностью отсутствовал в этом якобитском предприятии. В течение ряда месяцев британские разведчики сообщали о подозрительных поездках якобитских лидеров и их курьеров, о тайных совещаниях сторонников претендента. Английская разведка в январе и феврале 1708 г. была вполне осведомлена о всем ходе подготовки к отплытию французской эскадры из Дюнкерка. Однако достаточных мер не было принято вследствие борьбы внутри правительства — виги как раз в это время стремились свести счеты с Харли.

Тем не менее, когда эскадра под командой адмирала Форбена приблизилась к берегам Шотландии, ей преградил путь английский флот под командой адмирала Бинга. Форбен после недолгих колебаний должен был изменить курс.

Штормовая погода помогла французам уклониться от боя с более сильной английской эскадрой. Некоторое время они крейсировали в открытом море, но после того, как выяснилось, что восстание в Шотландии не произошло, им с трудом снова удалось уйти от преследования и вернуться в Дюнкерк. Планы высадки в следующем, 1709 г. были оставлены еще до того, как приступили к их осуществлению.

В правление королевы Анны борьба тори и вигов отражала обострение классовых антагонизмов в стране, при этом она осложнялась личным соперничеством, даже дракой лидеров из-за дележа доходных государственных постов, когда отбрасывались в сторону и принципы, и партийные различия. Вместе с тем вследствие связи части торийских лидеров с двором претендента, лишенного парламентом права престолонаследия, партийная борьба в большой степени приняла форму тайной войны, соперничества разведок противостоящих политических сил. В годы войны за испанское наследство усилилась борьба и за английское наследство.

После акта о престолонаследии (1701 г.), по которому после Анны трон должен был перейти к Ганноверской династии, парламентом был принят закон об обвинении претендента в государственной измене. Однако многие в Англии считали, что акт о престолонаследии останется мертвой буквой, особенно если претендент согласится порвать с католичеством и

принять англиканство.

Тори были недовольны тем, что быстро растущие налоги служат обогащению лондонских дельцов, что золотой дождь обходит сельское дворянство. По мнению тори, это происходило потому, что король превратился в орудие вигов. Так не стоило ли вернуть на престол сильного «законного» короля, уладив имевшиеся прежде разногласия с династией Стюартов?

Конечно, острота внутриполитической борьбы не менее, чем война, способствовала усилению деятельности разведки (точнее, разведок) в Англии. Однако, в свою очередь, не раз разведка в различных ситуациях служила детонатором дальнейшего обострения политических конфликтов. 31 декабря 1707 г. в резиденции Харли неожиданно был арестован британский разведчик Уильям Грег. Его обвинили в шпионаже в пользу Франции. Арест Грега произвел большое впечатление. Министров и других важнейших государственных сановников, включая Мальборо, спешно вызвали для участия в допросе Грега. Тот, впрочем, не стал запираться и сразу же во всем сознался.

После возвращения из Шотландии Харли предоставил удачливому разведчику, знавшему французский язык, место клерка в своем министерстве. Ему был поручен просмотр писем, отправлявшихся на родину пленными французскими офицерами. Соблазны лондонской жизни скоро оказались неодолимыми для Грега. С его запросами 200 ф. ст. годового жалованья ему, конечно, не могло хватать, и вскоре он был по уши в долгах. На это обратила внимание французская разведка. Первоначально Грег принял взятку в 200 гиней, данную одним английским купцом за какую-то услугу. Купец свел его с французскими агентами, которые без особого труда убедили Грега сотрудничать с ними.

В ведомстве Харли слабо соблюдали правила секретности. В комнату, где работал Грег, приносили переписку министерства с зарубежными странами. Дефо как-то обратил внимание Харли на то, что секретные письма лежат без охраны. Однако министр доверял подчиненным, которых лично набирал в свой штат, и, заваленный бесчисленными делами, не внял этому предостережению. Грег часто оставался работать по вечерам, и ему несложно было однажды положить в один из мешков с почтой письмо маршала Таляра, взятого в плен Мальборо после битвы при Бленгейме. Несколько позднее Грег скопировал важный меморандум Харли о размерах голландского участия в войне и послал его под видом письма французскому военному министру Шамийяру. Грег направил в Париж сведения о секретных в те времена заседаниях парламента. Наконец, он передал французам и копию письма королевы Анны императору с просьбой направить принца Евгения Савойского в Испанию, на один из главных театров военных действий. Грег даже отметил те части текста письма, которые были добавлены Харли, а также дополнены Годолфином.

Через некоторое время стало известно об утечке информации. Почтовые мешки, содержавшие письма французских военнопленных, были вскрыты, после этого оказалось нетрудно определить, кто является предателем.

Арест Грега стал немаловажным политическим событием. Виги стремились получить доказательства, что Грег действовал по указанию своего патрона Харли. К тому же выяснилось, что Грег уже имел дело с юстицией. 10 лет назад, в 1697 г., он был арестован по обвинению в подлогах и фальшивомонетничестве. Его жена, которая ждала тогда ребенка, взяла вину на себя и приняла кару, которую обрушивал беспощадный закон на уличенных в таких преступлениях, — ей сожгли руку. Харли можно было в любом случае обвинить, что министр взял на службу человека с сомнительным прошлым. К тому же не только Грега. Как раз в это время в руки властей попались два контрабандиста — Вальер и Бара, которых Харли использовал как агентов, переправлявшихся в Кале и собиравших полезную информацию. Однако оба контрабандиста были шпионами-двойниками и одновременно выведывали сведения о датах отплытия английских конвоев — торговых судов в сопровождении военных кораблей, что было весьма полезно для французских каперов.

Для Харли возникла опасность, что виги добьются создания парламентской комиссии по расследованию деятельности всей его секретной службы. Довольно было и того, что комиссия палаты лордов, состоявшая преимущественно из врагов Харли, усердно допрашивала Грега, добиваясь признания, что он действовал по приказу своего начальника. Правда, арестант оказался менее низким, чем его судьи. Грег, искренне впавший в покаяние, не хотел отягощать

совесть еще одним предательством, хотя ему сулили за это свободу и большие деньги. Харли очень опасался, что виги сумеют воздействовать на заключенного через жену. Опираясь на благосклонность королевы, Харли лихорадочно пытался добиться поддержки тори и не дать вытеснить себя из правительства.

Тем временем комиссия палаты лордов почти ежедневно допрашивала Грега, внушая ему, что Харли — главный виновник всех неприятностей Англии, продававший секреты французам и ответственный за все поражения, которые когда-либо терпели союзники. Лорды обещали Грегу за признание пожизненную пенсию в 200 ф. ст., но тот твердил, что только «дьявол и нужда были его подстрекателями».

«Лорды-инквизиторы» попытались соблазнить и других двух агентов Харли, обвиненных в контр шпионаже. Однако даже контрабандисты стояли на своем — тайно привозили в Кале шерсть и доставляли обратным рейсом бренди. Сведения, которые они поставляли, были обычно лишь простыми слухами. Только однажды, кажется, удалось им добыть ценную информацию о французском флоте, но и ее Харли не передал британским военным властям. Комиссия лордов истребовала шифр, которым пользовались Харли и Грег, ознакомилась с их перепиской, но и это не привело ни к каким разоблачениям. Трехнедельные бдения комиссии закончились ничем. Против Харли можно было выдвинуть только обвинение в неосторожности, в оставлении важных писем на столе клерка, в использовании не заслуживавших доверия лиц в качестве своих агентов. На казнь Грега сбежалась поглазеть огромная толпа — все еще ожидали разоблачений. Один из шерифов несколько раз предлагал осужденному уже у виселицы использовать последний шанс на спасение — разоблачений не последовало, но Харли пришлось 13 февраля 1708 г. подать в отставку. Она, впрочем, оказалась лишь перерывом в его карьере. Ему тогда удалось сохранить благорасположение королевы.

Королеву Анну, дочь Якова II, часто изображали как бесцветную и слабовольную, хотя и полную добрых намерений женщину. Однако при внимательном чтении ее писем встает совсем другой образ — вульгарная, ядовитая сплетница, отличавшаяся злобным упрямством да еще склонностью к притворству и мелким интригам. Тупая, ничтожная ханжа на троне ненавидела вигов, считая их республиканцами и преемниками цареубийц, покровителями диссентеров (протестантов, не принадлежавших к государственной церкви), ополчившимися будто бы против государственного англиканского клира — опоры престола. Королева не могла переносить ганноверского курфюрста Георга («германского медведя»), навязанного ей в наследники взамен ее брата-претендента. Само имя Георга раздражало ее как напоминание о скорой смерти, которую, словно какую-нибудь статью бюджета, обсуждали в парламенте. Пока королева подчинялась твердой воле своей властной фаворитки Сары Мальборо, она терпела правительство вигов. Когда влияние герцогини было постепенно подточено тучной красноносой фрейлиной Эбигейл Мэшем, подстрекаемой Робертом Харли, Анна взбунтовалась против вигов. Это не имело бы больших последствий, если бы назначенные королевой в 1710 г. новые выборы не принесли убедительной победы тори. Их успех был связан с усталостью от войны. К власти пришло правительство, наиболее влиятельными членами которого стали Харли и Болингброк.

Вольтер, хорошо знавший Болингброка, рассказывает, что, когда среди лондонских дам полусвета распространилось известие о назначении Болингброка, они радостно объявляли одна другой: «8 тыс. гиней дохода, сестры, — и все это для нас». Известный писатель Голдсмит передает услышанный им рассказ, как веселая пьяная компания во главе с Болингброком, скинув одежды, носилась по Сент-Джеймскому парку. Таких историй про Болингброка рассказывалось множество, и он сам бравировал ими. Несомненно, что только часть из них соответствовала истине, иначе, даже учитывая завидное здоровье нового министра, неясно, как он успевал что-то делать помимо пьянства и разврата и к тому же ухитрился дожить до 72 лет.

Болингброк был талантливым представителем английского Просвещения, ярким публицистом, оратором, политиком авантюристического склада, выдвигавшим смелую, хотя и крайне противоречивую программу. Свободомыслящий атеист, он ради карьеры и власти был готов поддерживать преследование диссентеров, только чтобы угодить торийским сквайрам и влиятельному англиканскому духовенству. Болингброк в конце правления Вильгельма поддержал акт, объявивший Якова III виновным в измене и требовавший от всех принимаемых

на государственную службу клятвенного отказа от признания его права на престол. А в 1711 г. Болингброк решительно изменил свою позицию: чтобы не допустить возвращения к власти вигов, он шел на признание прав претендента, разумеется, на его, Болингброка, условиях.

В начале 1711 г. обострились распри между умеренными тори, готовыми, хотя и с колебаниями, в вопросах престолонаследия придерживаться закона 1701 г. и на этой основе договориться с вигами и крайним крылом торийской партии, в котором было немало скрытых якобитов.

Разногласия приняли форму личного соперничества Харли и Болингброка. Применяя испытанное средство — воздействие на Анну, в том числе и через ее фавориток, Болингброк пытался оттеснить от власти своего бывшего покровителя Харли, который еще недавно сам использовал этот козырь, когда сумел сбросить вигское министерство.

Как и в 1708 г., политический кризис усилился отчасти под влиянием событий тайной войны. В феврале 1711 г. разведка Харли перехватила письма, адресованные во Францию, которые говорили о намерении Болингброка включить в свою игру и претендента.

Еще до этого, в октябре 1710 г., шпионы Харли установили, что а Париж поступали сугубо секретные сведения о связях между английским правительством и французскими гугенотами. В частности, французским властям стало известно о попытках английских разведчиков расширить контакты с камизарами — участниками крестьянского восстания на юге Франции, проходившего отчасти под религиозным знаменем. Двое из повстанцев были из-за предательства арестованы и подвергнуты мучительной казни — колесованию. Люди Харли попытались определить, каким образом происходило просачивание информации. Подозрения пали на так называемого маркиза Гискара — француза, жившего в Англии и давно связанного с британскими властями, в частности с Болингброком. По одним сведениям, он в прошлом был священником, изгнанным из Франции братом маршала Гискара, губернатора Намюра. Другие утверждали, что его подлинное имя де ла Бурли и что он сам присвоил себе титул маркиза.

В 1705 г. Гискару была поручена подготовка к высадке в районе Бордо 5 полков, навербованных из французских гугенотов, и 12 британских батальонов для помощи камизарам, с тем чтобы оттянуть часть войск Людовика XIV из Фландрии. План не получил осуществления: нужда в нем отпала. После победы Мальборо при Рамильи Лондон цинично оставил камизаров на произвол судьбы. Что касается Гискара, то он с полком, навербованным из иностранцев, участвовал в военных действиях в Испании и по возвращении в Англию получил пенсию в 500 ф. ст. Этого было мало для мнимого маркиза, привыкшего прокучивать деньги с любовницами; одну из них он даже делил с военным министром Болингброком. Наглый авантюрист, слонявшийся по столице с кинжалом и пузырьком яда в кармане, потребовал увеличения пенсии. В натуре Харли, несмотря на его преданность Бахусу, было немало от истового пуританина, тут он возмутился, и пенсия маркиза была взамен увеличения сокращена до 400 ф. ст. Тем не менее тот продолжал жить на широкую ногу, что, естественно, стало порождать толки.

Они были вполне оправданными. Убедившись, что английское правительство не склонно покрывать все его расходы, Гискар решил, что недостачу сумеет восполнить версальский двор, с представителями которого он вступил в преступную связь. А посредницей в своих шпионских занятиях маркиз вознамерился сделать герцогиню Дорчестер, бывшую любовницу Якова П. Эта высоченная тощая мегера не была лишена здравого смысла. «Кто бы подумал, что мы, три старые шлюхи, встретимся здесь», — громогласно заявила она позднее, когда на придворном приеме встретила Луизу де Керуаль, герцогиню Портсмутскую, фаворитку Карла II, и графиню Оркней, бывшую некогда метрессой Вильгельма III. Гискара, впрочем, интересовали не исторические воспоминания, а то, что муж его новой приятельницы граф Портмор был посланником в Португалии. В результате шпионские донесения Гискара отсылались с дипломатической почтой в Лиссабон и оттуда доставлялись его французским нанимателям. Связь «жащлась ненадежной. Даже у лорда Портмора вскоре возникли подозрения в отношении этих пересылавшихся через его миссию пакетов. Один из них был вскрыт, и шпионские занятия Гискара стали известны английскому правительству.

Несколько министров, собравшихся обсудить неожиданную новость, были встревожены, учитывая близость Гискара к не сдержанному на язык Болингброку. Шпион бывал при дворе и

мог подготовить покушение на королеву. Харли все же настоял, чтобы Гискара сразу не арестовывали. Надо было установить, по каким еще каналам он передает свою информацию; предполагалось, что он направляет ее какому-то офицеру из армии Мальборо. Харли уведомил герцога о предательстве Гискара — было важно не допустить провала работавших на английскую разведку агентов из числа французских протестантов и установить фамилию офицера, обеспечивавшего пересылку донесений Гискара в Париж.

Расчет оказался верным. В феврале английские власти перехватили письма, адресованные британским офицером во Фландрию. В этих письмах излагались секретные сведения, известные только членам английского правительства. После этого Харли, скрывавший все дело от Болингброка, отозвал его в сторону, когда они находились в палате общин, и продемонстрировал ему шпионские донесения, написанные почерком, который был столь хорошо известен военному министру. Богохульные ругательства, которые отпускал при чтении этих депеш Болингброк, конечно, оскорбляли слух чопорного канцлера казначейства, но не настолько, чтобы стать причиной лихорадки, к вечеру уложившей Харли в постель. Это на несколько дней отсрочило решение судьбы Гискара и, кто знает, быть может, предоставило Болингброку время, чтобы принять меры предосторожности, разумеется, касавшиеся его особы.

Харли снова появился при дворе 8 марта. В этот день Гискар два раза пытался проникнуть в Сен-Джеймский дворец. В первый раз маркиза не пустила охрана, сочтя неподходящим его костюм. Гискар вернулся домой и сменил свой наряд, позабыв при этом переложить в карман надетого им камзола неизменные кинжал и пузырек с ядом. Харли увидел француза, когда тот шел к королеве. Туда же по просьбе Харли вызвали Болингброка и попросили написать приказ об аресте шпиона и обыске в его квартире. Гискара задержали в парке. Особенную ярость француза вызвало то, что приказ был отдан Болингброком. Они и до этого были близки к ссоре. Их общая фаворитка ожидала ребенка, и оба ее поклонника пытались предоставить друг другу честь отцовства.

Шпиона отвели в одну из дворцовых комнат. Спешно приглашенные министры приступили к допросу Гискара. При обыске у маркиза отобрали шпагу, но ему удалось незаметно спрятать лежавший в комнате перочинный ножик. На все вопросы Гискар отвечал неизменным «нет». Он даже с презрительной усмешкой отрицал, что предъявленные ему разведывательные донесения написаны его рукой. В конце допроса, когда вызвали стражу для сопровождения арестованного, Гискар неожиданно бросился к Харли и вонзил в него извлеченный из кармана перочинный ножик. Лезвие прошло около грудной кости. Министры в панике выхватили мечи, клерки, бросив свои записи, выбежали из комнаты, в которую ворвались стражники. Министрам удалось нанести преступнику три раны — все в спину. Болингброк от усердия даже сломал шпагу. Пришедший в сознание Харли просил, чтобы Гискару не причинили увечий. Он был нужен не мертвым, а живым: кто знает, что француз мог сообщить о Болингброке.

Ранение Харли оказалось не очень серьезным. Лорды, приступившие к новому допросу Гискара, не могли добиться ничего конкретною, к тому же маркиз туманно намекал на какие-то таинственные заговоры. Гискару обещали прощение, если он сделает полное признание. Он как будто был готов принять это предложение. Однако после этого ему, как утверждали, была принесена записка от Болингброка. Тот извещал своего бывшего компаньона, что это обещание — лишь ловушка. В ярости Гискар вскрыл раны и умер через несколько часов. Стоявшие у его постели министры тщетно рассчитывали услышать в последнюю минуту важные признания. Им повезло не более чем вигским лордам в случае с Грегом.

Поведение Болингброка вызывало толки — обращали внимание на то, что он хотел заколоть Гискара, когда француз ранил Харли. Обыск в квартире Гискара производился под контролем военного министра. Может быть, поэтому там ничего не нашли. Более того, Болингброк поспешил завладеть и теми письмами Гискара, которые были перехвачены людьми Харли. Военный министр распространял слух, что Гискар метил в него, Болингброка, и только случайно попал ножом в Харли. Поведение Болингброка, возможно, объясняется тем, что Гискар был в курсе связей своего высокопоставленного приятеля с якобитской разведкой.

…Королева Анна колебалась между преданностью англиканской церкви и желанием сделать своим преемником своего младшего брата, а не «германского медведя». Агентом

якобитов, обеспечивавшим поддержание контактов между королевой и претендентом, был француз аббат Франсуа Голтье, который ранее был священником французского посольства в Лондоне, а после начала войны за испанское наследство стал капелланом императорского посла. Голтье осведомлял Париж и претендента обо всем, что происходило в правительственных кругах Англии. Другой вопрос: получал ли Голтье информацию от самого Болингброка (тот впоследствии категорически это отрицал)?

Голтье имел связи с английскими католиками, посещавшими часовню в посольстве. Среди них были графиня Джерси и ее муж, которые в декабре 1710 г. передали Голтье от имени Харли поручение отправиться в Париж и известить французского министра иностранных дел де Торси о согласии Англии приступить к мирным переговорам. Ведение переговоров взял в свои руки Болингброк. Весной 1711 г. Голтье вернулся в Англию. В это время умер император Иосиф. Ему наследовал эрцгерцог Карл, которого союзники прочили на испанский престол вместо Филиппа V, внука Людовика XIV. Иначе говоря, замаячило не только объединение французской и испанской короны, но и возрождение империи Карла V, еще менее устраивавшее Лондон. В июле 1711 г. Голтье снова отправился во французскую столицу. На этот раз в сопровождении нашего знакомого — поэта Мэтью Прайора. Оба путешествовали с паспортами, выписанными на вымышленные имена, и пересекли пролив на рыболовном судне. Однако их отъезд был замечен таможенным чиновником Джоном Маки, ведавшим также почтовыми пакетботами, который сообщил об этом Болингброку. Министр порекомендовал непрошеному следопыту держать свое открытие в тайне и немедля известить его, когда эти люди возвратятся в Англию.

Начались секретные переговоры. Англия была готова заключить сепаратный мир, если будут удовлетворены ее требования. Назад из Парижа Прайор и Голтье отправились уже в компании французского уполномоченного Менажера… и сразу же попали в руки усердного Маки; тот жаждал выполнить приказ Болингброка и давно уже со своими людьми поджидал подозрительных путешественников. Маки узнал Прайора, имевшего фальшивый паспорт, и вся троица была взята под стражу. Более того, Маки поспешил уведомить об этом инциденте Мальборо и другого лидера вигов — Сандерленда, сына министра Якова II и Вильгельма III. А Сандерленд немедля известил обо всем голландского и австрийского послов. В ярости Болингброк грозил повесить акцизного чиновника, проявившего избыток усердия. Из Уайтхолла пришло предписание немедленно освободить Прайора и его спутников, но секретные переговоры с Францией стали уже темой, обсуждавшейся в газетах и памфлетах. Свифт даже опубликовал целиком вымышленный отчет о поездке Прайора во Францию.

Для заключения мира в Париж теперь поехал сам Болингброк. Вместе с ним туда снова прибыл и Прайор. Несомненно, что не кто иной, как Прайор, свел тогда Болингброка с обольстительной мадам де Тансен, агентом французского министра де Торси. Но об этом ниже.

Болингброк вскоре вернулся в Лондон, а английским представителем остался Прайор. Виги подозрительно следили за его действиями, считая, что через Прайора правительство ведет переговоры с якобитами, и даже послали своего человека — Джейкоба Тонсона — шпионить за Прайором. В переписке Прайора нельзя найти подтверждение выдвигавшемуся вигами обвинению. Поэт-дипломат отлично понимал, что в такой игре можно не сносить головы.

27 июля 1714 г. Анна дала отставку Харли, назвав его «пьяницей и бездельником». Второе обвинение не соответствовало истине. Освободившись от соперника, Болингброк сформировал правительство крайних тори и якобитов. А еще через четыре дня, 1 августа, королева скончалась. Виги быстро стали хозяевами положения и объявили о вступлении на трон, согласно закону о протестантском престолонаследии, короля Георга I. Карточный домик якобитских планов рухнул в 24 часа, хотя они это осознали не сразу. Болингброк стал опасаться, что раскроются его тайные связи с якобитами. Он явился за советом к Мальборо, отставке которого он столь недавно активно способствовал. Болингброк не знал, что новые министры не располагали доказательствами его измены. Виги рассчитывали, что признанием Болингброком своей вины станет его бегство из страны. Мальборо с холодной учтивостью принял Болингброка и намекнул, что его жизнь в опасности. Тот поддался панике. Чтобы замести следы, Болингброк вечером явился в театр и заказал билеты на завтрашний спектакль, а в антракте переодетый, в черном парике бежал за границу.

Прайор был отозван из Франции. На его место в январе 1715 г. прибыл лорд Стейр, вскоре приступивший к созданию секретной службы для слежки за якобитами.

В Англии Прайор угодил в тюрьму. Победившие виги хотели добыть у него признания, которые могли бы привести к осуждению Роберта Харли, тоже посаженного в Тауэр. Однако Прайор уничтожил письма Харли, а переговоры, которые тот вел через Голтье с претендентом, были отражены только в бумагах, хранившихся в архиве французского министерства иностранных дел. Английский парламентский комитет, члены которого допрашивали Прайора, так и не нашел доказательств государственной измены. Прайор был освобожден, проведя более года в заключении. Позднее правительство отказалось от мысли о суде над Харли, и его пришлось выпустить из Тауэра.

После провозглашения королем Георга I якобиты предприняли отдельные выступления. В Бате у них был склад с оружием, восстание планировалось начать на западе, захватить Бристоль и Плимут, в котором, как утверждал якобит Джон Маклин, ему удалось завербовать на сторону

Якова III офицеров местного гарнизона. Здесь намечалась высадка самого претендента. Якобитам удалось вызвать беспорядки в ряде городов — Питерборо, Лике, Бартон-он-Тренте. Центром якобитства был Оксфорд. Вооруженное восстание повсеместно потерпело неудачу в самом начале. Планы этого восстания не остались тайной для правительства, которое в сентябре 1714 г. произвело аресты лидеров якобитов, включая членов парламента, послало войска в районы предполагавшихся выступлений. А в Плимуте Дж. Маклин самолично выдал заговор властям.

В 1715 г. осторожное вигское правительство не поручало никакого ответственного поста Мальборо — командование войсками было передано его помощнику генералу Кадогену. В феврале 1716 г. якобитский агент Дэвид Флойд добился приема у Мальборо. Герцог со слезами на глазах разъяснил, призывая в свидетели небо, что в намерения его, Мальборо, всегда входило служить королю Якову и что об этом отлично осведомлен маршал Бервик. Эта театральная сцена была слишком сильна даже для самого Мальборо — 28 мая 1716 г. герцога хватил удар, который превратил его в инвалида. Он прожил еще шесть лет, но не вернулся на свои прежние посты, которые хотел в любом случае сохранить за собой, и ради этого вел свою длительную игру с якобитской разведкой. Впрочем, ее провалы в 1715 г. не имели отношения к герцогу. Ими она была обязана прежде всего упомянутой выше мадам де Тансен.

Клодин де Тансен родом из Гренобля была младшей дочерью в семье и по установившемуся обычаю должна была поступить в монастырь. Отец Клодин настоял на соблюдении этой традиции, но молодая особа ухитрилась не принять обета, а не очень строгие нравы монастыря способствовали приобретению ею уже в юные годы достаточно сомнительной репутации. После смерти отца Клодин сразу же покинула свою келью и поселилась в Париже у старшей сестры. Здесь Мэтью Прайор познакомил ее с Болингброком, который вел в Париже переговоры о мире. Вероятно, уже в это время, став любовницей Болингброка, Клодин добыла у него немало информации, в которой нуждался французский министр иностранных дел де Торси. Интересно отметить, что через год или два Клодин попыталась выпытывать сведения и у регента Франции — герцога Филиппа Орлеанского, однако тот никогда не нарушал, по его словам, «обета не разрешать, чтобы его расспрашивали о политике между двумя простынями». В чью пользу в этом случае действовала мадемуазель де Тансен, можно только догадываться.

Когда Болингброк бежал из Англии и стал министром Якова III, то сразу же возобновил близкое знакомство с Клодин, не учитывая, что за это время она успела побывать в любовницах у аббата, позже у кардинала и министра Дюбуа, взявшего на себя руководство французской разведкой. Дюбуа был сторонником сближения с Англией и готов был оказать любые разумные услуги вигскому правительству короля Георга I.

Является фактом то, что с момента назначения Болингброка главным министром претендента все планы якобитов становились известными ашлийскому правительству. Планы восстания в западных графствах, создания складов оружия в Оксфорде и Бате, захвата Бристоля и Плимута для последующей высадки там десанта из Франции потерпели неудачу с самого начала из-за того, что лондонское правительство было осведомлено о них. Единственной осуществленной попыткой было восстание графа Мара в Шотландии, о котором Болингброку

не было известно. Каким образом информация достигала Лондона? Прямо через агентуру Дюбуа в Лондоне, а может быть, и через лорда Стейра, британского посла во Франции, или, наконец, по обоим этим каналам? Стейр, имевший свою собственную секретную службу, сообщил (уже в марте 1716 г.), что Болингброк скорее выбалтывал, чем намеренно предавал сркреты претендента, и растранжиривал совсем необильные средства / своего повелителя на собственную любовницу. Впрочем, деньги на содержание Клодин де Тансен шли и от ее другого возлюбленного, который, правда, имел основания использовать для этого финансовые средства французской секретной службы. Стоит добавить, что Болингброк сам попросил лорда Стейра осведомиться об условиях, на которых правительство разрешит ему вернуться в Англию. За самой Клодин пристально следила некая Оливия Трент не то как агент якобитов, не то в качестве соперницы, также претендующей на внимание регента Франции Филиппа Орлеанского. Вероятно, претендент от своих людей в Англии узнал, что лондонскому правительству было известно о планах якобитов, а от мисс Трент — о причине этой осведомленности. Претендент уволил Болингброка, обвинив в пренебрежении своими обязанностями. Болингброку оставалось только добиваться официального прощения Лондона, пытаясь ускорить его нападками на претендента. Оно последовало лишь в 1723 г.

Закат якобитов

С 1714 г. престол занимали представители Ганноверской династии. Вигов вполне устраивал ограниченный, недалекий Георг I, который не мог претендовать на реальную власть. Он до конца жизни так и не выучился даже говорить по-английски, его министры, за редким исключением, не знали ни слова по-немецки. Премьер-министр Роберт Уолпол для объяснений с королем мог использовать только латынь.

Георг I привез с собой из Ганновера двух фавориток весьма почтенного возраста, отличавшихся, по единодушному мнению современников, редким безобразием. Одна из них — неприятная, карикатурно тощая дама ростом с прусского гренадера — звалась графиней Мелюзиной Герренгардой фон Шуленбург и получила титул герцогини Кендел, другая — уродливо-тучная баронесса София фон Кильмансэгге — стала герцогиней Дарлингтон. Лондонские остряки прозвали их «ярмарочным столбом» и «слоном». Обе отличались незаурядной глупостью и, главное, проявляли ненасытную жадность, особенно герцогиня Кендел, которая, по словам ее зятя лорда Честерфилда, была близка к идиотизму и, кроме того, не задумываясь, продала бы самого Георга за сходную цену. Она наложила свою длань на несколько придворных должностей; долгое время оставался даже вакантным пост командира конной гвардии, а его жалованье выплачивалось фаворитке. Один современник пишет, что, если бы власть Георга не была ограничена парламентом, Кендел непременно сделалась бы лордом-канцлером, а Дарлингтон — архиепископом Кентерберийским. Не лучше была свора ганноверских придворных и министров, старавшихся перещеголять друг друга в лихоимстве. Болингброк еще в качестве «министра» претендента добился одного успеха, важного для него лично: герцогиня Кендел взялась (за приличную мзду) быть его агентом при дворе Георга I, а потом (за особое вознаграждение) выхлопотала ему разрешение вернуться. Георгу I наследовал его сын Георг II (1727—1760 гг.), также бывший полуиностранцем в Англии и отдавший вигской олигархии бразды правления в стране.

Многие годы премьер-министром был Роберт Уолпол. Он был живым олицетворением целого исторического периода утверждения буржуазного парламентаризма. Этот сквайр из Норфолка, пьяница и обжора, любитель охоты и сквернословия, искренне презиравший всякую образованность и искусство, вместе с тем проявил себя как талантливый финансист, опытный политик, научившийся с помощью подкупа умело управлять парламентом и своим принципом «не бей лежачего» немало способствовавший ослаблению политических конфликтов, которые ранее раздирали собственническую Англию. В стремлении укрепить Ганноверскую династию Уолпол избегал внешнеполитических осложнений и предпочитал голосу пушек язык дипломатии, а иногда и секретной службы.

Якобитская опасность сохранялась, хотя положение претендента во Франции значительно ухудшилось. После смерти Людовика XIV в 1715 г. регент Филипп Орлеанский Сделал ставку

на сближение с Англией — злые языки уверяли, что он, мол, такой же узурпатор престола, как Георг I. Регент запретил оказывать любое содействие претенденту, намеревавшемуся отправиться в Шотландию. Это облегчало задачу английского посла в Париже лорда Стейра, шпионы которого внимательно следили за дорогами и портами, особенно, конечно, на севере Франции.

Претендент находился в гостях у князя Водемона в его замке Коммерси. Яков не появился на балу — было объявлено, что он заболел. Этому поверил даже хозяин замка; только на следующее утро князь Водемон обнаружил, что его гость уже двое суток как покинул замок. Переодетый священником Яков побывал 30 октября в Париже, на следующий день повидался с матерью и отправился в сторону Нанта. Одно время агенты Стейра потеряли след претендента, но вскоре стали вновь следовать за ним по пятам. Яков, обнаруживший слежку, понял, что ему не удастся незамеченным добраться до цели. Он вернулся обратно в Париж, рассчитывая теперь проскользнуть, минуя английских агентов, до порта Сен-Мало.

Тем временем Стейр постарался объединить усилия разведки и дипломатии. Посол явился к регенту и стал настойчиво просить, чтобы претендент был арестован.

Филипп Орлеанский оказался в щекотливом положении. С одной стороны, курс на сближение с Англией был нужен ему лично — он рассчитывал на поддержку Лондона против испанского короля, внука Людовика XIV, который оспаривал права герцога Орлеанского на регентство. Поэтому нельзя было отказать Стейру. С другой стороны, арестовать претендента, торжественно признанного Францией в качестве английского короля, было тоже весьма неудобно. К тому же, с третьей стороны, нельзя было еще иметь полную уверенность, что якобитские интриги потерпят неудачу. Одним словом, ситуация была деликатной, и регент прибегнул к своему привычному методу, который не изменял и в менее рискованных ситуациях, — давать обещания без намерений их выполнять.

Герцог Орлеанский приказал майору своей гвардии для вида сделать попытку перехватить Якова, но так, чтобы обязательно дать ему возможность избежать ареста. Но регент нашел в английском после достойного партнера. Стейр, заранее предусмотревший образ действий французских властей, решил позаботиться обо всем лично, точнее — разделаться с претендентом руками наемных убийц. Для этой цели были наняты отставной ирландский офицер по имени Дуглас и два других сомнительных субъекта, которые должны были подкараулить свою жертву в деревне Нонанкур близ Эвре. Однако агенты Стейра своими расспросами, не проезжал ли здесь худой молодой человек со следами оспы на лице, вызвали подозрение у местной почтмейстерши мадам Лопиталь. Она напоила двух спутников Дугласа и добилась, чтобы их арестовали, а самого ирландца направила по заведомо ложному следу. Прибывшего Якова укрыли у подруги почтмейстерши, расстроившей планы британского посла. Дуглас должен был бросить безнадежное дело и вернуться в Париж, а претендент, отсидев в своем убежище три дня, 8 ноября благополучно достиг Сен-Мало. Впрочем, учитывая все последующее, вряд ли можно считать это благополучным событием для якобитского лагеря.

Претендент добрался до Шотландии, где якобитам удалось поднять вооруженный мятеж. Однако к моменту прибытия Якова III в декабре 1715 г. уже выявилась неудача и этого выступления. Правительство подтянуло войска и подавило мятеж. Претендент в феврале 1716 г. спасся бегством за границу.

Но и эта неудача далеко не сразу похоронила надежды якобитов. Они возложили свои упования на шведского короля Карла XII. Побежденный под Полтавой и нашедший убежище в Турции, Карл по возвращении на родину продолжал свою прежнюю авантюристическую политику. Объектом его ненависти стал король Георг I. В качестве ганноверского курфюрста Георг купил у датского короля две германские области (бывшие епископства Бремен и Верден), которые тот в 1712 г. отвоевал у шведов. Несмотря на крайне острую внутриполитическую ситуацию в Швеции и усталость от войны, Карл намеревался ввязаться в новое предприятие — организацию очередного якобитского выступления, чтобы вернуть утраченные земли. Душой нового заговора стал главный министр Карла XII барон Гортц, который зимой 1716/17 года был шведским послом в Нидерландах. Удалось заручиться обещанием финансовой поддержки со стороны Мадрида. Казалось, перспектива высадки в Шотландии 10—12 тыс. опытных шведских солдат станет делом недалекого будущего. В действительности «шведский заговор»

был самой настоящей авантюрой. Для его крушения не потребовалось усилий британского флота, оказалось достаточно активности секретной службы. Были перехвачены и расшифрованы некоторые письма шведского посла в Лондоне Гюлленборга, одного из главных исполнителей плана барона Гортца. В ночь с 29 на 30 января 1717 г. отряд гвардейской пехоты под командой генерала Уода занял резиденцию шведского посла. В комнате, где, по утверждению супруги Гюлленборга, хранились только столовые приборы и белье, были найдены документы, доказывавшие существование заговора. Гортц, находившийся в это время в Кале, поспешил вернуться в Голландию, но и там был арестован.

Карл XII не осмелился открыто выступить в защиту своих послов, обоих шведских дипломатов освободили только после длительных переговоров.

Надежды на шведское участие оказались иллюзией. Взамен ее возник мираж испанской помощи. Конфликт между Испанией и германским императором, итальянские владения которого были гарантированы Англией, вызвал столкновение между Лондоном и Мадридом. Избегая английских шпионов, претендент в феврале 1719 г. с большим трудом перебрался в Испанию.

Якобиты решили предпринять новую попытку высадки десанта на английской территории с помощью Испании, которая вступила в войну с Англией и Францией. Герцог Сен-Симон, автор знаменитых мемуаров о дворе Людовика XIV, уверяет, что даже главный испанский министр кардинал Альберони, один из организаторов очередного якобитского восстания в 1719 г., был одно время британским агентом. Как бы то ни было, подробную информацию об этом английское правительство получило от своего нового союзника — версальского двора, точнее — от министра иностранных дел кардинала Дюбуа. 16 января 1719 г. Дюбуа сообщил своему английскому коллеге данные, собранные французской секретной службой, о численности и предполагаемых местах высадки десанта. 8 марта того же года Дюбуа направил в Лондон отчет, содержавший много дополнительных подробностей о намеченной экспедиции. Впрочем, еще ранее английский купец Прингл, сумевший завоевать доверие якобитов в Испании, уведомил Лондон о предстоящем вторжении (Прингла наградили за это назначением на должность консула). В Шотландии было высажено около 300 солдат, которые не получили ожидавшейся поддержки местного населения и должны были вскоре сдаться окружившим их английским войскам.

Вскоре после крупного финансового скандала с «Компанией южных морей» в Англии, вызвавшего серьезное недовольство, якобиты организовали еще один заговор. Они предполагали неожиданным нападением захватить Тауэр и одновременно арестовать короля Георга I. Руководитель заговора адвокат Кристофер Лейер был выдан одной из своих любовниц, дамой полусвета, и казнен 17 мая 1723 г. В заговоре было замешано несколько знатных вельмож: герцог Норфолк, граф Орери, лорд Норт и влиятельный епископ Рочестера Эттербери.

В числе успехов английской секретной службы было уличение епископа Эттербери в связях с претендентом. В 1722 г. правительственные шпионы заполучили доказательства изменнической переписки епископа с якобитским министром графом Маром. Через кого разведчики получили доступ к этой секретнейшей корреспонденции? Некоторые современники, а вслед за ними и ряд историков подозревают, что этим лицом был… сам граф Мар. Другие исследователи (например, М. Брюс) считают, что об измене епископа английское правительство было уведомлено герцогом Филиппом Орлеанским, что английский разведчик сэр Люк Шауб, истратив 500 ф. ст., добыл в Париже сведения, требовавшиеся для осуждения Эттербери, и что Мар поэтому может быть обвинен только в непростительной неосторожности. Однако информацию, полученную от регента, нельзя было предъявить суду, и нет уверенности, что истраченные Шаубом 500 ф. ст. не перекочевали в карман графа Мара. Впрочем, возможно, они достались светской прожигательнице жизни леди Лендсда-ун, которую также подозревали в занятии шпионажем. Как бы то ни было, правительство получило в руки документы, которые позволили ему добиться осуждения Эттербери на пожизненное изгнание из Англии.

Английские шпионы следовали по пятам за претендентом, где бы он ни находился — в Сен-Жермене, Баре, Болонье или в Риме. Главным из них стал «Джон Уолтон». Под этим псевдонимом скрывалась весьма красочная персона — бранденбургский юнкер, по

определению одного английского историка, «изгнанный из отечества прусский содомит по фамилии Штош». Однако многим современникам прусский дворянин Филипп фон Штош, патологический лжец и попросту вор, был известен как саксонский дипломат, а потом — как один из наиболее страстных коллекционеров произведений искусства. С 1721 г. в течение 35 лет Штош исполнял обязанности английского резидента, получая сначала по 400, а с 1723 г. — по 520 ф. ст. ежегодно за подробные донесения своим нанимателям (Штош ухитрялся одновременно получать саксонскую и испанскую пенсии и имел другие подобные же безгрешные доходы). Свои депеши Штош пересылал через английских дипломатов в Тоскане, среди которых заслуживает особого упоминания Горэс Манн, ставший с 1740 г. на несколько десятилетий фактическим главой британского шпионажа на Апеннинском полуострове. Репутация ревностного ценителя и собирателя антиквариата, столь модного тогда занятия, считавшегося свидетельством аристократической утонченности, очень помогала Штошу расширять круг своих знакомых, в том числе и среди ближайшего окружения претендента.

В 1731 г. папа выслал из Рима Штоша, который все же попал под подозрение якобитов. Штош перебрался во Флоренцию, откуда продолжал осведомлять английские власти о планах якобитов до самой смерти в 1757 г. За передвижениями претендента внимательно следили также британские дипломаты в Турине и Генуе. Однако особенно важную информацию доставлял в Лондон кардинал Алессандро Албани, племянник папы Климента XI и личный друг кардинала Стюарта, главы якобитской эмиграции в Риме. Албани, как и Штош, был знатоком и собирателем произведений искусства. Его римская резиденция — вилла Албани — считалась одним из чудес Европы. Вероятно, именно Штош побудил Албани к занятию шпионажем. Тот поддерживал связи с Горэсом Манном до своей кончины в 1779 г. В обмен на оказываемые услуги Албани требовал содействовать своим протеже, вводить их в круг британских коллекционеров.

Горэс Манн, впрочем, предпочитал не доверять полностью даже, казалось бы, проверенным людям — кардиналу Албани и его агентуре. Английский премьер-министр Уолпол говорил: «От кого бы я мог узнать о якобитских планах, кроме самих якобитов? Никто другой не мог сообщить их мне». Надо лишь добавить, что якобиты сумели, в свою очередь, внедриться в шпионскую сеть, созданную Уолполом.

Почти полвека, вплоть до последнего восстания якобитов в 1745 г., большая часть усилий английской секретной службы затрачивалась на борьбу против сторонников свергнутой династии Стюартов. Ряды ее сторонников редели, но тайная организация достигла большого совершенства.

Высадка принца Карла Эдуарда в горной Шотландии и поход ополчения шотландских кланов на юг были чистой авантюрой. Якобиты не имели серьезной поддержки в Англии, выстраивавшиеся вдоль дорог англичане с любопытством смотрели на шотландских горцев, но не выражали желания присоединиться к их походу на Лондон. И тем не менее авантюра могла увенчаться, пусть мимолетным, успехом. Правительство было очень непопулярно, а основная часть регулярной армии находилась на континенте. Правда, преобладание английского флота на море позволило довольно быстро произвести переброску нескольких полков в Англию, но они могли не успеть… А пока что ополчение кланов двигалось на юг, не получая поддержки, но и не встречая серьезного сопротивления. Оно двигалось вслепую. У Карла Эдуарда фактически не было военной разведки. Сторонники Стюартов по-прежнему посылали свои донесения в Париж, где помещался разведывательный центр якобитов. Отдельные агенты, направленные из штаба армии Карла Эдуарда, были арестованы. Информация, которую получала британская разведка из Парижа, позволила английскому флоту сорвать все планы французского десанта в Англии. Однако самый сильный ущерб делу якобитов был нанесен правительственным шпионом Дэдли Брэдстритом, совмещавшим это довольно прибыльное занятие со сводничеством и сутенерством. Прибыв из Лондона в штаб-квартиру герцога Кэмберленда, командовавшего войсками, брошенными на подавление якобитского восстания, Брэдстрит получил задание задержать движение шотландцев хотя бы только на 12 часов. Дело в том, что армия Кэмберленда находилась дальше от столицы, которую она должна была прикрывать, чем отряд Карла Эдуарда. Но лидеры кланов, обескураженные отсутствием со стороны английского населения поддержки, начали подумывать о возвращении в родные горы. Тут и подоспел

Брэдстрит со своими дезориентирующими шотландцев сведениями. На военном совете 5 декабря 1745 г. в Дерби, вопреки протестам Карла Эдуарда, фактически по подсказке неприятельского разведчика было решено начать отступление. Отходившая на север армия якобитов была вскоре же настигнута и разгромлена правительственными войсками. Что же сообщил Брэдстрит вождям кланов, побудив их к принятию рокового решения 5 декабря? Он доверительно известил их, что у города Нортхемптона сосредоточена еще одна правительственная армия генерала Хоули численностью 9 тыс. человек и что якобиты могут быть зажаты в тиски между нею и войсками под командой Кэмберленда. Впоследствии Брэдстрит иронически заметил, что на деле для противодействия якобитам на юге не только не было 9 тыс., но и даже 9 солдат.

За поражением якобитов последовали кровавые репрессии в горной Шотландии, которые подвели черту под сколько-нибудь основательными попытками реставрации Стюартов. Однако даже после разгрома якобитов в 1745 г. тайная организация их не сразу сошла со сцены.

Еще осенью 1750 г. английский дипломат-разведчик Хенбери Уильямс намеревался сговориться с какими-то поляками с целью схватить претендента, как только тот появится на территории Польши, и отвезти его в любой порт на Балтийском побережье. Правда, до получения санкции Лондона посол не дал окончательного согласия — это было вполне разумным шагом, так как один из поляков, предложивших свои услуги, «пользовался доверием» французского маршала Мориса Саксонского и графа Брюля, саксонского премьер-министра. Понятно, что из Лондона рекомендовали Уильямсу проявить крайнюю осторожность.

К началу 50-х годов относится последняя якобитская конспирация — «заговор Элибенка». 16 сентября 1750 г. Лондон тайно посетил Карл Эдуард. Возможно, что его приезд оказался неожиданностью для части якобитских лидеров. В столице Карл Эдуард мог убедиться, что сведения, которые ему посылали о готовности к новому восстанию, являлись выдумкой, и через пять дней поспешно покинул английскую столицу. Перед этим, если верить его позднейшему заявлению 1759 г., он перешел из католичества в англиканство, надеясь таким образом привлечь на сторону якобитов новых сторонников. Однако что касается потомков Якова II, то этот шаг запоздал по крайней мере на полстолетия, чтобы иметь серьезное политическое значение. Тем не менее какие-то приготовления все же велись, они продолжались и после отъезда принца.

В 1752 г. Александр Мэррей, брат лорда Элибенка, составил заговор: 60 якобитов должны были ворваться в Сент-Джеймский дворец, чтобы умертвить короля Георга II и его семью. Немедля в Лондон должен был прибыть Карл Эдуард. С заговором был связан давний участник якобитских комплотов граф Меришел, с того времени, правда, успевший перейти на прусскую службу. В августе 1751 г. Меришел занял пост прусского посла в Париже. Впрочем, маловероятно, что, делая этот демонстративно враждебный Англии жест, прусский король Фридрих II думал о чем-либо большем, чем осторожная помощь якобитским интригам. Одним из руководителей заговора был лорд Элко. Подготовка велась на протяжении всего 1752 г., хотя ряд заговорщиков отказались действовать после того, как выяснилось, что Карл Эдуард связался с некоей Клементиной Уолкиншоу, которую считали агентом британской разведки. Для этого, возможно, не было основании. Вполне доказано лишь то, что чрезмерное пристрастие мисс Уолкиншоу к спиртному никак не могло способствовать ослаблению таких же склонностей у Карла Эдуарда, превратившегося к этому времени в беспробудного пьяницу. Секретная служба английского правительства была в курсе дела. Она получала подробную информацию от своего лазутчика, скреплявшего свои донесения подписью «Пикл». Первое сохранившееся письмо «Пикла» из Булони премьер-министру Генри Пелгаму датировано 2 ноября 1752 г. Это был сын вождя одного из шотландских кланов Элистер Макдоннелл (свой псевдоним он заимствовал у героя изданного в 1751 г. и получившего известность романа Т. Смолетта «Перегрин Пикл»). В своих донесениях разведчик передавал, что в заговоре активно участвовал прусский король, он побуждал к тому же и французское правительство. Существовал подробно разработанный план выступления в столице. Помимо действий в Лондоне предполагалась высадка шведского десанта в Шотландии. Якобиты рассчитывали и на своих сторонников в армии. Во многом это было повторением «заговора Лейера»,

организованного в начале 20-х годов.

Вскоре якобиты выяснили, что их надежды на помощь Пруссии оказались крайне преувеличенными. И Фридрих II, и его посол граф Меришел, сохранивший лишь платоническую приверженность якобитству, хотели скорее доказать Англии, что Пруссия может стать опасным врагом. В Лондоне учли намек — через несколько лет, в 1755 г., произошла «дипломатическая революция», в результате которой Англия и Пруссия стали союзниками в семилетней войне.

Между тем зимой 1752/53 года подготовка велась ускоренными темпами, но потом сразу замерла. Возможно, что непосредственной причиной был арест 20 марта 1753 г. одного из руководителей заговорщиков — Арчибалда Камерона. Он никого не выдал и был повешен 8 июня за участие в мятеже 1745 г.

Правительство не хотело сообщать, что ему известно о последующей заговорщической деятельности Камерона — это ведь могло разоблачить «Пикла». Однако сам арест Камерона убедил якобитов, что в их среде орудуют правительственные шпионы. Заговор окончился ничем. Неясно, насколько широк был круг его участников, а также были ли связаны с ними некоторые влиятельные лица, включая лорда Элибенка, по имени которого названа эта неудавшаяся конспирация.

После смерти отца «Пикл» занял место главы клана и должен был прекратить небезвыгодную деятельность разведчика. Во время семилетней войны глава французского правительства герцог Шуазель снова намеревался разыграть якобитскую карту, но из этого ровным счетом ничего не вышло — во многом из-за того, что английская секретная служба по всем пунктам превзошла французскую разведку. Английские агенты по инерции продолжали вплоть до середины 70-х годов тщательно следить за передвижениями Карла Эдуарда, который обнаружил большое искусство в переодевании, гримировке, ношении фальшивых усов и бороды и т.п. Эта возня чем дальше, тем больше теряла всякое политическое значение.

Загадка «железной маски»

Годы войны за испанское наследство были, как уже отмечалось, временем расцвета тайной войны. Один из ее эпизодов получил тогда широкий отклик в газетах и памфлетной литературе. Константин де Ренневиль, неоднократно выполнявший за границей тайные поручения правительства Людовика XIV, в 1702 г. был арестован французскими властями по подозрению в шпионаже в пользу противника. В 1713 г. после освобождения де Ренневиль издал книгу «Французская инквизиция, или История Бастилии», привлекшую широкое внимание. По уверению Ренневиля, Бастилия была полна арестованных разведчиков и контрразведчиков. Хотя автора побуждали к продолжению его книги такие влиятельные лица, как английский король Георг I, новых разоблачений не последовало. Не известно, как кончил Ренневиль. Однажды на него в Амстердаме было совершено безуспешное нападение. Возможно, оно было делом рук французских агентов, которые в следующий раз сумели добиться удачи. Был и другой, несравненно более известный и драматический эпизод, в котором история Бастилии переплелась с историей тайной войны.

…В три часа после полудня 18 сентября 1698 г. в Париж через Сент-Антуанское предместье проехала большая карета с плотно занавешенными окнами. Со всех сторон ее охраняли вооруженные всадники. Карета принадлежала Сен-Мару, который в молодости (в середине века) служил мушкетером под началом знаменитого Шарля д'Артаньяна. Когда король поручил д'Артаньяну арестовать всемогущего министра финансов Фуке, лейтенант, в свою очередь, приказал Бениню Доверию де Сен-Мару задержать одного из приближенных этого министра. Сен-Мар удачно выполнил приказ, чем заслужил милость короля. С тех пор он бессменно служил начальником различных крепостей, которые были превращены в тюрьмы для государственных преступников. И вот теперь — венец карьеры: Людовик XIV назначил этого верного слугу губернатором Бастилии, которому полагалось огромное жалованье, «маршалом тюремщиков», как его назвал один из французских историков.

Экипаж, в котором ехали Сен-Мар и еще одно лицо, остановился перед подъемным мостом Бастилии. Мост был немедленно опущен, ворота распахнулись и снова захлопнулись,

пропустив карету. Вместе с ней Бастилия скрыла тайну, которую надежно охраняли толстые стены средневековою замка и которую вот уже более двух с половиной веков пытаются разгадать ученые…

Возникла целая легенда о «железной маске». Не реальные факты, а только она известна большинству тех, кто слышал что-либо об этой знаменитой истории. О ней написана целая библиотека книг. И среди них, конечно, прежде всего «Три мушкетера» Дюма, точнее, одно из продолжений этой книги — «Десять лет спустя, или Виконт де Бражелон». Этот роман немало способствовал популяризации легенды.

«Вы сын короля Людовика XIII, вы брат короля Людовика XIV, прямой и законный наследник французского трона… Ваше право на царствование оспаривают — значит, вы имели на него право; пролить вашу кровь, как проливают кровь ваших слуг, не осмелились — значит, в вас течет священная кровь; теперь взгляните, как много даровал вам господь, тот господь, которого вы столько раз обвиняли. Он дал вам гербы, лицо, рост, возраст и голос вашего брата, и все, что побуждало ваших врагов преследовать вас, все это станет причиной вашего триумфального воскресения» — с такими словами в романе «Виконт де Бражелон» один из мушкетеров, Арамис, ставший генералом ордена иезуитов, обратился к бастильскому узнику Филиппу, носившему железную маску.

Людовик XIV, на сутки брошенный в Бастилию, возвращается с помощью д'Артаньяна на свой трон, а эфемерный король Филипп снова становится арестантом, кочующим из одной темницы в другую с лицом, навсегда скрытым под железной маской. Увлекательный рассказчик отнес этот эпизод к началу 60-х годов XVII в., за три с половиной десятилетия до того времени, когда человек в маске действительно был водворен в Бастилию. (По мотивам Дюма создано несколько известных кинофильмов «Железная маска».) К истории «железной маски» обращались Альфред де Виньи в поэме «Тюрьма», Виктор Гюго в драме «Близнецы» и тот же Дюма в «Узнике Бастилии». Существует много романов и второстепенных французских писателей о «маске», печатавшихся еще с середины XVIII в. вплоть до наших дней: де Муши (1750 г.), Реньо-Варена (1804 г.), Ле Турнера (1849 г.), де Робвиля (1860 г.), Лейнадье (1874 г.), Буагобея (1870 г.), Лядусета (1910 г.), Дюнана (1929 г.), Бернеда (1930 г.) и др.

…10 октября 1711 г. вдова герцога Орлеанского, брата Людовика XIV, Шарлотта Елизавета Баварская писала тетке Софье, герцогине Ганноверской: «Один человек долгие годы был заключен в Бастилию и там умер в маске». Через две недели, 22 октября, та же Шарлотта Елизавета сообщила своей родственнице в Ганновер дополнительные подробности:

«Я только что узнала, кто такой человек в маске, умерший в Бастилии. Если он носил маску, это вовсе не следствие варварства; он — английский лорд, который был замешан в предприятии герцога Бервика против короля Вильгельма. Он умер таким образом, чтобы король[13] не смог никогда узнать, что с ним стало. Таковы были сведения. которые дополнительно сообщала 60-летняя невестка «короля-солнца» своей тетке, которой перевалило за восьмой десяток и склонность которой к придворным сплетням была общеизвестна. Эти сведения привлекают внимание именно тем, что явно не соответствовали действительности и даже были неправдоподобны сами по себе. Герцог Бервик был побочным сыном Якова II, свергнутого с престола в 1688 г. (его матерью была Арабелла Черчилль, сестра знаменитого герцога Мальборо). После «славной революции» 1688 г. Бервик эмигрировал во Францию, участвовал в войнах Людовика XIV (в том числе и против Англии), подавил крестьянское восстание камизаров и в 1706 г. получил звание маршала Франции. «Предприятие герцога Бервика против короля Вильгельма» могло быть только одним из многочисленных якобитских заговоров. В правление Вильгельма Оранского Англия большей частью находилась в войне с Францией, кроме периода между Рисвикским миром 1697 г. и началом войны за испанское наследство в 1701 г. Непонятно, зачем было держать участника якобитского заговора против Вильгельма в Бастилии и вдобавок, скрывая его лицо под маской, сохранять такие меры предосторожности даже после смерти Вильгельма в 1702 г. Одним словом, письмо от 22 октября 1711 г. содержало столь очевидное абсурдное объяснение загадки, о которой

[13] Англии. — Е.Ч.

проговорилась в своем предыдущем послании Шарлотта Елизавета, что невольно наводит на мысль о сознательной дезинформации, к которой прибегла невестка Людовика XIV, снабдив свою престарелую родственницу хоть каким-то объяснением загадки и, возможно, давая ей понять нежелательность дальнейшего обсуждения щекотливой темы.

Ранневиль, как уже отмечалось, опубликовал в Амстердаме книгу «Французская инквизиция, или История Бастилии». В ней он рассказывает о том, что ему пришлось в одном из помещений тюрьмы случайно увидеть узника, которого стража немедленно повернула спиной к Ренневилю. Он передает, что встреча произошла в 1705 г., тогда как человек в маске скончался в 1703 г. Это заставляло недоверчиво относиться к сведениям Ренневиля. Однако автор «Французской инквизиции, или Истории Бастилии» явно писал по памяти, так как не мог делать записей и вынести их из тюрьмы, поэтому ошибка в два года легко объяснима. Кроме того, она могла быть следствием просто типографской опечатки (цифру 3 в рукописи легко спутать с 5). Ренневилю сообщили — в 1703 г. или в 1705 г., — что узник, осужденный на пожизненное заключение, уже находился в тюрьме 31 год за то, что он, будучи школьником 12 или 13 лет от роду, написал стихи против иезуитов. Это относит дату ареста к 1674 г., а рождение узника — к 1662 г. или к 1661 г.

Позднее Ренневиль узнал, что до Бастилии арестанта содержали на острове Сен-Маргерит и что в конце концов его все-таки освободили по ходатайству любвеобильных отцов из «Общества Иисуса». Свои сведения Ренневиль почерпнул от хирурга Бастилии Рейля. Стоит обратить внимание на сдержанность, проявленную Ренневилем в этом рассказе. Быть может, автор разоблачений о «французской инквизиции» не рисковал подробнее вдаваться в столь опасный сюжет, не чувствуя себя в безопасности и в Голландии, или ему даже там посоветовали не распространяться чрезмерно на скользкую тему. В 1745 г. была опубликована без указания имени автора книга «Секретные записки по истории Персии». В ней в стиле знаменитых «Персидских писем» Монтескье излагалась история «Шах-Абаса» — Людовика XIV, причем сообщались отдельные сведения о жизни неизвестного узника, которого автор записок явно считал очень важным лицом.

Далее — свидетельство Вольтера, с 16 мая 1716 г. по 14 апреля 1717 г. сидевшего в Бастилии (а также еще раз 9 дней-с 17 по 26 апреля 1726 г., после чего писатель был выслан в Англию). Приступив в 1732 г. к созданию своего капитального труда «Век Людовика XIV», Вольтер через шесть лет, 30 октября 1738 г., писал аббату Любо:

«Я довольно осведомлен о приключениях человека в железной маске, умершего в Бастилии. Я разговаривал с людьми, которые при нем служили» Это письмо, в котором впервые использован образ человека в железной маске, говорит, что Вольтер был знаком с людьми, в той или иной степени посвященными в тайну. В 1751 г. появился «Век Людовика XIV». В ней Вольтер сообщает отдельные подробности относительно содержания и поведения узника. Однако надо отметить одно важное обстоятельство. Вольтер относит арест «маски» к 1661 г., через несколько месяцев после смерти кардинала Мазарини. При этом писатель подчеркивает, что это беспримерное происшествие осталось неизвестным для всех ранее писавших историков. Иными словами, Вольтер опирается здесь на собственные, остававшиеся прежде недоступными источники. Писатель явно знал немало о «маске» — и о его пребывании в различных тюрьмах, и о его смерти в 1703 г. Правда, Вольтер, как до него и Ренневиль, сообщает, что «маску» сразу направили на остров Сен-Маргерит и в 1690 г. (а не в 1698 г., как на самом деле), когда губернатор Пинероля Сен-Мар был назначен губернатором Бастилии, он взял с собой с острова заключенного в маске. До этого узника посетил Лувуа и разговаривал с ним стоя, с вниманием, свидетельствующим о большом почтении, — факт, соответствующий действительности и свидетельствующий об осведомленности автора «Века Людовика XIV» о деле узника в железной маске. Заключая свой рассказ, Вольтер писал: «Еще более удивительно то, что, когда его („маску“) отослали на остров Сен-Маргерит, в Европе не исчез ни один значительный человек». Не стремился ли Вольтер такой внешне простой констатацией факта дать ключ к разгадке тайны, которая была ему известна более, чем он мог публично заявить об этом?

Учитывая интерес, который вызвал рассказ о «маске», Вольтер в издании 1752 г. добавил ряд новых деталей, в частности эпизод с рыбаком, который нашел серебряную тарелку, выброшенную «маской» из темницы, и которого спасла неграмотность. Посвящен в секрет был

военный министр Шамийяр. Его зять маршал Лафейяд рассказывал Вольтеру, что он на коленях умолял Шамийяра открыть секрет «маски», но тот решительно отказал ему в этом, ссылаясь на свою клятву хранить молчание. Вольтер далее пишет, что другими лицами, сообщившими ему сведения о «маске», были, в частности, герцог Ришелье, министр Торс и, лорд Болингброк, герцогиня Мальборо, некоторые из них могли быть в какой-то степени посвящены в тайну. В добавлении, написанном в 1753 г., Вольтер решительно отметает возможность, что «маской» был герцог Вермандуа, как это считал автор «Секретных записок по истории Персии». Вместе с тем Вольтер называл еще людей, снабдивших его сведениями о «маске»: Риуса — бывшего служащего военного ведомства в Канне (неподалеку от Сен-Маргерита), видавшего в юности, как узника перевозили с острова в Париж; личного хирурга Ришелье Марсо-лана; зятя врача в Бастилии, который лечил «маску», — эти и другие люди были еще живы в 1753 г. и могли подтвердить слова писателя.

И наконец, в 1771 г. во втором издании «Вопросов, касающихся энциклопедии» имеется «Добавление издателя», в котором указывалось, что «маска» — сын Анны Австрийской, незаконный старший брат Людовика XIV. Можно усомниться в том, что это известное прибавление написано Вольтером или было предварительно одобрено им. Стиль прибавления слабо напоминает вольтеровскую манеру письма. Писатель говорит, что тот, кого стали называть «маской», был арестован после смерти Мазарини. Если бы речь шла о старшем брате короля Людовика XIV, родившегося в 1638 г., то держать в одиночном заключении незаконного сына Анны Австрийской пришлось бы ранее 1661 г. (впрочем, в «Добавлении» говорится, что арест был произведен по личному приказу Людовика XIV, как только он после кончины кардинала принял бразды правления и узнал тайну). Вместе с тем против гипотезы, что «маска» — старший брат короля, говорит, во-первых, то, что, если Мазарини и Анна Австрийская хранили секрет до 1661 г., им не было причин тогда открывать его молодому королю, и, во-вторых, то, что если «маска», находясь минимум до 24 лет на свободе (1637—1661 гг.), не сообщил никому о своем происхождении, следовательно, он не знал о нем. Да и другие не подозревали о тайне. Это означало бы, что внешнее сходство «маски» с его братом не бросалось в глаза. Откуда же «маска» мог узнать тайну, находясь в заточении, а если не узнал, зачем было нужно так тщательно изолировать его от любых контактов с окружающими? Кроме того, само предположение, что королева скрыла от окружающих рождение ею ребенка, могло возникнуть только при незнании придворных обычаев. (Впрочем, последнее, как мы увидим, оспаривается.)

И наконец, в списке авторов XVIII в. есть еще один свидетель — аббат Пап он, который в 1780 г. опубликовал книгу «Литературное путешествие в Прованс» и также не разделял мнения барона Хейса, который за 10 лет до этого отождествил «маску» с графом Маттиоли, именуя узника «неизвестным». Повторяя и подтверждая на основе собственных источников многое, уже известное из произведений Вольтера и других писателей, Папон сообщает со ссылкой на одного отставного офицера, которому было уже около восьмидесяти, о таком происшествии. Лекарь его роты, направленный нести службу в крепость-тюрьму на острове Сен-Маргерит, однажды увидел, что узник выбросил в море какой-то белый предмет: это был кусок, оторванный от рубахи. Лекарь выловил его и принес к губернатору острова Сен-Мару. Губернатор развернул полотно, на внутренней стороне которого было что-то написано. После этого Сен-Мар стал строго допрашивать лекаря, прочел ли он эту своеобразную записку. Тот клялся, что не читал. Через два дня врача нашли мертвым в его постели. Папон сообщает еще несколько важных штрихов. Во-первых, «маску» считали настолько значительным лицом, что ему разрешили иметь слугу. Во-вторых, он с годами не терял этого значения, так как ему подыскивали другого слугу. В-третьих, его слуги уже не должны были выйти на свободу — дополнительное указание, что «маска» был обречен на вечное заключение в тюрьме.

Таковы свидетельства авторов XVIII в., которые надо принять во внимание при решении загадки. Это далеко не всегда делалось в книгах о «маске».

Отметим, между прочим, следующее обстоятельство. Когда легенда только возникла, говорили, что узник носил маску из бархата, а не из железа. Но потом железо показалось «романтичнее» и победило менее эффектный бархат. Барон Глейхен выдумал уже, что Людовик XIV был сыном королевы Анны Австрийской от ее фаворита Мазарини и что они подменили

им законного наследника престола, заточенного в Бастилию.

Совершенно курьезное продолжение получила версия Вольтера в начале XIX в., в годы правления Наполеона I Бонапарта. Начало было прежним; Людовик XIV считался незаконным сыном королевы, а настоящим наследником — «железная маска». Но далее шло одно интересное добавление; до того как узник с железной маской на лице был отправлен в Бастилию и еще содержался в заключении на острове Сен-Маргерит, ему удалось тайно жениться на дочери одного из тюремных стражей. Рожденный от этого необычного брака мальчик был доставлен на Корсику и передан там на воспитание верному человеку. Ребенок — плод недолгого, но счастливого союза — получил итальянское имя де Буона-Парте (т.е. хорошая доля, в переносном смысле — из хорошей семьи) и являлся, следовательно, прямым предком императора Наполеона Бонапарта. С помощью подобной чепухи бонапартистская пропаганда пыталась убедить роялистски настроенные круги, что именно Наполеон является исконным наследником подлинных Бурбонов. (Роялисты, пока планы Бонапарта не стали для них ясны, напротив, объявляли, что Наполеон, как наследник «маски», восстановит на троне «законного короля» Людовика XVIII.) Но и этих нелепостей было недостаточно. Существовала версия, согласно которой «железная маска» — это не брат, а отец Людовика XIV, которым был, оказывается, один бедный дворянин, добившийся благосклонности королевы Анны Австрийской и заключенный в тюрьму за слишком большое внешнее сходство со своим царствующим сыном.

Появилось немало и других претендентов. Так, «маской», как уже отмечалось, считали графа де Вермандуа, сына Людовика XIV и его любовницы ла Вальер. Но, как твердо установлено, Вермандуа умер в 1683 г., задолго до появления «маски» в Бастилии. Еще менее мог быть «маской» герцог де Бофор, пропавший без вести во время сражения в 1669 г., хотя и его кандидатура неоднократно выдвигалась в литературе. (Бофор родился в 1616 г., и к 1703 г. — году смерти «маски» — ему было бы около 90 лет.) Некоторые считали, что «железная маска» — это Фуке, министр финансов, который был смещен с должности и арестован по приказу короля, питавшего к нему личную ненависть. А. Вагеман в книге «Железная маска, или Через два столетия» поделилась догадкой, что под маской скрывался… король Карл I, вместо которого был публично обезглавлен другой человек во время английской революции, 3Q января 1649 г., как «тиран, убийца и враг государства». По уверению Вагеман, Карла заменил какой-то похожий на него роялист. Недаром, мол, Кромвель подошел к телу казненного короля и остановился в недоумении (этот эпизод тоже относится к разряду вымыслов). Зачем было Людовику XIV держать в темнице «спасшегося» Карла I, ответить, разумеется, невозможно. Надо добавить, что, по версии Вагеман, Карл I отличался завидным долголетием, ко времени смерти «маски» ему должно было быть уже 103 года. А одним из главных доказательств своей теории Вагеман считала, что и Карл I, и «маска» любили тонкое белье.

Кого только еще не подставляли под эту «маску»: английского герцога Монмаута, поднявшего восстание против Якова II и казненного после разгрома повстанцев; армянского патриарха Константинополя и Иерусалима по имени Аведик, которого тайно схватили и доставили во Францию стараниями иезуитов. Далее идут уже совсем малоизвестные лица, вроде некоего графа Керулза. Один автор с особенно развитой фантазией назвал, напротив, имя, знакомое каждому, — Мольер! Великий писатель, оказывается, не умер в 1673 г., как это принято считать, а был по наущению иезуитов, ненавидевших автора «Тартюфа», заключен в тюрьму. В отношении некоторых из этих кандидатур еще приводились какие-то, при ближайшем рассмотрении оказывавшиеся, впрочем, совершенно несостоятельными доводы. В остальных случаях «теории» просто были взяты, как говорится, с потолка. Тем не менее доказательству каждой из этих гипотез было посвящено по одной, а то и более книг. В число кандидатов входят и вымышленные лица, вроде даже незаконного сына Людовика XIV, что уже является совсем абсурдом, если считать, что человек-«маска» прибыл в Пинероль в 1668 г., когда самому королю было еще неполных 30 лет.

Еще несколько примеров. В 1873 г. Т. Юнг опубликовал книгу «Правда о “железной маске”», в которой пытался связать таинственного заключенного с аристократическим участником одного действительного или мнимого заговора против Людовика XIV. В конце XIX в. появилось исследование Бюрго (написанное в сотрудничестве с Базри) «Железная маска.

Раскрытие шифрованной корреспонденции Людовика XIV». Работа произвела большое впечатление, так как авторы ее, специалисты по кодам, утверждали, что их выводы базируются на расшифровке секретной переписки «короля-солнца». А главным выводом было, что «маской» являлся некий генерал Бюлонд. Источники подтверждают: он был дейсг-вительно посажен в тюрьму. Однако его арест власти нисколько не держали в тайне. Они, напротив, официально довели о нем до всеобщего сведения. Кроме того, в корреспонденции Людовика XIV имелось единственное упоминание о «маске», которое только и способно было как-то подтвердить новую гипотезу. Ее дешифровка Бюрго была на самом деле не более чем простым предположением. К тому же в большой работе по дешифровке не было никакой необходимости. Во французском национальном архиве сохранились копии документов, расшифрованных еще в XVII в. чиновниками французского военного министерства. В довершение всего было установлено, что Бюлонд умер в 1709 г., то есть значительно позднее, чем «маска».

Впрочем, фиаско, которое потерпела теория Бюрго, не помешало немецкому исследователю Ф. Шейхлю издать в 1914 г. работу, в которой «маской» объявлялся еще один генерал-Жак Бретель, шевалье де Гремонвиль, родился в Руане в дворянской семье. Он был младшим сыном и, не рассчитывая на наследство, как это было нередко в ту пору, стал священником. Духовное звание послужило ему лишь трамплином для дипломатической карьеры. В 1664 г. Гремонвиль был назначен французским послом в Вену. Любезный француз сумел очаровать стареющую императрицу Элеонору, мать императора Леопольда. Посол стал любовником императрицы и получил значительное влияние на ее сына. 19 января 1668 г. ему удалось подписать тайный договор о разделе владений Испании между Францией и австрийскими Габсбургами в случае смерти бездетного испанского короля Карла II. Весной 1669 г. содержание этого договора сделалось известным иностранным дворам. Чтобы сохранить французское влияние в Вене, Гремонвилю было поручено добиться заключения союзного договора с императором. Посол окунулся с головой в вихрь придворных интриг. Ему удалось получить лишь обязательства Леопольда не воевать против Франции, если не будут затронуты границы габсбургских владений в Испании. Но и это было большим успехом. Вскоре последовали неудачи, и Гремонвиль растерял свое влияние при венском дворе. Император все более склонялся к союзу с врагами Людовика XIV, стремившегося к европейской гегемонии и уже начавшего войну против Голландии. В конечном счете Леопольд заключил союзный договор с Испанией и Голландией против Франции. Гремонвиль проиграл. Французскому послу были вручены паспорта, но он все еще не терял надежды отыграться и не спешил покидать Вену. Тогда его выслали под военным конвоем. Хотя Гремонвиль вряд ли нес главную долю вины за такой ход событий, бывших прямым следствием агрессивных действий Людовика XIV, гнев короля обратился против злополучного дипломата. Гремонвиль прибыл в Париж 12 ноября 1673 г. — после этого о нем ничего не было слышно. Утверждали, будто он умер от огорчения (об этом сообщалось в изданной в 1696 г. в Аугсбурге «Истории императора Леопольда»). Датой смерти считали 1683 г. или 1686 г. Таковы факты, на основе которых Ф. Шейхль построил гипотезу о том, что «железной маской» был Жак Бретель, шевалье де Гремонвиль.

Один из новейших авторов обратил внимание на то, что кое-кто из ею предшественников при выборе кандидата на роль «маски» вольно или невольно следовал своим симпатиям. Юнг и Базри, будучи офицерами, «нашли» «маску» среди военных чинов, католический епископ Бэрнс заключил, что «маска» — духовное лицо. Некоторые из авторов работ о «маске», количество которых определяется уже четырехзначными цифрами, тенденциозны до наивности, отбирая документы, говорящие в пользу своей концепции, и игнорируя все остальные, иногда даже при цитировании источников пропуская «неудобные» места, замалчивая аргументы сторонников других гипотез.

Вольтер сообщал существенную деталь: Шамийяр в ответ на настойчивые вопросы Лафейяда и де Комартена (покровители Вольтера в его молодые годы) отвечал иногда, что «это был человек, посвященный во все секреты Фуке». Он признал этим, следовательно, по меньшей мере то, что неизвестный был схвачен некоторое время спустя после смерти кардинала Мазарини. К чему же тогда столь неслыханные предосторожности в отношении доверенного человека Фуке, если считается, что «в это время не исчез ни один значительный человек».

Повторяя в последней фразе уже ранее отмеченный им факт, не намекает ли Вольтер снова, что она содержит — если содержит — ключ к разгадке? Быть может, поэтому Вольтер добавлял: «Следовательно, ясно, что это был чрезвычайно важный узник, судьба которого все время оставалась тайной». Вольтер приводит еще свидетельство некоего Пальто, который, надо добавить, был сыном племянника Сен-Мара. В нем, между прочим, указывалось, что узника часто называли «башней», рассказывалось о том, какие предосторожности принимались Сен-Маром при его содержании, подчеркивалось, что он говорил без всякого иностранного акцента.

Эрколе Маттиоли или Эсташ Доже?

Чтобы приблизиться к разгадке, нужно, отбросив вымыслы и фантазии, обратиться к немногим известным, точно установленным и могущим быть легко проверенными фактам, к сохранившимся, не вызывающим сомнения подлинным документам, которые исходили от непосредственных участников событий.

18 сентября 1698 г. губернатор острова Сен-Маргерит в Средиземном море вступил в должность губернатора Бастилии. Привезенный им арестант, ранее содержавшийся в тюрьме на Сен-Маргерите, носил на лице черную бархатную маску; о том, кто этот арестованный и в чем заключалось его преступление, власти хранили строгое молчание. Комендант Дю Жюнка, второе после губернатора должностное лицо Бастилии, 18 сентября 1698 г. в своем дневнике (в него он с 1690 г. заносил для себя сведения о поступлении и убытии — в результате смерти или освобождения заключенных) сделал запись о прибытии губернатора Сен-Мара с таинственным узником, который был ранее заключенным в государственной тюрьме в Пинероле. Это небольшое селение у подножия Альп в Северной Италии перешло к Франции по договору 1631 г. Учитывая выгодное стратегическое положение Пинероля, Ришедье приказал построить там крепость, включая цитадель и отделенную от нее высокой стеной тюрьму. Пинероль имел сильные фортификации, его цитадель охранялась сильным гарнизоном. Это неудивительно, если учесть, что из Пинероля французы легко могли проникнуть в глубь Италии. Тюрьма Пинероля была почти так же известна, как Бастилия, и пользовалась еще более зловещей репутацией (когда герцог Лозен узнал, что король приказал заключить его в тюрьму Пинероля, он попытался покончить с собой). В тюрьме содержалось всего несколько — 5 или 6 — «государственных заключенных». А численность тюремной охраны была больше в 10 с лишним раз. Некоторым из заключенных разрешалось иметь слуг. С 1665 г. по приказу военного министра Лувуа тюрьма находилась в полном распоряжении Сен-Мара.

В дневнике отмечается, что имя заключенного остается неизвестным. Вначале он был помещен в первой камере башни Базиньер, а через несколько часов после этого препровожден в третью камеру башни Бертодьер, которая заранее, за несколько дней до этого, была хорошо обставлена по приказу Сен-Мара. Узник ел вместе с губернатором, слуга передавал им блюда из соседней комнаты. Перед едой губернатор тщательно запирал двери камеры. Сен-Мар спал в одном помещении с заключенным.

Сохранилось письмо губернатора, где он описывает чрезвычайные предосторожности, которые ему приходилось принимать на случай своей болезни, для того чтобы офицеры и солдаты, приносившие заключенному еду, не увидели его лица. Совершенно ясно, что с узником обращались весьма внимательно, хотя сведения об исключительной почтительности, с которой относился губернатор к «маске», о роскоши, которой он якобы был окружен в своей камере, не находят каких-либо подтверждений в документах и поэтому, вероятно, относятся к области мифов.

Выдержки из дневника Дю Жюнка были опубликованы более чем полстолетия спустя, в 1769 г., священником при Бастилии Р. П. Грифе. Он уверял, что воспоминания о необычайном заключенном десятилетиями жили среди офицеров и солдат Бастилии. Утверждалось, что впоследствии были уничтожены все вещи, связанные с пребыванием «маски» в Бастилии, спешно побелены и покрашены стены и переложен пол в камере, в которой он находился, с целью ликвидировать любые возможные следы. Показания Грифе подтверждаются заметками майора Шевалье, занимавшего пост одного из главных чиновников Бастилии с 1749 по 1787 г.

Этот исполнительный и трудолюбивый служака, который среди своих заметок исторического характера воспроизвел записи Дю Жюнка, сообщает, что таинственный узник, не болевший во время нахождения в Бастилии, однажды почувствовал себя нездоровым и через несколько часов умер. Он был похоронен 20 ноября 1703 г.

Не стоит придавать особого значения всем показаниям Грифе и Шевалье, кроме тех, в которых сообщаются вполне определенные факты. Оба эти свидетеля писали в то время, когда легенда о «маске» получила уже широкую известность и могла повлиять на их рассказы.

Обращаясь снова к подлинным документам, нетрудно убедиться, что легенда игнорировала одно важное обстоятельство. Строгость заключения постепенно ослабевала. Как показывают регистрационные записи, 6 марта 1701 г. «маску» перевели во вторую камеру башни Бертодьер и, что особенно интересно, в камере он находился не один. В ней еще за несколько месяцев до того был помещен молодой слуга Тирмон, обвиненный в тяжелом уголовном преступлении. (Тирмон 14 декабря 1701 г. был переведен в другую тюрьму и умер в 1708 г., лишившись до этого рассудка.) Эти факты интересны не только тем, что исключают отождествления этого Тирмона с «маской» (были и такие попытки), но и доказывают, что человека, знакомого с «маской», вскоре поместили в другую тюрьму, где не могла соблюдаться такая секретность, как в Бастилии.

Более того, после Тирмона у «маски» появился другой сосед по камере — 60-летний Жан Александр де Маранвиль (псевдоним — Рикарвиль), который попал в Бастилию за критические замечания по адресу правительства. В 1708 г. Маранвиля перевели из Бастилии в Шарантон — в так называемую «открытую тюрьму», где заключенные имели право поддерживать связь друг с другом и с внешним миром. Умер Маранвиль в следующем, 1709 г. Трудно совместить несомненный факт соблюдения строгой секретности в отношении «маски» и нахождение его в одной камере с арестованными, которым впоследствии сама администрация дала возможность разгласить сведения, полученные от таинственного узника. Вдобавок в этом не было никакой нужды — камер в Бастилии было в тот период значительно больше, чем заключенных, и заключенные, как правило, содержались в одиночных камерах. Так, в ту же вторую камеру башни Бертодьер, которую одно время занимал «маска», с 22 февраля 1703 г. был помещен аббат Гонзель, обвинявшийся в шпионаже.

Любопытно отметить, что уже в заметках Шевалье содержится утверждение, видимо, дающее ключ к идентификации «маски». Он указывает, что тот был похоронен под фамилией Марширг. О смерти узника есть, как уже отмечалось, и запись в дневнике Дю Жюнка, опубликованная в XIX в. В ней также указывается, что заключенный умер внезапно. Но тут же сообщается, что незнакомцу в регистрационном списке умерших было дано какое-то чужое имя, после чего на полях записи было добавлено, что, как он (Дю Жюнка) узнал позднее, неизвестный был занесен в реестр умерших заключенных под именем де Маршьеля. Был обнаружен наконец и сам реестр, в нем значилось: «19 (ноября 1703 г.) Маршиоли, приблизительно 45 лет, умер в Бастилии». Далее шли сведения о похоронах на следующий день и о присутствовавших при погребении тела официальных лицах. В этой второй части записи обращает на себя внимание небрежность: имя врача Бастилии, наблюдавшего за похоронами, написано совершенно по-разному в самом тексте и в подписях, скреплявших этот документ (Relge и Reilhe). Таким образом, тюремный писарь не отличался особым вниманием (или грамотностью), даже когда вписывал в документы фамилии немногих и хорошо знакомых ему чиновников Бастилии. Тем более вольно мог он обращаться с совершенно неизвестным для него, впервые называемым именем заключенного.

Итак, Маршиоли. Это имя, возникшее от чтения документов, разысканных в XIX в., серьезно подкрепляет теорию, родившуюся за 100 лет до этого. Уже в 1770 г. один библиофил, барон Хейс, в письме в «Журналь энциклопедик» отождествил «маску» с графом Маттиоли, и эта точка зрения была потом подтверждена многими исследователями. Противоречили ей эффектная история, рассказанная Вольтером, и ее дальнейшая популяризация у Дюма.

Версия Хейса защищалась в опубликованной в 1825 г. монографии Делора и еще в некоторых работах. Среди них особое место принадлежит книге М. Топена «Человек в железной маске» (Париж, 1870 г.), в которой впервые был опубликован ряд важных документов, в том числе письма Сен-Мара. «Кандидатура» Маттиоли получила преобладание в

конце XIX — начале XX в. Ее активным сторонником был, в частности, известный французский историк Ф. Функ-Брентано, который привел многочисленные доводы в пользу этой гипотезы в своих неоднократно переиздававшихся исследованиях, посвященных «железной маске», а также истории Бастилии. Он утверждал, что тождество «маски» с мантуанцем доказано с «математической точностью». Доводы Функ-Брентано воспроизводились и в работах большинства нефранцузских авторов, которые писали о «маске», например в книгах В. Брекинга или историка Бастилии Ф. М. Кирхейзена. (Позднее, в 30-х годах, версия о Маттиоли стала подвергаться критике. Но об этом ниже.)

Кто же такой был граф Маттиоли и что послужило причиной его таинственного заключения? Для ответа на этот вопрос нам придется обратиться к борьбе французской и австрийской дипломатии и разведок в Италии.

…13 марта 1678 г., когда часы на башне Компаниле возвестили наступление полночи, на опустевшей площади Святого Марка в Венеции встретились четверо мужчин. Богатство костюмов говорило, что все они знатные и влиятельные люди, а низко надвинутые широкополые шляпы и маски из черного шелка могли бы свидетельствовать о желании сохранять инкогнито, если бы не происходивший карнавал, во время которого венецианцы — от дожа до последнего гондольера — показывались на улицах с закрытыми лицами. После кратких приветствий вся четверка поспешно направилась ко дворцу дожа, около которого темнели величественные статуи, слабо освещенные луной. Никто не потревожил оживленной беседы, участниками которой были мантуанский герцог Карл IV, его министр граф Маттиоли, посол Людовика XIV аббат д'Эстрад и его главный разведчик Джулиани.

…Граф Эрколе Маттиоли родился в 1640 г. Уже в молодости Маттиоли удалось приобрести благосклонность Карла III, герцога Мантуанского, а потом и его наследника Карла IV. Последний был типичным итальянским князьком той эпохи, думавшим только о своих удовольствиях. Карл IV на несколько лет вперед запродал государственные доходы откупщикам и проводил время в Венеции, растрачивая полученные деньги. (При нем находился и государственный секретарь Маттиоли.)

Все это вполне соответствовало планам Людовика XIV. Еще с 1632 г. французы находились в Пинероле (где, как мы уже знаем, помещалась и одна из французских государственных тюрем). Людовик хотел пополнить свои итальянские владения за счет Казаля, входившего в состав Мантуанского княжества. Город был нужен из-за его выгодного географического положения. Овладев им, французы могли бы эффективнее оказывать давление на Пьемонт, что, в свою очередь, было весьма важно и для борьбы за Италию, и для дипломатических комбинаций Людовика в других частях Европы. И он решил купить Казаль.

У Людовика в Венеции был предприимчивый посол — аббат д'Эстрад. По его поручению один издатель газеты, некий Джулиани, бывший на деле французским разведчиком, окружил Маттиоли своими шпионами. Собранные сведения оказались благоприятными. Джулиани быстро договорился с Маттиоли об уступке Казаля. 12 января 1678 г. Людовик, оказывая особую честь Маттиоли, написал ему собственноручно благодарственное письмо. А еще через два месяца во время венецианского карнавала д'Эстрад и герцог Мантуанский встретились, будто случайно, на площади и уточнили все условия соглашения. Обычно вездесущие венецианские разведчики, которые не спускали глаз с посла Людовика XIV, прозевали эту встречу, столь опасную для интересов республики…

В декабре 1678 г. Маттиоли в Париже подписал договор. Карл IV получал взамен Казаля 100 тыс. экю. Не был забыт и государственный секретарь. Во время частной аудиенции Людовик XIV подарил ему ценный бриллиант и приказал выдать 100 двойных луидоров. Людовик платил Маттиоли не только за заключение самого договора, но и за соблюдение тайны, ибо «король-солнце» надеялся в этом случае, как и в ряде других, поставить Европу перед совершившимся фактом. Иначе противники Людовика, конечно, не согласились бы на такое, ничем им не компенсированное усиление французских позиций.

Но тайна не была сохранена. Не прошло и двух месяцев после поездки Маттиоли во Францию, как о договоре уже знали и в Вене, и в Мадриде, и в Турине (столице Пьемонта), и в Венеции. А вскоре перестало быть секретом не только само соглашение, но и то, каким путем его содержание стало известно во всех заинтересованных европейских столицах. Получив

деньги с Людовика XIV, Маттиоли немедля запродал сведения о договоре всем противникам французского короля. (Одни испанцы заплатили за раскрытие секрета солидный куш — 4 тыс. пистолей, как сообщал Джулиани его шпион священник Рандоки.) А герцогиня Савойская сочла выгодным для себя раскрыть Людовику двойную игру мантуанца.

Гнев короля против одурачившего его итальянца еще более усилился, когда благодаря интригам Вены по дороге в Венецию, где находился Карл IV, был арестован тайный посланец Людовика, ехавший для обмена ратификационными грамотами.

Д'Эстрад был не только взбешен, но и опасался за свою карьеру. Он предложил похитить коварного итальянца. Это было важно сделать не только для мести изменнику, но и для того, чтобы вырвать из рук Маттиоли секретную переписку, компрометировавшую французское правительство. Кроме того, расторопный Джулиани, сумевший завести дружбу с приближенными Карла IV, сообщал, что герцог после исчезновения Маттиоли явно будет склонен возобновить переговоры о продаже Казаля.

После некоторых колебаний Людовик XIV согласился на предложение д'Эстрада, к тому времени переведенного послом в Турин, но особо приказывал, чтобы похищение было совершено без малейшей огласки. Оставалось осуществить одобренный королем план.

Д'Эстрад, делая вид, что ему ничего не известно об интригах Маттиоли, предложил мантуанцу поехать вместе в Париж для получения новых наград от благодарного французского короля. Маттиоли попался в ловушку. Вскоре после того, как карета д'Эстрада пересекла французскую границу, ее окружил отряд драгун, а еще через несколько часов Маттиоли уже находился в крепости Пинероль, начальником которой был Сен-Мар. Это произошло 2 мая 1679 г. Следует добавить, что в то время в Италии существовал обычай надевать маску на заключенных (так часто поступали, например, в Венеции).

В Пинероле Маттиоли после недолгого отпирательства под угрозой пытки сознался, что тайная переписка с Парижем спрятана в доме его отца в Падуе. Джулиани, которого снабдили письмом от Маттиоли, написанным под диктовку тюремщиков, поспешил в Падую. Отец нового пинерольского узника, который, конечно, еще ничего не знал об участи сына, поспешил выполнить его просьбу и передать секретные бумаги Джулиани. А французский разведчик немедля отправился в Венецию, откуда с дипломатической почтой эти документы были сразу же отосланы в Париж.

Если предположить, что «маской» был Маттиоли, многое находит свое объяснение. У Людовика были серьезные основания для того, чтобы скрывать совершенное им вопиющее нарушение международного права — похищение министра иностранного государства. Но шли десятилетия, эпизод уходил в далекую историю, и необходимость в соблюдении строгой секретности постепенно ослабевала. И вот мы видим, что власти Бастилии идут даже на то, чтобы поместить «маску» с другими заключенными, хотя те потом могли разгласить полученные ими сведения. Даже сама бархатная маска могла служить не соблюдению тайны, а смягчению тюремного режима. В маске узник мог выходить из камеры, что не допускалось правилами в отношении государственных преступников.

Но всего этого, конечно, еще далеко не достаточно для полной уверенности, что «маска» — Маттиоли. Есть, однако, и дополнительные доказательства. Сохранилась депеша Людовика XIV к д'Эстраду, где король одобрял идею похищения мантуанца и предписывал доставить Маттиоли в Пинероль. Имеется и отчет начальника отряда, которому было поручено выполнить этот приказ. В отчете, предназначенном для военного министра Лувуа, подчеркивалось, что дело было осуществлено в глубокой тайне и что имени арестованного не знали даже офицеры, помогавшие задержать итальянца и препроводить его в тюрьму. Наконец, имеется изданная в Италии в 1682 г. по свежим следам события брошюра «Благоразумие, восторжествовавшее в Казале», в которой подтверждается, что Маттиоли был схвачен и доставлен в Пинероль (таким образом, полной тайны соблюсти все же не удалось).

Мы знаем из записей Дю Жюнка, что «маска» находился в Пинероле под наблюдением Сен-Мара. Там содержалось тогда (в 1681 г.) всего пять государственных преступников. Трое умерли до того, как «маска» был доставлен в Бастилию, дата смерти четвертого неизвестна. Пятым был человек-«маска», скончавшийся в 1703 г. в Бастилии. В тюремном реестре умерших «маска» назван, как уже отмечалось, «Маршиоли», но если читать по-итальянски, то получится

«Маркиоли». А сам Сен-Мар в ряде документов писал «Мартиоли» — это уже совсем близко.

Через несколько десятилетий после смерти Маттиоли, когда вопрос о «маске» вызвал общее любопытство, всесильная фаворитка Людовика XV маркиза Помпадур настояла перед королем, чтобы он приказал произвести расследование. Позднее Людовик XV сказал, что «маской» был «министр одного итальянского князя». Фрейлина королевы Марии-Антуанетты сообщает в своих мемуарах, что по просьбе жены Людовик XVI расспросил о «маске» одного из приближенных, хорошо помнившего начало века. Тот указал, что «маской» являлся один опасный итальянский интриган, подданный князя Мантуи. Этого итальянца доставили сначала в Пинероль, а потом в Бастилию.

Как будто доказательств вполне достаточно. И все-таки… И все-таки почти любое из них можно поставить под сомнение, каждый документ трактовать по-разному. Ведь можно допустить, что была сознательно выдвинута ложная версия для сокрытия истины. Тем более что не очень понятны все же мотивы соблюдения строгой секретности, если «маской» был Маттиоли. О его аресте было известно. Никаких протестов со стороны единственного лица, которое могло протестовать, — Карла IV — ждать не приходилось. Ведь он, кроме всего прочего, так же как и Людовик XIV, был обманут Маттиоли (Карл IV, напротив, явно желал, чтобы Маттиоли не вышел из французской тюрьмы).

Словом, арест Маттиоли не был секретом. Разговоры о нем велись вне зависимости от того, насколько строго соблюдалась тайна пребывания узника в различных государственных тюрьмах Франции. Нельзя, видимо, и преувеличивать мстительность и злопамятность Людовика. Было бы, вместе с тем, опрометчивым искать строгую логику в его поведении, которым часто управляли каприз, минутное настроение. А однажды изданный монархом приказ мог исполняться десятилетиями без того, чтобы кто-либо осмелился беспокоить «короля-солнце» мелким и к тому же неприятным делом. (Впрочем, как правило, Людовик был очень внимателен к таким «мелочам».)

Довольно рано возникла версия, что все посвященные в тайну умерли н начале XVIII в. Существовало также мнение, будто тайна «железной маски» передавалась только царствующим королем наследнику престола. В таком случае, однако, эта тайна должна была умереть вместе с Людовиком XIV, ибо он не мог сообщить ее своему малолетнему преемнику Людовику XV и вряд ли доверил регенту герцогу Орлеанскому. Или если все же допустить, что старый король открыл тайну герцогу Орлеанскому, то Людовику XVI уж явно было не до того, чтобы делиться ею со своим братом и наследником Людовиком XVIII, когда они оба — только в разных экипажах — бежали из революционного Парижа. Людовик XVI был задержан, а его брату удалось скрыться за границу. В момент бегства, добавим, был еще жив сын Людовика XVI, который умер 10 лет от роду. Так что Людовик XVI и не предполагал, когда последний раз виделся с братом, что тот станет его преемником. Поэтому, вопреки утверждениям некоторых современников, Людовик XVIII уже никак не мог знать тайну «маски». Вообще вся эта история не выглядит правдоподобной, особенно учитывая, что, как мы знаем, Людовик XV и Людовик XVI по просьбе своего окружения наводили справки о «маске». Вряд ли у них были причины заниматься мистификацией.

За последние десятилетия исследователями выдвинуто несколько новых кандидатов на роль «маски», также сыгравших ту или иную роль в тайной войне. Среди них некий Эсташ Доже, о котором следует сказать несколько подробнее. Но для этого надо снова вернуться далеко назад — в Пинероль, куда 2 мая 1679 г. был помещен Маттиоли.

Обращает на себя внимание, что военный министр Лувуа — начальник Сен-Мара — и этот последний не делали никакой тайны в своей служебной переписке из заключения Маттиоли в крепость. 7 сентября 1680 г. Сен-Мар в незашифрованном письме к Лувуа сообщал о целом ряде столкновений, которые он имел с итальянцем, называя его по фамилии. Напротив, о лицах, содержание которых в крепости хотели сохранить в секрете, не только писали шифром, но и избегали употребления подлинных фамилий, используя взамен вымышленные имена или просто говоря о некоем заключенном, доставленном из такого-то места в таком-то году или по повелению такого-то лица. Маттиоли был едва ли не наименее таинственным из государственных преступников, об аресте которого в 1682 г. была опубликована книга и, как показали новейшие исследования, даже писали в тогдашних голландских газетах.

В 1679 г., когда в Пинероль был доставлен Маттиоли, там содержалось еще шестеро государственных преступников. Мантуанец, следовательно, был седьмым. В 1680 г. умер один из семи — бывший министр Фуке, а в 1681 г. был освобожден другой заключенный — Лозен. Следовательно, оставалось пятеро заключенных. Это были: первый — Маттиоли; второй — «слуга» Эсташ Доже; третий — бывший камердинер Фуке — Ла Ривьер, который после смерти арестованного министра был оставлен в заключении; четвертый — «шпион» Дюбрей. Дюбрей уже побывал в тюрьме в Бордо. Выйдя на свободу, он перебрался в Базель и попытался стать агентом-двойником, продававшим информацию одновременно и командующему французскими войсками на Рейне графу Монклеру, и неприятельскому генералу Монтекуккули. Раскрывший игру Дюбрея французский генерал-интендант Лагранж послал своего шпиона наблюдать за Дюбреем в Базеле, с тем чтобы арестовать его, как только он вступит на французскую территорию. Когда Дюбрей вернулся во Францию, ему удалось один раз ускользнуть от преследователей, но в апреле 1676 г. он был арестован, помещен в крепость Брисаш и в июне того же года привезен в Пинероль. С ним было предписано обходиться без церемоний и, если он будет делать глупости, считать сумасшедшим. Дюбрей действительно постепенно сходил с ума и, кажется, совсем лишился рассудка, когда к нему подсадили еще одного заключенного — пятого в нашем списке. Этим пятым был монах, вероятно, к этому времени также сошедший с ума. В числе этой пятерки, несомненно, находился «человек в маске». Когда впоследствии он был перемещен в Бастилию, Дю Жюнка отметил в своем дневнике, что Сен-Мар привез с собой «своего старого заключенного, которого он ранее держал в Пинероле».

В мае 1681 г. Сен-Мар был назначен комендантом форта Экзиль, расположенного в Альпах в нескольких десятках лье от Пинероля. Это, кстати, являлось значительным продвижением по службе. Экзиль до этого не служил тюрьмой. При подготовке к приему арестантов пришлось под личным присмотром Сен-Мара проделать дорогостоящий ремонт и переоборудование помещений в одной из башен, чтобы можно было соблюдать строгий режим содержания двух заключенных. Тех, которые, как писал Лувуа Сен-Мару, «имели достаточно важное значение, чтобы оставить их только в Ваших руках». Вместе с тем отметим, что ранее Сен-Мар пренебрежительно именовал этих арестантов «дроздами», а Лувуа одного из них — «слугой». Эти двое узников, видимо, только и заботили военного министра. В отношении остальных Лувуа проявлял столь мало интереса, что забыл, кто они, и даже наводил у Сен-Мара справки на сей счет. Арестантов отправили из Пинероля тайно, двух «дроздов», не значившихся теперь ни в каких списках, сопровождали 45 солдат, не считая Сен-Мара и его офицеров. Нам неизвестно точно, кто были эти двое арестантов. Ранее историки думали, что в их числе был Маттиоли. Однако уже более 100 лет назад французский ученый М. Топен (сам сторонник кандидатуры Маттиоли) отыскал письмо Сен-Мара к аббату д'Эстраду от 25 июня 1681 г., который, как мы помним, принимал деятельное участие в аресте итальянца. Оно сохранилось потому, что осело в архиве аббата, тогда как соответствующее письмо Сен-Мара к Лувуа, конечно, исчезло. Все это придает намекам Лувуа, что «маска» — Маттиоли, характер сознательной дезинформации не посвященных в тайну. Ту же игру продолжал ею сын и преемник Барбезье.

В Экзиле тратилось на пропитание заключенных столько же, сколько уходило на содержание 30 солдат. Поэтому требования Лувуа соблюдать экономию служили лишь для маскировки этого факта. После смерти Ла Ривьера Доже оставался единственным заключенным, но его по-прежнему стерегли 45 солдат, 6 младших офицеров и, наконец, сам Сен-Мар с двумя помощниками. Как мы уже знаем, Маттиоли не было в числе двух арестантов, перевезенных в Экзиль. Историкам это стало известно из письма Сен-Мара аббату д'Эстраду от 25 июня 1681 г. А из одного из последующих писем Лувуа явствует, что в их числе был Дюбрей. Поскольку, видимо, в Пинероле находился сумасшедший монах, в Экзиль, вероятно, были увезены Доже и Ла Ривьер.

Мы не можем в точности установить, входил ли заключенный в маске в состав «тройки», оставленной в Пинероле, или «двойки», увезенной в Экзиль. Фраза Дю Жюнка, что Сен-Мар привез вместе с собой в Бастилию «своего старого заключенного, которого он ранее держал в Пинероле», ничего не говорит о том, находился ли этот узник постоянно под надзором Сен-Мара после отъезда тюремщика из Пинероля и до того, как он принял обязанности

губернатора Бастилии. Однако логика как будто подсказывает, что «человек в маске» должен был быть в числе «двойки». Ведь Сен-Мар взял заключенных, которых не считалось целесообразным доверять надзору нового коменданта тюрьмы, вероятно, чтобы не приобщить еще одно лицо к тайне этих арестантов. Кроме того, именно к этим двум государственным преступникам было приковано внимание Лувуа. Но в то же время (вопреки мнению новейших исследователей истории «маски») нельзя отрицать, что в переписке Лувуа с Сен-Маром встречаются презрительные упоминания об узниках, перевезенных в Экзиль. Сен-Мару были разрешены довольно продолжительные отлучки из Экзиля, что также не вяжется с заботой о сохранении тайны «маски».

Через пять с половиной лет после переезда Сен-Мара в Экзиль, в конце 1686 г. или в начале 1687-го, один из двух узников, доставленных из Пинероля, скончался. Это был заключенный, «страдавший водянкой». Об этом 5 января 1687 г. Сен-Мар уведомил Лувуа. Остался один заключенный. Мы знаем, что в отношении него принимались особые меры предосторожности. Во время отлучек Сен-Мара замещавшему его офицеру было категорически запрещено говорить с арестантом. А вскоре Сен-Мара (очередное повышение по службе) перевели на новое место — комендантом крепости на острове Сен-Маргерит, неподалеку от Канна, сохранившейся и поныне, и предписали перевезти вместе с ним оставшегося заключенного. Этому снова предшествовало, как и при переезде в Экзиль, весьма дорогостоящее переоборудование того помещения, в котором после смерти Ла Ривьера предполагалось поместить всего одного-единственного заключенного — Доже. Камера представляла собой комнату размером 30 квадратных метров с высоким потолком и большим окном. Узник был в это время — в апреле 1687 г. — болен, и его целых 12 дней переносили в новую темницу на наглухо закрытых носилках, отчего он едва не задохнулся.

Привезенного узника, как сообщал 8 января 1688 г. Сен-Мар в письме к Лувуа, поместили в комфортабельное помещение и держали там под крепкой стражей. Между прочим, в этом же письме Сен-Мар писал, что заключенного принимают за герцога де Бофора или за «сына покойного Кромвеля» (явно отсюда идет версия о «маске» как англичанине). Отметим также, что на Сен-Маргерит Сен-Мар прибыл только с одним узником, потом там появилось еще несколько арестантов. Ни их число, ни их имена, ни причины ареста неизвестны. Среди них были протестантские пасторы, подвергавшиеся гонениям после отмены в 1685 г. Нантского эдикта (изданного еще Генрихом IV и гарантировавшего права гугенотов). Один пастор что-то писал всюду — на стенах, на белье, царапал на посуде. Отсюда, вероятно, возник рассказ о серебряном блюде.

В 1691 г. умер Лувуа. Пост военного министра был передан Людовиком сыну Лувуа — Барбезье. 13 августа того же года в первом своем письме к Сен-Мару Барбезье предписал ему соблюдать прежние предосторожности в отношении заключенного (только один узник интересовал и нового министра). В письме упоминалось, что этот заключенный находится под надзором Сен-Мара в течение 20 лет. Не дает ли это указание ключа к установлению личности томившегося в крепости человека? (Если, конечно, не предположить, что эта цифра неверна и указана на случай перехвата письма, чтобы те, в чьи руки оно попало, не могли по дате ареста определить подлинное имя узника.)

Вернемся опять к нашей «пятерке» 1681 г. Монах был доставлен в Пинероль, по всей видимости, 7 апреля 1674 г., Дюбрей — в июне 1676 г., Маттиоли — в мае 1679 г., Ла Ривьер — вообще до 1680 г. был не заключенным, а слугой заключенного. Наконец Эсташ Доже был помещен в Пинероле с 1669 г., иначе говоря, только он мог находиться к 1691 г. под надзором Сен-Мара уже в течение 20 лет, остальные же заключенные — много меньше. Из них монах — 17 лет, Дюбрей — 15, а Маттиоли — 12 лет; 12 и 20 — слишком большая разница, чтобы допустить возможность ошибки со стороны Барбезье.

Уже по одному этому в письме явно говорится не о Маттиоли. Кроме того, в этом письме упоминается о том, что Сен-Мар постоянно охранял узника. Сен-Мар же, как мы знаем, уехал в 1681 г. из Пинероля (всего через два года с лишним после ареста Маттиоли), а итальянец остался в крепости. Однако имеется и более веское доказательство. Даже в 1693 г. Маттиоли еще находился в Пинероле. Это следует из переписки Барбезье с комендантом тамошней тюрьмы Лапрадом. Из ответного письма Барбезье к коменданту от 27 декабря 1693 г. явствует,

что Маттиоли имел при себе камердинера. Отметив пока это обстоятельство, пойдем дальше. Упомянутое выше письмо — последнее, в котором фигурирует имя Маттиоли. Некоторые историки на основании этого делали заключение, что мантуанец скончался через короткий срок в Пинероле, тем более что в письме Лапрада шла речь о просмотре каких-то вещей заключенного, очевидно, после его смерти. Но это был бы слишком поспешный вывод. Из, возможно, случайного неупоминания имени нельзя заключать о кончине итальянца, а осмотр его вещей был, вероятно, просто очередным обыском.

Однако вскоре кто-то из прежней «тройки» заключенных действительно умер. 11 января 1694 г. Барбезье известил Сен-Мара о новости, полученной от Лапрада: о смерти «самого старого» из узников бывшего коменданта Пинероля. Между прочим, Барбезье писал, что комендант тюрьмы в Пинероле Лапрад не знает фамилии умершего арестованного, наибольшее время просидевшего в заключении, и просит Сен-Мара шифром сообщить это имя в Париж. Трудно представить более веское доказательство, насколько вообще мало интересовали военного министра арестанты, оставленные в 1681 г. Сен-Маром в Пинероле. А еще через полтора месяца — 26 февраля 1694 г. — Барбезье уведомил Сен-Мара о приказе короля перевести в крепость Сен-Маргерит государственных преступников, содержащихся в Пинероле. Сколько было этих заключенных? Из дальнейшей переписки выясняется, что трое. В том числе двое оставшихся в живых — из «тройки» узников, оставленных в 1681 г. Сен-Маром в Пинероле. Было установлено также и имя третьего. Это некто д'Эрз, заключенный в тюрьму в Пинероле с августа 1687 г. (единственный «новичок» после 1681 г.). Д'Эрз находился еще даже в 1700 г. на острове Сен-Маргерит, уже после отъезда Сен-Мара в Бастилию, и по одному этому не мог быть «маской».

Итак, к моменту, когда все выжившие из «пятерки» узники 1681 г. снова в 1694 г. были заключены в одну тюрьму на острове Сен-Маргерит, их число сократилось до трех. Но нам неизвестно, кто умер и кто остался в живых.

Положение становится еще более запутанным вследствие весьма неясного по смыслу письма Барбезье к Сен-Мару от 20 марта 1694 г. Военный министр писал, что из трех присылаемых узников «по меньшей мере один имеет более важное значение», чем заключенные, уже находившиеся на Сен-Маргерите. Барбезье здесь явно противоречит своему отцу Лувуа, который в 1681 г. считал, что Сен-Мар увез из Пинероля в Экзиль двух наиболее важных из содержавшихся там государственных преступников.

Неясность еще более возрастает оттого, что, как показывает последовавшая переписка, из Пинероля на деле перевезли не троих, а четверых заключенных. Может быть, четвертым был какой-то арестант, доставленный в Пинероль незадолго до перевода всех содержавшихся там государственных преступников на остров Сен-Маргерит. (Пинероль находился под угрозой неприятеля и позднее был уступлен Пьемонту.) Перевод заключенных в новую тюрьму состоялся в апреле 1694 г., так что у коменданта Пинероля не было времени получить новые инструкции из Парижа относительно четвертого арестанта.

В апреле 1694 г. под охраной Сен-Мара находились: во-первых, один из узников, увезенных в 1681 т. из Пинероля; во-вторых, какое-то число протестантских пасторов и еще некий шевалье Тезю (или Чезю), которого Сен-Мар нашел на Сен-Маргерите, заняв там пост коменданта, и о котором нам ничего не известно; в-третьих, четверо арестантов, недавно прибывших из Пипероля, в том числе двое из «пятерки» 1681 г. (возможно, Дюбрей и Маттиоли, последний со слугой).

В конце апреля 1694 г. какой-то арестант умер, но был ли это один из «пятерки» 1681 г.? Барбезье, получив известие о смерти этого заключенного, сразу же в письме от 10 мая 1694 г. поспешил сообщить Сен-Ма-ру, что одобряет распоряжение коменданта крепости Сен-Маргерит о содержании под стражей и в изоляции слуги скончавшегося заключенного. Как мы помним, слуга безусловно был у Маттиоли.

Имел ли слугу кто-либо еще из арестантов? Это маловероятно. Заключенным разрешалось держать слуг явно в виде редкого исключения.

Такое дозволение получили бывший министр Фуке, аристократ Ло-зен и бывший министр граф Маттиоли. Вряд ли право иметь слугу получили «шпион» Дюбрей, сумасшедший монах, протестантские пасторы, Ла Ривьер, сам бывший лакей, и «слуга» Эсташ Доже, который, как

мы увидим, также исполнял роль камердинера Фуке. Кроме того, пасторы, очевидно, не были отнесены к числу государственных преступников, которые только одни были подведомственны военному министру Барбезье. 27 июля 1697 г. Барбезье писал о четырех государственных преступниках, содержащихся на Сен-Маргерите (т.е. явно и о заключенном, взятом в 1681 г. Сен-Маром в Экзиль), и трех из «четверки», доставленной в апреле 1694 г.

Итак, умерший в конце апреля 1694 г. государственный преступник, имевший слугу, не мог быть ни одним из пасторов, ни четвертым заключенным из Пинероля, ни, естественно, д'Эрзом (поскольку тот был жив в 1700 г.), ни, вероятно, кем-либо из «пятерки» 1681 г., за исключением Маттиоли. Напомним, что после апреля 1694 г. имя Маттиоли совершенно исчезает из официальной переписки. Отметим также еще одно обстоятельство: с «маской» должны были общаться только Сен-Мар и его помощники, что исключает возможность наличия у узника слуги.

Итак, в конце апреля 1694 г. из «пятерки» 1681 г. остались в живых двое. Но мы опять не можем точно установить, кто же остался в живых.

В письме от 17 ноября 1697 г. Барбезье особо предупреждал Сен-Мара о необходимости сохранять строгие меры предосторожности в отношении его «старого заключенного». Но из этого выражения неясно, идет ли речь о взятом в 1681 г. Сен-Маром с собой арестанте или об одном из оставленных в Пинероле и лишь позднее переведенных на остров Сен-Маргерит. 15 июня 1698 г. Барбезье предварительно уведомил Сен-Мара, что ему предстоит по воле короля занять пост губернатора Бастилии и взять с собой его «старого заключенного». А 19 июля 1698 г. Сен-Мару было направлено уже официальное предписание министра известить Дю Жюнка о подготовке заранее помещения для этого арестанта. «Старый заключенный» стало обычным наименованием «маски»; под этим прозвищем, как мы знаем, Дю Жюнка и отметил факт доставки его в Бастилию 18 сентября 1698 г. Через полтора «месяца, 3 ноября 1698 г., министр королевского двора официально известил Сен-Мара о „королевской милости" в отношении нового узника Бастилии. Губернатор мог теперь разрешать, когда сочтет это нужным, пускать к „маске" духовника. 3 октября 1698 г. в издававшейся в Голландии „Газетт д'Амстердам" было напечатано любопытное сообщение: „Господин де Сен-Мар занял пост губернатора Бастилии, куда он поместил привезенного им с собой заключенного, другого же он оставил в Пьер-ан-Сазе, когда проезжал Лион". Речь, вероятно, как мы убедимся, шла о Дюбрее. (Кстати сказать, только при переезде в Бастилию Сен-Мар приказал надеть на заключенного маску из черного бархата. Нет сведений, что он носил ее ранее, по крайней мере постоянно, иначе он просто не мог бы бриться.)

Кто же все-таки был доставлен 18 сентября 1698 г. в Бастилию из «пятерки» 1681 г.? Историк Функ-Брентано, наиболее авторитетный защитник кандидатуры Маттиоли, считал, что презрительное упоминание о двух заключенных, содержащееся в одном из писем Лувуа, относилось к Эсташу Доже и Дюбрею и что именно их Сен-Мар перевел в Экзиль. Но это утверждение ничем не доказано. Оно не объясняет интереса, который проявлял Лувуа именно к двум заключенным, переведенным в Экзиль, и, главное, Функ-Брентано явно ошибается в отношении Дюбрея — имеется доказательство того, что тот в 1682 г. еще находился в Пинероле. А низкое происхождение еще не доказательство, что Людовик XIV не мог считать этих лиц опасными для него, если они владели важными тайнами.

Одни исследователи полагают, что в Экзиле в конце 1686 г. или в начале 1687 г. умер Ла Ривьер, другие — что сумасшедший монах. Но ведь известно лишь, что это был заключенный, «страдавший водянкой». Эти же имена называются, когда говорится о заключенном, скончавшемся в конце 1693 г. или в начале 1694 г. в Пинероле. И опять без реальных доказательств. Функ-Брентано считал, что в апреле 1694 г. на острове Сен-Маргерит умер один из протестантских священников, но не смог, конечно, обосновать свое мнение.

Подытожим теперь для ясности доводы «за» и «против» кандидатуры Маттиоли. В пользу версии, что «маской» был мантуанец, говорят следующие факты:

во-первых, он был одним из «пятерки» 1681 г.;

во-вторых, он был наиболее важным по своему положению из заключенных, составлявших эту «пятерку»;

в-третьих, при пересылке четырех заключенных из Пинероля в 1694 г. Барбезье отмечал,

что «по меньшей мере один» из них более важен, чем те, которые уже содержались в крепости острова Сен-Маргерит;

в-четвертых, после доставки Маттиоли в 1694 г. в крепость Сен-Маргерит впервые появляется (в 1697 г.) выражение «старый заключенный» Сен-Мара;

в-пятых, сходство имени Маттиоли с тем именем, под которым «заключенный в маске» был занесен в реестр умерших в Бастилии. (Правда, Маттиоли было бы тогда 63 года, а не 45 лет, как записано в реестре.)

Против кандидатуры Маттиоли можно привести не менее веские доводы:

во-первых, его арест не являлся секретом;

во-вторых, он не был взят в Экзиль в числе двух заключенных, которых Лувуа считал имеющими «достаточно важное» значение и которыми он интересовался больше, чем Маттиоли;

в-третьих, Барбезье в 1691 г. предписывал Сен-Мару особо стеречь арестанта, который был у него под надзором 20 лет (это явно не Маттиоли). В 1698 г. Барбезье писал Сен-Мару, что узник находится под его охраной «в течение 28 лет», это снова подводит к 1669—1670 гг. как дате ареста и заключения в тюрьму арестанта в маске. Антуан Рю, ведавший ключами в тюрьмах Пинероля, Экзиля и острова Сен-Маргерит, заметил в том же 1698 г. в Бастилии, что «маска» находится под стражей уже 30 лет, то есть примерно с 1669 г. Особую камеру для «маски» оборудовали в 1669 г., за 10 лет до ареста Маттиоли;

в-четвертых, после 1693 г. имя Маттиоли исчезает из официальной переписки; неясно, какие могли быть основания начиная с 1697 г. именовать итальянца «старым заключенным», когда ранее открыто называлась фамилия бывшего мантуанского министра;

наконец, в-пятых, умершим в апреле 1694 г. узником, который имел слугу, мог, вероятно, быть только Маттиоли (это порождает, впрочем, новый вопрос: зачем было оставлять в строгом заключении этого слугу?).

Имеются и дополнительные аргументы «против». Во время переезда Сен-Мара в 1687 г. из Экзиля на Сен-Маргерит его единственного заключенного несли на носилках специально нанятые носильщики-итальянцы, чтобы они, не зная французского языка, не могли переговариваться с «маской». Следовательно, он не являлся итальянцем. Маттиоли помещали в камеру вместе с безумным монахом.

На содержание двоих заключенных — Доже и Ла Ривьера (безусловно, слугу) — тратили 12 ливров в день, а на Маттиоли — только 2 ливра. Доже при переезде из Пинероля в Экзиль в 1681 г. и из Экзиля на Сен-Маргерит несли на носилках с плотно закрытыми шторами, а Маттиоли в 1694 г. из Пинероля на Сен-Маргерит (около 100 километров) гнали больного пешком, что, вероятно, ускорило его смерть (к этому мы еще вернемся).

Выдвигалась идея, что «маска» — это сумасшедший монах, что именно он в 1681 г. вместе с Доже был отправлен в Экзиль и что не он умер в конце 1686 — начале 1687 г. Однако скончавшийся узник просил составить завещание, а монаху нечего было оставлять в наследство. Вдобавок последующие исследования доказали, что речь почти наверняка идет об одном монахе, арестованном в 1674 г. за участие в придворных интригах, в разных мошеннических проделках, в которых были замешаны и фаворитки короля. Кроме того, Сен-Мар не раз сообщал, что монах сошел с ума. Лувуа не проявлял к нему ни малейшего интереса. Дюбрея, кажется, еще никто не предлагал кандидатом на роль «маски». Ла Ривьер явно отпадает, как будет пояснено ниже. Остается Доже.

Начнем с того, что этот странный «слуга» — единственный из четырех, который особенно интересовал Лувуа, — это уже немало. У Фуке было двое слуг. Один из них умер в 1674 г. Остался Ла Ривьер, который тогда не считался арестантом. В помощь к нему Сен-Мар решил приставить заключенного Эсташа Доже. Лувуа одобрил эту идею, но со странным условием: чтобы Доже не видел никого, кроме Фуке (и, естественно, Ла Ривьера). Министру это условие казалось почему-то очень важным, и он не поленился неоднократно повторять свое предписание в письмах к Сен-Мару и при этом особенно подчеркивал: ни в коем случае не следует допускать, чтобы Лозен, имевший позволение приходить к Фуке, встречался с Доже. Не означает ли, что они были знакомы ранее? Более того, Лувуа пошел уже на совершенно непонятный шаг. Он написал письмо непосредственно заключенному Фуке, содержание

которого запрещал сообщать Сен-Мару. В этом письме Лувуа требовал от Фуке, чтобы он воспрепятствовал возможной у него встрече между Доже и Лозеном. Ответ Фуке Лувуа сообщил Людовику XIV. Зачем нужны были все эти предосторожности в отношении простого слуги? И не потому ли после смерти Фуке Ла Ривьер был оставлен в тюрьме, что ему были известны какие-то тайны скончавшегося министра и Эсташа Доже? (В 1669 г., когда Ла Ривьер еще не был знаком с Доже, Лувуа писал Сен-Мару, что слугу Фуке можно освободить, если он того захочет, но до этого все же продержать семь или восемь месяцев в тюрьме, чтобы он не сумел вовремя передать на волю какое-либо поручение от своего господина.)

После смерти Фуке Сен-Мар получил от Лувуа приказание объявить Лозену ложное известие об освобождении Ла Ривьера и Доже. Лувуа добавлял, что такова воля короля. Обоих бывших слуг Фуке предписывалось держать совместно в строгой изоляции. Вероятно, именно о них говорится впоследствии в переписке Лувуа, где упоминаются какие-то два лица, заключенные в «нижней башне» крепости Пинероля. Оба они явно знали какую-то общую тайну. В корреспонденции Лувуа и Сен-Мара содержатся глухие указания о применении Эсташем Доже «ядов» или «симпатических чернил» (некоторые растворы можно было использовать и для той, и для другой цели). Несомненно, что Лувуа очень интересовался Эсташем Доже с момента ареста того в 1669 г. и до 1681 г., а Ла Ривьер знал секреты Доже. Поэтому есть серьезное основание считать, что именно Доже и Ла Ривьера взял с собой Сен-Мар по поручению Лувуа, переезжая в Экзиль.

Кто же из этих двоих умер в Экзиле в 1687 г.? Это, вероятнее всего, мог быть Ла Ривьер. Ведь об оставшемся в живых заключенном Барбезье писал в 1691 г., что он был под стражей у Сен-Мара в течение 20 лет. Доже находился под надзором Сен-Мара 22 года (с 1669 г.), а Ла Ривьер был заключенным только 7 лет, хотя и до этого служил камердинером у находившегося в тюрьме Фуке. Интересен еще один, не упоминавшийся до сих пор штрих в письме Барбезье от 13 августа 1691 г. Военный министр предписывал Сен-Мару хранить молчание о том, что сделал его узник. Но Ла Ривьер явно ничего не совершил. А Доже был за что-то арестован в 1669 г. и подвергнут строжайшему одиночному заключению, не говоря уж о его каких-то действиях накануне смерти Фуке. Поэтому, вероятнее всего, речь идет о Доже. Следовательно, тогда Ла Ривьер умер в конце 1686 г. или в начале 1687 г., а оставшимся в живых был Эсташ Доже. Если верно, что Ла Ривьер и Доже были увезены в 1681 г. в Экзиль, то в Пинероле остались Маттиоли, Дюбрей и монах. В конце 1693 г. или в начале 1694 г. умер «самый старый» заключенный Сен-Мара. «Самый старый» из оставшихся — монах, доставленный в Пинероль в 1674 г. В таком случае к началу апреля 1694 г. остались живы Доже, Маттиоли и Дюбрей. В конце апреля 1694 г. умер заключенный, имевший слугу. Возможно, это был Маттиоли, менее вероятно — Доже. В 1697 г. Барбезье пишет Сен-Мару о «старом заключенном». Это, конечно, не Дюбрей, которым ни разу не интересовались Лувуа и Барбезье. «Старым заключенным» мог быть либо Маттиоли, либо Доже. Причем Доже был несомненно более «старым».

Зачем было его держать в тюрьме? Доже, возможно, знал секреты Фуке, которые он мог разгласить. Еще были живы жена и дети Фуке, Лозен, который считал, что Доже исчез, а бывшему министру были известны многие факты из быта двора, особенно из личной жизни матери короля Анны Австрийской, которые Людовик XIV стремился предать забвению. Это было одной из причин, почему Фуке около 20 лет просидел в строгом заключении. Он мог рассказать известные ему тайны Эсташу Доже, а тот поплатился за знание опасных секретов еще двумя десятилетиями тюрьмы с маской на лице.

Но говорят, что «маску» в Бастилии помещали вместе с другими заключенными, а это плохо вяжется со стремлением сохранить тайну. Однако более тщательный анализ документов — записей Дю Жюнка — показывает, что смысл их далеко не ясен. Возможно, Дю Жюнка имел в виду, что «маску» содержали не в одной камере, а в одной башне (на каждом этаже которой находилось по одной камере) с другими заключенными. Аргумент же, что «маска» был похоронен под именем «Мар-шьеля», также оказывается далеко не таким безусловным, как это могло показаться первоначально. Дело в том, что существовал обычай при похоронах государственных преступников указывать ложные имена (и возраст отсюда ссылка, что умершему заключенному было 45 лет). Кроме того, все же «Маршьель» и даже «Маршиоли» —

это еще не Маттиоли.[14] Вместе с тем в истории с «маской» прилагались такие усилия для сохранения тайны, что, быть может, Сен-Мар сознательно пытался направить внимание на хорошо известного Маттиоли, умершего еще в 1694 г., чтобы скрыть, кем был заключенный в маске. Можно допустить: заметание следов удалось настолько хорошо, что при Людовике XV уже никто не знал истины, и любопытствующей мадам Помпадур король мог лишь сообщить, что «маска» — министр одного итальянского князя. Наполеон I, добавим между прочим, не поверил этому. В связи с легендой об отправлении сына «маски» на Корсику Наполеон приказал произвести розыски в архивах Франции и за границей. Они не дали никаких результатов, несмотря на само собой разумеющееся рвение чиновников, старавшихся получше выполнить императорский приказ.

Почему, однако, Сен-Мару было желательно в таком случае, скрывая истину, намекать рядом деталей (вроде записи в регистрационной книге Бастилии), что «маска» — это Маттиоли, а не Доже? Может быть, Сен-Мар так поступал, зная, что под «маской» скрывалось лицо арестанта, а под кличкой «Эсташ Доже» — его подлинные имя и фамилия.

Новые домыслы

Выдвинувший это объяснение крупный французский историк Ж. Монгредьен, автор большой работы о «железной маске» (1952 г.), писал:

«Вы поднимаете маску, и под ней находите заключенного, не имеющего ни биографии, ни лица». Правда, еще в 1932 г. французский историк Дювивье опубликовал книгу «Железная маска», где объявил, что после поисков в архивах обнаружил однофамильца Доже — некоего Эсташа Доже де Кавуа, родившегося в 1637 г. Это был аристократ, офицер гвардии, высказывавшийся очень вольно на религиозные темы. Мазарини заставил его уйти в отставку, и он остался без средств к существованию. Один из братьев этого Эсташа Доже являлся соперником Лу-вуа, был арестован и потом освобожден вопреки мнению министра. Однако Дювивье не смог выяснить, что делал Эсташ Доже де Кавуа после 1665 г. К тому же Лувуа в 1669 г. писал о «слуге» Эсташе Доже. Не видно причин, из-за которых министру нужно было скрывать, кем являлся арестованный.

Не служит ли, однако, фамилия Доже псевдонимом, скрывающим какое-либо хорошо известное лицо? Надо обратить внимание на одно обстоятельство, которое помнили Вольтер и Дюма, но которое потом как-то отодвинули в тень ученые, занимавшиеся вопросом о «маске». Зачем было надевать маску на итальянца Маттиоли, которого все равно почти никто не знал во Франции и, во всяком случае, не мог узнать в государственной тюрьме? Лицо человека в маске должно быть достаточно известно, иначе теряет смысл маска. Версия Вольтера — Дюма вполне объясняет, почему заключенного спрятали под маской. Большинство других теорий не дает ответа на этот напрашивающийся вопрос.

В этой связи высказывалось даже сомнение, следует ли считать рассказ Вольтера просто мистификацией. Писатель в молодости сам просидел год в Бастилии. Это было в 1716 г., и Вольтер разговаривал с тюремщиками, которые сторожили «маску», скончавшегося всего за 13 лет до этого. Конечно, тюремная администрация могла быть не посвященной в секрет. Но она, возможно, питалась слухами, основанными на фактах.

Итак, разгадка «маски», по всей вероятности, возможна, если выяснить, кто такой Доже. Но этого как раз так и не удается добиться. Известно, что в 1669 г. он был арестован. 19 июля этого года военный министр писал Сен-Мару, что в Пинероль будет доставлен задержанный вблизи Дюнкерка важный преступник — слуга по имени Эсташ Доже. «Чрезвычайно важно, — указывал при этом военный министр, — чтобы он не имел возможности передать письменно или любым другим способом ни одной живой душе то, что ему известно. Я сообщаю Вам об

[14] «Маска» в реестрах Бастилии фигурирует под именами Marchiel, Marchialy и Marchiergues. Чтобы превратить их в «Matthioli», нужно для «Marchiel» сохранить 5 букв из 8 и добавить 4, для «Marchialy» оставить 5 букв из 9 и добавить 4, а для «Marchiergues» оставить 4 буквы из 12 и добавить 5. Таким образом, близость скорее кажущаяся, чем действительная.

этом заранее, дабы Вы могли подготовить ему надежное помещение, под окнами которого никто бы не проходил мимо и которое имело бы запирающиеся двойные двери, чтобы Ваши часовые, стоящие за ними, были лишены возможности услышать, что он (заключенный) говорит. Вы должны лично доставлять ему раз в день все необходимое и ни под каким предлогом не слушать того, что он пожелает Вам открыть. Вы должны угрожать ему смертью, если он заговорит с Вами по любому вопросу, помимо его повседневных нужд».

Нам неизвестно, за что был арестован Доже. Однако об этом можно все же догадываться. Как раз в это время велись переговоры между Людовиком XIV и Карлом II, который в обмен на французские субсидии, позволявшие ему избавиться от опеки парламента, готов был сохранить нейтралитет или даже поддержать Францию в предстоявшей войне с Голландией. Переговоры велись официально министрами и неофициально — через тайных агентов. Активной участницей этих секретных переговоров была сестра Карла II, вышедшая замуж за младшего брата Людовика XIV. В переписке Карла мелькает какая-то фигура итальянца (а может быть, человека из Италии), подлинного имени которого не 'знала даже сестра короля. Его одно время пытались отождествить с неким аббатом Преньяни. Этот аббат совмещал духовный сан и обязанности тайного агента с занятием астрологией. Как астролог Преньяни сразу же опростоволосился, так как не сумел предсказать по звездам лошадей — победителей в нью-маркитских рысистых состязаниях, что было серьезным промахом в глазах Карла II. Вдобавок аббат оказался человеком весьма беспутного нрава. Впрочем, возможно, именно поэтому он был сочтен королем заслуживающим снисхождения за свои астрологические провалы. Вряд ли он был тем самым «итальянцем». Существовало мнение, что Преньяни и Доже — одно лицо. Но еще в 1912 г. удалось установить, что Преньяни с 1674 г. жил в Риме и там в 1679 г., по словам одного современника, «сгнил от дурной болезни», тогда как Доже наверняка находился в тюрьме. Но, быть может, Эсташ Доже скрывался под видом «слуги» Преньяни и фигурировал в качестве «итальянца»? В пользу этого предположения говорит один факт. Имеется подписанный Карлом II заграничный паспорт на имя Преньяни. Паспорт датирован 15 июля 1669 г. На другой день Преньяни покинул Англию и еще через день — 17 июля — прибыл в Кале. А 19 июля, как уже указывалось, Лувуа написал письмо Сен-Мару о направлении к нему арестованного поблизости от Дюнкерка (У 15 милял от Кале) «слуги» по имени Эсташ Доже и о содержании его в строжайшем заключении. Таким образом, можно предположить, что Доже знал какие-то дипломатические секреты, сохранить которые оба монарха хотели любой ценой (например, обязательство английского короля перейти в католичество, которое, стань оно известным, могло стоить Карлу II короны).

Однако и при этой гипотезе не очень объяснимы секретность, которой окружили заключенного Доже, и маска, которую он носил. Кроме того, опять-таки любая тайна, связанная с подготовкой Дуврского договора в 1669 г., должна была потерять значение после смерти Карла II в 1685 г. и особенно после переворота 1688 г. и воцарения Вильгельма III. А «маску» продолжали упорно держать в тюрьме и даже перевели в Бастилию! И уж совсем непонятно, зачем было приставлять Доже слугой к Фуке.

В 1034 г. историк П. Вернардо опубликовал книгу «Врач королевы», утверждая, что хирург Анны Австрийской П. Гондине при вскрытии тела умершего короля обнаружил, что он не мог иметь потомства и, следовательно, не был отцом Людовика XIV. Об этой опасной тайне лекарь сообщил своему племяннику — судье, а тот (непонятно зачем) — начальнику полиции Ла Рейни. Остальное ясно без слов.

Однако вскоре же исследователями было установлено, что Гондине только в 1644 г. стал врачом королевы и не мог участвовать во вскрытии умершего за год до этого Людовика XIII. А судья мирно скончался в своем родном городе в декабре 1680 г., оставив завещание, которое и поныне хранится в местном архиве…

Недаром после такого фиаско отдельные историки обратились к старой версии, обновив ее рядом домыслов. Доже согласно этой версии какой-то дворянин, возможно, незаконный сын или внук Генриха IV (и, следовательно, брат или племянник Людовика XIII), который по поручению Ришелье стал любовником Анны Австрийской и отцом Людовика XIV. Эта версия отвечает на вопрос, почему от «маски» просто не избавились с помощью яда или каким-либо другим способом. Однако гипотеза совсем не объясняет других известных нам фактов о

«маске» и «слуге» Эсташе Доже. Между прочим, принимая эту гипотезу, следует считать, что заключенный умер в возрасте старше 80 лет. Поэтому сторонники этой версии играют на уже известном нам двусмысленном выражении, не раз встречающемся в переписке Сен-Мара, который писал о «маске» как о «старом заключенном». «Старый» здесь может означать и «преклонный возраст» и, напротив, являться лишь констатацией того, что «маска» — заключенный, давно находящийся на «попечении» Сеи-Мара. В 1965 г. французский академик М. Паньоль выпустил книгу «Железная маска», которую потом дополнил статьями в журналах. Однако в распоряжении Паньоля не было никаких документов, неизвестных его предшественникам, особенно Монгредьену. Писатель лишь сделал новую попытку раскрыть тайну анализа, казалось бы, досконально изученных материалов.

Паньоль вполне согласен с Монгредьеном, что «маска» — это Эсташ Доже, и даже приводит соображения, опровергающие новейшие доводы сторонников Маттиоли. Последние, в частности, оперируют тем, что Дю Жюнка писал о заключенном, которого Сен-Мар держал под стражей в Пинероле, а не в Экзиле, куда тюремщик отбыл без Маттиоли. Па этот аргумент Паньоль отвечает, что Дю Жюнка, возможно, и не знал о пограничной крепости Экзиль или тем более о том, что она была превращена в тюрьму для государственных преступников по секретному приказу. А то, что Сен-Мар уехал без Маттиоли, говорит против отождествления мантуанца с «маской».

Сообщение Вольтера о «маске», а также рассказы о нем других заключенных Бастилии в первой половине XVIII в. раскрывают некоторые детали в поведении узника, которые подтверждаются секретной корреспонденцией Сен-Мара и Лувуа. Например, Вольтер передает, что «маска» не раз жаловался на несправедливость судьбы. Об этом же доносил Сен-Мар военному министру еще в декабре 1673 г.

Впервые имя Доже возникло в деловой переписке Лувуа и его подчиненных 19 июля 1669 г. Именно этим числом датировано письмо Лувуа к Сен-Мару, содержавшее предписание подготовить темницу для узника, который будет препровожден в Пинероль. В письме Лувуа называл Доже «несчастным» и вскользь добавлял, что он «всего лишь слуга». Это нарочито брошенное как бы мимоходом замечание давало понять Сен-Мару, какой линии ему следует держаться. Вместе с тем другие указания, содержавшиеся в письме, не оставляли сомнения, что речь шла о человеке, крайне интересовавшем и короля, и военного министра. Действительно, зачем иначе было готовить помещение для арестованного, когда у Сен-Мара под стражей находился всего один заключенный — Фуке и было достаточно свободных казематов? Речь шла, следовательно, о камере, обеспечивавшей возможность соблюдения особых мер предосторожности, о которых, как уже отмечалось, подробно говорилось в письме Лувуа.

Когда министр писал свое письмо, Доже, по всей вероятности, находился на свободе. «Слуга» был осужден на бессрочное одиночное заключение еще до своего ареста. Об этом говорит сопоставление следующих фактов. Королевское lettre de cachet об аресте Доже было подписано 26 июля, через неделю после письма Лувуа к Сен-Мару. А Доже был схвачен еще позднее, в начале августа. «Слугу» доставили в Пинероль 24 августа, дорога должна была занять примерно 10 дней. Из всех предписаний Лувуа вытекает, что вряд ли Доже подвергали длительному допросу. Это приводит к выводу, что «слуга» должен был быть арестован в начале августа.

Такой вывод влечет за собой и другой: подготовка к аресту началась заблаговременно, и Лувуа было заранее известно, когда и в каком месте появится Доже, где будет можно заключить его под стражу. Очевидно, этим местом были город Дюнкерк или его окрестности. Иначе трудно объяснить, почему именно губернатору этого города капитану де Воруа было поручено руководить перевозкой в Пинероль. Вместе с тем местоположение Дюнкерка наводит на мысль, что «слуга» прибыл из-за границы, скорее всего, из Англии.

Еще до того как «слуга» был доставлен в Пинероль, туда прибыли два королевских приказа, посланных вслед за письмом Лувуа от 19 июля. Оба приказа датированы 26 июля. В одном из них, адресованном маркизу де Пьенну, начальнику гарнизона Пинероля, предписывалось оказывать Сен-Мару всяческую помощь. Приказ на имя Сен-Мара уведомлял его о предписании, которое было направлено де Пьенну. Вместе с тем Сен-Мару указывалось, чтобы он обратился за помощью к начальнику гарнизона, если при осуществлении мер в

отношении Доже тюремщик встретится с «какими-либо трудностями». Возникает вопрос: что это за «трудности»? Ведь Сен-Мар имел в подчинении не менее 70 солдат и офицеров и помимо Доже всего одного заключенного (Фуке). Зачем ему могла потребоваться помощь шести рот, иначе говоря — 700 солдат де Пьенна? Ответ может быть только один: король и Лувуа явно опасались возможности нападения на Пинероль с целью освобождения Доже и для отражения такой атаки считали нужным предоставить в распоряжение Сен-Мара внушительную военную силу.

Можно считать, что «слуга» был вовлечен в какой-то важный заговор, участники которого стремились освободить арестованного (или, наоборот, убить, чтобы избавиться от опасного свидетеля). Однако это предположение слабо согласуется с тем, что крайние меры предосторожности, предписанные Парижем, в результате постоянных напоминаний правительства соблюдались в течение 35 лет, вплоть до смерти «маски». Исследователи до сих пор проходили мимо имеющихся сведений о расходах на содержание этого заключенного. Оказывается, на это отпускались очень большие суммы. Лувуа не раз указывал, что Сен-Мар может кормить «слугу» всем, что захочет заключенный. Странное разрешение, если учесть, что существовали строгие нормы выдачи пищи арестантам. Как явствует из переписки Лувуа с Сен-Маром, уже прибытие Доже породило слухи, что это маршал Франции. По подсчетам Паньоля, содержание «маски» обошлось казне в несколько раз больше, чем Фуке и герцога Лозена. Узнику было разрешено иметь книги, ему покупали дорогие канделябры. Заключенному при болезни должно было быть обеспечено нужное лечение. Сен-Мар регулярно доносил о здоровье «маски». Каждый раз при переезде из одной тюрьмы в другую Сен-Мар подыскивал лучшего лекаря в окрестных местах, даже лично лечил своего арестанта. Это контрастирует с куда более жесткими предписаниями Лувуа в отношении других арестантов. Так, он писал Сен-Мару, что, если Маттиоли начнет «дурить», его следует образумить палочными ударами. Чем же объяснялась такая забота о «маске»? По мнению Паньоля, она была вызвана и поныне существующим во Франции поверьем, что после кончины одного близнеца другой начинает болеть и вскоре также умирает. Сохранилось письмо короля, в котором он выражал беспокойство по поводу возможности бегства «слуги». Письмо Лувуа от 26 марта 1670 г. показывает, что у министра был тайный шпион в тюрьме, доносивший, с кем и о чем говорит Доже. Заключенный в маске, по свидетельству Пальто, сына племянника Сен-Мара, говорил по-французски без акцента, не отличался крепким здоровьем, судя по депешам Сен-Мара, нередко болел, но прожил долгую жизнь Главный тюремщик был часто озабочен поисками врачей для «маски» Таким же незавидным здоровьем отличался и Людовик XIV, однако это не помешало ему дожить до 77 лет. Заметно, что, когда в донесениях Сен-Мара речь прямо идет о «маске», начальник тюрьмы не позволяет себе ни непочтительных выражений, ни жалоб на поведение арестанта. «Маска» был очень начитан, беседовавший с ним в Бастилии аббат Ленгле говорил, что заключенный много путешествовал. Заключенный был очень благочестив, что послужило основой для слуха, что арестант в маске — духовное лицо. Врачу, осматривавшему его в Бастилии в сентябре 1698 г. (заключенный при этом не снимал маску), он сообщил, что ему 60 лет. Это относит дату рождения «маски» к 1638 г. Как мы помним, в регистре, где отмечена его смерть, было указано, что покойному было 45 лет, тогда как, если верить показанию врача, в действительности он был на 15 лет старше.

Обращает на себя внимание, насколько строго соблюдалось правило, по которому Сен-Мару полагалось не отлучаться от вверенных его попечению заключенных Чтобы получить отпуск на три дня, он должен был испрашивать согласие короля Правда, за десятилетия службы, в течение которых он вел жизнь немногим лучшую, чем его узники, Сен-Мар получал очень большое жалованье и стал богатым человеком. Помощниками Сен-Мара были его племянник Гийом де Формануар и его двоюродный брат Бленвильер, а второй племянник Луи де Формануар служил одним из офицеров охранной роты. Заместителем Сен-Мара являлся Росарж, а тюремным надзирателем, хранившим ключи от камер, — Антуан Рю. Позднее к ним был добавлен аббат Жиро. При переездах Сен-Мара неизменно сопровождали эти люди, причем происходило это не по их желанию, а по приказу короля. Не выглядит ли это как стремление окружить загадочного узника раз и навсегда отобранной охраной и не посвящать в секрет новых людей?

Не следует некритически подходить к переписке между Лувуа и Сен-Маром, чем ранее грешили исследователи. Так, мы ничего не знаем о жизни узника в течение более чем двух первых лет заключения в Пинероле, а ведь Лувуа неизменно требовал присылки подробных отчетов о нем каждые два-три месяца. Как исследователь может заключить из письма Лувуа, относящегося к 1673 г., Сен-Мар тогда писал ему еженедельно. Девять десятых их переписки исчезло. Письма явно были не потеряны, а систематически уничтожались. Оставлены были лишь письма, которые могли сбить со следа тех, кто, получив доступ к этим бумагам, захотел бы доискаться до истины. Сведения в письмах были к тому же зашифрованы таким образом, что их подлинный смысл мог понять только Лувуа. Весьма возможно, что чистке подверглись не только бумаги Лувуа. По мнению Паньоля, большинство сведений о «слуге» Доже — сознательная ложь и мистификация. После ареста Маттиоли решили путем различных намеков убедить того, кто ознакомится с сохранившимися фрагментами переписки, что итальянец и является «маской». Несомненно, Сен-Мар пытался замести следы. В апреле 1670 г. он, например, сообщил Лувуа, что на вопросы, кем является «маска», рассказывал басни, насмехался над собеседниками, заявляя, что арестованный — это турецкий султан или китайский император.

По мере того как выявлялось, что Маттиоли не был заключенным в маске, у исследователей усиливалось подозрение, что все письма, которыми обменивались Лувуа и Сен-Мар (точнее, сохранившаяся их часть), не свободны от сознательной мистификации. Ведь в них содержатся прямые намеки на то, что именно итальянец был таинственным заключенным. Нельзя не учитывать также, что современники были хорошо осведомлены о существовании «черного кабинета» для перлюстрации писем и поэтому из осторожности не касались в корреспонденции вопросов, доставлявших государственную тайну. (Об этом пишет, например, герцог Сен-Симон в своих знаменитых мемуарах, относящихся к концу XVII — началу XVIII в. Нельзя не отметить, между прочим, что бумаги самого Сен-Симона после его смерти также были конфискованы по приказу короля-дело происходило уже в 1760 г., в царствование Людовика XV)

Людовик XIV не раз обнаруживал склонность фальсифицировать имевшуюся документацию по тому или иному вопросу, если это отвечало ею интересам. Не останавливался «король-солнце» и перед тайными расправами. Стоит напомнить, что современники считали подозрительной внезапную смерть Лувуа и строили догадки, не был ли он после того, как впал в немилость, отравлен по предписанию короля. Как полагает Паньоль, Лувуа был отравлен по приказу Людовика XIV потому, что знал секреты Фуке, «маски» и принцессы Генриетты. А для сокрытия «пою преступления король сделал преемником Лувуа его сына Барбезье. Назначение 22-летнего светского шалопая и развратника на пост военного министра, вдобавок во время борьбы против могущественной коалиции вражеских держав, выглядело абсурдным и было совершенно беспрецедентным. Барбезье умер 33 лет от роду, как считали, от истощения. По мнению Паньоля, он на самом деле также был убит по приказу Людовика, который даже не скрывал своей радости. Все эти догадки Паньоль приводит для доказательства того, что отношение к „опасному“ родному брату, подобное обращению с „маской“, было бы вполне в духе короля.

Имеются доказательства, что нередко государственных преступников держали в тюрьмах под фальшивыми именами — отсюда «Маршиоли» в тюремном реестре, чтобы навести на мысль о Маттиоли. Быть может, псевдоним Эсташ Доже сознательно взят, чтобы считали арестованного около Дюнкерка «слугу» неким Эсташем Доже де Кавуа (его, как указывалось, тоже одно время выдвигали на роль «маски»). О заключении в тюрьму этого гвардейского лейтенанта за убийство 15-летнего пажа и другие преступления было широко известно в придворных кругах. Как явствует из сохранившегося письма Эсташа Доже де Кавуа от 28 января 1678 г., он подвергался аресту «более 10 лет назад», то есть до 1669 г, когда был схвачен «слуга». Отсюда мог возникнуть псевдоним «слуги». Если это так, то и назначение Эсташа Доже слугой к Фуке могло служить средством этой маскировки. Допустимо, впрочем, и предположение, что это были милость к заключенному, избавление его от одиночного заключения. Если бы Фуке и узнал, кем является Доже, — не беда. Людовик XIV твердо решил, что бывший министр финансов не выйдет живым из темницы. Интересно письмо Лувуа к Фуке

от 23 ноября 1678 г., где осужденному предписывалось не допускать встречи нового слуги с герцогом Лозеном. Итак, или Лозен знал Доже, или тот напоминал кого-то знакомого герцогу, или, наконец, «слуга» мог сообщить ему нечто такое, что надо было сохранять в тайне от repuoia, впоследствии помилованного королем. Даже через девять лет после ареста Доже Лувуа все еще боялся, что «слуга» может раскрыть какую-то важную тайну.

Любопытно отметить непонятные колебания относительно строгости заключения Фуке. Летом 1679 г. режим в отношении Фуке (и Лозена) был заметно ослаблен, в тюрьму приехала семья бывшего министра, все думали, что вскоре ею освободят. Потом, в начале 1680 г., положение резко изменилось к худшему после прибытия важного курьера из Парижа. Этот курьер был ранее направлен Сен-Маром в столицу с какими-то особо секретными сведениями, которые нельзя было, как писал Лувуа, доверить бумаге. Родных Фуке стали допускать к нему значительно реже. 23 марта 1680 г. бывший министр неожиданно умер. Была ли естественной эта смерть7 Ранее предполагали, что Доже содержался в тюрьме, так как знал секреты Фуке или то, что тот был отравлен по приказу короля. Но допустимо и другое предположение — что Фуке отравили, так как ему стала известна тайна Доже. Тело Фуке не было выдано родным — это лишь усилило подозрение, что он умер от яда. Некоторые исследователи старались вычитать из переписки Сен-Мара намек на то, что Фуке был отравлен Доже. Но и в этом случае Доже мог получить яд только от Сен-Мара, у которого, кстати, он действительно имелся. Может быть, слух об участии Доже в таком преступлении был сознательно пущен по приказу Лувуа.

Почему, однако, тайна не была разгадана в XVIII в., когда по приказу Людовика XV, а затем Людовика XVI были произведены рас следования9 Негативный результат розысков, по мнению Паньоля, является следствием либо того, что уже никто не знал тайны «маски», либо сознательного желания опровергнуть легенду, ставившую под сомнение права царствовавших монархов на престол. Имеются какие-то глухие сведения о том, будто Людовик XVI говорил, что обещая хранить тайну «маски».

Логическим выводом из всей этой цепи предположений и догадок будет то, что «маска» был действительно старшим братом Людовика XIV. Не следует забывать, что все это — лишь возможный вывод из мало чем подкрепленных и даже не всегда убедительных гипотез. Словом, изучение истории «маски», сделав полный круг, вернулось ныне к версии, которую с таким блеском отстаивали Вольтер и Дюма.

Еще в XIX в. в числе претендентов на роль «маски» фигурировал и Фуке, но его кандидатура была решительно отвергнута господствовавшими тогда «маттиолистами». В 1969 г. французский журналист П. Ж. Аррез опубликовал книгу «Железная маска. Наконец разгаданная тайна», 1де постарался, опираясь на уже известные документы, подкрепить новыми доводами старую гипотезу, что «маской» являлся осужденный сюринтендант финансов.

Как же пытается Аррез убедить нас в правильности своей теории9 Впечатляющим является подробное обоснование им тезиса, что после смерти Мазарини и падения Фуке едва ли не все центральные посты в государственном аппарате были захвачены Кольбером и Лувуа, их многочисленными родственниками и клиентами, которые представляли, по сути дела, единый клан, связанный круговой порукой. Все имевшие отношение к судьбе «маски» были представителями или доверенными людьми этого клана. В свою очередь, Сен-Мар, избранный тюремщиком для осужденного Фуке и щедро награждаемый за верность деньгами и землями, в качестве помощников взял в Пинероль своих родственников. Более того, можно поставить вопрос вообще, насколько был осведомлен Людовик XIV о переписке, которую вел его военный министр Лувуа с Сен-Маром9 Правда, Лувуа неизменно ссылался на «волю короля», но это ведь была обычная форма, в которую министры облекали свои приказы подчиненным. Даже бумаги, подписанные Людовиком XIV, вовсе не обязательно исходили от него. Известно, что имелись секретари, в обязанность которых входило имитировать королевскую подпись на документах. Это представляет интерес и бросает дополнительный свет на старую загадку.

Однако Аррез переступает границу правдоподобного, когда начинает изображать Людовика XIV «королевским манекеном», безвольной марионеткой Лувуа, Кольбера и их родственников, в том числе совсем еще юного Барбезье (М. Паньоль, как мы помним, считает, напротив, что Лувуа и Барбезье были отравлены Людовиком!). Приводимые в пользу этого

доводы весьма неубедительны — они свидетельствуют только о том, что министрам ссылками на государственные интересы удавалось не раз обводить своего повелителя вокруг пальца и даже изменять ранее принятые им решения. А это, конечно, совсем не новость для всех, знакомых с историей правления Людовика XIV, и отсюда очень далеко до того, чтобы считать «короля-солнце» бессильным, даже при желании противостоять воле своих министров. Изображение Людовика способным только изобретать парики или покорно принимать любовниц, избранных для него «кланом», явно далеко от реальности, но нужно Аррезу, как камень в основании его теории.

Таким основанием является опасение, которым якобы долгие годы были охвачены Кольбер и Лувуа перед перспективой возвращения к власти Фуке, огромные богатства которого перешли в руки их родни.

Между тем нет никаких доказательств существования таких опасений. Учитывая несомненную ненависть, которую питал к бывшему сюринтенданту финансов король, речь могла идти лишь о некотором смягчении в будущем его участи, максимум об освобождении из тюрьмы. Предположение, что Фуке сохранял сильную партию при дворе и в столице после многих лет нахождения в тюрьме, также остается бездоказательным. Примером всесилия его «клана» Аррез считает судьбу д'Артаньяна. Основываясь во многом на мемуарах мушкетера, которые были изданы… и в значительной мере сочинены Гасьеном де Куртилем и которые щедро использовал Дюма, Аррез излагает историю того, как д'Артаньян был «куплен», а потом убит врагами Фуке. Подчиненные Фуке потребовали от мушкетера внести плату за его должность (тогда существовала система продажи должностей), а противники сюринтенданта дали ему необходимую сумму. После этого попытка Фуке исправить промах и перетянуть д'Артаньяна на свою сторону окончилась неудачей. Как известно, именно д'Артаньян 5 сентября арестовал Фуке. Однако он отказался от поста его тюремщика, который достался Сен-Мару. Д'Артаньян стал слишком близким к королю. Поэтому Людовика XIV убедили назначить мушкетера губернатором Лилля, но уже через несколько месяцев этот пост был возвращен маршалу д'Юмьеру, связанному различными родственными связями с «кланом» врагов Фуке. Через несколько месяцев после этого д'Артаньян, которого его мушкетеры потеряли из виду во время схватки с неприятелем, был найден мертвым на поле боя около Маастрихта. Обоснованы ли подозрения Арреза, пусть решает читатель.

Согласно теории Арреза, Сен-Мар не только был, но и оставался все время тюремщиком одного заключенного — Фуке. Исключением являлся лишь герцог Лозен, пытавшийся при прямом содействии самого короля подорвать влияние «клана» и в результате попавший надолго в Пинероль, пока не сумел договориться с министрами об условиях своего освобождения. Все остальные заключенные в Пинероле не имели в глазах Лувуа ровно никакого значения, или, точнее, только такое значение, какое могли приобрести для более надежной охраны Фуке. В августе 1670 г. Лувуа посетил Пинероль и был гостем Сен-Мара. Напомним сообщение Вольтера, что маркиз Лувуа приезжал, чтобы навестить заключенного в маске.

Поскольку прежние исследователи «отсеяли» большинство других заключенных, не исключая и Маттиоли, как возможных узников в маске, Аррез попытался то же проделать и в отношении Эсташа Доже, который стал главным претендентом на роль «маски». Прежде всего атака началась против утвердившейся интерпретации знаменитого письма Лувуа к Сен-Мару от 19 июля 1669 г. относительно направления в Пинероль Эсташа Доже. Лувуа презрительно называет его «неким», подчеркивает, что Доже «всего лишь слуга». (Заметим, однако, в скобках, что не очень логично брать на веру в данном случае слова Лувуа, отказываясь это делать во многих других, как поступает Аррез.) Лувуа предписывал содержать Тоже в темнице в Нижней башне, а не в «апартаментах» в Боковой башне, которые предоставлялись знатному заключенному — Фуке, а потом Лозену. В темнице были только самые необходимые вещи. Лувуа предписал принять в отношении Доже ряд мер предосторожности — оборудовать специально для него темницу с двойными дверями, причем за наружные не должны были переступать часовые. Сен-Мар мог, как отмечалось, угрожать пленнику смер1ью, если тот скажет что-либо, не относящееся к его нуждам, пищу ему должен был приносить один раз в день Сен-Мар, и она совсем была не похожа на изысканные блюда и вина, которые давали Фуке. У «слуги» Доже, конечно, не было лакея. Таким образом, он находился в строжайшем

заключении, как и «маска», но содержался совсем в других условиях, чем неизвестный узник. Кроме того, меры, принятые в отношении Доже, нельзя считать исключительными. Такие же строгости по указанию Лувуа соблюдались в отношении Лозена, арестованного монаха и Маттиоли, а также заключенных, содержащихся в других тюрьмах. Словом, в письме Лувуа к Сен-Мару от 19 июля 1669 г. отнюдь не предусматривались какие-то беспрецедентные меры предосторожности (инструкция Лувуа даже прямо предписывала содержать «маску» так же, как арестанта Доже).

Однако возникает вопрос: почему вообще они были приняты в отношении «слуги», зачем потребовался датированный 26 июля 1669 г. специальный приказ за подписью Людовика XIV Сен-Мару о содержании под стражей Доже? Интересно, что темница была заранее переоборудована к его прибытию. Не было ли здесь начало сложной макиавеллиевской интриги: поместить в эту темницу никому не ведомого слугу, придать заключенному известную значительность в глазах стражи (она сочла его, по словам Сен-Мара, маршалом Франции или другим знатным лицом) и в удобный момент подменить его другим, действительно важным узником, которого объявить умершим и навсегда заточить под именем Доже? Пока же по-прежнему единственной реальной заботой Сен-Мара был Фуке. Друзья сюринтенданта — его конюший Лафоре и де Валькруассан, фигурировавший под именем Онеста, — в конце 1669 г. сделали попытку помочь ему вырваться из тюрьмы. Они проникли в крепость, подкупили нескольких солдат и составили план бегства. Однако в декабре 1669 г. Сен-Мар раскрыл заговор. Солдаты, виновные в измене, были казнены по приговору военно-полевого суда. Лафоре и Валькруассан, бежавшие в Турин, были выданы герцогом Савойским Сен-Мару. Конюший был повешен на виселице, сооруженной в центре тюрьмы. Валькруассану спасло жизнь его дворянство — он был отдан под суд позднее, когда утихли страсти. (Между прочим, добавим здесь, вопреки мнению Арреза, этот заговор свидетельствовал скорее не о сохранении «партии» Фуке, а о том, насколько безнадежным было положение бывшего сюринтенданта: даже если бы ему удалось бежать, его наверняка тут же выдал бы в руки французского правительства хотя бы тот же герцог Савойский!)

Иностранные послы в 1667 г. сообщали, будто позиции Кольбера и Лувуа несколько ослабли, что, по слухам, влияние приобретали маршалы Тюренн, Бельфон и Креки (два последних были родственниками Фуке) и что король разрешил опальному министру переписку с семьей. В действительности, если этот приказ короля и был когда-либо отдан, его не передали Сен-Мару. Аррез считает это дополнительным свидетельством, что Людовик XIV не имел подлинной власти, но даже приведенные выше факты показывают, насколько сама позиция министров зависела от благоусмотрения монарха. Можно предположить, что агентура министров спровоцировала Лафоре и Валькруассана на их попытку освобождения Фуке с целью усилить строгости заключения. В первой половине 167U г. проходил процесс Валькруассана, которого приговорили к пятилетней каторге (гребцом на галерах). Может, в относительной мягкости приговора сказалось влияние друзей Фуке. Быть может, игра партии Фуке была проиграна только наполовину, но для победы ей требовался руководитель, остававшийся в тюрьме.

В ходе процесса Валькруассана 26 марта 1670 г. Лувуа запросил Сен-Мара, не может ли он сообщить что-либо дополнительно для включения в обвинительный акт против Онеста (Ж. Монгредьен и М. Паньоль в своих построениях не учитывали, что неведомый Онест — псевдоним Валькруассана). В этом странном письме министр поинтересовался, не получил ли Онест или один из двух лакеев Фуке каких-либо сведений от… Эсташа Доже, и предписывал Сен-Мару допросить на сей счет этого «слугу». Какие же сведения мог разболтать Доже? По мнению Арреза, лишь то, что он такой же заключенный, как они, а не слуга с воли, каким его могли впоследствии представить Фуке. Кроме того, очевидно, что к Доже в темницу время от времени подселяли других арестантов — по крайней мере одного из слуг Фуке (вероятно, на ночь, после того как его отпускал бывший сюринтендант) и Онеста. Строгость заключения Фуке была усилена — инструкции Лувуа на сей счет были настолько детальными, что содержали указания об устройстве ставен. К этому времени позиции Кольбера и Лувуа снова упрочились. А в ноябре 1671 г. столкнувшийся с Лувуа герцог Лозен был арестован и направлен в Пинероль. Чтобы временно ослабить активность партии Фуке, взволнованной

арестом Лозена, на которого она возлагала большие надежды, был пущен слух о предстоящем освобождении Фуке. Это было, конечно, только маневром его врагов, прочно удерживавших в своих руках все рычаги власти.

В сентябре 1674 г. умер Шампань, наряду с Ла Ривьером являвшийся слугой Фуке (оба лакея были одновременно шпионами Сен-Мара). 30 января 1675 г. Лувуа сообщил Сен-Мару, что ему разрешается приставить Доже слугой к Фуке, но только в том случае, если у того не будет вообще слуги (Ла Ривьер много болел). Аррез считает, что это условие явно вызвано было опасением, что Доже признается Ла Ривьеру, откуда его привели к Фуке, а Ла Ривьер разболтает это своему хозяину (непонятно, почему не опасаться в таком случае, что Доже откроется самому Фуке?). Надо отметить, что Сен-Мару еще ранее было запрещено приставить Доже слугой к герцогу Лозену. Между прочим, как раз в это время было наконец — впервые за 14 лет — Фуке позволено обмениваться с женой двумя письмами в год. (По мнению Арреза, Людовик XIV дал такое разрешение еще за шесть лет до того, как Сен-Мар получил соответствующее приказание из Парижа.) 11 марта 1675 г. в письме к Сен-Мару Лувуа повторил запрещение приставлять Доже лакеем к Лозену, хотя разрешил найти второго лакея для герцога. Иначе говоря, Доже резервировался для Фуке.

26 февраля Лозену едва не удалось бежать. Он пробил дыру в полу своей камеры, спустился вниз, выскользнул в окно и только тогда был задержан стражей. После этого Лозен попытался добиться освобождения, обещая полностью подчинять свои поступки видам Лувуа и Кольбера. В декабре 1677 г. Лозену было разрешено совершать двухчасовые прогулки в тюремном дворе совместно с Фуке, которого много лет держали в изоляции от других заключенных, кроме его слуг. Вместе с тем Сен-Мару предписывалось проследить за тем, чтобы заключенные не касались в своих беседах личных тем и говорили только громким голосом. Вероятно, эта милость к Фуке была в значительной мере видимой и рассчитана на распространение слуха об облегчении судьбы бывшего сюринтенданта. А в письме Лувуа к самому Фуке от 23 ноября 1678 г. министр формально по поручению короля запрашивал бывшего сюринтенданта, не рассказал ли что-либо его слуга о своем прошлом другому лакею (и даже запрещал сообщать об этом поручении Сен-Мару). По существу, Фуке предписывалось шпионить за шпионившими за ним его слугами. Одновременно в письме обещали Фуке в ближайшее время облегчить его участь. Любопытно, что это первое личное письмо Лувуа к Фуке уцелело в архиве, а ответ сюринтенданта вряд ли случайно затерялся. Не сохранилось и письма, посланного Сен-Маром в декабре 1678 г., поскольку оно раскрыло бы игру Лувуа. Это утраченное письмо Сен-Мара имеет тем большее значение, что, отвечая ему 26 декабря 1678 г., министр отмечал, что будет извлечена польза из совета, который дал тюремщик относительно Эсташа Доже.

В январе 1679 г. Фуке и Лозен получили право посещать друг друга и гулять в сопровождении двух лакеев. Наблюдение Сен-Мара за прогулками, конечно, сохранялось.

В мае 1679 г. в Пинероль был доставлен Маттиоли, причем через два дня после его ареста был схвачен и лакей мантуанца, у которого захватили вещи его хозяина. В Пинероле теперь были заключены и Маттиоли, и его лакей, но их посадили в разные камеры, и итальянец был без слуги. Разрешалось держать слуг лишь Фуке, Лозену, а после них — «маске». В служебной переписке Маттиоли фигурировал в 1679 г. под именем де Летанжа. Вместе с тем 18 августа 1679 г. Лувуа писал Сен-Мару: «О том, что Вы не можете доверить письму, Вы можете известить меня, отправив сюда господина де Бленвильера», то есть двоюродного брата главного тюремщика. Эти особо конфиденциальные сообщения явно не имели отношения ни к делу «де Летанжа», не говоря уж о еще одном узнике Пинероля — Дюбрее (ему разрешили писать министру о якобы известных ему государственных секретах, но он не сообщил ничего значительного), ни к сошедшему с ума монаху, ни к лакею Лозена или Ла Ривьеру, которые оба были шпионами на службе у Сен-Мара. Не могло это относиться и к Лозену, которого в более или менее скором времени предполагалось выпустить на свободу. Из оставшихся двух — Доже и Фуке — посуществу, им мог быть только опальный сюринтендант, поскольку никому не ведомый за пределами тюрьмы Доже по решению Лувуа мог быть отдан в услужение только к Фуке…

Бленвильер отправился в Париж в том же августе 1679 г., когда было получено

цитированное выше Письмо Лувуа. Он вернулся в Пинероль только в январе 1680 г. А как раз в это время, в конце 1679 г., в результате ряда дополнительных брачных союзов и служебных перемещений «клан» Лувуа и Кольбера сумел серьезно усилить свои позиции. Его ставленники заполняли весь Королевский совет. Таким образом, они все единодушно, по мнению Арреза, должны были опасаться возвращения Фуке и желали от него отделаться. После прибытия Бленвильера из Парижа режим для Лозена был еще более смягчен; напротив, все послабления для Фуке были прекращены. Ему запретили кого-либо принимать, даже Лозена. 23 марта 1680 г. Сен-Мар сообщил Лувуа о смерти Фуке.

И только после этого, по мнению Арреза, возникает арестант в маске. Уже 8 апреля 1680 г. Лувуа предписывает тщательно изолировать лакеев Фуке — Доже и Ла Ривьера, а также объявить Лозену, что они выпущены на свободу. Напротив, Лувуа 22 июня 1680 г. приказал освободить лакея Лозена с запрещением под страхом отправки на галеры находиться ближе чем 10 лье от Пинероля. 22 апреля 1681 г. Лозен был на свободе.

И все это время Лувуа по-прежнему был озабочен судьбой слуг Фуке, которые официально вовсе не содержались в темнице, а были отпущены на волю. Чтобы лучше сохранить секрет того, что они оба оставались в заключении, был один способ — перевести их в другую тюрьму. И вот уже 11 мая 1681 г. Лувуа объявляет о назначении Сен-Мара губернатором Экзиля, с тем чтобы он увез с собой двух из находившихся на его попечении арестантов, оставив в Пинероле только тех, которые официально фигурировали в тюремных регистрах (по мнению Арреза, с которым в данном случае можно вполне согласиться, это были Маттиоли, его лакей, Дюбрей и монах). Увезенные арестанты уклончиво именуются в переписке «двумя из Нижней башни» (один из потомков тюремщиков «маски» поведал Вольтеру, будто неизвестного узника называли «башней»). Большой эскорт, щедрые траты на содержание одного из двух узников с очевидностью свидетельствуют, что это был не слуга, а какое-то значительное лицо. Отметим, что отъезд Сен-Мара в Экзиль был отложен до сентября 1681 г. по прямому указанию Лувуа, рекомендовавшего (в письме от 22 июля) ссылаться на то, что в новом месте не был еще произведен необходимый ремонт. Лувуа при этом прямо пишет, что это не причина, а предлог для задержки. Дело в том, что, если бы Сен-Мар уехал вместе с очень большим конвоем, увозя из крепости двух арестантов, и там официально осталось бы только двое заключенных (на деле — четверо), это могло бы породить нежелательные разговоры и догадки. Чтобы пресечь подобные толки в Пинероле, следовало разыграть комедию — временно посадить двух мнимых арестантов, один из которых должен был быть значительным лицом. Лувуа так и поступил. В тот же день, 22 июля, когда он послал Сен-Мару приказ задержаться в Пинероле, министр предписал генералу Катина сообщить своим друзьям, что он получил двухмесячный отпуск для улаживания своих дел, и явиться к Лувуа для получения устных указаний. А 8 сентября 1681 г. генерал, который уже посещал Пинероль при аресте Маттиоли, доносил оттуда, что он с 3 сентября с соблюдением всех необходимых форм заключен Сен-Маром в тюрьму под именем инженера Гибера из Ниццы, арестованного по дороге в Панкарлье. Чтобы убедить всех в важности нового арестанта, его вместе с лакеем поместили в лучшем помещении Боковой башни, которую занимал Фуке. Дело было устроено так, что никто посторонний не видел в лицо мнимого Гибера и его слугу, зато стало известно, что они лишь временно помещены в тюрьму Пинероля и будут увезены с собой Сен-Маром. А 28 сентября 1681 г. Катина уехал из Пинероля, в который он якобы только что прибыл, и отправился в Казаль, где занял пост коменданта крепости. Почему для выполнения этой роли был избран Катина? Да потому, что он был сыном одного из членов суда над Фуке и, надо кстати добавить, дальним родственником вдовы поэта Скаррона, которая под именем мадам де Ментенон (по воле «клана», добавляет Аррез) стала последней по счету и всемогущей фавориткой Людовика XIV.

После отъезда Катина Сен-Мар в сопровождении всей своей роты отправился с двумя действительными арестантами из Пинероля в Экзиль. Всю дорогу, составлявшую 86 километров, заключенные находились в плотно закрытых носилках. Даже губернатор Пинероля д'Эрлевиль мог считать, что Сен-Мар увозит «инженера Гибера» и его слугу. Все следы были таким образом уничтожены.

Итак, Сен-Мар в Экзиле, новое назначение было служебным продвижением, связанным и

с заметным повышением жалованья. Однако тюремщик по-прежнему прикован к своим арестантам. Он, правда, получает разрешение время от времени на короткий срок посещать своего друга Катина в Казале (поскольку в Экзиле главного тюремщика заменяет его неизменный помощник майор Росарж), но обычно Сен-Мару разрешается проводить вне Экзиля лишь одну ночь. В своих письмах Сен-Мар сообщает о чрезвычайных мерах предосторожности, направленных не столько на предотвращение побега, сколько на то, чтобы не допустить какого-либо контакта двух заключенных с внешним миром, возможности их опознания кем-либо. Этой цели служили двойные посты по обе стороны башни, в которой содержали узников. Задачей часовых было следить, чтобы никакая записка не была выброшена из окна камеры и не попала в чужие руки. Новый священник (прежний остался в Пинероле) отправлял для них церковную службу из специально переделанной проходной комнаты, туда же приносилась слугами пища, которую помощник Сен-Мара передавал заключенным. (Между прочим, именно о такой процедуре рассказывал сын одного из племянников Сен-Мара Вольтеру.) Сен-Мар не покидал заключенных, когда их осматривал врач, не допуская недозволенных разговоров, сам проверял доставляемое им белье. В марте 1682 г. Лувуа ответил отказом на просьбу Сен-Мара разрешить еще одному его помощнику — помимо майора Росаржа — разговаривать с заключенными, а в мае 1682 г. Сен-Мар получил отказ в отпуске для улаживания личных дел — это следовало произвести, не отлучаясь из Экзиля. Не прекращались и напоминания, чтобы заключенные исповедовались в соответствии с инструкцией, иначе говоря — чтобы духовник не видел арестантов, а Сен-Мар наблюдал за всей процедурой. Эти предписания повторялись из года в год. Такие же меры предосторожности принимались в Пинероле только в отношении Фуке.

В 1683 г. умер Кольбер. Его преемником в финансовом ведомстве стал Клод Лепелетье, а его другие функции перешли к Лувуа, сохранившему и пост военного министра. Он и его родственники по-прежнему вершили всеми государственными делами.

16 апреля 1684 г. Лувуа попросил Сен-Мара дать сведения о том, что известно о рождении Ла Ривьера и обстоятельствах, «при которых он поступил на службу к покойному Фуке». Это, очевидно, ответ на какое-то пропавшее письмо Сен-Мара, упоминавшее о Ла Ривьере и явно свидетельствовавшее, что он был одним из двух арестантов, привезенных из Пинероля в Экзиль. Но если один из двух — слуга Ла Ривьер, то другой (знатный заключенный) явно не мог быть Доже, то есть тоже слугой. Отсюда следует вывод, что Доже умер в 1680 г., а вместо него бьио взято из Нижней башни в Пинероле какое-то другое лицо.

В марте 1685 г. Лувуа наконец разрешил Сен-Мару взять отпуск для лечения, или, вернее было бы сказать, сбежать из Экзиля на две или три недели. Министр прямо пишет, что это разрешение дается по просьбе жены Сен-Мара (которая, добавим, приходилась сестрой любовнице Лувуа). Во второй половине того же года, как отмечалось, в переписке Лувуа с Сен-Маром обсуждался вопрос о сохранении в секрете завещания одного из узников — им, очевидно, не мог быть слуга, которому явно нечего было завещать. В конце 1686 г. один из заключенных заболел водянкой. 8 января 1687 г. Лувуа сообщил Сен-Мару о назначении его губернатором Сен-Маргерита — об очередном повышении. Тюремщику предписывалось посетить новую тюрьму, принять меры, чтобы там сохранился режим, установленный для его заключенных. Одновременно 5 января 1687 г. Сен-Мар известил Лувуа о смерти одного из заключенных. Поскольку и после этого прежние меры по содержанию единственного оставшегося арестанта — и перевода его на Сен-Маргерит — не были изменены, хотя они были связаны с весьма большими расходами, ясно, что умер слуга, а не главный заключенный. Хотя в ведение Сен-Мара были переданы на Сен-Маргерите и другие арестованные, он в письмах к Лувуа именует «моим заключенным» того, которого привез с собой из Пинероля в Экзиль, а из Экзиля — на Сен-Маргерит. 8 января 1688 г. в письме к Лувуа Сен-Мар передавал, что в окрестностях считают «маску» герцогом Бофором или сыном Кромвеля.

16 июля 1691 г. умер Лувуа, его сменил Барбезье, положение «маски» не изменилось. Многие историки придавали значение письму Барбезье от 13 августа 1691 г., в котором отмечалось, что неизвестный заключенный 20 лет находился под охраной Сен-Мара. Однако, может быть, эта цифра выбрана именно для дезинформации любого постороннего, которому попало бы в руки письмо, — ведь более точное указание могло бы стать ключом для

определения подлинного имени узника. У Сен-Мара же, у которого «маска» остался в Экзиле единственным заключенным, не могло возникнуть сомнение, о ком идет речь. Между прочим, 11 января 1694 г. Барбезье сообщает, что комендант тюрьмы в Пинероле Лапрад не знает фамилии умершего арестованного, наибольшее число лет просидевшего в заключении, и просит Сен-Мара шифром сообщить это имя в Париж. Трудно представить более веское доказательство, насколько вообще мало интересовали военного министра арестанты, оставленные в 1681 г. Сен-Маром в Пинероле. Очевидно, речь идет о монахе, доставленном в крепость в 1674 г.

В апреле 1694 г. трое уже знакомых Сен-Мару арестантов — Маттиоли, его слуга Дюбрей, а также новый заключенный, доставленный в Пинероль в августе 1687 г., — были переведены на Сен-Маргерит. Один из них (как явствует из письма Барбезье от 10 мая 1694 г., явно Маттиоли) умер вскоре по прибытии в новую тюрьму. Но по-прежнему Барбезье интересует один заключенный — «мой старый заключенный». В отношении его снова и снова в переписке обсуждаются все меры, вплоть до доставки осенью 1696 г. специальных замков из Пинероля. С «маской» обращались, как видно из этой корреспонденции, все время с крайней почтительностью, чего никак нельзя сказать о других заключенных из Пинероля, которые все подвергались телесным наказаниям. В 1698 г. последовал перевод Сен-Мара в Бастилию, куда он снова взял с собой только своего «старого заключенного».

Итак, доказано, что «маска» был одновременно и «старым заключенным» Сен-Мара, и каким-то значительным лицом. Поскольку несомненно, что Лозен был освобожден, то, если принять, что Фуке умер в 1680 г., ни один заключенный не удовлетворяет этому двойному требованию. Аррез считает, что единственно возможное и математически точное решение: в 1680 г. умер Доже, а Фуке занял его место в одиночной камере, которая с самого начала на деле специально сооружалась не для какого-то слуги, а именно для такой подмены. Ничто не противоречит этому решению, по крайней мере нет никаких письменных документов, удостоверяющих смерть и погребение Фуке, отсутствует акт вскрытия тела. Поэтому, хотя с точки зрения закона Фуке был мертв уже в 1673 г. (в этот год его жена была признана наследницей сюринтенданта), нет официальных данных о его физической смерти в 1680 г. Запечатанный гроб с телом Фуке был выдан его сыну 17 апреля 1681 г., через 25 дней после смерти. К этому времени нельзя было уже и думать об открытии гроба. Сообщалось, что останки Фуке первоначально были захоронены в церкви Сен-Клер, потом будто бы перевезены в Париж и перезахоронены вместе с прахом его матери на семейном кладбище в монастыре на улице Святого Антония. Однако это захоронение было произведено только 28 марта 1681 г., то есть через год после смерти, и в течение этого срока никто не мог установить, что это были именно останки Фуке, а не Доже.

Отметим, что письмо Сен-Мара от 23 марта 1680 г., которое должно было известить о смерти Фуке, исчезло. Не сообщал ли в нем Сен-Мар о смерти не Фуке, а Доже? Сохранилось лишь письмо Лувуа от 8 апреля 1680 г. о том, что он получил письмо тюремщика, датированное 23 марта и сообщавшее о кончине Фуке. Письмо, посланное Сен-Маром, должно было достичь Парижа примерно через восемь дней, следовательно, Лувуа его мог прочесть 31 марта. Однако он не ответил на него сразу, как это делал, когда речь шла не об особо важных делах. Министру потребовалось для ответа целых восемь дней — не для того ли, чтобы держать совет с Кольбером и другими союзниками относительно того, является ли момент подходящим для объявления о смерти Фуке? За эти дни в Париже уже были распространены слухи о кончине бывшего сюринтенданта (говорили, впрочем, и о том, что его до этого освободили из заключения). 6 апреля об этом было напечатано краткое известие в «Газетт», тесно связанной с двором. Между прочим, стоит добавить, что Вольтер помещает сведения о противоречивых слухах относительно смерти Фуке сразу после рассказа о «железной маске», очевидно, потому, что он считал обоих одним и тем же лицом. От Вольтера же нам известен ответ Шамийяра, что «маска» — человек, посвященный во все секреты Фуке. Кто мог знать все эти секреты, кроме самого сюринтенданта? Напомним также слова Вольтера, что «маску» арестовали в 1661 г. (как Фуке), что тогда не исчезло ни одно другое значительное лицо. Анализ переписки Лувуа и Сен-Мара показывает, что в момент смерти Фуке вблизи не было его детей и он не умер, как считают, на руках старшего сына. Из письма Лувуа от 8 апреля 1680 г. следует, что этому сыну

Фуке — графу де Во — посчастливилось увезти бумаги отца и что Сен-Мар это разрешил. Не означает ли это, что Фуке сам передал бумаги сыну и что, следовательно, он был жив за несколько дней до 23 марта или в этот самый день смерти и находился — вопреки слухам об освобождении — в тюрьме Пинероля?

Аррез считает, что Лувуа, с одной стороны, разрешил графу де Во взять все бумаги отца, а с другой — рекомендовал Сен-Мару запереть бумаги Фуке — очевидно, новые, которые «покойник» продолжал писать. Из переписки явствует, что Сен-Мар нашел дополнительные бумаги в карманах одежды Фуке уже 4 мая, то есть через 42 дня после его смерти. Иначе говоря, вероятно, во все эти дни мнимоумерший продолжал писать и из этих его бумаг составился целый пакет, пересланный Лувуа.

Аррез считает, что, как только Доже умер, Сен-Мар, следуя заранее согласованному с Лувуа плану, перевел Фуке в одиночку. Поскольку никто из посторонних не видел тайного погребения Доже, а помещение в Боковой башне опустело, возникла легенда об освобождении Фуке… В письме Лувуа от 8 апреля есть еще одна любопытная фраза о том, что важные сведения, известные Фуке, могут быть доступны Лозену и Ла Ривьеру. Умалчивается о другом лакее — Доже — не потому ли, что Лувуа знал о смерти этого слуги? Если умер Доже, то Фуке был жив. Понятно, и почему не отпустили на свободу слуг Фуке: Доже — потому что он уже был мертв, а Ла Ривьера — потому что он видел умершим Доже, а не своего хозяина. Вместе с тем, когда Лувуа писал Сен-Мару, что следует сохранять под стражей Ла Ривьера и Доже, тюремщик отлично понимал, что речь идет о Ла Ривьере и Фуке. Доже стал псевдонимом Фуке, фамилия которого, правда, позднее только раз мелькнула в письмах военного министра. А именно в письме Лувуа от 10 июля 1680 г., где говорилось о получении Доже каких-то «ядов». Их мог откуда-то взять не сидевший в одиночке Доже, а Фуке, которого стали называть фамилией «слуги». Впоследствии исчезло в переписке и имя Доже — появились «двое из Нижней башни».

Теперь о том, какие секреты мог узнать Лозен от Фуке, переговариваясь через отверстие, которое они проделали между своими камерами. Это явно не были придворные тайны. Лозен был другом семьи Фуке до 1661 г. и еще тогда мог узнать от них эти тайны, его ведь арестовали только через 10 лет — в 1671 г., и он был поэтому лучше, чем сюринтендант, осведомлен о том, что творилось в придворных сферах. Фуке мог ему сообщить лишь о секретах, связанных с заключением в Пине-роле, особенно о непонятном письме к нему Лувуа относительно Доже, о том, что того не разрешали держать в помещении, когда в него входил герцог или кто-либо другой. Не сообщил ли Фуке о том, что Доже при смерти и что он опасается попасть в одиночку взамен слуги? Как бы то ни было, Лозен ничего не поведал о тайнах Фуке и даже заведомо ложно рассказывал, что, вероятно, его друга освободили незадолго до смерти. Возможно, это молчание было платой за освобождение самого Лозена (как раз в марте 1680 г. он вел особую переписку с Лувуа). Герцог был превращен в свидетеля, подтвердившего официальную версию о смерти Фуке.

Добавим, что ни одного из заключенных, кроме Фуке, при перевозке не сопровождал такой эскорт, который следовал за «маской». И наконец, на содержание «маски» тратили, по существу, столько же, сколько расходовали на Фуке, — во много раз больше, чем на других заключенных (кроме Лозена) и тем более «слуг» вроде Доже, которых держали на крайне скудном пайке.

Фуке был «самым старым заключенным» Сен-Мара, таким фигурирует и «маска» в переписке. К 1703 г. ему должно было быть 89 лет, но таких случаев долголетия можно привести не так уж мало среди современников Фуке, придворных, представителей дворянской знати и высшего чиновничества (Аррез приводит такие примеры). Мать Фуке дожила даже до 91 года.

Мы изложили все существенные доводы, приводимые Аррезом в пользу своей теории. Нетрудно заметить, что они не доказывают «самого малого» — что Фуке действительно не умер 23 марта 1680 г. Более того, эти аргументы не свидетельствуют, что Лувуа и Кольбер страшились возвращения Фуке ко двору, что они рассматривали этого давно поверженного соперника, проведшего уже почти два десятилетия в заключении, в качестве опасного противника. Ничто не доказывает, что 65-летний сюринтендант, после долгих лет заключения

растерявший своих сторонников, якобы мог стать вождем лагеря, который бы противостоял Кольберу и Лувуа. Если бы это было действительно так, то Кольбер и Лувуа, по словам Арреза, макиавеллисты, настаивавшие во время процесса Фуке, чтобы его приговорили к повешению, конечно, нашли бы с помощью Сен-Мара средство отделаться от врага, а не разыгрывать комедию с его мнимой смертью и превращением в «маску». Тем менее было у министров, а после смерти Кольбера и Лувуа — у их преемников резона продолжать эту комедию после «официальной» смерти Фуке еще на протяжении более 23 лет, когда сам узник уже давно должен был превратиться в дряхлого старца. Мы уже говорили и о том, насколько неубедительны утверждения Арреза, что Людовик XIV был просто марионеткой Лувуа и Кольбера, а после смерти своих знаменитых министров — игрушкой в руках их родственников, в том числе совсем еще юного Барбезье. Не прибавляет убедительности метод, при котором источники понимаются то в прямом, то в обратном смысле, прямо противоположном написанному (например, при упоминании одного арестанта иметь в виду другого и т.п.).

К названию своей книги «Железная маска» Аррез добавил подзаголовок «Наконец разгаданная тайна». Вернее было бы сказать, что эта книга сделала старую тайну еще более непроницаемой, так как доводы Арреза против реальной кандидатуры на роль «маски» — Эсташа Доже нельзя сбрасывать со счетов. Аррез, как и некоторые его предшественники, прежде всего М. Паньоль, подчеркивает, что до нас дошла очень небольшая часть переписки Сен-Мара с его начальством и что уничтожена была сознательно та часть корреспонденции, которая могла дать ключ к разгадке тайны. Тем более что Сен-Мар сам не раз отмечал, что в дополнение к официальным донесениям отправляет с доверенными курьерами еще и частные письма. Все они исчезли. Вместе с тем Аррез встал на путь домыслов насчет содержания утерянных писем и устных предписаний. Это вряд ли путь, ведущий к цели. Ведь, встав на него, можно, например, допустить, что в какой-то момент Сен-Мару был доставлен еще один узник, о котором было приказано не упоминать ни единым словом в официальной переписке, и, опираясь на такую гипотезу, дать новую трактовку всей известной корреспонденции (а также по-новому представить размещение заключенных по камерам тюрьмы Пинероля, чем усердно занимался Аррез). Конечно, это произвольное предположение, но оно в одном ряду с догадкой, что Лувуа и Сен-Мар в своей переписке только и думали, чтобы сбить со следа будущих исследователей истории «маски». Подобный домысел нетрудно обосновать, используя «метод» Арреза: «удобные» показания принимать на веру, а все не укладывающиеся в схему свидетельства объявлять следствием дезинформации.

Если бы Фуке был «маской», непонятно, зачем ему давали возможность встречаться с Лозеном, а позднее — с семьей (если исключить объяснение, что все это было игрой с целью скрыть дальнейшую судьбу бывшего сюринтенданта). Поэтому можно считать, что именно он умер в Пинероле — может быть, насильственной смертью (был отравлен Доже).

Но загадка остается. Осудить сюринтенданта за злоупотребления, вернуть казне награбленные им и его приближенными десятки и сотни миллионов ливров, превратить подсудимого в козла отпущения за ненавистную народу политику налогового гнета в период правления Мазарини, одним словом, использовать в полной мере все политические выгоды, которые можно было извлечь из падения Фуке, — это одно дело. Но не смягчение, а, вопреки обычаю, вынесение более сурового судебного приговора было уже необычным для короля. Возможно, впрочем, здесь не обошлось без влияния Кольбера. Людовик XIV уже через несколько лет после осуждения Фуке простил его главных помощников. А самого Фуке королевская милость коснулась лишь тогда, когда он находился на краю могилы. Ла Ривьер и Доже после смерти Фуке вместо освобождения были обречены на пожизненное заключение. Наиболее вероятная причина — они знали «секреты Фуке». Конечно, такой человек, как сюринтендант, будучи приближенным Мазарини и находясь во время его правления в самом центре придворных интриг, мог быть посвященным в какие-то тайны. Но в какие? Вероятно, они прямо отстаивали интересы короля и династии Бурбонов, иначе, если бы речь шла только о ненависти к Фуке со стороны Кольбера, он вряд ли мог бы убедить Людовика XIV в необходимости десятилетиями держать Фуке в строжайшем заключении. Такая беспричинно долгая мстительность, в общем, вопреки мнению М. Паньоля, не была характерна для короля. Была, следовательно, какая-то причина. Но сохранившиеся документы молчат о ней.

Тройное дао Дуврского договора

Арест «Эсташа Доже» находился в какой-то связи с тайными переговорами между Людовиком XIV и Карлом II. Более того, эта связь, возможно, сохранялась и в течение многих месяцев после того, как Доже был водворен в тюрьму Пинероля. Чтобы судить о том, насколько обоснованными представляются гипотезы, выдвигаемые на сей счет в литературе о «маске», необходимо обратиться к самим этим секретным переговорам между французским и английским монархами.

В предшествующих главах была уже нарисована общая картина махинаций французской разведки в Лондоне в правление Карла II, и знакомство с ними позволяет лучше уяснить предысторию и историю Дуврского договора.

В начале 70-х годов в Англии из уст в уста переходило крылатое четверостишие, в котором речь шла о знаменитой Cabal:

Как может государство процветать,
Когда им управляют эти пять:
Английский дог, тупой баран,
Крот, дьявол и кабан?

Cabal — это слово по-английски означает «интрига», «группа заговорщиков», «политическая клика». Оно весьма подошло к группе министров Карла II, стоявшей у власти примерно с середины 60-х до середины 70-х годов. Причем подошло не только по существу, но и потому, что начальные буквы фамилий королевских советников: «дога» — Клиффорда, «барана» — Арлингтона, «кабана» — Бэкингема, «крота» — Ашли и «дьявола» — Лодердейла — случайно образовали роковое слово. А непочтительные прозвища четко отражали представления, сложившиеся в народе, о склонностях и дарованиях этих столпов престола.

Из этой пятиглавой гидры министр иностранных дел Генри Беннет, граф Арлингтон, возбуждал едва ли не самую жгучую ненависть. Вылощенный придворный, знаток церемоний, Арлингтон был известен своей готовностью удовлетворять все прихоти монарха. Недаром Арлингтон вместе с герцогом Бэкингемом входили в пресловутую «комиссию по доставлению мисс Стюарт королю».

Впрочем, современники ошибались, считая Арлингтона церемонным бараном. Он даже имел кое-какие собственные убеждения в отношении лучшего внешнеполитического курса, который, по его мнению, должен был включать сотрудничество с ослабевшей Испанией и с Голландией, опасавшимися завоевательных планов Людовика XIV. Однако эта политика встречала два совершенно различных препятствия. Одно из них — растущее англо-голландское торговое соперничество, уже неоднократно приводившее к войнам. Другое — намерения Карла II использовать французскую помощь, пусть даже жертвуя государственными интересами Англии, чтобы освободиться от опеки парламента и возродить абсолютизм, о чем упоминалось выше. Давали о себе знать и связанные с этим вторичные мотивы: неостывшая вражда Испании (тогда еще не вполне осознали степень ее ослабления), стремление к союзу протестантов против папистов и, наоборот, очевидные, хотя и отрицаемые публично, симпатии Карла И к католицизму как удобному орудию его политических планов (короля считали деистом, но он если и был им, то скорее просто от безразличия к религии, как и ко всему, не имеющему прямого отношения к его удовольствиям).

Действие всех этих и других факторов приводило к частым изменениям во взаимоотношениях между Англией и другими державами.

В январе 1668 г. Арлингтону и английскому послу в Голландии Уильяму Темплу удалось добиться подписания договора о тройственном союзе между Англией, Голландией и Швецией. В августе 1668 г. в Лондон прибыл новый французский посол Шарль Кольбер де Круаси, брат знаменитого министра Кольбера, с инструкцией разрушить тройственный союз, предложив, в частности, Арлингтону огромную взятку в 25 тыс. ф. ст. и ежегодную пенсию.

Однако вскоре стало очевидным, что подкупать надо самого Карла II. В конце 1668 г.

Карл решил круто изменить внешнюю политику, взяв курс на заключение союза с Людовиком XIV. Правда, учитывая быстрое усиление антифранцузских настроений, такая смена курса должна была быть осуществлена в глубокой тайне. Обычные дипломатические каналы поэтому не годились. 19 декабря 1668 г. Карл II послал письмо своей сестре Генриетте, бывшей замужем за братом Людовика XIV, о том, что будет передан шифр, с помощью которого они смогут вести свою переписку. Карл был уверен, что Арлингтона в конечном счете можно будет заставить согласиться с политикой, угодной королю, а заменить его явным сторонником союза с Францией значило раскрыть карты.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что нельзя слишком буквально принимать жалобы на упадок разведки в годы Реставрации (и позднее, в некоторые другие периоды истории Англии). Даже если подобные утверждения и соответствовали действительности, как в годы правления Карла II, это вовсе не было равнозначно ослаблению тайной войны, особенно секретной дипломатии. Просто функции секретной службы в этих случаях могли отличаться от обычных, и выполнять их могли самые неожиданные учреждения и люди. А когда, как при Карле II, речь шла о тайной продаже им государственных интересов своей страны, правительство могло вполне прибегать при этом к услугам чуждой разведки — в данном случае секретной службы и дипломатии Людовика XIV. Чтобы получше осуществить эту запродажу, Карл II дал понять в Версаль, что готов (конечно, келейно, дабы не возбудить взрыва недовольства) принять католичество. Обрадованный Людовик XIV весной 1669 г. прислал в Англию своего секретного агента, который должен был извлечь максимум пользы из этого довольно-таки неожиданного обращения Карла II в истинную веру. Это был уже известный нам аббат Преньяни. Главное, конечно, обещание английского короля перейти в католицизм, которое (получи оно огласку) могло стоить Карлу короны.

Впрочем, веселый монарх, давая слово, собирался надуть своего партнера. По мнению Карла, Людовик XIV должен был убедиться в том, что английский король бесповоротно связал себя с Францией и, следовательно, заслуживает всяческой поддержки. Сам же Карл считал, что его обещание может послужить поводом бесконечно откладывать выполнение других обязательств, принятых в отношении французского союзника. Ведь время публичного объявления Карлом о решении перейти в католичество было оставлено на полное усмотрение английского короля, а до такого объявления тайный союзный договор должен был оставаться мертвой буквой, кроме статьи о выплате французских субсидий. Но здесь Карл и Арлингтон перехитрили самих себя. Это выявилось, правда, не сразу, но уже в ходе переговоров Людовик соглашался дать лишь 300 тыс. ф. ст. вместо 800 тыс., запрашиваемых Арлингтоном. Да и эти деньги давались на приведение в готовность флота для войны против Голландии, с которой Англия еще столь недавно заключила договор о союзе. К тому же французская дипломатия и разведка приняли меры, чтобы слухи о переменах в английской политике достигли голландцев. Напротив, Арлингтон делал вид, что ничего не изменилось, для того чтобы обмануть как голландское правительство, так и влиятельные силы в Англии, которые подняли бы голос против изменения политики. В конце мая 1670 г. во время визита принцессы Генриетты, через посредство которой велись переговоры, в Дувр тайный договор был подписан.

К этому времени Людовик XIV уже во всем разобрался. Он понял, что предложение Карла II о переходе в католичество не более чем дипломатический маневр и что французскую армию не придется отвлекать для участия в новой гражданской войне, которая могла бы вспыхнуть в Англии, если бы Карл открыто порвал с протестантством. В то же время обещание Карла, закрепленное в Дуврском договоре, давало Людовику XIV множество возможностей для шантажа — ведь французский король мог теперь, допустив утечку информации, вызвать серьезный внутриполитический кризис в Англии.

Но это еще не все. Дуврский договор невозможно было ввести в действие, поскольку нечего было и думать представить его парламенту. Карл и Арлингтон не рискнули сообщить о нем даже остальным членам Cabal: и Ашли, и Лодердейл, и Бэкингем слыли ярыми протестантами или, во всяком случае, считали выгодным, чтобы их принимали за таковых. То же самое следует сказать и о других высших сановниках.

Поэтому возникла необходимость подписать другой, мнимый договор с Францией, который включал бы некоторые статьи действительного, но, разумеется, ни словом не

упоминал об обещании Карла принять католичество. Мнимый договор обосновывался ссылками на голландское соперничество и выгоды от торговли с Францией. Чтобы усыпить подозрения Бэ-кингема, ему было поручено вести переговоры о заключении этого договора. Вскоре Бэкингем торжествующе уведомил Арлингтона об успешном преодолении всех препятствий. А тот мог наигранно выражать свои антифранцузские убеждения, высказывая сомнения и колебания. Вероятно, Арлингтону доставляло немалое удовлетворение втайне потешаться над своим соперником. Однако имел ли он для этого основания? Ведь исключение статьи об обязательстве Карла стать католиком отнимало у английского правительства право определить время выполнения других обязательств — в первую очередь даты начала войны против Голландии. Бэкингем договорился, что таковой будет весна 1672 г. Спохватившись, Арлингтон стал требовать, чтобы Людовик заплатил за так и не состоявшееся обращение Карла в католичество, в надежде, что столь наглое требование приведет к срыву переговоров. Но французский король разгадал этот ход и уступил. Деньги, следуемые — вернее, не следуемые — по этой ультрасекретной статье, были подключены к военной субсидии, которую Франция в надлежащее время обязалась уплатить Англии. Кроме того, Людовик согласился увеличить английскую долю в шкуре неубитого медведя — увеличить размеры голландской территории, которую он был готов отдать Карлу. Одновременно с тайными переговорами Бэкингема происходили еще более секретные переговоры за его спиной. Карл должен был с крайней неохотой передать французам специальную письменную декларацию о том, что мнимый договор никак не отменяет обещания короля принять католичество, когда наступит подходящее время. После этого мнимый договор был подписан в декабре 1670 г. Он явно противоречил интересам и настроениям влиятельных буржуазных кругов Англии, втянул страну в непопулярную войну. Чтобы убедить парламент в отсутствии у Карла планов реставрации католицизма, пришлось продемонстрировать мнимый договор и постараться побыстрее подписать мир с голландцами (он был заключен в феврале 1674 г.). Склонный к демагогии Бэкингем решил подставить ножку Арлингтону. Склока могла привести к опасным разоблачениям, и друзья Арлингтона в палате лордов обвинили распутного герцога в незаконной связи с графиней Шрюсбери. Это помогло избежать нового политического скандала. Схватка «барана» и «кабана» была одним из признаков распада Cabal.

Познакомившись коротко с историей Дуврского договора, мы теперь можем остановиться на тех ее перипетиях, которые, возможно, были связаны с судьбой «маски». В мае 1670 г. Людовик XIV послал свою золовку Генриетту к ее брату Карлу II для завершения переговоров о Дуврском договоре, в которых она принимала деятельное участие. После успешного завершения ее миссии и возвращения во Францию Людовик устроил Генриетте торжественную встречу при дворе. Это произошло 16 июня, а через две недели — 30 июня принцесса скоропостижно скончалась. Молва считала причиной смерти отравление. Кивали на лечившего принцессу придворного лекаря Валло, который был врачом и ее матери королевы Генриетты-Марии, умершей за несколько месяцев до этого, если верить молве, тоже от яда. Британский посол Р. Монтегю, находившийся у постели умирающей принцессы, спросил ее по-английски, считает ли она себя отравленной. Слова «отрава», «яд» близки по звучанию (а пишутся вообще одинаково — poison) в английском и французском языках. Исповедник, стоявший рядом, догадался, о чем спрашивает посол, и поспешил заметить: «Сударыня, вы не должны никого обвинять, а принести вашу кончину как жертву Господу».

Рассказывая об этом, М. Паньоль не может высказать даже догадку о том, кто стоял за этим действительным или мнимым отравлением и как оно было связано с тайной «маски». Однако ему кажется, что такая связь прослеживается в событиях, последовавших после кончины принцессы. Узнав о смерти сестры, Карл II спешно направил курьера к Людовику XIV с просьбой изъять переписку покойной у ее мужа герцога Орлеанского и переслать ее в Лондон. В соответствии с этой просьбой Людовик XIV предписал брату передать ему все письма, о которых шла речь. Герцог отдал Людовику шкатулку, в которой хранились письма жены. В нее не попало последнее письмо Карла сестре. После получения известия о смерти Генриетты французский посол Кольбер де Круаси по просьбе Арлингтона послал специального курьера, нагнавшего в дороге сэра Генри Джонса, который вез письмо, и, изъяв у него это послание, передал в руки английского посла Монтегю. Между тем, как сообщал посол, 6 июля Людовик

XIV, получив шкатулку с письмами, приказал сделать их перевод на французский язык. Некоторые письма оказались зашифрованными. Людовик просмотрел эти письма 6 или 7 июля, и потом они, запечатанные личной печатью короля, были отправлены Кольберу де Круаси, а тот немедля вручил их Карлу II.

Принцесса писала брату дважды в неделю, и он ей, как правило, отвечал на каждое письмо. В случае, если Карл не посылал в срок ответную депешу, он приносил извинение за это в следующем послании. Большая часть этих писем сохранилась и известна исследователям, но последнее из них датировано 24 июня (5 июля по новому стилю) 1669 г. Это уже известное нам письмо, в котором Карл сообщал о посылке ей одной депеши с аббатом Преньяни. За последующий год — вплоть до смерти Генриетты 30 июня 1670 г. — не осталось ни одного письма. Английские историки (Ч. Хартмен, Д. Картрайт и др.) предполагают, что Людовик XIV уничтожил эти письма, поскольку в них говорилось об обещании Карла II перейти в католичество. Однако об этом шла речь и в других письмах, отосланных Карлу II) и сохранившихся. Отсутствует лишь переписка за месяцы, последовавшие после ареста Доже, смерти Генриетты-Марии, матери Карла II, и принцессы Генриетты. Писем этих было немало. С 6 июля 1669 г. по 30 июня 1670 г. прошла 51 неделя. Иначе говоря, принцесса могла получить от брата 102 письма, а с учетом того, что он иногда не соблюдал сроки, — около 80. Почему же Людовик XIV уничтожил эти письма, принадлежавшие не ему, а Карлу II? Паньоль дает такой ответ на этот вопрос: потому что в этих письмах содержались секреты, касающиеся не английского короля, а самого Людовика. Переписка была им просмотрена, как мы помним, б или 7 июля, и в те же дни Людовик приказывает Лувуа ехать в Пинероль. Зачем военному министру, находившемуся в центре переговоров о Дуврском договоре и работавшему по 12 часов в день (от Лувуа осталось 500 томов переписки), отправляться в далекую пограничную крепость? Причем отправляться поспешно в это совсем непростое тогда путешествие?

9 июля Лувуа сообщает военному комиссару в Пинероль, что прибудет туда 20 сентября. Однако на следующий день Лувуа принимает другое решение и сообщает Вобану, знаменитому специалисту по фортификациям, которого он решил взять с собой, что уедет 15 августа. Проходит еще три дня, и министр снова меняет дату отъезда. Теперь он намечает отправиться в дорогу 3 августа, чтобы 7 августа прибыть в Пинероль. Наряду с Вобаном Лувуа сопровождал судья Налло. Позднее, в 1673 г., он расследовал дело об отравлении, в котором были замешаны фаворитка короля и другие придворные, и, как считалось, сам был отравлен. После смерти Налло его сестра передала Лувуа какие-то бумаги. Быть может, это были документы, которые военный министр на всякий случай предпочитал не хранить у себя. Лувуа пробыл в Пинероле три дня, за это время успел посетить французского посла в Турине. Возвратился он в Париж лишь 26 августа, через две недели после отъезда из Пинероля. По прибытии в Париж его уже ждала депеша из Пинероля от военного комиссара. Письмо это не сохранилось, но в ответе Лувуа речь идет о неких «россказнях», о которых министр не успел из-за занятости доложить Людовику XIV. А назавтра был послан приказ короля, в котором приписывалось заменить губернатора Пинероля, командующего крепостью и других, а главное, отправить гарнизонный полк в глубь Франции, заменив его другой воинской частью. В чем был смысл этого приказа? Его нельзя объяснить планами овладения Казалем — ведь эту операцию провели только через два года. Речь шла не об укреплении гарнизона, а о замене полка, который не считали надежным. Приехавший в Пинероль Вобан занялся строительством новых фортификаций. По гипотезе М. Паньоля, все это объясняется тем, что Людовик, ознакомившись с письмами Карла II к Генриетте, узнал, что французские протестанты-заговорщики не оставили своих планов, что они имели сообщников в гарнизоне Пинероля и знали, кто такой «маска», что они, возможно, намеревались силой освободить его. И все это для освобождения какого-то слуги, добавляет Паньоль, считая, что таким образом он приводит доводы в пользу своей версии. Однако он подкрепляет ее лишь догадкой, что вояж Лувуа связан с прочтением писем Карла II к принцессе Генриетте. Но известно лишь, что поездка произошла вскоре после ознакомления короля с корреспонденцией, а не вследствие этого ознакомления.

Мартин или Мартен?

Через восемь лет после своей первой работы о таинственном арестанте и через три года после опуса Арреза М. Паньоль опубликовал еще одну книгу на ту же тему «Секрет железной маски». В ней он пытается дополнительно обосновать свою гипотезу, пытаясь ответить на возражения критиков, на доводы в пользу кандидатуры Фуке (об этом ниже), привлечь документы, которые ранее не привлекались историками при попытках разгадать старую тайну.

Первое возражение, которое должен был отклонить Паньоль, считавший «маску» братом-близнецом Людовика XIV, сводилось к тому, что рождение наследника престола происходило чуть ли не на глазах у 20 свидетелей. Было бы невозможно скрыть от них, что королева Анна Австрийская разрешилась двойней. Паньоль стремится доказать, напротив, что это было вполне возможно. Он приводит данные о циркулировавших в Париже слухах, что королева родит двойню. Может быть, это предсказание было результатом «утечки информации», исходившей из придворных кругов.

Как бы то ни было, такое предсказание должно было встревожить Ришелье: ведь рождение близнецов — это опасность, чреватая разжиганием гражданской войны, в которой враждующие группировки могут использовать наличие двух равноправных претендентов на престол. И всемогущий министр принял меры… После рождения первого ребенка королева на четверть часа оставалась наедине с повивальной бабкой Перронет, над младенцем был быстро совершен обряд малого крещения. И пока Людовик XIII принимал поздравления в часовне по случаю радостного события, пока отслужили благодарственный молебен, второго новорожденного тайно унесли из покоев королевы и спрятали в одной из комнат замка, чтобы ночью или назавтра увезти куда-то в деревню, где и воспитали как незаконного сына какой-то придворной дамы. Между прочим, молебен, вопреки традиции, отслужили не в соборе в присутствии тысяч людей, а в часовне при участии всего около 40 избранных лиц. Возможно, что такое непонятное изменение обычной процедуры было вызвано стремлением в шуме благодарственною молебна оставить незамеченным похищение второго младенца. Таким образом, Паньоль считает, что устранил одно из главных препятствий в пользу выдвигаемой им кандидатуры. У Людовика XIV мог быть брат-близнец, рождение которого могло остаться в тайне. (Разумеется, даже если признать доказанным этот тезис, надо помнить, что речь идет лишь о возможности, а не о факте рождения второго ребенка.)

Следующим шагом Паньоля было выдвижение гипотезы о том, кем же был Эсташ Доже, если его нарекли этим именем только после ареста в июле 1669 г. Для выяснения этого Паньоль обратил внимание на то, какие меры предосторожности принимали как раз в этот и последующие месяцы по приказу из Парижа в Пинероле. Сен-Мар помимо своей роты, насчитывавшей 66 человек, имел право требовать помощи от командующего крепостью Пинероля маркиза де Пьенна, под началом которого находились 700 солдат. Иными словами, здесь, на границе, принимались меры для отражения возможного нападения. Целью такого внезапного налета во время мира могло быть только освобождение кого-либо из арестантов. А этим арестантом мог быть только «маска». Кто же и почему мог попытаться освободить его? Для ответа на этот вопрос Паньоль обращается к исследованию истории заговора Ру де Марсийи, одного из важных эпизодов тайной войны во второй половине XVII в.

…Вернемся к маю 1668 г. и к уже хорошо известному нам по предшествующим страницам сэру Самуэлю Морленду, к тому самому агенту кромвелевской разведки, который с большой ловкостью потом переметнулся на сторону Карла II. Морленд считал, что достаточно щедрых милостей от нового правительства он не получил, и постоянно искал, где можно было бы прихватить деньги. С этой целью он не брезговал своим привычным занятием — шпионажем — и появился в резиденции экстраординарного французского посла Рювиньи, тоже упоминавшегося ранее в нашей книге. Он прибыл в Лондон для ведения переговоров по ряду специальных вопросов, касающихся, в частности, судоходства, тогда как все остальные дела оставались в ведении приехавшего через несколько месяцев постоянного посла Шарля Кольбера де Круаси. Надо заметить, что Рювиньи пользовался особым доверием Людовика XIV. После отмены в 1685 г. Нантского эдикта о веротерпимости король предложил в виде исключения сохранить для протестанта Рювиньи право исповедовать свою религию. Так Морленд появился в доме Рювиньи с крайне важной и тревожной новостью. Англичанин сообщил послу, что собирается опубликовать трактат под названием «История евангелических

церквей Пьемонта» и что поэтому к нему питают полное доверие и дружеские чувства протестантские эмигранты в Лондоне, и среди них Ру де Марсийи. От него Морленд узнал, что готовится заговор против французского короля. Чтобы Рювиньи сам убедился в правдивости этого сообщения, Морленд пригласил посла к себе домой. Там, укрывшись в одной из комнат, посол имел возможность услышать разговор за обеденным столом между Морлендом и ничего не подозревавшим Ру. Сильно подвыпивший заговорщик откровенно отвечал на вопросы, которые ему с большим искусством ставил Морленд (список этих вопросов был составлен самим Рювиньи).

Сразу после этого 29 мая Рювиньи отправил известие Людовику XIV о подготовке восстаний во многих провинциях Франции — в Провансе, Лангедоке, Гиени, Дофине, Пуату, Нормандии, Бретани. Заговорщики имели связи со швейцарскими кальвинистами и рассчитывали провозгласить республику в то время, когда армии Людовика XIV будут заняты войной против коалиции иностранных держав — Испании, Голландии и др. Но особенно тревожно было то, что Ру имел беседы с Арлингтоном, в ходе которых соглашался на отделение большинства из этих провинций от Франции и признание в качестве их правителя младшего брата короля Карла II герцога Йоркского. (Здесь прервем на минуту изложение доводов Паньоля, чтобы напомнить: это был тот самый Генри Беннет, граф Арлингтон, который в январе 1668 г. заключил договор о тройственном союзе между Англией, Голландией и Швецией. Для подрыва этого союза французскому послу Кольберу де Круаси, прибывшему в Лондон в августе 1668 г., было поручено предложить Арлингтону огромную взятку и обязательство уплачивать большую ежегодную пенсию. Таким образом, возможность секретных переговоров между Арлингтоном и Ру весной 1668 г. как будто не противоречит известным фактам.)

Рювиньи не ограничился подробным донесением о «заговоре Ру». О самом главном он решил лично доложить Людовику и отправился с этой целью в Париж. Получив все нужные сведения, французский король потребовал от Карла II выдачи Ру, натурализовавшегося в Англии. Но заговорщик был заранее предупрежден кем-то (вероятно, Арлингтоном) об этом требовании и поспешно покинул британские пределы. Людовик XIV обещал за его поимку большую награду — 300 тыс. ливров. После долгих розысков французская разведка обнаружила, что Ру скрывается у одного из своих друзей в Швейцарии. В мае 1669 г. небольшой отряд французских гвардейцев под командованием ни больше ни меньше как знаменитого французского полководца маршала Тюренна, тайно пересек швейцарскую границу и похитил Ру. 19 мая он был заключен в Бастилию. Находясь в тюрьме, Ру требовал свидания с королем, обещая открыть ему важные тайны. В ответ лишь министр Лионн приказал подвергнуть Ру допросу под пыткой. После допроса Лионн объявил: «Намерения Ру — это сумасбродство безумного». Паньоль сравнивает это заявление с характеристикой Ру, данной ему Самуэлем Морлендом еще много ранее, 20 июля 1668 г., в письме к тому же Лионну: «Ру — плохой француз, держащий столь странные речи, и главным образом против короля в особенности, что это внушает ужас. Это заставляет ожидать событий, от которых волосы встают дыбом». По мнению Паньоля, в планах заговорщика не было ничего, что можно было счесть «странным» и «безумным», как о том писали Морленд и Лионн. «Безумным» они, вероятно, сочли утверждение Ру об участии в заговоре брата-близнеца Людовика XIV. Этот аргумент Паньоля не представляется убедительным. В переписке сановников абсолютистского государства и их приспешников заговорщики против короля нередко именуются не только злодеями, но и безумцами. Подразумевалось при этом, что, находясь в здравом уме, невозможно покуситься на священную особу монарха, помазанника божьего. Кроме того (как пишет сам Паньоль в другом месте своей книги), власти первоначально принимали Ру за опасного преступника, а несколько позднее стали утверждать нечто прямо противоположное: никакого заговора вообще не было, все, мол, сводилось к пустой болтовне. Замечания Лионна, видимо, предвосхищали эту вторую, вскоре ставшую официальной версию. Для выдвижения ее не требовалось даже особой изобретательности, поскольку подобный прием не раз использовался правительством и ранее, для того чтобы принизить значение его противников. Не придавая поэтому особого смысла словам о «странных», «безумных» речах Ру, как это делает Паньоль, последуем за ним в рассмотрении других обстоятельств дела этого

заговорщика.

Во время, когда в Бастилии Лионн продолжал вести допросы Ру, министр получил депешу из Лондона, датированную 3 июня 1669 г. В ней посол Кольбер де Круаси извещал о существовании некоего Мартина, бывшего слугой у Ру. Лионн немедля ответил. «Нужно любой ценой доставить к нам этого слугу Мартина». С 18 по 21 июня происходил суд над Ру. 21 июня состоялась его публичная казнь колесованием. При казни рот Ру был завязан тряпкой. Почему стремились помешать ему говорить, каких разоблачений могли опасаться власти?

Во всяком случае, конечно, не разоблачения переговоров с Карлом II и его министром Арлингтоном. Но те оказались в очень неловком положении, тем более что в Лондоне надеялись на получение очередной французской субсидии. Карл II поэтому клялся Кольберу де Круаси, что знать не знал, ведать не ведал о «заговоре Ру». В свою очередь, Людовик XIV столь же лицемерно делал вид, что принимает за чистую монету эти заверения. В таких условиях Карл II не мог отказать в настойчивой просьбе о выдаче или в согласии на похищение Мартина. Кстати, в письме французского посла упоминается, что Мартин не подчиняется «приказам своего государя». Следовательно, по мнению Паньоля, как выяснилось, Мартин — француз. Так что его фамилию надо было произносить по-французски: не «Мартин», а «Мартен».

Первый секретарь посольства Жоли попытался убедить Мартина поехать в Париж и сообщить, что он знает о замыслах своего бывшего хозяина. Мартин благоразумно отказался, ссылаясь на то, что он, мол, ничего не знает и боится, что во Франции его упрячут в тюрьму. После того как стало известно о казни Ру, тем более нельзя было рассчитывать на добровольную явку Мартина. Прежде чем продолжить повествование, отметим, что этот эпизод плохо согласуется с гипотезой, что Мартин (или по крайней мере тот Мартин, с которым вел переговоры Жоли) был французом. Иначе и смысла не было уговаривать его отправиться во Францию на расправу.

Посольство было озабочено и вопросом о выдаче сообщника Ру, некоего Вейраса. Кольбер де Круаси писал Лионну 1 июля, что может попросить Карла II организовать похищение Мартина и передачу его в Кале в руки французских властей. Ответа Лионна в архивах не сохранилось. Это может свидетельствовать о том, что тогда сразу Лионн не дал никакого ответа, или о том, что положительный ответ на столь деликатный вопрос министр не рискнул доверить бумаге и предпочел послать специального курьера в Лондон. Паньоль уверен, что правильно последнее предположение, но обосновать его может только с помощью дополнительной гипотезы. 4 (или 5) июля Карл II направил записку своей сестре Генриетте, что посылает другое письмо к ней, которое привезет — уже знакомый нам — аббат Преньяни. (Напомним: один из отпавших кандидатов на роль «маски».)

Паньоль считает, что письмо, присланное с Преньяни, выражало согласие на похищение Мартина. Между прочим, Преньяни должен был покинуть Лондон 4—5 июля, но задержался на один или два дня, поскольку письмо короля еще не было готово. Это дополнительное доказательство того, что Карл II не хотел переслать его с обычными курьерами. По мнению Паньоля, письмо содержало согласие на просьбу французского посла выдать «слугу Мартина» и сообщение, что того передадут через несколько дней в Кале французским властям. Правда, 13 июля Лионн пишет Кольберу де Круаси, что после казни Ру нет необходимости заставлять Мартина прибыть во Францию, что же касается Вейраса, то «пусть Господь позаботится о его наказании». На основе этого письма некоторые историки пришли к выводу, что Мартин так и не был выдан Франции. По мнению же Паньоля, письмо, напротив, извещало Кольбера де Круаси о полном успехе операции и,'таким образом, не следует больше заниматься делом этого «слуги». Действительно, Ру был казнен 21 июня, а через три дня, 24 июня, Лионн еще настаивал на выдаче Мартина. 1 июля посол докладывал, что примет необходимые меры, а 13 июля, то есть когда прошло уже более чем три недели, министр вдруг теряет интерес к Мартину. Если бы письмо было искренним, оно было бы написано через день-два после казни, то есть 23 или 24 июня, или в крайнем случае сразу после получения письма посла от 1 июля, а не от 13 июля. Итак, по гипотезе Паньоля, Мартин был выдан Франции за неделю, разделяющую дату отъезда аббата Преньяни и дату письма Лионна, предписывавшего прекратить подготовку к похищению Мартина.

Удалось ли Паньолю с помощью указанной гипотезы и ряда умозаключений решить

загадку, был ли Мартин арестован в Кале в начале июля 1669 г.? К сожалению, этого сказать никак нельзя. Можно утверждать, что Ру действительно имел в услужении англичанина Мартина, который, однако, уволился или был уволен еще до того, как заговорщик в конце февраля 1669 г. уехал из Англии в Швейцарию. Этот Мартин был, по данным Лионна, очень недоволен своим бывшим хозяином. Он был разыскан в Лондоне, где жил со своей семьей. Именно этот Мартин отказался ехать во Францию, чтобы давать показания, сославшись на то, что ему ничего не было известно о заговоре против французского короля. Казалось, после всего этого очевидно, что Мартин столь же не подходит на роль «маски», как, возможно, втянутый в это дело аббат Преньяни (кандидатура которого, как мы помним, отпала после того, как было установлено, что он скончался в Риме, а не в Бастилии). Однако Паньоль считает, что под именем Мартина был арестован в Кале француз, связанный с Ру и принявший имя бывшего слуги заговорщика. Нетрудно обнаружить здесь очевидную слабость всего построения Паньоля, сколько бы он ни старался прикрыть ее утверждениями, что, только допуская существование подлинного Мартина и его французского двойника Мартена, можно объяснить известные нам факты (о чем будет сказано позднее). Все это остается простым домыслом, не подкрепленным никакими прямыми документальными свидетельствами.

Ну что же, примем пока такое допущение и посмотрим, насколько оно способно объяснить тайну «маски». Прежде всего попытаемся, исходя из сделанного предположения, реконструировать ход событий после ареста Мартена. Арестованного держали, вероятно, в цитадели города Кале или в его окрестностях, где его допрашивал, возможно, сам Лувуа. Допрос продолжался более декады, так как военный министр вернулся в Париж 19 июля и доложил все, что ему удалось узнать, Людовику XIV. Тот несколько дней колебался, поскольку только 26 июля был подписан приказ Сен-Мару принять от мэра Дюнкерка де Воруа слугу Эсташа Доже. Сам Воруа получил предписание министра 3 августа. Арестант был доставлен в Пинероль 24 августа. Следовательно, путешествие заняло целых 20 дней. Между тем сам Лувуа добирался до Пинероля всего за четыре дня. Может быть, арестованный был нездоров и его нужно было лечить? Он ведь потом много болел. А может, ему устроили свидание с королем? Предположения, предположения… Факты, приводимые Паньолем, укладываются им в ложе произвольной конструкции.

Как уже отмечалось, до процесса и казни Ру его официально представляли как опаснейшего преступника. Маршал Тюренн с торжеством рассказывал о том, как ему удалось похитить Ру в Швейцарии, хотя это было признанием грубого нарушения международного права. А после казни стали говорить, что замыслы Ру свелись к пустой похвальбе. Не хотели ли власти создать впечатление, что раз не было заговора, то, естественно, не было и сообщников у Ру? Такой вопрос задает М. Паньоль. На наш взгляд, стремление приуменьшить масштабы заговора могло быть вызвано различными мотивами.

Итак, слугу Мартена, задержанного после приезда из Англии под именем «слуги Эсташа Доже», отослали в Пинероль. Отметим, что арестованного не судили и не приговорили к четвертованию или колесованию — наказанию, которое полагалось за покушение на монарха и которому был подвергнут Ру. Возникает вопрос: откуда взялся новый псевдоним Мартена — «Эсташ Доже»? Об этом можно только догадываться. Быть может, толчком к придумыванию его явилась история Эсташа Доже де Кавуа, о которой уже говорилось. (Между прочим, как дополнительно выяснено исследователями, Эсташ Доже де Кавуа к июню 1669 г. уже год как находился в тюрьме, что не являлось секретом для современников. Он умер в 1679 г.) Однако, как считает Паньоль, выдумка насчет лакея «Эсташа Доже» оказалась неудачной. Подчеркивая, что речь идет лишь о «слуге», правительство само опровергало эту версию, принимая чрезвычайные меры предосторожности с целью предотвратить контакты узника с кем-либо на воле и в охране тюрьмы, в которой содержался заключенный в маске.

Между прочим, обращает на себя внимание, что упомянутый Лувуа явно опасался возможности какого-то нападения на тюрьму. Иначе зачем было посылать специальный приказ начальнику гарнизона Пинероля маркизу де Пьенну? В этом приказе де Пьенну, знатному сеньору, стоявшему по социальному положению и по месту на служебной лестнице значительно выше, чем выскочка Сен-Мар, указывалось, что тот является полным хозяином в тюрьме, порученной его ведению, и ни в коей мере не является подчиненным маркизу, на что

тот выдвигал претензии. Более того, согласно этому приказу, Сен-Мар получил право требовать в любой момент, когда сочтет это нужным, помощь де Пьенна и находящихся под его командой 700 солдат. (Аналогичные разъяснения были даны и губернатору Пинеро-ля.) Однако кто мог и с какой целью совершить нападение на тюрьму, расположенную на границе Пинероля? Целью могло быть только освобождение «маски», и совершить его могла какая-то группа швейцарцев, принимавших участие в «заговоре Ру». Эта попытка, предпринятая сотней людей, могла оказаться успешной, если бы роте Сен-Мара не пришел на помощь гарнизон города. Заговорщики, вероятно, учли бы, что Людовик XIV, находившийся во враждебных отношениях с Нидерландами и Испанией, не мог позволить себе вторжение в Швейцарию, ссылаясь на то, что увезли из тюрьмы какого-то лакея, и вдобавок снова привлекая внимание Европы к грубому нарушению международного права, совершенному самим французским королем при похищении Ру.

Надо заметить, что гипотеза, согласно которой имя Мартина — Мартена является второй маской узника в маске, не является догадкой Паньоля. Ее еще в начале нашего века выдвинул английский историк А. Лэнг в книге «Трагедия слуги». Он, однако, не располагал теми документами, которые с тех пор удалось раскопать исследователям. У Лэнга нашлись последователи и до Паньоля (к этому мы еще вернемся).

Новая маска «Эсташа Доже» позволяла уверить тех, кто мог заметить его исчезновение и стараться выяснить его судьбу, что он умер в какой-нибудь отдаленной тюрьме. Итак, псевдоним «Эсташ Доже» был лишь прикрытием другого псевдонима — «Мартен». Но кто же скрывался под псевдонимом «Мартен»? М. Паньоль считает, что любой кандидат на роль «Мартена» должен удовлетворять целым 13 условиям («подходящий» возраст, довольно широкая начитанность и благочестие, которое обнаруживал заключенный в маске, и т.д., включая главное из них — бесследное исчезновение в июле 1669 г.). Всем этим требованиям удовлетворяет некий Джеймс де ла Клош, полная загадок биография которого давно уже привлекала внимание историков. Паньоль попытался суммировать и пополнить доводы в пользу кандидатуры де ла Клоша. К чему они сводятся? Что известно об этом загадочном персонаже?

В 1668 г. человек, носивший это имя, жил на английском острове Джерси. Согласно концепции Паньоля, после смерти Ришелье его преемник кардинал Мазарини, посвященный в тайну, в 1644 г. отослал мальчика вместе с повитухой Перронет в Англию, которая отправилась туда, чтобы принять роды у королевы Генриетты-Марии, жены Карла I и сестры Людовика XIII. Имеются сведения, что Перронет выдали на дорогу огромную сумму денег — 20 тыс. пистолей, они явно предназначались тем, кто возьмет на себя воспитание ребенка. Выбор пал на богатую аристократическую семью Картретов на острове Джерси, расположенном неподалеку от французского побережья. Были приняты меры, чтобы ребенок умел свободно говорить по-французски. В Англии шла гражданская война, в которой сторонники Карла I — кавалеры стали терпеть поражение. Тогда Генриетта-Мария отослала на попечение Картретов своего 15-летнего сына Карла. Именно на Джерси, остававшемся последним оплотом кавалеров, он после казни в 1649 г. своего отца был провозглашен королем Карлом II. Находясь на Джерси, Карл оказывал внимание молоденькой Маргарет Картрет. Поговаривали, что Джеймс де ла Клош, родившийся после отъезда Карла II с острова, являлся его сыном. Эти слухи были связаны с тем, что мальчик был похож на Карла II. Но ведь тот обликом напоминал своего кузена Людовика XIV — тот же длинный нос, подбородок с ямкой посредине, тот же рот и тот же взгляд. (Добавим, что, вопреки мнению Паньоля, портреты обоих королей не дают, как кажется, оснований для столь категорического суждения.) В 1557 г. Маргарет Картрет вышла замуж за протестантского проповедника Жана де ла Клоша, отсюда и происходит фамилия юного Джеймса, который до этого, видимо, получил основательное образование, так как хорошо говорил и писал по-французски. В 1668 г. Джеймс неожиданно объявил себя незаконным сыном Карла II. Однако «веселый монарх», который хорошо относился к своим бастардам — двоих из которых он даже наделил титулами герцогов, — твердо заявил, что не было никаких незаконных детей на Джерси. Потерпев неудачу в своих домогательствах, Джеймс де ла Клош тем не менее стал именовать себя «принцем Стюартом» и уехал в Гамбург, где перешел в католичество. В апреле 1668 г. он уже находился в Риме и обратился с просьбой

к иезуиту отцу Олива, ведавшему обучением неофитов, вступавших в члены «Общества Иисуса», помочь его принятию в орден. Для подкрепления своей просьбы де ла Клош показал письмо Карла II римскому первосвященнику, в котором король признавал де ла Клоша своим сыном. Было представлено и письмо от шведской королевы Христины, перешедшей в католичество, в котором она также удостоверяла, что де ла Клош — сын английского монарха и что это ей стало известно от самого Карла II. Иезуиты были в восторге, предвкушая возможности, которые мог получить орден от приема в свои ряды отпрыска Карла II. Пока де ла Клош усваивал азы иезуитской науки, он получал письма от Карла II — «нашему возлюбленному сыну принцу Стюарту». Все хорошо шло примерно полгода, покуда не стало известно, что в Рим прибудет королева Христина и что она намеревается провести несколько дней в аббатстве, где проходил обучение де ла Клош. После этого от Карла II было получено письмо с требованием, чтобы Джеймс немедля прибыл в Лондон. В соответствии с правилами ордена, его отправили в дорогу в сопровождении другого иезуита. Но Джеймс во Франции покинул своего соглядатая и в октябре или ноябре 1668 г. отправился в Англию. И после этого он совершенно и навсегда исчезает из виду.

Вместе с тем в июле 1669 г., как раз когда в Кале был арестован Доже, в Неаполь прибывает некто, именующий себя «принцем Стюардо». Он именовал себя сыном Карла II, но женился на дочери местного трактирщика. Возникло подозрение, что деньги, которыми он сорил без счета, фальшивые. Его арестовали, но выяснилось, что золотые монеты, которые он тратил, отнюдь не поддельные, и он был освобожден. 10 сентября некий «английский агент» Кент объявил, что «принц Стюардо» недавно скончался в Неаполе, оставив странное завещание. В нем он объявил себя сыном Карла II и некоей Марии-Генриетты Стюарт, назначил душеприказчиком «своего кузена короля Франции», требовал, чтобы Карл II дал его сыну титул наследника престола принца Уэльского, выплатил огромные суммы его неаполитанской родне. «Принц Стюардо» оставлял сыну какой-то маркизат, никогда не существовавший в действительности, и другие подобные владения. На этом опять-таки кончаются наши сведения и о «принце Стюардо», каким-то образом, пв всей вероятности, связанные с историей Джеймса де ла Клоша. Каким же именно?

Прежде всего о главных документах, содержащих сведения о Джеймсе де ла Клоше — письмах Карла II к своему «возлюбленному сыну». Они, естественно, вызывают сильнейшие подозрения. Письма эти нашлись через два без малого столетия после времени их написания. В 1842 г. английский католический историк Лингард получил от иезуита Рэндала Литго предложение написать работу о де ла Клоше. Выразив согласие, ученый получил от своего корреспондента копии писем Карла II к де ла Клошу и отцу Олива. Заключение Лингарда было категорическим: письма подложны. Действительно, в них, например, говорится, что Генриетта-Мария, мать Карла II, находится у сына в Лондоне, тогда как на деле она уехала в 1665 г. во Францию. В одном из посланий Карла отмечается, что оно написано в Лондоне, в Уайтхолле, тогда как в это время Карл II, спасаясь от эпидемии чумы, укрылся вместе с двором в Оксфорде. Последующие исследования, авторы которых, включая и М. Паньоля, разыскали оригиналы упомянутых и других писем Карла к де ла Клошу и Олива, лишь подтвердили вывод о том, что речь идет о грубой фальшивке. Действительно, одно сравнение фотокопий этих писем с бесспорными автографами Карла II показывает, что фальсификатор даже не стремился имитировать подпись короля, которую он, вероятно, никогда не видел.

Но разоблачение подделки еще не решает вопроса о том, кем же в действительности был Джеймс де ла Клош, что с ним приключилось в Лондоне в конце 1668 г. и первой половине 1669 г. и в каком отношении он находится с «принцем Стюардо» из Неаполя, а в конечном счете — о его связи со слугой «Эсташем Доже». Ответы на эти вопросы были различными у разных историков, причем для разгадывания загадки, разумеется, было необходимо изучить фальшивые письма Карла II, поскольку они принадлежали де ла Клошу и поэтому могли пролить свет на его цели и намерения.

В 1862 г. известный английский историк Актон (к слову сказать, признавший подлинность писем) считал, что де ла Клош был бастардом Карла II, что он в конце 1668 г. или начале 1669 г. был убит лакеем, который с его деньгами и бумагами прибыл в Неаполь под именем «принца Стюардо». Эту версию, правда с признанием подложности писем, защищала в 1904 г.

английская исследовательница Кэри в книге «Острова Па-де-Кале и Ла-Манш». Она предположила, что появление «принца Стюардо» — это трюк самого Карла II, имевший целью объяснить исчезновение де ла Клоша, который по просьбе короля был арестован во Франции и стал «маской». А Лэнг, тоже считая письма подлинными, полагал, что истинный де ла Клош скрывался под маской иезуита. Бэрнс в книге «Человек под маской» (1908 г.) полагал, что де ла Клош — это аббат Преньяни, который как знающий тайну Дуврского договора был обречен на вечное заточение. Тогда, как мы уже знаем, не были известны мемуары одного современника, засвидетельствовавшего, что аббат Преньяни умер в 1679 г. в Риме.

М. Паньоль обращает внимание на тот факт (отмеченный еще Бэрн-сом), что в последнем из фальшивых писем короля содержится совет де ла Клошу по дороге в Лондон посетить сестру Карла II Генриетту, герцогиню Орлеанскую. Это может означать, что де ла Клош, сочинивший это письмо, намеревался добиваться аудиенции у сестры короля. Между тем в безусловно подлинном письме Карла к герцогине, датированном 20 января 1669 г., он сообщал, что его письмо привез «итальянец, ни имени, ни звания которого Вы не знаете. Он передал мне Ваше письмо в столь темном коридоре, что я при встрече не узнал бы его в лицо». Паньоль вслед за другими авторами полагает, что слово «итальянец» в контексте письма означает «человек, прибывший из Италии». Надо признать, что в целом это действительно очень темное место в письме Карла. Однако вряд ли оно дает основание для догадки Паньоля, что это был ответ на исчезнувшее письмо Генриетты. В последнем она обращала внимание Карла на сильное сходство де ла Клоша с Людовиком XIV, которого Карл II отлично знал со времени, когда находился при французском дворе. В своем ответе Карл в завуалированной форме давал понять сестре, что решил «не узнавать» де ла Клоша. Паньоль считает, что Карл II после встречи в январе 1669 г. с де ла Клошем разъяснил, что тот не его сын, а кузен, брат Людовика XIV, и ввел его под именем Мартина в «заговор Ру». Однако французская дипломатия при помощи сэра Самуэля Морленда узнала о заговоре, и это предопределило его полный провал. «Мне кажется несомненным, — пишет М. Паньоль, — что донесение Рювиньи изменило ход истории Франции». После похищения Ру французское правительство потребовало выдачи Мартина. Карл II не мог не согласиться на это требование, но из-за того, что было двое Мартинов — подлинный и мнимый, арест затянулся до начала июля 1669 г. У де ла Клоша имелась большая сумма денег, выманенных у иезуитов под «поручительство» Карла, содержащееся в одном из его подложных писем. Запуганный слуга де ла Клоша после ареста хозяина был отправлен в Неаполь, где сыграл свою роль обогатившегося лакея — «принца Стюардо».

Такова реконструкция событий первой половины 1669 г., связанных с исчезновением де ла Клоша. Стоит ли повторять, что в своей основе она остается гипотезой, подкрепленной в значительно меньшей степени фактами, чем домыслами. В этой гипотезе не все в порядке с логикой и с хронологией. Хотя Ру только в конце февраля 1669 г. бежал из Лондона, английское правительство еще задолго до этого не могло не знать, что Людовик XIV, осведомленный о заговоре, потребует выдачи его участников. Стоило ли в таких условиях Карлу II в январе 1669 г. «вводить» де ла Клоша в уже провалившийся заговор? Да и вообще, если Карл II действительно вовлек «Мартина» в заговор, вряд ли в его интересах было выдавать его Людовику XIV, а не заставить просто исчезнуть (навсегда или на время — другой вопрос). Не проще ли объяснить процитированное место из письма Карла II к сестре, даже считая его обращенным к де ла Клошу (что отнюдь не доказано), таким образом: «От Вас прибыл посланец, выдающий себя за моего сына, но я не намерен „узнавать“, то есть признавать, его»?

Паньоль приводит, как уже указывалось, 13 «совпадений» между Мартеном и Доже, призванных доказать, что это одно и то же лицо — брат Людовика XIV. Многие из этих совпадений кажутся весьма натянутыми. В этой связи отметим еще одну несообразность. Клош говорил отцу Олива в 1668 г., что ему 24 года. Паньоль считает, что де ла Клош лгал, чтобы сойти за сына английского короля: в 1668 г. Карлу, родившемуся в 1630 г., было 38 лет, и он не мог иметь 30-летнего сына (если де ла Клош — близнец, то он родился в 1638 г.). Но Паньоль как будто не замечает выводов, напрашивающихся из этих фактов. Во-первых, если де ла Клошу было действительно 30 лет, он не мог не понимать, что он не является сыном Карла II и что, следовательно, абсурдно и не безопасно пытаться добиться «признания» со стороны короля. С другой стороны, он не должен был бы в этом случае стремиться к встречам с Карлом

II ни до, ни после поездки в Рим, поскольку не мог предполагать, что при свидании король раскроет ему тайну его происхождения. Отпадает и предположение Паньоля, что предстоящий приезд в Рим шведской королевы Христины испугал не де ла Клоша, а Карла II, опасавшегося разоблачения собственных планов (каких?) и поэтому действительно вызвавшего своего мнимого бастарда в Лондон. Число недоуменных вопросов можно было бы значительно умножить. Важнее, что само основание гипотезы Паньоля — допущение существования двух Мартинов, подлинного и мнимого, — ничем не подтверждено и поэтому произвольно. Иными словами, гипотеза существования брата-близнеца у Людовика XIV обосновывается догадкой о наличии двойника у «подходящего» персонажа. Нетрудно заметить, что на основании такого предположения можно с равным успехом выдвинуть и многие другие кандидатуры на роль «маски», например уже отвергнутого аббата Преньяни. Пусть известно, что он в Риме в 1679 г. «сгнил от дурной болезни». Если это был не он, а подставное лицо, сам Преньяни под именем Доже сидел в темнице в Пинероле? Вдобавок в случае с Преньяни нужно предположить одну подмену, а в гипотезе Паньоля — две (Мартин — Мартен — «принц Стюардо»), В конце концов «маской» могло оказаться и лицо, о связи которого с событиями 1669 г. ничего не было известно. Находка какого-то нового документа может опрокинуть все прежние построения и гипотезы.

По мнению Паньоля, если не признать, что «Мартен» был арестован и под именем Доже отослан в Пинероль, и отрицать, что под этой двойной маской скрывался брат короля, становится совсем непонятно, зачем «маску» столь тщательно охраняли в течение трех с половиной десятилетий, содержали в хороших условиях, не жалея связанных с этим немалых затрат. Немыслимо, что все это делалось для какого-то рядового участника протестантского заговора, которому в этом случае, вероятно, была бы уготована участь Ру, подвергнутого публично колесованию в Париже. Для концепции М. Паньоля очень важно подыскать правдоподобные объяснения тем местам в переписке Сен-Мара и Лувуа, которые как будто прямо противоречат тому, что Доже был заключенным в маске. Поэтому с самого начала все такие места объявляются попыткой замести следы, сбить с толку тех, в чьи руки может в будущем попасть переписка. Отвергнутые все вместе, они потом соответствующим образом истолковываются каждое в отдельности. Сен-Мар в 1674 г. предложил, чтобы Доже был приставлен взамен умершего лакея к Фуке, король согласился. Однако Лувуа в письме от 30 января 1675 г., а потом еще более категорически 11 марта предписал принять меры, чтобы исключить возможность встречи Доже и герцога Лозена. Специально указывалось, что, если потребуется, герцогу можно подыскать лакея, но никак не Доже. Все же зачем превращать Доже, если принимаются такие меры к сохранению его тайны, в лакея Фуке? Возможно, это было сделано если не из сострадания, то из нежелания, чтобы он заболел, сошел с ума от одиночества, погиб, — ведь власти не хотели приближать час его смерти. Это все делалось не для Фуке, а ради Доже. Ведь можно было подыскать для Фуке другого слугу, тем более что он был спокойным человеком и не избивал в припадке гнева своих слуг палкой, как это случалось с герцогом Лозеном. Как бы то ни было, Доже выполнял свою роль слуги без маски, иначе это пробудило бы только любопытство Фуке. Конечно, Фуке мог узнать Доже, но кому мог бывший сюринтендант поведать о своем открытии? Однако Сен-Мар тогда не знал, что Фуке, камера которого находилась над камерой Лозена, и герцог переговаривались через проделанное ими отверстие соответственно в полу и потолке. Ведь тюремщики выяснили это только весной 1680 г., после смерти Фуке. В данном контексте любопытно письмо Лувуа к Фуке от 23 ноября 1678 г., в котором сюринтенданту от имени короля задавался вопрос, разговаривал ли Доже о чем-то секретном с другим слугой — Ла Ривьером, и предписывалось ответить на этот вопрос, не сообщая содержания письма Сен-Мару. Возможно, это была лишь игра и Лувуа переслал Сен-Мару копию ответа Фуке.

Но очевидно, что в Париже не доверяли даже своему образцовому тюремщику — из его корреспонденции можно заключить, что за ним постоянно наблюдали один или несколько правительственных шпионов. За ответ на запрос из Парижа Фуке было обещано облегчить условия его заключения. И такие послабления режима вскоре последовали — Фуке разрешили прогулки вдоль крепостной стены в сопровождении своих двух слуг под присмотром Сен-Мара. С начала 1679 г. Фуке и Лозену были дозволены взаимные посещения, совместные прогулки,

несколько позднее они получили право принимать посетителей. При этом было предписано строго соблюдать условие, по которому Лозен и Доже не должны были встречаться друг с другом (письмо Лувуа от 15 февраля 1679 г.). М. Паньоль склонен считать письмо Лувуа к Фуке, о котором шла речь выше, ловкой провокацией. Ответив на вопрос о том, разговаривал ли Доже с Ла Ривьером, Фуке тем самым невольно подписал себе приговор. Ведь он признал, что и ему известны секреты своего нового слуги. Это определило решение Людовика XIV, продолжавшего ненавидеть бывшего сюринтенданта, чему немало способствовало и влияние новой фаворитки мадам Ментенон, также питавшей злобу к Фуке.

Было предписано погубить Фуке, но так, чтобы это не оставило следов и обошлось без формального приказа из Парижа. Ослабление тюремного режима, о котором сразу заговорили при дворе, где у Фуке еще сохранились доброжелатели, должно было скрыть подготовлявшуюся расправу. 18 августа 1679 г. Лувуа пишет Сен-Мару, что если тот имеет важные новости и не желает доверить их бумаге, пусть пришлет в качестве доверенного курьера Бленвильера (являвшегося, как мы помним, кузеном начальника тюрьмы). Повторяя в своем ответном письме буквально слова министра, Сен-Мар пишет, что у него действительно имеется секрет, и просит принять в Париже Бленвильера, кстати, известного Лувуа, поскольку он уже однажды, в ноябре 1669 г., ездил к нему с тайным поручением. Министр ответил: «Я жду Вашего посланца». Эти письма ясно показывают, что действительным инициатором поездки был Лувуа, а Сен-Мар, посылая Бленвильера в Париж, лишь выполнял приказ начальства. Блен-вильер прибыл в Париж в начале сентября и оставался в столице целых четыре месяца — может, это было следствием колебаний короля. Вскоре после 10 января Бленвильер уехал обратно в Пинероль. Он привез и известие о большой денежной награде Сен-Мару. После прибытия Бленвильера режим заключения Фуке становился все более суровым. Сократилось число дозволенных ему встреч с жителями Пинероля. Покинули Пинероль дочь Фуке и ее жених, которым ранее разрешили свидание с заключенным.

Примерно через два месяца (22 или 23 марта 1680 г., это с очевидностью следует из сохранившихся документов) после приезда Бленвильера Фуке умер в тот самый момент, когда стало известно о намерении короля освободить бывшего сюринтенданта. Эта запоздавшая милость кажется, по мнению Паньоля, особенно подозрительной, если учесть будто бы мстительный нрав короля — он прощал врагов только тогда, когда они были ему нужны, как это было с лидерами Фронды — Рецем, Конде, Тюренном. Явно с целью опровергнуть распространившиеся слухи об отравлении король приказал выдать тело покойного его семье. Но этот приказ последовал лишь через 16 дней после смерти Фуке, и еще несколько дней потребовалось его сыну де Во, чтобы доехать до Пинероля. Во всяком случае, к этому времени труп должен был разложиться до неузнаваемости. Медицина того времени была бессильна обнаружить следы отравления растительными ядами. Признаки смерти от такого яда или от апоплексии были неразличимы. Да, вероятно, никакого вскрытия тела и не производилось (соответствующая депеша Сен-Мара исчезла), и родные похоронили останки Фуке в Пинероле. (Установление еще в XVIII в. Жакобом факта, что трупа Фуке не было в семейном склепе, и послужило толчком к предположению, что он являлся заключенным в маске.)

К числу многих труднообъяснимых обстоятельств, связанных так или иначе с историей «маски», принадлежат эпизоды, которые относятся к дням, последовавшим за смертью Фуке. Немудрено, что они могли подвергаться самым различным, даже взаимоисключающим истолкованиям, в зависимости от исходной точки зрения, которой придерживался тот или иной исследователь.

Лувуа в ответ на несохранившийся, как уже отмечалось, отчет Сен-Мара о смерти Фуке направил ему 8 апреля 1670 г. очень любопытное письмо. В нем министр упоминает об отверстии, пробитом между камерами Фуке и Лозена, с помощью которого арестанты могли долгое время общаться без ведома тюремщиков. Однако министр не выражает ни малейшего неудовольствия по поводу столь непростительной оплошности Сен-Мара, не сумевшего вовремя обнаружить это отверстие. Напротив, Лувуа выражает полное удовлетворение действиями Сен-Мара, на которого продолжали сыпаться и денежные подарки. Его кузен и посланец Бленвильер получил назначение на должность коменданта крепости Мец, с тем чтобы через несколько лет вновь присоединиться к Сен-Мару на острове Сен-Мар-герит. Министра —

так комментирует все это Паньоль — по-видимому, мало волновало то, что герцог Лозен узнал секреты Фуке и его слуги Ла Ривьера. Однако возникает необъяснимый с позиции Паньоля вопрос: каким образом министр мог быть уверен, что Фуке не сообщил Лозену и тайну Доже? Ведь отверстие существовало длительное время, возможно, еще до того, как Фуке получил королевское предписание сообщить, не рассказал ли Доже свои секреты Ла Ривьеру. Не говоря уж о том, что Фуке мог, несмотря на приказ из Парижа, исходивший от его врагов, все же сообщить Лозену то, что узнал от Доже. Если Фуке был отравлен прежде всего потому, что он знал тайну Доже, как можно было несколько позднее освободить Лозена? Его лишь ложно уверили, что Ла Ривьер и Доже выпущены на свободу. По мнению Паньоля, одна из целей, которая преследовалась этим, — убедить Лозена, даже если он узнал от Фуке, кем является Доже, что все рассказанное — нелепая выдумка слуги сюринтенданта.

На деле же слуг продолжали держать в тюрьме, скрывая это от всех. Их поместили в камере в Нижней башне, а прежняя комната, в которой содержали Доже, оставалась демонстративно незанятой. В своей новой камере Доже и Ла Ривьер пробыли до отправки в Экзиль в 1681 г. Перемещение Ла Ривьера и Доже было сделано не только для введения в заблуждение герцога Лозена, а через него (после того как он будет освобожден) и многих лиц в Париже, но и чтобы уверить их, будто Доже действительно слуга, отправленный на все четыре стороны после смерти его господина. Доже и Ла Ривьер были свидетелями кончины Фуке, а перед смертью он мог понять, что отравлен, и сказать им об этом. Между прочим, если Фуке умер естественной смертью, слуги были бы драгоценными свидетелями того, что слухи об отравлении не соответствуют действительности.

Но странные обстоятельства, сопровождавшие кончину Фуке, этим не ограничивались. В переписке Сен-Мара разных лет встречаются глухие упоминания о каком-то мешке, в котором хранились «ядовитые порошки». В ответ на письмо Сен-Мара от 4 июля 1680 г. (оно не сохранилось) Лувуа к депеше, датированной 11 июля, добавил несколько собственноручно написанных строк, явно с целью скрыть их содержание от писцов своей канцелярии. «Уведомите меня, — писал министр, — как стало возможным, что некто, называемый Эсташем, изготовил то, что Вы мне отослали, и где он взял нужные снадобья, чтобы сделать это, поскольку я не могу себе представить, что он получил их от Вас». В зависимости от того, идет ли здесь речь об отраве или нет, можно строить самые различные предположения о роли Доже, и в них действительно нет недостатка в литературе о «маске».

Один из уже упоминавшихся исследователей, М. Дювивье, например, считал, что Фуке был отравлен Доже по наущению… герцога Лозена или Кольбера, который, мол, боялся возвращения Фуке к управлению государственными финансами. Предположение, что Лозен, будучи сам арестантом, мог обещать Доже свободу, столь же невероятно, как то, что Фуке, осужденный за растраты и ненавидимый королем, мог быть вновь назначен на свой прежний высокий пост. Вдобавок Лозен, кажется, никогда не встречался с Доже, и тем более неясно, через кого должен был Кольбер устанавливать контакт с заключенным в Пинероле. Соглашаясь с М. Пань-олем в критике этой гипотезы, нельзя признать сколько-нибудь убедительной и его собственную версию, согласно которой вся эта история — лишь умелое ведение министром «контрпропаганды», призванной отвести подозрение от властей и свалить преступление на слуг Фуке, которые, как утверждалось, были освобождены и исчезли неизвестно куда (а на деле должны были до смерти остаться в тюрьме). Ведь контрпропаганда велась в секретной переписке, при этом в той ее части, которую скрывали даже от писцов, переписывавших набело депеши Лувуа!

Еще ранее, чем возникло в корреспонденции упоминание о «снадобьях», в мае 1680 г., из Парижа последовал приказ, посланный в ответ на опять-таки несохранившуюся депешу Сен-Мара и также породивший различные домыслы. Сен-Мару предписывалось переслать в Париж бумаги, которые он нашел в одежде Фуке, и те бумаги, которые ранее просил отдать ему сын сюринтенданта, если они еще оставались в руках начальника тюрьмы. (Этот приказ, как мы уже знаем, дал основания Арревзу даже предполагать, что Фуке не умер и продолжал писать.) Из ответных писем Лувуа следует, что Сен-Мар отослал требуемые бумаги. Однако в письме министра от 22 июня последовало новое предписание — «отослать в пакете то, что Вы нашли в карманах г-на Фуке, чтобы я мог показать это Его Величеству». Не связано ли «это» с тем, что

приготовлял из каких-то снадобий Эсташ Доже? Из-за отсутствия депеш Сен-Мара, ответом на которые были цитированные письма Лувуа, нет возможности ответить на этот вопрос.

Надо сказать, что явные противоречия, которые анализ обнаруживает в сохранившейся части переписки Сен-Мара с Лувуа и Барбезье, становятся исходным пунктом для произвольных построений. Сторонники различных кандидатов отбрасывают данные, не укладывающиеся в прокрустово ложе их концепций, как сознательную дезинформацию. В какой-то мере еще можно доказать, что желанием замести следы были вызваны намеки, что «маской» является Маттиоли, которого Лувуа называет в переписке то «Летанжем», то его подлинным именем и фамилией (особенно полезным оказался Маттиоли в этой роли после смерти Фуке). Но и здесь не кажется правдоподобным предположение М. Паньоля, что Маттиоли вообще держали в тюрьме ради этой мистификации (поскольку, мол, иначе итальянца можно было через пять-шесть лет выпустить на свободу). Остается фактом, что Лувуа именовал Маттиоли «мошенником», рекомендовал проучить его палочными ударами и т.п., что никак не вяжется с идеей, будто министр провоцировал будущих читателей своей корреспонденции на отождествление флорентийца с «маской». Ведь пренебрежительные отзывы о Доже в переписке выдаются тем же М. Паньолем за попытку скрыть, что «слуга» и был таинственным заключенным.

Мода на гипотезы, выдвинутые Паньолем и Аррезом, видимо, уже прошла. В 1978 г. дальний потомок Сен-Мара П. М. Дижол выпустил исследование, в котором утверждается, что «маской» был некий Набо, чернокожий паж Марии-Терезы, жены Людовика XIV, вызвавший неудовольствие короля. Его сначала отправили пажом к жене губернатора Дюнкерка и изменили имя («Набо стал Доже»), а потом отправили в Пинероль, где он, между прочим, был одно время в услужении у Фуке.

В Пинероле ныне существует Постоянный центр изучения «железной маски», который на двух заседаниях-в сентябре 1974 г. и октябре 1976 г., — заслушав доводы как Дижоля, так и Арреза с его единомышленниками, высказался в пользу кандидатуры темнокожего пажа королевы…

Таким образом, новейшие попытки разгадать тайну «маски» должны идти по пути выяснения загадки Доже, а это снова открывает двери для любых произвольных предположений, как это было в прошлом веке, когда путем всяческих домыслов набрали не одну дюжину претендентов.

История «железной маски» как в капле воды отразила режим бесправия, произвола и беззакония, которые были неразрывно связаны с внешней и внутренней политикой абсолютистской монархии. Устрашающие королевские lettres de cachets — тайные (а порой и безымянные) приказы об арестах, содержание десятилетиями людей в тюрьмах без предъявления обвинения и даже без признания самого факта ареста, возведение в высший закон монаршего каприза, желаний короля и его фаворитов, ради которых неугодный человек превращался в беспощадно преследуемого «государственного преступника», — все это были повседневные явления во Франции до Великой французской революции конца XVIII в. И немудрено, что загадочный случай с «железной маской» долгое время привлекал внимание не только своей нераскрытой тайной.

Нечаянные плоды просвещения

Кальер, издавший в 1716 г. руководство по ведению переговоров, указывал на ту роль, которую может сыграть хороший посол. Он подчеркивал, что успеха можно добиться умелым сочетанием средств дипломатии и разведки. «Мы, — писал он о значении дипломатических переговоров, — ежедневно наблюдаем их результаты: неожиданные перевороты, соответствующие великим намерениям государства, использование мятежей и разжигание ненависти, побуждение завистливых соперников к вооружению к выгоде третьей стороны, расторжение искусными мерами самых крепких союзов… Часто случается, что хорошо выбранные шпионы больше, чем какое-либо другое средство, способствуют успеху великого начинания. Ими нельзя пренебрегать. Посол — это почетный шпион, так как его обязанностью является выведывание важных секретов».

Через несколько десятилетий известный английский политический деятель лорд Честерфилд в своих знаменитых «Максимах» выскажется в том же духе — «Посол, которому поручены важные дела, непременно должен иметь у себя в услужении платных шпионов, но не должен слишком доверчиво относиться к сведениям, которые они доставляют, ибо эти сведения не отличаются точностью, а зачастую бывают и вымыслом».

В XVIII в. движущим нервом шпионажа в Европе служили почти исключительно деньги, и только деньги. Все другие мотивы играли сугубо подчиненную роль (или вовсе никакую). Шпионаж был неотделим от дипломатии, а она была в это время неразрывно связана с различными формами коррупции. Именно это определяло те огромные, по масштабам того времени, суммы, которые тратили внешнеполитические ведомства абсолютистских государств. По подсчетам исследователей, среднее годичное жалованье для английских шпионов составляло примерно 400 ф. ст. (не считая возмещения расходов).

В арсенале секретной службы по-прежнему большое место занимали подарки министрам и другим должностным лицам враждебной страны. Французский дипломат де Викфор, автор известного сочинения «Посол и его функции», доказывал, что подкуп иностранных министров находится в полном соответствии со всеми признанными обычаями и нормами международного права. Подкуп стал искусством. В одном случае надо было передать деньги и все, в другом — их следовало оформить как королевский подарок, в третьем — проиграть в карты, в четвертом — проиграть в те же карты, но при посредстве подставного лица, в пятом — дать в долг, в шестом — употребляя позднейшее выражение — вручить «борзыми щенками». Так, австрийский канцлер Кауниц принимал в дар только картины, лошадей и вино особо редких марок. Лорд Стенгоп, которого пытался в 1716 г. подкупить французский посол аббат Дюбуа, вежливо отказался от предложенной взятки. В письме к регенту герцогу Орлеанскому Дюбуа назвал поведение англичанина «героическим и поразительным», а затем послал Стенгопу 60 ящиков лучшего вина с просьбой передать половину королю Георгу I. На этот раз британская добродетель не устояла. А на Георга I, который был одновременно курфюрстом Ганновера, наряду с вином подействовал довод, что Франция будет охранять его родовые владения от покушений со стороны Австрии и Пруссии. Дюбуа вслед за Стенгопом отправился в его ганноверскую резиденцию, где любезный хозяин предоставил гостю полное право подслушивать свои разговоры с представителями других держав. Дюбуа описал, в частности, торжественный обед, который Стенгоп дал 13 иностранным дипломатам. Прелат сидел в соседней комнате за чуть приоткрытой дверью и записывал разговоры, становившиеся все более откровенными. По его подсчетам, на каждого собеседника пришлось по пять с половиной бутылок вина, к концу вечера только англичанин оказался на высоте положения, не будучи мертвецки пьяным. Стенгоп с удовольствием просмотрел записи, сделанные Дюбуа. Это было за два месяца до 4 января 1717 г., когда был подписан англо-французский союз.

Взятки были настолько обыденным делом, что их брали порой с целью обмануть чужое правительство, поставляя ему неверные сведения или вводя в заблуждение обещанием помощи. Графа Панина, министра Екатерины II, подозревали в том, что он получил деньги от Фридриха II с тайного согласия царицы, чтобы таким образом войти в доверие к прусскому королю и заранее быть осведомленным в его намерениях.

Подкупы, как подчеркивал анонимный автор трактата «Замечания об обязанностях посла» (1730 г.), крайне важно производить таким образом, чтобы скрыть источник происхождения денег. Это в интересах и того, кто подкупает, и того, кого подкупают. Английские разведчики очень хорошо усвоили мысль, что значительно проще и (при прочих равных условиях) дешевле давать взятки вельможам и министрам, которые и сами склонялись к внешнеполитическому курсу, устраивавшему Лондон, чем подкупом привлекать на свою сторону противников такого курса. Это правило, правда, не касалось тех государственных деятелей, чьи симпатии и антипатии целиком определялись количеством золота, которое они получали из иностранных столиц. В этих случаях, как англичане убедились на горьком опыте, волей-неволей приходилось перекупать этих достойных мужей, что было обычно дорогостоящей операцией и не давало никакой гарантии, поскольку для них могли возникнуть новые соблазны.

В практику британской разведки входил и подкуп чужих шпионов. Так, Хенбери Уильяме, когда он в 1750 г. был послом в Берлине, старался переманить на английскую службу ирландца,

бывшего прусским шпионом в России и давно не получавшего жалованья от своих прежних нанимателей.

В XVII в. говорили, что война обязана питать войну. То есть добыча, взятая у неприятеля, и контрибуция, наложенная на мирное население, должны покрывать военные расходы. Французская разведка нередко исходила из убеждения, что шпионаж должен питать шпионаж. Трактирщики и содержатели игорных и публичных домов и другая подобная им публика не только сами состояли на службе в полиции, но и были обложены специальной данью, шедшей на содержание шпионов-дворян.

В XVIII в. на смену придворным интриганкам приходит тип профессиональных шпионок. Французское правительство постоянно подсылало к иностранным дипломатам своих агентов-женщин. Так, за герцогом Дорсетским, бывшим послом во Франции в 80-е годы XVIII в., было поручено шпионить актрисе Бачелли.

Впрочем, грань между профессионалами и дилетантами была зыбкой. Английская секретная служба широко использовала в качестве своих агентов молодых аристократов, путешествовавших для пополнения образования и приобретения светского лоска по европейским столицам. Принятые в высшем свете, эти отпрыски знатных семейств ловили слухи, пытались получить доступ к секретам через своих любовниц, не брезгуя при этом, как свидетельствует скандальная хроника тех лет, ни сутенерством, ни сводничеством.

В основном к середине века британская секретная служба освободилась от династических забот и от прежних внутриполитических обязанностей в борьбе за власть в Англии и тем самым получила большую свободу рук в действиях за рубежом. Отнюдь не ограничиваясь задачами сбора информации, вмешиваясь в борьбу за власть в других странах, английская агентура участвует в подготовке дворцовых переворотов к вящей выгоде британского капитала.

Одной из предпосылок успешной деятельности английского посла в качестве главы разведывательной организации было влияние, которым располагал этот дипломат у себя на родине. Без этого, как правило, не удавалось получить в достаточной степени независимость в действиях. Ждать по каждому поводу инструкций из Лондона при тогдашних средствах связи и бюрократической рутине, царившей в канцеляриях Уайт-холла, значило обрекать на неудачу любое дело, где требовались быстрые решения. К тому же влияние нужно было и для того, чтобы получить достаточные средства для ведения разведки. А на них нередко в Лондоне скупились даже в тех случаях, когда посла посылали на его пост прежде всего как представителя секретной службы.

Иногда дипломатические должности давались в награду за успешное выполнение шпионских заданий. Так, например, капитан Джеймс Деф-риз, поступивший волонтером в армию Карла XII, чтобы сообщать в Лондон о русском походе шведского короля, был потом назначен британским представителем в России, а затем в Данциге.

Нередко, напротив, в функции дипломатов входило только обеспечение быстрой пересылки донесений шпионов, над которыми послы не имели никакой власти и могли даже не знать их подлинных фамилий. Каналами связи служили также английские торговые дома. При отправлении по почте шпионский текст писали невидимыми чернилами, иногда по краям газетного листа.

Английские министры и послы не раз пытались превратить в своих агентов дипломатов других стран. Так, Болингброк пользовался для этой цели услугами саксонского посланника в Лондоне — «тщеславного и лживого гасконца», который получил за свои услуги 300 ф. ст. Задачей саксонского дипломата было разведывать намерения и интриги «немцев и других» во время переговоров о заключении Утрехтского мирного договора. Через несколько десятилетий другой саксонский посланник — Флемминг сослужил аналогичную службу герцогу Ньюкаслу. В 30-х годах XVIII в. английский посол в Париже граф Джеймс Уолдгрейв в числе многих своих агентов имел также шведского посланника, передававшего все услышанное от французских министров, и бывшего представителя саксонского курфюрста. Лорд Уолдгрейв получил от французского правительственного служащего 10 шифров, заплатив 100 луидоров за каждый из них.

…Как и многие другие учреждения, французская полиция при Людовике XV, видимо, не очень хорошо знала свое дело. Во всяком случае, ее внимание ни разу не привлекла одинокая

фигура мужчины, ночью часами слонявшегося по окраинам версальского парка, пока ему не встречался другой незнакомец, явно опаздывавший на назначенную встречу. (В деловой корреспонденции английский посол в Лондоне горько сетовал на неаккуратность своего контрагента и на крайне унизительные для высокопоставленного дипломата томительные ожидания.) Французским сыщикам было бы совсем небесполезно выяснить, кем являлся таинственный незнакомец, ради встречи с которым лорд Уолдгрейв был готов на утомительные ночные прогулки. А свидания, которые так ценил английский посол, назначал ему граф Франсуа де Бюсси, немаловажное лицо во внешнеполитическом ведомстве. Он работал на английскую разведку с 1734 г. Начав с вознаграждения в 240 ф. ст., Бюсси с каждым годом запрашивал все большую и большую мзду, иногда за мало стоившую информацию. И тем не менее «агент 101» получал требуемое, а порой даже сверх того, поскольку в ряде случаев сообщал в Лондон сведения, имевшие для английского министерства первостепенное значение. Выторговав ежегодное содержание в 2 тыс. ф. ст., Бюсси получал от главы английского кабинета герцога Ньюкастла на деле плату в 2300 ф. ст. Кроме того, Бюсси особо оплачивались известия чрезвычайной важности. С 1733 по 1740 г. граф положил в карман за них дополнительно 5500 ф. ст. За это время Бюсси успел побывать дважды в Лондоне: в 1737 г. со специальной дипломатической миссией, а в 1740 г. уже как официальный французский представитель на дипломатических переговорах. За свое трехлетнее пребывание в Лондоне он успел сообщить своим английским нанимателям текст договора между Францией и Испанией, никак не предназначавшийся для любознательного взора британской разведки, секретные инструкции французским губернаторам в Вест-Индии. В 1743 г., вернувшись в Париж, «агент 101» послал уведомление о том, что составлен проект неожиданного объявления войны Великобритании и высадке на английской территории армии под командованием прославленного полководца маршала Мориса Саксонского и в Шотландии — главы якобитов принца Карла Эдуарда. Шансы на успех вторжения были в это время наибольшими за все столетие. В Лондоне стали принимать экстренные меры, а Бюсси было сразу выдано 2 тыс. ф. ст. После заключения мира в 1748 г. шпионская карьера Бюсси закончилась (он уже был достаточно богат и не желал рисковать, как в былые годы), чего никак нельзя сказать о его дипломатической деятельности. В 1749 г., сумев завоевать расположение всесильной маркизы Помпадур, граф получил пост заместителя министра. В 1758 г. по поручению министра иностранных дел и фактического главы французского правительства герцога Шуазеля Бюсси посетил Лондон, но не возобновлял своих старых связей с британской разведывательной службой. Английские собеседники тоже не напоминали о прошлом, лишь злоязычный Уильям Питт-старший заметил, что Бюсси был «вряд ли столь же целомудренным, как Пенелопа». Бюсси ушел в отставку в 1767 г., получив большую ежегодную пенсию в 21 тыс. ливров, что соответствовало 920 ф. ст. Это было значительно меньше, чем ему платили англичане, но зато получение пенсии не было связано с небезопасными встречами на задворках версальских садов. Бюсси умер в 1780 г., и современники остались в неведении относительно его истинного лица.

К периоду войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.) и позднее Семилетней войны (1756—1763 гг.) относится активность английского разведчика Джорджа Креснера, «неутомимого мистера Креснера», как с легкой иронией называл его лорд Кейт, посол в Вене. Фигура Креснера является особо красочной иллюстрацией того типа британских дипломатов, для которых их официальный статус служил лишь удобной вывеской для шпионажа. По крайней мере с 1745 г. Креснер пересылал разведывательные донесения из Голландии. В 1747 г. он получил назначение на пост английского представителя в Льеже, а через восемь лет был переведен в Кельн, откуда в 1759 г. его изгнали наступавшие французы. После этого Креснера снова перебросили в Нидерланды, причем в переписке указывалось, что в создавшейся обстановке наилучшим прикрытием будет аккредитование его при голландском правительстве. В 1763 г. Креснер-уже посланник при имперском сейме в Регенсбурге, позднее занимает такую же должность в Кельне и Майн-це. Однако по крайней мере до конца 60-х годов все эти посты были лишь ширмой, скрывавшей подлинную деятельность Креснера, который был руководителем крупной шпионской организации, собиравшей информацию о Франции, ее армии, флоте, финансах. В числе агентов, которых Креснер использовал еще в 40-х годах, были некий шевалье Гийом Этзлер и доктор Фоконе. Во время войны за австрийское наследство не

менее 72 французов являлись агентами английской секретной службы. Напротив, версальский двор не имел на территории Англии ничего, что хотя бы отдаленно напоминало такую разведывательную сеть.

Не все шпионы стремились прямо получать плату звонкой монетой. Так, например, некоторые из бывших якобитов готовы были работать на английскую разведку за право вернуться в Англию (что иногда было связано и с возвращением их владений). Так, граф Меришел получил это право, своевременно сообщив о заключении Францией и Испанией в 1761 г. так называемого Третьего семейного союза.

Как и прежде, в задачу британского поота зачастую входил шпионаж не только против страны, при правительстве которой он был аккредитован, но и против соседних государств. Так, лорд Стейр, будучи послом в Париже, имел шпионов в ряде стран (например, в Испании в 1720 г. некоего Уилкинса). Английский посланник в ганзейских городах Уич нанял шпиона в Дрездене Якоба Дейлинга, которому платил 60 ф. ст. в год. Английские контакты с государствами Северной Африки (включая алжирских пиратов) во многом были связаны со стремлением получать информацию о передвижениях французского флота в Средиземном море. Поскольку речь шла о шпионаже, проводившемся дипломатическими ведомствами, роль резидентов, как правило, брали на себя послы. Лишь в редких случаях разведчики поддерживали прямые связи с министерством иностранных дел в Лондоне.

Когда, особенно в недружественных столицах, в деятельности британских послов главным становилось их участие в тайной войне, они приобретали репутацию разведчиков, прикрывшихся дипломатическим иммунитетом. Подполковник Роберт Кэмпбелл, отправленный в 1757 г. в Стокгольм с целью дипломатического зондажа, должен был доложить начальству, что шведы рассматривали его как «шпиона с верительными грамотами». Бывали и еще более досадные казусы. Британский посол в Петербурге во время Семилетней войны (1756—1763 гг.) Чарлз Хенбери Уильяме считался ходатаем по делам союзника Англии — прусского короля Фридриха II и с полным на то основанием, так как настойчиво пытался подкупить всех способных помочь ему в этом, начиная с супруги наследника престола — будущей Екатерины II. Поэтому Уильяме совсем напрасно жаловался в письме в Лондон, что злые языки советовали императрице Елизавете Петровне смотреть на него «более как на прусского шпиона, чем на английского посла».

Старое соседствовало с новым. Предпринимались даже попытки возродить такие давние приемы тайной войны, как использование самозванцев, широко применявшееся, например, в Англии в конце XV в. или в России в начале XVII в. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. на Западе в различных кругах возникла мысль о возможности создать затруднения для правительства Екатерины II, исподтишка поддерживая притязания красивой авантюристки неизвестного происхождения, которая именовала себя Елизаветой, княжной Всероссийской, дочерью царицы Елизаветы Петровны (от ее морганатического брака с А. Г. Разумовским) и, следовательно, внучкой Петра I. Самозванка принимала и много других имен. В историю она вошла под именем княжны Таракановой. (Существовала и другая княжна Тараканова, которую считали дочерью Елизаветы и Разумовского. В детстве ее увезли за границу, в 1785 г. она по распоряжению Екатерины вернулась в Россию, постриглась в монахини московского Ивановского монастыря под именем Досифеи и умерла в 1810 г. Казна отпускала на ее содержание крупные суммы.) По поручению Екатерины граф Алексей Орлов, который находился с русской эскадрой в Средиземном море, разыскал Тараканову в Риме. Орлов предложил самозванке выйти за него замуж, взамен чего обещал возвести ее на российский престол. Они поехали в Ливорно, где стояли русские суда, и прибыли на флагманский корабль «Исидор». Там Тараканова была арестована. 11 мая 1775 г. она была доставлена в Кронштадт и вскоре заключена в Петропавловскую крепость. В своих показаниях узница не раскрыла ничего существенного и 4 декабря 1775 г. умерла от туберкулеза. Таким образом, она не дожила до наводнения 1777 г. и не утонула в залитом водой каземате, как это изображено в известной картине К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова в Петропавловской крепости во время наводнения» (1864 г.).

Средства связи не претерпели существенных изменений в эту эпоху. предшествовавшую эре железных дорог. Доставка в Лондон даже официальной корреспонденции по почте

занимала из Парижа и Гааги 3 дня, из Мадрида — 18, из Рима и Стокгольма — 21, а из Константинополя — даже 40 дней. Пересылка наиболее важных донесений курьерами редко приводила к значительному сокращению этих сроков.

По-прежнему острой проблемой являлась сохранность депеш. Посылка их почтой была почти равносильна молчаливому согласию на ознакомление с ними иностранных властей. Чтобы как-то воспрепятствовать этой чрезмерной любознательности, английская дипломатия пыталась иметь альтернативные пути пересылки своей деловой переписки, минуя почту, — через Францию и Голландию, иногда только морем (несколько маршрутов важно было сохранять и на случай войны, когда другие, проходившие через вражескую территорию, естественно, оказывались недоступными). Шифр не спасал дела. Практика показывала, что большое количество зашифрованных сообщений создает дополнительные возможности иностранцам раскрыть код. Каждое посольство имело целый набор различных шифров, хотя они стоили дорого — около 150 ф. ст. каждый. Многие депеши посылались одновременно несколькими путями. Отправление депеш со специальными дипломатическими курьерами обходилось настолько дорого, что к такому способу можно было прибегать только при особой необходимости. Иногда не рисковали посылать письменные депеши и с курьерами. Некоторые важные сведения, особенно относящиеся к области тайной войны, сообщались устно доверенным лицам, которых отряжали в Лондон. Так, например, поступили, когда бывший испанский министр Рипперда получил убежище в английском посольстве в Мадриде и обещал раскрыть все секреты своего правительства.

Почтовые пакетботы, появившиеся еще в XVII в., обычно доставляли корреспонденцию из Англии лишь в ближайшие портовые города Франции и Голландии, далее ее перевозили по суше. Во время войны команды пакетботов увлекались пиратством в ущерб своим прямым обязанностям. Власти стали даже предпочитать для почтовой службы небольшие быстроходные суда, не имевшие серьезного вооружения на борту. Однако это не могло помешать пакетботам перевозить контрабанду и в мирное, и в военное время. Впрочем, сама контрабанда нередко при этом становилась прикрытием для шпионажа. В 1695 г. министра иностранных дел Шрюсбери запросили, стоят ли разведывательные сведения, доставляемые неким капитаном Питере оном, того, чтобы не препятствовать контрабандному провозу им небольшого количества французских изделий. В том же 1695 г. лазутчик, состоявший на службе известного дипломата сэра Уильяма Трамбула, предложил, чтобы английские власти разрешили нескольким лондонским купцам купить датский корабль, который мог бы совершать ежегодно семь-восемь рейсов в различные французские гавани за контрабандным товаром, доставляя туда за каждую поездку по два шпиона. Автор проекта особо подчеркивал, что таможенники не должны подвергать этот корабль никакому досмотру. Один из разведчиков графа Ноттингема сообщал, что по специальному заказу английских купцов построена яхта с тайниками, «где можно кое-что запрятать», и что надо подыскать для нее капитана, хорошо знакомого с побережьем Франции.

XVIII в. широко развил унаследованную от прошлого практику перлюстрации писем. Западноевропейские монархии XVIII столетия нередко характеризовали как «просвещенный абсолютизм». Нельзя отрицать, что его представители действительно прилагали крайние усилия, чтобы «просветиться» за счет чужих государственных и частных секретов путем просмотра почтовой корреспонденции. Это было время расцвета «черных кабинетов», начало которым было положено еще в первое десятилетие XVI в. германским императором Максимилианом.

Во Франции «черный кабинет» получил особое значение при Марк-Рене д'Аржансоне, который с 1697 г. в течение более двух десятилетий занимал пост генерал-лейтенанта полиции. Его правление совпало с последними, наиболее тяжелыми для страны годами правления Людовика XIV, военными поражениями и голодом, приведшим к продовольственным волнениям в Париже. В этих условиях д'Аржансон еще более расширил систему слежки и шпионажа. Начальник полиции умел следовать даже в личной жизни придворной моде. Первоначально он действовал просто, собирая дань натурой со всех столичных домов терпимости. Однако когда «король-солнце» в конце жизни впал в ханжеское благочестие, д'Аржансон тоже нашел выход: поселился в Транельском монастыре, разумеется, женском, где

его любовницами состояли едва ли не все монахини, начиная с самой настоятельницы. Обитательницы монастыря не остались внакладе — генерал-лейтенант полиции разрешил им выпустить лотерею, принесшую большую прибыль. Недаром в монастыре даже построили часовню, посвященную Святому Марку — патрону д'Аржансона. Из этого монастырского уединения, если можно употребить здесь это слово, д'Аржансона не извлекли даже смерть короля и назначение в 1718 г. президентом финансового совета и фактическим главой правительства. Просто Транельская обитель, являвшаяся долго центром французской разведки, стала теперь местом, где вершились дела, связанные со знаменитой «системой Ло» — неограниченным выпуском бумажных денег без золотого покрытия, который привел к острому финансовому кризису, массе банкротств и вследствие этого — к бегству самого незадачливого финансового волшебника д'Аржансона из Франции. А вскоре после этого он стал несколько неожиданно подвизаться уже в роли агента английской разведки.

Пока действовала невиданная «система Ло», в Лондоне взирали на нее, кажется, скорее с завистью и опасением, как бы она не увеличила могущества Франции, которая, правда, превратилась в это время из давней соперницы в союзницу на недолгий срок. Британский посол в Париже лорд Стейр заподозрил своего давнего знакомца Ло в якобитстве. Подозрение не имело оснований (Ло отверг авансы якобитов) и было вызвано главным образом тем, что аббат Тансен (известный своим сребролюбием) за солидную толику акций «Миссисипской компании» (чуть ли не на 100 тыс. ливров) без долгих церемоний вернул шотландского еретика в лоно католической церкви. Банкиру обращение было нужно, чтобы получить право официально занять министерский пост.

Когда мыльный пузырь лопнул и Ло после странствий по многим странам возвратился в Англию, как раз это обращение в католицизм закрыло ему путь к любой государственной должности. Однако Уолпол, злой гений парламентской коррупции, не обошел своим покровительством обедневшего отца инфляции. За Ло очень ходатайствовали его влиятельные друзья, и Уолпол решил использовать обедневшего прожектера в качестве тайного эмиссара британского правительства. У первого министра имелась своя «система» — управление с помощью парламентских подкупов, часто осуществлявшихся в форме назначения на доходные должности. Очевидно, такие синекуры имелись у сэра Роберта и в его разведывательной службе. В августе 1725 г. Ло отправился с тайной миссией в Мюнхен. Его целью было способствовать отходу Баварии от союза с Австрией, которая как раз в это время противопоставила себя действовавшим в согласии Англии и Франции. Для маскировки же подлинной цели поездки Ло получил документы, аккредитовывавшие его в качестве британского дипломата в Венеции. Нужда в услугах Ло вскоре отпала — баварский герцог Максимилиан Эммануил скончался в феврале 1726 г., а его преемник и так был настроен против австрийского союза. Он через Ло пытался прощупать возможность получения английской субсидии, а шотландец — как-то оправдать свое нахождение на секретной службе пересылкой детальных сведений о баварской армии. Наконец из Лондона в ответ на просьбы Ло последовало разрешение ему отправиться в Венецию. Здесь мы можем покинуть знаменитого авантюриста и возвратиться от «системы Ло» к «системе черных кабинетов», которые по примеру его покровителя д'Аржансона стали распространяться в не виданных прежде размерах по Европе.

Кауниц, будучи австрийским канцлером с 1753 по 1794 г., учредил «черные кабинеты» в разных городах — Франкфурте, Нюрнберге, Аугс-бурге, Майнце, Эйзенахе и многих других. Он широко использовал также подкуп иностранных дипломатических курьеров. Так, его людьми выплачивалось жалованье всем прусским курьерам (за исключением двоих). На австрийской границе эти курьеры передавали свои депеши чиновникам канцлера на время, которое необходимо для снятия с них копий. Копии, естественно, отсылались в Вену, где производилась дешифровка полученных материалов.

Английский посол в Вене Кейт как-то пожаловался Кауницу, что порой венская почта доставляет ему не подлинники депеш, посланных из Лондона, а снятые с них копии. В ответ Кауниц лишь сделал попытку отшутиться: «Такой уж это неуклюжий народ!»

Усердие «черного кабинета» в Берлине при прусском короле Фридрихе II было также общеизвестно. Французский посол в Пруссии граф де Гинь однажды сдал на почту свою

депешу с запиской, что это очень важная и спешная корреспонденция и что он отправляет ее раньше времени, в 7 часов утра, дабы чиновники успели снять с нее копии и отослать с курьером в 7 часов вечера, а не дожидались следующего курьера. Однако ирония не помогла, в чем пришлось убедиться преемнику Гиня маркизу де Попу. Посол и его жена, находившаяся в Версале, одновременно послали друг другу письма, и каждый получил с берлинской почты… свое собственное послание: чиновники, сняв копии, попросту перепутали конверты.

В Англии на протяжении XVIII в. корреспонденция (с 1765 г. фактически вся корреспонденция) иностранных дипломатов подвергалась тщательному просмотру. Депеши расшифровывали и копии их передавали министру иностранных дел. Кроме того, прочитывали и другие письма, если предполагалось, что они могут содержать разведывательную информацию (в частности, из-за того, что они направлялись по подозрительным адресам). Первым официальным дешифровальщиком был Уильям Бленкоу. Он был внуком уже известного нам Джона Уоллиса и получил назначение после смерти деда в 1703 г. Бленкоу покончил самоубийством через девять лет, его преемник Джон Кейл оказался неспособным к выполнению порученных ему непростых обязанностей. В 1716 г. пост дешифровальщика занял священник Эдуард Уиллес, и эта должность передавалась в его семье по наследству вплоть до ее ликвидации в 1812 г. Почему-то она считалась особенно подходящей для духовных лиц, принадлежащих к государственной англиканской церкви. Полагавшееся дешифровальщику скромное жалованье дополнялось, однако, щедрым пожалованием таких доходных постов, как декан и даже епископ.

Для «обработки» перехваченной корреспонденции была создана организация, которую обычно называли секретным бюро, а официально именовали иностранным секретариатом. По мере расширения секретного бюро в его составе был создан особый дешифровальный отдел, включавший не только экспертов по кодам, но и переводчиков, специалистов по вскрытию писем без повреждения пакетов, граверов, умевших делать печати, химиков, знакомых с невидимыми чернилами, различных мастеров по подделке писем и документов. Секретное бюро непосредственно подчинялось министрам иностранных дел. Перлюстрация официально была прекращена лишь в 1844 г., но на деле не исчезла и получила дальнейшее развитие в XX в.

Важным центром перехвата иностранной дипломатической документации была ганноверская почта, через которую, в частности, проходила переписка между Парижем и Стокгольмом. (Напомним, что с 1714 г. английский король был и ганноверским курфюрстом.) Перлюстрация была доведена в Лондоне и Ганновере до совершенства — удавалось не оставлять никаких следов тайного вскрытия пакетов. Тем не менее о существовании секретного бюро было известно французскому послу в Лондоне, в 1771 г. жаловавшемуся на сокращение числа прикомандированных к нему курьеров и на необходимость использовать почту для перевозки важных депеш. Возможно, что посол был осведомлен о работе аналогичного «черного кабинета» в Париже (и в других столицах). Не исключено, что в 80-х годах XVIII в. некоторые шифрованные депеши, которые направлялись в Париж из французского посольства в Англии, содержали дезинформацию в расчете, что их прочитают в Лондоне.

Кроме того, английские агенты подкупали почтмейстеров в различных городах для получения доступа к письмам. Так, в начале 20-х годов XVIII в., когда отношения между Англией и Россией были прерваны, английский тайный агент в Данциге Джошуа Кенуорзи организовал снятие копий с донесений французских представителей в Петербурге. В 1722 г. Кенуорзи предложил своим лондонским хозяевам просматривать всю дипломатическую корреспонденцию, проходившую через Данциг. Подкуп почтовых служащих, по его расчетам, должен был стоить 1590 ф. ст. в год. (В Лондоне сочли, что это слишком дорогая затея.) Известный английский шпион Джон Маки, автор опубликованных в 1733 г. «Секретных мемуаров», организовал переговоры между английским премьер-министром Робертом Уолполом и директором почты в Брюсселе Жупейном, обязавшимся посылать в Лондон из всех стран Европы копии писем, которые могли представлять интерес для британского правительства. Подобного рода секретные соглашения заключались и с почтмейстерами других стран. Такая широко поставленная перлюстрация писем использовалась английским правительством не только в разведывательных целях, но и для контршпионажа, выявления иностранных агентов, а также для наблюдения за собственными дипломатами и тайными

агентами.

Чтобы избежать «черного кабинета», наиболее важные депеши по традиции отправляли со специальными курьерами, но и это не давало гарантий. На курьеров нападали, бумаги выкрадывали тем или иным способом.

Уже в 1700 г. французский дипломат де Торси пришел к выводу, что говорить правду — лучший способ обмануть иностранные правительства, которые наверняка будут исходить из предположения, что все сказанное иностранными дипломатами — ложь. К этому средству стал прибегать известный нам Стенгоп (позже, уже в XIX в., к такому оригинальному способу не раз обращались Пальмерстон и Бисмарк).

Один из крупных полководцев времен войны за австрийское наследство, которая велась в 40-х годах XVIII в., маршал Морис Саксонский сыграл большую роль в организации французской разведки. Он обращал особое внимание на необходимость действий, которые ввели бы в заблуждение неприятеля. «Проведение подготовки к неправильному размещению своих частей, — писал он, — имеет гораздо большее значение, чем обычно принято думать, при том условии, конечно, что это размещение делается преднамеренно и осуществляется таким образом, что может быть в кратчайший срок превращено в правильное. Ничто так не обескураживает противника, рассчитывающего на победу, как военная хитрость подобного рода». В 1745 г. в битве при Фонтенуа маршал, прибегнув к такой уловке, одержал крупную победу над британскими войсками. Морис Саксонский не только широко использовал шпионов, но и написал трактат об искусстве разведки. В числе его советов было вербовать агентов из местных жителей, а также среди служащих интендантства, поскольку, определив размеры и характер собранных неприятелем запасов продовольствия, можно судить о его планах. Агенты не должны были знать друг друга, кроме случаев, когда это требовалось в интересах дела. Морис Саксонский особенно предостерегал против опасности, которую представляли шпионы-двойники.

Как и разведкой, контр шпионажем занимались многие ведомства — и военное, и морское, и почтовое, и иностранных дел. В сферу контрразведки время от времени вторгались также и другие министерства, таможенники, полицейские власти городов, магистраты, мировые судьи, наделенные не только судебными, но и административными полномочиями. Одним словом, самые различные звенья постепенно формировавшегося, еще плохо слаженного и неуклюжего государственного аппарата, структура которого отражала и традиции, и традиционные предрассудки, и особенно, конечно, сложный баланс интересов господствующих классов, а также локальных, семейных выгод и влияний.

На протяжении всего периода (начиная с конца XVII столетия), когда велась борьба Англии с Францией за колониальное и торговое преобладание, внимание британской разведки сосредоточивалось, конечно, на «исконном враге». Обстановка побуждала смотреть на каждого француза как на потенциального или действующего шпиона. Это прямо утверждали, например, граф Ноттингем в конце XVII в. и почти через 100 лет после него британский посланник в Париже Даниель Хейлс, который обвинял в шпионаже герцога Лианкура, побывавшего в Англии, и других важных лиц. Эти страхи, возможно, были связаны с тем, что французское правительство получало отчеты о парламентских заседаниях, хотя они тогда были закрытыми (журналисты, пытавшиеся публиковать в газетах сведения о прениях в парламенте, должны были делать это иносказательно, печатая отчеты якобы о дебатах в «сенате лилипутов», и прибегать к другим аналогичным уловкам). Но источником сведений для французского посольства чаще была не его агентура, а оппозиционные члены английского парламента, на которых, естественно, не распространялись строгие запреты не допускать посторонних на заседания обеих палат.

Одной из контрразведывательных задач, возлагавшихся на дипломатов, было выявление шпионов-двойников. В 1738 г. барон Гораций Уолпол (брат премьер-министра Роберта Уолпола), не раз занимавший важные дипломатические посты, уведомил посланника в Гааге, что письмо, которое тот переслал с одним из своих секретных агентов британскому посланнику в Швейцарии, оказалось на столе французского первого министра.

Контрразведка старалась не допустить проникновения неприятельских агентов в штат британских прсольств и миссий. Это удалось в июле 1755 г. английскому послу в Петербурге

Уильямсу, который получил своевременное предупреждение из Вены от своего коллеги Кейта. Тот, выудив информацию у самого императора Франца I, послал специального курьера в Петербург с известием, что некий Месонье, которого Уильяме был готов принять на службу, был французским шпионом. Джон Мэррей, бывший с 1766 по 1775 г. английским послом в Константинополе, оказался менее удачливым — среди его служащих находился французский разведчик, длительное время сообщавший в Париж содержание всей корреспонденции британского дипломата и ключи к использовавшимся им шифрам.

Наконец, стоит упомянуть еще об одном нововведении XVIII в., хотя, строго говоря, и оно имеет давнюю историю, — о создании негосударственной разведки и контрразведки. Подобную организацию имели еще в конце XVII столетия пираты, охотившиеся за своей добычей в водах Карибского моря. Не пренебрегали разведкой и работорговцы, вывозившие негров для продажи на американские плантации. Позднее, в начале XIX в., это занятие было объявлено незаконным, и столкновение с военным кораблем грозило капитану и членам команды рабовладельческого судна серьезными неприятностями, точнее, большинство из них ожидал печальный удел — висеть на реях. Однако вместо того, чтобы бросить выгодный промысел, торговцы невольниками пытались получить через своих осведомителей в портовых городах подробную информацию о передвижении военных кораблей.

Английское правительство прибегало и к помощи такой своеобразной организации, как частная разведка двух предприимчивых сицилианских аббатов Карачоло и Платания, обосновавшихся в 30-х годах XVIII в. в Париже. Потребителями их «товара» были и другие правительства, включая французское. Английский историк Б. Уильяме считает, что информация, поступившая из этого источника, серьезно повлияла на решение Уолпола не вмешиваться активно в войну за польское наследство (1733—1735 гг.).

В истории известны также многие случаи создания собственной разведки и контрразведки в уголовном мире. В начале XVIII в. в Париже действовала шайка знаменитого разбойника Картуша, в которую входило около 2 тыс. человек. Награбив огромные суммы денег и другие ценности, Картуш подкупил и превратил в своих агентов многих полицейских, чинов тюремной администрации, судей и военных, даже наиболее видных врачей, ухаживавших за ранеными участниками шайки. Сотни трактирщиков выполняли роль хранителей и скупщиков краденого. Чтобы окончательно сбить с толку полицию, Картуш имел целую дюжину двойников. Полицейские — даже те, которые не были подкуплены, — не хотели ловить Картуша: пока он находился на воле, им выплачивали повышенное жалованье (лишних 30 су в день)… за участие в поисках знаменитого разбойника. Людям Картуша удавалось проникать и в покои регента герцога Орлеанского.

Чтобы одурачить воров, регент приказал не употреблять во дворце драгоценной посуды и заказал себе шпагу без золота и бриллиантов, со стальной рукояткой. Впрочем, рукоятка была с очень тонкой отделкой и обошлась в 1500 ливров. Когда регент выходил из театра, шпага исчезла. В Париже смеялись, уверяя, что Картуш наказал главного вора Франции, который хотел надуть своих незнатных коллег.

Картуш имел в разных городах своих соглядатаев. Они заранее извещали его о поездках богатых людей и агентов правительств или торговых фирм, перевозивших большие суммы денег. Особенно ловким шпионом был молодой лекарь Пелисье, вхожий в самые знатные дома Лиона. Он не только сообщал о посылке денег из этого города, но и сам не раз возглавлял банды, нападавшие на путешественников. Во время одной из таких дерзких попыток ограбления Пелисье был схвачен полицией. Однако даже под пыткой он не выдал своих сообщников и был казнен. Власти не узнали от него ничего важного о шайке Картуша.

По слухам, когда полиция организовывала настоящую охоту за королем парижских разбойников, он несколько недель скрывался в Англии, где встретился с «лондонским Картушем» — Мекинстоном. Они условились заранее извещать друг друга об отъезде вельмож и толстосумов, которых можно было хорошенько потрясти, повстречав на большой дороге.

Картуша схватили лишь в результате предательства Дюшатле, одного из членов шайки, который после ареста решил спасти себе жизнь и получить большую награду, обещанную за поимку главаря разбойников. Но и в тюрьме Картуш похвалялся, что ему удастся выбраться на волю, и только особые меры предосторожности помешали его бегству. Уже на эшафоте, чтобы

наказать своих сообщников за то, что они не спасли его, Картуш назвал имена членов своей шайки, после чего в Париже были произведены сотни арестов. Банда Картуша и ее разведка перестали существовать. Но попытки создать такие организации неоднократно делались преступниками и в другие эпохи.

Олений парк

В 1745 г. начала всходить звезда маркизы Помпадур, которая сумела два десятилетия сохранять место главной фаворитки, несмотря на быструю смену других привязанностей любвеобильного Людовика XV. А это уже имело политическое значение. Маркиза получила решающий голос при назначении и смещении министров. Во второй половине 50-х годов Помпадур активно содействовала сторонникам переориентации французской внешней политики от союза с Пруссией, которая заключила соглашение с Англией, к союзу с Австрией. Эта крутая перемена противоречила прочным традициям французской политики, нацеленной на борьбу с Англией на море и с притязаниями Габсбургов на главенство в Европе. И хотя Австрия давно уже перестала представлять прежнюю силу, новый курс политики Версаля вызывал серьезные сомнения. Поэтому свалить Помпадур пытались не только ее многочисленные соперницы, но и опасавшиеся за свое положение министры, и противники австрийского союза, и, наконец, действовавшие заодно с ними агенты прусского короля Фридриха II.

Маркиза взяла на себя руководство перлюстрацией писем. Директор почт докладывал Помпадур ежедневно о результатах работы «черного кабинета» и по другим вопросам, связанным с секретной корреспонденцией. Помпадур возложила на начальника полиции Беррье, содержавшего обширную шпионскую сеть, задачу развлекать вечно скучавшего короля подробными скабрезными «рапортами» о происшествиях в публичных домах, в частности при тайном посещении сих мест иностранными дипломатами. (Парижский архиепископ Кристоф де Бомон после настойчивых просьб добился, чтобы ему доставляли копии этих отчетов.) Монаршее благоволение вскоре выразилось в форме приказа, повелевавшего включать в отчеты и пикантные материалы, добываемые от перлюстрации частной переписки. Вместе с тем расторопному генерал-лейтенанту полиции было предписано строго-настрого следить за точным исполнением королевского указа от 8 июня 1747 г. Этот указ запрещал печатать и распространять книги, содержание которых противно религии и отеческой заботе Людовика о чистоте нравов.

Историк А. Кастело объясняет поведение Людовика «генетическим фурором»: в королевских семьях браки заключались между родственниками, и король имел лишь 28 предков в шестом поколении вместо 64, как все другие люди. Зато он не имел недостатка в незаконных отпрысках, которые все вместе, как подсчитал Ж. Валинзель в книге «Дети Людовика XV», могли бы составить население целого городка.

Некоторые французские биографы Людовика XV делят его любовниц на два ранга — больших и малых; последние, часто сменяясь, не нарушали влияния настоящих фавориток. А маркиза Помпадур, принявшая на себя заведование увеселениями монарха, сама регулировала отбор и поставку малых — а нередко и малолетних — метресс своему повелителю.

Порой фаворитками становились сразу несколько сестер; например, молва утверждала, что пять дочерей маркиза де Флавакура были удостоены королевской милости. Впрочем, очень благосклонные к Людовику его новейшие биографы считают это явным преувеличением, полагая, что из списка надо исключить третью и четвертую дочь, а первая, Луиза, почти совсем лишилась милости, когда наибольшую силу в 1742 г. забрала младшая Мария-Анна, которая получила титул герцогини де Шатору и поместья, приносившие 80 тыс. ливров ежегодного дохода («в компенсацию за ее преданность королеве», как значилось в акте дарения). Постепенно Людовик пришел к мысли, что нельзя зависеть от случая. Воспитание будущих фавориток было поручено специальному закрытому пансионату (Оленьему парку), покровительницей которого стала Помпадур. От дворянских семей, желавших пристроить дочерей в столь перспективное учебное заведение (после его окончания выдавалось 100 тыс. ливров), не было отбоя, так что отбор претенденток пришлось вверить заботам дотошного

Беррье.

«Что только не думали об этом скверном месте, которое памфлетисты конца века рисовали ареной оргий и гнусных махинаций, рассчитанных на совращение бедных невинных девушек! — с негодованием писал в 1965 г. историк Ж. Леврон. — Какой бы тяжелой ни являлась действительность, кажется, нет надобности рисовать ее в еще более черных красках». Нужды в этом и вправду нет. Все происходило проще. С полицейской точки зрения Олений парк был очень даже удобным предприятием, если бы не все новые королевские причуды, при которых альковные секреты не раз вплетались в перипетии тайной войны.

Опасным моментом для Помпадур и руководимого ею «пансионата» была весна 1753 г., когда король увлекся некоей Марией-Луизой 0'Мэрфи, настойчиво добивавшейся положения официальной фаворитки. Этой проблемой пришлось всерьез заняться дипломатии и разведке ряда стран. Папский нунций монсеньер Дурини сообщал в Рим о близком падении Помпадур: «По всей видимости, главная султанша теряет свое положение». Однако и на этот раз нереальность планов, связанных с «концом режима Помпадур», выяснилась еще до конца 1753 г.

Летом 1756 г., в самый острый момент дипломатической борьбы накануне Семилетней войны, некая мадам де Куаслен прорвалась в официальные фаворитки, ее поддерживали все враги Помпадур и противники австрийского союза. Маркиза уже подумывала о том, чтобы покинуть Версаль. В конце концов королевский лакей Лебель нашел подходящую замену для Куаслен. Внутренний конфликт был таким образом улажен. Оставался внешний — война против Англии и Пруссии.

Уже во время войны Людовик, прогуливаясь однажды по саду Тюильри, обратил внимание на некую мадемуазель Тьерселен, почти ребенка. Агенты Беррье быстро определили адрес Тьерселен и столь же оперативно сломили первоначальное сопротивление родителя. Словом, молодая Тьерселен под новым именем мадам де Бонваль была помещена во внутренних покоях Версальского дворца, а отец ее стал активным участником придворных интриг. Через некоторое время влияния Тьерселена начал опасаться даже министр иностранных дел Шуазель. Новичок в придворных лабиринтах, Тьерселен вскоре стал деятельным агентом прусской партии. Однако Помпадур с ее хорошо поставленной разведкой и на этот раз провести не удалось. Маркиза разобралась в хитросплетениях замыслов врагов и сумела представить свою соперницу в виде слепого орудия прусского короля, которого Людовик совершенно не выносил. В результате Беррье получил повеление направить Тьерселена в Бастилию, а его дочь — в монастырь (мадам де Бонваль содержали в заключении, пока продолжалось царствование ее галантного поклонника).

Маркиза Помпадур выслушала последний доклад министра почт, лежа на смертном одре. А на следующий день в кабинет умершей проник под каким-то благовидным предлогом премьер-министр герцог Шуазель. Хотя на улице было тепло, герцог явился в широком пальто из красного драпа, под которым ему удалось унести наиболее важные секретные бумаги скончавшейся фаворитки.

Методы старого Фрица

Реакционная немецкая историография, восхваляя короля Фридриха II (1740—1786 гг.) — «старого Фрица» — это олицетворение прусского милитаризма, целое столетие распространяла легенду о благоденствии страны под мудрым управлением «философа на троне». Составной частью этого мифа был вымысел о будто бы исключительной честности прусских чиновников, установивших в стране образцовый правопорядок. Действительные факты бросают любопытный свет на эти измышления.

Коррупция при прусском дворе была обыденным явлением. Она утвердилась еще в правление отца Фридриха II — «солдатского короля» Фридриха Вильгельма I. Главное доверенное лицо прусского монарха генерал, а позднее премьер-министр фон Грумбков был, по существу, платным французским шпионом. Впоследствии Грумбков был перекуплен императорским послом в Берлине графом Зекендорфом и стал регулярно переправлять в Вену тайную дипломатическую корреспонденцию прусского правительства, а также придворные

новости в слегка зашифрованном виде: Фридрих Вильгельм именовался «Юпитером», а королева — «Олимпией». Грумбков был далеко не единственным прусским министром, служившим иностранным разведкам. У Зекендорфа было несколько агентов среди самых доверенных лиц короля. Прусский посол в Лондоне Рейхенбах также был австрийским шпионом.

Широкая деятельность австрийской агентуры не была тайной для Фридриха Вильгельма I. Самое интересное, что этот тупой солдафон, помешанный на скопидомстве и плац-парадах, считал подобное положение более или менее неизбежным. Король рассматривал шпионское жалованье как пополнение обычно незначительного оклада своих министров, послов и генералов и дополнительное средство держать их в ежовых рукавицах. Себя же Фридрих Вильгельм считал совершенно не подверженным влиянию своих должностных лиц, получавших иностранное золото. Когда, например, королю показалось, что какая-то бумага, представленная одним из министров, слишком благоприятна для британских интересов, он с негодованием начертал резолюцию, касавшуюся составителя этого документа: «Он слишком любит гинеи». Но этим монарший гнев и ограничился.

Однако Фридриху Вильгельму не было известно, что в числе получавших золото из Вены был и его старший сын Фридрих. Отношения Фридриха с отцом были полностью испорчены, и он охотно принимал австрийские деньги. Фридриху стали выплачивать их по приказанию принца Евгения Савойского, известного полководца, который в начале 30-х годов XVIII в. ведал австрийской разведкой. Сначала это была плата за согласие Фридриха с планами прусского короля обручить своего наследника с родственницей австрийского императора, чтобы помешать росту английского влияния. Но вскоре — при очередном повороте в политике Вены, на этот раз в сторону Лондона — Фридриху стали уже советовать пойти на брак с английской принцессой. (Грумбкову предложили 40 тыс. талеров за то, чтобы он убедил Фридриха Вильгельма согласиться на этот проект, но прусский премьер-министр отказался, считая поручение неисполнимым.) В конце концов в 1733 г. Фридрих женился на племяннице императора, что не помешало ему через семь лет, сразу же после вступления на престол, начать войну против Австрии — первую, но не последнюю. И тут Фридриху понадобилась собственная, хорошо действующая разведка.

Все прусские послы были обязаны содержать тайных агентов. Фридрих делил своих шпионов на четыре категории. К первой он относил важных агентов — обычно придворных, чиновников, имевших доступ к государственным секретам, и других подобных им лиц. Вторую категорию составляли бедняки, нанимаемые за малую плату для выполнения того или иного конкретного задания. Третий разряд — принуждаемые к занятию шпионажем. Наконец, четвертую категорию составляли шпионы-двойники, используемые для подбрасывания ложной информации неприятелю. Каждая категория, по разъяснению Фридриха, требовала особого подхода. Так, например, с целью принуждения местных жителей к занятию шпионажем «король-философ», как он сам цинично повествует в мемуарах, угрожал в случае неповиновения расправой с их семьями. Вместе с тем Фридрих принимал крайние меры предосторожности, чтобы не допустить проникновения вражеских агентов в свою секретную службу. Он имел привычку сам после прочтения сжигать донесения своих разведчиков.

Король стремился превратить в своих шпионов видных писателей, которых он как друзей приглашал к своему двору. Но такие попытки предпринимались не только им одним. Премьер-министр Франции кардинал Флери однажды, в 1742 г., попросил Вольтера выведать намерения Фридриха II, с которым тогда уже знаменитый писатель поддерживал близкое знакомство.

Рассказывая о своей поездке с неофициальной миссией к Фридриху, Вольтер писал в своих «Мемуарах», что по дороге он задержался в Гааге. Посланник прусского короля «молодой граф фон Подевиль, влюбленный в жену одного из главных членов местного правительства и любимый ею, доставал по милости этой дамы копии всех секретных распоряжений, издаваемых тамошними высокими властями, которые питали в то время в отношении нас весьма злобные намерения. Я пересылал эти копии своему двору, и мои услуги принимались весьма благосклонно».

Одним из важных агентов Фридриха стал Максимилиан фон Вайнгартен, секретарь

австрийского посольства в Берлине, которому король выплатил 2 тыс. флоринов. Английский посол в Пруссии граф Гайндфорд оказался столь же неловким дипломатом, сколь и плохим разведчиком. Он подкупил некоего Шметтау, доверенного агента прусского монарха. Через Шметтау Фридрих передавал в Лондон под видом секретной информации как раз то, в чем хотел убедить британских министров. Прусским шпионом был также служащий саксонского архива Менцель, переславший в Берлин копию секретного русско-австрийского договора 1756 г. (о котором Саксония была извещена), а позднее — важные донесения саксонских дипломатов из Вены и Петербурга. Фридрих воспользовался полученными известиями, чтобы неожиданно напасть на австрийскую союзницу Саксонию, которую он собирался присоединить к Пруссии. Это нападение послужило сигналом к Семилетней войне (1756—1763 гг.). В 1755 г. Фридрих II безуспешно пытался за 500 тыс. экю подкупить саму маркизу Помпадур.

Австрийская разведка в эти годы была сильным противником. Кау-ниц, до назначения канцлером долгое время бывший послом в Париже, широко прибегал к методам тайной войны. Зная, что его шифр стал известен неприятельским агентам, он сознательно включал в свои шифровки известия, в которые хотел заставить поверить иностранные дворы.

Англия в борьбе против Франции за колониальную и морскую гегемонию, как известно, решила взамен ослабевшей Австрии заключить союз с Фридрихом II. Прусский король, строивший планы широких завоеваний, с удовольствием принял английскую субсидию. Но ему не хотелось рвать и со своей прежней союзницей Францией, поэтому прусско-английские переговоры велись в глубокой тайне. Австрийская разведка сумела узнать об этих переговорах, и Вена заблаговременно известила о них Людовика XV через маркизу Помпадур. В Лондоне и Берлине не учли, что их сближение делает невозможным сохранение прежних союзных отношений Англии с Австрией и Пруссии с Францией. Вдобавок перегруппировка держав привела к тому, что Россия, несмотря на все попытки Лондона перетянуть ее на свою сторону, выступила против завоевательных планов Фридриха II. Против Пруссии возникла мощная коалиция держав. Прусскому королю удалось одержать победы — в немалой степени с помощью своей разведки — над австрийскими и французскими войсками, но он потерпел ряд сокрушительных поражений от русских войск, которые в 1760 г. вступили в Берлин.

Но вернемся к началу Семилетней войны.

У Фридриха II был шпион даже в личной канцелярии австрийского командующего Броуна. Был подкуплен также заведующий складами австрийской армии. Не менее активно действовали шпионы Фридриха и в дипломатических кругах. 14 ноября 1756 г. были завершены секретные переговоры между Австрией и Францией. Через три недели Фридрих II получил полную информацию об их содержании.

Фридрих II, создавший к этому времени большую шпионскую организацию, писал: «Зная всегда и заблаговременно намерения противника, можно заручиться превосходством сил даже при численно слабейшей армии». При Росбахе Фридрих наголову разгромил французского маршала принца де Субиза. Объясняя причины своей победы, Фридрих откровенно заметил: «За маршалом де Субизом двигаются сто поваров, а впереди меня — сто шпионов». Сменивший Субиза новый командующий французскими войсками граф де Клермон писал Людовику XV: «Я нашел армию Вашего Величества разделенной на три корпуса. Первый стоит на земле: он состоит из воров и мародеров, все люди напоминают оборванцев с головы до пят. Второй корпус покоится в земле, а третий — в госпиталях».

Английская разведка во время Семилетней войны перехватывала секретную переписку французского министра иностранных дел Шуазеля с испанскими послами в Париже и Лондоне, получала от своих агентов в Стокгольме и Мадриде сведения о планах версальского двора. Это помогло Питту-старшему — фактическому главе английского правительства — правильно выбрать момент для нанесения удара по французским владениям в Вест-Индии. Напротив, французская разведка делала промах за промахом. Посол Людовика XV в Голландии Боннак, которому король поручил организацию французского шпионажа в Англии, направил в Лондон некоего Мобера, лишенного сана священника и ставшего уголовным преступником. Под именем Боттемана Мобер посылал отчеты в Гаагу на имя одного голландца — владельца типографии. Часть из его донесений попала в руки английского посла в Гааге генерала Йорка, но тот не сумел раскрыть трудный шифр. Впрочем, он потерял от этого немного. Боттеман

пытался подкупить члена парламента Селвинса, чтобы получить сведения о намерениях английского кабинета. Но почтенный парламентарий заломил за свои услуги такую цену, что Боттеману было предписано оставить это намерение. В остальном же Боттеман, отрабатывая высокое жалованье, забрасывал Боннака всяческими прожектами, вроде массовой подделки банкнот Английского банка («новаторская» мысль для того времени). Но Боттеман благополучно получал немалые деньги. Хуже пришлось другому шпиону, засланному Боннаком, некоему Робинзону. Тот попал в Тауэр. Отчеты третьего шпиона — врача Хенси, пересылавшиеся с австрийской дипломатической почтой, перехватывались английской разведкой. Помимо нее и, разумеется, Боннака с информацией Хенси знакомились Мадрид и Вена — об этом заботился сам практичный лондонский эскулап.

Граф д'Афри, сменивший осенью 1756 г. Боннака на посту французского посла в Гааге, стал жертвой авантюристов. У него последовательно выманивали деньги то английский шпион Фальконе, обещавший представить список британских агентов во Франции, то итальянец Филипи (по всей видимости, тоже представитель английской секретной службы), направленный в Лондон и приславший оттуда план похищения… короля Георга II и захвата Тауэра. Выпущенный из Тауэра уже известный нам Робинзон прибыл в Гаагу и потребовал возмещения убытков. Когда д'Афри отказал, Робинзон подделал два векселя французского посла и получил по ним 1200 ф. ст. Швейцарец Вотрав, направленный в Лондон, чтобы разведать цели подготовлявшейся экспедиции британского военного флота, порекомендовал д'Афри… заключить мир с Англией и предложил себя в качестве посредника. Словом, один провал следовал за другим.

После Семилетней войны французское правительств?, особенно Шуа-зель, никак не хотело примириться с поражением. Один за другим разведчики Шуазеля — полковники Грант, де Бевиль — посещали Англию с целью не только составить подробное описание английских гаваней, но и выработать на месте планы высадки французской армии. Некоторые французские шпионы действовали, не возбуждая подозрений, особенно если они собирали информацию не чисто военного, а экономического характера. Так, например, некий Габриэль Жар вскоре после Семилетней войны составил отчет о положении английской промышленности.

Третья четверть XVIII в. — время, когда происходил заметный количественный рост секретных служб Англии и ее главной соперницы Франции. В связи с активизацией их деятельности в Лондоне и Париже принимались различные меры предосторожности, такие как, скажем, запрещение клеркам министерства иностранных дел принимать в служебные часы посетителей. Это не помешало, впрочем, сэру Роберту Эйнсли в 70-х годах получать копии с важных дипломатических депеш, посланных французским министром иностранных дел в Мадрид во время конфликта между Англией и Испанией из-за Фолклендских островов. Ознакомление с этой корреспонденцией позволило Лондону сделать вывод, что можно без риска занять в споре более жесткую позицию.

Секретная служба английского военно-морского ведомства подчинялась в те годы секретарю адмиралтейства. Секретарь выполнял общие распоряжения морского министра — первого лорда адмиралтейства и его коллег. В течение ряда десятилетий этот пост занимал Филипп Стефенс. Во второй половине XVIII в. секретная служба, раньше действовавшая только в военное время или от случая к случаю, превратилась в постоянно функционировавшую организацию. И вполне естественно, что руководство разведкой стало функцией адмиралтейства, учитывая значение, которое имело для Англии поддержание ее господства на море, и преобладающую роль военного флота в сравнении с небольшой армией. Впрочем, другие ведомства также занимались шпионажем, и особенно, конечно, Форин оффис.

Разведка адмиралтейства имела внутренний и внешний отделы. Внутренний отдел занимался сбором информации от частных лиц — англичан и иностранцев. Эти сведения приобретались у капитанов и матросов кораблей, прибывших из дальнего плавания, у вернувшихся из-за границы купцов. Подобную информацию агенты адмиралтейства получали в беседах с такими людьми или путем подслушивания их разговоров в отелях, кофейнях или трактирах. (Все эти сведения суммировались и перепроверялись путем сличения с известиями, добытыми в результате перлюстрации писем.) Внешнему отделу был поручен шпионаж за рубежом, преимущественно во Франции и Испании — в двух связанных союзом державах,

которые являлись наиболее опасными соперницами Англии на море и в колониях. Немаловажную информацию удавалось извлекать из французских и испанских газет, памфлетной литературы, из слухов, которые ходили в парижских или мадридских салонах.

Однако наиболее важные известия добывались другим путем: опытные агенты направлялись для наблюдения за главными французскими и испанскими гаванями и в столицы. Подкупив того или иного служащего военного или морского министерства, они получали доступ к секретным бумагам.

Собранная информация направлялась в разведывательный центр, находившийся в Голландии, которая в эту пору была центром международного шпионажа. Здесь материалы сортировались, сводились воедино и пересылались в Лондон. Тем самым адмиралтейство избегало непосредственного контакта со своими агентами, провал которых мог бы поставить его в неудобное положение. Более того, разведывательный центр, находившийся в 70-х годах XVIII в. в голландском городе Роттердаме, создал отделения в Париже и Мадриде, осуществляя, в свою очередь, связи с нанятыми агентами только через руководителей этих филиалов. В 1770 г. умер Ричард Уолтере, четверть века возглавлявший роттердамский центр. Руководство центром было поручено его вдове Маргарите Уолтере. Ей удалось завербовать шпиона из числа служащих канцелярии герцога Шуазеля. В результате британское адмиралтейство было во всех деталях осведомлено о состоянии французского флота. Были созданы шпионские ячейки в Бресте, Дюнкерке, Рошфоре и Тулоне. Не менее искусными оказались руководители мадридского отделения и его агенты. Имена их никогда не упоминались даже в секретной переписке, и поэтому о них, видимо, нельзя найти никаких сведений в архивах. Когда через несколько лет Голландия вступила в войну против Англии, шпионская информация стала пересылаться в Лондон через австрийские Нидерланды (Бельгию). Помимо этой постоянной сети шпионов адмиралтейство посылало и особых агентов, поручая им специальные, обычно весьма «деликатные» миссии. Так, некий Ирвин еще в начале Семилетней войны руководил из Фландрии группой шпионов, направленной в Дюнкерк и другие гавани для определения, насколько интенсивно ведется подготовка к французскому десанту в Англию. Но постепенно значение роттердамского центра стало падать, и в 1785 г. он был ликвидирован.

Зато росла активность разведки Форин оффиса. Английский шпион Александр Скотт, как утверждают, сумел получить из кабинета французского министра иностранных дел Шуазеля копию брачного договора дофина (будущего Людовика XVI) и австрийской эрцгерцогини Марии-Антуанетты. Это считалось большим успехом — подобные сведения в это время имели серьезное политическое и дипломатическое значение. Однако даже в 80-х годах Форин оффис был сравнительно небольшим учреждением. Помимо самого министра — единственного лица, решавшего все дела политического характера, — имелись заместитель министра, 10 клерков и несколько других чиновников, включая хранителя архивов, латинского переводчика, двух дешифровальщиков и т.д.

Напротив, французское министерство иностранных дел имело более многочисленный штат — около 80 человек. Оно включало два политических департамента, отдел переводов, географический отдел, архивный отдел и др. Директора политических департаментов нередко вели свою линию, лишь прикрываясь именем министра иностранных дел.

Главная роль в разведке Форин оффиса принадлежала британским послам. Далеко не все из них справлялись с этой ролью. Бездарность, волокита, нерадивость, легкомыслие были свойственны многим из них; впрочем, этим же нередко грешило и само британское министерство иностранных дел, подчас подолгу не отвечавшее ни на обычные, ни на секретные депеши своих представителей за рубежом. Некомпетентность аристократических недорослей и бонвиванов, назначавшихся на ответственные дипломатические посты, порой принимала анекдотический характер. Британский посол в Париже в 80-х годах герцог Дорсет был озабочен прежде всего тем, чтобы сохранить благосклонность актрисы Бачелли — агента французской разведки. Бессодержательные депеши Дорсета приводили в отчаяние Форин оффис. Секретарь посла Даниэль Хейлс получил умоляющее письмо из Лондона: «Ради бога, сжальтесь над министерством и либо убедите нашего друга герцога писать о чем-то заслуживающем прочтения нашим повелителем, либо считайте Вашего начальника отсутствующим и

предоставьте возможность проявиться Вашему усердию и способностям». Хейлс выполнил это указание, что, однако, помешало его карьере. Немногим лучше были посланник в Брюсселе виконт Торрингтон или посланник в Берлине Дэлримпл (позднее граф Стейр), который не унаследовал ума своего предка, руководившего в начале века английской разведкой в борьбе против якобитов. Секретарь посольства Эварт доносил, что невозможно вывести посланника из состояния пассивности и заинтересовать чем-либо серьезным. А из Мадрида Энтони Мерри писал о своем шефе — британском после графе Бьюте: «Этот человек так же способен быть послом, как я — римским папой». Историки не склонны считать такой отзыв пристрастным.

Д. Хорн, автор специальной работы «Британская дипломатическая служба. 1689—1789 гг.» (Оксфорд, 1961 г.), считает, что сохранившиеся материалы никак не позволяют сделать в целом вывод о высоком качестве поступавшей в Лондон разведывательной информации. Одним из очевидных недостатков была неспособность постоянно обеспечивать эффективность секретной службы. Если не существовало опасной внутренней оппозиции (как якобитство), то в мирное время была тенденция к резкому ограничению расходов на разведку, в результате чего она обычно оказывалась не подготовленной к новой войне. Так, английский посол в Париже лорд Стормонт писал Георгу III в 1779 г., что «в настоящее время ощущается недостаток в регулярной и быстро поступающей секретной информации, и это наносит крайний вред интересам службы Вашего Величества». В этих условиях приходилось порой спешно набирать агентов, от которых было очень мало толку. В 80-х годах, например, некий Хейк, в прошлом связанный с разведывательной организацией Уолтерса в Роттердаме, а также его сын выполняли какие-то особые задания английской разведки. Известный дипломат Д. Гаррис негодующе писал об их тупости и о том, что они «заинтересованы не в добывании и передаче информации, а в добывании денег». Другой английский шпион — Сен-Марк был нанят на три месяца с окладом 60 гиней в месяц, позднее его рассчитали, так как английское посольство в Париже сочло нового агента не заслуживающим доверия.

Подавляющее большинство материалов, связанных с секретной службой в XVIII в., уничтожено. Часть из них считалась личными бумагами министра и забиралась им с собой из архива после ухода в отставку. По расчетам профессора А. Коббена, затраты на секретную службу только министерства иностранных дел колебались в 80-х годах от 15 тыс. до 35 тыс. ф. ст., то есть составляли примерно четверть всех расходов внешнеполитического ведомства.

Одним из центров, где сталкивались разведки крупных европейских держав, была столица Блистательной Порты, как именовали Оттоманскую империю. Военно-политический упадок Турции вызывался и, в свою очередь, ускорялся разложением правящей верхушки. Султаны изыскивали самые невероятные предлоги для взимания налогов: например, выдавались «замуж» их малолетние дочери за богатых сановников, которых обязывали вносить крупные суммы на содержание своих «жен». Сановники также были обязаны брать в спутницы жизни жен, наскучивших падишаху, а их, в свою очередь, заставляли следить за своими новыми мужьями и доносить обо всем во дворец. Стало, обычаем принятие султаншами взяток от иностранных дипломатов. Еще большие суммы получал главный евнух — «начальник девушек». Один из них, Бешир (первая половина XVIII в.), был в течение 30 лет фактическим правителем страны. Раб, купленный в Абиссинии за 30 пиастров, он оставил после себя 29 млн. пиастров, не считая огромного количества драгоценных камней и другого имущества. Пост великого визиря, напротив, редко один и тот же человек занимал более двух-трех лет — обычно временщики, вынырнувшие на поверхность в результате придворных интриг, пытались побыстрее ограбить казну. Теряя свое место, они часто шли на плаху; нередко само смещение и казнь были лишь предлогом для конфискации их имущества. Наследники престола воспитывались в строгой изоляции во избежание их возможного участия в заговорах. Проводя в затворничестве значительную часть жизни, ко времени вступления на трон они бывали ничтожными, невежественными людьми, если не просто дегенератами. Немудрено, что они вместе с министрами торговали государственными тайнами. Так, в 1771 г. английская разведка приобрела по сходной цене копию архисекретного австро-турецкого соглашения против России и переслала ее в Петербург и Берлин.

В Стамбуле иностранные дипломаты, не знавшие турецкого языка, должны были нанимать местных переводчиков — драгоманов (обычно греков), которые одновременно

служили им и как шпионы. Однако, чтобы выполнить свою «деликатную» миссию и не лишиться головы — что «заслужить» в турецкой столице было проще простого, драгоманы создали своего рода тайный союз. Они приобрели специальный дом, где за приятной беседой и карточной игрой выдавали коллегам секреты «своего» посольства, чтобы взамен узнать секреты чужие, которые тут же сообщали нанимателям. Даже привычных дипломатов коробила, как писал один из них, «бешеная страсть к деньгам» у всех чиновников Блистательной Порты. Золотой ключ открывал любые двери. Правительство султана решило, что можно извлекать выгоду из столь бурной и непреоборимой страсти своих чиновников, установив налог со взяток, который аккуратно собирала особая канцелярия.

Атмосфера, царившая в столице Порты, оказывалась заразительной и для иностранных дипломатов и разведчиков, также не брезгавших подношениями, от кого бы они ни исходили. Так, русский посол Дашков, посланный в Стамбул в 1719 г., вскоре по прибытии просил Петра I присылать побольше «мягкой рухляди» (мехов) «для удержания интересов Вашего Величества, понеже визирь великий емец». Дашков передавал, что к нему являлись сановники с выписками «из давних книг», в которые были занесены взятки, розданные прежними царскими послами, и требовали таких же выплат как освященных дипломатической традицией. Однако Дашкову данная ему инструкция предписывала не ограничиваться турками, а «разведывать о тамошних поведениях и намерениях прилежно через известных приятелей». Под «приятелями» подразумевался граф Кольер, опытный голландский посол, который почти 40 лет занимал дипломатические посты в Стамбуле. Он уже несколько лет получал щедрые ежегодные «подарки» из Петербурга, так же как и его переводчик Вильгельм Тейльс. Такие же «дачи» и «награждения» вручались Дашковым (в обмен на разведывательные сведения и прочие услуги) еще ряду лиц, включая французского посла Боннака, который, впрочем, возможно, действовал так с согласия версальского двора. В этом случае, как подозревали английские и австрийские дипломаты, француз не только получал взятки, но и делал это, дабы скрыть, что его действия были результатом не стремления отработать полученную мзду, а выполнения инструкций из Парижа. Переводчик французского посла Фернерон стал оказывать различные услуги русским дипломатам еще за несколько лет до этого, когда предшественник Боннака усердно действовал против России. В инструкции Дашкову предписывалось, однако, не доверять информации Фернерона, тщательно ее проверяя. Фернерон сообщал важные сведения и о политике Порты, и о действиях самого французского посла.

Наставник «пиковой дамы»

Приходилось ли вам слышать фамилию графа Сен-Жермена, того загадочного человека, который сообщил старухе графине из пушкинской «Пиковой дамы»[15] тайну трех карт? Это имя давно уже было окутано темным покровом легенд. В романе известного английского писателя середины прошлого века Э. Булвер-Литтона «Занони» образ главного героя, обладающего неземным могуществом, мудростью и бессмертием, явно списан с Сен-Жермена. Булвер-Литтон уверял читателя, что этот роман основан на рукописи, принадлежавшей мистическому обществу розенкрейцеров, которые, по распространенному поверью, поддерживали связи с потусторонними, сверхъестественными силами.

Еще в 1785 г., после смерти Сен-Жермена, одна газета объявила, что он жив. Подобные сведения получили широкое распространение. Мадам де Жанлис утверждала, что встретила Сен-Жермена в 1821 г. в Вене. Его видела также фрейлина графиня д'Адемар, которой он якобы еще перед смертью обещал явиться пять раз. Приходил он всегда перед какими-нибудь историческими событиями, казавшимися особо важными для фрейлины, например перед казнью Марии-Антуанетты или расстрелом по приказу Наполеона I герцога Энгиенского. Одно только сомнительно, жила ли вообще на свете графиня д'Адемар, точнее — была ли какая-либо представительница этого действительно существовавшего дворянского рода фрейлиной в

[15] Прототипом «пиковой дамы» послужила княгиня Наталья Петровна Голицына (1741—1837 гг.), в молодости блиставшая при английском дворе и в Версале. В те же годы во Франции подвизался Сен-Жермен.

Версале и не являлись ли вышедшие в 1863 г. под ее именем «Воспоминания», как считают некоторые ученые, подделкой, изготовленной малоизвестным французским романистом Ламот-Лангоном. А в мемуарах некоего Франца Греффера, опубликованных в Вене в 1845 г., Сен-Жермен пророчески объявлял их автору: «В конце[16] столетия я исчезну из Европы и отправлюсь в Гималаи. Я буду отдыхать, я должен отдыхать. Ровно через 85 лет люди опять увидят меня». Однако в мемуарах заботливо обойден вопрос о точной дате этого пророчества. В 1938 г. утверждали, что Сен-Жермен еще живет в Венеции «в одном из дворцов на Большом канале».

В США даже возникла в 30-х годах XX в. секта баллардистов, которые в своих церквах почитают Сен-Жермена наравне с Иисусом Христом. Вплоть до наших дней появляются книги, в которых подробно повествуется о встречах с таинственным незнакомцем, который оказывается Сен-Жерменом, открывшим секрет физического бессмертия.

Однако, если читатель сделает отсюда вывод, что граф Сен-Жермен вообще с самого начала являлся мифом, это будет ошибкой. Нет, это был вполне реальный человек, после которого остались собственноручно написанные им письма и о котором мы имеем многочисленные свидетельства очевидцев — от рассказов мемуаристов до хроникерских заметок в газетах и архивных документов. Современники, бывшие свидетелями многих казавшихся необъяснимыми действий и поступков Сен-Жермена, заложили первые основания той волшебной сказки, в которую обратились рассказы о его жизни. В середине XIX в. император Наполеон III приказал собрать все, что сохранилось в государственных архивах относительно Сен-Жермена. Однако во время вскоре начавшейся франкопрусской войны и осады Парижа здание, где хранились документы, сгорело. И тайна стала еще более непроницаемой. От ученых потребовалось немало терпения и усиленных поисков достоверных сведений, чтобы приподнять хотя бы частично завесу неизвестного. И при этом открылись факты, имеющие прямое отношение к нашему повествованию о тайной войне.

Пока не удалось установить ни места, ни года рождения Сен-Жермена. Сам он распускал слухи, что является одним из сыновей Ракоци, руководителя венгерского национального восстания против власти австрийских Габсбургов, которого он действительно напоминал чертами своего облика. Имеется много и других предположений о происхождении Сен-Жермена, но все они остаются малообоснованными догадками. Гораций Уолпол утверждает, что еще в 1743 г. этот авантюрист был арестован в Лондоне как «якобитский агент». Примерной датой рождения графа считают 1710 г. Впрочем, встретившая Сен-Жермена в Париже в конце 50-х годов XVIII в. вдова французского посла в Венеции мадам де Жержи объявила, что видела его в этом знаменитом итальянском городе в 1710 г. и что тогда ему было примерно 45 лет. Поскольку через полвека Сен-Жермен выглядел не старше 45—50 лет, возможно, отсюда и возникла молва о его бессмертии. Стоит лишь добавить, что самой мадам де Жержи, конечно, не удалось так хорошо сохраниться: ей было уже больше 80 лет, и на память старой дамы вряд ли можно было очень полагаться. Между прочим, на это иронически обратил внимание и сам Сен-Жермен, когда его стали расспрашивать по поводу утверждений мадам де Жержи. Однако у загадочного графа была одна особенность — ему всегда удавалось таким образом отрицать связи со сверхъестественными силами, что его собеседники, напротив, окончательно убеждались в обоснованности ходивших на сей счет слухов.

А слухи нарастали, как снежный ком. В Париже в начале 60-х годов появился «двойник» Сен-Жермена. Это был повеса и ловкий самозванец, известный и под фамилией лорда Гоуэра. Свой псевдоним он приобрел во время Семилетней войны, когда, будучи французским шпионом, выдавал себя за чистокровного британца и посылал донесения о состоянии английской армии. Мнимый Сен-Жермен, имя которого принял столь же мнимый «лорд Гоуэр», небрежно разъяснял, например, что ему случалось присутствовать на Вселенском церковном соборе в Никее, состоявшемся в IV в.

«Настоящий» Сен-Жермен действовал более осторожно, рассказывая в деталях о многих исторических событиях отдаленных эпох. У его собеседников возникала мысль, что эти детали

[16] XVIII

могли быть известны только очевидцу. Блестящее знание многих языков помогало Сен-Жермену придавать правдоподобие этому «подтексту» своих рассказов. Не выучил ли он эти языки во время одного из своих прежних «перевоплощений»? — задавали себе вопрос его знакомые. Иногда Сен-Жермен очень обдуманно «проговаривался».

Однажды, когда разговор зашел о Христе, Сен-Жермен заметил мимоходом:

— Я был с ним близко знаком. Это был лучший человек в мире, но неосмотрительный и романтически настроенный. Я часто предсказывал ему, что он плохо кончит.

Подлинный Сен-Жермен, появившийся в Париже около 1757 г., успел стать предметом всеобщего любопытства. Даже вечно одолеваемый скукой Людовик XV был заинтересован, когда приезжий на его глазах одним движением руки уничтожил трещину на бриллианте, что сразу повысило втрое стоимость этого драгоценного камня. Чудотворца стали приглашать к королевскому столу, создали небольшую лабораторию, где он показывал свои опыты королю. Правда, речь шла не о «жизненном эликсире», а о предмете более прозаическом — новых красках для французских тканей. Но и здесь Сен-Жермен умел не только придать своим занятиям ореол таинственности, но и убедить короля, что он открывает новые источники дохода для французской казны.

Влияние приезжего незнакомца стало настолько велико, что с ним начали советоваться по государственным делам и ему удалось добиться смещения некоторых сановников. Симпатии графа Сен-Жермена были явно на стороне Пруссии, воевавшей с Францией. Он был сторонником антиавстрийской политики, от которой отказалась Франция, выступая в союзе с Веной против Фридриха II. Прорицания Сен-Жермена приобретали политический характер. Он предрекал, что сокрушительные поражения, которые были нанесены русской армией войскам Фридриха II, не приведут к поражению Пруссии. (Этого действительно не произошло. После смерти Елизаветы Петровны вступивший на русский престол Петр III, ярый поклонник прусского короля, поспешил заключить мир со своим кумиром.) Скептически настроенные люди, в которых не было недостатка во Франции, стали подозревать, что граф Сен-Жермен просто являлся агентом Фридриха II. Это подозрение никогда не было доказано. Быть может, оно было и несправедливым и граф отражал в своих высказываниях пропрусские взгляды военного министра маршала Бель-Иля, с которым он был в то время тесно связан. Такая линия не могла не вызвать столкновения с министром иностранных дел Франции герцогом Шуазелем, который строил всю свою карьеру на политике союза с Австрией.

Сен-Жермен сделался тайным агентом Людовика XV. Граф становился одним из людей, осуществлявших личную дипломатию французского короля. В том же году графа направляют с секретными поручениями в Гаагу. Он выражал настроения той части французского правительства, которая была склонна закончить войну, приведшую к крупным неудачам для Франции. К этой группе принадлежали военный министр Бель-Иль и маркиза Помпадур. Действуя в обход официальной французской дипломатии, возглавлявшейся герцогом Шуазелем, активным поборником продолжения войны, Сен-Жермен должен был вести тайные переговоры с английским послом в Гааге генералом Йорком. Другим французским агентом, посланным в это время в Гаагу, был известный международный авантюрист Казанова. Ранее, в 1757 г., французский министр-кардинал Франсуа де Берни послал Казанову в Дюнкерк, который по Утрехтскому миру англичане могли использовать как гавань для военных кораблей. В Дюнкерке Казанова, представившись офицером венецианского флота, познакомился со многими британскими, моряками и выведал у них всю нужную Берни информацию об английской эскадре. В 1759 г. он встретился в Гааге с Сен-Жерменом. Оба они выполняли тайные поручения, неизвестно точно, какие именно (формально речь шла о голландском займе Франции). Венецианец рассказывал, что проживал с Сен-Жерменом в отеле «Принц Оранский». Казанова постарался очернить Сен-Жермена как опасного конкурента в глазах французского посла в Гааге д'Афри. Посол, вероятно, способствовал неудаче тайных переговоров Сен-Жермена с английскими и прусскими представителями. Однако наибольший вред нанес Сен-Жермен себе сам. Ему еще удавалось создавать ореол загадочности вокруг собственной персоны, но сохранять в секрете порученное дело оказалось выше его сил. Граф явно вел свою опасную дипломатическую и разведывательную работу как авантюрист. Секретный агент с готовностью рассказывал всем о предпринятых им действиях, чтобы повысить мнение

окружающих о своем влиянии и талантах. Кроме того, как передает саксонский представитель в Гааге Каудербах, Сен-Жермен распространялся также на тему о слабости французского короля и пороках версальского двора.

Французский посол д'Афри некоторое время колебался — зависть боролась с робким почтением к сверхъестественным силам, которыми повелевал Сен-Жермен и с которыми побаивался связываться осторожный французский дипломат. Однако в конце концов он послал подробные и крайне враждебные Сен-Жермену сведения в Париж своему начальству — герцогу Шуазелю. Тот действовал быстро. Шуазелю удалось упросить маркизу Помпадур показать ему донесения, посылавшиеся ей Сен-Жерменом. На заседании министров, на котором присутствовал король, Шуазель продемонстрировал эти документы. Людовик XV и другие министры, посвященные в тайну, поспешили отречься от Сен-Жермена. После этого Шуазель послал д'Афри инструкцию, чтобы тот вызвал Сен-Жермена и объявил ему повеление не вмешиваться более в политику под угрозой тюрьмы. Более того, Шуазель попробовал даже добиться выдачи графа голландскими властями и препровождения его во Францию. Незадачливого ясновидца спас один его влиятельный поклонник, предупредивший об опасности и убедивший его бежать в Англию. Однако английские власти решили не допускать пребывания в стране уволенного агента, который мог осложнить их переговоры с Шуазелем. Из Англии Сен-Жермен перебрался в Германию.

В своих мемуарах Казанова утверждает, что вновь встретил Сен-Жермена в Париже в мае 1761 г., прогуливавшегося с маркизом д'Юрфе. Казанова считал, что до этого Сен-Жермен выполнял в Лондоне задания Шуазеля, точнее говоря, был французским контрразведчиком, действовавшим на вражеской территории. С этим перекликаются сведения еще одного мемуариста, ссылающегося на того же маркиза д'Юрфе. Тот якобы рассказал Шуазелю о присутствии Сен-Жермена в Париже и получил неожиданный ответ: «Я не удивляюсь этому, так как он провел ночь в моем кабинете». Однако другие бесспорные факты делают малоправдоподобной эту версию.

В последующие годы Сен-Жермен бывал при различных дворах Европы, всюду предлагая свои мнимые и действительные секреты. Не владея ни «эликсиром жизни», ни «философским камнем», ни умением превращать неблагородные металлы в золото, он, кажется, действительно знал рецепты нескольких важных химических красителей, которые и пытался применять в производстве тканей.

Умер Сен-Жермен в Германии, в Экернферде, 27 февраля 1784 г. и похоронен 2 марта, о чем были сделаны соответствующие записи в церковноприходской книге. Таким образом, место и дата смерти Сен-Жермена зафиксированы совершенно точно — в отличие от места и даты рождения. Но его мистически настроенные последователи продолжали распространять легенды о таинственном графе, наделенном многими талантами и знаниями, обладателе секрета бессмертия.

Фигаро в Лондоне

Первоначально прибытие в Лондон французского дворянина шевалье де Ронака не привлекло особого внимания — мало ли иностранцев ежедневно приезжало в многолюдную английскую столицу. Однако те из французских эмигрантов, находившихся в Лондоне, к которым этот приезд имел непосредственное отношение, без труда узнали все нужное о человеке с никому ничего не говорившей фамилией Ронак.

Надо сказать, что и сам прибывший не очень стремился сохранять инкогнито, иначе он не выступал бы под прозрачным псевдонимом, который легко расшифровывался как анаграмма слова «Карон». Это была фамилия Пьера Огюстена Карона, добавившего к ней аристократически звучавшее «де Бомарше». Человек, которому предстояло обессмертить свое имя созданием «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», успел прожить к этому времени бурную, полную приключений жизнь, послужившую во многом материалом для создания образа главного героя знаменитых комедий.

Бомарше родился в 1732 г., был сыном зажиточного часовщика. Искусство, унаследованное от отца, вместе с приобретенным искусством интриги помогло молодому

буржуа втереться в придворные круги, быть представленным мадам Помпадур. Недурной собой, ловкий, смелый, острый на язык, Бомарше к тому же умел мастерить миниатюрные часики, которые не меньше, чем бриллианты, украшали кольцо на руке знатной красавицы, или наигрывать модную музыкальную безделушку на арфе, флейте или скрипке. У Бомарше возник конфликт с парижским парламентом — бюрократическим судебным учреждением того времени. Его блестящие «Мемуары», разоблачившие порядки в парламенте, снискали Бомарше громкую известность. Но автор «Мемуаров» не был сознательным борцом против абсолютизма. Он совмещал политические интриги с любовными приключениями, литературную деятельность, столь способствовавшую идеологической подготовке революции, с умением завоевать доверие и престарелого Людовика XV, и наследовавшего ему Людовика XVI, и, что не менее важно, их министров — от недоверчивого де Бролье до подозрительного Верженна.

И, конечно, Бомарше с удовольствием воспользовался представившимся случаем услужить Людовику XV, который за это решил бы в его пользу затянувшуюся тяжбу с парламентом. А «деликатное» поручение, которое принял на себя Бомарше, было вполне в духе многих других предприятий, осуществлявшихся личной дипломатией и разведкой короля.

В Лондоне в это время жил некто Тевено де Моранд, француз по национальности, мошенник и вымогатель по профессии. За ним числилось немало историй чисто уголовного характера, но любимым делом Моранда был шантаж. Конечно, это было дело беспокойное (один из невольных «клиентов» Моранда, например, жестоко отколотил его прямо на улице), но, как оказалось впоследствии, довольно прибыльное.

Моранд собирал компрометирующие сведения о разных людях и заставлял дорого платить за свое молчание. Перебравшись в безопасный Лондон, он быстро использовал возможности существовавшей тогда там свободы печати (надо сказать, весьма ограниченной, когда речь шла об обсуждении серьезных политических вопросов). Теперь шантажируемым Моранд угрожал появлением уже печатных разоблачений. В число их Моранд решил включить и Людовика XV. Влияние над королем захватила в это время очередная любовница — мадам Дюбарри. И ей, и Людовику, конечно, мало улыбалось увидеть изданной книгу под броским названием «Тайные мемуары публичной женщины». Следовало опасаться, что в ней будет приведено немало скабрезных эпизодов из весьма красочного прошлого новой фаворитки. Самыми невинными из них могли быть изложенные во всех подробностях срамные рассказы о том, как архиепископ Реймсский и канцлер Мопу исполняли обязанности камеристок Дюбарри…

Сначала версальский двор решил действовать испытанным методом. В Лондон был откомандирован отряд переодетых полицейских. Они должны были под предлогом увеселительной поездки заманить или просто силой затащить Моранда на корабль, который доставил бы шантажиста во Францию, а там он был бы помещен за решетку одной из многочисленных французских тюрем. Но нашла коса на камень. Полицейские шпики вскоре убедились в этом буквально на своих боках. Не на того напали, решил опытный мошенник… и любезно пригласил незадачливых шпионов к себе на квартиру. Сначала Моранд, между прочим, выиграл у них немалую толику казенных денег, а потом поднял отчаянный крик. Сбежались люди, и Моранд без труда натравил лондонскую толпу на агентов «версальского деспота». Агентов едва не линчевали и в виде предостережения бросили в Темзу. Случай этот получил широкую огласку и вызвал большое возбуждение. После этого нечего было и думать о насильственном увозе Моранда. Французские полицейские чины грустили и терялись в догадках, что делать. Бомарше считал, что после изобретения денежных знаков эти размышления по крайней мере излишни.

Правда, когда он приехал в Лондон, Моранд некоторое время отказывался встретиться с шевалье де Ронаком. «Разве это не повторение попытки вероломного похищения или убийства?» — вопрошал набивавший себе цену вымогатель. В конце концов встреча состоялась. Моранд не скрыл от шевалье де Ронака, что «Тайные мемуары» должны вот-вот выйти из печати. Впрочем, Бомарше удалось уговорить шантажиста задержать их выход в свет до тех пор, пока тайный посланец Людовика не съездит в Версаль за новыми инструкциями. Тот принял к сведению разъяснения памфлетиста, что он, Моранд, кроме всего прочего, нуждается в возмещении убытков за ущерб, который претерпел от попытки его похитить.

Неясно, требовал ли Моранд еще и оплаты тех усилий, которые ему пришлось затратить, чтобы обыграть в карты и выудить деньги у полицейских. Однако положительно известно, что вернувшийся из Парижа Бомарше передал мошеннику 32 тыс. ливров и обязательство французского правительства выплачивать Моранду пожизненную пенсию — 4 тыс. ливров в год. Заботливый издатель «Тайных мемуаров» добился включения в это обязательство пункта, гарантирующего его жене после смерти Моранда продолжение выплаты пенсии в половинном размере. Один приятель Моранда (о нем пойдет речь в следующей главе) иронически упрекал своего дружка, что тот позволил провести себя, не воспользовавшись прекрасной возможностью обеспечить государственными пенсиями своих незаконных детей, а также собак и кошек в его доме.

Как бы то ни было, весь тираж «Тайных мемуаров» был торжественно сожжен в присутствии Бомарше и других французских представителей. У Бомарше даже возникла мысль превратить вполне удовлетворенного теперь Моранда (за особую плату, конечно) в шпиона, наблюдающего за французскими эмигрантами, чтобы избежать появления новых острых и опасных «пасквилей» против французского короля.

Министр иностранных дел Эгийон, завидовавший успеху Бомарше, потребовал, чтобы тот похитил Моранда, теперь ставшего французским шпионом в Англии. С трудом Бомарше сумел добиться от короля отмены этого нелепого приказа. Однако когда посланец Людовика вернулся в Лондон, он натолкнулся на стену недоверия памфлетиста — тот получил анонимные письма, написанные, как выяснилось, по приказу Эгийона, в которых сообщалось, что шевалье де Ронак собирается насильственно увезти его во Францию. Бомарше пришлось снова мчаться в Версаль и везти оттуда убедительные доказательства благоволения короля к Моранду.

Опьяненный успехами, Бомарше вернулся в Париж, но сообщить о них было уже некому: Людовик XV скоропостижно скончался, а Дюбарри лишилась всякого влияния при дворе. «Какая разница между мной и Вами! — жаловался Бомарше в письме своему новому знакомцу Тевено де Моранду в Лондон. — Вы без труда заработали 100 тыс. франков, а я, проехавший за шесть недель 780 миль и истративший 500 гиней, не знаю даже, возместят ли мне мои дорожные расходы. И к тому же Ваша книга через неделю потеряла бы какое-либо значение!» Но Моранд через год после смерти короля все же издал проданные им «Тайные мемуары публичной женщины», но под другим названием.

Впрочем, автор «Фигаро» не терялся и в более тяжелых ситуациях. Король умер, да здравствует король! Нет Людовика XV, но есть Людовик XVI, который также будет озабочен потоком памфлетов против его жены Марии-Антуанетты. (Моранд, отвечая добром на добро, прислал из Лондона Бомарше полный каталог этих сочинений.) Бомарше не только получает новое задание, но и добивается личного письма Людовика XVI, уполномочивающего его на выполнение «секретных поручений» в Англии и Голландии.

Началась еще одна серия приключений Бомарше в Лондоне: шевалье де Ронак усердно разыскивал и умиротворял «пасквилянтов». Автор одного из памфлетов книготорговец Уильям Аткинсон согласился за сходную цену уничтожить весь тираж, в том числе и ту его часть, которая еще ранее была переправлена им в Голландию. После сожжения находившихся в Лондоне книг Бомарше со своим контрагентом отправился для верности в Голландию, чтобы самому присутствовать на заключительном аутодафе. Но это было лишь начало — Аткинсон вместе с одним утаенным экземпляром уехал в Нюрнберг. Бомарше бросился в погоню, настиг беглеца и отобрал книгу, но сам подвергся в лесу нападению разбойников и едва спасся, получив несколько тяжелых ранений. Превозмогая отчаянную боль, Бомарше добрался до Вены и просил у императрицы Марии-Терезы (матери Марии-Антуанетты) арестовать вероломного книгопродавца, скрывавшегося в ее владениях. Канцлер Кауниц, к которому Мария-Антуанетта обратилась за советом, нашел эти и другие рассказы Бомарше более чем странными. На другой день он был арестован. В ходе следствия выявилось, что и Аткинсон, и разбойники являлись лишь плодом пылкой фантазии шевалье де Ронака, а страшные раны оказались царапинами, которые он сам нанес себе для придания достоверности своим вымыслам. После месячного заключения Бомарше освободили, и он успел приехать в Париж как раз к началу репетиций «Севильского цирюльника», представление которого состоялось в феврале 1775 г.

Бомарше снова оказался в фаворе и в гуще придворных и дипломатических интриг.

Позднее, как бы подытоживая свой опыт в качестве тайного агента версальского двора, Бомарше в «Женитьбе Фигаро» вкладывает в уста главного героя красочную характеристику тогдашней секретной дипломатии:

«Прикидываться, что не знаешь того, что известно всем, и что тебе известно то, что никто не знает; прикидываться, что слышишь то, что никому не понятно, и не прислушиваться к тому, что слышно всем; главное, прикидываться, что ты можешь превзойти самого себя; часто делать великую тайну из того, что никакой тайны не составляет; запираться у себя в кабинете для того, чтобы очинить перья, и казаться глубокомысленным, когда в голове у тебя, что называется, ветер гуляет; худо ли, хорошо ли разыгрывать персону, плодить наушников и прикармливать изменников, растапливать сургучные печати, перехватывать письма и стараться важностью цели оправдать убожество средств» (акт II, явл. V). Даже присутствовавшие на премьере дипломаты не отрицали точности этой оценки их методов и искусства.

Подложное завещание Петра Великого

Весна 1812 г. Наполеон I стягивает свои войска к Неману, готовясь к вторжению в Россию. И как раз в эти месяцы в Париже выходит в свет пухлый труд «О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия». Этот том в 500 страниц был написан, как указывается в заголовке, историком Лезюром, состоявшим на службе во французском министерстве иностранных дел. Французское правительство приложило особые усилия к распространению этой книги. А когда зимой того же года разгромленная русским народом и войсками наполеоновская великая армия бежала из пределов России, солдаты Кутузова обнаружили в захваченных неприятельских штабах сотни экземпляров того же объемистого сочинения. Современники прямо указывали, что книга Лезюра была издана по личному распоряжению Наполеона, который пытался, используя ссылки на «русскую угрозу», оправдать свое вторжение в Россию.

В книге Лезюра, между прочим, сообщалось: «Уверяют, что в домашнем архиве русских императоров хранятся секретные записки, писанные собственноручно Петром I, где со всей откровенностью сообщаются планы этого государя, на которые он обращал внимание своих современников и которым его преемники следовали, можно сказать, почти с религиозной настойчивостью. Вот сущность этих планов». И далее излагается совершенно фантастическая программа русского завоевания всей Европы и Азии.

В книге Лезюра содержался лишь пересказ этих заметок, получивших название «Завещание Петра Великого». Но впоследствии во Франции был опубликован и полный текст «Завещания». С тех пор на протяжении многих десятилетий он неизменно использовался дипломатией и публицистикой тех европейских держав, которые находились во враждебных отношениях с Россией. И в 1941 г., когда гитлеровцы совершили вероломное нападение на Советский Союз, германское министерство пропаганды по указанию Геббельса вспомнило об этом «Завещании». Не оставалось оно без употребления и в послевоенные годы. Немало поборников «холодной войны» по обе стороны Атлантического океана спекулировали все на том же «Завещании», уверяя, что большевики продолжают начертанную в нем программу.

Бросается при этом в глаза одно любопытное обстоятельство. Многочисленные западные пропагандисты, оперировавшие «Завещанием», с редким единодушием старались забыть о том, как оно появилось на свет.

А между тем история его появления связана с одним очень любопытным эпизодом тайной войны в XVIII в.

…Стояло лето 1755 г. По пыльным дорогам Пруссии, а потом через Польшу и побережья Балтийского моря ехала карета, в которой находились, не считая прислуги, двое путешественников. Точнее, пассажир и пассажирка, так как пожилого мужчину, явно чужеземца, сопровождала молодая девушка, его племянница, к которой он относился со всеми внешними знаками внимания и заботы. Путником был шотландский дворянин Дуглас-Макензи, якобит, хотя приверженность изгнанному дому Стюартов давно уже вышла из моды. Быть может, якобитство Дугласа поддерживала ненависть к англичанам, которую он не очень скрывал. Впрочем, шотландец не раз во всеуслышание говорил, что отошел от политики и

отдался своему любимому занятию — геологии. И действительно, проезжая через чешские земли, Дуглас особенно интересовался тамошними копями и даже сделал большой крюк, чтобы заехать в Саксонию и осмотреть некоторые пользовавшиеся широкой известностью рудники.

До поры до времени вряд ли кто-нибудь догадывался, что все это было лишь маскировкой и что якобит вместе со своей спутницей едет выполнять задание Людовика XV, осуществляя «секрет короля». Под этим названием скрывалась секретная дипломатия Людовика, иногда полностью противоречившая официальной дипломатии версальского двора.

«Секрет короля» можно с полным правом назвать и его разведкой. (Агентами «секрета короля» были и Сен-Жермен, и Бомарше во время уже знакомых читателю событий.) Может быть, вернее было бы сказать, что Людовик XV с помощью разведки усердно пытался подорвать позиции собственной дипломатии.

Казалось, Людовик считал обременительным для себя принуждать министра иностранных дел и послов придерживаться своей политической линии. Зато у него хватало терпения противопоставлять им целую сеть тайных агентов, которые должны были разрушать усилия официальной французской дипломатии. Порой того или иного французского посла посвящали в «секрет короля», и тогда его обязанностью становилось в одно и то же время выполнять инструкции министра иностранных дел и мешать их выполнению. Чаще, однако, последние функции поручались секретарю посольства или мелкому служащему, который дополнительно должен был и шпионить за послом.

Постепенно король все более втягивался в организацию заговоров против самого себя, в игру с таинственными переодеваниями, фальшивыми паспортами и другим реквизитом, прочно вошедшим в арсенал авторов авантюрных романов. Более того, продолжая эту игру, Людовик начал создавать наряду с, так сказать, официальным «секретом короля» другой, неофициальный, действовавший не только за «спиной первого, но и часто опять-таки вопреки ему.

«Секрет короля» имел не только своих дипломатов в дополнение к официальным французским представителям, но также своих особых шпионов и даже собственный «черный кабинет» для перлюстрации всей корреспонденции министерства иностранных дел. В письме к одному из руководителей «секрета короля», Терсье, Людовик жаловался, что сам уже с трудом разбирается в созданном им лабиринте. Эти две, потом три и четыре секретные дипломатии и разведки, тянувшие каждая в свою сторону, вносили совершенный хаос в дела и, конечно, крайне вредили интересам Франции. Но подобные «пустяки», разумеется, мало интересовали Людовика XV.

Во время, к которому относится наш рассказ, то есть в середине 50-х годов XVIII в., «секретом короля» руководил принц Конти. Ему-то и поручил Людовик направить Дугласа и его спутницу — и отнюдь не для осмотра саксонских рудников, а для прощупывания возможностей возобновления переговоров между Парижем и Петербургом. Отношения между двумя державами в силу ряда существенных и совсем несущественных причин были испорчены до предела. Послы были отозваны. Французская дипломатия подготовляла крутой поворот, о чем упоминалось выше: от традиционного векового соперничества с австрийскими Габсбургами к союзу с ними для противодействия крайне беспокоившей обе страны политике Фридриха II. Прусский король не только пытался рядом захватов изменить в свою пользу соотношение сил в Германии, но и вступил в союз с Англией, которая продолжала упорную борьбу против Франции за колониальное и морское преобладание.

В этих условиях позиция России имела огромное значение для Парижа, занятого формированием антипрусской коалиции. А между тем в Петербурге настолько еще преобладали настроения, враждебные Людовику XV, что он опасался официально предложить возобновление обмена послами, боясь наткнуться на отказ, болезненный для престижа французского двора. Даже посылать тайных послов было небезопасно: один из них, шевалье Вилькруассан, был без всяких церемоний признан шпионом и посажен в Шлиссельбургскую крепость. Пограничная стража получила приказ отправлять за решетку и других французских агентов. Так что во всех столицах Людовик имел не менее двух послов (одного — явного, другого — тайного), а в Петербурге — ни одного. Вот почему поднимала пыль на бесконечных дорогах Восточной Европы карета Дугласа и его племянницы.

Данное ему деликатное поручение совсем не располагало к экстравагантным поступкам, и Дуглас, конечно, не предполагал облачаться в традиционный национальный костюм — шотландскую юбочку. Этого нельзя было сказать о его спутнице, которая не только не была его племянницей, но и, кажется, не более, чем бравый якобит, имела основания обряжаться в женские одежды.

«Племянница», или иначе — шевалье д'Эон де Бомон, родился в 1728 г. Некоторые биографы утверждают, что в детстве его одевали как девочку, а лишь потом заставили носить мужское платье. Объясняют это желанием не совсем нормального отца обязательно иметь дочь, которое он решил осуществить вопреки самой природе. А иногда более прозаически — с помощью такого маскарада родители надеялись получить для своего ребенка какое-то выгодное наследство, которое иначе ускользнуло бы из фамильного владения. Однако пари, которые заключались на большие суммы относительно пола д'Эона, и споры по этому вопросу, продолжавшиеся долгое время, давно уже решены. Имеются неопровержимые доказательства, что д'Эон несомненно был мужчиной. (Об этом говорит и протокол медицинского вскрытия его тела после кончины.)

Причины, по которым он в ряде случаев должен был продолжать мистификацию, одеваясь в женское платье, остаются не всегда понятными. Наименьший вес при этом имеют заявления самого д'Эона, не отличавшегося твердостью во мнении, к какому полу он принадлежал. Некоторые французские исследователи на этом основании даже делают вывод о «женском» непостоянстве взглядов, но мы убедимся, что в этом непостоянстве была система.

Если верить мемуарам д'Эона (а им и их издателю вряд ли можно доверять хоть в чем-нибудь), он однажды шутки ради явился на придворный бал в женском костюме, и это переодевание понравилось Людовику XV. Однако откуда у короля возникла шальная мысль посылать д'Эона в женском платье в Россию, так и остается загадкой. Ясно лишь, что этот французский разведчик нисколько не собирался в духе героев модных тогда плутовских романов проникать переодетым в женский монастырь или мусульманский гарем. Новоиспеченной девице, разумеется, по положению вещей было неразумно злоупотреблять кокетством. Наоборот, приходилось принимать робкий, застенчивый вид, чтобы не подпускать близко ретивых поклонников. Это было не очень удобно, но считалось, что в женском наряде д'Эону будет легче втереться в круг приближенных императрицы Елизаветы Петровны и нашептывать ей вещи, угодные «секрету короля».

Надо заметить, между прочим, что руководитель «секрета» принц Конти имел и собственные галантные планы. Именно поэтому он довольно щедро за личный счет снабдил д'Эона роскошными женскими туалетами. Честолюбивый принц собирался ни более ни менее как предложить себя в супруги царице, а если это дело не выгорит, то просить, чтобы Елизавета предоставила ему, Конти, командование русскими войсками или уж, на худой конец, посадила его на престол какого-либо княжества, например Курляндии. (О своих планах заделаться польским королем Конти предпочитал пока помалкивать.) Скажем заранее, что из всех этих планов, конечно, ничего не вышло. А несколько позже русский посол уже сообщал из Парижа о раздорах принца с маркизой Помпадур: «Конти с Помпадуршей был в великой ссоре». После ссоры принцу, понятно, пришлось расстаться и с «секретом короля».

Но случилось это, повторяем, позднее, а пока Конти условился с Дугласом и д'Эоном о шифре. Самому Дугласу разрешалось отправить из Петербурга только одно письмо. Поскольку он должен был демонстрировать интерес к торговле мехами, то и шифр был составлен соответствующим образом. Так, усиление австрийской партии должно было обозначаться как «рысь в цене» (под рысью подразумевался канцлер А. П. Бестужев-Рюмин), а при ослаблении ее влияния следовало сообщить, что «соболь падает в цене»; «горностай в ходу» означало преобладание противников австрийской партии; «чернобурой лисицей» именовался английский посол. Собственно говоря, для того чтобы «чернобурая лисица» не пронюхала ни о чем, и составлялся прежде всего этот код.

Но он был не единственным. Явившись на тайное свидание с вице-канцлером М. И. Воронцовым, которого считали сторонником улучшения отношений с Францией, новоявленная мадемуазель де Бомон была буквально нашпигована шифрами и тайными бумагами. При ней была книга Монтескье «Дух законов». В кожаный переплет этой книги, предназначавшейся для

Елизаветы, были вложены секретные письма Людовика XV. В подошве ботинка оборотистая девица носила ключ от шифрованной переписки. Наконец, в корсете было зашито полномочие на ведение переговоров.

Конечно, не стоит переоценивать роль, сыгранную новоявленной «чтицей императрицы», которой, похоже, устроился ловкий авантюрист. Недаром некоторые серьезные исследователи, и среди них Вандаль и Рамбо, отрицали достоверность всей этой истории в целом и утверждали, что д'Эон появился в Петербурге лишь в 1756 г. Напротив, Гайярде, Бутарик, а из авторов новейших работ — А. Франк, А. Кастело не сомневались в ее правдивости: (Намеки на поездку «Лии де Бомон» встречаются в корреспонденции французского дипломата де Л'0питаля и в письме самого Людовика XV от 4 августа 1763 г., адресованном д'Эону.) Миссия Дугласа и д'Эона удалась, конечно, больше всего потому, что у самих руководителей русской политики появились серьезные основания для сближения с Версалем. Вернувшись на короткий срок в Париж, д'Эон снова отправился в Петербург уже в качестве секретаря посольства (поверенным в делах стал Дуглас). Д'Эон продолжал некоторое время служить посредником между обоими дворами даже после того, как в 1757 г. в Петербург прибыл официальный французский посол де Л'0питаль. Когда же после ссоры с «Помпадуршей» Конти был заменен другими лицами — Терсье и Моненом, д'Эон получил новые шифры, и переписка не прекращалась.

Еще в молодости д'Эон проявлял склонность к сочинительству и даже написал трактат о доходах, что подало Людовику XV мысль занять будущую «Лию де Бомон» в финансовом ведомстве. Эта склонность, как мы увидим, не пропала у него и в зрелые годы. Не будем останавливаться на тех придворных и дипломатических интригах, в которые был вовлечен в Петербурге д'Эон. Его роль и в них была, вероятно, значительно меньшей, чем он это представляет в своих мемуарах. Именно во время второго пребывания в русской столице д'Эон, по его словам, и сумел похитить из самого секретного императорского архива в Петербурге копию «завещания» Петра I.

Рассказ об этом выглядит более чем неправдоподобно и рассчитан на большой запас легковерия у читателя. Но еще более разоблачает д'Эона текст «завещания». Достаточно самого беглого анализа, чтобы сделать бесспорный вывод: этот документ не исходил и даже не мог исходить от Петра. А вот от д'Эона и его начальников по «секрету короля» он вполне мог исходить! Временами это «завещание» весьма напоминает ответ на вопросник, который был включен в тайную инструкцию для Дугласа и д'Эона.

Сфабриковал ли «завещание» сам д'Эон? Во всяком случае, оно, несомненно, было составлено лицом, обладавшим самым приблизительным знанием русской политики. Среди массы нелепостей и очевидных выдумок вкраплены и «планы», действительно отражавшие цели политики царского правительства. Но это мог сделать любой современник, сколько-нибудь знакомый с дипломатической историей первой половины XVIII в. Нет сомнения, что д'Эону было чрезвычайно выгодно похвастать перед Людовиком XV якобы выкраденным в Петербурге документом. А проверить точность снятой копии все равно было невозможно — не обращаться же было Людовику в Петербург с подобной просьбой! Впрочем, тогда французское правительство не придало документу особого значения. Копия эта так и оставалась в архивах, пока не попалась на глаза Лезюру в 1812 г. Тот, решив, вероятно, что не стоит текстуально воспроизводить явно поддельное «завещание», пересказал его в сокращенном виде. Возможно, что Лезюр так поступил по указанию Наполеона. А потом, при издании тоже в основном подложных мемуаров д'Эона, был уже напечатан полный текст фальшивки, откуда она перекочевала в бесчисленные сочинения антирусски настроенных литераторов и журналистов.

Как же сложилась дальнейшая судьба предполагаемого автора (или одного из авторов) фальшивого «завещания»?

Послужной список д'Эона включает различные «художества»: пребывание в драгунском полку в чине капитана, руководство французским шпионажем в Англии и заключение — через подставных лиц — крупных пари о том, к какому полу принадлежал шевалье, являвшийся посланником версальского двора; официальные переговоры с представителями британского Форин оффиса и кража при случае портфеля заместителя министра иностранных дел Роберта Вуда; совмещение должности советника посольства, обязанного проводить линию французской

внешней политики, и агента «секрета короля». И главное, наконец, разыгрывание роли верного слуги этого самого «секрета короля», когда шевалье им давно уже перестал быть и занялся шантажом Людовика XV, крайне опасавшегося за важные компрометирующие бумаги, которые правдой и неправдой раздобыл бывший шпион. При этом на «девичью честь» драгунского капитана, — на которую любил ссылаться д'Эон, не прекращавший небезвыгодную игру вокруг вопроса о его поле, — полагаться было трудно. Французская разведка пыталась похитить наглого авантюриста, но напала на человека более ловкого, чем она сама, и дело сорвалось. Вдобавок Людовик XV не мог объяснить ни своей властной фаворитке мадам Помпадур, ни своим дипломатам, чего следует опасаться от д'Эона, так как они, в отличие от него, не были посвящены в «секрет короля». Попытки через французского посла де Герши добиться выдачи д'Эона оставались неудачными. Дело приобрело скандальную огласку, последовали осуждение д'Эона за клевету в печати, его бегство, суд в Лондоне и контрпроцесс, начатый против де Герши. Злополучному послу пришлось отбыть на родину, но тайники д'Эона были полны бумаг, которые жаждали получить в Версале. Однажды д'Эон услышал стоны и крики, доносившиеся как будто из стены его комнаты. Он ткнул рапирой в печную трубу и заставил спуститься вниз трубочиста, признавшегося, что он подкуплен французским послом изображать призрака. Расчет строился на том, что д'Эон будет рассказывать о загадочных стенаниях, раздающихся из стены, и что это может послужить предлогом для объявления его впавшим в безумие и заключения в сумасшедший дом.

XVIII в. — время процветания различных тайных обществ и клубов, иногда довольно эксцентричных. Достаточно напомнить быстрое распространение масонских лож, ордена иллюминатов в Баварии, секретного общества розенкрейцеров и др. В Англии шумную известность приобрел в 60-е годы XVIII в. клуб «Рыцарей Святого Френсиса Уайкомбского», который называли еще «Клубом адского огня». Клуб этот был учрежден сэром Френсисом Дэшвудом, помещиком из Уэст-Уайкомба, одно время занимавшим пост канцлера казначейства. Члены клуба встречались в пещерах, вырытых под зданием старинного аббатства. Среди участников сборищ, обычно приходивших в масках, были сам глава правительства лорд Бьют, первый лорд адмиралтейства Сэндвич и другие министры, члены парламента, включая и лидера радикалов Джона Уилкса, а также светские дамы. По-видимому, главным занятием членов клуба были различные взаимные довольно грубые подшучивания, розыгрыши, мистификации и маскарады, но молва приписывала им увлечение черной магией и глумление над христианской религией. В числе завсегдатаев клуба был и кавалер д'Эон. Поскольку он выдавал себя за девицу, то был 24 Мая 1771 г. подвергнут знатными леди «тщательному обследованию» для выяснения пола. Авторитетная комиссия так и не смогла вынести окончательное суждение относительно бывшего драгунского офицера. Что же касается д'Эона, то он согласился на обследование совсем недаром. Ему было поручено втереться в члены клуба, чтобы разузнать, не является ли он тайной якобитской организацией. На этот счет шевалье пришлось разочаровать своих нанимателей в Версале, которым он, однако, взамен переслал некоторые небезынтересные сведения, полученные во время полуночных бдений в пещере под Медменхемским аббатством. Впоследствии, рассорившись со своим двором, д'Эон часть секретов запродал английской разведке. В клубе бывали и сотрудники британской секретной службы. К их числу относился и его основатель Френсис Дэшвуд (он побывал как разведчик в России в годы правления царицы Елизаветы Петровны)…

Приписываемая Людовику XIV фраза «Государство — это я» приобрела особый смысл в царствование его преемника. Людовик XV с его слабостями и пороками, с его известным принципом «после нас хоть потоп» мог служить живым олицетворением кризиса и разложения французского абсолютизма. При полном равнодушии Людовика XV к благу страны личные прихоти развращенного короля были возведены в ранг государственных интересов. Герши был спешно отозван не столько из опасений, как бы его процесс не подорвал престижа Франции, сколько из-за решения Людовика сторговаться с д'Эоном. Пойти на мировую король хотел не только потому, что д'Эон обладал бумагами, содержавшими сведения о французском шпионаже и о «секрете короля», но и потому, что авантюрист стал угрожать публикацией материалов о другом государственном секрете — Оленьем парке. Это была информация деликатного свойства, и ей никак не следовало стать предметом обсуждения в газетах.

Взамен борьбы в судебном зале, которую так неудачно начал посол Герши, его преемнику временному поверенному в делах Дюрану пришлось вступить в тайные переговоры с д'Эоном. Тот обменял часть своих бумаг на большую ежегодную пенсию в 12 тыс. ливров, но некоторые, особо пикантные письма шевалье оставил у себя как гарантию регулярности денежных выплат из Парижа. И разве не характерно, что, со своей стороны, Людовик XV выговорил условие, что д'Эон будет ходить в женском платье (кто поверит сплетням, распространяемым старой девой), …и вновь сделал его агентом «секрета короля»! Последующие два с лишним десятилетия заполнены сотрудничеством, новыми пререканиями и новым шантажом со стороны «капитана драгун в юбке» в отношении версальского двора. К этому времени шумная известность экс-шпиона была уже позади. Один остроумный англичанин заметил:

«Месье д'Эон стал своей собственной вдовой». Но «вдова» время от времени умела показывать волчьи зубы. Для улаживания дел в Лондон ездил Бомарше, не раз выполнявший такого рода королевские поручения. Был заключен настоящий контракт, который подписали высокие договаривающиеся стороны — Пьер Огюстен Карон де Бомарше, «особо уполномоченный по приказу короля», и «мадемуазель Шарль-Женевьева — Луи-Огюст Андре-Тимоте, д'Эон де Бомон, старшая дочь, кавалер, бывший драгунский капитан» (далее перечислялись другие чины и должности «мадемуазель»). Д'Эон обязался всю жизнь носить женское платье.

Сначала д'Эон выдал Бомарше лишь незначительные по содержанию бумаги, но посланник версальского двора потребовал «настоящий товар». Только после этого шевалье открыл тайник под паркетом и достал нужные документы. Теперь пришла очередь Бомарше проявить купеческую хватку — он заплатил капитану значительно меньше, чем тот ожидал. Раздосадованный д'Эон по-дворянски попрекнул Бомарше происхождением, назвав его «сыном часовщика». Королевский представитель предпочел отшутиться: «Что можно ожидать от женщины?».

Впрочем, еще ранее «секрет короля» стал секретом полишинеля. Удар последовал из Вены вследствие измены одного австрийского чиновника.

В один из вечеров 1772 г. Горжелю, секретарю французского посла в Вене князя Луи Рогана, была передана через портье анонимная записка: Горжелю назначалась встреча в полночь в уединенном месте с обещанием сообщить важные государственные тайны. Хотя записка возбудила у секретаря сильные подозрения, он не смог удержаться от искушения и отправился на назначенное ему свидание. Раскаиваться не пришлось. Укрытый плащом человек, говоривший низким, сознательно измененным голосом, предложил ему просмотреть несколько бумаг. Если они окажутся интересными, то Горжель может прийти завтра в тот же час и на то же место, чтобы получить следующую порцию — в обмен на 1000 дукатов. Горжель принял предложение — вторая встреча состоялась, и секретарь посольства стал дважды в неделю получать материалы из австрийского «черного кабинета». Сомнения в их подлинности быть не могло: Горжелю были переданы копии расшифрованных депеш французских послов в Стокгольме и Берлине, с которыми французский дипломат был знаком и до этого. Среди материалов он получил инструкции Фридриха II своим секретным агентам в Париже и Вене, которые давали возможность судить о действительных намерениях прусского короля, остававшихся тайной даже для его собственных послов. В числе переданных австрийским чиновником документов была и секретная переписка графа Бролье, руководителя «секрета короля». А Бролье был давним врагом рода Роганов… Обрадованный посол поспешил переслать «изменническую» корреспонденцию Бролье в Париж. Однако вместо того, чтобы сослужить службу Людовику XV, неловкий Роган, кажется, свел в могилу своего больного повелителя, тяжело воспринявшего это разоблачение «секрета короля», который столь долго сохранялся от французского министерства иностранных дел, хотя он давно уже перестал быть тайной для австрийского канцлера Кауница.

Свидание в гроте Венеры

Предреволюционные годы во Франции видели необычный феномен — использование отдельными лицами своего рода частной разведки при дворе для заведомо преступных,

уголовно наказуемых деяний. Речь идет не о многочисленных высокопоставленных казнокрадах, использовавших хорошее знание закулисных сил и влияние при дворе для осуществления разных махинаций. В истории, о которой пойдет речь, точное представление о взаимоотношениях королевы с ее придворными было использовано для столь ловкого грабежа, что жертвы его далеко не сразу поняли, насколько ловко их провели.

Суть этого дела была очень простой. Аферистка Жанна Ламотт, именовавшая себя графиней, убедила впавшего в немилость кардинала Рогана, что есть верное средство вернуть утерянную благосклонность королевы Марии-Антуанетты и находившегося под влиянием своей супруги Людовика XVI. Королева, по словам Ламотт, хочет купить у парижских ювелиров Бессера и Бассанжа красивое колье, но ей сейчас неудобно просить у короля нужные для этого 1 600 тыс. ливров. Пусть Роган гарантирует уплату требуемой суммы несколькими взносами, королева получит ожерелье и будет, конечно, крайне благодарна услужливому придворному.

Позднее на допросе Роган утверждал, что инициатива целиком принадлежала Ламотт, обещавшей снискать ему милостивое расположение королевы. По показаниям Ламотт, дело обстояло совсем по-иному. Ей действительно представили ювелира, уговаривавшего ее купить колье, но она не проявила никакого интереса к этому предложению и мимоходом рассказала о нем кардиналу. Тот заинтересовался, узнал у нее адрес ювелира и через некоторое время якобы заметил:

— Я сделал хорошее дело… Это для королевы.

Жанна прежде всего попыталась — и с успехом — убедить Рогана в том, что является интимным другом королевы. Роган получал письма якобы от Марии-Антуанетты, в действительности подделанные Ламотт и ее сообщниками. Авантюристка даже устроила кардиналу вечером в Версальском парке, около грота Венеры, мимолетное свидание с «королевой», которая произнесла несколько благосклонных слов. Роган не разглядел в темноте, что роль Марии-Антуанетты исполняла во время этой встречи молодая модистка Николь Лега («баронесса д'0лива»), кстати сказать, не подозревавшая смысла разыгрывавшейся комедии.

Кардинал попал в ловушку. Драгоценность перешла в руки Ламотт, якобы для передачи королеве. Воровка пустила бриллианты в продажу. Но приезд ювелиров в Версаль — они хотят выразить радость, что их государыня обладает лучшим в мире колье, — разоблачает обман. Ламотт и ее сообщники схвачены, вслед за тем арестовывают и их жертву — Рогана. Попадает на скамью подсудимых еще один, пожалуй, самый яркий персонаж процесса — великий маг граф Калиостро — под этим именем скрывался итальянский авантюрист Джузеппе Бальзаме.

В 1785 г. Калиостро приобрел в Париже дом, который роскошно обставил как жилище чародея: «универсальные» молитвы, начертанные на стенах золотыми буквами, зал, салоны, где Калиостро давал банкеты, на которые приглашал аристократов, а также известных писателей и ученых. Там стояли и пустые стулья для знаменитых мертвецов — Монтескье, Вольтера, их тени из загробного мира давали ответы на вопросы потрясенных гостей.

Узнав, что Роган желает с ним познакомиться, Калиостро ответил:

«Если кардинал болен, пусть придет ко мне, и я его излечу; если он здоров, то мы друг другу не нужны». Роган явился к Калиостро, сделался его восторженным поклонником и рекомендовал всей парижской знати. Советник Рогана слывет заклинателем духов, обладателем «эликсира жизни», дающего бессмертие (Калиостро любил говорить о себе, что был знаком с Иисусом Христом), человеком, безошибочно угадывающим будущее. Он не сумел лишь предсказать Рогану мошенничество Ламотт. Итальянец, годами дурачивший многих людей, на этот раз, по-видимому, так же был обманут, как и кардинал. Но этому мало верили даже те, кто не очень доверял магической силе графа. Ламотт уверяла, что Калиостро был главным организатором кражи бриллиантов.

Чтобы окончательно подчинить своему влиянию Рогана, Калиостро продемонстрировал опыт магнетизма. Для этой цели привлекли молоденькую племянницу Ламотт, некую де ла Тур. «В комнате кардинала были зажжены двадцать свечей. У постели был поставлен экран, перед ним стол с факелами и графином чистой воды. Калиостро вынул шпагу, положил ее на голову коленопреклоненной девушки и начал с ней разговор, который она заучила раньше на одном из сеансов.

— Приказываю тебе, — сказала она Калиостро, — именем Михаила и Великого Кофта показать мне то, что я хочу видеть.

— Малютка, — ответил Калиостро, — что ты видишь?

— Ничего.

— Топни ногой. Кого ты видишь?

— Никого.

— Топни еще раз. Не видишь ли ты высокой женщины в белом? Знаешь ли ты королеву? Узнаешь ли ее7

— Да, я вижу королеву.

— Посмотри сюда, я возношусь на небо. Видишь ли меня?

— Нет.

— Топни ногой и скажи: «Я приказываю именем Великого Кофта и Михаила…». Видишь ли ты королеву?

— Да, я вижу ее».

После этой церемонии девушка созналась Ламотт, что Калиостро научил ее говорить таким образом. «Когда ангел меня целовал, на самом деле я целовала свою руку, как мне приказывал граф». Девушка все же уверяла, что с ней случилось нечто необыкновенное и что, когда сдвинули графин, она действительно увидела королеву. Кардинал в экстазе целовал руки мага и называл его великим человеком.

Таким образом, по версии Ламотт, шарлатанство не обошлось без гипноза и имело целью втянуть кардинала в операцию с покупкой ожерелья. Викарий кардинала, присутствовавший при опыте, добавляет:

«Он[17] стал на свой треножник и начал египетские заклинания. Оракул произнес, что сделка вполне достойна князя, что она будет иметь полный эффект и что после нее взойдет солнце над Францией и над всем человечеством, причем все это случится благодаря редким талантам кардинала».

Сам Калиостро на допросе утверждал нечто другое: он проделал этот опыт, уступая настойчивым просьбам Жанны, по ее словам, часто бывавшей у королевы, и кардинала, присоединившегося к этим просьбам. Чтобы отделаться, Калиостро приказал привести какого-нибудь ребенка; на другой день Жанна пришла с племянницей.

Суд признал виновной одну Ламотт.

Скандал, вызванный свиданием в гроте Венеры, потушить не удалось. Поскольку дело об ожерелье получило огласку, в него активно вмешались французская официальная дипломатия и тайная агентура за границей. Для французского двора стало задачей первоочередной важности захватить всех участников кражи, чтобы доказать невиновность королевы. Поэтому не жалели ни усилий, ни денег, но добраться до находившегося в Англии мужа Жанны было трудно. А только он мог дать показания, куда исчезла большая часть бриллиантов. В связи с этим французский посол в Лондоне граф Адемар был чрезвычайно обрадован, когда получил из Эдинбурга помеченное 20 марта 1786 г. письмо от некоего итальянца Франсуа Беневента, именовавшегося Дакоста, «учителя иностранных языков».

В этом письме Беневент предложил обеспечить тайный увоз из Англии не только Ламотта, но и находившихся у него бриллиантов. За свои услуги сей педагог, который уже достиг почтенного возраста — 70 лет, запросил ни много ни мало как 10 тыс. гиней, то есть 260 тыс. ливров. Ламотт действительно был хорошо знаком со старым итальянцем, который в обмен за некоторое вознаграждение согласился выдавать «графа» за своего племянника (Ламотт опасался, что его разыскивает английская полиция).

Несмотря на чудовищную сумму, запрошенную итальянцем, Адемар счел предложение приемлемым и поспешил переслать письмо Беневента Марии-Антуанетте, которая быстро добилась согласия короля. 4 апреля министр иностранных дел сообщил Адемару, что Беневенту можно заплатить в виде аванса 1 000 гиней и дать твердые гарантии в отношении остальной суммы, которую тот получит, как только Ламотт будет находиться под стражей в любом из

[17] Калиостро. — Е.Ч.

французских портов. Адемар известил Дакоста, что его предложение принято, и возложил организацию похищения на первого* секретаря посольства Сибиля д'Арагона. Секретарь, в прошлом офицер, был человеком действия. Он быстро составил план. Беневент должен будет убедить Ламотта покинуть Эдинбург якобы потому, что там оставаться долее весьма небезопасно. После этого итальянец приедет с Ламоттом в Ньюкасл, где будет нетрудно убедить «графа» посетить расположенный неподалеку порт Шилдс. К этому времени за Дакоста и Ламоттом будут следовать два тайных французских агента. Двое других людей д'Арагона прибудут морем в Шилдс на небольшом судне с надежным экипажем. Это судно не могло вызвать ни у кого подозрение, поскольку из Шилдса вывозилось за границу большое количество каменного угля. Беневент даст «графу» снотворного, Ламотта быстро перенесут на корабль, и вскоре он уже будет в руках французского правосудия.

29 апреля Беневент сообщил из Эдинбурга, что на днях известит о своем отъезде вместе с Ламоттом в Ньюкасл, куда они действительно отправились. В Лондон спешно прибыли выделенные для выполнения секретной миссии французские полицейские инспекторы Кидор и Гранмезон. Узнав только от д'Арагона о возложенном на них поручении, полицейские чины отнюдь не пришли в восторг. Им явно не улыбалось быть повешенными в Англии в случае неудачи плана. Однако до этого дело не дошло. Оказалось, что еще меньше эта перспектива устраивала Беневента, уже получившего аванс. При встрече с французами он выдвинул множество предлогов для отказа участвовать в похищении. Кроме всего прочего, «граф», по словам итальянца, заподозрил опасность и не пожелал ехать в Шилдс. На деле, по всей вероятности, Беневент предпочел признаться во всем Ламотту и поделиться с ним полученными деньгами. Возможно даже, что весь план заранее был разработан самим Ламоттом, который в таком случае оказался достойным учеником своей жены. Казалось бы, все ясно, и все же… Была ли королева как-то связана с Ламотт? Мария-Антуанетта это категорически отрицала, и ранее многие историки были склонны поверить этому. Теперь большинство исследователей считают, что королева лгала. Как отмечал Ф. Эрлан-же, ко времени «дела» 29-летняя Мария-Антуанетта имела уж очень сомнительную репутацию и была знакома с подозрительными личностями. Во время обыска у Ламотт был обнаружен ларец с миниатюрным портретом Марии-Антуанетты, который явно был подарен мнимой графине. Было заранее предписано изъять эту шкатулку, то есть явную улику, свидетельствующую о том, что авантюристка пользовалась милостивым расположением королевы. Роган мог наблюдать, как Ламотт выходила из дворца Габриэль в сопровождении одного из камердинеров, которого в действительности изображал любовник Жанны аферист Рето де Вильет. По официальной версии, Жанне помогала подкупленная консьержка. Но возможно предположить, что Жанна действительно несколько раз побывала у королевы.

19 мая 1786 г. Мария-Антуанетта писала французскому послу в Вене Мерси-Аржанто (письмо это сохранилось в австрийском государственном архиве): «Барон[18] расскажет Вам о моих мыслях, особенно относительно того, чтобы ничего не говорить о свидании и о галерее, он объяснит Вам причины этого». Отчего Рето де Вильет заведомо неправильно подделал подпись королевы («Мария-Антуанетта французская») в подложном письме, в котором содержалось обязательство об уплате ювелирам 1600 тыс. ливров за ожерелье? На суде Рето утверждал, что Мария-Антуанетта боялась дать письменную гарантию погашения долга и Роган приказал поэтому, чтобы не компрометировать королеву, изготовить явно неправильную подпись, рассчитывая, что ювелиры-иностранцы не заметят обмана. Это более вероятно, чем то, что столь откровенный подлог ускользнул от внимания кардинала. После ареста Рогану разрешили написать аббату Гоцжелю, чтобы тот немедля до обыска сжег переписку кардинала. Читатель, наверное, помнит сцену в «Женитьбе Фигаро» (пьеса издана в том же 1786 г.), где Сюзанна на тайном свидании играет роль графини — с полного ее согласия. Бомарше был осведомленным человеком, и вряд ли в этой сцене не содержался намек, понятный современникам.

Ламотт открыто бросила в лицо Рогану, что ни им, ни ею не было произнесено ни слова

---

[18] де Бретей-министр двора и смертельный враг Ро-гана. — Е.Ч.

правды на суде. Высказывается предположение, что королева сама инсценировала это «дело», чтобы выставить смешным ненавистного кардинала. Если это и так, то она, конечно, не предусмотрела большого морального ущерба, который был нанесен «делом» об ожерелье французской монархии. Через несколько лет Мирабо даже назвал историю похищения колье прологом Великой французской революции.

Измена в Вест-Пойнте

Джордж Вашингтон, главнокомандующий войсками американских колонистов, сражавшихся за независимость, против Англии, отлично понимал значение разведки. Еще в юношеские годы, участвуя волонтером в англо-французской войне, он стал свидетелем поражения, которое 13 июля 1755 г. понесли английские войска под командованием генерала Брэддока около форта Дюкена (на месте, где впоследствии возник город Питтсбург). Поражение было следствием того, что Брэддок не имел понятия о силах французов, оборонявших форт.

Когда же через два десятилетия, в начале войны за независимость, Вашингтон стал во главе войск колонистов, он сразу же предпринял попытку создать собственную разведывательную службу. Первым из его разведчиков был, очевидно, знаменитый Натан Хейл, которого англичане поймали и казнили в сентябре 1776 г. Хотя имя Натана Хейла уже стало легендарным, почти ничего не известно ни о цели переброски его в тыл врага, ни о том, чего ему удалось достигнуть.

Когда разведывательная служба колонистов получила некоторое развитие, Вашингтон поручил ее дальнейшее усовершенствование майору Бенджамину Толмеджу (Джону Баттому). Майор отобрал нескольких лично знакомых ему людей в Нью-Йорке и других районах, занятых тогда английскими войсками. Обычно агенты, действовавшие в одной местности, были старыми друзьями — таким образом Толмедж надеялся наладить сотрудничество своих людей и получить уверенность, что в случае ареста и гибели одного из них все остальные будут с удвоенным рвением продолжать работу, чтобы отомстить за друга. Первые агенты Толмеджа учились вместе с ним в Йельском университете. Хотя это были лица, ранее совершенно незнакомые с разведкой, большинство из них сумело быстро освоиться со своей новой деятельностью. Все они имели конспиративные имена, и никто даже в американском лагере, помимо майора, не знал их подлинных фамилий.

Наиболее успешно действовал Роберт Таунсенд из Нью-Йорка, фигурировавший под именем Самуэля Калпера-младшего. Таунсенд организовал торговую фирму по доставке продуктов в Нью-Йорк от фермеров окрестных районов. Помещение, которое занимала его фирма, было все время полно покупателями, в том числе английскими военными и их женами. В разговорах, которые никто не думал держать в секрете, проскальзывало немало полезной военной информации. Таунсенд ее записывал и пересылал в штаб Вашингтона. Два других разведчика — Авраам Вудхал (Самуэль Калпер-старший) и Остин Рой соответственно выполняли роли «почтового ящика» и курьера. Рой, живший в Нью-Йорке под видом служащего фирмы Калпера, доставлял донесения Вудхалу, который обосновался за городом. Получив информацию, Вудхал спешил развесить на веревках в определенном месте и заранее условленным образом нижнее белье. Это было сигналом, что все в порядке, и второй курьер Брюстер, лодочник по профессии, переправлял собранные сведения Толмеджу или одному из его доверенных лиц. При этом использовался довольно громоздкий код, требовавший специальных справочных книг для шифровки и прочтения донесения. Одни буквы заменяли другие, различные фигуры означали название места, имя или просто определенные слова. Так, цифрой 711 обозначался генерал Вашингтон, 712 — английский генерал Клинтон, 745 — Англия, 592 — корабли.

Вашингтон очень нуждался в информации, поступавшей от Таунсенда и его друзей, и специально приказал, чтобы ее передавали ему немедленно после получения. Толмедж лишь один раз отчасти нарушил этот приказ. Майор не вручил генералу Вашингтону, как это имел привычку делать, нераспечатанным очередное послание от Самуэля Калпера-младшего, а сам прочел его и даже задержал на какой-нибудь час. Из-за этой незначительной задержки

произошли события, имевшие чрезвычайное значение для армии колонистов.

Английские войска заняли небольшой городок, где родился Роберт Таунсенд. Там ему принадлежал дом, который находился на попечении его сестры Сары. В этом доме поселились английские офицеры, в том числе полковник Симко. Сара Таунсенд знала о том, что ее брат стал разведчиком армии колонистов, и пыталась оказать ему всю возможную помощь. Делая вид, что руководит слугами, которые подавали обед английским офицерам, Сара старалась ничего не пропустить из того, о чем говорилось за столом.

Однажды — это было вечером в конце августа 1780 г. — полковник Симко беседовал с недавно прибывшим знакомым. Это был майор Андре, натурализовавшийся в Англии сын швейцарского купца. Поступив в английскую армию, Андре быстро продвинулся по службе. Сейчас он был уже генеральным адъютантом британских экспедиционных войск в Северной Америке и доверенным лицом генерала Клинтона. Все это побудило Сару Таунсенд с особым вниманием прислушиваться к беседе двух офицеров, которая, впрочем, не содержала ничего особенно важного. Однако, когда ужин был еще далеко не кончен, произошел странный случай. Было доставлено письмо на имя Джона Андерсона. Сара, естественно, спросила Симко, не знает ли он кого-либо, кто носит это имя. Тогда Андре неожиданно заявил, что ему это известно, и спрятал письмо в карман. И что еще более странно — внимательный глаз хозяйки скоро заметил, что Андре никому не передал это письмо, а сам вскрыл и прочел его. Это происходило, когда офицеры пили кофе и вели разговоры об американской крепости и главном военном складе Вест-Пойнте.

Сара Таунсенд разумно решила, что все это должно заинтересовать ее брата. Она попросила одного из квартировавших в ее доме офицеров, капитана Даниеля Юнга, переслать в Нью-Йорк со своим ординарцем пакет в фирму, поставлявшую продукты питания. Галантный капитан, конечно, не мог отказать в исполнении такой просьбы красивой девушке, тем более что продовольствие было нужно Саре, чтобы кормить полковника Симко и его офицеров. Сара Таунсенд передала солдату запечатанный пакет. Подразумевалось, что в нем содержался перечень необходимых продуктов… Сразу же после получения письма сестры Роберт Таунсенд направил его обычным путем Толмеджу.

Но за полчаса до того, как оно достигло начальника разведки, майор получил другое письмо. Оно было подписано командиром Вест-Пойнта генералом Бенедиктом Арнольдом. Он сообщал, что, вероятно, к нему должен прибыть его близкий друг Джон Андерсон, который не знаком с местностью. Начальник Вест-Пойнта очень просил послать для сопровождения мистера Андерсона нескольких драгун.

Фактическим главой секретной службы Англии был заместитель лорда Сеффолка Уильям Идеи (впоследствии известный также под именем лорда Окленда). Честолюбивый трезвый политик, обладавший недюжинным умом и редко изменявшим ему чутьем, Иден не был все же способен осознать необратимость процесса освобождения английских колоний из-под власти метрополии. Он считал, что сохранение над ними контроля какого-либо европейского государства неизбежно и что Англия при проведении соответствующей политики имеет шансы остаться такой державой-метрополией. Иден разделял близорукое мнение лоялистов, что с «мятежом» можно будет покончить умелым сочетанием кнута и пряника, причем «пряником» должны были служить не только уступки политического и экономического характера, но и прямой подкуп руководителей повстанцев. Так думал не только Иден. Это был, так сказать, естественный ход мыслей английского политика, привыкшего действовать в парламенте, где все имело цену — голоса избирателей «гнилых местечек», сохранявших со средних веков право посылать депутатов в палату общин, голоса самих парламентариев, продававшихся оптом и в розницу. Коррупция была методом управления, а возможность раздавать пенсии, синекуры, взятки и, конечно, дворянские титулы — источником власти. Недаром незадолго до начала войны за независимость Франклин, хорошо знавший английские порядки, говорил, что, «если бы Америка сэкономила деньги, которые она за три или четыре года тратит на модные английские предметы туалета и украшения, она смогла бы купить весь парламент, всех министров и еще кого угодно».

Стратегия и тактика английской секретной службы определялись во многом расстановкой классовых и политических сил в восставших колониях. Дело в том, что против разрыва с

Англией были значительная часть крупной торговой буржуазии, богатых землевладельцев, высшего духовенства (особенно священников англиканской церкви — государственной церкви в метрополии), лица, связанные с британской колониальной администрацией. Они называли себя тори или лоялистами, народ именовал их предателями. Лоялисты оказывали влияние примерно на треть населения. От 30 тыс. до 50 тыс. лоялистов пополнили ряды английской армии и флота, не считая тех, кто вступил во вспомогательные отряды милиции. Сменявшие друг друга английские командующие, особенно генерал Клинтон, пытались воспользоваться и тем обстоятельством, что даже среди патриотов было немало людей, сохранявших традиционное почтение к британским властям. Оказывалось нетрудным делом с помощью угроз, лести, подкупа перетянуть этих людей на сторону Англии. (Клинтон писал: «Я не казнил ни одного вражеского шпиона, а находил им хорошее применение в качестве шпионов-двойников».)

Опасным английским агентом был доктор Бенджамин Черч. Пользуясь репутацией патриота, с первых дней участвовавшего в борьбе против колониальных властей, он стал главой медицинской службы в армии Вашингтона. Присутствуя на военных советах, Черч регулярно посылал отчеты о них английскому генералу Гейджу. Это продолжалось, пока не задержали его курьера — женщину, пытавшуюся проскользнуть в занятый англичанами Бостон. Она призналась, что послана Черчем. В штабе Вашингтона расшифровали найденное у нее донесение, содержавшее отчет о численности и вооружении американской армии. Вашингтон ограничился изгнанием Черча из армии, но Континентальный конгресс приказал арестовать его. Позднее Черча обменяли на американского врача, находившегося в плену у англичан.

Даже среди части крупной буржуазии и плантаторов, которая участвовала в борьбе против Англии, многие рассматривали эту борьбу лишь как удобный случай для того, чтобы нажиться на военных поставках и участии, в денежных и земельных спекуляциях. «Такого отсутствия чувства гражданского долга, — писал вождь армии колонистов Джордж Вашингтон, — такой спекуляции, такого множества всяческих ухищрений для получения той или иной выгоды… я никогда еще не видел и молю бога, чтобы никогда не быть свидетелем подобного и впредь». Все это не могло не вызвать возмущения среди солдат Вашингтона, получавших известия о том, как тяжко приходится их семьям. А в имущих верхах росло число тех, кто явно тяготился затянувшейся войной, с опаской поглядывал на вооруженные массы, среди которых бурлило глухое недовольство богачами и спекулянтами. Участились разговоры об опасности «господства черни», о том, что, быть может, еще не поздно найти приемлемое соглашение с англичанами.

Генерал Арнольд, бывший военным губернатором Пенсильвании, насмерть разругался с властями — исполнительным советом штата (а до этого — штатов Коннектикут и Массачусетс). Местные политиканы не без основания обвиняли генерала в нечистоплотных коммерческих сделках, в частности в том, что он использовал для личного обогащения армейские подводы. Генерал считал, что ему помешали вести выгодные торговые операции. Арнольд подал в отставку, — его не удерживали. Разбором дела занялся Континентальный конгресс. По вынесенному решению Арнольду было выражено лишь «неудовольствие» конгресса. Главнокомандующий войсками колонистов генерал Вашингтон учредил военно-полевой суд для рассмотрения обвинений Арнольда в совершении воинских преступлений. В январе 1780 г. суд признал Арнольда виновным в «неблагоразумных действиях» и присудил его к общественному выговору со стороны Вашингтона. Главнокомандующий объявил этот выговор в достаточно мягких тонах и закончил его выражением уверенности, что Арнольд снова проявит таланты командира на поле сражения, для чего ему будет предоставлена возможность, и опять завоюет уважение своей родной страны. Арнольд нисколько не был смягчен этими словами, тем более что конгресс отказался выплатить следуемое ему жалованье за прошлые годы, а настойчивость кредиторов быстро возрастала.

В оккупированном Нью-Йорке, где располагался штаб британского главнокомандующего генерала Клинтона, внимательно наблюдали за «делом Арнольда». Сэр Генри Клинтон даже регулярно сообщал о нем в Лондон. 17 февраля 1780 г. нью-йоркская «Королевская газета» посвятила большую статью тому, как конгресс обошелся с раненым героем:

«Генерала Арнольда до сих пор сравнивали с Ганнибалом, но, когда он лишился ноги на службе конгресса, тот счел генерала неспособным к дальнейшему проявлению его военных дарований и отдал на растерзание исполнительного совета Пенсильвании».

В обстановке, сложившейся в 1780 г., Клинтон не мог ожидать подкреплений из Англии, которая вела войну против нескольких сильных противников; тем больше надежд сэр Генри возлагал да свою секретную службу. А что могло быть лучше, чем привлечь на английскую сторону одного из наиболее известных американских генералов. Пока тучный брюзгливый Клинтон еще только размышлял об этом, его 27-летний энергичный начальник разведки майор Андре уже составил план действий. Молодой майор был светским человеком, считался дамским угодником и имел склонность к постановке любительских спектаклей. В месяцы, когда английские войска занимали временную столицу колонистов — Филадельфию, Андре познакомился с красивой актрисой Пегги Шиппен, на которой вскоре после того женился рано овдовевший генерал Арнольд. Майор продолжал поддерживать переписку с новой миссис Арнольд — это был один из возможных способов установления контактов с отставным генералом. Можно было для этой цели использовать многочисленных британских шпионов, вроде Меткалфа Браулера — спикера законодательного собрания штата Род-Айленд и священника Даниэля Хаттвела (прихожане, позднее узнавшие о таком совмещении обязанностей их духовным пастырем, весьма неделикатно бросили его в реку). Имелись опытные курьеры и «почтовые ящики», вроде Филиппа Скина и Биверли Робинзона. Впрочем, если Андре опередил в своих действиях приказы Клинтона, Арнольд успел опередить самого майора.

В Филадельфии на Фронт-стрит имелся небольшой магазин стеклянных и фарфоровых изделий, принадлежавший некоему Джону Стенсбери. Не было секретом, что этот купец был тори — сторонником подчинения бывшей метрополии. Но Арнольд знал больше: лавочник являлся одним из британских резидентов в городе. Арнольд, разумеется, под строжайшим секретом сообщил Стенсбери о своем намерении перейти на сторону англичан. Для передачи этого сообщения Стенсбери тайно отправился в Нью-Йорк и поспешил передать Андре важную новость. Обрадованный майор сразу же положительно ответил на вопросы Арнольда: да, англичане собираются воевать до победного конца и готовы щедро вознаградить тех, кто окажет им важные услуги, — вознаградить за потери, которые понесут эти люди ради службы британской короне. Что же касается лично Арнольда, то ему целесообразнее пока оставаться в лагере колонистов и снабжать британское командование нужной информацией. Стенсбери привез и перечень того, что особенно интересовало штаб Клинтона: кого из влиятельных политиков можно перетянуть на сторону англичан, содержание дипломатической корреспонденции конгресса, дислокация армии, подготовка резервов, возможные пути и способы нанесения ударов английскими войсками, местонахождение военных складов и многое другое. Переписку с Андре было решено вести через Стенсбери. Письма предполагалось писать невидимыми чернилами и шифровать, причем ключом к коду должно было служить знаменитое сочинение английского юриста Блекстона «Комментарии к законам Англии». Первая цифра означала страницу, вторая — строку и, наконец, третья — слово в этой строке.

Одновременно было решено, что Андре будет продолжать внешне вполне невинную переписку с Пегги Арнольд, в которую можно было, как бы невзначай, включить нужные указания и информацию. По совету британского разведчика в «почтовый ящик» была превращена ничего не подозревавшая подруга миссис Арнольд, некая Пегги Чью. Пегги Арнольд и Андре посылали письма на адрес Пегги Чью, а та уже отправляла по назначению эти, как она считала, послания двух романтических влюбленных. Позднее наряду со Стенсбери майор Андре стал использовать и других курьеров, когда нужно было спешно получить информацию от Арнольда. В ответ шли обещания удовлетворить честолюбивые планы и растущие денежные притязания генерала, особенно если бы ему удалось перейти к англичанам, уведя с собой значительный отряд солдат. Шифрованная переписка все время содержала переговоры о размерах финансовой компенсации за предательство.

Войдя во вкус продажи государственных секретов, Арнольд все время мучился сознанием, что может продешевить. Возникала у него и мысль, является ли сэр Генри Клинтон наиболее выгодным и щедрым клиентом, не стоит ли поискать другого, не порывая связи и с первым.

Обуреваемый алчностью, Арнольд предложил свои услуги — в обмен на уплату долгов — не кому иному, как посланнику Франции — главного противника Великобритании, однако натолкнулся на вежливый отказ. У Франции, союзника Америки, не было особой нужды покупать втридорога сведения, которыми мог располагать отставной генерал.

Теперь решение Арнольдом было принято — постараться получить важный командный пост и после этого склонить на сторону англичан вверенные ему войска. Вашингтон согласился снова принять на службу Арнольда, хотя был очень удивлен его просьбой о назначении комендантом Вест-Пойнта — важного укрепления, где были сосредоточены крупные интендантские склады. Ведь этот пост давал мало надежды отличиться в бою и восстановить репутацию, к чему, как предполагал Вашингтон, стремился Арнольд. Но у того, как мы знаем, были совсем другие планы.

3 августа 1780 г. зачисленный снова в ряды армии генерал-майор Арнольд был назначен комендантом Вест-Пойнта. Он поспешил потребовать жалованье — в том числе за прошлые годы — и одновременно тайно известил Клинтона, что готов продать Вест-Пойнт за 20 тыс. ф. ст. Правда, осуществить такую крупную «негоциацию» сразу было нельзя, требовалась подготовка. Поэтому вначале Арнольд решил поторговать другими товарами. Он попросил командира французских волонтеров генерала Лафайета и своего предшественника по Вест-Пойнту генерала Гоу сообщить ему имена американских разведчиков, действующих в тылу англичан. Лафайет и Гоу благоразумно отказались удовлетворить эту просьбу. Все же Арнольд раздобыл список шпионов-двойников и отослал его Андре. Переписка, однако, была налажена скверно. Нетерпеливому и раздражительному Арнольду приходилось самому изыскивать курьеров и подолгу тщетно дожидаться ответа. Наконец в сентябре майор Андре решил самолично явиться для окончательных переговоров с комендантом Вест-Пойнта.

…Письмо Арнольда не могло вызвать никакого подозрения у майора Толмеджа, но только до тех пор, пока он не получил донесения Таун-сенда из Нью-Йорка. По какой-то случайности начальник разведки вскрыл этот пакет, прежде чем нести его главнокомандующему. Толмеджа поразило, что во второй раз на протяжении часа ему приходилось читать о том же Джоне Андерсоне, который, оказывается, был не кем иным, как английским майором Джоном Андре — начальником британской секретной службы в Америке. Само собой разумеется, возникал вопрос: зачем понадобилось британскому офицеру под вымышленным именем отправляться к командиру Вест-Пойнта, а генералу Арнольду проявлять такую озабоченность о безопасности этого тайного агента английского командования? Толмедж приказал задержать и допросить Андерсона.

Но майор Андре избрал другую дорогу. Он не очень доверял Арнольду и вообще был недоволен порученной ему миссией. Поэтому он не отправился сушей, как это советовал командир Вест-Пойнта, а добрался до места назначения по реке Гудзон на британском шлюпе «Хищник».

Переговоры майора с заломившим чрезмерную цену предателем продолжались до утра, когда их беседу прервала артиллерийская канонада: американская батарея стала обстреливать обнаруженный утром английский корабль, который должен был спешно убраться.

Посланцу генерала Клинтона пришлось переодеться в гражданское платье и вместе с проводником, которого ему предоставил Арнольд, двинуться по суше в обратный путь. За несколько миль от расположения английских войск проводник отказался идти дальше.

Андре пошел один и вскоре очутился среди солдат, одетых в британские мундиры. Он на всякий случай спросил, кто они. Последовала короткая пауза, после чего один из солдат сказал, что они из английского военного лагеря. Майор тогда сразу же объяснил, что он английский офицер из штаба генерала Клинтона. Его подлинная фамилия выгравирована на задней стенке его часов, а путешествует он под именем Джона Андерсона, причем паспорт на это имя был ему выдан генералом мятежников по фамилии Арнольд. Начальник небольшой группы английских солдат внимательно выслушал объяснения Андре, и, когда он для подтверждения своих слов показал часы со своей фамилией, его немедля арестовали. Андре наткнулся на американских ополченцев, которые нашли британские мундиры на ферме, поспешно покинутой противником. Быстро сообразив, что произошло, Андре попытался переиграть игру. Он со смехом объявил, что является американским офицером и старался проверить бдительность солдат, а часы он

просто взял с трупа убитого англичанина. Однако воины революционной армии оказались более сообразительными, чем считал английский майор. Они обыскали своего пленника и нашли обличающие документы, которые Андре запрятал в сапоги. Тщетной оказалась и попытка майора подкупить солдат крупной денежной суммой. Они доставили его к своему начальнику подполковнику Джемсону.

В то же утро генерал Арнольд и его жена принимали за завтраком штабных офицеров. Вскоре должен был приехать и сам главнокомандующий. Неожиданно принесли пакет: подполковник Джемсон не был в курсе планов Толмеджа и послал курьера информировать генерала Арнольда об аресте Андерсона. Арнольд извинился перед присутствовавшими и покинул их на минуту, попросив жену следовать за ним. Сообщив ей, как обстоят дела, и более не обращая внимания на упавшую в обморок женщину, он сел на коня и вскоре уже был в расположении английских войск.

После бегства Арнольд прислал письмо Вашингтону, где всячески восхвалял свое предательство как служение высшим интересам британской империи и требовал предоставления своей жене, якобы ничего не знавшей о его делах, возможности последовать за мужем. Много позднее изучение английских архивов доказало, что Вашингтон и его штаб ошибались, поверив в невиновность миссис Арнольд. Она была вполне в курсе всех изменнических переговоров, которые ее муж вел с англичанами. И истерические припадки, которые должны были свидетельствовать об испытанном ею потрясении, возможно, были лишь хорошо разыгранной комедией.

Арнольд получил чин английского генерала и «отличился» потом жестокими расправами с мирным населением. В качестве возмещения понесенных им имущественных потерь английское правительство выдало ему несколько тысяч фунтов стерлингов, которые послужили основой для его выгодных торговых операций. Умер он в 1801 г, в Лондоне богатым человеком, заслужив презрение и ненависть народа, которому изменил.

Напрасно англичане уверяли, что майор Андре явился по приглашению американского командования в лице генерала Арнольда и поэтому в соответствии с международным правом его следует рассматривать как парламентера и немедленно отпустить на свободу. Все попытки генерала Клинтона спасти своего начальника разведки оказались тщетными, и Андре был по приговору суда повешен в октябре 1780 г.

Д.К. Моурпэрго, автор книги «Измена в Вест-Пойнте. Заговор Арнольда-Андре» (Нью-Йорк, 1975 г.), философствовал: «Наиболее близкая историческая параллель с делом Арнольда — это поступок генерала Джорджа Монка[19]… Если бы заговор Арнольда увенчался успехом, его имя вошло бы в исторические сочинения как имя одного из истинно выдающихся людей в истории англосаксонских народов». А другой американский историк — Д.Т. Флекснер в почти одновременно изданной книге «Изменник и шпион. Бенедикт Арнольд и Джон Андре» (Нью-Йорк, 1975 г.) в таких лирических тонах завершил свой рассказ о «предательской троице»: «Коварная красавица, предатель и шпион, они приобрели бессмертие не только вследствие причиненного ими зла. Их имена не остались забытыми историей потому, что Пегги Шиппен была некогда честной и непорочной, потому что Джону Андре было свойственно благородство, потому что Бенедикт Арнольд одно время был героем. Чистое злодейство остается забытым, но мы сожалеем о сломанной шпаге, запятнанной чести и унизившей себя красоте».

Какой бы вред ни нанесла «предательская троица», самый опасный для американских колонистов шпион действовал за тысячи километров от территории, где происходили военные действия…

Дважды оплаченный патриотизм доктора Банкрофта

Еще во время своих визитов в Лондон для улаживания дел с д'Эоном Бомарше занялся,

---

[19] осуществившего реставрацию Стюартов в Англии в 1660 г. — Е.Ч.

как известно, шпионажем, посылая в Версаль подробные отчеты об английских планах в отношении бурливших от недовольства и вскоре открыто восставших британских колоний в Северной Америке. Бомарше, ранее находясь в Испании, подружился с британским послом в Мадриде лордом Рочфордом, который был страстным меломаном и обожал распевать дуэты со своим всегда любезным и занимательным приятелем-французом. Вернувшись в Лондон, Рочфорд вплоть до конца 1775 г. занимал пост министра, ведавшего американскими делами, да и после этого, оставаясь приближенным короля Георга III, был в курсе всех намерений и действий британского кабинета. Если меломания была еще извинительной слабостью для дипломата, то этого никак нельзя сказать о другой слабости Рочфорда — чрезмерной говорливости, которая позволяла Бомарше без труда выуживать у него секреты британской политики. Одновременно Бомарше завязал связи с агентами колонистов в Лондоне, которые с помощью оппозиционных кругов в самой Великобритании пытались закупить и переправить за океан оружие, столь нужное американским революционерам.

Бомарше с категоричностью, делавшей честь его проницательности, сообщал в Версаль, что попытки Лондона достичь компромисса с колонистами окончатся неудачей, что конфликт неизбежен и что попытки подчинить силой восставших обречены на провал. Эти выводы, содержавшиеся в меморандумах, посланных Бомарше 21 сентября 1775 г. Людовику XVI и министру иностранных дел графу Верженну, несомненно оказали влияние на политику версальского двора. Именно с того времени Верженн стал оказывать денежную и всяческую другую помощь нескольким купцам в Нанте, которые должны были доставлять контрабандным путем оружие в британские колонии.

Первоначально эта тайная торговля не приобрела больших размеров, пока за нее не взялся Бомарше. Для этого Верженну при помощи Бомарше надо было рассеять опасения Людовика XVI. Мечтая взять реванш за поражение в Семилетней войне, в результате которого Франция уступила Англии свою колонию Канаду и большинство владений в Индии, Людовик вместе с тем боялся войны. Тем более неприятной для него была мысль о войне в поддержку американских колонистов, восставших против своего монарха, помазанника божьего. Правда, испанский король (тоже из династии Бурбонов, которая правила там с 1700 г.) Карл III предлагал своему племяннику Людовику XVI совместное выступление против общего врага, но и это не покончило с колебаниями недалекого и боязливого французского монарха. Верженн и Бомарше пытались сломить нерешительность Людовика XVI, подчеркивая, что Франция упустит счастливую возможность отомстить Англии, что Лондон может пойти на уступки колонистам, помириться с ними и с их помощью захватить богатые французские владения в Карибском, бассейне, являвшиеся тогда одним из главных производителей сахара. Но и это не переубедило короля, как и не сняло возражения министра финансов Тюрго, угрожавшего, что война может привести к полному экономическому банкротству. Поэтому Верженн предложил политику, которая сводилась к оказанию тайной помощи колонистам и обещанию в будущем заключить с ними военный союз с целью воспрепятствовать их примирению с метрополией. План Верженна встретил полную поддержку Испании. И в Париже, и в Мадриде надеялись, что затяжная война между Англией и восставшими колониями истощит силы обеих сторон к выгоде французского и испанского дворов. К тому же к Франции перейдет торговля с колониями, ранее сосредоточенная в руках Англии. Наконец, можно будет подумать и об отвоевании потерянных владений.

2 мая 1776 г. Людовик XVI, согласившись с планом Верженна, приказал выделить 1 млн. ливров для тайной помощи колонистам и предписал продавать для этого по низкой цене лишнее оружие, хранившееся во французских арсеналах. Покупателем выступила фирма «Хорталес и К*о* », которую возглавлял Бомарше под именем Дюрана и капитал которой был составлен из ассигнованного королем миллиона.

Английская разведка не сразу заметила новый этап, в который вступила французская политика поддержки колонистов. 1 мая, за день до подписания Людовиком XVI приказа о предоставлении для тайной помощи колонистам 1 млн. ливров из Парижа было отправлено донесение на имя лорда Уэймауса, преемника лорда Рочфорда на посту министра, относительно подозрительных вояжей французского писателя Бомарше в Лондон. За предшествовавшие 18 месяцев он совершил восемь поездок в Великобританию. По мнению английского агента,

Бомарше посещал Англию, чтобы добыть деньги для закупки оружия, которое собирался переправить колонистам. Эта информация могла только запутать английское правительство относительно планов версальского двора.

Получив деньги и королевское разрешение, Бомарше начал действовать с присущей ему энергией, которая преодолевала даже инертность и некомпетентность французской бюрократии. Переписываясь с американским делегатом Артуром Ли, Бомарше ни единым словом не упоминал, что фирма получила деньги из правительственных фондов. Предполагалось, что в обмен на оружие «Хорталес и К*о* » будет поставлена крупная партия американского табака.

В начале июля 1776 г. в Париж прибыл представитель колонистов Сайлес Дин — сын кузнеца, в прошлом школьный учитель, а позднее делец, преуспевший в торговых операциях. 4 июля Второй континентальный конгресс провозгласил независимость колоний, но эта новость вследствие медлительности тогдашних сообщений и британской блокады достигла Дина лишь через три месяца. Дин изображал богатого купца с Бермудских островов, впрочем, не очень искусно играя взятую роль. Верженн некоторое время колебался, принимать ли Дина. Дело в том, что английская разведка заранее узнала о его прибытии и британский посол в Париже лорд Стормонт выразил протест Верженну. Решившись все же принять Дина, Верженн предложил дальнейшие переговоры вести через первого секретаря французского министерства иностранных дел Жерара де Райвеналя. При этом и Жерар предпочитал письменно договариваться только о дате и месте очередной встречи и не рисковал подписывать свои записки Дину. А Верженн еще при первом свидании специально предостерегал американца против британских шпионов и советовал остерегаться всех англичан, находившихся во Франции.

По всей вероятности, даже сам многоопытный французский министр не подозревал, насколько своевременным было его предупреждение. Вскоре Сайлес Дин узнал, что вслед за ним, когда он ехал из Бордо в Париж, двигались двое джентльменов — сэр Ганс Стенли и сэр Чарлз Дженнинсон — английские разведчики, которым было поручено следить за действиями представителя колонистов во Франции. Дин поспешил сменить имя и гостиницу, в которой проживал в Париже. Еще через некоторое время Дин известил, что для наблюдения за ним прибыли из Лондона очень важные персоны — генеральный прокурор Уэддерберн и бывший министр лорд Рочфорд, не говоря уж о мелких агентах. «Все кафе, театры и другие общественные места кишат их эмиссарами», — писал на родину встревоженный Дин. Однако более опасным, чем все эти агенты, оказался человек, которому Дин по рекомендации своих американских друзей и советников считал нужным оказывать полное доверие, которого не заподозрили никто — ни Верженн, ни посол колоний — известный ученый Бенджамин Франклин, ни Джон Адаме и Томас Джефферсон, оба последних ставшие последовательно президентами Соединенных Штатов. Его заподозрил только Артур Ли, но тот настолько впал в шпиономанию, что его подозрения стоили очень мало. Истина вскрылась лишь более полувека спустя… Но об этом речь пойдет в дальнейшем, а пока вернемся к лету 1776 г.

Бомарше поспешил связаться с Сайлесом Дином. Верженн, намекнув американцу, что он может целиком полагаться на Бомарше, долгое время делал вид, что ему ничего не известно о деятельности фирмы «Хорталес и К*о* », которая заняла спешно отремонтированное здание «Отель де Голланд», где некогда размещался нидерландский посол. Если Дин и был новичком, путавшимся в сложных сплетениях европейской политики, то в вопросах торговли он оказался искушенным человеком. Где же видано, писал он в Америку, чтобы человек, который, подобно Бомарше, еще несколько месяцев назад скрывался от кредиторов, теперь ворочал огромными суммами. Это столь «необычный факт, что он перестает быть тайной», добавлял практичный американец.

К тому времени французское правительство ассигновало для тайной помощи американским колонистам уже два миллиона, миллион был ими получен от Испании и такая же сумма в виде кредитов от частных лиц — судовладельцев и купцов. Позднее последовали и новые миллионы из французской казны. За короткий срок, к октябрю 1776 г., в Марсель, Бордо, Нант и другие французские порты было доставлено обмундирование на 30 тыс. человек, 200 артиллерийских орудий, много тысяч ружей, большие запасы пороха, пушечных ядер и других

видов военного снаряжения. Были зафрахтованы восемь кораблей, благополучно, правда после длительных проволочек, доставившие это снаряжение колонистам. Только один из кораблей этого флота был перехвачен англичанами и то после выгрузки части товаров на острове Мартиника. Задержки были вызваны помимо разных бюрократических неурядиц резкими протестами лорда Стормонта. Дин пытался побудить к посылке кораблей в колонии и другие купеческие фирмы во Франции, Голландии и Германии, однако со значительно меньшим успехом. Колонисты терпели в первый период войны одно поражение за другим, и среди негоциантов находилось мало охотников рисковать своими капиталами в столь неверном деле. Постепенно положение изменилось. В 1777 г. уже более 100 французских кораблей участвовало в контрабандной доставке оружия колонистами. За годы войны «Хорталес и К*о* » предоставила Америке товаров на сумму 42 млн. ливров, большая часть которых осталась неоплаченной.

Дину приходилось принимать все решения самостоятельно. С Артуром Ли его разделяло личное соперничество, а связи с родиной были очень затруднены. Каждое письмо отправлялось в трех экземплярах на разных кораблях в надежде, что хотя бы одно достигнет цели. По дороге большая часть этих писем перехватывалась британскими шпионами или спешно выбрасывалась в море капитанами при приближении английских военных кораблей.

В декабре 1776 г. в Париж прибыл полномочный представитель колоний доктор Бенджамин Франклин, который принял на себя общее руководство действиями молодой американской дипломатии в Европе. Ученый с мировым именем, представлявший страну, которая поднялась на освободительную войну, Франклин был восторженно встречен во Франции, которая сама находилась в преддверии своей великой революции. Франклин умело использовал общественные симпатии и стремился их укреплять, печатая свои (разумеется, неподписанные) брошюры в защиту дела колонистов. Поддержка общественности была тем более нужна Франклину, что военные неудачи армии Вашингтона очень охладили Верженна. В Мадриде первым министром вместо дружественно настроенного Гримальди стал граф Флоридабланка, который не скрывал опасений, что новое американское государство, отстояв свою независимость, будет представлять опасность для испанских владений в Западном полушарии.

Однако, умело используя благоприятное отношение общественного мнения, что было очень необычно для той эпохи, Франклин вместе с тем должен был волей-неволей сосредоточить внимание на секретной дипломатии. А тайная дипломатия переплеталась с тайной войной в значительно большей степени, чем предполагал сам Франклин.

В то время как Сайлес Дин продолжал жить в гостиницах и вел свои якобы частные операции с «Хорталес и К*о* » и другими торговыми фирмами, в распоряжение Франклина в марте 1777 г. было предоставлено уютное здание, ставшее неофициальным американским посольством. А пост генерального секретаря этой небольшой миссии любезно принял на себя старый друг и ученик Франклина доктор Эдуард Банкрофт. Выходец из колонии Массачусетс, он давно уже поселился в Лондоне. В ученых кругах английской столицы весьма ценили Банкрофта не только как врача, но и как ботаника — знатока тропических растений, специалиста по естественным красителям. По инициативе доктора Франклина в 1773 г. Банкрофт был избран в Королевское общество — честь, которая редко оказывалась уроженцам колоний. Банкрофт занимал еще и другие почетные и выгодные научные посты. И тем более было похвально, что приобретенная известность не заставила его забыть интересы родины — он выступил с памфлетами, в которых горячо отстаивал дело колонистов. Так или примерно так рисовался облик Банкрофта и для публики, и даже для хорошо знакомого с ним Франклина, который нечасто ошибался в оценках людей. Мог ли Франклин предполагать, что памфлеты в защиту американской революции выходили из-под пера платного агента английской разведки? Банкрофт играл на бирже, и 1000 ф. ст., которые ежегодно уплачивала ему британская секретная служба, были очень нужны для его финансовых спекуляций. По сравнению с этими деловыми соображениями такие понятия, как верность родине или друзьям, представлялись доктору Банкрофту не заслуживающими внимания. Правда, он порой не был чужд и благородных порывов, оказывая своим знакомым землякам личные услуги, которые как будто прямо не диктовались интересами английской разведки. Впрочем, действительно ли не диктовались? Ведь такие поступки поддерживали общее представление о Банкрофте как об

испытанном человеке, на искренний патриотизм, бескорыстную преданность и помощь которого всегда можно рассчитывать в затруднительных случаях.

Когда Сайлес Дин направился в Европу, Франклин и другие руководители колонистов очень рекомендовали ему использовать помощь влиятельного и верного доктора Банкрофта. Едва прибыв в Бордо, Дин поспешил воспользоваться этим советом, написав длинное письмо Банкрофту. Достойный патриот ответил в самых теплых выражениях и действительно с тех пор не оставлял неопытного Дина своими заботами. Рекомендации Банкрофта представляли, по мнению Дина, такую ценность, что он по просьбе доктора добился оплаты этих консультаций американским казначейством. Доктор впоследствии не раз шумно досадовал, что выплата ему американским конгрессом компенсации за труд и опасности производилась далеко не регулярно. Надо признаться, что эти жалобы были не вполне основательными, если учесть, что сразу же после получения первого письма Дина Банкрофт настрочил о нем подробный отчет английской разведке, при этом потребовав и добившись солидного увеличения установленного ему оклада. Банкрофт просил Дина подробнейшим образом держать его в курсе всех действий, которые предпринимал американский представитель во Франции. В свою очередь, доктор сообщил Дину информацию о передвижении английского флота и планах правительства, исходившую из самых осведомленных кругов Лондона. Конечно, известия, посылавшиеся Банкрофтом, обычно успевали порядком устареть и иногда содержали неверные сведения. Но как обойтись без этого, когда с риском для жизни добываешь столь секретные данные? Все эти сведения Банкрофт переправлял Дину через французского поверенного в делах в Лондоне Гарнье, друга Франклина, так что с информацией Банкрофта могли уже совсем бесплатно знакомиться и в Версале, где очень ценили рвение и осведомленность почтенного ученого.

И вот теперь этот бесценный человек в Париже. Ему пришлось покинуть Лондон из-за преследований со стороны британских властей. Доктор некоторое время даже провел в английской тюрьме. Этот маскарад был частью тщательно продуманного плана английской секретной службы. В задачу Банкрофта входило подробно извещать своих нанимателей о ходе переговоров между Франклином и версальским двором, о французской помощи колонистам, об американских портах, о позиции Испании, об американских представителях в Вест-Индских колониях Франции и многих других подобных вопросах. Легко понять, какую ценность представляла такая информация для Лондона, стремившегося помешать заключению франко-американского союзного договора, и для британского адмиралтейства, старавшегося не допустить переброску оружия колонистам и уничтожить американские каперы, нарушавшие английское торговое судоходство. Мистер Уильям Иден осведомил Банкрофта, что готов получать копии всех сколько-нибудь важных документов, хотя все же предпочтительнее было иметь оригиналы.

Связь с Банкрофтом было поручено поддерживать другому крупному английскому разведчику — Полу Уэнтворту. Подобно доктору, выходец из колоний, родственник губернатора Уэнтворта, этот ловкий делец был именно тем лицом, которое привлекло Банкрофта на службу в британскую разведку. Роднила Уэнтворта с Банкрофтом и страсть к игре на бирже. Те 500 ф. ст., которые ему платили, сама по себе весьма солидная сумма, мало значили для богатого Уэнтворта. Он предоставил свои недюжинные способности и бесспорную находчивость в распоряжение Идена в обмен на обещание места в английском парламенте и особенно получение громкого дворянского титула. Иден вряд ли сообщил Уэнтворту, что ханжески благочестивый Георг III, от которого зависело такое пожалование, хотя и восхищался размахом работы, проделанной американцем, самого его считал спекулянтом и развратником.

Уэнтворт часто приезжал в Париж, изображая богатого прожигателя жизни, и получал от Банкрофта устные отчеты. Для конспирации даже при тайных встречах Банкрофта с Уэнтвортом и лордом Стормонтом собеседники именовали доктора Эдуардом Эдвардсом. Кроме того, еженедельно Банкрофт составлял письменное донесение. Оно наносилось на бумагу невидимыми чернилами, а между строк обычными чернилами писалось любовное письмо некоему «Ричардсону». После этого Банкрофт относил свою депешу в сад Тюильри и незаметно спускал на веревке на дно глубокого дупла букового дерева. Каждую неделю во вторник вечером у дерева появлялся агент британского посла, брал донесение и оставлял взамен очередные инструкции «мистеру Эдвардсу».

Отчеты Банкрофта относительно хода франко-американских переговоров позволяли лорду Стормонту выражать очень убедительные протесты. Они нервировали Верженна, но не очень путали планы Франклина. Быть может, даже наоборот — ведь его задачей как раз было довести дело возможно скорее до открытого конфликта между Лондоном и Парижем и выступлению Франции на стороне восставших колоний. Иначе обстояло дело с информацией, поставлявшейся Банкрофтом, о планах американских каперов — она являлась прямой помощью английскому адмиралтейству. Надо учитывать, что с помощью рейдов каперов из французских гаваней Франклин и Дин рассчитывали не только усилить оппозиционные настроения в Англии против войны, но и способствовать достижению главной цели — разрыву между Францией и Великобританией.

Протесты лорда Стормонта, опиравшегося на информацию Банкрофта, конечно, в известной степени связывали руки Верженну в оказании помощи колонистам, но мало способствовали улучшению англо-французских отношений. На пользу колонистам играли объективные факторы, оказывавшиеся неизменно более весомыми, чем усилия агентов Уильяма Идена. Не помогла даже установленная английской разведкой слежка за капитанами каперских судов.

Один из них, Джо Хайнсон, прибыл с секретным поручением в Лондон. Людей было мало, и выбор в этом случае пал на человека, являвшегося чем-то средним между шекспировским Фальстафом и традиционной фигурой любящего приврать старого морского волка. Недалекий, самовлюбленный хвастун проболтался своей домохозяйке о данном ему поручении, а та решила посоветоваться о доверенной ей тайне со своим духовным пастырем. Почтенная вдова Элизабет Джамп не подозревала, что этот молодой священник Вардилл родом из Нью-Йорка был доверенным агентом Идена, продавшись за 200 ф. ст. в год и обещание предоставить ему кафедру теологии в Королевском колледже (впоследствии Колумбийском университете). Однако если миссис Джамп не ведала о второй профессии Вардилла, то тот совсем не случайно взял вдову под свою духовную опеку. В гостинице Элизабет Джамп часто останавливались американские моряки, а будущему профессору была поручена слежка именно за этим беспокойным людом. Вардилл встретился с Хайнсоном и угрозой суда и виселицы, с одной стороны, и обещанием небольшой пожизненной пенсии, с другой, сумел склонить капитана к измене. Своим приятелям Хайнсон сообщил, что Вардилл пытался побудить его к предательству, но он отверг все угрозы и предложения. По заданию Вардилла Хайнсон должен был выполнить возложенную на него колонистами миссию — купить в Англии шхуну, которую можно было бы использовать для пересылки корреспонденции в Америку. Таким образом английская разведка надеялась заполучить оригиналы отчетов, которые Франклин собирался направить на родину. Предполагалось даже, что подобную операцию можно будет повторить не раз: заранее извещенное британское военное судно перехватывало бы корабль Хайнсона, конфисковывало бы документы, а сам капитан мог «вырываться из английского плена» и снова являться в Париж. В конце концов этот план рухнул по чистой случайности — Франклин решил использовать Хайнсона для других заданий, и семь британских кораблей тщетно поджидали встречи со шхуной под командой нового английского агента. Разгневанный Георг III писал Идену:

«Я всегда сомневался, можно ли хоть в какой-то мере доверять Хайнсону. Теперь я пришел к твердому убеждению, что он, как и любой другой шпион из Северной Америки, действует по наущению Дина и Франклина и сообщает информацию только для обмана». Иден не стал разубеждать короля, но сам придерживался совсем другого мнения. Посовещавшись с Уэнтвортом, он пришел к выводу, что Хайнсона можно будет еще использовать для большой игры. Фактический глава британской разведки задумал завербовать самого Сайлеса Дина и его деятельного помощника Уильяма Кармайкла. Хайнсону было поручено играть роль американского патриота, стремящегося к прекращению братоубийственной войны, и докладывать дважды в неделю об успехах секретарю лорда Стормонта. Попытки Хайнсона выступать в качестве посредника между сражавшимися сторонами вызвали лишь веселые насмешки у его приятелей-капитанов. Стормонт должен был сообщить в Лондон, что Хайнсон не пользуется доверием Франклина и Дина и поэтому мало что знает полезного.

Эта пессимистическая оценка не вполне оправдалась. Через некоторое время, в октябре

1777 г., Хайнсон встретил в Нанте капитана Фолджера, которому было поручено доставить секретные документы в колонии. Хайнсон, как только Фолджер отлучился на четверть часа, умело вскрыл его морской сундук и похитил переписку Франклина и Дина с французским правительством, а взамен засунул чистую бумагу. Фолджер обнаружил пропажу, только прибыв в Америку, и был посажен в тюрьму, где просидел три месяца, пока была установлена его невиновность. Хайнсон, похитив бумаги, поспешил в Лондон, и уже 20 октября Иден переслал выкраденные документы королю, добавив, что надо будет еще раз попытаться использовать отличившегося агента, пока его не раскроют. «Он честный мерзавец, — добавлял Иден, — и не дурак, хотя с виду кажется тупицей». Впрочем, Дин еще не знал о краже бумаг, но, получив известие о поездке Хайнсона в Лондон, заподозрил неладное. Вопреки надеждам Идена, использовать Хайнсона больше не удалось. Когда он вернулся в Париж, с ним почти никто не захотел иметь дело, хотя даже много позднее, уже после получения известия о краже бумаг у Фолджера, не было неопровержимых доказательств виновности капитана. Убедившись, что в Париже Хайнсон не может принести пользы, британская разведка отправила его на военный корабль «Кентавр», охотившийся за американскими торговыми судами. Какими-то путями Хайнсон раздобыл сведения о выходе в море одного такого судна, груженного оружием для колоний, и оно было захвачено англичанами.

Хотя Хайнсон еще ранее был забракован как человек, которому можно было бы поручить завербовать Сайлеса Дина и его помощника Кармайкла, сам этот план не был отставлен. Кармайкл упоминает в своих письмах, что его пытался подкупить какой-то английский агент, предлагая выступить сторонником компромиссного мира между колониями и метрополией. Этим агентом вряд ли мог быть Банкрофт — он рисковал быть разоблаченным, — хотя доктор усиленно ездил с Кармайк-лом в оперу, на маскарады, всячески втягивал в омут светских развлечений. К Сайлесу Дину был приставлен английской разведкой некий Ван Зандт, сын богатого торговца из Мэриленда, давнего знакомого американского уполномоченного. Находясь в Лондоне, избалованный купеческий сынок неожиданно перестал из-за превратностей военного времени получать денежные переводы от отца и стал легкой добычей сладкоголосого вербовщика — уже знакомого нам священника Вардилла. Правда, как раз в это время пришли наконец долгожданные отцовские деньги в Амстердам, однако Уильям Иден распорядился, чтобы молодой повеса так и не узнал об этой посылке и считал себя целиком зависящим от жалованья, которое ему выплачивала британская разведка. Принятый первоначально хорошо Дином, новый шпион под именем Джорджа Лаптона регулярно снабжал Лондон не только сплетнями, которые слышал за обеденным столом, но и обрывками сведений об американских каперах, некоторые из них в результате попали в руки англичан. Как подобает истинному сыну негоцианта. Лаптоп разбавлял подлинную информацию отдельными выдуманными деталями или просто пересылал в Лондон продукты самой чистой фантазии. В конце концов он вызвал подозрение Дина. В страхе перед разоблачением и спасаясь от кредиторов, Ван Зандт поспешил удрать из Парижа.

Английским шпионом был и секретарь Артура Ли майор Джон Торн-тон. Он вначале вкрался в доверие к Франклину, представившись благотворителем, пекущимся о быте американских военнопленных в английских тюрьмах. При этом Торнтон уверил, что знаком с премьер-министром лордом Нортом и может добывать важные военные секреты. Через Торнтона британская разведка подбросила Ли поддельные оперативные планы английского командования на 1777 г., прямо противоположные действительным планам. Эта фальшивка была в феврале спешно отправлена Артуром Ли за океан и способствовала многим успешным действиям английских войск. Ли послал Торнтона в Портсмут и Плимут разведать состояние английского флота. Торнтон вернулся с сообщением, будто флот находится в полной боевой готовности, что совершенно не соответствовало действительности и, возможно, было одной из причин, побудивших французское командование после начала войны с Англией отказаться от намерения атаковать британские эскадры. Убедившись, что Торнтон вовлечен в какие-то сомнительные, неугодные Ли финансовые операции, американский уполномоченный подыскал нового секретаря священника Форда. Стоит ли говорить, что и он был платным английским шпионом, причем об этом догадывались даже в Вирджинии, где он подвизался до того времени. Конгресс послал Ли специальное предостережение на сей счет. Ли игнорировал

предупреждение, а ведомство Идена настолько изучило слабости Артура Ли, что без труда устраивало своих агентов на работу к этому американскому уполномоченному, подозревавшему всех без исключения и обвинявшему всех, кто вызывал его недовольство или задевал и без того уязвленное тщеславие. Британская разведка подбирала людей, которых Ли направлял в Англию для сбора секретной информации и особенно всяких слухов, порочивших Франклина и Дина. К числу таких «агентов» Ли принадлежали английские шпионы братья Томас и Джордж Диггеры. Помимо выполнения приказов Идена братья проявляли и собственную инициативу — в краже доверенных им денег, которые предназначались для американских военнопленных. Близким к Артуру Ли оказался еще один английский шпион — его бывший школьный товарищ доктор Джон Беркенхаут. Еще накануне военных действий против повстанцев Беркенхаут был послан в составе специальной миссии лорда Карлаййля в колонии и занялся подкупом членов конгресса, причем действовал настолько беззастенчиво, что угодил, правда ненадолго, в тюрьму. Хотя личность Беркенхаута не вызывала ни у кого сомнений, Артур Ли продолжал поддерживать тесные связи с этим шпионом. Однажды Уэнтворт явился к Ли, которого не оказалось дома, и забрал его личную печать; с нее была снята точная копия.

Летом 1777 г. Ли отправился в Берлин, надеясь добиться поддержки Фридриха II. Английский посол Хью Эллиот подкупил слугу в гостинице, где остановился американец, и получил ключи от номера Ли. Эллиот лично в отсутствие Ли побывал в его комнате, похитил находившиеся там бумаги и поспешил в посольство. Там несколько человек принялись лихорадочно переписывать похищенные документы, а Эллиот тем временем вернулся в гостиницу и, изображая из себя путешественника, сочувствующего делу колонистов, встретил возвратившегося Ли и втянул в длинную двухчасовую беседу. Лишь в 10 часов вечера Ли поднялся к себе в комнату. Вскоре оттуда раздались вопли: «Разбой! Ограбление!» Между тем англичанин покинул отель, наскоро переоделся в посольстве и, прихватив документы, с которых уже были сняты копии, опять появился в гостинице. Он передал бумаги портье, сказав, что они были вручены ему каким-то незнакомцем, который после этого немедля исчез.

Атташе английского посольства Листон, загоняя лошадей, помчался в Гамбург, чтобы оттуда с первым кораблем добраться до Лондона. Подозрения в краже бумаг, естественно, пали на Эллиота. А тот со свойственным ему цинизмом и бесцеремонностью даже не отрицал этого, небрежно объяснив, что, мол, один из его слуг из чрезмерного усердия похитил бумаги, но он, как только узнал об этом, поспешил вернуть их законному владельцу. Даже в Лондоне были несколько смущены поведением Эллиота, хотя вполне оценили его рвение. В конечном счете буря улеглась, а Эллиот получил от правительства в виде подарка 500 ф. ст.

Как подсчитал один историк, к лету 1777 г. шпионы численно превосходили собственно дипломатов в Париже в соотношении 10:1.

Эффективность английской разведывательной службы сказывалась на политике континентальных правительств, действовавших, исходя из предположения, что они находятся под постоянным наблюдением британских шпионов. Когда Артур Ли отправился переодетым в костюм британского купца из Франции в Испанию, дружески настроенное к колонистам мадридское правительство задержало его на границе: оно уверяло, что не поддерживает никаких связей с «мятежниками», и опасалось, что о прибытии американского уполномоченного немедленно станет известно в Лондоне, а это повлечет нежелательные дипломатические осложнения.

На протяжении почти всего 1777 г. из Америки поступали сообщения об успехах только английских войск, и политика правительства Людовика XVI в отношении колоний приобретала все более нерешительный характер. С одной стороны, правительство не препятствовало расширявшемуся вывозу в колонии оружия, боеприпасов, обмундирования и покупке по дешевке французскими купцами захваченных американскими каперами английских судов. С другой стороны, под давлением протестов лорда Стормонта часть американских капитанов и матросов была арестована. Учитывая, что Франция пыталась не допустить открытого разрыва, британская дипломатия усилила нажим. Параллельно английская секретная служба по приказу Георга III решила прибегнуть к шантажу. Для этой цели был использован английский разведчик в Париже Натаниэль Паркер Форт, который поддерживал дружеские связи с главой

французского правительства Морепа. Форт доверительно сообщил своему Другу, что Англия, вероятно, в ближайшие дни объявит войну Франции, если версальский двор не примет требований, предъявленных лордом Стормонтом (запрещение приводить захваченные английские суда во французские гавани, выдача находившихся там трех каперских кораблей и т.д.). Встревоженный Морепа поспешил созвать совещание. В конечном счете английские требования были отчасти удовлетворены. Блеф удался, если учесть, что Лондон и не думал сам объявлять войну Франции и, напротив, всячески старался ее избежать. Более того, Георг III даже раздражался, когда читал отчеты Уэнтворта, который, ссылаясь на донесения Банкрофта, сообщал о надвигавшейся угрозе войны. Так, вскоре после того, как удалось заставить Париж отступить, Георг писал: «Два письма, полученные от мистера Уэнтворта, несомненно, любопытны. Однако поскольку Эдвардс[20] биржевой игрок и к тому же шпион-двойник, в его донесениях нельзя верить ничему, кроме того, что в его личные намерения входит побудить нас считать, что французский двор намерен начать войну. На деле же, безусловно, имеются серьезные основания предполагать, что эта возможность ныне является более отдаленной, чем мы могли предполагать шесть месяцев назад». Уэнтворт в этом королевском письме был также удостоен нелестных эпитетов…

Осенью 1777 г. сведения об успехах английской стороны стали приходить реже; наоборот, поступали известия об отдельных неудачах; начало выявляться, что британские планы уничтожения армии колонистов очень далеки от осуществления. В середине ноября Георг III приказал послать Уэнтворта в Париж, чтобы с помощью Банкрофта выяснить, не собирается ли Испания вступить в войну. Уэнтворт прибыл во французскую столицу крайне озлобленным на Банкрофта: они вместе спекулировали на бирже, и доктор не поделился выигрышем со своим компаньоном.

Дело заключалось в том, что Банкрофт, узнав об очередном поражении британской армии, приказал своему лондонскому поверенному играть на понижение английских ценных бумаг. Он, видимо, не учел, что все его письма тщательно просматривались в «черном кабинете», который функционировал под руководством начальника лондонского почтамта Энтони Тодда. Как-то раз Уильям Иден спросил Тодда, умеют ли его подчиненные подделывать письма и ставить фальшивые печати. Почтмейстер с гордостью ответил: возможно, в Англии среди молодежи имеются лучшие подделыватели, чем его ребята, но зато его — самые надежные, ведь он сам обучил их этому ремеслу. Действительно, «черный кабинет» Тодда сумел скопировать переписку Франклина с лидерами вигской оппозиции — лордами Шелборном и Кэмденом, Томасом Уолполом и др. Мы еще познакомимся с тем, как использовала английская разведка эти полезные сведения, а пока что вернемся к тому, что люди Тодда перехватили письмо Банкрофта и Уэнтворт узнал о проделках своего приятеля.

Банкрофта не смутило недовольство Уэнтворта — чего не случается в делах. Игра на бирже требовала новых средств, и доктор решил заставить раскошелиться обе воюющие стороны. Он отправил письмо комитету по иностранным делам американского конгресса с настоятельным требованием оплаты года беспорочной службы, а от Уэнтворта запросил за информацию о намерениях Испании 500 ф. ст. Уэнтворт отказал. Но ссориться дальше не было расчета, и Банкрофт сообщил: Испания пока еще не согласна вступить в войну на стороне колонистов. Вынужденный даром уступить столь ценные сведения, «Эдварде», в свою очередь, упрекал Уэнтворта и особенно лорда Стормонта в том, что посол в своих нотах протеста почти буквально повторял содержание бумаг, которые были списаны у Франклина и Дина Банкрофтом и оставлены в дупле букового дерева в саду Тюильри. Это обратило уже внимание и Верженна, и Франклина. Верженн заподозрил, что это дело рук Кармайкла. Банкрофт навел подозрения на секретаря Бомарше, но, очень опасаясь разоблачения, просил заранее британский паспорт на случай бегства и вмешательства английского правительства, если «мистера Эдвардса» арестуют французские власти. На этот раз визит Уэнтворта вызвал полное удовлетворение у Георга III, ведь он привез известие, что нет угрозы немедленного вступления Испании в войну.

[20] Банкрофт. — Е.Ч.

Однако через две недели дипломатическая обстановка резко изменилась: в конце ноября 1777 г. в Париж пришла весть о крупной победе колонистов под Саратогой — взятии в плен английской армии под командованием генерала Бургойня. В Версале теперь уверились, что Англии не выиграть войну против восставших колоний. Но Верженн, обрадованный тем, что его политика строилась на верном расчете, вместе с тем начал опасаться, что Англия пойдет на мир, признав независимость колоний, и Франция упустит свой лучший шанс в борьбе против главного соперника. Сразу же последовало обещание Версаля предоставить колонистам дополнительную субсидию в 3 млн. ливров и заключить союзный договор, от подписания которого правительство уклонялось целых полтора года. Разумеется, все действия версальского двора через Банкрофта становились немедленно известными в Лондоне.

По указанию премьер-министра Норта в начале декабря Уэнтворт снова отправился в Париж, на этот раз для переговоров с Франклином и Дином. Британский кабинет был теперь готов на любые уступки, кроме признания независимости колоний. Уэнтворт учитывал, что колонисты не подозревают, что он английский шпион, и рассматривают его как бывшего патриота, в начале войны перешедшего в лагерь лоялистов. Он рассчитывал прежде всего получить свежую информацию от Банкрофта, но того не оказалось в Париже — доктор спешно отбыл в Лондон для осуществления очередной биржевой спекуляции. Миссия Уэнтворта оказалась серьезной ошибкой британской дипломатии. Франклин, получив предложения Лондона, три недели уклонялся от встречи с британским эмиссаром. В то же время Франклин известил об этих предложениях Верженна и, усилив опасения французского министра, что примирение колоний и метрополии все же возможно, побудил ускорить заключение франко-американского союзного договора.

В канун Рождества в Париж вернулся Банкрофт. Он выиграл на бирже столько денег, что предложил Уэнтворту выплатить английской разведке все полученное от нее жалованье. Банкрофт, чувствуя, что Англия проигрывает войну, стал особенно опасаться разоблачения. Его страхи заразили и Уэнтворта, который начал бояться, что французские агенты, следившие за ним и пытавшиеся взломать его сейф, могут при случае прибегнуть и к удару кинжалом. В панике Уэнтворт сжег находившиеся при нем письма и даже просил уничтожить все его донесения, хранившиеся в ведомстве Уильяма Идена (эта просьба была оставлена без внимания). Он потребовал от Стормонта как-то легализовать его положение, добился приема у Верженна и поспешил убраться восвояси, не рискуя больше появляться в Париже. Вскоре произошло то, чему Георг III отказывался верить до последней минуты, — франко-американский договор стал фактом. И как следствие этого Франция, а вслед за ней Испания вступили в войну против Англии.

Положение Англии стало очень серьезным, шла речь о сохранении ее позиций как колониальной державы. Ведомство лорда Сеффолка и Уильяма Идена начало работать с удвоенной энергией. Как раз в это время английской разведке удалось достигнуть цели, к которой она тщетно стремилась, — привлечь на сторону Англии одного из уполномоченных американского конгресса — Сайлеса Дина. Обстоятельства, которые заставили Дина пойти на это отступничество, неясны. Известно, что Дин насмерть рассорился с Артуром Ли и его братьями, составлявшими влиятельный политический клан. В ноябре 1777 г. они добились принятия конгрессом решения об отзыве Дина, которое стало известным в Париже уже в следующем году. Его преемником был назначен Джон Адаме. Братья Ли публично обвиняли Дина в бесчисленных вымышленных преступлениях, за исключением одного действительного — установления связей с британской разведкой. Это тем более удивительно, что Ли бросал обвинения в шпионаже направо и налево всем, за исключением своих секретарей и помощников, которые действительно почти все без исключения были платными английскими агентами.

Роль змия-искусителя сыграл Уэнтворт (еще до своего отъезда из Парижа). Он намекнул Дину, что тот может получить крупный пост в английской администрации. Не клюнуло. Тогда Уэнтворт, отлично осведомленный Банкрофтом о делах Дина, нащупал другой, более эффективный путь воздействия на американского уполномоченного. Разведчику было известно, что, выполняя поручения конгресса. Дин не прекращал и собственных торговых операций. Вместе с крупным американским негоциантом Робертом Моррисом, пользовавшимся большим

влиянием в политических кругах колоний. Дин задумал создать вторую компанию типа «Хорталес и К*о* » с целью вывоза из Англии через Францию изделий для населения колоний, испытывавшего большую нужду в привычных британских товарах. Ожидавшееся вступление Франции в войну против Англии помешало осуществлению этого плана. Насколько можно судить по сохранившимся документам, Уэнтворт предложил Дину сделку на следующих условиях: создается — частично на казенные средства — Британская торговая компания, которая будет доставлять английские промышленные изделия в Нью-Йорк, занятый английскими войсками, и оттуда продавать либо передавать их людям, назначенным Дином и его братьями, также занимавшимися крупными торговыми операциями. Дин выразил согласие с этим планом и готовность, взамен получаемых услуг, сообщать в Лондон имевшуюся у него секретную информацию. Все это прямо следует из корреспонденции Георга III, лорда Норта и секретаря британского казначейства, относящейся к январю 1778 г.

В начале февраля Георг III писал своему премьер-министру, что сведения, поступающие от Бенсона (псевдоним Дина), «очень важны». В марте 1778 г., узнав об отъезде Дина на родину, король считал, что это надо использовать для достижения приемлемого мира с колониями. Новый английский агент отбыл вместе с французской эскадрой и с оригиналомфранко-американского союзного договора, который был ратифицирован конгрессом в начале мая 1778 г. Враги Дина добились того, что конгресс занялся расследованием его деятельности во Франции. Дина обвиняли в краже части французского займа, даже хищении денег, будто бы им самим посланных в Америку. Артур Ли и Джон Адаме присылали из Франции все новые обвинения. Однако по-прежнему никто (возможно, за исключением бывшего помощника Дина — Кармайкла) не подозревал о действительной вине Дина — сговоре с Полом Уэнтвортом и британской секретной службой. В конечном итоге конгресс счел обвинения против Дина необоснованными.

Через два года после своего прибытия на родину Дин снова уехал, уже в качестве частного лица, в Европу. Он был ожесточен преследованиями и тем, что конгресс не заплатил ему 12 тыс. ф. ст. за товары, купленные и посланные им в первые годы войны. Дин, обедневший и психически не уравновешенный, поселился в австрийских Нидерландах, в Генте. Из Гента Дин снова установил связи с англичанами — теперь он был широко известным человеком и мог продать свое имя. Как раз в это время английская разведка занималась фабрикацией подложных писем — вплоть до корреспонденции самого Вашингтона, — якобы конфискованных при захвате американских судов. По соглашению с английской разведкой Дин начал писать письма, призывавшие к примирению с британской короной. Они будто бы потом были перехвачены британскими кораблями. Георг III внимательно читал письма и очень одобрительно отзывался об их содержании. В бумагах Дина имеются его письма к Банкрофту и связанные с ними по содержанию письма к «Э. Эдвардсу», которые, возможно, содержат и какой-то зашифрованный текст. К этому времени Дин, видимо, уже знал о роли, сыгранной главным английским шпионом. Впрочем, может быть, ему и раньше было известно о деятельности «Эдуарда Эдвардса»? Категорический ответ на этот вопрос дать нельзя, главным образом потому, что бумаги Банкрофта более чем через полстолетия были сожжены его внуком, когда всплыла наружу правда о дважды оплаченном «патриотизме» достопочтенного члена Королевского общества.

Английская разведка считала Дина лишь наполовину своим агентом, ему платили только предоставлением права вывозить английские товары в колонии во время войны, чем занимались и многие американские купцы, не состоявшие в списках британской секретной службы. После окончания военных действий Дин поселился в Англии, где встречался с Бенедиктом Арнольдом, с которым познакомился еще в молодые годы, и пытался вместе с Банкрофтом возобновить различные торговые дела. Умер Дин в сентябре 1789 г. Известие о предательстве Дина вызвало чувство торжества у друзей Ли. Напротив, Франклин, сурово осуждая отступничество своего бывшего коллеги, по-прежнему ценил работу, проделанную Дином в пору их совместной борьбы в первые годы американской революции.

Интересно отметить, что письма Дина печатал во все еще занятом англичанами Нью-Йорке Джеймс Ривингтон, издатель «Ройял газетт» («Королевской газеты»). Торговым партнером Ривингтона в 1779 г. стал Роберт Таунсенд, который, изображая из себя лоялиста, на

деле был членом разведывательной организации «Калпера». Ривингтон не был осведомлен об этом. В свою очередь, Таунсенд тоже не знал, что Ривингтон с 1781 г. регулярно стал посылать донесения в штаб Вашингтону и одновременно дурачил английского губернатора ложными сведениями о планах главнокомандующего войсками колонистов. В результате Клинтон оставался в бездействии в Нью-Йорке, когда главная английская армия была окружена и принуждена к сдаче в Йорктауне.

Время от времени в США появляются и парадоксальные, бьющие на сенсацию книги о тайной войне в годы войны за независимость. Американский историк Сесил Кэрри в своей изданной в 1972 г. книге «Кодовый номер 72. Бен Франклин. Патриот или шпион» пытается опровергнуть традиционное представление о Франклине как о деятеле революции. Мнения его врагов отвергались как клевета, заявляет Кэрри, между тем стоит задуматься, не являются ли их оценки более соответствующими фактам, чем утверждения Франклина. И прежде всего мнения гордого и сварливого вирджинца Артура Ли. Его считают не просто человеком с тяжелым характером, а почти параноиком, но такие оценки опять-таки прежде всего базируются на том, что было сказано Франклином об этом очень мешавшем ему коллеге. В чем, однако, мешал Артур Ли Бенджамину Франклину? Он мешал его дипломатическим акциям во Франции и болел шпиономанией. Но ведь по крайней мере в отношении многих лиц подозрения Ли не оказались беспочвенными, и он не ошибался в главном — что американские представители были опутаны густой сетью английской агентуры. До революции Франклин глубоко увяз в спекуляциях и надеялся, что компания капиталистов, в которую он входил, получит во владения огромный земельный массив на Западе — колонию Вандалию. Быть может, Франклин рассчитывал при компромиссном исходе войны за независимость, имея заслуги перед английским правительством, добиться этого земельного пожалования? Одним из его коллег по этой компании был доктор Банкрофт. Американский историк считает, что другой соратник Франклина — Сайлес Дин сразу же по прибытии в Париж был завербован Банкрофтом и стал британским агентом. Окруженный шпионами, Франклин не принимал элементарных мер предосторожности в отношении секретной служебной переписки, на что сразу же обратил внимание тот же Артур Ли. Может быть, столкновения Франклина с Ли были порождены тем, что доктор со своими друзьями во время войны пытался извлекать доходы из каперских операций и из покупки оружия за счет французских субсидий и не хотел, чтобы вирджинец разобрался в этих махинациях? Джон Адаме — будущий президент США, — приехав в Париж на смену С. Дину, при первой же встрече с Франклином услышал массу упреков в адрес Ли. Однако Джон Адаме, вначале убежденный этими доводами, вскоре принял сторону Ли в его конфликте с Франклином. Анализ английских документов показывает, что в Лондоне строили расчеты на содействие «Моисея», или «э 72» (кодовое обозначение Франклина). Анализ действий Пола Уэнтворта показывает, что он исходил именно из этих расчетов, в частности, при встрече с Франклином в январе 1778 г. Это был лишь один из многих контактов Франклина с тайными эмиссарами британского правительства, о которых он лишь очень неполно уведомлял своих коллег. Даже после открытого перехода Сайлеса Дина на сторону англичан он воздерживался от прямого осуждения своего компаньона.

По мнению Сесила Кэрри, «Франклин стремился выиграть американскую революцию. Кто бы ни проиграл — Соединенные Штаты, Франция, Англия, он хотел выиграть», и он выиграл, по крайней мере в том смысле, что все порочащее его репутацию осталось неизвестным и он был всячески восхваляем и награжден соотечественниками, не ведавшими истины. Такова концепция Кэрри, являвшаяся формой протеста против ура-патриотического, восторженного тона прежних биографий Франклина « аналогичные критические работы появлялись и о других деятелях американской революции). Американский историк Д. Шенбран, автор монографии „Триумф в Париже. Подвиг Бенджамина Франклина“ (Нью-Йорк, 1976 г.), справедливо заметил, что книга Кэрри, „намеренно спорная и даже вызывающая.., в конечном счете непоказательная“, является своего рода противоядием в отношении некритической апологетики.

Кем же был Монтегю Фокс?

К 1780 г. сформировалась антианглийская коалиция. Международное положение Великобритании стало очень сложным. Не менее напряженная обстановка сложилась и внутри страны. Усиление народного недовольства грозно проявилось в выступлении трудящихся Лондона в начале июня 1780 г., получившем название Гордонова мятежа (по имени лорда Гордона, которого считали вождем восставших). Массовое движение, вылившееся в уродливую форму борьбы против предоставления прав католикам, было по существу выражением глубокого возмущения экономическим и политическим гнетом. Народ разрушил тюрьмы и выпустил на свободу арестованных, разгромил здания судов, дома крупнейших государственных сановников. Против повстанцев была двинута 10-тысячная армия; только через несколько дней правительству удалось подавить волнения. А еще через неделю, 16 июня 1780 г., к испанскому послу в Голландии виконту Эррериа явился приятного вида молодой английский джентльмен по имени Монтегю Фокс и попросил о встрече. Это свидание было непродолжительным, и уже через час Эррериа взволнованно вбежал в кабинет своего друга французского посла герцога Лавогийона.

34-летний герцог, принадлежавший к самым верхам французской знати, сравнительно недавно стал делать дипломатическую карьеру и мечтал заставить говорить о себе в Версале. Вначале это плохо удавалось — слишком опытным был его противник британский посол в Гааге Джозеф Йорк, 20 лет занимавший свой пост и опиравшийся на влиятельную про-английскую группировку в правящих и финансовых кругах Голландии. Сэр Джозеф создал в Голландии собственную разветвленную сеть шпионажа (независимую от разведки адмиралтейства). Лавогийон пытался следовать его примеру, хотя французский министр иностранных дел граф Верженн весьма скептически оценивал полезность этих действий. С тем большим интересом выслушал герцог рассказ взволнованного Эррериа о разговоре с Монтегю Фоксом. Этот англичанин словно послан самим провидением, чтобы Лавогийон смог преодолеть недоверие в Париже к своим способностям дипломата и разведчика, достигнуть действительно крупного успеха.

Монтегю Фокс, оказавшийся весьма образованным и любезным человеком, рассказал Эррериа и повторил, встретившись в тот же день с Лавогийоном, что он является представителем партии вигов, которая во главе с Чарлзом Фоксом, лордом Шелборном, герцогом Ричмондским и другими видными политическими деятелями решительно осуждала политику правительства Норта и требовала достичь соглашения с колонистами. Монтегю Фокс признался, что он переодетым принимал участие в Гордоновом мятеже. Когда толпа разгромила дом первого лорда адмиралтейства, Фоксу удалось овладеть рядом секретных бумаг. Вскоре он был арестован, брошен в Тауэр, но сумел бежать еще до суда. Спасаясь от преследования, эсквайр на первом же корабле уехал в Голландию, прихватив с собой нужные бумаги. Англичанин добавил, что готов передать их испанскому или французскому послу, и подчеркнул, что при этом не требует взамен ни одного пенса. Его цель, как и всей оппозиции, — создать максимальные трудности для кабинета Норта, сделать невозможным продолжение борьбы против колонистов, которая превратилась одновременно и в войну против европейских держав — Франции и Испании. Бумаги, которые привез Фокс, были действительно первостепенной важности. Они подробно перечисляли военные корабли и полки, которые включались в состав экспедиции, направлявшейся для занятия испанских колоний в Южной Америке, содержали инструкции соответствующим адмиралам и генералам, губернатору Ямайки. Даже беглое ознакомление с документами говорило об их подлинности; если же это была подделка, то подделка исключительно ловкая.

Эсквайр дал знать, что ему более чем понятны сомнения своих собеседников, и добавил, что настоящая цель его миссии совсем другая: драгоценные документы являются своего рода паспортом или верительными грамотами, которые должны ему, Фоксу, облегчить начало переговоров от имени оппозиции. Она готова знакомить Францию и Испанию с самыми важными военными и дипломатическими секретами британского правительства. О, конечно, нельзя каждый раз, переодевшись в костюм простолюдина, врываться в дом морского министра — первого лорда адмиралтейства лорда Сэндвича. Но оппозиция имеет своего человка — клерка в адмиралтействе, который будет снимать копии с нужных бумаг, их будут суммировать в Лондоне люди, сведущие в военном деле, и пересылать в распоряжение французского и

испанского правительств. Что оппозиция желает получить взамен? Конечно, не деньги (ее возглавляют многие из богатейших людей Англии), а на первых порах 4 тыс. ружей. Да, именно ружей. У оппозиции имеется план организовать вооруженное выступление против лорда Норта на юго-западе Англии, в Корнуэлле, народ которого говорит на диалекте, близком к языку французской Бретани, и тяготится зависимостью от правительства Лондона. В результате Норту придется уйти в отставку, виги придут к власти и поспешат заключить мир с колонистами, а также с Францией и Испанией.

Оба посла обещали подумать над предложением, переданным через эсквайра, и известить свои правительства, что они и поспешили сделать. Герцог Лавогийон, тщательно обдумав все, что ему сообщил Фокс, пришел к выводу, что тот говорит правду, — такой вывод было тем более приятно сделать, что документы, полученные от этого английского джентльмена, предоставляли наконец герцогу долгожданный случай показать себя на королевской службе. Фокс явился через два дня и попросил паспорт для поездки в Париж, чтобы лично передать графу Верженну предложения лидеров вигов. Лавогийон охотно пошел навстречу желаниям эсквайра и по его просьбе даже дал рекомендательное письмо к американскому послу в Париже Бенджамину Франклину.

Надо сказать, что Верженн с самого начала очень недоверчиво отнесся ко всему, связанному с именем Фокса. Хитрому министру Людовика XVI показалась очень подозрительной история похищения бумаг во время разгрома толпой дома лорда Сэндвича, который, казалось, должен был находиться под надежной военной охраной. Однако вскоре пришли более подробные известия о Гордоновом мятеже, и стало очевидным, что рассказ англичанина, по крайней мере в той части, в которой он поддавался проверке, несомненно соответствовал истине, — дом морского министра действительно подвергся разгрому и разграблению разъяренной толпой. Однако и после получения этих сведений, а также после встречи с Фоксом подозрения Верженна не рассеялись. В своих инструкциях Лавогийону он высказывал большие сомнения насчет того, способен ли «Дюмон» (так для конспирации именовался в переписке Фокс) выполнить свои обещания, имеет ли он действительно влиятельных друзей. Министр рекомендовал послу соблюдать величайшую осторожность. Соблюдать осторожность, но все же не прерывать завязавшихся связей.

Лавогийон опасался, что разочарованный крайне холодным приемом в Париже эсквайр может вообще отказаться от дальнейшего выполнения поручений британской оппозиции. Однако англичанин по возвращении в Гаагу явился к герцогу и даже между прочим сообщил, что к нему, Фоксу, обратился агент британского правительства с предложением щедрого вознаграждения, если он согласится выполнять поручения английской разведки. Эсквайр, разумеется, отверг это предложение. Его, видимо, не смущало недоверие Верженна. Он считал естественными сомнения при подобных обстоятельствах, тем более что у него, заметил Фокс, есть способ рассеять подозрения. Он обещал съездить в Лондон и вернуться с бумагой, подписанной руководителями вигов и уполномочивающей его на дальнейшие переговоры. Итак, Монтегю Фокс сам предлагал лучшее средство проверить, является ли он тем, за кого себя выдает. Было бы глупо не воспользоваться этим средством.

В середине августа 1780 г. Монтегю Фокс возвратился в Гаагу из лондонской поездки. Он привез документ, подписанный Чарлзом Фоксом, Шелборном и другими вождями вигов. Эта бумага уполномочивала эсквайра Вильямса Монтегю (псевдоним Монтегю Фокса) вести переговоры за границей с целью борьбы против «антиконституционных и тиранических мер правительства… и восстановления конституции». Вместе с тем подчеркивалось, что Фокс не должен делать никаких предложений или уступок без получения для этого дополнительных указаний от лидеров оппозиции.

Одновременно эсквайр привез копии ряда приказов морского министерства командующим британскими эскадрами адмиралам Роднею и Гири, а также сведения о состоянии английских доков и другие важные материалы. Вместе с тем Фокс выразил крайнюю озабоченность оппозиции тем, что начались сепаратные переговоры между Лондоном и Мадридом. Заключив мир с Испанией, правительство Норта ведь собирается с удвоенной энергией вести войну против Франции и утверждать тиранию в самой Англии. Французская дипломатия получила от мадридского двора сведения об этих переговорах, и ей было крайне

важно проверить их испанскую версию материалами, полученными из английских источников. Лавогийон не скрывал своего удовлетворения — бумаги были очень важными и позволяли наконец преодолеть ни на чем не основанный скептицизм Верженна.

В ходе дружеского разговора герцога с Монтегю Фоксом выяснилась одна пикантная подробность: англичанин, оказывается, приходился родней самому главному врагу Лавогийона — британскому послу Джозефу Йорку. Эсквайр с иронической усмешкой даже показал собеседнику письмо, в котором сэр Джозеф горько упрекал своего родственника за связи с французским и испанским послами, которые не остались не замеченными британской разведкой, и советовал, пока не поздно, поддержать правительство, как это подобает джентльмену и патриоту. Фокс, по его словам, вежливо ответил Йорку, что ему не нравится политика правительства и он будет действовать, как и прежде, исходя из своих убеждений.

Документы, привезенные Фоксом, произвели впечатление и на графа Верженна. Нет, министр отнюдь еще не избавился от своих подозрений, но все же считал случай слишком соблазнительным, чтобы пройти мимо него. Верженн поручил Лавогийону выплачивать Фоксу ежемесячно немалую сумму — 50 луидоров, разъяснить ему, что Франция не ставит целью подорвать позиции Англии как великой державы, и просить о присылке новой информации. Лавогийон передал это Фоксу, а тот обещал сделать все возможное для доставки нужных сведений. Эсквайра лишь беспокоило, как бы сэр Джозеф, убедившись, что его советам не вняли, не добился от голландского правительства выдачи своего родственника, как уголовного преступника — участника грабежей во время Гордонова мятежа. Нельзя ли было бы, между прочим спросил Фокс, как-нибудь пристроить его в штат русского, прусского или шведского посольств, что будет нетрудно при таких связях, которыми располагает герцог Лавогийон? Посол ответил, что это, к сожалению, никак невозможно осуществить. Англичанин не настаивал.

Вскоре Фокс снова съездил в Лондон и вернулся с письмом, которое ему послал один из видных вигов и в котором излагался ход англоиспанских переговоров. Через несколько дней — это происходило уже в сентябре 1780 г. — он предложил найти британских лоцманов для помощи французскому флоту в осуществлении десанта в Англии (подготовка к этому усиленно велась в то время). Фокс вызвался даже нанять лоцманов за собственный счет, если Лавогийон даст ему письменное обязательство возместить расходы.

Между тем герцогу пришлось заняться снова убеждением графа Верженна, у которого пробудилось прежнее недоверие. Отчет об англо-испанских переговорах показался ему слишком туманным, сведения военного характера — малоценными, просьба Фокса пристроить его в штат одного из европейских посольств — крайне подозрительной. Но все это были скорее придирки — не было никаких данных, которые свидетельствовали бы, что англичанин пытается обмануть своих французских контрагентов. Лавогийон, внутренне убежденный в беспочвенности сомнений Верженна, тем не менее прямо сказал Фоксу: Париж хотел бы получить дополнительные свидетельства, что эсквайр действительно действует в качестве агента оппозиции вигов. Фокс, как обычно, не возражал. Невозмутимого британца нисколько не оскорбляло недоверие, он понимал, что в такой ситуации нельзя возражать против просьбы предоставить самые безусловные доказательства лояльности. Конечно, привезенное им письмо относительно англо-испанских переговоров основано на слухах, но он надеется получить точную копию официального отчета британской делегации о ходе этих переговоров, а также данные о положении гарнизона Гибралтара, который в это время держали в блокаде испанцы и французы, о состоянии эскадры адмирала Гири и планах нападения на испанское побережье. Собственно, информацию о состоянии Гибралтара Фокс уже имел на руках и передал ее французскому послу. А через две недели, 1 октября. Фокс снова посетил герцога. На этот раз он привез целый ворох документов, и каких!

Здесь был меморандум, составленный министром лордом Хилсборо и подытоживавший содержание депеш, которые были получены в августе от английских уполномоченных, о ходе переговоров с Испанией; имелась копия новых инструкций, посланных лордом Хилсборо английским делегатам. В них, в частности, говорилось, что правительство не считает возможным уступить Гибралтар во время, когда внутри страны столь усилилось брожение. Иначе говоря, англичане, вопреки тому, что они заявляли ранее, все же считались с

возможностью позднее передать Гибралтар Испании как плату за отход от союза с Францией. Наконец, Фокс привез несколько весьма важных документов о составе английских эскадр, вооружении кораблей, о планах прорыва франко-испанской блокады Гибралтара, о строительстве новых военных судов. Короче говоря, эти документы в целом создавали совершенно ясную картину о численности вооружения и дислокации британского королевского флота, о намерениях его командования. Фокс подчеркнул, что недовольство в Англии скоро достигнет критической точки и что оппозиция готова действовать. Обрадованный Лавогийон поспешил переслать драгоценные сведения в Париж.

В октябре и сам посол уехал в Париж для обсуждения сложной обстановки в Голландии. 16 декабря 1780 г. Англия объявила войну Голландии, и появление британского подданного на нидерландской территории стало невозможным. Вернее, так казалось, потому что Фоксу удалось посетить французского посла в Гааге дважды: сначала — в конце января, а потом — через месяц, на исходе февраля 1781 г. Второй раз эсквайр прибыл опять с кипой бумаг, еще более важных, чем те, которые он доставил в октябре прошлого года. Среди них были новые «верительные грамоты» — лидеры оппозиции герцог Ричмондский и лорд Шелборн письменно засвидетельствовали свою полную поддержку комитета, по поручению которого действовал Монтегю Фокс. Это веское подтверждение, что эсквайр действительно выступал от имени руководства вигов, было совсем не лишним Для Лавогийона — он побывал в Париже и подвергся разъедающему воздействию скепсиса, с которым Верженн продолжал смотреть на Фокса. Письмо герцога Ричмондского и лорда Шелборна произвело должное впечатление на французского дипломата. Среди бумаг особое значение имели копия донесения адмирала Роднея о состоянии его эскадры и детальные планы занятия французских колоний, в частности Санто-Доминго и Гваделупы. Далее среди бумаг был составленный адмиралом Хьюзом подробный план завоевания голландских колоний в Южной Африке и Азии. Привлекали внимание также оригиналы двух депеш — от 17 и 24 октября 1780 г., — посланные британским уполномоченным лордом Кэмберлендом из Мадрида, о ходе англо-испанских переговоров. В то же время Фокс пожаловался на утечку информации в Париже, в результате чего британское правительство получило известие, что Франция извещена о ходе его переговоров с Испанией. Фокс обещал добыть во что бы то ни стало вскоре новые ценные сведения.

Документы были немедленно пересланы Верженну, тот предписал обязательно получить от Фокса новые бумаги, в частности оригинал письма испанского министра Кастехона, адресованного лорду Хилсборо. В Версале еще не совсем расстались с подозрениями. Одновременно с этой директивой от Верженна посол получил письмо от Фокса. Он переслал инструкцию адмиралтейства коммодору Джонстону от 12 февраля 1781 г., она предписывала адмиралу с эскадрой двинуться на помощь Гибралтару и конвоировать британские торговые корабли. Затем эсквайр отбыл в Англию за оригиналом письма Кастехона. Он не возвращался два месяца. За это время Лавогийон, нисколько не обескураженный этим отсутствием, попытался добиться увеличения суммы, которая выплачивалась эсквайру для возмещения его расходов. Верженн не разрешил.

В середине апреля Фокс появился снова. Ему все еще не удалось достать письмо Кастехона, зато он привез датированную 20 февраля 1781 г. копию приказа генерал-майору Медоусу, которому поручалось возглавить экспедиционный корпус для занятия голландских колоний в Вест-Индии. Устно англичанин сообщил послу совершенно невероятную новость: он, Фокс, участвует в переговорах о продаже оппозицией Голландии 10 фрегатов с вооружением от 24 до 36 пушек каждый. В письме Верженну Лавогийон извиняющимся тоном писал, что это известие выглядит довольно фантастически. Однако по наведенным вскоре справкам герцог мог убедиться, что Фокс и в этом случае не солгал, — действительно, велись переговоры о продаже, правда, не фрегатов, но вооруженных 24 или 36 пушками купеческих судов. Фокс, не являясь военным, мог не придать значения такому различию.

В конце апреля Фокс в очередной раз съездил в Лондон, и 4 мая посол получил от своего добросовестного разведчика еще один пакет секретных документов с инструкциями командующему эскадрой в Северном море адмиралу Паркеру и другим военным чинам. Но главное было даже не в этом, эсквайр привез новый план оппозиции. Французский флот должен был одновременно атаковать устье Темзы и побережье Шотландии около Эдинбурга, это

вызвало бы необходимость разделить английские морские силы. Одновременно оппозиция должна была поднять восстания в разных частях Англии. Сообщая об этом плане Верженну, взволнованный Лавогийон хотел сам отправиться в Париж для обсуждения деталей с морским министром де Кастри. Однако у Верженна план вызвал сильное подозрение, несмотря на то что он признавал, что многое говорило в пользу Фокса, его искренности. Лавогийон съездил в Париж и вернулся в Гаагу через месяц, в конце июня, явно под влиянием того недоверия, которое вновь возобладало в настроениях министра, предписавшего порвать отношения с Фоксом. При получении плана оппозиции герцог не обратил особого внимания на то, что Фокс так и не привез обещанного уже неоднократно письма Кастехона. Теперь он напомнил Фоксу об этом обещании и решил несколько помедлить с выполнением приказания министра. 5 июля состоялась встреча с Фоксом, и тот неожидан-. но заявил, что ему рекомендовали не выпускать из рук письма Кастехона. Посол запротестовал: это совершенно подорвет всякое доверие к Фоксу, его предложениям и документам. Посол добавил, что видел в Париже присланные из Испании документы, написанные рукой британского делегата лорда Кэмберленда, и они разительно отличаются от тех, которые были получены от Фокса. Англичанин с обычным бесстрастием отверг это обвинение: вероятно, испанцы передали французам фальшивку; к тому же проверить почерк Кэмберленда очень легко, так как он сам, будучи драматургом, регулярно переписывается с рядом французских писателей. Это было правдоподобно, и Лавогийон даже писал Верженну, что, может быть, Мадрид сознательно переслал в Париж подложные бумаги, чтобы скрыть действительный ход переговоров.

Тем не менее вскоре подозрения самого посла тоже усилились. 24 июля ему сообщили, что продажа английских судов не состоялась и что Фокс разорвал отношения с голландскими представителями, с которыми велись переговоры. Вдобавок посол узнал, что Фокс пытался сманить на английскую службу некоего француза по фамилии Монина, авантюриста, вернувшегося из Польши, где он командовал отрядом наемников, и собиравшегося вместе с ними завербоваться в войска голландской Ост-Индской компании. Это была йепонятная и непростительная ошибка, раскрывавшая Фокса как британского разведчика. Тем не менее разъяренный посол, самолюбие которого было уязвлено тем, сколь долго его водили за нос, все же решил еще раз встретиться с эсквайром. При свидании англичанин заявил, что его патроны изменили свое решение: письмо Кастехона может быть передано в обмен на определенную сумму денег, часть из которых» должна была быть выплачена сразу, по получении этого документа, а остальная — после того, как выяснится его подлинность.

Герцог отказался платить, не видя самой бумаги, и в конце концов Фокс уступил. Одного взгляда на письмо было достаточно Лавогийону, чтобы понять, отчего англичанин так долго не хотел передавать этот документ французам. Оно не содержало сколько-нибудь существенных сведений, да и сообщаемые в нем выглядели очень неправдоподобно. Вдобавок письмо было подписано De Castegonde, тогда как действительное написание фамилии министра было Castejon.

Герцог тут же презрительно расстался с Фоксом, прекратив с ним всякие отношения. В действительности же послу менее всего удалось сохранить хладнокровие, он рвал и метал, настаивал, чтобы английский шпион не ушел от наказания. Лавогийон предложил послать вслед за Фоксом, возвращавшимся в Англию, полицейского офицера Ресевера, оказавшегося в Гааге, чтобы тот в Бельгии заманил англичанина на французскую территорию. Верженн выразил полное согласие. Были отданы приказы соответствующим властям. Впрочем, Монтегю Фокс был стреляной птицей и быстро заметил ловушку. Ничего из планов его поимки не вышло, и Верженн поспешил в начале августа отдать приказ прекратить всякие попытки ареста увертливого агента британского адмиралтейства. С тех пор архивы молчат о Монтегю Фоксе. Возможно, правда, они сообщают о нем под другим именем, ведь «Монтегю Фокс», несомненно, такой же псевдоним, как «Вильям Монтегю» и «Дюмон» — фамилии, под которыми он фигурировал в привозимых им документах и переписке герцога Лавогийона с графом Верженном.

Английский разведчик и автор ряда работ о секретной службе Р. Сет — из его книг, основанных на материалах французских и английских архивов, и извлечены данные о Фоксе — считает шпиона адмиралтейства классическим примером агента-провокатора. Организаторы

этого дела имели полные сведения о характере и слабостях честолюбивого французского представителя в Гааге. Именно на этой основе было принято решение подослать к герцогу джентльмена, к которому посол должен был почувствовать известное доверие как дворянин к дворянину. Провокация Фокса имела сразу несколько целей. Во-первых, максимально втянуть Францию — традиционного врага Англии в — пусть мнимые — связи с оппозицией и тем самым скомпрометировать вигов в глазах английского населения. В 1780 г. это было особенно важно для кабинета Норта, непопулярность политики которого росла с каждым месяцем. Ссылки на Корнуэлл придавали правдоподобие рассказу Фокса о подготовке к восстанию.

Во-вторых, с помощью Фокса Лондон пытался подорвать франко-испанский союз. Переговоры лорда Кэмберленда были заведомо обречены на неудачу, так как Англия не собиралась удовлетворять требование Мадрида о возвращении Гибралтара. Однако эти переговоры вызывали чувство беспокойства в Париже; Фокс должен был усилить это чувство.

В-третьих, задачей Фокса было снабдить Париж максимально возможным количеством ложной информации об английских военных планах, чтобы помешать успешному действию французского и испанского флотов. Каждая крупица информации, содержавшаяся в бумагах Фокса, была ложью: если в подлинном приказе британской эскадре предписывалось атаковать испанские владения к северу и к востоку от Ямайки, то в фальшивке говорилось, конечно, — к югу и к западу. Поддельные документы должны были оттянуть морские силы французов и испанцев как раз от тех мест, где английское адмиралтейство предполагало наносить удары. В числе других целей были попытка запугать голландцев угрозой их владениям, сбор информации о намерениях других держав (беседы разведчика с Лавогийоном и попытки попасть с помощью этого французского дипломата в штат одного из посольств нейтральных государств). Адмиралтейству не составило особого труда так подделать собственные документы, чтобы фальшивки носили все внешние черты подлинности, сфабриковать дипломатическую корреспонденцию или письма от лидеров оппозиции. В «деле Фокса» немало ловких ходов, остроумно придуманных деталей. Например, использование Гордонова мятежа, обострения борьбы оппозиции против правительства или объявления разведчика родственником британского посла сэра Джозефа Йорка. Ошибки, правда очень грубые, были допущены только в самом конце (попытка) вербовки Монина, неправильное написание фамилии Кастехона). Ошибки были настолько грубыми, что никак не вязались с ювелирной отделкой всего остального. Причины этого странного обстоятельства на основе сохранившихся материалов вряд ли поддаются объяснению.

В 1783 г. война за независимость американских колоний окончилась их победой. Но Англия долго не хотела отказываться от надежды вернуть власть над своими прежними владениями. После войны одной из главных форм продолжавшегося вмешательства Великобритании в дела ее бывших колоний стала активность британской секретной службы. Руководство этой деятельностью было возложено на опытного разведчика Д. Беквита, сумевшего еще в годы войны сплести свою агентурную сеть и теперь назначенного английским резидентом в Нью-Йорке. Уже в 1787 г. Беквит установил связи с властолюбивым Александром Гамильтоном — министром финансов, придерживавшимся консервативных монархических взглядов. Англичанин использовал стремление Гамильтона и стоявших за ним крупнобуржуазных и плантаторских кругов к восстановлению тесных экономических связей с бывшей метрополией. Гамильтон — министр, приближенный президента Вашингтона — превратился, по существу, в британского агента «э 7» (как он обозначался в шифрованной переписке Беквита). Гамильтон не останавливался перед выдачей англичанам государственных секретов, занимался компрометацией в глазах президента неугодных Лондону американских дипломатов. Особенно усердно клеветал Гамильтон на представителя США в Лондоне Мориса, который следовал инструкциям нового государственного секретаря Т. Джефферсона. После того как Джефферсон стал догадываться о связях Гамильтона с Беквитом, англичанин был отозван под предлогом замены его официальным дипломатическим представителем Д. Хаммондом. Тот, конечно, также поспешил установить контакт с «э 7». Во многом из-за Гамильтона американской дипломатии не удалось добиться выполнения Англией некоторых статей мирного договора (в частности, эвакуации британских войск, еще остававшихся на территории США). Гамильтону страна была обязана также подписанием крайне

неравноправного торгового договора с Англией («договора Джея»). Он вызвал широкое возмущение и был ратифицирован только после исключения из текста статей, ущемлявших интересы молодого государства. Гамильтону удавалось сохранять свои связи с британской разведкой в глубокой тайне. Давно уже были опубликованы личный архив Гамильтона, отчеты английского губернатора Канады Дорчестера, через которого Беквит пересылал свои донесения в Лондон. Однако и эти публикации не пролили света на подлинную роль «э 7», которого в США принято было считать одним из отцов-основателей республики. (Лишь в 1964 г. профессор Д. П. Бойд в своей книге «э 7» осветил связи Гамильтона с Беквитом, остававшиеся не раскрытыми более 175 лет.)

Британские разведчики еще долго продолжали орудовать в США, поощряя англофильские элементы и сепаратистские тенденции отдельных штатов. Особую активность проявляли британские агенты накануне англо-американской войны 1812—1814 гг. Один английский шпион, Джон Генри, решил выдать своих хозяев и напечатал в 1809 г. в газете «Бостон пэтриот» свою переписку с государственными деятелями Англии, уличавшую их в шпионаже против США.

Дебюты

В 1789 г. вспыхнула Великая французская революция, открывшая новую страницу в мировой истории. Она оказалась заметной вехой и в истории разведки. Тайная война, которую повели против революционной Франции реакционные правительства других европейских стран, приобрела особый размах во время открытой вооруженной интервенции, начавшейся весной 1792 г.

Важным австрийским шпионом во Франции был депутат Национального собрания, друг Мирабо граф де Ламарк. Ему удалось завербовать в качестве своего агента бывшего секретаря Мирабо — Пеллена. Венский двор платил Ламарку 7 тыс. ливров в год. На протяжении более чем двух десятилетий Ламарку поручали тайные разведывательные миссии, в частности в Германии и Польше. Агентом Вены был и один из наиболее известных публицистов и идеологов роялистского лагеря — Малле дю Пан. Нередко центром шпионажа в эти годы становились банкирские конторы, поддерживавшие связи с заграницей. Шпионаж часто дополнялся финансовыми спекуляциями. Шпионскую сеть создал и царский посол во Франции Симолин, осуществлявший контрреволюционные планы Екатерины II. Через секретаря посольства Мешкова он привлек к себе на службу в качестве секретного агента одного их чиновников французского министерства иностранных дел. При его посредстве Симолин получил и переслал в Петербург шифр, которым пользовались в своей переписке министр иностранных дел Франции граф Монморен и французский поверенный в делах в России Жене. В результате французская дипломатическая переписка свободно прочитывалась в Петербурге. Даже когда Симолин покинул революционную столицу, он продолжал получать подробные разведывательные донесения от своих осведомителей во Франции.

…В ночь с 20 на 21 июня 1791 г. на площади Карусель стояли две большие старомодные кареты. Постепенно стали собираться пассажиры, и экипажи тронулись в путь. В одном из них, судя по паспорту, сидела баронесса Корф, вдова полковника царской службы. После смерти мужа баронесса поселилась в Париже, из которого уезжала теперь вместе с детьми за границу, вероятно, почувствовав себя неуютно в охваченном революционными событиями городе. Баронессу сопровождало несколько горничных и слуг. Ничто, казалось, не возбуждало подозрения в этом отъезде богатой иностранки. Ведь встречающиеся по дороге патрули национальной гвардии не могли знать, что одна баронесса Корф с точно таким же паспортом уже успела уехать в Германию.

На деле происходило весьма важное событие революционной эпохи. Роялистские заговорщики, включая фаворита Марии-Антуанетты графа Ферзена, давно готовились к похищению короля, ставшего пленником революционного Парижа. В случае побега за границу Людовик XVI должен был стать центром притяжения контрреволюционных сил и при поддержке иностранных армий двинуть их против непокорного народа Франции.

Дубликат паспорта баронесса Корф получила под тем предлогом, что оригинал сгорел.

Роль баронессы играла воспитательница королевских детей герцогиня де Турзель. Людовик изображал лакея, а Мария-Антуанетта и сестра короля — горничных баронессы Корф. Карету сопровождали также под видом лакеев трое дворян из лейб-гвардейского полка. Действительные горничные ехали в ранее отбывшем экипаже. Наконец, по другой дороге уехал и добрался до Бельгии брат короля граф Прованский. Бегство короля происходило на два дня позже намеченного срока, и поэтому некоторые отряды, выставленные заранее роялистским генералом Буйе на пути следования кареты, пришлось отвести в сторону, чтобы не возбуждать подозрения. По дороге у экипажа сломалось колесо, что тоже вызвало потерю целого часа драгоценного ночного времени. Но все бы это сошло с рук, если бы не бдительность революционного народа, которую недооценили заговорщики.

В то время, когда не существовало фотографии, нелегко было узнать по рисункам человека, переодетого в чужую одежду. Однако почтмейстер небольшого селения около Варенна Жан Батист Друэ был стойким и проницательным революционером. Он знал о том, что уже неоднократно предпринимались попытки вывезти Людовика XIV из революционного Парижа. Друэ поразило сходство лакея в карете баронессы Корф с портретом короля на ассигнациях: та же толстая фигура и нос с горбинкой на типичном бурбонском лице! Другие факты усилили мелькнувшее подозрение: лошади самой высокой породы для экипажа баронессы (заказаны были самим герцогом Шуазелем) и подозрительный кавалерийский отряд, приближавшийся к городку (им командовали дворяне-монархисты).

Друэ не терял времени. Быстро созвал местную национальную гвардию, чтобы задержать отряд, а сам вскочил на коня и помчался в Варенн, куда отбыла королевская карета. Окольными путями почтмейстер обогнал экипаж мнимой баронессы. За немногие минуты, которые были в его распоряжении, Друэ и несколько встреченных им жителей перегородили с помощью опрокинутой телеги мост, по которому должна была проехать карета. Потом Друэ разбудил мэра, который призвал к оружию национальную гвардию Варенна. Зазвенел набат, со всех сторон из города и окрестных деревень сбегались вооруженные люди; когда показался королевский экипаж, все было подготовлено к встрече. Король и его спутники были арестованы. А прибывшие кавалерийские эскадроны, которые следовали за королем, отказались повиноваться офицерам-роялистам и перешли на сторону народа. Роялистский заговор потерпел полное крушение. Арестованных отправили обратно в Париж.

В истории бегства в Варенн остается неясным, насколько царский посол барон Симолин был посвящен в планы заговорщиков. В его переписке с Петербургом имеются фразы, которые можно истолковать в том смысле, что посол не знал о назначении выданного по его приказу дубликата паспорта баронессы Корф. Но в то же время это неведение царского дипломата, игравшего роль одновременно разведчика и полицейского, наблюдавшего за поведением русских, которые оказались во Франции, маловероятно.

10 августа 1792 г. французский народ сверг монархию, страна стала республикой. 29 августа границы революционной Франции пересекли войска интервентов. Их авангардом был отряд французских дворян-эмигрантов, жаждавших мщения и расправы с ненавистными революционерами. Костяк 80-тысячной интервенционистской армии составляли пруссаки. 2 сентября был занят Верден. Главнокомандующий войсками контрреволюционной коалиции герцог Брауншвейгский считал, что французская армия, большая часть офицеров которой дезертировала или перешла на сторону врага, не сумеет оказать сопротивление лучшим прусским дивизиям. Что же касается отрядов волонтеров, спешивших на границу для сражения с интервентами, то в прусском штабе их вообще не принимали всерьез, рассматривая как неорганизованную толпу, которая разбежится после первых же выстрелов. Действительность оказалась совсем иной. Интервенты наткнулись на нескрываемую враждебность населения на занятых территориях; крестьяне вооружались и нападали на небольшие отряды неприятельских солдат; снабжение армии стало серьезной проблемой.

20 сентября у селения Вальми прусские войска после артиллерийской канонады предприняли попытку наступления на позиции французов, которая не принесла успеха. Революционная армия выдержала испытание огнем, и вскоре началось общее отступление пруссаков, которые довольно быстро покинули французскую территорию. Причины такого поспешного отступления не вполне ясны. Не кто иной, как Наполеон I, считал это отступление

загадкой. Во всяком случае, само сражение при Вальми не является ключом к объяснению этой загадки. Дело в том, что неудача пруссаков вовсе не носила стрль серьезного характера, чтобы вызвать последующее отступление. По мнению крупнейших авторитетов в области военной истории, канонада у Вальми была смехотворной, а действия прусских войск носили столь жалкий характер, что напоминали скорее имитацию наступления, чем серьезные атаки. Решительный натиск, несомненно, мог изменить ход сражения в пользу пруссаков.

Чем же объяснить отступление интервентов? Возможно, к этому времени прусское командование пришло к выводу, что война против Франции будет затяжной и дорогостоящей кампанией, что, завязнув в ней, Пруссия рискует остаться в проигрыше при намечавшемся новом разделе Польши и в других вопросах, в которых интересы Берлина сталкивались с интересами других участников антифранцузской коалиции, особенно Австрии и царской России. Подобные мотивы выявились во время переговоров с французами, в которые вступил герцог Брауншвейгский для прикрытия отступления своих войск. Между «тем отступавшие вместе с интервентами эмигранты не только проклинали герцога за „измену“, но и распространяли о причинах отхода его армии нелепые слухи, будто главнокомандующий прусскими войсками был подкуплен комиссарами Конвента: те якобы передали герцогу бриллианты французской королевской семьи для оплаты его миллионных долгов.

Но, может быть, есть еще какие-то объяснения случившегося? В 1839 г., через 47 лет после битвы при Вальми, в газете «Журналь де виль и де кампань» был опубликован рассказ одного современника революции, который проливает необычный свет на прусское отступление. Автор этого рассказа аббат Сабатье принимал участие во многих событиях революционных лет и был знаком с известными политическими деятелями и писателями того времени. Сабатье был близким приятелем Бомарше и именно от него узнал историю, которую поведал почти полвека спустя читателям «Журналь де виль и де кампань».

…В середине сентября 1792 г. Бомарше отправился навестить своего старого друга известного комедийного актера Флери, который участвовал еще в премьере «Женитьбы Фигаро». Дома оказалась только 10-летняя девочка, знавшая Бомарше и охотно ответившая на его вопросы. Судя по ее словам, Флери не было в столице, восемь или десять дней назад он уехал в Верден. Писатель был изумлен. В Верден, который был уже занят прусаками? Какие дела были в этом городе у парижского актера? Во всяком случае, Верден был самым неподходящим местом для того, чтобы пытаться там выступать в театре. Через некоторое время Бомарше снова заехал к Флери и на этот раз застал его дома. Писатель поспешил с вопросами, но здесь его неожиданно ждало разочарование. Обычно разговорчивый Флери наотрез отказался сообщить что-либо о цели поездки, более того, уверял, будто вообще не покидал Парижа. Это, конечно, лишь разожгло любопытство Бомарше — воображение признанного мастера интриги подсказало ему самые различные причины для скрытности словоохотливого Флери. Правда, узнать что-либо определенное было невозможно, артист продолжал отмалчиваться или отделываться голословным отрицанием.

Но Бомарше не был бы Бомарше, если бы не создал тем не менее гипотезу, которая, несмотря на всю свою экстравагантность, получила впоследствии косвенное подтверждение в одной легенде, относящейся к пребыванию прусской армии в Вердене. Говоря о том, что ее главнокомандующим был герцог Брауншвейгский, мы до сих пор не упоминали еще одно лицо, имевшее решающий голос в штаб-квартире, — самого прусского короля Фридриха Вильгельма II, сопровождавшего свои войска во французском походе.

Фридрих Вильгельм был племянником Фридриха II, который почти полвека занимал прусский престол. Фридрих Вильгельм II ничем не напоминал своего умного, образованного, ловкого и циничного дядю, которого сменил на троне. Новый король был неспособным, ограниченным, туповатым человеком, вдобавок отличавшимся странными причудами. Он был поклонником оккультизма, столь блестяще представленного графом Калиостро, состоял в тайном мистическом обществе «золотых розенкрейцеров» и, кажется, еще в каких-то секретных орденах. Одним словом, лучшей жертвы для одурачивания было не найти.

Но вернемся в занятый пруссаками Верден, как раз в дни, предшествовавшие сражению при Вальми. Его Величество в один из вечеров давал бал в честь прусских офицеров и французских дворян-роялистов. На балу было шумно и весело; темой разговоров были,

конечно, неминуемый разгром революционеров и вступление в Париж. Неожиданно к королю почтительно подошел какой-то человек, весь в черном, и шепотом произнес несколько слов. Фридрих Вильгельм вздрогнул — эти слова были хорошо известным королю паролем таинственного ордена «золотых розенкрейцеров». Повинуясь знаку, поданному незнакомцем, Фридрих Вильгельм вышел из шумного зала. Пройдя роскошные апартаменты, предназначенные для знатных гостей, король и незнакомец очутились в небольшой комнате. Ее стены были окрашены в темный цвет и зловеще освещались отблесками пламени, которое вырывалось из пылавшего камина. Пока король оглядывал это мрачное помещение, незнакомец исчез. Тут у Фридриха Вильгельма впервые возникло легкое опасение, не завлекли ли его в ловушку. Он уже сделал движение, чтобы двинуться в обратный путь, когда его остановил мягкий голос, звучавший приглушенно, как будто из другого мира.

— Остановись! Не уходи отсюда, пока не выслушаешь того, что я тебе скажу…

В полутьме король различил какую-то фигуру — нет, это не был живой человек. Перед Фридрихом Вильгельмом стоял призрак его покойного дяди. Сомнений быть не могло, даже в полумраке король мог разглядеть столь знакомое худое лицо с плохо выбритыми щеками, характерный профиль, нос, запачканный табаком, живые глаза, сгорбленные плечи. Фридрих II — конечно, это был он и никто другой — явился одетый в свой силезский сюртук, известный каждому, видевшему короля в последние годы его жизни. Старый Фриц опирался на трость, ручка которой была покрыта кожей, сильно потертой от долгого употребления.

— Ты узнал меня? — спросил призрак голосом покойного Фридриха II, хотя в нем, быть может, звучали какие-то нотки, вызывавшие сомнение. Но кто знает, какие изменения претерпевает голос человека в ином, загробном мире! Впрочем, убедившись, с каким вниманием и почтением его слушают, призрак быстро приобрел былую уверенность в себе.

— Ты меня узнал? Когда ты двигался из Баварии в Бреслау вместе с войсками, которыми я тебе поручил командовать, я заключил, тебя в объятия и сказал: «Ты больше чем мой племянник, ты мой сын; ты унаследуешь мою власть и мою славу». Так вот сегодня я пришел потребовать от тебя сыновнего послушания. Я пришел повторить тебе слова, которые император Карл VI услышал в лесу Манса: «Не езди более впереди на коне, тебя предали».

Призрак поведал Фридриху Вильгельму, что французские роялисты вовлекли Пруссию в опасное предприятие, что французы в массе своей не желают вмешательства иностранцев в свои дела…

На следующий день прусские войска, которые должны были возобновить свое движение в сторону Парижа, неожиданно получили контрприказ оставаться в Вердене. Две недели прусская армия топталась на месте. А потом произошло сражение при Вальми, где нерешительность прусского командования являлась одной из главных причин неудачи попытки сломить сопротивление французских войск. Вслед за тем последовало отступление интервентов.

Бомарше, тщательно собрав все слухи, ходившие тогда в Париже, и сопоставив их с известными ему сведениями, пришел к убеждению, которое поведал аббату Сабатье: Флери ездил в Верден, чтобы предстать перед суеверным прусским королем в виде призрака Фридриха II. За несколько лет до этого Флери уже пришлось сыграть на парижской сцене роль Фридриха, причем с огромным успехом. Побуждаемый добросовестностью подлинного артиста, Флери научился искусно гримироваться под Фридриха, копировать его жесты и голос; знавшие прусского короля единодушно утверждали, что было трудно отличить «копию» от «оригинала». Флери даже ухитрился получить из Берлина старую шляпу, сапоги и сюртук прусского короля… Бомарше был убежден, что французское правительство решило использовать талант Флери, поручив ему еще раз сыграть роль Фридриха II. Идея, вероятно, принадлежала Дантону или его секретарю Фабр д'Эглантину, который сам писал пьесы и хорошо был знаком с актерами «Комеди Франсез». Конечно, эти предположения Бомарше, о которых мы знаем вдобавок только из рассказа аббата Сабатье, являются не больше чем догадками. Это признает и известный французский историк Ж. Ленотр, раскопавший всю эту историю, погребенную в газетах первой половины XIX в. Но если предположения Бомарше и неправильны, если история поездки Флери в Верден и не является правдой, она, как говорит известная итальянская пословица, настолько хорошо придумана, что заслуживает упоминания в анналах тайной

войны.

Впрочем, существовала и легенда, объяснявшая непонятное отступление прусских войск «масонскими кознями». Ее сторонники ссылались на то, что прусской армией командовал герцог Брауншвейгский — глава немецких масонов, так называемых лож «строгого послушания». Однако на деле этим главой был герцог Фердинанд Брауншвейгский, скончавшийся почти за три месяца до сражения при Вальми, а войска интервентов возглавил его племянник правящий герцог Карл Вильгельм Фердинанд Брауншвейгский, позднее запретивший масонский орден в своих владениях.

…В тайную войну революционных лет постепенно втягивались опытные профессионалы времен старого режима. Любопытна история одной профессиональной шпионки, которую много позднее сравнивали со знаменитыми разведчицами XX в.

Этта Любина Иоганна Елдерс родилась в 1743 г. в семье не то владельца бумажной мануфактуры, не то хозяина гостиницы в Голландии. Этте было шесть лет, когда умер отец и семья впала в бедность. С ранней молодости Этта обучилась извлекать выгоду из своей незаурядной красоты, а живой ум, способности к языкам — она научилась бегло говорить по-французски и по-немецки — еще более увеличили число ее кавалеров.

В 19 лет она вышла замуж за сына прокурора из Харлема, студента Лодевика Палма, но тот недолго выдержал постоянное присутствие поклонников своей жены, возбудил дело о разводе и уехал в нидерландскую Индию, навсегда исчезнув из жизни Этты. Последствием этого брака было лишь то, что Этта стала теперь подписываться Палм д'Елдерс, добавив сама себе к этой фамилии титул баронессы.

Поскольку от мужа не поступало известий, Этта сочла себя вдовой и из числа добивавшихся ее благосклонности выбрала молодого адвоката Иоганна Мунника, тоже в это время разводившегося е женой, и с ним в 1768 г. успела съездить в Сицилию, куда Мунник был назначен консулом. Вернувшись на родину, она быстро нашла богатого покровителя. Это был генерал-лейтенант Гровестиус, близкий к придворным кругам. Он увез свою любовницу в Брюссель, где при помощи своего друга голландского посла ввел ее в аристократические салоны. Поднабравшись великосветских манер, Этта Палм в 1773 г. без сожаления бросила своего любовника и отправилась в Париж. Не имея гроша за душой, мнимая баронесса Елдерс сняла роскошные апартаменты и повела жизнь великосветской куртизанки. В числе ее обожателей оказался и назначенный Людовиком XVI в 1774 г. на пост первого министра 75-летний граф Жером-Фелипо Морепа. Старый придворный интриган оказался в сетях опытной обольстительницы, которая сразу же стала строить планы утилизации с наибольшей выгодой для себя влияния этого сановного прожигателя жизни. Ведь, несмотря на крупные средства, которые давало ей занятие «первой древнейшей профессией», расточительная голландка залезла по уши в долги. Морепа даже послал Этту с полуофициальной миссией в Гаагу с целью выяснить, какую позицию займет Голландия в случае, если Франция, поддерживая восставшие английские колонии в Северной Америке, вступит в войну с Великобританией. На родине Этта встретилась с Мунником, который к этому времени сделался английским шпионом. А вернувшись во французскую столицу, Этта завела роман с голландским послом.

Морепа умер в 1781 г., а Этта продолжала вести прежнюю жиань хлебосольной и любвеобильной хозяйки салона на улице Фавар, не пренебрегая и своей новой профессией шпионки.

Во время бурных политических событий в Голландии во второй половине 80-х годов она держала сторону штатгальтера. После начала французской революции салон Этты Палм стали заполнять новые люди, в том числе депутаты Учредительного и Законодательного собраний, а позднее — члены Конвента, например Теодор Ламет и Петион. Наряду с ними ее регулярно навещал и прусский посол граф де Гольц. Министр иностранных дел Монморен писал 9 марта 1791 г. об Этте Палм, что это «интриганка, продавшаяся принцессе Оранской и Пруссии». Многие современники подозревали Этту Палм в шпионаже в пользу Австрии. Нелестное мнение о ней высказывала и парижская пресса.

Пытаясь приобрести репутацию ревностной республиканки, Этта Палм стала изображать рьяную поборницу женского равноправия, выступать в патриотических обществах с речами,

подавать петиции, словом, всячески старалась быть на виду. Она выразила протест против законопроекта, который предписывал полиции подвергать двухмесячному заключению замужних женщин за супружескую неверность, тогда как измены мужей объявлял ненаказуемыми. «Подобный закон, — заявила подательница петиции, — стал бы яблоком раздора в семьях, могилой свободы». Тем не менее саму Этту тогда же ненадолго арестовали, правда, по подозрению в шпионаже в пользу иностранных держав. Один из ее любовников, депутат законодательного собрания Шудье, писал в своих мемуарах (напечатанных только в конце XIX в.), что Этта Палм стала отдавать предпочтение только якобинцам и что она была прусской шпионкой. Другим ее любовником стал депутат Конвента Базир, секретарь Комитета общественной безопасности, назначенного для борьбы против роялистского подполья и иностранных агентов. Его ввел в салон мнимой баронессы бывший капуцин, также ставший депутатом Конвента, Шабо. Базир и Шабо принадлежали к числу главных действующих лиц скандала с Ост-Индской компанией и иностранного «заговора», сыгравших такую большую роль в ходе политической борьбы осенью 1793 г. и в первые месяцы 1794 г.

Что же касается Этты Палм, то она еще в октябре 1792 г. предложила жирондистскому министру Лебрену отправить ее с разведывательными заданиями в Голландию. Предложение было принято, но донесения Этты из Гааги не содержали ничего важного. Сменивший после падения жирондистов Лебрена на посту министра иностранных дел Дефорж сообщил, что в ее услугах больше не нуждаются. После этого Этта сделала попытку снова поступить на службу к голландским властям. В 1795 г. Голландию заняли французские войска, штатгальтер и его правительство бежали в Англию, а международную шпионку арестовали как личность, представлявшую угрозу для вновь созданной Батавской республики. Разведывательная карьера Этты Палм закончилась. Она была выпущена из заключения по амнистии в декабре 1798 г. и через три месяца неожиданно умерла от простуды.

Золото Питта

Летом и осенью 1789 г. во Франции как среди роялистов, так и в широких кругах буржуазии были широко распространены слухи о том, что Англия тратит крупные суммы денег на разжигание «беспорядков» в их стране. Из переписки французского министра иностранных дел Монморена с французским послом в Лондоне Лялюзерной явствует, что, хотя оба дипломата признавали отсутствие доказательств английского участия в подстрекательстве к «анархии», оно казалось им более чем вероятным. Обоим сановникам, видимо, не приходила в голову мысль о том, насколько не подходил британский посол лорд Дорвет к роли вдохновителя революции («адских козней», по выражению Лялюзерны).

Примерно два года спустя, 24 и 27 апреля 1791 г., французское министерство направило Лялюзерне два письма, в которых перечислялись действия английской агентуры во Франции. Посол на этот раз был более осторожен, подчеркивая в своем ответе, что, хотя английское правительство, по его убеждению, использует все доступные ему средства, чтобы поддерживать внутренние беспорядки во Франции, оно вряд ли открыто оказывает помощь недовольным. Посол далее подверг анализу присланную ему информацию. Во-первых, по его мнению, сведения о том, что известный английский разведчик времен войны против колонистов Пол Уэнтворт действовал на юге Франции, неверны. Лялюзерна считал, что Уэнтворт находился в Голландии, так как если бы он действительно проник во Францию, то, конечно, своими делами заставил бы говорить о себе. Дипломат, вероятно, был прав — нет сведений, что Уэнтворт в 1791 г. был во Франции. Во-вторых, подвергались сомнению утверждения, что английские заводчики посылают во Францию ружья, пушки и порох, — посол не смог обнаружить никаких доказательств этих поставок. Так же обстояло дело и с другой подобной информацией. Представитель версальского двора добавлял, что ему уже передал такие сведения некий Браун-Дигнем; возможно, он же сообщил эти сведения в Париж. Браун-Дигнем ранее служил шпионом в Голландии и был рассчитан своими нанимателями.

После смерти Лядюзерны временным поверенным в делах Франции в Лондоне стал известный французский дипломат и разведчик Франсуа Бартелеми (впоследствии член правительства Директории, крупный сановник в эпоху Первой империи и Реставрации). В

депешах, посылавшихся в Париж, а потом в своих известных мемуарах Бартелеми обвинял британский кабинет в «вероломнейшем макиавеллизме», в стремлении любой ценой не допустить восстановления «порядка» во Франции. С другой стороны, Камиль Демулен в разгар французской революции утверждал, что Уильям Питт играет в ней такую же роль, какую кардинал Ришелье[21] сыграл в революции английской. Кроме того, Питт якобы решил взять реванш за помощь, оказанную французами колонистам в Северной Америке. Демулен добавлял: «Наша революция в 1789 г. была делом, устроенным британским правительством и меньшинством дворянства». Если так мог писать один из активных участников революции, что же говорить о роялистах, которые и по свежим следам, и много позднее твердили, что Питт вызвал финансовый кризис во Франции в 1788 г., добился созыва Генеральных штатов, занимался организацией всех революционных выступлений, не жалея миллионов.

Однако, прежде чем продолжить рассказ о небезынтересных превращениях, которые претерпела эта легенда, отметим, что британский (притом весьма консервативный) историк А. Коббен опубликовал в журнале «Английское историческое обозрение» результаты своего изучения архивных материалов о деятельности разведки Питта во Франции с 1784 по 1792 г. (т.е. до вступления Англии в войну).

Надо ли говорить, что британский кабинет с самого начала решительно отрицал какое-либо участие в начавшихся во Франции событиях. Герцог Дорсет уже 29 июля 1789 г., то есть через две недели после взятия Бастилии, опровергал утверждения об этом. Конечно, подобные заявления стоят мало, но они приобретают полную правдоподобность в устах такого великосветского ничтожества, как Дорсет, к слову, в это время более всего думавшего о собственной безопасности в революционном Париже.

Дорсет для доказательства, что Англия не имела ничего общего с начавшимися волнениями и отнюдь не пыталась использовать их и что она не мобилизовала свой флот, напомнил Монморену их разговор в начале июня 1789 г. Дорсет тогда сообщил министру о существовании заговора с целью захвата Бреста. Судя по всему, еще в конце мая 1789 г. к Дорсету обратился какой-то аббат, но посол не пожелал его выслушать и даже узнать его фамилию и адрес. Аббат тем не менее пришел во второй раз и на этот раз был принят. Узнав о предложениях аббата, министр иностранных дел Кармартен заподозрил провокацию. Он предписал Дорсету поставить об этом в известность французское правительство, но при этом сослаться лишь на слухи, циркулирующие в Лондоне, с тем чтобы не поставить под угрозу людей, которые обращаются в британское посольство. В результате, однако, Монморен вообще не поверил Дорсету и счел его сообщение не заслуживающим внимания. С другой стороны, участники этого туманного «брестского заговора» сочли себя преданными английским правительством. Других доказательств английского подстрекательства нет вовсе.

Для установления истины полезно выяснить, каковы были затраты на секретную службу английских министерств иностранных дел, внутренних дел и адмиралтейства. Если исключить расходы на точно известные цели (например, на миссию Гарриса), остаются весьма скромные суммы, никак не свидетельствующие об активности, выходящей за рамки рутинного шпионажа во французских гаванях. В инструкциях Дорсету, когда его посылали в 1784 г. в Париж, рекомендовалось приложить максимум усилий, чтобы выяснить намерения Франции в Вест-Индии и содержание договоров, которые версальский двор предполагал заключить с другими европейскими странами. Британское посольство использовало для этой цели всего нескольких, и притом не очень ловких, агентов. Одним из них был некий Сен-Марк, обещавший в 1785 г. доставлять копии всех депеш, направлявшихся французским правительством в Индию, и сведения о числе и расположении судов в гавани Рошфор. Через несколько месяцев секретарь посольства Хейлс стал жаловаться на скудость информации, получаемой от Сен-Марка, и предложил рассчитать его. Осенью 1787 г. английским шпионом был некий артиллерийский капитан де ла Фонд, знакомый с военным и морским министрами. Он представил сведения о дислокации войск в районе Атлантического побережья и Ла-Манша и другие сведения, за которые ему было выплачено 6 тыс. ливров. Были и другие шпионы. В

[21] добавим, конечно, по распространенной легенде, а не в действительности. — Е.Ч.

марте 1785 г. Дорсет заплатил 200 ф. ст. за сведения о Тулоне и надеялся за меньшую сумму получить такие же сведения о Бресте, но агент попросту сбежал. В это время английское правительство очень интересовал ход строительства военного порта Шербур. Преемник Дорсета лорд Роберт Фитцджеральд сообщил в апреле 1790 г., что лучше будет воздержаться от затрат на получение информации, которая вряд ли при тогдашнем положении дел во Франции может иметь большое значение для английского правительства. Лорд Гауэр, сменивший Фитцджеральда, кажется, вполне разделял это мнение.

В соседней Бельгии (австрийских Нидерландах) послом был лорд Торрингтон — полнейшее ничтожество, пользовавшийся услугами некоего Флойда, которого из Лондона еще в 1785 г. приказали уволить за ненадобностью. В 1791 г. и в последующие годы Флойд присылал время от времени письма Питту из Франции, но так и не был снова принят на службу.

В июле 1789 г. Торрингтон покинул Брюссель, а находившийся там с 1789 по 1792 г. полковник Гардинер занимался сбором информации о самой Бельгии. В его бумагах не сохранилось никаких сведений о Франции. Вообще Брюссель стал важным источником сведений о французских делах только после отзыва в августе 1792 г. английского посла из Парижа. Донесения британских дипломатов из других соседних с Францией стран свидетельствуют о скромных тратах на секретную службу.

Британское адмиралтейство посылало с разведывательными целями офицеров в различные французские гавани. Расходы, однако, оплачивало министерство внутренних дел. Наиболее активным из таких офицеров был Ричард Оке, занимавшийся шпионажем еще во время войны против американских колонистов. В 1787 г. он сообщил из Брюсселя о французских кораблях, отправлявшихся в Индию. В 1790 г. Оке был в Париже, добывая информацию о франко-испанских отношениях. (В это время возникли споры между Лондоном и Мадридом, и поэтому было важно знать, считает ли себя Франция связанной союзным договором с Испанией.) Другим разведчиком был генерал-майор Дэлримпл, сообщавший, в 1787—1788 гг. сведения о состоянии французского флота и воинских частей, которые предполагалось послать в Индию.

К числу разведчиков относился Филипп д'0вернь родом с острова Джерси. Он начал карьеру в качестве протеже адмирала Гоу. В 1779 г. корабль «Аретуза», где д'0вернь служил первым помощником капитана, потерпел крушение, и он очутился во французском плену. Министр морского флота де Сартен обратил внимание герцога Булонского на то, что военнопленный носит ту же родовую фамилию д'0вернь, что и сам герцог, а единственный наследник этого знатнейшего вельможи не имел шансов прожить долго. С ним должен был прекратиться герцогский род. Вернувшись в Англию после обмена пленными, д'0вернь продолжал морскую службу. В 1784 г. в Лондон приехал герцог Булонский. Он пригласил капитана д'0верня во Францию и вскоре усыновил его. Тогда же, в 1784 г., д'0вернь объехал районы, прилегающие к Ла-Маншу; командуя в 1787 и 1788 гг. фрегатом «Нарцисс», д'0вернь вел наблюдение за французским побережьем между Сен-Мало и Гавром, следил за работами в Шербуре и составлял отчеты для адмирала Гоу. В 1792 г. д'0вернь посетил французские порты. Помимо выяснения состояния военного флота он занимался насаждением там британской агентуры.

В предреволюционные и первые революционные годы еще несколько офицеров — капитан Дюмареск, капитан Филиппе, капитан Генри Уорр, лейтенант Монк и др. — посылали в Лондон разведывательные донесения о французском флоте и военных портах. Целый ряд военных кораблей нанимался наблюдением за французскими гаванями. Министерство внутренних дел финансировало и действия противников французского господ-ггва на Корсике.

Упорно повторявшиеся слухи о связях с Лондоном орлеанистской партии, то есть сторонников герцога Орлеанского, не имели никакого основания, даже по мнению Лялюзерны. На начальных стадиях революции в ней действительно принимало участие небольшое число английских подданных. Это были, как правило, английские и ирландские демократы, участники революционной войны в Америке. Об их жизни и деятельности известно немного. Ясно только, что они не имели никаких связей с британской секретной службой.

В XVIII в. Англия, по известному выражению, использовала другие европейские государства как «хорошую пехоту». Поэтому наблюдение за гем, как использовались

английские субсидии, составляло одну из задач британской разведки. В одних случаях «товар» с готовностью поставлялся — известно, что немецкие князья, когда они не могли торговать изделиями своих подданных, научились бойко торговать их кровью, продавая своих солдат, чтобы те умирали, сражаясь за Англию. Но в других случаях субсидии приходилось навязывать и, главное, смотреть, дойдут ли они по назначению. Стремление воевать чужими руками сопровождалось у Лондона ревнивым желанием видеть своими глазами, как воюет закупленное пушечное мясо.

Война против революционной Франции, начавшаяся в 1793 г., привела к невиданному расширению английской секретной службы; в десятки и сотни раз увеличилось число прямо или косвенно работавших на нее агентов. Привычка английской буржуазии воевать чужими руками породила стремление вести разведку тоже чужими руками. В войне против Франции английское правительство использовало контрреволюционное подполье как свою разведывательную и диверсионную организацию. С помощью субсидий покупались гессенские полки или брались на британское содержание иностранные армии. Теперь английскими гинеями оплачивалась подрывная деятельность роялистов против Французской республики.

До вступления Англии в войну шпионаж, как уже говорилось, носил рутинный характер и заключался преимущественно в наблюдении за французскими гаванями. Это отражало и близорукое мнение в Лондоне, что потрясаемая революционными бурями Франция на долгое время перестала быть опасным соперником, и существовавшее отсюда нежелание британского кабинета связывать себя поддержкой одной из враждующих французских партий.

Положение стало круто меняться только с осени 1792 г., то есть со времени падения монархии во Франции и подъема демократического движения в самой Великобритании (а также в результате ряда действий, предпринятых французским правительством под влиянием жирондистов, особенно в отношении Бельгии, и заведомо ведших к столкновению с Англией). До этого же времени в силу колебаний в политике коварного Альбиона активность британской секретной службы была ограниченной.

Наша осведомленность о роли, сыгранной секретными службами Великобритании — страны, фактически возглавившей антифранцузскую коалицию, остается очень неполной. Историк Г. Митчел, в отличие от своих предшественников специально изучавший действия английской разведки в эти годы, констатировал, что «контрреволюция во Франции не представляла бы такую опасность, как это было в действительности, если бы не цели, преследовавшиеся британским правительством». Между прочим, Митчел, исследуя события, происходившие после термидорианского переворота, уклонился от того, чтобы, пусть кратко, очертить контуры активности английской секретной службы в период якобинской диктатуры.

В первые месяцы после объявления войны Франции в Лондоне не были достаточно осведомлены о вандейском восстании. Весной 1793 г. были сделаны попытки наладить контакты с одним из главарей вандей-цев, неким Гастоном, численность его отрядов преувеличивалась при этом в десятки раз. В мае с этой целью по поручению голландского и английского правительств в Вандею отправился известный авантюрист полковник д'Анжели. Он мог лишь сообщить, что «генерал Гастон давно мертв» (вандеец действительно был взят в плен и расстрелян, вероятно, еще 15 апреля 1793 г. в Сен-Жерве). Д'Анжели в августе послал подробный отчет о шуанах и их руководителях, который позволил в Лондоне составить представление о ходе вандейского мятежа. Другим британским агентом, направленным для связи с шуанами, был некий шевалье де Тинтениак. Он был послан командующим войсками на острове Джерси полковником Крейгом. Тинтениак в августе переслал Крейгу подробный перечень нужд вандейцев, в удовлетворении которых они надеялись на английскую помощь. В июне некий Гамелен по поручению того же Крейга вел в Сен-Мало переговоры с местными властями о сдаче города англичанам. Переговоры затянулись вследствие инертности английского правительства, медлившего с ответом на запросы Крейга. В октябре 1793 г. роялистам было послано предложение совместно занять Сен-Мало. Из этого ничего не вышло. Однако контакты с вандейцами, установленные Тинтениаком, сохранялись. В ноябре 1793 г. вандейцы пытались по согласованию с англичанами занять Гранвиль, но были отбиты, а британский десант прибыл лишь 2 декабря, после их отступления. Нерасторопность английских военных властей сводила на нет то немногое, что удавалось добиться разведке. Причиной была

не только халатность. Медлительность порождалась и недоверием в Лондоне к «чистым роялистам», вернее, к их способности добиться поставленной ими цели — полного восстановления старого режима. К тому же возникали постоянные столкновения между Крейгом и губернатором Джерси Филиппом Фоллом, руководившим разведывательными операциями. Поэтому в октябре 1793 г. Крейга перевели с Джерси на другой остров — Гернси, через два месяца вообще удалили из этого района, а руководство разведкой в Джерси было поручено новому командующему войсками лорду Бэлкерсу. При нем начала создаваться широкая разведывательная сеть, получившая название «Корреспонданс».

Уже в письмах Крейга в апреле 1793 г. впервые появляется фамилия одного из ее наиболее активных агентов — Прижана. Он родился в Сен-Мало в 1768 г. в купеческой семье. В первые же месяцы своей шпионской службы Прижан успел зарекомендовать себя ловким агентом, отлично знакомым с прибрежными районами, где ему приходилось действовать; достаточно сказать, что за свою деятельность он позднее, в 1798 г., получил от английской секретной службы 500 ф. ст. Впрочем, этому предшествовал провал. В ночь с 30 на 31 декабря 1794 г. Прижан был арестован республиканцами. Он поспешил выдать все, что знал о «Корреспонданс», и не скупился на уверения в своей любви к республике. В результате его освободили 20 апреля 1795 г. по общей амнистии, и Прижан… снова стал агентом «Корреспонданс». Этот эпизод вызвал недоверие к Прижану со стороны части роялистов, но ему оказывал поддержку их лидер граф Пюизе, являвшийся представителем графа Прованского (будущего Людовика XVIII). Долгое время шпионом-двойником считал Прижана и упоминавшийся выше Филипп д'0вернь. Этот английский разведчик в ноябре 1794 г. сменил Лорда Бэлкерса на посту руководителя «Корреспонданс». (Позднее, во время кратковременного Амьенского мира, д'0вернь приехал в Париж хлопотать о возвращении отцовского достояния. Власти поспешили упрятать в тюрьму докучливого просителя — ему следовало знать, что земли, на которые он зарился», уже перешли в руки самого первого консула — Наполеона Банопарта.) С 1794 г. «Корреспонданс» быстро превратилась в разветвленную шпионскую организацию.

Одной из наиболее опасных для республики форм активности «Корреспонданс» была заброска во Францию фальшивых ассигнаций, которые еще с 1791 г. стали печатать в специальных мастерских в Лондоне. В роли фальшивомонетчиков подвизались, в частности, эмигранты-священники. Тюки с фальшивыми ассигнациями переправлялись во Францию для снабжения деньгами роялистов и для того, чтобы вызвать финансовый хаос в стране.

Эмигранты-роялисты, в частности граф Пюизе, даже сочинили теоретическое обоснование фальшивомонетничества. Поскольку, мол, власть правительства Французской республики, как они рассуждали, является незаконной и поскольку собственность, обеспеченная бумажными деньгами, конфискована у дворянства, ассигнации, выпущенные Конвентом, следует признавать подделкой; напротив, изготовленные английской разведкой совместно с Пюизе фальшивые деньги являются якобы самым законным средством платежа. В конце 1794 г. в мастерской Пюизе, где работали 70 человек, рассчитывали «производить» не менее 1 млн. ливров поддельных ассигнаций в день. Расчет оказался даже заниженным. Когда летом 1795 г. отряды эмигрантов высадились в Кибероне, на севере Франции, и были вскоре разгромлены войсками генерала Гоша, в числе трофеев, захваченных республиканцами, находились фальшивые бумажные деньги на сумму 10 млрд. ливров. Поддельные французские ассигнации фабриковались в большом количестве не только в Англии, но и в Нидерландах, Швейцарии и Италии, в тех районах Франции, которые временно захватывали иностранные интервенты и роялисты. Как отмечает французский историк Ж. Бушари, специально занимавшийся изучением роли, сыгранной фальшивыми ассигнациями в годы революции, широко известный факт их существования не меньше, чем массовый выпуск правительством бумажных денег для покрытия своих расходов, способствовал быстрому росту инфляции. А потеря доверия к обесценивавшимся бумажным деньгам имела серьезное экономическое и политическое значение.

Но вернемся к «Корреспонданс». Не следует думать, что она поддерживала только безуспешные предприятия, а сама не терпела серьезных неудач. Совсем напротив. Разведка республиканцев засылала под видом эмигрантов на остров Джерси своих людей, чьи сообщения

указывали пункты, где предполагали высадиться роялисты, путали многие их планы. Так, из 130 вооруженных эмигрантов, заброшенных однажды Прижаном во Францию, только он один и спасся, остальные были захвачены в плен.

21 апреля 1798 г. в тюрьму Тампль, где содержался английский офицер (позднее адмирал) Сидней Смит, явились несколько жандармов и, предъявив письменный приказ Директории, увезли с собой заключенного. Это были роялисты, возглавляемые графом Ле Пикаром де Фелиппо, которые с помощью международного шпиона далматийца Висковича выкрали официальные бланки и подделали приказ министра. Смит и Фелиппо сумели бежать в Англию. В следующем году Фелиппо и Смит руководили обороной крепости Сен-Жан д'Арк в Сирии, которой тщетно пыталась овладеть французская армия. Эта неудача предопределила неудачу египетского похода Наполеона Бонапарта.

Яростная борьба Англии против французской революции связывалась в сознании ее современников и участников с именем главы английского кабинета Уильяма Питта-Младшего. Поэтому нет ничего удивительного, что в революционных кругах немало говорилось о необходимости во имя свободы устранить главного вдохновителя всех тиранов, ополчившихся на французский народ, — британского премьер-министра Питта.

В Лондон поступила информация, что некоему Болдуину поручено совершить покушение на Питта. Неожиданно были получены и сведения из совершенно другого источника.

13 октября 1793 г. в Англию прибыл некто Ричард Феррис, имевший какие-то задания от французского правительства. Однако Феррис вместо выполнения этих поручений явился к министру иностранных дел Гренвилу и выдал своих доверителей. Феррис был ирландским католическим священником, уехавшим до революции во Францию. В 1791 г. он не принял гражданской присяги, чего требовал новый революционный закон от священников, бежал из Франции и вступил в армию эмигрантов. В конце 1792 г. Феррис вернулся во Францию и, выдавая себя за английского подданного (война против Англии еще не началась), получил британский паспорт. Французские архивы подтверждают существование и значительно более тесных связей между революционными властями в Париже и Феррисом (в частности, намерение использовать его для контактов с ирландскими республиканцами). Эти связи, впрочем, были далеко не идиллическими — в августе 1793 г. во Франции Ферриса даже арестовали. Осенью 1793 г. французские власти разрешили ирландцу уехать в Англию взамен обещания выполнять там разведывательные функции.

Гренвил вначале поверил Феррису и решил с его помощью дурачить французское правительство, посылая фальшивую информацию. Однако вскоре Феррис перестал внушать доверие: он встречался с одним подозрительным (с точки зрения английских властей) эмигрантом из австрийских Нидерландов и, несомненно, в написанной им в Англии «исповеди» скрыл многое из своего прошлого. Поэтому Питт и Гренвил в конечном счете пришли к выводу, что Феррису нельзя давать никаких поручений, так как неясно, что у него на уме. Его даже подозревали в участии в заговоре против Питта и установили за ним полицейскую слежку.

Но главный участник этого заговора Болдуин так и не приехал в Лондон. Английский разведчик Дрейк сообщил, что Болдуин был признан негодным к выполнению такого важного дела, арестован и несколько месяцев содержался в тюрьме. Взамен его отправился какой-то бывший аристократ под именем американца Элиа Томмина, но и он не достиг Англии. В феврале 1794 г. Дрейк передавал, что в Англию через австрийские Нидерланды отправятся швейцарец Колла и генуэзец Годони. Австрийские власти, предупрежденные Лондоном, задержали каких-то двух человек, являвшихся якобы этими Колла и Годони, и вежливо запросили английское правительство, что делать с арестованными. Гренвил немедля ответил: «Держать их в заключении вплоть до окончания войны». Кажется, не было никаких доказательств участия арестантов в заговоре, и они были посажены в тюрьму «впредь до приискания улик»…

Закулисная история революции

Наряду с «Корреспонданс» во Франции в годы революции действовали также другие тайные роялистские и иностранные организации, ставившие целью как сбор информации, так и

(что значительно более важно) подготовку заговоров для свержения республики. Деятельность этих организаций тесно связана с историей французской революции.

Широко распространено мнение, что политическая история революции почти за два столетия ее интенсивного исследования с чисто фактической стороны досконально изучена, конечно, не все абсолютно ее детали, но по крайней мере сколько-нибудь значительные события. Совершенно иной предстает вся картина, если мы обратимся от «явной» политической истории к «тайной», хотя вторая оказывала существенное влияние на первую. Известный французский историк А. Матьез писал в свое время: «Секретная история Комитета общественного спасения, история, которую нельзя обнаружить в его официальных актах и которая представляет наибольший интерес, история его совещаний и разногласий между его членами — эта история еще только начинает становиться известной». И теперь, более чем через 70 лет после того, как было высказано А. Матьезом это суждение, оно сохраняет свою силу и касается отнюдь не только истории Комитета общественного спасения.

Исследователям приходится сталкиваться с крайним недостатком источников. Участники событий не имели ни времени писать письма, ни желания сохранять документы, которые могли попасть в руки их противников и послужить предлогом для обвинения. От бумаг Робеспьера после его гибели победившие термидорианцы оставили потомкам лишь ничтожные остатки (не говоря уж о тенденциозном отборе того, что они предпочли сохранить). Мемуары членов Комитета общественного спасения Барера и Карно (отредактированные его сыном) были написаны через много лет после революции и к тому же преследовали апологетические цели — оправдание и приукрашивание действий их авторов. В изучении тайной истории революции господствует полный разнобой. Самые экстравагантные гипотезы, лишенные серьезной документальной базы, сосуществуют с полным игнорированием — именно игнорированием, а не опровержением — достижений академической науки. Существующие источники объявляются лишенными всякой серьезной ценности одними историками и некритически используются другими. Шифрованные донесения, написанные симпатическими чернилами и проявленные адресатами, но выцветшие почти за 200 лет, остаются непрочитанными, хотя с помощью современной химии можно сделать снова различимыми невидимые буквы. К ряду важных архивных фондов, о существовании которых известно, так и не прикоснулась пока рука исследователя.

Имеется обширная литература, посвященная различным аспектам тайной войны: деятельности подпольных организаций, заговорам секретной дипломатии, попыткам увоза из тюрьмы королевы Марии-Антуанетты, а потом дофина. Взаимные, нередко фантастические обвинения, выдвигавшиеся в ходе острой борьбы внутри якобинского блока в 1794 г. руководителями его различных группировок, служат отправным пунктом для изобретения в некоторых новейших работах не менее сногсшибательных домыслов. Среди их авторов фактически нет никого, кто отвергал бы сумму безусловно установленных наукой данных и целиком использовал бы весь тот комплекс источников, которые содержат дезинформацию или являются попросту позднейшими фальшивками, сработанными как раз для обоснования таких «гипотез». Обычно каждый автор, защищая какой-либо «оригинальный» тезис, выбирает из этих как действительных, так и подложных источников лишь те, которые необходимы для подтверждения этого домысла, презрительно отвергая остальные материалы такого рода как «подделки», не заслуживающие доверия. Отсюда крайняя разноголосица между такого рода книгами.

Авторы трудов, излагающих «оригинальные» концепции, не могут не упоминать исследований, в которых подробно обоснованы те оценки деятелей революции, которые стали в значительной мере общепризнанными (работы А. Матьеза, Ж. Лефевра, А. Собуля и др.). Но это лишь формальная дань уважения. На деле. же они не считают себя обязанными уважать историческую правду. Напор такой литературы столь велик, что даже главный научный журнал по проблемам революции «Анналь историк де ла Революсьон франсез» спасовал перед ним и занял позицию стороннего наблюдателя. Он вынужден был заявить, что не видит свою задачу в том, чтобы занять позицию в отношении этих «необычных» концепций. Вдобавок книги, о которых идет речь, написаны в жанре исторической биографии или раскованного «беллетри-зированного» рассказа о ярких событиях прошлого. Авторы этих книг явно

рассчитывают не на специалистов, а на широкую читательскую аудиторию и по этой причине (или под этим предлогом) не отягощают изложения точными ссылками, сносками на использованные источники и литературу. Вместе с тем для солидности может приводиться длинный список монографий и статей, изученных автором, а главноеархивов, в том числе местных и семейных, на которые он опирался в своих выводах. Все это было бы вполне уместным, если бы в данных книгах популяризировались результаты исследований, извлеченные из специальных изданий и дополненные для оживления читательского интереса какими-либо красочными деталями, не меняющими смысла описываемых событий. Но происходит как раз иное — по сути дела, в литературу вводится новая их интерпретация, и причем читатель оказывается лишенным возможности отличить, где автор пересказывает практически доступные только ему новые архивные материалы, а где излагает свои ничем не подкрепленные выдумки. Порой масса характерных деталей, явно извлеченных из первоисточников, никак не подкрепляет этих домыслов, а лишь придает им видимость обоснованности, фактической достоверности. Хотя в этой обширной литературе открыто не ставится цель пересмотра утвердившихся оценок событий и роли отдельных деятелей в революции, в действительности попытки ее реализации предпринимаются. В частности, речь идет, по существу, не только о личной чести, но и об исторической репутации ряда виднейших деятелей революции. Субъективная трактовка их позиции зачастую бросает тень на их планы и тем самым на их подлинные политические взгляды, придает сомнительный смысл тем или иным их действиям.

Все «необычные» концепции так или иначе увязаны с историей различных шпионских или диверсионных организаций, созданных иностранными правительствами и роялистами. Эти организации действовали, как правило, независимо друг от друга. Вдобавок самое существование некоторых из них документально почти не подкрепляется, в отношении других анализ источников допускает самые различные предположения. Так, независимыми (помимо уже известной читателю «Корреспонданс») организациями предстают «Парижское агентство» д'Антрега, сеть Шарлотты Аткинс-Кормье, разведывательные ячейки парижских отделений банкирских домов, организация барона Батца, сеть, руководимая лордом Элджином из Брюсселя, разведка шуанов, группа конституционных монархистов из Солера, перешедшая потом целиком на службу к шефу английской, шпионской службы в Швейцарии У. Уикхему, и др. Большинство их них пыталось заниматься не столько шпионажем в собственном смысле слова, сколько установлением связей с влиятельными политиками в Париже и провинции для свержения революционного правительства, организацией новых антиреспубликанских восстаний в различных районах страны.

Примером может служить деятельность одного из руководителей роялистского подполья в Париже — барона де Батца, которому приписывали план спровоцировать кровавые столкновения между различными группами якобинцев в Конвенте.

Этот выходец из Гаскони (носивший ту же фамилию, что и некогда д'Артаньян) до революции стал офицером, предъявив, возможно, подложные документы о дворянском происхождении. В начале революции Батц был депутатом Учредительного собрания, потом эмигрировал, но через некоторое время тайно вернулся во Францию. Он предоставил крупную сумму денег Людовику XVI и одновременно завел знакомство среди жирондистов. После падения монархии Батц бежал в Англию. Но вскоре он снова в Париже уже в роли разведчика эмигрантов, а возможно, и тайного агента английского правительства. Последнее дает возможность объяснить источник денежных ресурсов барона, который свободно ворочал миллионами, правда, считая на падающие в цене бумажные ассигнации. Впрочем, другим способом пополнения кассы было для Батца участие в различных денежных спекуляциях, поставках в армию, получение взяток за устройство подрядов и т.п. Батц облюбовал пустовавшее здание на окраине Парижа — «Эрмитаж де Шарон». Этот дом с его многочисленными потайными комнатами и темными закоулками, скрытыми дверями, с люками, подвалами, из которых целый лабиринт проходов вел в соседние глухие дворы, превратился в штаб-квартиру заговорщиков. Здесь получали из-за границы и отсылали туда шифрованные депеши, написанные невидимыми чернилами, давали инструкции роялистским шпионам, разрабатывались планы действий против революционной власти. Батц поручил

организацию бегства королевы одному из своих сообщников — шевалье де Ружвилю. В заговор деньгами и обещаниями вовлекли нескольких членов Коммуны — городского управления Парижа, которым были подведомственны тюрьмы, сторожа и жандармы, охранявшие Тампль и Консьержери. Несколько раз попытки увезти королеву терпели крушение в самую последнюю минуту из-за различных случайностей.

В страхе перед грозящим разоблачением депутат Конвента Франсуа Шабо, до революции монах-капуцин, 14 ноября 1793 г. явился к Робеспьеру и сообщил ему о происках врагов республики. Шабо рассказал, что Батц и его агент Бенуа подкупили депутатов Делоне и Жюльена из Тулузы, замешанных в финансовых махинациях Ост-Индской компании, и передали 100 тыс. ливров Шабо для подкупа дантониста Фабр д'Эглантина (чего он, Шабо, не сделал). Батц, по словам Шабо, давал взятки также левым якобинцам, дабы те оговаривали депутатов, которых Батцу не удалось подкупить. Таким путем заговорщик намеревался дискредитировать и погубить республику.

Среди предполагаемых агентов Батца фигурировали некоторые вожди левых якобинцев, в первую очередь Жак Рене Эбер, издатель популярной среди парижских санкюлотов газеты «Пер Дюшен». Между тем максимум того, что удалось безусловно доказать, — это знакомство Эбера и некоторых его единомышленников с людьми, по всей вероятности, связанными с Батцем.

«Неуловимый» для полиции якобинского правительства барон оказался почти столь же неуловимым и для историков, пытавшихся осветить его деятельность (поскольку в любом случае легенда о «заговоре Батца» имела большое политическое значение в последнее полугодие, предшествовавшее перевороту 9 термидора). Выдвигалась даже гипотеза, что главой тайного роялистского подполья был не барон Жак Батц — член Учредительного собрания, финансовый спекулянт, а ирландец Джейм Райе, который именовался графом Батом (по имени известного английского курортного города).

Было бы одинаково неправильно пытаться истолковывать все действия Эбера исходя из предположения, что он был человеком Батца (как это делает М. Грей в книге «“Пер Дюшен” — роялистский агент», или, напротив, вычитывать из источников лишь то, что противоречит этой гипотезе (как поступает историк Л. Жаков в своей известной биографии Эбера). Разумеется, вопрос о том, были ли у Эбера связи с роялистским подпольем, с иностранными разведками, нельзя смешивать с другим вопросом — какую роль объективно сыграла его газета «Пер Дюшен» в революции. Ведь изображая (пусть, допустим, неискренне, только для прикрытия своих контрреволюционных планов) из себя крайнего революционера, Эбер способствовал усвоению взглядов левых якобинцев десятками тысяч санкюлотов и в Париже, и в провинции.

И опять-таки особый и самый важный вопрос: соответствовали ли взгляды, проповедовавшиеся со страниц «Пер Дюшен», подлинным интересам революции, упрочению ее завоеваний? (Несомненно, что такую оценку роли газеты Эбера надо давать с учетом различных этапов якобинской диктатуры.)

Что касается Батца, То более подробно о его деятельности предполагается рассказать в другой работе. В рамках же нашей темы ограничимся лишь небольшим пояснением. Сам Батц не раз впоследствии отрицал, что является главой большой разведывательной сети, главной целью которой было натравливать различные фракции революционеров друг на друга и таким образом способствовать реставрации монархии. Власти одно время скрывали связи ряда брошенных в тюрьму политических деятелей с Батцем, а позднее огульно приписывали такие связи лицам, не имевшим никаких контактов с бароном. Дело усложняется тем, что арестованным инкриминировали сговор с людьми, заговорщическая деятельность которых могла быть доказана или по крайней мере представлялась вероятной. Но даже если такие контакты имели место, оставалось неясным, были ли это связи заговорщиков или между людьми, которые вели себя как патриоты и якобинцы и считались таковыми.

Едва ли не все свидетельства участвовавших в тайной войне против Французской республики заполнены сознательными и бессознательными искажениями, и ни одно из этих утверждений не может быть принято без проверки и должно оставаться под сомнением (кроме случаев, когда их можно прямо опровергнуть как заведомо ложные). Это относится даже к конфиденциальной служебной переписке, личной корреспонденции людей, поддерживавших

многие годы и деловые, и, казалось, дружеские связи. Приведем лишь один характерный пример. После гильотинирования Эбера руководитель роялистского шпионского центра граф д'Антрег, о котором будет сказано дальше, запросил своего нанимателя британского дипломата и разведчика Френсиса Дрейка, не являлся ли казненный английским шпионом, о чем ходят слухи. Что же ответил Дрейк своему другу и информатору? 18 апреля 1794 г. он писал д'Антрегу: «Я сильно сомневаюсь, что это правда, поскольку известно, что мы проявляем большую осмотрительность… Мы почти не нанимаем политических деятелей во Франции, за исключением Дюмурье и, быть может, Марата». Сколько заведомой лжи в одной только приведенной выше фразе из «дружеского» письма, не говоря уж об общей формулировке «почти не нанимаем»! После слов об изменнике Дюмурье следует заведомая дезинформация о Марате, павшем от руки Шарлотты Корде, чей кинжал был нацелен в сердце «Друга народа» жирондистами, уже тогда многими нитями связанными с английской разведкой. По-видимому, Дрейк придерживался правила не признавать до последней возможности, что те или иные агенты состояли на службе в английской разведке. Так, когда д'Антрег запросил у Дрейка сведения о роялистском публицисте Малле дю Пане, который несомненно являлся британским агентом в Швейцарии, Дрейк прикинулся ничего не знающим. «Этот Малле дю Пан, о котором вы говорите, — писал Дрейк, — мне известен только по нескольким написанным им брошюрам», и добавлял, что он только «возможно» был агентом, работавшим на Англию.

По всей вероятности, никто из самых осведомленных современников, как погибших в 1794 г., так и проживших после этого многие годы и десятилетия, не представлял картину тайной войны революционных лет. Об этом свидетельствуют опубликованные мемуары, переписка современников. Однако такую картину не удалось реконструировать и ученым, обращавшимся к истории тайной войны или затрагивающим ее в своих трудах, посвященных другим проблемам революционного времени.

Давно уже в полемике против реакционного французского историка И. Тэна была высказана мысль: его интерпретация революции напоминает изображение смертельного сражения двух борцов, на котором фигуру одного из них тщательно замазали вплоть до полного слияния с фоном этой картины. Оставшийся боец предстает тогда в виде буйно помешанного маньяка с вытаращенными, налитыми кровью глазами, в неистовом гневе сокрушающего кулаками пустоту. Эту мысль не так давно повторили английские историки, далекие от симпатии к революции, А. Коббен и Г. Митчел. Такое изображение было бы нелепостью, если бы речь шла о 1792 или 1793 г. Ну а 1794 г.? Иначе говоря, в то самое время, когда боец яростно обрушивал свои кулаки не только на воздух, скрывавший невидимого недруга, но с еще большим исступлением на самого себя. И нельзя не задать вопрос, какую роль в этом ослеплении сыграла тайная война.

Картина тайной войны за семь-восемь месяцев до 9 термидора предстает в совершенно различном виде в зависимости от двух причин. Во-первых, от того, что следует считать истиной, а что — фантазией в заявлениях представителей революционного правительства Сен-Жюста, Амара, Лакоста, а также руководителей дантонистов и эбертистов относительно «иностранного заговора» (ложные утверждения могли порождаться и искренним заблуждением, и политическими мотивами, стремлением выдвинуть весомые и всем понятные обвинения против лидеров враждебных группировок). И во-вторых, чему можно доверять, а что надо отнести к области вымыслов в депешах роялистских шпионов «Парижского агентства» и в бюллетенях д'Антрега. От ответов на эти вопросы меняются общие контуры всей картины. Но однозначный ответ при современном состоянии исследования вопроса (точнее, при том круге источников, которые введены в научный оборот) вряд ли возможен. В литературе можно встретить едва ли не все возможные сочетания ответов на первый и второй из указанных вопросов (к которым надо добавить и половинчатые ответы, колеблющуюся позицию отдельных историков). Еще больше усложняет дело наличие немалого числа работ, где бумаги д'Антрега служат лишь основой для дополнительных догадок, имеющих лишь более чем условную документальную базу или вовсе таковой не имеющих. Но и это еще не все. Немалое количество различных сведений содержится в речах термидорианцев (особенно в первые месяцы после гибели робеспьеристов), произнесенных с целью очернить побежденного противника. Среди них имеются и утверждения, прямо относящиеся к тайной войне в 1794 г., и

ими тоже пользуются, порой некритически, правые историки. Напротив, в прогрессивной историографии возникла традиция с порога отвергать утверждения термидорианцев как клевету, что тоже не способствует выявлению истины. Кроме того, заявления того же типа, что и делавшиеся термидорианцами, фигурируют в дипломатической переписке тех лет, причем далеко не всегда ясно, когда она передает ходившие слухи, а когда основывается на веских данных. То же самое следует сказать об аналогичных (как правило, бросаемых мимоходом и ничем не подтверждаемых) замечаниях, которые содержатся в мемуарах французских и зарубежных государственных деятелей, участников или просто современников событий революционной эпохи.

Шпион в Комитете общественного спасения

Грозная, насыщенная революционной борьбой осень 1793 г. Париж — сердце республиканской якобинской Франции, отбивающейся от целой коалиции реакционных держав во главе с Англией и от ударов в спину, наносимых внутренней контрреволюцией. Якобинцы отвечают революционным террором на происки врага, весь народ поднимается на защиту родины от интервентов.

Боевым штабом революции становится назначенный народным представительством (Конвентом) Комитет общественного спасения. Перед 12 членами этого комитета отчитываются министры и генералы, он руководит армией на фронте, снабжением столицы хлебом, производством пороха, дипломатией молодой республики.

На секретном, как всегда, заседании 2 сентября 1793 г. Комитет общественного спасения заслушивает доклад министра иностранных дел Дефорга. Члены комитета откровенно обсуждают вопрос о поведении французских послов, многие из которых были еще дипломатами старого режима: честны ли они, может ли республика довериться их способностям и их лояльности? Говорится немало горьких слов в адрес некоторых из этих дипломатов, в частности Энена, французского поверенного в делах в Константинополе. Его даже заподозрили в продажности.

Через несколько недель Энен получил письмо от одного своего давнего знакомого, дона Симона де Лас Казаса, посла испанского короля в Венеции. Испания уже воевала с Францией, а дипломаты все еще не считали нужным прерывать старые связи. Лас Казас дружески и доверительно предупреждал Энена относительно обвинений, которые были выдвинуты против него на заседании грозного Комитета общественного спасения. Энен написал возмущенное письмо в Париж, с жаром отвергая обвинение в коррупции. Получив письмо Энена, Комитет общественного спасения пришел к выводу, что в его составе находится иностранный шпион. Нечего говорить, что это было открытие первостепенной важности: утечка секретных сведений, которыми располагал комитет, могла принести неизмеримый вред. Речь шла о жизнях тысяч солдат, об исходе военных операций, о безопасности всей республики.

И очень характерно (отметим это с самого начала), что ни у Робеспьера, ни у Сен-Жюста, ни у других членов комитета не возникло подозрение в отношении кого-либо из служащих, секретарей, присутствовавших на заседаниях. Все были убеждены, что шпионом должен быть один из членов комитета. Для этого были основания, и мы — незнакомые со многим из того, что было известно членам комитета в 1793 г., но зато осведомленные о ряде фактов, которые они не могли знать, — должны признать серьезность этих оснований.

Комитет заседал по утрам — до заседаний Конвента, а иногда и по вечерам, так что прения затягивались до глубокой ночи. Подробных протоколов не велось, составлялись лишь перечни принятых решений. На заседаниях помимо членов комитета присутствовали различные секретари для записи и передачи решений, министры, которых вызывали для отчетов, и некоторые другие лица. Так что, несомненно, были люди, частично посвященные в его секреты. Однако у комитета не было постоянного секретаря. Таким образом, видимо, никто, кроме самих членов Комитета общественного спасения, не имел возможности постоянно выдавать секретные сведения о том, что происходило на заседаниях. Комитет мог лишь догадываться, что подобная утечка информации происходит регулярно. Но теперь, когда открылись государственные архивы разных стран, хранящие документы той эпохи, мы знаем это

наверняка. Напомним, однако, кто осенью 1793 г. входил в состав комитета (часть была избрана раньше, часть — несколько позднее). Членами комитета состояли 12 человек, а именно: 1) Робеспьер; 2) Сен-Жюст; 3) Жанбон Сен-Андре; 4) Эро де Сешель; 5) Приер из Марны; б) Ленде; 7) Барер; 8) Бийо-Варенн; 9) Колло д'Эрбуа; 10) Карно; 11) Кутон; 12) Приер из Кот-д'0ра.

Комитет был перегружен огромным объемом работы, каждый день рассматривал сотни самых различных дел, для разбора которых было образовано шесть секций (по два человека в каждой). В результате за членами комитета были закреплены определенные отрасли управления (Робеспьер ведал делами, касающимися «общественного мнения», Сен-Жюст и Кутон — революционной полицией и т.д.). Иностранные дела подлежали ведению Барера и Эро де Сешеля, а военные (включая производство оружия и снаряжения) — Карно и Приера (из Кот-д'Ор). Каждый член комитета имел собственную канцелярию.

Когда комитет ознакомился с письмом Энена, свидетельствовавшим об утечке информации, подозрения сразу сосредоточились на бывшем аристократе Эро де Сешеле. Вероятно, в большей мере это было вызвано тем, что сторонник Дантона Эро де Сешель имел какие-то подозрительные знакомства с международными банкирами и спекулянтами, и, кроме того, недовольством внешнеполитическим курсом Эро. Этот курс отдавал авантюризмом, прикрываемым революционной фразой, и мог увеличить и без того длинный список врагов Французской республики.

В ноябре-декабре 1793 г., когда пришло письмо Энена, Эро выполнял какое-то поручение комитета на Рейне. Его отозвали и прямо обвинили в Конвенте. Хотя Эро сумел оправдаться в Конвенте, который даже отказался принять его отставку. Комитет общественного спасения был непоколебим. Он потребовал, чтобы Эро либо представил более убедительные доводы в свое оправдание, либо настоял на своей отставке. На этом дело ненадолго застопорилось, а уже через несколько месяцев Эро де Сешель был арестован в числе других дантонистов и 5 апреля 1794 г. гильотинирован по приговору революционного трибунала. В его судебном деле имеется копия письма Лас Казаса, в котором сообщались детали заседания комитета 2 сентября 1793 г. В заголовке копии указывалось, что эти сведения были сообщены за границу Эро. Революционные деятели так и остались при своем убеждении в его виновности. Однако это было ошибкой. Оставляя в стороне вопрос, был ли Эро вообще связан с иностранной разведкой, можно лишь с полным основанием утверждать, что источником известий о заседаниях комитета был кто-то другой, так как передача информации продолжалась и после казни Эро…

От кого же, однако, могли исходить сведения о заседаниях Комитета общественного спасения? Здесь мы вступаем в самую темную и неизведанную область. Многое, как уже отмечалось, говорит за то, что источником информации мог быть только один из членов комитета. Но кто? Надо попытаться, говорят западные исследователи, определить предателя, не полагаясь на историческую репутацию членов комитета. Прежде всего для облегчения задачи в списке деятелей Комитета общественного спасения, приведенном выше, следует выделить тех, кто физически был не в состоянии выполнять функции осведомителя роялистов. Кто же имеет алиби? Как мы уже знаем, прежде всего — главный подозревавшийся Эро де Сешель. Кроме того, сразу же отпадают Жанбон Сен-Андре и Приер из Марны, так как они долго находились вне Парижа и не присутствовали на заседаниях. Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа еще не были членами комитета во время заседания 2 сентября 1793 г. Кутон как раз осенью 1793 г. долгое время был в Лионе. Сен-Жюст перемежал пребывание в Париже с поездками в сражавшиеся армии. Ленде находился на западе страны и был отозван в Париж лишь в конце октября 1793 г. Робеспьер также часто не присутствовал на заседаниях, отчеты о которых попадали в руки д'Антрега.

Итак, остаются трое. Среди них один — Барер, человек с не очень чистой репутацией, доказавший своей последующей карьерой, что он был способен на многое. Но в отчетах много специфически военных сведений (притом оказавшихся при проверке правильными). Барер, видимо, не мог знать эти детали. Остаются двое: Приер из Кот-д'0ра и Карно — они оба были в курсе всех военных вопросов. Кто же из двух? Формальным анализом нельзя исключить ни одного из них. Но, оказывается, граф д'Антрег, глава шпионской сети, через которую получил информацию упомянутый испанский дипломат Лас Казас, а вслед за ним Энен, в письмах от 20

и 24 августа 1794 г. утверждал, что сведения исходят от Карно. Лазарь Карно! Человек, которого сначала сочувствовавшие ему современники, а потом буржуазные историки назвали «организа-гором победы». Правда, сочувствовали ему буржуазные историки именно потому, что Карно был белой вороной среди якобинцев. Он стремился к созданию «обычной», «регулярной» армии скорее не из-за того, что хотел покончить с анархией, с партизанщиной, а потому, что желал обуздать, подчинить буржуазному руководству грозную стихию народной революционной войны. Даже в наши дни подозрение, высказанное против Карно, вызвало бурное негодование среди влиятельных ученых во Франции.

Да и вообще, какая цена словам д'Антрега? Есть ли какие-либо доказательства, помимо слов этого весьма нечистоплотного авантюриста? На это можно ответить: у д'Антрега вряд ли могли быть основания писать в письмах Лас Казасу, не говоря уж о том, что к Карно мы подошли методом исключения почти всех остальных членов комитета. Данных о — связях Карно с роялистскими шпионами в Париже нет. Зато есть косвенное свидетельство связей Карно и д'Антрега. Когда в 1797 г. д'Антрег был арестован в Италии солдатами Наполеона Бонапарта (об этом ниже), он переписывался с Карно (по-прежнему занимавшим высокий пост в правительстве), испрашивая паспорта для членов своей семьи.

Роялисты могли соблазнить Карно не столько деньгами, сколько обещанием безопасности в случае реставрации монархии Бурбонов. А член Комитета общественного спасения Лазарь Карно в глубине души явно не очень верил в прочность революционного правительства. Ею даже прямо обвиняли однажды в передаче врагу тайн комитета. Он участвовал в перевороте 9 термидора. Позднее выявились роялистские связи Карно, какие-то контакты с армией интервентов.

И все же… И все же это еще далеко не доказательство. Ведь можно представить себе, что информатором шпионов мог быть кто-либо из служащих Комитета общественного спасения, секретарей, в частности роялистски настроенных помощников того же Карно.

Для решения загадки надо попытаться уяснить, что собой представляла сеть д'Антрега, снабжавшая графа информацией. Тем более что только после такого знакомства можно будет найти ключи и к многим другим важным секретам войны разведок в годы французской революции. В течение столетия после революции не было пролито никакого света на то, каким образом секретные материалы Комитета общественного спасения попадали в руки иностранных правительств. Но вот в 1894 г. в Англии появился второй том научной публикации «Рукописей эсквайра Д. Б. Фортескью, сохраняемых в Дропморе». (Благодаря родственным связям этот владелец Дропмора унаследовал личные архивы ряда крупных государственных деятелей Англии.) В томе были напечатаны 28 информационных бюллетеней, которые английский посланник в Генуе Френсис Дрейк пересылал с сентября 1793 г. по июль 1794 г. в Лондон. Это были донесения какого-то роялистского агента о деятельности Комитета общественного спасения. В их числе находился и отчет о заседании 2 сентября 1793 г., материалы которого Лас Казас изложил в письме к Энену. Пользующиеся европейской известностью историки — француз А. Олар, англичанин Д. Клефем и др. — единодушно объявили эти бюллетени фальшивкой, с помощью которой роялисты дурачили иностранных дипломатов, а возможно, и просто выуживали у них деньги. Действительно бюллетени содержат ряд сведений, которые плохо согласуются с тем, что мы знаем о некоторых событиях революции из других, безусловно достоверных источников. Бюллетени говорят о каких-то разногласиях Робеспьера и Сен-Жюста, приписывают этим революционерам и другим членам комитета труднообъяснимые и потому малоправдоподобные поступки. И тем не менее нам известно: Комитет общественного спасения сам придерживался мнения, что посланная за границу информация (иначе говоря, те же бюллетени) содержала правильный ответ по крайней мере о заседании 2 сентября 1793 г.

Прошло еще 20 лет после опубликования «Рукописей» Фортескью. В 1914 г. выдающийся французский историк А. Матьез занялся изучением бюллетеней, присланных Дрейком, и пришел к выводу, что их нельзя попросту игнорировать, как это делали до той поры. Конечно, во многое, о чем они рассказывают, трудно поверить, но некоторые сообщавшиеся в них сведения, тоже поначалу не внушавшие доверия, при тщательной проверке полностью подтвердились (в том числе такие детали, которые, вероятно, мог сообщать лишь человек,

присутствовавший на заседаниях Комитета общественного спасения). Даже то, что на первый взгляд кажется ложным, не оказывается таковым при тщательном исследовании. Например, в бюллетене от 2 июня 1794 г. сообщалось о посылке Бийо-Варенна в Северную армию. Бийо-Варенн остался в Париже, но, как выясняется, действительно имелось принятое, но не осуществленное решение направить Бийо-Варенна для инспектирования Северной армии. Серьезные историки следуют рекомендации Матьеза проверять все сведения, упоминаемые в бюллетенях, прежде чем считать их достоверными, подкрепленными фактами. В донесениях шпионов д'Антрега фигурирует утверждение о глубоких разногласиях внутри Комитета общественного спасения, что одна часть его членов в глубокой тайне встречается на окраине города, организуя заговор против другой части. Все это весной 1794 г. не было известно никому, кроме членов Комитета общественного спасения и их наиболее доверенных и близких лиц, включая, может быть, отдельных служащих комитета. А достоверность данного сообщения роялистского шпиона доказывается тем, что об этих разногласиях позднее рассказал Камбон, выступая в Конвенте. (Заявление Камбона было опубликовано 5 октября 1795 г. — 14 вандемьера IV года по революционному календарю — в официозе «Монитер».) Об этом сообщалось и в официальном отчете о событиях 9 термидора, составленном членом Конвента Куртуа.

«Мануфактура»

Главой шпионского центра был, как уже говорилось, 40-летний Луи Эмануэль Анри Александр де Лоней, граф д'Антрег. Сторонник конституционной монархии в начале революции, д'Антрег позже эмигрировал за границу и стал ярым приверженцем восстановления королевского абсолютизма. Роялистский публицист Малле дю Пан приводит высказывание д'Антрега, что в случае победы контрреволюции она отрубит 100 тыс. голов.

Д'Антрег стал руководить созданным им центром сначала из Швейцарии, а потом из Северной Италии. Граф не пользовался ни уважением, ни доверием в эмигрантских кругах. До 1795 г. он служил в качестве атташе испанского посольства. Когда же Испания вышла из коалиции, заключив мир с Францией, д'Антрег перешел в услужение к эмигрантскому королю Людовику XVIII и стал его представителем у царского посла в Венеции Мордвинова. Еще до этого, в 1793 г., он начал рассылать свои бюллетени помимо Мадрида в Лондон и по другим адресам, многократно продавая один и тот же товар. Письма корреспондентов д'Антрега, адресовавших их в Швейцарию «Марко-Поло Филиберти, негоцианту» (один из псевдонимов графа), были написаны симпатическими чернилами. К настоящему времени расшифрованный текст выцвел и представляет большие трудности для прочтения. К этому стоит добавить, что некоторые из писем написаны из осторожности, для дополнительной конспирации, как бы от имени ревностного якобинца.

Разведывательная сеть д'Антрега, как известно, именовалась «Парижским агентством». Ее главным резидентом был Жан Кристоф Сан-дрье де Поммеле. Представитель богатого провинциального дворянства, он до революции служил офицером, достигнув чина подполковника, и выступал с разными сочинениями касательно организации вооруженных сил. Поммеле был близким другом члена Конвента Тальена, одного из организаторов переворота 9 термидора. Другим руководителем шпионского центра являлся адвокат Пьер Жак Леметр, принадлежавший к богатой буржуазной семье в Руане. До революции за выступления против покушений королевской власти на права провинциальных парламентов он трижды — в 1772, 1785 и 1788 гг. — арестовывался, сидел в Бастилии. Однако революция принесла ему крупные денежные потери — он мало что получил в компенсацию за потерянную должность (напомним, что должности при старом режиме покупались). Вероятно, это было одним из мотивов перехода Леметра, как, впрочем, и ряда других оппозиционеров предреволюционных лет, в ряды роялистов. В августе 1792 г. Леметра арестовали, но вскоре освободили благодаря заступничеству Тальена. Однако 14 сентября 1793 г. он был снова арестован, правда, не за шпионаж, о котором властям ничего не было известно. Власти сочли Леметра «подозрительным»: он не объяснил, откуда берутся им средства к существованию, почему, как было установлено, посещал аристократов и «отсутствовал» во время великих революционных

событий 1789 г. Расследование, проведенное Комитетом общественной безопасности, не выявило наличия каких-либо улик против Леметра, но было решено держать его в тюрьме. Петиции жены о его освобождении, в которых она подчеркивала, что до революции Леметр сидел в Бастилии, остались без последствий. На протяжении всего последующего времени до 9 термидора Леметр имел основания опасаться в любой момент быть отправленным на гильотину. Его сообщники не доверяли ему. Члены агентства каждодневно ожидали, что он, спасая себя, выдаст их властям, и мечтали скрыться из Парижа. Леметр был освобожден из тюрьмы 15 августа 1794 г.

Среди других участников роялистской организации особую активность проявлял угрюмый и желчный аббат Андре Шарль Бротье, издатель газеты «Журналь женераль де Франс». До 1789 г. он был преподавателем математики в военном училище и еще тогда свел близкое знакомство с Леметром. В состав «Парижского агентства» входила и любовница Бротье мадам Ривьер. (Ее муж, морской офицер, совершил предательство, выдав военный корабль, которым командовал, в руки испанцев, а сам поступил на службу в английский флот.) Несколько позднее к агентам д'Антрега присоединился Франсуа Николя Сурда, в прошлом глава полиции в одном из провинциальных городов, а в будущем — шпион-двойник, судебный чиновник во время Консульства и наполеоновской империи. В феврале 1794 г., вскоре после возвращения из эмиграции, Сурда был арестован и находился в тюрьме до 21 августа. Иными словами, он вышел на свободу только после термидорианского переворота. Еще один из руководителей шпионского центра, Дювернь де Прель, играл, по крайней мере до 1795 г., менее значительную роль. Этим главным лицам в «Парижском агентстве» помогало в 1794 г. по меньшей мере полтора десятка помощников.

Весной 1792 г., после начала войны, продолжение деятельности «мануфактуры» или «машины», как именовали для конспирации агентство, стало тяжким преступлением в глазах закона. Все четверо руководителей агентства фигурировали теперь под вымышленными именами либо обозначались цифрами или отдельными буквами. Эти закодированные фамилии не были расшифрованы революционными властями, которые остались в полном неведении относительно действий «парижских друзей» графа д'Антрега. Зато их псевдонимы доставили немало хлопот исследователям. Леметр (Le Maltre) стал Летремом (Le Traime). (А Матьез прочел ставшие почти неразличимыми от времени буквы его фамилии как Le Tronne и пытался отождествить его с неким Dutrone, агентом какого-то революционного комитета.) Иногда Леметр скрывался под фамилией Буасси и др. Де Поммеле обозначался как Тибо и Ле Капораль, Бротье — буквами QQ или цифрой 99, мадам Ривьер — буквами RR, Сурда — В В, Дювернь де Прель — как Дюнан. В период между сентябрем 1793 г. и термидорианским переворотом главным корреспондентом д'Антрега был Бротье и в меньшей степени — другие члены агентства.

Шпионский центр был размещен в подвале здания, которое занимало одно правительственное учреждение. Организация имела многочисленные явки, нелегально печатали роялистские листки, материалы пересылались в Швейцарию по почте по многочисленным, заранее установленным адресам. Проявление написанных симпатическими чернилами депеш требовало использования химических реактивов. Этим занимался сам д'Антрег со своими помощниками.

До 60-х годов XX в. историки в основном использовали 28 опубликованных бюллетеней д'Антрега и не знали, что в Паблик Рикорд оффисе и Британском музее насчитывается еще 130 бюллетеней, посланных Дрейком, но, вероятно, отредактированных д'Антрегом. (Они относятся ко времени как предшествующему, так и следующему за периодом, который освещается в уже напечатанных бюллетенях.) К этому надо добавить частные письма д'Ашрега к Дрейку, которые долгое время сохранялись среди его личных бумаг, а позднее были переданы в Британский музей. Опубликованные «Бумаги Дропмора», вероятно, составляли лишь депеши, относящиеся к 1793—1794 гг. Высказывались догадки, что другая часть документов была изъята в то время, когда зять министра иностранных дел Гренвила лорд Холленд был послом при короле Луи Филиппе (1830—1848 гг.), который мог быть прямо заинтересован в сокрытии каких-то бюллетеней д'Антрега. Впрочем, это лишь простое предположение.

Еще современники расходились в оценке достоверности информации, поставлявшейся

д'Антрегом. Но как бы ни оценивать уровень достоверности бюллетеней д'Антрега, несомненно, что она полностью признавалась английским правительством. Министр иностранных дел Гренвил считал донесения настолько важными, что докладывал их содержание королю Георгу III. В Лондоне имели возможность перепроверять поступавшие известия. В частности, тот же Дрейк помимо «Парижского агентства» содержал и других разведчиков во Франции, донесения которых переправлял в Форин оффис.

Совсем по-иному оценивал качество информации д'Антрега такой осведомленный современник, как агент Людовика XVIII и графа д'Артуа в Париже Николя Франсуа Дютей. В октябре 1795 г. он писал, что, наблюдая в течение двух лет за перепиской Поммеле и д'Антрега, он убедился, что донесения «Парижского агентства» — это «лишь от начала и до конца… все — плод воображения и к тому же особенно опасного, поскольку он создается с определенным намерением». Надо учитывать, однако, что сварливый Дютей, находившийся во враждебных отношениях с главарями агентства, тоже писал вышеприведенные слова «с определенным намерением». Правда, крупнейший специалист по истории французской революции (и, в частности, по истории действий в это время роялистских организаций) Ж. Годшо в 1969 г. повторил оценку Дютейя: «Корреспонденты графа д'Антрега осведомляли его очень плохо, и он сам превращал сообщаемые ими известия в настоящий роман… Таким образом, ныне ученые могут окончательно рассматривать как басни те россказни, которые до сих пор озадачивали историков, вроде сведений о неправдоподобной измене члена Ковента Сотайра или ошеломляющем поведении, приписываемом Сиейесу, который изображается в качестве главного организатора террора».

Как доказал еще Матьеэ, д'Антрег существенно менял содержание сведений, присылавшихся ему его агентами, не только для подстрекательства иностранных держав к усилению борьбы против французской республики, но и для побуждения их делать ставку на сторонников восстановления абсолютизма, а не на соперничавшую с ними группировку конституционалистов. Ныне известны, добавляет Годшо, источники сведений парижских корреспондентов графа д'Антрега: в первую очередь газеты, слухи, циркулировавшие в различных кафе. в частности в кафе Пале-Ройяль, отдельные секретные данные, передававшиеся мелкими служащими министерства иностранных дел и Комитета общественного спасения. Ж. Годшо, считающий, что не следует придавать никакой (или почти никакой) веры бюллетеням д'Антрега, пишет, что Комитет общественного спасения составил бы более правильное представление о «деле Энена», если бы мог ознакомиться с бюллетенем д'Антрега от 23—30 октября, который имеется в двух экземплярах — в архивах Лондона и Вены. Как явствует из этого бюллетеня, Шометт полностью доверял Эро де Сешелю и полагал вместе с этим последним, что Комитет общественного спасения должен сконцентрировать всю власть «в руках трех лиц — Шометта, Эбера и Робеспьера». В нем также предлагалось отделаться от «сына Капета, но сохранить его дочь», «обелить» герцога Орлеанского и ради достижения мира возвести его на трон, женив на «дочери Капета». «Если бы Комитет общественного спасения, — пишет Ж. Годшо, — прочел этот бюллетень, он убедился бы, что речь идет о мистификации и, несомненно, Эро де Сешель не был бы арестован и отправлен на гильотину». Этот ход рассуждений маститого историка вызывает возражения. Информация о «деле Энена» не была мистификацией. Эро де Сешель вызывал недоверие у большинства членов Комитета общественного спасения из-за своих связей с подозревавшимися в причастности к иностранной агентуре. Слухи о подобных планах Шометта и Эбера не были только изобретением «Парижского агентства» и самого д'Антрега — подобные планы лидерам эбертистов приписывали некоторые влиятельные якобинцы. Наконец, Эро де Сешель был судим и казнен главным образом потому, что считался участником дантонистской группировки (несмотря на его прежние эбертистские связи). Таким образом, бюллетень от 23—30 октября мало что решает в вопросе о степени достоверности информации д'Антрега в целом.

Годшо слишком категоричен. Бумаги д'Антрега (как его «бюллетени», так и донесения, поступавшие к нему из Парижа) несомненно содержат как заведомо ложную, так и достоверную информацию, которая была проверена и подтверждена историками. Однако основная масса материала, содержащаяся в бумагах графа, либо вовсе не допускает проверки, либо по различным причинам еще не подвергалась ей. В результате можно лишь гадать

относительно удельного веса правды и вымысла в этих депешах и бюллетенях. Немудрено, что одни историки предпочитают вовсе игнорировать документы д'Антрега, другие, напротив, подходят к ним совершенно некритически, третьи используют выборочно, не обосновывая мотивов своего выбора (обычно это сведения, позволяющие подтвердить концепцию, отстаиваемую данным автором). Вопреки Дютейю, информация д'Антрега не была «романом от начала до конца». Как заметил французский историк А. Оливье, шпионские бюллетени д'Антрега представляют «смесь ошибок и правды». Разграничение же между ними порождает, в свою очередь, «смесь ошибок и правды», поскольку оно носит нередко по необходимости произвольный характер. (Ярким примером является и сама процитированная книга А. Оливье о Сен-Жюсте.)

Мы, видимо, знаем далеко не всех информаторов «Парижского агентства». В разное время это были разные лица. Так, Антуан Юго (Дефарж), чиновник канцелярии Комитета общественного спасения, и его сослуживец Теодор Андре были завербованы Леметром только в конце августа 1795 г. Следовательно, в 1793 и 1794 гг. у агентства были информаторы в правительственных сферах, причем имевшие какой-то доступ к секретным документам. Ведь в донесениях д'Антрега фигурируют, иногда, правда, искаженные до неузнаваемости, документы Комитета общественного спасения. Шпион (или шпионы) агентства, занимавший незначительный пост в канцелярии, имел возможность лишь бегло просмотреть депешу перед ее отсылкой по адресу, а потом «по памяти» восстанавливал содержание этого донесения, нередко при этом путая имена и просто присочиняя то, что не удалось прочесть. Иногда он мог узнать содержание приказов комитета, дебатов, которые происходили во время его заседаний. Что было правдой, что вымыслом, историки теперь в состоянии определить более точно, чем это было возможно тогда, когда писал свои работы А. Матьез. Но и ныне такое отделение правды от вымысла возможно лишь в отдельных случаях. Многие известия не находят опоры в надежных документах, не допускают проверки, вместе с тем не являются столь неправдоподобными, чтобы их можно было отбросить без колебаний.

Одним из лазутчиков «Парижского агентства», вероятно, был некий Жан Жозеф Дерше. В 1793 г. он издал «Исторические заметки о поведении правительства Великобритании по отношению к Франции», позднее, в 1796 г., участвовал в публикации материалов, призванных обосновать аннексию левого берега Рейна. В период якобинской диктатуры Дерше находился в числе служащих Комитета общественного спасения, а в 1795 г., перейдя в министерство иностранных дел, стал главой его 3-го управления, а потом и близким сотрудником Талейрана. Прямых свидетельств связи Дерше с роялистским подпольем в 1793—1794 гг. нет, ее можно предполагать, поскольку впоследствии он как будто стал агентом д'Антрега, что, впрочем, тоже нельзя считать вполне доказанным. Эта версия базируется, по сути дела, на утверждении агента д'Антрега, подписывавшегося «Ваннеле», что его «племянник» является главой 3-го управления министерства иностранных дел. Но ведь переписка д'Антрега и его агентов содержит немало сознательной дезинформации, понятной для адресатов, но способной ввести в заблуждение французские власти, в руки которых могли попасть разведывательные депеши. Напомним, что сам д'Антрег не раз сообщал своим нанимателям ложные данные о том, кто являлся его информатором.

Вдобавок, если проанализировать сведения, будто бы исходившие от Дерше в 1797—1800 гг., выясняется, что он, несмотря на свое положение, был довольно плохо осведомлен о многих вещах, непосредственно относящихся к сфере его деятельности. Это заставляет предположить, что либо не он был «племянником Ваннеле», либо сообщал «дядюшке» лишь часть того, что ему было известно.

Если принять бюллетени д'Антрега за чистую монету, то пришлось бы совершенно по-иному представить историю революционного правительства. Интригующей загадкой остается, почему роялистское подполье, имевшее, как мы убедились, свои источники информации о том, что происходило в верхних эшелонах революционной власти, настойчиво представляло бывшего аббата Эммануэля Жозефа Сиейеса в качестве закулисного вдохновителя Комитета общественного спасения. Здесь не стоит останавливаться подробно на характеристике Сиейеса, получившего известность накануне революции как автора брошюры «Что такое третье сословие?». Он избирался депутатом Учредительного и Законодательного

собраний, Конвента, занимал важные посты в годы Директории и Консульства, пережил реставрацию, июльскую революцию и окончил жизненный путь в 1836 г., немного не дотянув до 90 лет, «Аббат Сиейес, — писал осведомленный современник М. А. Бодо, — не любил ни королей, ни народ, ни мужчин, ни женщин, он не любил никого, кроме самого себя… и денег. Некоторые говорят: денег и самого себя». Бодо именовал Сиейеса «робким атлетом, который должен был принуждать себя к молчанию». Умение Сиейеса безмолвно выжидать исхода политических бурь, сохраняя при этом репутацию мудрого государственного деятеля, стало почти легендарным. Известно, что во время террора едва ли не главной побудительной причиной действий Сиейеса, примкнувшего к Болоту в Конвенте, был страх. Известен ответ на вопрос, что он делал в то бурное время: «Я жил» (точнее по смыслу-выжил). Он был вполне искренним, что не так уж часто случалось с бывшим аббатом. Недаром через 40 с лишним лет, после свержения якобинской диктатуры, в угасающем сознании Сиейеса порой всплывало пережитое им чувство ужаса и он заклинал близких: «Если придет месье Робеспьер, скажите, что меня нет дома». Так вот этот самый Сиейес, если верить д'Антрегу, был, оказывается, душой робеспьеристского Комитета общественного спасения, в состав которого он, кстати, не входил. Именно Сиейес, согласно д'Антрегу, вселил уверенность в упавших духом Робеспьера и Кутона, собиравшихся в марте 1794 г. бежать в Америку, а также Сен-Жюста и в шестичасовой речи убедил их принять решение об аресте эбертистов. Тот же Сиейес настоял на аресте Дантона. Между прочим, Сиейесу приписывается и разъяснение комитету, что и эбертисты, и дантонисты являются агентами Питта. Интересно отметить, что в некоторых случаях, неоправданно приписывая Сиейесу роль в том или ином событии, агенты д'Антрега обнаруживают точную осведомленность о сути этого события. Так, в бюллетенях утверждается, что Сиейес настаивал на казни принцессы Елизаветы, сестры короля, тогда как Робеспьер выступал против этой меры. Интересно, что здесь агенты д'Антрега осведомили его вполне точно о позиции Робеспьера, хотя тогда она была известна лишь самому узкому кругу. Теперь же из воспоминаний современников нам известно, что Робеспьер 20 мая 1794 г. заявил книгопродавцу Маре: «Я вас заверяю, что хотел ее спасти. Это Колло д'Эрбуа вырвал ее у меня из рук».

Ж. Годшо писал, что агенты д'Антрега «сочинили свой роман, отталкиваясь от замечания о Сиейесе, сделанного Робеспьером в Комитете общественного спасения». Резко негативное замечание Робеспьера по адресу Сиейеса приведено в известной книге А. 3. Манфреда «Наполеон Бонапарт»: «Он не перестает действовать в подполье собрания. Он роет землю и исчезает». Но принадлежат ли эти слова Неподкупному? Мы знаем о них из мемуаров члена Комитета общественного спасения Барера, не отличавшегося правдолюбием. Мемуары были изданы в 1844 г., через много лет после смерти их автора, но написаны были в годы, когда Бареру не было никакого резона вызывать неудовольствие все еще влиятельного тогда Сиейеса. Не приписал ли Робеспьеру Барер свои собственные желчные суждения о Сиейесе? Добавим, кстати, что вышеприведенное высказывание Робеспьера (а может быть, Барера) не ограничивается процитированными выше строками. Далее следует: «…Он всем руководит и вовлекает в ссоры. Он вызывает смятение и исчезает. Он создает фракции и приводит их в действие, натравливает одних на других и сам держится особняком, чтобы впоследствии, если позволят обстоятельства, извлечь из этого выгоды для себя». Не напоминает ли это оценки поведения Сиейеса в бюллетенях д'Антрега? Если верить Бареру, Комитет общественного спасения потребовал от Робеспьера доказательств подрывных действий Сиейеса и, поскольку они не были представлены, на том дело и закончилось и Сиейес был спасен. Это никак не совпадает со сведениями д'Антрега о сотрудничестве между Робеспьером и Сиейесом. Но и свидетельства Барера, и сообщения «Парижского агентства» никак не вяжутся с осторожной самооценкой Сиейесом своей деятельности («Я жил»), самооценкой, также, может быть, являвшейся лишь одним из скрытых ходов в политической борьбе. Пока мы еще не в состоянии последовать рекомендации Матьеза и провести проверку сведений о роли Сиейеса, содержащихся в документах д'Антрега. Она, быть может, станет осуществимой после всестороннего исследования его бумаг, хранящихся во Французском национальном архиве, да и то с оговоркой, что какие-то из маневров этого пронырливого и увертливого политика могли оставить после себя письменные следы.

Но и без такой проверки кое-что бросается в глаза. Сведения, сообщавшиеся агентами д'Антрега, явно были плодом их пусть ошибочного, но искреннего убеждения. Его вполне разделял граф Прованский (будущий Людовик XVIII), который в мае 1794 г. писал о «душе тигра у аббата Сиейеса, который ныне управляет Комитетом общественного спасения». А один из самых умных деятелей роялистского лагеря, Малле дю Пан, 28 февраля 1795 г. уверял: «Аббат Сиейес — самый опасный из людей, порожденных революцией».

Близкого мнения придерживались и термидорианцы. На следующий день после 9 термидора в бумагах Комитета общественного спасения была найдена — по-видимому, в копии — депеша одного из агентов д'Антрега (оригинал ее все же попал к графу и был опубликован в «Бумагах Дропмора»), В письме говорилось о каком-то не названном по имени «единственном главе, который редко показывается в открытую, но обладает большим влиянием в Комитете общественного спасения». В своих «Мемуарах», которые были изданы в 1824 г., член Конвента дантонист А. К. Тибодо, не имевший никакой возможности ознакомиться с другими донесениями роялистских агентов (опубликованы в «Бумагах Дропмора»), по поводу этой депеши заметил: «Вероятно, это был аббат Сиейес». После 9 термидора Сиейеса неоднократно резко упрекали в том, что он способствовал продвижению Робеспьера к вершинам власти, был тайным соучастником, если не вдохновителем, действий Комитета общественного спасения.

Сиейес выступил и с печатным опровержением возводившихся на него обвинений — «Заметками к биографии Сиейеса». Брошюра была издана в Швейцарии, и уже на титульном листе читателя уверяли,, что она была написана в «мессидоре II года», то есть в июне — июле 1794 г., и, следовательно, до 9 термидора. В тексте далее даже уточняется, что «Заметки» были закончены 8 мессидора (26 июня), иначе говоря, за месяц до свержения Робеспьера. Однако уже предисловие «От издателей» датировано 1 февраля, и в нем разъясняется, что опубликовать брошюру ранее было бы равносильно тому, чтобы «выдать ярости палачей драгоценную голову философа». Вряд ли можно сомневаться, что из тех же соображений и сами «Заметки» написаны были лишь после 9 термидора.

Анонимный автор «Заметок» (это был друг бывшего аббата К. Эльснер) не скрывает, что слухи, вредящие репутации Сиейеса (в глазах термидорианцев), получили широкое хождение. Как объясняется в «Заметках», каждая из борющихся партий стремилась заполучить Сиейеса в свои ряды, а когда ей это не удавалось, она делала заключение, что он примкнул к ее врагам. «Отсюда проистекают тысячи и тысячи вздорных. противоречащих друг другу глупостей, сочиняемых и распространяемых на его счет». Враги Сиейеса ложно уверяют, что он действует тайком, «стоит за занавесом». В ответ в «Заметках» утверждается, что, мол, во всех случаях Сиейес, желая предпринять что-то, не скрывал своих намерений, если же этого не было видно — значит, он и не собирался действовать. После таких предварительных замечаний читателю сообщалось главное. «Крайняя из нелепостей, выдуманных относительно нашего доверителя, состоит в том, чтобы причислить его к тем, кто привел к власти Робеспьера. Этот слух получил распространение как за границей, так и внутри страны среди множества лиц… Ни Сиейес никогда не говорил ни слова Робеспьеру, ни Робеспьер — Сиейесу… Между этими двумя людьми не было сказано ни слова, не было переписки, они никогда не находились вместе ни за столом, ни в обществе, никогда, по крайней мере до сих пор. Они находились рядом друг с другом в Законодательном собрании и Конвенте. Робеспьер три или четыре раза нападал на Сиейеса, не упоминая по имени, в Якобинском клубе или в Конвенте, но Сиейес не отвечал… Сиейес поэтому является последним человеком, в отношении которого можно подумать, что он собирается броситься в объятия Робеспьера. А источником подобных вздорных слухов являются невежество, легкомыслие и слепая ненависть».

Ни один из известных исследователям документов эпохи революции прямо не подтверждает утверждения бюллетеней д'Антрега относительно роли Сиейеса. И тем не менее как объяснить такой эпизод? Робеспьер приказал вызвать Сиейеса в 9 часов 23 марта 1794 г. в Комитет общественного спасения (бумага с приглашением сохранилась в Национальном архиве). Этот документ трудно совместить с утверждением Сиейеса, что ему не пришлось никогда и словом перемолвиться с Робеспьером. Что же в этот день обсуждал комитет и зачем Робеспьеру потребовалось послать приглашение Сиейесу? Если верить бюллетеню д'Антрега, как раз 22 и 23 марта Комитет общественного спасения, напуганный резонансом, который

вызвал процесс эбертистов, и тем, что в ходе его всплывали все новые имена их соучастников, подумывал отложить суд и отправить обвиняемых обратно в тюрьму. Г. Дейзен, новейший биограф Сиейеса, пишет о приписываемой ему роли в подавлении эбертистов: «Эта любопытная история может в какой-то мере соответствовать действительности. Но доказательства выглядят несколько подозрительно». И далее Дейзен делает вывод: «Вероятно, что Сиейес давал в разное время советы Комитету[22], но характер этих советов далеко не ясен. Во всех случаях он действовал скрытно».

Остается добавить несколько слов о последующей судьбе «Парижского агентства». Леметр был освобожден из тюрьмы 15 августа, менее чем через три недели после 9 термидора, и «мануфактура» продолжала работать. Леметр активно участвовал в подготовке руководимого роялистами мятежа 12—13 вандемьера (4—5 октября) 1795 г. против термидорианского Конвента. После подавления этого выступления он был выдан одним из своих агентов. При аресте Леметра была захвачена часть его корреспонденции, что привело к задержанию Бротье и еще нескольких участников агентства. Де Поммеле, Сурда и Дюверню де Прей-лу удалось скрыться. Леметр и Бротье отрицали знакомство друг с другом, но аббат выдал имя, на которое он направлял корреспонденцию — «Паоло Филиберти» — в Швейцарию и тем самым раскрыл связи агентства. Леметр был присужден к смертной казни и гильотинирован 9 ноября, несколько других членов агентства были приговорены к различным срокам тюрьмы, а Бротье… выпущен на свободу, поскольку против него «не было выдвинуто никакого обвинения». Это был конец агентства. Правда, некоторые из его участников продолжали шпионаж против республики, но уже без связи с д'Антрегом.

Оценка достоверности бюллетеней д'Антрега необходима не только для описания деятельности «Парижского агентства», но, что куда более важно, для выяснения воздействия, оказывавшегося тайной войной, на узловые политические события революционного времени. Говоря о самых нелепых на первый взгляд утверждениях, содержащихся в бюллетенях и им подобных материалах, Матьез писал: «Ничто нельзя до изучения считать абсурдным в эту страшную эпоху, столь таинственную в стольких ее гранях!»

Взаимные подозрения

Связь с иностранными разведками и роялистским подпольем ставилась в вину ряду видных деятелей революционного лагеря. Позднее список подозреваемых был пополнен в результате исследований и догадок историков революции. Спор об обоснованности таких подозрений продолжается и поныне. Выше приводился пример Лазаря Карно. Немалое политическое значение имели подозрения в отношении Дантона.

Жорж Жак Дантон, что бы ни думать о его моральных качествах, был крупным буржуазным революционером. Он имел большие заслуги перед революцией на первых этапах ее развития. Однако во время якобинской диктатуры Дантон своим образом жизни нувориша, «нового богача», жадностью к материальным благам, к богатству, всеми своими общественными связями и симпатиями тяготел к буржуазным кругам, недовольным революционным террором, напуганным угрозой потери собственности, которая им чудилась в якобинских мечтах о равенстве, и выступал рупором этих кругов. Борьба правого крыла монтаньяров против робеспьери-стов — якобинского «центра» — закончилась весной 1794 г. гибелью Дантона и его друзей. Позднее, в конце XIX в., Дантон стал признанным героем либеральных республиканцев. Сочувствующие им историки, вроде А. Олара, восхваляли Дантона, противопоставляя его Робеспьеру.

Вызов принял демократический историк А. Матьез. В своей защите Робеспьера он не щадил Дантона. В результате многолетних настойчивых поисков в архивах, сверки нотариальных актов, купчих и других документов Матьез выдвинул против него тяжкие обвинения в продажности, в сотрудничестве с двором и иностранными разведками.

---

[22] общественной безопасности. — Е.Ч.

Как же доказывает Матьез свои утверждения? Он скрупулезно подсчитывает все возможные законные источники доходов Дантона (адвокатская практика, жалованье депутата) и приходит к выводу, что они никак не могли послужить даже основой для того довольно крупного состояния, которое успел сколотить за короткий срок бывший провинциальный стряпчий. В 1787 г. у Дантона было всего на 12 тыс., а в 1794 г. — уже свыше чем на 200 тыс. ливров различного имущества. Однако обязательно ли считать, что это были деньги, полученные Дантоном от роялистов или от английской разведки? Подобно многим другим депутатам-буржуа, Дантон, вероятно, занимался спекуляцией частью национального имущества (так назывались конфискованные земли дворян-эмигрантов, пущенные в продажу во время революции). Кроме того, в руках Дантона в бытность его министром были очень большие секретные суммы, которые он имел возможность расходовать почти бесконтрольно. Мог он попользоваться и кое-чем из добычи, захваченной французской армией в Бельгии (о чем тоже имеются весомые свидетельства в документах). Все это, конечно, не украшает облика Дантона, но не дает основания для обвинения в подкупе и шпионаже.

Вместе с тем есть и другие факты. Еще в начале революции, в ноябре 1789 г., французский посол в Лондоне доносил министру иностранных дел: «…В Париже есть два англичанина — один по имени Дантон, а другой по имени Паре[23], которых некоторые подозревают в том, что они состоят специальными агентами английского правительства». Трудно подозревать французского дипломата в предубеждении против Дантона. Его имя тогда было еще совершенно неизвестно, и посол даже считал Дантона англичанином.

После ареста Дантона среди его бумаг было обнаружено письмо от английского министерства иностранных дел банкиру Перрего с поручением выплатить довольно большие суммы денег людям, обозначенным инициалами. Эти деньги должны были составлять вознаграждение за услуги, оказанные Англии, в частности за выступление с провокационными речами в Якобинском клубе. Неясно, как могло попасть это письмо к Дантону, если оно не было передано ему самим банкиром Перрего.

Как бы ни относиться к таким прямым свидетельствам, обвинение Дантона в шпионаже получает и косвенное подтверждение в установленном факте, что он принимал деньги от французского двора. В 1851 г. была опубликована переписка Мирабо с графом Ламарком. В этих доверительных личных письмах, относящихся к 1791 i., Мирабо, который уже состоял на жалованье у двора, упоминает как само собой разумеющееся обстоятельство, что Дантон получал деньги за помощь королю в подготовке контрреволюционного переворота. Одним из сотрудничавших с Дантоном в этих махинациях был некто Талон, проходимец, занявший пост начальника королевской тайной полиции, организатор роялистской пропаганды. Уехав за границу и разбогатев в Англии на финансовых спекуляциях, Талон через девять лет после казни Дантона, в 1803 г., рискнул вернуться во Францию, но был немедля арестован полицией консула Бонапарта. В своих показаниях он рассказал о сотрудничестве с Дантоном, что тот, будучи министром юстиции, когда Талону стало опасно оставаться во Франции, добыл ему заграничный паспорт. Талон подтвердил, что вел переговоры с английскими агентами относительно намерения спасти короля. В этом деле ему опять-таки вызвался помочь Дантон, который думал добиться такой цели принятием декрета об изгнании. По словам Талона, Дантон потребовал, однако, такую крупную сумму, которую английский премьер-министр Уильям Питт Младший никак не соглашался дать, даже если бы король был спасен. Не следует думать, что Талон своими показаниями думал очернить память Дантона. Скорее наоборот, для Талона как роялиста эти поступки Дантона были вполне похвальными, хотя и не бескорыстными. Так что у Талона не было причин лгать.

Надо добавить, что еще один из роялистов, Теодор Ламет, в своих мемуарах, увидевших свет только в XX в., вполне независимо от Талона подробно излагает эту историю переговоров Дантона с иностранными державами, в том числе с Англией, о спасении короля за 2 млн. ливров и об отказе Питта дать согласие уплатить запрошенную сумму.

Нет нужды продолжать, воспроизводя многочисленные дополнительные свидетельства,

---

[23] секретарь Дантона. — Е.Ч.

которые приводит Матьез, для подтверждения рассказов Талона и Ламета. Французский историк попытался под углом зрения этой версии «пересмотреть» всю деятельность Дантона в годы революции. Большинство специалистов сочли в целом соображения Матьеза недоказанными. Эти историки с полным основанием решительно отвергли его попытку представить Дантона только взяточником и шпионом, игнорируя ту большую революционную роль, которую он сыграл в ряде важнейших событий тех грозовых лет. Факты, собранные Матьезом, не получили огласки в годы французской революции. Но подозрения возникали уже тогда против Дантона, как, впрочем, и против других политических деятелей. Едва ли не все они обвиняли друг друга в стремлении реставрировать монархию, и притом, как правило, конституционную монархию, будь то во главе с представителями Орлеанскою дома (младшей ветви Бурбонов) или с содержащимся в тюрьме малолетним дофином. Подобные обвинения бросались тогда, когда противнику, по существу, инкриминировалось стремление к личной диктатуре, которую должны были «прикрывать» не республиканские, а конституционно-монархические формы государственности. Отсюда видно, насколько реальной представлялась современникам перспектива монархической реставрации. Еще ранее, в начале декабря 1792 г., когда обсуждался вопрос о суде над королем, жирондист Дюне потребовал ввести смертную казнь для всякого, «кто предложит восстановить во Франции королей или королевскую власть под каким бы то ни было названием». Это была угроза Горе, которая будто бы стремилась возвести на трон герцога Филиппа Орлеанского.

После измены Дюмурье весной 1793 г. Дантона обвиняли в Конвенте в том, что он был сообщником генерала, связанного с жирондистами, которые строили планы реставрации монархии. В свою очередь, жирондисты повторяли свои обвинения в том, что монтаньяры якобы покровительствуют «орлеанистской фракции». Жирондист Бирото летом 1793 г. инкриминировал якобинцу Фабру д'Эглантину, тесно связанному с Дантоном, намерение предложить в иносказательных выражениях Комитету общественного спасения возвести на престол короля «как верное средство спасения республики». Дантон, в свою очередь, еще в речи 1 апреля 1793 г. предъявил жирондистам такое же обвинение. Сен-Жюст и Кутон обвиняли жирондистов в составлении плана «захватить Тампль и провозгласить королем Людовика XVII». Накануне и во время событий 31 мая — 2 июня 1793 г., приведших к свержению жирондистов, их лидеры заявляли, что монтаньяры получили деньги из Англии для подготовки своего выступления и последующего восстановления монархии. Обвинения в намерении способствовать реставрации постоянно фигурировали во время ожесточенной внутренней борьбы в якобинском блоке в период, предшествовавший 9 термидора. Через несколько месяцев после термидорианского переворота, 5 октября 1794 г., такой убежденный республиканец, как Камбон, утверждал, будто Робеспьер, Дантон и Паш еще 23 мая 1793 г. имели встречу с бароном Батцем в его доме, обсуждая возможность возвращения на трон Людовика XVII. Бывший секретарь Комитета общественной безопасности Сенар — свидетель, правда, ненадежный — уверял в своих «Мемуарах», что руководители монтаньяров рассматривали возможность создания военного правительства, главой которого намечали Филиппа Орлеанского, близкого к дантонистам, либо самого Дантона или Робеспьера, который, однако, отверг эти планы. Узнав об аресте депутатов Конвента Шабо, Базира, Жюльена из Тулузы и Фабра д'Эглантина, эмигрантские круги рассматривали это как крушение роялистского заговора с целью освобождения дофина. Наиболее умные среди эмигрантов вполне верили обвинениям в намерении восстановить монархию, выдвигавшимся против руководителей различных якобинских группировок во время процессов над ними в Революционном трибунале. Менее чем через неделю после термидорианского переворота, 3 августа 1794 г., Малле дю Пан в письме к главе английской секретной службы в Бельгии лорду Элджину писал, что главари этого переворота — «сторонники Дантона, казненного за намерение провозгласить королем Людовика XVII». Английский дипломат и разведчик У. Майлс в апреле 1794 г., узнав о казни Дантона, писал: «Дантон в феврале 1793 г. стремился к установлению регентства».

Обвинение в скрытом роялизме, в стремлении учредить регентство при малолетнем Людовике XVII выдвигалось едва ли не против всех руководителей политических партии — его предъявляли жирондистам, эбертистам, дантонистам, потом Робеспьеру и его сторонникам.

Оно повторяется как рефрен в речах общественного обвинителя Фукье-Тенвиля. Известный юрист и историк М. Гарсон считает, что поэтому ни в одном случае такое обвинение не заслуживает доверия. «Если бы, — писал он, — подобное обвинение выдвигалось лишь против Шометта и его приспешника Эбера, оно заслуживало бы самого детального рассмотрения. Но оно было использовано без особой убедительности против почти всех остальных». Этот аргумент, сам по себе весомый, все же не дает основания решить вопрос. Ведь не исключено, что постоянно выдвигавшееся обвинение могло оказаться справедливым в отдельных случаях. К тому же никому из тогдашних политиков не было предъявлено таких конкретных улик, как Эберу. Другой вопрос, было ли все же обвинение достаточно обоснованным.

Чтобы приблизиться к истине, надо в полной мере учитывать «человеческий фактор». Никто из революционных деятелей не имел революционного прошлого до взятия Бастилии. Они были, конечно, сторонниками идей Просвещения, но оно было революционным только в потенции, а его идеологи, как правило, возлагали свои надежды на просвещенного монарха, и те из них, кто дожил до 1789 г., за очень немногими исключениями, не приняли революцию. В начале революции будущие якобинцы были конституционными монархистами. Республика многим из них рисовалась аристократическим учреждением, образцом чего были Древний Рим, итальянские торговые республики, вроде Венеции, или шляхетская Речь Посполита. Жирондистам представлялось, что плебейские выступления губят свободу, ведут к «анархии», прокладывая тем самым путь к восстановлению абсолютизма или к личной диктатуре одного или нескольких честолюбивых демагогов типа древнеримских триумвиров. Позднее гибель собственной партии казалась и жирондистам, и дантонистам, и робеспьеристам равносильной гибели республики и свободы. Жирондисты в победе якобинцев видели не только угрозу собственности, но и покушение на основы нового гражданского общества. Для борьбы против якобинцев оправдан даже союз со вчерашними противниками — сторонниками восстановления монархии.

Хотя в годы революции огромные массы французов порвали с монархическими иллюзиями и подтвердили делом свою преданность республике, однако для определенной части народа монархические иллюзии отнюдь не ушли в прошлое, причем не только в Вандее и других департаментах, где контрреволюционное движение приняло широкий размах. Напомним, что позиции католической церкви оставались крепкими во многих районах Франции и ее влияние было полностью употреблено в пользу роялистов. Не забудем, что особенно важно, что роялистские настроения даже усилились среди значительной части буржуазии, считавшей восстановление монархии гарантией против «санкюлотских эксцессов». Вспомним, что в октябре 1795 г. значительная часть буржуазных кварталов Парижа выступила под роялистским знаменем против Конвента, что в 1797 г. роялисты, казалось, были близки к овладению властью парламентским путем. В 1793 г. не только Болото Конвента, но и три четверти жирондистов были роялистами.

Разногласия между конституционными и «чистыми» монархистами имели глубокие корни. Эмигранты и их единомышленники строили планы беспощадной расправы с «цареубийцами», восстановления сословного строя, абсолютизма, всех институтов феодально-абсолютистского режима. При этом многие из них не скупились на угрозы, вроде пожелания графа Утремона, чтобы повесили всех тех, кто остался в живых из членов Учредительного собрания. Другие считали, что лица, купившие имущество духовенства, должны быть расстреляны.

Тем самым эмигрантские круги толкали в ряды своих противников подавляющую часть собственнической Франции, не только политических вождей новой буржуазии, таких как бывшие якобинцы Баррас, Фрерон, Тальен, но и тех представителей старой денежной и торгово-промышленной буржуазии, от лица которых как раз выступало большинство членов Учредительного собрания и Болото в Конвенте.

По мере углубления революции в лагерь ее противников переходили различные фракции буржуазии, представленные на политической арене первоначально партиями фейянов и жирондистов. Хотя эти партии потерпели поражение в борьбе, включая вооруженную (в 1793 г.), и фактически сошли со сцены, их социальная база не исчезла и дала потенциальную опору противникам революционного правительства, дантонистам, формировавшемуся блоку будущих

термидорианцев. Все же слои собственнической Франции, рассматривая вопрос о формах своей будущей власти, не могли не взвешивать вопроса о том, насколько реставрация монархии могла бы способствовать стабилизации их господства. Однако в любом случае для них была неприемлема такая реставрация, которая включала бы полное восстановление старого режима, возвращение дворянству и духовенству их земель и привилегий, отмену всех тех основ нового буржуазного правопорядка, которые возникли в революционные годы. Поэтому исключалась возможность соглашения с находившимися в эмиграции братьями Людовика XVI — графом Прованским и графом д'Артуа. Ведь они требовали безоговорочного восстановления абсолютизма, всего старого строя и вдобавок сурового наказания «цареубийц», то есть депутатов Конвента, голосовавших за казнь короля, среди которых было большинство руководителей контрреволюционного переворота 9 термидора, и находившихся у власти после этого переворота на протяжении последующих пяти с лишним лет — до установления диктатуры Наполеона Бонапарта. В этих условиях реальная возможность осуществления планов реставрации — так по крайней мере казалось многим политическим деятелям — появится, только если будет восстановлена конституционная монархия, санкционирующая главные итоги революции, выгодные буржуазии. А такая частичная реставрация была мыслима только при возведении на престол малолетнего дофина — к тому же в глазах всех монархистов единственного законного претендента на трон — и учреждении регентства, которое состояло бы из политиков, всеми своими корнями связанных с Францией и являвшихся гарантами сохранения новых порядков, рожденных революцией. Немало честолюбцев связывало с такой возможностью и планы личного возвышения. Конституционные монархисты, отмечает Матьез, «мечтали о национальной династии с молодым дофином, который перейдет из Тампля в Тюильри, не приведя с собой эмигрантов и иностранцев». Правление Людовика XVII в представлении значительного числа политиков имело бы то преимущество, что фактическая власть при малолетнем короле должна была принадлежать регенту или регентам. Вместе с тем дофин был бы изолирован от роялистов, и возведение его на престол могло нисколько не сопровождаться перечеркиванием основных социальных завоеваний революции и, в частности, возвращением эмигрантам конфискованных у них владений. Иными словами, в рамках такого правления могло быть осуществлено то, что позднее было проделано режимом империи, — закрепление тех итогов революции, которые были выгодны буржуазии и собственническому крестьянству. Признанный идеолог левого крыла якобинцев Эбер писал в э 180 «Пер Дюшен»: «В сознании роялистов и умеренных король не умирает никогда. Он в Тампле, они могут захватить этот призрак, и именно вокруг него они сплачиваются».

Указанные обстоятельства должны были занимать мысли и руководителей различных фракций монтаньяров, столкнувшихся в ожесточенной схватке. Революционный процесс начал явно буксовать, когда в обстановке напряженной борьбы внутри якобинского блока перспективы его дальнейшего развития стали явно туманными. Серьезные политики не могли не думать о будущем, и их публичные заявления были нередко в большой мере продиктованы сложившейся ситуацией, пропагандистскими задачами. Они могли не соответствовать их подлинным планам. Это не было каким-то двуличием и вероломством, а лишь порожденной обстоятельствами линией поведения. Любая другая лишала бы их самой возможности участия в политической жизни да и попросту вела на гильотину, которой, впрочем, многим не удалось избежать.

Конечно, опыт революционных лет произвел коренные перемены в сознании народа и сознании его вождей. Но этот опыт мало что говорил о том, как прочнее закрепить достижения революции. Размах революционного насилия не уменьшал числа врагов революции, скорее наоборот. Некоторые вожди различных монтаньярских группировок, задумываясь о судьбах революции и о собственном будущем, не исключали возможности сохранить ее завоевания с помощью своего рода «народной монархии», при которой рычаги власти оставались бы в их руках. Подобные соображения, видимо, и заставляли всех, одного за другим, руководителей якобинского блока задаваться вопросом о том, как использовать с этой целью «маленького Капета», при котором регент и члены регентства могли бы обладать всей полнотой власти. Подобная реставрация могла бы послужить прелюдией к окончанию войны и заключению мира с неприятельской коалицией. Именно поэтому вопрос о судьбе дофина, заключенного в тюрьму

Тампль, стоял все время в повестке дня.

Было бы ошибкой поэтому относить вопрос о Людовике XVII к числу незначительных «мелочей», не заслуживающих внимания серьезной историографии. Более того, обращение к этому вопросу и поныне порой выдается за попытку консервативных ученых подменить пустяками изучение действительно важных вопросов классовой борьбы, социальной и политической истории революции и даже реакционной пропагандой. Но это явная ошибка. Бывает, что определенный — сам по себе и не очень важный — вопрос оказывается в фокусе противоборства. Борьба по этому вопросу опосредует столкновения по другим, иногда узловым политическим проблемам. Между прочим, это отлично понимали и современники, и революционное правительство, и роялистский лагерь. «Хотя нельзя согласиться с мнением некоторых историков, что судьба дофина была почти единственным предметом озабоченности всех партии, которые хотели превратить его либо в заложника, либо в знамя, — пишет М. Гарсон, — несомненно, что втихомолку шло много разговоров о нем, особенно среди роялистов». Вопрос не сводится, конечно, к выяснению судьбы «узника Тампля», попавшего в самый центр социального катаклизма. Слезы, которые почти два века проливали над его судьбой реакционные историки, были настоены на ненависти к революции, и их запасы жалости и сострадания распространялись лишь на особ королевской крови.

Речь идет об оценке политической линии ряда крупных деятелей революционного времени. Более того — о выявлении тех тайных намерений, которые в этой обширной литературе приписываются руководителям революционных группировок и которые, будь они истинны, радикально изменили бы наше представление об этих деятелях, об их подлинных убеждениях и политической программе.

Ответ на эти вопросы предполагает и выяснение масштабов активности иностранных разведок и роялистского подполья, иными словами — ознакомление с еще не прочтенными страницами истории тайной войны революционных лет.

Один из новейших исследователей вопроса о судьбе Людовика XVII, Андре Луиго, писал: «Тысячи томов написано об этом деле, и все же не удалось пролить свет на причины того, почему противниками теории бегства дофина не были представлены абсолютные доказательства смерти[24], а сторонники этой теории не смогли убедительно доказать, что он был увезен из Тампля». «Проблема Людовика XVII, — писал в 1982 г. историк вандейских войн Шьяп, — это бездонная тайна. Наиболее экстравагантные ее решения часто имеют успех у публики в ущерб разъяснениям более рациональным, но разочаровывающим, так как они лишены красочности».

Интерес к «тайне Тампля» подпитывался разными источниками. Первоначально он был продиктован явными политическими интересами. Во время Реставрации, когда речь заходила о судьбе дофина, сразу же вставал вопрос о «законности» занятия престола Людовиком XVIII, а потом Карлом X. После революции 1830 г., свергнувшей с трона старшую ветвь Бурбонов, также обсуждалась «законность» притязаний на престол официального претендента легитимистов графа Шамбора («Генриха V»). А ведь тот окончательно отказался от своих притязаний лишь в 70-х годах XIX в., да и потом вопрос о монархической Реставрации отнюдь еще не отпал окончательно. И в XIX, и даже в XX в. «загадка дофина» использовалась для монархической пропаганды и особенно для нападок на французскую революцию, на якобинизм. Эти мотивы преобладают до сих пор в огромной литературе, насчитывающей уже сотни и сотни сочинений о «Людовике XVII» (включая и романы, иногда тоже замаскированные под научные исследования). Конечно, сказалась и страсть к создающему сенсацию, внешне эффектному отгадыванию вековых «загадок истории». В какой-то степени правильно считать эти работы примером увлечения малозначительными сюжетами и ухода от подлинно важных исторических проблем. Но только в определенной степени, так как здесь речь идет о сюжете, в котором нашли отражение важные перипетии политической борьбы и тайной войны. В последнее время в истории изучения «тайны Тампля» сделан новый виток. Пробивает дорогу тенденция искать в «загадке Тампля» ответы на важные вопросы политической истории

[24] дофина. — Е.Ч.

революции, особенно в период якобинской диктатуры.

Вопрос о судьбе дофина постоянно возникал в конце 1793 г. и первой половине 1794 г. Беспокойство по поводу того, что сын Людовика XVI может быть похищен и его имя использовано в качестве объединяющего знамени всех врагов революции, не покидало монтаньяров. В 1794 г. Эбер в э 180 своей газеты «Пер Дюшен» вопрошал: «Вдобавок что такое один ребенок, когда речь идет о спасении республики? Разве те, кто удавил бы в колыбели его пьяницу-отца и его шлюху-мать, не поступили бы самым лучшим образом, который только можно вообразить? Вот мой совет, черт возьми». Одновременно обсуждался вопрос, как использовать дофина в интересах республики. Член Комитета общественного спасения Бийо-Варенн говорил в Конвенте 19 фрюктидора I года (5 сентября 1793 г.): «Заявите державам коалиции, что один лишь волосок поддерживает сталь над головой сына тирана и что, если они сделают дальше еще один шаг по нашей территории, он[25] станет первой жертвой народа». Дантон изрек с угрозой: «Пусть остерегается Робеспьер, чтобы я не бросил ему дофина, как палку в колеса!»

Фабр д'Эглантин доказывал, и немало единомышленников разделяло его мнение, что правление Людовика XVII стало бы «лучшим способом спасти республику». В своем докладе об аресте эбертистов, сделанном 26 вантоза (16 марта 1794 г.), Кутон указывал: «Пытались доставить детям Капета письмо, пакет и 50 луидоров золотом. Целью этой посылки было облегчить бегство сына Капета, так как заговорщики замыслили установить Совет регентства и присутствие этого ребенка было необходимо для водворения регента». Напомним, что дофину в это время было 8 лет, а его сестре — 15. 9 термидора вопрос о дофине не раз фигурировал в заявлениях как сторонников, так и противников Робеспьера. Вечером между 8 и 10 часами Робеспьер-младший, выступая в ратуше, заявил, что заговорщики хотят поработить Конвент, уничтожить патриотов и выпустить молодого Капета из Тампля. Напротив, Леонар Бурдон заявил в секции Гравилье: «Комитеты имеют доказательства, что Робеспьер собирался жениться на дочери тирана». После 9 термидора Барер обвинял Робеспьера в том, что он «стремился восстановить на троне сына Людовика XVI» и к тому же «намеревался жениться на дочери монарха». А много позднее Камбасерес (имперский канцлер при Наполеоне) заявлял, повторяя старые россказни: «Они все желали на ней жениться, начиная с Робеспьера». Инсинуации и не более того? Все же некоторые западные историки, отнюдь не только авторы сенсационных книг, склонны по крайней мере задавать вопрос, не стремился ли Робеспьер заполучить в свои руки дофина, заставив «официально умереть того, кто подменил его, с целью устранить возможность любой последующей идентификации».

Что же касается ряда других политиков того времени, то такое обвинение вообще нельзя считать неправдоподобным, учитывая то, что известно об их поведении до и после 9 термидора. Вопрос здесь только о выгодности для них и осуществимости такого плана.

Еще до смерти дофина в июне 1795 г. и особенно после нее возникла легенда о его бегстве из Тампля, послужившая темой для многочисленных специальных исследований и исторических романов. Количество их продолжает увеличиваться и в наши дни. В работах эвазионистов (от французского слова evasion — бегство) использованы ранее недоступные исследователям источники, фигурируют новые (другой вопрос, насколько веские) аргументы. В то же время авторы этих книг ссылаются на более чем сомнительные свидетельства, ставшие известными из вторых или третьих рук, на архивные фонды, сгоревшие при подавлении Парижской коммуны в 1871 г., на документы, подложность которых была давно уже твердо установлена, на частные коллекции документов, заботливо оберегаемые от постороннего глаза. Эти работы прежде всего бьют на сенсацию, некоторые из них относятся скорее к жанру «исторического детектива». Но не следует принимать за чистую, монету уверения эвазионистов, что они, мол, толкуют о сюжете, давно потерявшем всякое значение, кроме удовлетворения страсти к загадкам истории. Важно даже не то, что в этой литературе сильна ностальгия по дореволюционному прошлому, — как раз здесь проглядывает скорее дань моде, кокетливая поза монархистов, опоздавших родиться на 100 или 200 лет. На деле сверхзадача

[25] дофин. — Е.Ч.

книг о «тайне Тампля» заключается в консервативном истолковании истории революции.

Упорные слухи

Содержание дофина, сына Людовика XVI и Марии-Антуанетты, — Шарля Луи, герцога Нормандского, в тюрьме Тампль было прежде всего мерой предосторожности, а не какой-то местью восьмилетнему ребенку. Оно диктовалось необходимостью, чтобы Шарль Луи не попал в руки роялистов. Дофина, как и его сестру, власти рассматривали и как заложников, которых можно было бы обменять на пленных республиканцев, находившихся в руках неприятельских держав.

В качестве воспитателя дофина был назначен сапожник Симон, искренний республиканец, судя по всему, стремившийся привить такие чувства и ребенку, отданному на его попечение. В этом он следовал желаниям главы Коммуны Шометта, который заявил в разговоре с одним роялистом: «Я хочу, чтобы ему дали некоторое образование, я удалю его из семьи, чтобы он забыл о своем ранге». Правда, заместитель Шометта Эбер во время судебного процесса Марии-Антуанетты в октябре 1793 г. затеял недостойную игру, фабрикуя грязные обвинения от имени восьмилетнего ребенка против матери (известно, какое это вызвало возмущение Робеспьера, справедливо считавшего, что такие приемы способны были только запятнать честь революции и вызвать сочувствие к королеве). Ведь Марию-Антуанетту судили не за какие-то аморальные проступки или мнимые извращения, а за вполне реальные преступления против народа, за пособничество и подстрекательство интервентов, топтавших французскую землю, стремившихся потопить в крови молодую республику.

Действия Эбера подливали масла в огонь, помогали распространению слухов о жестоком обращении с дофином. На деле есть много документальных доказательств противного — вплоть до денежных счетов за купленные Симоном игрушки, цветы и птицы для своего подопечного. Сохранились и счета прачки за стирку белья, которые, между прочим, также неожиданно были использованы эвазионистами для подкрепления своих концепций. Но об этом дальше.

Симон, очевидно, находился в добрых отношениях не только со своим воспитанником, но и с его сестрой, позже герцогиней Ангулемской. В 1816 г., испытывая одного из самозванцев, объявлявших себя ее братом, она задала вопрос, что Симон поручил дофину передать ей в день, когда она постригла волосы. Из этого вопроса следует, что Симон оказывал какие-то услуги заключенным. Герцогине не было нужды называть имя Симона, если бы оно было ей неприятно.

Тщательная, надежная охрана Тампля была непростым делом. По архивным данным, каждый месяц в Тампле выдавалось около 7 тыс. продовольственных карточек — для солдат, служащих, рабочих разных профессий. Сама обстановка, созданная вокруг дофина, многочисленная, ежедневно сменявшаяся стража Тампля, запрещение видеть Шарля Луи кому-либо, кроме строго ограниченного числа лиц, — все это плодило слухи. «Было известно, — пишет М. Гарсон, — что вокруг его имени плетутся многочисленные интриги». Летом и осенью 1793 г. барон Батц предпринимал попытки организовать бегство королевы с дофином. В октябре 1794 г. один из главарей «Парижского агентства», Сурда, судя по письмам Бротье, вел подготовку к похищению дофина из Тампля. Бротье, к этому времени решивший придерживаться выжидательной тактики, видимо, отдалился от Леметра и Сурда — сторонников активных действий. Рассказывая о действиях Сурда, Бротье выражал опасения, не являются ли лица, которым тот доверяет, «австрийскими агентами». В письме от 7 ноября 1794 г. Бротье не скрывал своего крайнего недоверия к возможности осуществления плана Сурда, который, мол, находится во власти «тысячи химер».

Еще 3 января 1794 г. (14 нивоза) Генеральный совет Коммуны в связи с отсутствием на заседаниях большого числа своих членов постановил, что отныне им запрещается, если они хотят сохранить свое место в совете, занимать какую-либо оплачиваемую должность в административных органах. Предложение сделать исключение для Симона было отвергнуто, и 5 января (16 нивоза) Симон подал в отставку с поста воспитателя бывшего дофина. С этого числа и до 19 января не имеется никаких достоверных сведений о том, что делал в эти дни

Симон. Утверждения, что он все это время отсутствовал в Тампле, — позднейшего происхождения и могут казаться подозрительными.

В ответ на запрос Генерального совета Комитет общественного спасения 27 нивоза (16 января) предписал, чтобы наблюдение за содержанием дофина было возложено на четырех членов Генерального совета, сменяемых каждые сутки. 19 января Симон и его жена окончательно покинули Тампль. Были переоборудованы помещения на втором этаже, где содержался «маленький Капет». Эта работа была, видимо, закончена 27 января (9 плювиоза), и дофин был заключен в одну из комнат. В течение последующих шести месяцев никто вовне не знал чего-либо определенного о его участи. Впрочем, возможность увоза или подмены «заложника» в промежуток между 4 и 17 января 1794 г. не представляется сколько-нибудь реальной. После того как Симон подал в отставку, 7 января начались работы для изоляции помещения, в котором содержался дофин. В них участвовали работники, хорошо знавшие его в лицо, например трубочисты Маргерит и Фирно. Работы были закончены лишь 31 января. Даже если в это время был уже где-то спрятан «двойник», надо учитывать, что каждый вечер со времени отбытия Симона четверо дежурных комиссаров посещали дофина и разговаривали с ним. С 19 по 30 января 44 дежурных комиссара видели дофина, все они, за исключением троих новичков, знали «маленького Капета» в лицо, часто встречали его в Тампле. Ни один из них не заметил «подмены», не поднял тревогу. М. Гарсон подробно опровергает мнение о том, что с 31 января 1794 г. «маленький Капет» был полностью изолирован в своей комнате и никто не имел возможности его видеть, — «легенду о замуровании или по крайней мере об абсолютном затворничестве». Комната, в которой содержался дофин, по мнению М. Гарсона, основанному на анализе целого ряда документов, имела дверь, ведущую в переднюю. Через эту дверь можно было входить к дофину, что и проделывали ежедневно дежурные комиссары и служащие Тампля. Это делало «подмену» и бегство, которых к тому же вы не заметили, попросту невозможными. Без «легенды о замуровании» утверждения эвазионистов становятся еще более сомнительными. Но нашлись и аргументы в их пользу. Историк Л. Астье нашел в Национальном архиве план второго этажа Большой башни Тампля, выполненный в 1796 г. Из плана явствует, что дверь, ведущую в прихожую, нельзя было открывать, так как на ее месте была сложена печка, в низу которой была проделана форточка для связи с внешним миром. «Все было готово для осуществления возможной подмены», — утверждал на этом основании французский историк А. Кастело.

В ночь с 9 на 10 термидора, когда еще чаша весов колебалась и победа Конвента еще отнюдь не была обеспечена, он направил отряд из 200 человек в Тампль для укрепления находившейся там стражи, с тем чтобы воспрепятствовать возможной попытке со стороны своего врага — робеспьеристской Коммуны — увезти важных заложников — дофина и его сестру. А уже в 6 часов утра Баррас, командовавший войсками Конвента, в сопровождении еще нескольких депутатов сам явился в Тампль, чтобы убедиться в том, насколько надежно охраняется «маленький Капет». Баррас рассказал о своем визите в «Мемуарах», написанных через десятилетия после 9 термидора. В числе дежурных комиссаров, «которые 28 июля (10 термидора) несли охрану Тампля, был некто Лорине — врач, член секции столичного района Французского пантеона. Это был тот самый Лорине, который в прошлом, 19 января 1794 г., дежурил в Тампле, когда Симон, покидая тюрьму, передал дофина на попечение комиссаров, назначаемых Коммуной. Если бы Лорине увидел 28 июля не того же ребенка, который был ему знаком с 19 января, он наверняка сообщил бы об этом Баррасу. Приближенная королевы Полин де Турзел после казни Елизаветы, сестры Людовика XVI, в мае 1794 г. заявила, что дочь короля (будущая герцогиня Ангулемская) осталась в Тампле одна из всей своей семьи. Это могло означать, что ее брата, дофина, уже не было в Тампле. Один из сопровождавших Барраса в ночь с 9 на 10 термидора, депутат Конвента Гупило де Фонтене, ранее бывший членом Законодательного собрания, видел дофина 10 августа 1792 г., когда королевская семья укрылась в помещении собрания. Он сопровождал Барраса при посещении Тампля 10 термидора, а потом был в тюрьме 14 фрюктидора (31 августа) и 28 октября (7 брюмера). Однако не заявил ли Гупило де Фонтене Баррасу, что показанный им ребенок — не дофин? Нам известно об этом заявлении лишь со слов родственников Гупило де Фонтене, причем сказанных через много десятилетий после революции. А сопровождавший его 7 брюмера Ревершон снова был 19

декабря 1794 г. с инспекционным визитом в Тампле в сопровождении еще одного члена Конвента, Армана, и тем самым подтвердил, что ребенок тот же, которого он видел два месяца назад. 27 февраля Тампль посетил Арман, который, правда, много позднее подтвердил, что видел того же ребенка, что и при визите 19 декабря. Итак, от 10 термидора до 25 февраля 1795 г. непрерывная цепь свидетелей подтверждает, что в Тампле содержался все это время один и тот же ребенок. Предположить, что похищение дофина состоялось когда-го в первой половине 1794 г. (вероятнее всего, как уже отмечалось, между 4 и 19 января), означает допустить, что в последующие год-полтора никто ии большого количества дежурных членов Коммуны, специально приставленных для наблюдения за „заложником“, из тюремных служащих всех рангов не заметил подмены или, заметив, добровольно решил принять на себя смертельно опасную роль соучастника заговорщиков.

В 1795 г. вопрос о судьбе дофина по-прежнему фигурировал в роялистских планах и в переговорах Франции с державами неприятельской коалиции. Как писал министр иностранных дел Великобритании Гренвил У. Уикхему 8 июня 1795 г., Гарденберг, который был прусским уполномоченным на переговорах, приведших к заключению Базельского мира, рассказывал министру какого-то из немецких князей, что член Конвента Мерлен из Тионвилля и французский генерал Пишегрю разработали в мае 1795 г. план провозглашения Людовика XVII королем и что Гарденберг ездил в Берлин убеждать прусского короля поддержать этот проект. В ходе переговоров, вспоминал французский посол в Швейцарии, впоследствии член Директории Бартелеми, испанский уполномоченный д'Ириарте заявил, что ему поручено сделать предложения касательно Людовика XVII. Однако, поскольку Бартелеми не имел инструкций и не считал возможным их испрашивать, обсуждение этого вопроса не состоялось.

8 июня 1795 г. дофин умер, подточенный золотухой и туберкулезом, от которых скончался до революции его старший брат.

Надо признать к тому же, что в отчетах об обстоятельствах смерти и погребения дофина имеется немало частных противоречий, неясных или даже как будто нарочитых двусмысленностей. Например, в медицинском заключении двое из четырех подписавших его врачей, по всем данным, еще до революции имели случай видеть умершего ребенка. Между тем в своем заключении они выражаются очень осторожно. Им, мол, было показано мертвое тело и сказано, что оно является трупом «сына Капета» (т.е. Людовика XVI). Это можно принять и просто как констатацию факта, и как многозначительную оговорку, что врачи не касаются вопроса, чей труп они осматривали, и что ими лишь зафиксированы результаты вскрытия тела умершего десятилетнего ребенка.

Незадолго до смерти Шарля посетили в Тампле представители термидорианского Конвента. Впоследствии один из них, Арман, рассказывал, что, хотя ребенок послушно выполнял дававшиеся ему приказания, от него нельзя было, несмотря на все усилия, вытянуть ни одного слова. Возникала мысль, что мальчик немой. Своими воспоминаниями Арман поделился с кем-то в 1814 г., когда вернувшийся во Францию Людовик XVIII назначил его префектом департамента Верхние Альпы. Через несколько месяцев после опубликования всех этих воспоминаний, которые явно не могли понравиться королю, Арман был смещен со своего высокого административного поста и умер в нищете.

Если верить Арману и при этом отвергнуть малоправдоподобную гипотезу, что ребенок месяцами молчал, «не желая иметь дело» с республиканскими властями, то напрашивается вывод, что дофина действительно подменили другим мальчиком. Любопытно, что опубликовавший в том же 1814 г. первую книгу о дофине некий Экар утаил имевшуюся в его распоряжении заметку Сенара, агента Комитета общественного спасения. В этой заметке, составленной вскоре после медицинского вскрытия тела, прямо указывалось, что умерший — не дофин. Через несколько месяцев, в марте 1796 г., Сенар скончался. (Документ, о котором идет речь, впоследствии попал в руки одного французского историка.) Отмечали, что 1 июня 1795 г., то есть за неделю до смерти дофина, скоропостижно скончался наблюдавший его врач, известный хирург Десо. Он хорошо знал своего пациента и если бы был жив, то он уж, во всяком случае, не мог в медицинском заключении писать, что ему и его коллегам показали мертвое тело, разъяснив, что это труп «сына Капета». Племянница Десо мадам Тувенен в 1845 г. показала под присягой, что ее тетка, вдова хирурга, сообщила ей о следующих

обстоятельствах смерти своего мужа. Десо посетил Тампль и убедился, что дофин, которого он лечил, заменен другим ребенком. Когда он сообщил об этом, несколько депутатов Конвента пригласили его на званый обед. После возвращения домой Десо почувствовал себя больным, начались острые спазмы, и он вскоре скончался. Этот рассказ подтвердил в Лондоне доктор Аббейе, ученик Десо, который, по его словам, опасался также и за собственную жизнь и поэтому бежал из Франции.

Однако стараниями историков были опровергнуты некоторые утверждения и выяснены дополнительные обстоятельства, связанные с кончиной дофина. Незадолго до смерти его посещали чиновники Коммуны Герен и Дамон, которые знали его ранее и должны были бы обнаружить подмену. Оба они подтвердили (один в 1795 г., другой в 1817 г.), что виденный ими ребенок был дофин.

Акт о смерти, как показывает сравнение его с другими аналогичными документами, был составлен строго в соответствии с принятыми тогда формальностями. Те странности в нем, на которые обращали внимание сторонники Наундорфа, оказались при ближайшем рассмотрении повторением в этом документе обычных формулировок. Что касается смерти Десо — она последовала, к слову сказать, 20 мая, а не 1 июня 1795 г., как утверждалось ранее, — то в ней вряд ли было что-либо таинственное. В госпитале, где он служил, вспыхнула эпидемия, от нее помимо Десо умерли двое его коллег — Дюбю и Ферран, которые не видели дофина.

Если предположить, что дофин был действительно увезен и подменен другим ребенком, то у многих могло возникнуть желание убрать неугодных свидетелей. Во-первых, у тех, кто организовал или оказал помощь в организации побега и мог опасаться наказания со стороны правительства республики или стремился воспрепятствовать аресту беглеца, если он еще находился на французской территории. Во-вторых, у агентов графа Прованского, поспешившего объявить себя Людовиком XVIII. В-третьих, даже у официальных властей, которые, убедившись в бегстве дофина, могли счесть за лучшее объявить его умершим и дискредитировать как самозванца, если он появится за границей и станет центром притяжения для роялистов. В действиях властей не видно особого желания детально уточнить, кто в действительности умер 8 июня 1795 г. Закон требовал присутствия родственников умершего при составлении документов о кончине. В Тампле содержалась старшая сестра дофина, однако ее не сочли нужным привести для опознания трупа.

Правда, имеются показания, которые как будто исключают сомнения в том, что умерший 8 июня 1795 г. ребенок был Шарлем Луи. Имеются свидетельства двух тюремных сторожей Тампля, приставленных к дофину, — Гомена и Лана, доживших до глубокой старости. В этих показаниях подробно излагаются все обстоятельства, связанные с болезнью и смертью дофина. Все же есть основания заподозрить эти свидетельства, относящиеся ко времени Реставрации и июльской монархии: у обоих бывших сторожей могли быть серьезные основания, чтобы скрывать правду. Гомен, например, получал щедрую пенсию от Людовика XVIII, а герцогиня Ангулемская назначила его управляющим одним из своих замков. В их показаниях при сравнении с подлинными документами обнаруживается не только много неточностей, но и сознательная ложь.

Против этих показаний можно привести относящиеся к 1794—1795 гг. письма Лорана, третьего тюремного сторожа. Письма эти не под-нисаны, но могли, если исходить из их содержания, быть написаны только Лораном.

Жан Жак Кристоф Лоран был креолом, выходцем с острова Мартиника, как и Жозефина Богарне, в то время (в 1795 г.) любовница члена Директории Барраса, ставшая несколько позднее женой Наполеона Бонапарта. Лоран исполнял обязанности надзирателя в Тампле с 29 июля

1794 г. (через два дня после термидорианского переворота!) по 29 марта 1795 г. Как следует из сохранившихся служебных документов, Гомен был помощником Лорана с 9 ноября 1794 г., Лан стал работать сторожем с 31 марта 1795 г., то есть после ухода Лорана со своей должности.

В первом письме, датированном 7 ноября 1794 г., сообщается, что Лоран укрыл дофина в «потаенном месте, где ею не найдет сам Господь boi», а взамен в комнате Шарля Луи находится какой-то немой мальчик. Во втором письме от 5 февраля 1795 г. указывалось, что было легко

перевести дофина на верхний этаж здания, но будет значительно труднее увезти ею из Тампля. Отмечалось также, чго Комитет общественною (пасения вскоре пришлет для инспекции в Тампль членов Конвента, в том числе Матье, Ревершона и Армана из департамента Мез. Наконец, в третьем письме от 3 марта сообщалось о второй подмене — немой мальчик занял место дофина, а в комнате помещен новый «заместитель». Из этого следовало заключить, что дофин уже был увезен из Тампля. Эти письма Лорана — от 7 ноября 1794 г., 5 февраля и 3 марта 1795 г. — до сих пор фигурируют в некоторых новейших трудах эвазионистов, Между тем надо помимо уже вышесказанного добавить: об этих письмах стало известно только летом 1833 г. Главное, никогда не были представлены оригиналы, а лишь неизвестно когда, где и кем снятые с них «копии». Текст «копий» был настолько не устоявшимся, что в них несколько раз производились изменения, в частности неким Габриэлем де Бурбон-Бюссе. Этот выходец из аристократической семьи прожил бурную жизнь, при разных режимах исповедуя разные политические взгляды. Его изгоняли в годы Первой империи из коллегии адвокатов, при Реставрации полиция делала обыск в созданном им явно шарлатанском «Полиматическом бюро», раздававшем орденские знаки «Благородного ордена Сен-Хюберта Лотарингского» и «Льва Гольштейна и Лимбурга», главой которых будто бы был сам Бурбон-Бюссе. А в 1817 г. он был арестован и попал под суд за другие, уже чисто уголовные махинации. В то же время он поддерживал притязания одного из лжедофинов, а в 1833 г. примкнул к числу сторонников другого претендента. Дополнительные доказательства подложности писем Лорана можно извлечь из анализа их содержания. Первое из писем датировано 7 ноября 1794 г., между тем в то время использовали только революционный календарь. Если бы оно было подлинным, на нем почти наверняка стояло бы «17 брюмера III года». В письме от 5 февраля 1795 г. говорится о предстоящем визите Армана из Меза. В мемуарах Армана, изданных в 1814 г., действительно говорится, что он посетил Тампль в начале февраля 1795 г. Но это ошибка, поскольку официальные документы с бесспорностью установили, что визит состоялся 19 декабря 1794 г. Фальсификатор, не имея понятия об этих документах, неизвестных в 30-х годах XIX в., когда фабриковалась фальшивка, взял дату — начало февраля 1795 г. — из мемуаров Армана. В письме от 7 ноября говорится, что «завтра» вступает в должность новый надзиратель. Это утверждение, возможно, взято из книги Экара «Исторические записки о Людовике XVII», изданной в 1814 г. На деле Гомен лишь прибыл 8 ноября, а вступил в должность 9 ноября. Но допустимо предположить ошибку самого Лана, спутавшего даты прибытия и начала исполнения Гоменом своих обязанностей. Еще одно доказательство. В письме от 3 марта говорится: «Лан может занять мое место, когда пожелает». Но 3 марта ни Лоран, ни кто-либо другой не знали о своем будущем назначении на пост в Тампль, которое состоялось лишь почти через месяц, 31 марта. В письмах Шарль Луи именуется «юный король», но его так никогда не называли в годы революции — автор подлога заимствовал эту формулу из той же книги роялиста Экара.

Приводимые доказательства подложности писем приобретают дополнительную весомость, поскольку исходят от одного из наиболее известных адвокатов Франции М. Гарсона, высокая профессиональная компетентность которого в такого рода криминалистическом анализе не может подлежать сомнению. И все же порой, пытаясь привести максимальное количество доказательств в пользу своего тезиса, он оперирует и малоубедительными доводами. Так, М. Гарсон считает решаюищм доказательством подложности писем Лорана, что он, разъясняя, как удалось произвести подмену дофина и его освобождение, добавляет, обращаясь к адресату:

«Только благодаря Вам, господин генерал, достигнут этот триумф». Считается, что письма обращены к одному из руководителей шуанов — Фротте. Но из письма самого Фротте явствует, что его усилия ни к чему не привели. Это письмо стало известно лишь в конце XIX в., а в 1835 г. фальсификатор находился под влиянием легенды, что Фротте преуспел в осуществлении своего плана. К тому же Фротте оставался в Лондоне до 6 января 1795 г., следовательно, Лоран не мог писать ему в Париж 7 ноября 1794 г. Но эти доводы ничего не доказывают, если считать, что письма обращены к Баррасу, которого в 1795 г. нередко именовали «генералом».

Возникает вопрос, участвовала ли Жозефина Богарне в увозе дофина из Тампля. Можно

ответить на него, что это довольно правдоподобно. Учитывая ее тогдашние роялистские симпатии, напомним, что ее любовник Баррас вел переговоры с роялистами о реставрации монархии Бурбонов и надеялся получить за предательство республики много миллионов ливров. Беспринципный политикан и взяточник, Баррас вполне мог попытаться превратить дофина в дополнительный козырь в своей сложной игре. Ведь владея тайной, где находится Шарль Луи, Баррас мог после Реставрации получить сильное орудие шантажа в отношении Людовика XVIII. Вряд ли случайно, что сразу же после 9 термидора и казни Робеспьера и других лидеров якобинцев Баррас поспешил в качестве представителя Конвента посетить дофина в Тампле. При этом он расспрашивал ребенка, нет ли у него жалоб на обращение со стороны надзирателей. Жена венецианского посланника Бролье-Солари, которая до революции была принята при французском дворе и много раз видела дофина, «узнала» его, встретив в 1810 г. в Лондоне. В ее воспоминаниях рассказывается, что ею было сделано под присягой следующее заявление. Зимой 1803 г. она встретила в Брюсселе своего хорошего знакомого Барраса. Свергнутый член Директории злобно поносил своего победителя — «корсиканского проходимца» и добавлял, что честолюбивые планы Наполеона не сбудутся, так как жив сын Людовика XVI. После смерти Барраса, уже в годы Реставрации, его бумаги были конфискованы по приказу Людовика XVIII, но для этого могло быть вполне достаточно причин и без дофина: бывший член Директории знал слишком много и тайно переписывался с «королем эмигрантов».

В воспоминаниях современников (в том числе русских — княгини Воронцовой, дочери генерал-адъютанта Александра I князя Трубецкого) встречаются намеки на то, что в 1814 г. в Париже Жозефина Богарне сообщила царю тайну бегства дофина из Тампля. Александр I в то время пользовался огромным влиянием (русские войска, победившие Наполеона, стояли в Париже!), и понятно, с каким беспокойством Людовик XVIII должен был следить за подобными слухами. Известный ей секрет, судя по некоторым воспоминаниям, Жозефина якобы открыла и некоторым лицам из свиты Александра. С этим связывают и внезапную смерть Жозефины, которую многие считали отравленной. Ее бумаги были немедленно захвачены полицией. Гортензия Богарне впоследствии передавала со слов своей матери рассказ о похищении дофина из Тампля. Наполеон, добавим, в своих последних воспоминаниях на острове Святой Елены заметил, что императрица Жозефина была в курсе бегства дофина, и добавил: «Утверждали, что на самом деле дофин был увезен из тюрьмы с согласия комитета». Под комитетом Наполеон всегда имел в виду робес-пьеристский Комитет общественного спасения.

Имеются и другие показания в пользу версии о бегстве дофина. Во-первых, свидетельства вдовы Симона, в течение долгого времени жившей в инвалидном доме. Она на протяжении ряда лет — и во время наполеоновской империи, и при Реставрации — в разговоре с разными лицами выражала убеждение, что дофин был подменен другим ребенком. Однако в заявлениях бывшей «приемной матери», хотя она и ссылалась на разговоры с людьми, близко знакомыми с положением в Тампле в 1795 г., имеются явно неправдоподобные вещи. В 1816 г. вдовой Симона занялась полиция Людовика XVIII, которая предписала ей под угрозой сурового наказания прекратить все разговоры о дофине.

Слухи о «бегстве» и «подмене» дофина стали ходить много раньше, по крайней мере сразу после неудачного бегства королевской семьи в Варенн в июне 1791 г. Фигурировала даже версия, что дофин еще в 1790 г. был переправлен в Канаду в сопровождении шотландского адвоката Оэка, а взамен его в Тюильри поместили другого ребенка, некоего Лароша, уроженца Тулузы. Подобные слухи воспроизводились и на страницах печати в месяцы, предшествовавшие падению монархии 10 августа 1792 г. Передача дофина на попечение четы Симон вызвала новую волну слухов о том, что Коммуна и Гора хотят использовать его как знамя в борьбе против их противников, что Шарль Луи уже переведен в Сен-Клу… Слухи эти получили такое распространение по всей стране, что Робеспьер счел нужным 7 июля 1793 г. публично опровергнуть их с трибуны Конвента. «Смерть сына Людовика XVI породила различные слухи, басни одна нелепее другой. Одни утверждают, что дофин вполне здоров и будет передан иностранным державам, другие — что он был отравлен… Смерть отняла у Франции „драгоценного заложника“, — писала „Газетт франсез“ 12 июня 1795 г. Конституционные монархисты уже на следующий день после смерти дофина, отмечал Матьез, „излили свою досаду в пущенных ими слухах о том, что дофин не умер естественной смертью,

что его отравили, так же как и лечившего его врача Десо, который умер за четыре дня до него. Некоторые утверждали, что дофин не умер, что его подменили другим ребенком и т.п.“.

Глава вандейцев Шаретт в своем манифесте от 26 июня 1795 г. прямо обвинял республиканское правительство, что оно «отравило» Людовика XVII. У Шаретта не было никакой причины, если бы в его лагерь прибыл дофин, скрывать это. Утверждение, что бурбонские принцы якобы преследовали спасшегося дофина, лишено смысла. Во второй половине 90-х годов Людовик XVIII и его брат ни сами не имели для этого никакой возможности, ни шансов получить в этом деле содействие со стороны презрительно третировавших их иностранных правительств. Возможна гипотеза, что похищение было организовано кем-то из революционеров, кто погиб, унеся в могилу свою тайну. Однако к моменту бегства дофину было бы девять или десять лет. Если бы он остался жив, то рано или поздно дал бы о себе знать. Если бы он умер, это сделали бы за него участники похищения, ведь при Реставрации это стало бы для них источником всяческих благ и почестей.

Большинство европейских дворов предпочло не поверить в смерть дофина. За отсутствием доказательств такую позицию занял австрийский министр Тугут, считая, что объявлением в «Монитере», возможно, предполагалось отнять у роялистов веру в успех и облегчить заключение мира с Испанией, а также на всякий случай сохранить в своих руках важного заложника. Возможно, это были лишь доводы, выдвигаемые для сокрытия подлинных мотивов Вены, не желавшей связывать себе руки «признанием» Людовика XVIII и подыскивавшей благовидный, с точки зрения монархистов, предлог для своею отказа от такого «признания».

В условиях, когда продолжали циркулировать многочисленные слухи об увозе дофина из Тампля, второстепенный, но весьма плодовитый писатель С. — Ж. Реньо-Варен (1775—1840 гг.) в 1800 г. издал роман «Кладбище Мадлейн», который должен был удовлетворить любопытство тех, кто интересовался и доверял этим слухам. Первые два тома романа были тотчас распроданы. Вскоре потребовалось новое издание, потом автор прибавил к своему сочинению еще третий и четвертый тома. (Не меньшим свидетельством успеха было то, что сразу же после публикации романа его название было присвоено каким-то анонимным литературным поденщиком.) В своем романе Реньо-Варен рассказывает о том, как он встретил на кладбище незнакомца, им оказался аббат Эджуорс де Фирмонт (который, между прочим, еще был жив в то время!). Аббат поведал автору историю Людовика XVI и его семьи в годы революции. Далее повествуется об увозе 20 января 1794 г. дофина, спрятанного в корзинке для белья, к шуанам, о том, как Шарль Луи был отправлен в Америку, но перехвачен французским фрегатом, снова заключен в темницу и там умер.

Роман полон всяческих несообразностей, анахронизмов и просто чепухи.[26] Тем не менее стали задавать вопрос, не рассказана ли в форме романа, включавшего много «документов», вроде «секретного дневника» доктора Десо, подлинная история. Издание «Кладбища Мадлейн» было, вероятно, инспирировано министром полиции Фуше. Но успех романа Реньо-Варена вызвал недовольство первого консула Бонапарта. После появления второго тома по иронии судьбы издателя заключили в Тампль, а автора — в тюрьму префектуры полиции, где содержались уголовные преступники. Их освободили через 10 дней. Полиция разбила набор и конфисковала экземпляры, попавшие в библиотеки. Реньо-Варену, однако, вскоре удалось убедить власти, что речь идет лишь о беллетристическом произведении. Запрет был снят, а автор в предисловии к двум последним томам сравнивал консульскую администрацию с великими мужами древности, с Августами и Траянами, приходившими на смену Неронам и Домицианам (под последними подразумевались власти революционного времени, которые фигурировали в романе). Сочинение Реньо-Варена стало одним из главных «источников», из которого впоследствии черпали свое вдохновение авантюристы, выдававшие себя за чудом

---

[26] Об анахронизмах, особенно абсурдных в устах современника описываемых событий, можно составить себе представление и по следующему эпизоду в романе Реньо-Варена «Узники Тампля, продолжение Кладбища Мадлейн» (Париж, 1802 г.), в котором повествуется о заговоре против Робеспьера во время высадки роялистов в Кибероне в июле 1795 г, то есть через год после гибели Неподкупного!

спасшегося Людовика XVII.

Раскопки на кладбище Сен-Маргерит, где был похоронен дофин, производившиеся неоднократно со времен Реставрации, привели как будто к обнаружению его могилы, однако нельзя точно установить, чьи останки были обнаружены. Остается непонятным подчеркнутое равнодушие Людовика VIII к памяти племянника. За исключением 1814 г., во все последующие годы Реставрации не было заупокойных служб по Людовику XVII, хотя это неукоснительно делалось в отношении других покойных членов королевского семейства. Из «Монитера», остававшегося официозом и в период Реставрации, мы узнаем, что Людовик XVIII неоднократно давал балы в разные годы 8 и 9 июня. Даты же смерти Людовика XVI и Марии-Антуанетты отмечались как дни национального траура. Траур соблюдался и в дни кончины других членов королевской семьи. Для самой версии о бегстве из Тампля враждебность Людовика XVIII к дофину оказалась весьма полезной: она позволила объяснить то иначе никак не объяснимое обстоятельство, что о дофине, «спасенном» в 1795 г. и попавшем на территорию государств, враждебных Французской республике, ничего не было слышно, что он появился снова лишь через несколько десятилетий.

Иллюзии Шарлотты Аткинс

Историку надлежит ответить на несколько хотя и связанных между собой, но вместе с тем независимых вопросов. Во-первых, имела ли место «подмена» дофина другим ребенком? Во-вторых, если да, то какова была дальнейшая судьба дофина (не являлся ли кто-либо из «претендентов» действительно «Людовиком XVII»)? И наконец, в-третьих, принимал ли участие в «подмене» (или попытках такой подмены) кто-либо из видных политиков периода революции?

Один из ученых, Фредерик Барбе, исследовавший историю роялистского подполья, писал, касаясь вопроса о бегстве дофина, что не надеется «проникнуть через завесу действий, замышлявшихся и обдуманных в ночной тьме различными лицами, действующими каждый на свой страх и риск. Различные персонажи, которые столкнулись в этом деле, были поставлены в положение, когда они не имели возможности понять, кто из них в конечном счете попал в цель».

…Когда в 1836 г. в Париже скончалась одинокая пожилая англичанка Шарлотта Аткинс, последние два десятилетия проживавшая во французской столице, эта смерть не привлекла ничьего внимания. Лишь уже в начале нашего столетия упомянутому Барбе удалось благодаря счастливому случаю получить доступ к переписке этой иностранки, о которой до того времени было известно лишь одно: она поддерживала связи с одним из руководителей шуанов — Луи де Фротте. После смерти Ш. Аткинс ее корреспонденция мирно покоилась в нотариальных архивах, пока эти документы не попали в руки Ф. Барбе, подведшего итоги их изучения в книге «Друг Марии-Антуанетты мадам Аткинс и тюрьма Тампль» (Париж, 1905 г.). Барбе излагает биографию Шарлотты Аткинс (ее девичья фамилия Уолпол; возможно, она была родственницей премьер-министра Роберта Уолпола). В молодые годы она выступала на сцене знаменитого лондонского театра «Дрюли Лейн». В предреволюционное десятилетие леди Шарлотта была принята при версальском дворе и попала в ближайшее окружение Марии-Антуанетты. Осенью 1789 г. Аткинс переехала в Лилль, где сблизилась с лейтенантом де Фротте. После падения монархии во Франции 10 августа 1792 г. поместье Аткинсов Кеттерингем стало центром, где строились планы организации бегства королевской семьи из Тампля. Наряду с самой Шарлоттой Аткинс его участниками стали Луи де Фротте, бывший судебный чиновник из Бретани Ив Жиль Кормье, журналист Жан Габриэль Пельтье и «трансильванский дворянин», бывший австрийский офицер и явный авантюрист Луи д'Ауервек.

Шарлотта Аткинс доказала, что обладает недюжинной настойчивостью и отвагой. Летом 1793 г. она тайно приехала в Париж и, подкупив с помощью роялиста шевалье Жаржайе двух служащих Тампля — Лепитра и Тулана, пыталась организовать бегство королевы. План сорвался из-за нерешительности одного из его участников. Тем не менее Ш. Аткинс, вероятно, уже после перевода королевы в тюрьму Консь-ержери, подкупив одного из чиновников Коммуны, сумела проникнуть в камеру королевы и предложила ей обменяться платьем и

бежать. Королева отказалась от предложенной ей попытки бегства. Впрочем, нельзя считать вполне доказанным, что этот эпизод имел место, хотя он выглядит вероятным на основании анализа корреспонденции Аткинс и других документов. (Возможно, существует какая-то связь между этим эпизодом и так называемым «заговором гвоздики». Если это так, то тем самым устанавливается прямая связь между Щ. Аткинс и агентурой барона Батца, в том числе между шевалье де Ружвилем и чиновником Коммуны Мишонисом.)

После возвращения в Англию Ш. Аткинс сосредоточила усилия на организации бегства дофина, и эти усилия, относящиеся к самому концу 1793 г. и первой половине 1794 г., представляют наибольший интерес, хотя они продолжались и после 9 термидора вплоть до середины 1795 г., когда было официально объявлено о смерти Шарля Луи. Главными исполнителями планов Аткинс стали де Фротте и юрист Кормье, стремившийся играть первую скрипку среди заговорщиков. На этой почве возникло его соперничество с де Фротте, которое постепенно вконец испортило отношения между двумя ближайшими сообщниками Шарлотты Аткинс. Главным агентом организации Аткинс в Париже стала жена Кормье Сюзанна Розали, урожденная Батлер, дочь графа Жана Батиста Батлера, богатого плантатора с острова Сан-Доминго. По словам Ф. Барбе, изучавшего переписку заговорщиков, это была «личность абсолютно надежная, активная, предприимчивая, призванная к тому, чтобы блестяще служить осуществлению планов лондонских роялистов».

Для того чтобы избежать подозрений, мадам Кормье, ссылаясь на длительное отсутствие мужа, считавшегося эмигрантом, возбудила дело о разводе. Этот развод — чисто фиктивный — был официально признан уже в ноябре 1794 г., а до того времени много воды утекло. На протяжении первых недель 1794 г. именно мадам Кормье передавала в Лондон подробную информацию об организации охраны Тампля, о тюремных надзирателях и другие сведения, в которых нуждались заговорщики. Письма пересылались, разумеется, не прямым путем. В то время существовали многочисленные тайные каналы, через которые информация в кратчайшие сроки доставлялась через Ла-Манш. Тем не менее нам остаются неизвестными пути, по которым сообщения мадам Кормье поступали к ее мужу, доставлявшему их в поместье Кеттерингем. В конце марта 1794 г. Кормье получил известие об аресте жены (которая еще не успела возбудить дело о фиктивном разводе), временно исчез главный источник информации для заговорщиков, но Кормье сумел наладить получение известий от других агентов. (Супруга Кормье была через некоторое время выпущена на свободу.) На содержание разведывательной сети, на покупку судна, которое было приобретено с помощью французского эмигранта барона де Сюзанне и курсировало поблизости от французского побережья, Аткинс затратила большую часть семейного состояния. (В марте 1794 г. умер ее муж, и она могла, видимо, еще более свободно распоряжаться своими средствами.) Тем не менее письма Кормье заполнены были настойчивыми требованиями денег, перемежающимися с извинениями за такую настойчивость, разъяснениями, что без дополнительных трат сорвется все дело, учитывая те трудности, с которыми сталкиваются роялистские агенты. Барбе в целом очень высоко оценивал душевные качества Кормье, считая, что этот немолодой толстяк-бретонец «сразу же возбуждал доверие у всех увидевших его в первый раз». Если бы кто-либо другой писал эти письма, полагает Барбе, то они могли бы вызвать недоверие, но то, что мы знаем о Кормье и о последствиях его действий, заставляет отвергнуть подозрения. Однако такого доверия к искренности Кормье отнюдь не ощутил другой исследователь, занявшийся более чем полвека после Ф. Барбе архивом Шарлотты Аткинс, — уже известный нам французский адвокат и историк, академик М. Гарсон. Но об этом позднее. Здесь же отметим, что переписка Ш.Аткинс свидетельствует о знакомстве ее — со слов Кормье — с планом подмены дофина другим ребенком как первого этапа похищения (плана, которого она не одобряла). Ф. Барбе считает аутентичными уже упоминавшиеся выше письма Лорана. Надо заметить, что эти письма содержат сведения, очень напоминающие те, которые фигурируют в донесениях Кормье, тем самым как бы свидетельствуя об их подлинности. Истинность сведений, сообщавшихся Кормье, подтверждается письмами Лорана. В свою очередь, их аутентичность доказывается тем, что они сообщают те же сведения, что и содержащиеся в донесениях, получаемых Шарлоттой Аткинс от Кормье. (Ведь маловероятно, что с их содержанием мог быть знаком фальсификатор, сочинивший письма через 30 лет после смерти Кормье, скончавшегося в 1805 г.)

31 октября 1794 г. Кормье сообщил Ш. Аткинс, что, по его сведениям, «хозяин и его собственность спасены[27]». Это совпадает с содержанием письма Лорана от 7 ноября, в котором говорится о подмене дофина немым ребенком. Вместе с тем Кормье лишь через две недели сообщил эту новость де Фротте, при этом категорически отказавшись назвать имена своих агентов. Кормье добился того, что и Ш. Аткинс стала уклоняться от передачи де Фротте полученной информации, даже когда тот сам лично отправился на континент и его контакты с агентами Кормье могли бы, казалось, принести явную пользу. Кормье тем временем рассорился с группой эмигрантов, которых он, как честный человек, осуждал за предпринятую ими фабрикацию фальшивых французских ассигнаций. Враги сумели очернить Кормье в глазах английских властей и воспрепятствовать тому, чтобы ему была поручена какая-то важная миссия в Голландии. Тем не менее он в конце ноября 1794 г. по собственному почину отправился в эту страну. Момент был выбран очень неудачно, так как вскоре, в декабре и начале января, Голландия была занята французскими войсками. В течение месяца от Кормье не поступало никаких известий, пока не выяснилось, что бретонец как эмигрант успел каким-то образом ускользнуть от ареста или бежать из-под стражи и очутился в Гамбурге, откуда снова стал сообщать Ш. Аткинс о действиях их агентов.

Кормье очень оптимистически оценивал ситуацию. Ф. Барбе считал, что информация Кормье вполне совпадает со сведениями, содержащимися в письмах Лорана от 5 февраля и 7 марта 1795 г., в которых повествуется о подмене немого ребенка новым мальчиком. Ш. Аткинс сохраняла оптимизм и после официального объявления в Париже 8 июня 1795 г. о смерти дофина. 16 сентября 1795 г. бретонец сообщил, что дофина действительно похитили из Тампля, но, вместо того чтобы попасть в руки ожидавших его людей Кормье, ребенок был захвачен какими-то другими лицами. Ш. Аткинс сохранила и позднее убеждение, что бегство удалось. По мнению Ф. Барбе, лица, которые увезли дофина, были агентами Лорана, в следующем году уехавшего в Сан-Доминго, где он умер в 1807 г. У каждого из участников похищения были свои мотивы молчать об этом деле. Кормье в 1801 г. воспользовался предоставленным эмигрантам разрешением вернуться во Францию и после краткого ареста был выпущен на свободу. Как уже упоминалось, он скончался в Париже в 1805 г. Луи де Фротте, уехавший в феврале 1795 г. во Францию и сражавшийся в рядах шуанов, в 1800 г. был-заманен в ловушку и расстрелян по приказу первого консула Бонапарта. «Трансильванский дворянин» барон Ауэрвек стал британским шпионом, действия которого уже в 1795 г. не имели ничего общего с делом дофина, и почти одновременно поступил на службу во французскую разведку, оказав ей немалые услуги в Англии. Подозреваемый всеми, этот двойной агент был в 1807 г. арестован наполеоновскими властями в Бадене, и его как опасного интригана без суда отправили в Тампль, а потом в другие тюрьмы, из которых он вышел только после крушения Первой империи в 1814 г. Между прочим, он дожил до 1830 г. и во время широкого обсуждения в период Реставрации вопроса о судьбе дофина сохранял скромное молчание.

М. Гарсон отстаивал версию, что Аткинс стала жертвой шарлатанов, потчевавших ее побасенками, чтобы выудить побольше денег. Эту точку зрения он подробно обосновывал в книге «Людовик XVII, или Ложная дилемма» (1952, 1968 гг.). Вполне признавая заслуги Ф. Барбе как исследователя, откопавшего интересные документы — переписку Шарлотты Аткинс, он давал совершенно иную оценку ее содержанию. «Мошенничество во время эмиграции» — так озаглавил М. Гарсон третью главу своей книги, посвященную деятельности разведывательной организации Кормье. По мнению опытнейшего французского юриста, речь скорее может идти о заговоре с целью выманивания денег у Ш. Аткинс, участниками которого были Пельтье, Кормье и Ауэрвек. Луи де Фротте, не участвовавший в этом вымогательстве, мог в любую минуту спутать всю игру. «Это обстоятельство не могло прийтись по вкусу троим заговорщикам, которые постарались держать его в неведении относительно своих действий». И недаром потом, когда де Фротте тайно отправился во Францию и стал самостоятельно собирать сведения, он писал Ш. Аткинс о том, что ее обманывали. В письме Ш. Аткинс из Ренна, датированном 16 марта 1795 г., Фротте передавал ей, что в результате проведенных им

[27] курсив оригинала. — Е.Ч.

расспросов во время переговоров с представителями Конвента он убедился, что дофин не покидал Тампля. «Вы видите, мой друг, как вас обманывали долгое время». Если Ф. Барбе писал о «честном Кормье», то М. Гарсон — о «честном Фротте», а бретонца считал ловким аферистом. Кормье утверждал, что имеет агентов в Париже, но отказался сообщить их имена Ш. Аткинс. Позволительно усомниться, что эти агенты вообще существовали в действительности.

В октябре 1795 г. Кормье обещал представить отчет его агентов, воспроизводящий их деятельность, но так, конечно, и не представил его. По-видимому, французские власти лучше, чем Ш. Аткинс, равно как и многие историки, раскусили Кормье. М. Гарсон нашел во французском государственном архиве такую присланную из Гамбурга характеристику на обосновавшегося там Кормье: «Это бывший судья из Ренна, который всегда жил интригами. Он одалживает деньги у всех, кто готов давать взаймы». Все это позволяет лучше понять, чего стоят утверждения Кормье в письме от 31 октября 1794 г., что «хозяин и его собственность спасены». Историки, основывавшие свои выводы на этом письме, в том числе Ж. Ленотр, приводили эту категорически звучащую фразу о «спасении» вне контекста всего письма. Между тем письмо, взятое в целом, производит совсем иное впечатление. Кормье не раскрывает, от кого он получил сообщаемое им известие. Напомним, что все время он воздерживался от того, чтобы назвать имена используемых (или якобы используемых) им агентов. Кормье мог без всякого риска в тогдашних условиях сообщить что-то более конкретное, пересылая свои письма по английской почте. Поэтому возникает подозрение, что Кормье просто передавал ходившие тогда в Лондоне слухи. А через семь дней после этого письма Кормье попросил (и получил) 100 гиней и потребовал от Аткинс ничего не сообщать де Фротте. Потом Кормье, как мы уже знаем, уехал в Голландию, а оттуда перебрался в Гамбург. После полугодового молчания он наконец 3 июня отправляет Аткинс письмо, полное туманных выражений, недомолвок. Он уже не утверждает, что похищение состоялось, а лишь рекомендует никому не говорить ни слова о предпринятых попытках. «Сохраняйте спокойствие, — писал он, — скоро Вы будете счастливы». Не боялся ли он, что кто-либо из друзей Шарлотты Аткинс раскроет ей глаза на обман? Впрочем, само письмо от 3 июня прямо уличает Кормье в том, что он не имел совершенно никакого понятия о событиях, происходивших в Тампле. 3 июня дофин был уже тяжело болен, и через пять дней было объявлено с трибуны Конвента о смерти «сына Капета».

Если, как считают некоторые историки, Кормье был в курсе уже ранее произведенной подмены или бегства, разве он не написал бы Аткинс, чтобы она не очень огорчалась, когда прочтет официальное извещение о смерти дофина? В письме нет ничего подобного.

Для самого Кормье это известие было не только неожиданным, но и являлось сильным ударом по его намерениям и дальше выуживать деньги у доверчивой англичанки. Он молчал целых четыре месяца, но потом, по словам М. Гарсона, счел, что леди Аткинс является «простофилей высокой пробы», и стал действовать с прежними наглостью и бахвальством. 13 октября 1795 г. он пишет Аткинс о том, что ему удалось организовать бегство дофина, но потом его похитили какие-то неизвестные, действовавшие по поручению английского правительства, членов Конвента или других еще каких-то неназванных заговорщиков. Кормье настолько мало верил в бегство дофина, что вскоре предложил свои услуги королю эмигрантов Людовику XVIII в качестве издателя роялистской газеты.

Однако концепция М. Гарсона, отрицающая существование разведывательной сети Кормье (Гарсону, впрочем, предшествовал в этом ряд других авторов, например англичанин Д. Б. Мортон в книге «Дофин», Лондон, 1937 г.), отнюдь не может считаться бесспорной. Прежде всего возникает вопрос, не подверглась ли дошедшая до нас корреспонденция Аткинс определенной «чистке». Ведь сохранилась лишь половина этой переписки, оставленная у парижского нотариуса: другая часть, отданная на сохранение нотариусу в Лондоне, бесследно затерялась. Конечно, напрашивается вопрос: кто мог быть заинтересован в подобной «цензуре» в 1836 г., после смерти Аткинс в Париже? Довод этот кажется убедительным только с первого взгляда. У «цензоров» могли быть различные мотивы — допустим, семейные и государственные. (В первой половине XIX в. отсутствовали или почти отсутствовали прецеденты предания гласности документов, относившихся к операциям английской секретной

службы даже в давно прошедшие времена.) Кроме того, стоит напомнить, что 1836 г. был как раз годом наибольшей активности сразу двух претендентов в Людовики XVII. Каждый из них имел немалое число приверженцев. Как бы то ни было, но заранее исключить «цензуру» нет оснований.

Далее, незавидная репутация некоторых из входивших в разведывательную организацию Аткинс не дает оснований сделать вывод, что они лишь дурачили доверчивую английскую «дуреху». Все действия и Пельтье, и барона Ауэрвека с почти полной несомненностью свидетельствуют, что речь идет о международных шпионах (по крайней мере после того, как они обосновались в Англии), пользовавшихся покровительством британской разведки, если не прямо находившихся на ее содержании. В этих условиях отношения между этими персонажами и Аткинс начинают рисоваться иначе, чем между вымогателями и верившей им на слово сумасбродкой. Заслуживает внимания вопрос, откуда у Аткинс были деньги для оплаты своих агентов. Доходы от имения Кеттерингем, ко времени кончины ее мужа сэра Эдуарда Аткинса частично заложенного, вряд ли могли покрыть издержки. А они составляли, судя по заявлениям Аткинс, обращенным к У. Питту, 2,5 млн. ливров. За продажу Кеттерингема можно было бы получить едва ли десятую часть этой большой суммы. В распоряжении агентов Аткинс, между прочим, находились целых три корабля, хотя, вероятно, небольших по размеру, курсирующих между французскими портами и Англией.

Когда наконец Кормье в письме от 24 марта 1796 г. признал поражение и рекомендовал Аткинс прекратить дальнейшие попытки достичь поставленной цели, она отказалась последовать этому совету, сделав вместе с тем запись, что должна сохранять молчание, иначе жизни дофина будет угрожать опасность. Что это — свидетельство слепого фанатизма либо того, что англичанка подпала под влияние каких-то новых обманщиков или, наконец, что она, по мнению А. Луиго, «постоянно связанная» с английской разведкой, имела какие-то неизвестные нам источники информации? Аткинс уведомляла Питта, что «Людовик XVII» уже в течение некоторого времени не находится в Тампле. Но в то же время после официального объявления о смерти дофина та же Шарлотта Аткинс направила письмо графу Прованскому, именуя его Людовиком XVIII, то есть признавая, что он унаследовал престол вследствие смерти своего племянника.

Надо заметить, что после первого издания книги М. Гарсона «Людовик XVII, или Ложная дилемма» в 1952 г. большая часть историков перестали всерьез принимать данные, которые получила Шарлотта Аткинс о г своей «разведывательной сети». Впрочем, авторы сенсационных «гипотез», писавшие ранее и позднее М. Гарсона, по-прежнему продолжают щедро воспроизводить эти данные, итерируя его анализ или избегая серьезных попыток опровергнуть сделанные им выводы о полной недостоверности сведений, содержащихся в письмах Кормье и компании. Вопрос об оценке Кормье и, следовательно, о ценности его информации обычно решается от «обратного», от того, насколько нужно признание ее дос-юверности для построения той или иной концепции. Когда такой по-гребности нет, Кормье признается шарлатаном и махинатором; напротив, если его сведения необходимы — тогда он предстает в качестве «достойного», «совестливого» судебного деятеля с безупречным прошлым.

Г. Масперо-Клер, автор солидного исследования (1973 г.) об известном роялистском публицисте Ж. Г. Пельтье — сообщнике Кормье, писала» «Мы вступаем здесь более чем когда-либо в область романтических гаданий. То, что именуют „тайной" Людовика XVII, заставило пролить много чернил». Упоминая далее о «хитросплетениях» гипотез и умозаключений, автор добавляет, что, несмотря на многочисленные утверждения, «почти несомненно, что сын Людовика XVI умер в Тампле и что различные попытки увезти или подменить ребенка, о которых говорилось, никогда не получили завершения». По мнению исследовательницы, гипотеза относительно того, что Шарлотту Аткинс попросту дурачили, вымогая деньги, «кажется правдоподобной».

Для Ж. Ленотра, выпустившего в 1920 г. монографию «Король Людовик XVII и тайна Тампля» (с тех пор многократно переиздававшуюся), Кормье, «бывший прокурор суда в Ренне-личность решительная и динамичная, несмотря на свою подагру и полноту». Вместе с Фротте они являлись сильными, умными руководителями заговора. Иначе говоря, Ленотр полностью разделяет версию Ф. Барбе, на которого прямо ссылается. Напротив, его ученик, к

тому же приблизительно так же, как и он, объяснявший «тайну Тампля», Р. Сен-Клер Девиль характеризует Кормье как хвастливого болтуна, интригана и вымогателя.

По мнению А. Луиго, Шарлотта Аткинс в качестве главы разведывательной сети «являлась ширмой для Гренвила, позволившей ему финансировать организацию, специализировавшуюся на получении информации о Тампле и участи королевского сына». Это, правда, не очень согласуется с тем, что Аткинс истратила на оплату агентов Кормье и компании основную часть своего немалого состояния. В бумагах Гренвила тоже, видимо, нет следов того, что им выдавались денежные субсидии Шарлотте Аткинс. А. Луиго пытается интерпретировать письма «претенциозного, но честного» Кормье к Аткинс, исходя из предположения, что в Тампле произошла подмена дофина сначала одним, потом другим ребенком, что термидорианцы, потеряв следы «заложника», сознательно распространяли дезинформацию и что Кормье либо оказался жертвой этих выдумок, либо ему удалось приблизиться к истине.

В отношении разведывательной организации, созданной Шарлоттой Аткинс, историк оказывается, пожалуй, в еще более сложном положении, чем когда пытается отделить правду от вымыслов в сведениях, поставлявшихся «Парижским агентством» и «пересочинявшихся» д'Антрегом в его бюллетенях. Имеется все же, как мы убедились, возможность проверить некоторые из этих сведений и тем самым создать некий эталон доверия (точнее, недоверия), который может служить при оценке данных, не допускающих такую проверку. В отношении же данных, характеризующих действия заговорщической организации Аткинс, мы почти лишены способов провести четкую границу между реальными фактами и вымыслом.

Убийство банкира Птиваля

В 1916 г. подполковник Рене Жанруа, глава исторического департамента французской армии, опубликовал завещание своего предка доктора Дьедонне Жанруа, умершего ровно 100 лет назад, в 1816 г. В своем завещании Д. Жанруа, до революции член Королевской академии и личный врач Людовика XVI и королевской семьи, 9 июня 1795 г. участвовавший во вскрытии тела ребенка, умершею в Тампле, заявлял, что это не был дофин. Кроме тою, Д. Жанруа добавлял, что на основании сведений, полученных им из источников, которые он не намерен открывать, подмена дофина была произведена Шометтом. Впоследствии обстановка не благоприятствовала публичному объявлению об этом, и Жанруа решил сохранять в тайне текст завещания в течение целого века после своей смерти… Не идет ли речь о мистификации, каких немало в истории «тайны Тампля»? Обращает на себя внимание одна странность: на акте вскрытия стоит подпись не Дьедонне Жанруа, а Николя Жанруа. Николя — имя брата Дьедонне. В чем здесь причина? Желал ли доктор Дьедонне Жанруа, на всякий случай подставив другое имя к своей фамилии, иметь благовидный предлог для объяснения сделанной ошибки? Или, быть может, он носил двойное имя «Дьедонне Николя» и в данном случае решил ограничиться вторым из этих имен? Наконец, очень подозрительная деталь: почему автор завещания даже в 1816 г. отказался назвать источники своих сведений о роли Шометта? Мы вольны поэтому предполагать, что он — если завещание вообще не подлог — основывал свое мнение на непроверенных слухах.

В 1918 г. в ведущем французском историческом журнале «Ревю историк» (э 1, май — июнь) появился отрывок из неизвестного ранее «оправдательного мемуара» Барраса. Этот отрывок представлял собой стенограмму заседания Директории 9 флореаля IV года (28 апреля 1796 г.). Наряду с Баррасом в нем участвовали Карно, Ребель, Ла Ревельер-Лепо и Летурнер. На заседании обсуждалось убийство банкира Дюваля дю Птиваля и членов его семьи. Из прений явствовало, что банкир пал жертвой политического убийства, что он до 9 термидора действовал заодно с Баррасом, Фрероном, Куртуа, Тальеном, Ровером, Фуше, Камбасересом, которых снабдил деньгами, нужными для подготовки переворота (для подкупа депутатов Болота). В обмен ему обещали перевести дофина в более подходящее место — им оказался принадлежавший Птивалю замок Витри-сюр-Сен — с условием, чтобы этот замок оставался в распоряжении Конвента. Баррас особо повторил, что дофина не выпустят на свободу, а просто будут содержать в лучших условиях. Вместе с тем будут приняты меры, чтобы мальчика не похитили из замка Витри. В августе 1794 г. вместо Шарля Луи в Тампле поместили больного

ребенка, скончавшегося там 20 прериаля III года. Птиваль взял на себя защиту денежных интересов королевской семьи. Он требовал исправить акт о смерти дофина и оказывал давление на своих должников, тайной которых владел. Ответом с их стороны было хладнокровное убийство утром 26 апреля Птиваля, членов его семьи и слуг, сопровождавшееся исчезновением компрометирующих бумаг. Главным организатором убийства Птиваля был Ровер, некоторое участие в нем принимали также Фуше и Камбасерес.

Ленотр полностью использовал этот документ в своей книге о «загадке Тампля». Он писал, что «само название журнала и имена его руководителей являются достаточными гарантиями аутентичности документов, которые воспроизводятся на его страницах». Однако и Ленотр выражал сожаление, что «столь необычный документ опубликован без всяких сведений о том, в каких общественных или частных архивах он был обнаружен». Не сомневаясь в добросовестности открывших и опубликовавших документ, Ленотр выразил догадку, не был ли он сфабрикован по приказу Барраса, который потом сознательно сохранил его в своих бумагах. Правда, сам Ленотр считал, что подмена подлинного дофина была осуществлена по указанию Шометта (об этом ниже) и что Баррас подменил ребенка, игравшего роль дофина, еще одним ребенком.

Чем было вызвано убийство? У Ленотра был готов ответ — тем, что роялист Птиваль обнаружил подмену и не захотел играть отведенную ему роль и баррасы, фрероны, фуше поспешили избавиться от опасного свидетеля, являвшегося вдобавок кредитором некоторых из них. Поэтому полицейские Дюсонвиль и Асведо, осведомленные о настроениях начальства, приняли меры, чтобы не допустить серьезного расследования преступления. Современные газеты лишь кратко упомянули об убийствах в замке Витри. Что же касается дофина (или его «двойника»), то он, вероятно, еще за много месяцев до этого был увезен из замка.

Эта концепция Ленотра воспроизводилась без всяких изменений в многочисленных переизданиях его книги на протяжении целого ряда десятилетий. Документ был очень искусно составлен, не содержал явных ошибок.

Однако тем не менее с самого начала возникли сомнения в его подлинности, и редакция журнала «Ревю историк» оказалась неспособной сообщить, каким образом она его получила. Через несколько лет после первого издания «протокол» заседания Директории был подвергну! уничтожающей критике, причем на страницах того же журнала «Ревю историк», который опубликовал его в 1918 г.

Французский историк Р. Сен-Клер Девиль (позднее — автор книги о «тайне Тампля», к которой мы еще обратимся) провел расследование происхождения «Оправдательного меморандума» Барраса, результаты которого опубликовал в статье в том же журнале «Ревю историк» (июль — август 1925 г.). Сен-Клер Девиль получил доступ к переписке одного видного историка с неким не названным в статье «агентом», который разыскивал материалы, могущие пролить свет на судьбу Людовика XVII. Переписка, относящаяся к 1910—1911 гг., свидетельствовала, что «агент» явно пытался одурачить своего нанимателя. Он сообщал, что нашел некие важные документы у одного нотариуса из Невера. Расследование показало, что ни один из нотариусов из этого города никогда ничего не слышал об «агенте». Проверка других подобных сведений «агента» также обнаружила, что они являются плодом вымысла. Наконец, анализ «Оправдательного меморандума», представленного только в копии, выявил, что он представляет собой компиляцию (правда, очень ловкую, обнаруживающую немалые знания) ряда исторических сочинений.

Историк Л. Грасилье в серии статей, опубликованных в журнале «Нувель ревю» (июнь-сентябрь 1923 г.), на основе изучения архивных документов пришел к выводу, что убийство Птиваля и его домашних было делом рук родственника его жены Дюпона де Шамбона, который хотел завладеть ее состоянием. Это объяснение вызвало возражения известного специалиста по истории французской революции Т. Рейнака, считавшего, что вывод Грасилье сделан на основе анализа материалов расследования этого дела без учета того, насколько неудовлетворительно было оно проведено властями.

Историк и писатель Октав Обри использовал фальшивую стенограмму заседаний Директории с гипотезой Ленотра для своего романа «Потерянный король» (1924 г.). В 1924 г. Обри опубликовал меморандум графа де Вэзона, в котором граф рассказывал о миссии,

возложенной на него в годы Реставрации Людовиком XVIII и его первым министром герцогом Деказом. Вэзону было поручено разузнать у Барраса, Фуше и Камбасереса все известное им о бегстве дофина. Таким образом, Людовик XVIII отнюдь не был уверен в смерти своего племянника в 1795 г. Согласно этому отчету, Баррас и Жозефина приказали отвезти дофина в дом банкира Птиваля в Витри, откуда его отправили в Порт-о-Пренс на острове Гаити, где он умер в 1803 г. Сам же Птиваль и члены его семьи были убиты полицейскими Фуше с целью захватить письма Барраса. В меморандуме немало анахронизмов. Фуше с ноября 1795 г. находился на юге Франции, в частности в Тулузе и Нарбонне, где оставался и в апреле 1796 г., когда был убит Птиваль. Кроме того, Фуше, занимаясь темными денежными делами по поручению Барраса, в это время еще никак не контролировал полицию. Ведь министром полиции он был назначен через три с лишним года, в июле 1799 г.

Следы фальшивого «Оправдательного меморандума» Барраса видны и в некоторых новейших работах. А. Луиго утверждает, что Птиваль был в числе группы банкиров, которые, в частности, через Барраса сумели к 9 термидора заручиться голосами примерно 200 членов Болота против Робеспьера (об этом писал Малле дю Пан по свежим следам событий, 3 августа). Птиваль был знаком с Баррасом и добился от него обязательства способствовать бегству дофина. Отсюда, мол, и визит Барраса уже ранним утром 10 термидора в Тампль, и быстрейшее водворение своей креатуры Лорана в качестве попечителя «маленького Капета». Не упоминая о фальшивке, тем не менее пытаются как-то использовать ее содержание, сделать вид, что имеются помимо нее какие-то реальные основания связывать убийство в Витри-сюр-Сене Дюваля дю Птиваля и его родных с «тайной Тампля». Так, А. Луиго упоминает это убийство, чтобы объясните запись, сделанную Ш. Аткинс 24 марта 1796 г., о необходимости соблюдать молчание, дабы не поставить под угрозу жизнь дофина.

Автор еще одной «сенсационной» работы М. М. Раски идет дальше. «Ходили слухи[28], — пишет она, — что Камбон, Гош, Сиейес, Карно получили значительные суммы в золоте, предоставленные Птивалем, банкиром короля». Птиваль финансировал организацию Шарлотты Аткинс. И наконец, к Птивалю был переправлен дофин, где он оставался до 21 апреля 1796 г. (идет ссылка на книгу Ленотра, еще не знавшего, что опирается на подложную стенограмму заседания Директории). «Вкладом» М. М. Раски является утверждение, что Птиваль был банкиром и графа Прованского. А тот знал о том, что Шарль Луи живет в Витри-сюр-Сене, и побудил Пруссию захватить дофина в свои руки. В связи с этим в период Реставрации Людовик XVIII будто бы уничтожил все архивы Птиваля и т.п.

Встречи со «старой греховодницей»

Может удивить «набор» имен тех, кому приписывают похищение дофина из Тампля во время правления якобинцев: Шометт, Эбер, наконец, Робеспьер. Казалось бы, менее всего подходящие «кандидаты» для осуществления такой акции в свете всего того, что известно об их жизни и деятельности. А они были «избраны» без всякого предварительного учета этого по одной-единственной причине, что именно Шометт и Эбер в качестве руководителей Коммуны были теми, которые контролировали персонал Тампля. А после их казни весной 1794 г. этот контроль перешел к новому руководителю Коммуны Пейяну, который являлся послушным исполнителем указаний Робеспьера. Желающие верить в побег или подмену дофина неизбежно должны были произвести «отбор» в пользу указанных имен. Однако надо помнить и другое: если в действительности похищение имело место, а это нельзя исключить полностью, то оно до термидорианского переворота не могло быть осуществлено без санкции и участия одного из указанных трех лиц. Таким образом, либо Шометт, Эбер, а позднее Робеспьер, либо никто (до 9 термидора) — вот простая и единственная причина выбора этих деятелей на роль руководителей похищения. Правда, могут указать, что эта тайная роль им приписывается и в некоторых современных источниках. Да, это так, но по тем же причинам.

[28] осенью 1793 г. — Е.Ч.

Но как быть с упрочившимся представлением об этих деятелях как последовательных республиканцах, которое разделяли и восхищавшиеся ими, и ненавидившие их историки революции? Одни из эвазионистов пытаются доказывать, что внешний республиканизм здесь служил прикрытием тайной готовности из личных интересов действовать в пользу роялистского лагеря. Другие поступают тоньше — пытаются «согласовать» в своих гипотезах устоявшиеся репутации революционеров, действовавших в интересах республики, с навязываемой им ролью руководителей заговора, одним из звеньев которого являлось похищение дофина.

Действительно, показания нескольких лиц, знавших в лицо дофина, свидетельствовали о том, что они его видели в Тампле. Наименее обеспечены такими свидетельствами день 4 января 1794 г., когда Симон подал в отставку, или период с 19 января, когда Симон окончательно покинул свой пост воспитателя дофина, и день 10 термидора (28 июля), когда Шарля Луи в Тампле посетил Баррас. Это побуждает эвазионистов сосредоточить свои подозрения на Эбере и Шометте, бывших фактическими хозяевами в Тампле до их ареста и казни (первого — в марте, а второго-в апреле 1794 г.), и Робеспьере, сторонники которого в Коммуне контролировали положение в тюрьме вплоть до 9 термидора.

Считали, что Симон в конце 1793 г. и начале 1794 г. был креатурой Эбера. Почему же тот не предотвратил вынужденную отставку Симона? Потому, отвечают некоторые эвазионисты, что сам Эбер в это время уже находился под подозрением из-за доноса Шабо, о котором говорилось выше, и не мог рисковать. Эвазионисты склонны считать, что обвинение в организации побега дофина было выдвинуто на судебном процессе эбертис-тов, но упоминание об этом было изъято из двух стенографических отчетов об указанном процессе. Однако такое предположение имело бы основание, если бы процесс велся при закрытых дверях. А поскольку он проходил открыто, то подобное «редактирование» отчетов теряло бы всякий смысл.

Ж. Ленотр в книге «Король Людовик XVII и тайна Тампля», выходившей многими изданиями, утверждал, что подмена и похищение дофина были осуществлены Шометтом, который не мог действовать без участия в этом деле своего заместителя Эбера. По разъяснению Ленотра, хотя он не может привести в пользу этого прямых, неопровержимых доказательств, сопоставление ряда фактов будто бы позволяет не сомневаться в долгой и тщательной подготовке плана такой подмены. Так ли это на самом деле?

М. Гарсон цитирует неопубликованный архивный документ, в котором приводится речь Шометта в Генеральном совете Коммуны с требованием, чтобы Конвент сам взял охрану королевской семьи. По инициативе Шометта Генеральный совет 5 фримера II года (25 ноября 1793 г.) направил соответствующую петицию в Конвент. Как бы ни трактовать эту инициативу Шометта, она несовместима с предположением, что он в то же время планировал и подготавливал похищение дофина из Тампля. Остается предположить, если следовать эвазионистам, что он уже успел осуществить похищение еще до 25 ноября (чего, кажется, почти никто не взялся утверждать — ведь «сын Капета» в это время находился под неусыпным попечением Симона) или впервые начал строить подобные планы после этой даты.

10 апреля 1794 г. Шометт предстал перед Революционным трибуналом. Бывшему главе Коммуны инкриминировалась подготовка заговора с целью «убить членов Комитета общественного спасения, патриотов и возвести маленького Капета на престол». Это никак не вяжется с уже известным нам требованием Шометта, чтобы охрана членов королевской семьи была передана из ведения Коммуны в руки самого Конвента. Но это мало смущало судей — ведь с Шометтом расправлялись как с одним из лидеров побежденной группировки левых якобинцев.

В столетний юбилей революции, в 1889 г., были опубликованы мемуары графа Луи Виктора Леона Рошуара «Воспоминания о революции, империи и Реставрации». Собственно воспоминания о годах революции — наименее интересная часть мемуаров, что и неудивительно. Рошуар, родившийся в 1788 г., был ребенком увезен в эмиграцию. Впоследствии служил в России под началом герцога Ришелье в 1812—1814 гг., был одним из адъютантов царя Александра I, занимал после реставрации Бурбонов важные посты во Франции. Для нас представляет интерес лишь процитированная в «Воспоминаниях…» заметка из «Мбнитера» от 18 жерминаля III года (7 апреля 1795 г.), касающаяся матери мемуариста

графини Рошуар: «Имелся план похищения королевы из тюрьмы; участниками заговора были бывшая графиня Рошуар и известный Эбер, именовавшийся „отцом Дюшеном“. Иностранная коалиция дала деньги. Эбер, требовавший 2 млн., уже получил 1 млн. и должен был получить другой после осуществления этих планов. Однако его охватил страх, и он стал доносчиком». Отметим, что у Рошуара не вызывала ни малейшего сомнения правдивость этой заметки в «Монитере». А он безусловно был осведомлен о заговоре со слов своей матери. Более того, граф предваряет выдержку из «Монитера» следующей фразой: «Объединив свои усилия с действиями барона Батца, она[29] предоставила большую часть той суммы, которая была нужна, чтобы купить помощь». Процитировав далее «Монитер», Рошуар добавляет: «Чтобы подкупить тюремных сторожей и предупредить несчастную узницу, требовались большое благоразумие и исключительная активность. Моя мать обладала только последним из этих качеств и слепо ринулась в предприятие, не взвесив ни шансы на успех, ни угрожающие опасности». Далее Рошуар рассказывает, что властям стало известно о роли его матери в заговоре и что был отдан приказ о ее аресте. Он подробно повествует о том, как ей удалось скрыться и бежать в Англию.

Рассказ о вовлеченности Эбера в заговор, приводимый из «Монитера», вплетается, таким образом, в изложение других событий, которых мемуарист был свидетелем или которые узнал из первых рук — от своей матери. Но рассказала ли графиня сыну об участии Эбера или он лишь впоследствии узнал об этом, перечитывая «Монитер»? Процитирован ли «Монитер» для придания большего авторитета всему тому, что написано мемуаристом о заговоре, или чтобы намекнуть, что как раз вопрос об участии Эбера известен автору воспоминаний только из этой газеты, а не из уст его матери?

Таким образом, остается неясным, являются ли мемуары графа Рошуара источником, независимым от «Монитера», свидетельствующим об участии Эбера в заговоре или только повторяющим в этом отношении сведения, напечатанные в этой официозной газете. Но говорилось ли там что-либо еще по интересующему нас вопросу? Обращение к соответствующему номеру «Монитера» показывает, что Рошуар процитировал лишь часть небольшой заметки, точнее, «письма из Базеля», датированного 23 марта 1795 г. Письмо это начинается так: «Нетрудно обнаружить золото и руку заграницы во всех фракциях, которые терзали французов, увековечивая революцию. Повсюду, где имеются эмигранты из числа знати, и особенно в Швейцарии, где они почти все пребывают, ходят рассказы, драгоценные для истории французской революции. Вот один из их числа». Потом идет текст, цитированный (с небольшими неточностями, не меняющими общего смысла) Рошуаром. Сразу после этого идут заключительные фразы: «Эти детали вполне достоверны. Они могут, в числе многого прочего, бросить яркий свет на отношения, которые существовали между Коммуной — Пашем[30] и иностранной коалицией».

Полный текст «письма из Базеля» позволяет сделать ряд важных предположений. Прежде всего почему среди многих «рассказов», ходивших в эмигрантских кругах, автором заметки был избран именно тот, в котором фигурировал Эбер? Только ли потому, что детали этой истории, как он утверждает, «вполне достоверны»? Добавим, что, поместив вышеприведенный рассказ, «Монитер» впоследствии ни разу (по крайней мере до государственного переворота, произведенного Наполеоном Бонапартом) не возвращался более к этому эпизоду и вообще не упоминал фамилию эмигрантки Рошуар. Напрашивается вопрос: не было ли у редакции «Монитера» каких-то особых мотивов для публикации 7 апреля 1795 г. «письма из Базеля»? Ответ очевиден: безусловно были. Письмо было напечатано в условиях все более ухудшавшегося снабжения хлебом бедных слоев населения столицы и быстро нараставшего вследствие этого народного недовольства, которое вылилось в выступления парижских предместий 12 жерминаля и 1 прериаля. «С 27 вантоза и вплоть до 12 жерминаля, — констатировал знаменитый советский историк Е. В. Тарле, — не проходит дня без более или менее многолюдных сборищ». Участились нападения на обозы с хлебом, и для объяснения

[29] графиня Рошуар. — Е.Ч.

[30] т.е. мэром Парижа, близким к эбертистам. — Е.Ч.

этого термидорианцы были склонны прибегать к ссылкам на интриги иностранных агентов или кивать на крайне левую часть Конвента — последних монтаньяров, еще оставшихся в его рядах. Учитывая это, трудно не усмотреть в «письме из Базеля» попытку представить «отца Дюшена», ставшего одним из идеологов парижских санкюлотов, в качестве агента роялистов и вражеских государств. В этом случае не так уж важно, учел ли корреспондент правительственного официоза настроения своих парижских патронов, выпячивая историю о сговоре Эбера с графиней Рошуар на фоне многих других распространенных тогда среди роялистской эмиграции, или же само письмо было соответствующим образом отредактировано (а то и вовсе сочинено) в редакции «Монитера». Тем более что в его редакции должны были быть люди, более или менее осведомленные об обвинениях, не только официально выдвигавшихся властями против Эбера во время его процесса в Революционном трибунале, но и об обвинениях, скрытых от публики и оставшихся погребенными среди секретных бумаг Комитетов общественного спасения и общественной безопасности, а также того же трибунала. Вместе с тем эта осведомленность могла быть лишь частичной — именно этим может объясняться утверждение о том, что Эбер донес о существовании заговора. Однако на деле Эбер, постоянно разоблачая на страницах «Пер Дюшен» роялистские интриги, ни словом не упомянул о заговоре, в котором выступал участником наряду с графиней Рошуар. Напротив, Эбер довольно неубедительно оправдывался против обвинений, выдвинутых против него К. Де-муленом, печатно заявляя, что, мол, роялисты подсылали к нему бывшую графиню Рошуар, но он будто бы «несколько раз прогонял» эту «старую греховодницу». Все сказанное, однако, не исключает ни того, что в «письме из Базеля» действительно пересказывались слухи, ходившие среди эмигрантов, ни того, что они могли в какой-то мере или полностью соответствовать действительности.

Два Биго

Еще одна гипотеза была предложена довольно известным историком П. Сен-Клер Девилем. Она изложена в его нашумевшей в свое время книге «В поисках Людовика XVII».

Аргументы Сен-Клера Девиля сводятся в основном к следующему. Эксгумация трупов, произведенная на кладбище Сен-Маргерит во время Реставрации и в последующие годы, показывает, что похороненный там юноша не был дофином (обследование скелета доказывает, что речь шла о подростке, которому было значительно больше, чем 10 лет). Присутствие дофина в Тампле можно доказать лишь до 10—11 плювиоза II года (30—31 января 1794 г.), а после этого лишь наличие какого-то заключенного в запертой комнате на втором этаже. Меры, принятые вслед за неожиданным визитом двух членов — Гупило де Фонтене и Ревершона в Тампль в ночь с 7 на 8 брюмера (28—29 октября 1794 г.), указывают на то, что после этой даты похищение дофина стало невозможным. Следовательно, оно было осуществлено в период между 30—31 января и 28—29 октября 1794 г.

Те изменения в правилах содержания дофина, которые позволяли скрыть похищение, были произведены по приказам руководства Коммуны — Шометта и Эбера или по крайней мере последнего, который более непосредственно занимался контролем над тюрьмой Тампль. Из переписки Л. де Фротте с Шарлоттой Аткинс следует, что при тайной встрече вождя конституционных роялистов графа Пюизе с У. Питтом, состоявшейся в конце сентября или начале октября 1794 г., француз заверил британского премьера, что дофин похищен из Тампля и находится в руках его, Пюизе. Правда, сам Пюизе прожил до 1827 г. (и к гому же, добавим, в Англии, где ему нечего было считаться с интересами сменявших друг друга режимов во Франции). Он написал оставшиеся неоконченными «Мемуары» в шести объемистых томах. После его смерти в Британский музей попали наброски к последующим томам «Мемуаров» и чрезвычайно обширная переписка — и нигде в этих бумагах нет ни малейшего упоминания об организации бегства и последующей судьбе дофина. Точнее, наоборот, во втором томе «Мемуаров» можно прочесть:

«Робеспьер, по политическим мотивам или из боязни, должен был по крайней мере сохранить жизнь дофина. Совершение преступления досталось его преемникам. Причина и обстоятельства смерти дофина являются одной из тех страшных тайн, распутать которую

способно только время». Приводя всю эту цитату, Сен-Клер Девиль считает, что она «чрезвычайно туманна и может быть истолкована при желании как угодно». Что же касается молчания Пюизе вообще о похищении, то оно, конечно, «может показаться странным, но его нельзя, однако, рассматривать как опровержение отстаиваемой гипотезы». Пюизе молчал, поскольку увезенный из Тампля дофин либо умер через несколько месяцев, либо после ряда неудачных выступлений роялистов в 1795 и 1797 гг. был увезен в Америку (в Канаду), где следы его были потеряны. Если бы Пюизе публично заявил об этом, его обвинили бы в обмане и сторонники Людовика XVIII, и республиканцы, и ему оставалось лишь молчать о деле, окончившемся провалом.

Читатель может задать вопрос: неужели все «доказательства», приводимые Сен-Клером Девилем, ограничиваются вышеизложенными, каждое из которых, как мы в дальнейшем убедимся, может быть без труда опровергнуто? Автор считает загадкой, почему Эбер и руководители Клуба кордельеров 14 вантоза (4 марта 1794 г.) неожиданно изменили своему умеренному курсу, которого придерживались перед этим в течение трех месяцев. И почему на процессе Эбера осталось совершенно в тени обвинение в попытках учредить регентство, хотя это обвинение было выдвинуто (без указания конкретных имен) в речи Сен-Жюста в Конвенте за день до ареста эбертистов и повторено через три дня опять-таки в Конвенте в выступлении Кутона. Все это немаловажно само по себе, но никак не может служить доказательством сговора Эбера с Пюизе с целью увоза дофина из Тампля и тем более осуществления такого намерения.

Однако Сен-Клеру Девилю казалось, что он обнаружил недостававшее звено, подкреплявшее все остальные предположения. Еще в октябре 1793 г. граф Пюизе на пути в армию вандейцев познакомился с неким Жозефом Биго, доверенным лицом и управляющим графа де Бобриля. Этот Биго стал одним из наиболее активных агентов Пюизе. «Вообразим себе, — пишет Сен-Клер Девиль, — что Биго был избран Пюизе для того, чтобы предпринять опасную попытку вырвать Людовика XVII из рук тех, кто его держал под стражей». Биго явился в Париж, снабженный деньгами и рекомендациями от его коммуны в Бреале, где пользовался влиянием. Чтобы проникнуть к Эберу, Биго отправился к старшему брату своего шефа маркизу Пюизе, который проживал в доме э 13 на улице Французского театра, которая входила в секцию Марата, где наибольшим влиянием пользовался Антуан Франсуа Моморо. По утверждению Сен-Клера Девиля, этот левый якобинец находился в приятельских отношениях с маркизом Пюизе, что помогло тому спастись от ареста и даже оказывать небескорыстную помощь другим, которые стремились не попасть в списки подозрительных эмигрантов. Через Моморо Жозеф Биго связался с Эбером, который мог строить планы вернуть на трон дофина в качестве «короля санкюлотов». Эбер добился удаления Симона и устроил так, чтобы Биго получил доступ в Тампль.

2 плювиоза (22 января 1794 г.) в числе четырех лиц, направлявшихся в качестве дежурных комиссаров, был некто Клод Биго — член Генерального совета Коммуны от секции санкюлотов. Однако в официальном документе, который должны были предъявить комиссары, фамилия интересующего нас дежурного была записана как Bigaud и лишь потом исправлена на Bigot. При этом, в отличие от обычной практики, правильность произведенного исправления не была подтверждена поставленной рядом подписью одного из секретарей Коммуны. Это тем более странно, что в составе Генерального совета Коммуны тогда не было никакого Bigot. Еще более необычно, что та же процедура повторилась два раза в документах, которыми свидетельствовали полномочия дежурных комиссаров, а именно 11 плювиоза (31 января 1794 г.) и 11 вантоза (11 марта). В оба эти дня писцом была написана фамилия Bigaud, а чья-то рука выправила ее на Bigot, причем проделала это исправление значительно более ловко и незаметно, чем в первый раз. 2 плювиоза Bigaud был как новичок назначен дежурным вне очереди, а ll плювиоза и 11 вантоза — в обычном порядке, по алфавиту. Менее чем через месяц, 8 жерминаля, вновь наступила очередь Bigaud, но на этот раз исправления фамилии уже не последовало, так же как и при последующих дежурствах 15 прериаля и 22 мессидора.

Итак, «исправление» производилось до 11 вантоза (1 марта) и более не возобновлялось. Напомним, что Клод Биго был новым членом Коммуны. Его товарищи по караулу, вполне возможно, не знали его в лицо. Документы с перечислением имен дежурных заранее

пересылались в Тампль. Когда произносили имя Биго, для остальных трех комиссаров было неясно, что речь шла не о Bigaud, а о неизвестном им Bigot. Тот предъявлял тюремным властям удостоверение личности на имя Bigot и, не заподозренный никем, вступал в обязанности дежурного комиссара. Кто же вносил «поправку» в документ? Это вряд ли мог быть секретарь Куломбе, хотя бы потому, что он подписал лишь один из трех документов с исправленной фамилией, а два других — заместитель секретаря Дора-Кюбьер. Это мог проделать служащий экспедиции, которому передавались бумаги для регистрации перед их отсылкой в Тампль. Но можно подумать и о руководителях Коммуны Шометте или Эбере — кто мог что-то заподозрить плохое в том, что один из «них взял просмотреть документы перед их отправкой в Тампль? Если предположить, что изменения фамилии дежурного комиссара были связаны с заговором, то трудно представить, что они осуществлялись без их участия. Кстати, только они могли на время „нейтрализовать“ Bigaud (например, поручив ему то или иное задание) в то время, как Bigot мог действовать в Тампле.

После отставки Симона были созданы условия для организации бегства дофина и подмены его дефективным ребенком. Тот был подвергнут строгому заключению в его комнате, были прерваны все его контакты с окружающими. К тому же он в любом случае не мог своими ответами на вопросы разоблачить обман. Вероятнее всего, бегство было организовано 12 вантоза, когда в последний раз в 1794 г. Bigot нес дежурство. А вечером того же дня один из лидеров эбертистов, Ронсен, в Клубе кордельеров публично призвал к восстанию. Эбер его дезавуировал, считая призыв преждевременным, поскольку беглецы могли быть еще в пределах досягаемости властей (могло ведь быть вдобавок затруднено их бегство из Парижа). Когда же эти опасения отпали, вечером 14 вантоза Эбер сам повторил призыв Ронсена, который назавтра поддержал Моморо в секции Марата.

Фамилия Bigot вновь появляется в свидетельстве о смерти Шарля Луи. В этом не было ничего подозрительного, поскольку в числе дежурных гражданских комиссаров был некий Реми Bigot. Он ранее служил в секретариате Коммуны, но в первый раз исполнял должность дежурного комиссара. Произведенное экспертами сравнение подписи на акте о смерти дофина и бесспорной подписи Реми Биго, сделанной им в регистрационной книге о получении удостоверения личности, показывает, что, по всей вероятности, они принадлежат разным людям. Вместе с тем сравнение подписи на акте с безусловно подлинными подписями Жозефа Биго делает вероятным, что они были сделаны одним и тем же человеком.

Зачем было производить эту рискованную подмену? Чтобы потом, в случае реставрации на престоле «бежавшего» дофина, объявить недействительным свидетельство о смерти и сослаться при этом на показания Жозефа Биго, который подтвердил бы, что умерший не был дофином.

Итак, допустим, что свидетельство о смерти подписано не Реми Биго, а Жозефом Биго, агентом главаря роялистов Пюизе. Но как быть с остающимся препятствием? На акте стоит подпись тюремного надзирателя Лана, который явно знал Реми Биго, так как они оба состояли в секции Прав человека, и не мог не заметить, что под его именем на документе расписался совсем другой. Чтобы преодолеть это затруднение, Сен-Клер Девиль отыскал — очень слабые — следы возможных контактов между Ланом и Пюизе. Лан до революции служил в гвардейском полку под командой некоего де ла Мусе, чей однофамилец или дальний родственник поддерживал в Лондоне связи с Пюизе. А Жозеф Оливье Биго, видимо, был знаком с этим однофамильцем.

В результате можно полагать, что в Тампле в начале 1794 г., когда похищение было еще возможно, действовал в качестве дежурного комиссара роялистский агент. Правда, Сен-Клер Девиль благоразумно заявляет, что не будет заниматься рассмотрением того, как могло быть осуществлено похищение.

Вся гипотеза Сен-Клера Девиля основана на подмене фамилии члена Коммуны Bigaud фамилией Bigot. Как сообщил в письме к известному французскому историку А. Кастело другой исследователь — Шам-пион, изучивший в Национальном архиве оригиналы

документов, о которых идет речь, «переделки[31] не относятся к революционной эпохе, как полагает Сен-Клер Девиль, а являются делом рук какого-то шутника. Последний в недавнее время хотел подкрепить доводы в пользу Эрваго[32], отстаиваемые Ле-нотром, который связал мнимого дядю некоей Николь Биго с судьбой Людовика XVII… Подделка бросается в глаза, если обратить внимание на цвет чернил, которыми внесены эти переделки, и я убежден, что химический анализ двух видов чернил представит тому научное доказательство». Другой историк — Л. Астье также отмечает, что переделки были сделаны позднее, чем составлен сам текст.

Добавим, что Реми Биго умер в 1807 г., Жозеф Биго — в 1811 г. Лан дожил до глубокой старости и еще в 1840 г. рассказывал одному историку о годах революции. Ни один из них не обмолвился ни единым словом о своем участии в заговоре, приписываемом им Сен-Клером Деви-лем. Тем не менее многие авторы хотели бы видеть в Биго ключ к «тайне Тампля». Отсюда и рождались все новые и новые домыслы.

Биго — девичья фамилия Николь, матери одного из «претендентов» Жана-Мари Эрваго, и среди подписавших свидетельство о смерти дофина был Реми Биго. Отсюда возникла побасенка, что семья Эрваго, согласившись, чтобы их сын подменил дофина в Тампле, все же заботилась о судьбе своего ребенка и устроила так, чтобы его стал опекать один из комиссаров Тампля — Реми Биго. Однако дальнейшие исследования выяснили, что семья Николь Биго Происходила из провинции, а Реми Биго был потомственным парижанином и что между этими двумя семьями не было никакой связи. Речь шла, таким образом, просто об однофамильцах.

Еще один «довод» эвазионистов. В Национальном архиве сохранилась записная книжка прачки Клуе, которая три раза в месяц уносила из Тампля грязное белье заключенных, одновременно возвращая чистое. В записной книжке точно указывалось, какое именно белье забиралось каждый раз в стирку. На основе анализа этих записей современный французский историк Луи Астье сделал вывод, что ребенок оставался в постели в течение декабря 1793 г. Это видно из того, какое именно белье было отдано 14 и 24 декабря 1793 г. и 4 января 1794 г. Оно не включало чулки. Ребенок должен был умереть 4 января. 17 января прачке было отдано немного оставшегося после умершего грязного белья, а 30 января прачка уже не получила для стирки никакого белья дофина. Напротив, начиная с 11 февраля ей стали снова регулярно передавать обычный набор белья для стирки. Иными словами, к этому времени умершего дофина уже подменили его двойником, белье которого и передавали прачке. Гипотеза покоится на том, что в декабре 1793 г. не отдавали прачке белья для стирки. Но так же поступили в январе и феврале 1795 г., а потом передали ей три пары в апреле того же года. Иначе говоря, такая «нерегулярность» могла быть следствием одной из множества неизвестных нам конкретных причин. Что касается перерыва в отправке белья, то это прежде всего объясняется тем, что 19 января Симон и его жена окончательно покинули Тампль и 30 января некому было позаботиться о белье. Прачка, вероятно, напомнила о том, что не получила обычный пакет грязного белья дофина. И 11 февраля кто-то из охраны позаботился о том, чтобы ошибка была исправлена. Это самое простое объяснение исключает правдоподобность других гипотез, вроде никем не замеченной смерти «маленького Капета» 4 января 1794 г.

Состояние источников позволяет делать взаимоисключающие выводы из ряда известных фактов. Как мы уже знаем, 7 брюмера (28 октября 1794 г.) Комитет общественной безопасности направил двух своих членов — Гупило де Фонтене и Ревершона с целью установить «присутствие там двух узников[33] и надежность службы охраны тюрьмы и принять все меры, которые покажутся необходимыми для поддержания общественной безопасности». В своих воспоминаниях герцогиня Ангулемская сообщает, что примерно в час ночи в конце октября

---

[31] текстов. — Е.Ч.

[32] одного из «претендентов». — Е.Ч.

[33] т.е. дофина и его сестры. — Е.Ч.

комиссары в сопровождении Лорана зашли в ее камеру и, бросив взгляд на нее, удалились, не сказав ни слова. Подобная процедура, вероятно, повторилась и в комнате дофина. Гупило де Фонтене, и ранее, 14 фрюктидора (31 августа), побывавший в Тампле, мог констатировать, что это тот же «немой» ребенок, которого он видел во время своего недавнего посещения. Отчета Гупило и Ревершона не сохранилось, но в результате их визита был принят ряд дополнительных мер по усилению охраны Тампля.

По мнению сторонников «бегства», ночная тревога и эти шаги свидетельствуют, что комитет обнаружил «подмену» и принял жесткие меры к изоляции дофина, чтобы она не обнаружилась. Тем не менее секрет не удалось сохранить полностью. Возникшие слухи о бегстве дофина скоро достигли Англии, и в Лондоне, опираясь на них, Кормье, не имевший никакого отношения к организации «бегства», продолжал вымогать деньги у доверчивой Шарлотты Аткинс на «спасение» дофина…

Напротив, с точки зрения противников теории «бегства», именно безосновательные слухи, распространявшиеся в конце октября 1794 г. среди эмигрантов в Англии, о которых тайные французские агенты поспешили сообщить в Париж, и послужили причиной ночной инспекции 7 брюмера (28 октября). А через три дня после этого, 31 октября, Кормье, наконец узнавший об этих слухах, сообщил с торжеством Аткинс — «Хозяин и его собственность спасены».

Вводимые в научный оборот факты, извлекаемые на основе анализа ранее не использованных — а чаще известных — документов, дают повод ко все новым догадкам. «До сих пор, кажется, от внимания историков ускользнул один факт, — писал в 1968 г. А. Кастело, — присутствие в комнате арестанта в это утро (10 термидора) доктора Бернара Лорине». Речь идет о сопровождавших Барраса при посещении им Тампля. А. Кастело был не совсем прав. В книге М. Гарсона, вышедшей незадолго до его собственной и им упоминаемой, этот факт приводится и признается за серьезный довод против эвазионистов: «19 января одним из четырех комиссаров, принявших под охрану дофина, был некий Лорине. Этот самый Лорине, врач и член секции Французского пантеона, живший на улице Карм в доме э 26, был в составе стражи 28 июля, когда прибыл для инспекции Баррас. Если бы был представлен другой ребенок, Лорине не преминул бы сказать об этом». А. Кастело также подчеркивает, что Бернар Лорине не мог не знать дофина, поскольку видел его не только 19 января, но неоднократно и до, и после этой даты. Он был, в частности, в числе дежурных 18 июня (30 прериаля), обративших внимание, насколько несложно было проникнуть в прилегающий сад, пройдя через двери конюшен, и решивших предостеречь относительно этого «членов прокуратуры Коммуны». Утром 10 термидора Лорине и другие дежурные комиссары чувствовали себя более чем неспокойно. Они могли ведь в любой момент быть арестованы и присоединены к своим коллегам из Генерального совета Коммуны, ожидавшим в тюрьме Консьержери отправки на гильотину. Если бы Лорине и увидел, что представленный ребенок — не дофин, то инстинкт самосохранения диктовал бы ему необходимость держать язык за зубами. Узнав от Лорине такую крайне неприятную новость, Баррас мог спросить: «Почему вы, будучи на дежурстве шесть раз за последние шесть месяцев, только сейчас сообщаете мне об этом?» А отсюда только один шаг до изобличения его как соучастника совершенного преступления. Лорине был человеком, может быть, даже чрезмерно осторожным. На следующий день его арестовали вместе с двумя другими дежурными комиссарами — Томбом (считавшимся протеже бывшего главы Коммуны казненного робеспьериста Пейяна) и Тесье. Оба коллеги Лорине из тюрьмы заваливали власти заявлениями о своей благонадежности. Их выпустили на волю: первого — через месяц, второго — еще через декаду. А Лорине вел себя смирно, считая, видимо, что лучше пока заставить забыть о себе. Он был освобожден лишь в самом конце года… Историк Л. Астье нашел инвентарную опись имущества Лорине, составленную после его кончины. Там значился большой чемодан, набитый бумагами, но о судьбе их ничего не известно.

«Заговор Робеспьера»

Если раньше организаторами подмены и бегства дофина объявляли то Шометта и Эбера, то Барраса, то теперь очередь дошла до Робеспьера. При этом разъяснялось, что планы «подмены» дофина и последующей реставрации составлялись им в интересах революции! Еще

Ж. Ленотр ссылался на попытки Робеспьера сплотить вокруг себя верных людей, его отвращение к скомпрометировавшим себя и коррумпированным политикам, его открытую проповедь деизма, которую он сознательно противопоставлял «бесстыдному кощунству сектантов Разума». Он считал, что народ устал от террора и беспорядков и будет приветствовать «человека, достаточно влиятельного и достаточно смелого, чтобы покончить с террором, добиться мира и вернуть Франции утраченное спокойствие». Проводя осторожную и продуманную политику, Робеспьер не мог не интересоваться, как и многие другие, малолетним королем, который, как полагали, постоянно содержался в Тампле, чтобы в нужный момент сделать его главным козырем в решающей игре. Подобные характеристики действий Неподкупного воспроизводятся в значительной части работ консервативных историков. Это, разумеется, относится к тем из них, которые занимаются «загадкой Тампля», и такая оценка служит у них исходным пунктом для обращения к бумагам д'Антрега. Ленотр рассказывал на основе бюллетеней д'Антрега о будто бы произведенном Робеспьером временном перемещении дофина в замок Медон. Переводя ребенка в более удобное и подходящее для его здоровья место, Робеспьер «заботился» о «достоинстве и интересах Франции». Это было одновременно «гуманным актом и хорошей политикой». Остается добавить, что, по мнению Ленотра, именно тогда впервые Робеспьер с отчаянием узнал о подмене дофина и что этим объясняется его последующее отсутствие в течение нескольких недель, в июне и июле, на заседаниях Комитета общественного спасения, о причинах которого до сих пор спорят историки…

В бумагах Робеспьера, изъятых после его казни, есть следующая запись: «I. Назначить повара. 2. Арестовать старого. 3. Использовать Вильера, друга Сен-Жюста. 4. Поручить мэру и национальному агенту осуществить увольнения. 5. Николя обучит Вильера. б. Опиум. 7. Врач. 8. Назначение членов Совета[34]. 9. Определить за два или три дня новичков. 10. Протокол представить».

Как объясняют эвазионисты, это — заметки, сделанные робеспьеристом Пейяном, который был назначен весной 1794 г. национальным агентом (главой) Парижской коммуны. Речь идет о замене повара Гарнье, единственного из оставшихся старых слуг, хорошо знавшего дофина. Бывший драгунский офицер Вильер, когда-то сосед Робеспьера по квартире, в 1794 г. время от времени выполнял обязанности присяжного Революционного трибунала и был доверенным лицом Сен-Жюста, дававшего ему какие-то поручения. Типограф Николя, также присяжный Революционного трибунала, человек, преданный Робеспьеру, должен был проинструктировать бывшего драгуна, годившегося лишь на сугубо подчиненные роли. Руководство Коммуны должно было произвести «увольнения», которые помогли бы осуществить похищение; ребенку следовало дать опиум; в проведении операции должен был участвовать врач. Главная трудность заключалась в том, чго дофина ежедневно разглядывали через стекло четыре дежурных комиссара, дабы удостовериться, что «заложник» находится на месте. Поэтому в «заметках» предписывается назначить «новых» членов Коммуны, которые еще не видели его и не могли заметить подмены. Предполагалось, что бегство будет обнаружено через «два или три дня», но как оно было осуществлено, осталось бы неизвестным. Упоминаемый в «заметках» Совет, членов которого следует переназначить, — это, вероятно, администрация Тампля.

Это — важная запись, позволяющая ряду историков утверждать, что Робеспьер подготовлял «бегство» дофина из Тампля. Однако есть основания и задать иной вопрос: имеют ли эти малопонятные «заметки» какое-либо отношение к плану бегства?

В ноябре 1980 г. на заседании комиссии по старому Парижу был заслушан доклад известного исследователя М. Флери, в котором отмечалось, что изучение фотокопии оригинала «заметок» Пейяна приводит к неожиданным заключениям. Так, в тексте пункта 2 («Арестовать старого») стоит дополнительно «Par Ie C. S. P.». Это несомненно сокращение от «Par C (omite de) S (alut) P (ubiic)», то есть от «Комитета общественного спасения». В пункте 7 («Врач») добавлено: «par I'acc. pub.» (accusa-teur public) — «общественным обвинителем» Фукье-Тенвилем, то есть действие должно было быть произведено указанным должностным

[34] Тампля? — Е.Ч.

лицом. Подобные добавления и уточнения нужно внести и в другие пункты. Можно предположить, что заметки касаются какого-то госпиталя (а управление больницами и тюрьмами занимало внимание Пейяна). Повар этого госпиталя должен был быть заменен новым Вилером (а не Вильером), которого должен был проинструктировать Николя, причем все это должно было быть осуществлено под контролем мэра Парижа Флерио-Леско и самого Пейяна (оба были ревностными робеспьеристами). Далее речь идет об «опиуме» и «враче», которого предстояло назначить общественным обвинителем, Фукье-Тенвиле (кстати сказать, отнюдь не пользовавшемся в 1794 г. доверием Робеспьера и его сторонников). В пункте 9 оказалось неразобранным слово «предшествующие», и тогда его можно прочесть так: «За два и три предшествующих[35] дня определить новичков». Можно предположить, что речь идет о смене администрации Совета общественных учреждений, подведомственных Коммуне (члены его были действительно сменены и арестованы 24 июня 1794 г.). Мелкие уточнения, которые следует внести в текст и других пунктов, придают им другой смысл. Разумеется, новая интерпретация является чисто гипотетической (это признает и сам М. Флери), но такой же, строго говоря, характер носит и традиционное истолкование «заметок» Пейяна.

Многое остается неясным. Например, почему назначение доктора для госпиталя должно было зависеть от общественного обвинителя при Революционном трибунале (что понятно, если речь идет о враче для дофина), но, может быть, имелась в виду тюремная больница.

Во всяком случае, к осуществлению предписаний, зафиксированных Пейяном, по-видимому, не было приступлено, Гарнье не был арестован и заменен другим лицом. Однако обычно «заметки» Пейяна связывают с донесением роялистского шпиона о временном увозе по приказу Робеспьера в ночь с 23 на 24 мая дофина в замок Медон.

Эпизод, сообщенный агентом д'Антрега, если не является вымыслом от начала до конца, то повторяет слухи или, проще говоря, чужие выдумки. Его пытались интерпретировать различным образом. Одни считали, что при попытке увоза дофина выявилась подмена его, произведенная Шометтом или Эбером, и поэтому «двойника» поспешили вернуть в Тампль. Другие полагали, что именно таким путем и была осуществлена подмена: увезен дофин, а возвращен в Тампль его двойник.

Член Конвента Куртуа, которому после 9 термидора было поручено издание некоторых бумаг, найденных у Робеспьера и его сторонников, утверждал, что при обыске в комнате, снимавшейся Робеспьером у столяра Дюпле на улице Сен-Оноре, были обнаружены между матрасами постели и в тайнике с двойным дном бумаги, спрятанные там, книги и вещи Людовика XVI и Марии-Антуанетты, перешедшие в распоряжение тюремных властей. Каким образом эти вещи оказались в комнате Робеспьера, осталось неизвестным. О том, что победители 9 термидора, чтобы опорочить память Неподкупного, были готовы на любую провокацию, в том числе на приписывание ему «улик», призванных доказать, что он обдумывал планы монархического переворота, — об этом знали или догадывались уже современники. Куртуа был весьма красочным представителем той хищной стаи термидорианцев, захвативших рычаги управления государством.

Но на самом деле Куртуа не подбросил, а попросту присвоил, украл на всякий случай обнаруженные им где-то вещи. И эта тайна открылась, когда после Реставрации, в 1816 г., Куртуа, к этому времени много награбивший, нахватавший взяток и превратившийся в богатого землевладельца, должен был как «цареубийца», вдобавок поддержавший Наполеона во время Ста дней, подвергнуться изгнанию из Франции. Надо было добиться, чтобы для него сделали исключение из закона. И тут Куртуа стал прельщать власти тем, что преподнесет своему «августейшему монарху Его Величеству Людовику XVIII» ценные реликвии. Среди этих сувениров находилась и прядь волос дофина. Дело не сладилось. Куртуа пришлось отбыть за границу, в Бельгию, часть вещей у него отобрали, другие он спрятал или увез с собой. Среди спрятанных была и прядь волос, которая, переходя из рук в руки, попала наконец к исследователям, занятым разгадкой «тайны Тампля». (Как показала экспертиза, проведенная уже в XX в., эта прядь и локон, который был срезан у дофина еще до ареста королевской семьи,

---

[35] назначению. — Е.Ч.

принадлежали одному и тому же ребенку — следовательно, во время нахождения у власти Робеспьера дофин еще не был подменен каким-то двойником.)

Споры вокруг вопроса о судьбе дофина обретали все новые повороты. Еще в 1954 г. в Париже вышла в свет книга князя Альберта Саксен-Альтенбургского, потомка рода, некогда правившего в небольшом княжестве в Центральной Германии. Книга эта называлась «Тайна дочери французского короля». Автор, опираясь на семейные предания, пытался разрешить загадку, на которую обратил внимание ряд историков, а именно на несовпадение облика сестры дофина Марии-Терезы Шарлотты, содержавшейся в Тампле, и герцогини Ангулемской — титул, который она будто бы стала носить, когда вышла замуж за своего кузена, младшего сына графа д'Артуа. В книге, о которой идет речь, утверждалось, что в роли герцогини Ангулемской выступала не Мария-Тереза, что ее (после того как ее в конце 1795 г. Директория обменяла на депутатов Конвента, находившихся в австрийском плену) в Вене подменили другой женщиной.

Что касается Марии-Терезы, то она прожила свою жизнь крайне уединенно в Хильбургаузене, небольшом городке, являвшемся столицей Саксен-Альтенбургского княжества. При постоянно скрывавшей лицо под вуалью таинственной даме, пользовавшейся явным покровительством княжеского двора, находился мужчина, которого местные жители именовали «графом». Удалось установить, что это был голландец Корнелиус Ван дер Валк, родом из богатой купеческой семьи. Когда его спутница жизни умерла, он объявил, что она родом из Вестфалии и зовут ее София Ботта. Осталось непонятным, почему она в таком случае говорила на ломаном немецком языке и совершенно безупречно по-французски («граф» как-то признал, что она — француженка) и зачем соблюдались столь тщательно меры по сохранению ее инкогнито. Когда «дама под вуалью» скончалась в 1837 г., «граф» сообщил, что ей было 58 лет-столько, сколько Марии-Терезе, родившейся в 1778 г. Сам «граф» умер в 1845 г. Пастор из Хильбургаузена Кюнер, единственный человек, поддерживавший дружеские отношения с «графом», в 1852 г. опубликовал книгу, в ко-горой утверждал, что «дама под вуалью» — подлинная Мария-Тереза.

Князь Альберт Саксен-Альтенбургский уверял, что сохранившиеся бумаги Корнелиуса Ван дер Валка были утеряны его наследником, а также исчезла переписка княгини Шарлотты Хильбургаузен и княжны Мек-ленбург-Штрелиц, подруги детства Марии-Антуанетты, удостоверявшая личность «дамы под вуалью». Оставалось лишь верить на слово титулованному автору в предположении, что у него не было поводов заниматься мистификацией. Однако, поскольку последнее тоже недоказуемо, сторонники выдвинутой им версии занялись подыскиванием дополнительных (пусть косвенных) доказательств, сопоставили привычки и вкусы Марии-Терезы и герцогини Ангулемской, оказавшиеся весьма несхожими. Первая любила, вторая, напротив, питала отвращение к собакам; одна хорошо играла на клавесине, другая совершенно не умела играть на музыкальных инструментах и была совершенно равнодушна к музыке. У одной был небольшой прямой нос, у другой — длинный с горбинкой. У одной был приятный звонкий голос, у другой — хриплый. Они имели совершенно разный почерк. Видевшие Марию-Терезу, когда ей было 17 лет, через 20 лет не могли узнать ее в герцогине Ангулемской и т.д.

Стоит отметить, что на протяжении 18 лет (с 1833 г. до самой смерти в 1851 г.) скупая герцогиня Ангулемская подвергалась шантажу со сторо» ны некоего доктора Лаверня. Он узнал от мадам Суси, которой было поручено сопровождать Марию-Терезу при высылке ее из Франции в 1795 г., какие-то секреты. Лавернь угрожал опубликовать книгу, содержащую «признания», которые сделала Мария-Тереза мадам Суси во время их совместной поездки. Однако сама герцогиня утверждала, что по молодости и житейской наивности, вероятно, рассказала мадам Суси вещи, которые та могла дурно истолковать, но не раскрыла никаких секретов. Некоторые историки считали, что Мария-Тереза сообщила о похищении дофина. По мнению других, она призналась, что скоро ожидает ребенка. Более вероятно, что мадам Суси знала о подмене Марии-Терезы другой женщиной, что герцогиня Ангулемская — самозванка. Это была действительно важная тайна, компрометировавшая Бурбонов, которые в то время сохраняли надежды вернуть себе престол, утерянный в результате июльской революции 1830 г. Иначе почему герцогиня, отличавшаяся скупостью, женщина с твердым характером, позволила шантажисту выманить у нее за ряд лет очень крупную сумму денег?

Князь Саксен-Альтенбургский полагал, что герцогиня Ангулемская — это дочь четы придворных по имени Мария-Филиппина Ламбрике, ее потом называли Эрнестиной. Ее считали незаконной дочерью Людовика XVI. Однако эта гипотеза оказалась быстро отвергнутой, поскольку была документально прослежена вся жизнь Марии-Филиппины Ламбрике, скончавшейся в 1813 г. в Париже. Следовательно, она не могла быть герцогиней Ангулемской, умершей без малого через 40 лет, в 1851 г.

В 70-е годы XX в. среди литературы эвазионистов заметное место заняли книги А. Луиго. Его концепция сводится в самых общих чертах к следующему. Эбер решил превратить «малолетнего Капета» в фиктивного короля, при котором состояло бы регентство из сторонников издателя «Пер Дюшен». Таким образом, республика имела бы фактически 10 лет, чтобы пустить корни и урегулировать свои отношения с иностранными державами. Не будучи в состоянии вести сам предварительные переговоры с неприятельскими государствами, Эбер должен был тайно связаться с ними через посредство Эро де Сешеля и Фабра д'Эглантина из ближайшего окружения Дантона. Это относится примерно к августу 1793 г. К началу марта 1794 г. Эбер подготовил убежище под крышей Малой башни Тампля, которое охранялось преданной ему супружеской четой. Через давно уже державшуюся на запоре дверь можно было проникнуть с третьего этажа Тампля на четвертый. По указанию Эбера дофина можно было перевести из его камеры в этот тайник. Эбер собирался вдобавок организовать не только подмену, но и бегство в сторону Невера одного из доставленных (не известно, добавим от себя, каким путем) двойников, возложив вину на Шометта и направив подозрения против робеспьеристов. Одновременно аналогичные планы существовали и у Дантона, который стремился осуществить то, что не успел сделать автор «Пер Дюшен». Наконец, после казни эбертистов и дантонистов Робеспьер, создавший в апреле 1794 г. собственную разведку, решил использовать Д связи, которые были установлены ими, только не с целью государственного переворота, а для переговоров через банкира Перрего о достижении мира с Пруссией. Одним из условий мирного договора стала бы выдача «заложника» из Тампля.

Луиго полностью принимает на веру заимствованную из 24-го бюллетеня д'Антрега историю о том, как в ночь с 23 на 24 мая Робеспьер якобы приказал перевести дофина в военный лагерь в Медоне, а через сутки вернуть обратно в Тампль. Более того, Луиго полагает, что возвратили не дофина, а манекен, который потом подменили другим ребенком. Через пять дней дофина незаметно все же перевезли в Тампль, но поместили в другое помещение. Это было сделано с целью держать его в надежном тайнике, поскольку существовала опасность приближения к Парижу неприятельских войск. После этого окончательное похищение стало несложным делом. Дофина вынесли в корзинке с бельем, принадлежавшей прачке Клуе. Победа французских войск над австрийцами при Флерюсе позволила Робеспьеру успешно вести секретные переговоры с Пруссией. Берлин не оказал помощи своим австрийским союзникам.[36] Добившись такого успеха, Робеспьер собирался покончить с террором, но это не входило в планы Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенна (последний наряду с Колло и Кутоном знал о «репетиции» увоза, но не об окончательном похищении дофина). Робеспьер был намерен опереться на депутатов Болота, к которым он действительно, как известно, пытался обратиться за помощью на заседании 9 термидора. Заключив мир с Пруссией, он бы развалил неприятельскую коалицию, создал зависимую от Франции Рейнскую конфедерацию германских государств и предстал перед Европой как бесспорный лидер «пацифистской, несектантской, освободительной и братской революции». Именно на это была нацелена его речь 7 мая 1794 г. о Верховном существе. А похищение дофина он мог приписать своим противникам — ведь он, о чем опять-таки известно, шесть недель летом не принимал участия в

---

[36] Факт отказа Пруссии от выполнения ею Гаагского договора, заключенного 17 апреля 1794 г., согласно которому она обязывалась в обмен на крупную английскую субсидию выставить против Франции 62-тысячную армию генерала Меллен-Дорфа, соответствует действительности. Когда в мае 1794 г. дело дошло до выполнения договора, Пруссия отказалась послать войска в Бельгию для поддержки австрийцев. Почти одновременно 14 мая Фридрих II отдал приказ об отправке 50 тыс. солдат в Польшу, где вспыхнуло восстание под руководством Костюшко.

заседаниях комитетов.

По мнению Луиго, переговоры между Робеспьером и Гарденбергом имели шансы на успех только в том случае, если ни Лондон, ни Вена, ни их разведки не подозревали, что они ведутся. Переговоры эти, начавшиеся на новой стадии в апреле 1794 г., были с этой целью и перенесены в Невшатель, где находился Гарденберг. Одновременно для дезинформации (не только иностранных держав, но и врагов Робеспьера в Комитете общественного спасения, особенно Бийо-Варенна) он поручил Монгайяру (о нем будет говориться в другой связи) миссию тайного агента-двойника, который через ряд посредников связался со шпионской сетью лорда Элджина, руководившего из Брюсселя разведками всех армий коалиции. Из письма Монгайяра к Робеспьеру, попавшего в руки врагов Неподкупного, те предположили, что он ведет переговоры с «чистыми» роялистами, тогда как на деле это было лишь прикрытием контактов с Гарденбергом. На случай неудачи этих переговоров дофина предполагали отправить в Швейцарию к известному доктору Бартелеми Химели, бывшему придворному врачу Фридриха II. Сестра Робеспьера Шарлотта поддерживала переписку с дочерью Химели Сюзанной Екатериной Лешот, которая до 10 августа 1792 г. жила в Версале. Лешот была замужем за женевским часовщиком. Ее кузина Анна Мария Лешот оставалась в Париже и была связана с обслуживанием Тампля. По мнению Луиго, к термидору Робеспьер закончил переговоры с Пруссией, предусматривавшие выдачу дофина, который к этому времени уже был увезен из Тампля, и мог в случае победы возложить ответственность за подмену «заложника» на своих противников в обоих комитетах, Именно этого обвинения боялись Бийо-Варенн и его сообщники, которое мог выдвинуть Робеспьер, если бы после поражения его доставили в Революционный трибунал. Поэтому требовалось не дать ему возможности говорить. Ранение Робеспьера в ночь на 10 термидора обрекло его на молчание. Но оно вместе с тем поставило Бийо-Варенна и Карно в сложное положение: они знали, что дофин увезен, но не знали, кем и куда, в то же время им было невыгодно признать факт бегства — это ведь значило бы обвинить самих себя. После гибели Неподкупного тайной местонахождения беглеца владела лишь группа прусских политиков (Гарденберг, Лючезини, Гаугвиц и др.), которых Луиго называет «потсдамским сфинксом». Баррас же, посетивший Тампль 10 термидора, заподозрил неладное. Он стал расспрашивать Бийо и Карно. Вскоре было решено вновь учредить должность, причем не одного, а двух воспитателей дофина. Это произошло через шесть месяцев после того, как Симон покинул этот пост, как раз в день его казни как робеспьериста. Несколько позднее функции воспитателя передали Лорану, доверенному лицу Барраса. В марте 1795 г., покидая свой пост, Лоран повторил «сценарий 23 мая 1794 г.», тайно удалив из Тампля первого псевдодофина и заменив его новым — на этот раз немым мальчиком. Еще одну подмену осуществили Гомен и Лан, преемники Лорана, 5 июня 1795 г. с целью одурачить неприятельскую агентуру.

Остается добавить, что концепция Луиго в ее главных линиях базируется просто на предположениях, а вмонтированные в нее реальные факты никак не способны подтвердить ее в целом.

Часть из сторонников теории «подмены» дофина, пытаясь объяснить, почему его сестра герцогиня Ангулем екая отказывалась встретиться с претендентами, особенно Наундорфом (о нем — ниже), и тем самым выяснить, был ли кто-либо из них не обманщиком, а ее братом, повторяет слух, восходящий к прошлому веку. Они разъясняют, что герцогиня попросту боялась такой встречи, поскольку была сама не королевской дочерью Марией-Терезой, а какой-то подменившей ее женщиной.

В 1980 г. появилась книга довольно известного автора ряда исторических исследований и романов Р. Амбелена «Тайны и государственные секреты 1785—1830 гг.», весьма спорная во многих своих разделах (особенно это касается оценки Амбеленом, являвшимся видным деятелем масонства, роли этого ордена в политические событиях революционного и послереволюционного времени). Однако она содержит и немало новых материалов, в том числе архивных, и достаточно убедительных соображений относительно того, какое политическое значение имел вопрос о судьбе дофина в первой половине XIX в. и, в частности, насколько было озабочено им правительство Реставрации.

До революции репутация Марии-Антуанетты была весьма и весьма невысокой. В первые

несколько лет ее муж (до того как он подвергся операции по удалению фимозы) был неспособен к выполнению своих супружеских обязанностей. У королевы, ходили слухи, было несколько любовников, в их числе даже младший брат Людовика XVI, граф д'Артуа (будущий Карл X). У другого брата короля — графа Прованского (будущего Людовика XVIII) были основания считать, что фактическим отцом ее дочери был, вероятно, Анри Франкето — маркиз, потом герцог Куаньи, а дофина — граф Ферзен (это шведский аристократ, в действительности очень мало напоминавший того верного рыцаря королевы, каким его рисует позднейшая легенда). Версия о том, что дофин — незаконнорожденный, могла утверждаться только с появлением все новых вероятных и безусловных любовников королевы. Жана-Луи де Риго виконта де Водрейля, барона Пьера-Виктора де Бесенваля, герцогов Армана Луи де Гонто, де Лозена, де Бирона. Уже во время революции этот список был дополнен известным политическим теоретиком лидером фейянов Пьером Жозефом Барнавом (и это не говоря уж о более чем нежной дружбе Марии-Антуанетты с княгиней де Ламбаль и мадам де Полиньяк — эта связь была столь общеизвестна, что послужила сюжетом гравюры и театрального представления в 1789 г., и, главное, вполне подтверждается письмами самой Марии-Антуанетты к мадам Ламбаль). Были подобные же обвинения, правда, не подтвержденные документально, в «дружбе» с графиней Диллон и мадам Роган-Гемене. При этом королева проявляла веселую беззаботность и нисколько не была шокирована ходившими о ней слухами. Сам обманутый муж Людовик XVI в последние часы своей жизни произнес: «Что касается королевы, то я уже давно ее простил».

Как писал известный современный историк А. Кастело в книге «Мария-Антуанетта», до революции она вызывала почти всеобщую и откровенную ненависть. Эта вражда проявилась с первых месяцев после 14 июля 1789 г., когда «австриячку» именовали не иначе как «Мессалиной», «мадам Дефицит» (за ее безмерную расточительность), «мадам Вето» (за то, что она, по общему мнению, побуждала короля отвергать законы, одобренные народными избранниками). Несомненно, такая репутация королевы и побудила Эбера выдвинуть против нее во время судебного процесса Марии-Антуанетты в октябре 1793 г. обвинения в кровосмесительной связи с собственным сыном. Не стоило бы ворошить эти альковные секреты, тем более что они касались людей, многих из которых ожидал скорый трагический конец в годы революции, если бы эти тайны не соприкасались с тайнами государственными и не влияли на поведение лиц, находившихся у власти.

Ферзен, возможно, являлся отцом «первого» дофина — старшего брата Людовика XVII. Граф в записях, предназначенных только для себя самого, так и именует его — «мой сын». Правда, через три года после смерти «первого», в 1792 г., он так же начинает называть и «второго» дофина, то есть Людовика XVII. В связи с официальным сообщением о смерти дофина в Тампле Ферзен записал в своем дневнике: «Это последний и единственный интерес, который еще оставался у меня во Франции. Ныне того нет. Что мне дорого, больше не существует, поскольку я придаю мало значения мадам[37]». Как упоминалось, граф Прованский не сомневался, что именно «второй» дофин — сын Ферзена. И это весьма важно. Однажды Людовик XVIII даже сделал ироническую надпись на повествовании Марии-Терезы о бегстве королевской семьи в Варенн в 1791 г.. «Можно надеяться, что рассказчица так и не узнает о причине привязанности, выказывавшейся Ферзеном королеве». Вопрос о том, был ли дофин сыном Людовика XVI, оказывается тесно связанным с вопросом о том, был ли Наундорф Людовиком XVII. У Наундорфа и его потомства эвазионисты находят ярко выраженные семейные черты Бурбонов. Но если Наундорф был дофин, такие черты могли проявиться независимо от того, кто был его отцом — Людовик XVI или Ферзен, так как в числе предков Марии-Антуанетты была герцогиня Елизавета Шарлотта Орлеанская (жена герцога Лотарингского) — представительница младшей ветви Бурбонов.

Ненависть Марии-Антуанетты к кардиналу Рогану, ставшая прологом к пресловутому «делу об ожерелье», была вызвана тем, что он, будучи в 1772 г. (за два года до ее отъезда во Францию) послом в Вене, распространял слухи о ее распутстве, в частности что она была

[37] т.е. Марии-Терезе. — Е.Ч.

любовницей графа д'Артуа, и снимал копии с ее писем, компрометирующих молодую австрийскую принцессу.

Вспомним «дело об ожерелье». В чем причина явного благоволения властей к содержавшейся в тюрьме Ла Мотт? Возможно, что причиной были угрозы ее мужа Марка-Антуана Николя Ла Мотта из Лондона, если не освободят жену, «обнародовать документы, публикации которых опасаются». Это объясняет посещение Жанны в тюрьме близкой подругой королевы княгиней Ламбаль, пенсию, которую неожиданно стали выплачивать семье преступницы, обещание перевести Жанну из тюрьмы в монастырь и, наконец, легкость, с которой она бежала из заключения, наводящая на мысль, что при этом опять-таки не обошлось без потворства со стороны власть имущих, в их числе мог быть и ее бывший любовник граф д'Артуа.

Амбелен повторяет утверждение, что герцог Брауншвейгский, который вовлек Ферзена в ряды масонов, снабдил Наундорфа во время нахождения того в Швейцарии бумагами, удостоверявшими его происхождение. Но ведь герцог Брауншвейгский, глава большой части германских масонов, умер в 1792 г. и никак не мог совершить это, поскольку дофин (даже чисто теоретически) мог в любом случае оказаться в Швейцарии только после 1793 г. или 1794 г.

Р. Амбелен, со ссылкой на конкретно указанные им фонды государственного архива в Мадриде, утверждает, что назначенный на должность воспитателя дофина Антуан Симон был в действительности роялистским агентом. В донесении другого разведчика из Парижа от 5 марта 1794 г., полученном через посла мадридского двора в Венеции министром иностранных дел Годоем, говорилось: «Уже давно Симон — один из наших людей, и он детально информирует нас о том, что происходит, в чем Ваше Превосходительство могли убедиться из моих донесений в течение ряда месяцев». В этом письме подробно со ссылкой на предшествующие донесения говорится об услугах, которые он оказывал роялистскому подполью до и после своего удаления с поста воспитателя дофина. Можно, конечно, усомниться в правдивости этой информации, которая поступала не только в Мадрид или в Лондон и прямо и косвенно восходит к «Парижскому агентству» и графу д'Антрегу. Однако эти сведения о роли Симона находят как будто подтверждение в вопросе, с помощью которого герцогиня Ангулемская решила разоблачить одного из мнимых дофинов, Матюрена Брюно, во время суда над ним в Руане:

— Что Симон поручил вам передать мне и что вы мне дали в день, когда я обрезала ваши волосы?

Этим вопросом она вроде бы давала понять, что Симон передал через дофина его сестре какое-то секретное сообщение от роялистов. Однако не исключено, что речь идет о вопросе-ловушке для разоблачения обманщика или что этот эпизод является вымыслом от начала до конца.

Жена Антуана Симона — Мария-Жанна после казни мужа была посажена в тюрьму, но менее чем через месяц, 24 августа 1794 г., была выпущена на волю. Возможно, оказавшись на свободе, она что-то неосторожно выболтала. Во всяком случае, весной 1796 г. Марию-Жанну по ее просьбе заключили в приют для неизлечимых больных, где она оставалась вплоть до смерти 10 июня 1819 г. В годы Реставрации она находилась под наблюдением полиции. Полицейские отчеты свидетельствуют, что «вдова Симон» оставалась в здравом уме и твердой памяти. Мария-Жанна неоднократно говорила разным людям, что дофину удалось бежать из Тампля и что вместо него там поместили какого-то смертельно больного ребенка. Это же она подтвердила, исповедуясь перед смертью.

В акте медицинского вскрытия тела дофина, подписанном четырьмя врачами, указывалось, что, как «им было сказано», речь идет о сыне бывшего короля и что двое из них (речь шла о П. Лассю и Н. Жанруа) узнали в нем ребенка, которого они лечили в течение нескольких дней, а это опять-таки совсем неравнозначно тому, что они узнали в нем Шарля Луи. Не были названы ни сестра дофина, содержавшаяся в Тампле, ни вдова Симона, ни члены Конвента, многократно видевшие дофина и до, и после падения монархии. Родная сестра Марии-Антуанетты неаполитанская королева Каролина, фактически управлявшая страной при своем ничтожном супруге, писала 8 октября 1794 г. маркизе Осмон, что совершенно не верит сведениям о смерти дофина («юного короля») в Тампле. В 1840 г. маркиза Бролье-Солари,

бывшая придворная дама Марии-Антуанетты, засвидетельствовала перед нотариусом, что зимой 1803 г. присутствовала при беседе своего мужа с Баррасом. Бывший директор негодующе воскликнул по адресу Наполеона: «Я еще доживу до того, чтобы увидеть повешенным этого корсиканского злодея! Он проявил неблагодарность ко мне и выслал меня из страны за то, что я его сделал тем, кем он стал. Но он не преуспеет в своих преступных планах, так как существует сын Людовика XVI». Об этом секрете от того же Барраса, вероятно, знала Жозефина, а от нее — Наполеон.

Есть свидетельство того, что это не было тайной для Людовика XVIII. В склепе аббатства Сен-Дени, где были перезахоронены останки Людовика XVI и Марии-Антуанетты, Людовик XVIII приказал установить два медальона. На первом были указаны сведения о старшем брате дофина, умершем в детстве: «Луи Жозеф Ксавье Франсуа. 22 октября 1781 — 4 июня 1789. Версаль». На втором же значилось: «Людовик XVII, король Франции и Наварры». Дата рождения намеренно была опущена, чтобы не указывать дату кончины. Может, Людовик XVIII располагал сведениями от собственной агентуры, а может, от того же Барраса, с которым состоял в тайной переписке в бытность того членом Директории.

В литературе собрано много свидетельств родственников влиятельных политиков времен Реставрации и самих представителей правящей династии, будто они слышали о том, что Людовик XVII жив и что известно место его нахождения.

Не было ли связано с «тайной Тампля» дело об одном убийстве, наделавшее немало шума в первые годы Реставрации? 20 марта 1817 г. в Родезе был обнаружен труп крупного судебного чиновника Антуана-Бернардена Фюальде, некоторое время назад вышедшего в отставку. Подозрения пали на некого Банкаля, содержавшего дом свиданий. Банкаль подвергся аресту вместе с женой и дочерью, были посажены за решетку также контрабандист Баш, батрак Бускье, отставной солдат Колар, его любовница Анна Бенуа и сосед Банкаля, некий Мисонье. Состоялся судебный процесс. Но его результаты были отменены кассационным судом из-за каких-то формальных нарушений. Кстати, было установлено, что во время следствия у обвиняемых «выбивали» признания. Банкаль передал прокурору через какого-то незнакомца в зеленой одежде, посетившего его в камере, записку со своей «исповедью». На другой день Банкаля нашли мертвым; на теле были обнаружены следы, которые могли свидетельствовать об отравлении. Результаты судебно-медицинского вскрытия не исключали такой возможности. Однако было все-таки признано, что смерть была следствием плохого состояния здоровья. Ливреи зеленого цвета носили егеря графа д'Артуа; оружием, которым был убит Фюальде, был плохо отточенный охотничий нож.

Согласно «исповеди» Банкаля, в убийстве участвовали близкие погибшего — его крестник Бастид-Грамон и зять Жосьон. Его показания подтвердила жена сборщика налогов Манзона, которая использовала дом Банкаля для свиданий со своими любовниками. Она заявила, что присутствовала при убийстве и молчала, опасаясь за свою жизнь. Впрочем, свидетельница в своих показаниях часто противоречила сама себе, пытаясь как-то спасти свою репутацию, и даже утверждала, что никогда не бывала в доме Банкаля. В конечном счете мадам Манзон перекочевала из свидетелей на скамью подсудимых. Новый суд в мае 1818 г. после пяти недель заседаний приговорил Бастид-Грамона, Жосьона, Колара, Баша и жену Банкаля к смертной казни, но двоим последним за чистосердечное признание и помощь суду казнь была заменена пожизненным заключением. В отношении мадам Манзон прокурор отказался от обвинения. Более того, она получила под каким-то искусственным предлогом пожизненную правительственную пенсию, а ее сын был принят за казенный счет в королевский колледж в Ниме. 5 июля 1818 г. Бастид-Грамон, Жосьон и Колар были гильотинированы, но до последнего дыхания они заявляли о своей невиновности.

Обращали на себя внимание шаткость доказательств против Бастид-Грамона и Жосьона, отсутствие у них видимых мотивов для совершения преступления. Вдобавок батрах Бускье, присужденный лишь к году тюрьмы, а позднее жена Банкаля и мадам Манзон перед смертью в своих заявлениях, независимо друг от друга, отказались от показаний, которые были сделаны ими с целью смягчения своей участи. Последующее изучение архивов показало, что правительство почему-то стремилось добиться обвинительного приговора, не останавливаясь перед давлением на суд и «подбором» нужных присяжных. Один из членов суда получил

нагоняй от начальства за свои вопросы, которые подтверждали несостоятельность необходимых для обвинения показаний, и прямой приказ не проявлять впредь ненужной любознательности.

Вместе с тем власти почему-то хотели видеть на скамье подсудимых еще одного человека — нотариуса Бесьера-Вейнака. Но, к счастью, он имел неопровержимое алиби. Свидетелями, показаниями которых оно было установлено, являлись члены апелляционного суда в Тулузе. Но вскоре они почему-то были уволены с занимаемых должностей.

Конечно, можно было объяснить убийство Фюальде местью ультрароялистов. Ведь он во время Ста дней преследовал тех сторонников Бурбонов, которые при первой Реставрации были организаторами жестокого белого террора. Речь шла о тайных обществах «Сподвижники Ииуя» (по имени израильского царя, получившего от пророка Елисея миссию наказать династию Ахава) и «Вердеты» (название происходило от зеленой повязки на правой руке).

Но уже во время процесса молва упорно связывала убийство Фюальде с тем, что он обладал бумагами, удостоверявшими похищение дофина из Тампля.

Однако прямых доказательств этого отыскать не удалось. Современники считали, что Фюальде мог получить бумаги о похищении дофина от Барраса или от маршала Дюрока, которому они были переданы на хранение Наполеоном. (Дюрок, герцог Фриульский, был убит в сражении 22 мая 1813 г.) Малоправдоподобно получение бумаг от Барраса, поскольку Фюальде проявил себя ревностным слугой Наполеона, ненавистного бывшему члену Директории. Но пока не найдено свидетельство существования связей между Дюроком и Фюальде.

Бумаги могли быть получены также от доктора Николя Жанруа, который лечил дофина до падения монархии и подписал акт о результатах судебно-медицинского вскрытия трупа ребенка, умершего в Тампле. Оба, Жанруа и Фюальде, были масонами — членами организации «Великий Восток» и, вероятно, хорошо знали друг друга. Но это еще никак не доказывает, что Жанруа передал Фюальде бумаги об увозе дофина из тюрьмы…

Теперь несколько слов о трагической судьбе герцога Беррийского. Сохранившиеся документы (в том числе полицейские донесения) указывают на то, что о предстоящем покушении на жизнь герцога Беррийского властям стало известно по крайней мере за две недели до 13 февраля, когда он был убит ремесленником Лувелем. Нечто подобное, как напоминают исследователи, происходило за два века до этого, незадолго до убийства Генриха IV.

Возможность такого убийства казалась реальной из-за множества врагов, которых имел ненавистный непримиримым католикам Генрих Наваррский или республиканцам — наследник престола герцог Беррий-ский, с именем которого связывали надежду на увековечение династии Бурбонов. В случае, если в феврале в действительности готовился заговор, непонятно, каким образом слухи об этом докатились до различных городов — ведь они были зафиксированы помимо Парижа в Руане, Орлеане, Нанте и ряде других мест, включая глухие деревни. Стало быть, данная аналогия не есть еще доказательство, что как в первом, так и во втором случае существовал заговор, тем более что сведения о нем еще ранее получили распространение.

Вместе с тем имеются сведения, что у герцога Беррийского испортились отношения с его дядей Людовиком XVIII и влиятельным премьер-министром Деказом. Существуют записанные несколько десятилетий спустя показания ряда современников, будто они были свидетелями того, как герцог Беррийский требовал от Людовика XVIII уступить престол законному королю Наундорфу. Р. Амбелен считает, что герцог Беррийский как член узкого Королевского совета выдвинул это требование после того, как был ознакомлен с документами, похищенными у убитого Фюальде. Историк приводит вдобавок немало косвенных данных о том, что Лувеля подтолкнули к покушению люди, действовавшие по поручению Деказа (впрочем, подобные подозрения высказывались уже его современниками).

Все новые и все более бездоказательные гипотезы. Одна из последних «неортодоксальных» работ — уже упоминавшееся двухтомное сочинение М. Раски под сенсационным заголовком «Французская революция: семейное дело» (Париж, 1977 г.). Дальний предок М. Раски служил при дворе Людовика XVI, и эта уходящая в глубь веков родовая связь, кажется, служит единственной «веской» причиной, позволяющей ей считать себя специалистом

по истории Великой французской революции. (Это, между прочим, далеко не единственный случай, когда ссылками на такие генеалогические связи или на не имеющие отношения к делу фамильные архивы обосновываются самые абсурдные «интерпретации» событий революционного времени.) А «семейным делом» М. Раски именует французскую революцию, поскольку считает ее, собственно говоря, результатом интриг «Каина» — брата Людовика XVI, графа Прованского (будущего Людовика XVIII), мечтавшего о престоле. В первом томе этой работы читатель узнает, что была не одна подмена дофина, а несколько (производившихся до лета 1794 г., при соучастии Робеспьера, что и привело к его падению; автор здесь повторяет клевету термидорианцев на Неподкупного). Первый «двойник» был помещен в комнату дофина сразу после отставки Симона. Именно с ним имел дело Лоран после 9 термидора, а дофин был скрыто увезен из Тампля. Какое-то время дофина изображал восковой манекен, потом последовательно — несколько детей. Некоторые из них впоследствии стали фальшивыми дофинами, которых полиция Людовика XVIII использовала против «подлинного дофина». Что же касается Марии-Терезы, то ее, оказывается, подменили в декабре 1795 г. в Базеле» (Швейцария) при обмене на членов Конвента и других республиканцев, которых держало под стражей австрийское правительство. Место Марии-Терезы заняла воспитывавшаяся вместе с ней Эрнестина Ламбрике, бывшая в действительности незаконной дочерью Людовика XVI, а та, в свою очередь, была «подменена» во Франции одной из своих сестер, причем был пущен слух, что она умерла, и т. д. Кто совершил эту подмену — шуаны, желавшие «освободить» Марию-Терезу, или агенты графа Прованского, объявившего себя Людовиком XVIII, остается неясным. Далее, зачем Людовику XVIII было осуществлять эту подмену, а потом выдать замуж «мнимую» Марию-Терезу за своего племянника? Каким образом он осуществлял многие действия для скрытия «подмены» во Франции, когда там правил Наполеон I? А сама Мария-Тереза была таинственной особой, которая жила уединенно в одном из замков Тюрингии, в Центральной Германии (между прочим, тоже находившейся под фактическим владычеством Наполеона), сохраняя с помощью семьи владетельной княгини Шарлотты Гессен-Дармштадтской инкогнито вплоть до смерти 25 ноября 1837 г.

Было бы, разумеется, напрасно искать у М. Раски, как и у ее предшественников, доказательства всех этих необыкновенных историй и даже элементарной логики, хотя она приводит в своих книгах массу ничего не доказывающих деталей о тюрьме Тампль, о процедуре обмена Марии-Терезы на французских пленных и т.п.

Во второй половине декабря 1795 г. Мария-Тереза из Базеля, куда ее доставили французские жандармы, прибыла в Вену. Точнее, прибыла молодая девушка, которую представили как Марию-Терезу. Интересно, что она сразу же дала понять прежде знавшим ее придворным, что не желает их видеть, и оставалась потом в совершенной изоляции во дворце Хофбург.

В январе 1796 г. неаполитанская королева Мария-Каролина, тетка Марии-Терезы, в письме к маркизе Осмон выражала опасение, что эта девушка «вовсе не дочь моей сестры». Виновником подмены королева считала французское правительство, но имеющиеся документы свидетельствуют, что Директория отослала в Швейцарию именно Марию-Терезу, да и не могла она в Париже рассчитывать провести австрийцев. Следовательно, подмена, если она имела место, могла быть произведена только австрийскими властями или по крайней мере с их ведома и согласия.

Каковы могли быть мотивы для такой подмены? В сохранившихся письмах самой Марии-Терезы и в корреспонденции осведомленных современников можно найти намеки, что она была беременна (однако ничего не известно ни о том, кто был отцом ожидавшегося ребенка, ни о его дальнейшей судьбе).

В случае подмены Марии-Терезы ее двойником не могла быть Мария-Филиппина (Эрнестина) Ламбрике, поскольку, как мы уже знаем, она умерла в 1813 г. в Париже, тогда как «дублерша», ставшая герцогиней Ангулемской, скончалась в 1851 г. Но у Марии-Филиппины была сестра, старше ее на два года, Луиза-Катерина. Официально ее крестным отцом был граф Прованский, но есть все основания подозревать, что он был фактическим отцом девочки. Он находился в связи с ее матерью, служившей фрейлиной при дворе, еще прежде, чем пришла очередь его старшего брата Людовика XVI воспользоваться благосклонностью этой

любвеобильной особы. О судьбе Луизы-Катерины ничего не известно. Вероятно, что это она скрывалась под именем служанки мадам де Суси, сопровождавшей Марию-Терезу при ее переезде из Парижа в Базель. Судя по австрийским архивам, венский двор требовал, чтобы вместе с Марией-Терезой была отправлена дама по имени Эрнестина Ламбрике. С другой стороны, французский министр внутренних дел затребовал на один иностранный паспорт больше лиц, чем число людей, перечисленных им в качестве сопровождающих Марию-Терезу. Из письма ее самой мы узнаем, что у мадам Суси была камеристка. Между тем она отсутствует в упомянутом списке. Поскольку ею не могла быть Мария-Филиппина (Эрнестина) Ламбрике, очень вероятно, что ее заменила Луиза-Катерина, следы которой теряются после декабря 1795 г. Она играла роль своей младшей сестры. Венский двор, возможно, и не знал об этой подмене. Но он наверняка должен был быть участником второй подмены Марии-Терезы той, которую он принимал за Марию-Филиппину Ламбрике, незаконную дочь Людовика XVI. Со своей стороны, граф Прованский был тем более заинтересован в этой подмене своей крестницы или дочери Марией-Терезой. Он к тому же ведь считал, что отцом Марии-Терезы был не его старший брат, а любовник Марии-Антуанетты герцог де Куаньи.

Типичным примером подобной «научной продукции» является работа Жаклин Дюкассе «Людовик XVII и его политические агенты (по неопубликованным документам)», (Париж, 1984 г.). Документов действительно приводится в книге немало, но они нисколько не доказывают главный тезис автора, что стараниями неких известных и неизвестных лиц дофин был похищен и подменен 3 июля 1793 г. Далее излагается теория «нескольких подмен», которая, как мы уже убедились, не является изобретением Ж. Дюкассе. Ей принадлежит другое «открытие» — что некоторые из явно подложных претендентов в дофины были лишь «политическими агентами» подлинного, который скрывался, опасаясь покушения на свою жизнь со стороны сменявших друг друга правительств Франции и их союзников. В числе участников похищения Ж. Дюкассе называет своего прапрадеда тайного роялиста Арнуля Морена де Гери-вьера, который занимал пост полицейского чиновника секции Доброй новости. При обыске в доме банкира Кока, знакомого с издателем «Пер Дюшен», этот полицейский действовал, как если бы он был «соучастником[38] банкира и Эбера с целью похищения[39]». Он сорвал в квартире Кока печати, наложенные накануне по приказу судьи Денизо. Это, возможно, позволило уничтожить или утаить переписку заговорщиков с эмигрантами. За нарушение долга Морен де Геривьер был арестован, но через несколько дней освобожден; он хранил позднее полное молчание об упомянутых событиях и относительно судьбы дофина. Было ли это следствием опасности, которой подвергались посвященные в тайну (его сын в 1830 г. поддерживал дружеские связи с одним из претендентов, «бароном Ришмоном», поскольку узнал в нем Людовика XVII или его представителя)? Этот вопрос остается без ответа. При этом надо добавить, что Морен де Геривьер не имел никакого отношения к «заговору Эбера и Кока», если таковой и существовал в действительности. На основе данных некоторых газет за 4 июля 1793 г., свидетельствующих, что Марии-Антуанетте якобы была разрешена прогулка с сыном в Сен-Клу, Ж. Дюкассе полагает, что дофин был передан фавориту королевы графу Ферзену (или одному из его помощников), сама же королева вернулась в Тампль с другим ребенком.

Напрасное сходство

Вопрос о законности монарха или наследника престола всегда имел важное значение в феодально-абсолютистских государствах. Даже когда борьба в связи с вопросом законности определенного претендента оставалась чисто династическим спором и не принимала, как это случалось сплошь и рядом, форму, в которую облекались те или иные общественные противоречия.

Разумеется, споры о законности рождения или «подмены» лиц, имевших права на

---

[38] заговора. — Е.Ч.

[39] дофина. — Е.Ч.

престол, приобретают исторический интерес только в случае, если они явно или тайно принимали политический характер, влияли на поведение государственных деятелей, служили мотивом их тех или иных важных поступков.

Каково происхождение претендентов, являлись ли они сыном или дочерью того, кто был их «официальным» отцом, не были ли они плодом «незаконной» связи или детьми, тайно подмененными в младенчестве, — все эти вопросы возникали на почве монархического мировоззрения, господствовавшего веками и сохранявшего прочные позиции в эпоху Великой французской революции. Было бы большим упрощением представлять последнее лишь как механическое отражение интересов дворянского класса. Вместе с тем общеизвестная вольность придворных нравов постоянно воссоздавала почву для обоснованных подозрений насчет законности монарха, его потомства или претендентов на трон. Говоря о «тайне Тампля» и связанных с нею загадках, было бы неисторичным не учитывать, насколько субъективно многие роялисты считали превыше всех других соображений безоговорочное соблюдение принципов легитимизма (иными словами, соблюдение династических прав, законов престолонаследия, даже если это могло нанести политический ущерб). Поэтому вопрос о судьбе дофина сохранял значение на протяжении десятилетий, в периоды Реставрации и июльской монархии.

Слухи о похищении дофина, как отмечалось выше, не могли не вызвать появления претендентов, уверявших, что каждый из них является этим чудесно спасшимся наследником французского престола. Все они оказались более или менее искусными мошенниками и были разоблачены без особого труда. Претендент обнаружился даже за океаном. Им оказался уроженец штата Нью-Йорк метис Элизар Вильяме, который имел немалое число последователей. В разное время объявилось не менее 40 претендентов! (Окончательно деградировавшего представителя этой малопочтенной компании «Людовиков XVII» Марк Твен весьма красочно изобразил, повествуя о приключениях Гекльберри Финна.)

Внимание к ним не ослабевало ввиду столкновения личных и политических интересов влиятельных кругов в период, когда речь шла о реставрации монархии Бурбонов, которая вновь стала правящей династией в 1814—1830 гг. Да и позднее, после их падения, возможность новой реставрации Бурбонов отнюдь не исключалась, причем многие современники считали ее значительно более реальной, чем это было в действительности. В эпоху Реставрации и июльской монархии притязания будто бы «спасшегося» дофина вызывали смущение среди приверженцев Бурбонов и нескрываемую иронию среди республиканцев, остривших по поводу появления каждого нового «самого законного», «легитимного» из всех претендентов на французский престол.

Как уже отмечалось, в претендентах не было недостатка. Они появились еще в годы правления Наполеона. Один из них, авантюрист Жан Мари Эрваго, по всей видимости, даже пользовался в 1802 г. тайным покровительством наполеоновского министра полиции. Остается неясным, что при этом имел в виду многоопытный предатель Фуше: объявить от имени фальшивого дофина о его отказе от своих прав в пользу первого консула Бонапарта или, напротив, держать под рукой человека, которого при благоприятном стечении обстоятельств удобно было бы противопоставить Наполеону? Зная характер Фуше, можно смело предположить, что он учитывал и ту и другую возможность.

С пропавшими дофинами иногда происходили курьезы. После смерти одного из претендентов, Эрваго, в 1812 г. появился «претендент в претенденты», утверждавший, что он — Эрваго. Это был некий Жан Демазо, доживший до 1846 г. В числе претендентов было немало и просто психически больных людей.

В 1967 г. была опубликована в Париже книга Л. Бланкали (промелькнуло сообщение, что это псевдоним какого-то весьма важного лица) «Король неизвестный и король исчезнувший», в которой сообщалось родословное древо потомков Людовика XVII и… «железной маски», среди которых фигурирует много известных исторических персонажей, включая даже Гарибальди! И поныне во Франции и других странах насчитывается около 60 семейств, объявляющих своим предком дофина, бежавшего из Тампля. И все же, надо сказать, число их сократилось по сравнению с прошлым веком.

После смерти Эрваго в 1812 г. новые «дофины» оказывались явными мошенниками. К

тому же очень быстро и без особого труда удавалось выяснить их действительные фамилии и место рождения. Самое интересное, что в отношении их полиция во времена Реставрации, а потом, после 1830 г., — июльской монархии, по существу, не предпринимала никаких действий, не мешала выходу в свет книг, которые они выпускали под именем Людовика XVII. Один из претендентов, Ришмон, в 1834 г. был за различные «художества» приговорен к 12 годам каторжных работ и… вскоре отпущен на все четыре стороны. Уже тогда задавали вопрос, не состояли ли все эти (или большинство) заведомо фальшивые «Людовики» платными полицейскими агентами, единственным смыслом появления которых было сделать смешным в глазах общественного мнения «подлинного» претендента.

Таким претендентом, притязания которого нельзя было отвергнуть с легкостью, был некий Карл Вильгельм Наундорф, появившийся неизвестно откуда в Берлине и ставший часовщиком. По его словам, в 1810 г. он явился к полицей-президенту прусской столицы Лекоку и передал имевшиеся у него документы, которые свидетельствовали о его истинном имени и происхождении. Лекок взял бумаги для передачи прусскому королю, а взамен претендент получил паспорт на имя Наундорфа, уроженца Веймара, и поселился в Шпандау. Бесспорным фактом является то, что не удалось найти следов происхождения Наундорфа и прусские власти пошли на выдачу ему заведомо фальшивого паспорта. Это было установлено, когда Наундорф связался с какими-то темными личностями при покупке дома и в результате попал на скамью подсудимых. Выяснилось, что в Веймаре не родился и не проживал никакой Карл Вильгельм Наундорф. Рассказы Наундорфа о своем происхождении вызвали, естественно, недоверие судей, и претендент, ставший к этому времени главой умножавшегося семейства, попал на три года в тюрьму (1825—1828 гг.). После выхода на свободу, получив известие о том, что прусский король якобы отдал распоряжение о его новом аресте, претендент бежал из Пруссии и после скитаний по другим германским государствам в 1833 г. прибыл во Францию. (Изучение вопроса о Наундорфе сильно облегчено публикацией корпуса всех относящихся к этому претенденту первоисточников в двухтомном труде архивиста Мантейера «Подложные Людовики XVII», Париж, 1926 г.)

Когда Наундорф появился в Париже, его сразу признали Жоли, последний министр юстиции при Людовике XVI, и мадам Рамбо, гувернантка дофина. Насколько имеет цену это узнавание — отождествление 50-летнего человека с 5-летним ребенком, которого они видели много десятилетий назад? Другие «доказательства» уже совсем малоубедительны. Пытаются связать «тайну» бегства из Тампля с расстрелом герцога Энгиенского Наполеоном и самоубийством после июльской революции его отца принца Конде, огромное наследство которого досталось сыну Луи Филиппа герцогу Омальскому. Сторонники претендента уверяют, что герцог Беррийский был склонен «признать» Наундорфа и что убийство герцога в 1820 г. ремесленником Лувелем было спровоцировано полицией. Наундорф утверждал, что получил письмо герцога Беррийского, в котором говорилось: «Или я обеспечу успешное восстановление Ваших прав, или погибну». Между прочим, в донесении прусского посла в Париже графа Гольца указывалось, что герцог Беррийский за несколько дней до покушения Лувеля предсказывал свою смерть. Ходили слухи, что отношения герцога с Людовиком XVIII стали крайне обостренными. Однако, если даже это было правдой, отсюда вовсе не следует, что причиной был вопрос о претенденте. Между прочим, защитники Наундорфа указывают, что окончательный отказ графа Шамбора, по мнению легитимистов, законного короля Франции, от возникшей в 1873 г. перспективы новой реставрации Бурбонов будто бы был связан со стремлением не нарушать права наследников претендента. На деле этот отказ был вызван нежеланием признать трехцветный национальный флаг Франции — наследие революции XVIII в., а главное, конечно, осознанием, что попытка восстановления монархии не имеет шансов на успех.

Сестра Шарля Луи Мария-Тереза, герцогиня Ангулемская, демонстративно отказывалась вступать в какие-либо переговоры с Наундорфом и обсуждать детские воспоминания, о которых он рассказывал и источником которых, если бы они соответствовали действительности, мог быть только Шарль Луи. Однако герцогиня была замужем за сыном графа д'Артуа, позднее короля Карла X, и ее шансы стать королевой Франции зависели от признания брата умершим. По утверждению Наундорфа, на него не раз совершались

покушения в Париже и в Лондоне, куда он перебрался после высылки из Франции.

В 1845 г. претендент умер. Его наследникам, натурализовавшимся в Голландии, нидерландский король предоставил право носить фамилию Бурбонов. Французские суды столь же неизменно отказывали им в этом праве. Вопрос постепенно терял политическое значение, превращаясь в одну из неразгаданных загадок истории. Интерес к ней подогрел известный французский историк А. Кастело, опубликовавший в 1947 г. книгу «Людовик XVII. Раскрытая тайна». Главное внимание в этой книге привлекал рассказ о произведенной судебно-медицинской экспертизе — сравнении прядей волос Наундорфа и дофина (сохранившихся в его деле). Экспертиза подтвердила, что они принадлежат одному и тому же лицу! К этому надо добавить процесс в Высшем апелляционном суде, который был затеян потомками Наундорфа, настаивавшими на аннулировании акта о смерти дофина и признании его умершим в 1845 г. В ходе судебного разбирательства, отвергшего притязания истцов, была внесена ясность в ряд вопросов.

Например, было установлено, что переговоры с Мадридом могли побудить некоторых членов термидорианского правительства участвовать в похищении мальчика или способствовать усилиям роялистов в этом деле. Испанские Бурбоны ставили условием заключения мира (весьма выгодного для Франции, которая, как отмечалось, была вынуждена воевать с вражеской коалицией держав) выдачу дофина. Открыто согласиться с этим требованием термидорианцы не могли, не роняя своего престижа; тем более желательным становилось для них «исчезновение» Шарля Луи.

Многие считали утверждение Наундорфа о том, что он передал свои бумаги полицей-президенту Лекоку, выдумкой, притом не очень ловкой. Трудно представить себе, чтобы бумаги могли сохраниться после всех тех бесчисленных приключений и злоключений, которые, по уверению Наундорфа, ему пришлось пережить. Однако один немецкий аристократ клятвенно засвидетельствовал в 1949 г., что принц Август Вильгельм Прусский сообщил ему в 1920 г., будто видел в немецком архиве эти бумаги, безусловно подтверждавшие притязания Наундорфа.

Таковы новые аргументы «за». Но число доводов «против» или по крайней мере недоуменных вопросов возросло еще более. Мог ли Наундорф не знать французского языка, если он был дофином и до 10 лет говорил только по-французски? Между тем в своей декларации Наундорф прямо заявил, что «забыл» родной язык. Сторонники его пытаются ослабить силу этого аргумента «против» ссылками на то, что после приезда во Францию Наундорф уже умел говорить по-французски, объясняясь со многими «признавшими» его лицами. Очень серьезным доводом «против» является отсутствие сведений о том, кем именно было осуществлено похищение.

Сторонники Наундорфа в течение целого века упорно утверждали, что герцогиня Ангулемская сообщила всю правду в своем завещании, которое по ее желанию должно было быть вскрыто через 100 лет после ее смерти, то есть 19 октября 1951 г. Однако и после этой даты не было найдено никаких следов завещания. На запросы ученых заведующий архивом Ватикана, где, по слухам, хранилось завещание, ответил, что не обнаружено никакого подобного документа. (Это не мешает сторонникам претендента утверждать, что позднее папа Иоанн XXIII, ознакомившись с досье Наундорфа, признал притязания его потомков.) На запросы, посланные в Вену, были получены менее категоричные ответы. Вместе с тем опубликованные сравнительно недавно письма герцогини Ангулем-ской доказывают, что она, вопреки своим публичным заявлениям, не верила в смерть брата в Тампле.

Была проведена новая экспертиза волос. А. Кастело приложил много усилий, чтобы раздобыть пряди волос дофина, сохранившиеся еще со времени до августа 1792 г., и сравнить с локоном, срезанным дежурным комиссаром Дамоном у ребенка, скончавшегося в Тампле 8 июня 1795 г. Судебно-медицинская экспертиза доказала, что они принадлежат разным людям. Если не оспаривать безусловную аутентичность этих прядей, то следует, видимо, признать, что мальчик, умерший в июне 1795 г. в Тампле, не являлся дофином.[40] Кастело пришлось

---

40 Волосы, срезанные с головы трупа, который считали, во время раскопок на кладбище Сен-Маргерит останками ребенка, скончавшегося в Тампле, также оказались отличными от пряди, срезанной комиссаром

выпустить новое издание своей книги, доказывая, что Наундорф — самозванец.

Уже знакомый нам А. Луиго попытался в своих книгах доказать, что, вопреки всем сомнениям, Наундорф был действительно увезенным из Тампля дофином. Для обоснования этого Луиго свел воедино ряд «частных» гипотез, которые были почерпнуты в статьях, опубликованных в различных журналах конца прошлого и начала нашего века. В этих гипотезах фигурировала в качестве достоверной информация, требовавшая, однако, тщательной проверки, которая так и не была проведена.

Лондон, пишет Луиго, вскоре после победы французов при Флерю-се и особенно после 9 термидора узнал, что Берлин фактически разорвал секретный англо-прусско-нидерландский союз и повел сепаратные мирные переговоры с Парижем. Сохранение в тайне контактов между Пруссией и Францией приобрело для прусского правительства первостепенную важность. Пруссия держала «Капета» заложником на случай, если понадобится использовать его в своих интересах. Возможно, в 1815 г. Гарденберг, Фуше и бывший французский маршал Бернадотт, ставший шведским наследным принцем, строили планы обнародования факта, что Людовик XVII жив. Быть может, им удалось бы склонить к этому и царя Александра I. Но вмешательство Талейрана, опиравшегося на поддержку Англии и Австрии, положило конец этим планам.

Как и некоторые другие эвазионисты, Луиго считает, что отдельные претенденты были теми лицами, которыми подменили подлинного дофина. Именно одного из них в 1803 г. Баррас угрожал бросить к ногам первого консула Бонапарта. После бегства из Тампля дофин будто бы нашел убежище в Швейцарии. Луиго опирается здесь на показания Марии Лешот (1834—1919 гг.). Она была племянницей Фридриха Лешота, которого отождествляют с «Фридрихом» из рассказа Наундорфа о своих скитаниях, и внучкой Сюзанны Екатерины Лешот, урожденной Химели (1755—1845 гг.), о которой уже говорилось. Мария Лешот составила записку (своего рода мемуары), насчитывавшую 60 страниц, в которой излагала тайну, которую в 11 лет узнала от бабки. Эта записка была опубликована в журнале «Лежитиме» в марте 1900 г., но оригинал потом оказался утерянным. Эту записку использовали в своих книгах два швейцарских историка — сторонники кандидатуры Наундорфа. Речь идет о работах Э. Навиля (1908 г.) и Ф. Макюа (1922 г.). М. Лешот писала о прибытии в Женеву в 1798 г. ребенка, увезенного из Тампля. (Оба упомянутых историка относят этот приезд к 1803—1804 гг.) Луиго считает, что речь идет о двух его приездах (в 1794—1795 гг. и 1804 г.). Интерпретация Луиго базируется на том, что «молодой Капет», как мы знаем из ряда свидетельств, страдал от нервного заболевания. Больного лечил доктор Бартелеми Химели — широкоизвестный специалист по заболеваниям нервной системы. К 1804 г. доктора уже не было в живых, и речь шла о предоставлении временного убежища потерявшему память больному. Доктор Химели был врачом прусского короля Фридриха II и после его смерти дернулся в Женеву, сохранив тесную связь с придворными кругами Берлина. Семейство Химели, видимо, было знакомо с прусским дипломатом Гарденбергом (впоследствии министром и главой правительства). В 1794 г. он был губернатором Невшателя — владения прусского короля — и послом в Берне. Вскоре после вступления на престол нового прусского короля Фридриха Вильгельма III сын доктора пастор Жан Жак Химели и его 10-летний племянник Фридрих Лешот посетили Берлин и были приняты королем и королевой Луизой, известной в истории Пруссии.

Отцом Фридриха был Жан Фредерик Лешот (1746—1824 г.), до революции живший во Франции. Он участвовал в создании кукол-автоматов, рисовавших или игравших на музыкальных инструментах. Эти куклы были модной забавой в Версале накануне 1789 г. Жан Фредерик в 1786 г. женился на Сюзанне Екатерине Химели, дочери доктора Бартелеми Химели. Его кузен Тите ди Генри Лешот (1752—1792 гг.) служил в швейцарской гвардии короля и был женат на Елизавете, кузине Сюзанны Екатерины. Оба Лешота были лично знакомы с членами королевской семьи. После падения монархии Жан Фредерик под псевдонимом Леба помогал роялистам бежать в Швейцарию. А его жена Сюзанна Екатерина рассказала своей внучке Марии Лешот (тогда маленькой девочке), что поддерживала переписку с Шарлоттой Робеспьер и сожгла эту корреспонденцию в присутствии Марии. Елизавета, овдовевшая в 1792 г.,

---

Дамоном.

оставалась в Париже. Наряду с Жаном Фредериком Лешотом (по-немецки — Фридрихом), о котором уже шла речь, в семье были младший сын Георг, ставший отцом Марии Лешот (автора «Мемуаров), и две сестры, старшая была с 1805 г. замужем за неким Луи Шеневьером. Он некоторое время жил в Англии и лишь в 1798 г. отправился в Швейцарию, где выявились его тесные связи с известным роялистским шпионом Фош-Борелем (о нем ниже), который под маской книгоиздателя являлся руководителем разведывательного центра, работавшего на графа Прованского (и, добавим, в какой-то мере также на английскую разведку). По мнению Луиго, „Шеневьер и его единомышленники пытались раскрыть тайну дофина с чувствами Ирода к Иисусу“. Однако он не проник в тайну, которой владели другие члены семьи, хотя тщетные поиски следов дофина от Вандеи до Рима и были причиной ссоры между ним и его шурином Фридрихом Лешотом.

После 9 термидора «тайну Тампля» знали лишь Гарденберг, Бартелеми Химели и его племянница Елизавета Лешот, остававшаяся в Париже. Самый факт похищения, не более того, был известен Сюзанне Екатерине Лешот и Шарлотте Робеспьер. Все это и тогда, и в последующие годы совершенно ускользнуло и от находившегося поблизости в Соле-ре центра группы конституционных монархистов, и от Фош-Бореля, который к тому же перебрался из Невшателя на север Германии, в Гамбург, продолжая свою активность в качестве роялистского разведчика. Местная легенда утверждает, что на ферме семьи Химели жил ребенок, которого считали французским принцем. Он исчез из поля зрения, когда в 1803 г. к нему было привлечено внимание наполеоновской полиции (Швейцария была тогда оккупирована французскими войсками).

В 1806 г. Фридрих неожиданно уехал, не сообщив родным о том, куда направляется. Позднее стало известно, что он принял участие в боевых действиях вольных стрелков против французских войск в Германии и был одно время заключен в тюрьму в Страсбурге (о том же рассказывал и Наундорф). После освобождения Фридрих совершил еще несколько таинственных путешествий и, как узнали родители, вновь был арестован французами в Вестфалии. На выручку Фридриха был послан Шеневь-ер, хотя трудно было сделать худший выбор. Шеневьер недолюбливал или даже ненавидел брата жены и в своих последующих рассказах родственникам пытался представить его в крайне невыгодном свете. Вместе с тем Шеневьер не догадался, кем является какой-то бродяга, которому покровительствовал Фридрих. В бродяге было легко узнать На-ундорфа. Все это как будто подтверждают рассказы Наундорфа о его «бегстве» из Тампля и последующей жизни, вплоть до появления в Берлине. Первые мемуары Наундорфа появились в 1834 г., но потом были дезавуированы и заменены в ноябре 1836 г. новыми, озаглавленными «Очерк истории несчастий дофина, сына Людовика XVI». Они были напечатаны в Лондоне адвокатом Грюо де ла Баром и другими советниками Наундорфа, без сомнения, с его полного согласия.

Наундорф не перенапрягал свою фантазию. Другой кандидат в дофины — Ришмон ловко включил в свой рассказ для придания ему правдоподобия Фротте, Шаррета и еще нескольких известных персонажей. Новый же претендент не упоминал ни одной фамилии. «Он рассказывал совершенно фантастическую историю, которая ни с чем не совмещалась и не допускала никакой проверки, — отмечал М. Гарсон. — Не известно, ни кто вмешался в его судьбу, ни каким образом этот неизвестный смог проникнуть в Тампль… Далее следовала цепь загадочных приключений, ни одно из которых не могло быть увязано с каким-либо известным фактом…»

Во втором, более подробном варианте своих воспоминаний Наундорф демонстрирует лучшее знание бытовых деталей жизни в Тампле, сообщает о ряде эпизодов, которые либо были уже известны из опубликованных сочинений, либо не поддаются проверке. Он вдобавок намекает, дабы избегнуть неприятных вопросов, что ему приходится многое скрывать, хотя неясно, какие мотивы требовали в Лондоне в 1836 г. сохранения в секрете происшествий, происходивших в Тампле более чем за 40 лет до этого, в 1794 г. В рассказе содержится настоящая басня о том, что у него в Тампле была даже какая-то неизвестная гувернантка. Далее следовало повествование, как его, подменив манекеном, перевели из комнаты на втором этаже в тайник на четвертом этаже, где он провел сравнительно долгое время. Потом манекен заменили немым ребенком, а того, в свою очередь, — рахитичным мальчиком, который вскоре умер.

После посмертного вскрытия труп перенесли в тайник, а дофина, которому дали большую дозу опиума, спустили на второй этаж. Далее его положили в гроб, который поставили в фургон. По дороге дофина спрятали в ящике на дне повозки, набили гроб старыми бумагами, чтобы он сохранял прежний вес. После того как гроб был зарыт в братской могиле, дофин и его друзья вернулись в Париж. (Заметим, что, как явствует из официальных документов, гроб ребенка, умершего 8 июня 1795 г., был отнесен на руках, а не доставлен в карете на кладбище Сен-Маргерит в сопровождении муниципальной стражи.) Как повествуется далее, в каком-то неизвестном месте в Швейцарии дофина поручили заботам гувернантки, он стал говорить по-немецки, забыл свой родной язык. Однажды ночью дом, где он жил, подвергся нападению, его увезли силой, провели через подземный ход в одиночную камеру, через некоторое время заставили принять снотворное и доставили связанным по рукам и ногам в какое-то огромное здание и поместили в сводчатом зале. Дофин ожидал, что его убьют, но в этом помещении появился закутанный в плащ человек с потайным фонарем в руках. Он вывел дофина в коридор, где тот увидел труп сторожившей его жестокой старухи тюремщицы. Спаситель проводил мальчика в какой-то гостеприимный дом, где поручил заботам молодой девушки по имени Мария.

Вскоре, однако, было решено, что этот дом является недостаточно надежным убежищем, и дофин вместе со своим покровителем отправился в дорогу. Их путь лежал через Милан в Венецию. В Триесте спутники сели на корабль и после долгого путешествия и страданий, причиненных морской болезнью, высадились в незнакомом месте, про которое рассказчику сообщили, что оно находится в Северной Америке. Там дофин вновь встретился со своей гувернанткой, у которой брал уроки немецкого языка. Эта женщина вышла замуж за часовщика, который обучил его своему ремеслу. Часовщик и его жена умерли. Оставшись один на свете, дофин в свои 15 лет обручился с Марией. Вскоре на сцене появился его прежний спаситель, сопровождаемый человеком, которого называли «охотником». Тем временем неизвестные преследователи снова напали на след дофина. Пришлось спешно бежать. Его дом оказался заминированным и взлетел на воздух после их отъезда. Беглецы скрывались в пещере, потом сели на корабль, не подозревая, что его капитан был в числе преследователей. Мария и спаситель были отравлены, а дофин и «охотник» доставлены во Францию и брошены в тюрьму. Вскоре после этого дофина с завязанными глазами в закрытой карете доставили в какую-то небольшую комнату, где от него тщетно требовали подписать отречение от престола. Однажды в комнату, где содержали дофина, вторглись трое незнакомцев в черных масках. Они привязали его к стулу, двое при этом держали его силой, тогда как третий вынул из кармана какой-то портрет и, кидая взгляд то на последний, то на связанную жертву, подал знак своим сообщникам, которые вооружились небольшими инструментами с множеством острых шипов, напоминающими связки иголок. Этими инструментами они искололи лицо юноше, нанеся бесчисленные ранения. Дофин истекал кровью. Люди в масках губкой, пропитанной какой-то жидкостью, обмыли лицо, что только еще больше изуродовало его, и удалились с сатанинской усмешкой, не произнеся ни единого слова. (Это происшествие, как отметил М. Гарсон, легко объясняет недоумение, которое могло бы возникнуть из-за несхожести некоторых черт лица Наундорфа с сохранившимися портретами Шарля Луи, что, впрочем, не помешало сторонникам претендента «узнать» в нем дофина.)

Через несколько дней незнакомцы в масках вернулись и усадили дофина в карету. У одного из незнакомцев случайно сдвинулась маска, и дофин с изумлением узнал в нем «охотника». Тот сразу же подал ему знак молчать. «Охотник» втерся в ряды преследователей, чтобы спасти его. Карета опрокинулась, воспользовавшись этим, дофин и «охотник» бежали, сумели встретиться в Эттенгейме с герцогом Энгиенским, близким родственником королевской семьи. Потом беглецов снова поймали и препроводили в тюрьму Страсбурга, а оттуда дофина увезли и бросили в подземную темницу какого-то замка. Дофин с помощью «охотника» опять бежал, его поймали, ему снова удалось спастись и после многих приключений добраться до герцога Брауншвейгского. Тот дал ему эскорт, который подвергся нападению. Дофина еще два или три раза заключали в тюрьму, откуда он снова и снова спасался бегством. Ему приходили на помощь какие-то старики и старухи. Однажды в дороге он встретил неизвестного, который дал ему паспорт на имя Наундорфа, что позволило ему обосноваться в Берлине в качестве

часовщика. Там он передал бумаги, которые сумел сохранить и которые устанавливали его подлинное имя и происхождение, полицей-президенту Берлина Лекоку. Бумаги бесследно исчезли, и он был лишен возможности доказать, кем является.

Впрочем, один эпизод, хотя он тоже не поддается полной проверке, все же сам по себе не выглядит неправдоподобным. Первоначально в своем заявлении властям Бранденбургской тюрьмы 23 сентября 1825 г. и впоследствии в своих рассказах Наундорф утверждал, что в 1810 г. на границе Чехии вступил в отряд вольных стрелков под руководством герцога Брауншвейгского — Эльса, который вел партизанскую войну против наполеоновских войск, расквартированных в Германии. В стычке под Дрезденом «дофин» был тяжело ранен, попал в плен и после излечения был направлен этапом во Францию. Там в одной церкви, где колонна пленных остановилась на отдых, ему вместе с неким Фридрихом удалось бежать. Они отправились в Берлин и пытались поступить в гусары. Наундорфу как иностранцу это не было разрешено. Тогда-то он и явился к полицей-президенту Берлина Лекоку. Пленных стрелков, которых французские власти рассматривали как преступников, действительно направили на каторгу в Тулон, откуда они были освобождены по амнистии в следующем году. Нет ничего невероятного в том, что в данном случае Наундорф передает подлинный эпизод из своей жизни, который, разумеется, не подтверждает ни одну из остальных частей его повествования.

Рассказ Наундорфа о последовавших событиях, в отличие от всего предшествующего, легко поддается проверке. Из Берлина он перебрался в Шпандау, потом в Кроссен, был (разумеется, ложно, по его уверениям) обвинен в фальшивомонетничестве и тогда открыто объявил о своем подлинном имени. Рассказ Наундорфа заполнен ссылками на анонимных «покровителей» и «преследователей», мотивы действий которых не поддаются разумному истолкованию, а все повествование составлено так, что не допускает возможности никакой проверки. Нередко явно для достижения такого результата Наундорф заявлял, что в том или ином случае опускал ряд подробностей и эпизодов, поскольку, мол, это необходимо из каких-то только ему известных соображений предосторожности. Рассказ этот вдобавок, как справедливо напоминал М. Гарсон, повествует о времени, когда во Франции, Австрии и Пруссии, где происходили эти таинственные и не оставившие ни малейших следов в документах аресты, преследования, бегства, существовали четко действовавшая полиция и судебная система. М. Гарсон назвал рассказ Наундорфа «попросту смешным романом». Краткий пересказ этих мемуаров не способен передать их характер, по словам А. Кастело, «колеблющийся между абсурдным и невозможным».

Напротив, А. Луиго, отвергая некоторые несуразицы мемуаров, готов видеть доказательства правдивости рассказа Наундорфа в его… явной неправдоподобности, поскольку выдумать можно было бы нечто не столь невероятное. Однако, сколь ни кажутся вымышленными отдельные эпизоды, они свидетельствуют, что Наундорф продолжал все это время находиться под наблюдением каких-то закулисных политических сил. Сторонники Наундорфа ссылаются на важные показания, приписываемые целому ряду лиц, причем показания, будто бы зафиксированные письменно, но все соответствующие бумаги неизменно оказываются исчезнувшими. Читателю предлагают основываться на пересказах из третьих рук, причем отделенных полувековым, а то и вековым промежутком от самих свидетельств. А. Луиго, опять возведя нужду в добродетель, предлагает видеть в этом существование таинственной руки, из «государственных интересов» систематически уничтожавшей «опасные» документы. Как уже отмечалось, Луиго хотел бы видеть доказательство правдивости Наундорфа из материалов, которые обнаруживаются при изучении «швейцарского следа».

Можно было бы согласиться с Луиго, если не вспомнить, что все поездки Фридриха Лешота и Шеневьера нам известны лишь из рассказа племянницы Фридриха Марии, которая, по ее собственным словам, узнала о них маленькой девочкой из уст своей бабушки через почти 40 лет после описываемых событий, и что сама Мария Лешот впервые поведала об этом миру еще через полстолетия с лишним, уже в конце XIX в. Стоит ли добавлять, что в 1845 г. — год смерти Наундорфа — его претензии и рассказанные им приключения были широко известны и вполне могли повлиять на «признание» бабушки, которой, кстати, было в то время уже 90 лет, своей внучке, которой было всего 11 Неясно также, что побуждало Марию Лешот молчать более чем полстолетия. Именно этих соображений, думается, достаточно, чтобы не следовать за

рассказом Марии Лешот о дальнейшей судьбе Фридриха Лешота, который, видимо, с умыслом или без такового был написан для того, чтобы подкрепить утверждение Наундорфа.

Как мы упоминали, в рассказах Наундорфа о его приключениях немалое место занимает некий «охотник», «егерь Жан», который, как позднее выяснилось, носил фамилию Монморен. Это наводило на мысль, что речь, возможно, идет о каком-то родственнике королевского министра иностранных дел Монморена. Однако в 1929 г. была сделана попытка другой идентификации личности «егеря Жана». Майор Казенав де ла Рош, наундорфист, в книге «Людовик XVII; или Заложник революции» на основе изучения архивов наполеоновской полиции утверждает, что «Монморен» — псевдоним Казимира Лесейньера, морского офицера. Вымышленную фамилию он использовал, подвизаясь в качестве агента уже известной нам «Корреспонданс», крупной разведывательной организации, созданной английской разведкой в сотрудничестве с роялистами и действовавшей в 1792 г. в течение целых полутора десятков лет.

Из официальной переписки о Лесейньере, в которой участвовали сам наполеоновский министр полиции Фуше, министр внутренних дел Шампаньи, генералы, префекты, видно, что он предпринимал неоднократные попытки как-то легализовать свое положение во Франции в годы Директории, Консульства и империи, даже стремился занять место мэра юрода Сен-Валери, чрезвычайно важного пункта для переправки шпионских донесений и занятия контрабандой. Французские власти, в целом отлично осведомленные о роли Лесейньера в «Корреспонданс» и других подобных организациях, решительно пресекли его планы заделаться мэром и другие подобные прожекты, но от соблазна использовать опытного разведчика в качестве шпиона-двойника, видимо, не удержались, хотя и не строили на его счет никаких иллюзий. В качестве капитана корабля Лесейньер совершил в 1801 г. путешествие на острова Карибского бассейна, в Вест-Индию, а не в Ост-Индию, как первоначально давал понять. На обратном пути его корабль был перехвачен англичанами, но потом отпущен. Вернувшись в Гавр, он на короткий срок посетил Швейцарию. Лесейньер стал, видимо, шпионить в пользу Англии, наблюдая за передвижением французских кораблей. В 1808 г. Лесейньер исчез из Гавра, имея при себе необходимые документы на право поездки, но больше уже не возвращался. Майор Казенав, обследовавший место рождения разведчика, не обнаружил среди документов, отражающих акты гражданского состояния родственников Лесейньера, никакого свидетельства о его смерти.

А. Луиго считает, что ничто не противоречит отождествлению Лесейньера-Монморена с «егерем Монмореном» в рассказах Наундорфа. Мы не будем следовать за А. Луиго в его стремлении подыскать приемлемые «кандидатуры» для Марии и ее отца, найти свидетельства, подтверждающие их путешествие в Европу и гибель, роль во всем этом «егеря Монморена», из «Мемуаров» отождествить других лиц, там упоминаемых, с реальными персонажами во Франции и Ирландии, объяснить все неувязки тем, что Наундорф пережил во второй раз нервное потрясение, приведшее к полной потери памяти, и т.п.

В 1908 г. появилась книга некоей Джорджины Уэлдон, бывшей актрисы варьете, заполненная по большей части различными фантазиями по поводу «тайны Тампля». В частности, Дж. Уэлдон утверждала, что в XVIII в. в Пруссии под именем графа Наундорфа проживал Александр Тронсон дю Кудре, которого считали незаконным сыном Людовика XV. Из этой информации можно извлечь, что, возможно, в Пруссии фамилия Наундорф была псевдонимом для «незаконных» отпрысков династии Бурбонов. Книга Уэлдон, из которой А. Луиго позаимствовал многое для своей концепции, была написана в начале XX в., в годы расцвета антимасонского мифа. Уэлдон, а вслед за ней и Луиго, как и следовало ожидать, включили многие детали этого мифа в свои сочинения. А. Луиго ссылается на вышедшую в 1970 г. действительно фундаментальную монографию Л. Ле Форестье об оккультном течении в германском масонстве XVIII в., но ссылки на этот труд служат лишь для утверждения решительно отвергнутых современной наукой слухов, будто ордена «иллюминатов» и «золотых розенкрейцеров» существовали и после их роспуска в 80-е годы XVIII в. Это, мол, был лишь отправной пункт «секретного движения», которое глубочайшим образом затронуло французскую революцию, стояло за борьбой партий, в частности политических группировок внутри якобинского блока в 1794 г., и, конечно, за увозом дофина из Тампля. Не будем останавливаться на этих давно опровергнутых вымыслах.

Вызывает вопросы или по крайней мере чувство недоумения содержание договора, заключенного между голландским правительством и Наундорфом 30 июня 1845 г., менее чем за два месяца до смерти претендента. Согласно этому договору, часовщик из Берлина неизвестного происхождения назначался директором Политехнической мастерской с выплатой ему в первые четыре года 72 тыс. флоринов, а после доработки его изобретений — фантастической суммы — 1 млн. флоринов. Хотя «бомба Бурбона», изобретенная Наундорфом, использовалась потом в голландской армии в течение целых 60 лет, тем не менее, как писал в 1953 г. голландский архивист Остербан, этот документ напоминает все же не деловую сделку, а галлюцинации, знакомые по романам Гофмана. Мотивы, определившие поведение голландского правительства, остаются неясными. Объяснения эвазионистов, утверждавших, что оно диктовалось желанием раскрыть наконец тщательно охранявшуюся (в течение целого полувека!) тайну, в сохранении которой было заинтересовано несколько европейских держав, весьма невразумительны. Но не очень убедительным кажется и предположение М. Гарсона, что это поведение было продиктовано желанием голландского короля Вильгельма II и его правительства путем такого признания «прав» Наундорфа причинить неприятности французскому королю Луи Филиппу, войска которого в 1830 г. активно содействовали отделению Бельгии от Нидерландов.

Один из еще не опровергнутых аргументов защитников претендента — это сохраняющаяся неизвестность места рождения Наундорфа. Но мало ли есть людей, происхождение которых не удается выяснить, особенно если они сами принимали меры, чтобы скрыть свое прошлое! Поиски обнаружили, что Наундорф даже после своей женитьбы выдавал некоторое время себя за лютеранина, а не за католика. Путем сопоставления ряда бумаг из немецких архивов можно с известной долей правдоподобия отождествить Наундорфа с Карлом Вергом — дезертиром из прусской армии.

Тем не менее это отождествление базируется лишь на предположениях. К тому же во время произведенного в сентябре 1950 г. медицинского анализа останков Наундорфа эксперт доктор Хулст заявил, что, судя по скелету, исключено, чтобы Наундорф умер в возрасте старше 60 лет. Если бы Наундорф был дофином, ему в момент смерти, в 1845 г., было бы как раз 60 лет, а Карлу Вергу, родившемуся в 1777 г., было бы 68 лет.

В паспорте, полученном Вергом в 1812 г., указывалось, что у него черные глаза и волосы. Если верить этим данным, исключается отождествление Верга с Наундорфом. Добавим, что паспорт был выдан тем же берлинским полицмейстером Лекоком, который еще в 1810 г. снабдил документами Наундорфа. Верг служил в полку герцога Брауншвейгского, а в него, если верить точности разысканных архивных данных, принимали рекрутов ростом не ниже 1,76 метра. Наундорф был значительно ниже — 1,68 метра.

Имеется свидетельство, будто бы дочь герцога Беррийского подтверждала признание ее отцом притязаний Наундорфа, о чем претендент неоднократно заявлял. Очевидно также, что часовой подмастерье в 1810 г. возбуждал почему-то особый интерес у берлинского полицмейстера Лекока.

Может быть, Наундорф имел какое-то отношение к бегству из Тампля, если оно имело место. Это может объяснить знание им каких-то подробностей жизни дофина, чем он и убедил мадам Рамбо и других бывших придворных Марии-Антуанетты. Один из участников судебного процесса 1954 г., затеянного потомками Наундорфа для юридического признания его «прав», заметил, что вопрос может получить окончательное решение, вероятно, только в двух случаях — если будут найдены какая-то тайная бумага, которая исходила бы от Бурбонов и признавала бы притязания Наундорфа, или документ, который устанавливал бы происхождение «берлинского часовщика».

В 1986 г. в Париже вышел в свет роман Жаклин Монсиньи «Король без короны», в котором автор сообщает, что будто бы нашла в небольшом городке в Новой Англии (на северо-востоке США) документы, свидетельствующие о пребывании там дофина, который уже носил фамилию Наундорфа.

Полемика продолжается. Вышли в свет новые объемистые книги эвазионистов и их оппонентов. П. Сори издал книгу «Людовик XVII. Маленький принц Тампля» (Париж, 1987 г.), демонстративно даже не упоминая о «загадке» и не касаясь ни одного из документов

(подлинных или подложных, введенных в научный оборот эвазионистами.

Одновременно появилась книга Эдмона Дюплана «Жизнь и смерть Людовика XVII» (Париж, 1987 г.). В ней были использованы и новые архивные материалы, которые освещают некоторые обстоятельства, сопутствующие пребыванию дофина в тюрьме, но не очень продвигающие решение «загадки Тампля». В мае 1793 г., как следует из нее, здоровье ребенка ухудшилось, и особым приказом Коммуны тюремному доктору Тьерри было предписано заняться его лечением. В конце декабря была нарушена обычная ротация представителей Коммуны, направлявшихся для несения дежурства в Тампле, с целью заменить их специально отобранными людьми. В приказе по охране, датированном 3 января 1794 г., предусматривалось, что если дежурные, очередь которых наступала на следующий день, не явятся на свой пост, то они должны быть принуждены к этому жандармами. Это единственный из нескольких сотен аналогичных приказов, упоминающий о такой подмене. Приказ от 4 января не сохранился в архиве — это можно объяснить стремлением скрыть имена этих комиссаров. А 5 января последовал отъезд четы Симон из Тампля.

В счете, представленном доктором Тьерри для оплаты своих визитов, который был составлен значительно позднее, отмечалось, что из 107 визитов к больному за девять месяцев последние посещения пришлись на «первые дни января». Важно отметить, что этот врач, специально назначенный Коммуной, не появлялся после этих дней в Тампле. Несомненно, что были специально тщательно подобраны четверо комиссаров, которые 19 января заверили передачу Симоном ребенка в «добром здравии». Записи, сделанные прачкой Клуе, доказывают, что за месяц до 4 января 1794 г., в отличие от предшествующего времени, ей не передавались для стирки чулки ребенка, следовательно, он был болен и лежал в постели. После 4 января исчезают упоминания о голубятне дофина и покупке зерна для птиц. В течение двух недель — с 5 по 20 января — успешно проводились работы по полной изоляции помещения, где содержался Шарль Луи, несмотря на то что сама Коммуна признала невозможность бегства при существовавшей системе охраны. Во время переоборудования помещения самого дофина никто не видел, а после окончания работ уже невозможно было в полумраке комнаты ясно разглядеть ребенка, который неожиданно перестал отвечать на вопросы. Баррас, 10 термидора посетивший Тампль, увидел больного мальчика, почти немого, страдающего золотухой. Болезнь прогрессировала. Доктор Десо, назначенный для его лечения, ранее никогда не видел дофина. Назначенные после смерти Десо доктора Пеллетан (5 июня) и Дюманжен (6 июня) не могли спасти больного. Он скончался 8 июня, но официально о смерти было объявлено на следующий день.

После медицинского вскрытия, которое производилось в полумраке, из нескольких десятков солдат и офицеров тюремной охраны и администрации Тампля, более чем 400 представителей Коммуны, дежуривших в Тампле, лишь девять письменно подтвердили, что умерший — дофин, причем их свидетельство может считаться весьма спорным. Для удостоверения личности не был вызван никто из знавших ранее дофина, даже врачи, лечившие его до 1793 г., в том числе и упоминавшийся Тьерри, который по-прежнему сохранял пост тюремного лекаря. Первоначально указанные размеры гроба, которые были определены для низкорослого 10-летнего ребенка, пришлось значительно увеличить. Никакой другой ребенок не мог умереть в Тампле 8 июня и быть похороненным на кладбище Сен-Маргерит. Дофин не мог незаметно умереть в тюрьме, пока его двойника не поместили в изолированное помещение. Сравнение пряди волос мальчика, умершего в Тампле (сохраненной доктором Пеллетаном), с локоном, несомненно принадлежавшим дофину, доказывает, что это два разных ребенка. Дофин явно не был увезен из Тампля, иначе бы он не мог не объявиться у вандейцев, у эмигрантов, в Испании, которая требовала его выдачи, в других странах. Все же претенденты, включая Наундорфа, оказались обманщиками.

По мнению Дюплана, из сказанного следую вывод, чго дофин умер 4 января 1794 г. Военное положение страны оставалось в январе 1794 г. сложным, и было решено утаить его кончину, сообщение о которой могло еще более ожесточить всех врагов республики. Кроме того, дофин был важным заложником, поэтому было принято решение скрыть смерть Шарля Луи. Невозможно было тайно вынести труп из Тампля, и было решено похоронить его у подножия тюремной башни. Там, по свидетельству генерала д'Андинье, который в 1801 г.

некоторое время находился в заключении в Тампле по подозрению в связях с роялистами, он обнаружил скелет 9-летнего ребенка, закопанного в яме с известью. Когда в 1795 г. Испания настаивала на выдаче Шарля Луи в качестве непременного условия подписания мирного договора, который был бы весьма выгодным для Франции, термидорианцы вынуждены были отвергнуть даже обсуждение этого условия: они не могли ведь вместо дофина представить его двойника. Дюплан заключает свою книгу утверждением, что «не существует тайны Людовика XVII». Быть может, это и так, но аргументы, представленные Дюпланом, при сопоставлении с доводами эвазионистов никак не кажутся безусловными доказательствами. Они не убедили его оппонентов, продолжающих искать ответ на «загадку Тампля».

В 1987 г. увидела свет книга X. Роша «Людовик XVII» — объемистый том в 1000 страниц крупного формата, который, как сообщается, вдобавок является лишь сокращенным изложением 5000-страничного опуса! Рош всячески стремится объявить ненаучными исследования противников эвазионистов. Так, об уже известной нам работе М. Гарсона «Людовик XVII, или Ложная дилемма» он пишет: «Эта книга в значительно большей степени является речью адвоката (к тому же весьма поверхностной), чем серьезным историческим трудом». Рош предпринял попытку свести воедино и модернизировать с привлечением новых материалов все «достижения» эвазионистов. Автор ссылается на своих аристократических предков и других родственников (некоторые из них были как-то причастны к «тайне Тампля»), называет себя ярым ненавистником революции типа ультрароялистов начала прошлого века. 30 тыс. ливров, которые Законодательное собрание вотировало почтмейстеру Друэ, задержавшему королевскую семью во время ее бегства в Вену, Рош сравнивает с 30 сребрениками Иуды. Пруссия, в традициях французских монархистов и клерикалов, объявляется вечным врагом католической Франции и ее «законных» королей. Естественно, поэтому Рош отвергает «все сведения», затрагивающие честь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, шпотезу о подмене Марии-Терезы другой женщиной. Рош повторяет старый миф (его главным автором был современник Великой французской революции аббат О. Баррюэль), будто революцию организовали масонские ложи, действующие вкупе с такими недругами католической веры, как Вольтер и Дидро, а также прусский монарх Фридрих II и царица Екатерина II. Неизвестно уже в который раз «разъясняется», что герцог Брауншвейгский, командовавший войсками в битве при Вальми в сентябре 1792 г., был лидером радикально настроенного ордена иллюминатов, что некоторые якобинцы якобы стремились сделать герцога «королем протестантской Франции». Словом, уже явная чушь. Как и следовало ожидать, Рош полностью доверяет бюллетеням д'Антрега и информации, которую доставляли Ш. Аткинс ее агенты. Люди Кромье, мол, действительно проникли в Тампль в начале июня 1794 г., похитили содержавшегося там ребенка, но потом вернули, убедившись, что это не дофин. Роялист Фротте вначале поверил в смерть дофина, но потом осознал свою ошибку и помогал его бегству. Из-за того, что Фротте был посвящен в «тайну Тампля», и был отдан Наполеоном приказ о расстреле вандейца, хотя тому была обещана неприкосновенность личности. (Это утверждал в письме в английскую газету «Тайме» в декабре 1838 г. де Тьерри — близкий родственник семьи Фротте.) Рош объясняет увоз дофина результатом соглашения между «масонскими и продажными руководителями термидорианского якобинизма» (Баррасом, Тальеном, Фрероном, Сиейесом, Гупилло и др.), прусскими «розенкрейцерами» (Гарденбергом, Гаугвицем) и агентами Людовика XVIII (Фош-Борелем, «Парижским агентством»), не забывая при этом «агентов английских, австрийских и испанских, которые кишели в этой атмосфере темных интриг и аморальных сделок». Нарисовав впечатляющую картину, которая (если не считать фантазий насчет заговора масонов и «розенкрейцеров») недалека от действительности, Рош считает, что сообщение о смерти дофина было сделано с целью лишить его в будущем возможности действовать самостоятельно, без согласия участников похищения, а те вместе с тем сохраняли бы беглеца как орудие против своих противников. Людовик XVII был принесен в жертву интересам участников сговора, которые так и не передали его «подлинным» роялистам, а потом и вовсе надолго потеряли его следы.

Что же касается объяснения того, как было устроено бегство из Тампля, то Рош идет здесь по проторенной дороге — он лишь уточняет версию, отшлифованную многими исследователями, которые пытались обосновать возможность организации бегства дофина,

если уж не удалось установить, что оно имело место в действительности. Шарль Луи был спрятан на четвертом этаже Малой башни Тампля (как это и утверждал Наундорф) и подменен сначала немым ребенком, которого видел депутат Конвента Арман из Меза. Имелись и другие двойники — про запас. Их удалили из Тампля после официальной смерти Шарля Луи. Сам же дофин находился в укрытии с октября 1794 г. до конца марта 1795 г., во время подготовки Базельского мира, подписанного 5 апреля. Шарля Луи вывезли в гробу, предназначенном для двойника — больного мальчика, взятого из больницы. Этот ребенок скончался, его тело было зарыто поблизости от тюремной башни и обнаружено в 1801 г. генералом д'Андинье. Дофина, усыпленного опиумом, увезли в гробу, какие-то мнимые огородники подменили гроб другим с камнями и бумагой. После этого носильщики доставили гроб на кладбище. По другим воспоминаниям, дофина увезли в продолговатой корзинке, в которой приносили для него птиц, и поместили 30 или 31 марта 1793 г. в доме банкира Птиваля.

Весь этот роман основывается на позднейших свидетельствах, которым вольны доверять все, кто пожелает. В рассказах масса несообразностей. То считают, что 10 июля 1794 г. умер мальчик, взятый из больницы, то какой-то другой двойник, возможно, даже отравленный. Среди этой массы ничего не доказывающей информации Рош передает и сведения, заслуживающие внимания. Например, что один из руководителей «Парижского агентства», Сурда, еще до революции знал сапожника Симона — будущего воспитателя дофина.

Рош на основе детального сравнения телесных примет дофина и претендентов — цвета глаз, рубцов на лице, следов прививок и т.п. — показывает, что они не совпадали ни у кого, за исключением Наун-дорфа. (Надо напомнить, что в XVIII и начале XIX в. не было точных способов идентификации личности — фотографии или снятия отпечатков пальцев.)

Рош воспроизводит и историю «швейцарского следа» — все, что до сих пор раскопали эвазионисты о возможном пребывании дофина, — и дополняет свой рассказ «подробностями» о переезде его в Португалию, первой женитьбе и т. п., столь же слабо документированными, как и все остальное.

В истории «тайны Тампля» зафиксирована пропажа — исчезновение или уничтожение — множества официальных или неофициальных документов (часть из них, впрочем, возможно, существовала только в воображении различных исследователей). Вместе с тем книги эвазионистов изобилуют не только ничего не доказывающими или сомнительными свидетельствами, но и прямыми подлогами, от которых отказываются с большой неохотой и оговорками. Так, Рош относит к числу документов, подлинность которых является спорной, самые явные подделки: уже упоминавшиеся письма Лорана, протокол мнимого заседания Директории по поводу убийства банкира Птиваля, а также опубликованный в 1923 г. явно фальшивый отчет сапожника Симона, якобы направленный 19 января 1794 г. в Вену и Ватикан, о бегстве дофина. Тот же Рош отмечал не без иронии, что в 1924 г. многие приняли за чистую монету «воспоминания графа Вэзона, содержащиеся в романе О. Обри „Потерянный король“. Сам Обри писал, что речь идет о литературном персонаже, но и это не помешало через четверть века (в 1951 г.) А. Деморрейю опубликовать монографию „Похищение Людовика XVII“ на основе мемуаров мифического графа. (Существовал, правда, дворянский род Вэзонов из Южной Франции, но ни один из его представителей не занимал влиятельного поста в правительстве Реставрации и не мог обладать сведениями, которые приписывает своему герою О. Обри.)

Ж. Ленотр писал: «Люди, совсем не интересующиеся вопросом о Людовике XVII, не подозревают об обостренных наслаждениях, доступных для посвященных». А. Деко добавляет, что этот вопрос «является тайной чистой воды, единственной исторической проблемой, при анализе которой возможно придавать документам диаметрально противоположный смысл. Рассматриваемая таким образом тайна стала игрой ума, ребусом наивысшего класса».

Стоит отметить, что одного из особо усердных немецких исследователей вопроса о борьбе разведок за «Людовика XVII» французы в 1914 г. уличили во вполне реальном шпионаже в пользу Германии. Его обвиняли в том, что он в своем владении на острове Бель-Иль в Атлантическом океане подавал сигналы немецким подводным лодкам. А французские монархисты в порыве шовинизма объявили, что наследники Наундорфа пытались своими интригами проложить путь к воцарению во Франции сына кайзера Вильгельма II. Словом,

далее началась уже чистая чепуха. А после второй мировой войны некоторые авторы всерьез утверждали, будто гитлеровцы собирались поставить правителем Франции взамен коллаборациониста Петена кого-либо из потомков Наундорфа. Сторонники другого «претендента» на французский престол — графа Прованского (потомка Карла X) пытались таким образом скомпрометировать «конкурентов», забывая, что и у них самих было совсем неблагополучно по части патриотизма и оппозиции гитлеровским оккупантам…

Еще ранее какой-то историк, перетрудившийся над разгадками «тайны Тампля», нашел ей несколько неожиданное решение, объявив самого себя Людовиком XVII. Не угрожает ли его участь и другим рьяным эвазионистам? Как бы то ни было, число их не убывает, и они претендуют на то, что, раскрывая «тайну „Тампля“, проливают свет не только на историю тайной войны в конце XVIII в., но и на всю секретную историю французской революции.

Гинеи и качели

1 ноября 1794 г. в Берн прибыл новый английский поверенный в делах Уильям Уикхем. Поддержание связей со Швейцарией было лишь сугубо второстепенной задачей британского дипломата. Главными же целями были сбор разведывательной информации о Франции и руководство роялистскими группировками, стремившимися ликвидировать республику. Молодой англичанин, вполне разделявший взгляды, симпатии и антипатии правительства Питта, оказался хорошо подготовленным для выполнения возложенной на него миссии. В 1782 г. после окончания колледжа Кристчерч Оксфордского университета Уикхем отправился в Женеву продолжать изучение права. Там он женился на дочери профессора математики Л. Бертрана, влиятельного лица в городе, и через него стал своим человеком среди женевских нотаблей. Уже в это время Уикхем состоял агентом британской секретной службы, потом ему была поручена конфиденциальная корреспонденция министерства иностранных дел. Летом 1794 г. он занял пост начальника отдела министерства внутренних дел, ведавшего вопросами, связанными с проживавшими в Англии иностранцами, что дало ему ясное представление о различных течениях среди французских эмигрантов.

Позднее, в 1800 г., нарушая обычную сдержанность, министр иностранных дел лорд Гренвил писал своему посланнику: «Все, что Вы сделали, было сделано в том же мастерском стиле, который отличает Вашу работу от всех других артистов в этой сфере».

Что же было характерным для «стиля» Уикхема? Пожалуй, прежде всего возможность расходовать такие суммы (десятки и даже сотни тысяч фунтов стерлингов), которые и не снились другим «артистам». Отсюда возможность сразу делать несколько ставок, наделять своих агентов способностью говорить голосом власть имущих, настаивать на принятии их планов, касавшихся политических маневров и интриг в масштабе целой страны.

Первыми препятствиями, с которыми столкнулся Уикхем, были ограниченность и тупое упрямство ближайшего окружения графа Прованского, который после смерти в июне 1795 г. дофина был провозглашен эмигрантами королем Людовиком XVIII. Его окружение состояло из крайних, «узколобых» роялистов, считавших, что монархию погубили только слабость и уступки, стремившихся к реставрации абсолютизма точно в том виде, в каком его застала революция 1789 г. Уикхем отлично понимал, что такая программа делает совершенно безнадежным дело роялистской контрреволюции, отталкивает от него основную массу имущих классов, не желавших восстановления старого режима. Крайние роялисты смертельно враждовали даже с конституционными монархистами, мечтавшими об утверждении строя, напоминающего тот, который существовал в Англии после переворота 1688 г. Положение осложнялось еще и тем, что разведывательная сеть («Парижское агентство» и другие люди д'Антрега) имелась только у крайних роялистов и что без согласия Людовика XVIII трудно было надеяться на успех монархического переворота. Поэтому Уикхем прежде всего занялся примирением крайних роялистов с людьми типа Тальена и других термидорианцев, готовых пойти на реставрацию конституционной монархии. Гинеи Уикхема оказали немалое воздействие на «политику качелей», как современники называли колебания в политическом курсе правительства Директории. В страхе перед выступлением масс качнувшись вправо, Директория после разоблачения очередного роялистского комплота, организованного с

помощью английского золота, сдвигалась влево — и так происходило несколько раз.

1795 г. прошел у Уикхема в попытках с помощью щедрых финансовых вливаний организовать мятежи на восточной границе Франции, которые должны были начаться одновременно с наступлением австрийских войск, и превратить эмигрантскую армию Конде в крупную военную силу. Одновременно намечалась высадка на севере страны. Выступления роялистов должны были послужить детонатором для общего антиправительственного восстания. Ничего из этих планов не вышло (отчасти вследствие проволочек со стороны австрийцев).

Высадка на севере, в заливе Киберон, все же состоялась в июне 1795 г. Войсками эмигрантов командовал граф Жозеф Пюизе, которого приближенные Людовика XVIII считали слишком поддающимся английскому влиянию. В «Обращении» к французскому населению Пюизе пытался играть на противоречиях в политике термидорианцев. Он обвинял парижское правительство в том, что, декларируя свою «умеренность», оно не вступает в соглашение с роялистами, именовал руководителей всех течений, принимавших участие в революции, преступниками и отцеубийцами. В «Обращении» содержался призыв к республиканским войскам: «Генералы, офицеры и солдаты, не желающие оставаться орудием угнетения, отказывайтесь быть палачами ваших братьев!» Республиканским солдатам рекомендовалось переходить на сторону роялистов, чтобы «вернуть Франции ее старинное благоденствие» и стать «спасителями родины». «Обращение» сочетало типичные лозунги монархической реакции с использованием фразеологического словаря революции, твердило о «свободе», о борьбе против «тиранов». Гренвил и Уикхем знали, за что платили полновесные английские гинеи, ничем не напоминавшие те фальшивые французские ассигнации, которые на круглую сумму — 10 млрд. ливров — привезли с собой роялистские поборники «свободы». Эти «миллиарды» вместе с более существенными трофеями — вооружением для армии в 40 тыс. человек — попали в руки солдат генерала Гоша, которые к 21 июля полностью разгромили войска эмигрантов.

Агенты Уикхема, получая английское золото, далеко не всегда снабжали его доброкачественной информацией — точнее, они непомерно преувеличивали роль роялистов, в частности в восстании парижских секций, подавленном войсками термидорианского Конвента под командованием Наполеона Бонапарта.

Осенью 1795 г. секретная служба Уикхема потерпела серьезный урон. Был схвачен один из руководителей «Парижского агентства», Ле-метр, у которого при аресте была найдена переписка роялистского подполья. Французский посол в Швейцарии Ф. Бартелеми и консул в Базеле Т. Баше пытались не без успеха установить слежку за Уикхемом, которого правильно считали «центром всех звеньев организации и переписки».

Эти неудачи обострили отношения Уикхема с д'Антрегом. Граф пытался обвинить Уикхема в использовании некомпетентных агентов (иными словами, людей, не подчинявшихся д'Антрегу или принадлежавших к числу конституционных монархистов). После ареста Леметра «Парижское агентство» возглавили аббат Бротье и Дювернь, пытавшиеся свергнуть правительство Директории с помощью военного заговора. Их сообщниками стали командир 21-го драгунского полка полковник Мало и генерал Рамель, которому подчинялась охрана законодательных органов республики — Совета пятисот и Совета старейшин. Бротье (Дювернь уехал в это время в Лондон) был далек от мысли, что оба офицера сознательно дурачили его с согласия французских властей. В конце января 1797 г. более полутора десятков агентов Уикхема и роялистов были схвачены полицией Директории.

Сведения о действиях роялистской агентуры Директория получала не только от Мало и Рамеля, но и от некоего князя де Каренси. Этот молодой аристократ стал шпионом-двойником. Он был связан с роялистским подпольем и выдавал себя за агента британской секретной службы, перехватывая корреспонденцию, предназначенную для Конде и Крауфорда, английского представителя при командующем войсками эмигрантов. Самозванство помогло де Каренси выудить немалую толику денег у швейцарского банкира, который по поручению Уикхема финансировал роялистов. Каренси раскрыл все секреты «Парижского агентства» Баррасу;, наиболее влиятельному члену Директории, и вдобавок позднее поведал о них на страницах сразу двух парижских газет. Так был положен конец «заговору Бротье», на который

возлагал столько надежд Уикхем. Но английская секретная служба продолжала действовать с еще большей настойчивостью.

После провала «заговора Бротье» английская разведка перенесла свои надежды на конституционных монархистов. Уикхем попытался консолидировать силы «легальной» роялистской оппозиции, ставившей целью устранить правительство Директории и поставить у власти людей, которые осуществили бы «мирную» реставрацию монархии. Главным агентом Уикхема в Париже стал конституционный монархист Антуан д'Андре. В большинстве департаментов были образованы филиалы руководимой роялистами организации «Филантропический институт», которая служила прикрытием для монархического подполья. Созданная на деньги, полученные от Уикхема, эта организация сумела добиться значительных успехов на выборах 1797 г. Однако 18 фрюктйдора (4 сентября 1797 г.) с помощью армии Директория сумела подавить оппозицию справа (в числе арестованных заговорщиков был генерал Пишегрю). Английские и роялистские агенты во главе с д'Андре едва унесли ноги из Парижа.

В 1798 г. под нажимом Директории Швейцария потребовала отозвать английского дипломата-разведчика. Однако преемник Уикхема поверенный в делах Джеймс Талбот продолжал линию своего предшественника. По-прежнему главным агентом английской разведки был д'Андре, имевший многочисленные связи в Париже и провинции. По-прежнему делались попытки подкупить крупных французских военных.

В ноябре 1798 г. Талбот сообщил в Лондон, что командующие войсками в Бордо, Тулузе, Гунинге и Седеете обещали сдать эти города и крепости, что удалось привлечь на сторону противников парижского правительства помощника начальника гарнизона в Бефоре, а командиры в Безансоне и Страсбурге пока колеблются, что генерал Бернадотт готов принять сделанные ему предложения. Речь шла о предполагаемом вооруженном перевороте в Париже. В декабре 1798 г. Талбот просил Гренвила послать оружие роялистам в Южную Францию, в район Бордо, сообщал о намеченных выступлениях в других районах, чтобы перерезать коммуникации французских войск. Многие из этих планов были явно нереальными. В марте 1799 г. Талбота перевели секретарем посольства в Стокгольм, а на его место был послан полковник Роберт Крауфорд. Его целью стала организация сопротивления французским войскам в Швейцарии. А еще через два месяца вслед за ним отправился сам Уикхем. Снова началось широкое финансирование роялистского подполья наряду со сбором информации о французских армиях на Рейне и в Италии. Однако Директорию свергли не роялисты, а Наполеон Бонапарт. Немногим более чем через полгода после переворота 18 брюмера Наполеон одержал решительную победу над австрийцами при Маренго, в Италии. Уикхему пришлось вернуться на родину.

Портфель графа д'Антрега

С лета 1796 г., когда армия молодого генерала Бонапарта стала одерживать победу за победой в Северной Италии над превосходящими ее силами австрийцев, д'Антрег имел уже своих агентов в числе офицеров штаба молодого командующего. В письмах Ф. Дрейка, хранящихся среди бумаг английского министерства иностранных дел, встречаются намеки, что д'Антрег поддерживал связи даже с самим Бонапартом. К этому вопросу мы еще вернемся, а пока посмотрим, что же за агенты Дрейка и д'Антрега были в штабе армии генерала Бонапарта. Еще в письме от 23 июня 1796 г., посланном Ф. Дрейком из Венеции в Лондон, указывалось, что его человек поддерживает контакт с «генеральным комиссаром» французских войск. Такого поста во французской армии тогда не существовало. Имелся, однако, глава военной администрации, которого называли «главным комиссаром-распорядителем». На этой должности в июне 1796 г. быстро сменились трое. Первого из них, Денние, уволили из-за плохого состояния здоровья и «недостатка энергии». О преемнике Денние — Ламберте генерал Кларк, инспектировавший в ноябре 1796 г. армию, сражавшуюся в Италии, сказал, что он «обладает талантом, но не честностью». Ламберта сменил Вильманзи, который, по мнению того же Кларка, относился «прохладно к республике». Все трое, таким образом, подозрительны, кто более других — сказать трудно за отсутствием фактов.

Но был и еще один агент Дрейка и д'Антрега — «генерал Булар». Сохранилось много его писем, содержащих шпионские сведения. Имена всех генералов армии Бонапарта хорошо известны, и среди них нет никого с фамилией Булар. Следовательно, либо агент не имел генеральского чина, либо Булар — вымышленная фамилия, заменявшая настоящую в целях конспирации. Письма, посланные «Буларом», датированы одним и тем же месяцем — июлем 1796 г., после чего сведения о нем прерываются до 1798 г. В марте 1798 г. один из агентов д'Антрега сообщил из Парижа, что генерал Булар должен вскоре прибыть в столицу и получить назначение командиром дивизии, направляемой в Гавр. Еще через несколько месяцев тот же агент передавал, что Булар собирается принять участие в экспедиции, которую подготовляет Бонапарт (это была экспедиция в Египет), и с этой целью отплыл на корабле «Ориент». В донесении указывается фамилия спутника Булара — генерала Казабиянки, хорошо известного по сохранившимся документам.

В бумагах д'Антрега имеется важный ключ для определения действительной фамилии Булара — указывается, что он родился в Ардеше и был до поступления на военную службу адвокатом. Среди генералов французской армии, действовавшей в Италии, из Ардеша родом был только Байяр де Боревуар. Он, однако, никогда не был адвокатом и, кроме того, оставаясь в Италии до 1799 г., не мог, следовательно, отправиться с Бонапартом в Египет. Генерал Сервье родился неподалеку от Ардеша и приУ держивался (по характеристике Кларка) взглядов, не очень благоприятных в отношении республики. Но он не служил в армии после марта 1797 г. Адвокатом до поступления в армию был генерал Сервони. Он родился на Корсике. Вполне возможно, что до революции Сервони мог быть адвокатом в Ардеше, где его в таком случае, вероятно, знал д'Антрег. Но об этом нет никаких документальных свидетельств. Военная карьера Сервони в общем совпадает с карьерой «Булара». Сервони в 1798 г. был переведен в армию, сосредоточенную на севере Франции для действий против Англии. 15 февраля 1798 г. Сервони был назначен дивизионным генералом. Всего этого, однако, еще мало, чтобы превратить догадку в уверенность, гипотезу в точно установленный факт.

В связи с действиями роялистских и иностранных агентов в штабе армии генерала Бонапарта надо рассмотреть обстоятельства ареста их шефа графа д'Антрега. Обстоятельства эти таковы. Д'Антрег с семьей находился в Венеции, когда она была осаждена французскими войсками. Ц Граф попытался, спешно приняв русское подданство, выехать из города в свите царского посла Мордвинова. Французские власти знали и о том, что д'Антрег находится в Венеции, и о том, каким образом он собирался ускользнуть из города. Тем не менее д'Антрегу удалось в составе сотрудников посольства благополучно проехать через расположение французских войск. Однако в Триесте 27 мая 1797 г. он был опознан и арестован французскими жандармами. При нем находился только один портфель, очевидно, содержавший особо важные бумаги.

Из Триеста д'Антрега под сильной охраной доставили в Милан, где держали в строгом заключении. В Милан же прибыли жена и сын д'Антрега. В своих воспоминаниях Наполеон Бонапарт так описывает дальнейшие события (о себе он пишет в третьем лице): «Генералы Бертье и Кларк произвели проверку всего найденного у него[41] в портфеле, составили об этом протокол, разобрали все документы и отослали все в Париж. В ответ французское правительство приказало, чтобы д'Антрег был предан суду военной комиссии для обвинения по законам республики. Но тем временем он заинтересовал Наполеона, который виделся с ним несколько раз. Сознавая всю опасность своего положения, он постарался понравиться тому, от кого зависела его судьба, говорил с ним без утайки, раскрыл все тогдашние интриги и выдал секреты своей партии. Понравиться ему удалось. Он добился разрешения проживать в городе под честное слово, без охраны. Через некоторое время ему дали бежать в Швейцарию. Наполеон, как это часто случалось с ним при писании мемуаров, сообщая формально все обстоятельства дела (особенно если они были и так известны), о многом умалчивал. Нет сомнения, что он так поступил и в данном случае.

Незадолго до ареста д'Антрег имел встречу с другим организатором роялистского

[41] т.е. д'Антрега. — Е.Ч.

подполья — Монгайяром. В ходе беседы Монгайяр ознакомил д'Антрега со всеми деталями организации роялистов во Франции. Протокол беседы находился в портфеле д'Антрега и был прочтен Наполеоном. Однако этого протокола не оказалось среди бумаг, пересланных в Париж! Взамен сохранилась лишь копия, составленная д'Антрегом по требованию Бонапарта во время их долгого свидания без свидетелей. Впоследствии д'Антрег, рассказывая об этом эпизоде Мордвинову, сообщил, что протокол имел 33 страницы. В «копии», которая сохранилась в архивах, всего 16 страниц. Д'Антрег, чтобы успокоить встревоженных роялистов, уверял, что копия содержала лишь фальшивые сведения и была написана под диктовку Бонапарта. (Весьма вероятно, что Бонапарт, помимо всего прочего, пытался скомпрометировать д'Антрега в глазах роялистов и таким путем перетянуть опытного заговорщика на свою сторону.) Это заверение д'Антрега опровергается, однако, тем, что данные копии протокола совпадают с другими материалами о деятельности роялистов агентуры. Словом, обе стороны — и Наполеон, и д'Антрег — в своих объяснениях о чем-то умалчивают и хитрят. Можно лишь догадываться о том, что счел нужным изъять Наполеон из текста протокола — вероятно, что-то компрометирующее его офицеров или других лиц, падения которых он не хотел допустить. Бумаги, которые были пересланы в Париж, сообщали лишь об измене генерала Пишегрю.

Понятно, что д'Антрег после своего ареста и освобождения стал подозрительной фигурой в кругах роялистов и их главы Людовика XVIII, хотя и не потерял доверия своих иностранных заказчиков. Интереснее отметить, что и отношения Наполеона с д'Антрегом, как мы убедимся, отнюдь не отличались сердечностью. Вероятно, обе стороны при торге основательно надули друг друга. Наполеон в своих мемуарах особенно негодует на д'Антрега за памфлет, который тот опубликовал, расписывая темницы, а также пытки, которым он якобы подвергался, с достойной скромностью знакомя вдобавок человечество с проявленной им при этом отвагой. Наполеон опять-таки умалчивает о том, как он попытался отомстить. Но об этом потом, прежде — об измене Пишегрю.

Потасовка на рассвете

Граф Морис де Монгайяр был одним из наиболее важных агентов-двойников, действовавших в период Великой французской революции. Настоящее имя этого уродливого, горбатого человека с длинным носом было Роке. Он происходил из обедневшей дворянской фамилии и до революции служил офицером в полку, сражавшемся с англичанами на острове Мартиника. После возвращения во Францию он по расчету женился и сумел втереться в доверие к министру финансов Неккеру, что в большой мере способствовало его карьере. После начала революции Монгайяр поступил на секретную службу короля и был в числе организаторов безуспешного бегства Людовика XVI в Варенн. В годы якобинской диктатуры Монгайяр остался во Франции, причем не подвергся ни аресту, ни преследованиям. Это было явно результатом того, что хитрому авантюристу удалось поступить на тайную службу революционного правительства.

Когда в 1794 г. Монгайяр прибыл в расположение австрийской армии, а потом переехал в Лондон, одни считали его тайным эмиссаром Робеспьера, другие — французским аристократом, сумевшим спастись от санкюлотов. Монгайяра принимали в Лондоне представители придворной знати и сам премьер-министр Питт, который предложил ему поступить на английскую секретную службу. Француз согласился на это предложение, так как знал, что англичане щедро оплачивают ценных агентов. Вернувшись на континент, Монгайяр быстро проник в число приближенных руководителя 5-тысячнои эмигрантской армии принца Конде. Тот послал его в Лондон с просьбой о финансовой помощи, поскольку роялисты испытывали острый недостаток в средствах. Авантюрист возвратился с обещанием большой английской субсидии и дополнительного ассигнования на секретную службу, главой которой его немедля назначил принц Конде.

Монгайяр стремился сразу же добиться какого-либо крупного успеха и с этой целью решил попытаться переманить на сторону эмигрантов одного из самых известных в то время, в 1795 и 1796 гг., республиканских генералов — Пишегрю, который втайне сочувствовал роялистам. Трудность заключалась в том, как завязать связь с Пишегрю, за которым наблюдали

три специальных представителя французской Директории. Монгайяр прибег к услугам некоего Луи Фош-Бореля, книготорговца из небольшого швейцарского городка Невшателя. Монгайяр обещал ему золотые горы в случае реставрации монархии: 1 млн. луидоров, место главного инспектора французских библиотек, высшие ордена и другие блага. В случае же неудачи Фош-Борель должен был получить все же солидную сумму — 1000 луидоров.

В июле 1795 г. Фош-Борель, которому был придан в качестве помощника старый прусский шпион Куран, отправился в дорогу. В конце концов Фош-Борель добрался до Пишегрю и, щедро расходуя английские деньги, сумел завязать с ним переговоры. Но книготорговец чем-то вызвал ненависть к себе генерала; тот даже сказал своему адъютанту: «Вы очень обяжете меня, если пристрелите этого господина, когда он еще раз явится ко мне».

Сведения о переговорах Пишегрю с иностранными агентами не ускользнули от внимания французской секретной службы в Швейцарии, которую возглавляли секретарь французского посольства Баше и бывший член Конвента Бассаль. Французское правительство отдало приказ об аресте Фош-Бореля. 21 декабря он был захвачен в Страсбурге. Фош-Борель сжег все опасные бумаги, кроме одной. (Возможно, что сам Пишегрю и местный начальник полиции Фишер дали роялистскому лазутчику время уничтожить компрометирующие документы, заранее уведомив его о предстоящем аресте.) Это была записка от принца Конде, которую он получил незадолго до ареста и спрятал в потайном отделении своего портфеля. Полицейские Фишера, видимо, не очень внимательно осмотрели портфель записка осталась необнаруженной. Фош-Борелю удалось подкупить тюремщика и обеспечить себе поддержку влиятельных лиц. Вскоре его выпустили за недостатком улик.

Переговоры Монгайяра, Курана и других роялистских прусских и английских агентов с Пишегрю длились довольно долго. Пишегрю колебался, не доверяя принцу Конде и вдобавок опасаясь комиссаров Конвента, следивших за всеми его действиями. Отказавшись открыто перейти на сторону неприятеля, он, вероятно, сознательно 23 сентября проиграл сражение у Гейдельберга, а через два месяца сдал Мангейм. Его действия вызвали подозрения. Правительство Директории, пришедшее на смену комитетам Конвента, сместило Пишегрю сначала временно, потом через месяц с небольшим постоянно. Пост командующего французской армией Рейна и Мозеля занял генерал Моро, продолжавший отступление и в то же время, хотя и с постоянными колебаниями, согласившийся на установление тайных контактов с роялистскими лазутчиками.

21 апреля 1797 г. солдаты французской армии Рейна и Мозеля захватили у австрийцев фургон, в котором перевозили корреспонденцию генерала Клинглина Зашифрованную переписку поручили прочесть главе армейской разведки лейтенанту Бранде, который быстро разобрался в том, что в бумагах речь идет об измене Пишегрю. Моро, который в конце апреля узнал о содержании бумаг, решил выждать. Пишегрю был его другом и как раз в это время готовил захват власти роялистами после успешных для них выборов. Лишь узнав 19 фрюктидора о победе Директории над ее врагами, Моро отправил бумаги в Париж, датировав свое сопроводительное письмо задним числом (17 фрюктидора). Хитрость не удалась вполне, Моро был смещен с занимаемого поста, хотя его не предали суду. А присланная им корреспонденция была немедля напечатана для оправдания действий Директории.

Надо лишь прибавить, что наведшим французские власти на след Фош-Бореля был, вероятнее всего, не кто иной, как Монгайяр. Он рассчитывал вначале, что Фош-Борель будет поддерживать связь с Лондоном исключительно через него, Монгайяра, и ему перепадет немалая толика тех денег, которые правительство Питта выделило на подкуп Пишегрю. Но Фош-Борель рассудил, что этим деньгам куда более место в его собственном кармане, и завязал прямую переписку с английским посланником в Швейцарии Уикхемом. Со своей стороны, англичане, хотя и с опозданием, сообразили, что деньги, щедро отпускаемые ими Монгайяру, не обязательно шли на свержение правительства Французской республики, что граф считал целесообразным тратить их на более неотложные нужды, к которым он относил преимущественно личные расходы, и, главное, что от Монгайяра можно было ожидать всего. Монгайяр предлагал вручить генералу Бонапарту взятку в 36 тыс. ливров. Англичане раскошелиться не пожелали. Дрейк писал, что Монгайяр — это шулер, выманивающий деньги. В ноябре 1797 г. от Дрейка было направлено в Лондон на имя Джорджа Каннинга тревожное

предупреждение: «Лорду Мэлмезбе-ри[42] будет небесполезным принять к сведению, что Монгайяр обладает талантом к точному подделыванию любого почерка. Зная это, я обращал особое внимание на то, чтобы он не заполучил образца моей подписи. Всякий раз, когда я имел случай отвечать на его письма, мой секретарь писал ему записку, формально обращенную к третьему лицу». Дрейк, правда, немного ошибся «талантом» обладал не сам Монгайяр, а его столь же достойный соратник аббат Монте. Но английской разведке не было от этого, разумеется, легче. Однако и графу стало утомительно выносить столь обидное недоверие.

Что же оставалось делать оскорбленному в своих лучших чувствах руководителю секретной службы эмигрантов, как не вознаградить себя продажей Директории сведений о Фош-Бореле и его переговорах с Пишегрю? Для этого Монгайяр специально съездил в Венецию, повидался с французским послом Лальманом и рассказал ему о попытке подкупа Пишегрю. После отъезда из Венеции Монгайяр был арестован австрийцами. Его допрашивали эрцгерцог Карл и сам «король эмигрантов» Людовик XVIII. Показания графа, которому было уже нечего терять в глазах роялистов и австрийского правительства, были столь красочными, что сильно пошатнули доверие к графу д'Антрегу Конечно, после такой поездки возвращение в армию Конде становилось делом рискованным. Вместо этого Монгайяр написал принцу убедительное письмо о том, что собирается порвать с политикой и поселиться мирно во Франции. Вот только он, Монгайяр, не знает, что делать с хранящейся у него секретной корреспонденцией Конде — не передавать же ее Директории? Принц понял намек, если это можно назвать намеком, и выслал ему чек на 20 тыс. франков. Монгайяр чек принял с удовольствием. Можно было бы даже сказать — с благодарностью, если бы мошенник не усвоил так хорошо английскую поговорку, что «благодарность — это живое предвкушение будущих благодеяний». Ждать их от Конде более не приходилось, и Монгайяр, сочтя посему излишним продолжать ставшую бесполезной переписку с принцем, отправился со всеми секретными документами во Францию. Правда, во время поездки не обошлось без досадной неприятности. Фош-Борель настиг Монгайяра в одной швейцарской гостинице. Неблаговоспитанный гость поднял путешественника со сна в 6 часов утра. Бывший книготорговец имел крепкие мускулы и, кроме того, для верности прихватил с собой двоюродного брата…

Что произошло потом, мы знаем главным образом из «Мемуаров», опубликованных впоследствии обоими участниками потасовки. И тот и другой, не сговариваясь, опускают в своем рассказе неприятные для них подробности (они всплыли при изучении писем Фош-Бореля, написанных по свежим следам событий). Однако оба рассказа вместе с тем мало походят один на другой. Каждый авантюрист пытался представить себя в ореоле благородного рыцаря без страха и упрека, поливая ушатами грязи своего противника.

Как бы то ни было, Фош-Борель силой вырвал у Монгайяра его портфель. Однако в портфеле не оказалось никаких важных документов. Тогда невшателец заставил Монгайяра, очень уважительно относившегося к кулачному праву, сознаться, что бумаги спрятаны в потайном месте в Базеле. Узнав о месте нахождения бумаг, Фош-Борель наконец отпустил своего вороватого сообщника и поспешил в Базель. Там его ждало горькое разочарование. В тайнике действительно находились немаловажные бумаги, но самые секретные и опасные для роялистов документы Монгайяр благоразумно припрятал в другом убежище, сохранив их как удобное орудие шантажа.

Вскоре после этого печального происшествия французские войска заняли Венецию, и Бонапарт овладел бумагами д'Антрега, часть из которых, в том чисче и материалы о Пишегрю, переслал в Париж. Пишегрю был арестован и обвинен в измене, но сумел бежать. А граф Монгайяр сделался рьяным республиканцем, а потом — столь же ярым бонапартистом. В 1810 г. графа посадили было в долговую тюрьму, но Наполеон выплатил его долги и назначил солидное ежегодное жалованье в 14 тыс. франков, используя Монгайяра для различных шпионских заданий. После реставрации Бурбонов Монгайяр, конечно, всюду разъяснял, что всегда был и оставался в душе роялистом, но уверения эти уже не имели успеха.

---

[42] одному из крупных дипломатов того времени. — Е.Ч.

Роман при пирамидах и взрыв на улице Сен-Никез

Еще до переворота 18 брюмера, приведшего Наполеона к власти, он стал объектом ряда заговоров, организованных против него стараниями английской разведки.

Шел 1798 год. Молодого генерала Бонапарта, одержавшего ряд блестящих побед в Италии, Директория мечтает отослать куда-нибудь подальше от Франции. Бонапарт делается слишком популярным. Честолюбивый генерал становится все более грозным соперником для непрочного и не внушающего уважения правительства. И вот во главе Армии Востока Бонапарта направляют в Египет и в тайне вздыхают с облегчением, когда английский адмирал Нельсон при Абукире уничтожает французский флот. Теперь для французской армии и ее генерала путь на родину прочно отрезан английской морской блокадой. В битве при пирамидах Наполеон одержал победу над мамлюками — феодальным войском правителей Египта, но так и не смог подавить сопротивление народа завоевателям. Многие месяцы Франция не имеет никаких достоверных сообщений о победах и поражениях своей Армии Востока.

Зато британская разведка получает их в изобилии. Египет и Сирия буквально кишели ее агентами. Английская разведывательная паутина окутывает всю французскую армию. Для наблюдения за портами, захваченными французской армией, выделены специальные сторожевые фрегаты английского флота. На военном корабле «Лайон» находилась штаб-квартира разведки. Здесь у одного из ее руководителей, Джона Барнета, и зародилась идея обезглавить вражескую армию, убив Наполеона. Конечно, шансы проникнуть к хорошо охраняемому генералу могли быть только у какого-нибудь офицера его армии, желательно — лично известного командующему. Барнет решил, что наилучшим образом эту роль сможет сыграть французский офицер, от которого Бонапарт как раз хотел поскорее избавиться.

Это был молодой человек по фамилии Фуре. Его жена Полина в мужском платье проникла на военный транспорт и вместе с Армией Востока добралась до Египта. Белокурая красавица вскоре привлекла внимание Бонапарта и стала его любовницей.

Не удивительно, что у услужливого начальника штаба Армии Востока генерала Бертье возникла мысль: Фуре — идеальный курьер для доставки в Париж известий о действиях французских войск в Египте! Конечно, учитывая английскую блокаду, предстояло опасное путешествие, и молодому офицеру нечего было и думать брать с собой жену, отправляясь выполнять возложенную на него важную миссию. Итак, Полина Фуре, которую солдаты-республиканцы именовали «нашей восточной королевой» и «Клеопатрой», осталась в Египте, а ее муж с депешами сел на корабль, чтобы попытаться прорваться через блокаду.

Вскоре, однако, он очутился не во Франции, а у плену на английском корабле «Лайон», и Джон Барнет, отлично осведомленный обо всем, открыл глаза обманутому супругу. (Опытный разведчик умолчал лишь о том, что вначале попытался было превратить в своего агента саму мадам Фуре и лишь потом, когда дело сорвалось, решил прибегнуть к услугам ее мужа.) Хорошо разыгранный на английском корабле спектакль, когда Барнет внешне очень тактично и ненавязчиво дал понять Фуре, какую роль ему отвели Наполеон и Бертье, почти подготовил француза к той роли, для которой его предназначал английский разведчик. Пылая гневом, оскорбленный офицер решил вернуться, чтобы отомстить генералу. Он пробрался в расположение Армии Востока, однако здравый смысл и солдатская честь побудили его отказаться от того, чтобы стать орудием неприятельской разведки. Фуре вышел в отставку и сумел добраться до Франции.

Аппарат французской разведки, вернее — тайной политической полиции, выполнявшей ее функции во Франции, был немаловажным фактором во время переворота 18 брюмера, приведшего к свержению Директории и установлению режима Консульства во главе с Наполеоном Бонапартом. Министр полиции Директории Жозеф Фуше, в прошлом «ультрареволюционер», а потом активный участник свержения якобинской диктатуры, сразу нашел общий язык с генералом Бонапартом, оставившим свою армию в Египте и спешно прибывшим в Париж. Участие Фуше в намечавшемся перевороте должно было сводиться к тому, что его вездесущая полиция на этот раз обязана была показать себя глухой и слепой.

Впрочем, сторонники Бонапарта не очень доверяли профессиональному предателю Фуше.

(От него даже пытались скрыть точную дату намеченного выступления.) А Фуше, со своей стороны, стремился не связывать себе рук, чтобы в случае неудачи переворота сыграть роль верного слуги Директории, разоблачившего опасный заговор. Он, кажется, даже наслаждался двойной ролью, позволявшей ему не только обезопасить себя на случай неудачи попытки переворота, но чувствовать в эти решающие дни, что именно в его руках судьбы страны. Фуше не мог даже отказать себе в удовольствии дать понять заговорщикам, насколько они в его власти. Министр полиции воспользовался тем, что Бонапарт в конспиративных целях не сообщил своим сторонникам об участии Фуше в заговоре.

Однажды вечером, за несколько дней до переворота, Фуше принимал у себя видных участников заговора, в том числе Редерера, Реаля, адмирала Брюи. Улыбающийся хозяин подвел к ним позже других приехавшего Наполеона и заметил генералу:

— Я хочу представить вам наиболее приятных для вас особ. Заговорщикам показалось, что они попали в западню. В другой раз на светском приеме, беседуя с членом Директории Гойе, Фуше приблизился к Жозефине, жене Наполеона.

— Какие новости, гражданин министр? — допытывался Гойе.

— Новости? — отвечал Фуше. — Да никаких.

— Ну, а все же?

— Все время та же болтовня!

— О чем?

— О заговорах.

— О заговорах? — воскликнула встревоженная Жозефина.

— Да, о заговорах, — спокойно отвечал Фуше. — Но я-то знаю, как к этому относиться. Поверьте мне, я их хорошо умею различить, гражданин директор. Я не принадлежу к тем, кто дает на себя напасть. Если бы существовал заговор, вы получили бы тому доказательство на площади Революции.

После этого уже сам Гойе успокаивал Жозефину: она может спать спокойно, министр полиции — человек, знающий свое дело. А до 18 брюмера оставалось всего несколько дней…

После переворота Бонапарт — правитель Франции с неограниченной властью. Понятно, что в таких условиях желание Лондона «убрать» Наполеона отнюдь не пошло на убыль. И осуществить это желание британская разведка попыталась руками роялистов.

Еще весной 1800 г. шуаны (вооруженные сторонники Бурбонов, которые продолжали свою партизанскую войну) предполагали напасть на конвой, сопровождавший карету первого консула, и похитить Наполеона на пути из Парижа в Мальмезон, где находился дворец Жозефины.

…3 нивоза VIII года республики (24 декабря 1800 г.) в Парижской опере было назначено первое исполнение оратории Гайдна «Сотворение мира». Участие 250 первоклассных оркестрантов, лучших певцов обещало невиданный успех. За билеты брали двойную цену, но их рвали из рук. Было известно, что будет присутствовать первый консул с супругой.

Вечером, когда карета Наполеона неслась к театру по узкой улице Сен-Никез, произошел взрыв. Только бешеная скорость, с которой мчался экипаж, спасла Наполеона. В следовавшей в нескольких десятках метров позади карете Жозефины от сотрясения разлетелись стекла. Пространство между двумя экипажами было залито кровью и завалено телами убитых и раненых. О силе взрыва, вызванного адской машиной, красноречиво свидетельствовало и то, что было повреждено 46 расположенных вблизи домов. Демонстрируя неустрашимость, бледный, с трясущимися губами Наполеон все же выслушал ораторию и затем спешно покинул театр.

В тот же вечер первый консул объявил министру полиции Фуше: он уверен, что адская машина была подложена якобинцами. Намеки Фуше, что, возможно, заговор был другого происхождения, встретили лишь насмешку: конечно, бывший член Конвента, бывший «левый» якобинец теперь стремится выгородить своих прежних единомышленников. Уверенность Наполеона подкреплялась тем, что адская машина, взорванная на улице Сен-Никез, представляла собой точную копию машины, изготовленной как раз в это время революционером, противником режима Консульства, неким Шевалье. Фуше через одного из своих агентов узнал об этом изобретении. В ночь с 7 на 8 ноября друзья Шевалье были

захвачены и брошены в тюрьму Тампль. Теперь, после покушения на улице Сен-Никез, нескольких якобинцев отправляют на эшафот. Составляются проскрипционные списки революционно настроенных людей,..их ссылают на каторгу, в колонии. Фуше послушно выполняет приказ первого консула — раздавить «якобинскую» оппозицию новому режиму»

Но министр полиции теперь уже окончательно убеждается в том, что заговор — роялистский. В Бретань был послан один из опытных лазутчиков, Дюшателье, с задачей разузнать о связях руководителя шуанов Жоржа Кадудаля с Парижем. Дюшателье быстро разведал, что два помощника Кадудаля — Сен-Режан и Лимоелан — тайно отправились в Париж. Однако Кадудаль считал, что не имеет смысла убивать первого консула: его место займет кто-либо другой, а роялисты останутся ни с чем. Лучше было похитить Бонапарта и держать его в качестве заложника.

Сен-Режан и Лимоелан прибыли в Париж как раз тогда, когда полиция сообщила об обнаружении взрывного устройства Шевалье. Шуаны решили последовать примеру Шевалье и, опираясь на имевшиеся у них связи в столице, принялись за изготовление адской машины. 24 декабря они поставили на улице Сен-Никез телегу, где находился заряженный механизм. Но они подорвали ее на секунду позже, чем следовало по плану, — и карета Наполеона промчалась мимо. Шуаны скрылись в одной из конспиративных квартир.

Фуше и его помощник Реаль возглавили следствие. На месте взрыва был обнаружен труп лошади, запряженной в телегу с адской машиной. Произведенный опрос торговцев лошадьми позволил быстро установить, что эта лошадь была куплена неким Карбоном. Полиция еще ранее узнала, что Карбон — слуга шуанов, прибывших в Париж. Начались поиски. Лимоелан успел с помощью родственников сбежать в Бретань, прежде чем ловушка захлопнулась. Потом он эмигрировал в Америку. Карбон 18 января 1801 г. был схвачен в кабаре, куда захаживал, покидая свое тайное убежище. Карбон выдал двух шуанов, помогавших Сен-Режану и Лимое-лану. Самого Сен-Режана сначала захватить не удалось — он покинул конспиративную квартиру за два часа до прихода полиции, но забыл сжечь бумаги. На этой квартире полицейские Фуше нашли письмо Кадудаля и отчет Сен-Режана о подготовке покушения. Получив дополнительные данные, полиция стала арестовывать одного за другим помощников заговорщиков, кроме нескольких, за которыми было установлено наблюдение. Оно навело на след Сен-Режана, который был захвачен и вместе с Карбоном казнен 20 апреля 1801 г. Фуше подослал к Кадудалю двух агентов, чтобы отправить руководителя шуанов. Кадудалю удалось раскрыть план министра полиции. Суд был скорый: оба агента были повешены на ближайших деревьях. Чувствуя, что земля начала гореть под ногами, Кадудаль снова вынужден был покинуть пределы Франции.

Через несколько месяцев после неудачного покушения на улице Сен-Никез в другой столице Европы — Петербурге увенчался успехом заговор гвардейских офицеров против императора Павла, начавшего проводить политику сближения с Францией. Для всех было ясно, что нити заговора, как и при парижском покушении, тянулись в Лондон. Недаром Наполеон, узнав о событиях в русской столице, воскликнул: «Англичане промахнулись по мне в Париже 3 нивоза, но они не промахнулись в Петербурге!» Английская разведка, впрочем, пыталась исправить и свой «промах» в Париже.

В начале 1803 г. находившиеся в Англии Кадудаль и его помощники предложили графу д'Артуа, брату Людовика XVIII, план нового покушения на Наполеона. В случае удачи власть должны были захватить популярный генерал Моро (которого считали республиканцем, находившимся в оппозиции к Бонапарту, но который скрыто сочувствовал роялистам) и генерал Пишегрго, высланный в колонию и бежавший оттуда в Англию. Позднее для руководства роялистами во Францию должен был приехать кто-либо из принцев королевского дома — граф д'Артуа или герцог Беррийский. Кое-что о новом заговоре (но без конкретных имен и точных данных) Наполеон узнал от своих разведчиков, подосланных к английским дипломатам (об этом ниже). Консульская полиция долгое время не мешала действиям роялистов. Наполеон хотел, чтобы Моро скомпрометировал себя участием в заговоре и чтобы во Францию прибыли и попали в заранее расставленную ловушку бурбонские принцы.

Кадудаль решил с группой своих сторонников похитить первого консула. Среди шуанов, собранных в столице, стало известно, что 30 августа 1803 г. в Париж прибыл их главный шеф

Кадудаль, пользовавшийся у них непререкаемым авторитетом. О его прибытии они сообщили одному, по их мнению, вполне заслуживающему доверия лицу, на деле — полицейскому агенту. Но информация, раздобытая им, была недостаточной для поимки Кадудаля, из предосторожности ни разу не ночевавшего дважды в одном и том же доме. Месяцами продолжалась охота. Обнаружить главаря шуанов не удавалось, хотя правительство Наполеона вновь, как в годы борьбы против вандейского мятежа, создало подвижные колонны для сплошного прочесывания многих районов в Вандее и Бретани, где, как предполагали, скрывался Кадудаль. А Фуше пустил в ход свое тайное оружие — «шуанскую географию» — так он называл составленную министерством полиции картотеку, в которой имелись подробные сведения о 1000—1200 наиболее активных роялистах, об использовавшихся ими явках и т.д.

В январе 1804 г. во Францию в сопровождении нескольких эмигрантов приехал Пишегрю. 28 января произошла встреча Моро, Пи-шегрю и Кадудаля. Из них единственным человеком, пользовавшимся влиянием в новой, послереволюционной Франции, был Моро, но он колебался, следует ли ему способствовать реставрации Бурбонов. Стороны расстались, недовольные друг другом.

А тем временем полиция первого консула все же напала на след. Был арестован один из шуанов, он указал на некоторые используемые ими конспиративные квартиры. Там обнаружили слугу Кадудаля и после основательного допроса «с пристрастием» (точнее, просто под пыткой) заставили арестованного выдать, что он знал о конспиративных квартирах, где бывал Кадудаль.

Однако прошло еще несколько недель, прежде чем полиции, шедшей буквально по пятам руководителя шуанов, удалось наконец схватить его. Остальных участников заговора полиция постепенно выловила одного за другим. Многие из них, включая Кадудаля, кончили жизнь на гильотине. Пишегрю нашли мертвым в тюремной камере. Моро приговорили к пожизненному изгнанию из Франции. Так закончилась очередная попытка английской разведки руками роялистов свергнуть Наполеона.

Стремясь сильнее запугать Бурбонов, Наполеон приказал своим войскам захватить проживавшего на чужой территории — в Бадене — герцога Энгиенского (близкого родственника Людовика XVIII) и расстрелять как участника заговора, хотя никаких доказательств тому не было.

Несмотря на свои неудачи, английская разведка не унывала. В 1804 г. были арестованы во Франции два ее новых агента — братья Даниэль и Шарль Тома, которые по заданию Тейлора, английского консула в Касселе, готовили еще одно покушение на Наполеона. В 1806 г. аналогичное поручение было дано британской разведкой двум французам — фальшивомонетчику Лесэмплю и Дранобу. Французская полиция в Гамбурге выследила Драноба, который поспешил после ареста выдать Лесэмпля. Драноб разругался со своим сообщником еще до того, как они покинули Англию, и был даже рад рассчитаться с ним руками французских полицейских. Оба террориста были захвачены во Франции.

Все эти годы продолжалась борьба французской полиции, выполнявшей функции контрразведки, с уже знакомой нам роялистской разведывательной организацией «Корреспонданс», которую финансировали английские специальные службы. Теперь эта шпионская сеть главным образом собирала сведения о подготовлявшемся вторжении французской армии в Англию.

После объявления Наполеоном в 1806 г. континентальной блокады действия английских разведчиков тесно переплетались с операциями контрабандистов, промышлявших ввозом запрещенных товаров во Францию и другие страны. Тайные донесения прятались под камнями на морском побережье, в выдолбленных отверстиях в веслах и в днищах лодок, которые надо было разобрать на части, чтобы обнаружить скрытое послание. Множились способы шифровки. Донесения посылались под видом нот, научных трактатов, технических описаний и даже кулинарных рецептов. Десятки и сотни агентов попадались, но другие продолжали работу, щедро оплачиваемую британской секретной службой.

Представление о том, какой рекой лилось английское золото, дает случай с аббатом Ретелем. Во времена Консульства (1799—1804 гг.) достопочтенный аббат и его сотрудница проститутка Жюльена Спер, действовавшие в Булонь-сюр-Мере, помимо собственного значительного жалованья получили от англичан около 300 тыс. франков для раздачи агентам.

Немалую толику от этой большой суммы оборотистый отец Ратель оставил у себя, и британской разведке пришлось приложить значительные старания, чтобы выудить у него хотя бы часть прихваченных между делом казенных денег.

Сменивший Рателя аббат Леклерк был опытным и ловким заговорщиком. Выдавая себя за адвоката, он не покидал Парижа даже в годы якобинской диктатуры, поддерживая связи с роялистским подпольем.

Под различными именами аббат разъезжал в экипаже по всему северному побережью Франции и собирал сведения о войсках, которые концентрировал там Наполеон для высадки в Англии. Эти сведения Леклерк пополнял известиями, доставлявшимися его отборными агентами. Один из них был крупным чиновником военного министерства, а другой занимал пост в административном отделе военно-морского флота. Всегда находился и рыбак, готовый за 500 франков тайно доставить в Англию письмо «коммерсанта Лароза» (как часто называл себя Леклерк). Рыбаки были убеждены, что везут частные послания (Леклерк даже предварительно зачитывал им содержание писем, не упоминая, разумеется, о шпионских донесениях, написанных симпатическими чернилами между строк). В числе агентов Леклерка в 1804 г. находилась 18-летняя легкомысленная мадемуазель Руссель де Превиль из Булони, прозванная. «Нимфой». «Она стала ловким и удачливым курьером. Министр полиции Фуше поручил самым опытным полицейским сыщикам выследить Леклерка и его агентов. Основываясь на показаниях одного из арестованных участников разведывательной организации, жандармы едва не захватили Леклерка и „Нимфу“ в Абвиле, но им удалось скрыться и после долгих скитаний добраться до Англии.

Ряд провалов английских разведчиков был вызван случайностью. Так, Арман де Шатобриан (двоюродный брат известного писателя), уполномоченный «Корреспонданс», в течение месяца ожидал на побережье корабль, который должен был доставить его на Джерси. В начале января 1808 г. небольшое рыболовецкое судно действительно прибыло с опозданием в назначенный порт, и Шатобриан был взят на борт. Однако после недолгого плавания корабль был ветром отнесен назад к берегам Франции. Тогда агент «Корреспонданс» поспешил завязать находившиеся при нем донесения и карты в непромокаемую ткань и выбросить пакет в море. Офицер пограничной стражи, к которому привели арестованных, поверил их рассказам, что они рыбаки с Джерси; им угрожало лишь интернирование. Но через пару дней в 30 милях от того места, куда прибило судно, волна выбросила на берег пакет с донесениями и картами. Префект департамента Ла-Манш имел список 108 активных агентов «Корреспонданс». Получив донесения об аресте мнимых рыбаков и пакет с бумагами, он сразу сообразил, в чем дело. Вскоре Арман де Шатобриан был казнен в Париже по обвинению в шпионаже.

Дольше всех держался Прижан — он совершил 184 разведывательные поездки из Джерси во Францию, но в конце концов летом 1808 г. его выдал один из роялистских агентов, переметнувшийся на сторону империи. После ночи в тюрьме Прижан попросил свидание с префектом Ренна и в течение шести часов со всеми подробностями сообщал, что ему было известно о «Корреспонданс»: имена и внешность агентов, тайные квартиры и пункты высадки, пароли и т.д. Для «Корреспонданс» это было смертельным ударом. По показаниям Прижана арестовали и судили в Ренне 30 человек. Впрочем, ни Прижан, ни выдавший его агент не спасли шкуру — они были в числе девяти, которых казнили по приговору суда.

Одураченный Дрейк

Пора, однако, вернуться к нашему старому знакомому — графу д'Антрегу, которого мы оставили вскоре после его освобождения из-под ареста в Милане. Очутившись на свободе, граф сразу же принялся за привычное ремесло — в Лондон, Вену, Неаполь, Санкт-Петербург опять потекли донесения, полученные от его тайных осведомителей. В январе 1798 г. один из агентов д'Антрега вступил от его имени в переговоры с неким Ваннеле, который с того времени стал поддерживать регулярную переписку со своим новым нанимателем. В этих письмах содержались подробные сведения о планах и намерениях Директории в последние два года ее существования (1798—1799 гг.). Ваннеле пересылал д'Антрегу копии инструкций французским послам, донесений дипломатов, поступавших в Париж, возможно, впрочем, являвшихся

фальшивками (торговля государственными секретами не обходится без обмана). Находясь на службе в министерстве иностранных дел, а позже — в министерстве финансов, Ваннеле сообщает о ряде своих служебных командировок в Швейцарию, в Эльзас. Достаточно ли всего этого для раскрытия подлинного имени шпиона? Ведь «Ваннеле» — почти наверняка конспиративная кличка. Пока что поиски французских историков в архивах не привели к установлению фамилии корреспондента графа д'Антрега.

Однако, оказывается, есть другое средство для выяснения подлинной фамилии «Ваннеле». В одном месте он сообщает, что являлся комиссаром государственного казначейства, а в другом — что в 1799 г. состоял членом Административного совета расчетной кассы — крупного банковского учреждения, впоследствии преобразованного во Французский банк. Нужно, следовательно, обратиться к спискам высших должностных лиц этих учреждений за 1799 г. (они печатались в ежегодном «Национальном альманахе») и найти там фамилию, которая бы стояла в двух списках. Однако совершенно одинаковых фамилий нет. Есть две, очень похожие, отличающиеся лишь одной буквой, — Desrez и Desprez. Выясняется, что это разные люди. О Desrez известно мало; напротив, Desprez — крупный финансовый воротила, карьера которого хорошо прослеживается. («Ваннеле» тоже утверждает, что очень богат.) Ваннеле уверял, что особенно хорошо осведомлен о деятельности министерства иностранных дел, поскольку Третий отдел этого министерства возглавляет его племянник. В это время главой Третьего отдела был уже упоминавшийся выше Жан Жозеф Дерше, ранее служивший в канцелярии Комитета общественного спасения. Но существовала ли эта родственная (или какая-либо другая) связь в действительности? В любом случае Ваннеле переслал в качестве информации инструкции французскому дипломату Лакомбу Сен-Мишелю, 14 июля назначенному послом в Неаполь. Сохранился текст подлинных инструкций — они не имеют ничего общего с подложными. С помощью фальшивки д'Антрег стремился спровоцировать нападение неаполитанцев на французские войска в Риме и тем самым способствовать началу новой войны континентальных монархических держав против Французской республики. Французские историки склонны считать Ваннеле, как и некоторых других агентов д'Антрега, плодом воображения ловкого графа. С помощью таких вымышленных персонажей он, возможно, пытался придать больший вес сведениям, которые добывал из самых различных, иногда заведомо недостоверных источников…

Директорию во Франции сменил режим Консульства, а потом — Первой империи. Войны с различными европейскими государствами продолжались. С Англией война длилась, не считая короткого перерыва в 1802—1803 гг., вплоть до крушения империи Наполеона. Английская разведка удвоила свои усилия. В германских государствах появился Френсис Дрейк. Туда же перебрался и д'Антрег. Старые коллеги снова действовали совместно, причем Дрейк имел помимо сети д'Антрега и собственных шпионов во Франции. В руки французских властей даже попала письменная инструкция Дрейка своим агентам с указанием, в частности, где и как пользоваться симпатическими чернилами.

Деятельность обоих друзей очень раздражала первого консула. Он даже потребовал от саксонского курфюрста выдачи поселившегося в его владениях д'Антрега. Но это было еще до решительных побед Наполеона на германской территории над войсками Австрии и Пруссии, и поэтому саксонский курфюрст рискнул не выполнить требования Бонапарта.

Вскоре после этого в столице Саксонии появился французский офицер Саго. Саксонские власти могли только ломать голову над тем, что привело его в Дрезден. На деле Саго по поручению первого консула должен был внимательно изучить местопребывание д'Антрега и предложить план его похищения. Однако Саго пришел к неутешительным выводам: д'Антрег жил в доме, подготовленном к любому нападению, и увезти его без шума было почти невозможно. Наполеону пришлось ограничиться нападками в печати. Монгайяр, перешедший к этому времени на сторону Бонапарта, опубликовал «Тайные мемуары». Перебежчик Монгайяр обвинял в них профессионального шпиона д'Антрега в предательстве!

Не забывал Наполеон и о Френсисе Дрейке. Но если трудно было похитить д'Антрега, то тем более сложно — английского посла…

Если Вы, читатель, попадете в библиотеку Института научной информации по общественным наукам и заглянете на третий этаж, в Отдел редких книг, Вам по Вашей просьбе

охотно дадут небольшую книжицу в добротном переплете. Она, как указано на титульном листе, опубликована в «12-м году» в типографии республики в Париже. «12-й год» считался от падения монархии в 1792 г. Но в 1804 г., когда была издана книга, республика уже давно стала тенью и в том же году была заменена империей во главе с Наполеоном I. Книга не принадлежит к числу особых библиографических редкостей, ни тем более к числу изданий, оставивших след в истории общества, науки или культуры. И тем не менее она весьма небезынтересна историку тайной войны.

Недоумение может вызвать сам заголовок, очень длинный, как почти все названия книг, издававшихся в те времена. Он гласит: «Союз французских якобинцев и английских министров; представителем первых является гражданин Меэ, а английских министров — господа Хэммонд, Йорк и лорды Пелгам и Хоксбери. Дополненное описанием уловок Фр. Дрейка, его корреспонденцией, его планами действий и т.д.».

Что же это за непонятный «союз» между английским правительством и ненавистными для него якобинцами, «представленными» неким Меэ? И зачем к тому же приплетен здесь известный нам английский дипломат и разведчик Френсис Дрейк? Конечно, этот «союз» существовал лишь в заявлениях правительства первого консула Бонапарта, которое, чтобы укрепить свое положение, пыталось изобразить своих противников слева — революционеров-якобинцев — агентами Англии и даже сообщниками роялистов. Все это было только лживой пропагандой, и книга, о которой здесь говорится, была написана отчасти для того, чтобы как-то подкрепить клеветнический вымысел. Но речь в ней идет совсем о другом, и главная цель ее также другая, тесно связанная с «уловками Френсиса Дрейка».

Наполеон быстро понял, что похитить Дрейка не удастся. Надо было придумать что-то иное. А исполнение придуманного плана было поручено некоему Меэ де ла Тушу. Полицейский чиновник при Людовике XVI, в годы революции — разведчик, выполнявший поручения в Польше и России, рядившийся по возвращении в крайнего революционера, служащий Парижского, городского управления (коммуны), журналист в период якобинской диктатуры, участник тайных революционных организаций в годы Директории (быть может, в качестве правительственного осведомителя), вскоре генеральный секретарь военного министерства и опять служащий министерства полиции, возглавленного Жозефом Фуше, — таков был путь, пройденный этим человеком. Однако в период Консульства Меэ де ла Туш первоначально сильно просчитался. Не поверив в прочность нового режима, он оказался замешанным в действия политической оппозиции, причем, по-видимому, одновременно установил связи и с якобинцами, и с роялистами. Его арестовали и сослали. Освободившись из заключения, Меэ де ла Туш даже съездил в Лондон к брату Людовика XVIII графу д'Артуа с проектом объединения всех противников первого консула, но роялисты отнеслись с подозрением к бывшему якобинцу. Меэ де ла Туш тогда решил снова круто сменить политическую ориентацию, тем более что и деньги подходили к концу. Это было в начале 1803 г., во время кратковременного перерыва в войне между Англией и Францией. Меэ де ла Туш явился с предложением услуг к французскому послу в Лондоне.

Услуги проходимца оказались очень кстати французскому правительству.

А Меэ спешил доказать свое усердие. Именно он был тем полицейским агентом, которому ничего не подозревавшие шуаны сообщили о приезде в Париж Кадудаля. Наполеон решил использовать Меэ де ла Туша против Дрейка.

Получив новое поручение, Меэ отправился на английский остров Гернси, расположенный близ французского побережья и служивший одним из центров британской разведки. Меэ удалось быстро завоевать доверие Доила, губернатора острова. Меэ разъяснил ему, что он, Меэ, — роялист и член тайного «якобинского комитета», ставящего целью свергнуть Бонапарта. Для пущего правдоподобия Меэ без удержу распространялся на тему о том, что, конечно, ряд членов комитета — неисправимые якобинцы, но большинство его участников легко можно привлечь на сторону «законного короля». Для этого Людовик XVIII и принцы королевского дома должны вести себя таким образом, чтобы привлечь к себе этих бывших якобинцев. У комитета есть средства свергнуть Бонапарта, имеются сторонники среди служащих министерства иностранных дел и в полиции. Меэ должен обо всем этом поскорее сообщить английскому правительству, чтобы оно, всегда поддерживавшее роялистов, не

пропустило удобного случая. Генерал Доил поспешил, разумеется, известить о такой чрезвычайно важной новости Лондон. Но в английской столице не очень-то доверяли французу со столь подозрительным прошлым и не спешили с ответом. Тогда Меэ, дабы заставить поторопиться флегматичных британцев, конфиденциально поведал генералу Дойлу, что имеет при себе также план французской высадки в Ирландии. Но и это не ускорило прибытия ответа. Губернатор Доил первым не выдержал, порекомендовав Меэ самому немедля отправиться в Лондон и постараться заставить себя выслушать. А когда Меэ мимоходом заметил, что несколько поиздержался в дороге, Доил одолжил ему 10 луидоров в счет будущих субсидий, которые француз должен был получить от английского кабинета.

В Лондоне все усилия Меэ оказались тщетными. Ему просто не верили. После долгих хлопот он был принят каким-то мелким чиновником министерства иностранных дел; тот выслушал рассказ француза о «тайном комитете», — и дальше дело не пошло. А тем временем кончились деньги, отпущенные Фуше, и луидоры губернатора Доила. Пришлось брать взаймы, и вскоре кредиторы упрятали тайного французского агента в долговую тюрьму. Спасло Меэ то, что ему еще до этого довелось познакомиться с Бертраном де Мольвилем, который до революции был королевским министром морского флота и теперь находился в эмиграции. Мольвиль поручился за Меэ на 48 часов, и тот на двое суток очутился на свободе.

У находчивого мошенника уже возникла новая идея. Он разыскал знакомого французского фабриканта Бода, который, воспользовавшись заключением мира, приехал в Англию по своим торговым делам. Бод, сам того не подозревая, превратился в козырную карту посланца Фуше. Меэ всюду разъяснял, что Бод — курьер, присланный из Парижа от «тайного комитета», который был обеспокоен отсутствием вестей от своего представителя. Курьеру было, оказывается, дано строжайшее указание не сообщать никому о своей миссии, кроме как самому Меэ. Мольвиль был окончательно убежден появлением этого неожиданного курьера и поехал к знакомому ему лорду Хоксбери. На этот раз лед недоверия был сломан. Мольвиль вернулся с 50 ф. ст. для Меэ, переданными ему английским министром, а также с советом очень осторожно «управлять» якобинцами в «тайном комитете». Целую неделю фабрикант Бод ходил неразлучно с Меэ, который из предосторожности не отпускал его ни на шаг, даже ночью спал с ним в одной комнате. Потом Бод уехал, так и не раскрыв рта, чем окончательно убедил всех в правдивости рассказа, сочиненного Меэ.

Еще до отъезда Бода Меэ успел составить обширный меморандум о планах «тайного комитета», включавших восстания в ряде областей Франции и занятой французскими войсками Швейцарии (чтобы отрезать наполеоновским войскам в Италии пути отступления на родину). Меморандум был принят весьма благосклонно в английских правительственных сферах, судя по тому, что Меэ стали выплачивать большое жалованье впредь до осуществления похвальных намерений комитета. Англичане сделали только одну оговорку: Меэ должен дать обязательство ничего не сообщать о «тайном комитете»… французским роялистам, а то, чего доброго, сведения могут просочиться и во Францию. Меэ без колебаний дал требуемое обещание, которое было не очень обременительным, особенно если учесть то количество звонкой монеты, на которое оно было обменено. Наконец настала пора действовать, и Меэ отбыл из Лондона, снабженный двумя паспортами, переданными ему английской разведкой. Один из этих паспортов был выдан на имя Меэ де ла Туша, «высылаемого из Англии по подозрению в якобинстве», а второй — на имя Станислава Яблоньского, «польского дворянина, путешествующего по своим делам». Перед отъездом Меэ вручили 200 луидоров на дорожные расходы и 500 ф. ст. на нужды «тайного комитета».

Из Лондона Меэ направил свои стопы в Мюнхен, столицу Баварии, прямо к английскому послу сэру Френсису Дрейку, который был уполномочен из Лондона передавать необходимые денежные субсидии «тайному комитету». Меэ получил также инструкции для передачи английским диверсантам во Франции. (Они собирались захватить крепость Гюнинг и город Безансон на востоке Франции.) Обговорив все детали с Дрейком, Меэ мог наконец закончить свое путешествие и возвратиться в Париж. Вскоре из французской столицы Дрейка стали осаждать настойчивыми требованиями денег: 250 ф. ст. ежемесячно требовалось для самих членов «тайного комитета», потом — золото для посланного комитетом в Савойю эмиссара, 100 ф. ст. — для одного «доброго республиканца», который может оказаться полезным, а также

необходимые средства на покупку лошадей, нужных для секретных курьеров, деньги на карету, на слуг. Воображение никогда не подводило Меэ. Вскоре он сообщил Дрейку о создании подпольной типографии, потребовавшей немало расходов. Английскому послу пришлось высылать деньги на оборудование для типографии, для оплаты журналиста, вызвавшегося писать памфлеты против Бонапарта, (для этой цели понадобилось 150 ф. ст.). 16 ф. ст. составляли ежемесячное жалованье рабочих типографии, 372 ф. ст. (главное — точность!) поглотила закупка необходимой бумаги, 30 ф. ст. — изготовление печатей будущего «временного правительства». 200 ф. ст. ушли на оплату служащих, которые обязались взорвать пороховые склады. Немало средств съедали и взятки чиновникам министерства иностранных дел, чтобы выудить у них информацию, пересылавшуюся в Мюнхен. Дрейк платил и платил…

Правда, французская полиция не хотела все ставить на одну-единственную карту. К Дрейку и еще одному английскому дипломату, Спенсеру Смиту, с предложением услуг обращалось несколько лиц, внешне мало похожих друг на друга, но имевших в своей биографии одну общую деталь: все они состояли на службе у министра полиции Фуше и не собирались покидать эту службу. Кое-кому из них повезло. Так, капитан Розе из гарнизона Страсбурга был послан к Дрейку. Розе представился ему как член тайной организации в Эльзасе, подготовлявшей восстание против режима Консульства. Дрейк передал Розе 65 тыс. франков золотом.

Однако главным орудием для компрометации Дрейка и Смита все же оказался Меэ де ла Туш. Он регулярно направлял им информацию, сфабрикованную в ведомстве Фуше. Когда дело зашло достаточно далеко, все материалы были опубликованы с многочисленными издевательскими комментариями. во французской печати. Изобличенному Дрейку пришлось спешно покинуть свой дипломатический пост. Проезжая через германские государства, во многих из которых уже хозяйничали наполеоновские войска, англичанин переоделся в женское платье, чем подал повод для нового взрыва насмешек и издевательств…

Оставалось обезвредить д'Антрега. Он успел завербовать секретаря французского посольства в Вене Позюеля и еще ряд других сотрудников дипломатического ведомства. В Ганновере у д'Антрега находились агенты в штабе французских оккупационных войск. У него по-прежнему имелось немало корреспондентов в Париже. Некоторые из них, вроде генералов Дюма или Сюше, были просто старыми знакомыми.

Но среди поддерживавших переписку с д'Антрегом двое сообщали сведения явно шпионского характера. Они подписывались «парижский друг» и «парижская подруга». Что касается «парижской подруги», то она, как явствует из ее письма, была до революции любовницей д'Антрега, а после того как он эмигрировал, вышла замуж и вскоре овдовела. В 1803 г., когда «парижская подруга» возобновила переписку с д'Антрегом, она вращалась в кругах, близких к Наполеону и его жене Жозефине. Однако ее информация не содержала ценных военных или политических известий. Иное дело — информация «парижского друга», которая включала данные первостепенной важности.

Историки уже долгое время пытаются определить подлинное имя «парижского друга». Еще в прошлом веке было выдвинуто предположение, что им был Ноель Дарю, занимавший ряд важных административных и военных постов при Наполеоне I. Многие сведения, которые нам известны о «парижском друге», совпадают с биографией Ноеля Дарю, но далеко не все. Вот особенно важное совпадение: «парижский друг» умер летом 1804 г., Ноель Дарю скончался 30 июня 1804 г. Переписку с д'Антрегом продолжал сын «парижского друга», сообщая, что он по своему положению еще лучше, чем отец, может наблюдать за важными событиями.

Ноель Дарю имел двух сыновей — Пьера и Марсиаля, оба они занимали видные должности. Пьер Дарю уже в 1801 г. был назначен генеральным секретарем военного министерства и в последующие годы еще выше продвинулся по административной лестнице. Карьера не была прервана даже падением Наполеона и реставрацией Бурбонов. Людовик XVIII возвел Пьера Дарю в 1819 г. в звание пэра Франции. Пьер и Марсиаль Дарю были двоюродными братьями великого французского писателя Стендаля (Анри Бейля), который даже жил у них в 1799 и 1800 гг. Однако у Стендаля, впоследствии очень критически относившегося к Пьеру Дарю, нигде нет ни малейшего намека на возможность того, что его кузен был шпионом. Ноель Дарю был если не миллионером (каким изображает себя в своих письмах

«парижский друг»), то человеком богатым, так же как и его сын. Поэтому денежные мотивы вряд ли могли побудить их к посылке информации.

Имея, однако, дело с таким человеком, как д'Антрег, можно ожидать всего. Французские историки выдвигают ряд гипотез, объясняющих происхождение писем «парижского друга». Может быть, это лицо вымышленное, а может быть, д'Антрег и сообщал по секрету покупателям его бюллетеней имя своего корреспондента, называя при этом кого-либо из окружения Наполеона и «подгоняя» данные «парижского друга» под биографию этого лица (например, того же Ноеля Дарю, а потом его сына). Таким путем д'Антрег мог дополнять правдоподобными выдумками подлинные, но не очень важные сведения, которые ему сообщали его агенты. Д'Антрег мог и действительно переписываться с Дарю, но не получать от него каких-либо сведений шпионского характера, а потом на основе этой переписки составлять вымышленную корреспонденцию «парижского друга». Наконец, учитывая случай с Меэ де ла Тушем, допустимо ведь и еще одно предположение: отец и сын Дарю по указанию Наполеона снабжали д'Антрега заведомо фальшивой информацией. Только обнародовать эту мистификацию сочли нецелесообразным. Но… предположения остаются предположениями, пока не подкреплены неопровержимыми фактами.

Д'Антрег тем временем успел поступить на русскую дипломатическую службу, потом уехал в Англию, где получил щедрую пенсию от английского правительства. Утверждают, что она была платой за сообщение в Лондон секретных статей Тильзитского мирного договора между Францией и Россией. Французский историк Л. Пинго, написавший специальное исследование о д'Антреге, считает это легендой, так как граф уехал в Англию еще до Тильзитских переговоров. Однако подобный довод совсем ничего не доказывает, когда речь идет о таком человеке, как д'Антрег, всюду имевшем своих агентов.

22 июля 1812 г. вблизи Лондона, в Бэрнс-Террасе, граф д'Антрег и его жена, в прошлом знаменитая певица Парижской оперы, были зарезаны их слугой-итальянцем Лоренцо, который сразу после этого застрелился или был убит. Впрочем, показания единственного свидетеля — кучера Дэвида Хебдитча (опубликованные в лондонской печати и перепечатанные в парижском официозе «Монитер») довольно сбивчивы, в них немало противоречий. Особенно обращает внимание, что кучер, войдя в комнату раненого д'Антрега, увидел итальянца распростертым на полу. В показаниях не говорится, что Лоренцо покончил самоубийством или был кем-то убит. Свидетель говорит, что Лоренцо, которого он видел за минуту до убийства, отнюдь не выглядел сумасшедшим. Присяжные сочли, что Лоренцо после убийства графа и его жены покончил с собой, находясь в здравом уме. Английское правительство поспешило опечатать бумаги д'Антрега. Позднее они были переданы Людовику XVIII и после реставрации Бурбонов перевезены в Париж.

Д'Антрег, шесть лет проживавший в Бэрнс-Террасе, считал, что его окружают шпионы. Для таких подозрений у графа было более чем достаточно оснований, учитывая его прошлое. Ему казалось, что у него стремятся похитить его бумаги или даже убить. Об этом не раз предупреждали его агенты из Парижа. В июле 1807 г. воры проникли в его дом, их застали рывшимися в его бумагах в рабочем кабинете. Через несколько месяцев вспыхнул пожар в доме д'Антрега на улице Дорсет в Лондоне, огонь охватил три чемодана, заполненных бумагами, их сумел спасти роялистский журналист Пелетье (об этом повествует в своих мемуарах уже известный читателю Фош-Борель). Однажды, выходя из кареты, д'Антрег упал и поранился — оказалось, что не была опущена дверца кареты. В каждом из случаев можно было подозревать — вслед за самим д'Антрегом — попытки покушения на него или похищения секретных материалов.

Что же стояло за убийством д'Антрега? Его убийца Лоренцо родом из Пьемонта, который в 1802 г. был присоединен к Франции, был солдатом наполеоновских войск. Лоренцо дезертировал, когда его полк был в Испании, завербовался в британскую армию и перебрался в Англию, где поступил в апреле 1812 г. в услужение к д'Антрегу. Любовница пьемонтца непрестанно требовала от него денег. В начале июля он будто бы случайно выстрелил из пистолета, целясь в место, где обычно сидел д'Антрег. Его стали опасаться, и 21 июля, накануне убийства, Лоренцо был уволен графиней. Вполне возможно, что разъяренный этим и находившийся не вполне в своем уме слуга решил отомстить хозяевам и, опасаясь виселицы,

уготованной за его преступление, пустил себе пулю в лоб. Так представляли себе дело английские присяжные, которым сообщили результаты расследования. Но возможны и другие предположения. Уже современники считали, что, возможно, итальянец был не дезертиром, а агентом французской разведки. Газета «Морнинг кроникл» 28 июля 1812 г. уверяла, что несколько лет назад такое поручение было дано французскому агенту, который, не сумев выполнить его, как и Лоренцо, покончил самоубийством. Сын д'Антрега Жюль уверял, что Лоренцо 20 июля получил письмо, которое его очень взволновало и которое он немедля сжег. Не содержало ли оно приказа об убийстве? Жюль д'Антрег полагал, что письмо было от наполеоновской разведки. Но в исчезновении графа мог быть заинтересован и «король эмигрантов» Людовик XVIII, который не простил главарю шпионов «измены» в 1797 г., разрушившей планы роялистов.

А может быть, в убийстве графа была заинтересована и какая-либо другая разведка, всего вероятнее — английская? Ведь многое остается неизвестным в ее махинациях в 1812 г. Достаточно напомнить убийство в мае 1812 г. премьер-министра Персеваля, тоже, по официальной версии, маньяком-одиночкой. Надо заметить, что тайна убийства британского премьер-министра Спенсера Персеваля — если действительно существовала здесь тайна — до сих пор остается не разгаданной исследователями. Даже крайне осторожный в своих выводах крупнейший специалист по истории эпохи Великой французской революции Ж. Годшо писал про полицию английского правительства: «Его полиция не отступала перед убийством, министр Персеваль был убит около дверей палаты общин при загадочных обстоятельствах». (В литературе высказывались и нелепые догадки, что убийство Персеваля было как-то связано с покровительством, якобы оказывавшимся премьер-министром Наундорфу.) Барон Дама в своих «Мемуарах», изданных в годы Реставрации, утверждал, будто руку убийцы д'Антрега направляли секретные общества, в связи с которыми состоял граф. Но эта версия явно навеяна популярной в те годы легендой о масонах и других тайных союзах как организаторах всеевропейского заговора против монархов и церкви.

«Секретное бюро» Бонапарта

Сам Наполеон основательно организовал свою разведку еще во время итальянской кампании 1796—1797 гг. Когда молодой, мало кому известный Бонапарт прибыл в армию, ему пришлось столкнуться с оппозицией генералов. Те враждебно встретили «выскочку», назначенного «парижскими адвокатами», как они презрительно именовали членов Директории. Недаром один из наиболее способных генералов, Массена, заметил другому — Стенжелу: «Наш командующий — идиот!» Наполеону нужна была разведка не только против неприятеля, но и для слежки за своими собственными генералами (особенно после того, как армия стала одерживать победы и они старались присвоить себе значительную часть добычи).

С самого начала Наполеон широко практиковал опрос пленных и вербовку среди них своих агентов. Взятым в плен офицерам обещали большое вознаграждение, если они привлекут на французскую службу более высокие чины.

Но особые услуги оказал Бонапарту хорошо знакомый ему еще с 1794 г. швейцарский банкир Халлер. В своих воспоминаниях об итальянском походе Наполеон сознательно умалчивает о том, как была захвачена важнейшая пьемонтская крепость Кераско. Дело в том, что Халлер просто договорился с комендантом, который без боя сдал крепость французам, хотя она имела много артиллерии и боеприпасов и неподалеку находилась пьемонтская армия, готовая прийти на помощь осажденным. Капитуляция гарнизона крепости Кераско сыграла большую роль в согласии Пьемонта начать мирные переговоры с Францией, что, в свою очередь, весьма способствовало дальнейшим победам армии Наполеона.

Одним из наиболее успешно действовавших наполеоновских агентов был Франческо Толи. Он сообщил австрийскому главнокомандующему Меласу ложные сведения о расположении и численности французской армии, что в серьезной степени способствовало поражению австрийцев. Толи доставил Наполеону важнейшие данные о новой австрийской армии генерала Вурмсера; она была также разгромлена французами. Сопровождавший Наполеона в итальянских походах художник Биожи писал, что французский

главнокомандующий каждый день принимал множество никому не известных лиц: «Среди них были изящно одетые дамы, священник и люди разных сословий. Он хорошо платил им и потому знал все».

Одновременно в штаб главнокомандующего стекались и данные разведки, которой руководили французские дипломаты. «Всякий генерал, действующий не в пустыне, а в населенном крае и недостаточно осведомленный о противнике, — не знаток своего дела», — любил говорить Наполеон. Многие генералы, усвоившие его указания, даже лично выполняли функции разведчиков. Так, генерал (впоследствии маршал) Ней, переодетый крестьянином, проник в Мангейм, убедился в возможности внезапной атаки на этот город и благодаря собранным им самим сведениям одержал победу над неприятелем.

Еще в мае 1796 г. после битвы при Лоди и взятия Милана Наполеон взамен прежних разведывательных организаций, которые имелись при главной квартире и при штабах отдельных генералов, создал «Секретное бюро» и во главе его поставил командира кавалерийского полка Жана Ландре. Бюро было разделено на два отдела: общий и политический; в задачи последнего входили наблюдение за оккупированной территорией, подавление народных волнений и другие обязанности. Глава политического отдела Гальди навербовал массу агентов, в числе которых можно было встретить монаха-капуцина, выпущенного по амнистии из тюрьмы уголовного преступника, инженера, светских женщин, вроде графини Ал-бани (в Милане) и графини Уджери (в Брешии).

Ландре засылал своих агентов в Неаполь, Рим, Флоренцию, Турин, Венецию и австрийскую армию, наконец, даже в Вену. Часто «Секретное бюро» составляло для Наполеона по нескольку отчетов в день. Помимо командующего доклады бюро имел право читать только начальник штаба Бертье. Таким образом, «Секретное бюро» занималось и разведкой, и контршпионажем. Ландре имел своих агентов и в Париже — в их обязанность входило наблюдение за теми, кого Директория направляла на различные должности во французскую армию, сражавшуюся в Италии.

«Секретное бюро» было обильно снабжено средствами, некоторым агентам за доставлявшиеся ими сведения платили большие суммы (по нескольку десятков тысяч франков). Иногда информация, содержавшаяся в докладах «Секретного бюро», оказывалась настолько неожиданной, что Наполеон отказывался ей верить, угрожая Ландре смещением с должности. Однако почти всегда сообщенные известия оказывались правильными.

Ландре и его бюро применяли технику, впоследствии прочно вошедшую в практику разведки. В частности, «Секретное бюро» вело сложную игру с агентами-двойниками, одним из которых была, например, графиня Палестрина. Через нее австрийцев снабжали фальшивыми сведениями. В игру включился сам Наполеон. Не раз в присутствии графини он «проговаривался» о важных вещах, симулируя то припадок гнева, то, напротив, порыв радости.

«Секретное бюро» прибегало и к провокациям. Именно сотрудники бюро организовали сбор «компрометирующих материалов» против Венеции, территорию которой Наполеон решил занять, чтобы потом использовать как разменную монету в переговорах с австрийцами. При этом использовались различные методы: то организовывали «народные восстания» против венецианского правительства с призывом французов на помощь, то, напротив, подстрекали к волнениям против завоевателей и убийству раненых солдат армии Наполеона. В Вероне этим руководил некий Джованелли. Натравив толпу на раненых французов, этот шпион, занимавший официальный пост в городе, поспешил удрать до вступления в Верону войск, спешно направленных туда Бонапартом. Беглеца не стали искать… А впоследствии, уже после провозглашения Наполеона императором, Джованелли сделал быструю карьеру на французской службе. Правда, провокация в Вероне, вероятно, была организована помимо «Секретного бюро» самим Наполеоном.

Надо сказать, что «Секретному бюро» Ландре приходилось иметь дело с опытным противником. Организатором австрийской разведки в этот период был канцлер Тугут. Внутри страны его шпионы и провокаторы пытались выявить всех противников австрийской монархии. Агентам Тугута приписывали убийство в 1797 г. французских дипломатов, участвовавших в работе Раштадтского конгресса, который разбирал вопрос об установлении границ между германскими государствами. Впрочем, в борьбе с Наполеоном разведка Тугута понесла ряд

поражений. Один раз австрийский канцлер перехитрил самого себя. После поражения при Маренго (июнь 1800 г.) Тугут, не желая заключать мир, не осмеливался в то же время прямо отклонить мирные переговоры, предложенные Наполеоном. Это предложение Бонапарт переслал с австрийским офицером графом Йозефом Сен-Жюльеном. Тугут отправил Сен-Жюльена к Наполеону с письмом, составленным в двусмысленных выражениях, из которых никак нельзя было понять, согласна ли Австрия на заключение перемирия. При этом, конечно, недалекому графу не дали никаких полномочий для ведения переговоров. Наполеон и Талейран сразу разгадали игру австрийского канцлера, желавшего выиграть время. Они притворились, будто рассматривают австрийца не как простого курьера, а как того, кому поручено заключить соглашение с Францией. Лестью и угрозами начать новое наступление Талейран окончательно сбил с толку неумного Сен-Жюльена. Тот согласился подписать мирный договор. А по этому трактату Австрия отказывалась от Рейна, от Баварии, обещала прекратить торговлю с Англией. Когда Сен-Жюльен вернулся в Вену, Тугута едва не хватил удар от ярости. Незадачливого «дипломата» посадили на год в крепость, а в Париж было послано извещение, что Австрия не считает действительным подписанный договор. Там, впрочем, на это и не рассчитывали.

Игра Тугута была разоблачена, а новые поражения австрийцев заставили их вскоре согласиться на тяжелые условия, предписанные Бонапартом. Но это случилось уже через несколько лет после ликвидации организации Ландре.

Наполеон с некоторого времени перестал доверять Ландре, бывшему до того его самым близким и высокоценимым сотрудником. Честолюбивый начальник «Секретного бюро» имел собственные планы, не всегда совпадавшие с целями Наполеона.

Во время ареста д'Антрега (о чем речь шла выше) произошел открытый разрыв. Наполеон обвинил Ландре в том, что он подозрительно долго держал у себя портфель д'Антрега, и в гневе приказал посадить начальника «Секретного бюро» под арест на 15 суток. Этот отданный сгоряча приказ был вскоре отменен, но отношения обострились до предела. Ландре был вынужден подать в отставку и уехать во Францию. В годы правления Наполеона ему угрожающе посоветовали держать язык за зубами. Император запретил использовать его на любом государственном посту.

После возвращения из Италии во Францию победоносный генерал Бонапарт был направлен Директорией во главе большой армии на завоевание Египта. По пути в Египет эскадра, перевозившая французскую армию, с ходу захватила остров Мальту. Этот имевший большое стратегическое значение остров принадлежал ордену мальтийских рыцарей. О его длительной осаде нечего было и думать, так как за французской эскадрой охотился более сильный английский флот под командованием адмирала Нельсона. Почему же так быстро удалось занять Мальту?

Примерно за год до этого один французский дипломат, сотрудник посольства в Генуе, некий Пуссиельг, был по предложению Наполеона направлен на Мальту. Опытный француз быстро сговорился с наиболее влиятельными членами ордена, и, когда в начале июня 1798 г. флот Наполеона подошел к Мальте, превращенной в сильную крепость, она была без боя сдана французам. Победители, со своей стороны, выплатили щедрую компенсацию рыцарям, проявившим незаурядные коммерческие способности в продаже острова.

Во время египетской экспедиции Наполеон не смог создать разведывательную службу, которая могла бы соперничать по эффективности с «Секретным бюро» Ландре. Все же французской разведке удалось подкупить одного из вождей египетских мамлюков — Мурад-бея.

После своего возвращения во Францию и переворота 18 брюмера, поставившего его у власти в качестве первого консула, Наполеон как одним из первоочередных дел занялся созданием своей разведки, точнее — нескольких разведывательных организаций сразу. Разведывательные и контрразведывательные обязанности были возложены на министерство полиции, возглавляемое Фуше, на бюро независимого от него префекта парижской полиции Дюбуа, на персональных агентов первого консула, создававших свои особые организации (в их число входили такие видные военные, как Дюрок, Даву, Ланн, Жюно, Савари — будущие маршалы и министры наполеоновской империи. Этой личной разведкой Наполеон управлял

через своего секретаря Бурьена.

Военным шпионажем ведало специальное разведывательное бюро. Оно было образовано в рамках военного министерства. Такое же бюро было создано в армии, предназначавшейся для десанта в Англии в 1804 г.

Впоследствии наполеоновская разведка имела агентов во всех столицах и во многих крупных городах большинства европейских государств. Обычно это были хорошо оплачиваемые резиденты. Когда район деятельности того или иного агента выдвигался в центр событий, этому разведчику выдавались очень большие суммы денег для добывания информации. «Черные кабинеты» завели различные ведомства. Еще во времена Консульства один из иностранных послов, недовольный тем, что «черный кабинет» министерства иностранных дел перлюстрирует его корреспонденцию, пожаловался Талейрану.

— Господин посол, — ответил холодно Талейран, — я уверен только в одном: ваши депеши вскрыл кто-то интересующийся тем, что содержалось внутри, пакета.

Особую активность проявлял «черный кабинет», возглавляемый опытным разведчиком директором почт Лаваллетом. В 1811 г. Наполеон отдал приказ учредить филиалы «черного кабинета» во многих городах своей огромной империи — в Турине, Генуе, Флоренции, Риме, Амстердаме, Гамбурге. Лаваллет фактически превратился во второго министра полиции и одного из руководителей наполеоновской контрразведки. Между прочим, при содействии Лаваллета Наполеон завел дюжину высокооплачиваемых агентов, которые должны были представлять ему тайные доклады о настроениях различных кругов французской буржуазии и бюрократии. В числе этих агентов была известная писательница мадам Жанлис. Доклады передавались в запечатанных конвертах Лаваллету, который вручал их Наполеону.

Наполеоновская разведка часто прибегала и к услугам эмигрантов-роялистов не только для слежки за другими роялистами, но и для выполнения самых разнообразных шпионских заданий. Осуществлять эти поручения таким агентам помогала их репутация противников режима империи. Вот один из них. Н.Э. дю Буше был сначала эмигрантом, потом ударился в крайнюю «революционность», чтобы несколько позднее стать участником роялистского подполья. Он находился при дворе Людовика XVIII (в 1795 г.), провозглашал себя ярым сторонником короля. После падения Наполеона и реставрации Бурбонов Буше в письме к Людовику XVIII, излагая свои подвиги во славу трона и алтаря, остановился на дате прихода к власти Наполеона. «С этого времени, — скромно добавлял Буше, — наступает длительный перерыв, во время которого я был лишен возможности представить Вашему Величеству новые доказательства своего рвения. Я был вынужден замкнуть его в своем сердце». Буше лишь забыл упомянуть, что «замкнув в сердце» вышеописанное «рвение», он сразу же нанялся в наполеоновскую полицию и стал агентом министра иностранных дел Талейрана в Лондоне (1804 г.), потом шпионом в Варшаве (в 1807 г.), пока непрошеными советами не навлек на себя гнев императора.

Используя опыт роялистской разведки времен революции, Наполеон широко пользовался фальшивомонетничеством как оружием в тайной войне. Когда императору показали добротно сработанные в Лондоне якобы французские ассигнации, он, пораженный их высоким качеством, приказал расплатиться ими с военными поставщиками. В 1806 г. в Париже была налажена подделка австрийских и английских банкнот. Клише изготовлял гравер военного ведомства Даль. Фальшивые деньги печатались в типографии, расположенной на Монпарнасском бульваре, под наблюдением министерства полиции и тайной канцелярии самого императора. Готовые банкноты вываливали в пыли, чтобы придать им вид бывших в обращении.

Однажды в беседе с австрийским послом (будущим канцлером) Меттернихом — дело происходило во время сближения с Веной — Наполеон обещал прекратить подделку австрийских денег. Даже обычно невозмутимое лицо Меттерниха отразило такое недоверие, что император не смог сдержать улыбку. Он понял, насколько неправдоподобным было его обещание.

В Париже, а позднее в Дрездене и Варшаве по распоряжению Наполеона были отпечатаны фальшивые русские ассигнации на много десятков миллионов рублей. Выпуск поддельных денег французский штаб пытался наладить даже в Москве за то короткое время, когда город

находился в руках наполеоновских войск. Для этого было приспособлено помещение на окраине, около Преображенского кладбища.

Пытаясь организовать широкий шпионаж и диверсии против своих противников, Наполеон стремился в то же время создать эффективную контрразведку для борьбы с неприятельскими агентами. Когда в 1804 г. французская армия из булонского лагеря, где она была сосредоточена для предполагавшегося (но не осуществленного) десанта в Англию, была ускоренным маршем двинута на Рейн против Австрии, Наполеон писал министру полиции: «Запретите газетам говорить об армии, как будто ее вовсе не существует». Частных лиц временно лишали права пользоваться существовавшим тогда оптическим телеграфом. Принимались чрезвычайные меры для соблюдения секретности. Для особо важных бумаг существовали шифр Наполеона и шифр начальника его штаба Бертье.

Однако, по мнению специалистов, в наполеоновской армии использовался очень несовершенный код. Войска порой прибегали к «масонскому алфавиту», который переименовали в «алфавит Наполеона». Запись с помощью этого алфавита военных депеш вряд ли даже можно считать шифрованием. Главное, он не был тайной для противника. Так, русская разведка была отлично знакома с «масонским алфавитом».

Уже отказавшись от планов высадки в Англии, Наполеон демонстративно оставался в Булони, а потом перебрался в Париж, где устраивал пышные празднества. Все делалось для дезориентации неприятеля. Но главный успех был достигнут благодаря особо удачливому наполеоновскому разведчику, засланному в Австрию. Речь идет о знаменитом Шульмейстере.

Ульмский капкан

Карл Шульме истер родился в 1770 г. в небольшом эльзасском городке в семье протестантского пастора, хотя впоследствии и утверждал, что его отцом был венгерский аристократ. Это утверждение было, впрочем, лишь одним из проявлений той мании величия, в которую вылилось вскоре природное тщеславие Шульмейстера. Фальшивые документы, «подтверждавшие» этот вымысел, появились лишь позднее. Занявшись вначале торговлей, молодой Шульмейстер вскоре решил, что контрабанда — ремесло куда более выгодное. Доходы от этой новой профессии позволяли Шульмейстеру удовлетворить свою давнюю страсть к элегантной одежде, изображать богатого и знатного человека. В 1799 г. он познакомился с французским полковником Савари, будущим герцогом Ровиго, которому предстояло сменить Фуше на посту министра полиции. Савари не отличался способностями своего предшественника. Но надо отдать должное будущему министру в выборе людей: возможности Шульмейстера как разведчика он оценил вскоре же после их знакомства.

Савари поручил Шульмейстеру несколько мелких дел, и тот осуществил их с блеском. Так, Шульмейстер подделал письмо любовницы герцога Энгиенского, которое помогло французским жандармам захватить его на чужой территории и доставить во Францию.

В 1805 г. развернулась война Наполеона против Австрии и России. Шульмейстер отправился в Вену с поручением разузнать подробности относительно характера, а если возможно, то и планов австрийского командующего генерала Мака. Вряд ли Наполеон мог рассчитывать, что Шульмейстер достигнет большего, но его успех превзошел все ожидания.

По разработанной им версии он будто бы был выдворен из Франции по подозрению в шпионаже в пользу Австрии. Шульмейстер продемонстрировал свою осведомленность во многих важных вопросах, касающихся положения во Франции и Особенно французской армии. Он быстро завоевал доверие и симпатии в аристократических кругах Вены, был представлен генералу Маку, назначенному командующим австрийскими войсками. Шульмейстер умело сыграл на том, что Мак — тупой приверженец старого порядка — совершенно не представлял реальной обстановки во Франции. Австриец не верил, что во Франции вообще и во французской армии в особенности может быть много приверженцев «корсиканского узурпатора». Он был убежден, что среди французских офицеров множество тайных сторонников «законной» династии Бурбонов. Шульмейстер явился к Маку как представитель этой роялистской оппозиции с секретными материалами о состоянии французской армии, которыми его снабдили по приказу Наполеона, и документами о своем происхождении из

верхов венгерской аристократии, которые сфабриковал лично. (Историки не заметили одну интересную деталь — схема «внедрения» Шульмейстера в австрийское военное командование прямо повторяла трюк, который, как мы помним, уже был проделан Меэ де ла Тушем на английской почве.) Как бы то ни было, французский разведчик через несколько месяцев стал доверенным лицом Мака. Он охотно включил столь осведомленного и дельного человека в число офицеров своего штаба.

Вскоре Шульмейстеру предложили должность, которая до него не доставалась ни одному разведчику, — пост начальника разведки страны, в которую его послали шпионить. На этом посту таланты Шульмейстера развернулись в полной мере. Мало того, что он переслал все важнейшие планы Мака Наполеону. По приказу французского императора были отпечатаны специальные номера газет, сообщавшие о волнениях во Франции. Об этом же говорили чуть не ежедневно поступавшие письма — якобы от недовольных во французской армии. «Желание — отец мысли», — гласит пословица. Маку стало казаться, что Франция находится на пороге восстания против Наполеона. В этих условиях у австрийского полководца не вызывали никакого сомнения вести о том, что Наполеон стал оттягивать войска с фронта, проходившего по Рейну. Конечно, нужно было преследовать французов, что Мак и сделал. Его очень удивило, когда австрийские войска значительно раньше, чем казалось возможным по его расчетам, столкнулись с корпусом «отступавшего», а в действительности заманившего австрийцев в ловушку генерала Не я. Еще больше возросло удивление Мака, когда он обнаружил, что на его флангах и в тылу также находятся войска других наполеоновских генералов — Мармона, Сульта, Мюрата. Вскоре армия Мака была окружена в Ульме. Австрийскому командующему, в мечтах уже победоносно двигавшемуся на Париж, оставалось лишь сдаться в плен со своей армией (33 тыс. солдат, 18 генералов, 60 орудий). Лучшие австрийские дивизии оказались во французском плену в самом начале войны, вся тяжесть которой пала теперь на плечи русских войск.

Вместе с Маком попал в «плен» и Шульмейстер. Но он еще не считал свою миссию законченной. Был инсценирован его побег из французского лагеря с поддельными документами, которые должны были убедить австрийского императора Франца, а главное — русского царя Александра действовать таким образом, чтобы привести их войска к быстрому разгрому.

Вечером 24 октября 1805 г. (через четыре дня после капитуляции Мака) Шульмейстер достиг расположения австрийских войск около Инна. Вначале австрийцы встретили его с недоверием, но все же разведчику удалось добраться до городка Мюльдорф, а там ему помог счастливый случай, посланный судьбой в лице некоего лейтенанта Франца Рутского, старого знакомца, с которым они распили не одну бутылку доброго вина в Италии. Рутский не только с готовностью сообщил Шульмейстеру все, что знал об армии Кутузова и находившихся вместе с ним австрийских войсках. Лейтенант вез важное донесение к австрийскому командующему генералу Мервельдту в Браунау, где размещался штаб Кутузова. Шульмейстер поспешил рассказать Рутскому о своем «бегстве» из французского плена и о том, что сможет ознакомить австрийское командование с самыми последними планами Наполеона и его маршалов. Надо ли говорить, как обрадовался лейтенант возможности представить генералу Мервельдту друга, имевшего столь важные сведения. Назавтра утром приятели поспешили отправиться в путь, и вскоре Шульмейстер уже был на приеме у Мервельдта. Разведчик снова разыграл с небольшими вариациями пьесу, с которой незадолго до этого ознакомился Мак. Шульмейстер сообщил самые точные данные о расположении французских войск. Мервельдт мог легко убедиться при проверке, что ему сообщили чистую правду. Другое дело, что сведения эти уже устарели — ведь с момента «бегства» Шульмейстера прошло несколько дней, э корпуса французской армии за это время находились уже далеко от тех районов, где их обозначил на карте наполеоновский лазутчик. Зато завоевавший доверие разведчик получил взамен значительно более свежую информацию о дислокации австрийцев и, главное, армии Кутузова — теперь основного противника победоносных наполеоновских войск. Не теряя времени, Шульмейстер на другой день, 26 октября, сообщил в Мюнхен, занятый французами, генералу Савари все добытые сведения. Они очень пригодились, и генерал Савари еще раз послал своего агента за новой добычей.

Шульмейстер на этот раз прихватил одного из своих помощников по прежнему занятию контрабандой — некоего Рипмана. В конце октября оба шпиона уже прибыли в Линц, где остановились в местной гостинице. Шульмейстер не привык упускать того, что могли дать встречи со случайными попутчиками. В отеле наметанный глаз разведчика Отметил очень расстроенного с виду буржуа средних лет. Завязать разговор не представляло труда. Это был некий Йозеф фон Рюф, который вместе с семьей бежал при приближении французов из Браунау. Рюф надеялся, что венское финансовое ведомство представит ему какую-нибудь должность — это была единственная надежда, так как он остался без средств к существованию. Нечего говорить, что Рюф весьма резко отзывался о неспособности австрийских властей, которых считал ответственными за обрушившиеся на него страдания. Завербовать такого человека на французскую службу ссылками на близкую победу Наполеона, обещанием денег, а после войны — выгодного места в Страсбурге оказалось не очень сложным делом. За полчаса устроив свои личные дела, Рюф присоединился к двум разведчикам, которые снова двинулись в дорогу и через несколько часов достигли Амштеттена. В этом городке Шульмейстер составил подробные донесения (одно — для Савари, другое — для Мюрата) и поручил Рипману остаться в городке, чтобы передать эти бумаги по назначению, после того как Амштеттен будет занят наступавшими французскими войсками. Сам Шульмейстер вместе с Рюфом двинулись дальше на восток, в сторону Вены, но в деревне Кемельбах им пришлось остановиться — все лошади в округе были реквизированы военными властями. А тут еще купец, прибывший вслед за ними из Амштеттена, сообщил тревожную новость: Рипман задержан русскими вскоре после отъезда его компаньонов. Шульмейстер попытался любой ценой найти экипаж для бегства. Поздно! Разведчик был арестован австрийскими драгунами, которые захватили его бумаги и деньги. Закованный в ручные кандалы, Шульмейстер тщетно доказывал, что он верный австрийский агент, ссылался на имевшуюся среди его бумаг охранную грамоту генерала Мервельдта. Все напрасно: столь легко завербованный Рюф, оказывается, с самого начала предпочел сообщить обо всем австрийским властям и сопровождал Шульмейстера по их указанию.

Теперь разведчик вместе с Рипманом был отправлен под конвоем в Вену, где их могла ждать только виселица. Впрочем, это еще не худший вариант, справедливо рассудил Шульмейстер, ведь обычных шпионов вешали там, где их арестовывали. Шульмейстера избавила от этого не только важная роль, которую, как догадывались австрийцы, он явно играл во французской разведке. Допрашивавшие его офицеры и чиновники не могли до конца разобраться, на кого же в действительности работал ловкий шпион-двойник. Ответ могли дать только те австрийские генералы, с которыми имел дело Шульмейстер. Поэтому под конвоем трех солдат и капрала Шульмейстер и Рипман были отправлены на восток, навстречу неведомой судьбе.

Первоначально было предписано доставить их под конвоем в одну из чешских тюрем (чешские земли входили тогда в состав австрийских владений). Путь оказался очень длинным, и конвоиры устали не менее арестованных. Австрийская дисциплина не выдержала такого испытания. Капрал посовещался со своими подчиненными по поводу того, как бы отделаться от надоевших пленников. После этого солдаты отняли у конвоируемых все имевшиеся у них ценности и документы, избили до полусмерти шомполами от ружей и бросили у дороги. Придя в себя, Шульмейстер после некоторого раздумья составил план действий. Разведчики решили, чтобы избежать подозрений, разными путями добраться до Вены. Рипман по дороге от слабости окончательно слег и, по некоторым данным, вскоре умер в какой-то провинциальной больнице. Более живучий Шульмейстер 10 ноября, пробираясь окольными путями, добрался до Вены и три дня прятался у знакомых содержателей отелей. Он знал, что скрываться ему придется недолго. Через три дня в австрийскую столицу вступили наполеоновские войска, а 15 ноября по совету Савари обрадованный спасением своего главного разведчика Наполеон назначил Шульмейстера полицмейстером Вены, после чего Карл (по-французски Шарль) Шульмейстер стал впредь именоваться господином Шарлем или Шарлем Фредериком, чиновником императорской администрации.

Кутузов, командовавший русской армией, долго не давал вовлечь себя в сражение, которое при тогдашнем соотношении сил не могло не окончиться в пользу французов. Тогда Наполеон, по существу, повторил трюк, проделанный Шульмейстером. Он отправил генерала

Савари к Александру I с просьбой о личном свидании. Александр ограничился посылкой для переговоров своего представителя — недалекого князя Долгорукова. В беседе с ним Бонапарт притворился, будто очень напуган неблагоприятными известиями из Франции и предстоящим сражением. Долгоруков попался в расставленные сети. По словам Наполеона, князь говорил с ним «как с боярином, которого хотят сослать в Сибирь». Вопреки категорическим возражениям Кутузова, Александр I настоял на том, чтобы дать сражение Наполеону. Нелепые распоряжения царя и австрийского генералитета усугубили и без того тяжелое положение союзников. Битва при Аустерлице была проиграна, Австрия должна была искать сепаратного мира с Наполеоном.

Шульмейстер покинул Вену вместе с французскими войсками в январе 1806 г., а осенью того же года «капитан Шарль» руководил разведкой против Пруссии, которую Наполеон разгромил в ходе кратковременной кампании.

Во время войны против Австрии в 1809 г. Шульмейстер снова действовал в тылу австрийцев, был арестован и приговорен к расстрелу. Он напоил вином сторожививших его солдат, переоделся в австрийский мундир и бежал. Шульмейстер умел отлично гримироваться и изменять до неузнаваемости свою внешность. Он проявлял редкую находчивость. Ему случалось в украденном мундире австрийского генерала присутствовать на военном совете у императора Франца и выбираться в гробу из осажденного города. Одно время Шульмейстер не расставался с коротко остриженной собачкой, на которую надевал чехол из кудрявой шерсти. Мнимый пудель носил под покрывалом важные документы. Деньги, которые получил Шульмейстер от Наполеона, а до этого — от австрийцев, сделали его богатым человеком. Однако еще большее состояние Шульмейстер нажил, бесцеремонно беря взятки от военных поставщиков, после того как император назначил его в 1809 г. генеральным комиссаром по снабжению французской армии.

Шульмейстер выполнял еще целый ряд разведывательных поручений Наполеона (даже побывал в Англии), но они не имели большого значения. В последние годы правления Наполеона дальнейшей карьере разведчика помешали интриги второй жены императора австрийской принцессы Марии-Луизы и ее окружения, ненавидевших Шульмейстера за его роль в разгроме Австрии в 1805 г.

После первой Реставрации (1814—1815 гг.) полиция Бурбонов тщетно искала Шульмейстера в Париже и других местах. Во время Ста дней — нового правления Бонапарта — австрийские власти опасались, что бывший главный шпион корсиканца находится в Вене и пытается похитить сына Наполеона, который как внук австрийского императора воспитывался при его дворе. На деле Шульмейстер находился в это время в Париже, но, по-видимому, предпочел не поступать снова на императорскую службу, не очень высоко расценивая шансы Наполеона удержаться в борьбе против мощной коалиции держав. После битвы при Ватерлоо австрийская и прусская полиции снова занялись розыском Шульмейстера в оккупированной французской столице — и снова тщетно. А Шульмейстер вел переговоры с австрийским полицейским комиссаром в Париже Лангвертом о намерении снова служить Австрии, которой, по его словам, оказал множество услуг в 1805 г. Кажется, Лангверт даже поддерживал ходатайство Шульмейстера. В августе 1815 г. Шульмейстер был арестован пруссаками и отправлен в крепость Везель. 20 ноября того же года был подписан мирный договор, и Шульмейстер вернулся во Францию. Там он был отдан под суд и приговорен к уплате огромного штрафа, равного трем четвертям его состояния. Оставшуюся часть Шульмейстер потерял в спекуляциях на бирже. Как видно, биржевые волки сумели обойти и этого матерого шпиона.

Он прожил еще почти 40 лет, до 1853 г. В последние годы ему в виде милости разрешили заняться продажей табака в маленькой лавке в Страсбурге, являвшейся государственной монополией.

Тройная игра

Не следует представлять себе французскую разведку и контрразведку при Наполеоне как нечто единое и целиком действовавшее в интересах императора. До 1810 г. с коротким перерывом пост министра полиции занимал пресловутый Жозеф Фуше. Этот хамелеон и

профессиональный предатель был в то же самое время лучшей полицейской ищейкой, которую мог найти Наполеон.

Фуше понял, что лучше угроз и физических пыток действуют нередко подрыв морального состояния, психологическая пытка, взятие измором попавших в его руки агентов неприятеля. Подручным Фуше удавалось выведывать все нужные сведения под маской дружеского участия и только потом отправлять уже до предела «выжатую» жертву на гильотину.

Фуше был нужен Наполеону, но тот никогда не доверял своему министру полиции. Хозяин отлично знал, что слуга готов на любую измену, когда сочтет ее выгодной для себя. Поэтому личные шпионы императора не спускали глаз с его верного министра полиции, а тот прилагал, конечно, немалые усилия, чтобы выявить соглядатаев своего государя. Ближайшими помощниками Фуше являлись генеральный инспектор полиции Реаль и начальник отдела общественной безопасности секретной полиции Демаре.

Фуше, никогда не желавший сжигать за собой все мосты, вел очень хитроумную линию в отношении роялистов. Во Франции его полиция ревностно их выслеживала и немало отправила на эшафот. Но вот с роялистами, обретавшимися в безопасности на английской почве, у министра полиции был совсем другой разговор. Его агенты не раз пересекали Ла-Манш и нашептывали разным эмигрантам-роялистам, что Фуше, оказывается, в глубине души всегда остается на стороне «законного короля» Людовика XVIII. В Лондоне приманку Фуше жадно заглотнул Фош-Бо-рель, уже известный нам по «делу Пишегрю». Скрытые «роялистские симпатии» наполеоновского министра стали предметом, вызывавшим интерес среди ближайшего окружения «короля эмигрантов». Все шло хорошо, но Фуше приходилось учитывать, что его маневры не могут долгое время оставаться скрытыми от шпионов Наполеона. Поэтому министр полиции в частых верноподданнических докладах Наполеону подробно излагал свои интриганские цели, объясняя, что преследует их в интересах службы. Он-де хочет разложить изнутри эмигрантский лагерь и заманить некоторых особо опасных людей во Францию. Действительно, несколько роялистов, тайно пробравшихся во Францию прежде всего для того, чтобы установить связь с Фуше, были арестованы и казнены по приказу Наполеона как английские шпионы. Правда, не обошлось и без неожиданностей. В 1802 г. Фош-Борель неосторожно появился в Париже и был немедленно арестован. Жозеф Фуше в 1804 г. предложил ему перейти на службу к Наполеону. Чтобы выйти из тюрьмы, Фош-Борель выразил согласие, но, очутившись на свободе, снова стал активным агентом роялистской разведки. Присланный Фош-Борелем в Париж его племянник Шарль Вительоказался в числе приговоренных к смерти роялистов. Император внимательно присматривался к хитроумным ходам своего министра.

Наполеон, который мало кого уважал, не мог скрыть свое удивление ловкостью «цареубийцы» (Фуше голосовал в Конвенте за казнь Людовика XVI), сумевшего убедить эмигрантов, что именно он является надеждой роялистской партии. Сношения Фуше с эмигрантами казались императору весьма и весьма подозрительными. Он решил не довольствоваться провокаторами, которых засылал Фуше, а направить в Лондон своих, так сказать, личных шпионов с целью разузнать, каковы действительные связи министра полиции с роялистами.

В 1807 г. с Фош-Борелем вступил в тесный контакт некий Перле, выражавший громко свою преданность Бурбонам. Это был шпион, подосланный к роялистскому шпиону префектом парижской полиции Дюбуа. Чтобы завоевать доверие роялистов, Перле передал им список политических заключенных, содержавшихся в парижской тюрьме Тампль. Перле уверял Фош-Бореля, что во Франции действует «секретный роялистский комитет», который вскоре свергнет Наполеона и создаст временное правительство, а оно призовет обратно во Францию Людовика XVIII. Перле привел в восторг роялистов в Лондоне, от них он ездил с поручениями к эмигрантам в Берлин и обо всем подробно доносил в Париж. В числе членов «секретного комитета» был упомянут и Фуше. Поскольку невозможно было оставить Фуше в неизвестности относительно поездки Перле в

Лондон, министру полиции разъяснили, что цель этого путешествия — заманить во Францию Фош-Бореля. Министр бурно запротестовал против организации подобной западни, ссылаясь при этом на гуманные соображения. Подобные доводы в устах человека, пролившего

море крови часто ни в чем не повинных людей, были, конечно, для Наполеона лишь доказательством нечистой совести Фуше, опасавшегося разоблачений, которые сделал бы Фош-Борель в случае ареста. Надо, решил Наполеон, скомпрометировать Фуше в глазах эмигрантов., Поэтому Перле неожиданно получил новое задание — доказать роялистам, что им нечего рассчитывать на содействие министра полиции! Таким путем Наполеон пытался через Перле побудить роялистов отказаться от попыток установить связи с Фуше. Однако постепенно Фуше разными маневрами сумел усыпить подозрения Наполеона. Полиция Фуше как раз в это время разромила английскую шпионскую сеть во Франции и арестовала одного из главных агентов Лондона и роялистов — Прижана, о чем читатель уже знает.

Фуше снова удалось захватить в свои руки и провокационные «переговоры» с Фош-Борелем. Летом в 1808 г. к Фош-Борелю прибыл некто Бурляк, который, продолжая игру Перле, плел небылицы о том, что послан роялистской подпольной организацией — «секретным комитетом», в который входят крупные сановники и генералы Наполеона, что уже подготовлен переворот, который произведет сенат, воспользовавшись отсутствием императора. Мнимого роялистского эмиссара в Лондоне опять приняли всерьез. Бурляк встречался с министрами Каннингом и Хоксбери. Любопытно, что посланный с согласия Наполеона провокатор Бурляк имел особое поручение снова поднять акции Фуше в глазах Фош-Бореля и роялистов, несколько подорванные казнью Вителя и интригами Перле. Бурляк довел до сведения Людовика XVIII, что Фуше тайно предан королю. Людовик выслушал это известие с большим вниманием и выразил пожелание добиться наряду с этим поддержки маршалов Бертье и Макдо-нальда, а также находившегося в эмиграции генерала Моро. Таким образом, король эмигрантов весьма благосклонно принял заверения в тайной преданности от бывшего «цареубийцы».

Как опытный психолог, Фуше решил не упоминать об этой последней детали в отчете Наполеону о миссии Бурляка. Слишком уж большая ловкость министра полиции опять могла прийтись не по вкусу подозрительному императору… Впрочем, Фуше и не думал в тот момент предавать Наполеона Бурбонам. Он счел выгодным сделать это лишь после разгрома наполеоновской «великой армии» в России, а до этого было пока еще очень далеко.

Вскоре «секретный комитет» был ликвидирован министром полиции за ненадобностью. Зато когда наступили годы реставрации Бурбонов и роялисты стали разыскивать следы «секретного комитета», Фуше объявил, что являлся активным участником этой славной организации, героически боровшейся против «корсиканского узурпатора».

В это же время Перле обвинил Фош-Бореля в том, что он являлся бонапартистским шпионом. В ответ Фош-Борель в 1816 г. возбудил в суде дело о клевете против Перле и выиграл его. Перле оставалось уехать в Швейцарию, где он совмещал издательскую деятельность с шантажированием Людовика XVIII, угрожая опубликованием каких-то компрометирующих его документов. По-видимому, бумаги были достаточно щекотливого свойства, и король согласился уплатить за них очень значительную сумму.

Алчная «Анна Ивановна»

Обер-разведчик Наполеона Шульмейстер сумел отличиться во время эрфуртского свидания французского и русского императоров (сентябрь 1808 г.), организовав хорошо поставленное наблюдение за его участниками, и особенно, конечно, за царем Александром I. Быстро сменявшиеся любовницы царя все как на подбор оказывались состоявшими на службе у Шульмейстера. Но вездесущий главный шпион, окружая слежкой императора Александра, пропустил все же одно важное свидание царя, точнее — не знал и не догадывался, о чем говорилось на этом свидании.

Английские разведчики, которые, как осы из роя, вились вокруг Эрфурта, раздобыли довольно точные и подробные отчеты о встрече императоров. В этих шпионских донесениях сообщалось о столкновениях, скрывавшихся за фасадом дружественных переговоров двух могущественных монархов.

Однако многоопытная английская разведка тоже ничего не узнала об интересующем нас эпизоде. Правда, сам Наполеон в последующие годы начал смутно подозревать, что нечто

фатальное для него тогда произошло, но где, при какой обстановке и, главное, при чьем участии — все это так и осталось для императора тайной вплоть до конца его дней. А рассказал впервые об этой истории уже в наше время известный советский исследователь академик Е. В. Тарле на основе изучения русских дипломатических архивов.

Главными действующими лицами были русский царь Александр I и ушедший в отставку французский министр иностранных дел князь Талейран, впрочем, по-прежнему сохранявший влияние на политику Франции. Представлять их нет необходимости. «Властитель слабый и лукавый», по пушкинской характеристике, русский царь известен так же хорошо, как и его собеседник, само имя которого стало синонимом дипломатической изворотливости и коварства. Это был тот самый князь Талейран — аристократ, ставший дипломатом и министром Французской республики (он не мог ужиться лишь с якобинцами), предавший потом республику Наполеону, а затем предавший самого Наполеона Бурбонам, чтобы еще через полтора десятилетия предать Бурбонов, перейдя на службу к королю-буржуа Луи Филиппу Орлеанскому. «Что-то есть во мне, — иронически отмечал Талейран, — приносящее несчастье правительствам, которые пренебрегают моими услугами». Про Талейрана современники говорили: он так богат, потому что продавал всех, кто его покупал. Человек, после смерти которого острословы спрашивали: «Талейран умер? Интересно узнать, зачем ему это понадобилось?»

Но и в 1808 г. репутация Талейрана была уже вполне устоявшейся. Русские дипломаты в официальной переписке называли его «попом-расстригой», «письмоводителем тирана», профессиональным предателем и столь же профессиональным взяточником и казнокрадом, который обоими этими способами награбил несчетное число миллионов. Но никто не отрицал его выдающегося ума, проницательности и дальновидности, сочетавшихся с готовностью на любое преступление, если оно выгодно, и с абсолютным бесстыдством, которое он умело скрывал за величавой и ленивой надменностью прирожденного вельможи.

Такова была личность, представшая перед Александром Павловичем в Эрфурте, и вдобавок личность, крайне царю несимпатичная. Александр всю жизнь не мог простить Талейрану одну ноту, составленную им по приказу Наполеона. В этой ноте более чем прозрачно намекалось на соучастие Александра в убийстве его отца Павла I.

Встреча с «подлецом» Талейраном была тем более неприятна царю, что политика сближения с Францией и вражды с Англией, которую пришлось проводить после Тильзита, вызывала растущее неодобрение русского дворянства как сильно задевавшая его экономические интересы. Александр тревожился даже за свою личную безопасность в Эрфурте, занятом наполеоновскими войсками. Еще недавно при таких же обстоятельствах Наполеон в Байонне приказал арестовать приехавших туда испанского короля и наследного принца!

Тем более поразительным оказалось для Александра содержание его беседы с ближайшим советником Наполеона. Суть того, что было сказано Талейраном — если отбросить многочисленные экивоки и красивые слова, — сводилась к следующему. Он, Талейран, не согласен с безудержными завоевательными планами Наполеона. Не согласна с этим и Франция. Страна хочет лишь границ по Рейну, Альпам и Пиренеям. Все остальное — то есть добрая половина Европы, подчиненная Наполеону, — это личные завоевания императора, до которых, по любезному разъяснению князя, Франции нет никакого дела. Иначе говоря, Талейран заранее отказывался от этих аннексий — он был убежден, что их все равно не удастся долго удержать, — в пользу того, кто помог бы покончить с властью Наполеона. А чтобы закрепить новые отношения с Александром, Талейран выразил готовность поступить на русскую службу, разумеется, тайно и, что тоже само собой понятно, с полагающимся в таких случаях жалованьем. Все это, конечно, было обговорено и согласовано не при первой встрече, а на нескольких последующих свиданиях.

Более того, чтобы доказать серьезность своих намерений, Талейран тут же стал выдавать царю секреты Наполеона, указывать пределы, до которых можно доходить, когда случится противостоять требованиям и планам французского императора, не вызывая окончательного разрыва. А потом в беседах с Наполеоном Талейран горестно вздыхал, слушая его жалобы на неожиданное упорство, проявленное царем в ходе переговоров.

Хотя Талейран и не был уже главой министерства иностранных дел, он по-прежнему, как

лицо, близкое к Наполеону, был посвящен во все тайны внешней политики Франции. Кроме того, поскольку многоопытный князь знал, что ему никак не удастся утаить свои метаморфозы от обладавшего особым нюхом на подобные дела Фуше, Талейран счел за благо привлечь его на свою сторону. Тот, как и Талейран, понимавший опасность дальнейшей завоевательной политики Наполеона, занял позицию дружественного нейтралитета и даже при случае начал поставлять Талейрану недостававшие ему сведения для передачи в Петербург. В секретной русской дипломатической переписке герцог Беневентский, светлейший князь Талейран-Перигор, кавалер бесчисленных орденов, с той поры стал именоваться «юрисконсультом», «моим другом», «нашим книгопродавцем», «кузеном Анри», а то и просто «Анной Ивановной».

Надо сказать, что «Анна Ивановна», подобно одной гоголевской героине, оказалась дамой, приятной отнюдь не во всех отношениях. За поставляемый ею товар она неукоснительно требовала значительной оплаты и проявляла столь неумеренное корыстолюбие, что переписка русского посольства в Париже с Петербургом все время сопровождалась настойчивыми просьбами о присылке дополнительных денежных сумм. Чего, однако, никак нельзя было узнать из информации, поставлявшейся почтенной особой, так это того, что она вскоре же (через посредничество Меттерниха, бывшего тогда австрийским послом в Париже) нанялась по совместительству на службу к Австрии и ловко маневрировала между двумя нанимателями, интересы которых далеко не совпадали. Не брезговала «Анна Ивановна» и военным шпионажем, поставляя австрийцам сведения о движении французских войск как раз накануне новой войны Наполеона против Австрии в 1809 г.

Наполеон, конечно, ничего не знал об этих «негоциациях», как писали старинным слогом в тогдашних русских дипломатических бумагах. Но императору тотчас же донесли о непонятном сближении Талейрана и Фуше, бывших до этого явными врагами. Это была открытая демонстрация. Скрывался ли за ней заговор? Австрийский посол в Париже, будущий канцлер К. Меттерних, поддерживавший самые тесные связи с Талейраном, которому передал не одну сотню тысяч франков за его услуги, писал в Вену: «Не устроят катастрофу, но используют, если таковая произойдет». В переводе на обычный язык это означало, что оба министра не отважатся подготовить покушение на Наполеона, но заранее принимают меры на случай, если Наполеон окажется убитым, чтобы воспользоваться создавшейся ситуацией. Талейран и Фуше в таком случае собирались возвести на императорский престол маршала Мюрата, незадолго до того ставшего королем Неаполя. Мюрат был женат на сестре Наполеона Каролине Бонапарт. Поэтому Меттерних имел сведения из первого источника, так как состоял в любовниках Каролины. Честолюбивая Каролина была заведомо готова одобрить этот план и послала в Неаполь Мюрату письмо или специального гонца, чтобы новоявленный неаполитанский король не упустил возможности, если она представится ему во Франции. Кажется, написал письмо на сей счет и Талейран, а Фуше услужливо подготовил смену лошадей, чтобы ускорить прибытие Мюрата в Париж. Однако у Наполеона недаром было несколько секретных полиций, разведок и контрразведок. Переписка с Мюратом была перехвачена людьми министра почт Лавалетта, который поспешил сообщить обо всем Наполеону. Это сообщение заставило Наполеона, находившегося в Испании, бросить армию и спешно, загоняя лошадей, вернуться в Париж. На торжественном приеме 23 января 1809 г. император в ярости набросился на Талейрана, публично напомнив ему все измены и соучастие в самых темных делах. «Почему я вас еще не повесил на решетке площади Карусель? Но есть, есть еще для этого достаточно времени! Вы — грязь в шелковых чулках! Грязь! Грязь!..» — кричал в исступлении Наполеон.

Покидая приемную, Талейран заметил ошеломленным свидетелям этой сцены:

— Как жаль, господа, что такой великий человек так плохо воспитан. А в передней он прошептал одному из своих близких знакомых:

— Такие вещи не прощают.

Впрочем, уже вечером, возвращая по требованию императора ключи — знаки своих обязанностей великого камергера, Талейран заметил, что ничто не способно ни преодолеть, ни ослабить его признательности и верности императору, которые он сохранит до конца жизни… А Фуше, который избежал падения, в своих ежедневных полицейских рапортах Наполеону

докладывал о том, как реагирует общественное мнение на отставку Талейрана. В рапорте от 1 февраля министр полиции уверял, будто в конечном счете возобладало убеждение, что эти два лица (т.е. Талейран и сам Фуше) «могли объединиться только во имя подлинных и явных интересов династии Бонапартов». Конечно, Наполеон этому нисколько не поверил. Правда, он не знал пока, что «Анна Ивановна» занялась военным шпионажем в пользу Австрии, война с которой быстро надвигалась, запросив за свою службу первоначально с Меттерниха несколько сот тысяч франков. Вена ответила согласием, и Меттерних стал получать немало наиважнейших сведений военного и политического характера. А поскольку Меттерниху с началом войны предстояло покинуть Париж, было договорено, что Талейран станет пересылать всю информацию и получать следуемое вознаграждение через одно доверенное лицо во Франкфурте-на-Майне. (Для собственных же нужд Талейран еще со времен Аустерлица имел своего человека в штабе Наполеона, обязанностью которого было известить князя раньше всех других, если император будет сражен шальной пулей.)

Возрождение из пепла

Герой одного фантастического рассказа Г. Уэллса приказал Земле остановиться. Началась космическая катастрофа. Насмерть перепуганный, ее виновник успел лишь потребовать, чтобы все вернулось в прежнее состояние, а люди так ничего и не узнали о своей неминуемой гибели и чудесном спасении. Нечто подобное произошло и с французской секретной службой в июне 1810 г. Не будучи птицей Феникс, она тем не менее возродилась из пепла… сожженных документов.

Уже 12 лет с небольшим перерывом возглавлял Жозеф Фуше министерство полиции, создав огромную всепроникающую сеть шпионажа — за всеми слоями населения, за придворными, за военными, за дипломатами как французскими, так и иностранными, за чиновниками наполеоновской администрации и литераторами, покорно черпавшими вдохновение в указаниях императорской цензуры. Полиция запрещала сколь-нибудь многочисленные собрания, даже семейные праздники и встречи друзей без своих представителей. Однажды один известный генерал намеревался собрать немногих своих боевых товарищей за дружеским столом. Бравый воин с негодованием узнал, что делать это без участия полиции запрещено. Он пожаловался Фуше. Министр ласково кивал в знак сочувствия, но не отступал от своих требований. Когда возмущение генерала дошло уже до предела, Фуше внезапно осенила какая-то мысль.

— Вы не можете дать мне список приглашенных? — спросил он и, бегло взглянув лишь на первые два-три имени среди дюжины, спокойно добавил:

— Хорошо, генерал, нет нужды в присутствии представителя полиции…

Фуше превратился в силу. Перед ним, посвященным во все закулисные стороны жизни великих мира сего и их слабости, испытывали больший страх, чем перед самим императором. Фуше была отлично известна вся подноготная императорской фамилии, вплоть до распутства сестер Наполеона или того, с кем изменяет императору его любовница. Но новоиспеченного герцога Отрантского неустанно гложет неудовлетворенное честолюбие. Ему тесно в стенах министерства полиции. Наполеон — в Испании, англичане используют его отсутствие для высадки в Бельгии. Фуше именем императора создает, обучает, снаряжает в короткий срок целую армию и посылает ее навстречу высадившемуся неприятелю. Английскому десанту приходится спешно убраться восвояси.

Но Жозеф Фуше мечтает о большем. Он знает, насколько широко распространена тяга к миру, который бы покончил с многолетней изнурительной войной против Англии, и что в Лондоне тоже имеются влиятельные силы, готовые подумать о компромиссе, о соглашении, которое снова открыло бы для английских товаров захлопнутые Наполеоном ворота в европейские страны. И вот фуше по собственной инициативе продолжает тайные переговоры с Англией, прерванные неуступчивостью Наполеона. Фуше готов отказаться от части завоеваний, сделанных французами. Его агентом является темный делец банкир Уврар, но и он думает, что действует по поручению императора, исполнителем воли которого является министр полиции. Более того, даже голландский король, брат Наполеона, Людовик Бонапарт уверен, что

переговоры, ведущиеся через Голландию, проходят, несомненно, с ведома и с согласия императора.

Как отмечалось, у Наполеона имелась не только полиция Фуше, но и другая полиция, шпионившая за Фуше, а также полиция главного директора почт, которая должна была наблюдать за полицией, следившей за хитроумным герцогом Отрантским. Были у императора еще и другие полиции… Но ведь и сам Фуше, в свою очередь, следил за следившими за ним полициями. Как бы то ни было, этот переплетенный «клубок змей» продолжал извиваться, а нужной информации Наполеон от своих агентов так и не получил. Узнал он о действиях Фуше совсем случайно. Когда Наполеон с новой женой — дочерью австрийского императора Марией-Луизой — посетил Голландию, Людовик Бонапарт мимоходом упомянул об этих переговорах как о хорошо известном факте. Не надо быть Наполеоном, чтобы понять, кто скрывается за спиной Уврара. Взбешенный император отдает приказ командиру жандармерии Савари, герцогу Ровиго, немедленно без шума задержать агента Фуше. В Париже Наполеон спрашивает министра полиции, известно ли ему что-нибудь о переговорах Уврара. Тот, разумеется, спешит отречься от своего представителя. Тогда, продолжая игру, Наполеон приказывает Фуше арестовать уже находящегося за решеткой Уврара. Министр полиции пытается возражать и этим лишь разоблачает себя.

Собрав совещание своего правительства, Наполеон заявил:

— Что вы думаете, господа, о министре, который, злоупотребляя своим положением, без ведома своего государя вступает в дипломатические переговоры с иностранными державами на основе им самим установленных условий и компрометирует таким образом политику своей страны? Какому наказанию по нашему законодательству подлежит он за подобное должностное преступление?

— Несомненно, Фуше очень виноват, — тихо пробормотал приглашенный на совещание Талейран, — и его следует заменить на его посту. Однако для замены Фуше, по правде говоря, я не вижу никого, кроме герцога Отрантского.

Император был иного мнения. На другой, день Наполеон назначает Савари министром полиции. Правда, герцог Отрантский знает слишком много, чтобы его можно было просто вышвырнуть пинком. Как и во время одной уже имевшей место краткой отставки Фуше, увольнение от должности сопровождается почетным назначением на пост императорского посла в Рим. Но Фуше уже закусил удила. Он стремится показать Наполеону, что стоит большего, чем окружающая его толпа придворных льстецов и покорных слуг с министерскими портфелями. Полицейская машина создана Фуше и не будет иметь другого хозяина!

Когда герцог Ровиго является к герцогу Отрантскому с извещением о том, что он, Савари, назначен на пост министра полиции, Фуше встречает своего преемника с исключительной любезностью. Савари обманут. Он даже вздыхает с облегчением. Вместо тяжелых разговоров, ссоры с властным и опасным человеком состоялась дружеская беседа людей, один из которых обязан по приказу принять дела, а другой готов отказаться от ставших весьма обременительными обязанностей. Фуше выражает даже готовность всячески быть полезным новому министру в ознакомлении со множеством новых и незнакомых для него вопросов. Конечно, потребуется немного времени, чтобы привести в порядок дела этого ведомства — ведь императорский приказ последовал так неожиданно, что герцог Отрантский не успел подготовиться для передачи всего многосложного аппарата министерства своему преемнику. Если герцог Ровиго не возражает, он, Фуше, за несколько дней все доведет до полнейшего ажура, а тем временем и герцогиня Отрантская успеет перебраться на новую квартиру. Конечно, Савари не возражает и, крайне довольный, удаляется. А Фуше вместе с самым доверенным помощником принимается за дело. Документы, касающиеся наиболее важной секретной агентуры, или уничтожаются, или быстро вывозятся в личные тайники, где их не разыскать императорским соглядатаям. Многочисленные агенты — военные, чиновники, придворные, священники — все они шпионы Фуше и только Фуше, и он не желает передавать их в руки Наполеона. Для вида оставляются лишь сведения о малозначительных агентах, от которых нельзя узнать ничего серьезного. Четверо суток продолжается лихорадочная работа. Четверо суток дымит камин, бесследно пожирая все то, что Фуше не считает нужным сохранить для себя и в то же время не желает уступить Савари.

А после этого происходит передача дел ничего не подозревающему герцогу Ровиго. Вся разведывательная сеть Фуше порвана на множество мелких, не связанных между собой частичек, главные звенья ее бесследно исчезли. Через сутки об этом догадывается и Савари, который вынужден с тревогой доложить о странном происшествии самому императору. Наполеон посылает фуше предписание вернуть похищенные бумаги. Одно, второе, третье… Но тот в ответ лишь утверждает, что давно сжег документы, которые у него требуют. Он как бы мимоходом бросает посланному от Наполеона, что это сделано для поддержания чести императорской фамилии (явный намек на имеющиеся в руках отставного министра важные и компрометирующие бумаги). Но Фуше просчитался — он недооценил решительность Наполеона. Тот сразу отдает приказ начальнику своей личной полиции Дюбуа: или Фуше вернет требуемые бумаги, или его надлежит отправить в тюрьму под конвоем десятка жандармов, и он скоро почувствует, что значит навлекать на себя императорский гнев.

Только теперь Фуше понимает, что зашел слишком далеко, — Дюбуа опечатывает бумаги бывшего министра. Конечно, все важное давно припрятано в надежных местах, но ясно, что император ни перед чем не остановится, дабы сломить Фуше. И Фуше на какой-то момент действительно сломлен. Тщетно пишет он униженные письма Наполеону, добивается приема. Ему грубо сообщают, что в его услугах более не нуждаются. Объятый паническим страхом, Фуше уезжает из Парижа, мчится в Италию, петляя по различным городам, собирается уехать за океан — его останавливает лишь страх попасть в руки англичан. А тем временем герцогиня Отрантская вступает в соглашение с Наполеоном. Она отдает самые важные бумаги, касающиеся лично Наполеона и императорской фамилии. После этого отставной министр имеет возможность вернуться в свое поместье. (Это еще не последний этап в карьере Фуше — его ожидают новые взлеты и новые падения.)

А пока что Савари, начисто лишенный способностей Фуше, но трудолюбивый и настойчивый служака, начинает шаг за шагом восстанавливать разрушенное. Кое-какие следы Фуше не успел уничтожить — остается, например, регистрационная книга фамилий и адресов второстепенных осведомителей. Кое-кого знают чиновники министерства, даже швейцар. И когда посетители — среди них много агентов Фуше, — не подозревая о произведенном разгррме, из осторожности наносят ни к чему не обязывающий визит новому хозяину в здание министерства полиции, министр спешно консультируется у привратника, посещало ли данное лицо герцога Отрантского. Скрывая свое незнание, Савари удается убедить большинство явившихся на прием людей, что у него находятся все материалы об их прошлом, которыми располагал Фуше. А ведь эти материалы часто куда более, чем деньги, служили гарантией верности агента. Так постепенно, незаметно для самих агентов, и не подозревавших о развале механизма, частью которого они являются, эта машина снова восстанавливается деталь за деталью. И хотя многие «части» утеряны, ее снова пускают в ход.

Тонкости переплетного дела

Тайная война шла с переменным успехом. Провалы соседствовали с успехами. Серьезной удачей английской секретной службы была передача в Лондон державшегося в строгом секрете текста Тильзитского договора, заключенного в июне 1807 г. между Наполеоном и царем Александром I. Письмо, поступившее министру иностранных дел Джорджу Кан-нингу, прибыло, по-видимому, из Мемеля, расположенного сравнительно недалеко от Тильзита, через посредничество британского посланника в Копенгагене Гэрлайка. Этот английский дипломат сообщил также о подозрительных передвижениях французских войск на границах с Данией. А на следующий день в Лондон с новыми подробностями прибыл английский разведчик Колин Маккензи, находившийся где-то около Тильзита во время встречи двух императоров. Вероятно, важные сведения поступили и от д'Антрега, поскольку Каннинг вознаградил графа ежегодной пенсией в 400 ф. ст.

Политическая и морская разведки были налажены значительно лучше, чем военная. Главнокомандующим английской армией с 1798 по 1827 г. был второй сын Георга III фельдмаршал Фредерик Август, герцог Йоркский, бездарный полководец, не раз терпевший позорные поражения от французских генералов. Большую оперативность герцог проявлял в

казнокрадстве да еще в оптовой торговле военными чинами по сниженным (по сравнению с официальными) ценам. Заведовала ею миссис Кларк, фаворитка герцога. Когда любовники рассорились, она не стала молчать. Чтобы прекратить неприятное парламентское расследование, герцог поспешно подал в отставку. Но скандал вскоре поутих, и достойный фельдмаршал снова занял свой пост.

В 1803 г. герцог Йоркский создал специальное Управление военных знаний, которое должно было наряду с обобщением опыта прошлых войн и составлением карт заниматься также изучением иностранных армий, в том числе и на основе информации, получаемой от специальных агентов за рубежом. Управление постепенно превратилось в разведывательный департамент военного ведомства.

Овладевая чужими секретами, британское правительство нередко не могло сохранить свои собственные. В июлле 1809 г. английский флот появился в устье Шельды и захватил остров Валхерн, базу для своих действий против Бельгии и Голландии, находившихся в руках французов. В Лондоне рассчитывали на то, что главные силы Наполеона сконцентрированы против Австрии. Однако экспедиция окончилась полной неудачей, и в декабре 1809 г. Валхерн был очищен от английских войск. Немалую роль в этой неудаче сыграла неспособность обеспечить внезапность наступательных действий. Один из участников экспедиции писал: «Положение было таково: как только министры начали обсуждать вопрос, секрет сразу стал достоянием гласности на континенте, как и большинство наших секретных дел в то время. Можно с уверенностью сказать, что почти в каждом случае, когда успех экспедиции зависел от секретности, единственными не знавшими, в чем дело, были офицеры, которым поручалось командование».

Немало секретной информации попадало на страницы печати. Командующий английскими войсками в Испании герцог Веллингтон писал в марте 1813 г.: «Вполне можно сообщать разведывательную информацию через газеты. Более того, содержание всех газет — это разведывательные данные для неприятеля, на основании которых, как мне известно, он строит планы своих операций». Веллингтон настаивал на том, чтобы его донесения в Лондон не публиковались в печати, так как они содержали важные для врага сведения.

В последние годы наполеоновской империи тайная война все обострялась. Монах-шотландец Джеймс Робертсон не заставил себя долго упрашивать, когда ему предложили сменить келью на службу в английской разведке. Хорошо говоривший по-немецки отшельник был через остров Гельголанд, превращенный в центр британской секретной службы, заброшен в Северную Германию. Скинув рясу, Робертсон обзавелся паспортом на имя Адама Рорауера, уроженца Бремена. В Гамбурге Рорауер познакомился с одним испанским священником, а через того — с испанским капитаном, который находился на излечении в местном госпитале. Приняв личину мелкого торговца, монах в сопровождении своих новых приятелей отправился в Данию. Там, на островах, были размещены отборные полки испанской армии, которые Наполеон еще до начала завоевания Испании затребовал в качестве вспомогательных войск и отослал подальше от родины. Робертсон пробрался к командующему испанским корпусом генералу Ла Романа и назвал ему пароль, о котором тот еще в Мадриде договорился с секретарем английской дипломатической миссии Б. Фрерром. В условленное время Ла Романа сосредоточил почти 10 тыс. своих солдат якобы для принесения присяги новому испанскому королю Жозефу, брату Наполеона, и… под носом у французов посадил их на подошедшие английские корабли адмирала Китса. Эти войска влились в английскую армию в Испании, которая под командованием Веллингтона вела борьбу против войск Наполеона.

Веллингтон сумел создать весьма эффективную секретную службу. Первым в истории английской армии официальным начальником военной разведки стал офицер его штаба майор Кэлхаун Грант.

В последние годы наполеоновской империи ставки в противоборстве разведок все более повышались. В 1810 г. британская секретная служба пыталась похитить с помощью роялистов испанского наследника принца Фердинанда, который содержался под арестом во Франции, и тем самым нанести Наполеону чувствительный удар. Англичане стремились усугубить трудности, с которыми столкнулся французский император в Испании. Попытка не удалась, и ее организатор барон де Колли был арестован. В 1813 г., желая ускорить вступление Австрии в

войну с Наполеоном, английская разведка приняла участие в заговоре против императора Франца, сдержанно, если не негативно, относившегося к такой перспективе.

Заметно усилилась борьба французской и русской разведок.

Прибывший в Париж представитель царя Александра I, его адъютант полковник Чернышев внимательно присматривался к французской армии, сопровождая Наполеона во время войны против Австрии в 1809 г. Чернышева, разумеется, особенно заинтересовали официальные доклады о состоянии всех вооруженных сил французской империи, которые еженедельно представляло военное министерство Наполеону. Имея эти материалы, можно было точно определить численность, дислокацию, вооружение французских войск. Конечно, эти доклады являлись строжайшим государственным секретом. Чернышев мог лишь увидеть красивые папки, в которые переплетались доклады. Но и это было немало. Доклады переплетаются в папки — значит, кто-то делает это. Нельзя ли поближе познакомиться с этим переплетчиком? Вскоре Чернышеву не только удалось встретиться с переплетчиком военного министерства Мишелем, но и с его помощью, разумеется, щедро вознаграждавшейся, просматривать доклады, предназначенные только для глаз императора Наполеона. У Мишеля были сообщники — Саже, Сальмон, Мозес, служившие в военном министерстве, и австриец Вустингер — швейцар отеля, где размещалось русское посольство. Вустингер был посредником между Мишелем и Чернышевым.

Лишь в феврале 1812 г., то есть более чем через два года, наполеоновская тайная полиция вроде бы напала на след. Воспользовавшись отсутствием Чернышева, полицейские произвели неожиданный обыск на его квартире и нашли неопровержимые доказательства разведывательной работы.

Чернышев, сделавший позднее (при Николае I) умелым угодничеством большую карьеру, не принадлежал, однако, к числу серьезных и проницательных разведчиков. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сведения, добытые царским адъютантом, сильно занижали численность французской армии. Это наводит на мысль о возможности сознательной провокации со стороны Наполеона.

Возмущаясь «азиатским коварством» русских, Наполеон, в свою очередь, вел напряженную разведывательную подготовку похода. Она началась по указанию императора уже в первой половине 1810 г. Руководство сбором информации было возложено на министра иностранных дел Маре и командующего французскими войсками в Северной Германии маршала Даву. В Варшаве было создано особое бюро, которое заметно активизировало свою деятельность, когда его возглавил барон Биньон; одновременно с конца 1811 г. действовало военно-разведывательное бюро, подчинявшееся непосредственно маршалу Даву.' Французские шпионские центры засылали лазутчиков под личиной купцов, путешественников, артистов, священников, занимались допросом дезертиров, французский представитель в России Лористон собрал подробные сведения о силах и расположении русской армии, добыл граверные доски, с которых печатались секретные военные карты. Разведывательные данные предписывалось собирать и наполеоновским дипломатам.

В конце 1811 г. Наполеон предписал Биньону организовать специальный отдел, занимавшийся военным и политическим шпионажем против России. Он приказал заслать в Россию резидентов, которым поручалось создать разведывательные ячейки в Петербурге, Москве, в главных городах прибалтийских провинций, в ряде укрепленных центров, на основных дорогах, по которым наполеоновская армия предполагала наступать от западной границы к сердцу России.

Собранные данные резюмировались и систематизировались в созданном в 1811 г. во французском министерстве иностранных дел информационном отделе. Его возглавлял Лелорнь д'Идевиль, ранее служивший во французском посольстве в Петербурге и знавший русский язык. Однако наполеоновская разведка не смогла ни собрать достаточно достоверных сведений о дисклокации частей русской армии, ни проникнуть в военные планы ее командования, ни трезво оценить боевую мощь вооруженных сил России.

Уже в начале войны русская разведка сумела добиться ряда важных успехов. Активную роль в развертывании русской разведывательной сети в порабощенных Наполеоном германских государствах сыграл Штейн, бывший глава правительства Пруссии. Штейн был непримиримым

врагом Наполеона, и прусский король должен был по требованию грозного победителя изгнать своего министра из страны. С помощью Штейна русской разведке удалось наладить печатание в Германии подпольной антинаполеоновской газеты. Агентами русской разведки стали пастор прусского короля Шлейермахер, министр полиции Груннер. Они пытались помешать доставке военных грузов наполеоновской армии по дорогам Пруссии, организовать поджоги французских военных складов на прусской территории, дезертирство среди прусских солдат, входивших во вспомогательный корпус, двинутый по требованию Наполеона против России. Особенно серьезное значение приобрела эта деятельность, когда стал фактом разгром «великой армии» Наполеона русским народом и войсками. Во время освободительного похода русской армии в Европу отличился в качестве разведчика известный партизанский командир А. С. Фигнер, который под видом итальянца проник во французскую армию и завоевал доверие наполеоновского генерала Раппа.

В самой России во время Отечественной войны немалую роль сыграл английский разведчик Вильсон, который усиленно интриговал против Кутузова, не желавшего подчинять русские интересы целям английской политики. Когда наполеоновская империя была уже на самом краю гибели, Лондон снова вовсю использовал свою роялистскую агентуру, устанавливая связи с императорскими маршалами и министрами, которые стремились покинуть тонущий корабль, способствуя ускорению надвигавшегося краха.

Один из величайших полководцев мировой истории, Наполеон был и талантливым организатором разведки, превосходя и в этом деле большинство своих противников. Сеть наполеоновского шпионажа покрыла всю Европу. И до тех пор, пока французская разведка служила исторически достижимым целям, она достигала крупных успехов. Неудачи стали следовать одна за другой, когда Наполеон попытался использовать свою разведку для осуществления химерических планов завоевания мирового господства. И эти неудачи стали быстро множиться после того, как «великая армия» была разгромлена на полях России и русские войска начали свой освободительный поход в Европу, приведший в конечном счете к крушению наполеоновской империи.

В марте 1814 г. союзные войска вступили в Париж. Наполеон отрекся от престола и был отправлен в изгнание на остров Эльбу в Средиземном море. Во Франции была восстановлена монархия Бурбонов. Целое сонмище разведчиков пыталось выведать тайны дипломатов, которые, собравшись осенью 1814 г. на конгресс в Вене, занялись обсуждением вопросов послевоенного устройства Европы. Так, представитель Франции Талейран имел двух очень важных агентов — камергера австрийского императора графа Зикингена и майора из прусского генерального штаба. Но, конечно, в наиболее выгодном положении оказался австрийский канцлер Меттерних, поскольку конгресс заседал в Вене. Были созданы даже новые разведывательные организации, которым оказывала постоянную поддержку столичная полиция, возглавляемая бароном Ф. Хагером. Австрийскими агентами были французский дипломат герцог Дальберг, сардинский министр, посол римского папы, прдставители литературного мира. Круглосуточно работали австрийские «черные кабинеты»: перехватывались дипломатические курьеры, агенты полиции подкупали слуг, рылись в корзинах для бумаг.

Гипотезы и легенды

Наполеон после отречения от престола получил во владение небольшой остров Эльбу, представляя самим фактом своего нахождения неподалеку от берегов Франции угрозу для Бурбонов, возвратившихся в фургонах союзнических армий, — угрозу, все увеличивавшуюся по мере того, как росла непопулярность политики королевского правительства, навязанного стране иностранными штыками. Все это сразу же определило остроту тайной войны, разгоревшейся вокруг острова Эльбы. Талейран, перешедший на сторону Бурбонов, назначил французским консулом в Ливорно некоего шевалье Мариотти. Этот корсиканец длительное время служил в наполеоновской армии, одним из первых был награжден орденом Почетного легиона и выполнял различные поручения разведывательного характера. Император назначил его главой полиции при своей сестре Элизе, ставшей великой герцогиней Тосканской. Однако

недовольный недостаточной, по его мнению, оценкой его заслуг, Мариотти вступил в контакт с роялистами, стал их тайным агентом. После падения Наполеона Мариотти активно способствовал свержению великой герцогини с ее шаткого престола. Хорошо посвященный в дела бонапартистского клана, Мариотти, поддерживавший тесный контакт с префектами Корсики и других южных французских департаментов, пытался создать разведывательную сеть на Эльбе. Агент, засланный Мариотти на остров и посылавший ему оттуда подробные шифрованные донесения, подписывая их псевдонимом «торговец оливковым маслом», был итальянец, служивший ранее в наполеоновской армии и имевший много знакомых на Эльбе. (Видимо, речь идет о некоем Александре Форли, прибывшем на Эльбу 30 ноября 1814 г.) Донесения «торговца» включали массу достоверной информации, позволявшей судить о положении дел на Эльбе, но он не смог получить секретные сведения о намерениях Наполеона и его окружения. Возможно, это было следствием того, что Наполеон воссоздал на острове, разумеется, в небольших масштабах личную охрану и разведывательную службу, с ее помощью поддерживая связи со своими родственниками и руководителями возникавшего бонапартистского подполья.

23 января 1815 г. глава австрийской полиции барон Хагер сообщал императору Францу, что его люди перехватили секретную депешу падчерицы Наполеона Гортензии Богарне к ее брату Евгению. Депеша содержала список французских маршалов, остававшихся преданными Наполеону, и данные о численности войск под их командованием. Со своей стороны, Людовик XVIII и Талейран тайно выдвигали перед союзными державами планы ссылки Наполеона на Азорские острова или остров Святой Елены. Эти планы стали известны императору. В 1815 г. по поручению Талейрана граф де Жокур начал переговоры с Меттернихом об «удалении» Наполеона подальше от Европы. На Корсике, военный губернатор которой Луи Герен де Брюлар был врагом Наполеона, офицеры-роялисты готовили убийство императора. Существовал план подкупа лейтенанта Тэллада, командира брига, на котором плавал Наполеон, чтобы тот доставил его в тюрьму на острове близ Тулона. Французские власти отправили на Эльбу некоего Брюла для организации покушения на Наполеона, которое окончилось неудачей.

Действия полиции Бурбонов во многом парализрвались тем, что даже в ее высших звеньях было немало скрытых сторонников Наполеона. Министр полиции граф Беньо, сменивший его граф д'Андре де Бельвю и морской министр граф Ферран были окружены бонапартистскими агентами или по крайней мере им сочувствовавшими. В военном министерстве генерал Друо регулярно посылал донесения на Эльбу.

Какая-то роль в этой-игре принадлежала и Жозефу Фуше, но следы этого были ликвидированы им самим. Заняв в марте 1815 г., во время Ста дней, снова пост министра полиции, Фуше, вероятно, на всякий случай уничтожил документы, способные скомпрометировать его перед Бурбонами.

Наполеон уже в декабре 1814 г. говорил о растущем брожении во Франции, заявляя, что в случае новой революции европейские монархи в интересах собственной безопасности должны будут призвать его на престол. Наполеон уже был осведомлен, что на Венском конгрессе европейские державы разделились на две группировки, первая из которых включала Англию, Австрию и Францию, а вторая — Россию и Пруссию. В этих условиях царь Александр I оказывал открыто знаки внимания пасынку Наполеона принцу Евгению Богарне и делал другие столь же демонстративные жесты, которые никак не могли быть по вкусу Людовику XVIII.

26 февраля 1815 г. Наполеон покинул Эльбу, высадился с небольшим отрядом на юге Франции ц без единого выстрела дошел до Парижа. Людовик XVIII бежал. Начались знаменитые Сто дней нового правления Наполеона, закончившиеся поражением в битве при Ватерлоо и ссылкой императора на далекий остров Святой Елены.

Не так давно английский историк П. Бартел выдвинул гипотезу, будто «полет орла» — так именуют высадку Наполеона во Франции и Сто дней — был результатом провокации, организованной британской и австрийской разведками. Мысль об этом не была чужда многим довольно осведомленным современникам, которые считали, что английский министр иностранных дел Кастлри, австрийский канцлер Меттерних и Талейран, перешедший на службу к Бурбонам, решили заманить Наполеона во Францию, чтобы там либо убить его, либо создать предлог для изгнания куда-нибудь подальше от европейских берегов. (Лидер оппозиции вигов в

парламенте лорд Грей прямо обвинял английское правительство в «большой степени преступного пренебрежения» своим долгом и требовал расследования.)

В январе 1815 г. из Вены без всякого шума уехал генерал Коллер, австрийский комиссар на острове Эльбе. Коллер прибыл на Эльбу и якобы сообщил Наполеону, что Англия и Австрия готовы согласиться на возвращение императора на трон, если он удовлетворит ряд требований Лондона и Вены. Намеки на эту провокацию содержатся в переписке упомянутого выше французского консула в Ливорно Мариотти, который руководил шпионской сетью, следившей на Эльбе за Наполеоном. Конечно, Мариотти — свидетель, заслуживающий весьма малого доверия. Однако есть и другие показания. После Ватерлоо во Франции состоялся суд над маршалом Неем, который был послан Людовиком XVIII с войсками против Наполеона и перешел на его сторону. Ней утверждал, будто Наполеон уверил его, что союзные державы не возражают против возвращения императора на престол. Наполеон добавил, что ему неоднократно заявлял об этом генерал Коллер. 26 февраля, незадолго до отбытия с Эльбы, принимая представителей местной администрации, Наполеон заметил, что его прибытие во Францию будет встречено с удовлетворением иностранными державами.

Имеется и косвенное доказательство — пассивность английских, австрийских и французских властей, хотя они получали от своей агентуры на Эльбе многочисленные (сохранившиеся в архивах) донесения о подготовке Наполеона к высадке во Франции. В недавно опубликованных мемуарах ближайшего сотрудника Меттерниха графа Лебцелтерна сообщается, что австрийская разведка перехватила секретную переписку Наполеона с его бывшим маршалом и королем неаполитанским Мюратом, которая не оставляла сомнений в намерении Наполеона покинуть Эльбу. Меттерних ознакомился с этими бумагами и… не принял никаких мер. Граф Ферран, морской министр в правительстве Людовика XVIII, уверяет в своих мемуарах, что отдал приказ послать из Тулона два или три военных корабля для наблюдения за островом Эльбой, так как получил достоверную информацию о предполагавшейся высадке Наполеона во Франции. Однако Ферран ушел в отставку, а его приказ был отменен.

Агенты Мариотти заранее информировали английского комиссара на Эльбе Нейла Кемпбела, что Наполеон намерен совершить побег с острова. Кемпбел, опытный военный и дипломат, получив это известие, …на целых 12 дней (с 16 по 28 февраля) покинул Эльбу — сначала отправился в Ливорно, а потом во Флоренцию к своей любовнице. Правда, 23 февраля он направил на остров корвет «Партридж». Капитан судна Эди нанес визит Наполеону, и корабль сразу покинул остров. У императора должна была создаться уверенность, что Кемпбел не в состоянии в данный момент следить за его планами и помешать их осуществлению. Не уехал ли Кемпбел, дабы потом иметь возможность оправдываться тем, что его не было на месте во время бегства Наполеона с Эльбы?

Между тем визит упомянутого Коллера мог быть связан не с попыткой спровоцировать Наполеона на высадку во Франции, а с переговорами о расторжении его брака с дочерью австрийского императора Марией-Луизой или о добровольном переселении с Эльбы куда-либо подальше от Европы. В английских документах, по крайней мере исследованных историками, отсутствуют какие-либо указания на планы побудить Наполеона к попытке вернуться на престол. (Впрочем, если бы такие «деликатные» намерения и существовали, трудно ожидать, чтобы о них что-либо сообщалось в официальных бумагах, сохраняемых в Английском государственном архиве.) Что же касается Кемпбела, то он проводил все время в обществе красивой графини Миньячи, говорившей равно хорошо на многих европейских языках и хорошо разбиравшейся в политике. Осталось неизвестным, была ли она агентом какой-либо из европейских держав или просто женщиной, любившей окружать себя покровом таинственности. Во всяком случае, у Кемпбела оставалось мало времени для исполнения своих служебных обязанностей на острове Эльбе.

Таковы некоторые факты, относящиеся к гипотезе английского историка П. Бартела. Какими бы ни были они интригующими, эта гипотеза остается очень слабо обоснованной. Тем не менее она продолжает вызывать интерес во Франции.

Еще одна теория такого рода связана с именем французского разведчика Монтолона. Как уже отмечалось, в последние годы правления Наполеона качество императорской разведки

заметно ухудшилось. Многие ее наиболее способные организаторы были удалены со своих постов. К тому же и сам Наполеон все менее был склонен выслушивать правдивые донесения, если они противоречили его планам. В 1812 г. один из наполеоновских разведчиков, граф Шарль-Тристан де Монтолон, создал в Вюрцберге специальную организацию, которая должна была держать под наблюдением германские государства во время похода «великой армии» в Россию. Монтолон с каждой неделей сообщал в Париж министру иностранных дел Маре все более тревожные известия. 19 октября, когда Наполеон начал отступление из Москвы, Маре уведомил Монтолона, что тот впал в полную немилость у императора. Причиной оказалась женитьба Монтолона на племяннице канцлера Камбасереса, которая успела до этого побывать три раза замужем, и все три мужа развелись с ней, обвиняя в супружеской неверности. Наполеон выступил блюстителем нравов в самый неподходящий для себя момент, когда донесения Монтолона стали представлять особую ценность. Монтолон сопровождал императора в изгнание на остров Святой Елены. Существует гипотеза, приписывающая бывшему разведчику отравление Наполеона. Она основывается на химическом анализе волос Наполеона. К числу ученых, проводивших опыты с волосами Наполеона, принадлежат шведы Свен Форсхувуд и Андрее Вассен, а также Гамильтон Смит из университета в Глазго. В октябре 1961 г. они напечатали в английском журнале «Нейчур» («Природа») статью, в которой пытались доказать версию об отравлении Наполеона. В 1982 г. Форсхувуд совместно с американцами Б. Уэйдером и Д. Хэпгудом опубликовали книгу «Убийство Наполеона», которая была пересказана в августе того же года на страницах журнала «Ридерс дайджест», издающегося во многих миллионах экземпляров. В печати замелькали комплементарные высказывания о книге различных специалистов по военной истории. Форсхувуд, историк-любитель, занимавшийся изучением наполеоновского времени, в 1955 г. познакомился с впервые опубликованными тогда «Записками» камердинера императора Луи Мар-шана. Форсхувуда поразило несоответствие между по дням описываемым Маршаном течением болезни Наполеона и результатами посмертного вскрытия тела. При вскрытии присутствовали семь английских докторов и корсиканец Франческо Антоммарши — личный врач Наполеона. Медики не пришли к согласию о причинах смерти. Были написаны четыре раздельных отчета. Все были согласны в том, что в желудке была обнаружена язва, которую Антоммарши назвал «раковой», другие доктора считали ее близкой к раковой опухоли. Отсюда возникла версия о смерти от рака, хотя это прямо не говорилось ни в одном из отчетов. Смерть от рака была диагнозом, устраивавшим английского губернатора Святой Елены Гудзона Лоу — она свидетельствовала о неосновательности слухов, что Наполеон умер, не перенеся тяжелого («убийственного», как писали некоторые очевидцы) климата острова. В одном английском отчете говорилось, что при вскрытии обнаружилось «увеличение печени». Лоу добился изъятия этого утверждения из отчета, опасаясь, что оно даст пищу для толков о смерти из-за неблагоприятных климатических условий. (Об этом эпизоде рассказал впоследствии один из врачей, когда он покинул остров.) Форсхувуд отметил, что при смерти от рака желудка наступает общее истощение организма, а Наполеон перед кончиной, напротив, болезненно располнел — такая тучность наблюдается у жертв медленного отравления мышьяком. Анализируя воспоминания Маршана и других о ходе болезни Наполеона, Форсхувуд утверждает, что в них отмечено не менее 22 из перечисленных в медицинской литературе 32 симптомов отравления мышьяком. Единственным способом обосновать версию об отравлении — помимо вскрытия гроба с телом императора, на что было бы абсурдно рассчитывать, — мог стать анализ волос, сбритых с головы Наполеона на следующий день после его кончины. Несколько прядей этих волос находилось у различных людей. Специалист по судебной медицине университета города Глазго Гамильтон Смит опубликовал в ноябре 1959 г. в английском специальном журнале статью о новом методе выявления мышьяка в волосах. Теперь для анализа вместо 5 граммов, то есть примерно 5 тыс. волос, было достаточно нескольких или даже одного. Форсхувуд, объединивший свои усилия с Г. Смитом и токсикологом А. Вассеном, добыл волосы из прядей, которыми первоначально владели Маршан и другой слуга Наполеона — Жан Авраам Новераз, а также одно английское семейство, познакомившееся с Наполеоном на острове Святой Елены.

Метод Смита позволял выявлять содержание мышьяка в каждом из небольших

5-миллиметровых отрезков, на которые делили волос. Этот отрезок соответствовал примерно 15 дням жизни. Зная год, месяц и число, когда были сбриты волосы, оказалось возможным соотнести каждый отрезок с определенными датами и сопоставить с записями Маршана и других о ходе болезни Наполеона. Выявилось, что резкое обострение заболевания по времени совпадает с сильным (в несколько раз) повышением содержания мышьяка в соответствующем отрезке волоса. Считая тем самым доказанным факт постепенного отравления и даже установленными даты, когда Наполеону были даны — в пище или напитках — очередные дозы яда, Форсхувуд и его единомышленники попытались выяснить, кто же совершил преступление. Им могло быть лишь лицо, которое находилось при своей жертве все время (с 1816 г., когда началось отравление) и которое имело возможность подсыпать яд только самому Наполеону, не отравляя людей, которые делили с ним стол. Эти критерии устраняют из числа подозреваемых и всех англичан и ряд приближенных Наполеона, в частности генерала Гаспара Гурго, графа Эммануэля де ла Каза, мадам Альбину де Монтолон и других, покинувших остров Святой Елены задолго до 5 мая 1821 г., домоправителя Наполеона Франческо Чиприано, неожиданно скончавшегося в феврале 1818 г., по заключению врачей, от «воспаления кишечника» (поскольку шла речь о слуге, не производилось посмертное вскрытие). Точно так же преступник не мог быть в числе тех, кто, как доктор Антоммарши, приехал на остров много позднее. Дворецкий Пьеррон мог отравить всех, кто приглашался к столу Наполеона, но не его одного. Это относится и к двум слугам, Сен-Дени и Новеразу, которые лично не прислуживали императору.

Граф Анри-Грасьен Бертран находился на Святой Елене все три года, но поселился со своей семьей отдельно и в последние годы заметно отдалился от императора, считая себя несправедливо обойденным Монтолоном в расположении и доверии Наполеона.

Остаются двое, которые имели возможность совершить преступление, — Маршан и Монтолон. Форсхувуд задался вопросом, что побудило этих людей отправиться вместе с Наполеоном в далекую ссылку. В отношении Маршана все ясно. Он служил Наполеону с юных лет, его мать также находилась в числе доверенной прислуги императорской семьи. Значительно сложнее обстоит дело с графом Монтолоном. Как мы убедились, отношения Монтолона с императором ранее складывались совсем негладко, что сказалось и на карьере графа. Во время первой реставрации Монтолон пытался войти в доверие к вернувшимся Бурбонам. И это ему удалось не только потому, что он являлся представителем старинного аристократического рода, но и по той причине, что его отчим граф Семонвиль был приближенным графа д'Артуа — лидера крайних роялистов, а также будущего короля Карла X. Монтолон получил чин генерала, но тут произошла новая осечка в его карьере — графа уличили в краже 5970 франков солдатского жалованья, хотя так и не предали военному суду за это серьезное преступление. Зачем было этому любящему удовольствия светской жизни аристократу появиться после Ватерлоо в окружении Наполеона, стать приверженцем побежденной стороны, добровольно обречь себя на то, чтобы провести лучшие годы жизни в далеком изгнании? И все это ради Наполеона, с которым у Монтолона были свои счеты. К тому же претензии графа к императору никак не убавились на Святой Елене, где Альбина де Монтолон, вероятно, сделалась любовницей Наполеона. Когда Монтолону об этом язвительно сказал генерал Гурго, тот ответил лишь, что не может ни подтвердить, ни опровергнуть ходившие слухи. Монтолон остался на острове и после отъезда жены с детьми во Францию. Он ни разу не просил разрешения покинуть императора и вернуться на родину, никогда не жаловался и лишь стремился оттеснить всех, кто претендовал на внимание Наполеона. Но достаточно ли всего этого, чтобы прийти к выводу, что Монтолон на Святой Елене выполнял поручение графа д'Артуа, который ради этого в свое время спас его от позора и тюрьмы? Граф д'Артуа в былые годы не раз пытался организовывать покушение на жизнь императора. Бурбоны были, несомненно, крайне заинтересованы в смерти Наполеона, но чтобы при этом она выглядела результатом естественных причин и не бросила даже тени подозрения на них самих. Отсюда и избранная система медленного отравления мышьяком — он ведь почти не оставлял следов, которые могли быть обнаружены при тогдашнем уровне химии и медицины. Недаром это был излюбленный яд у отравителей. Его даже называли «наследственным порошком», намекая, что он был средством ускорить кончину родственников с целью завладеть

их состоянием.

У Монтолона находились ключи от винного погреба в Лонгвуде — здании, которое занимал Наполеон на острове, и граф имел все возможности дозировать отраву. Интересно поведение Монтолона в последние месяцы жизни императора. Он явно хотел устранить Антоммарши, который был сведущ в анатомии и мог заметить при вскрытии симптомы отравления. Монтолон неоднократно заявлял губернатору Лоу, что якобы, по мнению Наполеона, ему нужен более квалифицированный доктор, чем Антоммарши, и что следует просить Людовика XVIII направить из Франции более сведущего медика. Вряд ли Наполеон, постоянно учитывавший в эти годы опасность отравления, мог просить прислать врача по выбору Бурбонов.

Если Наполеон подвергался постоянному отравлению мышьяком, то лекарства, которые давали ему врачи в последние месяцы его жизни, — рвотный камень и каломель (хлористая ртуть), рекомендуемые тогдашней медициной, — могли в сочетании с действием яда лишь ускорить конец (они могли подавить способность желудка при рвоте удалять попавшую в него отраву).

Монтолон получил по завещанию Наполеона крупное состояние — свыше 1 млн. франков. Надо отметить, что он впоследствии сохранял связи с бонапартистами. В 1840 г. он принял участие в авантюрном предприятии Луи Бонапарта (будущего Наполеона III), который отправился из Англии с группой своих приверженцев во Францию для захвата власти. Монтолон был арестован. Он все еще находился в тюрьме, когда в Париж был торжественно перевезен с острова Святой Елены прах Наполеона и погребен в Доме инвалидов. При перезахоронении гроб был открыт и выявилось, что хотя труп не подвергался бальзамированию, он исключительно хорошо сохранился за 19 лет, истекших с 1821 г., что происходит, когда в тканях тела содержатся большие дозы мышьяка.

Итак, химический анализ волос Наполеона, которые находились у нескольких лиц, проживавших в разных странах (часть этих волос почти несомненно подлинная), дал одинаковый результат — высокое содержание мышьяка. Но если даже волосы действительно принадлежали Наполеону, мышьяк мог попасть в них от пудры. Наполеону могли прописывать лекарства, содержащие небольшие дозы мышьяка, без всякого намерения отравить императора. Прием этих лекарств вполне может объяснить наличие мышьяка в волосах. Наконец, мышьяк использовали и как средство консервации, и отрезанные волосы могли быть пропитаны мышьяком уже после смерти Наполеона с целью их сохранения. Кроме того, мышьяк мог попасть в тело, когда оно лежало в земле.

Между прочим, отметим, что слухи об отравлении Наполеона появились еще в последние годы его жизни. Они муссировались самим Наполеоном и его ближайшим окружением, включая того же Монтолона, с целью добиться перевода бывшего императора с острова Святой Елены в другое место ссылки. Эти слухи неоднократно воспроизводились в тогдашней печати и даже стали в 1818 г. предметом обсуждения на Аахенском конгрессе Священного союза.

Тем не менее французские газеты заподозрили Форсхувуда и его соавторов в запоздалой попытке реабилитации действий английского правительства, приведших к преждевременной смерти Наполеона.

Однако в самой Франции имела хождение еще менее обоснованная легенда, связанная с кончиной императора. Существовало предание о бегстве Наполеона с острова Святой Елены. Оно приписывало тайной бонапартистской организации похищение бывшего императора из-под стражи и подмену его чрезвычайно похожим на Наполеона капралом Франсуа Робо, который и умер на Святой Елене 5 мая 1821 г.

Двоюродный дядя Наполеона кардинал Феш и мать императора Летиция осенью 1818 г. и в 1819 г. действительно были-как это ни странно — одно время убеждены в том, что узник острова Святой Елены сумел спастись бегством. Именно поэтому они, отвергнув возможность направить к Наполеону первоклассного врача, что было связано с немалыми расходами, послали взамен молодого доктора Антоммарши. Скаредная Петиция, тем не менее ничего не жалевшая для сына, конечно, не хотела тратиться на медика для лечения человека, который подменил императора.

Послушаем теперь другие доводы сторонников этой теории, например т.д. Уиллера,

автора книги «Кто покоится здесь. Новое исследование о последних годах Наполеона» (Нью-Йорк, 1974 г.). Он подчеркивает, что у Наполеона уже имелся опыт незаметного исчезновения с острова — побег в 1815 г. с Эльбы. Подготовка к этому бегству включала и использование приемов, позволивших обмануть вражеских лазутчиков, которых подсылал к Наполеону британский комиссар на Эльбе Кемпбел, так же как и губернатор острова Святой Елены Гудзон Лоу, помешанный на шпионаже. Поскольку секреты приготовления к бегству с Эльбы не были раскрыты, их повторили на Святой Елене. Нельзя поверить, что такой человек, как Наполеон, был готов смириться со своей участью. Он решил покинуть остров, но так, чтобы тюремщики и после его бегства не подозревали об этом. Наполеон совершенно сознательно обострял отношения с губернатором и его чиновниками, разыгрывая сцены гнева, с тем чтобы держать англичан подальше от Лонгвуда. Поскольку вся переписка Наполеона и его приближенных просматривалась Лоу, а потом и в Лондоне, пленники прибегали начиная с 1816 г. к посылке тайных курьеров. Бонапартисты не раз делали попытки организовать бегство Наполеона. Одну из них предприняла его бывшая любовница Полина Фуре («Клеопатра»), которой после развода Наполеон нашел нового богатого мужа. Госпожа де Раншу (как стала именоваться Полина) в 1816 г. приехала в Рио-де-Жанейро и купила корабль «Тру бладид янки» для спасения Наполеона. Несмотря на неудачу этой попытки, Полина продолжала действовать вместе с другими бонапартистами в Бразилии. Воспоминания приближенных Наполеона о жизни в Лонгвуде весьма тенденциозны, а мемуары англичан передавали лишь ходившие слухи, поскольку к бывшему императору изредка приглашали лишь отдельных лиц — врачей или путешественников, ненадолго прибывших на остров. Никто из посторонних, посетивших Наполеона с 1818 по 1821 г., не был знаком с ним в прежние времена. Никто из англичан с осени 1818 г. не видел вблизи знаменитого пленника.

Сам же Наполеон якобы добрался до Италии, где и поселился в Вероне под именем лавочника Ревара. Там он жил до 1823 г. В сентябре этого года Ревар исчез, а через пару недель часовой, охранявший Шенбруннский замок в Вене, где лежал больной сын Наполеона, застрелил какого-то незнакомца, пытавшегося перелезть через каменную дворцовую ограду. Тело убитого отказались выдать явившимся немедленно представителям французского посольства и похоронили рядом с тем местом, которое было предназначено для погребения жены и сына Наполеона. Этот рассказ с некоторыми вариациями был не раз использован в литературе: на него падал отсвет «наполеоновской легенды», которой отдали дань Пушкин, Лермонтов, Гейне.

С конца 1817 г. и особенно начиная с 1818 г. под разными предлогами остров покинули многие приближенные императора — генерал Гурго (Ла Каз уехал еще в 1817 г.), потом сразу шестеро слуг, а также слуги приближенных Наполеона. К середине 1819 г. осталась только половина из живших ранее в Лонгвуде французов.

25 августа мадам Бертран написала в письме к родным: «Мы добились успеха. Наполеон покинул остров». Эта перехваченная записка вызвала большую тревогу в Лондоне. Лоу получал строгие приказы, но Наполеон уже был подменен Робо, которого еще в 1808 г. взяли на роль двойника и, возможно, подучили для хорошего исполнения этой роли. Робо, вероятно, приехал на одном из кораблей Ост-Индской компании, которым разрешали бросать якорь в гавани Джеймстаун. Больной Робо должен был умереть — это было важно для «наполеоновской легенды» и чтобы спасти участников побега от жестоких преследований. Наполеон, уехав в Верону, поддерживал связи с Робо и, вероятно прислал свое завещание (оно ведь было якобы написано на Святой Елене в присутствии одного только Монтолона). Вероятно, о побеге знали по крайней мере некоторые из представителей союзных держав — русский, австрийский, французский комиссары, но они по различным мотивам предпочли не заявлять об этом. Таковы главные аргументы сторонников версии о бегстве Наполеона — они, как и многие другие дополняющие их доводы, по сути дела, являются простыми предположениями.

Версия о подмене Наполеона не подтверждена никакими доказательствами. Все документальные свидетельства, которые приводились ее приверженцами (например, запись в архиве селения Баленкура, департамент Мез, — на родине Робо — о том, что тот умер на острове Святой Елены), при проверке оказались вымыслом. Легенда страдает и явными противоречиями. Робо уехал из Баленкура в конце 1818 г., между тем болезнь, которая свела в

могилу Наполеона, обнаружилась еще за год до этого, в октябре 1817 г. Бумаги, которые писал и диктовал Наполеон в последние годы и даже месяцы жизни, свидетельствовали о знании сотен вещей, множестве подробностей, деталей, которые были известны только императору, а никак не его двойнику. (Сведения о провалах памяти у Наполеона в это время, на которые ссылаются сторонники легенды, не соответствуют действительности.) В 1823 г. Наполеон достиг бы 54-летнего возраста, и вряд ли тучный больной человек мог перелезть ночью через высокий каменный забор, окружавший Шенбруннский замок. Таким же образом оказываются неправдоподобными и другие эпизоды рассказа о подмене Наполеона, не говоря уж о тех, которые прямо опровергаются сохранившимися документами.

В 1968 г. французский историк Ж. Ретиф де ла Бретонн выдвинул гипотезу о подмене англичанами тела умершего Наполеона трупом скончавшегося за три года до этого домоправителя пленного императора — Франческо Чиприано. Он был уличен Наполеоном в шпионаже в пользу англичан и отравился крысиным ядом. По мнению французского историка, в 1840 г. в Париж перенесли останки Чиприано, а тело Наполеона было похоронено в часовне в Вестминстерском аббатстве. Эта гипотеза также была сочтена необоснованной большинством занимавшихся ею историков.

С крушением наполеоновской империи связан классический случай «коммерческой» разведки, то есть сбор сведений в коммерческих целях.

Еще в позднее средневековье наряду с «государственной» разведкой Венеции и других торговых республик зародилась частная разведка крупных североитальянских торговых компаний.

В XVI в. свою разведку имел южногерманский банкирский дом Фуггеров, который давал деньги многим европейским монархам и должен был в точности знать, насколько надежны положение и платежеспособность его должников. Впрочем, эта разведка не смогла предусмотреть полное банкротство главного должника — испанских Габсбургов, которое подорвало могущество Фуггеров. В начале XIX в. свою разведку имел банкирский дом Ротшильдов. Она действовала, против Наполеона (хотя и он, в свою очередь, использовал не раз деловую переписку этих финансистов, чтобы вместе с векселями и траттами регулярно получать разведывательные донесения из Лондона). Благодаря ей лондонский банкир Натан Ротшильд в июне 1815 г. первым в Лондоне задолго до прибытия правительственного курьера узнал о полном поражении французского императора при Ватерлоо. Ротшильд сначала стал играть на бирже на понижение английских государственных облигаций, а так как все за ним следили, ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, что банкир имеет сведения о сокрушительном разгроме британских войск. Биржевики бросились сбывать свои бумаги, опасаясь их дальнейшего падения. Возникла паника, котировка падала все ниже и ниже. А тем временем Ротшильд через подставных лиц скупил по дешевке огромное количество ценностей. Назавтра все узнали о результатах сражения при Ватерлоо. Курс бумаг резко подскочил вверх, и Ротшильд нажил на «досрочно» полученном известии огромное состояние.

В течение нескольких последующих десятилетий английское правительство поручало многие шпионские задания частной разведке, открещиваясь от всякой ответственности за ее действия.

Граф Монте-Кристо

После поражения Наполеона префект парижской полиции Паскье принял меры, чтобы обеспечить себе теплое место в администрации вернувшихся Бурбонов. В официальных бумагах не осталось никаких упоминаний о видных роялистах, состоявших агентами наполеоновской разведки. Зато Людовик XVIII, принявший Паскье, получил от него из рук в руки оригинальный подарок — изящно переплетенный том, содержащий список всех агентов полиции начиная с 1790 г. Пвскье уверил короля, что это единственный экземпляр столь ценного реестра. Может быть, это соответствовало действительности. Несомненно, однако, что список был не совсем полным — в нем отсутствовали имена немалого числа влиятельных роялистов. Они сумели оценить скромность Паскье, усердно способствуя его карьере (он стал позднее министром иностранных дел) и всячески стараясь поднять престиж бывшего

императорского префекта в глазах и без того благосклонного к нему короля.

Между прочим. Реставрация не уменьшила количества соперничавших полиций и разведок. Были дворцовая полиция, полиция графа д'Артуа — наследника престола, военная полиция, разведки отдельных министров, собственная полиция и разведка духовенства. Это перечисление можно легко продолжить. Специальную разведку завело и французское посольство в Лондоне. Ее возглавлял в 1822 г. некий Бривазак-Бомон. Эта разведка имела прежде всего задачу наблюдать за бонапартистами, но отнюдь не гнушалась и дипломатических тайн. Бривазак-Бомон тратил на разведку больше, чем присылали из Парижа, в результате два раза попадал в долговую тюрьму. Позднее его отозвали, но созданная им секретная служба продолжала активно действовать.

Полиция Реставрации очень гордилась улучшением техники перлюстрации писем, особенно дипломатической корреспонденции, при вскрытии которой приходилось соблюдать особые меры предосторожности. Служащий полиции, некий Лендар, изобрел быстро застывавший сплав, с помощью которого можно было легко по конвертам, запечатанным сургучом, делать копии употреблявшихся дипломатами печатей. Впрочем, использовался и другой, старинный способ. Был подкуплен, например, служащий британского посольства, который передавал на просмотр французской полиции все посылавшиеся через него депеши. Англичанин брал недорого — всего 300—400 франков в месяц (эти деньги ему еще выплачивались осенью 1822 г.).

К эпохе Реставрации относится действие одного из наиболее известных романов А. Дюма «Граф Монте-Кристо», сюжет которого большинству читателей хорошо знаком с детских лет. Однако далеко не всем известно, что главные линии сюжета знаменитый французский романист позаимствовал из исторической работы некоего Пеше, основанной на архиве парижской полиции. Дюма отнес начало романа к 1814—1815 гг. — ко времени первой Реставрации. Юный моряк Эдмон Дантес, выполняя последнюю волю своего умершего капитана, привозит во Францию письмо, не подозревая, что в нем содержатся инструкции тайной бонапартистской организации, подготовлявшей возвращение Наполеона с острова Эльбы. Данглар, завидовавший сослуживцу, который теперь стал капитаном корабля, и Фернан, мечтавший отнять у него невесту Мерседес, пишут донос на Дантеса. Следователь Вильфор приказывает без суда заточить Дантеса в замок Иф. Таким путем этот судейский чиновник, сделавший карьеру при Бурбонах, надеется скрыть, что Дантес привез письмо к отцу Вильфора — руководителю бонапартистского подполья.

В жизни все было иначе, хотя тоже самым непосредственным образом было связано с происходившей тогда ожесточенной тайной войной. Прототипом Дантеса являлся бедный парижский сапожник Франсуа Пико родом из Нима. Однажды он зашел к своему земляку трактирщику Матье Лупиану и с торжеством сообщил радостную новость — в следующий вторник он женится на богатой и красивой девушке Маргарите Вигору. Завистливый кабатчик был уязвлен в самое сердце. Когда Пико ушел, Лупиан предложил трем своим приятелям, тоже уроженцам Нима, наказать хвастуна Пико. Сказано — сделано. Несмотря на робкие возражения одного из друзей, Антуана Аллю, был состряпан донос полицейскому комиссару, а тот поспешил переправить его начальнику одной из наполеоновских полиций Савари. В доносе утверждалось, будто Пико — агент английской разведки, дворянин из Лангедока, обеспечивающий связь с роялистами в южных и восточных департаментах Франции. По приказу Савари Пико был схвачен и брошен в темницу. Тщетно родители и невеста пытались наводить справки — арестованный исчез без следа.

Семь лет просидел Пико в мрачном каземате. Другой заключенный — прелат из Милана, также, очевидно, жертва тайной войны, завещал ему свое наследственное имение, капиталы, вложенные в иностранные банки, рассказал о тайнике, где им было спрятано много золота и драгоценных камней. После падения Наполеона Пико в 1814 г. вышел из тюрьмы и отправился в Италию, потом в Амстердам и вступил в права наследства.

Трудно было поверить, что этому сгорбленному от страданий человеку всего 34 года, невозможно было узнать в нем прежнего жизнерадостного и веселого малого, завоевавшего любовь красавицы Маргариты. Однако бедный ремесленник вышел из тюрьмы миллионером.

Во время Ста дней Пико притворялся больным. После вторичного воцарения Бурбонов он

стал наводить справки о причинах своего ареста. Он узнал, что его невеста Маргарита Вигору два года ждала пропавшего жениха, а потом приняла предложение кабатчика Лупиана. Под именем аббата Бальдини Пико приехал в Рим, где жил Антуан Аллю. Итальянский священник рассказал Аллю, что во время владычества Наполеона его, Бальдини, держали в суровом заключении в Неаполе, в замке Окуф. В тюрьме Бальдини познакомился с Пико. Тот перед своей кончиной просил прелата выполнить одну его просьбу. Он, Пико, получил от другого заключенного — англичанина в наследство алмаз стоимостью 50 тыс. франков. Пусть Бальдини съездит в Рим к Антуану Аллю и расспросит, не известна ли ему причина ареста Пико. Если Аллю согласится рассказать об этом, Бальдини должен передать ему в подарок алмаз, а сам вернуться в Неаполь и начертать имена людей, погубивших Пико, на его могильной плите. После некоторых колебаний Аллю назвал имена Лупиана и двух его сообщников. Получив алмаз, Аллю продал его ювелиру за 60 с лишним тысяч франков. Однако вскоре Аллю узнал, что драгоценный камень был перепродан ювелиром какому-то турецкому купцу за сумму, вдвое большую. Подстрекаемый женой, Аллю убил ювелира и похитил его деньги, после чего преступная чета скрылась.

А Пико приступил к осуществлению своего плана мести. Он добыл отличные рекомендации и нанялся официантом в ресторан, который содержал разбогатевший Лупиан. Его жене показалось знакомым лицо нового слуги по фамилии Просперо, но и она не узнала его. Двое соучастников Лупиана по-прежнему часто бывали у земляка. Вскоре одного из них нашли на мосту заколотого кинжалом, на ручке которого были вырезаны слова «Номер первый». Прошло немного времени, и был отравлен другой сообщник. К черному сукну, которым был обтянут его гроб, кто-то прикрепил записку: «Номер второй». Еще до этого на семью Лупиана обрушились тяжкие несчастья. Его дочь была обесчещена каким-то богатым маркизом. Он, правда, неожиданно согласился жениться на обольщенной им девушке, но во время свадебного бала выяснилось, что мнимый маркиз — беглый каторжник, который снова скрылся от преследовавшей его полиции. А еще через несколько дней сгорел дом, где помещался ресторан Лупиана. Прошло немного времени, и юного сына Лупиана втянули в воровскую компанию. Его арестовали и приговорили к 20 годам тюрьмы. Жена Лупиана умерла от горя, а дочь стала любовницей Просперо, который обещал уплатить долги ее отца.

Поздно вечером в темной аллее парка Тюильри Лупиан встретил человека в маске. Это был Пико, который рассказал Лупиану о своей мести и поразил его кинжалом, на котором было написано «Номер три». Однако, когда Пико покидал место преступления, на него набросился какой-то незнакомец, заткнул рот, связал веревками руки и ноги. Пико пришел в себя в темном подвале. Незнакомец — Аллен Аллю, который наконец догадался, кто погубил Лупиана и его друзей. Несколько дней Аллю издевался над теперь беззащитным Пико, морил его голодом и жаждой, требуя за каждый кусок хлеба и глоток воды 25 тыс. франков. Пико, которого богатство сделало скупым, отказывался платить до тех пор, пока голод; и страх не лишили его рассудка. Надежды Аллю овладеть миллионами Пико были разрушены. Аллю в ярости убил своего пленника и бежал в Англию. В 1828 г., перед кончиной, он признался во всем католическому священнику, который под диктовку умирающего записал страшный рассказ о целой цепи преступлений. Скрепленный подписью Аллю, этот документ поступил в архив парижской полиции, был изложен в работе Пеше и стал после этого материалом для лучшего романа Дюма.

Конечно, под пером художника мрачная история Пико преобразилась. Кровожадный убийца превратился в мстителя, воплощавшего справедливость и правосудие. Не известно, чем руководствовался Дюма, отнеся арест своего героя ко времени не империи, а Реставрации. Возможно, здесь сыграло роль стремление приблизить годы, когда в «Графе Монте-Кристо» развертываются сцены мщения, ко времени написания романа (таковым было пожелание издателя). Однако Эдмона Дантеса, как и Франсуа Пико, бросают в тюрьму на основании столь же обычного, сколь и страшного в ту эпоху обвинения, что он — секретный агент неприятеля. Герой «Графа Монте-Кристо», как и его прототип, становится одной из многих случайных жертв тайной войны.

Пинкертон и веселая вдова

Условия гражданской войны в США (1861—1865 гг.) наложили сильный отпечаток на секретную службу северян и южан. На Севере центральный государственный аппарат, включая армейские круги, накануне войны буквально кишел сторонниками южных мятежников или по крайней мере сочувствующими рабовладельческой Конфедерации и поборниками примирения с нею любой ценой. Секретную службу пришлось фактически строить с самого начала. Она стала пополняться различными людьми. Одни шли в нее, охваченные общим подъемом народной борьбы против рабовладельческого мятежа, другие — во имя интересов собственной карьеры, в погоне за чинами и золотом, причем среди них также оказывалось немало сторонников компромисса с Югом. Были, впрочем, и расчетливые честолюбцы, не обделенные ни умом, ни энергией, ни силой воли, которые делали ставку на использование народных настроений, ожесточенной борьбы против рабовладельцев, чтобы, изображая непреклонных борцов с мятежниками, добиваться личного продвижения, почестей и власти.

К их числу, несомненно, принадлежал и 36-летний уроженец Нью-Йорка Лафайет Бейкер, внук одного из известных деятелей войны английских колоний в Северной Америке за независимость. К 1861 г. за плечами Бейкера был уже немалый опыт странствий по стране, участия в наведении жесткого буржуазного «порядка» в Сан-Франциско.

В годы гражданской войны Лафайет Бейкер стал главой секретной службы Соединенных Штатов. Его не без основания прозвали «американским Фуше».

Соперником Бейкера, организовавшим широкую разведывательную сеть на Юге и контрразведывательную — на Севере, был директор частного сыскного агентства Аллен Пинкертон. (Его фамилия была использована в бесчисленных детективных романах.) Сын полицейского офицера из Шотландии, убитого во время стычки с забастовщиками, Аллен Пинкертон, если верить его биографам, в молодости пережил увлечение радикализмом и вынужден был покинуть родину, чтобы избежать тюремного заключения за участие в рабочем движении. Как бы то ни было, в Америке мы его сразу же видим в другой роли — сначала сыщика в полицейском управлении Чикаго, а потом организатора частного детективного агентства, уже тогда и особенно впоследствии широко использовавшегося предпринимателями для слежки за рабочими, для организации провокаций во время стачек и т.п.

Однако в борьбе с Югом симпатии Пинкертона находились на стороне северян. Его агентура сообщала ему о тайных планах южан еще до начала гражданской войны. Так, Пинкертону удалось узнать о готовившемся в штате Мэриленд покушении на недавно избранного президента Авраама Линкольна. В Балтиморе, столице этого штата, на одной из улиц несколько заговорщиков, инсценировав драку, должны были отвлечь внимание, а восемь других, отобранных в результате тайной жеребьевки, намеревались броситься к экипажу президента и убить его. В разговоре с Линкольном Пинкертон уверял, что его агент даже принимал участие в этой жеребьевке. Получая отовсюду тревожные сигналы, Линкольн согласился принять меры предосторожности.

Избраннику американского народа пришлось приезжать на железнодорожные вокзалы в наглухо закрытых каретах. Были приняты меры для временного прекращения движения поездов по железным дорогам, чтобы воспрепятствовать столкновению с экспрессом президента. Агенты Пинкертона перерезали телеграфные линии, чтобы заговорщики не успели сообщить о передвижении поезда, в котором ехал Линкольн. В Филадельфии Пинкертон, напротив, с помощью уловки задержал регулярный ночной экспресс, отправлявшийся в Вашингтон. Кружным путем президента доставили в закрытом экипаже с вокзала на вокзал, где до этого одна женщина из числа агентов Пинкертона закупила большое число мест в спальном вагоне. Она объясняла всем, что предполагает везти в столицу своего больного брата и его друзей. Пинкертон и его помощники тщательно следили за путем следования поезда, заранее зная наиболее опасные места, где могла быть сделана попытка покушения.

Поезд прибыл в Балтимор в половине четвертого утра. Чтобы продолжить путешествие, надо было пересесть в поезд на другом вокзале. Экипаж ехал через весь город. Путешествие по ночному Балтимору прошло без происшествий — заговорщики не проникли в секрет изменения маршрута и времени проезда президента. Однако на вокзале выяснилось, что поезд отправится только через два часа. Это были часы тягостного ожидания, когда каждую минуту инкогнито

Линкольна могло быть раскрыто и он оказался бы беззащитным в руках своих злейших врагов. Впрочем, президенту удалось скрасить время мучительного напряжения, рассказывая своим спутникам различные веселые истории и анекдоты. Вскоре подошел железнодорожный состав, и балтиморский заговор 1861 г. окончился полной неудачей.

С начала войны Пинкертон предоставил себя в распоряжение генерала Мак Клеллана, назначенного Линкольном после первых неудач федеральной армии главнокомандующим войсками Севера. Мак Клеллан, избранник и любимец крупной северной буржуазии, не сочувствовал стремлению превратить борьбу против Юга в революционную народную войну за ликвидацию рабства. Позднее он стал сторонником соглашения с Югом и соперником Линкольна на президентских выборах 1864 г. Таким образом. Пинкертон явно связал себя с наиболее консервативной частью северной буржуазии, помышлявшей о компромиссном мире с Югом. Но соглашаться на условия, выдвигавшиеся рабовладельцами, идти на раздел страны не хотели и эти буржуазные круги. И Пинкертон, продолжая сохранять лояльность правительству Линкольна, стал усердно заниматься выслеживанием агентов южан в Вашингтоне.

Пределы его деятельности были сразу же, однако, резко ограничены. Пинкертон мог ловить и арестовывать прямых агентов Юга, передававших шпионские донесения о передвижениях войск северян. Но он и пальцем не осмелился тронуть тех многочисленных представителей банковских и торговых кругов, которые требовали мира с южанами-плантаторами, открыто выступали в скупленных ими газетах против стремления окончательно подавить мятеж рабовладельцев и освободить невольников. Эти «медянки», как тогда называли симпатизировавших Югу, могли почти до самого конца войны практически без препятствий продолжать свою деятельность. А она включала в себя и тайную корреспонденцию с главарями южан о согласовании действий против президента Линкольна, и провоцирование антиправительственных волнений в Нью-Йорке и других городах, и попытки помешать вербовке солдат в армию. Все это «не касалось» ни Пинкертона, ни других организаторов федеральной контрразведки.

Но и без этого у них было дел по горло. Чувствуя безнаказанность, агентура южан в Вашингтоне окончательно распоясалась. Показателен случай со шпионкой Розой О'Нил Гринхау, особняк которой, как впоследствии писали южане, находился на расстоянии «ружейного выстрела от Белого дома». Рано овдовевшая миссис Гринхау имела большое число знакомых в самых высокопоставленных кругах столицы. Многие из ее друзей, правда, перекочевали на Юг, заняв важные правительственные посты в Конфедерации. Но их сменили другие влиятельные люди, среди которых был государственный секретарь Сьюард. Роза Гринхау стала фактически руководителем широко разветвленного шпионского центра, собиравшего самую различную информацию о северной армии и переправлявшего ее рабовладельческому правительству Юга. Тысячи и тысячи солдат армии северян заплатили жизнью за долго не прерывавшуюся ничьим вмешательством деятельность веселой вдовы из Вашингтона. Ее информация сильно способствовала поражениям, которые потерпела армия северян в первые месяцы гражданской войны.

За ликвидацию этого шпионского гнезда и должен был взяться Пинкертон. Целыми днями он наблюдал за домом Розы Гринхау. Как-то раз ее посетил один из многочисленных поклонников. Сыщик узнал в нем пехотного капитана, служившего в управлении военной полиции. Пинкертону удалось выяснить, что он принес шпионке карту вашингтонских укреплений, и даже подслушать их разговор. Разумеется, Пинкертон и сопровождавший его помощник стали следить за офицером и после того, как он покинул гостеприимный дом. Очевидно, капитан заметил слежку. На углу Пенсильвания-авеню он вдруг исчез за одной из дверей дома, откуда почти немедленно вышли со штыками наперевес четверо солдат, которые… арестовали обоих сыщиков. Здание оказалось казармой, и капитан, считавший себя хозяином положения, стал допрашивать арестованных. Пинкертон назвался Е. Д. Алленом — псевдонимом, которым пользовался, работая сыщиком. Ночь Пинкертон провел в темной камере, и эта ночь могла оказаться далеко не единственной, если бы ему не удалось завоевать доверие часового и передать через него весть о себе.

Наутро Пинкертон был, конечно, сразу же освобожден. После доклада контрразведчика военному министру капитана задержали. Его год держали за решеткой, но он отказывался

сообщить какие-либо сведения. Однажды заключенного нашли на полу камеры с перерезанным горлом. Осталось неизвестным, было ли это самоубийство или имитация самоубийства, совершенная агентами южан, чтобы избежать разоблачений. При засоренности правительственного аппарата сторонниками рабовладельцев в этом не было бы ничего удивительного. Роза Гринхау, правда, в конце концов была арестована, но, несмотря на доказанность обвинения, подержав некоторое время в тюрьме, ее отправили на территорию, занятую южанами. Там шпионку с почестями встретили и восхваляли руководители Конфедерации.

Пинкертону удалось сплести свою разведывательную сеть в южных штатах. Так, успешным разведчиком оказался принятый им на службу рядовой 21-го пехотного нью-йоркского полка Дейв Грехем. Под видом коробейника, разносчика и мелочного торговца он исходил вдоль и поперек многие районы расположения армии южан. Однажды он даже взорвал склады и вагоны, груженные боеприпасами. Кажется, Грехем ни разу не вызвал серьезных подозрений у южных властей. Ему даже не пришлось, выпутываясь из затруднительных положений, прибегнуть к своему коронному трюку. Грехем умел настолько артистически изображать эпилептический припадок, что вводил в заблуждение и опытных врачей.

Успешной была деятельность Элизабет ван Лью в столице Конфедерации Ричмонде. Она обладала одним неоценимым для разведчика преимуществом. По рождению и общественному положению ее считали своей в кругах правившей на Юге рабовладельческой знати. Правда, она не скрывала своей приверженности к Северу и даже организовала, несмотря на косые взгляды и прямые угрозы, медицинскую помощь и снабжение теплыми одеялами военнопленных армии северян, которых содержали под стражей в Ричмонде. Однако и эти открыто и демонстративно выказывавшиеся симпатии Северу оказались полезными для ее разведывательной работы — трудно было заподозрить человека, нисколько не скрывавшего своего сочувствия к врагу. В этой работе ей активно помогали слуги, состоявшие в основном из отпущенных ею на волю рабов. Мисс Элизабет имела небольшой участок земли за городом, где были разведены огороды. Это создавало удобный предлог для посылки за город слуг, которые исполняли обязанности связных. Более того, продолжая играть свою роль, она явилась даже на прием к Джефферсону Девису с требованием защиты против угроз со стороны соседей, яростно ненавидевших ее за помощь военнопленным. Что значительно важнее: по совету Элизабет одна из ее бывших рабынь, Мэри Элизабет Баузер, поступила служанкой в дом президента и часто с наступлением темноты встречалась со своей прежней хозяйкой.

Элизабет не только удалось создать довольно обширную разведывательную организацию. Она осуществляла руководство и разведчиками, которых засылали в южную столицу с Севера. В крайнем случае они всегда могли скрыться от преследования и найти убежище в ее доме. Среди агентов Элизабет было несколько чиновников военного министерства южан.

Элизабет ван Лю сообщила массу важных сведений генералу Батлеру и главнокомандующему северян генералу Гранту. Несколько раз к Элизабет подсылали провокаторов, неоднократно она находилась на грани разоблачения. Однако все обошлось благополучно, и она смогла встретить вступившие в апреле 1865 г. в Ричмонд войска северян. После ухода конфедератов Элизабет бросилась к зданию правительства, где среди массы сжигавшихся архивов пыталась разыскать бумаги, представлявшие интерес для федеральных властей.

История гражданской войны знает немало других разведчиков, во многом напоминавших тех, о ком рассказывалось выше, впрочем, как правило, менее удачливых.

Благочестие и порнография советника Штибера

Около 80 лет назад в Берлине была издана книга, повествующая — на основании неопубликованного личного архива недавно скончавшегося тайного советника Штибера — о его добродетелях и бескорыстном служении отечеству. Почти все, что читатель сейчас узнает, не вошло в книгу: Штибер и его душеприказчики предпочли умолчать о том, что представляет особый интерес для истории тайной войны.

Вильгельм Штибер родился в Саксонии в 1818 г. После окончания юридического факультета он стал довольно известным адвокатом по уголовным делам. Штиберу очень везло на процессах. Ему часто удавалось спасти от наказания многих своих заведомо виновных клиентов. Этот успех проистекал отнюдь не из адвокатского красноречия. Штибер стал издателем «Полицейского журнала» и приобрел солидные связи в полиции. Их укреплению способствовало также поступление Штибера на полицейскую службу в качестве тайного агента. В его обязанности теперь входило втереться в доверие к немецким революционерам и подстрекать их к авантюрам, которые помогли бы арестовывать и отправлять за решетку всех врагов прусской монархии.

При таких условиях судебные власти сквозь пальцы смотрели на то, что Штибер загодя узнавал о всех доказательствах, которые собирала полиция против его клиентов-уголовников, и мог заранее соответствующим образом подготовить защиту.

Однако настоящая карьера Штибера началась во время революции 1848 г. Однажды, в марте, он сумел спасти короля Фридриха Вильгельма, на которого напала угрожающе настроенная толпа. Штибер увлек короля в ближайшее здание и захлопнул дверь.

После этого случая и вплоть до 1857 г., когда Фридрих Вильгельм, и ранее выказывавший признаки ненормальности, окончательно сошел с ума, Штибер мог твердо рассчитывать на королевские милости. Он начал быстро продвигаться по службе к великой зависти своих менее удачливых коллег, считавших его невежественным дилетантом и выскочкой.

Совместно с другим полицейским чиновником, Вермутом, Штибер опубликовал в 1853 г. двухтомное сочинение «Коммунистические заговоры XIX века», которое в известном смысле является началом систематической фальсификации в буржуазной литературе истории революционного рабочего движения.

Штибер занялся фабрикацией документов, которые должны были служить предлогом для обысков, арестов и других полицейских преследований. Подложность документов, изготовлявшихся Штибером, вынужден был признать даже прусский королевский суд.

Однако жандармское рвение Штибера только увеличило к нему благосклонность короля, которому к тому же очень нравились ультрамонархические взгляды провокатора. В правительственных кругах острили: «Все у Штибера полицейское, даже фамилия». («Штибер» по-немецки — собака-ищейка.) А Фридрих Вильгельм с удовольствием каждый день заслушивал его длинные отчеты, которые состояли неизменно из двух частей: первая касалась «противоправительственной» активности революционеров, а вторая была посвящена… королевской свите и представителям прусского царствующего дома. О них Фридрих Вильгельм получал самые подробные сведения: от меню обеда до того, как в данный день складывались отношения братьев короля с их любовницами. С некоторого времени, как опытный царедворец,. Штибер к удовольствию Фридриха Вильгельма тактично стал передавать в закрытых конвертах отчеты о каждом из братьев короля.

В октябре 1854 г. король поручил Штиберу наладить шпионаж против Франции, Австрии и других государств. В марте 1855 г. прусский ландтаг выделил значительную сумму на финансирование шпионской службы, которую возглавлял Штибер.

Правда, потом, после помешательства короля, карьера Штибера прервалась на несколько лет. Он успел нажить много врагов, и, главное, его деятельность вызывала возмущение в широких кругах общества. Принц-регент (впоследствии король Вильгельм) считал благосклонность Фридриха Вильгельма к такому проходимцу, как Штибер, лишь еще одним свидетельством слабоумия своего предшественника. Штибера отдали под суд, но шпик ускользнул от наказания, утверждая, что все инкриминируемые ему незаконные деяния совершал по приказу Фридриха Вильгельма. Пойти на осуждение монарха прусский королевский суд, конечно, не мог, но Штиберу все же пришлось расстаться с государственной службой. Штибер даже уезжал в Россию, куда был приглашен для «консультации» в связи с реорганизацией царской тайной полиции. Однако и здесь Штибер «на всякий случай» собрал много сведений о состоянии русской армии, представлявших крупный интерес для прусского командования.

Тем временем в Пруссии взошла звезда Бисмарка. Штибер был представлен новому прусскому премьер-министру издателем подкупленной правительством газеты «Норддойче

альгемайне цайтунг» Брассом, который был известен более под именем «великого пресмыкающегося». Теперь бывшему чиновнику недолго пришлось убеждать главу правительства, что он, Штибер, является весьма полезным человеком.

Бисмарк предложил Штиберу организовать разведывательную службу против Австрии, с которой Пруссия собиралась воевать. Штибер понял, что ему нужен крупный успех и притом достигнутый лично им самим. Только таким путем разжалованный полицейский чиновник мог рассчитывать на новую карьеру. Штибер отправился в Австрию и стал путешествовать по стране под личиной коммивояжера. А торговал он двумя не совсем схожими изделиями: иконами и порнографическими картинками. Разделив род человеческий на овец и козлищ, Штибер считал, что ему удастся прельстить любого одним из этих товаров, если не обоими сразу. Разъезжая по деревням и оживленно болтая со своими покупателями, прусский шпион в обмен на припасенные им городские новости умел незаметно выудить сведения о дислокации воинских частей, о расположении укреплений и казарм.

В течение двух лет, с апреля 1864 г. по май 1866 г., Штибер исколесил вдоль и поперек все провинции Австрии, которые должны были стать ареной военных действий. В одном небольшом селении, когда он прислушивался к разговору торговцев на постоялом дворе, его узнали. «Это — Штибер!» — гневно закричал один из присутствовавших, указывая на бывшего главу прусской тайной полиции. Ночью под охраной двух австрийских жандармов Штибер был доставлен на границу. Но в Берлин он вернулся не с пустыми руками. Прусское командование получило подробные сведения о состоянии вооруженных сил будущего противника — столь подробные, сколь возможно было добыть без кражи секретных документов австрийского генерального штаба.

На территории Австрии были созданы шпионские гнезда, и когда вскоре прусские войска двинулись в поход, в каждом селении они находили заранее' указанного им человека, который сообщал детальные сведения о положении неприятельских сил, о местных ресурсах продовольствия и фуража.

Бисмарк мог быть доволен. Он поручил Штиберу создать особую службу — формально для охраны жизни короля и министров, а в действительности выполнявшую функции контрразведки. Подобной специальной контрразведывательной службы в мирное время не имела еще ни одна европейская страна.

Штибер занялся также организацией военной цензуры и военной пропаганды для поддержания духа внутри страны и дезориентации противника.

В 1866 г. прусские войска в короткой кампании разгромили австрийскую армию. Бисмарк начал подготовку к войне против Франции, которая оставалась главным препятствием на пути к объединению Германии «железом и кровью» под прусским владычеством. Щедро снабженный деньгами, Штибер опутал Францию густой разведывательной сетью, подобной которой еще не знала история шпионажа. На Штибера по настоянию Бисмарка посыпались награды и почести, хотя высокородные генералы и третировали полицейского-выскочку. Штибер стал главой полиции. Даже король Вильгельм покаялся, что вначале не сумел оценить этого верноподданного человека, оказавшего столь большие услуги.

С сентября 1866 г. по октябрь 1869 г. Штибер четыре раза ездил во Францию. Он и его ближайшие помощники — поляк Зерницкий и баварец Кальтенбах — прожили во Франции более чем по году, методически организуя одну за другой локальные ячейки прусской шпионской организации. Постепенно стала действовать целая армия шпионов — по позднейшему хвастливому утверждению Штибера — в 30 тыс. или даже 40 тыс. человек (на деле — значительно меньше). В их числе якобы было 4—5 тыс. человек, замаскировавшихся под местных крестьян, торговцев, мелких служащих, 7—9 тыс. служанок кафе, ресторанов и отелей, 600—700 бывших прусских унтер-офицеров, разъезжавших по Франции под видом коммивояжеров или путешественников, которые сами добывали сведения или собирали их от других шпионов Штибера.

Агентов Штибера интересовали не только военные планы, вооружение, организация и дислокация французской армии, но также характер и семейные связи офицеров и генералов. Заранее предвидя, что прусские войска вторгнутся на французскую территорию, Штибер детально выяснял пропускную способность всех французских дорог и мостов, расположение

складов, исчислял поголовье скота и домашней птицы в каждом из предполагаемых районов военных действий, поскольку будущие оккупанты намеревались содержать себя за счет местного населения. Были заранее установлены размеры контрибуции, которую можно будет наложить на каждый город, каждое селение, каждое крестьянское хозяйство. В 1870 г. прусская армия вторглась во Францию, обладая знанием всего того, что могло пригодиться для захвата и ограбления страны. Напротив, французы, по позднейшему признанию Наполеона III, не имели никаких сведений о противнике.

Во время самой войны Штибер был одним из организаторов беспощадного террора против мирного французского населения. Смертной казни подвергали за самые ничтожные или даже мнимые провинности, по простому подозрению. Однако, когда война приобрела для Франции характер освободительной борьбы против прусского нашествия, успехи Штибера заметно уменьшились. Сотни и тысячи людей, рискуя жизнью, пробирались с важными донесениями в осажденные пруссаками французские города, и контрразведка Штибера не смогла победить в этой тайной войне.

В январе 1871 г. в прусскую ставку для переговоров прибыл французский министр Жюль Фавр. Штибер вырядился лакеем и в течение переговоров Бисмарка с Фавром тщательно просматривал корреспонденцию французского представителя. В первый раз Штибер не успел сделать копии с некоторых документов, тогда Бисмарк нарочно под каким-то предлогом отложил на день заседание. Копии были сняты.

В своих мемуарах Штибер без удержу хвастает, что ему удалось провести Жюля Фавра. «Я вспоминаю, — иронически писал Штибер, — что я, стоя наверху лестницы, наблюдал, как карета, увозившая Фавра обратно в Париж, исчезала вдали. Почти падая от усталости, вызванной двумя бессонными ночами, я не мог все же не улыбаться, когда сжимал и бренчал монетами, которые вложил мне в руку Фавр».

Бахвальство Штибера не совсем лишено основания: он имел дело с матерым политиканом и, главное, с адвокатом, который был не только знаком со всеми преступными уловками своих клиентов, но и сам при случае пускал их в ход.

После окончания войны Штибер приступил к организации шпионской сети во многих европейских странах. Секретные фонды, расходуемые на шпионаж, выросли в 10—15 раз. Агентами Штибера были служащие отелей, продавцы в табачных лавках или гувернантки в богатых домах, странствующие ремесленники и фешенебельные кокотки, модные парикмахеры и скромные чиновники почтового ведомства. Шпионами у Штибера служили немцы, швейцарцы, бельгийцы, а также жители страны, в которой проводилась шпионская «работа».

В эти годы произошел один из колоритных эпизодов в деятельности Штибера — случай с французским генералом Сиссе. Этот генерал попал в плен во время франко-прусской войны. С ним обращались подчеркнуто хорошо. Генерал жил на вилле около Гамбурга и под честное слово не делать попыток к бегству получил разрешение пользоваться, в известных пределах, свободой. В Гамбурге он близко познакомился с молодой красавицей баронессой Каулой. Бездарный генерал оказался, несмотря на свои пожилые годы, отличным и искусным любовником. Связь стала настолько приятной, что разомлевший старик едва нашел в себе силы после войны покинуть место, где проходили столь приятно дни плена, и возвратиться во Францию. Его назначили командиром одного из корпусов версальских войск. По приказу Сиссе были расстреляны сотни коммунаров.

В 1875 г. Сиссе оказался на посту военного министра. Время было тревожное. Бисмарк замышлял новую войну, чтобы окончательно сокрушить Францию, быстро оправлявшуюся от военного разгрома. Штибер вызвал баронессу Каулу и попросил ее отправиться в Париж для новой встречи с генералом Сиссе. Просьба была равносильна приказу. Но он был излишним. Баронесса явно не имела ничего против возобновления знакомства с пускай не молодым, но пылким французским поклонником. Штибер щедро снабдил своего агента деньгами, и перекочевавшая во французскую столицу Каула быстро восстановила прежние связи с генералом. Ее роскошный дом был куда богаче квартиры Сиссе, вынужденного ограничиваться не очень большим жалованьем. Отдыхая в этом доме от трудового дня, Сиссе, облачась в халат и ночные туфли, часто рассказывал своей любовнице о трудностях и превратностях службы, о планах реорганизации французской армии. Все это напоминало скверный фарс, но на карту

было поставлено слишком многое.

Французская контрразведка — Второе бюро — вскоре заинтересовалась баронессой и установила, что она встречается со Штибером. Но Второе бюро могло ограничиться лишь тем, что Каулу быстро выдворили из Франции как нежелательную иностранку: президент Мак-Магон и правительство любой ценой стремились избежать скандала.

Однако победителем все же оказался Штибер. К тому времени, когда Каула была выслана в Германию, немецкая разведка знала все о французских планах, что ей было нужно.

Позднее великосветскую красавицу в роли главного немецкого шпиона заменил скромный кучер экипажа, принадлежавшего другому военному министру-генералу Мерсье. Под этой маской скрывался немец Людвиг Виндель. Вместе с Мерсье он объездил многие крепости и укрепленные районы Франции, которые посещал во время своих инспекционных поездок глава военного ведомства.

Виндель издал в Америке мемуары, к которым приложил гравюру, изображавшую его на козлах министерской кареты.

Начав свою службу разведчика в качестве офицера, прикомандированного к генеральному штабу, Виндель быстро продвигался по службе. Однажды ему было дано деликатное поручение — разузнать, кто являлся автором анонимных писем, в которых сообщалось много разоблачений относительно жизни великосветского общества. Виндель пришел к выводу, что автором этих наделавших много шума писем был близкий родственник кайзера Вильгельма II герцог Шлезвиг-Гольштинский. Доказательства Винделя были признаны неубедительными, и он сразу впал в немилость. После этого ему ничего не оставалось, как согласиться на службу ча границей. Совершая частые поездки по Франции, Виндель сумел добиться ряда заметных успехов: он разоблачил одного шпиона-двойника и, переодевшись в мундир французского артиллерийского офицера, посетил секретные армейские маневры. В 1893 г. Винделю было приказано проверить полученное известие о том, что французы выкрали чертежи немецкого торпедного аппарата и намереваются испытать его в Тулонском арсенале. Виндель на лодке приблизился к запретной зоне. Часовой подал ему знак остановиться. Тогда Виндель сделал вид, что оступился, и перевернул лодку. Потерпевшему была оказана помощь, а он тем временем успел разглядеть все, что ему было нужно, на территории арсенала. Вопреки полученным в Берлине сведениям, французы не собирались проводить испытания нового оружия. Виндель уверял, что ему удалось в 1896 г. похитить портфель начальника французского генерального штаба генерала Буадефра с бумагами, раскрывавшими французский мобилизационный план, а в 1897 г. выкрасть план фортификаций Парижа.

В 1875 и 1884 гг., когда Бисмарк предполагал спровоцировать новую войну против Франции, немецкие агенты подготовили планы разрушения французских железных дорог. О существовании разведывательной сети Штибера было широко известно, но большинство европейских стран не создало эффективной системы контршпионажа. Штибер же придавал большое значение контрразведке.

Интересный случай произошел уже после смерти Штибера. В 1893 г. немецким судом были осуждены два французских морских офицера — Дежуи и Дельге Малава, обвиненные в попытке составить карту укреплений Гельголанда. На суде выяснилось, что о путешествии этих офицеров на яхте к Гельголанду немецкая полиция узнала еще до того, как оба француза покинули Париж.

Наряду со шпионажем Штибер занимался налаживанием системы полицейской слежки, запугивания и шантажа внутри Германии.

Одним из нововведений «короля шпионов», как назвал Штибера восхищенный его успехами Вильгельм I, было создание в Берлине «Зеленого дома», или просто фешенебельного публичного дома под непосредственным управлением министра полиции. Любезно приглашавшиеся туда буржуазные политики и вообще власть имущие (вплоть до родственников императора) вначале втягивались в «обыкновенный» разврат, который вскоре дополнялся всеми видами извращений. Широко использовались также наркотики. Штибер позаботился, чтобы «уровень» разврата в его «Зеленом доме» был выше, чем где-либо в Европе. В результате в отношении жертв этого аристократического притона можно было проводить политику «кнута и пряника». Пряник мог легко обратиться в кнут; угроза позорного

разоблачения дополнялась часто не менее мучительной для жертвы угрозой лишить ее услуг «Зеленого дома». Штибер получил такие дополнительные рычаги власти, что стая одним из наибелее влиятельных людей в стране. Быть может, лучшим доказательством страха, который внушал Штибер, была нескрываемая и почти неприличная веселость толпы на его похоронах: это был действительно для многих праздник освобождения от угроз и вымогательств со стороны полицейской тени «железного канцлера».

Канцлер и карлик

Хотя регулярно выпускаемые памфлеты или пришедшие им на смену еженедельные и — значительно позднее — ежедневные газеты получили распространение в Европе еще в XVII в., долгое время их не считали имеющими отношение к возможному разглашению государственных секретов. Даже как орудие пропаганды эти издания имели ограниченное значение, повышавшееся во времена острых политических кризисов, таких как английская буржуазная революция середины XVII в., Фронда во Франции, война английских колоний в Северной Америке за независимость (1775—1783 гг.). Положение резко изменилось в годы Великой французской революции. После установления власти Наполеон I поставил печать под строгий полицейский контроль, который включал в себя и военную цензуру. С другой стороны, пресса, начиная с правительственного «Монитера», широко использовалась для распространен ния официальной пропаганды, в том числе путем преувеличения успехов и замалчивания неудач на войне, а также для введения в заблуждение противника. Это достигалось не столько печатанием фальшивых газетных номеров, которые, как мы помним, Шульмейстер передал австрийскому генералу Маку, сколько помещением ложной информации в самых подлинных французских изданиях. Вместе с тем Наполеон из английских газет узнал ряд важных новостей, в частности о передвижении армии Веллингтона на Пиренейском полуострове. Веллингтон писал, что «содержание всех газет — это разведывательные данные для неприятеля, на основании которых он строит планы своих операций».

Во время Крымской войны в январе 1855 г. лорд Раглан, командующий английскими войсками, которые совместно с французскими войсками осаждали Севастополь, писал военному министру о представителе газеты «Тайме» У. Расселе: «Я задаю вопрос, мог ли платный агент русского императора лучше служить своему хозяину, чем это делает корреспондент газеты, имеющей самый большой тираж в Европе». Впрочем, возможно, Раглан больше опасался критики своих действий, чем действительно раскрытия военной тайны. По крайней мере после войны Рассел письменно запросил русского командующего М. Д. Горчакова, узнавал ли он какие-либо секреты из его корреспонденции. Горчаков ответил, что никаких, которых бы он не знал заранее. Правда, царю Александру II приписывали утверждения противоположного характера.

Во время гражданской войны в США правительство президента Линкольна столкнулось с фактом выдачи газетами многих секретных сведений о передвижении войск. Поскольку на большей части театра военных действий не существовало сплошной линии фронта, эти газеты быстро попадали в руки южан. Разглашение военных секретов порой носило злосгный характер, было результатом враждебности «медноголовых» — влиятельных кругов на Севере, которые стремились к компромиссному миру с рабовладельцами. Газеты «медянок» нередко печатали ложную военную информацию с целью ввести в заблуждение не противника, а население северных штатов. В 1864 г. газеты «Нью-Йорк уорлд» и «Нью-Йорк джорнел оф коммерс» напечатали поддельную прокламацию президента Линкольна, в которой давалась мрачная оценка военного положения и провокационно объявлялось о мобилизации в армию еще 400 тыс. человек. Обе газеты отделались легко — запрещением выхода на три дня. Известный генерал Севера Шерман, обнаружив присутствие в его армии корреспондента «Нью-Йорк геральд» Т. Нокса, не получившего на это специального разрешения, приказал отдать репортера под суд как вражеского шпиона. Журналист был признан виновным, но президент Линкольн отменил приговор. Разгневанный вмешательством сверху, Шерман заявил: «Если уж американцы требуют и должны получать информацию, даже правдивую, но все же информацию, — пусть получают. Только они будут напоминать по своим привычкам пьяницу,

у которого настолько испорчены природные наклонности, что он находит удовлетворение лишь в коньяке». Когда Шерману сообщили, что несколько корреспондентов пропали без вести, он лишь пробурчал, что теперь будет получать к завтраку новости из ада. Шерман и Грант даже думали подать в отставку из-за разглашения газетами военных тайн. Шерман предлагал распространять в газетах ложные известия, чтобы подорвать доверие к печатавшейся там правильной секретной информации. Южный командующий генерал Роберт Ли тщательно изучал газеты северян; у него были даже любимые издания, сообщавшие особо ценные сведения, например «Филадельфия инкуайер».

Впрочем, немало тайн было выдано и южными газетами. На основании печатавшихся в них известий «Нью-Йорк геральд» в начале войны опубликовала сведения о численности армии южан, списки офицеров, причем военный министр Конфедерации признал потом, что эта информация была столь же точной, как и та, которой располагал он сам. В последний период войны президент рабовладельческой Конфедерации Д. Девис, чтобы приободрить население Джорджии, разболтал в своих речах планы борьбы против наступавшей армии Шермана. Некоторые современники уверяли, впрочем, без достаточного основания, что Шерман заимствовал из южных газет идею своего марша к морю, в результате которого территория Конфедерации была рассечена на две части и вскоре ее армия была разгромлена.

Примеры разбалтывания военных секретов печатью очень многочисленны. Во время франко-прусской войны 3-я немецкая армия после сражения при Верте, двигаясь на запад, разминулась на два-три перехода с французскими войсками Мак-Магона, наступавшими на восток. Однако немцам попалась французская газета, сообщавшая, что армия Мак-Магона находится в Реймсе. Немецкое командование направило свои войска на север и воспрепятствовало планам французов. Утверждают, будто незадолго до сражения при Седане Мольтке получил из английских газет точную картину расположения французской армии.

Примером преступного разглашения военной тайны может также служить «Вестник маньчжурской армии», издававшийся царским командованием во время русско-японской войны. В нем печатались сообщения о прибытии на Дальний Восток различных воинских соединений, отчеты о расположении частей, приказы, содержавшие данные о составе и состоянии различных корпусов и дивизий. В «Вестнике» публиковалось множество объявлений о розыске военнослужащими родных и друзей. Эти объявления давались офицерами, указывавшими свои адреса, что еще более раскрывало картину дислокации русских войск на Дальнем Востоке.

Военная цензура не только как средство пресечения утечки военных секретов, но и как орудие дезинформации противника и военной пропаганды широко применялась пруссаками во время войн против Франции. Этим делом занимался Штибер.

Методы разведки использовались и журналистами с целью добывания информации для своих газет.

…28 марта 1871 г. рабочие Марселя, следуя примеру Парижа, захватили власть в главном портовом городе Южной Франции. Революционеры овладели почтой и телеграфом, установили контроль над отправлявшейся корреспонденцией.

Глава версальского правительства Тьер поручил восстановление буржуазного «порядка» в Марселе генералу Эспивану де ла Вильбоне. Это был тупой монархист и клерикал, сделавший карьеру угодливостью в гостиных знатных дам и выказавший полную неспособность в войне против Пруссии. Теперь этот чванливый и жестокий палач, обрадованный приказом кровавого карлика из Версаля, собирался взять реванш в сражении с коммунарами, не имевшими ни патронов, ни продовольствия. И тут генералу предложил свои услуги другой карлик — франтовато одетый, маленький толстый человечек на непомерно коротких кривых ножках и с огромной уродливой головой. Жирное лицо карлика, окаймленное «солидными» баками, украшали рачьи глаза и оттопыренная нижняя губа. Его жена, разъяснил он, сдавала внаем в своем доме квартиру Восточной телеграфной компании, которая имела свой собственный кабель до города Орана в Алжире. Компания разрешила присоединить этот провод к кабелю, идущему в Версаль. Так была установлена связь с правительством Тьера, и генерал Вальбоа получил окончательные инструкции о расправе с инсургентами.

Марсельская коммуна была потоплена в крови. А супруг домовладелицы за свои

шпионские заслуги был уполномочен лично сообщить об этом в Версаль.

Карлик на кривых ножках звался Генрих Георг Стефан де Бловиц. Он родился в 1825 г. в Чехии в немецкой дворянской семье. Однако мы знаем историю ранних лет жизни Бловица только из его собственных «Мемуаров», а они скорее напоминают не воспоминания, а плутовской роман, правда, очень подпорченный непомерным тщеславием автора и главного героя этого повествования. Если верить Бловицу, когда ему было 16 лет, цыганка в глухой деревне на хорватской границе предсказала его дальнейшую судьбу.

«Когда колдунья подошла ко мне, — рассказывает Бловиц, — она внезапно оживилась и ее тусклые глаза засверкали.

— Никогда еще не видела такую руку, как у тебя, — сказала она. — Тебя ждет завидная судьба.

— Что именно? — спросил я.

— Ты будешь сидеть рядом с королями и обедать вместе с принцами».

И действительно, воспоминания Бловица до краев заполнены рассказами о его непрерывных успехах в высшем свете, о благосклонности монархов, дружбе с министрами и встречах с другими титулованными особами рангом, конечно, не ниже графов и князей. Нет недостатка, разумеется, и в галантных приключениях, в которых герой с дипломатическими бакенбардами нередко представал в амплуа первого любовника. Как-то раз, повествует он, Бисмарк и германская разведка подослали к нему прекрасную и коварную красавицу княгиню Кральта разузнать важную тайну. Находясь вечером в салоне княгини, Бловиц был настолько покорен ее красотой и несравненным обаянием, что готов был проболтаться. Но тут он обратил внимание на одну необычную вещь: «Я заметил, что пламя свечи в канделябре, стоявшем у зеркала, отклонилось и стало вдруг мерцать. Меня это удивило, так как двери и окна были заперты. Я не мог определить, откуда идет ток воздуха, отклонявший пламя свечи. Подойдя к канделябру, я почувствовал, что дует от зеркала. Тут я сразу понял, что попал в ловушку. Внимательно исследовав зеркало, я заметил, что оно состоит из двух створок, между которыми теперь был слабый промежуток. Очевидно, там стоял кто-то и подслушивал. Я указал княгине на мерцающую свечу и на скважину в зеркале и сказал возможно более спокойно:

— Сударыня, ваши хитрости бесполезны. Я понял все. Княгиня взглянула на меня и нажала пуговку электрического звонка. Явился лакей. Не глядя на меня, она указала мне на дверь».

Однако далеко не во всех случаях нашему галантному рыцарю указывали на дверь. Часто он подвизался и в роли благородного спасителя таинственных молодых красавиц (тоже, конечно, сплошь принцесс и герцогинь), при этом угрожая их преследователям — все больше владетельным князьям — чуть ли не военными действиями со стороны концерта великих держав.

На деле влияние Бловицу обеспечила сила, которую называли шестой великой европейской державой, — английская газета «Тайме». Настоящая карьера Бловица началась в кровавые майские дни 1871 г., когда опьяневшие от крови версальцы творили чудовищную расправу с пленными коммунарами под восторженное улюлюканье злорадствующей толпы буржуазных дам. Кровавая оргия в Париже вызвала некоторое смущение даже у вполне респектабельных консервативных газет за рубежом. Тьеру хотелось, чтобы отчеты о массовых зверствах версальских войск печатались с оговорками и умолчаниями, способными как-то смягчить общую картину. Поэтому он был очень доволен, когда узнал, что давно уже знакомый ему Бловиц, бывший ранее второстепенным журналистом, получил временно должность помощника парижского корреспондента «Тайме».

Оба карлика хитрили: Тьер хотел превратить Бловица в орудие для осуществления своих целей, а Бловиц — Тьера. Используя свое знакомство с главой французского правительства, Бловиц добывал первоклассную информацию, которую не получали другие корреспонденты. Однажды Бловиц заметил издалека, что Тьер говорит с одним иностранным (очевидно, немецким) послом. Когда Бловиц подошел к Тьеру, беседа уже закончилась. Глава правительства, имевший несколько смущенный вид, разъяснил временному корреспонденту «Тайме», что посол сообщил ему о своем удовлетворении некоторыми шагами, предпринятыми правительством Тьера. Но Бловиц был не меньшим шулером, чем его собеседник, и по виду

премьера понял, что тот лжет. Бловиц воздержался от посылки в «Таймс» сведений, полученных от Тьера, а путем расспросов ряда знакомых сумел установить истинное содержание разговора: посол заявил резкий протест против действий французского правительства. Когда в «Таймс» появилось сообщение о встрече изворотливого премьера с послом, все соперники Тьера пришли в восторг, а тот, конечно, был в совершенной ярости. «Я никому не говорил о беседе с послом! — кричал он Бловицу. — Вы подслушали нас! Вы не смели писать об этом!» Но Бловица словами было не пронять, а ссориться даже с временным корреспондентом «Таймс» — не расчет. Карлики вскоре снова нашли общий язык.

В 1874 г. Бловиц сумел наконец получить место постоянного парижского корреспондента «Таймс», занять которое стремилось немало влиятельных особ.

«Маленькому великому человеку», как стали звать Бловица, удалось в 1875 г. заранее сообщить о намерении Германии начать новую «превентивную» войну против Франции, и это не могло снискать ему благосклонность Бисмарка. А между тем в 1878 г. в Берлине собрался международный конгресс, который должен был в очередной раз решать «восточный вопрос» — о судьбах народов и территорий, расположенных в европейской части турецкой империи, или, иначе говоря, о судьбе Балкан и о режиме проливов Дарданеллы и Босфор.

От Бисмарка ждать информации было, конечно, нечего. «Уполномоченный Франции, — вспоминал потом Бловиц, — был робок, английские дипломаты из принципа ничего не сообщали журналистам, русские дипломаты не доверяли представителю английской газеты, австрийцы, страшась Германии и России, молчали как немые. Что же касается турецких дипломатов, то они трепетали даже от собственной тени». Учитывая все это, Бловиц создал свою частную разведку. Он послал вперед нанятого им авантюриста, который под видом богатого молодого человека из почтенной семьи должен был втереться в доверие к одному из дипломатов.

Авантюрист вскоре был принят этим сановником на службу в качестве секретаря без жалованья, обучающегося тонкостям сложной дипломатической профессии. За всеми канцеляристами очень следили, поэтому Бловиц и его агент делали вид, что незнакомы друг с другом. Они лишь обедали в одном и том же ресторане, который посещали многие дипломаты и журналисты, и… носили одинаковые цилиндры. Легко догадаться, что при уходе Бловиц надевал цилиндр своего агента, под шелковой подкладкой которого находились краткие протоколы заседаний конгресса и переговоров между отдельными державами. Но и эти протоколы именно из-за их краткости были недостаточны для того, чтобы заполнить ими длинные корреспонденции в Лондон. Отталкиваясь от того немногого, что успевал записывать его агент, Бловиц начинал обход знакомых дипломатов и по крохам восполнял все звенья, которых недоставало для полного рассказа об очередном заседании конгресса.

Пронырливость, мертвая хватка в разговорах и чутье ищейки не раз помогали корреспонденту «Таймс». Газета напечатала подробное изложение речи русского канцлера Горчакова. Бловицу удалось заранее узнать, что после долгих столкновений английские и русские делегаты пришли наконец к соглашению по основным вопросам и отъезд в Лондон, которым угрожал британский премьер Дизраэли (был даже демонстративно заказан специальный поезд), так и не состоится. Телеграммы Бловица предотвратили панику на бирже, знавшей, что отъезд премьера — это почти наверняка война с Россией…

Тем временем агент, доставлявший информацию Бловицу, стал возбуждать подозрение. Бловицу пришлось, щедро снабдив деньгами, отправить его в качестве эмигранта в Австралию, а до этого тот нашел себе заместителя. Конгресс шел к концу, и новый агент обещал заранее раздобыть точную копию трактата, который будет подписан на заключительном заседании. «Теперь мне нужно было преодолеть два препятствия, — рассказывал впоследствии в своих мемуарах Бловиц. — Во-первых, конгресс закрывался 13 июля, в субботу. Трактат был мне необходим 12-го, чтобы он появился в газете 13-го, так как по воскресеньям газеты не выходят. В понедельник было бы уже поздно. Во-вторых, мало было достать трактат. Для меня было также важно, чтобы другие журналисты не имели его. Немецкие газеты были сердиты на Бисмарка за то, что он не принял их представителей. Я рассчитывал, что канцлер даст им трактат, чтобы успокоить их. Если документ появится в немецких газетах в субботу, то я потерплю поражение. Я был в отчаянии. Как помешать Бисмарку? Как протелеграфировать о

трактате в Лондон? Из Берлина было невозможно. Из Парижа было бы поздно. Я остановился на Брюсселе».

Бловицу удалось обвести вокруг пальца бельгийского посланника в Лондоне и получить от него разрешение на передачу длинной телеграммы в любое время дня и ночи. С помощью сложных маневров Бловиц помешал своим коллегам получить драгоценный документ. А в пятницу агент Бловица выкрал еще не подписанный трактат. Получив его, Бловиц, изображая печаль на лице, отправился на вокзал и сообщал всем знакомым, что окончательно потерял надежду получить текст договора. На брюссельском телеграфе вначале было отказались передавать телеграмму, когда убедились, что она содержит важное дипломатическое соглашение, но записка от посланника уладила дело.

Когда делегаты конгресса еще только подписывали трактат, машины уже отпечатали субботний номер «Тайме» с полным текстом договора. Бисмарк был в ярости, а Штибера едва не хватил апоплексический удар. Современники уверяют, что Бисмарк, заходя в свой служебный кабинет, сразу же заглядывал под стол — нет ли там Бловица. Но дипломатический корреспондент «Тайме», как и все английские дипломаты, предпочитал воевать чужими руками.

В 1883 г. при встрече с Бловицем Бисмарк допытывался, как ему удалось получить текст договора. Бловиц уклонился от ответа. Он рассказал, как было дело, только в своих мемуарах, опубликованных в 1903 г., но и тогда утаил имена своих агентов.

Приближение бури

Первой мировой войне предшествовала длительная подготовка, в том числе и в форме тайной войны. Немецкая разведка, возглавляемая специальным управлением генерального штаба, едва ли не единственная из всех разведок европейских государств пыталась насадить массовую агентуру в пограничных районах своих будущих противников. Немецкими разведчиками были наводнены восточные департаменты Франции и западные губернии России. Германская разведка — также, кажется, одна среди всех остальных — составляла обширную картотеку («черную книгу»), включавшую десятки тысяч имен жителей других стран, которых можно было бы завербовать на службу. На каждого внесенного в «черную книгу» была заведена особая карточка. В ней отмечались имущественное, служебное и семейное положение указанного лица, его наклонности, слабости, тайные пороки. Опираясь на эти сведения, при вербовке прибегали в одном случае к запугиванию, в другом — к подкупу, в третьем — к обману.

В XX в. германскую разведку считали непревзойденной в Европе. Однако ее руководители столь же уступали Штиберу, сколь посредственные политики, сменявшие друг друга на посту германского канцлера, — Бисмарку. Новые главари германского шпионажа были лишены изворотливости и гибкости, являвшихся неотъемлемыми качествами старой полицейской ищейки. Правила, установленные Штибером, выродились в шаблоны, применявшиеся без воображения и изобретательности и, что еще важнее, нередко без учета изменившихся условий. Даже главный «принцип» Штибера — массовость шпионажа — иногда становился источником неудач. У Штибера крупицы сведений, сообщаемых ему агентами, складывались как малый, но необходимый элемент в мозаике, как частички, которые помогали составить ясную общую картину.

Теперь же такие крупицы собирались в груду малоценных и часто не поддающихся проверке известий, в которой могли отсутствовать самые основные звенья. Эта информация создавала лишь иллюзию осведомленности, тем самым парализуя стремление исправить дело…

Несмотря на это, немецкая шпионская служба выделялась среди разведок других стран, к примеру — Великобритании. Здесь уместно сделать несколько предварительных замечаний.

40 лет, прошедшие после окончания наполеоновских войн, были временем упадка английской военной разведки. Буржуазия Англии — страны, превращавшейся в «промышленную мастерскую мира», — не предполагала вести крупномасштабные войны в Европе. Не имелось даже карт вероятных театров военных действий. Во время Крымской войны в 1854 г. командующий британскими войсками, высадившимися в Крыму, лорд Раглан

жаловался, что для него дорога на Севастополь была «такой же загадкой, как для Язона и аргонавтов две с половиной тысячи лет назад». В феврале 1855 г. был создан в военном министерстве топографический и статистический департамент, который занимался в основном картографией и лишь с 1871 г. стал получать донесения от военных атташе. Через два года он был превращен в Разведывательный отдел (такой же отдел был создан британской администрацией в Индии). В 1886 г. было образовано Военно-морское разведывательное управление. Функции контрразведки были возложены на организованный в 1877 г. Криминалистический департамент расследований, который, однако, в основном выполнял обязанности политической полиции (прежде всего вел борьбу против ирландских революционеров), чем, впрочем, занималось и Управление столичной полиции. Относительно большее развитие получила военная разведка.

Английская разведка делала упор не на количество, а на качество информации, которая должна была освещать главное и основное, не размениваясь на мелочи. Такая линия была, конечно, не случайной. Правящие круги Великобритании все еще лелеяли надежду, что, как и в прежних войнах, им удастся заставить другие страны таскать для них каштаны из огня. Английское правительство в это время еще не предполагало, что ему придется спешно создавать массовую армию для посылки ее на Западный фронт против немцев и на ряд других фронтов. Поэтому до поры до времени «мелочи», которые могли сообщать многие шпионы, казались тогда нужными скорее для других участников Антанты, чем для самой Великобритании. А черезмерная забота об интересах союзников была совсем не в традициях английской политики.

Между тем все отчетливее стала вырисовываться вероятность или даже неизбежность столкновения Англии с Германией, что начали осознавать правящие круги Великобритании. В десятилетие, предшествовавшее 1914 г., Европа не раз находилась на пороге войны. А в 1911 г., во время Агадирского конфликта, британское правительство устами Дэвида Ллойд Джорджа недвусмысленно дало понять Берлину, что Англия ответит войной, если будут затронуты ее имперские интересы. Ускорилась гонка морских вооружений. Перспектива надвигавшегося противоборства определяла деятельность Форин оффиса. Конечно, это не могло не отразиться и на деятельности британской разведки и контрразведки. Один из высших военных руководителей, генерал Генри Вильсон, сам не раз объездил на велосипеде бельгийско-германскую границу и поощрял к этому своих офицеров. Так было зафиксировано строительство в Германии новых железнодорожных линий, что позволило составить представление о главных контурах знаменитого «плана Шлиффена», который незадолго до того был принят в Берлине.

…В 1908 г. капитан Уильям Реджинальд Холл — будущий глава военно-морской разведки — лично отправился в Германию, чтобы получить информацию о строительстве дредноутов и береговых укреплений. Районы доков и фортов тщательно охранялись полицией. Тогда Холл попросил у находившегося в Киле герцога Вестминстерского одолжить ненадолго его моторную яхту. Переодевшись в спецовку судового механика, Холл вместе с двумя другими офицерами — капитаном Тренчем и лейтенантом Брендоном — промчался по гавани до верфей, где строились корабли. Здесь «неожиданно» мотор заглох, и офицеры незаметно сделали нужные фотографии.

В 1910 г. Тренч и Брендон отправились в новый разведывательный вояж вдоль побережья Германии. Но Брендон был схвачен при осмотре артиллерийских батарей. Тренч остался в Германии, надеясь добиться освобождения Брендона, но вскоре тоже был арестован. У обоих англичан нашли компрометирующие документы, и германские власти вскоре установили, кем являются мнимые туристы. Тренч и Брендон были приговорены к четырем годам заключения.

В том же 1910 г. в Бремене был задержан английский разведчик капитан Бертрам Стюарт, также занимавшийся обследованием германских укреплений на островах и на побережье от Куксхафена до Эмдена. Стюарта приговорили к шести годам тюрьмы. Всех троих британских офицеров помиловали в 1913 г. в связи с визитом в Германию английского короля Георга V.

В начале XX в. одним из наиболее важных английских агентов был пресловутый Сидней Рейли. Он работал на английскую секретную службу примерно с 1897 г. (по некоторым данным, его завербовал английский разведчик майор Фозерджил, возглавлявший «научную»

экспедицию в неисследованные районы Бразилии, в состав которой Рейли входил в качестве повара). В числе первых заданий, полученных Рейли, была поездка в Петербург. Там он совмещал свои обязанности британского шпиона с ухаживанием за молодой женой английского священника Хью Томаса, который не отличался крепким здоровьем. Рейли убедил Томаса, что он лучше любого доктора в состоянии давать полезные медицинские советы. Томас поверил и продолжал следовать им и после возвращения на родину. Вскоре он скончался. (Рейли, предчувствуя близость его смерти, настоятельно порекомендовал своему другу перебраться на континент, где смерть ни с кем не знакомого англичанина не могла вызвать никаких кривотолков.) Что же касается Рейли, то он поспешил жениться на Маргарет Томас: вдова унаследовала от мужа весьма солидное состояние. Но отношения молодоженов складывались отнюдь не радужно. Маргарет начала пить. Рейли не раз во время своих командировок отсылал надоевшую супругу домой и даже настойчиво добивался развода. Когда же это оказалось чрезмерно хлопотливым делом, шустрый джентльмен каким-то образом принудил Маргарет к молчанию, а сам женился во второй раз, забыв упомянуть о своем первом браке. Справедливости ради следует, впрочем, отметить, что своей третьей официальной жене Рейли все же сообщил о существовании второй, оставив их обеих в неизвестности относительно первой.

Более прочный характер носил альянс Рейли с британской разведкой, хотя и здесь не обходилось без трений. Разбогатевший на финансовых спекуляциях, Рейли считал, что ему мало платят, и одно время в знак своего искреннего негодования по сему поводу даже покинул службу. Размолвка, впрочем, оказалась недолгой.

Рейли покровительствовал Г. Хозьер — отец будущей жены Уинсто-на Черчилля. Через Хозьера позднее были завязаны и тесные связи между Черчиллем и Рейли.

С разведывательными поручениями Рейли объездил многие страны. Бывал он и на Ближнем Востоке, а накануне русско-японской войны — в Порт-Артуре, где выдавал себя за представителя фирмы, торгующей лесом. Рейли выкрал план укреплений и шифр, использовавшийся царским командованием. Чтобы быстро уехать, не возбуждая подозрений, Рейли разыграл бурную влюбленность в некую даму и убедил предмет своей неожиданной страсти отбыть в Японию. Разумеется, немедленно последовал за ней и сам Рейли, где продал добытые сведения за большие деньги японцам. (Напомним, что Япония была тогда союзницей Англии и британская разведка, кажется, ничего не имела против этого частного бизнеса своего агента.) Ездил Рейли и в Китай. Одно время он жил даже в ламаистском монастыре, изображая из себя буддиста.

Далее задания Интеллидженс сервис привели Рейли в Германию. Под именем рабочего-сварщика Карла Гана он поступил на завод Круппа. Английские авторы утверждают, что там Рейли, боясь разоблачения своей шпионской деятельности, убил двух сторожей (на его счету числилось вообще немало «мокрых дел»). За некоторое время до начала первой мировой войны Рейли снова приехал в Россию и стал членом купеческого клуба в Петербурге. Он вел широкие торговые операции, продавая все — от патентованных лекарств до авиационных моторов. Самое любопытное, что этот богатый англичанин, роскошная квартира которого, заполненная картинами художников эпохи Возрождения, напоминала музей, формально состоял… представителем немецкой судостроительной компании «Блом и Фосс», добывал для нее крупные заказы, вызывая иногда даже недовольство ее британских конкурентов.

Трудно сказать, был ли Рейли в это время шпионом-двойником, но несомненно, что ему удалось получать крайне важные для Лондона сведения о немецкой судостроительной промышленности. Во время первой мировой войны Рейли занялся выгодным делом — закупкой оружия в США по заказам царских властей. Возможно, в это время он менее активно, чем ранее, выполнял прямые шпионские задания, увлекшись торговыми и финансовыми операциями. Однако в 1917 г. он уже снова на активной службе. Рейли несколько раз сбрасывали на парашюте за германскими линиями. Во время одной из таких акций английский разведчик в костюме немецкого ремесленника сумел собрать данные о готовившемся германском наступлении. Под видом немецкого офицера Рейли побывал в Восточной Пруссии, будто бы даже проник на совещание, на котором в присутствии кайзера Вильгельма II обсуждались планы подводной войны против торгового флота Антанты. Рейли якобы попал на

это совещание переодетым в мундир полковника, которого незадолго до этого убил и скрыл труп в канаве. Этот последний эпизод излагается исследователями со слов самого Рейли, который в таких рассказах истины придерживался очень редко. Вообще многое сообщаемое английскими историками о похождениях Рейли в годы первой мировой войны подлежит проверке. Однако несомненно, что ему не раз удавалось добывать информацию первостепенного значения и что его акции в Интеллидженс сервис котировались очень высоко, когда в 1918 г. он снова появился в России, на этот раз в Москве…

В английской буржуазной историографии провалам в подготовке к войне 1914—1918 гг. дается более чем благовидное объяснение. Англия, мол, не стремилась к конфликту и вследствие своего миролюбия не хотела верить в неизбежность войны. Этот миф давно уже отвергнут серьезными учеными. Он полностью разоблачен в трудах советских историков. На деле речь шла о серьезнейших просчетах британских политиков и военных в оценке приближавшегося гигантского столкновения, в определении размеров и форм участия в нем Англии. Позднее в своих «Военных мемуарах» Ллойд Джордж, министр, а потом глава британского правительства в военные годы, писал: «Военное ведомство находилось во власти реакционных традиций. Политика военного ведомства, казалось, сводилась не к подготовке будущей войны, а к подготовке предыдущей или предпредыдущей войны». Совершенно не представляя себе ни масштабов будущей войны, ни того, что Англии предстоит послать на поле сражения миллионы солдат и мобилизовать всю промышленность на военные нужды, соответствующие британские инстанции не имели почти никакого понятия о том, что им нужно знать о будущем противнике, о его военном потенциале.

Созданию английской контрразведки посильно содействовала… беллетристика. Это ее немалая заслуга в том, что Англию не раз охватывали волны шпиономании. Первоначально в научно-фантастических романах вторжение на Британские острова осуществлялось Францией. В 1900 г. полковник Ф. Н. Моуд опубликовал «Отчет» о будущем десанте, в котором будто бы участвуют 120 тыс. французских солдат. Книжный рынок стал заполняться сочинениями вроде «Разграбление Лондона, или Великая французская война 1901 г.», «Предстоящее Ватерлоо», «Новый Трафальгар» и т.п. Эти воображаемые вторжения неизменно подготовлялись иностранными разведками. Особенную известность приобрели романы Уильяма Леке. В одном из них, «Угроза Англии. История секретной службы», главным злодеем выступает вездесущий французский агент Гастон ла Туш, стремящийся к низвержению английского могущества. Другой роман Леке на ту же тему — «Тайна Форин оффиса» — увидел свет в 1903 г. Стоит упомянуть, что разведывательный департамент морского министерства еще ранее перевел аналогичное сочинение какого-то французского офицера «Война с Англией», изданного с грифом «Только для служебного пользования».

Однако, предвосхищая создание в следующем году англо-французской Антанты, некий Е. Чайлдерс опубликовал ставший бестселлером роман «Загадка песков», повествующий уже о германском вторжении, которое было подготовлено теперь, естественно, немецкой разведкой. Леке тоже переключился на Германию. В 1905 г. газета «Дейли мейл» напечатала его роман «Вторжение 1910 года». Он был переведен на

27 языков. Немецкий переводчик, к негодованию Леке, присочинил при этом свою концовку: вторжение заканчивалось полной победой Германии. Влиятельный журнал «Куортерли ревью» в. июле 1908 г. уверял читателей, что в восточной части Англии 50 тыс. немцев — владельцев «пабов» (трактиров) и официантов представляют собой на деле «разведывательную сеть, которую еще никогда ни одно государство не создавало на территории другого». А член палаты общин Д. Бэрлоу оглушил своих избирателей цифрой 350 тыс. немецких шпионов, что составляло половину численности германской армии мирного времени.

Леке, не ограничиваясь сочинением фантастических романов, ездил под чужим именем по различным европейским странам и выискивал там немецкую агентуру. Этот нелепый вояж, конечно, не мог привести ни к каким действительным разоблачениям, хотя Леке удалось встретиться с одним из руководителей германской разведки, Густавом Штейнхауэром, и сделать попытку убедить его, что ему, Леке, хорошо знакомы едва ли не все шпионы Европы. Свои мифические «разоблачения» Леке подытожил в 1909 г. в книге «Шпионы кайзера. Заговор

с целью разгрома Британской империи», в которой опять рассказывалось о 50 тыс. германских разведчиков в Англии. Под влиянием этих россказней глава германского отдела британского военного министерства Уильям Туейтс подсчитал, что в Англии скрытно размещены 90 тыс. немецких резервистов, готовых к действиям в случае войны. В фантазии Леке уверовал и его друг подполковник Д. Эдмондс, ведавший тогда вопросами контрразведки. Эдмондс стал регулярно докладывать о германских шпионских полчищах военному министру Р. Холдейну. Это привело к созданию специального подкомитета при Имперском комитете обороны в составе военного и морского министров, а также министра внутренних дел и других крупных чинов для изучения вопроса «о природе и размахе иностранного шпионажа». Практическим результатом было организационное оформление военной контрразведки.

…В начале 1940 г. во время одного из налетов гитлеровского «люфтваффе» на Англию зажигательная бомба попала в здание бывшей тюрьмы Уормвуд-скрэбс. Вряд ли фашистский летчик подозревал, какой удар нанес британской секретной службе. Возник пожар, в пламени исчезли архив и огромная картотека английской контрразведки, включавшая сведения о всех подозрительных. Правда, первоначально ущерб казался не столь большим — ведь именно на случай гибели картотеки с нее были сняты фотокопии, которые хранились в глубоких подвалах, недоступных для вражеских атак с воздуха. Однако при ближайшем рассмотрении выявилась досадная деталь — снимки были сделаны с большой недодержкой или передержкой, и негативы были испорчены. Кроме того, при съемке было допущено еще столько разных ошибок, что фотокопии оказались совершенно непригодными для использования. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. Как раз в те зимние месяцы английская контрразведка продемонстрировала свою неспособность предотвратить действия гитлеровских диверсантов. В резиденции премьер-министра Невиля Чемберлена на Даунинг-стрит, 10, конечно, не собирались винить самих себя в бездействии, точно отражавшем обстановку «странной войны», продолжавшихся попыток найти пути для сговора с Гитлером и направления фашистской агрессии против Советского Союза. Поступили иначе. В здание на Даунинг-стрит спешно вызвали пожилого больного человека, которому предложили немедленно уйти на пенсию. Любопытно, что о его отставке в официальной «Лондон-газет» было объявлено еще за 16 лет до этого, в 1924 г.

Уволенный без всяких церемоний генерал-майор Верной Келл более 30 лет возглавлял английскую контрразведку — со времени ее основания в июне 1909 г. Официально новая организация была создана «для предотвращения попыток иностранных держав узнать английские государственные секреты» и получила сначала название МО—5, а потом МИ—5. Потомственный кадровый военный Келл хорошо знал несколько языков. В 1898 г. он проходил стажировку в России и изучил русский язык, позднее участвовал в подавлении народного восстания в Китае, а потом снова побывал в России. В задачу МИ—5 входила, в частности, координация действий контрразведывательных отделов министерства внутренних дел, лондонской полиции, армии и флота. Среди сотрудников этого немногочисленного центрального ведомства наряду с офицерами были также детективы из Скотланд-Ярда. Для подделки документов прибегали к услугам «специалистов» — уголовных преступников из тюрьмы Паркхерст. Долгое время тщательно скрывался самый факт создания контрразведки. Келл неизменно именовался в бумагах одной буквой К.

На счету британской контрразведки было несколько важных дел. Большой шум вызвало дело немецкого шпиона Гревса.

Если верить Гревсу, круг заданий, которые им выполнялись за его более чем десятилетнюю службу в разведке, был очень широк. Он, подкупив жившего в Сингапуре индийского раджу, через него добыл у служащих сведения об этой крупнейшей английской военной базе на Дальнем Востоке, побывал в Порт-Артуре за шесть недель до начала русско-японской войны и т.д. Все это — со слов Гревса.

В Англии же выяснилось, что слабо подготовленный к роли разведчика, дилетант, незнакомый с военной техникой, Гревс не сумел выполнить порученное ему задание — собрать секретные сведения о морских базах в Шотландии. За Гревсом с самого начала велась слежка, и при аресте у него были найдены вещественные доказательства занятия шпионажем — чертежи новой пушки, производившейся на заводах в Глазго. Гревса приговорили к 18 месяцам тюрьмы,

но уже через четыре месяца он был освобожден. Но английская секретная служба также решила воспользоваться услугами Гревса и направила его в США, но не получила от него никаких донесений. Вместо этого за два месяца до начала первой мировой войны Гревс опубликовал очень хвастливые «мемуары» под названием «Тайны немецкого военного министерства», которые имели шумный успех (в Советском Союзе перевод книги Гревса был издан в 40-х годах), хотя были полны явных вымыслов.

Французская разведка сосредоточивала свои главные усилия на борьбе против основного противника — Германии. Однако в конце XIX в. контрразведывательная секция генерального штаба (и он в целом) оказалась сильно скомпрометированной участием в пресловутом «деле Дрейфуса», с помощью которого монархисты и клерикалы пытались вести подкоп под республику. Было неопровержимо доказано, что контрразведка фабриковала подложные документы, призванные засвидетельствовать мнимую «виновность» офицера генерального штаба Дрейфуса, ложно обвиненного в шпионаже в пользу Германии. В целом французская разведка не могла похвастать особыми успехами. По ее данным, Германия могла в первые недели войны иметь армию в 2,5 млн. солдат. На деле немцы мобилизовали вдвое больше — 5 млн. человек.

Интересной особенностью японского шпионажа в конце XIX — начале XX в. было то обстоятельство, что им занимались не только государственные органы — военное и морское ведомства, но также частные «патриотические общества», основанные и финансируемые богатыми помещиками и буржуа.

Русская разведка сумела еще в 1904 г. добыть знаменитый «план Шлиффена». (Не исключено, что этот документ был ловким подлогом немцев, хотя и включал какие-то части подлинного плана). Он был передан французам, но там сочли его фальшивкой. Ведь план предусматривал нарушение нейтралитета Бельгии, что вызвало бы вмешательство Англии. А в Берлине любой ценой хотели бы не допустить присоединения Англии к Франции и России.

В Австро-Венгрии еще в 1843 г. был создан разведывательный отдел генерального штаба, имевший своих представителей в посольствах и консульствах. Потом их заменили военные атташе. Австрийский штаб в течение ряда лет командировал в Россию для стажировки специально отобранных офицеров. Они должны были изучать страну и русский язык. Русская разведка не возражала против этой посылки в Россию будущих руководителей австрийского шпионажа. Им, в частности, разрешалось проживать в Казани. Но в Вене не знали, с каким успехом удавалось спаивать австрийцев, вводить их в долги и перекупать, как говорится, на корню.

Это была история, вполне достойная детективного романа, история, в которой неполученное письмо до востребования, потерянный футляр от перочинного ножа и неудачный футбольный матч привели к раскрытию и обнародованию тайны…

26 мая 1913 г. газеты, выходившие в австро-венгерской монархии, опубликовали два сообщения, не имевшие никакой связи между собой. Одно из них — перепечатанное всеми газетами заявление Венского телеграфного агентства, извещавшее о неожиданном самоубийстве полковника Альфреда Редля, начальника штаба 8-го корпуса австро-венгерской армии. «Высокоталантливый офицер, которому предстояла блестящая карьера, — говорилось в этом заявлении, — находясь в Вене при исполнении служебных обязанностей, в припадке сумасшествия…» Далее сообщалось о предстоящих торжественных похоронах офицера, павшего жертвой нервного истощения, которое было вызвано многими неделями бессонницы.

Другая новость относилась к области спорта и касалась состязания двух любительских команд Праги. Неожиданное поражение, которое потерпела команда «Шторм-1» в воскресном матче, привлекло внимание лишь газеты «Прагер тагеблатт», выразившей свое горестное изумление по поводу проигрыша. И, однако, небольшому отчету о футбольном матче суждено было не только отменить уже назначенные торжественные похороны, но и раскрыть государственную тайну, которую отчаянно пыталось сохранить официальное агентство печати.

Горечь, с которой пражская газета сообщала о поражении «Шторма-1», нисколько не была наигранной. Ведь автор отчета — один из редакторов газеты — являлся одновременно капитаном этой команды. Он считал, что проигрыш был результатом отсутствия двух сильных игроков, и, отведя душу в заметке о матче, после обеда отправился к одному из них, Вагнеру,

по профессии слесарю.

На упреки своего капитана Вагнер мог лишь ответить, что отсутствовал по вполне уважительной причине. К нему на квартиру приехали важные военные чины и увезли его в какой-то очень богатый пражский дом, принадлежавший одному крупному военному, который в этот день умер в Вене. В доме уже находились начальник пражского корпуса и другие господа, некоторые из них, по-видимому, прибыли из Вены. Вероятно, они искали завещание, так как Вагнеру приказано было взломать замки всех ящиков, шкафов и сейфов. Это была совсем нелегкая работа — хозяин предпочитал держать свои бумаги под очень надежными запорами. Было извлечено большое количество бумаг, военных планов, фотографий, а также большая сумма денег.

Часть этих бумаг была написана по-русски. Содержание найденных материалов буквально ошеломило офицеров, которые даже не пытались скрыть свой ужас.

Больше ничего Вагнер не знал, но и рассказанного было достаточно, чтобы в капитане футбольной команды проснулся газетчик. Еще недоумевая, он вернулся в редакцию, где ему на глаза попалось сообщение Венского телеграфного агентства о самоубийстве Редля. Все стало на свои места. Написанные по-русски бумаги, военные документы, поспешный обыск в присутствии командующего корпусом и прибывших из столицы офицеров… Объяснение могло быть только одно: Редль оказался шпионом царской России.

Конечно, нечего было и думать о том, чтобы опубликовать это известие. Полиция конфисковала бы весь тираж еще до того, как он вышел бы из типографии, а самой газете грозили бы штрафы и судебные преследования. Но австрийским журналистам было не занимать опыта владения эзоповским языком, умения иносказательно сообщить все, о чем не разрешалось помещать сведения в печати, передать новость под видом ее опровержения.

На другой день в «Праге тагеблатт» была помещена небольшая заметка, сразу превратившаяся в крупнейшую сенсацию. «Одно высокопоставленное лицо, — говорилось в заметке, — просит нас опровергнуть слухи, распространяемые преимущественно в военных кругах, относительно начальника штаба пражского корпуса полковника Редля, который, как уже сообщалось, покончил самоубийством в Вене в воскресенье утром. Согласно этим слухам, полковник будто бы обвиняется в том, что передавал одному государству, а именно России, военные секреты. На самом же деле комиссия высших офицеров, приехавшая в Прагу для того, чтобы произвести обыск в доме покойного полковника, преследовала совсем другую цель».

До напечатания заметки в тайну были посвящены лишь 10 высших офицеров Австро-Венгрии. Ее скрыли даже от императора Франца Иосифа. После выпуска во вторник очередного номера «Прагер тагеблатт» тайна стала известной всему миру. Однако многие важные подробности всплыли на свет только после распада в 1918 г. лоскутной австро-венгерской империи.

Разоблачение Редля, видимо, было делом случая. В начале 1913 г. на главный почтамт Вены прибыло письмо до востребования, посланное из небольшого городка Эйдкунена в Восточной Пруссии, близ русской границы. Никто долгое время не приходил за письмом, и его отправили обратно в Германию. Там, так как автор был неизвестен, пакет вскрыли, и о содержимом его германская полиция поспешила уведомить разведку Австро-Венгрии. Так по крайней мере излагает дело в своих мемуарах начальник австро-венгерской разведки и контрразведки Макс Ронге. Однако, вероятнее всего, письмо вовсе не отсылали в Германию и вся эта история была выдумана Ронге, чтобы скрыть существование в Австро-Венгрии «черного кабинета».

Каким бы то ни было путем, но содержимое пакета из Эйдкунена оказалось в распоряжении австрийской контрразведки. А оно было совсем необычным для простого письма: банкноты на сумму 6 тыс. австрийских крон и два адреса: один — в Женеве, другой — в Париже. Оба адреса были хорошо известны австрийской контрразведке как «почтовые ящики» для шпионов различных стран. Несомненно, что 6 тыс. крон представляли собой плату за шпионскую работу. Об этом говорили не только адреса, но самый факт посылки столь значительной суммы в письме. Ясно, что деньги нельзя было отправить открыто, общепринятым путем. Как же поймать шпиона, проживавшего, очевидно, в Австрии и по каким-то причинам (может быть, по болезни) не сумевшего получить посланное ему

вознаграждение? Письмо было адресовано какому-то Никону Ницетасу. Это, как выяснилось, было вымышленное имя. Единственным возможным способом было наблюдение за почтой в надежде, что иностранный разведчик сам попадется в поставленную ему ловушку.

Тем временем пришло еще одно письмо до востребования, адресованное, как и первое, Никону Ницетасу. В нем было 7 тыс. крон. Потом прибыло третье письмо. Однако прошел апрель, половина мая, а загадочный Ницетас так и не явился за довольно круглой суммой, которая лежала в трех письмах до востребования (контрразведка вернула на почтамт и первый пакет). Напряжение нарастало. Почтовое окно было соединено прямым проводом с расположенным неподалеку полицейским отделением. Достаточно было чиновнику нажать электрический звонок, и за одну-две минуты, уходившие на формальности при выдаче корреспонденции, перед окошком оказались бы агенты венской полиции, которым было поручено наблюдение за этим делом. Но шли дни, а письма по-прежнему лежали на почтамте.

Поздно вечером в субботу, 24 мая, начальник контрразведки капитан Ронге отправился с работы домой. Как только он вошел в квартиру, раздался телефонный звонок — его вызывал из венского полицейского управления статский советник Гайер: «Пожалуйста, приходите ко мне в бюро. Случилось нечто ужасное!»

В субботу, во второй половине дня, к окошку почтамта подошел наконец человек, потребовавший столь долго ждавшие его письма. Почтовый служащий немедленно нажал кнопку звонка и попытался немного задержать посетителя, но сыщики все не являлись. Как раз в эту минуту в комнате полицейского управления не оказалось ни одного человека. Клиент, получив свои письма, вышел из здания почтамта. Примчавшиеся через минуту трое агентов бросились за ним следом. Неудача! Они увидели лишь, как человек, получивший письма, сел в такси и уехал. Поблизости не было другой машины, и от преследования пришлось отказаться. Полицейские успели лишь заметить номер машины. Это была единственная оставшаяся в их руках нить. Они стояли около 20 минут, обсуждая создавшуюся ситуацию, когда увидели едущее им навстречу такси. Номер совпадал, это был тот самый автомобиль, который увез незнакомца!

Сыщики сели в такси и спросили шофера, куда он отвез недавно с этого места одного их друга. «В кафе “Кайзерхоф”», — ответил шофер. Новые пассажиры попросили ехать туда же. По дороге они имели время внимательно обшарить такси. При осмотре агенты наткнулись на серый шерстяной футляр от перочинного ножика. Не очень верный след: футляр мог забыть и кто-либо из пассажиров, бравших такси до получателя писем.

В кафе «Кайзерхоф» было многолюдно. Хотя сыщики ранее могли видеть лишь спину незнакомца, они сразу же убедились, что его не было среди посетителей кафе. Однако, быть может, он вовсе и не собирался заходить в «Кайзерхоф», а просто решил, заметая следы, сменить такси.

На ближайшей стоянке такси детективы выяснили, что примерно полчаса назад какой-то человек, приметы которого совпадали с общим обликом незнакомца, взял машину и отправился в отель «Кломзер». Детективы спешно помчались в эту гостиницу. Швейцар на заданный ему вопрос, кто приехал в отель за последний час на такси, не мог дать точный ответ. Прибыло несколько человек, по крайней мере четверо, в их числе проживающий в отеле полковник Редль. Детективы попросили швейцара опросить, кто из постояльцев потерял футляр. Их разговор был прерван появлением человека в хорошо сшитом штатском костюме. Конечно, сыщики сразу же узнали полковника — восходящую «звезду» генерального штаба, долгое время возглавлявшего разведывательную службу австро-венгерской монархии.

— Извините, господин полковник, не вы ли потеряли футляр от перочинного ножика? — спросил швейцар.

— Да, это мой, спасибо, — ответил полковник, посмотрев на чехол. И тут его лицо покрылось смертельной бледностью — он вспомнил, где потерял футляр. Медленно Редль оглядел трех свидетелей, присутствовавших при этом саморазоблачении, и стремительно вышел на улицу. Двое агентов последовали за ним, а один бросился звонить в полицейское управление статскому советнику Гайеру. А Гайер поставил обо всем в известность Ронге. Тот вспоминал: «Услышав известие, что многолетний член нашего разведывательного бюро, военный эксперт на многочисленных шпионских процессах разоблачен как изменник, я

прямо-таки окаменел».

Вскоре детективы принесли обрывки записок, разорванных и выброшенных Редлем. Когда их собрали и восстановили текст, отпали последние колебания. В них был указан ряд «почтовых ящиков», которые доказывали связь Редля не только с Россией, но и с Францией и Италией.

Ронге, когда писал о потрясении, которое испытал, узнав о предательстве Редля, нисколько не преувеличивал. На него и его сотрудников в первую минуту просто-таки напал столбняк. Редль принадлежал к числу офицеров, делавших быструю карьеру в австро-венгерской армии, причем вся его служба была связана со шпионажем. Он работал в разведке с 1900 г. и ввел ряд «усовершенствований», например незаметное фотографирование всех посетителей, которых принимал в своем служебном кабинете, и даже запись разговора на фонограф. Ручки кресла и папиросы, которые предлагались посетителю, были посыпаны специальным порошком, так что каждый входивший в кабинет Редля незаметно для себя оставлял отпечатки пальцев. Начальник Редля генерал Гизль очень ценил своего подчиненного. Когда Гизль был переведен на службу из Вены в Прагу, где находился один из главных центров австро-венгерской армии, он прихватил с собой и своего опытного офицера разведки. Редль к этому времени был уже полковником. В Вене его заменил капитан Ронге. Он, в свою очередь, к «нововведениям» Редля добавил один очень старый прием — строгую почтовую цензуру, которую до того времени не применяли систематически. Целью был контршпионаж, но даже цензорам внушили, что их задачей является борьба с контрабандой.

Работники австрийской разведки считали полковника Редля своим учителем и образцом, составленная им секретная инструкция «Советы по раскрытию шпионажа» была настольной книгой для его преемников. От Редля у австрийского генштаба не было тайн. А это означало, что не было тайн и от неприятельских разведок! В смятении Ронге отправился известить начальство о неслыханном открытии.

…Тем временем Редль бродил по венским улицам, видимо, обдумывая свое положение и пытаясь определить, установлена ли за ним слежка. Вскоре ему все должно было стать ясным: сыщики следовали за ним по пятам. Редль круто повернулся и возвратился в отель «Кломзер». Трудно сказать, чем руководствовался Редль в своих действиях. Может быть, он не терял надежды ускользнуть, хотя у столь опытного разведчика, как он, вряд ли могли быть сомнения в неосуществимости такой попытки. Кольцо уже замкнулось. Вероятнее всего, он, с его психологией великосветского игрока и прожигателя жизни, поняв, что ставка проиграна, решил провести наиболее приятно немногие оставшиеся у него часы.

Пока Ронге докладывал по команде и получал от коменданта города санкцию на арест, Редль встретился в гостинице со своим другом Виктором Поллаком, прокурором Верховного кассационного суда, совместно с полковником выступавшим на процессах иностранных шпионов. Редль и Поллак вдвоем отправились в ресторан «Ридхоф», где в отдельном кабинете им был подан роскошный ужин. Чтобы подслушать их разговор, один из агентов предъявил свои полномочия директору ресторана и, надев костюм официанта, стал прислуживать двум важным посетителям. Однако Редль предпочитал делать свои признания Поллаку, когда официант выходил из комнаты.

В своей исповеди он признался, что для удовлетворения своих извращенных склонностей ему приходилось добывать много денег. Редль говорил о душевных расстройствах, о том, что стал невменяем и не отвечает за свои поступки. Однако полковник не упомянул о своей шпионской деятельности. Поллак немедленно позвонил Гайеру, сообщив о разговоре и о том, что Редль, видимо, страдает серьезным психическим заболеванием. В половине двенадцатого Редль, распрощавшись с Поллаком, вернулся в гостиницу «Кломзер», оцепленную со всех сторон полицией. К нему в номер постучали. Вошли четверо офицеров в форме… Редль отказался отвечать на вопросы — все материалы можно будет получить в его пражской квартире. Он попросил (или ему предложили) револьвер. Офицеры ушли.

В пять часов утра один из агентов зашел в отель, заявив, что ему надо спешно передать письмо Редлю. Войдя в номер, он обнаружил труп полковника, пустившего себе пулю в лоб. Агент быстро проскользнул мимо швейцара, дремавшего в этот ранний час на своем посту. Власти пытались скрыть причины самоубийства, изобразить его как полную неожиданность.

Через несколько минут после ухода сыщика телефонный звонок разбудил швейцара. Какой-то властный голос, отказавшийся назвать себя, попросил немедленно вызвать полковника Редля к телефону в вестибюль. Швейцар зашел в номер, увидел мертвое тело полковника и поднял тревогу. Прибыла полиция. Рядом с убитым лежала записка, в которой Редль сообщал о решении покончить жизнь самоубийством в расплату за свои грехи.

Было дано «маскировочное» сообщение в печать, начата подготовка к торжественным похоронам, которые так неожиданно были сорваны проигрышем пражской футбольной команды «Шторм-1».

Специальная комиссия начала лихорадочно определять размеры ущерба, нанесенного Редлем, выяснять, что из военных секретов Австро-Венгрии попало через него в руки иностранных разведок. Окончательно это так и не удалось установить, тем более что в дело вмешались политические расчеты. Сначала всячески старались преуменьшить размеры деятельности Редля. Эту линию продолжал и Ронге в своих воспоминаниях, пытаясь задним числом спасти престиж австро-венгерской контрразведки. Имелась и другая крайность — представить Редля могильщиком Австро-Венгрии. Он, мол, с одной стороны, дезинформировал австрийское правительство о состоянии русской армии, преуменьшал ее мощь и тем толкнул Вену на проведение авантюристической политики, вызвавшей военный взрыв; с другой стороны, Редль, выдав все военные планы габсбургской монархии, серьезно ослабил ее вооруженные силы и предопределил последующее поражение австрийских войск в мировой войне.

Конечно, все это крайние преувеличения — не из-за дезинформации Редлем венского правительства вспыхнула мировая война, да и не состояние австрийской армии было главным фактором, определившим исход мирового конфликта. Однако несомненно, что знание сербами (через Россию) австрийского мобилизационного плана, который был выдан Редлем, помогло им длительное время выдерживать натиск превосходящих сил неприятеля. Узнав об измене Редля, венский генеральный штаб существенно изменил план стратегического развертывания. В Петербурге без основания продолжали считать, что полностью оставался в силе проданный Редлем старый план. (Напротив, попытка немецкой разведки подбросить русскому командованию фальшивый план германского стратегического развертывания, хотя на подложном документе стояла подлинная подпись кайзера Вильгельма II и начальника генерального штаба Мольтке, оказалась безуспешной. Подделка была сравнительно быстро раскрыта.)

Шпионская деятельность Редля длилась более 10 лет — с 1902 г. Он получил за нее сотни тысяч крон, и выданные им секреты стоили этого. На основе сообщенных им данных можно было составить полное представление о личном составе, материальной части австрийской армии, планах командования. Не меньшее значение имело и то, что, будучи начальником разведки и контрразведки, Редль выдавал наиболее опасных австрийских шпионов, засланных в Россию и в другие страны. Однажды какой-то царский полковник предложил находившемуся проездом в Варшаве австрийскому военному атташе продать русский план наступления на Австро-Венгрию и Германию в случае войны. Документ попал прежде всего к Редлю. Он отослал настоящий план в Петербург, а взамен его подложил в дело фальшивый. Кроме того, он сообщил царской разведке о предателе-полковнике. Тот, поняв, что разоблачен, покончил самоубийством. Австрийский военный атташе, якобы купивший фальшивый военный план, был отозван в Вену, а Редль получил от царской разведки крупный «гонорар» за свои услуги.

Правда, положение Редля было не из легких. Для укрепления своего престижа он должен был ловить шпионов и в то же время не мог раздражать своих нанимателей. Приходилось лавировать. В 1903 г. он постарался поймать одного из шпионов царской разведки, ставшего уже бесполезным для своих хозяев. Это был бывший военный прокурор Зигмунд Гекайло. Он был арестован сначала совсем по другому делу — о растрате казенных денег, но улик было недостаточно, и выпущенный на свободу Гекайло поспешил эмигрировать в Бразилию, где принял имя Карла Вебера. Редль заявил судебным властям, что у него есть доказательства того, что Гекайло выдал русской разведке план совместных боевых действий Германии и Австро-Венгрии против России. Были представлены неопровержимые вещественные доказательства, для получения которых, по словам Редля, было израсходовано 30 тыс. крон.

Австрийской дипломатии удалось добиться выдачи Гекайло как уголовного преступника (о шпионаже при этом умалчивали), и он был предан суду. Следователи смогли вырвать у Гекайло важное признание о связи с майором Венчковским, который был арестован. Найденные при нем бумаги привели к задержанию капитана Ахта, служившего адъютантом у губернатора города Львова. Дело приобрело большой резонанс. Однако поведение главного эксперта Редля, бывшего тогда еще майором, трудно было объяснить. Внезапно он стал прилагать отчаянные усилия, чтобы обелить Венчковского и Ахта. Эти усилия даже вызвали подозрения у австрийского юриста Габердица, участвовавшего в сборе обвинительного материала. Он, вначале очень дружески относившийся к Редлю, теперь прямо просил заменить майора другим, менее пристрастным экспертом. Однако намеки и обвинения Габердица вызвали лишь смех у начальников Редля. А тот неожиданно снова изменил позицию и стал самым рьяным помощником прокурора. Все обвиняемые были присуждены к каторжным работам на длительные сроки.

Изменения в позиции Редля были вызваны серьезными причинами. Царская разведка охотно сама предоставила ему материал против Гекайло, и Редль мог положить в карман 30 тыс. крон, якобы истраченных на расследование этого дела. Однако царские разведчики были обеспокоены арестом Венчковского и Ахта и ультимативно потребовали от Редля приложить все усилия для спасения обоих агентов. Он должен был попробовать — и убедился, что взялся за невыполнимую задачу. Тогда Редль вступил в новую сделку со своими хозяевами: они согласились пожертвовать Венчковским и Ахтом, а Редль за это выдал им австрийского майора, посланного с разведывательными целями в Варшавский военный округ.

Интересно отметить, что австрийская разведка опростоволосилась, не только тщетно пытаясь скрыть причины самоубийства Редля. При обыске в его квартире начальник разведывательного управления полковник Урбанский и военный следователь Форличек не обратили внимания на два фотоаппарата. Эти фотоаппараты вместе с другим имуществом Редля были проданы с аукциона. Ученик реального училища, к которому попал один из этих аппаратов, проявил находившиеся при нем пластинки. На пластинках были засняты секретные военные документы. Правда, школьный учитель отобрал эти снимки у мальчишки и передал военным властям. Но инцидент уже получил широкую огласку в газетах, которая и похоронила разведывательную карьеру Урбанского.

В «деле Редля» осталось немало темных мест. Возьмем, например, труднообъяснимую для опытного разведчика оплошность — запоздание в получении конверта с деньгами (словно их выслали в неурочный срок) или предоставление полковнику возможности покончить самоубийством до того, как он дал подробные показания (их, конечно, не могли заменить никакие бумаги, которые были захвачены у него в квартире). Число недоуменных вопросов можно было бы умножить. Действовал ли Редль в одиночку, без влиятельных сообщников? Вероятно, архивам еще предстоит здесь сказать свое окончательное слово.

Стрижка после похорон

Организация немецкой разведывательной сети в Англии страдала недостатком, который оказался роковым. Все немецкие агенты сообщались с Берлином через один и тот же «почтовый ящик».

Разгром немецкого шпионажа в Англии совпал отнюдь не с началом первой мировой войны, а со времени… смерти, точнее — похорон, английского короля Эдуарда VII, случившейся за четыре года до того, как вспыхнул военный пожар. На похороны короля съехались делегации от многих стран, в том числе ряд коронованных особ. Среди них, конечно, выделялся германский кайзер Вильгельм II, которого сопровождала пышная свита. Один немецкий придворный сразу привлек внимание Особого отдела Скотланд-Ярда, ведавшего контрразведкой. Этот аристократ барон Росток был известен как один из организаторов немецкого шпионажа. (Росток уже попался с поличным, будучи морским атташе в одной из южноамериканских республик.)

Наблюдение за Ростоком, старательно маскировавшееся, но тем более тщательное, выявило интерес гостя к Вулиджскому арсеналу и столичным казармам. Вдобавок в центре

Лондона, на улице Чэринг-кросс, немецкий разведчик как бы невзначай встретился и побеседовал с человеком, которого английские власти уже давно подозревали в шпионаже. Вечером Росток и его знакомый снова встретились в кафе, после чего первый отправился к себе в отель. Однако трое опытных английских контрразведчиков, следившие за каждым шагом опасного гостя, решили на всякий случай проверить, не покинет ли он позднее свою гостиницу. Английские агенты разделились, установив наблюдение за всеми выходами из гостиницы.

Потянулись часы ожидания. Около 12 часов ночи немец осторожно проскользнул через черный ход из гостиницы и сразу же сел в такси. Контрразведчики быстро разыскали другое такси, но было уже поздно: первое такси исчезло из виду. Английским агентам помог счастливый случай: на одной из улиц образовался затор машин, среди них оказалось и такси, которое везло немца. Вскоре он вышел из автомобиля и зашел в маленькую парикмахерскую, которую покинул лишь через час. Эти не совсем обычные в столь поздний час стрижка и бритье дорого обошлись германской разведывательной службе. Пройдя несколько кварталов по длинной Календонской улице, немецкий разведчик снова сел в такси и, как убедились следовавшие за ним агенты Скотланд-Ярда, вернулся в гостиницу.

Причины посещения высокопоставленным придворным германского кайзера в полночь маленькой уличной парикмахерской, вдали от его аристократического отеля, были слишком очевидны, чтобы оставить место сомнению. Однако немцу позволили на следующий день мирно отбыть на родину. Конечно, отчасти это было вызвано нежеланием тогда английских властей производить арест, который неминуемо должен был вызвать крупный международный скандал.

Но были и другие соображения: барон явно посещал какой-то центр германского шпионажа в Англии, хотя заранее нельзя было сказать, насколько важным узлом была маленькая парикмахерская в разведывательной сети, созданной в Англии наследниками Штибера.

После некоторых усилий была выяснена роль, которую играл хозяин этого заведения — немец, натурализовавшийся в Англии. Он формально занимался импортом оборудования для парикмахерских, и к нему на дом еженедельно приходило несколько десятков писем в служебных конвертах различных иностранных фирм. Владелец парикмахерской вскрывал эти конверты, в которые были вложены другие (адресованные в различные части Англии, особенно в главные гавани и места стояьок военного флота), наклеивал на них английские марки и опускал в почтовый ящик. Так посылались инструкции всем германским агентам в Англии.

Уяснив себе общую картину, Скотланд-Ярд, конечно, не тронул хозяина парикмахерской. Однако вся направлявшаяся ему корреспонденция тщательно переснималась. Английская контрразведка таким путем узнала фамилии и местожительство всех немецких шпионов в Англии. Но и после этого Скотланд-Ярд отказался от соблазна произвести аресты: ведь на месте уничтоженной разведывательной сети немцы в условиях мирного времени наверняка сумели бы сплести новую. Английская контрразведка благоразумно решила дожидаться войны, чтобы нанести свой давно подготовлявшийся удар.

После объявления войны сразу же были произведены аресты многих германских шпионов (число этих арестов, по разным данным, колеблется от 20 до более чем 50). Берлин в решающие дни совершенно лишился притока жизненно важной информации об английских вооруженных силах. Более того, в военное время немецкой разведке так и не удалось снова создать в Англии шпионскую сеть, подобную уничтоженной в первые дни войны. Это имело самые серьезные последствия.

Конечно, немецкая разведка прилагала отчаянные усилия, чтобы снова заслать своих агентов в Англию. Она прибегала к услугам как немцев, так и граждан нейтральных стран. В редких случаях Берлину удавалось добиться успеха. (О приключениях одного из наиболее удачливых германских разведчиков, Зильбера, еще будет рассказано в другой связи). Но неудачи случались у немцев значительно чаще.

Одним из непосредственных следствий «ослепления» немецкой разведки в Англии в начале войны было то, что германское командование ничего не узнало о переброске (в основном за четыре дня, с 10 по 13 августа) во Францию британского экспедиционного корпуса численностью 90 тыс. человек. Правда, какие-то немецкие агенты все же остались

неопознанными и пытались известить Берлин об отправке британских дивизий на фронт в Северную Францию и Бельгию.

В первые дни войны французская военная цензура обратила внимание Второго бюро на телеграммы, которые посылались несколько раз в день лондонской фирмой Струкера своим парижским партнерам. В этих телеграммах сообщались с большими техническими подробностями сведения о количестве угля и хлопка, доставляемого из Кардиффа и Манчестера в северные порты Франции. Начальник французской контрразведки капитан Ладу обратился за помощью к своему знакомому, занимавшемуся импортом во Францию различных товаров, и тот заявил, что телеграммы выглядят вполне правдоподобно.

Навели осторожно справки о фирме Струкера в Париже, учрежденной в марте 1914 г. Однако в поведении ее трех представителей, среди которых был один голландец, не было ничего, внушавшего подозрение.

11 августа Ладу беседовал с одним из своих друзей — капитаном Илером. Разговор, естественно, шел о массированном германском наступлении. Ладу заметил, что французской армии придется одной выдержать натиск, так как трудно рассчитывать на прибытие английских подкреплений ранее октября. Лучше осведомленный Илер заметил, что англичане вскоре сумеют бросить на поле боя 100 тыс. человек и что уже сейчас во Франции высадились 15 тыс. солдат. Илер показал другу документ, где по дням отмечалась численность английских частей, высаживавшихся во французских и бельгийских гаванях. Ладу эти цифры показались знакомыми — конечно, они соответствовали тем, которые содержались в телеграммах лондонского Струкера парижской фирме того же названия — телеграммах, над которыми уже несколько дней ломали голову капитан и его сотрудники.

Однако уведомить обо всем этом Лондон оказалось делом далеко не простым. Чтобы пройти все звенья французской бюрократической машины, у которых надлежало получить визу на передачу сведений, нужно было время. Ладу сначала пошел по официальному пути, но его донесения где-то так и осели в досье, не дойдя до места назначения. Пришлось обратиться к частным каналам. Один американец, рекомендованный Ладу, уехал с необходимыми материалами в Англию.

И вот с 14 августа 1914 г. парижская фирма Струкера стала получать не подлинные телеграммы из Лондона, а «телеграммы», составленные во Втором бюро. В них сообщалось об отправке якобы очень слабых британских контингентов.

Поступление телеграмм из Англии внезапно прекратилось 25 августа. За французской «фирмой» контрразведка продолжала наблюдать. Пока шло оформление ордеров на арест, все трое служащих парижского отделения Струкера успели исчезнуть. Позже было установлено, что эту роль играли немецкие офицеры. Когда 1-я германская армия под командованием генерала фон Клука, наступавшая на Париж, столкнулась и вступила в бой с английским экспедиционным корпусом, это оказалось для немцев полной неожиданностью. Внезапное появление на фронте боеспособной английской армии повлияло на ход военных действий.

Английская секретная служба способствовала — впрочем, в скромных масштабах — дезинформации германского командования накануне битв на Марне. Этот успех был достигнут уже упоминавшимся капитаном Бертрамом Стюартом. Капитан разоблачил одного из своих подчиненных как агента-двойника, но не арестовал его, а стал через ничего не подозревавшего немецкого шпиона передавать ложные известия в штаб фельдмаршала фон Клука, командовавшего 1-й германской армией. Стюарту удалось убедить немцев, что Кале, а не Гавр, как это было в действительности, является портом высадки британских подкреплений. В результате Клук предпринял ошибочный маневр с целью отрезать англичан от их мнимой базы. Это замедлило темп немецкого наступления, когда выигрыш времени приобретал решающее значение. Но французскую победу на Марне предопределил решающим образом другой фактор — переброска значительных германских сил с запада на Восточный фронт для отражения русского наступления.

Немцы заранее приняли меры, чтобы иметь подробные сведения о русской армии. Развитию немецкого и отчасти австрийского шпионажа в царской России способствовало несколько благоприятных условий. Во-первых, отсталость русской экономики, большое проникновение в нее германского капитала (а многие немецкие фирмы, пустившие крепкие

корни в России, были, как уже указывалось, филиалами разведки). Во-вторых, разложение государственного аппарата царизма, его продажность, выдвижение на главные роли самых растленных и готовых идти на все людей, делавших карьеру на кровавой расправе с революционным движением, на «умиротворении» страны с помощью виселиц, казачьих нагаек и черносотенных погромов. В-третьих, сильная германофильская партия при дворе. Она концентрировалась вокруг царицы-немки, которая могла вертеть, как хотела, своим мужем, носившим имя Николай II, император всероссийский. В-четвертых, засилье немецкого по национальности дворянства в пограничных прибалтийских губерниях России, то влияние, какое имели эти «лифляндские», «курляндские» и «эстляндские» бароны, считавшиеся верной опорой трона, в бюрократических и придворных кругах Петербурга. В-пятых, существование большого числа немецких поселенцев, в частности в юго-западном крае, среди которых шпионские гнезда создавались едва ли не со времен колонизации (во второй половине XIX в.). Часть колонистов даже проходила до войны службу в германской армии. Чтобы обойти закон, запрещавший иностранцам приобретать земли в пограничной полосе, многие немцы имели двойное (германское и русское) подданство.

В первом десятилетии XX в. в царской России действовало более дюжины крупных организаций, созданных немецкой и австрийской разведками. Им удалось узнать весь план подготовки армии царской России к мировой войне. В строении шпионской сети немцы применяли тот же групповой метод, который определил провал в начале войны их агентурной сети в Англии. Русская контрразведка имела данные о большинстве немецких шпионских групп. Но все же факторы, о которых говорилось выше, помогли немецкой агентуре уйти из-под удара.

Неисчислимыми жертвами, потерей огромных территорий заплатили русские войска за фактически беспрепятственную деятельность большинства высокопоставленных шпионов.

Немцы забросили значительное число своих разведчиков в тыл русского фронта. Наряду со шпионажем большую роль сыграла расшифровка австрийцами и немцами русского военного кода, что позволило им значительную часть войны свободно читать передававшиеся по радио донесения я приказы царских штабов. Это также было причиной неоправданно тяжелых потерь, которые понесла русская армия.

Вместе с тем считавшиеся в России наиболее крупными успехи германской разведки, якобы превратившей в своих агентов полковника С. Н. Мясоедова и самого военного министра генерала В. А. Сухомлинова, были вымыслом. Мясоедов, бывший старшим жандармским офицером на станции Вержболово на границе Восточной Пруссии, сумел понравиться двум монархам — Николаю II и Вильгельму II. Департамент полиции, соперничавший с жандармским корпусом, решил подставить ножку делавшему быструю карьеру Мясоедову. Его обвинили в поощрении контрабанды. На суде над арестованными контрабандистами Мясоедов совершил непростительный поступок, разоблачив провокацию охранки. Его уволили в отставку, но в 1911 г. царь разрешил снова принять на службу бывшего жандарма. Это было сделано по ходатайству Сухомлинова, супруга которого была близко знакома с женой Мясоедова. В 1912 г. глава октябристов Гучков обвинил Мясоедова, сделавшегося главой личной контрразведки Сухомлинова, в покровительстве шпионам (полковник участвовал в различных спекуляциях, в которых его компаньонами были коммерсанты с немецкими фамилиями). Это обвинение было расследовано, и его безосновательность должен был признать сам Гучков. Однако во время войны Мясоедов оказался козлом отпущения, на которого можно было свалить вину за поражения, вызванные неспособностью верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Этим предрешался и вопрос о смещении Сухомлинова. 18 марта 1915 г. в Варшаве, основываясь на голословных показаниях одного бежавшего из плена поручика и явно ничего не доказывающих уликах, военный суд приговорил Мясоедова к смертной казни. Полковника повесили сразу же после вынесения приговора. Было осуждено еще несколько лиц, связанных с Мясоедовым. А в 1916 г. был арестован сам Сухомлинов, который позднее, уже при Временном правительстве, был присужден к бессрочной каторге. (Он был освобожден по амнистии, объявленной Советским правительством в 1918 г., и умер в эмиграции.) Мясоедов был царским охранником, грязным дельцом, контрабандистом, мародером. За преступное пренебрежение служебным долгом беззастенчивым и бездарным

карьеристом Сухомлиновым русская армия расплачивалась кровью десятков тысяч солдат и офицеров. Но шпионами ни Мясоедов, ни Сухомлинов не были. Это после войны засвидетельствовали руководители и немецкой, и австро-венгерской разведок В. Николай и М. Ронге, которым не было бы смысла утаивать такой крупный успех, как превращение в своего агента военного министра вражеской державы.

Мобилизация голубей

Война была империалистической. Однако для воздействия на массы правящие классы скрывали свои подлинные цели, кричали об «обороне отечества». Империалисты Антанты уверяли, что ведут «войну, которая покончит с войнами», твердили, что стремятся спасти европейскую культуру от немецкого милитаризма. Империалисты Германии, в свою очередь, распространялись о том, будто защищают «свободу» Европы от царизма, сражаются за то, чтобы европейцы не превратились в колониальных рабов Англии. Буржуазия в своих реакционных целях подогревала идеологию национальных движений ушедшего времени. Так, например, французские империалисты усердно ратовали за «освобождение» Эльзаса и Лотарингии, буржуазия Италии — итальянского меньшинства в Австрии, оправдывая таким образом свое участие в войне, которая велась для усиления национального гнета, для порабощения новых стран и народов.

Германия и ее союзники в ходе войны захватили территорию ряда стран. Империалисты Антанты, сами угнетавшие и грабившие сотни миллионов людей в колониях, пытались тем не менее изображать себя освободителями народов, родина которых была оккупирована немцами. Империалистические разведки со свойственным для них цинизмом широко использовали то обстоятельство, что немало людей стало жертвами этой изощренной пропаганды. Успехи секретной службы Антанты в огромной, часто решающей степени зависели от того, что ей удавалось эксплуатировать в своих интересах ненависть народов малых стран к германским оккупантам.

В годы первой мировой войны огромные ресурсы были предоставлены в распоряжение разведки — от технических новинок и до сторожевых собак; на разведывательную работу мобилизовали и математические кафедры университетов, и легионы почтовых голубей.

Война привела к невиданному росту вооруженных сил. Уже не десятки и даже не сотни тысяч, а миллионы и десятки миллионов солдат сражались друг против друга в армиях Антанты и Германии с ее союзниками. Еще более быстрыми темпами росла численность армий, занятых в тайной войне. Разведки главных воюющих держав разрослись в десятки, иногда в сотни раз. Антанта, по некоторым (впрочем, преувеличенным) сведениям, имела свыше 500 разведывательных бюро в одной Голландии. В Бельгии действовало более 2 тыс. английских агентов. Не было единого центра, который мог бы дать отчет о количестве агентов, работавших на каждый из воюющих блоков. Немцы одно время верили, что где-то имеется карта, на которую нанесены места действий всех шпионов Антанты. Немецкая разведка даже пыталась через одного англичанина добыть эту никогда не существовавшую карту. В целом соотношение сил между разведками соответствовало общему соотношению сил враждебных коалиций. К концу войны, когда Германия стала все более приближаться к поражению, заметно выявилось и превосходство разведывательных служб главных государств Антанты.

По мере расширения той или иной разведки отдельные ее небольшие секции превращались в разветвленные шпионские организации, насаждавшие агентуру в тысячах городов, деревень и железнодорожных станций. По своей структуре эти организации, если речь шла не о войсковой или морской разведке, часто очень походили друг на друга. Во главе небольшой ячейки стоял резидент (он же и «почтовый ящик»). К этому тщательно законспирированному лицу, обычно жителю данной страны или — реже — нейтрального государства, стекалась информация, которую он тем или иным путем передавал особым курьерам — сборщикам полученной «добычи». Нередко самому резиденту поручали вербовку агентов: в его интересах было тщательно проверить собственных людей. Ведь агенты не знали друг друга, всем им был известен лишь резидент, который тем самым подвергался опасности быть схваченным после ареста любого из своих подчиненных. Каждый из агентов имел свой

номер или кличку, часто менявшуюся, чтобы сбить с толку противника.

Иногда такая организация становилась двух— или трехступенной. Главный резидент был связан с несколькими разведчиками, а те, в свою очередь, служили резидентами и «почтовыми ящиками» для агентов второй ступени и т.д. Однако немалое число разведчиков работали независимо, передавая информацию специально посылаемому к ним разъездному агенту, или же, если они по своей официальной профессии могли это делать, сами доставляли свои сведения «заказчику», обычно где-нибудь в нейтральной стране.

Во время первой мировой войны чрезвычайно расширился круг вопросов, по которым разведки хотели бы получать информацию. К чисто военным прибавилось огромное количество политических, экономических, социально-психологических, технических и других проблем, решение которых было важно для успешного ведения войны. К их числу могли относиться взаимоотношения различных ведомств враждебного государства и темпы замены выходившей из строя части вагонного парка железных дорог, морской код и нормы выдачи продуктов по продовольственным карточкам, планы создания нового вида снарядов и настроения населения какой-либо местности, часто очень удаленной от театра военных действий. Порой многие сведения, которые добывали шпионы, нужны были лишь как «материал» для работы других разведчиков (данные о том или ином заводе — чтобы новый важный агент мог изобразить опытного мастера этого завода, новые инструкции военной полиции — с целью избежать опасных ловушек, в которые могут попасться шпионы, не зная этих инструкций, и т.п.).

Крайняя пестрота объектов, которые нужно было разведывать, увеличила и многообразие личин, под которыми должны были действовать разведчики. Шпион скрывался под маской человека любой профессии, национальности. Это были люди самого различного возраста. Австриец барон фон Шлуга поселился в Париже еще накануне франко-прусской войны 1870—1871 гг. Никто из его бесчисленных светских знакомых не подозревал, что он немало способствовал поражению французской армии при Седане и потом десятилетиями снабжал информацией немецкую военную разведку. В 1914 г. барону было уже 68 лет, но это не мешало ему отправлять с курьером из Парижа или из Бордо через Швейцарию в Берлин донесения, которые высоко ценил начальник немецкого генерального штаба Фалькенгайн. Барон фон Шлуга так и остался неразоблаченным, он ушел в отставку по возрасту незадолго до смерти, в 1917 г. Агентами могли оказаться наряду с лощеным аристократом старый нищий на улице, широко известная артистка и бухгалтер завода, местный врач или заезжий коммивояжер.

Среди агентов было множество любителей торговать «гнилым товаром» в надежде на то, что его оплатят прежде, чем сумеют проверить. Немало было шпионов-двойников, поставлявших материал обеим воюющим сторонам. Иногда двойники были мнимыми двойниками, то есть агентами одной из разведок, снабжавшими ложными данными разведку противника. Нередко, впрочем, эта последняя догадывалась, что с ней ведут игру, и продолжала получать фальшивые сведения только с целью понять, во что враги попытаются заставить ее поверить. Некоторые шпионы-двойники «честно» работали на обе стороны. Другие стремились сбыть подложные известия обеим сторонам, причем, поскольку дело касалось одной из «сторон» — Антанты, продать свои сведения нескольким разведкам одновременно (например, французам, англичанам и американцам). Существовала даже своеобразная шпионская «биржа» в нейтральных странах. Французский агент вместо того, чтобы рисковать, добывая нужную ему информацию, просто использовал сведения, которыми располагал, о Франции. Эти сведения он передавал немецкому шпиону в обмен на информацию о Германии.

На службу в буржуазную разведку людей привлекали различные мотивы. Иногда националистические чувства и ненависть к оккупантам, желание сделать карьеру, склонность к авантюризму, но чаще всего — деньги, надежда на богатую наживу от занятия, как считалось, прибыльным ремеслом шпиона.

Конечно, разведке приходилось тщательно проверять информацию, исходящую сплошь и рядом из более чем сомнительных источников. Это производилось прежде всего путем сопоставления со всеми имеющимися сведениями по данному и смежным вопросам, полученными самыми различными путями (войсковая наземная, воздушная и морская разведки; дипломатические источники; допрос пленных и дезертиров; просмотр бумаг, найденных у убитых вражеских солдат; материалы, собранные почтовой цензурой; изучение периодической

печати страны-противника, особенно провинциальной; подслушивание телефонных разговоров; перехват и расшифровка радиодонесений и многое другое). К тому же нередко сравнительно маловажное известие, какая-нибудь незначительная мелочь, вставленная в рамку других известий, приобретали большое значение.

Проверка часто усложнялась тем, что порой ложное известие, исходящее от того или иного агента (будь то по его собственному намерению или потому, что он был обманут противником), входило в общую систему дезинформации по определенному вопросу, разработанную вражеской разведкой. Например, целая серия ложных приготовлений к наступлению на одном участке фронта, когда в действительности оно планировалось совсем в другом районе. Немцы на Западном фронте неоднократно использовали для маскировки прогон к месту мнимого будущего наступления пустых воинских эшелонов и грузовых составов. Германское командование полагало, что антантовские шпионы, наблюдавшие за железнодорожными перевозками, обязательно заметят усиленное движение воинских составов и даже подсчитают примерное количество якобы перебрасываемых войск (из простого расчета: один воинский эшелон — один батальон). Рассчитывали, что вражеские лазутчики не сообразят, что эшелоны идут пустыми. В одних случаях этот маневр удавался, в других — его разгадывали с самого начала.

Иногда дезинформация оказывалась настолько удачной, что вводила в заблуждение не только противника, но и собственное командование. Это происходило потому, что почти каждая из стран имела по несколько соперничавших между собой разведывательных органов.

Значительно разнообразнее стали виды связи, применявшиеся шпионами: шифрованные письма и детские воздушные шары, прифронтовая ветряная мельница, вращение крыльев которой являлось своеобразным кодом; доставка известий самолетами (тогда еще новинкой военной техники); по-особому вспаханные участки крестьянского поля; снаряд, внутри которого вместо взрывчатых веществ содержалось донесение, или невинные с виду объявления в газетах нейтральных стран и тысячи других аналогичных способов, непохожих друг на друга. Чем более оригинальным, необычным был способ, тем меньше было шансов для обнаружения. Новые симпатические чернила доставляли германским агентам в Англию, пропитывая этой жидкостью обычную одежду, которую привозил в чемодане специально нанятый курьер — житель нейтральной страны. Сведения пересылали переснятыми на микроскопическую пленку, которая подкладывалась к оборотной стороне почтовой марки, наклеивавшейся на открытку.

Применение получило и радио — другая техническая новинка. Заработали тайные радиопередатчики. В ответ контрразведчики создали целую сеть радиопеленгационных станций для обнаружения этих передатчиков. Особенно прославился во время войны построенный англичанами радиопередатчик в Бар-ле-Дюке. Это был небольшой клочок бельгийской земли, окруженный со всех сторон голландскими владениями. Немцы не могли захватить его, не нарушив голландского нейтралитета. Однако раздосадованные потоком шифрованной информации, передававшейся в эфир радиостанцией, которую можно было видеть невооруженным глазом с территории Бельгии, оккупированной немцами, они сумели нанести удар по противнику. По требованию немцев голландские власти запретили завозить в Бар-ле-Дюк бензин, на котором работала станция. Тогда бензин начали доставлять контрабандным путем. Голландские и бельгийские женщины стали носить бидоны с горючим, пряча их под подолом. Но с германской стороны последовал новый удар: немцы подкупили нескольких работников радиостанции, и те стали передавать ложные сообщения. Ее сведениям перестали доверять.

С помощью радиопередач союзники, узнавшие германские коды, передавали фальшивые приказы немецким подводным лодкам, которые, не ведая, что действуют по указке противника, двигались на верную гибель. В то же время радиопереговоры между торговыми кораблями, на которые были пересажены радисты с английских линкоров, создавали у немцев, перехватывавших эти беседы в эфире, ложное представление о местонахождении британских эскадр.

Огромное увеличение разведывательной службы в собственном смысле этого слова вызвало не меньший рост контрразведки. Вся почтовая и телеграфная корреспонденция, особенно шедшая за рубеж, стала подвергаться тщательной военной цензуре. Так, в Лондоне

просматривали письма на 60 языках. Цензорам пришлось разгадывать зашифрованные донесения на 31 языке. Подозрительные письма и газеты стали подвергать химической обработке, чтобы определить, не содержат ли они тайнописи. Эксперты изучали вызывавшие подозрения письма и, с другой стороны, не является ли явный безобидный текст шифром, скрывающим шпионское донесение. Под строгий контроль были поставлены границы с нейтральными странами. Прифронтовая полоса была разбита на небольшие участки, за каждым из которых наблюдала специальная группа офицеров контрразведки. Там, где можно было положиться на лояльность гражданского населения, из его среды вербовали людей, которые должны были сообщать контрразведке о всех подозрительных или просто незнакомых. В районах, где военные власти не могли рассчитывать на сотрудничество местных жителей, — особенно на оккупированных территориях — вводились жесткие ограничения для передвижения. Чтобы покинуть свое местожительство даже на короткий срок, жители занятой немцами Бельгии должны были получать специальные пропуска в полиции. Образцы этих пропусков, чтобы затруднить их подделку, часто менялись.

Разветвленная система полицейской слежки была создана во всех воюющих странах.

Разведки пытались засылать своих людей в контрразведывательные органы врага, хотя и сравнительно редко достигали здесь успеха.

Шпионаж в узком смысле слова дополнялся войсковой разведкой (данные, полученные от траншейных наблюдений, разведки боем, посылки патрулей, артиллерийского наблюдения, воздушной разведки, опроса пленных, дезертиров, местных жителей, захвата почты противника и т.д.), не говоря уж о материалах, которые доставляла цензура, о сведениях, поступавших по дипломатическим и другим каналам. В разведке работали специалисты по прессе, цензуре, секретной связи, переводчики, дешифровальщики, химики, эксперты по множеству различных вопросов.

Для доставки донесений антантовские разведки постоянно прибегали к помощи почтовых голубей. До 1914 г. Бельгия славилась почтовыми голубями. Перед отступлением бельгийская контрразведка приказала уничтожить более 30 тыс. голубей наиболее ценных пород, чтобы они не достались немцам. Голуби оказались не только быстрыми, но чрезвычайно надежными порученцами. Бывали случаи, когда смертельно раненные неприятелем пернатые курьеры часами ползли по земле и все же успевали добраться до родной голубятни. Не раз торговые и военные суда, торпедированные подводными лодками или по другим причинам терпевшие аварию, посылали с голубями сигнал бедствия и вовремя получали помощь. Окруженный немцами командир форта Во отправил с последним имевшимся у него голубем донесение с просьбой о помощи. Нередко разведчики, пробиравшиеся в тыл врага или прыгавшие с парашютом, первым делом находили надежное укрытие своим голубям. Клетку с крылатыми помощниками обычно привязывали где-нибудь на вершине ветвистого дерева. В этом случае приходилось ночью незаметно взбираться на деревья и приносить пищу голубям. К концу войны одни англичане имели на Западном фронте «штат» в 6 тыс. голубей. Во Франции даже поставили памятник героям голубиной почты и многих из них наградили орденами!

Так как за голубями следили, их пытались… маскировать под других птиц. Англичане подстрелили на Западном фронте голубя, окрашенного под попугая.

Широко использовали для передачи донесений и служебных собак. Немецкая овчарка Фриц, не раз переносившая шпионские донесения через линию фронта, причинила немало хлопот союзной разведке. Ее надо было поймать живьем. Успеха удалось достигнуть, лишь воспользовавшись услугами суки по кличке Рози, которую подсадили на пути четвероногого почтальона.

Для заброски шпионов стали широко использовать подводные лодки (особенно в Средиземном море) и самолеты.

Арсенал средств, с помощью которых доставлялись донесения, расширялся с каждым годом. Сотни способов раскрывались контрразведками, но на смену приходили новые. Один немецкий разведчик надрезал брюхо живой рыбы, вкладывал письмо и пускал ее в реку. Рыбу вылавливали около немецких позиций. Другой германский шпион, находившийся во французском городе Бельфоре, применял такой способ. Разведчик садился в поезд, который шел в нейтральную Швейцарию, и занимал отдельный столик в вагоне-ресторане. Пообедав, он

сходил с поезда, приближавшегося к границе. На первой швейцарской станции место шпиона за столиком сразу занимал другой, разведчик. Во время еды он проливал как бы случайно немного вина на скатерть и, прикрыв это место салфеткой, продолжал есть. Первый шпион писал симпатическими чернилами сообщение. Второй проявлял его вином и, быстро прочитав, ждал, пока появившиеся на скатерти буквы снова не исчезали. Донесения прятали в повязках на ранах, под париками, в пеленках грудных детей, в карандашах, в шнурках башмаков.

Оперную певицу арестовали при переезде франко-швейцарской границы из-за… несоблюдения моды. Чрезмерно накрахмаленная юбка показалась подозрительной таможенникам. На ней действительно симпатическими чернилами было написано разведывательное донесение. Случались и курьезы. Французская цензура задержала письмо, присланное из Голландии на имя одной дамы полусвета, белокурой актрисы Евы М., на ее виллу «Алкивиад». Письмо имело вид шифрованного текста, тем более что оно начиналось обращением: «Ваше Преосвященство…» На деле это было мудреное письмо ученика одного аббата, участника диких оргий разврата на вилле «Алкивиад». Контрразведки все это не касалось…

Передача сведений по радио не получила большого развития. При тогдашнем уровне техники очень трудно было держать тайный радиопередатчик на территории противника. Тем не менее в тылу германских войск на Западном фронте в доме бельгийского священника аббата Пинта был установлен такой передатчик. Иногда линия передачи информации была довольно сложной. Французская контрразведка ломала голову над тем, каким образом немецкое командование получало сведения о выходе транспортных судов из Марселя. Хотя офицерам сообщали о дате выхода и маршруте только накануне отъезда, немцы менее чем через сутки давали по радио соответствующие распоряжения своим подводным лодкам, оперировавшим в Средиземном море. Подумали первоначально, что информация доставлялась с помощью шифрованных писем, но расследование выявило малую правдоподобность такого пути. Оставались шифрованные телеграммы, которые имели право посылать своим правительствам только иностранные дипломаты. Было отдано распоряжение задерживать на несколько дней на телеграфе все депеши, поступавшие от иностранных посольств и консульств.

Одновременно было установлено наблюдение за одним из подозрительных консулов в Марселе. Выяснилось, что он регулярно встречается в кафе с каким-то человеком. Слежка за этим последним привела к иностранке, которую застали при разговоре с ним. Было быстро выявлено, что это немецкая шпионка. После ареста она призналась, что получала сведения от одного офицера парохода «Севастополь», являвшегося ее любовником. Как раз незадолго до ареста разведчицы «Севастополь» вышел в море. Пароходу по радио приказали изменить маршрут, но гроза помешала принятию корабельной станцией этого приказа. «Севастополь» был потоплен, не спасся ни один из 500 человек, находившихся на его борту.

Приемы разведывательной работы менялись в ходе войны. Воюющие страны далеко не сразу закупорили каналы, через которые была возможна массовая утечка информации. Французский разведчик Лаказ, действовавший осенью 1914 г. на территории, где сходились границы Франции, Германии и нейтральной Швейцарии, неожиданно напал на настоящую «золотую жилу». Как ему стало известно, каменщик итальянец Витторио Каваньетто подрабатывал на жизнь таким оригинальным способом. Он обходил пограничные французские деревни, где было много жителей-эльзасцев, родственники которых служили в немецкой армии, и собирал письма для отправки в Германию. После этого итальянец переходил швейцарскую границу и передавал одному содержателю бара полученную корреспонденцию, которую тот отправлял адресатам. Ту же дорогу, но в обратном направлении совершали письма германских солдат.

Местные французские власти, действуя на основании приказа, запрещавшего всякие сношения с неприятелем, положили было конец деятельности предприимчивого почтальона. Лаказ решил нарушить приказ: ведь авторы писем из Франции, будучи гражданскими лицами, не могли сообщить особо важную информацию, тогда как сумка с первыми 250 письмами от германских солдат содержала чрезвычайно ценные сведения. Все эти письма имели печати и отметки полевой почты, в которых указывались номера дивизии, корпуса и армии. Аккуратные отправители писем, давая обратный адрес, сообщали дополнительные ценные подробности. В

этой системе был один недостаток: большинство эльзасцев служили в 14-м германском армейском корпусе, а французская разведка жаждала сведений и о других соединениях. Постепенно положение стало исправляться, так как многие солдаты-эльзасцы после ранения попадали в различные воинские части.

Германская цензура спохватилась лишь летом 1915 г. Номера дивизий и полков, обратные адреса стали появляться все реже, а потом исчезли вовсе. Однако Лаказ к этому времени завел специальную карточку на каждого солдата, переписывавшегося с родственниками. На карточку заносились все добытые о нем сведения — часть, в которой он служил, имена родных и знакомых и т.д. В результате даже открытка, подписанная одним именем без фамилии, но адресованная какой-либо уже внесенной в картотеку семье, была часто достаточной для того, чтобы определить, где расположена та или иная германская воинская часть. Секрет «обработки» солдатской корреспонденции был разгадан даже местными жителями. Письма из Германии окончательно перестали приходить незадолго до начала сражения под Верденом в 1916 г.

Наряду с изменением методов в зависимости от обстоятельств менялась и структура разведывательных организаций. Например, тот же Лаказ, который после ряда столкновений со швейцарскими властями предпочитал находиться постоянно в разъезде, установил своеобразную систему связи со своими резидентами. Заранее устанавливались место и час свидания. А дату встречи резидент узнавал из открытки, которую получал незадолго до указанного дня и которая внешне выглядела просто как безобидное письмо от родных. Если же агенту почему-либо надо было спешно передать важные новости, он давал в одной из местных газет заранее согласованное объявление. На следующий день Лаказ мог прочитать объявление и послать открытку, назначая внеочередное свидание. Конечно, к различным агентам Лаказ являлся под различными псевдонимами, что также уменьшало опасность провала.

Приключения «Белой дамы»

Разведывательную сеть в Бельгии обычно организовывали, действуя с голландской территории. В Голландии, хотя и не сразу, главное место среди соперничавших разведок стран Антанты заняла английская разведка (точнее, один из ее отделов, поскольку и внутри разведывательных органов Англии, подчинявшихся первоначально различным ведомствам, царили зависть и конкуренция). Ее фактическим главой был Генри Ландау, впоследствии рассказавший о ее деятельности в своих мемуарах.

Англичане учли опыт провала в 1916 г. организованной ими разведывательной сети, которая наблюдала за немецкими перевозками в Бельгии и Северо-Восточной Франции, занятых немецкими войсками. Английский агент Франкиньуль построил ее строго централизованно. Все донесения сосредоточивались в одном месте и доставлялись одним путем: их прятали в трамвае, который ежедневно приезжал из Бельгии в голландский город Маастрихт. Долгое время система работала успешно, но в конце концов немецкая полиция напала на след. К тому же агенты Франкиньуля знали друг друга, а он сам не имел способов предупредить своих подчиненных об опасности. В результате немцам удалось одним ударом разгромить эту организацию, ликвидировать более 40 постов наблюдения за поездами и арестовать почти всех людей Франкиньуля. Его попытка воссоздать организацию на тех же основах успеха не имела. Г. Ландау построил новую разведывательную организацию по-иному.

С помощью бельгийцев, бежавших в Голландию, удалось образовать на бельгийской территории значительное число разведывательных ячеек. Начальник каждой из них пересылал собранные донесения в «почтовый ящик» в Антверпене, Льеже и Брюсселе. Отсюда они доставлялись на один из нескольких пунктов переправы через границу. Каждая ячейка имела свой независимый «почтовый ящик» и пункт переправы. Курьер, перевозивший донесения к границе, не знал никого из членов разведывательной ячейки, кроме самого «почтового ящика». А «почтовый ящик» не знал даже курьеров, привозивших и забиравших у него донесения. Для наблюдения за каждым важным объектом или районом нередко создавались две параллельно действовавшие группы, не подозревавшие о существовании друг друга.

….Еще со средних веков в Восточной и Средней Германии получила распространение

легенда о «белой даме». В Пруссии рассказывали, что некая Доротея, овдовев к 40 годам, удалилась в келью, расположенную недалеко от собора в Мариенвердере, и приказала замуровать вход. Она умерла после 14 лет добровольного затворничества. Монахине приписывали многочисленные чудеса. После ее смерти была послана в 1414 г. просьба папе о причислении Доротеи к лику католических святых. Время было неподходящее. Церковь переживала великий раскол. Пап было разом двое, а то и более. Каждый папа проклинал и отлучал от церкви своих соперников — антипап. Ни одному из них не было досуга рассмотреть ходатайство, пришедшее из далекой Пруссии. После этого среди населения сложилось убеждение, что святая отшельница, обиженная неблагодарностью людей, появляется в белом одеянии, чтобы предвещать им. несчастье.

Некоторые немецкие историки отвергают эту версию. По их мнению, «белая дама» — жена так называемого Великого курфюрста Бранденбурга. На одной старинной гравюре ее изображают идущей в белом одеянии вслед за гробом мужа, умершего в 1688 г. Однако, по другим версиям, первое появление «белой дамы» было отмечено в I486 г. в Плассенбурге близ Байрейта. Наконец, имелись приверженцы еще одной версии, считающие, что легенда о «белой даме» связана с некоей графиней д'0рламюнд, которая жила в XIV в. где-то около Байрейта. Она убила двух своих детей и покончила самоубийством из-за того, что ее любовник — родственник правившего монарха — отказался жениться на ней.

«Белая дама» якобы снова появилась в Берлине в 1799 г. Она предстала перед солдатом, стоявшим на часах у королевского дворца, в белом одеянии, с жемчужным ожерельем на шее и посохом из слоновой кости в руках. Солдат понял, что перед ним призрак, и, пораженный, рассказал об этом странном происшествии. На основе его рассказа была опубликована даже небольшая книжка, украшенная «портретом» «белой дамы», которая приносит несчастья. Было бы напрасно задавать вопрос, откуда издатели получили этот портрет. Однако к их оправданию следует добавить, что через семь лет, в 1806 г., Пруссия была наголову разгромлена Наполеоном.

И уж совсем странно, что «белую даму» — этот как будто сугубо немецкий призрак — видел Наполеон, когда останавливался в Байрейте, направляясь в поход против России. Но если не считать этого единовременного расширения обязанностей «белой дамы», то она неизменно появлялась во дворце незадолго до кончины очередного короля из династии Гогенцоллернов. Ее видели в 1840 г. накануне смерти Фридриха Вильгельма III, в 1861 г. — перед кончиной Фридриха Вильгельма IV… Короче говоря, при Вильгельме II стали говорить, что очередное появление «белой дамы» должно будет означать конец династии Гогенцоллернов. Слов нет, политика последнего кайзера — самовлюбленного, помешанного на божественном происхождении своей власти, наглого и в то же время трусливого — создавала достаточно оснований для подобного видоизменения старинной легенды.

Имя «белой дамы» присвоила крупнейшая из разведывательных организаций, которые действовали в оккупированной Бельгии. Она возникла летом 1916 г. и вначале носила другие наименования («Служба Мишлена» — очевидно, по имени фирмы, выпускавшей автомобильные шины Б—149). Одним из основателей организации был инженер Деве — двоюродный брат Дьедонне Ламбрехта, работавшего на английскую разведку, выданного агентом-двойником и казненного немцами. Деве прежде всего рассказал о своих планах профессору-физику Шовену, который вместе с ним возглавлял организацию. Первоначально она включала небольшую группу друзей Деве и Шовена. С помощью священника Дез-Онея удалось проверить и привлечь в ряды «Белой дамы» помощников Ламбрехта.

Деве и Шовен оказались отличными руководителями. Они удачно отобрали нужных людей и построили организацию таким образом, чтобы аресты отдельных людей причиняли ей минимальный ущерб. Курьеры, которые больше всего подвергались опасности ареста, не знали никого из остальных своих коллег, кроме посредника («почтового ящика»), от которого получали донесения. Была создана даже своя контрразведка! Ее возглавлял родственник Шовена начальник бельгийской полиции в Льеже Нежан. Благодаря своему официальному положению он мог с наибольшим эффектом проводить слежку за деятельностью германской тайной полиции в Бельгии — основного противника «Белой дамы».

Оставалось установить связь с союзными разведками, действовавшими в Голландии.

Французский разведчик Феши ранее других узнал Q намерениях Деве и Шовена и переслал предложение наладить сотрудничество. Но в среду людей Феши проникли немецкие шпионы. Они выдали оккупационным властям трех важных французских агентов: Фоксно, Крезена и Марию Биркель, — о которых речь пойдет ниже. В конечном счете после ряда неудач, в которых были повинны прежде всего антантовские разведки, «Белая дама» связалась с англичанами. Отчасти это было вызвано тем, что только английской военной разведке удалось наладить переправу агентов через бельгийско-голландскую границу, которую немцы закрыли стеной из колючей проволоки, находившейся под током высокого напряжения. Генри Ландау сумел достигнуть этого опять-таки при помощи бельгийца Моро (сына одного из высших чиновников ведомства железных дорог Бельгии, который имел большой круг знакомых среди железнодорожных служащих). Моро («Орам») и набранные им помощники организовали службу тайного перехода через границу, функционировавшую вплоть до конца войны.

Англичане приняли на себя финансирование «Белой дамы», а Г. Ландау, не имея на это никаких полномочий, обещал считать всех ее участников английскими военнослужащими. «Белая дама» была милитаризована — возникли батальоны, роты, взводы. При этом организация по-прежнему строилась таким образом, что можно было легко «изолировать» ту ячейку, в которую проник предатель или которая была каким-либо иным путем раскрыта немецкой тайной полицией.

Главное, чем занималась «Белая дама», — это повседневное, будничное наблюдение за движением воинских эшелонов. Скромный железнодорожный служащий, из окна своей комнаты пересчитывавший (нередко с помощью жены и детей) проходившие мимо составы, был основным поставщиком самой важной информации. Суммируя данные многих таких агентов, «Белая дама» и английская разведка могли составить представление о дислокации немецких войск, подвозе боеприпасов и тем самым о планах вражеского командования. Самым сложным была сначала транспортировка полученной информации по бельгийской территории, а потом переправка через границу. Немцы ввели строгую систему пропусков, без которых бельгийцам запрещалось покидать местожительство. Нередко успешно начатый рейс прерывался неожиданным окриком «Стой!», обыском в полицейском участке. Обнаружение секретной информации грозило быстрым судом и расстрелом. Поэтому курьеру при аресте прежде всего надо было избавиться от улик — от секретной корреспонденции. Для этого тоненькие листки бумаги засовывали в небольшую металлическую трубку, которую пробовали незаметно выбросить из рукава. Одного курьера, молодую девушку Жюльетту, задержали, и, что хуже всего, ей никак не удавалось под пристальным взглядом германского полицейского освободиться от небольшого свертка, обернутого черным сукном. В нем хранились донесения, и если бы их немцы обнаружили, девушку ждала бы верная смерть. Но Жюльетта не растерялась. В полицейском участке ей удалось незаметным движением засунуть пакет за батарею парового отопления. После этого самый тщательный обыск не дал результатов, и Жюльетте объявили, что она свободна. При выходе, оставшись на минуту одна, Жюльетта вынула драгоценные бумаги и доставила их по назначению.

Эти донесения через центральную квартиру «Белой дамы», находившуюся в Льеже, и другим путем поступали в «почтовые ящики» на границах.

А далее начинались всегда связанные с опасностью для жизни переходы через границу, опутанную проволокой и охраняемую часовыми со сторожевыми собаками. Резиновые перчатки и башмаки защищали от электрического тока. Чтобы обмануть немецких солдат, применялись постоянно менявшиеся хитрости. Не раз донесения перебрасывались местными крестьянами через проволоку в комьях земли. До этого их хранили зарытыми на картофельном поле. Иногда подсовывали под проволоку пустой бочонок с выбитым днищем и пролезали через него, не опасаясь удара тока. Впрочем, немцы не держали все время проволоку под напряжением — не хватало электроэнергии. На проволоке часто можно было видеть трупы людей, убитых током при попытке перейти границу. Немцы запретили убирать мертвые тела, надеясь устрашить население. Когда трупы потрескивали, это означало, что в данный момент через проволоку снова пущен большой силы ток.

Однажды немецкая полиция едва не арестовала руководство «Белой дамы». Полицейских навело на след анонимное письмо, посланное из ревности женщиной, и не подозревавшей о

существовании подпольной организации. Получив донос, немецкая полиция решила проверить некоего Реймана, которого так некстати приревновали к его служанке — француженке Марсель. В квартире Реймана не оказалось, соседи сказали, что он, вероятно, находится на «Вилле ласточек», которую сняли у него какие-то неизвестные. А там помещался секретариат «Белой дамы». Дубовые двери могли выдержать длительную осаду и, главное, давали время уничтожить компрометирующие бумаги. Но на этот раз не повезло. Немецкие сыщики встретили у входа на виллу курьеров, которые показались им подозрительными. Приставив к виску одного из них револьвер, немцы заставили его попросить открыть дверь… Были захвачены все находившиеся на месте люди, все бумаги, оружие. Арестованные не выдали организацию. Курьер Франшимон заявил, что был любовником хозяйки виллы Гессельс, а другой курьер клялся, что, как друг Франшимона, случайно сопровождал его во время прогулки. Остальные арестованные твердили, что только помогали беженцам переходить границу. Братья Луи и Антуан Коллар, которых застали за перепечаткой донесений, уверяли, будто собрали информацию, чтобы попытаться продать ее в Голландии английской или французской разведке. Военный трибунал присудил к смерти четырех арестованных, включая Гессельс, но ей и еще одному разведчику заменили казнь пожизненным заключением. Братья Коллар были расстреляны в июле 1918 г. Немцы так и не поняли, что захватили врасплох секретариат разветвленной разведывательной организации.

Одним из самых эффектных, если не самых значительных, успехов «Белой дамы» было создание разведывательной ячейки… в главной льежской тюрьме Сен-Леонар. Ее организовали два разведчика — Фоксно и Крезен.

Оба они были агентами французской разведки и после ряда успешно выполненных заданий бежали в Голландию, где принялись за создание новой разведывательной сети. Однажды они послали в Бельгию с голландским проводником-контрабандистом молодую учительницу Марию Биркель. От девушки долго не было известий (она была арестована немецкой полицией). Потом неожиданно появился некий Бертрам и сообщил, что Биркель назначает Фоксно и Крезену свидание на границе у проволочных заграждений. Бертрам внушал подозрение. Тем не менее Фоксно и Крезен решились пойти на свидание и попали в ловушку, устроенную Бертрамом по заданию немецкой контрразведки. Ночью 30 июня 1915 г. у границы на бельгийцев неожиданно напали немецкие агенты, оглушили ударами по голове и перетащили на бельгийскую территорию. Немецкий суд приговорил обоих к смертной казни. Единственным шансом спасения для них было дать знать об обстоятельствах их похищения, произведенного с нарушением голландского нейтралитета. Это они сумели сделать, послав письмо через тюремного повара — заключенного из уголовников. Он передал это письмо монахине Мелани, имевшей доступ в тюрьму, а та доставила его голландскому генеральному консулу в Брюсселе. Последовал протест голландского правительства, и смертный приговор был отменен за шесть часов до срока его исполнения.

Через немецкого солдата, поляка по национальности, Фоксно и Крезен установили постоянную связь с «Белой дамой». Им помогали находившаяся в той же тюрьме Мария Биркель и другие заключенные. На волю удавалось сообщать об обстоятельствах ареста различных агентов «Белой дамы», которых после задержания немцы, как правило, отправляли в тюрьму Сен-Леонар, о захвате компрометирующих документов. Эти сведения не раз предотвращали раскрытие организации немецкой полицией. «Белая дама» могла инструктировать своих людей, какой тактики им надлежало держаться при аресте. Многим из них это спасало жизнь.

В 1918 г. Крезену и Фоксно удалось бежать из тюрьмы. Солдат-поляк открыл им двери камеры, принес крюк и молоток. Беглецы захватили в кладовой простыни и скрутили из них веревки, по которым спустились с высокой тюремной стены на улицу. Там их ждали друзья. Пересаживаясь с трамвая на трамвай, чтобы запутать следы, Крезен и Фоксно вскоре очутились в относительной безопасности на конспиративной квартире. В Сен-Леонаре их исчезновение было обнаружено только через час. Тщетно допрашивали заключенных, которые могли что-то знать о побеге. Фоксно в одежде священника надеялся перейти границу. Его случайно задержал в трамвае полицейский агент, заявил, что «слишком много шпионов переодеваются священниками». Фоксно бежал и скрывался в Льеже до конца войны. Крезен был арестован на

самой границе. Он назвался неким Десме, пытавшимся перебраться в Голландию. Борода и усы, которые он отрастил после побега, изменили его до неузнаваемости. Беглеца посадили в тюрьму в Гасселте. Немецкие власти и не подозревали, что новый заключенный является тем самым Крезеном.

Последний год войны принес ряд неудач «Белой даме». Еще до полицейского налета на «Виллу ласточек» был арестован Нежан — начальник контрразведки. Немцам стало известно, что его часто посещала одна бельгийка, которая, помогла в начале войны бежать нескольким французским военнопленным. Был неожиданно захвачен один курьер, ехавший из Брюсселя в Гент с важными инструкциями. Еще большее значение имел провал на одном из пунктов перехода границы. Переброску информации здесь осуществляли с помощью контрабандистов, одновременно тайно перевозивших продовольствие из Голландии в Бельгию. На эту контрабанду сквозь пальцы смотрел даже местный начальник немецкой пограничной стражи, который получал за это голландские продукты. Поэтому разведчики чувствовали себя здесь в безопасности и через этот пункт стали переправлять основную массу информации. Тем более неожиданным был арест контрабандистов агентами немецкой тайной полиции.

Немцы были потрясены масштабами информации, которую обнаружили при аресте. Наконец им стало ясно, что действует большая разведывательная организация. В тюрьме при допросе «третьей степени» арестованные контрабандисты назвали имена всех известных им восьми членов местной ячейки «Белой дамы» в Гасселте. Все они были арестованы. Но здесь и сказалась продуманная организационная структура «Белой дамы». Группа агентов в Гасселте была связана с центром только через одного человека — бельгийского полицейского инспектора Сюрлемона. Его за сутки переправили через границу в трюме баржи. Явившиеся на следующий день на квартиру Сюрлемона немецкие полицейские могли лишь арестовать жену и дочь, ничего не подозревавших о его разведывательной деятельности.

К концу войны «Белая дама» превратилась в многочисленную организацию. Всего в нее входило 1084 человека, она установила 51 железнодорожный наблюдательный пост. Немцы арестовали 45 членов организации, из них казнено было двое.

«Белая дама» являлась не единственной, хотя и главной, из разведывательных организаций Антанты в Бельгии во второй половине войны. Она руководствовалась принципом не устанавливать в интересах безопасности никаких контактов с другими организациями. В редких случаях этот принцип нарушался, что иногда приводило к неудаче, к проникновению провокаторов и раскрытию отдельных ячеек.

Успехи английской разведывательной службы в Бельгии основывались прежде всего на поддержке населения, ненавидевшего оккупантов. Любопытно, что англичанам не удалось организовать ни одного поста наблюдения за железнодорожными перевозками на территории самой Германии, где отсутствовал этот фактор — сочувствие со стороны местных жителей.

Наряду с собственно разведкой важным источником информации для союзников в Голландии стал опрос тех германских дезертиров, которые за деньги были готовы сообщить сведения о воинских частях, где они служили. Конечно, немецкая разведка неоднократно подсылала под видом дезертиров своих агентов, сообщавших фальшивые данные. Но провести англичан было уже трудно. На основании опроса десятков тысяч немецких пленных и данных разведки в течение первых лет войны была составлена и постоянно пополнялась «коричневая книга», в которой содержались номера всех полков и дивизий, сведения о командном составе каждой части и множество других. Контролируя по «коричневой книге» показания, можно было быстро определить, насколько они соответствуют действительности.

В мировой схватке англичанам не удалось, как в прошлом, воевать или вести разведку только чужими руками.

…Плодовитый писатель и журналист Б. Ньюмен опубликовал в 1935 г. книгу «Шпион», подробно повествующую о его действиях как офицера разведки в Германии. Он вырос в семье фермера в Лейстершире. Мать Ньюмена была эльзаской, и он с детства хорошо владел немецким и французским языками. После окончания университета Ньюмен неожиданно избрал путь актера. Приобретенные профессиональные навыки очень пригодились ему впоследствии. С началом войны Ньюмен пошел добровольцем в армию. Безупречным знанием немецкого языка он обратил на себя внимание начальства, вскоре стал офицером разведки. Переодетый в

немецкую форму, с документами попавшего в плен неприятельского солдата, Ньюмен совершил удачную диверсию — взрыв железнодорожных составов в ближнем германском тылу, который задержал прибытие вражеских подкреплений во время сражений под Лоосом (сентябрь — октябрь 1915 г.). Вскоре арестованный немцами Ньюмен был приговорен к расстрелу. Накануне казни он неожиданным ударом оглушил пришедшего к нему в камеру армейского пастора, переоделся в его одежду и сбежал. Впрочем, английское командование не сумело воспользоваться результатами диверсии, которые сведены были на нет его собственной нераспорядительностью: если подкрепления немецкой стороны запоздали вопреки его воле, то английские резервы вовсе не прибыли на фронт из-за нелепого приказа главнокомандующего лорда Джона Френча.

Далее, если можно верить Ньюмену, он узнал, что его кузен германский офицер Адольф Нейман был взят в плен англичанами. Ньюмен отправился повидать его в лагере для военнопленных в Чешире. Адольф, подружившийся с Ньюменом в довоенные годы, подробно рассказал ему все семейные новости и пожаловался на невезение: ведь, не попади он в плен, его ждало бы перемещение в генеральный штаб. Ньюмен сразу сообразил, что создается исключительная возможность, которую нельзя упускать. Внешне он очень напоминал своего немецкого кузена — так почему бы не занять его место?

Английская разведка стала тщательно готовить эту операцию. Было известно, что в одном из лагерей для военнопленных двое офицеров замышляли побег. Одного из них, знавшего английский язык, спешно удалили из лагеря, куда отправили Ньюмена под видом Адольфа Неймана (сам же злополучный кузен был переведен в Шотландию, и все его письма, разумеется, не посылались по назначению). Второй участник планировавшегося побега — Фрайберг, не говоривший по-английски, неизбежно должен был ухватиться за новоприбывшего коллегу, отлично знавшего этот язык. Тайно переписываясь с родными, Фрайберг сумел включить в свое письмо просьбу прислать для офицеров — участников побега подводную лодку к определенному пустынному пункту на побережье Уэльса. Бегство из лагеря оказалось, как и следовало ожидать, на редкость удачным. Часовой куда-то отлучился, а на ежедневной перекличке беглецов объявили больными. Когда лагерное начальство явилось для проверки в барак, на кроватях лежали двое военнопленных, изображавшие Фрайберга и Неймана. Лодка прибыла вовремя, и вскоре Ньюмен уже получал из рук кайзера Железный крест, которым почти неизменно награждали офицеров, бежавших из английского плена.

В течение длительного времени Ньюмен работал в разведывательном отделе ставки германского командования под началом полковника Николаи. Он даже ездил по его приказу в Голландию, где вербовал агентов для засылки в Англию. Конечно, они почти все (почти — чтобы не вызвать подозрения немцев) были арестованы британскими властями. При пересылке информации Ньюмен предпочитал эзоповский язык, не доверяя симпатическим чернилам и каким-либо головоломным шифрам. Дважды Ньюмен сам побывал в качестве немецкого шпиона в Англии, возвращаясь якобы с важной информацией, которая, однако, по тем или иным причинам не могла быть использована немцами. Добывая эту информацию, Ньюмен с другими немецкими агентами — опытным взломщиком и шофером — даже совершили налет на дом помощника начальника имперского генерального штаба, где, разумеется, обнаружили «нужные» документы. Через некоторое время Ньюмен был переведен в оперативный отдел и работал под непосредственным руководством немецкого главнокомандующего Фалькенгайна, а потом Людендорфа.

Ньюмен утверждает, что ни отец, ни больная мать Адольфа, с которой ему все же пришлось однажды встретиться, не заметили подмены. Более правдоподобным представляется, что разведчик каким-то путем заставил их молчать — может быть, даже угрозой, что в противном случае Адольф Нейман никогда не вернется из плена.

В самом конце войны, приехав по поручению Людендорфа обследовать положение на передовой линии, Ньюмен был ранен и взят в плен британским патрулем. Он рассчитывал на иной прием в своей стране. Более всего его поразило то, что многие из его важнейших донесений были оставлены без всякого внимания. А военное министерство даже отказалось выплатить ему офицерское жалованье за три года нахождения в тылу врага. Ньюмену было разъяснено, что разведчик и так получал следуемые ему деньги от немцев и имеет,

следовательно, право претендовать лишь на разницу в ставках капитана в английской и германской армиях.

Английская секретная служба широко использовала весь традиционный арсенал средств тайной войны. В 1918 г., например, англичане имели на Западном фронте «штат» в 6 тыс. голубей. Порой первоклассные результаты достигались просмотром германской прессы, хотя, казалось бы, цензура вымарывала из нее любые сведения военного характера. Вот один пример. В январе 1918 г. в районе Сен-Кантена над позициями английской 5-й армии был сбит самолет. Летчик умер в госпитале. А вскоре в одной небольшой баденской газете было напечатано письмо от безутешной матери погибшего пилота. В нем она цитировала полученное ею соболезнование от командира своего сына, генерала фон Гутьера, которого в германской армии считали тогда специалистом по наступательным операциям. Его прибытие в Сен-Кантен было тщательно охраняемой военной тайной, раскрытие которой позволило определить район, где планировалось массированное наступление германских войск. Б. Ньюмен, когда подвизался в роли германского офицера, переслал через Швейцарию газету без всяких комментариев, и этого оказалось достаточно.

Одним из плацдармов ожесточенной борьбы империалистических разведок стала Греция. Антанта всеми мерами пыталась заставить не желавшую воевать Грецию отказаться от политики нейтралитета. На салоникском фронте английская секретная служба, не брезгуя ничем, использовала в качестве своих агентов банду пиратов, во главе которой был поставлен британский офицер. В Испании английская секретная служба подкупила главаря контрабандистов, чтобы его люди наблюдали за прибытием и отплытием подводных лодок.

Британская разведка старалась максимально использовать растущую усталость немецких солдат от войны, их неверие в свою победу. Так, английский агент убедил в Бельгии германского унтер-офицера перелететь через линию фронта на новейшей модели самолета «фоккер», данные о котором жаждали получить в британском штабе. Немец получил 50 ф. ст. и, главное, возможность дождаться в лагере для пленных окончания войны.

Однажды к уже известному английскому разведчику Ландау пришел немецкий дезертир и предложил продать последнее издание секретного справочника германской полевой почты. Немец работал на дюссельдорфской почте, где и похитил справочник. Это была книга исключительной ценности для союзного командования. Она была несравненно более подробной, чем «коричневая книга», составленная с таким трудом британской разведкой. Немецкий солдат покорно принял за книгу предложенные ему 100 ф. ст., хотя, по признанию Ландау, разведка была готова заплатить за нее буквально любые деньги. Впоследствии этот немец по фамилии Флейшер был завербован на службу в английскую разведку, которая сумела сыграть на его ненависти к кайзеру и германской милитаристской клике. Флейшер съездил по поддельным документам в Германию и вернулся с важными сведениями о формировании новых полков и об экономическом положении страны. Тогда ему поручили новое опасное задание — организовать пост наблюдения в Трире. Из новой поездки Флейшер не вернулся: может быть, был схвачен, а еще более вероятно, что решил не рисковать жизнью ради новых хозяев, которых успел хорошо разглядеть.

Битва за секреты

На Ипре, во Фландрии, 22 апреля 1915 г. германские войска впервые применили отравляющие вещества. Немцы выпускали газ из баллонов, когда благоприятный ветер должен был потянуть роковое облако к вражеским окопам. Вначале применение газов привело к большим успехам. Но однажды ветер резко изменился, и газами оказались отравленными германские солдаты. Немцы стали лихорадочно искать другие формы использования ядовитых газов. Французский шпион Шарль Лузито убедился в этом, когда установил, что Баденская анилиновая фабрика в Мангейме, производившая газы, продолжала работать с полной нагрузкой. Но как было проникнуть в намерения врага? Лузито заметил, что цистерны с газом доставляются на военные заводы Крупна в Эссене. Разведчик с большим риском для себя стал бывать в пивных барах, куда заходили рабочие с этих заводов, и прислушивался к разговорам. В беседе с полицейским, охранявшим завод, разведчик пессимистически оценил шансы

Германии на выигрыш войны. В ответ охранник сказал, что подготовляется новое оружие, которое изменит ход военных действий в пользу Германии: снаряды, наполненные газом.

Явное недоверие, выраженное Лузито, раздражило полицейского. Было заключено пари на значительную сумму. Вскоре немец привел своего друга в укромное местечко близ полигона, где должны были производиться испытания новых снарядов. Из этого укрытия Лузито мог наблюдать за стрельбами, происходившими в присутствии самого кайзера. Снаряды с газом были выпущены в овечье стадо, которое паслось на лугу. Результаты были очевидны: газ не только удушил животных, но и буквально выжег всю растительность.

Сам Лузито был убежден всем тем, что увидел собственными глазами. Но как было убедить недоверчивое начальство в Париже? Разведчик попросил своего друга полицейского оставить ему на память об их пари осколок снаряда. Торжествующий полицейский, который доказал свою правоту и положил в карман крупный выигрыш, немедля, как только кайзер и его окружение покинули полигон, великодушно подарил Лузито желанный сувенир. Через три дня этот осколок находился в Париже, и, прежде чем немцы успели накопить большое количество новых снарядов, французы и англичане снабдили свои войска противогазами и сами также стали производить снаряды этого типа.

Англичанам, напротив, удалось сохранить тайну танков, идея создания которых была выдвинута еще в 1914 г., но осуществлялась с большой медлительностью. Чтобы правдоподобно объяснить назначение странных машин, перевозившихся завернутыми в брезент по железным дорогам, предлагали разные маскировочные наименования: цистерны, резервуары, баки. Остановились на последнем, и бак (по-английски «танк») стал названием нового грозного орудия войны.

Первое применение танков 15 сентября 1916 г. вызвало страшную панику у немцев. Когда бежавший из окопов солдат был доставлен к генералу и доложил, что «оно» движется без колес, тот счел своего подчиненного помешавшимся от страха. Что это за чепуха — машина, двигающаяся без колес? Массовая атака танков в августе 1918 г. привела к широкому прорыву линии германских укреплений.

Большим успехом австрийской и германской разведок было обеспечение неожиданности во время сражения при Капоретто в октябре 1917 г. Союзные разведки, правда, получали немало прямых или косвенных указаний о намерении немцев и австрийцев начать наступление на одном из участков итальянского фронта. Однажды на «ничьей земле» между немецкими и британскими окопами во Франции английский сержант подобрал открытку, недавно оброненную немецким солдатом. В ней какой-то Генрих писал, что его часть находится на отдыхе в Австрии. По номеру полевой почты, указанному на открытке, англичане определили, что речь идет о немецком альпийском корпусе, одной из ударных частей германской армии. Сообщения американской разведки из Швейцарии подтверждали, что немцы готовят удар на итальянском фронте.

Все же итальянское командование было застигнуто врасплох развернувшимся 24 октября германо-австрийским наступлением. До его начала на итальянские окопы были сброшены кипы фальшивых, отпечатанных в Австрии номеров наиболее читаемых газет Северной Италии. В них сообщалось о столкновениях населения с полицией, о расстрелах демонстраций, публиковались списки убитых и раненых во время подавления волнений. Для придания достоверного вида всем этим сообщениям австрийская разведка собрала массу мелких сведений (подлинные фамилии жителей определенных итальянских городов, занимаемые ими должности на службе и т.п.). Поэтому сомнений в подлинности газет ни у кого не возникло, и они серьезно подорвали дух итальянской армии, особенно солдат из Северной Италии — пьемонтцев, из которых состояли наиболее боеспособные части. Итальянские потери в битве при Капоретто достигли 800 тыс. человек, половина из которых приходилась на пленных. Полный развал итальянского фронта Антанте удалось предотвратить лишь спешной переброской в Северную Италию французских и английских дивизий.

Разведка шла рука об руку с диверсией

К числу наиболее важных диверсий времен войны — если это была диверсия — следует

отнести поджог «цеппелинов» на Альхорнском аэродроме. «Цеппелины» имела только Германия, и они казались грозным оружием при тогдашнем уровне развития авиации. Ведь «цеппелины» могли в то время летать значительно выше, чем самолеты, были практически вне досягаемости зенитной артиллерии.

Альхорнский аэродром, построенный в начале 1917 г., был оборудован по последнему слову техники. В ангарах, каждый из которых мог вмещать по два «цеппелина», были предусмотрены все мыслимые предосторожности против огня. Опасность пожара, однако, нельзя было вовсе предотвратить, поскольку «цеппелины» наполнялись легковоспламеняющимся водородом и было невозможно избежать небольшой утечки газа.

В начале января 1918 г. на Альхорнском аэродроме шли последние приготовления к какой-то важной операции. «Цеппелины» должны были действовать совместно с главными силами германского флота, который намеревался сделать новую попытку прорвать петлю английской блокады. Ранним утром 5 января в ангаре э 1 вспыхнуло пламя, охватившее все здание. Почти одновременно начались взрывы и пожары в других ангарах. Менее чем за минуту были уничтожены четыре ангара и пять находившихся в них «цеппелинов» новейшей конструкции. В результате этих потерь была сорвана операция германского флота открытого моря и нанесен сильнейший не только материальный, но и моральный удар по немецкому дирижаблестроению. Виновники катастрофы, несмотря на самое тщательное расследование, не были обнаружены.

Во всяком случае, нет сомнения, что агентам Антанты удалось проникнуть на базы «цеппелинов». Последующие успешные воздушные налеты на эти базы были следствием информации, полученной от разведки. Так, в июле 1918 г. были разрушены в результате сильной бомбардировки ангары «цеппелинов» в Тондерне. В октябре 1918 г. была предпринята попытка взорвать базу «цеппелинов» в Виттмюндхафене, но подложенные в ангары бомбы были обнаружены охраной аэродрома.

Особый размах приобрели действия австрийских диверсантов, пытавшихся вывести из строя наиболее мощные корабли итальянского военно-морского флота. Главой диверсантов был некто Луиджи Фидлер. И он, и его люди долго жили в населенных итальянцами областях Австро-Венгрии и в совершенстве владели итальянским языком. В арсенале военной базы в Поле были изготовлены адские машины, замаскированные под бочонки с нефтью и краской, консервные банки и др.

Незаметно высаживаясь на малонаселенном Адриатическом побережье Италии, небольшие группы диверсантов потом проникали в портовые центры, поступали матросами во флот. Диверсантами был взорван линейный корабль «Бенедетто Брин» водоизмещением 13,5 тыс. тонн, причем погибла половина команды, насчитывавшая 800 человек. 2 августа 1916 г. взлетел на воздух дредноут «Леонардо да Винчи» водоизмещением 22 тыс. тонн — один из наиболее новых мощных и быстроходных судов итальянского военного флота. Было проведено и немало других удачных операций, однако попытка Фидлера взорвать итальянскую базу подводных лодок около Таранто не удалась. Высаженные неподалеку австрийские подрывники были захвачены итальянским патрулем.

Не избежал диверсий и английский флот, несмотря на хорошо поставленную контрразведку. 26 ноября 1914 г. утром взорвался в Ширнессе линкор «Булуорк». Из 800 человек команды спаслось лишь 14, из которых двое позднее скончались от ранений. В разное время от взрывов погибло несколько малых кораблей. В мае 1917 г. был взорван новый линкор «Вэнгард» водоизмещением 19 тыс. тонн. Погибла вся команда, состоявшая из 800 человек. Во всех случаях не были найдены виновные, хотя и производились аресты среди подозрительных. Не доказано даже, что эти случаи были результатом диверсий, хотя это весьма вероятно. Германский флот понес потери от взрыва тяжелого крейсера в ноябре 1914 г. Официальной причиной гибели крейсера было признано воспламенение боеприпасов. 7 октября 1916 г. немецкие агенты взорвали находившийся в Черном море русский линкор «Императрица Мария». Потопление этого линкора имело серьезное значение для изменения соотношения сил на Черном море в пользу германо-турецкого флота.

Разведки пытались также устраивать диверсии, ставившие задачу уничтожения наиболее подготовленных командных кадров противника. В начале лета 1917 г. в Брюгге должен был

состояться банкет офицеров Фландрской флотилии немецких подводных лодок. Банкет давался в честь успехов в подводной войне, и на нем должны были присутствовать все офицеры флотилии. Исключение было сделано лишь для нескольких младших офицеров, имевших серьезные дисциплинарные взыскания. Не получившие приглашения решили демонстративно в день банкета устроить вечеринку. Однако возникло препятствие: лучшие вина были отправлены в казино — место, где должен был происходить банкет. Участники предполагаемой пирушки не растерялись: на войне как на войне! Кто-то из них отвлек внимание лакеев казино, а другие стащили дюжину бутылок шампанского, заранее заготовленного для званого вечера. Один из младших офицеров даже приволок в погребок, где собирались веселиться он и его друзья, две бутылки шампанского особо высокой марки — из числа тех, что были установлены на столе, предназначенном для командующего флотилией адмирала Шредера. Когда эти бутылки стали откупоривать, раздался взрыв, похоронивший под развалинами дома всех участников веселой компании. Один из них на другой день пришел в себя и невнятно рассказал о зловещих бутылках, большая часть которых по-прежнему находилась в казино. Обследованные бутылки содержали сильное взрывчатое вещество. Достаточно было открыть одну из них — и германский флот не досчитался бы почти всех офицеров-подводников Фландрской флотилии-Функции разведки и контрразведки каждой из воюющих стран нередко перекрещивались. Довольно часто это происходило, когда разведчики, и контрразведчики действовали на территории нейтральных стран, особенно Швейцарии, Голландии и Испании. Каждая из сторон пыталась засылать своих агентов в разведывательную сеть другой, которая, естественно, стремилась выявить шпионов противника и «двойников». Вербовщиков всегда подстерегала опасность наткнуться на одного из агентов противника (не говоря уж о том, что конкурировавшие между собой антантовские разведки часто пытались перекупить агентов, завербованных соперниками).

«Жаворонок» капитана Ладу

Одним из наиболее ловких французских шпионов-двойников была Марта Рише — красивая 20-летняя женщина, муж которой погиб на фронте в первый год войны и которая тщетно пыталась поступить в военную авиацию. С ней познакомился начальник французской военной контрразведки капитан Ладу и убедил пойти к нему на службу. Кажется, впрочем, вначале Ладу не очень доверял своей новой подчиненной: в обстановке шпиономании, царившей тогда во Франции, Марта возбудила подозрения одного из его друзей. Он знал о ее знакомстве с журналистами, за которыми было установлено наблюдение.

Первое выступление Рише в роли разведчицы окончилось полной неудачей. Ее послали в Швецию в надежде, что там она сможет завербоваться на немецкую службу, однако германская разведка сразу же заподозрила в молодой француженке агента Второго бюро, и Марте пришлось (после ряда опасных приключений) спешно покинуть Швецию и вернуться в Париж.

Капитана Ладу не смутила первая неудача. Летом 1916 г. Марта Рише направилась на модный испанский курорт Сан-Себастьян, где богатые туристы из воевавших стран весело прожигали жизнь. Она приняла свою девичью, по-немецки звучащую фамилию Бетенфельд. В Испании находился в то время крупный немецкий разведывательный центр, который возглавляли помимо посла военный атташе фон Калле и военно-морской атташе фон Крон.

Немцы установили строгую иерархию среди своих тайных агентов. Вслед за руководителями центра шли сплошь немцы как штатские, так и офицеры армии и флота, действительной службы или запаса, которых война застала в Испании. Следующим звеном являлись агенты-вербовщики («секретари»). Главную массу агентов составляли «осведомители», состоявшие, как правило, из испанцев. Немцы им не доверяли и даже, более того, считали, что значительная часть «осведомителей» работала на обе стороны. Кроме этой иерархии агентов были шпионы, не включенные в нее и получавшие время от времени специальные задания. Следует добавить, что по мере ухудшения военного положения Германии информация «осведомителей» становилась все более тенденциозной — они представляли события в угодном для их нанимателей духе. В одном сообщении о результатах воздушного налета на Париж весной 1918 г. говорилось, что в городе насчитывалось 600 убитых и 1 млн.(!)

раненых. Помимо шпионажа немецкий разведывательный центр был занят организацией различных диверсий, в частности, если речь шла о Франции, отравлением съестных припасов, заражением скота, разрушением гидростанций, взрывом военных заводов.

С германским разведывательным центром вела упорную борьбу английская агентура. Английские прогулочные яхты часто являлись наблюдательными пунктами, с которых британские разведчики следили за прибытием немецких подводных лодок в Испанию для пополнения запасов горючего. Англичане подкупили главаря контрабандистов в Южной Испании, чтобы его люди также наблюдали за прибытием и отплытием подводных лодок. Немцы попытались переманить нужного человека. Для этой цели была даже откомандирована одна смазливая девица из Гамбурга. Английский полковник Тортон очень нервничал, наблюдая за быстрым развитием романа между контрабандистом и немецкой обольстительницей. В конечном счете все окончилось благополучно — для англичан. Девица спутала все карты немецких властей. Ей показались недостаточными 10 тыс. песет, подаренных влюбленным контрабандистом. Испанец вернулся из Мадрида с царапинами на носу… ярым англофилом.

Все же англичанам не удалось проникнуть в немецкий разведывательный центр. Эта задача была поставлена перед Мартой Рише.

В казино Сан-Себастьяна за Мартой стал ухаживать немец, который при случайной встрече познакомил ее с германским морским офицером, назвавшимся Стефаном. Узнав, что француженка испытывает нужду в деньгах, Стефан при следующей встрече предложил ей работать на немцев. Марта согласилась, дав ясно понять, что ожидает хорошей оплаты, и потребовала свидания с начальником Стефана.

Встреча состоялась рано утром на пляже. Высокий худой немец в темных очках, встретивший Марту, усадил ее в роскошный «мерседес», который быстро помчался по незнакомым улицам. Немец вручил Марте конверт с 3 тыс. песет и список вопросов, касавшихся противовоздушной обороны Парижа и морального состояния населения французской столицы. Марте было вручено также специальное перо с серебристо-черными шариками. При растворении их в воде получались симпатические чернила — колларгол, — только недавно изобретенные немецкими химиками. Получив адрес в Мадриде, куда следовало направлять добытые сведения, Марта простилась со своим спутником.

Капитан Ладу мог быть доволен. Высокий худой немец был бароном фон Кроном, военно-морским атташе в Мадриде и племянником одного из светил немецкого генерального штаба — генерала Людендорфа. Вернувшись из Парижа в Испанию, Марта уже на пограничной станции в Ируне встретила фон Крона. Выяснилось, что письмо, которое от имени Марты должен был послать Ладу, почему-то не прибыло по назначению — один из необъяснимых промахов французской разведки. Но фон Крон не придал этому особого значения. Ведь, хотя с запозданием, он получил от Марты, как ему казалось, полезную информацию. К тому же 50-летний барон оказался увлеченным своей молодой сотрудницей, которая стала его любовницей.

По поручению фон Крона Марта снова уехала в Париж. Капитан Ладу не мог ей сообщить ничего вразумительного относительно пропавшего (или вообще не отправленного) письма.

В удобной квартире на улице Баркильо в Мадриде, которую снял фон Крон для Рише, морской атташе даже стал принимать своих агентов. Вместе с бароном Марта отправилась на юг Испании, в Кадис. Немцы пытались завязать связи с вождями марокканских племен, используя их ненависть против французских колонизаторов. Марта сумела подслушать из соседней комнаты через окно обрывки разговора фон Крона с каким-то незнакомым человеком. Она услышала, как он по-немецки сообщил точное место в испанских водах, где шесть лодок будут ждать транспорта. Большего ей не удалось услышать: фон Крон захлопнул окно. Марта немедленно написала открытку в Париж, сообщая важные сведения. Дальше ей повезло еще больше. Фон Крон решил послать Марту в Танжер с инструкциями для германской агентуры. Он передал ей на первый взгляд нераскрытую коробку почтовой бумаги. Однако добрая половина листов, как предупредил Марту барон, содержала текст, написанный симпатическими чернилами. Для поездки в Танжер требовались французская и английская визы. Сравнительно легко получив визу во французском посольстве. Марта рискнула и прямо пошла к английскому консулу в Мадриде, сообщив, кто она и с какой целью отправляется в Танжер, а также

подслушанные сведения о подводных лодках. Консул дал визу. В Танжере носильщик, который принес вещи Марты в номер отеля, произнес условный пароль «С—32» (под этим номером Рише значилась в списке агентов фон Крона). Получив коробку с почтовой бумагой, мнимый носильщик назначил на следующий день Марте свидание в портовой таможне. Но он не явился. Принятые англичанами меры не дали возможности немцам доставить оружие в Марокко.

К этому времени фон Крон не только находился, под влиянием своей красивой подчиненной, но и щедро тратил на нее казенные деньги, выдавая без всякого основания — «премии» и «наградные». В Париж потекла ценная информация.

Через некоторое время фон Крон поручил Марте важную миссию — поездку через океан в Аргентину с инструкциями тамошним германским агентам и, главное, с двумя термосами, в которых находились сельскохозяйственные вредители — долгоносики. Германская разведка надеялась заразить долгоносиками пшеницу, отправлявшуюся из Аргентины в страны Антанты. На пароходе наконец Марта встретила помощника, присланного из Парижа, — лейтенанта Мари. Французские разведчики действовали решительно: сначала утопили долгоносиков, а потом просушили их и смешали с пшеницей, которую Марта везла для прокорма прожорливых вредителей. Листки с инструкциями немецким агентам были отправлены в Париж. Взамен Рише написала колларголом какой-то ничего не значащий текст и окунула бумагу в морскую воду. Прибыв в Буэнос-Айрес, она передала германскому морскому атташе Мюллеру термосы с обезвреженными долгоносиками и бумаги, которые, как предупредила Марта, вымокли, когда вода залила ее каюту через иллюминатор. Разумеется, немцы не могли прочесть вымокший текст и не знали, что делать с переданными им термосами.

Многие предложения Марты Рише не были одобрены Вторым бюро, занимавшим непонятно пассивную позицию во всей этой истории. А потом планы Рише были нарушены автомобильной катастрофой. У Марты была сломана нога, осколками стекла ранена голова, у ехавшего с ней фон Крона было изрезано все лицо.

В это время у Рише зародился план, который должен был завершить ее работу агента-двойника. Однажды она потревожила фон Крона во время строго соблюдавшегося им дневного отдыха и попросила денег. Не желая вставать, он дал ей ключ и назвал кодовую комбинацию своего сейфа. Марта надеялась похитить списки немецкой агентуры в Испании. В Сан-Себастьяне, куда Марта приехала с фон Кроном, она познакомилась с французом-дезертиром, которого надеялась использовать в своих целях. Барону Марта сказала, что собирается привлечь этого француза на немецкую службу. Однако вышло иначе. «Друзья» этого француза, которым он представил Марту и которые ее пригласили покататься на лодке, оказались агентами немецкого посла фон Калле. Разведчицу спасло от гибели самообладание. Поняв, какая опасность ей угрожает, она опрокинула лодку и, хотя еще не вполне оправилась от ранения, сумела добраться до берега. Местный доктор оказал ей первую помощь, и Марту по ее просьбе доставили в отель «Континенталь», принадлежавший француженке. Немцам туда вход был закрыт. Марта позвонила барону, сообщив, что должна несколько дней пробыть в отеле, после того как во время плавания поранила о скалы плечо. Барон сообщил ей, что должен уехать. Марта ответила, что воспользуется его отсутствием, чтобы навестить друзей, и отправилась в Париж.

Марта подробно изложила капитану Ладу свой план ограбления сейфа фон Крона. Для этого ей нужны были лишь снотворное средство и помощник, который дожидался бы в условленное время под окнами барона, чтобы принять содержимое сейфа. Но Ладу отнекивался, считая этот план слишком опасным. Только после долгих уговоров капитан, видимо, сдался и на другой день передал Марте несколько пакетиков со снотворным. Марта рассказала одному из своих друзей, также работавшему в разведке, о полученных порошках. Он спокойно высыпал содержимое двух пакетиков в бокал с пивом и выпил его. Пакетики содержали совершенно безвредную смесь.

Избегнув по дороге слежки со стороны агентов фон Калле, Марта снова приехала в Сан-Себастьян, а потом после ряда задержек, вызванных, как ни странно, французским консульством, в Мадрид. Вскоре Рише назначил свидание приехавший в испанскую столицу новый французский начальник разведки. Он даже не знал конспиративного имени Рише — «жаворонок»!

Марта решила, что надо кончать. Она прямо в лицо сообщила ошеломленному фон Крону о своей службе во французской разведке. Барона хватило только на неудачную попытку с помощью испанского полицейского арестовать Марту по обвинению в шантаже. Но было уже поздно. Марта связалась с германским послом князем Ратибором. Приняв вид оскорбленной женщины и выложив ему пачку любовных писем фон Крона, адресованных ей, француженка назвала комбинацию сейфа военно-морского атташе! Посол был убежден, что французам известна вся шпионская сеть, созданная фон Кроном. Вскоре его отозвали из Испании.

В Париже Марту принял полковник Губе, пытавшийся отчитать ее за самовольное оставление поста. Она уже не застала там капитана Ладу, арестованного по доносу одного из своих подчиненных — Ленуара, в действительности германского агента. Лишь значительно позднее Ленуар был разоблачен и казнен. Ладу был оправдан судом уже после окончания войны. Он описал в специальной книге историю Марты Рише, которая и сама после награждения орденом в 1933 г. выступила в печати со своими известными воспоминаниями. Но ряд моментов в приключениях «жаворонка» Второго бюро и немецкого агента «С—32» так и остался невыясненным.

С французской разведкой творились в это время (в 1916—1917 гг.) поистине странные вещи.

Когда осенью 1917 г. к власти пришло правительство Клемансо, оно провозгласило во имя доведения войны до победного конца решительную чистку от «предателей». Однако под эту категорию подводились преимущественно революционно настроенные рабочие и солдаты, а также некоторые буржуазные политики пацифистского толка. Усилились цензурные и полицейские строгости, контроль на границах с нейтральными странами. Но эта «чистка», видимо, не коснулась тех влиятельных сил, которые так часто путали карты многих французских разведчиков.

…В Швейцарию дезертировал эльзасец Доминик Шуттер, служивший вестовым Рейнинга, начальника германской полиции в Лоррахе, в Баварии. Швейцарский полицейский комиссар по просьбе Рейнинга всяческими правдами и неправдами пытался принудить его вернуться в Германию, но безуспешно. Шуттера не образумил даже карцер — первое, с чем он познакомился в «свободной» Швейцарии. Немецкому агенту в форме швейцарского полицейского пришлось в конце концов отпустить солдата, обязав его каждый день три раза являться для регистрации в полицию.

На Шуттера сразу же обратила внимание, и французская разведка, тем более что его двоюродный брат уже являлся одним из ее агентов. Шуттер сообщил приметы более чем 20 германских шпионов. Но в разговоре с Шуттером представитель французской разведки Лаказ узнал еще более важную новость: приятель Шуттера, работавший шофером, был готов дезертировать и за 30 тыс. марок привезти фотографии и личные карточки примерно 200 германских агентов, находившихся во Франции и Германии. Предложение было более чем заманчивое, тем не менее в Париже, получив его, некоторое время вообще молчали. А после повторных настойчивых запросов последовал странный ответ: французским агентам предписывалось договориться с шофером не о похищении картотеки, а о… взрыве виллы, где она находилась. Была даже — на этот раз быстро — доставлена адская машина, которую следовало передать немцу. Однако он вначале вообще отказался от сделанного ему предложения, а потом согласился, но без особой охоты.

В конечном счете все предприятие сорвалось: кажется, адскую машину шофер предпочел просто бросить в Рейн (по крайней мере после окончания войны неподалеку от места происшествия были выловлены из воды взрывчатые вещества). Кто-то в Париже был, видимо, доволен… Более того. Доминика Шуттера одели в мундир французского пехотинца и поручили опознавать пересекавших франко-швейцарскую границу германских агентов. Несколько лиц было опознано им, но ни одно из них так и не было арестовано французскими властями. Зато самого Доминика Шуттера поспешили изолировать от знавших его французских разведчиков и интернировали в лагерь для гражданских лиц. Причины всех этих непонятных действий так и остались тайной.

Не лишена интереса и дальнейшая жизнь капитана Ладу, которого полностью реабилитировали, наградили орденом и произвели в чин майора. Выйдя в отставку, Ладу

написал несколько книг о борьбе разведок в годы первой мировой войны. В этих книгах как будто не было ничего такого, что задевало бы влиятельных лиц. А умер Ладу в 1933 г., еще до того, как вовсю стала проводиться «мюнхенская политика» умиротворения гитлеризма, и люди, пусть самых консервативных взглядов, но сохранявшие традиционную враждебность к Германии, пришлись не ко двору «могильщикам Франции», будущим коллаборационистам. И тем не менее нельзя не сказать, что смерть Ладу произошла при обстоятельствах, наводящих на сильные подозрения. Вот что рассказывала об этом его жена.

В феврале 1933 г., то есть вскоре после захвата гитлеровцами власти в Германии, майор получил письмо от берлинского корреспондента одной французской газеты. Французский журналист беседовал со знаменитой немецкой разведчицей, «фрау доктор» (о ней еще придется рассказывать). Она в те годы оставалась полулегендарной фигурой. Ладу не раз писал о ней, и немка выразила желание повидаться со своим «старым противником» и рассказать ему, что в полученной им информации было правдой, а что вымыслом. Теперь ведь все это стало историей, их никогда не разделяла личная вражда, и уже не было смысла скрывать истину. Ладу знал многое о «фрау доктор» и, конечно, не верил многим выдумкам. Но он с настороженностью отнесся к предложению фрау встретиться в Цюрихе во время предстоящих пасхальных каникул и вспомнить былое.

Ладу связался с одним из своих прежних начальников, продолжавшим играть видную роль во французской разведке. Он тоже счел приглашение ловушкой и поручил одному из своих агентов в Германии разведать, что скрывается за интересом, проявленным «фрау доктор» к Ладу.

Агент встретился с французским журналистом, через которого было передано приглашение, и тот сразу же выразил сожаление, что неосторожно вмешался в это дело. Как ему стало известно, «фрау доктор» отнюдь не порвала с секретной службой. По его сведениям, «фрау доктор» — доверенное лицо Людендорфа — была нацисткой еще со времен «пивного путча» 1923 г., и немилость, в которую она якобы впала, была лишь комедией, прикрывавшей ее возвращение к активной деятельности в германской разведке. (Между прочим, этот французский корреспондент, молодой журналист и писатель, вскоре скончался при странных обстоятельствах, так до конца и оставшихся невыясненными.) Ладу уклонился от принятия приглашения.

Через две недели, в начале марта 1933 г., Ладу, находясь в Ницце, получил пакет с двумя фотографиями «фрау доктор»: одну — времен первой мировой войны, другую — снятую в самое последнее время. Показывая фотографии жене, он сказал, что нашел этот пакет в ящике для писем примерно в три часа дня, хотя в это время обычно почту не разносили. Кроме того, на конверте не было почтового штемпеля. На фото имелись какие-то надписи, которые Ладу пытался с лупой разобрать и расшифровать.

Через несколько дней он заболел. Сначала предполагали простой грипп, но болезнь не отступала. В разговорах с врачом, старым другом семьи, Ладу признался, что считает себя отравленным по приказанию «фрау доктор», и повторил это в записке, адресованной еще одному из друзей. Майора перевезли в больницу. У него оказалось какое-то серьезное инфекционное заболевание, нужна была операция, а он уже слишком ослабел, чтобы ее успешно перенести. 20 апреля Ладу умер. Его вдова передала полученные фотографии одному из знакомых, занимавшему видный пост в префектуре парижской полиции. Тот обещал отправить фотографии на исследование специалистам, но, по-видимому, в это время в парижской полиции (добавим от себя, кишевшей профашистами и фашистами) повеяло другими ветрами. После настойчивых напоминаний мадам Ладу ей лишь выслали переснятые фото «фрау доктор» с разъяснением, что оригиналы переданы в архив.

Мадам Ладу пыталась издать воспоминания мужа. Эта попытка, однако, тоже встретила прохладный прием у издателей, обычно жадных до сенсаций. Один литератор, рекомендованный ей, чтобы отредактировать «Мемуары», которые не успел обработать сам майор, сначала рьяно взялся за дело, но вскоре вернул мадам Ладу переданные ему материалы. Но не все. Не хватало какого-то очень важного отчета из Голландии, посланного помощником Ладу. Литератор объяснил, что совершенно не понимает, каким образом произошла пропажа документа.

Что можно сказать об этом рассказе? На основе того, что нам известно, бросаются в глаза неточности. «Фрау доктор», как мы убедимся, не возвратилась на службу в немецкую разведку, и немилость со стороны нацистских властей, очевидно, не была мнимой. Но эта немилость пришла позже, после «ночи длинных ножей» в июне 1934 г. Германская разведка поэтому вполне могла воспользоваться именем «фрау доктор», начиная свою игру с Ладу. Но были ли у нацистов для этого серьезные основания? Вряд ли речь могла здесь идти просто о мести. У немецкой разведки имелось много других объектов для мщения и помимо отставного офицера Второго бюро.

Основание могло быть только в одном случае — если Ладу знал что-то важное о германских агентах, которые оставались не разоблаченными в годы первой мировой войны и которых гитлеровская разведка пыталась пустить снова в дело. Обстоятельства, связанные с похищением документа, наводят как будто на эту мысль. Но не было ли оно в значительной степени плодом воображения или, вернее, попыткой издателей «Мемуаров» создать побольше шума вокруг книги? Не очень правдоподобно, чтобы Ладу имел какие-то материалы, неизвестные другим руководителям Второго бюро, и чтобы немцы знали о нахождении этих документов в руках Ладу. Впрочем, во французском Втором бюро в годы, предшествовавшие второй мировой войне, происходило много подозрительных дел, и истории, казавшиеся явным вымыслом, оказывались горькой правдой. Как бы то ни было, а обстоятельства смерти майора Ладу все еще принадлежат к числу многих неразгаданных загадок секретной войны.

Потерянного не вернешь

Немецкая разведка всю войну прилагала отчаянные усилия, чтобы восстановить свою разведывательную организацию, которая была одним ударом разгромлена англичанами в августе 1914 г. Но добраться до военных секретов коварного Альбиона оказалось трудным делом.

В первые месяцы 1915 г. английская почтовая цензура перехватила несколько писем, адресованных фирме «Диркс и К*о* » в голландском городе Роттердаме. Английская контрразведка еще ранее установила, что под маской этой голландской фирмы скрывается «почтовый ящик», в задачу которого входила пересылка шпионских донесений в Германию. Внешне письма были невинного содержания, однако невидимыми чернилами в них сообщались некоторые сведения, заставлявшие предполагать, что автор их близок к овладению важными военными секретами. Письма опускались в разные почтовые ящики, так что не было возможности определить местожительство их отправителя.

Английская контрразведка решила подменять письма, посылавшиеся на адрес «Диркс и К*о* », снабжая немцев фальшивой информацией. Но как было обнаружить самого шпиона? В письмах он непрерывно требовал денег. Возникла надежда, что его удастся поймать, когда ему будет заплачено за собранные сведения. Однако шпион был обнаружен еще до этого времени. В очередном письме, на марке которого стоял штемпель почтового отделения города Дептфорда, сообщалось, что «Ц» уехал в Ньюкасл, и предлагалось сообщить о «201». Что означало это число? Кто-то высказал предположение, что это номер дома, где находится «почтовый ящик» шпиона. Запрос в Дептфорд позволил установить, что здание под номером 201 имеется только на улице Хай-стрит. В нем была расположена булочная, владельцем которой был натурализовавшийся в Англии немец Петер Ган. При обыске у него нашли в потушенной печи коробку со всеми материалами для тайнописи и конверты, схожие с теми, в которых отправлялись письма к «Диркс и К*о* ».

Ган отказался объяснить происхождение этой коробки и заявил, что ему ничего не известно о «Ц» и «201». Не больше могла сообщить полиции и жена Гана, явно не посвященная в секреты мужа. Зато опрос соседей сразу дал важные результаты. Выяснилось, что Ган, разорившийся в 1913 г., вскоре снова открыл пекарню, хотя никому не удалось узнать, откуда он добыл деньги. Это подтверждало причастность Гана к шпионажу, впрочем, и без того уже ясную. Важнее были показания одной жившей поблизости женщины, что к Гану часто заходил высокий, хорошо одетый иностранец, кажется, по фамилии Миллер. Начались поиски по гостиницам этого иностранца. В одном из пансионатов, как выяснилось, проживал русский

подданный Карл Фридрих Миллер. Хозяйка пансионата сообщила, что ее постоялец уехал в Ньюкасл. Это вполне совпадало с сообщением в письме о поездке в этот город таинственного «Ц». Ньюкаслская полиция быстро нашла и арестовала Миллера, который был доставлен в Лондон. В его вещах было обнаружено неотправленное письмо к «Диркс и К*о* ».

Миллер, вначале отрицавший свое знакомство с Ганом, вскоре во всем сознался. Этот 50-летний немец из Латвии собирал информацию через женщин, за которыми ухаживал, и мужчин, которым обещал участие в выгодных делах. Миллер был расстрелян, Ган получил семь лет каторжной тюрьмы. Однако сообщение о казни Миллера в лондонском Тауэре не появилось в английских газетах. В течение трех месяцев после расстрела шпиона английская контрразведка продолжала от его имени снабжать немцев фальшивой информацией и получать даже за это солидную плату от фирмы «Диркс и К*о* ». Только после того как сестра Миллера, жившая в Бельгии, узнала о смерти брата, известие об этом дошло и до немецкой разведки.

Другой попыткой восполнить провал германской шпионской сети в начале войны была посылка в Англию офицера запаса Карла Лоди. Он работал гидом на пароходной линии, связывавшей Германию с атлантическими портами США, и бегло говорил по-английски. Но Лоди не был опытным разведчиком. Прибыв в Англию с американским паспортом, он стал действовать почти открыто. Первая же его телеграмма в Швецию, написанная по-немецки, возбудила подозрения, и с тех пор с него не спускали глаз во время его поездок по портовым городам и местам сосредоточения войск. После того как намерения Лоди были полностью выяснены, он был арестован в Ирландии, доставлен в Лондон и в ноябре 1915 г. казнен в Тауэре. (В первые годы войны английское правительство настаивало на проведении публичных процессов над пойманными шпионами, сообщало о смертных приговорах и приведении их в исполнение. Таким образом под предлогом сохранения «законной процедуры» оно пыталось оказать устрашающее воздействие на вражеских агентов. Однако позднее по настоянию контрразведки сведения о поимке неприятельских шпионов исчезли, чтобы можно было от их имени посылать донесения в Берлин.)

Кроме Лоди несколько других, столь же слабо подготовленных или непригодных для разведывательной работы немецких агентов были без особого труда выловлены английскими властями. Часть их была завербована среди немецких эмигрантов в Южной Америке. Некто Фернандо Бушман обратился к той же фирме «Диркс и К*о* » с просьбой о высылке денег по указанному им адресу. По адресу явилась полиция, и в сентябре 1915 г. шпион был осужден на смертную казнь.

Другой немецкий разведчик — Роберт Розенталь был арестован в результате… ошибки датского почтового чиновника. Из Копенгагена было отправлено донесение в Берлин о том, что в Англию посылается немецкий агент под видом представителя датской торговой фирмы, продававшей газовые рожки. Датская почта отослала донесение в Лондон. Впрочем, пока письмо достигло английской контрразведки, прошло несколько недель, и о шпионе было известно лишь, что он торгует газовыми рожками. Тем не менее поймать его удалось очень быстро. Были поставлены под особый контроль списки желавших покинуть Англию, и через некоторое время Ньюкасл сообщил, что после поездки в Шотландию собирается отбыть в Копенгаген некий Роберт Розенталь, торговец газовыми рожками. Розенталь пытался все отрицать, но ему предложили написать несколько строк, и выяснилось, что его почерк полностью идентичен почерку попавшего не по адресу донесения из Копенгагена в Берлин.

Начиная с 1916 г. немцы пытались вербовать себе на службу иностранных корреспондентов американских газет и посылать их с поручениями в Англию. Об этом англичане подробно узнали от арестованного ими американца Джорджа Бокса Бэкона. Однако, как правило, немцам не удавалось достаточно хорошо замаскировать своих агентов. Их выдавали и адреса «почтовых ящиков» в Голландии, известные английской контрразведке, и неумение правдоподобно объяснить происхождение получаемых ими денег, а порой даже размеры переводимых им по телеграфу сумм (педантичное немецкое начальство обычно высылало одну и ту же сумму своим агентам на предварительные расходы, и получение такого хорошо известного англичанам аванса уже само по себе было серьезной уликой). Вероятно, главной причиной успеха английской контрразведки было знание адресов в нейтральных странах, по которым шпионы направляли свои донесения.

Одним из не совсем обычных, хотя тоже неудачливых германских агентов был голландец Лео Паккард. Он являлся руководителем цирковой труппы карликов, разъезжавшей накануне войны по различным районам Англии. Уже тогда было замечено, что труппа, пренебрегая крупными городами, обращает особое внимание на военные гавани и места, находившиеся поблизости от военных лагерей. Частые поездки Паккарда в Голландию еще можно было объяснить профессиональными соображениями — необходимостью обновлять его своеобразную труппу. Но вряд ли владельцу бродячего цирка было необходимо встречаться с одним из заправил германского шпионажа — Штейнгауэром. А эти встречи происходили без достаточного соблюдения мер предосторожности, и одну из них имели возможность в Роттердаме наблюдать английские агенты. За несколько недель до войны цирк Паккарда давал представление в одном военном лагере. Вскоре после представления была обнаружена пропажа секретных документов. Подозрение пало на ассистентку оборотистого голландца карлицу Марию, но против нее не было явных улик.

В начале войны Паккард ликвидировал свое цирковое предприятие и стал директором театра в Лондоне. А потом еще раз сменил ремесло и начал заниматься экспортом и импортом кинофильмов. При этом Паккард пытался отправить значительное количество кинопленки по одному подозрительному адресу в Голландии, однако, конечно, не получил экспортной лицензии. За Паккардом было установлено тайное наблюдение. Его заметили хвастающим большими деньгами, которые он зарабатывает, несмотря на попытки помешать его торговле с Голландией. Была перехвачена его переписка с немецким «почтовым ящиком» в Голландии. Хотя Паккард не сообщал ничего запрещенного для разглашения, в ответном письме ему рекомендовалось попытать счастья в прибрежных городах Англии. Паккард был арестован. На первом же допросе он выразил готовность предать своих немецких хозяев и отныне работать на Англию. Выудив из потока лжи, в который вылились показания Паккарда, достаточно полезные для себя сведения, английская контрразведка передала голландца судебным органам. Он был присужден к пожизненным каторжным работам, но после войны очутился на свободе и долгое время печатал статьи о своих, разумеется, вымышленных подвигах.

Немцы редко направляли в Англию агентов-женщин, главным образом из-за трудностей, связанных с разработкой правдоподобных легенд, которые позволили бы им побывать в военное время на Британских островах. Однако и те немногие немецкие шпионки, которых все же удавалось забросить в Англию, оказывались неподходящими для предназначенной им роли.

…Осенью 1915 г. в Англию прибыла 40-летняя шведская подданная Ева Бурновиль. Ее предки были выходцами из Франции, чем и объяснялась ее по-французски звучавшая фамилия. Она была агентом немецкой разведки. До этого Ева Бурновиль перепробовала много профессий — была актрисой, гувернанткой в аристократических семьях, медицинской сестрой, а одно время даже секретарем посольства. Она свободно говорила на шести языках.

Ева Бурновиль приехала в Англию формально для лечения. Одна знакомая шотландка рекомендовала ее своим приятелям, жившим в Хекни, на севере Лондона. Ева завязала связи с этой семьей, но своей неумеренной любознательностью возбудила подозрение. В частности, шведка донимала своих лондонских знакомых расспросами о численности и расположении орудий противовоздушной обороны, о результатах налетов «цеппелинов». Ева Бурновиль также просила помочь устроиться на работу в «шведскую» секцию почтовой цензуры, но никто не решился дать ей рекомендацию. Часто меняя гостиницы, Ева Бурновиль продолжала свои расспросы у прислуги и даже у офицеров, встреченных ею в отелях. Другой немецкий шпион, работавший английским цензором, — Зильбер (о нем речь пойдет ниже) со всякими предосторожностями довел до сведения Евы Бурновиль, что она таким путем лишь привлекает внимание английской контрразведки.

Ева Бурновиль посылала свои донесения на имя некоей «госпожи Фольштрем». Английская цензура быстро распознала, что наряду с невинным «отрытым» текстом имелись строки, написанные симпатическими чернилами. Разумеется, ни одно письмо — хотя сведения, сообщаемые в них, и не представляли особой ценности — не покинуло английских берегов. После этого британская контрразведка занялась поисками адресата. В одном из писем был указан обратный адрес: Лондон, отель на Берфордской площади. В этой гостинице проживало более 30 человек. Чтобы установить, кто именно из них является немецким агентом, в отель

был направлен агент контрразведки. Представившись артиллерийским офицером, он стал нашептывать постояльцам, которые вызвали его подозрение, самые невероятные истории о новом военном снаряжении. На другой день почтовая цензура задержала письмо в Копенгаген с точным пересказом одной такой истории. Контрразведчик знал, кому он сообщил эту басню. 15 ноября 1915 г. немецкая шпионка была арестована. Суд приговорил ее к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. В 1922 г. Еву Бурновиль выслали в Швецию.

Еще менее ценным агентом оказалась немка Елизавета Вертгейм. Она вышла замуж за немца, натурализовавшегося в Англии, и таким образом стала британской подданной. Разведясь с мужем, Елизавета имела достаточно средств для безбедной жизни. Это была грубая болтливая особа, носившая кричаще яркие костюмы и производившая отталкивающее впечатление своей вульгарностью и нахальством. Однако именно на эту даму обратил внимание путешествовавший богатый американец Реджинальд Роланд. Необычная парочка совершала поездки по стране, тратила много денег и… посылала подозрительные письма в Голландию, которые и привлекли к Вертгейм и Роланду внимание контрразведки.

Елизавета приставала к знакомым офицерам, стремясь выудить сведения военного характера. Ее вопросы были настолько навязчивыми, что Скотланд-Ярд вскоре же был уведомлен о столь настойчивом любопытстве. Елизавета Вертгейм и ее спутник были арестованы. Роланд предъявил американский паспорт, который оказался фальшивым. Призванный для экспертизы секретарь американского посольства установил, что изображенный на паспорте орел был скопирован очень неискусно: у царя пернатых были вывернуты лапы и недоставало пера в хвосте. Печать на фотографии была другого химического состава, чем тот, который употреблялся в американских учреждениях, выдававших паспорта. После недолгого запирательства Реджинальд Роланд сознался, что его действительная фамилия Георг Бреков и что он родом из Штеттина. Почему Брекова, сына фабриканта роялей и музыканта по специальности, сочли особо подходящим человеком для занятия военным и морским шпионажем, осталось тайной германской разведки. Вероятно, подкупило то обстоятельство, что Бреков с 1908 г. жил в Америке и отлично владел английским языком. Из Америки Бреков был направлен в Антверпен, откуда его после обучения в шпионской школе через Голландию перебросили в Англию.

Цензурный бумеранг

Всемирно известный английский писатель Сомерсет Моэм в годы первой мировой войны пополнил список представителей литературного мира, сотрудничавших с британской разведкой. В сборнике рассказов «Ашенден, или Британский агент» (1928 г.), носивших явно автобиографический характер, повествуется о том, как Ашендену, представившемуся в Швейцарии работником британской военной цензуры, удалось расставить ловушку одному англичанину, женатому на немке и ставшему агентом германской секретной службы. Ашенден ловко предложил ему свою рекомендацию для поступления на службу в английскую цензуру, немецкий агент не устоял перед соблазном — отправился через Францию в Англию и был схвачен союзной контрразведкой. Этот рассказ не был очень далек от действительности. Во время войны как раз в английскую почтовую цензуру пробрался один из немецких разведчиков, годами пересылавший много ценной информации в Берлин.

В большинстве случаев английская контрразведка успешно справлялась с ловлей немецких шпионов. Но она потерпела полное поражение, когда дело коснулось наиболее опытного и опасного из них. Скотланд-Ярд всю войну даже и не подозревал о существовании этого германского разведчика, пробравшегося в британскую контрразведку, а точнее — в почтовую цензуру. История этого агента, П. Зильбера, служит любопытным примером использования шпионами контрразведывательных органов противника.

Еще в детстве эмигрировавший из Германии в Южную Америку Зильбер принял участие в англо-бурской войне 1899—1902 гг. в качестве офицера английской армии и даже попал на некоторое время в Индию, а позднее перебрался в США. Сам Зильбер утверждал, что только начало мировой войны побудило его принять решение стать германским шпионом в Англии. Однако его действия обличают в нем опытного, бывалого разведчика. Чтобы не получать

иностранный паспорт, в котором была бы указана его национальность, Зильбер перебрался в Канаду. Уезжая оттуда в Англию, Зильбер сохранил свою подлинную фамилию, но объявил, что родился в канадской провинции Квебек. Сделал он это с целью использовать сохранившиеся у него бумаги о службе в английской армии. В них была указана фамилия Зильбера, но нигде не упоминалась его национальность. Помимо этих документов Зильберу очень помогли фотографии, на которых он был снят в кругу английских офицеров одного из гарнизонов в Индии. Именно они помогли преодолеть известные подозрения, которые вызвал приехавший в Англию без паспорта канадец.

В Лондоне Зильбер сразу же предложил свои услуги военной цензуре. Опять в ход пошли документы и фотографии. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что он работал в органах военной цензуры еще в годы англо-бурской войны. Зильбера приняли на работу и предложили заполнить весьма длинные анкеты. Несколько недель прошло в напряженном ожидании. Достаточно было английской контрразведке навести справки в Канаде или в тех местах, где Зильбер проходил службу в английской армии, и обман был бы раскрыт.

Обычно чиновники Скотланд-Ярда тщательно проверяли сведения, сообщавшиеся в анкетах. Но на этот раз хваленая английская секретная служба дала осечку. Зильбера вызвали в Солсбери-хауз — огромное здание, где временно размещалась военная цензура. Полковник, принимавший его на работу, долгое время служил в англо-индийской армии. Нашлись общие знакомые, и последние признаки недоверия отпали. Правда, английская контрразведка не окончательно прекратила проверку. Через несколько месяцев после поступления Зильбера на службу рядом с его квартирой поселилась молодая женщина, довольно ловко завязавшая с ним знакомство. Но шпион уже был настороже. Она вскоре исчезла без предупреждения, а Зильбер нашел свои вещи тщательно просмотренными. Конечно, в них ничего подозрительного не было обнаружено. Вероятно, у английской контрразведки не было никаких серьезных оснований подозревать Зильбера. Настораживала только его немецкая фамилия, она не раз побуждала чиновников военной цензуры устраивать ему под видом дружеских разговоров скрытые экзамены. Но разведчик научился выходить сухим из воды.

Зильберу удавалось извлекать массу полезных сведений из проходившей через его руки переписки. Но не меньшее значение имело для немецкой разведки то, что Зильбер в качестве цензора получил возможность сообщать те адреса в нейтральных странах, которые привлекали внимание англичан. После этого Берлин мог менять «провалившиеся» адреса на новые, затрудняя выявление немецкой агентуры в Англии.

Зильбер разработал довольно простую систему доставки своих донесений в Германию. Сняв три квартиры в Лондоне, он посылал туда письма в конвертах с прозрачным окошком для адреса. В них обычно содержались вырезки из газет, а марки были достаточной стоимости для пересылки письма за границу. Таким образом Зильбер приобретал необходимый ему почтовый штемпель на марки с определенной датой. На работе он вкладывал в конверт свое очередное донесение, писал нейтральный адрес и ставил штамп контролера — письмо теперь ничем с виду не отличалось от других прошедших военную цензуру.

Вскоре Зильбер получил повышение и был командирован в созданный в Ливерпуле отдел военной цензуры, который должен был проверять всю переписку с Северной и Южной Америкой. В Ливерпуле Зильбер занял независимое положение и поэтому мог еще более широко снабжать информацией германскую разведку. Ему уже в Лондоне не хватало времени на переписывание интересных сведений, и он стал прибегать к фотографированию важных документов на микропленку. Любопытно, что Зильбер пересылал немецкой разведке в числе других материалов также донесения… американской шпионки в Англии. Это была ирландка, имевшая большие связи в английских чиновничьих кругах. Цензура давно обратила внимание на письма «Молли» (как она подписывала свои корреспонденции), снимала с них копии, но не трогала их автора. Вероятно, англичане не считали опасной утечку подобной информации в США. Конечно, позиция английской контрразведки сразу же изменилась бы, если бы она знала, что копии с донесений «Молли» аккуратно доставлялись и в Берлин.

Работа в Ливерпуле имела для Зильбера одно существенное неудобство: она отрезала его от связи с европейскими нейтральными государствами, поскольку корреспонденция шла через Лондон. Поэтому шпион довольно часто ездил в столицу, заходил по-прежнему в здание

военной цензуры и во время дружеских разговоров ловко подсовывал свои конверты в груду писем, уже пропущенных цензорами.

Другой способ пересылки информации, использованный Зильбером, был основан на том, что цензура лишь бегло просматривала или вообще оставляла без просмотра поток траурных извещений — английская армия несла большие потери на Западном фронте. Техника дела была простой. На фотографической бумаге размером с почтовую открытку Зильбер печатал, но не проявлял шпионские донесения. Потом на этой же бумаге писалось извещение о смерти кого-либо, обычно вымышленного. Бумага тщательно запечатывалась в толстый конверт с траурным ободком и подписывалась каким-либо уменьшительным именем, подчеркивавшим доверительный, личный характер письма (допустим, Полли). После этого пакет, а также небольшое письмо, в котором просили подготовить «Полли» к трагическому известию, запечатывались еще в один конверт большого формата. Цензор обычно вскрывал большой конверт, но не трогал внутреннего. Однако даже если у цензора возникли бы подозрения и он распечатал бы внутренний пакет, фотобумага была бы засвечена и тем самым уничтожены все следы шпионского донесения.

Помимо многих важных донесений политического характера Зильберу удавалось передавать массу чисто военных сведений: о формировании воинских частей, передвижении войск. Он переслал строго секретное новое издание справочника Ллойда, который был чрезвычайно необходим немецким подводным лодкам. Немецкий шпион сумел известить Берлин о постройке англичанами судов-ловушек (замаскированных под торговые суда военных кораблей).

После вступления в войну США затруднения в пересылке информации в Германию резко возросли. Зильбер попытался отправлять письма с курьерами, которых присылала немецкая разведка, но почти все они попали в руки англичан. Одним из удачных случаев была передача еще в 1915 г. корреспонденции с одной немкой, интернированной в начале войны в Англии и высланной позднее в Германию. На пограничной станции немецкий офицер потребовал от нее сообщить, не везет ли она каких-либо секретных известий. Немка получила строгую инструкцию передать сведения только в разведывательное бюро в Берлине. Она ответила отрицательно. Это спасло Зильбера, так как допрашивавший женщину офицер был в действительности английским шпионом.

Как ни ценна была сама по себе информация Зильбера, он никак не мог — да и не ставил себе такой задачи — помешать работе английской цензуры. А между тем ей, как это установил и Зильбер, удалось в годы войны не только собрать чрезвычайно важные материалы, использованные для экономического давления на нейтральные страны и стягивания петли блокады вокруг Германии, но и решить ряд других задач, в том числе и борьбы с немецким шпионажем. Здесь Зильбер мог отводить только некоторые из ударов. К тому же его информация нередко запаздывала из-за медленной доставки в Берлин и от этого теряла значительную часть своей ценности.

Из осторожности Зильбер покупал пленку и фотобумагу в разных магазинах. Чтобы усыпить недоверие хозяек квартир, он сознательно оставлял на столе билеты в театры и на концерты, пытаясь таким образом объяснить свои частые отлучки по вечерам. Один сосед все же его заподозрил, но, когда он сообщил о своих сомнениях в полицию, его вежливо выпроводили за дверь.

Несколько раз Зильберу казалось, что он раскрыт, но это неизменно было ложной тревогой. Когда разведчик считал, что его вызывают к начальству для разоблачения и ареста, ему сообщали об очередном повышении в должности. Самое сложное было избегнуть регистрации, проводившейся в связи с введением воинской повинности. При регистрации требовалась метрика, а Зильбер не мог ни представить таковую, ни получить копию со своей мнимой родины — Канады. Обстановка стала настолько серьезной, что шпион несколько раз хотел покинуть Англию, но это оказалось еще более трудным делом. Тем не менее он сумел постоянно оттягивать представление документов и благополучно проработать в военной цензуре вплоть до конца войны.

Как уже упоминалось, в самом начале войны британской контрразведке, возглавлявшейся В. Келлом, удалось ликвидировать немногочисленную и плохо законспирированную

германскую шпионскую сеть. Последующие попытки засылать агентов в Англию также, как правило, не приводили к успеху и постепенно совсем сошли на нет. Однако если удавалось вылавливать реальных неприятельских лазутчиков, то, естественно, подобных успехов не удавалось достигнуть в отношении тысяч шпионов, являвшихся плодом фантазии романистов и ультрапатриотов. В годы войны известный нам Уильям Леке и другие продолжали раздувать пламя шпиономании. Газета «Тайме», например, осенью 1914 г. писала: «Немцы, видимо, превратились в расу шпионов». Нередко «охота за шпионами» приобретала гротескную форму. Так, депутат английского парламента Н. Пембертон Биллинг объявил, что немцы на протяжении 20 лет готовили мощное оружие шантажа — была составлена «черная книга», содержащая сведения о 47 тыс. гомосексуалистов, лиц, подверженных различным извращениям, причем многие из них, как указывалось, занимали и продолжают занимать высшие государственные посты. Одна из походя упомянутых Пембертоном Биллингом жриц порока, балерина М. Аллен, и режиссер ее спектаклей Д. Гейн возбудили против него дело о клевете. Суд состоялся в мае 1918 г. Вызванная по просьбе ответчика свидетельница, некая миссис Вильерс Стюарт (через несколько месяцев она была осуждена за двоемужие), пояснила, что, как ей доподлинно известно, в «черную книгу» внесены бывший премьер-министр Г. Асквит, его супруга, лорд Холдейн и даже верховный судья лорд Дарлинг, который вел процесс, не говоря уж о главном адвокате истицы Хьюме Уильямсе. Пембертон Биллинг был оправдан присяжными и встречен как герой восторженной толпой, собравшейся у здания суда…

«Сигары» и код

Одной из главных задач, которые пыталось решить германское командование, было прекращение снабжения армий Антанты из нейтральных — до весны 1917 г. — Соединенных Штатов Америки. Использовались все возможные методы — от газетной кампании против нарушения нейтралитета (американская пресса быстро ответила контркампанией, объявляя поставки вполне законной торговлей) и до предложения разрешить США неограниченный ввоз продовольствия в Бельгию в обмен на прекращение продажи снаряжения Антанте. Но американские «филантропы», громко стенавшие по поводу германских жестокостей в Бельгии, сразу же забили отбой, когда им стали навязывать сделку, подрывавшую прибыли военных монополий. Подводные лодки также не могли в это время воспрепятствовать потоку военных поставок. Оставалось одно средство — диверсии в американских портах. В Берлине надеялись, что при широко поставленной диверсионной «работе» можно будет если не прекратить, то чрезвычайно затруднить переправку через океан американского вооружения.

В марте 1915 г. на норвежский пароход, отправлявшийся из Осло в Нью-Йорк, сел пассажир, по паспорту значившийся швейцарцем Эмилем Гаше. Под этим именем скрывался германский морской офицер Франц Ринтелен, которому и была поручена «деликатная» миссия в США. Фамилия Гаше была выбрана не случайно. Это была девичья фамилия одной швейцарки, вышедшей замуж за немецкого офицера. Она сообщила Ринтелену все необходимые сведения о своей семье, чтобы он мог с успехом сыграть свою роль. Действительно, швейцарский коммерсант не вызвал никаких подозрений у английских офицеров, производивших осмотр нейтральных судов, и благополучно прибыл в Нью-Йорк. Ринтелен привез с собой особо секретный шифр, который передал германскому военному атташе фон Папену (впоследствии германскому канцлеру и гитлеровскому дипломату-разведчику) и морскому атташе Бой-Эду.

Ринтелену было нетрудно пустить корни в Нью-Йорке. Ему оказали прямое содействие судовладельцы и промышленники — выходцы из Германии. В его распоряжении было также значительное число моряков германского торгового флота, которых война застала в США и которые были отрезаны английской блокадой от Германии. С помощью некоего Макса Вейзера Ринтелен быстро основал торговый дом «Э.В. Гиббонс и К*о* ». Под прикрытием вывески этой экспортно-импортной конторы он и начал действовать. Немец-химик доктор Шеле предложил его вниманию свое новое изобретение. Это была свинцовая трубка с медным диском посередине. Обе части трубки, разделенные диском, наполнялись пикриновой и серной

кислотами, которые при соединении воспламенялись. Регулируя толщину медного диска — только после того как он разъедался кислотами, происходило воспламенение, — можно было заранее рассчитать момент начала пожара. С помощью знакомых моряков Ринтелен стал закладывать «сигары» из свинца в корабли, перевозившие военное снаряжение. «Сигары», сгорая, не оставляли следов, и долгое время трудно было определить причины участившихся пожаров на американских грузовых судах, шедших в Европу.

Ринтелен уведомил своих начальников, что, по сведениям его американской агентуры, англичане раскрыли немецкий код. Однако в Берлине не вняли этому предупреждению и продолжали использовать прежний шифр. Английские контрразведчики могли теперь без труда читать все немецкие телеграммы. Наиболее драматичным эпизодом, связанным с этим, была расшифровка телеграммы германского министра иностранных дел Циммермана немецкому посланнику в Мексике. В ней ему предписывалось обратиться к мексиканскому президенту с предложением вступить на стороне Германии в войну против США и побудить Японию изменить Антанте, перейдя на сторону держав Тройственного союза. Трудно представить себе более абсурдное предложение в конкретной обстановке тех лет. Еще более нелепым было посылать подобное предложение телеграфом, пусть в зашифрованном виде. Американский президент Вильсон и его правительство первоначально даже не поверили в подлинность телеграммы, которую им переслал из Лондона американский посол У. Х. Пейдж. Телеграмма, однако, шла через Вашингтон: немецкий посол в США Бернсторф протелеграфировал ее текст посланнику в Мексике фон Экхардту. На почте в Вашингтоне сохранилась копия этого документа. Английские дешифровальщики в присутствии американского посла прочли текст, пересланный в Лондон из Вашингтона. К тому же английская разведка вскоре расшифровала и передала американскому правительству ряд других инструкций из Берлина, развивавших и уточнявших депешу министра. Сомнений больше быть не могло!

Конечно, не телеграмма в Мексику определила решение Вильсона объявить войну Германии, как это утверждают многие буржуазные историки и дипломаты. К участию в первой мировой войне американский империализм влекли его собственные широкие захватнические планы. Однако для оправдания в глазах общественного мнения вступления США в войну неловкость Циммермана сыграла немалую роль.

Существовали (помимо явно вымышленных) три версии того, каким образом английская разведка добыла германский дипломатический код. Немцы утверждали, что этот код передал англичанам молодой австрийский радиоинженер Александр Сцек. Он имел доступ в помещение для радиопередач в Брюсселе. Из этого помещения, находившегося в доме немецкого генерал-губернатора, отправлялись правительственные радиограммы немецким дипломатам за границей. Мать Сцека была англичанкой. По немецкой версии, Сцек, которому была обещана крупная сумма денег, бежал в Англию с шифром. Все следы Сцека были потеряны. После войны его отец пытался производить розыски, но английская разведка категорически отказалась сообщить какие-либо сведения, могущие пролить свет на судьбу Сцека. Возможно, его «убрали» с целью гарантировать сохранение тайны: слишком многое зависело от того, чтобы к немцам не проникло ни малейшей вести, которая заставила бы их заподозрить истину.[43]

У. Черчилль в книге «Мировой кризис» излагает официальную британскую версию. Согласно ей, книги шифров были извлечены русскими водолазами, обследовавшими германский крейсер «Магдебург», который 25 августа 1914 г. потерпел крушение в Балтийском море. Наткнувшись на подводные камни, крейсер под обстрелом русских кораблей не сумел сняться с мели и был затоплен своей командой. Книги шифров лежали за пазухой у одного погибшего немецкого унтер-офицера, тщетно пытавшегося спастись во время катастрофы.

Русское командование приняло все меры, чтобы немцы не узнали о ценной добыче, извлеченной из моря. Водолазам, обследовавшим «Магдебург», был объявлен выговор за

[43] Английский разведчик Г. Ландау утверждал, что Сцек был схвачен немцами на голландской границе и расстрелян как дезертир. Сопровождавший его английский агент добрался до Голландии с копией кода, которую снял Сцек.

нерадивую работу. О том, что шифры оказались в руках русских, не догадались даже капитан «Магдебурга» и часть команды, взятые в плен. Получив сообщение об этом от русского морского атташе, британское адмиралтейство немедленно послало за шифрами в Архангельск военный корабль. В октябре они были доставлены в Лондон. Правда, код являлся лишь одним из средств, использовавшихся для сохранения тайны радиопередач. Тем не менее английским экспертам в начале ноября 1914 г. уже удалось добиться расшифровки радиограмм, посылавшихся германским правительством и военным командованием.

Наконец, английский разведчик Э. Вудхолл сообщает третью версию, утверждая, что был лично знаком с лицом, доставшим код. Это был солдат французского Иностранного легиона, которого Вудхолл условно называет Смитом. В конце 1915 г. Смит, который свободно владел французским, немецким и фламандским языками, перешел на работу в разведку. Его послали в бельгийскую столицу с заданием добыть немецкий шифр. Спустившись с парашютом около Брюсселя, Смит в одежде бельгийского крестьянина сумел благополучно пробраться в город и связаться с несколькими бельгийцами, готовыми оказать ему помощь. Особо важную роль сыграла бельгийская девушка Ивонна. Она работала в кафе, которое часто посещал влюбленный в нее немецкий унтер-офицер. Немец работал на радиостанции оператором. Ивонна убедила своего поклонника, что она и ее брат (т.е. Смит) — большие любители тогда еще малораспространенного радио. Унтер-офицер охотно согласился учить их радиоделу и, отвечая на заранее подготовленные Смитом вопросы, бессознательно выдал все главные элементы кода. После уроков Смит в течение нескольких недель тщательно записывал полученные сведения. Потом разведчик переоделся в немецкую форму, которую достали его бельгийские друзья, и благополучно пересек линию фронта.

Сразу же после его ухода немцы ворвались в кафе, где служила Ивонна. Оказывается, немецкая контрразведка давно уже следила за подозрительными визитами молодого радиста. Однако Ивонна, сообразив, что немец не разъяснил (да и не мог разъяснить) смысла их радиоуроков, призналась лишь в том, что укрывала Смита, которого выдала за немецкого дезертира. Ивонну приговорили к длительному тюремному заключению, а ее подругу, также активно помогавшую Смиту, — на более короткий срок.

Эти версии не обязательно противоречат друг другу, поскольку шифр мог быть одновременно получен различными путями.[44] Однако покров секретности, которым продолжают окутывать это дело, заставляет предположить, что, быть может, подлинная история похищения кода так и останется неизвестной. Важнее, конечно, что английской разведке удалось не только овладеть немецкими шифрами, но и посылать телеграммы от имени германского командования. Одна из таких телеграмм привела к крупной английской победе на море.

Английское адмиралтейство было очень озабочено действиями немецкой эскадры под командованием адмирала Шпее, крейсировавшей осенью 1914 г. около Южной Америки и являвшейся серьезной угрозой для судоходства стран Антанты. В составе эскадры находились крейсеры «Шарнхорст» и «Гнейзенау», вооруженные дальнобойными орудиями. Чтобы добиться успеха в бою против них, необходимо было выделить по крайней мере два новейших линкора с крупнокалиберной артиллерией. С этой целью по указанию начальника английской морской разведки адмирала Холла на английских верфях за несколько недель были построены… два деревянных макета линейных кораблей «Инвинсебл» и «Инфлексебл». Эти макеты были отбуксированы из Англии в Эгейское море, где находились оба дредноута, чтобы воспрепятствовать прорыву германского крейсера «Гебен» из Дарданелл в австрийскую военно-морскую базу Пола. Под покровом ночи снявшиеся с якоря линкоры были заменены

[44] Еще один немецкий код нашли на дирижабле, потерпевшем аварию после налета на Англию. «Цеппелин» был окончательно сбит над французской территорией. Находившиеся неподалеку от места падения американские офицеры успели растащить драгоценные книги, их с трудом удалось отнять у любителей сувениров. Англичане даже завели после этого специальную эскадрилью самолетов, готовых ринуться к месту падения «цеппелинов». Ей удалось добыть еще одну полусгоревшую шифровальную книгу. Такая же морская служба занималась поисками кодов на затонувших подводных лодках.

макетами. Они находились на достаточном расстоянии от берега и были окружены миноносцами, а также другими военными кораблями, которые не подпускали к ним любопытных. Многочисленные немецкие и австрийские агенты так и не заметили подмены. Таким образом два мощных линейных корабля втайне от немцев покинули Средиземное море и отправились на охоту за эскадрой Шпее. Оставалось одно — заранее узнать, где будет находиться германская эскадра в какой-либо определенный день.

1 ноября 1914 г. корабли Шпее уничтожили в морском бою более слабую английскую эскадру адмирала Кредока и после этого прибыли в чилийский порт Вальпараисо. Здесь Шпее застала телеграмма из Берлина, предписывавшая ему идти к Фолклендским островам, чтобы разрушить находившуюся там радиостанцию. Однако приказ ему послало не германское командование. Ее отправил с берлинского телеграфа английский агент. Он сумел раздобыть бланки, на которые сам поставил похищенные им печати экспедиции морского министерства и цензурного отдела. Снабженная этими печатями депеша была без всяких подозрений принята на телеграфе и отправлена по назначению. 7 декабря 1914 г., выполняя приказ, Шпее явился на место, указанное ему в действительности английской разведкой. А на другое утро более дальнобойные орудия английских линкоров покончили с немецкими крейсерами, причинившими столько хлопот британскому адмиралтейству.

О приобретении англичанами немецких шифров стало известно спустя несколько лет после окончания первой мировой войны. Значительно позднее, уже в наши дни, всплыл и еще один интересный факт. Англичанам удалось воспользоваться тем, что один из их шифров тоже попал в руки врага. В отличие от немцев, англичане вскоре узнали о своей потере. Речь шла о коде, которым передавались сообщения о разминировании минных полей, установленных немецкими подводными лодками. Одна из немецких лодок поставила много мин у входа в порт Уотер-форд (в Ирландии). Английская контрразведка послала известным немцам кодом сообщение, что эти мины выловлены. Лодка вскоре явилась, чтобы поставить новые, — и подорвалась на одной из установленных в прошлый раз.

Однако еще большее значение имела — также ставшая сравнительно недавно известной — передача английскими контрразведчиками немцам подложного кода, якобы употреблявшегося для шифровки особо важных и срочных сообщений. Было решено всучить код немцам и время от времени передавать по радио зашифрованные этим кодом различные приказы. Капитаны английских кораблей, естественно, не могли читать эти приказы, поскольку не были снабжены фальшивым кодом, предназначавшимся только для немецкого командования.

Расчет был простой, но возникла совсем не простая задача — так «подбросить» немцам код, чтобы у них не возникло ни малейшего сомнения в его подлинности.

В голландском городе Роттердаме имелся отель, в котором часто останавливались англичане и который поэтому находился под пристальным наблюдением германских разведчиков. Английской контрразведке было известно, что портье состоял на службе у немцев. Если из Англии прибывал кто-то, по мнению портье, заслуживавший внимания германских разведчиков, в отель назавтра приезжала белокурая дама и снимала номер, расположенный обычно неподалеку от комнаты нового постояльца. Эта блондинка была давно уже «раскрыта» англичанами. Она была замужем за бельгийцем. Позднее шпионку расстреляли французы. В Лондоне довольно высоко оценивали ее способности и решили обернуть их против ее нанимателей.

На главную роль был приглашен Гай Локок, впоследствии крупный предприниматель, а в то время секретарь одного из членов парламента. Локок до этого несколько лет служил в Форин оффисе — министерстве иностранных дел — и был хорошо знаком с манерами, которые иностранцы считали типичными для поведения британских дипломатов. Роль, порученная ему, впрочем, была несложна.

22 мая 1915 г. после полудня в Роттердам прибыло какое-то британское официальное лицо со специальным служебным паспортом. Англичанин явно был особо доверенным дипломатическим курьером. В числе его вещей находилась дорожная сумка, очевидно, предназначенная для перевозки официальных бумаг, с которой он никогда не расставался. Добавим — хотя это заранее не могли знать люди, внимательно присматривавшиеся к гостю из

Лондона, — что в сумке лежала копия нового сверхсекретного кода.

22 мая было избрано отнюдь не случайно. Это была суббота, и британское консульство, куда явно направлялся англичанин, было уже закрыто до понедельника. А может быть, и до вторника, так как понедельник, 24 мая, приходился на церковный праздник — Духов день, который было принято строго соблюдать в Англии. Итак, сумка в течение полутора, а то и двух с половиной дней должна была оставаться в номере у приезжего!

Локок, устроившись в помещении на втором этаже, запер его на ключ и вышел в сад. Оттуда было легко установить, что окно его номера было третьим с краю. Рядом находилась набережная, откуда также можно было видеть это окно. На набережной были навалены какие-то бочки. Локок быстро отыскал место, где, спрятавшись, имел возможность наблюдать за окном. Пора было возвращаться в номер. А там надо было лишь оставить дорожную сумку на вешалке, где висела одежда. Этим дела, которые предстояло Лококу сделать в субботу, были закончены.

В воскресенье после полудня в отель приехала белокурая дама. Она совсем не обратила внимания на англичанина, который, удобно раскинувшись в кресле, читал в вестибюле свежую газету и также совершенно не выказал никаких признаков любопытства в отношении прибывшей.

Англичанин явно скучал, не зная, куда девать время в чужом городе. Портье счел своей обязанностью прийти на помощь постояльцу. Не скучно ли ему? Конечно да, последовал ответ. Тогда портье доверительно сообщил приезжему место, где можно хорошо скоротать вечер, и подробно рассказал, как добраться до этого приятного заведения. Гость поспешил последовать доброму совету. Он быстро поднялся в номер и через несколько минут уже выходил из отеля. Британский дипломат так торопился, что забыл захватить с собой сумку, которая осталась висеть на вешалке в его комнате.

Англичанин, правда, не добрался до места, указанного ему портье.

Свернув за угол, Локок сделал крюк и вернулся к бочкам на набережной около отеля. (Интересно отметить, что немцы так и не попытались проверить, был ли английский курьер в том заведении, куда его направил портье.)

Блондинка и ее друзья не теряли времени. Через полчаса после ухода Локока в его номере загорелся свет, в окне замелькали тени. Вскоре электричество было выключено: немцы нашли то, что искали, — книгу шифров. Возникал вопрос: неужели блондинка просто украдет книгу? Это была бы топорная работа, совершенно обесценивавшая захваченную добычу. Ведь в этом случае англичане немедленно узнали бы о похищении кода и сразу же приняли бы меры к его замене. Немецкая разведчица должна была прикинуть, что английский курьер пробудет вне отеля по крайней мере часа три — времени более чем достаточно для того, чтобы сделать фотокопии всех страниц шифровальной книги и вернуть ее на прежнее место. Лококу оставалось дожидаться, пока в его комнате снова загорится лампочка.

Он прождал до часу ночи и был вознагражден за свое терпение. Свет был зажжен на минуту-две. Итак, сумка водружена на место. В половине второго «вдрызг пьяный» дипломат вломился в вестибюль отеля. Он попытался объяснить любезному портье, насколько хорошо провел время, однако язык повиновался ему с трудом. Еще более сложной задачей оказалось подняться на второй этаж. Добрый портье, разумеется, помог и здесь сильно подвыпившему гостю. Все стороны остались крайне довольны друг другом. Через год тот же Локок был послан с «дополнениями» к секретному коду, призванными убедить немцев, что англичане и не подозревают о раскрытии этого шифра неприятелем. На этот раз Лококу удалось спустить фальшивые дополнения к фальшивому коду за круглую сумму — 500 ф. ст. Вряд ли они могли стоить больше.

С помощью своего подложного кода английской контрразведке случалось не раз одурачивать немецкое командование. Так, например, в сентябре 1916 г. этим кодом был послан «приказ» ряду английских кораблей, из которого явствовало, что они вскоре должны будут участвовать в каких-то десантных операциях. Одновременно нескольким опытным агентам разведки, занимавшим различные дипломатические и другие посты и часто бывавшим в лондонских салонах, было поручено «проболтаться» о подготовке к высадке английского десанта в Германии. В середине сентября 1916 г. неожиданно на день было прервано

сообщение Англии с нейтральной Голландией. Перед этим почта как раз успела доставить по обычным адресам дюжину номеров английской газеты «Дей-ли мейл» за 12 сентября. Надо сказать, что в числе постоянных подписчиков на английскую прессу находились агенты германской разведки. Они сразу же обратили внимание на одно обстоятельство — в этом номере «Дейли мейл» черной краской был вымаран один абзац. Очевидно, в нем сообщалось что-то, вызвавшее недовольство английской военной цензуры, но что именно? Определить это оказалось несложным, даже не прибегая к услугам химической лаборатории, специализировавшейся на прочтении подобных текстов. Англичане, видимо, спохватились только в самую последнюю минуту — добрая половина экземпляров «Дейли мейл», проникших в Голландию, не побывала в руках цензора. А абзац представлял собой следующую небольшую корреспонденцию из Юго-Восточной Англии:

«На восточном побережье все готово. Крупные военные приготовления. Плоскодонные суда. От нашего специального корреспондента Г. У. Уилсона. База на восточном побережье, понедельник.

Все указывает здесь на приближение важных событий. Я сегодня закончил поездку по восточным и юго-восточным графствам и могу сказать, что около побережья сконцентрированы очень крупные силы. По сути дела, приготовления проведены в таких размерах, что общественность вправе ожидать нечто более радостное, чем просто защита побережья. Командующий южной группой армии в последние несколько дней многократно посещал войска. Большинству подразделений выдано новое снаряжение. Кое-кто ворчит, строится много предположений, все отпуска неожиданно отменены. Я был поражен количеством больших плоскодонных судов в ряде гаваней, но осторожность помешала мне задавать вопросы. Харидж и Дувр сейчас неподходящие места для корреспондента с пытливым умом».

В Берлине, куда спешно была передана по телеграфу эта газетная заметка, сочли, что им уже давно известно предназначение собранной эскадры. О нем говорилось в перехваченных английских шифрованных телеграммах, которые были прочтены с помощью похищенного немцами британского кода. Тогда еще не было воздушной разведки, быстро проверить сведения о концентрации английских судов оказалось невозможным, но и имевшихся доказательств хватило для того, чтобы германское командование стало спешно оттягивать с фронта резервы для отражения английской атаки.

Одновременно с усилиями, прилагавшимися для дезинформации противника, глава военно-морской разведки Р. Холл тщательно оберегал тайну «помещения э 40» в старом здании адмиралтейства, где производилась расшифровка немецких телеграмм. Входить в «помещение э 40» могли только очень немногие, тщательно проверенные люди. Лишь после подписания перемирия, в ноябре 1918 г., адмирал Холл разрешил уборщицам проникнуть наконец в заветную комнату и впервые за четыре года войны убрать накопившуюся там пыль…

Без церемоний

Империалистические державы и их разведывательные службы не останавливаются ни перед какими преступлениями, с бесцеремонностью попирая права и интересы народов других стран.

Ожесточенная схватка развертывались между разведками в колониальных и зависимых странах.

В нашем повествовании мы не будем подробно рассказывать о небезызвестном английском полковнике Лоуренсе — о нем и так написано слишком много. Он действовал сначала как разведчик, нередко пробираясь в расположение турецкой армии. Лоуренс настолько ловко изображал местного жителя, что один раз турки едва не расстреляли его как араба — дезертира из своей армии. Однако главная роль Лоуренса заключалась в умелом сговоре с арабскими шейхами и установлении с их помощью контроля над освободительным движением арабов против турецкого господства. Разумеется, обещания, которые щедро раздавал Лоуренс, были после окончания первой мировой войны отброшены в сторону, и большинство населенных арабами территорий, которые отошли от Турции, было поделено между английскими и французскими империалистами.

Активную диверсионную деятельность в Иране проводил германский консул Карл Васмус, снабженный большими денежными средствами. Его главной задачей было возбуждать возмущение племен Южного Ирана против высадившихся там английских войск. Задача была не столь трудной, так как в Иране ненавидели британских колонизаторов. Чтобы продемонстрировать союз Германии и Ирана, Васмус даже женился на дочери влиятельного вождя одного из племен. Во время свадьбы, сыгранной на средства секретной службы, помощники Васмуса тут же, на обильном пиршестве, отбирали и нанимали новых агентов. Васмус создал широкую шпионскую сеть и причинял столько неприятностей англичанам, что британское командование объявило о награде в 3 тыс. ф. ст. тому, кто доставит им консула живым или мертвым. Потом эта сумма была увеличена до 14 тыс. ф. ст.

Васмус пытался укрепить свои позиции, распространяя фантастические сведения о немецких успехах — о занятии Лондона и казни английского короля Георга V. Но скоро ложность этих известий стала ясной даже в отдаленных уголках Ирана. К тому же у Васмуса, отрезанного от Германии, стали истощаться денежные средства и ему было уже нечем подкупать племенных вождей. Тем не менее Васмусу удалось удержаться вплоть до окончания войны, после чего он поспешил скрыться от своих разъяренных приверженцев, которые поняли, что немец не в состоянии выполнить свои заманчивые посулы. Сторонники Васмуса уверяли впоследствии, что не выдали его только потому, что предложенная англичанами награда была слишком велика и нельзя было поверить, что ее заплатят за поимку одного человека!

Между прочим, Васмус, помимо своей воли, помог англичанам овладеть еще одной немецкой книгой, содержавшей дипломатический код. Он собирался взорвать английский нефтепровод у Абадана. Британская разведка сумела заранее получить сведения об этом плане ловкого немецкого консула, и английские войска неожиданно атаковали расположившийся на отдых отряд Васмуса. Немец, поднятый со сна, в пижаме вскочил на коня и ускакал. Однако у него не было времени прихватить с собой багаж. А среди английских офицеров не оказалось достаточно толкового человека, чтобы понять значение своих трофеев. Имущество, принадлежавшее Васмусу, было переправлено в Лондон и свалено в подвал министерства по делам Индии. Лишь позднее в случайном разговоре с офицером, прибывшим из Ирана, адмирал Холл узнал о том, что захвачены вещи Васмуса. Он приказал их доставить к себе. Среди них и оказалась немецкая шифровальная книга. Немцы использовали ее для посылки донесений по линиям Берлин — Константинополь и Берлин — Мадрид (а оттуда в Северную и Южную Америку). Она существенно помогла в расшифровке скопившейся в «помещении э 40» английского морского министерства массы немецких секретных телеграмм.

…Перенесемся теперь в Восточную Африку, где Англия имела, так же как в Иране, огромное превосходство в силах над своим противником. Тем не менее на протяжении нескольких лет английские войска никак не могли добиться успеха в борьбе против отряда немецкого полковника Форбека, хотя тот был совершенно отрезан от Германии. У Форбека, правда, имелся про запас один «цеппелин», который был укрыт за речной плотиной. Английская разведка сумела установить местонахождение летательного аппарата. 6 июля 1915 г. подкравшийся к плотине монитор «Северн» артиллерийскими залпами с близкого расстояния уничтожил дирижабль. Форбек, поддерживавший по радио связь с Берлином, настойчиво просил выслать боеприпасы и медикаменты, чтобы он мог продолжать свою полупартизанскую войну, которая сковывала в Восточной Африке 300 тыс. солдат Антанты. Англичане регулярно перехватывали и расшифровывали радиограммы, которыми обменивались Форбек и его начальство в Берлине. Но было мало шансов уничтожить «цеппелин», который немцы могли послать в Восточную Африку с грузом военного снаряжения.

Союзный агент в Болгарии сообщил засланному в Вену английскому офицеру Мортимеру (его сбросили в штатской одежде с парашютом в тыл австрийских войск), что немцы частями перевезли и собирают в Болгарии «суперцеппелин». С помощью этого агента, бывшего влиятельным лицом, Мортимер без затруднений уехал в Швейцарию и доставил полученные сведения в Лондон.

16 ноября 1917 г. «цеппелин» вылетел из Болгарии в Восточную Африку, имея на борту 50 пулеметов, винтовки, патроны, медикаменты и другое снаряжение. Достигнув германской колонии в Восточной Африке, «цеппелин», однако, не получил условленного сигнала с земли о

посадке. Напрасно дирижабль часами кружил над районом, где предполагалось нахождение Форбека (немецкий полковник в это время совершал рейд в португальскую Восточную Африку). Тем временем из Берлина сообщили, что Форбек окружен и «цеппелину» следует вернуться домой. Он благополучно совершил трудный обратный полет. Лишь позднее вроде бы выяснилось, что телеграмма из Берлина, полученная командиром «цеппелина», была следствием переданной по радио депеши от Форбека. Точнее, так думали в германской столице. В действительности же шифрованная радиодепеша в Берлин была послана английской разведкой, знакомой и с тогдашним местонахождением Форбека, и с кодом, который использовался им в переговорах с германским командованием.

Британская разведка добилась существенных результатов в раскрытии вражеских шифров и дезинформации неприятеля, причем успехи в обеих этих областях тайной войны были тесно связаны между собой. В 1917 г. методы, оправдавшие себя в борьбе против Германии, британское командование решило использовать и на Ближнем Востоке, где турецкие войска под фактической командой немецких офицеров отбивали попытки английской армии вторгнуться с территории Египта в Палестину. Несколько наступлений англичан в марте и апреле 1917 г. на город Газу окончились безрезультатно. Линия турецких окопов простиралась на 30 миль от прибрежной Газы до Беэр-Шевы на востоке. Укрепления около Газы были значительно более сильными, чем в районе Беэр-Шевы, но там вокруг лежала пустыня, не было дорог, и доставка на верблюдах снаряжения, продовольствия и, главное, воды для людей и животных представляла собой труднейшую задачу. Колодцы были в Беэр-Шеве, и поэтому овладение этим городком было необходимым условием для развертывания дальнейшего наступления. Перед новым командующим английской армией генералом Э. Алленби встала дилемма — либо фронтальный штурм Газы (он потребовал бы очень крупных жертв без всякой к тому же гарантии успеха), либо атака более слабых укреплений Беэр-Шевы. Однако и здесь необходимо было действовать внезапно, иначе турки, имевшие хорошие дороги позади своих позиций, успели бы быстро подбросить подкрепления. Но как было сохранить в тайне передвижение десятков тысяч верблюдов с водой, вздымавших целые тучи песка? Турецкие военачальники и германский командующий генерал фон Кресс должны были не поверить собственным глазам. Как же было добиться подобного ослепления?

Вдобавок нельзя было сбрасывать со счетов и немецкую разведку, которая могла похвастать рядом удачных операций. Капитан Прейссер, например, выдавая себя за араба, трижды проникал в британский штаб в Каире, собирая сведения от германских и турецких разведчиков-резидентов. А майор Франке в мундире офицера английского генерального штаба изъездил позиции британского палестинского фронта и однажды даже произвел смотр артиллерийского полка. Франке выдавал себя то за одного, то за другого из английских офицеров, которых потом арестовывали для выяснения личности при выполнении ими важных и срочных поручений.

Англичане пустили в ход искусную дезинформацию. Так, с помощью различных уловок турок ознакомили с британским шифром, которым стали передавать ложные сообщения. Принимались меры, чтобы усыпить возможные подозрения: радисты посылали в эфир наряду со служебной информацией и известия личного характера. Воинские части, особенно кавалерийский корпус пустыни, действовали будто бы на основе приказов, полученных таким кодом по радио. Это имело, кроме всего прочего, и то преимущество, что действия английских патрулей, которые могли вызвать настороженность у турецкого командования, получали благовидное объяснение — шифрованные приказы предписывали вести только разведку намерений неприятеля, а не собирать сведения для какой-то крупной операции.

После того как почва была подготовлена, последовал новый трюк, призванный окончательно убедить германо-турецкое командование в правильности имевшихся у него данных о планах генерала Алленби. Было решено подбросить туркам офицерскую сумку. Прием этот не отличался новизной, и поэтому нужно было, чтобы турки овладели сумкой в условиях, исключавших подозрения. Ее содержимое должно было рассеять сомнения, даже если бы они и возникли. Поэтому прежде всего в сумку вложили 20 ф. ст. — расчет строился на том, что привычные к коррупции и взяточничеству оттоманские офицеры сочтут невозможным, чтобы кто-нибудь сам добровольно и без видимой нужды расстался с деньгами. Эти деньги

были вложены в записную книжку армейского образца, которая, как явствовало из сделанных в ней заметок, принадлежала английскому офицеру из ставки Алленби. Вдобавок взяли книжку, включавшую много подлинных записей. Они содержали небезынтересные для турецкого командования сведения, которые, однако, нельзя было сразу использовать. Последние же заметки должны были ввести в заблуждение вражеских генералов. Кроме того, в сумку было вложено письмо, датированное 6 сентября и исходившее будто бы от офицера полка, дислоцированного на английском правом фланге, против Беэр-Шевы. В письме говорилось о совещании в штабе Алленби, на котором было решено начать операцию не раньше конца ноября. Автор письма очень критически оценивал решение о наступлении, когда можно ожидать сильных дождей, и добавлял, что пока даже для офицерской столовой воду доставляют только на одном верблюде. Трудно было найти лучшее подтверждение тому, что транспорт, снабжавший войска правого фланга, был совершенно недостаточным для подготовки боевых действий значительного масштаба. В письме, как бы между прочим, упоминалось и о неразумности плана снова атаковать мощные укрепления Газы. Вся эта подложная информация перемешивалась для большего правдоподобия с рассказами о различных бытовых мелочах из жизни мнимого автора письма. Более того, сумка заключала и другие материалы, которые должны были еще больше усилить впечатление подлинности, например письмо из Лондона (с настоящим обратным адресом), в котором любящая жена извещала мужа о том, что у них родился сын, названный Ричардом. Это нежное послание, помятое, как будто от многократного чтения, заняло место в бумажнике рядом с письмом о переносе срока наступления. В сумке находился также приказ по армии, в котором офицерам и унтер-офицерам ряда соединений предписывалось ознакомиться с отрытой линией окопов, являвшейся точной копией турецких оборонительных сооружений в районе Газы. Еще одной убедительной деталью была копия телеграммы из штаба Алленби — приказа произвести рекогносцировку, чтобы убедиться, действительно ли природные условия делают невозможным обход турецкого левого фланга около Беэр-Шевы. Наконец, в сумке было несколько черновых шифрованных заметок — они не содержали прямой дезинформации и должны были позволить туркам прочесть другие материалы, часть из которых была зашифрована.

После этого оставалось только добавить к содержимому сумки офицерский завтрак. Ловкий офицер разведки сознательно наткнулся на турецкий патруль и обстрелял его. Началось преследование дерзкого англичанина. Разведчик ослабил лямки, которыми были привязаны к седлу сумка, полевой бинокль и — большая ценность в пустыне — фляга с водой. Инсценируя картину поспешного бегства, он бросил также винтовку, которую смазал кровью своей лошади, легко поранившейся о скалу. Сам англичанин пошатывался в седле, как будто задетый вражеской пулей. После возвращения разведчика в английский лагерь были спешно разосланы шифрованные телеграммы о потере важной сумки, на поиски ее были брошены патрули. 11 октября 1917 г. был издан даже приказ по кавалерийскому корпусу пустыни о необходимости разыскать сумку. В копию этого приказа один из командиров патрулей завернул свой завтрак и обронил неподалеку от неприятельских позиций.

Сумка была сразу же доставлена генералу фон Крессу. Были изданы приказы, выражавшие благодарность унтер-офицеру, который доставил столь драгоценную добычу. Турки резко ослабили оборонительные работы в районе Беэр-Шевы. Основные силы и все подходившие подкрепления направлялись в Газу, даже 50 самолетов, которые в разобранном виде вскоре попали в руки англичан. 30 октября английский флот бомбардировал Газу, еще более убеждая германо-турецкое командование, что она станет объектом атаки. А в ночь с 30 на 31 октября начался штурм Беэр-Шевы, занятой в течение следующего дня. Неприятель был застигнут совершенно врасплох. В Беэр-Шеве было обилие воды. Но и после этого английская разведка постаралась убедить неприятельский штаб, что проведенная операция носила сугубо местный характер, пока из Беэр-Шевы 5 ноября не началось общее наступление. Турецкий фронт был прорван. 7 ноября турки очистили Газу, а через месяц, 9 декабря, войска Алленби заняли Иерусалим. Эти успехи имели крупное значение для Лондона в чисто военном плане на фоне неудач Антанты на Западном фронте. Но главным все же было другое. Лондон стремился к созданию британской ближневосточной империи. Учитывая остроту империалистического соперничества со своей союзницей Францией в этом районе, английские правящие круги

старались еще в ходе войны оккупировать все намеченные территории.

Английская армия двигалась по библейским местностям, у разведки проснулся интерес к Священному писанию. Однажды источником информации оказался рассказ, записанный две с половиной тысячи лет назад и включенный в «Ветхий завет, 6-я дивизия армии генерала Алленби в феврале 1918 г. получила приказ взять город Иерихон. Одной из бригад было поручено в качестве промежуточной цели овладеть деревушкой Михмас, расположенной в ущелье. Английские части начали подготовку к трудной фронтальной атаке, не имея вдобавок сведений о численности и расположении оборонительных сооружений противника. Англичан выручило то, что один из офицеров, В. Джилберт, припомнил эпизод, рассказанный в Библии, в главах 13 и 14 Первой книги Самуила. В нем повествуется, как сын царя Саула Ионафан вместе с воинами неожиданно проник в лагерь филистимлян, окопавшихся в Михмасе. Не прошли ли нападающие по какой-то тайной тропе? Вскоре был обнаружен этот проход, и селение было захвачено одной ротой, неожиданно обрушившейся на турецкий гарнизон.

Накануне решающего наступления в сентябре 1918 г., которое вывело Турцию из войны, англичанам снова помогла военная хитрость. Трудность заключалась в обеспечении скрытого сосредоточения войск. Турки могли без труда определять, находятся ли на том или ином участке фронта кавалерийские полки, просто наблюдая за столбами пыли, которые подымали тысячи животных, отправлявшихся на водопой к реке Иордан. Однако издалека не было видно, поднималась ли пыль лошадьми или обозными мулами, которых специально пригнали к линии фронта, тогда как кавалерийские дивизии снялись с места и быстро передислоцировались на исходные позиции для предстоящей атаки.

Империалистические разведки не были бы сами собой, если бы знали то, что им не полагалось видеть и знать. Английская контрразведка странным образом просмотрела снабжение британскими фирмами врага через нейтральные страны. Как открыто сообщил в 1927 г. адмирал Консетт, занимавший во время войны пост военного атташе в Скандинавских странах, немцы получали большое количество жиров, важных для производства взрывчатых веществ, из британских колоний, не говоря уж о корме для скота и т.д. Без этой «поддержки» Германия, вероятно, значительно раньше была бы сломлена союзной блокадой.

Англичане использовали разведку и для муссирования ложных слухов, которые можно было с успехом использовать в игре на бирже. После знаменитого Ютландского морского боя английские правящие круги через все доступные им неофициальные каналы информации сообщили сначала о поражении, а потом о победе своего флота, сыграв сначала на понижении, а потом на повышении ценностей на нью-йоркской бирже. Организатором этой «невинной операции», давшей миллионные доходы, считают сэра Эрнеста Касселя, одного из заправил Сити и «своего человека» в кругах британского правительства.

Считают, что в 1918 г. Антанта могла похвастать особо значительными удачами в тайной войне Американскому разведчику, которому удалось по заданию начальства завербоваться на германскую службу, было поручено немцами вызволить из французской тюрьмы некоего Мюллера. Под этим именем был арестован в Бордо занявшийся шпионажем сын кайзера Вильгельма II принц Иоахим. Для его спасения германская дипломатия предпринимала лихорадочные усилия, действуя через нейтральные страны. Антантовские разведки решили инсценировать бегство принца, и его мнимые спасители должны были выполнить ряд важных заданий в Германии. Операция удалась, с ее помощью разведывательные ведомства Антанты сумели получить немецкие военные планы и снабдили неприятельское командование, включая самого фельдмаршала Гинденбурга, массой ложной информации, якобы безусловно заслуживающей полною доверия.

Говоря об успехах разведок Антанты, особенно на заключительном этапе войны, не следует их преувеличивать Хотя во многих воспоминаниях антантовских шпионов фигурирует, например, утверждение, что они заранее предсказывали приближающийся крах Германии, факты говорят об обратном. Верховное командование Антанты, а вслед за ним и правительства Англии, Франции и США имели самое туманное представление о возможностях Германии продолжать войну. Антантовские генералы несколько лет подряд тщетно пытались лобовыми ударами (стоившими миллионов убитых и раненых солдат) прорвать германскую оборону. Они столько раз больно разбивали лоб о мощные германские укрепления, что успели выработать у

себя условный рефлекс, мешавший им приблизиться к немецкому фронту, даже когда он сохранял лишь тень былой силы. Правительства и штабы Антанты еще накануне военного краха Германии, после тяжелых поражений немцев (с августа 1918 г.), были усердно заняты разработкой подробных планов ведения войны в 1919 и 1920 гг. Где уж тут говорить о точной осведомленности, о которой пишут английские, французские и американские разведчики в своих мемуарах.

Всякой твари по паре

Темные личности, мошенники и авантюристы всех мастей не только вербовались разведками, но и сами липли к секретной службе, как мухи к меду.

Одной из красочных историй в этой связи может служить повествование о жизни достопочтенного члена палаты общин английского парламента Игнатиуса Тимоти Трейбиш-Линкольна. Журналист, христианский проповедник, шпион-двойник, политик-либерал, буддийский монах, китайский мандарин — таковы некоторые из превращений этого опытного мастера блефа.

Родившийся в Венгрии, в небольшом городке на Дунае, в буржуазной семье, Игнатиус уже в молодые годы неоднократно менял религию каждый раз с немалой выгодой и не прерывая своих миссионерских упражнений. Полем для своего благочестивого подвижничества мошенник, конечно, избрал Соединенные Штаты, а вероисповедания выбирал в зависимости от спроса и предложения на «духовном» рынке. Колебания этой конъюнктуры привели Игнатиуса в Англию, где он, не удовлетворенный своими успехами (а главное, доходами) от проповедования, занялся журналистикой. В 1906 г. бывший пастырь стал активным деятелем либеральной партии, подвизаясь в роли секретаря довольно известного общественного деятеля Сибома Раунтри. При этом Игнатиус подделал банковский чек с подписью своего шефа на круглую сумму в 700 фунтов стерлингов. Подлог был обнаружен далеко не сразу. До этого Трейбиш-Линкольн успел в 1910 г. стать членом нижней палаты от либеральной партии. Однако на вскоре последовавших новых выборах он уже не прошел.

Тут началась война, и Трейбиш-Линкольн, как выходец из вражеской страны, оказался в весьма двусмысленном положении и, главное, совсем без денег. Друзья, правда, устроили Игнатиуса на работу в цензуру просматривать венгерскую и румынскую почту. Но он вскоре возбудил там подозрения и должен был покинуть службу. Денег опять не стало — угрожала опасность, что Игнатиуса попросят выйти из аристократического клуба, членство в котором было признаком респектабельности и давало возможность подзаработать на ней.

Именно в это время Трейбиш и постучал в дверь английской разведки. Аферист пытался сыграть на своих неудачах: он, мол, подробно их распишет немцам и объявит, что стремится отомстить Англии. Немцы наверняка возьмут его на службу, и он станет чрезвычайно полезным человеком для английской разведки. Хотя от предложения Трейбиш-Линкольна за версту несло авантюризмом и шарлатанством, визитная карточка бывшего члена парламента и влиятельные друзья сделали свое дело. После некоторых колебаний его взяли на службу в разведку. Однако план, который тут же родился в голове нового агента, был уж совсем фантастическим. Он попросил снабдить его сведениями о выходе в море небольших английских эскадр. Немцы, используя информацию Игнатиуса, будут топить эти британские корабли и окончательно уверуют в данные, исходящие от такого ценного агента. Тогда Трейбиш пошлет им известие о выходе в море очередной небольшой эскадры, в то время как в действительности весь английский флот покинет свои стоянки и уничтожит высланные для борьбы со слабым противником немецкие корабли. Для начала Трейбиш требовал данных о стоянках и распределении сил английского флота.

Интеллидженс-сервис, конечно, не попалась в ловушку, которая явно предназначалась для нее, а не для германского морского командования. Стало слишком очевидно, что единственной целью Трейбиша было, вне зависимости от того, как будет развертываться его хитроумный план, вытягивание максимальной суммы денег с обеих воюющих сторон. Игнатиусу сообщили, что ему не может быть предоставлена требуемая информация. Тогда он, не смущаясь, предложил поехать в качестве английского агента в Роттердам, стать германским шпионом и

передавать в Лондон все, что ему удастся узнать на немецкой службе. На это было дано разрешение.

Трейбиш немедленно отбыл в Голландию и обратился с предложением своих услуг к германскому генеральному консулу в Роттердаме. Эти услуги были охотно приняты. Английская разведка, разумеется, не спускала при этом глаз со своего чересчур бойкого посланца. Через некоторое время Трейбиш привез информацию, но она оказалась негодной. Возникло серьезное сомнение, не выдал ли Трейбиш немцам факт своего нахождения на службе в Интеллидженс-сервис и не собирается ли он одновременно обслуживать (или, вернее, обманывать) обе разведки. В Интеллидженс-сервис ему прямо сказали, что он двойник, и предложили кончить эту опасную игру. Трейбиш понял, что дело приняло серьезный оборот. Шутки в сторону — ведь так легко попасть и на скамью подсудимых, а то и на виселицу в Тауэре.

На другой день после разговора в разведке американский пароход «Филадельфия» уже увозил блудного сына нескольких церквей снова в Соединенные Штаты. Вступив на американскую землю, Трейбиш поспешил полностью порвать с коварным Альбионом и тут же стал прельщать заманчивыми обещаниями германское посольство. То благоразумно отказалось от сделанного ему предложения. Неунывающий Трейбиш стал пописывать статьи против Антанты в газетах на немецком языке, издававшихся в США для эмигрантов из Германии.

Все было бы хорошо, если бы не всплыла история с подделкой чека. Трейбиш стал просто уголовным преступником, и в августе 1915 г. американские власти выдали его англичанам. Игнатиус вышел из тюрьмы в 1919 г. и… начал новый этап в своей бурной карьере. Он предлагал свои услуги свергнутому кайзеру Вильгельму II, затем главе германских реакционных путчистов Каппу, потом отправился в Китай, еще через некоторое время принял буддизм. Взлеты и падения продолжались. Трейбиш то приобретал, то терял деньги, влезал в любые авантюры, не брезговал никакими шарлатанскими выходками. Это продолжалось целые четверть века, вплоть до его смерти в 1943 г.

Менее, чем Трейбишу, повезло подобной ему авантюристке Деспине Давидович. Она родилась в Константинополе, еще в детстве научилась свободно говорить на нескольких языках. В 17 лет она вышла замуж за француза, но вскоре порвала с ним и начала вести жизнь богатой туристки. В Париже «прекрасная турчанка» была известна под именем Мези, в Лондоне и Мадриде — Хескет, в Риме — под своей девичьей фамилией Давидович, в Нью-Йорке она себя именовала миссис Деспина, в Вашингтоне — баронессой Бельвиль. Повсюду ей удавалось завязывать связи в высших кругах общества, иметь среди поклонников влиятельных людей, допущенных к государственным секретам.

В начале 1918 г. Деспина Давидович, находившаяся тогда в Испании, повсюду появлялась в сопровождении двух немцев, старшего из которых называли бароном. Это возбудило внимание Интеллидженс-сервис, агентам которой вскоре удалось подслушать в одном из мадридских ресторанов весьма недвусмысленную беседу «прекрасной турчанки» с крупным деятелем германской разведки. После этого за Давидович было установлено тайное, но непрерывное наблюдение. Оно, однако, не дало результатов. Вскоре Давидович исчезла и появилась вместе с бароном в Нью-Йорке. Там английские агенты набрели на след запечатанного чемодана, который Давидович хранила в одном из банков. Познакомившись с содержимым чемодана, английская контрразведка могла передать американской полиции материалы, достаточные для ареста шпионки и «барона». Она отказалась давать показания и через некоторое время покончила самоубийством в камере тюрьмы. Быть может, самоубийство было мнимым, и к нему приложила руку немецкая разведка.

Надо оговориться, что «роковые красавицы» несравнимо реже встречались среди агентов разведки, чем на страницах бесчисленных бульварных романов о шпионах. Но все же встречались. Это были специально отобранные, тщательно обученные агенты, которым поручалось проникать в высшие слои общества, в правительственные сферы той или иной страны, чтобы, используя распущенность нравов и продажность буржуазных и аристократических верхов, добывать особо важную информацию.

В этом амплуа «роковой женщины» ряд лет подвизалась английская разведчица, известная под именем Флора. Об ее происхождении не было известно ничего определенного — одни

считали ее ирландкой, другие — австриячкой. Она явно получила хорошее воспитание и свободно владела доброй дюжиной языков. Когда ее направляли с секретным поручением в какую-нибудь страну, то поручение ввести Флору в высшее общество давалось кому-либо из дипломатов или связанных с разведкой крупных дельцов. Щедро снабженная деньгами и принимавшая то одно, то другое аристократическое имя. Флора с успехом действовала в Италии, Австро-Венгрии, Турции и других странах

В июне 1915 г она познакомилась в Монтре и стала любовницей «профессора» Эрардта, одного из руководителей немецкого шпионажа в Швейцарии. Однажды они обедали в доме «профессора». Отослав немца за какой-то вещью, шпионка попыталась проникнуть в комнату, где Эрардт хранил списки своей агентуры. Однако в комнату ворвался секретарь Эрардта, которому давно казалась подозрительной красивая знакомая его шефа. Вернувшийся Эрардт в гневе решил тут же передать Флору как воровку в руки швейцарской полиции. Но разведчица, рыдая, умоляла его любой ценой избавить ее от скандала, обещая взамен раскрыть секреты английского шпионажа. Приманка оказалась слишком заманчивой, и оба немца — начальник и секретарь — клюнули на нее. Они отпустили Флору только после многочасового допроса, выведав, как им казалось, массу важных сведений. Нечего говорить, что все эти сведения были, очевидно, заранее подготовленной выдумкой, и потребовалось немного времени, чтобы «профессор» взамен благодарности получил из Берлина резкий выговор за ложную информацию.

В 1916 г. Флора действовала и в Бельгии, собирая информацию о передвижении немецких войск. С голландским паспортом на имя Флоры Ванполанд в самый разгар войны, Флора разъезжала по Германии, посетив Берлин, Гамбург, Мюнхен и другие немецкие города. Заведя любовные связи с морскими офицерами в частности с капитаном броненосного крейсера «Кронпринцесса Сесилия», Флора похитила немецкий секретный код, причем ее незадачливый любовник побоялся сообщить начальству о краже. Похищенный шифр сослужил англичанам огромную службу во время Ютландского морского сражения. За этот шифр Интеллидженс-сервис заплатила Флоре 800 фунтов стерлингов. Ее еженедельное жалованье равнялось 25 фунтам — значительно больше, чем у других агентов. Флора активно действовала и после войны. К сожалению, невозможно определить, что в рассказах об ее деятельности относится к области фантазии (очень подозрительна, в частности, история с шифром, похищение которого приписывалось многим разведчикам). Это, впрочем, следует сказать и об историях других разведчиц, подвизавшихся в амплуа «роковых красавиц».

Легенда о Мата Хари

О жизни этой женщины сложились легенды. Распространительницей первой из них была сама Мата Хари, другая легенда была во многом порождена этой первой.

Мата Хари стала героиней романа Бланке Ибаньеса, не говоря уж о многочисленных в свое время популярных произведениях второстепенных писателей в Англии, Франции и Германии, которые были посвящены жизни знаменитой шпионки, о бесчисленных книгах на Западе, где излагалась история ее жизни, о голливудском фильме, где роль Мата Хари исполняла знаменитая киноактриса Грета Гарбо.

…В 1905 г. пресыщенное парижское общество клюнуло на пряную диковинку — восточные танцы с раздеванием. Их исполнительница Мата Хари, не лишенная артистических способностей, скоро стала модной танцовщицей и получала баснословные гонорары за свои выступления. Рассказывали, что актрису воспитали на юге Индии, в полумраке таинственных храмов. Ее похитил английский офицер, за которого она вышла замуж. Ребенок, родившийся от этого брака, был отравлен слугой — индусом-фанатиком, мстившим Мата Хари за измену богам. Мата Хари сама задушила убийцу. Вскоре умер муж, и оставшаяся одинокой, без всяких средств Мата Хари стала танцовщицей. Когда специалисты обратили внимание на то, что ее танцы напоминают скорее индонезийские, чем южноиндийские, легенда подверглась изменению.

По новой версии, Мата Хари была дочерью голландского фермера и яванки — отсюда европейские черты лица у этой смуглой красивой брюнетки. Ее увез из монастыря не офицер, а

священник, но они скоро рассорились. Мата Хари вернулась под родительский кров и потом, не поладив с матерью, попала в индонезийский храм. Оттуда ее вторично похитил английский офицер. Далее история рассказывалась, как и в ее «индийском» варианте.

Сделавшись знаменитой артисткой, Мата Хари стала и великосветской куртизанкой. Легенда расцветила этот факт, утверждая, что возлюбленными Мата Хари была добрая половина кронпринцев, министров и генералов. Купаясь в золоте, Мата Хари тратила больше, чем получала. Этим воспользовалась германская разведка и превратила ее в самого эффективного своего агента. Неоднократно приезжая в Париж накануне и во время первой мировой войны. Мата Хари через своих многочисленных любовников добывала самые важные военные тайны и передавала их немцам. Она сообщила им о планах нескольких французских наступлений, которые захлебнулись в крови. Ее деятельность стоила жизни многим десяткам тысяч французских солдат. Мата Хари выдала немцам французских разведчиков, действовавших в Германии, которые были казнены немцами. С помощью «дипломатии подушки» шпионка узнала о дате отплытия крейсера «Хэмпшир», на котором находился английский главнокомандующий лорд Китченер. Крейсер был потоплен торпедой, пущенной с немецкой подводной лодки, и Китченер погиб вместе со всем экипажем.

Мата Хари пыталась завербоваться на службу во французскую разведку — Второе бюро, чтобы добраться до ее секретов. Но здесь шпионку ждало разочарование. Представитель Второго бюро капитан Ладу не поверил ей. Агенты, связь с которыми ей поручили завязать в Бельгии, были шпионами-двойниками. Когда немцы их казнили, стало ясно, на кого работает Мата Хари. Французы добыли немецкий код и расшифровали телеграмму, посланную германской разведкой из Мадрида в Антверпен. В ней сообщалось, что «Х—21» — номеру, под которым значилась у немцев Мата Хари, — посланы 15 тыс. франков на работу в Париже. Мата Хари была арестована 13 января 1917 г. Она отрицала все, но была ошеломлена, узнав, что французам известен немецкий шифр. Ее судили и приговорили к смерти, но Мата Хари считала, что ее выручат многочисленные поклонники. Ходили слухи, что за танцовщицу ходатайствовали два короля, германский кронпринц, премьер-министр Голландии. Утверждали даже, что любовники шпионки подкупили солдат, которые стреляли холостыми патронами. Встречались люди, которые уверяли, что видели Мата Хари через много лет после ее казни — 15 октября 1917 г. Появлялись обманщицы, именовавшие себя Мата Хари.

Действительная история ее жизни, ставшая во многом известной в последние годы, мало походит на легенду. Настоящее имя Мата Хари — Маргарита Гертруда Зелле. Она родилась в 1876 г. и была чистокровной голландкой. К началу первой мировой войны ей было уже около 40 лет. Мата Хари была женой офицера колониальных войск, шотландца Р. Маклеода, с которым жила несколько лет в Индонезии, разошлась в 1902 г. и вернулась в Европу. Мата Хари была довольно способной актрисой и имела шумный успех у великосветских прожигателей жизни, хотя сведения о ее высокопоставленных любовниках крайне преувеличены. Вымыслом оказалось и то, что Мата Хари якобы училась в германской разведывательной школе в Лоррахе, в Баварии. Она предложила свои услуги и агентам немецкой разведки в Голландии, но, вероятно, не собирала для них никакой шпионской информации. Та же история повторилась с французской разведкой. Мата Хари встречалась с несколькими немецкими военными и разведчиками, но вполне возможно, что они были ее любовниками. Не удалось обнаружить никаких вещественных доказательств того, что Мата Хари действительно занималась шпионажем или тем более что она открыла немцам хотя бы одну из тех многочисленных военных тайн, в передаче которых ее обвиняла молва. Попытка Мата Хари поступить на службу во Второе бюро, вероятнее всего, была связана с отсутствием у нее в это время денег, что и утверждала танцовщица на следствии. Ее приезд в Париж после того, как она за границей не выполнила никаких поручений капитана Ладу, говорит о том, что Мата Хари не совершила ничего наказуемого по закону. Напротив, если она была шпионкой, то ее возвращение во Францию трудно объяснить. После первой мировой войны, когда немцам уже не было никакого смысла замалчивать свои успехи, руководители кайзеровского шпионажа (включая известного полковница Вальтера Николаи — наставника гитлеровцев) отрицали, что танцовщица работала на германскую разведку. А ведь они не упускали случая блеснуть своими достижениями.

…После ареста Мата Хари предварительное следствие по ее делу было поручено следователю военного министерства капитану Бушардону, участвовавшему в ряде политических процессов того времени (а также в судебных процессах, происходивших после второй мировой войны).

При ознакомлении с материалами следователь должен был признать, что бесчисленные донесения французских агентов о всех действиях и переездах Мата Хари и ничем не подкрепленные подозрения совершенно перевешивали немногие факты, которые можно было считать действительными уликами. Конечно, танцовщица получала определенные суммы из Голландии, но вполне допустимо, что они были посланы ее любовником бароном ван дер Капелленом, который, несомненно, стал бы отрицать, что переводы шли от него. А ведь факт посылки денег и перехваченное донесение из Мадрида о «Х—21» составляли все улики, свидетельствовавшие о шпионской деятельности актрисы. «Вещественные» доказательства, найденные при аресте, стоили и того меньше. «Секретные» чернила, по утверждению арестованной, были просто каким-то снадобьем, которое она принимала.

При допросе Мата Хари изложила историю своей жизни, признав, что выразила согласие шпионить в пользу немцев, но отрицая, что на деле собирала какую-либо разведывательную информацию. Бушардон при допросе объявил ей: она скрыла от Ладу, что уже является немецким агентом, и в то же время — по ее собственному признанию — сообщила германскому военному атташе в Мадриде фон Калле о поступлении на службу во французское Второе бюро. Иначе говоря, будучи двойным агентом, она предавала не немцев, а французов. Другим аргументом Бушардона были связи танцовщицы с немалым числом офицеров различных армий. Если бы она выбирала себе любовников, руководствуясь только денежными расчетами, она явно нашла бы более богатых поклонников. На это арестованная возражала, что ее выбор определялся и ее личными симпатиями. Когда Ладу, давая показания, подчеркнул, что Мата Хари скрыла от него, что поступила на немецкую службу, она ответила, что не осмелилась в этом признаться. В ходе последующего допроса она прибавила, что Ладу ничего ей не платил и поэтому она не была обязана раскрывать свои секреты.

Во время процесса, начавшегося 24 июля 1917 г.. Мата Хари повторила свои показания, данные на предварительном следствии. Выступавшие свидетелями бывший министр и крупный чиновник дружно уверяли, что они, хотя и являлись любовниками Мата Хари, никогда не говорили с ней о государственных делах и что она никогда не интересовалась никакой военной информацией. На суде фигурировало любовное письмо к Мата Хари от какого-то министра. Несмотря на то что заседания трибунала проходили в полной тайне, печать сообщила, что оно подписано фамилией, начинавшейся на букву М и кончавшейся на И. Газеты решили, что речь идет о бывшем министре внутренних дел радикале Луи Жане Мальви. Между тем письмо было написано генералом Мессими, занимавшим в 1914 г. пост военного министра. Однако этот самодовольный бездарный жуир, своей халатностью и ленью нанесший немало вреда французской армии, остался вне критики, на его защиту стеной встала реакционная военная клика.

На процессе Мата Хари не было приведено никаких дополнительных доказательств сверх того, что стало известным во время следствия. Но для членов военного трибунала и имевшихся свидетельств было довольно. Попытки адвоката Клюне выявить слабость предъявленных улик разбились о стену предубеждения военных судей, решение которых было уже принято. После смертного приговора, вынесенного Мата Хари, прокурор Морне заметил одному другу: «Ба, все улики в этом деле гроша ломаного не стоят!» Стоит ли удивляться, что некоторые авторы новейших работ, например С. Ваагенаар, пишут о юридическом убийстве Мата Хари? Такой вывод, во всяком случае, более соответствует истине, чем легенда о «королеве шпионажа».

«Фрау доктор»

Вымышленная история жизни Мата Хари в ряде случаев переплетается с легендой о «фрау доктор». Эта легенда также возникла еще в годы первой мировой войны. Даже поражение Германии и настойчивые поиски журналистов в послевоенные годы не опровергли эту легенду. А когда в Германии пришли к власти гитлеровцы, легенда расцвела еще более

пышным цветом на страницах западной печати. За отсутствием реальной информации о многих делах, творившихся в «коричневом рейхе», стали плести фантастические небылицы и видели руку «фрау доктор» чуть ли не в половине преступлений гитлеровской секретной службы.

Особенность легенды заключается прежде всего в том, что на роль «фрау доктор» она выдвигает целый ряд действительных или мнимых немецких разведчиц. Женщиной «с тигриными глазами» различные авторы именовали фрау Кер, фрейлейн Янссен, Берту Хейнрихсен, Анну Марию Лессер, Марту Шрагмюллер. «Фрау доктор» представляли в виде «роковой красавицы», объявляли любовницей почти всех кронпринцев Европы, приписывали различные романтические истории, объявляли организатором многочисленных действий германской разведки. Даже версии о смерти «фрау доктор» были совершенно различными. По одним утверждениям, она была расстреляна в 1914 г. русскими, знавшими ее по довоенному времени в Вене в качестве немецкой разведчицы. В этом случае отпадали все сведения о действиях «фрау доктор» после 1914 г. в Бельгии, Швейцарии, Париже и т.д. Другие объявляли, что она умерла уже после войны, покончив жизнь самоубийством, попав в сумасшедший дом или отравившись наркотиками. И здесь, таким образом, большой диапазон. Существуют многочисленные рассказы о жестокости и проницательности «фрау доктор», неизменно повторяется история о том, как она приказала покончить самоубийством эксперту, после того как выявилась эффективность танков, идею создания которых он объявил нелепостью.

«Фрау доктор» внимательно следила за своими агентами. Когда один из них в Париже стал развлекаться в обществе танцовщицы, его встретил на бульваре незнакомец и шепнул: «Вы забыли советы фрау». «Фрау доктор» отправляла на верную смерть ставших бесполезными агентов, выдавая их контрразведке Антанты. Эти «шпионы-болваны» должны были, кроме всего прочего, отвлекать внимание от действительных агентов. (Подобную же тактику, впрочем, использовали и разведки Антанты.) В 1954 г. Бернард Ньюмен в Мюнхене сумел получить сведения о «фрау доктор» (точнее, «фрейлейн доктор») у ее родной сестры.

Элизабет Шрагмюллер (таковы были действительные имя и фамилия «фрау доктор») родилась в 1886 г. в деревне около Дортмунда. Отец ее был деревенским бургомистром. Элизабет окончила университет во Фрейбурге, получив диплом доктора философии. В 1914 г. она — не без больших хлопот — устроилась на работу в военной цензуре в Бельгии. Шрагмюллер отличилась на этой работе, и глава германской оккупационной администрации в Бельгии генерал фон Безлер рекомендовал ее отделению германской разведки в Антверпене. Шрагмюллер стала допрашивать арестованных разведчиков Антанты. Ее успехи в этой области были также замечены, и полковник Николаи добился присвоения ей чина лейтенанта.

Так Шрагмюллер стала единственным офицером-женщиной в кайзеровской армии. Элизабет окончила разведывательную школу и стала, в свою очередь, одним из преподавателей и руководителей известной немецкой школы шпионов в Антверпене. Однако Элизабет не посылали с разведывательными целями за границу, и она не была той коварной соблазнительницей, о которой столь красочно рассказывает легенда. Многие эпизоды легенды, правда, имеют основание. Англичанам удалось заснять многих входивших в здание, где помещалась Антверпенская школа, и отсюда могла родиться версия о том, как «фрау доктор» сознательно посылала на смерть немало своих агентов, сообщая тем или иным путем сведения о них антантовским разведкам. Некоторых учениц «фрау доктор» принимали за нее саму. Но эту ошибку допускали лишь журналисты, а не разведчики Антанты.

После окончания войны Шрагмюллер, разумеется, покинувшая Бельгию вместе с германскими войсками, читала лекции по политической экономии во Фрейбурге, а когда появлялся спрос — то и лекции об «опыте войны». В эти годы Элизабет Шрагмюллер была уже серьезно больна. Ее брат Иоганн стал активным нацистом и после прихода гитлеровцев к власти получил пост начальника полиции в Магдебурге. Он многое знал о том, как готовилась гитлеровская провокация — поджог рейхстага, и, вступив в конфликта Гиммлером, угрожал ему разоблачениями. Поэтому в «ночь длинных ножей» — 30 июня 1934 г. — Иоганна Шрагмюллера гиммлеровские молодчики прикончили в числе многих сотен нацистов, которых считали недостаточно верными фюреру. После этого, конечно, у Элизабет Шрагмюллер не было никаких надежд на карьеру в ведомстве Генриха Гиммлера. Гестапо произвело даже обыск на ее квартире. «Фрау доктор» умерла в феврале 1940 г., и сразу же после смерти ее

бумаги были конфискованы гитлеровскими властями, в том числе интересный дневник.

Элизабет Шрагмюллер была контрразведчицей, преподавателем шпионской школы. Кроме Германии она находилась во время войны только в Бельгии. Хотя она вовсе не была «роковой красавицей» и не могла совершать приписываемых ей шпионских «подвигов», «фрау доктор» являлась специалистом своего дела. Советы, которые она давала ученикам Антверпенской школы, до сих пор повторяются многими экспертами по вопросам разведывательного дела. В этих советах «фрау доктор» рекомендовала неустанно тренировать память, действовать по возможности одному, не доверяя «туземцам», остерегаться случайных связей, в результате которых можно попасть в сети вражеской контрразведки.

В числе инструкций «фрау доктор» были такие: никогда не вступать в переговоры с будущим агентом иначе, как на избранном вами месте; лучше беседовать с человеком, утомленным долгой дорогой, взволнованным и опасающимся вас, тогда как вы сами должны быть свежим и бдительным; не следует охотиться только за каким-то одним «сведением» — так можно легко себя выдать; следует собирать любую полезную информацию, даже по мелочам, не показывая внешне никакого интереса к ней; когда вы должны фиксировать данные, то лучше всего делать это в форме записи личных расходов (если вы увидели 10 морских пушек, отметьте, что вы истратили 10 шиллингов); при сжигании писем необходимо развеять пепел, иначе криминалист может многое обнаружить; следует избегать чрезмерной изощренности в способе доставки информации, если нет абсолютной уверенности в новом методе, лучше использовать уже испробованную технику; никогда не надо напускать на себя таинственность, кроме случаев, когда она может понравиться вашему агенту и повлиять на его усердие; нужно скрывать свои лингвистические знания, это поощрит других говорить в вашем присутствии.

Среди советов «фрау доктор» была также рекомендация: читай библию (точнее, рассказ о деяниях Моисея). Но, как справедливо отмечают исследователи, сама «фрау доктор», может, не по своей вине, плохо следовала примеру библейского пророка. Ведь Шрагмюллер работала с очень сомнительным людом. И добилась весьма посредственных успехов.

Еще в годы первой мировой войны ходили слухи о связи «фрау доктор» с Мата Хари. Сестра «фрау доктор» в беседе с Ньюменом подтвердила эти слухи. По ее словам, один из руководителей немецкой разведки, майор Кефер, и Элизабет Шрагмюллер специально приезжали из Антверпена в Кельн, чтобы встретиться с Мата Хари и передать ей инструкции. «Фрау доктор» говорила о Мата Хари как о «неразорвавшемся снаряде» и считала, что капитан Ладу оказал услугу немцам, избавив их от ненужного агента.

Этот рассказ, однако, вызывает серьезные сомнения. В нем опять все неясно. Зачем Мата Хари было нужно получать инструкцию от тогда еще совсем недавно принятой в разведку «фрау доктор»? Да и весь этот эпизод не мог происходить ранее 1915 г., когда Элизабет Шрагмюллер поступила на службу в антверпенское отделение немецкой секретной службы, а ведь, по легенде, Мата Хари стала шпионкой еще задолго до войны.

Следует, однако, учитывать, что, хотя основой для легенды о «фрау доктор» послужила жизнь Элизабет Шрагмюллер, отдельные эпизоды взяты и из истории других немецких разведчиц, в частности «фрейлейн доктор», как называли Анну Марию Лессер.

Через много лет, 23 августа 1934 г., в английской газете «Дейли экспресс» было опубликовано сообщение, что в санатории около Цюриха умерла больная Анна Мария Лессер. Перед смертью она призналась, что ее настоящее имя Элизабет Шрагмюллер и что именно она предала Мата Хари, поскольку германская разведка решила избавиться от ставшего обузой агента. В организации этого дела якобы участвовал будущий главарь гитлеровского абвера Вильгельм Канарис, в то время молодой офицер. Этому, кажется, нет никаких документальных подтверждений. Сама же «исповедь» явно является отзвуком легенд о Мата Хари и о «фрау доктор».

Заключение

Перевернута последняя страница книги. Пора подводить итоги. А, впрочем, стоит ли? Мы ведь не писали научного исследования, о чем заранее предупредили читателя. К тому же среди героев невыдуманных рассказов этой книги трудно найти не только образец для подражания —

не об этом, понятно, речь, — а просто нормальное человеческое лицо, без шакальего оскала или лисьей усмешки.

Как мог убедиться читатель, в Европе секретная служба неизменно фигурировала в качестве составной части государственной машины еще начиная с позднего средневековья и на всем протяжении истории нового и новейшего времени. Большее или меньшее ослабление роли и активности секретной службы как особой организации отнюдь не было обязательно равнозначным ослаблению разведки как одного из средств, с помощью которого буржуазное государство обеспечивало выполнение своих внутренней и внешней функций. Частичный отказ от «неофициальной», тайной дипломатии обычно свидетельствовал только о том, что с ее делом вполне справляется дипломатия официальная с помощью скрытых от постороннего взгляда ходов. Свертывание разведывательных организаций означало нередко, что их работа могла обеспечиваться другими ведомствами — внешнеполитическим, военно-морским, военным, колониальным и т.д.

Рутинная дипломатическая и военная разведка велась непрерывно, по крайней мере после образования в конце средних веков в Европе крупных абсолютистских государств. В разные периоды на передний план выдвигались различные виды и формы разведки и контрразведки. В одних случаях это был «только» шпионаж — сбор секретной информации о других странах, сведений, являвшихся государственной тайной, в других — совмещение разведки с организацией и участием в заговорах против враждебного правительства, переманиванием на свою сторону неприятельских генералов, попытками устранения или даже физического уничтожения «неугодных» государственных деятелей. В этих случаях значение разведки, воздействие, оказывавшееся ею на ход политической борьбы в других странах, возрастало. Однако сама возможность организации или использования ею подобных методов зависела от политической обстановки в той или иной стране. Такая возможность, как правило, появлялась при возникновении острых политических кризисов, в условиях назревавших социальных потрясений, гражданской войны.

Именно в такие периоды, когда увеличивались удельный вес и роль тайной войны в судьбах народов и стран, возникали и нередко приобретали самостоятельное значение мифы, приписывавшие спецслужбам то, чего они не могли да и не стремились достигнуть.

Тайная война, как и вообще война, — это продолжение политики другими средствами. А политика — это искусство возможного, свидетельство чему, конечно, или, вернее, прежде всего — история тайной войны в современную эпоху. Однако об этом надо рассказывать в другой книге, посвященной истории разведки в новейшее время.